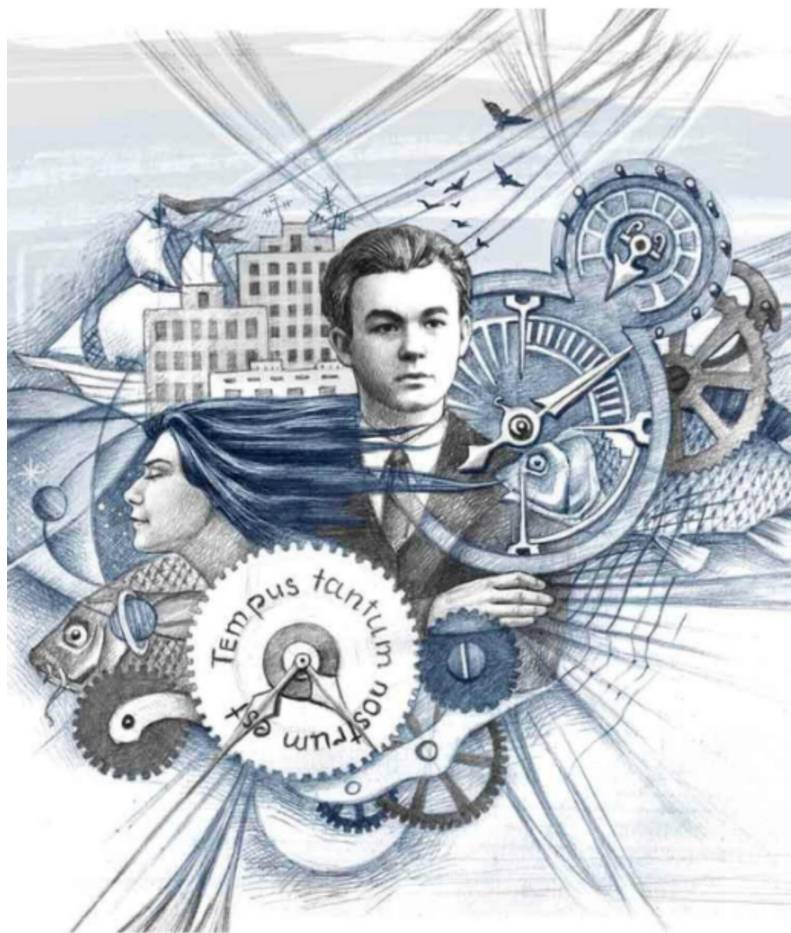


ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ



ЮЛИЙ ГАРБУЗОВ

Юлий Гарбузов

Полное собрание сочинений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70193449

SelfPub; 2023

Аннотация

Юлий Гарбузов родился в 1941, в селе Енакиево, Донбасс. Потом жил в Запорожье, поступил в Харьковский политех, преподавал в Харьковском институте радиоэлектроники. Умер 2018 р. Написал большую часть произведений на пенсии, в свои последние годы жизни. Воспоминания, фантастика.

Содержание

Предисловие	8
Байки деда Гордея	11
Волк на заставе	23
Вселенские уравнения	72
Книжный лоток	379
Колдовской туман	385
Красный рыцарь	395
Крокодилы в приволжском озере	404
НЛО над «Электроном»	407
Ночь у гроба с покойником	416
Огневик	422
Птичка	455
Наследие Бога Нингирсу	546
Роман «Жито и плевелы»	613
1. Пролог	614
2. Ампилов	618
3. Общежитие	625
4. Дед Гордей	651
5. Поступление	671
6. Колхоз (Не закончено)	752
7. Ложка дегтя в бочке меда (Не закончено)	794
8. Елка-елка, зеленая иголка! (Не закончено)	798
9. Студент-лектор (Не закончено)	800

10. Лагода – Ампинову	806
11. Кабан	811
12. Практика на полигоне	817
13. Журавли и паровоз (Не закончено)	853
14. Лекция Бурлакова в центральной лектории (Не закончено)	858
15. Сюрпризы старого Днепра	859
16. Подделка подписи	874
17. Собеседование	884
18. Возвращение в альма-матер	904
19. На праздник выпала лабораторная работа! (Не закончено)	918
20. Предновогоднее заседание кафедры	925
21. Наклонная свая и ящик коньяка	954
22. Премия за радиокорпус	968
23. Пистолет	983
24. Встреча с Борисом Романовичем	1023
25. Хлористый палладий	1030
26. Цирк выездной	1048
27. Пистолет и школа (Не закончено)	1075
28. Шалман (Не закончено)	1079
29. Досмотр чемодана	1081
30. Голый рижка (Не закончено)	1092
31. Туфли из Парижа	1096
32. Какая диссертация?	1106
33. Игра на «гудок»	1124

34. Вкус халвы	1137
35. Переход кафедры (Не закончено)	1151
36. Полимеризация лака (Не закончено)	1153
37. Увольнение	1155
38. Поймал на слове (Не закончено)	1171
39. Метизы и спирт (Не закончено)	1173
40. Как в стойле	1179
41. Командировка в Москву	1196
42. Провод «МГШВ»	1227
43. Опоздание к заказчикам	1244
44. Визит в общежитие	1262
45. Сеня на заседании кафедры	1285
46. Конференция в Томске	1302
47. У Исакова второй сын родился (Не закончено)	1360
48. Проблема дураков (Не закончено)	1362
49. Вокалистка (Не закончено)	1364
50. Ампиоров и Маврович (Не закончено)	1367
51. Критика рецензии Краус (Не закончено)	1371
52. Лаборант Лищук	1373
Стихи	1421
Цигани	1422
Козацька пісня	1424
Вовкулаки	1427
Шлюз	1429
Шлюз II	1663

История кафедры ОПТ	1923
Достижения радиолокационных астрономических исследований метеоров в Харькове	1948
Лікарка	1965
Es gibt die Dinge, die besser nicht zu haben sind; es gibt die Kräfte, mit denen es besser ist nicht zu spielen.	1968
У подъезда	1970
Чорногузиха	2046
Аморфный лед	2047
Smentarz	2048
Цветы на даче	2049
Двойники (Не закончено)	2157
Planteogre	2158
Как Бог парует (Не закончено)	2167
Саган-Рог (Не закончено)	2169
Лес Антарктиды (Не закончено)	2176
Ночное возвращение (Не закончено)	2183
Ночной визитер Любви Алексеевны (Не закончено)	2185
Пророчество (Не закончено)	2191
Проклятие компьютера (Не закончено)	2192
Психотерапия (Не закончено)	2194
Разумный дом (Не закончено)	2199
Ромео з Шипшинівки (Не закончено)	2200

Как Павел Филлиппович от рака излечился (Не закончено)	2203
Молодой человек (Не закончено)	2205
Однажды в метро (Не закончено)	2208
Расстрел в лесу (Не закончено)	2211
SOS по космосу (Не закончено)	2212
Sapienti sat (Не закончено)	2213
Старый инок	2214
Удар молнии (Не закончено)	2215
Удивительный ресторан (Не закончено)	2218
Мой трансцендентальный сон (Не закончено)	2219
Курсор отсчета времени (Не закончено)	2232
Законы в нас самих (Не закончено)	2234
Еврейская притча (Не закончено)	2238
Национальный университет ХИРЭ (Не закончено)	2241
Этот сайт предназначен:	2245

Юлий Гарбузов

Полное собрание сочинений

Предисловие

Автор этой книги, Юлий Викторович Гарбузов – член нашего литературного объединения МСПУ (Межрегиональный союз писателей Украины), так что с ним я познакомилась, как говорится, не вчера. Но всякий раз, читая его новый рассказ, я неизменно радуюсь и удивляюсь столь разнообразным граням его таланта.

Этот человек обладает глубокими, где-то даже энциклопедическими, знаниями в целом ряде областей: истории, русской и всемирной литературе, радиотехнике. Зная, кроме наших родных украинского и русского языков, еще и польский, французский и немецкий, он профессионально занимается официальными переводами научно-технических, исторических, деловых, юридических, медицинских и других текстов.

О себе он много не рассказывает. Не гоняясь за славой, он постоянно работает над собой, много читает, не перестает учиться, критически анализирует собственное творчество.

Тематика его рассказов, в соответствии с широтой кругозора автора, очень разнообразна. Это и связь человека с природой («Волк на заставе» – кстати, рекомендую – великолепная повесть!), и сложные вопросы служебных, зачастую непростых, как это и бывает в жизни, взаимоотношений между людьми (повесть «Вселенские уравнения»), и глубоко личные, чисто человеческие аспекты нашей жизни. Последнее встречается во многих его произведениях.

У Юлия Викторовича несомненный дар писателя-фантаста. Фантастики у него довольно много: «Сила желания», «Птичка», уже упомянутые «Вселенские уравнения». Перечисление заняло бы много времени и бумаги, но вот что интересно – фантастика у него не просто ради занимательности! Сквозь фантастические сюжеты, несмотря на их богатство и разнообразие, а, может быть, именно в силу этих качеств, прорывается чисто реалистичное человеческое стремление к добру, справедливости, любви, красоте наших помыслов и поступков. Читатель, вовлекаемый автором в его фантастический мир, начинает и сам вместе с больным мальчиком страстно желать ему выздоровления и как бы силой своего желания помогает ему преодолеть тяжелую болезнь! Более того, я думаю, рассказ «Сила желания» может помочь людям осуществить свою мечту: ведь если она чиста, благородна, то непременно сбудется. Спасибо, Юлий Викторович, Вам за это!

В произведениях о жизни институтского научного кол-

лектива все правдиво и узнаваемо: я утверждаю это с полной ответственностью, так как сама много лет проработала в высшем учебном заведении и знаю эту тему не понаслышке. Интересно, что персонажи у Юлия Викторовича на описываемой кафедре – все разные, с разными характерами, поступками и присущей им манерой высказываться. Напоминать сюжеты нет смысла, но надо сказать, что влияние прозы Юлия Викторовича на читателя довольно глубоко захватывает и философию с ее радостным утверждением жизни. Читая его произведения, не только переживаешь все события вместе с персонажами, но и невольно ощущаешь себя их свидетелем и даже участником.

Язык его произведений просто безупречен.

О других достоинствах его творчества тоже не надо много говорить, так как чисто художественное значение его прозы заслоняется важной тематикой, а ведь это высшая похвала мастерству писателя, когда художественные достоинства настолько органичны, что просто не бросаются в глаза.

Читайте книгу Юлия Викторовича «Вселенские уравнения» и убедитесь в этом сами!

Татьяна Стогова
Харьков

Байки деда Гордея

Повесть

Наш город еще стоял в послевоенных развалинах, но многие дома уже окружали строительные леса. ДнепроГЭС к тому времени частично восстановили, и в некоторых домах появилось электричество, в том числе и в нашем. Теперь по вечерам можно было делать уроки при электрическом освещении, которое казалось таким ярким! Не то что ранее – при коптилке, керосиновой или карбидной лампе. Для нас, школьников того времени, разбитые, изуродованные войной здания были настолько привычны, что без них мы и не представляли себе городского ландшафта. Страна постепенно поднималась из руин. Детей одевали, во что придется, порой совсем даже не по росту. На это никто не обращал внимания. Главное, чтобы прикрыть наготу да худо-бедно уберечь от холода. Родители работали с утра до вечера, а дети, целыми днями предоставленные сами себе, кое-как выполнив школьные задания, с шумом носились по улицам, гурьбились во дворах, сквериках и развалинах, играли в «пристеночек», в «битки», в «пекаря» и, конечно же, в «войну».

Зимой мы отводили душу на коньках и санках, а летом целыми днями пропадали на Днепре. Всем нам, конечно же, строго-настрого запрещалось ходить на реку без взрослых, но этот запрет систематически нарушался, несмотря на суровые наказания. Уж больно велик был соблазн.

Мальчишки в большинстве своем плескались в Днепре, наслаждаясь летом, солнцем и свободой от занятий. Школьники всех возрастов валялись на горячем песке, стараясь загореть как можно сильнее, плавали на остров Хортицу, где росли обильно плодоносящие шелковицы, дикие груши, кислицы и густые колючие кусты ежевики, усеянные крупными сочными ягодами, от которых чернели губы, языки и пальцы.

Многих увлекали ловля раков, в изобилии водившихся в озерах острова, и добывание длиннохвостых кувшинок. А наиболее терпеливые удили рыбу, особенно на Старом Днепре. Так называется рукав реки, охватывающий остров Хортицу справа по течению. Берега Старого Днепра скалисты, величественны, и течение там было настолько стремительным, что у отрогов скал бурлили многочисленные водовороты и пенились шумные буруны. На серых гранитных утесах там и сям располагались рыбаки, напряженно ожидавшие клева: одни ради развлечения, а другие – дабы обеспечить какую-никакую прибавку к скудному семейному бюджету. Рыбацкая публика была самой что ни на есть, разношерстной. Склонившись над удочками, на прибрежных кам-

нях сидели рабочие и служащие трансформаторного завода, медики, работники торговли и сферы обслуживания, научные сотрудники, преподаватели, милиционеры, военные, пенсионеры и, конечно же, вездесущие мальчишки.

Особо колоритной личностью среди рыбаков был, конечно же, дед Гордей. Это был долговязый старик с крупными чертами лица и жилистыми узловатыми руками. Возраста его никто точно не знал, но, судя по тому, что в эту войну он не воевал по старости лет, ему было далеко за семьдесят. Однако его участие в Первой мировой и гражданской войнах было неоспоримо. Левую сторону лица деда Гордея пересекал глубокий сабельный шрам, проходящий наискось от середины лба через глаз до мочки уха. Место, где когда-то был левый глаз, дед заклеивал круглым куском пластыря, из-под которого время от времени сочилась слеза. Его зубы были целы все до единого, и рыбаки говорили, что несмотря на возраст, улыбка у него хоть и скупая, но молодая. Дед Гордей носил широкополую соломенную шляпу и даже в летний зной был одет во все теплое: стеганые брюки и куртку. «Кровь уже не греет», – отшучивался дед от насмешек по поводу такого одеяния. Огромные рабочие ботинки, тяжеленные, прочные и никогда не зашнурованные, свободно болтались на его босых ногах.

Дед был профессиональным рыбаком и промышлял исключительно коропа, то есть был «коропятником», как говорят в тех местах.

Курил дед Гордей одну сигарку за другой с короткими перерывами. Его жена, баба Маша, приходя забирать наловленную рыбу, приносила по несколько пачек «Примы», «Памира», «Севера» или «Спорта», а также скромную еду: краюху самопёклого хлеба, бутылку молока, кусок сала, несколько луковиц, огурцов, помидор, немного соли в спичечном коробке и иногда пару вареных яиц.

Баба Маша, женщина крупная и осанистая, была, в отличие от мужа, немногословной. Когда летний зной начинал спадать, она к месту дедовой рыбалки приводила выдавший виды немецкий велосипед с прочно прикрепленной к багажнику сапеткой. В ней под слоем шелковистой зеленой травы лежала еда для деда и его неизменного спутника Рушя – небольшого черненького кобелька с белой грудкой и такой же беленькой мордочкой. Забрав продовольствие, дед аккуратно укладывал в сапетку пойманную рыбу и тщательно укрывал травой. Затем баба Маша уводила старый велосипед в рабочий поселок, где хозяйки охотно раскупали у нее живых, еще трепещущих крупных, толстоспинных коропов. В седло же она не садилась никогда.

На еду дед был не очень охоч, но курево у него словно улетучивалось. Тогда он ужасно мучился, и если у кого-то рядом были часы, поминутно спрашивал время в ожидании прихода бабы Маши. А когда было совсем невтерпеж, просил закурить у соседей. Причем, делал он это крайне неохотно. Рыбаки, делясь со стариком куревом, подтрунивали над ним

и часто заставляли «отрабатывать» байками, на которые дед по праву считался непревзойденным мастером. Мальчишки обожали слушать дедовы байки, старались их запомнить как можно точнее и потом вечером, подражая дедовой лексике и говору, пересказывали во дворе или дома, вызывая восторг своих собеседников.

Лексика деда Гордея была своеобразной и всем казалась забавной. Ребяшня часто задавала ему какие-нибудь вопросы лишь для того, чтобы только послушать, как говорит дед Гордей. А уж если он рассказывал очередную байку...

Байка первая. Про «хохла», «кацапа» и грамматику

Клева не было. Рыбаки лениво и скупно перекидывались короткими репликами. Дед Гордей, меняя наживку, тихо напевал себе под нос: «Меж крутых бережков быстра речка тячоть, а по ёй по волнам старый лапоть плывёт».

– Это ты про себя, дед, что ли? – лениво спрашивает Карпо, шофер из заводского гаражного хозяйства.

– Да может и про тебе, когда состарисси!

– Дед Гордей! А откуда ты родом? – интересуется Карпо.

– Из Расеи.

– Так Россия большая!

– А я, чо ль, сказал, что маленькая?

– Да ты, дед, толком скажи, не виляй! Мы и сами видим, что ты кацап.

– Вот никогда так не говори?! – назидательно произносит дед, подняв кверху указательный палец.

– Это отчего же?

– А оттого, что Бог сперва создал цапа, а потом хахла да кацапа. А кацап хахла за ж..у – цап! И дзержыць у кляшшах! И будя такое, докуль живы обое!

Рыбаки смеются, а Карпо бросает в воду закрыху.

– Ты, дед, видать, из какой-то глухой глубинки. Иногда я тебя с трудом понимаю, – говорит Карпо с издевкой.

– Мяне? С трудом? Это ишшо почему же? Аль ты, Карпо, иноземец какой?

– Да речь у тебя уж очень неправильная.

– Как это – неправильная? – возмущается дед. – У тебе, что ли, правильная? Кто ж это может сказать, какая правильная, а какая нет?

– Правильная та, которая по правилам грамматики.

– Да ты глянь, какой грамотей выискалси! Как правильно говорить – это, Карпо, непонятно вообшшэ, что такое. Вот как говорить – это другое дело. У нас, откуль я родом, все говорить как я. Так для тамошних это правильно, а как здесь – нет. А для здешних – там не правильно, а тут правильно.

– Дед! Да для всех правила одни и те же.

– Выходит, немцы говорят неправильно, а мы – правильно? Или наоборот? Так, что ль, по-твоему?

– При чем тут немцы? У них другой язык, другие правила. Чтобы люди верно понимали друг друга, устанавливают

правила, которым учат в школе.

– Так в каждой деревне свои правила. Только их не все записали ишшо. Нужно говорить просто. И лишь то, что думаешь. И только правду. Тогда все верно всё поймут. Правдивые да умные слова разъяснять не надо.

– А ты Ленина почитай. Поймешь ты там что-либо?

– Сразу скажу, не читамши: как и ты – ничегоньки!

– Ну вот. Значит, надо все же разъяснять умные слова!

– Да откуль ты взял, что они у него умные? Раз непонятные, стало быть, не шибко умные.

– Это у Ленина-то не умные? – искренне удивляется Карпо.

– А что же ён – божество, что ль? Ну, в чем таком его большой ум?

– Да революцию сделал! Ты себе представляешь, что это такое?

– Дурное дело – не хитрое, – пренебрежительно бросает дед Гордей.

Карпо замолкает, делая вид, что завозился с удочкой. Другие тоже молчат, будто все их внимание сосредоточено исключительно на поплавах, крючках да наживках. Третьи начинают говорить на совершенно иные темы, словно вовсе и не слышали дедовых крамольных слов.

Байка вторая. Как Господь мир создал

Закурив последнюю папиросу из своего запаса, дед Гордей смял пустую пачку, положил на камень и поджег. Он всегда сжигал отбросы, которые могли гореть. Не любил старик оставлять после себя мусор. Перекинув удочки, дед полез было снова в карман за папиросами, да вспомнил, что там пусто, как у нищего в кошельке.

– У кого часы ёсць? Скольки врэмя там?

– Без пяти два уже, – отозвался пенсионер Фомич.

– Ох, янатить твою в кочерыгу! – мягко ругнулся дед. – Бабка-то моя только посля четырех прийдёт, а курить – ничегошеньки.

Дед явно рассчитывал на то, что кто-нибудь из рыбаков проявит сочувствие и угостит папиросой, сигаретой или щепотью махорки, но все безучастно молчали. Дед бесцельно порылся в вещмешке, а потом принялся гладить Рушая, изнемогавшего от жары. Пес, высунув язык, часто дышал и сочувственно смотрел на своего хозяина, но помочь ничем не мог. Наконец дед не выдержал.

– Фомич, а Фомич?

Фомич хитро ухмыльнулся.

– Чего тебе, дед Гордей?

– Сигареткой не угостишь, а?

Рыбаки, перемигиваясь, с интересом наблюдали за собеседниками.

– Угостить-то можно, но что я взамен получу?

– Да чё с меня взять-то? Весь наружи – гол, как сокол. А Бог вялить пополам дялить.

– Ну, хоть Расскажи что-нибудь.

– Сперва угости, тогда и Расскажу что, может, любопытное.

Фомич достал пачку «Памира», вынул сигарету и протянул деду. Тот тут же ловким движением положил ее за ухо и снова протянул руку.

– Никогда татары не живут без пары. Дай-ка до пары.

– Так мы ж, дед, не татары.

– А мы-ить – не хуже. И не лучше, к тому же.

Вторую сигарету дед проворно сунул за другое ухо и снова обратился к Фомичу:

– Бог, мил-человек, любить троицу!

– Ну и нахал же ты, дед! – смеясь, сказал Фомич, угощая деда третьей сигаретой.

Но дед и на этом не остановился.

– А четвертая-ть Богородица, – сказал он, намереваясь выдурить у Фомича еще одну.

– Имей совесть, дед! Половину всего, что у меня было, выклянчил. Хватит. Давай, рассказывай.

– Ну, будь, по-твоему. Расскажу, как Господь Бог мир створы?л. Годится?

– Валяй, дед, – подзадорил его работяга дядя Лёша. А ребятня, оставив удочки, поспешно обсела рассказчика и затихла в ожидании.

Дед размял сигарету, дважды погладил вдоль тремя пальцами, сдавил с одного конца, потом с другого, чиркнул спичкой и прикурил. С наслаждением затянулся, затем еще раз и, окинув слушателей взглядом, с важным видом начал повествование.

– Ну, так вот. Раньше, когда ишло ничего не было, были только Частивый дух да Нечастивый. И носилси Частивый над водою, а Нечастивый – за ним.

– Как же это? Вода ж, выходит, была? А ты говоришь, ничего не было, – перебил деда Фомич.

Пыхнув сигаретой, дед отмахнулся от дотошного пенсионера.

– Стало быть, воду Частивый ишло раньше створыл! Но да не в этом дело. Носились яны, значить, носились, и надоло им носиться. Вот и говорыть Частивый:

– Слушай, Нечастивый! Скучно нам с тобой тут носиться, верно?

– Ох, верно, – отвечает Нечастивый.

– А давай мир создадим.

– Давай, – говорит Нечастивый. – А как это?

– А ты ныряй в воду и достань мне оттудова тры пяшшынки. Только не забудь сказать в уме: «Боже, поможи».

Нырнул Нечастивый, искал, искал три пяшшынки, а «Бо-

же, поможи» не сказал. Вынырнул и говорить:

– Нету-ть там никаких пяхшынок!

– А ты сказал «Боже, поможи»?

– Ей-Богу, сказал!

– Ой, врешь же ты, нечыстая сила – неверный дух! Да ишшо и божисси, бессрамный! Нырай снова, только теперь уж непременно скажи! Нето ничего у нас с тобой не выйдет. И будем снова тут скучать да носиться тышшу лет кряду, пока я опять чего-нибудь не придумаю.

Нырнул нечастивый и говорить в уме: «Боже, поможи». Глядять – а тут тры пяхшынки плавають. Ну, он их – цапцарап – и думает: «А зачэм это Частивому тры пяхшынки? Дай, про всяк случай, ядну припрячу». И спрятал ядну за шшаку. Выныриваеть и отдаает Частивому только две. А Частивый яму:

– А трэтяя где?

– Не нашел. Не было там ёй!

– Ой, опять врешь, Нечастивый!

– Ей же Богу – не бряшу?!

– Зря божисси, лукавец. Пожалеешь ведь, окаянный! Ну да ладно. Гляди, что сейчас будя.

Кинул Частивый ядну пяхшынку – появились земля, горы, моря, реки, озера, леса, поля, растения там всякие, цвяты, фрукты и овошшы. Кинул Частивый другую пяхшынку – появились звери разные, у небе – птицы, у реках – рыба. И другие твари Божии. И никаких хищников, змей, скорпи-

онов, пауков, комаров и другой нечисти.

– Жалко, – говорить ён, – что ты, Нечастивый, ядну пяшшынку спрятал. Много ишло можно было всяко-разного добра создать. Но я тебе сказал: пожалеешь!

Ушли они спать каждый к себе. А утром приходит Нечастивый и криком крычать:

– Ой, Частивый! Ой! Шшака распухла! Болить немило-сердно! Ой, помираю! Что мне делать тепе-е-ерь?

– Ага, Нечастивый! Я ж сказал тебе: пожалеешь, что пяшшынку спрятал. Где ж яна у тебе?? За шшакой, небось?

– Да, Частивый! Виноват! Грешен я! Утаил ядну пяшшынку за шшакой! Прости мене, окаянного! Помоги скорэй! Нету сил так больше мучиться!

– Ладно, Нечастивый! Покаялси, значить прошшаю тебе. Но назад времени не воротишь. Плюй теперь тры раза!

Плюнул раз Нечастивый – появились хищники, змеи, скорпионы, пауки, прусаки, мыши, крысы, червяки, комары, мухи и прочая нечисть. Плюнул Нечастивый в другой раз – появились вино, водка, карты, табак, дурман и другое проклятое зельё. Трэтий раз плюнул Нечастивый – появились громы, молнии, выюги, бури, землетрасения, вулканы там страшные, наводнения и другие всяко-разные лиха природные. Вот с тех пор и живут рядом в мире добро со злом.

Юлий Гарбузов

15 декабря 2012 года, суббота

Волк на заставе

Повесть

Случилось это в середине тридцатых годов, когда мой ныне покойный дядя по матери, Сергей Андреевич Диденко, служил молодым командиром-пограничником на Алтае. Их застава располагалась в горах. На высоте около трех тысяч метров над уровнем Мирового Океана. Застава была немногочисленной и находилась примерно в том месте, где сходились территории тогдашнего Советского Союза, Монголии и Китая.

Охраняемый участок Советско-Китайской границы был спокойным. Местность гористая, поросшая лесом с густым подлеском и сплошь заваленная буреломом. Основными нарушителями кордона были медведи, волки да горные козлы. А так – тишина, спокойствие, почти курорт. Только населенные пункты были далековато. Вернее, по алтайским меркам – недалеко, но добираться до них приходилось долго и трудно. Особенно в зимнее, пуржистое время. Дороги извилистые, скользкие, пропасти бездонные. Поэтому и начальство туда навещалось весьма и весьма редко.

Телефонная связь была плохая, на линии сидело множе-

ство абонентов, поэтому вклиниться в разговор для очередного доклада было весьма непросто. Радиосвязь тоже работала из рук вон плохо. Батареи питания очень быстро вырабатывали свои ампер-часы, особенно накальные элементы. И тогда связь могла осуществляться только через вестовых. Роль вестового чаще других исполнял старшина Прохоров, когда ездил в поселок по хозяйственным делам. На его попечении были и кухня, и снабжение, и вообще все хозяйство.

Когда позволяли погода и дорога, Прохоров седлал своего любимого коня, красавца Бантика, привязывал к седлу повод ослика и ехал за почтой, бумагами от начальства, кормом для лошадей, осла, свиней и коз, которые входили в состав подсобного хозяйства. В следующий раз он привозил боеприпасы, новое оружие, если таковое поступало взамен списанного, батареи, детали для радиостанции и мини-дизель-электростанции. А также плотницкий, слесарный и столярный инструменты и прочую дребедень, без которой в тех местах не выживешь. Да еще и службу по охране границы приходилось нести. В общем, Прохоров был для всей заставы самым главным человеком. Как и положено настоящему старшине. Все зависело от него, и он гордился этим не без оснований.

Все бы ничего, да досаждали волки. То в свинарник забегутся, то пса сожрут, то под курятник подкоп проруют. Вот и мечтал Прохоров хотя бы об одной хорошей собаке, чтобы с волком совладать могла. Но где достанешь в этих краях

такую?

Вот и считал своим долгом каждый боец и командир как можно больше волков завалить. Но волк хитер. Днем на глаза попадает редко. А ночью – еще кто кого. И бойцы – народ молодой, неопытный в делах охоты. Да и, чего уж греха таить, – командиры тоже в этом деле не шибко преуспевали.

В тот день с утра стояла отменная зимняя погода. Солнце. Мороз не крепче десяти градусов. Ни малейшего ветерка. По извилистой тропе, круто взбиравшейся к заставе, из поселка возвращался Прохоров. Высокий, статный, в седле он держался прямо, свободно, как влитой. Настроение было веселое, и он мурлыкал себе под нос:

Мы – Красная
Кавалерия. И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы смело,
Мы гордо в бой пойдем!

Позади, на веревке, привязанной к седлу, тащился молодой ослик, навьюченный продовольствием и почтой. Секретные пакеты, как всегда, Прохоров вез за пазухой. Мало ли что?

Тишина стояла такая, что хруст снега под копытами ло-

шади и ослика слышен был, казалось, в самом низу, в поселке, откуда он выехал еще с рассветом. Иногда слышался звук падения снежного кома, сорвавшегося с еловой лапы, или хруст сухой ветки, обломившейся под тяжестью присевшей на нее птицы.

Солнце уже начало опускаться, когда Прохоров впервые ощутил легкий порыв ветерка, который едва коснулся его щеки и тут же легонько зацепил искристую поверхность снега, закружив несколько сверкающих снежинок. Прохоров посмотрел на небо, еще совсем недавно такое чистое и ярко-синее. Неизвестно откуда потихоньку напозлали мгlistые облака, порой заволакивая ослепительное горное солнце.

«Успеть бы до пурги», – подумал Прохоров и прибавил ходу. Лошадь нехотя пошла чуть быстрее. Но чувствовалось, что животное устало.

«Ничего, успеем. Вон уже и Орел-камень. До заставы часа полтора-два пути. Не больше. Если, конечно, за это время пурга не разгуляется».

Обогнув Орел-камень, Прохоров услышал жалобное, едва различимое повизгивание. Лошадь насторожилась и опасливо фыркнула. Прохоров остановил ее и спешил. Скуление доносилось из-под разлапистой ели, недалеко от тропы. Сняв с плеча карабин, старшина прикладом раздвинул лапник и увидел волчье логово, в котором шевелился и отчаянно скулил небольшой серый комочек. Он протянул руку и вытащил

волчонка, маленького, еще слепого. Двое других волчат уже замерзли, а третий был еще жив. Трясся весь от холода в руках у старшины и продолжал громко скулить. Видать, волчицу недавно кто-то из заставы подстрелил. А, может быть, и где в другом месте погибель нашла – Бог ее ведает.

Пожалел старшина волчонка, посадил за пазуху, где лежали секретные пакеты, и двинул на заставу. Пурга уже начинала набирать силу. Порывистый ветер, поминутно меняя направление, кружил поземку, свистел меж ветвей вековых кедров, елей да сосен и обжигал щеки. Лошадь поскальзывалась на камнях, спотыкалась о корни деревьев. А волчонок за пазухой, угревшись, мирно посапывал. Временами он вздрагивал, издавая такие жалобные звуки, что даже у бывшего бойца Прохорова начинало щемить сердце.

Тем временем пурга успела набрать полную мощь, и стало почти совсем темно. В двух шагах уже ничего не было видно, а ветер люто завывал в ветвях деревьев, в дуплах, в расщелинах скал и с дикой силой отчаянно хлестал Прохорова по лицу колючей снежной крупой. Но до заставы оставалось уже недалеко. Вон за тем скалистым отрогом поворот направо, а там и до КПП – рукой подать. Но тут ветер завыл, засвистел и захлестал по лицу так, что Прохоров даже потерял из виду тот самый отрог, служивший ему последним надежным ориентиром. А когда ветер снова умерил на мгновение свой пыл, откуда-то слева, из-за ближайших кустов послышался протяжный волчий вой. Конь вздрогнул, рванулся вправо и

взвился на дыбы, так, что Прохоров еле удержался в седле.

– Стоять!.. Стоять, едри твою в печенку!

Привычным движением Прохоров вскинул карабин и, сидя вполоборота налево, выстрелил в темноту, откуда доносился вой. Совсем рядом послышалось душераздирающее скуление и хруст сучьев, ломаемых волчьей тушей.

– Ага, мать твою поперек! Не нравится? Вот тебе еще одна! – и Прохоров грохнул еще раз в темноту на звук.

Лошадь инстинктивно рванулась вперед галопом, дернув за собой осла. Привстав на стременах, Прохоров с трудом сдержал ее. И тут из-за дерева послышалось:

– Стой, кто идет!

– Старшина Прохоров!

– Пароль!

– Картечь! Ответ?

– Хомут!

– В чем дело, Прохоров? Зачем палить начал?

– Волки, Игначков! Кажется, одного зацепил. Утром посмотрим и на заставу притащим, если пурга уляжется да свои не раздерут.

Сквозь пургу было видно, как с заставы уже бежали на выстрелы.

– Игначков! Что там случилось, Игначков?

– Все в порядке! Прохоров приехал!

– А палил кто?

– Волки напали, сволочи! Почти у самой заставы. Вишь,

как обнаглели, сучьи дети! Чего стоишь? Отвязывай ишака! Пошли на заставу, окоченел весь, – не сказал, а прохрипел в ответ Прохоров.

В дежурке жарко горела печка. Бойцы сушили валенки, портянки, шинели. Отряхнувшись от снега, вошел Прохоров и, сбросив прямо на пол огромные меховые охотничьи рукавицы, стал развязывать башлык. А за окнами в кромешной тьме люто бесновалась, свистела, выла и чем-то хлопала злая пурга.

– Пакеты доставил?

– Так точно, товарищ капитан. Сейчас, дайте хоть чуть рассупониться.

На столе затрещал полевой телефон. Капитан Диденко схватил трубку.

– Я Ураган! Я Ураган! Ураган слушает! Окунь! Окунь! Вас слышно, но очень плохо! Я это! Я, товарищ Кияшко! Да нет, здесь Диденко! Это Вы – Кияшко, а я – Диденко – Вас слушаю! Алло! Алло! Да, да! Карета, запряженная парой, прибыла! Да, сию минуту, пару секунд, как прибыла! Вот и докладываю. Доставил! Все доставил, говорю! Нет, не успел! Он только протянул их мне. Прочитаю – немедленно доложу! Есть! До связи!

– Вот хрен в обмотках! – возмутился Диденко. – Тут такая пурга, человек еле добрался, волки по дороге напали! Мог головы не сносить! А ему – докладываешь поздно!

Телефон опять затрещал. Прохоров вознамерился было снять трубку, но Диденко его остановил:

– Не трогай, мать его в брычку! Разберемся, потом отвечать будем. Такая связь, туды ее мать, что ни хера не слышно! На все отвечать – охрипнешь ведь к ядерной бабушке!

Диденко вскрыл первый пакет.

– Только бумагу марают да чернила изводят. Интересно, а здесь что?

Диденко пробежал глазами второе письмо и посерьезнел.

– Та-а-ак, – протянул он, – предстоит проверка! Все пересчитывать будут, боеготовность проверять, беседовать с каждым с глазу на глаз.

– Так мы же, как пионеры, – «всегда готовы», товарищ капитан, – отозвался Прохоров, вынимая из-за пазухи уже окончательно отогревшегося пушистого волчонка. Волчонок кряхтел и болтал задними лапками, пытаясь подтянуть их к самой мордочке.

– А это еще что за зверь, старшина? – поинтересовался Диденко.

– Это вместо сторожевого пса нам будет, товарищ капитан. Верно, братцы?

– Волчонок, что ли?

– Именно так, товарищ капитан!

– Так он тут нам всех свиней, овец и коз перережет. Все подсобное хозяйство изведет. Это же волк – не собака! – заключил Диденко, пыхнув сигаркой.

– А чем он хуже? Собаки тоже от волков произошли. В давние времена, когда люди еще дикими были, они волков да шакалов приручали, прикармливали. Вот от них и пошли теперешние жучки да шавки. Нам в школе учитель про это все рассказывал, – возразил Прохоров.

– Сколько волка ни корми – все в лес смотрит. Зря, что ли, люди говорят?

– Это неграмотные люди, товарищ капитан. А кто пробовал волка приручать – знает, что как аукнется, так и откликнется. Будешь с ним, как с другом обращаться, так и волк другом вырастет. Это ученые люди так пишут.

– А ты-то, старшина, сам пробовал? Что-то ты уж больно грамотный.

– Да вот, собираюсь попробовать и доказать, что советская наука не врет. Я в нее верю.

Прохоров прижал волчонок к щеке. Его большие серые глаза излучали какой-то необыкновенный блеск. А коротко подстриженные густые русые волосы слегка вздрагивали, когда волчонок шевелился.

– Какой мяконецкий да тепленький! Совсем, как собачонок пахнет! Ишь, палец сосет! Изголодался, бедненький. Кухтин, смотай-ка на кухню да принеси молока с полстакана.

Новобранец Кухтин затянулся только что раскуренной сигаркой, которую у него тут же бесцеремонно отобрал Прохоров.

– И ветоши прихвати почище. Из тех, что сегодня для про-

тирки столов получил. Ну, чего стоишь? Шагом марш на кухню!

Вошел старший лейтенант Крамарук.

– Накурили, как в милиции! А это что, Прохоров? Вы к нам на службу щеночка призвали?

– Никак нет! Волчонка, товарищ старший лейтенант! А то у нас за последний год волки двух собак растерзали – не смогли уследить! Выкормим – своим бывшим собратьям только таких профиндячек выпишет!

– Или сам наших коз да овец передушит, – добавил Крамарук.

– А это уж – как воспитаем, товарищ старший лейтенант! Животное – его, как и человека учить надо. Тут каждодневная дрессировка требуется. Я в цирке сам видел, как живые куры на живых лисицах ездят. И кролики на тиграх.

– А кто же это нам в штат дрессировщика запишет? Мы же погранзастава, а не цирк шапито.

– Да я ему буду за дрессировщика, – угрюмо буркнул Прохоров.

В это время в помещение вошел Кухтин с молоком в баночке и беленькой тряпочкой. Прохоров окунул ее в молоко и поднес к носу волчонка. Тот запыхтел, завертел мордочкой, схватил тряпочку губами и жадно зачмокал. Все дружно заулыбались.

– Ишь ты! Ишь, как чмокает! Изголодался-то как, бедняжка, – лицо Прохорова просияло радостной, почти дет-

ской улыбкой.

– Ну, что ж, посмотрим, как это у Вас получится, товарищ Прохоров. А пока что службу нести надо. Рядовой Кухтин!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Две минуты одеться! Пойдем посты проверять.

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант!

Часам к десяти утра пурга почти совсем утихла. А к обе-ду уже ярко светило горное солнце на сине-голубом небе. На заставе только и говорили, что о волчонке, которого Прохоров собрался приручить. Мнения были разные, но большинство считало, что если он вырастет среди людей на положении собаки, то ничем от собаки и отличаться не будет. Не волчья же стая его воспитает, а люди, которые и кормить, и в меру ласкать будут. Откуда тогда у него дурным манерам взяться?

Заскрипели ворота, и на территорию заставы, с хрустом шагая по морозному снегу, вошел, ведя за собой на веревке навьюченного осла, старый тунгус Ингур. Каждый шаг вздымал клубами снежную пыль, которая отблескивала в лучах яркого солнца всеми цветами радуги.

Впрочем, тунгус он был, монгол, уйгур, китаец или кто еще – не знал никто, да и не спрашивал. Лицо его обрамляла меховая оторочка теплого башлыка специфического покроя. Короткий медвежий полушубок мехом наружу и теплые до колен унты из волчьей шкуры выдавали в нем местного че-

ловека. Ингур на заставе правил и за чернорабочего, и за истопника, и за посыльного, и еще Бог знает за кого. Все любили старого Ингура за его природную доброту, за мастеровитость, деловитость и неутомимое трудолюбие. Но главное – за знание тайги и вообще всего таежного.

– Там у Орел-каменя волка кто завалил? – не поднимая головы, спросил Ингур. – Шкуру сдирать надо. Пригодится как-нибудь кому-то.

– Это старшина Прохоров, – ответил Кухтин. – Сейчас возьму нож и пойду за шкурой.

– Подожди, молодой, сама не ходи. Не умеешь еще, испортишь малость. Шкура пропадай. Жалко – кого-то в мороз-пурга согреть может. Вместе пойдем.

– Да что там уметь – я дома кроликов с детства обдирал.

– То кролик, а то волка. И еще. Начальник спросить надо, тогда пойдем.

Кухтин побежал за разрешением к Крамаруку, а Ингур стал развьючивать осла и таскать мешки в помещение. В это время к нему подошел Прохоров с волчонком за пазухой. Тот вертелся во все стороны, смешно фыркал и облизывался после недавнего кормления.

Увидев волчонка, Ингур поставил на снег мешок.

– Зачем волка сюда принес? Зачем зря зверя мучить?

– А я его не мучаю. А кто попробует, тот и по шее схлопотать может.

– Тогда зачем волка принес? Что делать будешь? Шкура

не годись, мясо не годись. Зачем зверя брал?

– А я его как пса воспитаю, будет по ночам заставу стеречь. Волки в сарай не полезут.

Ингур присел на мешок.

– Не молод, Прохор, а как мальчик говоришь. Убей немедленно или давай я убью! Нельзя волка с людьми держать! Это не домашний пес, это лесной зверь. Ему тайга надо.

– Да вокруг нас-то что, не тайга, что ли?

– Зверя должен вольный тайга ходить. Здесь волк – беда много будет.

– Это еще что за чепуха?

– Сам чепуха говоришь, Прохор! Не молод уже, дети есть, а простая вещь – не знаешь. Человек – дух очага, огня, крыши, понимая?

– Да чего же тут не понять?

– А того, что собака, кошка, ишак, конь, баран, коза, корова – тоже дух очага и огонь... Теперь понимая?

– А вот теперь, Ингур, я уже совсем ни хера не понимаю!

– Ай-ай-ай, Прохор! Школа ходил, учился шибко, всю науку изучил, а простая вещь не понимай. И браниться нехорошо – тайга не любит, накажет тебя.

– Да ты толком говори, Ингур, чтобы все понимали.

– Я толком сказал. Что с человеком – духи очага. А волк, сохатый, белка, медведь, змей, рысь – все духи леса. Тайга, значит. Они боятся огня, боятся человека и живут своей лесной жизнью. Не такой, как духи очага, понял? Дружить не

могут. Даже если печка сложить из камни, что в речка лежат, – гореть не будет. Или плохо гореть, дымить-чадить будет. Разбирать придется. А если из камни, что на вершина скала лежат много-много лет, – хорошо гореть будет. Ясно? Потому, что речные камни – духи вода, а те, что на солнце лежали, – духи солнца, огня и очага, значит. Духи очага с лесными и водяными дружить не могут. Ясно?

– Это почему не могут? – спросил Кухтин, радуясь, что ему разрешили пойти со старым Ингуром с волка шкуру содрать.

– Глупая ты, Кухтина! Не могут – и все. Родились по-другому. Теперя понял?

– Нет. Как это можно понять, родились по-другому?

– А так, глупая твоя башка, что ты не хочешь понять. Волка можно заставить трава кушать? А козу – кости грызть?

– Нет, конечно.

– Тогда как можно заставить, чтобы дух очага и дух тайга дружили? Чтоб жили вместе? Заставишь – много хлопоты да беда будет. Они боятся человека. Ясно? Это как волк трава не ест.

– Да что с ним спорить? Вот и вся его логика. Надо его на политучебу водить, да почаще. А то, мол, по старости освободили, – пробурчал Крамарук не то всерьез, не то в шутку.

– Шибко умные слова говоришь, молодой командир! А простая вещь не знаешь, понимать не хочешь и других учить не даешь.

– Ладно, – вмешался Прохоров, – а если не убивать малыша, ты считаешь, никак нельзя его для охраны заставы оставить, Ингур?

Ингур помолчал, потом принялся набивать свою старую, как он сам, трубку. По всему было видно, что тунгус собирается сказать что-то, на его взгляд, очень важное. Прохоров чиркнул спичку и дал ему прикурить. Медленно, не спеша раскурив трубку, Ингур посмотрел Прохорову в глаза, хитро прищурился, и его без того узенькие глазки превратились в едва заметные щелочки. Прохоров про себя удивился: и как сквозь такие узкие щелочки можно еще что-то видеть? А Ингур, несмотря на свой почтенный возраст, видел и стрелял отлично. И все это знали.

– Можно, – выдохнул Ингур вместе с дымом, – только большая дисциплина шибко нужна. Порядок, значит.

– Дисциплина – это где, на заставе, что ли?

– Верно говоришь, Прохор. На всей заставе. Как в тайге. Там человек без дисциплина – совсем пропал, если пойдет. Ясно?

Ингур сделал еще пару затяжек и, убедившись, что все ждут, что же он скажет, продолжил:

– Зверя надо будка сделать. Это я сама. Цепь надо крепкий и зацепить крепко, чтоб никогда не оторвался и не ходил, куда нельзя. Это тоже моя дело.

– А дисциплина здесь к чему?

– Не торопись, Кухтина. Все скажу. Зверя должен кушать

только шибко вареное мясо. Никогда сырое! Раз съест сырое – пропал зверя! Убивать придется. Или он кого убьет. Это не собака – это волк, дух тайга. И это должен знай и делай каждый! Один нарушит – шибко много всем беда будет. Вот дисциплина, ясно? Это уже дело командир и каждый бойца. Пошли, Кухтина, шкура содрать. А то другая волки придут, порвут. Шкура пропадай! Надо раньше успеть.

Ингур, как и обещал, сделал для волчонок будку, откуда-то приволок тяжелую цепь и два прочных железных кола. Эти колья он глубоко вбил кувалдой в землю, а между ними натянул толстую катанку. На катанку надел кольцо, собственноручно выкованное, к которому прикрепил цепь с ошейником на конце. Чтобы волчонок мог бегать от колышка до колышка, если цепь не была закреплена специальной защелкой возле будки. Если уж Ингур брался за какое дело, то исполнял его, что называется, на совесть. Но если какое поручение он считал пустым, ненужным, то никакая сила не могла заставить Ингура выполнить его. Ни прямой приказ начальства, ни даже угроза расстрела. Таков был старый тунгус.

К весне, когда волчонок подрос, старик посадил его на цепь. Волчонок скулил, выл, рвался, но постепенно смирился со своей новой, – цепной жизнью. В основном он спал в будке, а когда слышал, как Ингур или Прохоров брал его миску для еды, стремглав выскакивал, весело скулил, прыгал

и вилял хвостом. Совсем как домашний кобель. Но когда он начинал есть, его веселость как рукой снимало. И стоило кому-либо хоть едва заметно к нему приблизиться, волчонок с диким рычанием кидался в его сторону. И только прочная цепь не давала ему расправиться с тем, кто, как представлялось волчонку, пытался посягнуть на его еду.

Настоящей клички для волчонка так и не придумали. По примеру Прохорова его звали «Волчок» или «Волчик». Никакие другие клички так и не прижились.

Признавал Волчок только Прохорова да Ингура. Других к себе не подпускал и близко. Стоило кому-то постороннему подойти к заставе, как Волчок мгновенно выскакивал из будки и, рыча, бросался на чужака, издавая звуки, чем-то отдаленно похожие на лай. Но назвать это лаем можно было только условно.

Кур, гусей и уток Волчок прогонял, не давая приблизиться. А какую-либо уж очень осмелевшую птицу он отпугивал рычанием и рывком в ее сторону. Свиньи, козы и овцы ходили мимо него без всякой опаски. А он лежал, положив голову на передние лапы, и возбужденным взглядом сопровождал каждое их движение. Только лошади в его присутствии фыркали, отчаянно храпели и шарахались. Конюшня и площадка для выезда лошадей располагались довольно далеко от территории, по которой разгуливал Волчок. Поэтому там кони вели себя относительно спокойно.

К поздней осени Волчок подрос основательно. Почти как

взрослый волк выглядел. Вид у него, конечно, был холеный. Откормленный, широкогрудый с белоснежными клыками. Красавец, да и только! А по ночам глаза его сверкали из-за будки желтым блеском, как у матерого лесного зверя.

Дело шло к зиме. Лиственные деревья сбросили свой пышный осенний наряд, а лиственницы – хвою. И только ели, сосны, да кедрачи продолжали зеленеть среди угрюмых скал. Застава жила своей обычной, повседневной жизнью. Наряды, сменяя друг друга, выходили на охрану Государственной границы, трещали телефоны, сыпались один за другим приказы и распоряжения. Нарушителей не было. Да и кому в голову придет соваться на нашу территорию в этих местах? Бред, да и только! Но служба есть служба. И весь личный состав заставы исполнял ее с честью. Проверки были редки. Но однажды с такой проверкой на заставу пожаловал со своей свитой в соответствии с приказом командующего округом сам полковник Стасов по кличке «Фотограф». Это потому, что он после проверок часто кого-нибудь снимал.

Жизнь на заставе, что называется, кипела. Бойцы рубили дрова, топили печки, убирали территорию. Старый Ингур чинил замок от складского помещения, а Волчок дремал возле будки. Вдруг он поднял голову и наострил уши.

– Гляди-ка, учуял чего-то, – обратил внимание Кухтин.

– Зайцы поблизости шастают, вот и учуял, – отозвался новопризванный Мишаков.

И каждый снова занялся своим делом. Вскоре все отчетливо слышали конский топот.

– Скачет кто-то! – Кухтин побежал в командирскую докладывать начальству.

Командиры переполошились. Никак проверка какая-то! Правда, никаких сообщений через средства связи не поступало. Тем хуже, – такая проверка ничего хорошего не сулила.

– Все по местам! – скомандовал Диденко.

– Срочно всем привести себя в порядок и убрать, что успеете!

Диденко и Крамарук напряженно ждали непрошенных посетителей, стоя у окна командирской. Вся застава замерла в напряжении. Только Ингур, как ни в чем не бывало, продолжал, стоя на коленях, привинчивать к двери замок. Он мурлыкал на своем родном языке какую-то песенку, время от времени попыхивая трубкой, так как до высокого начальства ему не было никакого дела.

Полковник Стасов и вся его свита резко осадил коней у ворот и спешили. Бойцы подхватили лошадей под уздцы, а полковник вошел в ворота, которые перед ним услужливо распахнул боец из его свиты. Навстречу ему тут же выскочили Диденко и Крамарук.

– Товарищ полковник, – бойко докладывал Диденко, – застава номер...

И тут, не дав ему закончить доклада, из-за будки выскочил Волчок и с яростным рыком кинулся на Стасова. Ста-

сов рефлекторно отпрянул, споткнулся на ровном месте и на глазах у своей свиты и всей заставы грохнулся на землю. Диденко успел стать между ним и Волчком. А Ингур, несмотря на свой преклонный возраст, – схватить цепь и сдержать разъяренного волка.

Скоропалительно готовясь к неожиданной встрече, все забыли о волке и не зафиксировали цепь на защелку. Ингур сделал это только сейчас и с невозмутимым видом стоял, посасывая свою замусоленную трубку.

Стасов вскочил, отряхиваясь и грязно ругаясь, а Диденко и Крамарук бледные, как полотно, вытянулись перед ним во фронт, принимая на себя все ругательства, угрозы и оскорбления. К шапке и шинели Стасова пристала пожухлая хвоя, какие-то щепки и прелые листья. Каждый порыв ветра срывал с него этот мусор и сыпал в лица стоявших позади сопровождающих, которые только успевали отплевываться да отряхиваться.

– Это что же за херня получается, Диденко?! Умышленно меня позоришь? Посмешище из меня делаешь? Петрушку-клоуна? Да? Отвечай, едри твою душу мать, когда тебя командование спрашивает!

– Никак нет, товарищ полковник!

– Молчать! Это что же выходит, если бы не этот старик, твоя псина мне бы сейчас горло перегрызла, едрит твою Бога мать?! Так?!

– Никак нет! Позвольте объяснить, товарищ...

– Я сказал, молчать! Ты что же, сука с петлицами, не мог заранее собаку привязать? Первым делом надо было это сделать, когда стало известно, что командование едет!

– Это волк, а не собака, товарищ полковник! – зачем-то вставил Крамарук.

– Что-о-о? – побагровел полковник, – тебе кто позволил дикого зверя на заставе держать? Это уже политическим делом пахнет! Это уже не просто разгильдяйство! Дикого зверя на командира натравить! Раков!

– Я! – подскочил к нему молоденький лейтенант из свиты.

– Немедленно составить рапорт на имя генерала Климова! А волка застрелить немедля! Стой! Я сам это сделаю! – и он нервными движениями стал расстегивать кобуру.

Но перед ним неожиданно вырос Ингур.

– Остановися! Стой, большой командира! Не смей зверя трогать!

– Это что у тебя за чудо такое, Диденко? Он что, мне приказывает? Ты, собственно, кто такой? Как здесь очутился?

– Я Ингур, работая здесь! Зверя не виновата! Это я не доглядел. Меня расстреляй. А зверя хорошо служил. Он заставу охранял! И на тебя потому напал! В петлицах не разбирается! Ясно?

Стасов опешил.

– Слушай, а ведь верно говорит старик! Правда, лейтенант? – сказал он вполоборота к Ракову уже немного потеплевшим голосом.

Все замерли в ожидании.

– Ладно! Вольно! Пойдем в командирскую, – там разберемся.

Все двинулись в командирскую. А Прохоров уже спешил туда с традиционной бутылкой спирта.

Комиссия уезжала с миром и крепко навеселе. На прощанье Стасов крикнул старому Ингуру:

– Молодец, старик! Ты настоящий, храбрый боец Красной Армии! И защитника воспитал матерого, и вступился за него достойно.

Ингур молча улыбался, кивая головой в такт его словам и, как всегда, потягивая трубочку.

– Пока, большая командир! Приезжай еще, только теперь будь осторожно!

Зиму пережили, как и прежде. Вьюги, пурги, метели – все было в основном позади. Все выше поднималось над горизонтом таежное солнце. Весна была уже на пороге. Кухтин превратился из новобранца в старослужащего. Часть бойцов демобилизовалась. Прибыло молодое пополнение. А Прохоров летом собирался в отпуск к себе в Псков, на родину. К жене и детям. Его отпуск уже дважды откладывался по причине отсутствия замены. Своим воспитанником он гордился, как никогда. Особенно, когда Волчок после долгой разлуки подбегал к нему, виляя хвостом, и начинал лизать руки, выпрашивая чего-нибудь вкусенького.

Ингур сшил Волчку новый ошейник. Широкий, чтобы не так сильно резал шею. Особенно крепко они подружились после того, как с Волчком случилось несчастье.

Рядовой Мишаков, отбывая наряд на кухне, вынес в миске целую гору гусиных костей и специальной палкой с рогачиком на конце пододвинул ее Волчку. Тот, рыча, накинулся на них и стал перемалывать без разбора своими острыми и крепкими зубами. Внезапно Волчок отскочил от миски, начал кашлять, хрипеть, плевать, отчаянно мотать головой, а потом повалился на снег и жалобно заскулил.

Мишаков побежал к Ингуру.

– Дядя Ингур! Волчок сдыхает! Помоги, если можно!

Ингур неторопливо оделся и вышел во двор.

– Что такое? Почему так плохо? Кость подавился! Это ты, Мишаков, дал ему эти кости? Нельзя. Зверя должен только крупный кости грызть. Ясно?

– Ясно, ясно! Но что же делать? Надо спасти его? Дядя Ингур, ну помоги же!

Обессиленный Волчок неподвижно лежал на снегу с закрытыми глазами и тяжело дышал, изредка слабо постанывая.

– Ай-ай-ай, Волчок! Нельзя таким жадным быть. Мелкий кости осторожно кушай, глупая зверя! А лучше совсем не кушай. Ясно?

Волчок открыл глаза, еще раз жалобно застонал – ясно, мол, – и снова закрыл, теряя последние силы.

Ингур сел рядом. Прямо на залежавшийся утоптаный снег. Он приподнял тяжелую голову волка и положил себе на колени. Волчок попытался лизнуть руку старика, но у него не хватило сил, и голова его снова упала на колени Ингуру. Старик голыми руками раскрыл клыкастую пасть и посмотрел внутрь.

– Шибко жадный ты, Волчок, был. Не годится! Или тебе на застава еды мало? Больше не делай такая беда, ясно?

Без колебаний Ингур сунул руку в волчью пасть и с полминуты там что-то щупал. А волк даже не пытался сопротивляться. Только едва заметно дергался и тяжело дышал. Ингур еще раз резко шевельнул рукой и осторожно вынул ее, мокрую и окровавленную. Он разжал кулак и посмотрел на ладонь, на которой лежала кость с острым концом.

– Ничего, Волчок. Теперя ничего. Полежи так до вечера.

Ингур встал, бросил злополучную кость к остальным в миску и подфутболил ее, что было сил, в сторону столовой.

– Теперя я сам проверяй, чем будешь зверя кормить. Ясно?

– Уж куда яснее, – виновато сказал Мишаков.

А старый тунгус, отерев снегом кровь на своей жилистой руке, взял на руки обессилевшего волка и, кряхтя, отнес в будку. Потом еще раз отер снегом руки и побрел в свою коморку продолжать ожидавшие его обычные повседневные дела.

Волк пролежал в будке до вечера, не подавая признаков

жизни. Некоторые даже сомневались, жив ли? Только после захода солнца он высунул морду, чтобы похватать снега. Уж очень, видать, у него саднило в горле.

А через пару дней Волчок уже снова носился на своей цепи от колышка до колышка, как ни в чем не бывало.

– Чем не собака, – смеялся Прохоров, – и зажило все, как на собаке.

Все радовались выздоровлению всеобщего любимца. Только Мишаков чувствовал себя виноватым перед волком. Не мог простить себе досадной ошибки. Пытаясь хоть как-то загладить свою вину, он таскал Волчку из кухни лакомые кусочки, порой отрывая от собственного меню.

Наступил март. Там, внизу, была уже весна. А здесь, в горах, порой всю еще мели метели и трещали морозы. Особенно по ночам. Но дни становились все длиннее, а ночи – короче. Солнышко все выше поднималось над горизонтом, а оттепели случались все чаще и становились все продолжительнее. Однако зима еще прочно удерживала свои позиции.

В один из таких погожих дней, когда особенно пахло весной, Мишаков, отбывая наряд, рубил в кладовой мясо. Положив на плаху свиную тушу, он, что было силы, ухая, наносил удары из-за головы. Но так и не мог отрубить положенную часть ошейка. Топор попадал каждый раз по новому месту и только кромсал тушу, а во все стороны дождем разлетались мелкие осколки костей, замусоривая и без того замусоренное помещение. Устав рубить, он положил топор на плаху.

– Топор надо бы подточить. Вон как шмаляю, а перерубить никак не могу.

– Не топор, а твои мозги надо бы малость подремонтировать, – прокомментировал старослужащий – шеф-повар заставы Карпачев.

– Причем здесь мозги, если топор тупой, а кости такие крепкие. Как каменюки.

– Это не топор, а мозги у тебя тупые, как кобыля задница! Тут думать надо. Вот, смотри. Топор надо брать не за конец топорща, а немного ближе к середине. Маши только кистью. Локоть неподвижен. Тогда удары будут точные и попадать будешь в одно и то же место, а не каждый раз в разное. Вот так! Вот так! Понял? Ну-ка, попробуй ты. Ну, вот. Теперь совсем другое дело. Трудно с непривычки?

– Трудно.

– Ничего, привыкнешь – асом будешь. Демобилизуешься – в мясники пойдешь. Я тебя обучу постепенно. С такой профессией не пропадешь. Понял? То-то.

Мишаков старался рубить, как показывал шеф. Теперь дело пошло, хотя движения руки были очень непривычными. Рука быстро утомлялась и болела нестерпимо. Но преимущество новой технологии было налицо. Когда туша была порубана, Мишаков сложил куски мяса в ведро и понес повару на кухню, где было тепло и пахло такой вкуснятиной!

– Ты рабочее место прибрал за собой?

– Нет. Сейчас приберу.

– Сразу надо это делать, бездельник. Живо! Ты еще воды наносить должен успеть. Ну, какой же ты тупой в службе!

Мишаков вернулся к плахе и стал подметать осколки костей и дерева, мелкие кусочки мяса, окурки и весь остальной мусор. За плахой он неожиданно обнаружил увесистый кусок мяса с костью. Что с ним делать? На кухню нести не хотелось, так как вместо благодарности эта рыжая тварь – шеф-повар Карпачев – только оскорблений наговорит. Куда бы его зашвырнуть подальше? А если ненароком наткнется кто? Такой гандель поднимут, что хоть святых выноси. Кто рубил сегодня мясо? Мишаков. И понесут по кочкам уже и без того заезженного Мишакова. Нет, надо выбросить куда-то подальше. В сортир? Так там же все замерзло, как камень. Тут же обнаружат. Отнесу-ка я его в лес и там под наст закопаю. Пусть находят, когда снег растает.

Сунув мясо под шинель, Мишаков вышел во двор и направился к воротам. Из будки высунул сонную морду Волчок и облизнулся. Учужал, видимо, запах мяса. «Ага, – подумал Мишаков, – суну-ка я его Волчку в будку. Он с ним живо справится – и следов никаких. Все шито-крыто. А перед Волчком я как-никак виноват. Чуть не сдох из-за меня.»

Подойдя поближе к будке, Мишаков осмотрелся.

– Никого. Ну, слава Богу!

– Волчок!

Волк наполовину вылез из будки и лениво остановился. Мол, какого тебе лешего?

– Волчок, на!

И увесистый кусок мяса полетел к будке. Волк подхватил его на лету и живо юркнул назад, в свое убежище. Подходя к кухне, Мишаков издали слышал, как волк, ворча, расправляется с его гостинцем. «Слава Богу, пронесло», – подумал Мишаков и принялся таскать из речки воду.

Солнце уже начало клониться к горизонту, когда Ингур вынес во двор охапку ножей и, присев на бревнышко, принялся править их бруском: Шш-ик – шш-ик! Шш-ик – шш-ик! Шш-ик – шш-ик!

– Одна готово. Теперя другая, – бурчал он себе под нос.

Волк поднял на него глаза и внимательно следил за движениями старика.

– Чего смотришь? Работа хочешь? Твоя работа здесь, на дворе. Застава сторожи. Чужого не пуская. Волка тоже, как ты.

Волк опять наклонил голову к лапам и принялся что-то аппетитно грызть.

– Что, вкусно? Что ешь? И мне дай, я тоже хочу.

Волк, словно поняв слова старика, подхватил кость и побрел к будке. И тут Ингур заметил, что кость у него в зубах красная – сырая, стало быть. Ингур вскочил, как ошпаренный.

– Ай-ай-ай! Ай-ай-ай-ай! Кто это сделал? Ай-ай-ай!

Во двор выскочили Прохоров и Диденко.

– Ингур, что с тобой?

– Что случилось, старик? Кто тебя обидел, скажи. Со мной, Прохоровым иметь дело будет!

– Ай-ай-ай-ай-ай! Прохор! Говорил я тебе не браниться – тайга накажет. А ты бранился. Вот и наказала. Наказала нас тайга! Теперь беда! Беда много будет на застава!

– Ингур, да ты толком скажи, что случилось? Как она нас наказала?

– Кто-то зверя испортил! Сырая мяса дал! Видишь – кость грызет? Красная! Сырая, значить! Теперь Волчок – дикая зверя будет! Теперь не ты, не я – тайга ему хозяин! Отомстит теперь тайга, что ее духа человек забрать хотел. Отомстит шибко. Ясно?

– Да кто сказал, что беда случится? Как был наш Волчок, так и будет. Никто от нас его не уведет. И никого из нас он не тронет. С чего бы это? Он вырос среди нас, привык к людям. А тайга ему не дом. Здесь его друзья.

– Нет, Прохор! Теперя все. Убивать придется. А то он убьет кого-то. Теперя Волчок – дикая, не наша больше. Ясно?

– Да погоди ты! Никого он убивать не собирается. Кстати, кто мог ему сырое мясо дать? Карпачев! Где ты, Карпачев?!

Весь разгоряченный, в белом переднике, с поварским колпаком на голове, из-под которого торчали огненно-рыжие кудри, выскочил из кухни шеф-повар.

– Я, товарищ старшина! Что случилось, что вы с Ингуром кричите так?

– Зачем ты дал Волчку сырое мясо?

– Я?! Я не давал, товарищ старшина!

– Да посмотри, он же до сих пор сырую кость мусолит.

Видишь?

– Вижу. Это не я. Сейчас Мишакова спросим. Он сегодня в наряде. Он и мясо рубил. Мишаков! Мишаков! Иди сюда! Где ты там?

Выбежал Мишаков. Красный, весь лоб в крупных каплях пота, воротник расстегнут.

– Слушаю, товарищ...

– Это ты угостил волка сырым мясом? – накинулся на него

Карпачев.

Мишаков молчал. Но по всему было видно, что именно он.

– Ах ты, сучий потрох! Я из тебя все дерьмо вытряхну, паскудная тварь! Тебя папа с мамой, видать, заласкали в детстве!

Карпачев тряс его «за грудки» все сильнее и сильнее. Он был заметно пьян.

– Отпусти его, повар! Не трогай парня. Пойдем со мной, Мишаков, там поговорим тихо.

Ингур обнял Мишакова за плечо и медленно повел в свою коморку. А Карпачев продолжал бесноваться.

– Говно собачье! Шакал вонючий! Все знают, что волку сырого нельзя давать! А он что? Ему, суке, плевать на всех! Вот вернется он от деда Ингура! Я ему тут глаз на жопу натя-

ну! Из жопы ноги повыдергиваю – спички повставляю! Почти год служит – мясо рубать не научился! Просыпает каждый раз, когда на кухне в наряде!

– Карпачев!

Карпачев осекся и даже вздрогнул, услышав голос Диденко.

– Я, товарищ капитан!

– Прекратить шум! Марш на кухню! А завтра я с тобой поговорю на трезвую голову. Ты у меня тоже схлопочешь по первое число!

– За что, товарищ капитан?

– За эту выпивку хотя бы. И за избиение солдата. А это – подсудное дело. Понял?

– Да я, товарищ капитан...

– Марш на кухню сейчас же!

В коморке старого Ингура жарко горела печь. На ней стоял чайник и «плевался» на плиту каплями кипятка.

– Чайку попьем, молодой. Ладно?

– Ладно, – согласился Мишаков. Ингур достал две кружки, краюху хлеба и берестяную банку с бортевым медом.

– Осторожно, не обожгися, молодой. Ты меду бери, меду! Вкусная!

– Спасибо, дядя Ингур. Такого меда отродясь не ел.

– Дикий мед. Тайга добыл. Бортовой называется. Кушай, кушай.

Несколько минут царила тишина. Слышно было только,

как трещат дрова в печи, да старый Ингур с шумом прихлебывает чай из своей выдавшей виды медной кружки.

– Скажи, молодой, зачем дал сырое мясо волку? Кому навредить хотел?

– Да никому, дядя Ингур! Просто после разрубки туши унес куски на кухню в цыбарке. А когда пришел убирать место, обнаружил, что один кусок за плаху завалился. Куда его деть?

– Почему в кухню не отнес?

– Так этот же рыжий бык вместо благодарности или чтобы просто взять, да и в жаркое бросить, начнет оскорблять, корить. А последнее время и кулаки стал в ход пускать.

– Бык, говоришь? Ха-ха-ха! Похоже – это верно. И волос такой. Кучерявый и рыжий. И губы такие. Настоящая бык! Ха-ха-ха! Только рога нету! Напрасно ты это сделал. Почему не выбросил это мясо? Почему мне не принес?

Опять замолчали. Ингур продолжал сербать чай. А Мишаков тихо отхлебывал из старинной медной кружки вприкуску с хлебной коркой и ароматным бортевым медом. Про себя он проклинал и Карпачева, и волка, и свою трусость, и всю военную службу. Только Ингур был для него воплощением доброты, справедливости и понимания.

– Ничего, молодой, и Карпачева переживешь, и Волчка найдем, что делать.

А Мишаков продолжал:

– Выбросишь – найдут. Сразу догадаются. Я-то мясом за-

нимался на кухне. Обвинять будут. Того и гляди – политику пришьют.

– Политика – это верно. Нехорошо. Но ясно. Мне принес – похлебка сварил бы, ели бы вместе. Волка накормили. Все равно все на кухня беру, что сколько попрошу. Никто не отказал.

– Не догадался как-то, дядя Ингур. Да и уж очень волновался, нервничал. Расстроен был. Вот! Как представлю себе этого рыжего быка, как он унижает и оскорбляет меня! Так и все на свете забываю. Хочется иногда взять топор, да и рубануть его сзади по бычьему затылку! А там – будь, что будет.

– А вот это – делать нельзя! Нельзя так и говорить! Тайга все слышит, наказать может. Тайга не любит, когда человек убивают. Человек – везде хозяин. И в тайге тоже. Но человек может в тайге только зверя убивать, если голодная или шкура нужна, рога и прочая! Кабан можно убивать, волк убивать, медведь убивать, соболь убивать, белка тоже. Человек убивать никак нельзя! И говорить про это тоже нельзя!

Немного помолчали.

– Молодой... Не понимаешь еще, что важное, а что нет. Ладно, все тайга решит. Мудрая шибко. Давай, белый, еще чая пить.

Ингур налил из дымящегося чайника еще по кружке, а Мишаков погладил себя по вискам, где еще не так давно красовались роскошные белые кудри, на зависть всем ровесникам-односельчанам.

Прошло две недели. Уже три дня упорно держался десятиградусный мороз. Временами поросил снег. Но днем было солнечно и безветренно. В то утро первое солнышко, едва пробиваясь сквозь лапы вековых елей, весело и уже почти по-весеннему играло разноцветными искрами в крупных снежинках, слегка припорошивших этой ночью прочный и хрупкий, как стекло, наст.

Жизнь заставы текла своим чередом. Каждый был занят своим делом. Волчок скучал у своей будки, а по двору беззаботно бродила свинья. Временами она останавливалась и, похрюкивая, рылась в снегу своим пяточком. Унюхав что-то похожее на съестное, довольно хрюкала, жевала, фыркала. Порой она наваливалась боком на забор и с наслаждением чесалась с такой силой, что забор пошатывался и потрескивал.

От миски Волчка она старалась держаться подальше, зная по опыту его крутой нрав и твердую решимость защищать свою пищу. Но на всей остальной части двора она чувствовала себя полной хозяйкой и ни на кого не обращала ни малейшего внимания. Свинья смело подошла к тому месту, по которому в часы досуга обычно лениво разгуливал Волчок. Волк, все время следивший за нею горящими глазами, внезапно поднял голову, зашевелил ноздрями, жадно втягивая воздух. Вдруг, неожиданно, с рыком, он кинулся на свинью и, сбив ее с ног, яростно вцепился в шею своими мощными

челюстями и рванул, что было сил. Все, кто был поблизости, дружно, как по команде, охнули. А потом оцепенели и замерли, словно в гипнотическом трансе.

Свинья отчаянно завизжала и попыталась вскочить на ноги. Но волк с диким рычанием снова повалил ее на снег и стал неистово терзать шею. Вековой охотничий инстинкт, усыпленный было человеком, вдруг проснулся в нем и забушевал в крови с удесятеренной мощью.

Крики свиньи становились все тише, все реже, потом перешли в какое-то булькающее хрипение и, наконец, затихли совсем. А волк, рыча, терзал и терзал ее горло уже просто так, упиваясь своей победой, наслаждаясь горячей кровью и теплым мясом.

Из своей коморки выскочил старый Ингур и понесся прямо к месту разыгравшейся трагедии. В руках он держал пожарный багор и кричал, что было сил:

– Чего стоите? Мишаков! Кухтина! Прохор! Бери оглобли, оттаскивай свинья от зверя! Скорей, говорю, скорей!

Крючком багра он зацепил звено цепи поближе к ошейнику и потащил волка к будке. Волк в ярости кинулся было на Ингура, но Ингур крепко вогнал багор в мерзлую землю, предварительно пару раз повернув его, чтобы намотать и закрепить цепь. Волчьи броски были неистовы, но Ингур, весь побагровев от напряжения, крепко удерживал его на месте. Тем временем бойцы кое-как отволокли свиную тушу на безопасное расстояние и остановились в растерянности. Только

Прохоров подбежал к Ингуру, чтобы помочь старику сдерживать волка.

– Не надо, Прохор! Я сама! Беги шибко, цепляй конец цепи на защелку! Ясно?

Прохоров схватил кольцо, на котором держалась цепь на катанке, и потащил его к колу с защелкой. Но до защелки не хватало с полметра.

– Бросай, Ингур! Я успею, пока он добежит до меня! Бросай, не бойся!

– Не успеешь, Прохор! погоди! Карпачев, иди, помоги! вдвоем удержим! Твоя силен шибко!

А волк продолжал рваться, кидаясь то в сторону Ингура, то в сторону Прохорова. Карпачев стоял, как вкопанный, боясь приблизиться к Ингуру хоть на шаг.

– Ну, Карпачев! Сюда шибко! Так долго не удержать!

Повар не шевелился.

И тут молодой, щуплый на вид, блондинистый Мишаков подскочил к Ингуру и схватил за багор обеими руками.

– Постой, Мишаков! Сейчас вместе подыдем и воткнем ближе к будка, там, где сучок лежит! Сорвется – удирай, а я сама управлюсь. Ясно?

Волк рванулся к Мишакову, но они вместе с Ингуром чуть приподняли над землей конец багра, ценой титанических усилий сделали почти полный шаг вперед и снова налегли на багор, вогнав его в мерзлую землю. А Прохоров накинул кольцо на защелку и, проверив ее рывком на прочность, под-

бежал к Ингуру и Мишакову.

Они вырвали багор из земли, освободив волчью цепь, и отскочили. Волк заметался на цепи, но постепенно успокоился и спрятался в будку.

– Эх, ты, повар! Я думал, ты – горный орел, а ты – шипучий гусак домашний! Испугался волка на привязи! Большая ты трус! Только слабых обижать можешь! Бик ты рыжий, вот кто. Ты несимпатичный! Вот какой! Иди на своя кухня. Только там тебе место. Ясно?

Потом Ингур обернулся к Мишакову и обнял его за плечи.

– Спасибо! Помог шибко. Молодец, белый! Хорош боец! Тайга такому не даст пропасть.

На ужин ели свиное жаркое, которое никого почему-то не радовало. Бойцы ели молча, гремя ложками о миски. После ужина все свободные от службы собрались, не сговариваясь, в дежурке. Позднее пришел Ингур и сел на лавку, необычно часто и сильно попыхивая трубкой.

– Что будем с волком делать? – обратился ко всем и в то же время ни к кому капитан Диденко.

– Стрелять надо, командир. А то шибче беда будет, – сказал Ингур.

– Нет! Нет! Ни за что! – нервно возразил Прохоров.

– Ты что же, старшина, предлагаешь ждать, пока он нападет на кого-то из личного состава? А в тюрьму кто сядет? Я?

– Все знают, куда достает цепь, товарищ капитан.

– А подсобное хозяйство – свиней, овец, будем продолжать гробить? Как сегодня?

– Никак нет, товарищ капитан! Мы с Ингуром забор поставим, чтобы живность не могла к нему подходить. Сторож-то он все равно превосходный. Кормить его буду лично я. Ингура он тоже никогда не тронет.

– Сегодня видели, как он вас с Ингуром не трогал. Если бы не сноровка старика, разодрал бы он вас в клочья.

– Так он же взбешен был! Запахом крови разгорячен! Отойдет, успокоится. И все опять по-прежнему будет, товарищ капитан. Пожалуйста, разрешите забор построить.

– А может, отпустить его в тайгу к ядерной бабушке! Пусть идет к своим сородичам, – вмешался Крамарук.

– Нет! – решительно возразил Ингур. – Нет! Он опять придет и мистить будет! Человек духа тайги из ее объятий вырвал! Тайга за это мистит шибко! Не даст еда волку. Голодный станет – сюда прибежит. Здесь охотиться будет. Лучше стрелять, капитан.

– Да ну тебя, Ингур, с твоими первобытными предрассудками! Построй лучше забор, как говорит Прохоров. А там видно будет. Убить никогда не поздно.

– Твоя неправда, капитан! Может быть шибко поздно. Ясно? А забор мы сколотим. Завтра начнем. Верно, Прохор?

На другой день забор был построен. И все успокоились. Волчок принимал еду по-прежнему только от Прохорова да Ингура. Казалось, что все опять идет, как раньше. Заста-

ва по-прежнему несла свою службу. Все ждали наступления весны, а она почему-то никак не хотела наступать. Все медлила, медлила. Но в конце концов все же наступила.

Миновала весна, потом лето и осень. Снова наступила морозная зима. Застава жила прежней, обыденной жизнью. А волк бегал теперь за забором и никому, казалось, не мешал. Все постепенно стали забывать о его недавней кровавой расправе над свиньей. Волчок был обычным Волчком и по-прежнему всеобщим любимцем.

Этой ночью ударил крепкий мороз. Так что когда повар вскоре после смены наряда охраны Государственной границы встал, чтобы приступить к приготовлению завтрака, ему еле удалось отворить дверь в сени. Вода в ведрах тоже замерзла. Нужно было срочно растапливать печку.

С похмелья трещала голова. Карпачев нащупал в кармане ключи и принялся отпирать дверь в кладовую. Руки дрожали, и замок никак не поддавался. Наконец, замок щелкнул. Дверь открылась, и Карпачев вошел в кладовую. Нащупав на полке керосиновую лампу, он снял стекло и чиркнул спичкой. Спичка зашипела и тут же погасла.

– Отсырели, проклятые!

В конце концов, ему удалось зажечь лампу. Кладовая наполнилась тусклым светом, и Карпачев вскарабкался по стремянке на самый верх. На верхней полке стеллажа среди редко употребляемого кухонного хлама стояла закутан-

ная в тряпье пятилитровая бутылка с самогоном. Он привез ее на этой неделе из поселка. Конспиративно – в мешке с мукой. У тунгусов на патроны выменял, договорившись заранее во время прошлой поездки. Карпачев налил полстакана. Вожделенный запах приятно щекотал ноздри. Секунды две поразмыслив, он решительно плеснул еще немного и залпом осушил стакан. Морщась, он достал из кармана припасенный соленый огурец и, хрустя, загрызнул им выпитую порцию «первачка».

– Ух, хороша, сучий потрох!

Он скрутил самокрутку и закурил. Посидев минут пять, пока самогон разошелся по всем жилочкам приятным теплом, Карпачев направился в кухню, где уже должен был возиться с печкой этот молокосос Мишаков. Но на кухне было темно и пусто.

– И снова этот бездельник проспал! Придется опять идти поднимать эту скотину ленивую. Вот уж харю начищу, так начищу!

Карпачев старательно затоптал окурки. Постояв с минуту в нерешительности, вернулся в кладовую и снова полез вверх по стремянке. «Только бы не перебраться! Ничего, еще рано. Пока начальство встанет, весь хмель уже пройдет. А сейчас душа просит! Да, грамм пятьдесят еще, пожалуй, можно». Налил еще четверть стакана, выпил и закусил остатком огурца. Поправив ремень и шапку, чтобы придать себе самый что ни на есть деловой и озабоченный вид, он резко распахнул

дверь и решительно шагнул во двор, направляясь к казарме. Но, едва сделав первый шаг, он сквозь хмельной шум в голове услышал из глубины двора лязг цепи и злобное рычание.

Через двор на него с яростным рыком неся Волчок, а вслед за ним, звеня и подпрыгивая, летела цепь.

– Йось твою душу мать! – выругался шеф-повар, едва успев заскочить в свою подсобку и захлопнуть за собой тяжеленную дверь. Волк с силой ударил в нее всей массой своего мощного корпуса, но Карпачев вовремя успел задвинуть засов.

– Вот сука проклятая! Чуть за жопу не схватил! Да и как у меня пьяного проворства еще хватило! Все же успел удрать! А все из-за этого бездельника Мишакова! Встань он вовремя, он бы эту зверюгу и обнаружил. А теперь вот, принимай за него решение, изволь радоваться. Начальству докладывать придется. А я под хмельком, черт подери!

Карпачев подошел к индукторному телефону и нервно завертел ручку.

– Алло! Алло! – ответило сразу несколько голосов.

– Ураган! Я – Сосна! Ответьте!

– Чего тебе, Карпачев? – послышался сонный голос Крамарука, – Чего трезвонишь? Из кухни сюда зайти лень?

– Никак нельзя, товарищ старший лейтенант! Волк оторвался, свободно по двору бегает. А за ним цепь волочится. Злой такой, чуть меня, гад, не сожрал. Застрелить надо!

– Да ты погоди стрелять! Горячий какой! Сейчас Прохо-

ров с Ингуром разберутся. Они у нас за волка в ответе. А ты своим делом занимайся. Скоро подъем, завтрак должен быть готов!

– Так опять же этот бездельник Мишаков проспал! Как мне его поднять да сюда пригнать?

– Сам пока поработай. А с ним мы тут сами, без тебя разберемся.

– Что будем делать, Прохоров? – спросил Диденко.

– Я предлагаю, товарищ капитан, вот что. Позвонить Карпачеву на кухню. Пусть он бросит к будке какую-нибудь приманку для волка. Я кликну Ингура. Пусть они с Мишаковым выйдут с багром и запасными принадлежностями для закрепления цепи и закрепят ее, пока он рядом с будкой будет. Как тогда, когда со свиньей было. Помните?

– Так тогда же волк на цепи сидел, а сейчас он вольно гуляет. Разница есть?

– Есть, конечно. Но другого выхода нет. Пристрелить всегда успеем, товарищ капитан. А я буду страховать их. Рядом, с карабином в руках. Чуть какая угроза – ничего не подделаешь, пристрелю волка. Разрешите позвонить в казарму?

– Ладно. Звони.

Прохоров завертел ручку индуктора. Дал три коротких звонка.

– Дневальный рядовой...

– Вот что, дневальный. Прохоров говорит. Мишакова мне. Мишаков? Слушай, ты сможешь тихонько выскочить и про-

скользнуть к Ингуру? У него там пожарный инвентарь и все прочее. Выйдешь с ним, когда я приманю Волчка к будке, и поможешь ему, как в прошлый раз, помнишь?

– Попытаюсь, товарищ старшина. Только страшно. Волк-то на воле!

– Не бойся. Мы тебя прикроем. Чуть что, я сам его пристрелю. Понял? Тогда жди моей команды. Сейчас я с Ингуром договорюсь. У него ведь в коморке телефона нет.

Прохоров положил трубку и открыл форточку.

– Ингур! Ты меня слышишь, Ингур?

– Слышу! Чего тебе, Прохор? – прокричал Ингур в приоткрытую дверь.

– Волк оторвался, ходит по двору!

– Видел уже! Чего делать хочешь?

– Сейчас Мишаков придет к тебе! Возьмите, что надо – багор, запасную защелку для цепи! Короче, тебе виднее, что там еще! Чтобы волка привязать. Выйдите, когда Волчок возле будки будет! Карпачев ему туда мясо бросит. Сделайте все, как тогда, когда он свинью зарезал. А сейчас возьми карабин и подстрахуй Мишакова. Чуть что – стреляй. А я отсюда страховать буду.

– Что значит страховать? Я не понимаю!

– Это значит, Волчка под прицелом держать! Если что – стрелять! Понял?

– Ясно понял! Пусть идет Мишаков. Я жду!

Прохоров опять позвонил.

– Дневальный, Мишакова! Мишаков, иди тихонько к Ингуру в коморку. Он впустит тебя и закроет дверь. Мы с ним вдвоем тебя страхуем с карабинами. Готов? Ну, с Богом, как говорится!

Прохоров приоткрыл дверь и стал так, чтобы весь путь от казармы до коморки был открыт. Держа наизготовку карабин на боевом взводе, он краем правого глаза наблюдал одновременно за волком. Все застыли в напряженном молчании.

Открылась дверь казармы. Мишаков, озираясь, тихой, осторожной походкой двинулся к коморке Ингура. Волк его заметил, но с места не двинулся. Только смотрел в его сторону, наострив уши. Вот и дверь коморки. Ингур приоткрыл ее, и Мишаков спокойно вошел.

– Так. Одно дело сделано. Теперь подождем, пока они подготовятся. Все будет в порядке – вот увидите.

Грязно ругаясь, Карпачев принялся растапливать печь. Пламя уже гудело вовсю, и вода в баках почти закипела, когда затрещал телефон.

– Слушаю! Карпачев!

– Очень хорошо, Карпачев! У тебя есть какая-нибудь приманка для волка?

– Какая приманка? Зачем приманка? Товарищ старшина! Где я ее возьму?

– Ты что, уже похмелиться успел? Простых вещей не понимаешь! Кость от вчерашнего обеда, мясо, наконец!

– Так точно, товарищ старшина! Есть кусок мяса на кости. Добрячий такой, аппетитный! Только холодный.

– Да хер с ним, пусть холодный! Сейчас Ингур, Мишаков и я займем позиции во дворе, а ты выйди и швырни его волку, поближе к будке. Он к нему подбежит, схватит, а мы успеем закрепить волка на цепи, понял?

– Да? Я уже выходил к нему, так он на меня сразу кинулся. Чуть не растерзал!

– Так уж и растерзал! Приоткрой свою дверь да швырни поближе к будке, понял? Он у ворот ходит, до тебя сразу не добежит. Ну-ка, давай! Живо!

– Слушаюсь, товарищ ...

Но Прохоров уже повесил трубку.

Опять ругнувшись, Карпачев вынул из котла кусок мяса.

– Ишь, тварюга! Какой кусок-то! Самому бы съесть! На кухне служишь, а такого не поешь вволю.

Карпачев откусил кусок холодной отварной говядины и с наслаждением принялся жевать. Но тут снова затрещал телефон.

Карпачев снял трубку.

– Слушаю!

– Да ты что там, завтракаешь, что ли? Закусываешь после опохмелки? А ну, выходи, делай, что велено! Живо!

– Слушаюсь, товарищ капитан!

Карпачев подошел к двери, послушал. Вроде тихо. Отодвинув осторожно засов, приоткрыл дверь и выглянул во

двор. Уже почти рассвело. Волк стоял у ворот и смотрел в сторону своей будки.

– Хорошо, что я вчера заставил этого бездельника смазать дверь. Не скрипнула. А то бы этот зверюга уже бежал сюда, чтобы растерзать меня.

Не выходя за порог, Карпачев размахнулся и, выкрикнув «Волчек! На!» – некоординированным броском швырнул кусок к будке. Но он полетел к двери дежурки. А волк, гремя цепью, кинулся не к мясу, а к Карпачеву. Тот поспешно захлопнул дверь и задвинул засов. Слышно было, как волк толкнул ее и куда-то отбежал.

– Ну, все. Я свое дело сделал. Пусть теперь сами там управляют. А я от командира свое задание имею – завтраком займусь.

Диденко стоял у окна.

– Тьфу, ты! Пьяная харя! Совсем не туда кость бросил.

– Бросил, как бросил, товарищ капитан. У меня есть план на этот счет. Разрешите действовать?

– Действуй, Прохоров. Что поделаешь!

Прохоров подошел опять к форточке.

– Ингур! Ингур, где ты там?

– Здесь! Здесь я! – крикнул Ингур, стоя у открытой двери своей коморки.

– Сейчас я выйду, возьму мясо и подманю Волчка к будке. А вы с Мишаковым действуйте, как договорились! Понял?

– Ясно понял! Погоди мало-мало! Мы сейчас!

Через несколько минут Ингур открыл коморку и крикнул:

– Прохор! Мы идем. Только ты не выходи раздетая! Надень полушубок и застегнись. Ясно?

– Зачем он мне? Так легче.

– Простудиться шибко можно. Понял? Давай, одевайся проворно!

– Да ты делай, что тебе говорят! Некогда мне одеваться да наряжаться!

– Тогда мы с Мишаковым не выйдем, ясно?

– Вот упрямый старик, черт бы его побрал! Придется одеться.

Прохоров вышел во двор в полушубке, застегнутом на все пуговицы. Он подошел к мясу, которое уже успело задубеть на морозе, поднял его и обернулся к волку. Тот стоял неподвижно. Прохоров спокойно приблизился к будке. Потом, протягивая кусок, позвал:

– Волчок! Волчок! На! Покушай!

Волк поднял голову, понюхал воздух и медленно, временами останавливаясь, двинулся к Прохорову. А с другой стороны двора шли Ингур с багром и карабином и Мишаков с другим багром. Волк не обратил на них внимания и подошел к Прохорову. В двух метрах от него волк остановился.

– Волчок! Волчок! Возьми, покушай!

Прохоров сделал шаг назад, к будке, и протянул волку мясо.

– Волчок! На!

Волк стоял, шевеля ноздрями и чуть оскаливая клыки. Наклонившись, Прохоров снова протянул мясо. И в это мгновение волк неожиданно кинулся на Прохорова, пытаясь схватить за горло. Тот рывком отпрянул в сторону, и волк вцепился ему в плечо, рванув с дикой звериной силой полушубок вместе с кителем, гимнастеркой, бельевой рубашкой и телом. Прохоров со стоном повалился на землю, а сзади с сухим треском прогремели два раскатистых выстрела.

Прохоров открыл глаза и увидел, что рядом в предсмертных конвульсиях, обагрив кровью снег, в предсмертных конвульсиях бьется мощное, мускулистое тело волка. Прохоров медленно встал и подошел к нему, преодолевая боль в плече.

– Волчок! Волчок! Зачем же ты, а?

Волк открыл глаза, уже подернутые смертной пеленой, и в последний раз встретился взглядом с Прохоровым. Из них на окровавленный снег скатились две крупные слезы, чистые, как горный хрусталь.

Волчьи глаза медленно закрылись. На этот раз навсегда. А Прохоров присел над остывающим питомцем, взял в руки его серую голову и, глотая слезы, бессмысленно забормотал:

– Волчок... Волчок... Зачем же ты так... Волчок?..

Сзади подошел Ингур.

– Ладно, Прохор! Иди в лазарет перевязка делать! Негоже плакать солдату! А тут тайга. Она сурова. Забрал своего духа к себе. А нас наказал мало-мало. Хорошо, что не шибко! Ну, пойдём. Я помогу тебе полушубок снять.

Юлий Гарбузов
22 января 2001 года
Харьков, Украина

Вселенские уравнения

Научно-фантастическая повесть

Все персонажи и события этой повести вымышлены. Любые возможные совпадения имен, фамилий, портретных черт, характеров, образов, ситуаций, высказываний и взаимоотношений между людьми чисто случайны, поэтому автор никаких претензий на этот счет не принимает.

65-летнему юбилею профессора

Юрия Ивановича Волощука

посвящается

Когда на сердце тяжесть,

И холодно в груди,

К ступеням Эрмитажа

Ты в сумерки приди,

Где без питья и хлеба,

Забывшие в веках,

Атланты держат небо

На каменных руках.

Александр Городницкий,

«Атланты».

Идея, внезапно вспыхнувшая в воображении Калинича,

вот уже который месяц не давала ему покоя. Поражали не только ее значимость и оригинальность, но также необыкновенная простота, дешевизна и доступность в осуществлении. Всем существом своим Калинич чувствовал мощнейший потенциал этой идеи. И о чем бы он не начинал думать, логическая цепочка размышлений в конечном итоге непременно приводила к навязчивой мысли о создании экспериментальной установки, ее реализующей.

Эта мысль прочно засела в его голове и разрасталась с каждым днем. Вскоре она заполнила каждую извилину, каждую живую клетку его мозга. Она повсюду следовала за ним, как тень, грызла его днем и ночью, точила, как ржа железо, и начисто лишила сна. Укрыться от нее было некуда – она преследовала его повсюду, куда бы он ни направлял свои стопы. Все, абсолютно все в жизни Леонида Палыча отодвинулось на второй план, даже основная работа. А ведь ему недавно исполнилось пятьдесят семь – пора бы уже всерьез подумать о приближающейся пенсии. Душа разрывалась на части, работа никак не клеилась, и думать он мог только об экспериментальной проверке своей идеи, больше ни о чем.

Голос разума менторским тоном наставлял: «Калинич, будь благоразумен. Вспомни, сколько тебе лет. Оставь юношеские иллюзии. Действуй рационально. Делай то, что необходимо для работы, для пенсии, для твоего личного благополучия и благополучия семьи». Но демоны подсознания в самые решительные моменты вкрадчивыми голосами нашеп-

тывали искусительные речи: «Калинич, не топи свой талант в рутинном болоте карьеры, стабильности и благополучия... Ты же знаешь: все это не более, чем мышьяная возня. Брось все и займись воплощением своей идеи. Она же безукоризненна. Ведь это итог всей твоей жизни, черт побери... Овчинка стоит выделки. У тебя получится, и ты пожнешь лавры великого первооткрывателя, равного которому не знает история человечества».

Калинич отдавал себе отчет в том, что, хотя посулы демонов чрезвычайно соблазнительны, но искушая, они чаще всего обманывают. Однако же... не всегда! В том-то все и дело, что иногда – быть может, раз на миллион, а то и того реже, они говорят правду. Иначе кто бы тогда мог соблазниться их посулами? Как в лотерее или карточной игре. И если бы все люди были настолько стойки, чтоб их искушениям не поддаваться, человечество лишилось бы многого. И его прогресс остановился бы...

В конце концов, Калинич устал и сдался на милость назойливых демонов своего подсознания – пошел по пути наименьшего сопротивления. И всю свою дальнейшую жизнь он подчинил этой новой безумной идее.

I

Пустив работу на самотек, Калинич взялся за постановку эксперимента. Не осуществить его Леонид Палыч просто не мог – он шел к нему в течение всей жизни. Но для этого требовались время, терпение и кропотливый труд. Все необ-

ходимые детали и материалы были, слава Богу, под рукой – он ежедневно работал с ними в институтской лаборатории. Лучшим местом для постановки и проведения эксперимента была эта самая лаборатория, в которую Леонид Палыч пришел еще юношей, прямо со студенческой скамьи. Что же касается терпения и трудолюбия, то их ему было не занимать.

Компьютерные программы были самым сложным звеном работы. Для их создания требовалось не только глубокое знание самой сути идеи, но и умение формализовать ее и воплотить в виде формул и машинных команд. Программы можно было создавать и отлаживать дома, сидя в личном кабинете у собственного компьютера. Но поддержки в семье Леонид Палыч в этом не находил. Впрочем, как и во всем остальном. Долгое времяпрепровождение в отрыве от самых насущных семейных дел вызывало злость, раздражение и непрерывные упреки со стороны жены. Сыновья с детства привыкли во всем вторить матери. Естественно, работать приходилось, в основном, по ночам, когда жена спала. А дети, слава Богу, были уже взрослыми и жили отдельно – каждый со своей семьей.

Но «клепать железо», то есть создавать материальную часть экспериментальной установки, можно было только в лаборатории, причем в рабочее время. Окружающие видели, что он упорно трудится, но чем он занимается конкретно, мог понять далеко не каждый. Да это, собственно, до поры до времени не интересовало никого. Свою основную работу

Калинич полностью переложил на подчиненных и всецело посвятил себя осуществлению задуманного. Он испытывал мучительные угрызения совести, но ничего не мог с собой поделать.

А время шло. Постепенно, невзирая ни на какие препятствия, программные пакеты были созданы и скрупулезно отлажены. Создавать и тестировать их помогала Аня – давняя подруга Леонида Палыча. Она была опытным программистом и единственным в мире человеком, осведомленным о замысле и цели предстоящего эксперимента. Но в принцип действия установки она никак не хотела вникать, как она неоднократно высказывалась, в силу разных причин. Кроме нее никто не был в состоянии вдохновить, поддержать, или хоть мало-мальски понять увлеченного ученого. Она была единственным в мире верящим в него человеком, и только ей мог спокойно довериться Леонид Палыч.

Наступил день, которого Калинич ждал столько времени, к которому упрямо шел, преодолевая множественные сомнения и препятствия. Задолго до обеденного перерыва он сделал последнюю пайку и с облегчением выключил паяльник. Все! Готово! Тьфу-тьфу – три раза через левое плечо! Леонид Палыч откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Только сейчас он почувствовал голод и вспомнил, что уже конец июля, что на улице палящий зной, что с мая месяца не было дождя, что почти все коллеги в отпуске. Да ведь и сам он вот уже девять дней, как числится в отпуске. Но какой мо-

жет быть отпуск, когда созрела столь грандиозная идея, и так приблизилось ее осуществление?! И если он ее не проверит тут же, немедленно, то непременно окажется где-нибудь в психушке или в кардиологической клинике! А с чего это он уже расслабился? Не рано ли? Нет-нет, надо спешить! Мало ли какие могут возникнуть осложнения. Надо действовать! Проверить, срочно проверить эту необычную и столь многообещающую идею! Ведь даже самая стройная, перспективная, изящная и красивая теория может быть в одно мгновение разрушена до основания одним-единственным, грубым, элементарным опытом.

Калинич встрепенулся, словно ему на голову внезапно вылили ведро холодной воды. Он поспешно собрал оба полукомплекта и подключил к управляющим компьютерам исполнительные блоки с рабочими боксами. Пока коллеги в отпуске, можно воспользоваться их компьютерами. Он счел, что девочка-практикантка и два лаборанта, работавшие с ним бок о бок, будут ему мешать при первом испытании, и, несмотря на зуд нетерпения, решил подождать до конца рабочего дня, когда все разойдутся по домам. Тогда можно будет спокойно провести, наконец, свой долгожданный эксперимент, не привлекая ничьего внимания и избежав всяких ненужных вопросов типа «что?», «как?», «зачем?» и тому подобных. От этого эксперимента зависит все: итог доселе прожитой жизни, самооценка, планы на будущее, дальнейшее благополучие и взаимоотношения со всеми окружающими.

ми. Поэтому нервы Калинича были напряжены до предела.

Внезапно Калинича охватило беспокойство и какой-то животный страх перед предстоящим экспериментом. Как перед смертным боем. Дрожали руки, млели икры, перехватывало дыхание. Калинич сделал несколько глубоких вдохов, но в воздухе, казалось, было недостаточно кислорода. Отчаянно колотилось сердце, готовое вдребезги разнести грудную клетку и выскочить наружу. За грудиной нарастала тупая давящая боль, с которой он успел познакомиться лет пять тому назад. «Не хватало еще приступу разыграться! – подумал Калинич. – Как некстати!»

Леонид Палыч полез в карман за валидолом. Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, он прикрылся носовым платком, будто вытирает губы, и незаметно сунул под язык огромную таблетку. Раскрыв изрядно потрепанную рабочую тетрадь, Калинич бессмысленно уставился в нее невидящим взором и принялся листать, словно в срочном порядке выискивая какую-то архиважную запись. Наконец, валидол начал действовать, и удушающая боль постепенно отступила. Но Калинич все продолжал сидеть над тетрадью, опасаясь ее возвращения. В голове теснились, наползая одна на другую, тревожные мысли.

Да... Предстоит последний, итоговый эксперимент, который, по идее, должен завершиться успешно и положить конец его треволнениям. Калинич представил себе, как все вокруг будет удивляться его результатам, как его имя прогре-

мит на весь мир во всех средствах массовой информации, как вместе с ним будут радоваться его друзья и близкие, как будут от злости скрежетать зубами завистники и злопыхатели. А уж он...

А что, собственно, он? Сколько раз уже в процессе работы над этой идеей ему приходилось переживать подобные ситуации! И всегда поначалу казалось, что все проблемы решены и остается только сделать последний, решающий шаг. Но почему-то после свершения этого шага ключевая проблема порождала множество новых, которых он никак не мог предвидеть заранее. А финал в очередной раз отодвигался на неопределенный срок. И, едва оправившись от следующего удара судьбы, он упрямо начинал все сначала. Калинич не исключал, что этот процесс может оказаться бесконечным, а идея – принципиально неосуществимой, несмотря на кажущуюся простоту и логичность.

Неужели его снова ждет удар и горькое разочарование? Тогда – полный крах, которого он может не пережить. Сделан ход ва-банк. На карту поставлено все: его официальная работа, престиж как ученого, перспектива дальнейшего пребывания в своей должности и в институте вообще. Пожалуй, у него уже не будет ни сил, ни физической возможности начать все заново. Его с треском вытурят из института, даже не дав доработать до вожделенной пенсии. А дома?.. Какие чудовищные упреки услышит он от жены?.. Что скажут сыновья?.. Об этом не хотелось даже думать.

Интересно, какой же сюрприз готовит ему на сей раз госпожа Фортуна? Неужели эта привередливая барышня снова повернется к нему задом? С одной стороны, Калиничу не терпелось как можно скорее узнать ответ на роковой вопрос: верны ли его теория и ее инженерное решение. И что же таится там, за гранью неизведанного? А с другой – сомнения и страх перед неопределенностью сковывали, парализовали его действия. Но научное любопытство все же брало верх, а остальные проблемы Калинич вытеснил из круга насущных мыслей, загнал в самый отдаленный уголок памяти.

Сегодня Леонид Палыч позавтракал еще в половине восьмого утра, и голод уже ощутимо давал о себе знать. Он выключил компьютеры и направился в столовую, где взял обед из первого, второго и третьего. Но аппетита не было. Он попробовал борщ и тут же отодвинул тарелку. Борщ резко отдавал недоваренной свеклой, чего Леонид Палыч не переносил с детства. Котлета тоже была тошнотворной. Жир буквально тек из нее. Казалось, она состояла только из хлеба и сала. Калинич съел один гарнир, макаронные рожки, и запил компотом. Кое-как умерив остроту голода, он медленно двинулся в свой корпус. Чтобы как-то убить время, оставшееся до конца дня, Леонид Палыч обошел полупустую лабораторию, заглянув в каждую комнату. В стендовой его пригласили на чашку кофе. Потягивая горячий ароматный напиток, сотрудники говорили о политике, о повышении цен, о невыносимой жаре, о море, но Калинич так и не смог включиться

в разговор – думал лишь о своем эксперименте. Его мысли гудели, жужжали и вибрировали, перебирая все возможные варианты хода предстоящего испытания.

Поблагодарив коллег за кофе, Леонид Палыч вышел в коридор и принялся звонить по мобильному телефону. Он позвонил жене, сыновьям, невесткам, поговорил со старшим внуком и пожелал ему удачи в предстоящих соревнованиях по настольному теннису. Посмотрев на часы, он отметил, что «убил» всего-навсего чуть больше часа.

Не зная, куда себя девать, Леонид Палыч выглянул на улицу. Было пасмурно, но жарко и душно. Ни малейшего намека на прохладу. Пахло дождем, однако дождь все никак не начинался. Временами поднимался небольшой горячий ветер и начинал кружить в воздухе пыль, проникающую буквально во все щели и складки, сухую траву, бумажные обрывки и прочий мусор. Откуда-то издали иногда даже слышались невнятные бормотания грома.

Леонид Палыч прошелся по коридорам института, забрел в библиотеку и стал рыться в каталогах, выискивая новинки по знакомой тематике. Одни и те же авторы. Набившие оскомину перепевы старого. Встретилось несколько новых фамилий, но рефераты их работ ничего интересного не сулили. Сплошь научный мусор. Читальный зал был пуст. Только две молоденькие библиотекарши просматривали какой-то красочный журнал, то и дело заливаясь звонким смехом. Леонид Палыч взял пару литературных журналов и, полистав,

принялся читать какую-то современную повесть. Но он никак не мог сосредоточиться на тексте, и смысл прочитанного все время куда-то ускользал.

В голове роились мысли только о предстоящем эксперименте. Как поведет себя установка? Нет ли промахов в его программах или, не приведи Господь, в теории? Не подведут ли компьютеры? От казусов в питающей сети они защищены источниками бесперебойного питания, но сами компьютеры могут «зависнуть» или сбиться в процессе счета. Да, здесь, конечно, требуется значительно более высокая надежность, чем та, которую гарантируют обычные машины. Здесь, по большому счету, нужны мажоритарные системы с многократным резервированием! При всем при этом сбой может дать что угодно. По закону природы сбоять может все... Калинич попытался прогнать эту мысль. По опыту он знал, что если в ответственный момент думать о законах Мерфи, они не преминут проявиться во всей полноте своей. Впрочем, если идея липовая, то никакая надежность не поможет. Нет, все-таки эксперимент должен ответить на главный вопрос: верна ли его идея? Будто бы все логично, все сходится. Но в реальном мире действуют факторы, которых и духу нет ни на бумаге, ни в компьютерных моделях! Одно дело на бумаге, где все красиво, логично и убедительно, другое – в изделии, в металле. Кроме того, он все время варился в собственном соку. Аня не в счет. Да... Если идея работает в сознании, в мысленной модели мира, это еще не значит,

что она окажется работоспособной в действительности. Мир сознания – он полностью под нашим контролем. Там все законы устанавливаем мы сами. А в реальном мире они от нашего сознания не зависят и таят в себе множество подводных камней.

Калинич никому не излагал сути своей теории, никто из специалистов его не проверял и не критиковал, ни с кем он не дискутировал. Он постоянно подавлял в себе почти непреодолимый соблазн поделиться своими идеями с квалифицированными коллегами. Но по собственному горькому опыту Калинич знал, чем заканчиваются подобные откровения. Глупцы поднимут его на смех, будут шпынять подначками, насмешками и подковырками, а умные сначала сделают вид, что не придали его идеям никакого значения, но, намотав все как следует на ус, потом опередят его, такого медлительного от природы, и скажут, что давно работали над этим, только держали свои идеи в секрете. И останется он, Калинич, снова в дураках, как это уже неоднократно случалось. Но он видел и обратную сторону медали: а вдруг ему только кажется, что его рассуждения логичны и уравнения безукоризненны, а на самом деле все абсурдно, глупо и по-детски наивно? Что будет, если эксперимент не пойдет? Что ж, отрицательный результат – тоже результат. Но тогда сколько усилий, размышлений, рассуждений, соображений и поисков лопнет на глазах, как мыльный пузырь! Он этого не переживет – дело может кончиться «дуркой» или кардиологией. Зато хоть измываться над ним никто не будет.

Но если эксперимент удастся... Что ж, тогда можно будет о своей теории заявить во всеуслышание, продемонстрировав ее плоды на практике. Тут уж ни злопыхатели, ни завистники, ни конкуренты ничего не поделают. Против фактов не попрешь...

Леонид Палыч снова вспомнил о неумолимом приближении конца этапа основной работы, и что он уже вряд ли успеет к намеченному сроку даже при самых благоприятных обстоятельствах. Эта мысль кольнула его в самое сердце, и он постарался прогнать ее от себя, вытеснив из памяти начисто. Ну да черт с ним! Если его идея жизнеспособна, то все вместе взятые работы лаборатории по сравнению с нею не будут стоить и ломаного гроша! Но это при условии, что он не рехнулся. Такое дело не то что Нобелевской премией пахнет – это открытие века, а то и тысячелетия. Но вдруг он такой же сумасшедший, как и тот тип, который когда-то морочил голову шефу, ныне покойному академику Шилянскому, утверждая, что может получать золото из мусора? Кстати, кто его знает, а вдруг он и вправду может?.. Да тут от одних «вдруг» рассудка лишишься! Надо решиться...

– Леонид Палыч, сдайте, пожалуйста, журналы. Мы закрываемся! – сказала библиотечка. – Впрочем, можем разрешить Вам в виде особого исключения взять журналы домой.

– Спасибо, девочки, за доверие. Но лучше будет, если я их сдам, – ответил Леонид Палыч и посмотрел на часы.

Пора. Он вернул журналы и направился в свою лабораторию. Дождя все не было. Оба лаборанта уже ушли, а практикантка сидела со скучающим видом у стола, и, болтая по мобильному телефону, ждала своего шефа. Когда Леонид Палыч вошел в лабораторию, она со вздохом возмущения многозначительно посмотрела на часы.

– Простите, Ниночка, за задержку. Не переживайте. Завтра выйдете на пятнадцать, нет, на полчаса позже, – произнес Леонид Палыч тоном оправдывающегося школьника.

Ниночка только снисходительно улыбнулась: бывает, мол. Небрежно накинув на плечо ремешок модной сумочки, она, не переставая болтать по мобильнику, вышла из лаборатории, плотно затворив за собой дверь.

Ну, слава Богу. Все. Кажется, можно начинать. Для пущей надежности Леонид Палыч запер на ключ входную дверь и включил, наконец, компьютеры. Дождавшись завершения загрузки, он несколько секунд пребывал в нерешительности. «Ну, с Богом!» – подумал он и запустил управляющие программы. Теперь можно включать питание полукомплектов. Он решительно надавил на кнопку сначала на своем рабочем месте, потом на том, что в другом конце лаборатории. Аппаратура замигала огоньками светодиодов, а через некоторое время на обоих мониторах появились сообщения о готовности к действию.

Леонид Палыч открыл заслонку бокса, стоявшего на его лабораторном столе, и стал размышлять над тем, что бы в

него загрузить. Под рукой оказался микрокалькулятор, и он, не задумываясь, сунул его в бокс и старательно задвинул заслонку. Убедившись, что второй бокс пуст, запер и его. Теперь можно активировать программы. Леонид Палыч пошел ко второму компьютеру и, глядя на монитор, сделал несколько щелчков мышкой. На экране вспыхнуло сообщение: «Установка к приему готова». Леонид Палыч несколько секунд поколдовал над другим полукомплектom и, получив сообщение о готовности к передаче, со словами «была-не была» кликнул на надписи «Передать». Монитор на мгновение погас, и через несколько секунд томительного ожидания на нем появились веселые «смайлики» и надпись: «Объект успешно передан». Сердце колотилось с такой силой, что его стук, казалось, был слышен за дверью. С неописуемым волнением Калинич подскочил ко второму полукомплекту. Там на мониторе светилось сообщение: «Объект принят».

Дрожащей рукой Леонид Палыч отодвинул заслонку и заглянул в бокс, который несколько минут тому назад был пуст. Калинич едва не лишился чувств, когда увидел, что в нем, как ни в чем не бывало, преспокойненько лежит его микрокалькулятор. Убедившись, что калькулятор полностью работоспособен, Леонид Палыч проверил первый бокс, в который загружал калькулятор. Он был пуст.

Чтобы не упасть в обморок, Леонид Палыч сел на ближайший стул и облокотился на стол. Надо прийти в себя и непременно продолжить эксперимент. Произошло собы-

тие, о котором доселе человечество могло только мечтать... Осуществлена транспортировка предмета из одной камеры в другую – так называемая телепортация. Реальная, управляемая телепортация! Боже мой! Опыт перешагнул все границы мыслимого и немислимого! Перспективы этого изобретения трудно себе вообразить! Человеческое воображение ограничено, и действительность всегда превосходит все ожидания и прогнозы...

От прилива чувств Леонид Палыч изо всей силы часто-часто постучал себя кулаком по ладони и заорал от восторга на всю лабораторию:

– Ай да Калинич! Так ты, оказывается, с самого начала был прав на все сто!.. А сомневался ведь, сомневался до последнего, сукин сын! Тебе всю жизнь не хватало уверенности в себе! Но какой же ты, старый валенок, все-таки молодец, черт тебя подери! Иногда, значит, полезно делать не то, чего от тебя требуют, а то, к чему душа стремится! Да будь ты аккуратным исполнителем указаний начальства – хрен бы ты чего достиг в этой жизни!

Да... Теперь-то уж о нем заговорят!.. Вот теперь все узнают, что собой представляет он – Леонид Павлович Калинич, скромный кандидат технических наук из лаборатории службы времени и частоты! И эти молодые выскочки – новоиспеченные доктора наук – снова заговорят с ним с таким же почтением, как и двадцать лет назад! Жаль только, что ему уже пятьдесят семь... Но ничего, при желании и соответству-

ющем образе жизни лет двадцать, а то и все двадцать пять можно еще творчески потрудиться. Теперь-то к нему будет совсем иное отношение. Он получит в свое распоряжение большую лабораторию, а то и целый институт! Впрочем, зачем ему институт? Хватит с него и лаборатории. Он назовет ее «Лаборатория телепортации», наберет замечательный коллектив, который впоследствии войдет в мировую историю... И сейчас нужно только трудиться, трудиться, трудиться! Пахать, что называется. А мечты – потом. Ведь он всегда был неисправимым мечтателем. Но главную свою мечту он, пожалуй, осуществил. Можно сказать, что цель его жизни достигнута. Неужели он вот так неожиданно вдруг стал первооткрывателем? Просто не верится...

С этими мыслями Леонид Палыч снова принялся за работу. Он попробовал передать калькулятор в обратном направлении. И снова получилось. Радуюсь как ребенок, он передавал из бокса в бокс все, что только попадалось под руку: свои часы, авторучку, диктофон, мобильник, компакт-диск, кошелек с деньгами и невесть что еще. Вещи перемещались из одного бокса в другой, нисколько при этом не изменяясь и полностью сохраняя работоспособность. Леониду Палычу захотелось осуществить передачу предметов в другую комнату, и он уже принялся было разбирать один полукомплект, готовя его к переносу в соседнее помещение.

Но тут Калинич вздрогнул от громкого стука во входную дверь. Оторопев от неожиданности, он несколько секунд сто-

ял в недоумении, но потом, наконец, сообразил, что нужно открыть. Его взору предстал вахтер с одутловатым лицом, от которого за версту разило самогоном.

– Вы тут не заснули? – недовольно спросил он. – Пора бы Вам пошабашить и домой, товарищ ученый. А то я Вам электричество выключу. Из-за Вас одного я никак не могу институт закрыть. Вы на часы давно смотрели? Половина одиннадцатого ночи на дворе!

– Извините. Заработался. Все, заканчиваю уже. Конец.

Вахтер удалился, что-то бормоча себе под нос, а Калинич принялся выключать аппаратуру и приводить рабочие места в надлежащий вид.

Опечатав лабораторию, Леонид Палыч спустился вниз и разбудил вахтера, успевшего уже задремать в своей клетушке после непритязательного ужина, основательно сдобренного горячительным снадобьем. Вручив ему ключи и пожелав спокойного дежурства, Калинич вышел на улицу. Было все так же жарко и душно. От пыли першило в горле. Иногда набегали легкие порывы горячего ветра, не приносявшего и признака прохлады. На небе – ни единой звездочки.

Леонид Палыч уже подходил к станции метро, когда в кармане резко зазвучала веселая мелодия мобильного. Зрение не позволило ему рассмотреть, кто звонит.

– Слушаю! – крикнул он в трубку.

– Леня! – раздался в телефоне голос Ани. – Ты сейчас дома? Говорить можешь?

– Анечка! Конечно же, могу. Я не дома, я только направляюсь домой с работы – подхожу к станции метро, что возле нашего НИИ.

– Да? Странно. А почему же ты мне до сих пор ни разу не позвонил? Не ожидала от тебя этого, – сказала она обиженным тоном.

– Анюта, солнышко, прости ради Бога. Я завозился с экспериментом. Так разволновался, что забыл обо всем на свете, даже позвонить тебе, моей вдохновительнице, надежде, опоре и утешительнице! – оправдывался Леонид Палыч.

– Ну и как?.. – робко поинтересовалась Аня.

– Анечка, все получилось! Передача материальных объектов идет в обоих направлениях! Я многократно проверил! Без сучка и задоринки! – прокричал Леонид Палыч с волнением. При этом несколько прохожих обернулись и посмотрели в его сторону – кто с раздражением, кто с удивлением, а кто с нескрываемым пренебрежением.

– Да что ты говоришь! Поздравляю, Ленечка! Поздравляю! Наконец-то, родной ты мой! Я тебя прощаю! Прощаю ради такого случая! Теперь ты историческая личность! – радостно воскликнула Аня. – Я знала, знала, что у тебя все получится! Я всегда верила в твой светлый ум, в твои способности, талант и гениальность! Я люблю тебя!

«Единственное существо в мире, которое никогда не переставало верить в меня, и теперь искренне радуется моему успеху. Да ради одного того, чтобы услышать эти слова, мож-

но черту рога скрутить...», – подумал Леонид Палыч и тихо сказал в трубку:

– Анечка, милая, тысячу раз спасибо тебе за все. Я тебя очень люблю. Завтра у тебя как со временем?

– Завтра, слава Богу, суббота. Я целый день дома.

– Отлично. Завтра один из полукомплектов я перенесу к тебе. Попробуем передавать из нашего института к тебе домой и обратно. Можно? – робко поинтересовался Леонид Палыч.

– Конечно, Ленечка! С удовольствием приму участие в твоём историческом эксперименте, – пообещала Аня. – А теперь езжай домой, там тебя уже, наверное, заждались.

В трубке щелкнуло, и последовали короткие гудки. Когда Леонид Палыч, сунув в карман мобильник, ступил на лестницу, ведущую в метро, хлынул, наконец, долгожданный проливной июльский дождь. Он с шумом лил, как из ведра, омывая пересохшие тротуары, дорогу, запыленные строения, кусты, деревья и людей, измученных продолжительной изнуряющей жарой.

II

Субботний эксперимент удался на славу. Сначала Леонид Палыч долго убалтывал охранника пропустить его в лабораторию. В конце концов, вопрос был положительно решен с помощью двухлитровой баклажки пива.

Собственно говоря, сейчас ему требовалось только забрать бокс с управляющим блоком и диск DVD с программ-

ным обеспечением, которые кое-как все же разместились в его огромном портфеле, и привезти к Ане. Анин компьютер был всегда к его услугам, и Леонид Палыч загрузил в него программное обеспечение, подключил бокс и проинструктировал Аню. Она была толковым и опытным программистом, и на инструктаж ушло совсем немного времени. Включив и настроив полукомплект, Леонид Палыч снова помчался в институт, предусмотрительно прихватив из Аниного бара бутылку пшеничной водки.

Вахтер, который успел уже «оприходовать» всю баклажку пива, встретил Леонида Палыча с распростертыми объятиями и, с радостью приняв очередной магарыч, вручил ему ключи и пропустил в лабораторию.

Войдя в лабораторию, Леонид Палыч тут же принялся готовить полукомплект к эксперименту. С упоением слушая шум компьютерного вентилятора и любуясь при этом веселым миганием индикаторных огоньков на панели исполнительного блока, Леонид Палыч позвонил Ане.

– Анюта, я готов. А ты как?

– Неотступно сижу у аппаратуры, жду твоих распоряжений, – задорно ответила Аня, словно ей было не сорок девять, а лет на тридцать меньше.

– Умница. Отправляю. Ну, что? – тревожно спросил он и замер в ожидании.

Несколько секунд в трубке царило молчание, но потом послышался шорох и возбужденный голос Ани:

– Есть, Леня! Компьютер сообщает: «Объект принят»!

Что дальше делать? Я забыла, Леня!

– Кликни «о-кэй» и открой бокс. Ну как, открыла?

Леонид Палыч снова замер в напряженном ожидании.

– Есть! Есть! Просто поверить не могу! – радостно прокричала Аня.

– Ну? – крикнул он в нетерпении.

– Что «ну»? – недоумевала она.

– Что ты получила, Анечка? Назови, пожалуйста.

– Ну, этот... калькулятор твой!

– Включи и проверь! Работает? – с волнением кричал Леонид Палыч.

– Сейчас. Как проверить? Я растерялась – не соображаю ничего! – нервно ответила Аня.

– Умножь два на два или что-то в этом роде, – посоветовал Леонид Палыч.

– Все в порядке! Считает! И множит, и делит, и даже логарифм двойки верно выдал! – радостно сообщила она.

– Теперь передай его мне назад, – попросил Калинин.

– Леня, напомни, как. Я совсем сдурела – забыла все, что ты мне говорил, – сокрушалась Аня.

– Да что там напоминать! Вложи калькулятор в бокс, задвинь заслонку, кликни на слове «Передача», потом «окей». Вот и все. Ну, с Богом, – возбужденно сказал Леонид Палыч и принялся ждать.

Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем

исполнительный блок мигнул огоньками светодиодов и монитор сообщил, что объект принят. Как и следовало ожидать, в боксе спокойно лежал все тот же калькулятор. Леонид Палыч небрежно сунул его в ящик стола и выключил аппаратуру. Потом снова позвонил Ане и спокойно распорядился:

– Все в порядке, Аня. На сегодня достаточно. Отбой. Выключай полукомплект. Спасибо огромное. С твоей активной помощью и при непосредственном твоём участии первый этап эксперимента по передаче материальных объектов на расстояние успешно завершён!

– Да? А я только разохотилась. Давай ещё что-нибудь передам. Или приму, – предложила она.

– Нет, Анечка. На сегодня достаточно. Я уже выключил полукомплект и разбираю схему. Сейчас приеду к тебе с шампанским, и мы отметим это историческое событие. Вдвоем, как Мастер и Маргарита. Не возражаешь?

III

Было уже совсем темно, а Леонид Палыч и Аня сидели в креслах у журнального столика друг напротив друга, не включая света. Аня была в коротких джинсовых шортах и белой футболке, плотно облегающей ее аккуратный бюст и тонкую изящную талию. Ее тяжелые светло-русые волосы колокольчиком ниспадали на шею и плечи, придавая ей особый шарм. Да, несмотря на возраст, женственности ей было не занимать. Тем более в сумеречном свете уличных фонарей, проникающем в открытое окно. Забыв о полупустой

бутылке шампанского, едва начатой бутылке коньяка и давно остывшем ужине, они тихо беседовали. Сначала они делились впечатлениями о проведенном эксперименте, потом попытались было отвлечься от злободневной темы. Но о чем бы они ни начинали разговор, все равно возвращались на круги своя.

– Теперь нам нужно попробовать передать живое существо. Например, мышь, птичку, какого-нибудь жука или таракана, – мыслил вслух Леонид Палыч.

– Нет, Леня. Не спеши. Это потом. На следующем этапе. Сначала нам нужно обдумать, как тебе обставить свое сенсационное сообщение на вашем научном семинаре.

– Да что тут обдумывать?.. Хоть сейчас могу публично сделать вывод своих уравнений, подробно изложить принцип телепортации и продемонстрировать комплект в действии, – возразил Леонид Палыч. – Представляю, какой будет переполох!

– Вот этого я как раз и опасалась! Ты разболтаешь все по простоте душевной, а потом кто-то из ваших горлохватов сделает это же тайком от тебя и доложит перед той же или даже более высокой публикой. И скажет, что ты к этому делу вообще никакого отношения не имеешь. И ты останешься при бубновых интересах, – возразила Аня.

– Да что ты, Анечка! Стыдись такое о людях думать. У нас все всегда свои новинки докладывают, на все вопросы честно отвечают. Это же ученые, а не какая-нибудь банда раз-

бойников, – возмутился Леонид Палыч.

– Леня, какой же ты наивный! – вспыхнула Аня. – Когда речь идет о мелочах, тут честные, как правило, все. А если дело касается чего-нибудь серьезного, крупного, выдающегося, то тут включаются самые низменные человеческие... Да нет, пожалуй, не человеческие, а животные инстинкты. Сблaзн стать великим для некоторой категории людей непреодолим! Многие начинают рвать друг у друга из горла и готовы пойти на любые преступления. Вспомни хотя бы Дага Энгельберта – изобретателя компьютерной мыши! Он за свое изобретение получил жалкие гроши, а другие нажили на нем миллионы, если не миллиарды. Изобретатель ныне широко известного материала – тефлона – Рой Планкетт так и остался обычным инженером, человеком весьма скромного достатка. А французский бизнесмен Марк Грегуар, применив этот материал для производства кастрюль и сковородок, загреб колоссальные деньги и основал известную компанию «Тефаль». И таких примеров – пруд пруди. А то, что собираешься представить ты, может сравниться по масштабам разве что с изобретением колеса.

– Так что же ты предлагаешь? – недоумевал Леонид Палыч.

– Ты должен продемонстрировать свою установку в действии, ни в коем случае не раскрывая принципа работы. Опубликовать сообщение о демонстрации во всех доступных тебе печатных изданиях. Потом объявить на него тен-

дер или как это там сейчас называется? Когда твое имя станет известным, ты будешь иметь возможность торговаться с крупными финансистами насчет использования твоих идей. С юридическими и физическими лицами, как сейчас модно говорить. Я могу стать представительницей твоих интересов. Мне можешь доверять на сто процентов – ты меня знаешь не первый год. Кстати, я хочу, чтобы ты не посвящал меня в суть твоих идей. Негодяи могут оказать на меня давление. Чтобы не предать тебя в какой-нибудь щекотливой ситуации, мне лучше всего не быть в курсе дела. Ведь я всего-навсего слабая женщина. Понял, садовая твоя голова? – горячилась Аня.

Ошарашенный Леонид Палыч плеснул коньяка в свою рюмку и сделал глоток. Обжигающий напиток приятным теплом разлился по усталому телу. Он смотрел на Аню и невольно любовался ею. На его жизненном пути встретились такая женственная, нежная, привлекательная, умная, мудрая, непритязательная и терпеливая женщина и стала его верной союзницей. Она всегда верила в него, всегда подбадривала и вдохновляла, всегда была первой его помощницей и утешительницей. Ему, мало приспособленному к тяготам жизни, просто несказанно повезло. И что она только нашла в нем, стареющем неудачнике, не способном даже как следует поухаживать за такой чудной женщиной? Что он собой представляет? Рост – не ахти, сто семьдесят пять всего. Впалые щеки, чуть раскосые серые глаза, тонкий, слегка загнутый

книзу нос, лысый, сухощавый и немного сутулый, широкий рот и узкие губы. Он встал, прошелся к окошку и обратно, присел на подлокотник Аниного кресла и обнял ее за плечи.

– Анечка, ты такая у меня умница! У нас на начальственные посты сейчас, в самом деле, пролезло множество карьеристов, шкурников и горлохватов. Для них «ни церковь, ни кабак, и ничто не свято»! Как хорошо, что ты обратила на это мое внимание. Что бы я делал без тебя? – прошептал Леонид Палыч и нежно поцеловал ее в висок.

– Леня, уже поздно. Иди домой, голубчик, – прошептала она в ответ. – Сейчас твоя Лида начнет трезвонить. Я терпеть не могу слушать, как ты оправдываешься перед нею.

– Я выключил свой мобильник, – попытался ее успокоить Леонид Палыч.

Аня осторожно убрала его руку со своего плеча и встала с кресла.

– Пора, Леня, – твердо сказала она.

IV

В лаборатории было полно народа. Стульев на всех не хватало, поэтому часть людей стояла. Впереди на двух столах была размещена нехитрая на вид аппаратура, которую намеревался продемонстрировать Леонид Палыч. На каждом из столов стоял компьютер с жидкокристаллическим монитором, небольшой аппаратный блок, склепанный без претензий на эстетику, и металлическая коробочка размером с телефонный аппарат, стоявший на письменном столе у входа. Вокруг

змеились разноцветные провода, то там, то здесь беспорядочно свешиваясь со стола.

В первом ряду расположился самодовольного вида мужчина лет сорока «с хвостиком» с темно-русыми волосами, аккуратно причесанными назад и тронутыми едва заметной проседью. Это был Сергей Михайлович Чаплия, заведующий отделом времени и частоты, в котором на протяжении нескольких десятилетий трудился Леонид Палыч. Чаплия пришел в сектор, которым заведовал уже опытный научный сотрудник Калинич, и вскоре под его руководством защитил кандидатскую диссертацию. Потом, заведывая сектором эталонов, он защитил и докторскую, «обогнав на повороте» своего талантливого учителя. Сергей Михалыч был в элегантном, тщательно отутюженном коричневом костюме, в белоснежной рубашке и при дорогом атласном галстуке малинового цвета. Справа от него сидел рано располневший молодой человек лет тридцати пяти и под его диктовку что-то проворно записывал в блокнот.

– Все это, Дима, нужно сделать до пятницы и ни в коем случае не позже, – строго сказал Чаплия.

– Постараюсь, Сергей Михалыч, – пообещал молодой человек, закрывая блокнот.

– Никаких «постараюсь». Нужно сделать – и баста. Понятно? – распорядился Чаплия, и посмотрел в сторону стоящего у аппаратуры Леонида Палыча. – Вы готовы, Леонид Палыч?

– Давно, – ответил Калинич, тщетно пытаясь скрыть вол-

нение.

Сергей Михайлович встал и обратился к аудитории:

– Уважаемые коллеги! Ветеран нашего НИИ – старший научный сотрудник, кандидат технических наук Леонид Палыч Калинин попросил послушать его сообщение, которое я хотел бы оформить как внеплановый научный семинар нашей лаборатории. Елену Ивановну я попрошу вести протокол. Вы готовы, Елена Ивановна? Готовы. Так, слушаем Вас, Леонид Палыч.

Леонид Палыч взял в руки указку и, нервно поигрывая ею, словно бильярдным кием, начал:

– Уважаемые присутствующие! Я не собираюсь утомлять вас длинным докладом. Это, собственно, не доклад, а небольшое сообщение, о важности которого я говорить пока не стану. Хочу, чтобы вы сами сделали соответствующий вывод. Речь пойдет о демонстрации действующей установки, осуществляющей передачу материальных объектов на расстояние. Что, Елена Ивановна? Тема? Да, так и запишите, пожалуйста: демонстрация действующей экспериментальной установки, осуществляющей передачу материальных объектов на расстояние. Вот она, перед вами.

– Позвольте, Леонид Палыч, но какое отношение имеет эта установка к тематике нашей лаборатории и института вообще? – перебил его Сергей Михайлович. – О каких объектах идет речь? Какая передача?

– Сейчас вы все сами увидите, – ответил Леонид Палыч,

обливаясь от волнения потом. – Установка состоит из двух полукомплектов, один из которых является передающим, другой – приемным. Каждый из них может быть как тем, так и другим. Это организуется путем активизации соответствующих программ. Я не буду излагать физического принципа осуществления передачи, а просто продемонстрирую вам саму передачу. Каждый полукомплект состоит из управляющего компьютера, функционально-исполнительного блока и приемно-передающего объектного бокса.

Леонид Палыч поочередно коснулся указкой названных узлов аппаратуры и продолжил:

– Теперь давайте возьмем какой-нибудь предмет и загрузим в передающий бокс, расположенный слева от вас – так мне сейчас удобнее. Разумеется, передаваемый предмет должен быть таких размеров, чтобы мог поместиться в бокс. Ну, что мы передадим?

Аудитория молчала. Некоторые беседовали между собой на отвлеченные темы, совершенно не слушая докладчика, другие оставались равнодушными к происходящему, не проявляя к докладу никакого интереса, третьи смотрели с праздным любопытством и насмешкой: ну-ну, мол, что же этот стареющий чудака сейчас выдаст? И только в глазах двух молодых парней светился живой интерес к происходящему.

– Так. Предложения отсутствуют. Ну, тогда дело упрощается. Сергей Михалыч, позвольте Ваши часы, – обратился докладчик к своему заведующему отделом.

Сергей Михайлович удивленно поднял брови, но все же расстегнул дорогой браслет и со снисходительной улыбкой протянул часы Леониду Палычу. Полноватый Дима презрительно усмехнулся и что-то шепнул Сергею Михайловичу на ухо. Тот кивнул и, самодовольно улыбаясь, стал следить за докладчиком.

– А сейчас вы увидите то, чего еще никто никогда не видел, – непринужденно сказал Леонид Палыч.

Присутствующие, не сговариваясь, засмеялись. С мест полетели развязные реплики:

– Как в цирке шапито!

– Ну и ну! И что же мы такое увидим?

– Давайте, давайте, Палыч! Покажите хотя бы перед пенсией, на что Вы способны!

– А фейерверк будет?

Леонид Палыч, игнорируя смешки и пренебрежительные комментарии, открыл задвижку бокса и пошлепал рукой внутри.

– Как видите, здесь ничего нет. Я помещаю сюда часы уважаемого Сергея Михайловича. Теперь закрываю. Вот. Часы находятся внутри бокса номер один. Теперь я вам покажу, что бокс номер два совершенно пуст, – сказал он, переходя ко второму столу.

Леонид Палыч отодвинул заслонку второго бокса, пошарил в нем рукой и, пробежав взглядом по рядам слушателей, сказал:

– Этот бокс сейчас пуст. Кто желает, может подойти и убедиться в этом воочию. Есть желающие?

Леонид Палыч снова окинул взглядом аудиторию.

– Так, желающих нет. Тогда я активирую программу управления вторым боксом. Вот так. Видите? На мониторе появилось сообщение: «Установка к приему готова». Теперь я снова перехожу к полукомплекту номер один.

Он подошел к столу, который стоял слева, и сделал несколько манипуляций мышкой.

– Вот. Программа активирована. Видите, появилось сообщение: «Установка к передаче готова». В контекстном меню выбираем «Передать» и нажимаем «Enter». Есть! Ну, это смайлики – чтоб веселее было. Видите сообщение «Объект успешно передан»? Теперь взгляните на второй монитор. Здесь светится сообщение «Объект принят». Открываем второй бокс, – сказал он и, отодвинув заслонку, вынул из камеры часы Сергея Михайловича.

В лаборатории установилась гробовая тишина. Все смотрели на часы в руке Леонида Палыча, как загипнотизированные.

– Сергей Михалыч, Ваши часы? – с улыбкой спросил Леонид Палыч, возвращая часы владельцу. – Ну как, они в порядке? Идут?

– Да вроде в порядке, – пролепетал Сергей Михалыч, защелкивая на руке браслет.

– Вот, собственно, и все, что я хотел вам сегодня проде-

монстрировать. Благодарю за внимание, – сказал Леонид Палыч и зачем-то взял указку.

– Пожалуйста, задавайте вопросы, – сказал Сергей Михалыч, вставая с места.

– У меня вопрос, – сказал худощавый мужчина в очках с толстой коричневой оправой.

– Пожалуйста, Алексей Иванович, – пригласил его Сергей Михалыч.

– Ну-и-что? – отрывисто спросил Алексей Иванович с серьезным лицом.

Леонид Палыч сосредоточенно уставился на него, ожидая продолжения вопроса, но Алексей Иванович тут же сел, давая понять, что вопрос уже задан. Наконец, Леонид Палыч пришел в себя и, нервно поигрывая указкой, попытался ответить:

– А то, уважаемый Алексей Иваныч, что впервые в истории человечества материальный объект передан из одного места пространства в другое практически мгновенно, а точнее – со скоростью распространения гравитационного взаимодействия...

– Но какое отношение имеет эта ваша демонстрация к данной аудитории? – с места спросил Алексей Иваныч. – Наш институт занимается проблемами передачи информации, управления, контроля, телеметрии и тому подобным. Вы сами знаете. А то, что мы сейчас увидели – это никак не наш профиль. Может быть, вам, многоуважаемый Леонид

Палыч, следовало бы обратиться в цирк, что ли? Возможно, их заинтересуют подобные фокусы. А нам, знаете ли, нужно работать – заниматься нашими насущными проблемами, за которые нам государство деньги платит.

Аудитория засмеялась. Калинич явно нервничал. Похлопывая по ладони указкой, он едва не задел ее кончиком головы сидящего перед ним молодого инженера. Опомнившись, он сделал шаг назад и наткнулся на стол с демонстрируемой установкой. Опустив указку, Леонид Палыч сказал хриплым от волнения голосом:

– Если вы сомневаетесь в честности моего эксперимента, можете попробовать проделать это сами. Быть скептиком никому не возбраняется.

Аудитория зашумела, но в это время поднялся улыбающийся Сергей Михалыч.

– У кого еще есть вопросы к Леониду Палычу? – спросил он привычным тоном председателя, перекрикивая шум.

Руку поднял тридцатилетний брюнет с аккуратно подстриженной бородкой в стиле «шотландка» – доктор физмат наук из отдела неразрушающего контроля.

– Можно, я для краткости буду без титулов? – спросил Сергей Михалыч и замер как бы в ожидании ответа на свой риторический вопрос. – Молчанье, как я понимаю, – знак согласия. Николай Макарович Глебчук хочет задать вопрос. Прошу Вас, Николай Макарыч.

– Леонид Павлович, – обратился бородач к докладчику, –

Вы же ученый с солидным стажем, а выступаете, простите меня, как новичок. Вам известно не хуже, чем мне, что, представляя любое «ноу-хау», следует четко сформулировать постановку задачи, изложить хотя бы вкратце его физические или какие там еще принципы и аспекты применения. А потом уже демонстрировать то, что Вы представляете. Вы начали с демонстрации. Можно ли все это сделать хотя бы запоздало? Кроме того, Вы упомянули скорость распространения гравитационного взаимодействия. Где и как Вы ее определили? На основании чего Вы это утверждаете? Благодарю за внимание.

Леонид Палыч ждал подобного вопроса, поэтому ответил, как по писаному:

– Уважаемый Николай Макарович, целью моего доклада была демонстрация действующей установки передачи объектов. Аспекты ее применения, мне кажется, ясны и так, без всяких пояснений. Но раз уж Вы того пожелали, то я поясню. Вкратце, чтобы не занимать много времени. На этом принципе можно построить глобальную сеть как грузового, так и пассажирского транспорта. Экологически чистого при этом! И доставка будет осуществляться в кратчайшие сроки. Далее, открываются новые перспективы космических исследований. Может быть уменьшена стартовая масса ракеты вследствие телепортации топлива на борт в процессе полета, подобно тому, как часы Сергея Михалыча были на ваших глазах доставлены из бокса «А» в бокс «В». Можно сна-

рять дальние и сверхдальние космические экспедиции со сменными экипажами. В общем, если тут пофантазировать, можно нарисовать невообразимые перспективы. И это только начало, – заключил Леонид Палыч.

Аудитория отреагировала волной дружного гула. Раздались недовольные возгласы. Некоторые демонстративно покинули лабораторию.

– А все же, как насчет принципа действия Вашей установки? Без их изложения Ваша демонстрация представляет собой не более чем иллюзионистский номер, фокус-мокус какой-то. Мы же ученые, а не цирковые зрители, – продолжал наступать Николай Макарович.

Сергей Михайлович встал и постучал по столу карандашом, призывая к тишине. С неизменной снисходительной улыбкой он снова обратился к докладчику:

– Леонид Палыч, ответьте, пожалуйста, на вопрос профессора Глебчука.

Докладчик оперся на указку, как на тросточку, и спокойно ответил:

– На вопрос Николая Макаровича я уже ответил. Работоспособность установки продемонстрировал. А что касается принципа действия, то с этим я хотел бы повременить. Могу только сообщить, что я смолоду увлекался теорией Козырева, и в результате ее развития получил уравнения, количественно связывающие вещество, то есть массу, с энергией, пространством, обобщенным полем, информацией и вре-

менем, и доказал возможность их взаимопреобразования. На их основе я и построил установку, которую только что вам продемонстрировал. Кстати, я выступал перед вами не с научным докладом, а с кратким сообщением, сопровождаемым демонстрацией. Я хочу сначала надежно закрепить за собой и юридически оформить свой приоритет в этом деле, а потом осветить перед любой аудиторией теоретическое обоснование опыта, а также принципиальную суть экспериментальной установки. Я намерен добиваться бюджетного финансирования под эту тематику и организации специальной лаборатории телепортации или под другим названием, более или менее точно отражающим направление будущих исследований. Кроме того, вполне возможно, что это направление будет признано особо секретным государственной важности.

Аудитория возмущенно зарокотала:

– Он что, Рип Ван Винкль? Проспал все эти годы? Век секретностей давно закончился!

– Ишь, куда хватил!

– Так вон к чему он клонит!

– Он нам голову морочит!

– Мы что же здесь, бандиты с большой дороги?

– Чтобы оформить открытие или изобретение, придется все равно разьяснить принципы! Одной демонстрации недостаточно!

– А что он, собственно, продемонстрировал?!

– Захотел перед пенсией начать в институте погоду делать! Поздно уже! Смолоду надо было!

– Это несерьезно! Какая-то мистификация!

Сергей Михайлович вынужден был встать и снова постучать карандашом по столу:

– Спокойно! Спокойно, господа ученые! Попрошу порядка и тишины! Есть еще вопросы к докладчику? Нет вопросов? Тогда кто желает выступить? Вы, Дмитрий Яковлевич? Пожалуйста. Слово имеет профессор Шиян.

Из задних рядов к столу прошел юркий поджарый старичок лет под семьдесят. Несмотря на довольно-таки почтенный возраст, он был одет в синий джинсовый костюм и обут в дорогие кроссовки. Сверкнув линзами очков в прозрачной оправе, он заговорил, театрально жестикулируя:

– Уважаемый Леонид Палыч, как только мог, стремился поразвлечь нас далеко уже не новым цирковым номером, исполненным, к сожалению, без надлежащего оркестрового оформления!

Аудитория дружно расхохоталась. Довольный произведенным эффектом, профессор Шиян сделал постную физиономию и после эффектной паузы продолжил:

– Как справедливо заметил Николай Макарович Глебчук, в сообщении Леонида Палыча мы не услышали ни принципа осуществления демонстрируемого процесса, ни постановки задачи, ничего, ради чего приходят на семинары. Так, простите меня, какого черта мы здесь торчим? Ради этого ил-

люзиона? – он показал рукой в сторону установки. – Так в цирке у Кио я видел и кое-что поувлекательнее.

Аудитория снова взорвалась дружным смехом. Сергей Михайлович опять вынужден был призвать к порядку. Шиян тактично выждал, пока аудитория успокоится, и с присущей ему манерностью продолжил:

– Там в одну будку заводили молоденькую красивую девушку, закрывали дверь, и она выходила из другой такой же будки у противоположного края арены. Да это еще что! Там даже девушку в тигра превращали! И так же точно ничего не поясняли! Но зато все под музыку Верди! А здесь что? Лично у меня такое впечатление, что, закрывая первую коробку, наш уважаемый коллега Леонид Палыч незаметно сунул часы в рукав, а потом так же незаметно положил их во вторую коробку. Это больше сродни наперсточникам на базаре или карточным фокусникам, чтобы не сказать шулерам! Что, не так? – спросил он, сделав театральный жест, и замер, как на стоп-кадре.

Снова все засмеялись. А Шиян, скорчив комическую гримасу, закончил свое выступление:

– А коль скоро это так, то не знаю, как кому, а мне здесь делать абсолютно нечего!

С этими словами он направился к двери и вышел из лаборатории.

– Если кто-то считает, что я здесь смошенничал, пусть повторит опыт сам – я буду только наблюдать, – сконфуженно

сказал Леонид Палыч.

Присутствующие снова зашумели. Некоторые повставали с мест, чтобы уйти вслед за Шияном, но Сергей Михайлович остановил их:

– Минуточку! Минуточку, господа! Попрошу всех сесть. По поводу сообщения Леонида Палыча Калинича мы должны принять какое-то решение! Какое мы примем решение? Мы же протокол ведем. Какие будут предложения?

Поднялся Глебчук и высказался, как всегда, четко и ясно:
– Предлагаю записать, что докладчик не представил материал должным образом. А в представленном виде научная значимость сообщения старшего научного сотрудника Калинича интереса не представляет. Вот и все.

– Другие предложения имеются? – спросил Сергей Михайлович. – Нет? Тогда голосуем. Кто за, прошу поднять руки. Против? Нет. Воздержавшиеся? Тоже нет. Принято единогласно. Спасибо вам, Леонид Палыч, за сообщение, а присутствующим – за внимание. Семинар окончен. Попрошу всех поставить стулья на места.

V

После семинара народ, как обычно, скопом повалил в курилку. Там всегда традиционно обсуждались все текущие проблемы – важные, второстепенные, простые, сложные, актуальные, неактуальные, научные, политические и все прочие – мыслимые и немыслимые. Люди оживленно спорили, высказывая свои соображения по поводу сообщения Леони-

да Палыча.

– Старик Калинич решил поюморить под занавес, – с сарказмом изрек Белянкин, самоуверенный молодой инженер из отдела импульсных систем.

– Ты думаешь? Что ни говори, а его опыты меня впечатлили... – возразил недавно защитившийся аспирант Юра Шелковенко.

– Что, эти цирковые номера? Старик просто захотел выбить себе лабораторию и повесить статус – вот и все. И думает, что кого-то заинтриговал. Шито белыми нитками. Он всегда был наивным. Не мог отличить серьезных вещей от детских рассказней, – высказал свои соображения Борис Зенин, ведущий инженер из отдела телеметрии.

– Надо же – он имеет наивность заявлять, что знает скорость распространения гравитационного взаимодействия! Откуда? Намекает, что ему будет трудно объяснить это в доступной нам форме! Не скажите, какой гений! – возмутился Белянкин.

– Он, видите ли, сделал великое открытие! Вот так сразу взял – и сделал! Не ведя никаких исследований, без каких-либо затрат, да еще и в одиночку, без помощников! Время гениев-одиночек давно безвозвратно кануло в Лету. На кого эта чушь рассчитана? На ослов, что ли? – развивал свою мысль Зенин.

– Старик, безусловно, свихнулся. С таким заявлением выступить! Не сомневаюсь, что эти его опыты – не что иное,

как тонко обставленная мистификация. Он что, перечеркнул принцип неопределенности Гейзенберга? И закон сохранения и превращения энергии тоже похерил? Это, извини меня, элементарная классика, – с достоинством изрек толстяк Дима – правая рука Чаплии. – Думаю, что Палыч не зря сделал эти свои коробки такими по размеру, чтобы в них могла поместиться только небольшая вещь: часы, авторучка и прочее. Такая, которую можно сунуть втихаря в рукав и потом во вторую коробку подложить. У него все с дальним прицелом!

– Ну и Дима! Да ты меня просто умилил своей догадливостью. Если вы тут утверждаете, что это мистификация, то не понятно, на что Леонид Палыч рассчитывает? – спросил Шелковенко.

– Как это на что? А вдруг ему в этом удастся убедить высшие эшелоны руководства! Тогда можно приобрести славу, которая потом, пусть и окажется геростратовой, но на некоторое время даст ему возможность обрести независимость и спокойноенько имитировать важную научную деятельность. Кстати, получая при этом довольно-таки приличные «бабки», – ответил Дима после глубокой затяжки.

– А потом что? Ведь это немалые деньги, а за них в свое время спросят, – продолжал оппонировать Шелковенко.

– Ну и что? Уйдет тогда на приличную пенсию – вот и все. Скажет, что он, как и любой ученый, имеет право на ошибку или под маразматика сыграет. Да кто там с него спросит? И

какой может быть спрос с него, если ученый совет признает дело состоятельным, а начальство все утвердит? Для него это беспроектный вариант! – заключил Белянкин.

– Не понимаю, как можно так голословно отрицать то, что человек наглядно продемонстрировал? – возмутился Шелковенко. – Ведь Палыч предлагал всем скептикам повторить опыт самостоятельно, если он у них не снискал доверия. Почему ж ты не сделал этого?

– Да что тут делать? Зачем кому-то наивным дурачком выглядеть? Проверить – это значит допустить, что подобная глупость вполне возможна. Серьезный ученый не может поверить в абсурдное утверждение этого маразматика, – многозначительно заключил Белянкин.

На несколько минут все замолчали. В курилке было – не продохнуть. Белянкин во всю ширь распахнул окно, однако движения воздуха и признака не было, и дым никак не хотел выходить наружу.

– Послушай, ты, серьезный ученый. Все новое – необычно. Сначала оно всегда кажется абсурдным в силу своей новизны. Вспомни Коперника, Галилея, Эйнштейна, братьев Люмьер, Хаббла. Их тоже сначала такие, как ты, на смех поднимали. А потом? Считали за честь, чтобы их имена были записаны рядом с именами этих людей. А что до классики, так она справедлива при определенных условиях. А уравнения, которые получил Леонид Палыч, связывают, как он сказал, вещество, энергию, пространство, время, информацию

и единое поле. Расширяют классику, стало быть. Точно так же в свое время Эйнштейн расширил законы классической механики, но никак не перечеркнул их. Как бы тебе, Белянкин, не стало когда-нибудь стыдно за такие слова! – с возмущением сказал Шелковенко.

– Тоже еще, ха-ха-ха... нашел с кем сравнить, ха-ха-ха... нашего Палыча!.. – поддержал Белянкина Дима. – Второго Эйнштейна нашел, ха-ха-ха... Да если бы телепортация была в самом деле возможна, да к тому же так просто осуществима, то неужели ты думаешь, что маститые корифеи из «Дженерал Электрик», «Майкрософт», «Хьюлет Паккард», «Митсубиси» или еще откуда-нибудь до сих пор бы не додумались это сделать? Да и у нас тут головы есть – не чета этому Калиничу. Пацан ты еще, Юра!..

– Эйнштейн до того, как создал свою теорию, был таким же обыкновенным, как и наш Калинич. Из кого вырастают гении? Из людей, которых все вначале считают самыми обыкновенными, порой даже весьма посредственными. Самый обычный коллега, которому сотрудники отводили на иерархической лестнице авторитетов отнюдь не первое место, вдруг попадает на ее высшую ступень! Как же так?! Подавляющее большинство из его ближайшего окружения простить ему этого не может! Но потом привыкают все же. Так что не будь таким категоричным, Белянкин, и поосторожнее с выводами насчет заурядности нашего Палыча. В том, что его не восприняли с первого раза, нет ничего удивительно-

го. Это скорее правило, чем исключение. Сработал небезызвестный тебе универсальный принцип Лешателье-Брауна. А согласно этому принципу любая равновесная система сопротивляется внешнему воздействию, стремясь ослабить это воздействие. Но это сопротивление, Белянкин, непременно затухает во времени!

VI

– Анята, это я. Можно сейчас к тебе приехать? – сказал Калинич в мобильник, подходя к троллейбусной остановке.

– Конечно, Леня. Ну, как прошел твой доклад? – осторожно поинтересовалась Аня.

– Полный конфуз! Приеду – расскажу, – буркнул Калинич и прервал связь.

В троллейбусе было тесно, душно и горячо, как в сауне. Но Леонид Палыч этого не замечал. Он снова и снова проигрывал в воображении сегодняшней семинар. От институтских коллег он мог ожидать какой угодно реакции на свое сообщение, но только не такой. Ни слова поддержки. Только насмешки, издевки, презрение. Непокколебимая уверенность в абсурдности его идеи! Как же так, ведь он им так наглядно продемонстрировал работу установки, а они абсолютно ничего не увидели! Зрячие слепцы, да и только. Отвергли живые факты, закрыли глаза на очевидное! Собственным глазам не верят! Конкретным вещам, к которым можно подойти и потрогать своими руками! Но они даже не пожелали делать этого. Воистину, человек видит только то, что хочет видеть.

Ну как их еще можно убедить? Пара молодых сотрудников, кажется, была впечатлена его установкой, но они не поддержали его открыто. Почему? Боясь быть не такими, как все? Теперь уж он убедился воочию, что конформизм – тяжкая болезнь нашего общества.

Леонид Палыч так ушел в свои мысли, что едва не проехал остановку. Выйдя из троллейбуса, он медленно побрел через скверик по направлению к дому, где жила Аня. Было жарко, как летом, но деревья кое-где уже тронула осенняя желтизна. Легкий ветерок обдавал едва ощутимой прохладой, и небо синело как-то по-осеннему. Сентябрь есть сентябрь.

Леонид Палыч остановился у синей торговой палатки с надписью «Оболонь» и заказал бокал кегового пива. Приветливая молодая продавщица наполнила изящную тяжелую посудину из толстого стекла золотистой прозрачной жидкостью с пенной шапкой. Калинич сел за столик под раскидистой липой и залпом отпил половину бокала. Резкое холодное пиво приятно освежило горло. Он сделал еще несколько глотков и вскоре почувствовал, как легкий хмель начинает кружить голову, наполняя его внутренний мир каким-то особым блаженством. У стойки играла тихая ненавязчивая музыка. Увлекаемые плавной мелодией, мысли Калинича закружились в медленном хороводе и поплыли над живописными аллеями, над клумбами с яркими астрами и огненно-оранжевыми настурциями, над газонами, кустами и чуть тронутыми осенним золотом деревьями тихого скверика –

маленького оазиса в бетонной пустыне современного города. Эйфория...

Мелодичный сигнал мобильного телефона вернул Калинича к действительности. Звонила Аня.

– Леня, ты сейчас где?

– В скверике у твоего дома. Сажу в тени старой липы.

– Что ты там делаешь?

– Нирваню.

– Что-что? Ты можешь выразаться яснее?

– Пью свежее холодное пиво и погружаюсь в сладкую нирвану.

– Ну, вот! Я же тебя жду, вся уже как на иголках. Думаю-гадаю, почему ты так долго едешь, а ты там сидишь и пьянствуешь. Тебе не стыдно?

– Я не пьянствую, я грежу.

– Заканчивай это дело. Иди ко мне – будем грезить вдвоем. Или я сейчас уйду.

– Да ну что ты, Анята! Пожалуйста, не сердись. Пять минут – и я буду у тебя. До встречи. Целую нежно.

Леонид Палыч спрятал мобильник, залпом допил все, что оставалось в бокале, и не спеша побрел к дому Ани.

VII

Они лежали на диване, тесно прижавшись друг другу, в скромной Аниной двухкомнатной квартирке. Аня дышала Калиничу в плечо, а он нежно гладил ее тяжелые шелковистые волосы и полупшепотом рассказывал о сегодняшнем, на

его взгляд, в высшей степени несуразном семинаре.

– Анечка, эти люди сговорились, что ли! Очевидное отрицают! Я же им наглядно продемонстрировал передачу вещей из бокса в бокс, а они меня на смех подняли. Начисто все отвергли! Глазам своим не верят, что ли? Это уму непостижимо! Я стоял перед ними и думал: то ли все они с ума посходили, то ли это я умом тронулся. Просто голова кругом идет! Насмешки, презрительные реплики, едкие комментарии, издевательские упреки... Как это неприятно! Они вели себя, как слепцы от рождения, которым пытаются объяснить, что розы, цветущие перед ними, красного цвета, васильки – голубого, а лилии – белого...

Калинич умолк, не переставая ласкать Анины волосы. Аня лежала молча, отдавая его волнами своего теплого и ласкового дыхания. Леонид Палыч привлек ее к себе и бережно поцеловал.

– Анюта, ты меня слушаешь? – спросил он.

– Конечно, Леня. И очень внимательно. Боюсь тебя перебить малейшим комментарием, чтобы не нарушить естественный ход твоих мыслей, – ответила она, обнимая его за шею. – Рассказывай дальше. Потом я тебе скажу все, что я думаю и о вашем семинаре, и о твоих коллегах.

– Так вот, Анюта, что-то тут не так. Я демонстрирую телепортацию, предлагаю всем желающим подойти и сделать это собственноручно. Что уж, казалось бы, может быть нагляднее и убедительнее этого дубового эксперимента? А все

только издеваются и считают меня умалишенным! – с горьким отчаянием сказал Калинич.

– Вот уж врешь! – озорно возразила Аня, с лукавством заглянув ему в глаза. – Никак не все. Со всеми ты не знаком.

От этой шутки у Калинича приятно потеплело внутри. Он снова притиснул Аню к себе и нежно поцеловал в знак искренней благодарности, а потом тихо продолжил:

– Почти все эти люди, Анечка, когда-то у меня учились всему, что они сегодня умеют. В силу разных причин они юридически оформили свое положение на более высокой престижной ступени, чем я. Не до того мне было. Да и знания, умение, опыт и талант я ставил на первое место. Сейчас же многие из них совершенно утратили самокритичность, а некоторые вообще никогда ее не имели. Вот и думают они, что держат Бога за бороду. В науку они влезли исключительно для того, чтобы сорвать с нее дивиденды, сделать за ее счет карьеру и нахватать наград. Взять хотя бы Сережу Чаплию – серость и посредственность. Но дьявольски изворотлив и работоспособен. Может сутками сидеть и долбить в одну точку. Но все исключительно по чужим идеям. Сам он ничего существенного придумать не может, разве что по мелочам. Правда, этих мелочей он своей задницей нарабатывает довольно-таки много. Но крупное ему, увы, не по плечу. Он не знает, что такое вдохновение, увлеченность и одержимость. Ремесленник. А вот, поди ж ты, мнит себя великим ученым, в академики рвется. Завистлив при этом – в ложке

воды конкурента утопит. Но меня раздражает не столько он, сколько его невежественные приспешники. Особенно Дима, который в силу своего скудоумия не понимает, что идеи дает не Чаплия. И вообще не такие, как он. Дима спит и видит себя на месте Чаплии. Но трагизм его в том, что он не видит дальше своего носа. Что он будет делать на его месте, если он не в состоянии отличить талантливого ученого от пробивного, энергичного, но заурядного выскочки? Он не любит талантливых, считая их никчемными прожектерами. А без талантливых людей настоящая наука, увы, не пойдет. Этот мерзавец обречен, но сколько он еще вреда успеет причинить науке и людям, которые ее творят! Чтобы зашибать деньги, особый талант не нужен. Но науки без таланта не бывает. Ни за какие деньги его не купишь, никаким трудом не наживешь и ничем его не заменишь. Талант – это ведь дар Божий!

Идиллическую тишину нарушил бой старинных настенных часов «Павел Буре». Баммм!.. Баммм!.. Калинич начал считать удары. Десять вечера. Они проговорили пять часов. Хватит. Надо вовремя остановиться. Пожалуй, уже не вовремя, а с солидным запозданием. Но лучше поздно, чем никогда.

– Что-то я не в меру разболтался. Понесло меня вниз по течению. Ты бы меня остановила, что ли. Столько времени я у тебя отнял без толку! Прости, пожалуйста, – смущенно извинился Леонид Палыч.

– Нет, Леня, это очень хорошо, что ты выговорился. Теперь я, как мне кажется, довольно ясно себе представляю, что творится у тебя в душе.

– Да какой от этого толк? – искренне недоумевал Леонид Палыч.

– Не перебивай меня, Леня. Я тебя выслушала. Выслушай теперь ты меня, – сказала Аня, крепко приникнув к его худощавому, но жилистому телу. – Я полностью разделяю твое мнение о коллегах. Но чем больше коллектив, тем больше он похож на человеческое общество в целом. В нем есть всякие: умные и глупые, порядочные и негодяи, честные и воры, злые и добрые, талантливые и скудоумные и так далее. Но несомненно одно – то, что ты им продемонстрировал, они видели впервые в истории человечества. Раньше никто этого никогда не видел, никто о таком не слышал и не помышлял, разве что какие-нибудь фантасты. Твоим коллегам это кажется странным, невероятным, невозможным, абсурдным. Новое всегда выглядит абсурдным, в него трудно поверить. Человек легко верит в то, что обыденно, банально. А новое, необычное, он подсознательно отвергает. Скажи человеку, что книга упала со стола на пол, и он в этом ни на йоту не усомнится. Но если ты скажешь, что она упала на потолок, он поднимет тебя на смех, потому что так никогда не было. Он никогда такого не видел и представить себе такого не может. Что, в окружении Джордано Бруно и Николая Коперника не было разумных людей? Были, несомненно были.

Но они не могли себе представить, что мир устроен не так, как они это усвоили с пеленок. В тысяча шестьсот десятом году Галилей построил телескоп и открыл спутники Юпитера. В их существование никто не поверил, потому что это не укладывалось в усвоенную всеми тогдашними учеными модель мира. Точно так же, как и ты, он предлагал своим современникам самим посмотреть в телескоп, чтобы удостовериться в том, что они существуют. И они отказались! Зачем, говорили, нам смотреть, если мы точно знаем, что их там нет? Вспомни Леонардо да Винчи, предложившего идеи подводной лодки, вертолета и прочих новшеств. Их отвергли, даже не пытаясь в них разобраться. И все потому, что они опередили свое время. Принять эти идеи в те времена было все равно, что предложить построить автомобиль до изобретения колеса. Альберта Эйнштейна с его теорией относительности тоже в свое время высмеивали, считали его сумасшедшим. А твоя система телепортации более необычна, чем все, что я перечислила, вместе взятое! Кроме того, в сознании твоих коллег никак не укладывается, что один из их окружения, самый обыкновенный коллега Калинич, сделал вдруг невероятное открытие. Разве такое может быть? Он что, Эйнштейн? Или, может быть, Ньютон? Нет, конечно. Он рядовой научный сотрудник – Леонид Палыч Калинич. Какой, мол, из него, к чертовой матери, первооткрыватель? Так что не удивляйся реакции своих коллег. Мы будем планомерно приучать их к мысли, что телепортация так же

реальна, как и радио, телевидение или, скажем, Интернет. И что Леонид Палыч – талантливый ученый и сделал чрезвычайно важное открытие мирового значения.

Аня обернулась к стоящему у дивана журнальному столику, дотянулась до бокала с шампанским и предложила Калиничу:

– Выпьешь?

Он отрицательно покачал головой.

– Как хочешь. А я выпью, – задорно сказала Аня.

Опорожнив и поставив бокал, она снова прижалась к Леониду Палычу каждой точкой своего упругого тела и заглянула ему в глаза. Ему никогда ни с кем не было так тепло и уютно. Какая женщина! И при этом такая умница!

– Открыть или изобрести – это увидеть то, чего до сих пор не было, чего еще никто в мире не видел, – продолжила Аня.

Ее мелодичный певучий голос нежно ласкал слух Калинича, словно пение ангела или райская музыка. Ее речь лилась непрерывным потоком, журча, как весенний ручеек. Запах ее косметики приводил его в состояние упоительной эйфории, будоражил в нем юношеские эмоции, будто на время возвращая навсегда ушедшую молодость.

– Впервые посмотреть на что-то новое – это подобно изобретению. Пожалуй, нет. Скорее открытию. Не каждому дано сразу рассмотреть предлагаемое изобретение, заметить его в том, что он увидел. Очень часто потом, уже прозрев, человек считает изобретателем себя, так как это, в принципе, почти

то же самое. Пойми, Леня, твой семинар прошел так, как того и следовало ожидать. Так и должно было быть. В соответствии с принципами познания человеком окружающего мира, – заключила Аня и ласково улыбнулась.

– Ты у меня необыкновенная умница! Спасибо тебе за такую мощную поддержку. Если бы не ты, я бы, наверное, от отчаяния в «дурку» угодил. А вот – послушал тебя, и понял, что все не так уж плохо, – сказал Калинин, зарываясь лицом в ее шелковистые волосы.

– Нет, Ленечка, не «не так уж плохо», а очень даже хорошо. Теперь мы с тобой должны продумать оптимальную стратегию наших дальнейших действий. Будем методично и планомерно приучать вашу публику к мысли, что телепортация – это проблема, успешно разрешенная тобой; что ее ждет великое будущее, и ее нужно повсеместно внедрять. Только ни в коем случае не раскрывай принципа ее осуществления до того, как твой приоритет будет официально зарегистрирован, чтобы не разделить участь Роя Планкетта! На втором этапе, я думаю, появится масса прихлебателей, стремящихся к тебе в соавторы. Они будут предлагать тебе множество вариантов своей «помощи» в обмен на соавторство. Но ты должен быть непреклонен: никаких соавторов – и точка! Все лавры должен пожать ты и только ты.

VIII

Калинич пришел домой в одиннадцать вечера. Лида была мрачная, как туча. Стоя у доски, она гладила белье и смот-

рела, вернее, слушала телевизор, который горланил на всю квартиру. Грюкала какая-то ультрасовременная музыка. Калинин взял пульт и уменьшил громкость. Лида стрельнула в него пренебрежительным взглядом и медленно, как по нотам, процедила сквозь зубы:

– Только пришел, и сразу свой порядок устанавливаешь! Как будто меня и в доме нет.

– Очень громко. Как по голове, – ответил Леонид Палыч.

– Хотя бы ради приличия спросил, не возражаю ли я, – ответила она ледяным тоном.

– Да я от такой громкости теряю самообладание. Не соображаю ни хрена! Сумасшедший дом! – возмутился Калинин.

– Где ты был? Почему так поздно? – спросила Лида все тем же оскорбительно холодным тоном.

– Работал! – резко ответил Леонид Палыч.

– Ночью? И что же ты так поздно делал? – продолжала наступать Лида.

– Я же сказал, – работал. – Неужели я неясно выразился?

– А почему от тебя водкой пахнет? – ядовито спросила Лида.

– Не водкой, а шампанским, – поправил ее Калинин, стараясь держать такой же тон.

Ему ужасно не хотелось скандалить, не хотелось перед нею оправдываться, объясняться. Хотелось поскорее ополоснуться под душем и лечь в постель. Но Лида не унималась и снова медленно и тихо процедила:

– А по какому поводу шампанское?

– По поводу успешной демонстрации моего последнего изобретения, – нехотя бросил Калинин.

Лида криво усмехнулась и, чтобы побольнее уколоть, спросила едким уничтожающим тоном:

– Ха-ха-ха, того самого, которым ты весь институт насмешил?

Ясно. Кто-то из его «доброжелателей» уже изложил ей в своей собственной интерпретации суть семинара, на котором Калинин демонстрировал телепортацию. Быстро же все доходит по «бабьему радио».

– Ничего, привыкнут, – ответил Леонид Палыч с искренней улыбкой. – Поймут со временем, что были свидетелями величайшего события века.

Лида деланно расхохоталась.

– Ха-ха-ха!.. Первооткрыватель! Эйнштейн какой!..

– Что ты! Какой там Эйнштейн! Куда ему до меня! Бери выше! – насмешливо сказал Калинин.

– Так ты за свое гениальное изобретение кучу денег получишь, стало быть! Миллионерами будем! – продолжала издеваться Лида.

– Как знать, как знать, – саркастически цыкнул Калинин, отправляясь в ванную.

Лида демонстративно расхохоталась ему вслед:

– Ха-ха-ха-ха!.. Славно ты сегодня публику потешил. Все твои друзья и знакомые открыто насмеваются над тобой. Ка-

линич, говорят, до пенсии не доработает – у него совсем чердак поехал. Я чуть со стыда не сгорела! Мне было жалко тебя до ужаса. Ты один прав, а все ваши ученые – доктора наук, между прочим – ошибаются. Ефрейтор, который шагает в ногу, а рота – не в ногу! Пойми, ведь рядом с твоим именем треплют и мое, а также – наших детей.

Калинич не выдержал и полураздетый высунулся из ванной, чтобы парировать ее насмешку:

– Мои друзья не смеются. Они верят в меня. А что касается врагов, то их мнение меня не интересует. Им все равно, над чем смеяться. Эти, и ты в их числе, не в состоянии себе представить, что обыкновенный Калинич, которого они знают уже много лет, вдруг сделал открытие исторического значения и мирового масштаба. Как же так? Мол, этого просто не может быть! Да смейтесь себе на здоровье сколько угодно! Над собою смеетесь. Смеется тот, кто смеется последний. Вот и посмотрим, кто посмеется в конце. А жалеть меня нечего. Меня есть кому поддержать, ободрить и вдохновить.

Лида снова залилась звонким искусственным смехом. Но Леонид Палыч уже закрыл дверь в ванную и пустил воду. Теплые шумные струи душа приятно ласкали тело и заглушали ядовитый голос жены.

IX

Калинич поднимался по лестнице в толпе сотрудников, направлявшихся на свои рабочие места. В тот год осень выдалась исключительно теплой и продолжительной. Более

уместно было бы назвать эту пору не осенью, а поздним, затянувшимся летом. В середине октября все еще стояло солнечное и ласковое бабье лето. Только два дня тому назад люди оделись в легкие куртки. Даже отопительный сезон городские власти решили начать на несколько дней позже, чем обычно. Калиничу, разгоряченному быстрой ходьбой от метро, показалось, что в здании института жарко и затхло. «Последние отголоски уходящего необычно теплого лета», – подумал он, снимая на ходу легкую плащевую куртку.

Люди, проходя, приветствовали друг друга, а некоторые успевали еще перекинуться несколькими фразами, кто о чем: одни о работе, другие – о семейных делах, третьи – об ушедшем лете и о закончившемся отпуске. При виде Калинича некоторые бросали на него любопытные взгляды, здоровались и шли дальше в свои отделы и лаборатории, другие перешептывались и насмешливо улыбались, третьи, которые составляли большинство, были заняты собственными хлопотами и смотрели на него холодно и равнодушно. И только изредка Калинич ловил на себе взоры, преисполненные пытливости и уважения.

Он был несказанно рад, что накануне пообщался с Аней, которая никогда и ни при каких обстоятельствах не теряла веры в него и всегда умела каким-то чудесным образом обратить его внимание на лучшие стороны окружающей действительности, заставить поверить в свои силы и преисполниться оптимизма.

Объяснение с женой обычно действовало на него исключительно угнетающе, вызывало унижительное чувство провинившегося ребенка, ощущение собственной неполноценности и непригодности в обществе. До знакомства с Аней такие объяснения надолго вгоняли его в тяжелую депрессию, и тогда Калинич становился нервным, раздражительным и подолгу не мог ни на чем сосредоточиться. Все валилось из рук, работа не клеилась, все близкие отдалялись от него, и, томимый одиночеством, Леонид Палыч порой уходил в запои. Так продолжалось несколько дней, а потом, устав от водки, он возвращался к трезвой жизни, постепенно входил в колею и вскоре, как правило, наверстывал упущенное.

Но сейчас Калинич шел с высоко поднятой головой, гордый тем, что он совершил, уверенный в собственных силах и бесконечно благодарен Ане за ее поддержку и преданность. Вот такую бы ему жену, да еще и смолоду. Он несколько раз беседовал на эту тему с Аней, но она и слушать не желала о том, что он разведется с Лидой, и они создадут, наконец, нормальную семью, хоть и с явным опозданием. «Мне не нужно чужого счастья. Я не хочу ощущать себя преступницей перед твоей Лидой, перед твоими сыновьями, друзьями, сотрудниками и знакомыми. Да и моя дочь тоже не поняла бы и не одобрила такого поворота в моей жизни. Ведь она помнит, как я любила ее отца, так рано ушедшего в мир иной. Так что давай жить, как есть. Бог сам на верную тропу выведет», – неизменно говорила Аня в ответ на предложе-

ния Калинича.

Войдя в лабораторию, Калинич настежь распахнул окно. Не переставая думать о своих жизненных проблемах, он включил компьютер и открыл файл учета выполнения своего планового задания. Углубившись в работу, он забыл обо всем на свете и занялся «подбиванием бабок» – что и когда должно быть выполнено, что есть на сегодня и что нужно сделать в оставшееся время, чтобы успеть к сроку. Оказалось, что все не так уж безнадежно. Конечно, попотеть придется, но шанс имеется. Ничего, он и не из таких переделок выходил. Ведь постановка и проведение его эксперимента – это тот же запой, но только не разрушительный – водочный, а созидательный, творческий. Он постарается выйти из него и на этот раз. Если, конечно, подчиненные не подведут. Он знал по опыту, что в основном они все его поддержат, за исключением, быть может, одного. Но не беда – без одного цыгана ярмарка состоится.

Он всегда доброжелательно относился к людям, никогда не вредничал, не писал начальству кляуз на провинившихся, отпускал подчиненных, когда те отпрашивались с работы, и никогда не заставлял потом отрабатывать каждую минуту. Некоторые сначала садились ему на голову и пытались на нем ездить в свое удовольствие. Но после, когда Калинич, не оказывая давления, просил их поработать в выходные или по окончании рабочего дня, они все же соглашались. Поначалу некоторые пытались отбояриваться под разными пред-

логами, и Калинич, ни слова не говоря, молча принимался выполнять возложенную на них работу сам. В подобных случаях даже самым отъявленным нахалам становилось стыдно и перед окружающими, и перед Калиничем, и никто потом уже не мог отказать ему в трудную минуту. Леонид Палыч надеялся, что и на этот раз он не окажется брошенным в одиночестве на произвол судьбы. И, как потом оказалось, не ошибся.

В течение всего времени, пока Леонид Палыч был одержим постановкой эксперимента по телепортации, его основная работа, хоть и самотеком, но все же как-то двигалась вперед, а не стояла на месте. Подчиненные плодотворно трудились и существенно продвинулись в направлении, которое он им задал еще в самом начале года. Теперь нужно было состыковать все узлы, отладить систему в целом, и можно будет писать отчет. Калинич воспрянул духом.

Весь день он провел в общении с коллегами, обсуждая фронт предстоящих работ и намечая план на ближайшее будущее. Наконец, Калинич сел за компьютер, чтобы все оформить документально. Неожиданно он почувствовал, что кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, Калинич увидел Чаплию, улыбающегося во весь рот. Обычно серьезный и официальный, в этот раз он казался «в доску своим парнем», исключительно коммуникабельным и добрым, как сказочная фея.

– Здравствуйте, Леонид Палыч. Работаем? – приветливо

сказал он и протянул руку для приветствия.

Калинич, пожимая ее, попытался встать, но Чаплия заставил его снова сесть, легко прикоснувшись к плечу со словами:

– Сидите, Леонид Палыч, сидите ради Бога. Вы сейчас очень заняты?

– Здравствуйте, Сергей Михайлович, – вежливо ответил Калинич. – Как всегда – спешу завершить запланированное к окончанию этапа.

– Ну, это пока еще за шкуру не капает. Хоть и мало остается времени, но все же оно пока что есть. Вы можете прерваться, чтобы с полчаса побеседовать со мной с глазу на глаз? – добродушно спросил он.

– Конечно, – ответил Калинич и, проявляя немедленную готовность, положил руку на мышку, чтобы выключить компьютер.

– Да нет, не нужно такой скоропалительности. Закончите все, что Вы наметили, и заходите. Я буду ждать Вас у себя в кабинете ровно столько времени, сколько Вам нужно.

С этими словами Сергей Михайлович с подчеркнутым достоинством чинно выплыл из лаборатории. Леонид Палыч выключил компьютер и привел в порядок рабочее место. Тщательно вымыв руки, он подошел к зеркалу, поправил воротник рубахи и аккуратно причесался, насколько это возможно при его лысине. Взяв, как и положено при беседе с начальством, блокнот и ручку, он отворил дверь кабинета

заведующего и вежливо спросил:

– Разрешите, Сергей Михалыч?

– Входите, Леонид Палыч. Я жду Вас. Садитесь, пожалуйста.

Калинич сел напротив и вопросительно посмотрел на Сергея Михайловича. Тот встал и, подойдя к двери, запер ее на защелку. Открыв дверцу офисного шкафа, он непринужденно спросил:

– Леонид Палыч, Вам чайку, кофейку или чего покрепче?

– Спасибо, Сергей Михалыч. Мне как-то ничего не хочется. Нельзя ли сразу к делу – я сегодня обещал прийти домой пораньше. Кое-что сделать нужно, – вежливо отказался он от угощения.

Х

Калинич не имел ни малейшего желания устанавливать с Чаплией дружеских отношений даже на самое короткое время. Когда-то Сережа Чаплия был любимым учеником Леонида Палыча. Поражала его необыкновенная сообразительность при неукоснительной исполнительности и редком трудолюбии. Следуя указаниям своего руководителя, Сергей быстро написал и защитил кандидатскую диссертацию.

Сразу же после защиты он попросил самостоятельности – взялся за руководство серьезной работой по линии Минобороны. Сережа быстро соображал, умел разобраться в материале любого уровня сложности, мог талантливо спланировать работу и рационально распределить ее между испол-

нителями в соответствии с возможностями каждого из них, коротко и доходчиво разъяснить суть проблемы. Но Бог ему не дал одного – способности генерировать идеи. Поэтому он вынужден был все время консультироваться у Калинича, и Леонид Палыч охотно помогал своему ученику, щедро снабжая его множеством оригинальных идей.

Сережа впитывал их, как губка, поддерживая с Калиничем самые тесные отношения: никогда не забывал поздравлять его с Днем рождения, с Новым годом и с другими праздниками, дарил ему видеокассеты с новыми фильмами, диски с интересующим его программным обеспечением, привозил из командировок редкие вина и коньяки, всякий раз пытаясь отказаться от платы. Но Калинич был неумолим и рассчитывался копеечка в копеечку.

Вскоре Сережа представил в специализированный совет докторскую диссертацию по спецтеме и сокрушался, что режимные органы института не позволили ему пригласить на ее обсуждение и защиту Леонида Палыча. Леонид Палыч успокаивал своего преданного ученика, говорил, что режим есть режим – ведь он сам всю жизнь связан с подобными работами и все прекрасно понимает. Леонид Палыч искренне болел за диссертанта и первым поздравил его с успешной защитой, как только тот вышел из закрытого зала. Сережа был так взволнован, что, ко всеобщему удивлению, забыл пригласить Леонида Палыча на традиционный банкет. Леонид Палыч, однако, понимая его состояние, на Сережу не оби-

делся.

Но прошло немногим больше полугода, Сереже была присуждена степень доктора технических наук, и его поведение резко изменилось. Сережа перестал замечать Леонида Палыча, стал проходить мимо, не поздоровавшись, разговаривать нехотя, свысока. Однажды в дискуссии на семинаре он беспардонно оборвал Калинича на полуслове. В тот год Сережа впервые не поздравил Леонида Палыча с Днем рождения. Калинич нервничал, но в душе оправдывал Сережу тем, что он еще не успел отойти от хлопот по защите, непомерно много работает, да к тому же у него недавно родилась дочь.

Вскоре старенький заведующий отделом времени и частоты был вынужден уйти на пенсию. Никто не сомневался, что на его место назначат Калинича. Но кандидатуру Леонида Палыча бесцеремонно отбросили, как беспартийного, да к тому же не имеющего докторской степени. И заведующим сделали Чаплию. С тех пор отношения между учителем и учеником стали чисто официальными, служебными. Но Калинич по-прежнему продолжал раздавать идеи направо и налево.

Шел девяносто первый год, закончилась пресловутая перестройка. Однажды на симпозиуме в Киеве Калинича заинтересовала монография по знакомой тематике с грифом «секретно». Он взял фолиант для ознакомления и удивился, увидев фамилию автора – Чаплия Сергей Михайлович. Несравненно большее удивление постигло Леонида Палыча,

когда он стал вникать в содержание. В монографии были изложены идеи и выкладки, которые Калинич не так давно излагал Сереже, помогая ему осилить первую, с позволения сказать, самостоятельную работу. Но на Калинича автор нигде не ссылался ни единым словом, даже ни разу не упомянул его фамилии. Как потом выяснилось, эта монография легла в основу Сережиной докторской.

Этот удар Калинич перенес молча, не упрекнув Сережу ни единым словом. Он тяжело пережил безвозвратную утрату своего любимого и, как ему до этого казалось, преданного ученика. Горько было разочароваться в том, кому он доверял, как самому себе. Если бы Сережа открыто спросил у Леонида Палыча разрешения использовать его идеи и решения для своей докторской, Калинич бы не возражал. Наоборот, он бы с радостью помог ему довести работу до кондиции и подсказал бы еще несколько новых изящных идей. Мало ли своих идей он подарил коллегам! Но Сережа воспользовался его идеями втихомолку, скрываясь, как мелкий воришка самого низкого пошиба. Ни с кем не поделившись, Калинич ушел в очередной запой, выйти из которого смог только через месяц.

Выйдя из депрессии, Калинич замкнулся в себе и ударился в работу. После этого с Сергеем Михалычем у него установились чисто служебные отношения, и не более того. Общались они теперь исключительно по необходимости. Калинич перестал интересоваться работами сотрудников и высту-

пать на семинарах, а потом стал по возможности уклоняться от их посещения и ходил на них лишь тогда, когда к этому его непосредственно обязывало начальство.

Когда Леонид Палыч понял, что становится нелюдимым, обозленным и агрессивным, он спохватился. Ведь он раньше терпеть не мог людей с подобными качествами, и вдруг сам превращается в такового не по дням, а по часам. Вот тогда-то он и стал интересоваться теорией Козырева, проблемами времени и его связи с энергией, массой, пространством, полем и информацией. Мощный математический аппарат, полученный еще в юности, пригодился ему для формализации и описания этой связи. Калинич перепробовал множество подходов и, наконец, вывел и решил эти самые уравнения, которые назвал Глобальными Уравнениями Мироздания, а позднее решил, что Вселенские Уравнения – название более подходящее.

Сначала он не знал, что с ними делать, и собрался уж, было, опубликовать их. Вот тут его и осенила идея осуществления телепортации и освобождения энергии вакуума. Перспективы использования этих идей давали простое и дешевое решение транспортной и энергетической проблем человечества. Открывалась также перспектива создания устройства для получения любого вещества в любых количествах, а также репликации – тиражирования любых предметов. Это, в свою очередь, решало проблему производства материальных объектов какой угодно сложности.

ХІ

Чаплия с разочарованным видом опустился в кресло и, стараясь казаться доброжелательным и приветливым, сказал, изобразив на лице подобие улыбки:

– Жаль, Леонид Палыч, что Вы избегаете тесного общения. Постараюсь быть по возможности кратким.

Он замолчал, пытаясь собраться с мыслями, потом сказал с едва заметным заискиванием:

– Леонид Палыч, Вы не будете столь любезны, чтобы продемонстрировать мне свою новую систему здесь, в кабинете, один на один – без посторонних глаз. Зная Вас, как моего глубоко уважаемого учителя и талантливого ученого, я хотел бы поближе ознакомиться с открытым Вами явлением. Хочу помочь Вам с опубликованием результатов.

Это впервые после защиты докторской Чаплия вспомнил о том, что он – ученик Леонида Палыча. Калинич насторожился и, удивленно вздернув брови, поинтересовался:

– Но почему без посторонних глаз? Я никого не стыжусь. Если люди не поняли с первого раза, но продолжают интересоваться, пусть приходят – милости просим. В конечном итоге все привыкнут к новому и поймут. Одни раньше, другие позже. Кому как дано от Бога.

– Согласен. Но я, кажется, уже оценил Ваше открытие как величайшее в мире. Однако, чтобы поддержать Вас публично, мне нужно во всем самолично удостовериться. Не исключено, что позже у меня еще раз возникнет подобное жела-

ние, – проникновенно сказал Чаплия.

«Интересно, что у этого жулика на уме? Просто так он ничего не делает. Но что я, в конце концов, теряю? Вроде бы, ничего. Что ж, попробую согласиться. Только с этим кадром нужно держать ухо востро – от него можно ожидать чего угодно», – подумал Калинич. Поразмыслив еще несколько секунд, Леонид Палыч с достоинством ответил:

– Странно, конечно. Ведь в присутствии других коллег разбираться много проще. И если тебя дурачат, как здесь некоторые подумали, коллективом легче разоблачить афериста.

Чаплия замахал обеими руками, словно отгоняя мух:

– Ну, что Вы, Леонид Палыч!.. Какой из Вас аферист! Вы не смогли бы стать им даже при всем желании! Просто мне хотелось бы познакомиться поближе с Вашей системой в спокойной обстановке, когда никто не мешает. Мне так удобнее, понимаете? А ведь Вы сами когда-то меня учили, что каждый должен работать так, как ему удобнее. Один любит работать под шум вентилятора, другой босиком, третий, – когда в столе гниют яблоки, четвертый, – когда слышит мелодию Моцарта, пятый – сидя в вагоне метро. Лишь бы плодотворнее. Верно?

«Кажется, этот прощельга давит на мое самолюбие неспроста. Но я уже тертый калач и в этот раз не дам так просто себя одурачить. Даже собака не доверяет человеку, который ее хоть раз ударил. Нет-нет, этому проходимцу от

науки верить на слово никак нельзя. Но интересно, что же он все-таки задумал? Дьявол с ним, рискну», – подумал Калинин и вслух сказал:

– Согласен. Когда Вы хотели бы это осуществить?

– Завтра. Сразу же после обеденного перерыва, – обрадовано сказал Чаплия. – Сможете?

– Идет. Мне понадобится минут тридцать-сорок на подготовку. Таким образом, Вам придется быть у себя в кабинете минут за десять до начала перерыва, – сказал Леонид Палыч.

– Я приеду только к концу перерыва. К этому времени, пожалуйста, успейте все подготовить без меня. Вот, я оставляю Вам дубликат ключа от кабинета.

Он пошарил в ящике стола и положил перед Калиничем ключ. Леонид Палыч отшатнулся от него так, словно это был не ключ, а кобра, стоящая на хвосте.

– Нет, Сергей Михалыч, – сказал Калинин. – Я по чужим кабинетам не шастаю.

– Да что за ерунда, Леонид Палыч! Я доверяю Вам, как себе самому. Берите ключ, не упрячьтесь, пожалуйста, – удивленно сказал Чаплия.

– Я же сказал: по чужим кабинетам не шастаю. Это мой принцип, – твердо ответил Калинин. – Если Вы в связи с этим не передумали, то завтра нам придется начать минут на сорок позже, чем Вы планировали.

– Ну, если это для Вас так важно, то будь по-Вашему. А что случилось? Вы же никогда раньше не были таким щепе-

тильным, – поинтересовался Чаплия.

– Жизнь ломает нас, как хочет, а против жизни, как говорится, не попрешь, – заключил Калинин. – Кажется, мы все решили, Сергей Михалыч?

– Если не ошибаюсь, все, – обиженным тоном ответил Чаплия.

– Тогда позвольте откланяться.

– До свидания, Леонид Палыч.

– Доброго здоровьица, – сухо ответил Калинин, вяло пожав протянутую ему руку.

ХП

– Установка готова к действию, Сергей Михалыч, – сказал Калинин. – Что будем делать?

– А что бы предложили Вы? – ответил Чаплия вопросом на вопрос.

– Я же не знаю, какая у Вас цель.

– Моя цель – пронаблюдать установку в работе. Так что, уважаемый Леонид Палыч, действуйте, пожалуйста, по своему усмотрению. А я буду вести протокол и подключаться по ходу дела, – предложил Чаплия.

– Ну, это проще. Предлагаю снова начать с Ваших часов. Дайте их мне, пожалуйста, – попросил Калинин.

Чаплия послушно снял часы и протянул Калининчу.

– Записывайте. Я помещаю Ваши часы в бокс номер один. Записали? Теперь задвигаю заслонку. Вот так. Даю команду на передачу, нажимая клавишу «Enter». Читайте надпись

на экране первого монитора. Записали? Теперь смотрим на второй монитор. Читайте сами и протоколируйте. Есть? Теперь сами открывайте бокс номер два.

Чаплия подошел ко второму боксу и отодвинул заслонку.

– Посмотрите внутрь. И что Вы там видите? – спросил Калинич.

Чаплия извлек свои часы и стал их рассматривать.

– И как? Ваши?

– Как будто мои, – с волнением ответил Чаплия.

– Наденьте их, они мне больше не понадобятся. Теперь возьмите какую-нибудь бумажку и что-нибудь напишите на ней.

Чаплия послушно взял с рабочего стола небольшой листок голубоватой бумаги и задумался.

– А что писать? – спросил он.

– Что хотите. Лучше, чтобы я не знал, что именно Вы пишете. Так убедительнее.

Задумавшись на пару секунд, Сергей Михалыч что-то написал на бумажке и вопросительно посмотрел на Леонида Палыча.

– Сверните свою записку и положите в бокс.

– В первый или второй? – спросил Чаплия.

– В какой хотите.

– Я во второй, – сказал Чаплия и положил бумажку с собственным автографом во второй бокс.

– А теперь сами сделайте то, что делал я. Ориентируй-

тес по указаниям программы. Ну же, смелее. Не бойтесь, током не ударит, – пошутил Калинин.

Сергей Михалыч всегда был способным исполнителем и выполнил все со скрупулезной точностью. После завершения передачи он открыл первый бокс и извлек свой листок. Спокойно развернул его и, увидев собственный автограф, обрадовался, как ребенок, которого научили играть в новую игру.

– Класс! Мой текст «Телепортация»! И дата, и подпись, и почерк мой! Вы голова, Леонид Палыч! Я всегда это говорил! Что бы еще такое передать, как Вы думаете? – весело спросил он.

– Сначала запротоколируйте то, что только что проделали, потом подумаем.

Чаплия проворно застучал по клавишам своего ноутбука, а Калинин стал смотреть по сторонам, пытаясь найти подходящий объект для очередного сеанса телепортации.

– Записал, – сказал Чаплия. – Так что бы еще передать, а?

– Видите – в углу под потолком сидит паук на паутине? Попробуйте его поймать и передать, – предложил Калинин.

– Так он ведь живой! Получится? – спросил Чаплия.

– Попробуем. Должно, по идее. Но я еще не пробовал. Вы первый в истории экспериментально проверите, возможна ли телепортация живых существ. Только хватайте его за лапки, чтобы не задушить, – смеясь, сказал Леонид Палыч.

– А он не укусит? – неожиданно спросил Чаплия.

– Да нет, не бойтесь. А если и укусит, то не смертельно. Ради такого исторически важного опыта стоит рискнуть. Ну, дерзайте, коллега! – подзадоривал Калинин, как в ту пору, когда Сергей еще ходил в коротких штанишках молодого специалиста.

Сергей Михалыч влез на стул прямо в обуви и ловко схватил паука за лапку.

– Есть! – радостно вскричал он, спрыгивая со стула.

Он посадил паука в бокс и дал команду на передачу. Подбежав к боксу-приемнику, Чаплия отодвинул заслонку и увидел, как из-за нее выскочил перепуганный паук и, что было мочи, пустился наутек.

– Давай-давай, путешественник! – кричал Чаплия, прыгая на месте от избытка эмоций и громко хлопая в ладоши.

– Поздравляю, Сергей Михалыч. Ваше имя войдет в историю, как имя первого в мире ученого, успешно телепортировавшего живое существо.

– Что бы еще телепортировать? – с азартом спросил Чаплия.

– Ну, Вы азартны, Сергей Михалыч. Да телепортируйте, что хотите. Только протоколируйте по ходу, а то потом забудете.

Чаплия телепортировал все, что попадалось под руку: авторучку, снятое со своего пальца обручальное кольцо, портмоне, микрокалькулятор, жидкостный прецизионный компас, пачку жевательной резинки, кофейную чашку и заваляв-

шеся у него в столе наполовину сгнившее яблоко. Калинич не забывал напоминать ему вести протокол, и Сергей Михайлович послушно следовал его указаниям.

Конец этой игре положил сигнал мобильного на поясе Калинича. Звонила Аня.

– Да, – ответил Леонид Палыч.

– Леня, ты обещал быть сразу после работы. Почему не звонишь?

– Понимаешь, я на работе. В кабинете у зава. Скоро буду.

– До встречи, – сказала Аня, завершая связь.

Калинич посмотрел на часы и озабоченно присвистнул.

– Сергей Михалыч, уже два часа, как шабаш. Сворачиваемся. Я надеюсь, Вы убедились, что я не шарлатан от науки?

– Спасибо, Леонид Палыч. Я увлекся, как в юности. Препрошляюсь перед Вами! Интересно, а как это осуществляется? Скажите хотя бы в общих чертах – я обещаю Вам хранить секрет в строжайшей тайне до опубликования, – сказал Чаплия.

– Мой личный опыт, Сергей Михалыч, учит меня не доверять свои тайны никому. Кроме того, просто так этого не пояснишь, – с холодной улыбкой сказал Калинич, разбирая установку. Прежде всего он надежно удалил из памяти компьютеров программы, потом уложил в свой огромный старый портфель боксы с функционально-исполнительными блоками и направился к выходу.

– До завтра, Сергей Михалыч, – сказал он. – Я думаю, Вы

завтра и без меня дадите лаборантам команду отнести компьютеры на место. Если у Вас ко мне больше вопросов нет, то я откланиваюсь.

– Подождите минуточку, Леонид Палыч. Надо протоколичек подписать. Сейчас отпечатаю, – остановил его Чаплия у самой двери.

Заработал принтер, и через несколько секунд художественно оформленный протокол был отпечатан в двух экземплярах. Чаплия был классным мастером по части оформления печатных документов. Стоя у стола, Калинич внимательно прочитал его, аккуратно подписал оба экземпляра и поставил дату. Вслед за ним Чаплия с сосредоточенным видом старательно вывел свою подпись, поставил число, посмотрел на Леонида Палыча и, расплывшись в самодовольной улыбке, протянул один экземпляр Калиничу.

XIII

В течение всей следующей недели Калинич почти не видел Сергея Михалыча. Встречаясь в коридоре или в лаборатории, они здоровались кивком головы и шли дальше – каждый по своим делам. Калинич надеялся, что Чаплия, как ученый секретарь ученого совета института, организует его выступление на одном из заседаний. Но время шло, а Чаплия молчал, словно их совместного эксперимента никогда и не было.

Дома Калинич готовил краткое информационное сообщение в несколько центральных журналов о том, что им вы-

ведены и решены новые уравнения, на основе которых создана и успешно продемонстрирована действующая установка телепортации. В подтверждение он намеревался приложить протокол, подписанный им совместно с Чаплием. Сами уравнения, логику их вывода и принцип работы установки он обещал опубликовать сразу же после надежного закрепления за собой приоритета. Леонид Палыч был уверен, что на это сообщение Чаплия напишет положительную рецензию.

А в своей лаборатории Леонид Палыч лихорадочно наверстывал отставание от графика. Используя файл главы отчета по родственной теме, выполненной в прошлом году для другого заказчика, он фактически закрыл возникшую было брешь. Теперь он в готовые выкладки только подставлял данные из нового техзадания и фиксировал полученные результаты. Это тоже занимало довольно много времени, но позволяло с успехом закончить текущий этап к намеченному сроку.

Подчиненные обрабатывали результаты эксперимента, проведенного на полигоне, и они удовлетворительно ложились на расчетные кривые. Так что нужно было только работать, что Калинич и делал, притом не без успеха.

Сегодня он весь день просидел у компьютера и существенно продвинулся к намеченной цели. Все уже с нетерпением ожидали шаша, и Калинич подводил итоги рабочего дня, который, как он расценил, прошел исключительно плодотворно. Неожиданно зазвонил местный телефон.

– Павлик, ответь, пожалуйста, – попросил он молодого инженера.

Павлик посмотрел на часы, неохотно поднялся из-за стола и подошел к телефону. До конца рабочего дня оставалось меньше десяти минут.

– Интересно, кому там сквозит, – пробурчал раздосадованный Павлик и поднял трубку. – Лаборатория времени. Да. Здесь. Сидит у компьютера. Позвать? Хорошо. Сейчас передам.

Калинич сразу понял, что его приглашает к себе кто-то из начальства, и не ошибся в своем предположении. Сам Бубрынёв, генеральный директор института, имел привычку начинать совещания перед самым концом рабочего дня и приучал к этому руководителей всех подразделений. Павлик с сочувствием посмотрел на Калинича и сообщил:

– Леонид Палыч, звонила какая-то Вероника Никаноровна. Через десять минут Вас к себе в кабинет академик Бубрынёв требует.

– Интересно, зачем я ему вдруг понадобился? – вслух подумал Калинич, выключая компьютер и наскоро приводя в порядок стол. – А Вероника Никаноровна, Павлик, вовсе не «какая-то», а самый большой человек в институте – секретарь Ивана Лукьяновича Бубрынёва.

– Ого! – деланно удивился Павлик, возвращаясь к своему столу.

– Кто-то, видимо, обстоятельно доложил Бубрынёву о Ва-

шем недавнем сообщении на семинаре с демонстрацией. Держитесь, Леонид Палыч. Мы за Вас и всегда с Вами, – приободрил его Юра Шелковенко.

Бубрынёв был из бывших партийных выдвиженцев. Место директора ему досталось по наследству в самом конце перестройки после смерти предшественника – действительного члена Академии наук СССР Шилянского. До этого он был секретарем парткома института и, как было принято в те времена, унаследовал кресло директора. Талантом ученого он не обладал, но был до удивления прозорлив и всем нутром ощущал перспективу, нюхом чуял конъюнктуру и всегда держал нос по ветру. В августе девяносто первого он предусмотрительно выбыл из партии, когда многие люди его уровня никак еще не могли на это решиться. И нисколько не прогадал, а наоборот, основательно закрепился в директорском кресле.

XIV

Бывший директор института, академик Шилянский, высоко ценил интеллект и талант Калинича, продвигал его по службе. Поэтому Калинич рано стал кандидатом наук, с увлечением работал над тематикой отдела. После смерти старого академика к власти пришел Бубрынёв. Сначала он относился к Калиничу с уважением, даже несколько раз премировал его. Хотел сделать Леонида Палыча начальником отдела времени и частоты, однако тот из скромности называл себя ученым, но никак не администратором. Потом же, ко-

гда Калинич стал отказываться работать с некоторыми протеже начальства, не давал им рабочего задания, если их ему все же навязывали, высказывал на заседаниях совета и производственных совещаниях свое личное независимое мнение, Бубрынёв сделал ставку на молодого, растущего, деятельного, исполнительного и энергичного Сережу Чаплию. Бубрынёв требовал от Калинича безоговорочного подчинения и беспрекословного выполнения его указаний, но Калинич не мог слепо соглашаться с тем, что было ему не по нутру, явно нелепо или противоречило здравой логике. Он не понимал директора, когда тот назначал на научные должности «своих» или «нужных» людей, а не тех, кто этим должностям соответствовал. Калинич открыто заявлял о своем несогласии с такими назначениями, что неизменно передавалось начальству. Порой «нужными» оказывались бывшие снабженцы, которые имели широкую сеть связей, но никаких данных в области предстоящей деятельности, жены и любовницы людей, близких начальству, их родственники, друзья и знакомые. Калиничу давались на рецензии кандидатские и докторские диссертации как сотрудников своего института, так и извне. Начальство требовало от него положительных отзывов, заставляло искать рациональное зерно в бездарных работах, а Калинич отказывался это делать. Так Калинич стал подчиненным своего ученика. Чаплия всячески стремился подчеркнуть свое превосходство над Калиничем, делал ему публичные замечания, упрекал в неоргани-

зованности, неточности, ненадежности. Постепенно все забыли о прошлом авторитете и заслугах Калинича, забыли о том, что Калинич когда-то был первым номером в своем коллективе. Сначала приспешники начальства, потом все новопринятые сотрудники, а за ними и прежние стали к нему относиться как к грамотному, но никчемному чудаку, который только и умеет, что рассуждать о том, что да как должно быть, а делать ничего не может и даже не берется за серьезные дела. Калинич замкнулся в себе, стал чисто формально относиться к работе. В таких условиях ему ничего больше не оставалось, кроме как спокойно досиживать до пенсии. Тем более, что в институте, да и, пожалуй, во всем государстве наука как таковая была отодвинута далеко на задний план, и знания, опыт и интеллект Калинича стали не востребова-
ными.

XV

Калинич не любил и никогда не стремился приближаться к начальству, поэтому начальники, как таковые, кроме самых непосредственных, его не интересовали. Общение со столь высоким начальством не могло сулить ему, рядовому научному сотруднику предпенсионного возраста, ничего хорошего. Поэтому, входя в приемную Бубрынёва, Леонид Палыч чувствовал себя несколько дискомфортно.

Тридцатилетняя красавица Вероника Никаноровна, обычно строгая и официозная, расплылась перед Калиничем в широкой улыбке:

– Здравствуйте, Леонид Палыч! Иван Лукьяныч ожидает Вас. Удачи!

Она встала и, цокая каблучками-шпильками непомерной высоты, кокетливо прошлась до двери кабинета шефа, на которой красовалась массивная бронзовая табличка с рельефной надписью «Генеральный директор института доктор физико-математических наук академик Бубрынёв Иван Лукьянович», и распахнула ее перед обескураженным Калиничем.

Бубрынёв был одет в отменно сшитый синий костюм. Его широкую грудь украшал дорогой однотонный галстук темно-синего цвета, отлично гармонирующий с костюмом. Он был «мужчиной в полном расцвете сил», как сказал бы Карлсон, который живет на крыше. Его черные глаза с ослепительно белыми белками и строгое волевое лицо овальной формы, окаймленное коротко подстриженной густой иссиня черной бородой, местами с проседью, излучали море энергии. Когда-то буйная, слегка вьющаяся шевелюра уже успела поредеть, но это не портило его внешности и даже придавало ей какой-то особый шарм. За бороду сотрудники звали его в кулуарах цыганским бароном, иногда Будулаем и говорили, будто он и в самом деле «цыганских кровей». Так ли это было на самом деле, не знал никто, но, судя по внешности, это представлялось вполне вероятным. Сидя в роскошном офисном кресле во главе длинного стола, крытого зеленым сукном, он беседовал по телефону, запустив пальцы в бороду. При виде вошедшего Калинича Бубрынёв встал и,

закрыв ладонью микрофон, обратился к нему с дружественной улыбкой:

– Здравствуйте, уважаемый Леонид Палыч. Рад Вас видеть в добром здравии. Садитесь, пожалуйста, вот здесь, поближе.

Он указал на место прямо перед собой, потом перевел взгляд на секретаршу и по-деловому распорядился:

– Вероника Никаноровна, меня ни для кого нет. Даже если из Министерства позвонят.

Он снова поднес к уху телефонную трубку и строго произнес:

– Ладно. Приходите ко мне в ближайший четверг. Нет, не после дождичка, а к половине десятого утра. Там у меня есть полчаса до селекторного совещания. Вот и обсудим. Все. Извините, у меня важная беседа с нашим уважаемым коллегой.

Бубрынёв положил трубку, встал с кресла и, приветливо улыбаясь, протянул Калиничу руку.

– Разрешите с Вами поздороваться теперь просто по-человечески. Как Вы насчет кофе? Угощу натуральным бразильским – сам из Сан-Паулу привез.

Калинич был голоден и охотно кивнул.

– Вы никуда особо не спешите, Леонид Палыч? – озабоченно спросил академик.

– Да будто бы нет, Иван Лукьяныч, – деликатно ответил Калинич.

– Вот и отлично. Вероника Никаноровна, – сказал Бубры-

нёв в микрофон, – кофе нам, пожалуйста.

– Уже закипает, Иван Лукьяныч. Сейчас принесу, – ответил из динамика ее звонкий голос после небольшой задержки.

Бубрынёв отключил микрофон и, подойдя к бару, стал перебирать бутылки. Выбрав, наконец, нужную и пару коньячных бокалов из натурального хрусталя, он водрузил их на небольшой серебряный поднос ручной арабской чеканки и поставил на стол рядом с Леонидом Палычем.

Через пару минут вошла Вероника с подносом, на котором дымился изящный кофейник, источающий дурманящий аромат, и стояли два кофейных прибора, а также тарелочки с бутербродами и розетки с янтарно-желтым лимоном, аккуратно нарезанным тонкими кружалками. Оставив поднос на столе, она сдержанно улыбнулась и, чуть заметно поклонившись, направилась к выходу.

– Спасибо, Вероника Никаноровна. Можете идти домой, – сказал ей вслед академик. – Сегодня Вы мне больше не понадобятся.

– Спасибо, Иван Лукьяныч. Всего вам доброго. До завтра, – ответила она, одарив обоих мужчин обворожительной улыбкой, и старательно затворила за собой тяжелую филе-ночную дверь с филигранной резьбой.

Бубрынёв принялся собственноручно обслуживать Калинича: поставил возле него кофейный прибор, розетку с лимонными кружалками, бутерброды и налил горячего аромат-

ного кофе.

– Чувствуете аромат? Это вам не какой-нибудь там экстрагированный кофе, а самый, что ни на есть, натуральный, естественный. И коньяк тоже самый натуральный. Как говорится, из первых рук – французский, выдержка семь лет, – он плеснул в бокалы по порции темно-коричневой жидкости, наполнив их на четверть объема. – Конечно, не самый экстра-люкс. Бывает и покруче. Но, как говорится, за неимением гербовой пишем на простой, как говорила моя покойная бабушка. Кстати, она неплохо разбиралась в коньяках, могла бы работать дегустатором. И я от нее кое-что унаследовал. Вот, оцените сами.

Он поднял бокал, посмотрел его на свет и снова обратился к Калиничу:

– Что ж, дорогой Леонид Палыч, за что пьем? За науку?

– За науку, – поддержал его изнывающий от голода Калинич и поднял бокал.

– За нашу науку! Ха-ха-ха!.. – провозгласил Бубрынёв с акцентом на слове «нашу», чокнулся с Калиничем и сделал приличный глоток.

Вслед за ним Калинич скромно пригубил и поставил бокал. Он взял бутерброд с красной икрой и, откусив небольшой кусочек, принялся спокойно жевать. Ему хотелось запихнуть его целиком в рот и тут же проглотить. Но он старался соблюсти все правила хорошего тона, чтобы не выглядеть перед директором дурно воспитанным мужланом.

«И с чего это вдруг он вспыхнул ко мне таким неслыханным уважением? Не иначе, как в связи с моим сообщением на том самом семинаре. Никак подумал, что в нем все же есть рациональное зерно! Ну, что ж, хорошо, если так. Посмотрим, как он дальше повернет», – медленно жуя, подумал Калинич.

– Да выпейте, Леонид Палыч, по-человечески! И ешьте, не стесняйтесь. Вы ведь голодны – после рабочего дня как-никак. Мы же не на приеме у английской королевы! Свои люди, в конце концов. Я-то Вас знаю не один десяток лет. Так что давайте наплюем на все этикетки, дербалызнем как следует и основательно закусим, как принято в наших здешних краях, – простодушно предложил Бубрынёв.

Не переставая жевать, он поднялся, открыл холодильник и стал выкладывать на стол нарезку сухой колбасы, балык из осетрины, буженину, сыр, маслины, шпроты и прочие закуски.

Академик налил по второму бокалу и предложил тост за тесное и плодотворное сотрудничество. Бубрынёв снова выпил, а Калинич только чуть отпил из своего бокала.

Несмотря на первоклассный коньяк, Калинич быстро насытился. Отодвинув тарелку, он откинулся на спинку кресла и стал наблюдать, как академик аппетитно уплетает деликатесные яства, болтая о том – о сем. Заметив, что Калинич перестал есть и сидит в выжидательной позе, он снова потянулся к коньяку.

– Давайте еще шарahnem, Леонид Палыч. Почему Вы не едите? – спросил он.

Бубрынёв говорил с набитым ртом, поэтому Калинин воспринимал его речь с небольшой задержкой. Чтобы догадаться, что именно сказал академик, он вынужден был некоторое время осмысливать услышанное. Бубрынёв расценил его кратковременное молчание как знак согласия и долил в его бокал коньяка.

– С меня достаточно, Иван Лукьяныч. Я не слишком охочни на еду, ни на выпивку, – сказал он с застенчивой улыбкой, отодвигая бокал. – Кроме того, у меня стенокардия, да и печень начала пошаливать. Пятьдесят восемь уже почти что, вот-вот седьмой десяток разменяю.

– Ну, глупости какие. Мне ненамного меньше – пятьдесят два. Врачи тоже предостерегают. Но я наплевал на них – ем и пью, как мне нравится, чего и Вам советую, – говорил Бубрынёв, энергично пережевывая сырокопченую колбасу.

– Нет-нет. Я – пас. Больше не могу, Иван Лукьяныч, – твердо сказал Калинин.

– Как хотите. А я допью. Ваше здоровье.

Академик единым духом осушил бокал и со вкусом высосал ломтик лимона.

– Еще кофейку, Леонид Палыч? – предложил покрасневший академик, энергично работая зубочисткой.

– Никак не могу, Иван Лукьяныч, – решительно отказался Калинин.

Бубрынёев принялся убирать со стола. Он поставил использованную посуду на ресторанный сервировочную тележку и откатил ее в дальний угол кабинета. Потом сел в свое кресло, достал пачку дорогих сигарет и протянул Калиничу.

– Спасибо, я не курю. Лет тридцать уже, как бросил, – ответил Леонид Палыч с застенчивой улыбкой, словно извиняясь.

– А я все никак не отвяжусь от этой заразы, – сказал Бубрынёв, икая. – Вы не будете против, если я закурю?

– Ну, что Вы! Как я могу быть против?

– Вот и отлично, – сказал академик, включая вентилятор и ориентируя его в сторону полуоткрытого окна. – Я буду на вентилятор дымить – Вы и не почувствуете.

– Благодарю Вас, – сдержанно улыбаясь, сказал Калинич.

Академик зажег сигарету и выпустил клуб густого дыма на вентилятор. Подхваченный воздушным потоком дым понесся к окну, рассеиваясь налету. Некоторое время они сидели молча. Академик кайфовал, изучающее глядя на Калинича. Наконец он спросил, стряхивая пепел в тяжеленную экзотическую раковину:

– Как вы думаете, Леонид Палыч, для чего я Вас пригласил?

– Уж во всяком случае, не для совместной трапезы, – ответил Калинич, стараясь держаться с достоинством.

– Вы неправы. В первую очередь – как раз для этого. Но и не только для этого.

Бубрынёв помолчал, глядя на Калинича прищуренными глазками. Леонид Палыч отметил про себя, что Бубрынёв от выпитого коньяка раскраснелся, как рак. Сквозь волосы, поредевшие на темени, блестела глянцева кожа, которая приобрела пунцовый цвет. Он был несколько полноват, но держался в пределах возрастных норм. Чувствовалось, что в юности он всерьез занимался спортом. Седина уже успела заметно тронуть его виски, но все равно вид у него был бодрый, молодежавый и бравый.

Затушив сигарету, Бубрынёв раскрыл синюю папку, на которой было вытиснено золотыми буквами: «На подпись. Генеральный директор НИИ ИПТ академик Бубрынёв И. Л.», и начал перебирать ее содержимое. Найдя документ, напечатанный на нескольких страницах, он полистал его и протянул Калиничу.

– Вот. Прошу ознакомиться, уважаемый Леонид Палыч.

– Что это? – удивился Калинич.

– Почитайте, почитайте. Только внимательно, Леонид Палыч, – сказал академик, загадочно ухмыляясь.

Калинич полез в карман за очками. Пристроив их на кончике носа, он обратил бумагу к свету и начал читать. Освещение было слабовато для его зрения, заметно ухудшившегося в последний год от долгого сидения у компьютерного монитора, и Калинич с трудом разбирал текст, смысл которого до него доходил не сразу. Сказывался, к тому же, и выпитый коньяк. Заметив эти трудности, Бубрынёв включил

галогенную настольную лампу и пододвинул к Леониду Палычу. Тот поблагодарил директора кивком головы и, разместившись в кресле поудобнее, продолжил чтение.

Это был приказ директора о создании в институте отдела поисковых исследований, заведование которым возлагалось на Калинича. Решение мотивировалось тем, что руководство института в рамках существующего бюджета выделило денежные средства для осуществления поиска новых научных направлений, ориентированных на развитие народного хозяйства с целью укрепления экономики страны. Далее говорилось, что отделу выделяются помещения под лаборатории, фонды на их ремонт, оборудование и тому подобное. Указывались сроки, в течение которых заведующему отделом вменялось в обязанность продумать и согласовать структуру отдела, его штатное расписание, оснащение и все необходимое для обеспечения эффективного функционирования отдела в целом и каждого из его подразделений.

Дочитав приказ до конца, Калинич вернул его директору и откинулся на спинку кресла. Наблюдая за его реакцией, Бубрынёв спросил с хитринкой в голосе:

– Ну, что скажете, дорогой Леонид Палыч?

– Вот сюрприз, так сюрприз! – ответил Калинич, с трудом переводя дыхание. – Как же так, назначаете меня, предпенсионера, начальником такого крупного и важного отдела, даже не поставив меня в известность? Это, по меньшей мере, странно. А если я откажусь? Мне ведь через два года на пен-

сию.

– Вы, я вижу, не рады? – с величественной улыбкой спросил Бубрынёв.

– Да как Вам сказать... Я не пойму, почему Вы остановили свой выбор именно на мне? Чем я на старости лет заслужил такое внимание с Вашей стороны? – с искренним недоумением спросил Калинич.

– Вы знаете, Леонид Палыч, я уже пятнадцать лет работаю директором института, до этого тоже занимал руководящие посты и до сих пор не могу понять людей. Не повышаешь человека – возмущается. Повысишь – тоже возмущается. Бог его знает, чего люди хотят от общества. Но я не желаю пока что вдаваться с Вами в эту полемику. Прочитайте для начала еще вот это. – Бубрынёв протянул Леониду Палычу последний номер городской вечерней газеты. – Это свежий номер. Только что из типографии доставили. Я его для Вас лично припас. Дома жене покажете, родственникам, друзьям, соседям. Кому сочтете нужным, короче говоря.

Калинич с любопытством взял газету и посмотрел на то место, куда пальцем указал Бубрынёв. Там был заголовок статьи, занимавшей половину полосы, подчеркнутый красным маркером: «Сенсационное достижение наших ученых». Статья начиналась с преамбулы, в которой сообщалось, что «в нашем НИИ Информационных Проблем и Технологий, возглавляемом доктором физико-математических наук академиком Бубрынёвым Иваном Лукьяновичем, со дня его

основания ведутся уникальные исследования и разработки. Отдел времени и частоты, которым руководит доктор технических наук Сергей Михайлович Чаплия, занимается проблемами создания уникальных эталонов частоты, высокоточных хранителей времени, сличением и распространением их шкал, изучением свойств самого времени как такового и всего, что с ним непосредственно связано. Академик Бубрынёв И. Л. считает этот отдел ядром всего института и держит под особым вниманием проводимые в нем исследовательские работы. Недавно на научном семинаре отдела времени и частоты одним из наиболее талантливых ученых института, старшим научным сотрудником, кандидатом технических наук Л. П. Калиничем было сделано уникальное сообщение с демонстрацией устройства, осуществляющего телепортацию физических объектов из одного контейнера в другой, удаленный на некоторое расстояние. Среди ученых института сообщение вызвало шок и породило широкую полемику».

Калинич опустил газету и посмотрел на Бубрынёва. Тот с сосредоточенным видом полулежал в мягком модерновом офисном кресле, откинув до предела спинку, и внимательно следил за реакцией Калинича. «Все же признали факт моего открытия!» – с гордостью подумал Леонид Палыч и снова углубился в чтение.

Дальше статья была построена в форме эксклюзивного интервью, которое дал корреспонденту газеты сам академик

Бубрынев:.

– «Иван Лукьянович, скажите, пожалуйста, каковы перспективы народно-хозяйственного применения открытого Вами явления?»

Академик Бубрынёв И. Л. задумывается и в свойственной ему приветливой манере отвечает:

– «Прежде всего, отмечу, что это открытие – не что иное, как побочный продукт научных изысканий нашего института. И пришли мы к нему, занимаясь совершенно иной тематикой. На тему перспектив его применения можно много фантазировать, но пусть это делают писатели-фантасты и ваши коллеги журналисты. Я – ученый и имею право оперировать только научно подтвержденными фактами. Все подлежит еще неоднократной и тщательной экспериментальной проверке. Если ее результаты подтвердят, что уравнения, полученные в нашем институте, верны, то перспективы трудно себе вообразить. Коренным образом может измениться система транспорта как в нашей стране, так и за ее пределами, включая даже космическое пространство. Мы, ученые, не любим делать прогнозы, ибо, как показывает мой многолетний опыт, действительность опережает даже самые смелые прогнозы. Поэтому не будем пока фантазировать, а сосредоточим свои усилия на изучении явления, открытого в нашем институте. Мы чувствуем огромный потенциал этого открытия и надеемся, что оно окажется перспективным в отношении применения в народном хозяйстве, ибо рыноч-

ные отношения вынуждают нас отдавать предпочтение таким работам, которые позволяют нам заработать на жизнь. Если окажется, что какое-то направление не дает прибыли, я закрою его без малейших колебаний.»

Иван Лукьянович озабоченно поглядывает на часы и с присущей ему скромностью извиняется:

– «Я прошу прощения – в моем распоряжении очень мало времени. Через четверть часа к нам должна прибыть делегация зарубежных коллег. Я обещал их встретить и кое-что с ними обсудить.»

– «Еще один вопрос, Иван Лукьянович. Скажите, пожалуйста, что это за уравнения, о которых Вы только что упомянули?»

Академик улыбается и отвечает все в той же научно корректной форме:

– «Это уравнения, связывающие математически массу, энергию, поле, пространство, время и, представьте себе, информацию! Но все еще чрезвычайно сыро и, подчеркиваю еще раз, подлежит строгой научной проверке.»

– «Вы не думаете, что в перспективе такая работа заслуживает быть отмеченной Нобелевской Премией?»

– «Не будем пока загадывать», – скромно отвечает академик с застенчивой улыбкой.

– «И последний вопрос. Если уникальные уравнения, выведенные в вашем институте, окажутся верными, то как Вы их назовете?»

Иван Лукьянович поднимается с места и уже на ходу отвечает:

– «Над этим мы пока еще не думали. Но если случится так, что нам будет предоставлено почетное право присвоить имя новым уравнениям, то я бы хотел именовать их, скажем, уравнениями НИИ ИПТ или как-нибудь иначе, но обязательно с упоминанием этой группы букв. Это аббревиатура названия нашего института. Подобным образом были даны названия небезызвестным вам кристаллам “Фианит”, волокну и ткани “Лавсан” и тому подобным продуктам, созданным нашими соотечественниками. Извините, но я вынужден идти. Всего Вам доброго. До свидания.»

– «Благодарю Вас, Иван Лукьянович. Желаю Вам здоровья и дальнейших творческих успехов», – Иван Лукьянович пожимает мне на прощанье руку и направляется к выходу.»

Калинич почувствовал, как кровь мощными толчками приливает к его вискам, а в груди сжимается жесткий сухой ком, вызывая нарастающую тупую боль. Он свернул газету в трубку и начал ею стучать по ладони в такт пульсу в висках. Чего-чего, но такого освещения событий он не ожидал никак. Он смотрел в черные глаза Бубрынёва, сверкающие каким-то сатанинским блеском, не зная, как себя повести, а Бубрынёв терпеливо молчал, не сводя с Калинича изучающего взгляда, преисполненного уверенности в собственном превосходстве. Эта немая сцена продолжалась минут десять. Первым заговорил Бубрынёв:

– Леонид Палыч, Вы внимательно прочитали статью?

Калинич кивнул. Во рту у него совершенно пересохло, и он не мог шевельнуть не только языком, но и губами.

– Понравилось? – спросил академик, не переставая сверлить Калинича взглядом.

Леонид Палыч хотел тут же высказать ему все, что он думает на этот счет, но у него парализовало речь. Он смотрел на Бубрынёва с откровенным негодованием, не в силах произнести ни звука. Бубрынёв терпеливо ждал ответа и продолжал сидеть в вальяжной позе. Наконец, Калинич почувствовал, что к нему начинают возвращаться ясность мышления, дар речи и самообладание. Он весь напрягся и, с трудом ворочая во рту пересохшим языком, прохрипел:

– Вы... Вы еще... спрашиваете?

– Разумеется, – непринужденно сказал Бубрынёв. – Я дал Вам прочесть статью, где фигурирует Ваше имя в самом, на мой взгляд, лучшем свете...

– Спасибо... В самом... лучшем свете, говорите?.. – спросил Калинич, подавляя в себе нарастающую волну возмущения и гнева.

– Конечно. Там о Вас сказано только то, что было. Причем, как о признанном ученом. Вы что, не желаете признания Вашего открытия? Разве не с этой целью Вы организовали тот внеплановый семинар? – с серьезным видом спросил Бубрынёв.

– Иван Лукьяныч, давайте не будем ерничать. Это откры-

тие сделано вовсе не в нашем институте. Кроме того, в нем оно было начисто отвергнуто и осмеяно. Меня за него подвергли шельмованию, позорили, кто как мог. Зачем же искажать факты? – уже спокойно сказал Калинич.

– Как это не в нашем институте? Вы разве не в нем работаете? А свои знания, умение и опыт Вы где наработали? Не в его ли стенах? – с возмущением возразил Бубрынёв. – И почему Вы считаете, что оно было отвергнуто? Первое возражение – это вовсе не отвержение, а здоровый скептицизм, первое испытание на прочность, так сказать. Кроме того, Ваш заведующий отделом, Сергей Михайлович Чаплия, совместно с Вами провел испытания вашей установки, о чем Вы вместе с ним подписали протокол. Теперь мы вот даже отдел под эту тематику организуем и Вас назначаем заведующим. Смотрите, я на Ваших глазах подписываю приказ.

Бубрынёв взял лежащий перед ним приказ и, открыв последнюю страницу, размахисто подписал. Положив ручку, он протянул его Калиничу со словами:

– Все. Приказ подписан. Поздравляю с повышением, Леонид Палыч! Завтра же начинайте передавать дела своему преемнику, какого Вы сами облюбуете, и заниматься организацией нового отдела. Готовьтесь к постановке эксперимента на более высоком уровне. Чай теперь Ваша душенька довольна?

– Позвольте-позвольте, Иван Лукьяныч! Что ж это получается? Вы хотите присвоить мое открытие? Результаты мо-

их многолетних – при этом, подпольных – творческих исканий? – возмутился Калинин.

– Я? Что Вы, избави Бог! Ваши труды – это, как я Вам только что разъяснил, труды нашего института. Институт предлагает взять на себя заботы по их развитию и внедрению, предпринять все меры, необходимые для охраны касающейся их информации, а также Вас лично, как ее основного и пока что единственного носителя. Вы такой образованный, разумный и талантливый человек, а я вынужден Вам растолковывать буквально азбучные истины. Странно как-то, Леонид Палыч. Ей-Богу, странно.

– Простите, Иван Лукьяныч, заранее Вам говорю: втолковывать мне, что черное – это белое, совершенно бесполезно. Я, слава Богу, пока еще не маразматик и понимаю, что к чему. Вверенный вам институт не имеет к моему открытию ровным счетом никакого отношения. Любые попытки убедить меня в обратном обречены на провал. Странно, что мне приходится Вам это растолковывать! – сказал Калинин с непоколебимой уверенностью в своих силах.

– Как это не имеет отношения? Сейчас я Вас, индивидуалиста, разоблачу! – темпераментно выкрикнул академик. – А разве не институт предоставил Вам для Ваших экспериментов помещение, электроэнергию, приборы, материалы, станки, верстаки, приспособления, компьютеры и прочую оснастку? Вы что, платили нам арендную плату? Платили за электроэнергию и освещение, за амортизацию помещения и

лабораторного оборудования, за обогрев, наконец? Разве не нам Вы обязаны высвобождением времени для проведения своих опытов? Представьте на мгновение, что Вы бы всего этого лишились. Смогли бы Вы тогда сделать то, что сделали?

– Я-то как-нибудь смог бы. И сделал бы наверняка – уверяю Вас. Быть может, чуть позже, но все равно сделал бы. А вот Вы без меня и сейчас этого не сделаете. Попробуйте, если не верите. У Вас ведь есть и оснащенные лабораторные помещения, и оборудование, и все прочее, только что названное Вами, а также и не названное, – спокойно, но жестко ответил Калинич.

– Да не об этом речь, в конце-то концов, – Бубрынёв всем корпусом подался вперед, так что край стола врезался ему в живот. – Леонид Палыч, Вы что, не хотите развития и внедрения Ваших работ? Не хотите выступать с докладами на всемирных научных симпозиумах, конгрессах и конференциях, черт возьми?

– Хочу. Очень даже хочу, Иван Лукьяныч. Но я не хочу кому-либо уступать свой приоритет. Я не желаю повторять судьбу Дага Энгельберта, Роя Планкетта, братьев Люмьер и им подобных. Понимаете? Я никому не открою секрета системы телепортации, пока не закреплю за собой приоритет самым надежным образом, – твердо сказал Леонид Палыч. – Пока весь мир не узнает, что Калинич и только Калинич открыл явление телепортации и впервые в мире построил си-

стему ее реализующую.

– Никто не собирается лишать Вас пальмы первенства. Но не отметайте и своих ближайших коллег. Вы же не Кот, Который Гуляет Сам По Себе, гениальный Вы наш!

– Мне от Вас ничего не нужно. Я не сквалыга и не эгоист, каким Вы пытаетесь меня представить в моих собственных глазах. Мое открытие будет служить людям, причем исключительно в мирных и добрых целях. А своим приоритетом я не торгую.

– Я не предлагаю Вам торговать приоритетом. Сделать открытие и не поделиться с коллегами – недостойно ученого. Это прописная истина. Я взываю к Вашей совести – часть Вашего приоритета принадлежит нам по праву, поэтому уступите нам ее, как положено, вот и все.

Лицо Бубрынёва покрылось каплями пота, как будто он минуту назад прилично поработал киркой или лопатой. Он ослабил свой шикарный галстук и расстегнул верхние пуговицы тщательно отутюженной сорочки sleeping beauty, из-под которой выглянул клочок густых и черных как смоль волос. В его мефистофельских глазах все ярче пылало адское пламя, в котором с диким неистовством прыгали бесы. В противоположность ему, Калинич оставался совершенно спокойным и полностью владел собой. От недавнего ступора и растерянности не осталось и следа.

– По праву, говорите? Нет уж – извините. Права отбирать чужое не имеет никто, – холодно и твердо сказал Калинич.

Бубрынёв понял, что его первая атака успешно отбита, и решил начать наступление с другого фланга:

– Леонид Палыч, Вы – ученый с огромным стажем и отлично знаете, что в наше время невозможно делать серьезную науку в одиночку, без надежной и крепкой поддержки.

– Несмотря на это утверждение, я в одиночку сделал серьезное открытие. А насчет поддержки Вы напрасно беспокоитесь – у меня есть верная, очень надежная и крепкая поддержка, – ответил Калинич с улыбкой младенца.

Такое спокойствие Калинича выводило академика из себя, но он отлично владел собой, и у него в запасе было столько энергии, что он решил во что бы то ни стало выиграть бой у этого тщедушного лабораторного фанатика, живущего предрассудками позапрошлого века.

– Поймите, Леонид Палыч, такую простую вещь. Все, абсолютно все платят налоги. Зачем, Вы спросите? Налоги на то, чтобы государство обеспечивало им безопасность и прочий комфорт. Таков закон существования всех – я подчеркиваю – абсолютно всех сообществ живых существ нашей планеты. Учтите, что скупой всегда платит дважды. Вы откажете нам – мы откажем Вам. Все равно Вы не сможете долго сохранять в тайне ваши секреты. Без надежной страховки Вами непременно заинтересуются нежелательные субъекты. Они не станут Вас уговаривать, покупать у Вас изобретение и торговаться с Вами. Они либо силой завладеют всем, что Вы наработали, и Вы останетесь ни с чем, либо устранят Вас

со своего пути вообще.

– Вы мне угрожаете? – спросил Калинич с искренностью агнца.

– Что Вы! Избави Бог! Я пытаюсь Вам разъяснить, что отказываясь от нашей помощи, Вы открываете себя для атаки со стороны нечестных элементов нашего общества, которые, к сожалению, существуют, – сказал Бубрынёв с усталым видом.

– Как сейчас модно говорить, это не Ваши проблемы, уважаемый Иван Лукьяныч, – ответил Калинич.

– Попробую Вам разъяснить доходчивее. Чтобы продать свое изобретение, нужно быть коммерсантом! И менеджера иметь хорошего, – продолжал Бубрынев свою атаку.

– Благодарю Вас. У меня уже есть классный менеджер. Он же коммерсант от Бога, – все с той же ангельской улыбкой парировал Леонид Палыч.

– Леонид Палыч, давайте проведем другую аналогию. Ни для кого не секрет, что на всяких престижных соревнованиях все спортивные судьи всюду и всегда подсуживают своим спортсменам. Особенно в спорных случаях. За исключением слишком уж явных нарушений. Если они этого не будут делать, то в следующий раз их просто не пошлют судить. И они останутся без работы. Вы меня понимаете? Или Вы настолько зашорены, что до сих пор наивно верите в идеалы? А мы с Вами, к сожалению, живем в мире ре-аль-ном! – выкрикнул Бубрынёв, теряя самообладание.

Он в сердцах стукнул кулаком по столу. Удар пришелся на кончик авторучки, которой он несколько минут назад подписал приказ, и она, бешено вращаясь, описала в воздухе дугу и улетела в дальний угол кабинета. Калинич попытался встать, чтобы подобрать ни в чем не повинную ручку и вернуть владельцу.

– Сидите, Леонид Палыч! Сидите, пожалуйста! Хрен с ней! – осадил его Бубрынёв.

Леонид Палыч подчинился, но позиции не сдал:

– Верю, представьте себе. Верю! И благодаря этой вере я сохранил чистоту того, что называется душой.

– Верьте, если Вам так удобнее. Советская власть вбила Вам в голову утопические идеалы, которые извратили Ваше видение окружающей действительности. Не знаю, кем надо быть, чтобы не понять элементарного закона человеческих взаимоотношений. Поймите: если Вы вводите что-то новое, что облегчает, удешевляет или делает ненужным какой-либо ныне хорошо налаженный бизнес, то Вы кому-то угрожаете разорением. В лучшем случае – уменьшением доходов. А свой бизнес, то есть средства существования и благополучия, люди будут защищать любыми доступными им средствами. Рассмотрим еще такую ситуацию: нечестные люди, располагающие определенными средствами, увидят, что, используя Ваше изобретение, можно заработать приличные деньги. Что они захотят сделать? Конечно же, завладеть этим изобретением. А Вы, если то, что Вы предлагаете, действи-

тельно реально, замахиваетесь на очень многое. И не только в нашей стране. Вы понимаете, что с Вами сделают, если Вы не будете иметь глобального прикрытия? Надежной, глубоко эшелонированной обороны? Вы столкнетесь лицом к лицу с очень влиятельными и очень страшными людьми. Вас либо уничтожат, сотрут в порошок, либо силой отнимут плод Вашего интеллекта. Вы меня простите, Леонид Палыч, но при всем моем исключительно глубоким уважении к Вашей учености, интеллекту, эрудиции и личных к Вам симпатиях, я вынужден сказать, что одному человеку, будь он хоть семи пядей во лбу, это не по силам. Тут Вы без нас не потянете. Нужна армия. Вы ведь знаете французский? Должны знать и французскую поговорку: *qui terre a, guerre a. Vous comprenez, n'est ce pas?*

– *Bien sur, monsieur, a mon avis je vous ai compris comme il faut,* – ответил Калинич в тон директору.

– Ну, вот и отлично. Так в каком направлении мы с Вами будем действовать? – спросил академик примиренческим тоном, думая, что его взяла.

– Вы действуйте, как считаете нужным, а я никому не собираюсь уступать приоритета ни полностью, ни частично. Это мое твердое, четко осознанное намерение, – убежденно отпарировал Калинич.

Бубрынёв бессильно откинулся на спинку кресла, и оно жалобно закрипело. Достав белоснежный носовой платок, он промокнул крупные капли пота, выступившие на раскрас-

невшемся лице. Иван Лукьяныч понял, что перед ним мощный интеллект, и «нагнуть» его будет очень даже непросто. Но сдаваться он не собирался. Желание стать лауреатом Нобелевской премии было для него сейчас главной движущей силой, если не целью жизни. И генеральный директор, закусив удила, пошел на новый приступ:

– Леонид Палыч, давайте говорить серьезно, а не соревноваться – кто кого. Не спешите отказываться от сотрудничества с нами и пренебрегать нашей помощью. Мы хотели бы делать для Вас добро, а не что-нибудь иное или ничего не делать. Прежде всего, для дальнейшего совершенствования и воплощения Вашего открытия в «металл» понадобятся деньги. Много денег. Где нет денег, там нет дела, гласит известная купеческая поговорка. А где их взять? Их надо заработать. Я лично обещаю выбить для Вас на своем уровне крупное, очень крупное финансирование из разных источников.

Он замолчал, переводя дух, и потянулся за сигаретой, затем передумал и пошел к бару за коньяком. Вернувшись с бутылкой и бокалами, Иван Лукьяныч наполнил их до краев и предложил:

– Давайте выпьем, Леонид Палыч, чтобы разговор клеился. Сейчас я лимончика нарежу. Или Вам закусочки поплотнее?

– Спасибо, Иван Лукьяныч. Я уже достаточно выпил. И поел тоже. К тому же, у меня стенокардия, – деликатно от-

казался Калинин.

– Как хотите. А я врежу, как следует, – сказал генеральный директор и единым духом осушил бокал, даже не поморщившись.

Он тяжело плюхнулся в свое роскошное кресло, взял сигарету и принялся шарить по столу в поисках зажигалки. Он поднимал книги, папки с бумагами, передвигал тяжелые часы с памятной гравировкой, телефонные аппараты, калькулятор, девятнадцатидюймовый компьютерный монитор и другие вещи – неперемменные атрибуты современного кабинета солидного начальника. Но зажигалка куда-то таинственным образом исчезла.

– Вы не видели – тут зажигалка лежала? – озабоченно спросил Бубрынев и после некоторой паузы добавил:

– Золотая.

Калинич отрицательно покачал головой, потом подсказал:

– Да Вы в карманах поищите.

Бубрынёв принялся стучать себя по карманам и, наконец, вытащил на свет столь вожеленную зажигалку, выблескивающую золотом в свете хрустальной кабинетной люстры. Прикурив, он положил ее рядом с пепельницей и, отчаянно затаившись, с облегчением сказал:

– Слава Богу, нашлась. А то, бывает, я ее неделями ищу.

Калинич кивнул в знак сочувствия и посмотрел на табло электронных часов на стене между окон.

– Да еще рано, Леонид Палыч, – успокоил его академик. –

Давайте ближе к делу. Я хочу разъяснить Вам, что мы не лишаем Вас ни славы первооткрывателя, ни «пышек», которые Вы, по идее, должны получить за эту работу. Просто около Вас люди, не менее заслуженные перед страной и наукой, могут тоже кое-что получить при этом. Зачем же лишать их того, чего Вы никак не теряете? Вы ведь, занимаясь предметом своей одержимости, назовем это пока так, отвлекались от основной работы, допускали огрехи, недорабатывали. А ваши коллеги прикрывали Вас, поддерживали. Большинство изобретателей думает только о своих изобретениях. При этом в ущерб не только основной работе, но и вообще чему угодно, в том числе собственному благополучию, здоровью и даже жизни. И Вы здесь отнюдь не исключение. Вы ведь, не сделав до сих пор для института, по сути, ничего существенного, ходите сейчас в довольно высоком ранге именно благодаря нам, Вашим ближайшим коллегам. Так почему Вы считаете, что мы теперь не вправе поставить свои фамилии рядом с Вашей?

Калинич подскочил, как ужаленный. Он оперся о стол, ухватившись за его край обеими руками, и застрочил, как из пулемета, в самое лицо Бубрынёву:

– Ну, это уж слишком, Иван Лукьяныч! Я никак не хотел касаться столь щекотливого вопроса. Вы сами меня вынудили. Так вот, пока я был одержим своей идеей телепортации и, как бы там ни было, но худо-бедно выполнял при этом то, что было положено по работе, окружающие меня коллеги,

и Вы, в том числе, были одержимы карьерой, должностями, степенями, званиями и прочей мишурой. Вы все занимались выбиванием, и прежде всего – для себя, хорошего финансирования, всяких там престижных статусов, высоких зарплат, премий и наград. Вы выслуживались перед вышестоящим начальством, занимались очковтирательством, доношительством, подстрекательством, подсиживанием. Вы создавали никому не нужные лаборатории, отделы и даже институты только для того, чтобы хорошо устроиться самим либо устроить кого-то из членов Вашего клана! Вы выбивали высокооплачиваемые заказы, порой совершенно никому не нужные, выполняли бесполезные, никого не интересующие работы, и они потом оседали на архивных полках заказчиков, где пылятся и по сей день! Почти вся ваша наука была притянута за уши и служила, порой, единственной цели – давала вам ученые степени, звания, награды, премии, заграникомандировки. Прежде всего – личные интересы, – мораль – потом! Чего стоит большая часть благословляемых Вами докторских диссертаций?! А о кандидатских и говорить нечего! При этом по-настоящему талантливому человеку, не входящему в ваш клан и не имеющему поддержки сверху, пробиться было чрезвычайно трудно, а чаще всего – невозможно. Всюду круговая порука! Я горжусь тем, что свое скромное нынешнее положение и статус обрел, будучи беспартийным и без всякой поддержки со стороны вашего доминирующего клана. И что в итоге? Каждый из нас по-

лучил свое! Так чего Вы хотите от меня теперь? Несмотря ни на какие препятствия и неудачи, я намерен добиваться мирового признания своего открытия и получения за него всех дивидендов! Я в своей жизни пережил много неудач и унижений, и они закалили меня на все цвета побежалости. Вы же, как человек, прекрасно знающий ученых и изобретателей, великолепно понимаете, что неудача изобретателя не остановит! Я никогда не стремился к руководящей работе, но отлично помню, как мою кандидатуру исключали из числа претендентов на должности заведующего лабораторией или отделом, открыто мотивируя тем, что я беспартийный. А позже меня не замечали вообще, потому что мои бывшие бездари-ученики, обладающие недюжинными комбинаторскими да «пробивными» способностями и больше, к сожалению, никакими другими, обрели более высокие статусы, чем я, и оттеснили меня на задворки! Я ни на кого не таю ни зла, ни обиды, никому не мщу, ни по какому поводу не злорадствую, но никогда, слышите, никогда не соглашусь позволить снова оттеснить меня от того, что принадлежит мне по ПРАВУ, чего я добился своим трудом и талантом не благодаря, а вопреки их действиям!

Калинич внезапно замолчал и, резко почувствовав усталость, бессильно осел в кресло. У него перехватило дыхание, в ушах пульсировал шум, в груди болезненно сжался тугой ком, не давая продохнуть. А мефистофельские глаза Бубрынёва, мечущие искры и молнии, волком смотрели на него ис-

подлюбья. Видя, что Калинич больше не способен дискутировать, он незамедлительно воспользовался этим и высокомерно изрек:

– Что ж, я за тех, кто умеет мечтать и добивается своего. Однако каждый занимает такую экологическую нишу, которую он в состоянии занять и удерживать. Бог свидетель, я всеми силами стремился помочь Вам, не забыв при этом, разумеется, и о себе. Вы же, вместо того, чтобы жить в симбиозе с обществом, наивно надеетесь лбом прошибить стену. Я всего лишь предлагал Вам наиболее рациональный выход, но никак не навязывал. Звезды склоняют, но не принуждают, говорили древние астрологи. Как гласит арабская народная мудрость, коня можно подвести к водопою, но нельзя заставить пить. На «нет» и суда нет. Жалею, что потерял с Вами время. Все тогда. Не смею больше Вас задерживать. Желаю успеха.

Бубрынёв был мрачнее тучи. Куда и делась прежняя доброжелательность. Но он все еще надеялся, что Леонид Палыч одумается, пойдет на попятную, предложит свои условия сотрудничества. Но он ошибся. Превозмогая боль в груди, Калинич встал и с трудом сказал полусшепотом:

– Простите, что не оправдал Ваших надежд, Иван Лукьяныч. До свидания.

Ни слова не проронив в ответ, Бубрынёв достал из папки приказ, столь торжественно подписанный в присутствии Калинича, демонстративно разорвал его и, скомкав, небрежно

но швырнул в мусорную корзину. Подобным образом когда-то Саддам Хусейн перед объективами телевизионных камер разорвал территориальный договор Ирака с Ираном.

XVI

Калинич вышел из института с ощущением того, что сегодня рабочий день не удался. Он вынул мобильник и позвонил Ане.

– Леня? Здорово. Ну, что ты сегодня скажешь? Чем оправдаешь свое загадочное молчание в течение целого дня? – спросила она устало.

– Привет, Аня. Можно к тебе сейчас приехать? – ответил он вопросом на вопрос.

– Сейчас? Приехать? Но уже поздно. Тебе домой нужно. Лида с ума сойдет. А что, случилось что-нибудь? – озабоченно поинтересовалась Аня.

– Да. Был важный разговор. И очень неприятный, – мрачно ответил Калинич.

– Леня, а до завтра нельзя отложить? – предложила она.

– До завтра я с ума сойду, если с тобой не поговорю. Либо меня хватит инсульт или инфаркт! – выпалил Калинич.

– Зачем же так ужасно? Не надо. Лучше приезжай. Только Лиде позвони. Придумай что-нибудь. Жду, – согласилась Аня и прервала связь.

Леонид Палыч спрятал мобильник и поднял руку, останавливая удачно подвернувшееся свободное такси.

XVII

Анина кухня была излюбленным местом их откровенных бесед, ставших особенно частыми в последние три месяца. Калинич с удовольствием съел бутерброд с ветчиной и порцию салата из огурцов и помидоров, обильно сдобренного черным перцем, луком и чесноком. От более плотного ужина он отказался, мотивируя тем, что недавно его неплохо накормил Бубрынёв. На газовой плите шумел старый эмалированный чайник, придавая кухонной обстановке особый уют. Аня внимательно слушала все, что рассказывал Калинич за ужином, не перебивая ни единым словом. Наконец, он выговорился и вопросительно взглянул в глаза своей подруги, сидевшей у края стола. Они излучали необыкновенное тепло и были насквозь проникнуты душевной близостью, которая сейчас была ему так необходима, и за которой он, собственно, к ней приходил всегда. И вот, пришел сейчас.

– Ага! Учужали шакалы чужую добычу! На свежатинку спешат! Нет уж! Фигушки! – весело сказала Аня, показав кукиш воображаемым «шакалам».

Ее тонкий большой палец далеко выпятился между указательным и средним, и она проворно зашевелила им вверх-вниз.

Калинич, взглянув на ее комбинацию из трех пальцев, весело расхохотался. Особых поводов для смеха у него не было, но уж очень смешно выглядела эта «живая» дуля. Аня тоже зажигательно засмеялась. Калинич привлек ее к себе и нежно поцеловал.

– Ты у меня такая умница! Сумела рассмешить в такой ситуации и при самом гнусном настроении! Что бы я без тебя делал! – сказал Калинич, вытирая носовым платком слезы, выступившие от смеха.

– Это, конечно, смех сквозь слезы. Завтра, я знаю, против меня начнется всеобщая травля. Возможно, меня даже уволят. А мне ведь до пенсии – всего-ничего, – задумчиво сказал Калинич.

– Все равно не сдавайся. Уволят – ну и что? Два годика перебьешься как-нибудь. Будем твоё открытие проталкивать. Оно все с лихвой окупит, если твой приоритет оформим. Эти хищники, конечно, будут препятствовать, пустят в ход весь арсенал средств, имеющихся у них в наличии. Но страшны не они. Верно тебе сказал этот Бубрынёв, тобой могут криминальные элементы заинтересоваться. Не исключено, что и он сам с ними связан, – предположила Аня.

– Нет, это вряд ли. Слишком уж он и его приспешники трусливы, чтобы путаться с криминалом. Да они и сами неплохо свои делишки обтяпывают, не хуже уголовников, – возразил Леонид Палыч.

– Возможно, – согласилась Аня. – Но они могут косвенно подать идею тем, кто непременно обратится за услугами к уголовникам.

– Каким образом? – недоумевал Калинич.

– Ну, есть много вариантов.

– Например? – полюбопытствовал Леонид Палыч.

– Кто-нибудь из них может целенаправленно высказаться в каком-нибудь интервью или просто в публичном месте, что с помощью твоего устройства можно транспортировать наркотики, минуя таможи. Это дойдет до наркодилеров, и те постараются заполучить его. Какие в этом случае возможны последствия, объяснять не нужно, – заключила Аня.

– Да, пожалуй, – согласился Калинич.

– Второй вариант, – продолжала Аня, – в той же ситуации дать понять, что внедрение твоего устройства сделает ненужными все виды ныне существующего транспорта, особенно на дальние расстояния. Тогда представители авиационных, железнодорожных и автодорожных компаний будут стремиться уничтожить все, что связано с твоим открытием, и тебя прежде всего. Тебе известна история Хуана Андреса?

– Нет. А кто это такой? – удивленно спросил Калинич.

– Американец португальского происхождения из Питсбурга. Изобретатель вроде тебя. В начале тридцатых годов двадцатого века он изобрел какой-то очень простой и дешевый химический состав, преобразующий воду в автомобильное топливо. Неоднократно демонстрировал свои опыты компетентным комиссиям, собирал пресс-конференции. Газетные статьи и протоколы комиссий, подписанные именитыми учеными того времени, сохранились до сих пор. Просил за свой секрет миллион долларов. По тем временам это очень большие деньги! Им заинтересовались представители нефтяных монополий. Согласились купить и пригласи-

ли его в Нью-Йорк для оформления сделки. Он вылетел из Питсбурга на частном самолете, но в Нью-Йорк самолет так и не прибыл. Что с ним случилось, никто и по сей день не ведает. Современные специалисты говорят, что существование такого состава невозможно, и считают его опыты хитро обставленным жульничеством. То же может случиться и с тобой.

– Не исключено, – согласился Калинич. – Пожалуй, надо подумать, как обезопасить программное обеспечение и экспериментальные блоки. Если этими вещами завладеют те, кому не следует, то рано или поздно они найдут людей, которые в них разберутся, и негативные последствия могут быть столь грандиозны, что трудно себе представить.

– А если они похитят тебя? Тогда плюс к этому последствия будут еще и трагичны, – назидательно добавила Аня.

– От меня они хрен что узнают. Но на всякий случай надо припасти ампулу цианида, что ли, – с усмешкой сказал Леонид Палыч.

Но Аня осталась серьезной. Она подошла к окну и открыла форточку. Из темноты донесся шум дождя и ночного города. Она снова села около Леонида Палыча и, покачав головой, сказала с грустью:

– Ты все шутишь. А я серьезно. О том, как спрятать секреты, думай сам. Тут я тебе не советчица. Я слабая женщина, и меня, возможно, легко будет расколоть. Поэтому мне лучше не знать и даже не догадываться, где и что ты спрятал.

А вот с тобой дело посерьезнее. И не будь так уверен в себе. Если ты и в самом деле окажешься стойким, как партизан, во что я мало верю, то существуют препараты, от которых и не такие становятся непомерно болтливыми и выкладывают все, как есть. На блюдечке с голубой каемочкой.

– Надеюсь, что до этого не дойдет. Все пока не так серьезно, как тебе кажется, – попытался успокоить ее Леонид Палыч.

Аня грустно улыбнулась и сменила тему:

– Что ты своей Лиде сказал? Как оправдываться будешь?

– Сказал, что поехал на институтский полигон. Проверить макет перед завершением этапа, – нехотя ответил Калинин.

– А если она позвонит туда?

– Она знает, что там нет городского телефона, а мобильная связь неустойчива. А если и выйдет через кого-нибудь на полигоновскую лабораторию, то ночью там все равно никого нет, а днем на звонки отвечает Вася Панченко. Я его по мобильнику предупредил, чтобы говорил, что я в подземке сижу. Он мне тогда на мобильник позвонит, – ответил Калинин.

– Леня, тебе не стыдно лгать ей? Рано или поздно все раскроется, – тихо сказала Аня, глядя Калининцу в глаза.

– Нет, не стыдно. Она мне так отравила жизнь, что я готов от нее хоть сейчас уйти, куда глаза глядят. Единственное, что неприятно, – это скандал. Ну да черт с ним. Хватит, я не хочу больше об этом! – в сердцах сказал Калинин.

– Выпить не хочешь? – вдруг предложила Аня.

– Нет, не хочу, – категорично ответил Калинич. – Сегодня у меня с выпивкой очень неприятные ассоциации.

– Пойдем, Леня, спать, – предложила она и начала ставить посуду в мойку.

XVIII

В тот вечер по дороге домой Калинич основательно продрог. Войдя в квартиру, он тут же переоделся и пошел на кухню. Поставив на плиту чайник, Леонид Палыч достал из шкафа чай и чайничек для заварки. Заваривание чая было для него торжественным ритуалом. Из всех видов чая он признавал только «Earl Grey», который хранил в стеклянной баночке с притертой пробкой. Эту баночку с толстыми гранеными стенками он купил на базаре по сходной цене в конце перестройки, когда по несколько месяцев подряд людям не платили зарплаты и пенсий, и они, чтобы как-то прокормиться, вынуждены были продавать все, что только можно.

Калинич тщательно вымыл чайничек горячей водой, насухо протер посудным полотенцем, всыпал в него две ложечки ароматного чая и стал ждать, когда в чайнике закипит вода.

В гостиной Лида с упоением смотрела телепередачу с очередным выступлением известного шарлатана. Он с умным видом безграмотными, топорными фразами излагал свои витиеватые философские мудрствования насчет «очистки клеток зашлакованного организма». Он щеголял медицинскими терминами, применяя их совсем не к месту и, зачастую, де-

лая неверные ударения, что крайне раздражало Леонида Палыча. Как человек науки, он терпеть не мог размножившихся за последнее время различного рода шарлатанов, именующих себя «целителями», «просветленными», «озаренными свыше», «колдунами», «ведунами», «ясновидцами» и прочими названиями, набившими всем оскомину со времен перестройки. В их число входили как ловкие жулики, зашибающие «бабки» на человеческом горе, отчаянии, наивности и доверии, так и психбольные, одержимые сверхценными идеями и манией величия, а также непрошибаемые дураки, у которых не достаёт ума даже на то, чтобы понять, что они дураки.

Калинич плотно затворил кухонную дверь, чтобы не слышать доносившегося из гостиной надтреснутого голоса «народного целителя», настоятельно рекомендовавшего по средам и пятницам утром пить керосин с целью «чистки на клеточном уровне организма, зашлакованного жирами, сахарами, углеводами, холестериновыми и липидными блоками». По вечерам в понедельник и четверг он с этой же целью советовал пить собственную мочу, желательно настоянную на курином помете. При этом он предостерегал от того, чтобы не перепутать дни, ибо тогда, как он утверждал, лечение может возыметь обратный эффект.

Вскоре закипел чайник, и Калинич приступил к торжественной церемонии заварки. Залив крутым кипятком порцию ароматного чая, он накрыл чайничек посудным поло-

тенцем и посмотрел на часы, чтобы выждать положенные четыре минуты. Отрезав ломтик лимона, он положил его в чашку и принялся усердно толочь с сахаром. Наконец, четырехминутный чай был готов, и Калинич, наполнив чашку и размешав сахар до полного растворения, приступил к наслаждению, как он был убежден, самым целебным в мире напитком. «И как можно вместо такого божественного напитка хлебать керосин или мочу?» – думал Калинич, удивляясь человеческой наивности.

Его размышления прервала неожиданно вошедшая Лида, привлеченная запахом крепкого душистого чая. На ней был ситцевый халат и легкие комнатные тапочки. Оценив на глаз крепость чая в чашке Калинича, она ядовито пропела:

– Ты все чай пьешь? Да к тому же такой крепкий! А ведь сейчас чай – буквально яд для человека. И для тебя – в особенности.

– Это еще почему? – искренне удивился Леонид Палыч.

– Сегодня двадцать первый лунный день! – с подчеркнутым возмущением сказала Лида.

Калинич недоуменно пожал плечами.

– Ну так что же?

– В этот день чай категорически противопоказан, особенно вечером, да к тому же еще и Стрельцам, – назидательно сказала жена. – Сегодня человек должен подзаряжаться от камней и минералов. Жаль, что ты не смотрел сейчас передачу.

– Лида, ты же знаешь, я этих шарлатанских передач терпеть не могу. Удивляюсь, как только этих кретингов выпускают на телеэкран! И, пожалуйста, избавь меня от твоих дурацких проповедей. Ты вправе смотреть все, что тебе нравится. Вот и смотри себе на здоровье, сколько твоей душе угодно, только не навязывай мне своих рекомендаций, ради всего святого на земле! – раздраженно сказал Калинич.

– Какой ты все же злой! Вечно ты умнее всех на свете! Ведь я тебе от чистого сердца говорю, о твоём здоровье забочусь! А ты мне: «Избавь меня от твоих дурацких проповедей!» – процедила она с обидой.

– Благодарница! Не нужна мне такая заботливость! Для меня было бы гораздо больше пользы, если бы ты дала мне спокойно чай допить! – ответил ей тем же тоном Калинич, резко отодвигая чашку с остатками лимона.

– Ты всю жизнь так со мной! Только для себя живешь! Забываешь, что у тебя есть семья, о которой ты заботиться обязан! Тебя, говорят, директор вызывал, повысить тебя хотел – это верно? – со слезами в голосе спросила Лида.

– Что верно, то верно. Предлагал, – подтвердил Леонид Палыч.

– А ты ему что? – спросила Лида, глядя на него глазами, полными слез.

– Ничего. Послал его «лесом». Не нужны мне такие повышения, – отрезал Калинич.

– Да как же ты мог отказаться от продвижения по службе?

Тебе человек предложил высокую должность, почет, уважение и, самое главное, зарплату! Посмотри, в чем мы ходим! А мебель какая у нас? И ремонта в нашей квартире лет десять уже не было! Ты об этом подумал?! – исступленно выкрикнула Лида и в плаче закрыла лицо руками.

Она бессильно опустилась на стул и уронила голову на стол. Ее спина и затылок сотрясались от беззвучных рыданий. Калинич терпеть не мог женских слез. Ему захотелось обнять жену и простить ей все капризы, все ее сволочные каверзы, колкости и жестокие, беспощадные насмешки. Он встал и подошел к ней вплотную, но Лида в остервенении оттолкнула его. Это было последней каплей, переполнившей чашу его адского терпения. Калинича прорвало.

– Не знаю, кто и в каком ключе дает тебе информацию о том, что делается у меня на работе! Ты бы мне хоть один вопрос задала по-человечески! А то упрекаешь, будучи совершенно не в курсе того, что и на каких условиях мне предложили! По части упреков тебе равных нет! Кстати, мы с Бубрынёвым говорили один на один, без свидетелей. Не думаю, чтобы он сам тебе сообщил о сути нашего разговора. А тот, кто тебя против меня науськивает, провоцирует между нами скандалы – полный негодяй! Так и скажи ему! Или, быть может, ей – не знаю! – гневно выкрикнул Калинич.

– Все удивляются, что ты мог так дерзко и грубо, притом перед самой пенсией, плюнуть в лицо такому человеку! – выпалила Лида, обратив к мужу гневное раскрасневшееся ли-

цо, мокрое от слез.

– Кто это «все»? Не те ли, которые не так давно говорили тебе, что я жулик и шарлатан, насмешил своим экспериментом всех коллег в институте?! Они издевались надо мной! Оскорбляли! Обвиняли в подлоге! И ты тоже была на их стороне! Вспомни, с какой насмешливостью, с каким ехидством и презрением, с каким едким сарказмом ты говорила мне о моем сообщении! А потом эта свора шакалов внезапно прозрела и поняла, что моя работа пахнет Нобелевской премией! Они предложили мне отдел и госбюджетное финансирование! Но отнюдь не для того, чтобы создать мне условия для творческой работы! Нет! Эти ястребы хотят захватить в свои руки мои исследования и разработки, чтобы воспользоваться их плодами и пожать мои лавры! Они открытым текстом потребовали, чтобы я уступил им свой приоритет! Захотели стать Лауреатами Нобелевской премии, которая, словно марево, замаячила на горизонте!

– Да черт с ним, с этим приоритетом! На кой он нам нужен?! Я хочу жить нормально! Хочу, чтобы мой муж был уважаемым человеком, а не каким-то «пришей-кобыле-хвост»! – истерически кричала Лида.

– Что?! Ты всегда принимаешь враждебную мне сторону! Ты предлагаешь мне подобно библейскому Исаву продать свое первенство за миску чечевичной похлебки?! Нет! Это моя работа! Я делал ее ценой собственного здоровья, преодолевая гнет этих шкурников и карьеристов в условиях

чинимых тобой препятствий! Я вложил в нее все свои силы, знания, опыт, талант и непомерно тяжкий труд! Я ученый, а не коммерсант! Я добьюсь мирового признания, оставив этих стервятников без добычи! Пусть, как и прежде, подбирают падаль! Так им и передай...

Последние слова Калинич произнес с хрипом, потому что сухой ком туго сжался у него в груди, причиняя нестерпимую боль и не давая продохнуть. Он рухнул в изнеможении на стул и принялся суматошно шарить по карманам в поисках таблеток нитроглицерина. А боль все нарастала и нарастала. Лида молча глядела на него с перекошенным от злобы ртом и, казалось, радовалась его мучениям. Калинич чувствовал, что если в ближайшую минуту он не отыщет нитроглицерин, то потеряет сознание. «Держаться! Держаться!» – командовал он сам себе в уме, не переставая искать таблетки. Наконец, он нащупал стеклянный тюбик и, отковырнув пробку, высыпал его содержимое на ладонь. Подобрал языком пару крошечных таблеток, он откинулся на спинку стула и принялся сосать их. Нитроглицерин тут же ударил в голову горячей волной и острой болью, но ком в груди стал медленно расслабляться. Через некоторое время Калинич обрел возможность нормально дышать и соображать. Только острая головная боль надсадно резала виски и темя. Но это ерунда – таблетка пятерчатки, и боль уйдет. Калинич встал и, шатаясь, подошел к шкафчику, где хранились медикаменты. Немного порывшись в выдвижном ящичке, нашел таб-

летки пятерчатки, положил одну в рот, с хрустом раскусил ее и стал жевать. Плеснув из чайника горячей воды в чашку с остатками лимона, он сделал несколько судорожных глотков. Подняв, наконец, веки, он увидел, что Лида наблюдает за ним с холодным каменным лицом.

– Если бы я сейчас подох, ты бы наверняка и пальцем не шевельнула, чтобы как-то помочь мне. Вот так стояла бы с каменным лицом и спокойно наблюдала, как я околеваю, – сказал Калинин, не глядя на жену.

– Ну, ты артист, Леня! Великий актер в тебе пропал! – презрительно фыркнула Лида и нарочито медленно вышла, вернее, выплыла из кухни.

XIX

Заканчивался декабрь. На пороге стоял Новый год. Но погода держалась не по-зимнему теплая. Снег уже трижды покрывал землю, но больше недели не лежал. Было сыро и грязно. Моросил мелкий дождь, иногда переходящий в мокрый снег. Обычно такая погода вызывала у Калинича плохое настроение. Но в этот день он шел на работу энергичным и бодрым. Он весело шагал по тротуару, переступая через небольшие лужи и обходя те, что побольше.

Леонид Палыч несказанно радовался тому, что ценой напряженных трудов ему все же удалось успешно завершить последний этап возложенной на него работы. Теперь можно было немного расслабиться и снова заняться телепортацией. Он надеялся на содействие Чаплии при публикации кратко-

го сообщения о демонстрации своей установки. Сергей Михалыч не может не поддержать его. Ведь он лично убедился в реальности явления телепортации и подписал протокол совместного эксперимента.

Неудавшаяся беседа с Бубрынёвым, казалось, никак не отразилась на работе Калинича в институте, и о ней ему никто не то что не напомнил, но даже ни разу не намекнул. Все шло, как и прежде. Бубрынёв уничтожил свой приказ об организации нового отдела, ну и Бог с ним. Оно и лучше. С помощью Ани Калинич теперь найдет на стороне средства под залог будущих доходов от линии телепортации, на которые снимет помещение и создаст собственную лабораторию, где будет распоряжаться по своему личному усмотрению. Он начал уже присматривать помещения, сдающиеся в аренду, и даже парочку заприметил.

С такими мыслями Калинич вошел в лабораторию и поздоровался с коллегами. Сбросив куртку, он стряхнул с нее капли холодного дождя и повесил на вешалку. На столе рядом с его рабочим местом засигналил местный телефон. Калинич протянул руку и снял трубку:

– Лаборатория времени.

– Леонид Палыч? Вот хорошо, что я на Вас попал. Чаплия говорит.

– Слушаю, Сергей Михалыч, – приветливо ответил Калинич.

– Леонид Палыч, у Вас сохранился экземпляр протокола,

который мы с Вами тогда совместно подписали, помните?

– А как же! Это пока что единственное письменное свидетельство работоспособности моей системы, – ответил Калинин.

– Вот и отлично. А я свой куда-то задевал – никак не могу найти. Он, конечно, найдется, но сейчас Бог его знает, куда я его сунул. Он у Вас далеко?

– Нет. Очень даже близко – в портфеле лежит, – ответил Калинин, открывая одной рукой портфель и шаря в нем в поисках протокола.

– Не будете ли Вы столь любезны, одолжить его мне ненадолго – отксерить, чтобы под рукой был?

– Ради Бога, – добродушно ответил Калинин. – Сейчас занесу.

– Спасибо, Леонид Палыч. Да не надо заносить, занимайтесь себе своими делами. Через десять минут я за ним Галю пришлю. Скопирует и вернет.

Чаплия прервал связь, а Калинин, положив перед собой прозрачный файл с протоколом, уселся за свой рабочий компьютер и, углубившись в творчество, забыл обо всем на свете.

Галя, технический секретарь Чаплии, пришла за пять минут до обеденного перерыва и, прихватив файл с протоколом, направилась к выходу, грациозно покачивая бедрами.

– Галя, только не потеряйте, пожалуйста. Скопируете – и сразу же принесите. Это очень важный для меня документ, –

сказал ей вдогонку Калинич.

Галя понимающе кивнула и исчезла за дверью.

Но рабочий день закончился, а Галя так и не появилась. «Что ж, завтра сам к ней подойду. Когда Магомет не идет к горе, тогда гора идет к Магомету», – подумал Калинич, покидая лабораторию.

На следующий день Калинич, увидев Галю, куда-то, как всегда, спешащую с бумагами в руке, преградил ей дорогу:

– Галя, почему же Вы мне документ не возвращаете? До-селе не скопировали, что ли?

– Нет, еще вчера скопировала, – кокетливо ответила Галя. – Сергей Михалыч попросил у него оставить. Обещал сам Вам вернуть.

Поблагодарив секретаршу, Калинич направился в кабинет Чаплии. Он застал Сергея Михалыча за чтением каких-то бумаг, как видно, чрезвычайно важных. Торопливо переверачивая страницы, он внимательно изучал их, не обращая никакого внимания на вошедшего Калинича. Словно его и не было в кабинете. Постояв несколько минут у стола, Калинич обратился к Чаплие со свойственной ему скромностью:

– Здравствуйте, Сергей Михалыч. Прошу прощения, но я хотел бы свой экземпляр протокола забрать...

Но Сергей Михалыч словно оглох и по-прежнему продолжал изучать бумаги, не ответив даже на приветствие Леонида Палыча. Выдержав паузу приличия, Калинич обратился вторично, на что получил сухой формальный ответ:

– Леонид Палыч, Вы же видите, я занят!

Обескураженный Калинич решил проявить настойчивость:

– Вчера Вы мне обещали незамедлительно вернуть мой экземпляр протокола, как только скопируете, но не вернули вовремя. И я хочу непременно забрать его. Для меня он исключительно важен и нужен мне срочно. Понимаете? Поэтому я прошу Вас на пару минут прерваться и возвратить мой документ.

– Я занят, Леонид Палыч! У меня, как видите, нет его под рукой! А тратить время на поиски я сейчас никак не могу! Я позже к вам Галю пришлю! Пожалуйста, не мешайте мне выполнять срочную работу! – раздраженно ответил Чаплия, не отрываясь от бумаг.

Круто развернувшись на каблуках, Леонид Палыч вышел из кабинета, резко хлопнув дверью. Он понял, что допустил серьезную промашку, доверив протокол Чаплие, и заполучить его обратно уже не удастся.

XX

К немалому удивлению Калинича его попытки опубликовать свое сообщение в периодике успехом не увенчались. К кому он ни обращался, все наотрез отказывались давать рецензию. Институтские коллеги, зная всю предысторию, большей частью опасались нападков со стороны начальства, а инженеры и научные сотрудники из других организаций – какого-нибудь подвоха. «Честно говоря, я в Вашем эксперименте

не могу разобраться. Это не по моей специальности. Напишу я Вам, к примеру, положительную рецензию, а потом, не дай Бог, какая-нибудь компетентная комиссия или еще кто-либо, придет к выводу, что здесь какая-то ошибка или, простите, мистификация. Все тогда только поносить меня будут, насмеяться, всякие ярлыки клеить», – отвечали коллеги.

– Не хотите давать положительную рецензию – это Ваше право. Напишите тогда отрицательную, – говорил им Калинич. – Меня устроит. Я и с отрицательной опубликую. Лишь бы только она была.

Но и отрицательную тоже никто не хотел писать. Напиши, мол, отрицательную, а потом окажется, что это и в самом деле открытие века. Тогда прослывешь в лучшем случае конформистом, а в худшем – невеждой, ретроградом и душителем всего нового и прогрессивного.

Калинич вдруг оказался в сложной, неожиданной для него ситуации. Раньше, когда он только шел к намеченной цели, ему казалось, что как только он покажет ученому миру положительные результаты своего открытия, все тут же оценят его по заслугам – против фактов ведь не попрешь. Но на деле все оказалось далеко не так. Калинич достиг своей мечты, не ведая о том, что она эфемерна. Нужно было что-то делать, искать какой-то выход из тупика, чтобы как-то сдвинуть дело с мертвой точки.

XXI

Леонид Палыч не переставал думать о возможных дей-

ствиях с целью выхода из создавшегося положения, но придумать ничего не мог. Ему удалось разработать несколько альтернативных планов, но углубленный анализ показал их полную несостоятельность. Калинич оказался на распутье. Как быть дальше? А может быть, и в самом деле пойти на альянс с Бубрынёвым и Чаплиёй? Но всякий раз, когда такая мысль приходила в голову, Калинич тут же содрогался от негодования и презрения к самому себе. Он стремился немедленно подавить ее, загнать в самый отдаленный уголок памяти. Но она время от времени возвращалась к нему, преследовала его с диким тупым упорством. По опыту Калинич знал, что если мысль становится навязчивой, то до ее реализации остается лишь один шаг. И если он не найдет альтернативного решения, то рано или поздно этот роковой шаг будет сделан.

С такими мыслями Калинич сидел у компьютера и невидящим взглядом блуждал по странице открытого файла последнего научного отчета, пока на экране не появлялась заставка. Тогда он машинально передвигал мышку по коврику, и заставка исчезала.

Неожиданно за поясом Калинича заиграла веселая мелодия Моцарта. Он встрепенулся и вынул мобильник.

– Да, Аня, – тихо сказал Калинич, поднимаясь с кресла и направляясь к выходу.

– Привет, Леня. Какие у тебя планы на ближайшую субботу? – спросила Аня.

– Да, собственно, никаких. А что, у тебя есть какие-то предложения, как нам неординарно вдвоем провести эту субботу? – высказал свое предположение Леонид Палыч.

– Вот именно, – подтвердила Аня. – Я договорилась в доме ученых насчет твоего выступления с демонстрацией телепортации. С трех часов дня до пяти вечера – сможешь?

– Конечно! С радостью! Вот это предложение! Ты умница, Анюта! Пока я тут ломал голову, как бы продвинуть наше дело, ты действовала. И не безрезультатно! – обрадовано вскричал Калинич. – А компьютеры там есть?

– Компьютеров нет. Придется к ним доставить твой и мой. Ты сегодня сможешь зайти ко мне после работы? Обсудим все детали, – предложила Аня.

– Разумеется. С дорогой душой, – незамедлительно согласился Леонид Палыч.

– Ну, тогда до встречи, – попрощалась Аня.

– До встречи, Анютка, – нежно сказал Калинич, но в телефоне уже звучали гудки отбоя.

Остаток рабочего дня Калинич занимался разработкой плана действий на ближайшее время. За полчаса до шабаша план был готов, и принтер с веселым жужжанием выдал отпечатанную страницу:

ПЛАН

подготовки и проведения демонстрации
установки телепортации в
Областном Доме ученых (ОДУ)

1. Подготовка.

1.1. Обсудить данный план с Аней.

1.2. Загрузить управляющие программы в наши компьютеры.

1.3. Заранее проверить установку в действии на квартире у Ани.

1.4. Продумать способ доставки установки в Дом ученых (машина ОДУ? такси? знакомые? время доставки?).

1.5. Продумать и согласовать план подготовки помещения в ОДУ и подключения установки (одно помещение или два, наличие розеток, надежность питающей сети, время на установку и подготовку системы и т. п.).

2. Выступление перед слушателями.

2.1. Вступительное слово (поздороваться, представиться, рассказать предысторию создания установки и т. д.).

2.2. Демонстрация передачи из бокса «А» в бокс «В» (свои предметы, вещи присутствующих, бумаги с подписями и т. п.).

2.3. Передача в обратном направлении.

2.4. Выводы (приоритет, аспекты применения, планы на будущее, приглашение спонсоров, инвесторов и т. д.).

2.5. Ответы на вопросы слушателей.

2.6. Разборка установки, упаковка.

2.7. Доставка установки на Анину квартиру (транспорт?).

– Ну, как тебе мой план? – спросил Калинич.

– Нормальный план, – пожал плечами, ответила Аня. – А

как еще можно провести это дело? По мне, так этого плана и писать не надо бы. Все само собой разумеется.

– Не могу здесь с тобой согласиться, – возразил Калинич. – Когда времени будет в обрез, будут приглашены люди, мы будем суетиться и можем о чем-то забыть, чего-то не учесть, что-то пропустить и так далее. А если все до мелочей будет продумано и отражено в разветвленном плане действий, мы будем чувствовать себя, так сказать, на коне. Еще надо обязательно расписать все по времени. Все же аудитория незнакомая, а новые люди встречают по одежке. Другой-то информации у них о нас нет. Нужно хорошо смотреться.

– Ну, тебе виднее, – нехотя согласилась Аня. – Так когда начнем подготовку?

– Завтра, – решительно ответил Калинич.

– Зачем такая спешка? У нас есть все для твоего выступления. Компьютеры в порядке, программы отлажены, а впереди еще целых четыре дня, – попыталась возразить Аня.

– Ну, нет. Могут появиться какие-нибудь «подводные камни», и, чтобы их обойти, нужно иметь в запасе какое-то время. Если все будет в порядке, оно вреда не принесет, – рассуждал предусмотрительный Калинич.

– Что ж, тебе виднее, – согласилась Аня. – Однако, как составлять никому не нужные разветвленные планы, так уж лучше постарайся подготовить текст своего доклада и тщательно отредактировать. Потом ты его вызубришь наизусть,

как мы когда-то в школе зубарили «Чуден Днепр при тихой погоде», и я его прослушаю в твоём исполнении в реальном времени. Твой доклад должен занять не более десяти минут, чтобы не утомить слушателей и быть при этом ясным и безукоризненно логичным. Дальнейшее отношение слушателей к тебе и твоему сообщению на девяносто девять процентов будет зависеть от того, как ты перед ними выступишь.

– Десять минут – это слишком мало. Я не успею рассказать всего того, что считаю нужным. Во-первых, я должен рассказать о структуре самой линии, а во-вторых – о перспективах своего открытия и о своём приоритете.

– Дорогой Леня, ещё патриарх ораторов Цицерон заметил, что самая долгая речь должна продолжаться не более двадцати минут. Спустя две тысячи лет это научно подтвердили психологи. Дольше ты просто-напросто не сможешь удержать внимания аудитории. Тем более, что ты не Цицерон и не Демосфен.

– А зачем в письменном виде, да ещё и наизусть? Терпеть не могу зубрить что-либо наизусть. Другое дело, если само запоминается. Как красивые стихи или слова песни, например. По-твоему, я могу запутаться в собственном материале? Или я не знаю общего принципа функционирования своей системы?

– Никак нет, Ленечка. Знаешь. Разумеется, знаешь. Но в официальной обстановке каждый человек волнуется, нервничает, сбивается. В таком состоянии можно что-то ском-

кать, что-то упустить, на чем-то заикнуться, углубиться в ненужные подробности и тому подобное. А это настраивает слушателей против докладчика. Слушатель имеет специфическую психологию. Каждый считает, что сообщаемый материал должен быть преподнесен ему в рафинированном виде и исключает право докладчика на ошибку. Поэтому нужно тщательно отрафинировать текст твоего доклада и непременно выучить наизусть. Тогда, как бы ты ни волновался, ты прочтешь его по памяти, словно по букварю, и при этом ничего не пропустишь и не собьешься. А уж на вопросы ты можешь отвечать как угодно. Это открытый диалог. Поэтому нужно как можно больше материала оставить на вопросы.

– Ну, ты молодец, Анна. А я ведь об этой стороне дела никогда не думал. Ты на все сто процентов права. Ты моя наставница, мой стратег, тактик, тренер, секундант и ангел-хранитель. Без тебя мне не прорваться, а с тобой меня так и тянет в бой. Сделаем все, как ты сказала...

Он нежно обнял ее за талию и ласково поцеловал в губы.

XXII

Следующим утром Калинич, придя в лабораторию, аккуратно повесил на плечики свою потертую куртку и тут же направился в кабинет Чаплии.

– Доброе утро, Сергей Михалыч, – поздоровался Калинич и, не дождавшись ответа, положил перед ним заявление с просьбой о трехдневном отпуске без содержания по семейным обстоятельствам.

Чаплия, не взглянув на Леонида Палыча, достал из ящика стола новенькие очки в тонкой оправе, сверкающей хромированным блеском, и, вооружившись ими, стал внимательно изучать текст заявления, написанного красивым каллиграфическим почерком – буквочка в буквочку. При этом лицо его оставалось совершенно безучастным и холодным, как полярная ночь.

Прочтя заявление, Чаплия неторопливо положил его на край стола, затем снял очки, сложил и положил рядом с документом. Наконец, он посмотрел на Калинича свинцовыми глазами и флегматично сказал:

– Не могу, Леонид Палыч. В наше время, когда в отделе столько работы, отпустить Вас на целых три дня... Это было бы безрассудно с моей стороны. Я думаю, Вы сами понимаете. Идите работать, Леонид Палыч. Мне тоже трудиться надо.

Но Калинич не сдался. Сев без приглашения напротив начальника, Калинич снова придвинул к нему заявление и спокойно сказал:

– Сергей Михалыч, я к Вам впервые обращаюсь с подобной просьбой. Мне крайне необходимы эти три дня. Уважьте, пожалуйста, меня, как ветерана. Вы же знаете, моя работа не пострадает.

Чаплия снисходительно улыбнулся. Отодвинув заявление на прежнее место, он снова посмотрел на Калинича и, сделав ртом несколько жевательных движений, невозмутимо и

медленно пробурчал:

– Вот в этом я как раз и сомневаюсь.

Калинич оторопел от неожиданности.

– Что Вы имеете в виду? Объясните, пожалуйста, – растерянно попросил он.

– Я ведь знаю, Леонид Палыч, что над недавно завершённым этапом Вы работали только последний месяц-полтора. А до того...

Чаплия сделал риторическую паузу и изучающе посмотрел на Калинича. От его пристального внимания не ускользнула растерянность Леонида Палыча, и Чаплия нанес второй удар:

– У меня есть достоверные сведения, что Вы в нашей лаборатории в рабочее время почти весь год занимались изобретением, которое считаете только своим и больше ничьим. А вот с институтом Вы считаться не желали. Так почему мы должны считаться с Вашими личными или, как Вы здесь пишете, семейными нуждами?

– Ах, вот Вы как, Сергей Михалыч. Стало быть, для Вас главное – вовсе не результат? Ясенько. Хотите, значит, взять не мытьем, так катаньем? – спросил Калинич, быстро оправившись от такого внезапного удара «под дых».

– Вы, небось, думаете, что мы Вас считаем солидным, уважаемым человеком, квалифицированным специалистом и образцовым семьянином и поэтому вынуждены будем идти Вам навстречу, как бы Вы к нам ни отнеслись? Вы забываете,

что в нашем брэнном мире работает принцип относительности. Поэтому все зависит от того, из какой точки на Вас посмотреть. Понимаете? – спросил Чаплия, глядя на полированную поверхность рабочего стола, словно его слова были обращены не к Калиничу, а к этому столу.

Калинич посмотрел на него уничтожающим взглядом и с достоинством спросил:

– Неплохо для начала. Значит, мои худшие прогнозы оправдываются. Ну-с, что же там Вам еще агентура доносит?

– О, в этом мы нужды не испытываем. Доносить готов каждый. Лишь бы ему это было выгодно. Ваше эгоистичное отношение к институту вынуждает нас на данном этапе отнестись к Вам формально, вот и все. Мы не причиняем Вам прямого вреда. Хотя не скрою, могли бы, – он пристально уставился на Калинича и стал сверлить холодным колючим взглядом.

– Как это прикажете понимать? Намекаете на физическую расправу? Хулиганов подошлете, чтоб избили меня? Или, как сейчас модно, киллеров? Старо, Сергей Михалыч! Спасибо, что предупредили. Сегодня же оповещу всех знакомых, чтобы знали, с кого спрашивать, если со мной что случится. Я человек аккуратный, перехожу дорогу по правилам, в драки не ввязываюсь, по темным местам не шалаюсь. Любое случившееся со мной несчастье сделает Вас первым подозреваемым, вот и все. А у следователя стоит лишь под подозрение попасть – всю правду-матку выложите.

Чаплия едко улыбнулся и ядовито пропел:

– Ну, зачем же так примитивно, Леонид Палыч? Мы же не уголовники, верно? А вот если Ваша супруга, уважаемая Лидия Борисовна, узнает о Ваших не очень нравственных отношениях с некой Анной Никитичной Кирилюк, это просто-напросто покажет Ваш моральный облик.

– Длинные у Вас, однако, руки! Шантажом меня нагнуть хотите? Не выйдет! Нет у меня никаких секретов! Так что сколько угодно доносите, сплетничайте, кляузничайте! Да делайте, что хотите! Вы протокол у меня самым нечестным образом умыкнули! Думали, я расстроюсь, умолять Вас буду? Да на здоровье! Теперь трех дней не даете да к тому же и угрожаете! Вы меня этим не удивили! Мелко и низко, Сергей Михалыч! – раскрасневшись, кричал Калинич.

– Да что Вы, Леонид Палыч! Пожалуйста, не так громко. Никто Вам не угрожает. Просто адекватно реагируем, вот и все. А насчет рук – Вы правы. Дли-и-инные они у нас. И их у нас больше, чем у всех индусских божеств вместе взятых, – самодовольно сказал Чаплия.

Калинич почувствовал нарастающее жжение за грудиной. «Вот уж нехстати, – подумал он, – не хватало еще, чтобы меня перед ним приступ хватил. Нужно взять себя в руки во что бы то ни стало.» Он сделал глубокий вдох, потом еще и еще несколько раз. Помня о последнем приступе стенокардии, он нечеловеческим усилием воли подавил в себе волну негодования и гнева. Загрудинная боль мало-помалу начала

отступать, и Калинич вернулся к тому, за чем пришел:

– Вот что, Сергей Михалыч. Мне эти три дня все равно нужны, так или иначе. Не даете за свой счет, так я уволюсь. Не посмотрю, что перед пенсией. Не пропаду без вас. Руки есть, голова какая-никакая тоже есть. На жизнь худо-бедно как-нибудь заработаю. Степени, звания, должности, даже знания и сам по себе институт для меня давно уже не престижны. Дайте мне, пожалуйста, чистый лист бумаги, я заявление при Вас напишу.

Чаплия остался неподвижен. Он застыл в своем кресле, как каменное изваяние, нахмутив брови и скрестив на груди руки. «Тоже мне, Наполеон Бонапарт!» – с презрением подумал Калинич и, окинув его пренебрежительным взглядом, поднялся со стула со словами:

– Не хотите? Что ж, просить не буду. Отсутствие Вашей реакции на мою просьбу я расцениваю как резолюцию с отказом мне в увольнении по собственному желанию. Напишу у себя в лаборатории и отнесу секретарше Бубрынёва. Немедленно. Вас только в известность ставлю. Двух недель отрабатывать не буду, так как у меня нет на это ни времени, ни желания. Можете это квалифицировать как прогулы. Мне все равно теперь. Так что завтра я на работу не выхожу. Успеха Вам, Сергей Михалыч. Была без радости любовь – разлука будет без печали.

Когда Калинич был уже в метре от двери, Чаплия неожиданно окликнул его непривычно хриплым голосом:

– Леонид Палыч! Погодите минуточку, прошу Вас!

Калинич рефлекторно остановился и обернулся в его сторону. На месте надменного, чванливого и наглого заведующего в кресле сидел человек с бледным, осунувшимся лицом и умоляюще смотрел на Леонида Палыча.

– Леонид Палыч, умоляю, простите меня, пожалуйста. Я Вам все подпишу – хоть на три дня, хоть на месяц. Вообще – на сколько Вам нужно. Только ради Бога, не увольняйтесь. Сядьте, прошу Вас. Давайте успокоимся и поговорим по-человечески.

Он вскочил с места, подбежал к Калиничу и взял его за локоть. Леонид Палыч почувствовал, что у Чаплии дрожит рука. Он подвел Калинича к креслу для посетителей и мягко усадил. Калинич послушно сел и поднял на Чаплию усталые глаза. Тот, не выдержав прямого взгляда Леонида Палыча, опустил глаза и стал взад-вперед ходить по кабинету. Наконец, он сел в свое кресло и, схватив злополучное заявление, подписал его и пододвинул к Калиничу.

– Вот, Леонид Палыч, я подписал. И не нужно без содержания. В счет будущих отгулов. Теперь выслушайте, пожалуйста, что я Вам скажу. Я тысячу раз провинился перед Вами. Простите меня за все. Да, меня занесло. Признаю, что повел себя с Вами неподобающим образом. Это под давлением многих факторов. Я не хочу их перечислять – Вы сами все прекрасно понимаете. На самом деле я всегда завидовал Вам и восхищался Вами, клянусь. Вы научили меня

работать, и вообще, всем, чего я достиг, я обязан только Вам и больше никому. Я обзавелся дипломом доктора и продвинулся по службе, но Вашего научного и интеллектуального уровня мне не достичь никогда. Я обещаю впредь относиться к Вам так, как тогда, когда работал под вашим руководством в самом начале своей трудовой деятельности. Если Вы уволитесь, в отделе не останется ни одного идеолога. И это знают все. Видите, я искренне повинился перед Вами, а повинную голову меч не сечет.

Чаплия замолчал и с надеждой взглянул на Леонида Палыча. Калинич взял заявление и, бегло пробежав глазами резолюцию Чаплии, молча вышел из кабинета.

XXIII

– Как называется этот коньяк? – спросил Леонид Палыч, высасывая сок из ломтика лимона. – Уж очень вкусный и ароматный. А цвет, цвет какой!

Он поднял бокал, в котором еще плескалось немного кроваво-коричневой жидкости, и восхищенно посмотрел на свет.

– «Двин». Он называется «Двин», – сказала Аня. – До-перестроечный еще – из Каджарана привезла. Специалисты рекомендовали как продукт отменного качества.

– Из Каджарана? Это что, город есть такой, что ли? Где это? – поинтересовался Калинич.

– Как это, где? В Армении, конечно же, – сказала чуть захмелевшая Аня.

– Почему «конечно же»? Откуда мне знать, где он находится, этот Каджаран? – возмутился Калинич. – Название восточное, и это все, о чем оно мне говорит. Больше ни о чем.

– А корень – армянский, – сказала Аня, добавляя Леониду Пальчу еще порцию.

Чуть плеснув себе, она подняла рюмку и провозгласила очередной тост:

– За торжество твоего приоритета!

Сделав маленький глоток коньяка, она запила шампанским и положила в рот пару виноградин.

– Там медь и молибден выплавляют, – сказала Аня.

– Где? – спросил Калинич, с хрустом надкусив яблоко.

– В Каджаране. Я там родилась, – сказала она, улыбаясь той самой манящей и завлекающей улыбкой, которая его даже в таком возрасте сводила с ума, словно двадцатилетнего мальчишку.

– Так ты армянских кровей? – удивился Калинич, пытли-во всматриваясь в ее лицо, фигуру, прическу.

– Нет. Мы просто жили там. Папа военным был, долго служил в Армении. Потом его в Украину перевели. И вот теперь я здесь.

– Ясненько, – понимающе сказал Калинич.

Они молча глядели друг на друга, держась за руки. Аня заметила, что Калинич смотрит не на нее, а сквозь нее, куда-то в бесконечность. Она поняла, что хоть он и говорит

ей комплименты, восхищается ею как женщиной, но думает сейчас не о ней, а о чем-то совсем ином.

– Леня, о чем ты думаешь? – спросила она напрямик.

– Не о чем, а о ком. Я думаю о Чаплие, – задумчиво ответил Калинин.

– Вот-те на! Я ему глазки строю, соблазнить пытаюсь, рассказываю о своем родном городе, а он об этом прощелыге думает. Ну и кавалер – нечего сказать! – возмутилась Аня.

– Раз повинился – это уже не прощелыга. Совесть все же заговорила, – сделал вывод Калинин.

– Ну и наивный же ты, Ленечка! Сколько тебе лет? Да совести-то как раз у него ни на копейку! Отца родного с потрохами за грош продаст и глазом не моргнет! – возмутилась Аня.

– Как ты можешь так говорить? Ты у меня, как гоголевский Собакевич, только плохое в людях видишь. Сережа передо мной извинился, назвал меня единственным идеологом в отделе. Он был так искренне напуган моим намерением уволиться! – возразил Калинин.

– Еще бы! Он просто в штаны наложил, когда представил себе, что ты уволишься. И как ты думаешь, почему? – саркастически спросила она. – Ведь ты сам недавно говорил, что науки как таковой у вас сейчас нет. Все ваши нынешние работы – не более чем мышьяная возня. Верно? От размаха прошлых лет остался только дух да петух. И если бы ты уволился, ему было бы даже легче изображать наукообразие.

Верно?

– Допустим. Но все же он на что-то надеется, раз боится со мной расстаться, – заключил Калинин.

– Нет! Нет! И еще раз – нет! И он, и его распрекрасный шеф и вдохновитель Бубрынёв великолепно понимают, что реальный шанс погреть руки на твоём открытии у них есть до тех – и только до тех пор, пока ты работаешь в их институте, прогнившем до сердцевины, который уже и не институт вовсе, а какой-то вокзальный сортир в захолустном городишке, что ли. И если ты уйдешь, они останутся при бубновых интересах. А главное, Нобелевская премия, которую они спят и видят у себя в кармане, исчезнет за горизонтом, как мираж в Аравийской пустыне. Это ты понимаешь?

– Понимаю, пожалуй, – согласился он.

– Слава Богу, что понимаешь. Так вот, если бы ваш академик узнал, что Чаплия так грубо спровоцировал твоё увольнение, он бы немедленно вылетел, как пробка, вслед за тобой. А для него увольнение – это полный конец карьеры. Конец всему. Куда он пойдет? Что будет делать? Что он умеет? Что он собой представляет без Бубрынёва? И его докторский диплом впору будет только к заднице приклеить.

Аня снова взяла, было, бутылку, но Калинин накрыл свой бокал ладонью.

– Не нужно переводить такой замечательный продукт, – сказал он. – Я уже не ощущаю его прелести.

Аня заткнула бутылку и поставила в шкаф. Было уже де-

сять вечера. Она надела цветастый передник и принялась мыть посуду. Леонид Палыч захотел чая, и Аня поставила перед ним синюю жестяную коробку с изображением курантов Биг-Бена.

– А лимончик есть еще? – спросил он, читая по-английски надпись на коробке.

– Есть, есть. Знала ведь, кого в гости ждала. В холодильнике в самом низу – выбери, какой тебе больше нравится.

Аня поставила чайник на газовую плиту и зажгла огонь.

– Прозорливая ты, Анята, женщина. Сумела разложить все по полочкам и сразить меня наповал своей убийственной логикой. А я уж было поверил в искренность слов этого Чаплии. Мне даже жалко его стало, – сказал Калинич, обнимая Аню за плечи.

– Жалко – у пчелки в жопке! Вы, талантливые ученые, в жизненных вопросах наивны, как дети. Такие сложные, глубокие научные проблемы единым чохом решаете, а тут дальше своего носа не видите. Какая там искренность! Для этого проходимца от науки «ни церковь, ни кабак и ничто не свято»! – процитировала она Высоцкого, которого Калинич еще смолоду ставил на одну ступень с Пушкиным.

– Так что, Анечка, завтра выступаем дуэтом? – спросил Леонид Палыч, нетерпеливо заглянув в шумящий на плите чайник.

– Какой же ты нетерпеливый! Все равно раньше времени не закипит. Выступим, Леня. Выступим назло всем твоим

прихлебателям. Их уже, я думаю, проинформировали. Пусть бесятся. На всякий случай будь готов к тому, что после завтрашнего выступления они начнут на тебя с какой-нибудь другой стороны давить, – заключила Аня, ставя на кухонный стол чашки с блюдцами и вазу с рассыпчатым «песочным» печеньем.

– Да что там они еще могут сделать! – пренебрежительно махнул рукой Калинин. – Хочу еще зайти в редакцию «вечорки» – поговорить с автором того интервью с Бубрынёвым. Хотелось бы напечатать опровержение.

– Могут, Леня, могут. Трудно делать только хорошее, а гадости не проблема. Кстати, о прессе. Я тут позвонила в несколько редакций местных изданий, в «вечорку» тоже – сообщила о твоём завтрашнем выступлении в доме ученых. Обещали прислать корреспондентов. Будет отлично, если придут.

XXIV

На поясе Калининча мобильник заиграл веселую мелодию. Он дал отбой будильнику и водворил телефон на место.

– Без четверти три, – сказал Леонид Палыч. – Приглашай публику, Анюта.

Ни слова не говоря, Аня вышла в коридор и через несколько секунд, широко распахнув дверь, снова вошла в зал. Тут же помещение стали заполнять слушатели. Зал был относительно невелик, но все равно почти половина мест оставалась свободной.

– Ну что, может быть, немножко подождем еще? – предложил Калинич.

– Ни в коем случае. Начнем минута в минуту. Все должны почувствовать, что имеют дело с человеком серьезным и строгим, – возразила Аня, посмотрев на циферблат часов, висевших на стене в конце зала. – Итак, я начинаю.

Она поднялась, заняла место за кафедрой и приняла выжидательную позу. Слушатели немного успокоились, но потом снова зашумели. Аня постучала по кафедре кончиком указки, и зал в конце концов затих.

– Уважаемые господа, – сказала она звонким мелодичным голосом, – самодеятельный научный семинар, посвященный новооткрытым принципам перемещения материальных объектов в пространстве, объявляю открытым. Сейчас перед вами выступит кандидат технических наук, старший научный сотрудник Калинич Леонид Павлович. Это человек высокой квалификации, увлеченный своим делом, которому он посвятил всю свою трудовую жизнь. Основываясь на работах Альберта Эйнштейна, Николая Козырева и других великих умов, он сумел построить теорию единого поля, а также вывести уравнения, однозначно связывающие между собой массу, энергию, время, вакуум, информацию и единое поле!

Аудитория зашумела. Из зала послышались выкрики:

– Вот это да!

– И где ж это все опубликовано?

– Даже Эйнштейн этого не решил! Не верю! Чепуха ка-

кая-то!

– Ну и размах!

– Бред сумасшедшего! Что мы здесь делаем?

– Прошу тишины! – решительно выкрикнула Аня и снова постучала указкой. – Леонид Павлович продемонстрирует вам то, что заставит вас поверить в невероятное. И вы сами убедитесь, что перед вами не сумасшедший, не шарлатан и не дилетант, а первооткрыватель, опередивший свое время. Вы сами сможете принять участие в эксперименте и удостовериться в справедливости всех его утверждений. О широких и грандиозных перспективах, открываемых перед нами новшеством, которое собирается подарить людям Леонид Павлович, я говорить не буду. Увидев воочию его эксперимент, который сейчас вам демонстрирует первооткрыватель, вы сами их нарисуете, причем так живописно, как я никогда не смогу это сделать. Прошу, Леонид Павлович.

С этими словами Аня протянула Калиничу указку, вынула из сумочки цифровой диктофон, положила на край кафедры и заняла заранее подготовленное председательское место напротив аудитории. Он машинально взял указку, недоуменно повертел в руках, а потом, несколько собравшись с мыслями, обратился к аудитории:

– Дорогие слушатели! Спасибо, что вы уважили меня своим присутствием и вниманием. Целью моего доклада является демонстрация установки, созданной на базе сделанного мной открытия. Мне хотелось бы, чтобы как можно больше

людей, а в особенности ученых, узнало о результатах моей работы и убедилось в справедливости того, что я вам сейчас сообщу. Прежде всего, я постараюсь четко определить, чего именно я от вас хочу. Мне нужно, чтобы вы засвидетельствовали мой неоспоримый приоритет в этом деле и только после этого я смогу открыть широкой публике принципиальные основы того, что я вам сейчас продемонстрирую. Когда люди убедятся в том, что все это реальность, и признают, что никто кроме меня этим материалом пока что не владеет, я поделюсь со всеми своими секретами, чтобы они навсегда перестали быть секретами. Так вот, перед вами два полукомплекта установки, которые образуют линию надпространственной связи. Каждый полукомплект состоит из объектного бокса, функционально-исполнительного блока, изменяющего условия внутри бокса, и управляющего компьютера, который формирует команды управления исполнительным блоком. В компьютеры обоих полукомплектов загружены программы, позволяющие задать одному из них функции передающего, а другому – приемного. Если в бокс передающего полукомплекта поместить какой-либо предмет – перемещаемый материальный объект – и дать соответствующую команду исполнительному блоку, то этот предмет будет перемещен в бокс приемного полукомплекта. И тогда компьютер этого полукомплекта сообщит соответствующим сигналом о завершении сеанса приема переданного предмета, после чего его можно будет извлечь из приемного бокса. По-

средством тех же программ боксы можно поменять ролями, и тогда любой материальный объект можно будет передать в обратном направлении. Передающий и приемный пункты можно разнести на какое угодно расстояние, вплоть до межгалактических масштабов, – по залу прокатилась волна ропота. – И время перемещения объекта составит при этом лишь ничтожные доли секунды! Сейчас слева от вас находится передающий полукомплект, а справа – приемный. Вот это – боксы. Рядом с ними – исполнительные блоки, а о том, что это – управляющие компьютеры, вы, разумеется, давно уже догадались.

Калинич манипулировал указкой, как мушкетер шпагой, и вслед за ее кончиком бегали глаза любопытных слушателей, замороженных одержимым докладчиком. Несколько раз сверкнули вспышки фотокамер. А Калинич увлеченно продолжал:

– Теперь мы можем взять любой предмет и передать его из левого бокса в правый. Безразлично, какой это будет предмет, лишь бы только он мог свободно поместиться в бокс. Оба бокса, как видите, идентичны. Что бы такое взять? Ну, скажем, мой мобильный телефон.

– А можно, чтобы это был мой? – спросил молодой человек с тонкими черными усиками, играя в руках новеньким мобильником.

– Конечно, – сказал Калинич. – И даже лучше, если это будет не моя вещь, а чья-нибудь из слушателей. Вы може-

те сами положить его в передающий бокс. Извольте. Прошу Вас.

Молодой человек, улыбаясь, подошел к столу и положил мобильник в бокс, который перед ним услужливо открыл Калинин.

– Можно в середину заглянуть? – спросил молодой человек.

– Сколько угодно, – доброжелательно ответил Калинин.

Парень посмотрел внутрь бокса и спросил:

– И закрыть самому можно?

Калинин, польщенный столь неожиданным вниманием молодого человека, одобрительно кивнул. Парень задвинул до щелчка заслонку и с любопытством посмотрел на Калинина.

– А можно теперь во вторую камеру заглянуть? – снова поинтересовался любопытный молодой человек.

Леонид Палыч опять кивнул, а парень подошел ко второму боксу, отодвинул задвижку и пошарил рукой внутри.

– Торичеллиева пустота, – сказал он с веселой гримасой. – Ну, профессор, включайте. Я ужасно любопытен и недоверчив, особенно в такой вот обстановке. Пока сам не потрогаю, не поверю.

– Я не профессор, – поправил его Калинин. – Я старший научный сотрудник. Что ж, молодой человек, разумный научный скептицизм – это похвально с Вашей стороны.

Он подошел к левому компьютеру и несколько раз щелк-

нул мышкой. Любопытный парень стоял у правого монитора и наблюдал за экраном. На нем в цветной рамке появилась мигающая надпись «Объект принят». И в такт ее миганию затрещивал звуковой сигнал.

– Здесь написано, что объект принят. Что делать теперь? – спросил парень.

Леонид Палыч подозвал его к передающему боксу.

– Открывайте, – предложил он.

Парень послушно открыл и заглянул в бокс, в который минуту тому назад сунул свой мобильник.

– Торичеллиева пустота, – повторил он свою недавнюю фразу.

– Все, Володя! Хана твоему мобильнику, – пошутил парень, сидевший во втором ряду, и весело засмеялся.

Сидевшая рядом с ним компания молодых людей и девушек тоже засмеялась.

– А теперь откройте приемный бокс, – предложил Калинич.

Володя не подошел, а подбежал к боксу справа и попытался отодвинуть заслонку. Но защелку на ней заело, и он принялся нервно дергать ее туда-сюда.

– Спокойно, спокойно, молодой человек, – сказал Калинич. – Никогда не прилагайте усилий там, где в этом нет необходимости. Придавите защелку в обратную сторону. Так. Теперь снова попробуйте, и она откроется.

– Дерни за веревочку – дверь и откроется, – сказала де-

вушка из той же молодежной компании, которая опять дружно расхохоталась.

– Вот видите, она и открылась, – в тон ей прокомментировал улыбающийся Калинич, когда заслонка поддалась.

Володя сунул руку в бокс и вынул мобильник.

– Ваш? – спросила Аня, которая до этого хранила молчание.

– Кажется, мой, – ответил любопытный Володя.

– Работает? – снова спросила Аня.

– Пока не знаю. Саня, позвони-ка, – обратился он к кому-то из их компании.

Очаровательная дива вынула из сумочки модный мобильник-раскладушку, раскрыла и сделала несколько манипуляций. Володин телефон заиграл переливчатую мелодию.

– Спасибо, Санечка, – поблагодарил Володя, пряча телефон в карман.

– Ну, как, удовлетворили свое любопытство? – спросил Калинич.

– Класс! Потрясно! – ответил Володя. – Как это у Вас получается?

– Придет время, все расскажу, – сказал Калинич.

– Садись, Володя. Много будешь знать – скоро состаришься, – сказал все тот же веселый парень, похлопав ладошкой по стулу, с которого Володя недавно встал.

Зал зашумел. Послышались выкрики с мест:

– Тривиальный прием! Этот парень – подсадка! Так все

фокусники делают!

– А можно мне попробовать?

– Вот это да!

– В цирке и не такое выделывают!

– А куда девался телефон из первой коробочки? Между ними вроде бы и проводов не протянуто!

Калинич, смущенный такой шумной реакцией, несколько растерялся. Но на выручку пришла Аня. Она встала и строгим голосом обратилась к присутствующим.

– Спокойно, спокойно, господа! Прошу тишины! – твердо сказала она, и зал успокоился. – Кто еще желает принять участие в эксперименте? Вы, уважаемый господин? Пожалуйста, подойдите к столу, прошу Вас.

К столу подошел сутулый мужчина лет семидесяти и обратился к Калиничу:

– Этих мобильников сейчас наделали Бог весть сколько. Каждый ребенок в кармане носит. А вот давайте сделаем то же самое с моим носовым платком. Он единственный в своем роде. Вот – здесь мои инициалы вышиты – эн пэ эс. Что значит Николай Петрович Смольник. И пахнет он старыми-престарыми духами. Таких сейчас не продают. Можно?

И снова проверка боксов, передача с участием слушателя, удивление, восхищение и возгласы из зала. Потом милостивая сорокалетняя женщина экспериментировала с поздравительной открыткой, затем какой-то профессор пенси-

онного возраста из бывших военных проделал то же самое со стогривенной банкнотой, номер которой он предварительно показал желающим и предложил записать. И еще несколько человек придумывали всяческие ухищрения, чтобы лично убедиться в том, что их не разыгрывают. Но все равно многие из присутствующих остались уверенными в том, что все принявшие участие в опытах – подставные лица. Все равно из зала слышались насмешливые реплики, все равно некоторые кричали, что этого не может быть, и то, что им только что демонстрировали – какое-то изощренное надувательство. Калинич сначала активно противостоял скептикам, доказывал, убеждал, потом перестал обращать внимание на их едкие комментарии. Но когда он уже начал терять терпение и перешел на резкие тона, встала Аня и, постучав по столу карандашом, призвала всех к тишине и порядку.

– Уважаемые господа, – сказала она с металлической твердостью. – У нас остается совсем немного времени. Давайте прекратим этот балаган и будем вести себя, как цивилизованные люди. Если кого-то не убедило то, что Леонид Палыч только что продемонстрировал, если некоторые не доверяют своим ощущениям, считают нас с Леонидом Палычем и тех из присутствующих, которые участвовали в опыте, шарлатанами, Бог им судья! Таких людей не убедит ничто. Так зачем нам из кожи лезть? Это все равно, что пытаться загатить бездонную пропасть. Галилею не верили, что существуют спутники Юпитера. Когда он предлагал этим скептикам посмот-

реть в телескоп, чтобы убедиться в его правоте, они отвечали, что не хотят этого делать, так как точно знают, что их там нет, ибо они были бы бесполезны для человека! Предлагаю на таких не ориентироваться и перейти к вопросам. Задавая вопросы, прошу называть фамилию и организацию, а должность и титулы – по желанию. У кого есть вопросы к докладчику?

– У меня, – вставая со стула, сказал тот самый сутулый старик, который телепортировал свой надушенный носовой платок. – Профессор Смольник, госуниверситет, кафедра физики плазмы. Скажите, пожалуйста, уважаемый Леонид Павлович, как возможно сделать так, что предметы переходят из камеры «а» в камеру «бэ»? Это что, осуществляется какое-то там сканирование предмета в камере «а», а потом результаты в цифровом виде передаются по радиоканалу во второй пункт, где по ним и воспроизводится сканированный предмет на атомном уровне? Так я понимаю хотя бы в первом приближении, Леонид Павлович?

– Ну, как сказать... – начал было отвечать Калинич.

– А что делается с оригиналом? Он уничтожается или как? – продолжил Смольник.

Калинич несколько секунд помолчал, обдумывая ответ и на тот случай, если Смольник продолжит дальше. Потом, выждав паузу приличия и собравшись, наконец, с мыслями, он заговорил с увлечением:

– Уважаемый Николай Павлович, я прошу прощения,

но Ваше представление о механизме телепортации в корне неверно! Между боксами, расположенными в передающем и приемном пунктах, устанавливается непосредственный контакт, и камеры обоих боксов смыкаются, так сказать, огибая пространство, пристыковываются одна к другой, становятся на время единой камерой. Остается только переместить телепортируемый объект в камеру приемного бокса, а потом можно восстановить прежнее пространственное состояние боксов обоих пунктов. Понятна ли Вам сама общая идея?

– Очень смутно. А какая при этом затрачивается энергия? – продолжал интересоваться пожилой ученый.

– Очень большая. Но в данном случае это несущественно, так как для этого процесса система черпает энергию непосредственно из вакуума! И ее запасы на сегодня представляются практически неисчерпаемыми.

– Так на базе вашей системы могут быть получены и источники энергии? – спросил ошеломленный Смольник.

– Да, это так. Мощные источники дешевой и чистой энергии, – спокойно ответил Калинин. – Ведь все, что есть вокруг нас, может быть преобразовано в энергию. Я доказал в своей теории, что масса, энергия, поле, вакуум, время и информация могут переходить одно в другое. И ядерные реакции – это не единственный и далеко не самый дешевый процесс такого рода. Мне представляется, например, что будет очень удобно весь мусор, все бытовые и производственные отходы преобразовывать в энергию. Кстати, задачу трехмер-

ного сканирования объекта и компактной записи результирующих данных я тоже решил. Но это уже тема для другого сообщения.

– Доцент Воловченко, транспортный университет. А какую опасность могут таить в себе такие источники? – спросил сидящий в первом ряду полноватый мужчина лет пятидесяти.

– Тоже огромную, – сказал Калинин после небольшой заминки. – Если из-под контроля вырвется энергия, заключенная в одном кубическом сантиметре вакуума, это может грозить катастрофой планетарного масштаба! Поэтому здесь нужна осторожность, как нигде более. Таким образом, не исключена вероятность создания такого вот «вакуумного» оружия, по сравнению с которым не то что термоядерное, но даже аннигиляционное, которое, слава Богу, до сих пор так и не создано, было бы не более чем детской хлопушкой. Лично я предприму все возможные меры и приложу все усилия для того, чтобы в этом случае не оправдалось утверждение «над чем бы ни работал ученый, в результате всегда получается оружие».

– Усачаева, кандидат биологических наук, пенсионерка. В прошлом научный сотрудник НИИ растениеводства. Простите, но я читала, что вакуумная бомба уже существует. А это значит, что Вы вовсе не первооткрыватель. Так ведь? – с серьезным видом спросила солидная дама из средних рядов.

– То, что в печати именуется вакуумной бомбой, это по

сути своей вовсе не вакуумная, а бензиновая бомба. Тут дело всего лишь в терминологическом совпадении, вернее, в терминологической неувязке, – разъяснил Калинин.

– Тогда зачем использовать термин, который уже занят? – с укором спросила дама.

– Виноват... – замялся Калинин, застенчиво улыбаясь.

– Простите, пожалуйста, уважаемая госпожа Усачаева, но давайте терминологические дискуссии отложим на более позднее время, – встав из-за стола, сказала Аня. – Прошу вопросы по существу самого сообщения.

В последнем ряду сухощавый молодой мужчина интеллигентного вида поднял руку.

– Прошу Вас... – обратилась к нему Аня.

Тот встал и заговорил звонким голосом:

– Турбаевский, НИИ радиологии. Уважаемый докладчик! Насколько мне известно из опыта, чтобы достичь чего-то масштабного, требуется поддержка правительства или армии. А в конечном итоге это одно и то же. Таким образом, если то, о чем Вы говорите, действительно реально, то все равно из него получится оружие, да еще и такое, что масштабы его, как я понял, трудно вообразить! Оружие для космических войн! Оно позволит испепелять целые планеты! Не уничтожить ли Вам свое открытие сейчас, в самом зародыше?

Калинин был готов к такому вопросу и, как только Турбаевский сел, затараторил:

– Ядерное оружие уже несколько десятилетий никем не применялось. Наоборот, оно явилось сдерживающим фактором, благодаря которому до сих пор удается избежать мировых войн. Я надеюсь, что если все же будет создано «вакуумное» оружие, простите за повторное употребление занятого термина, то оно будет представлять собой нечто подобное. Наука не лишена моральных основ. Она требует от ученых высочайшей ответственности!

В переднем ряду у самого окна поднял руку интеллигентный старичок в очках, с седенькой бородкой, аккуратно подстриженной клинышком.

– Уважаемый Леонид Палыч, Вы только что вскользь упомянули о возможности трехмерного сканирования объекта каким-то Вам одному известным способом. Таким образом, можно сделать вывод и о возможности воссоздания его копии, то есть, осуществления так называемой репликации объекта. Вы это считаете реальным?

– Извините, Вы забыли назваться, – деликатно заметила Аня.

– Да, да, простите, пожалуйста. Профессор Стрельченко, политехнический университет, кафедра информатики и вычислительной техники. Так вы считаете, что репликация реальна?

– Несомненно. Реальнее некуда, – с уверенностью ответил Калинин. – Ведь если просканировать на атомном уровне какой-либо предмет или вещество, например, автомобиль

или, скажем, ракетное топливо, то полученную в результате информацию можно будет записать на любой компактный носитель. И потом, используя ее, воспроизводить объекты в любом количестве экземпляров или в любом объеме, если речь идет о веществе. Но это уже совершенно иной аспект применения моих уравнений – производственный. Можно создать дорогое, технологически сложное устройство, а потом очень дешево тиражировать его. Итак, обнародование моих уравнений коренным образом изменит характер и стоимость массового производства. Лишь бы только было принципиально возможно первоначальное построение предмета в единичном экземпляре. Тогда в перспективе все вещества и изделия будут иметь свою подлинную цену, а никак не рыночную. Не помню, кто из великих сказал, что когда-нибудь из золота будут сортиры делать. Теперь это реально, как нельзя более. В принципе, установка телепортации, которую вы видите перед собой, может быть относительно несложно преобразована в репликатор. И еще хочу добавить, предварительно возможный вопрос. Тогда ведь можно будет по чертежам синтезировать данные о реальном объекте, а потом воспроизвести его в камере, близкой по своему принципу к вот такому боксу.

Калинич коснулся указкой приемного бокса, а зал снова загудел. В этом гуле слышались возгласы и одобрения, и восхищения, и недоверия.

– Возможно ли делать двойников живых существ? Людей,

например? – спросил профессор Стрельченко.

Калинич смущенно улыбнулся и, описав указкой круг в воздухе, тихим голосом ответил:

– Все это еще предстоит исследовать. Но мне представляется, что возможно.

– Вы полагаете, возможно. Так тогда можно будет, имея запись информации о человеке, неограниченно продлить его жизнь, не так ли? – продолжал сыпать вопросами Стрельченко.

– Выходит, что да. Но для меня это пока что не насущный вопрос. Сейчас я занят исключительно телепортацией. Если мне удастся – разумеется, после утверждения моего приоритета, как неоспоримого – заполучить крупное финансирование, то я постараюсь создать институт, который будет заниматься исследованием возможностей, обеспечиваемых использованием моих уравнений. Там и будут решаться подобные проблемы. Но это пока еще только мечты.

– Но мечты, как говорит мой жизненный опыт и опыт ученого, непременно сбываются! – оптимистично сказал напоследок старичок с седенькой бородкой.

По залу в поисках удачных ракурсов несколько раз прошмыгнул парень с фотокамерой. Затем другой. Одна из вспышек на несколько секунд ослепила Калинича, но он в душе радовался, как ребенок, такому проявлению внимания к его сообщению и, конечно же, к его персоне.

– Аспирант Гибалевич, НИИ Криогенных Технологий.

Как Вы считаете, Леонид Павлович, – спросил Володя, который в самом начале экспериментировал с мобильником, – возможны ли путешествия во времени?

– Я о такой возможности пока еще не думал. Я имею только выведенные мной уравнения и проверенную теоретически, а также экспериментально на этой установке идею телепортации, – отчеканил Калинин, обведя свою установку кончиком указки. – Могу еще добавить, что выведенные мной Вселенские Уравнения наглядно показывают, что мир, несмотря на его видимое многообразие сложнейших форм, устроен намного проще, чем это нам представлялось до сих пор. Здесь можно провести аналогию с огромными объемами информации, которую можно всю представить в виде комбинации всего двух символов – единиц и нулей.

Опершись на указку, как на тросточку, Калинин посмотрел в зал в ожидании новых вопросов. Из третьего ряда вышел блондинистый парень с фотокамерой на груди и обратился к Калининчу:

– Газета «Городские новости», Дорошенко. Леонид Павлович, изобретателю нужно уметь не только создать что-то новое, но еще и быть способным защитить созданное. Вы чувствуете в себе силы, чтобы сделать это?

– Всеми силами буду стремиться защитить свое детище. Я бы хотел, чтобы Вы, молодой человек, напечатали в своей газете, что на меня давят со всех сторон – хотят, чтобы я приписал к нему липовых соавторов в обмен на всякого

рода посулы. Так вот, я от всех их посул отказываюсь. Мое открытие сделано мной без никаких соавторов, и я об этом громогласно заявляю. Я не из тех, кто может продать свое первенство за миску чечевичной похлебки!

Зал зааплодировал, и улыбающийся Калинич снова осмотрел публику, ожидая вопросов. К нему обратился энергичный респектабельный мужчина:

– Михаил Спирин, научно-популярный журнал «Перспектива». Господин Калинич, если то, что Вы нам только что показали, действительно имеет место, простите, но я в этом не специалист, то это – огромный бизнес. А с бизнесом надо уметь управляться. Чувствуете ли Вы в себе способность управиться с этим бизнесом? Или Вам нужны надежные и верные компаньоны?

Калинич ответил после полуминутной паузы:

– У меня уже есть надежный и верный компаньон. Это присутствующая здесь уважаемая Анна Никитична Кирилук, – он указал на Аню, и она встала и вежливо поклонилась залу. – Мне нужны инвесторы и спонсоры, но никак не компаньоны. Своих денег в необходимом количестве у меня пока что нет, поэтому я обращаюсь к финансистам с предложением о сотрудничестве. Контактная информация – у Анны Никитичны. Буду искренне признателен, если Вы, уважаемый господин Спирин, опубликуете мое предложение в своем журнале. С той же просьбой я обращаюсь ко всем здесь присутствующим представителям прессы. У кого еще

есть вопросы?

– У меня, – сказал парень из заднего ряда. – Я Сергей Канунников, уфолог-любитель. В обследованных НЛО, потерпевших катастрофу в Розуэле и многих других местах, не было ни запасов воздуха, ни запасов еды и питья. Но они все же совершают столь далекие межзвездные перемещения. Думаю, что инопланетяне не обходятся без телепортации. А Вы что думаете на этот счет?

– Ничего! – резко ответил Калинич. – Я не признаю никакой уфологии и ни в НЛО, ни в инопланетян, посещающих Землю, не верю. Прошу задавать вопросы только по существу моего сообщения.

По залу прокатился смешок, и уже послышались было попутные комментарии. Но сидевший в первом ряду напротив Калинича пожилой человек, опираясь на палочку, с трудом встал и, став вполоборота к залу, поднял руку, призывая к тишине. Когда зал утих, он обратился к Калиничу:

– По правде говоря, то, что я сейчас увидел, меня буквально ошеломило. Простите, забыл представиться. Мукосий, профессор сельхозакадемии. Все мы росли в одном мире, в одном обществе. Всегда подобное считалось невозможным, немыслимым. И вдруг – на тебе – я вижу своими глазами, что это происходит. Вещи, помещенные в одну коробку, каким-то непонятным для меня образом передаются в другую! Такой колоссальный скачок от одних представлений о мире к совершенно иным! У меня это в голове не укладыва-

ется, путаются мысли, появляются сомнения, действительно ли то, что я видел, есть явь, а не галлюцинация, не гипноз и не удивительный сон? Скажите, а что Вы собираетесь делать со своим изобретением дальше? И еще. Как Вы считаете, в чем секрет Вашего успеха?

Калинич кивнул в знак понимания вопроса и с азартом ответил:

– Я уже, собственно, говорил об этом, но для Вас с удовольствием буду повторять еще сколько угодно раз. Первым делом я хочу надежно застолбить свой приоритет. Потом я намереваюсь добиться финансирования под эту тематику, создать соответствующий научно-исследовательский центр и построить действующую междугородную транспортную линию телепортации. Сначала грузовую, а потом и пассажирскую. В общем, фронт работ необъятный. А секрет моего успеха, я думаю, в том, что я не боюсь ошибаться, а также открыто признавать и исправлять свои ошибки.

Аня, поймав на себе взгляд Калинича, обратила к нему циферблат своих часов и постучала по нему пальцем. Леонид Палыч понимающе кивнул. Аня встала с места и обратилась к аудитории:

– Господа, к сожалению, отведенное для нас время на исходе. Скоро нас вежливо попросят из этого зала. Поэтому я вынуждена прекратить вопросы и перейти к выступлению. Кто желает выступить по поводу только что увиденного и услышанного?

Зал затих. Только изредка слышались едва уловимые перешептывания, покашливания да скрип старых, выдавших виды стульев.

Из рядов снова вышел профессор Смольник и обратился к присутствующим.

– Уважаемые присутствующие! Любое новшество в самом начале всегда вызывает в людях скептицизм, насмешки, неверие, а порой и презрение. В новое непривычно поверить, и лишь потому, что оно но-во-е. Многие великие открытия «засохли на корню» из-за того, что их авторы ждали овадий, ибо считали их вполне очевидными. А все вышло наоборот. Их осмеяли, затюкали, затравили. Автор-то привык к идее своего открытия, ибо давно над ним усиленно думал, рассматривал его во всех ракурсах. А все другие – не успели. Вот потому-то, чтобы заставить общество поверить в новшество, нужны энтузиасты, которые постоянно выпячивали бы свое открытие, тем самым приучая к нему окружающих. Все мы учились в школе, всех нас заставляли учить наизусть стихи. И все мы сталкивались с такой ситуацией, когда с вечера никак не запомнишь стихотворения, а утром встаешь, начинаешь повторять и неожиданно обнаруживаешь, что все его строфы являются твоей памяти сами собой. Они перестали быть новыми! Именно таким энтузиастом, расчищающим место для нового, мне представляется Леонид Палыч – одержимым, настойчивым, непреклонным. Хотелось бы, чтобы он таковым и остался, несмотря ни на

какие перипетии, которые его, как и всякого первооткрывателя, еще ожидают впереди. И психологическая поддержка, которая в таких случаях крайне необходима, чтобы не затух энтузиазм, у него, как я вижу, тоже имеется.

При последних словах он указал рукой в сторону Ани и улыбнулся, вежливо склонив голову в знак почтения. Аня ответила улыбкой. Раздались аплодисменты. Выступающий отправился на место, а Аня встала, приглашая к выступлению следующего.

Слова попросил профессор Стрельченко – тот самый старичок с бородкой клинышком.

– Я, как ученый, активно интересующийся историей науки, – говорил он с юношеской увлеченностью, – безумно счастлив сознавать себя присутствующим при этом исторически важном событии. Оно кажется сказкой, но ведь все сказки рано или поздно воплощаются в жизнь. И не последнюю роль во всем этом играет Его Величество Случай. Что бы нам в свое время ни говорили о закономерности того или иного открытия, когда созреет соответствующая обстановка, о второстепенной роли личности в истории и тому подобном, я ни в коем случае не вправе отрицать роль случая. Я не знаю, совершил ли бы свое открытие Эрстед, если бы тот внимательный студент, который заметил реакцию стрелки компаса на включение и выключение тока в проводнике, прогулял лекцию. Я не знаю, открыл ли бы Павлов условный рефлекс, если бы его любопытный аспирант не обра-

тил его внимания на не относящееся к опыту, проведение которого он обеспечивал, выделение слюны и желудочного сока у подопытной собаки. Но эти великие открытия свершились по воле Случая. Случай – очень существенное явление в истории науки, но это не значит, что ученый должен сидеть и ждать, когда же он произойдет, этот Чудо-Случай, когда открытие упадет ему на голову подобно легендарному ньютоновскому яблоку. Просто нужно быть к нему готовым. И я вижу, что уважаемый Леонид Палыч был готов к Великому Случаю и потому свершил это великое открытие. Несмотря на непривычность того, что мы сегодня увидели, готов к нему и я, чтобы принять его и пользоваться его плодами, делая все возможное, чтобы оно не пропало и не попало в плохие руки. Я нисколько не сомневаюсь в том, что нынешнее сообщение войдет в историю не только науки, но и во Всемирную Историю Человечества, в том числе и все мы, как слушатели и участники. Оно означает новый взгляд на мир, в котором мы живем. Жаль, что никто не вел протокола. Я тоже не подсказал этого в самом начале, так как, каюсь, ожидал увидеть какого-нибудь самоучку, который пытается представить как открытие предмет своего заблуждения. Я рад, что так ошибся! Но журналирование еще возможно. Я надеюсь на присутствующих здесь представителей печати, которые и сами, благодаря освещению в прессе выступления Леонида Палыча, войдут в историю. Искренне благодарю вас, Леонид Палыч, за сегодняшнее сообщение.

Желаю вам здоровья, долготерпения, неиссякаемой энергии и непременно удачи. Оставайтесь и дальше все таким же активным, ищущим, настойчивым и обязательно немного сумасшедшим. У меня все.

Аудитория откликнулась доброжелательным смехом и аплодисментами, а оратор уступил место дородной даме предпенсионного возраста. Она предстала перед слушателями, демонстративно посмотрела на часы, изображая необыкновенную занятость, и с недовольным видом, опершись рукой о кафедру, стала терпеливо ожидать тишины. Аня вынуждена была встать и попросить аудиторию успокоиться. Когда установилась относительная тишина, дама величаво тряхнула еще густыми волосами, окрашенными в неестественно белый цвет и ниспадающими на ее полные круглые плечи, и начала низким грудным голосом:

– Медицинский университет, профессор кафедры физики Смолкина Паллада Ильинична. Я с интересом слушала сообщение Леонида Павловича и наблюдала его эксперимент. Однако, уважаемый докладчик, хочу напомнить, что в науке один, два, три удачных опыта еще ничего не значат. Нужна многократная повторяемость разными, независимыми экспериментаторами. А Вы сами же исключаете эту возможность. Я все-таки думаю, что продемонстрированное здесь ваше «изобретение» есть не что иное, как продуманная, очень тонко подстроенная мистификация.

Бойкой, энергичной походкой Паллада Ильинична про-

шла между рядами, по-военному чеканя шаг, и вернулась на место. Калинич хотел было ей ответить, но Аня остановила его красноречивым жестом.

– Не сейчас, Леонид Палыч. Не сейчас. Вы уже отвечали на вопросы. Пусть слушатели высказывают свои мнения. В заключительном слове все скажете. – Она обратилась к аудитории: – Кто-нибудь еще желает выступить?

Перед аудиторией предстал сухощавый субъект лет пятидесяти. Однако его наполовину поседевшие волосы, подстриженные «под ежик», были еще довольно густыми и жестко топорщились на темени. Он не стал заходить за кафедру, а остановился в паре метров от первого ряда и, темпераментно жестикулируя, бойко заговорил чуть хрипловатым, но громким голосом:

– Турвонов, доцент химико-технологического университета. Я буду краток и много времени у вас не отниму. Хочу кое-что конкретизировать – расставить, так сказать, точки над «i». Не так давно я прочитал в какой-то из местных газет, что в направлении телепортации ведутся работы в институте академика Бубрынёва. Под его непосредственным руководством, стало быть. И он сам говорил об этих работах в своем эксклюзивном интервью корреспонденту. А господин Калинич, о котором академик говорил с почтением, как о непосредственном участнике работ по телепортации, трудится в этом НИИ. Под началом академика Бубрынёва, то бишь. Хочу сделать акцент на исключительной корректности, с кото-

рой академик высказывался в этом интервью. Так почему же наш уважаемый докладчик утверждает в своем сообщении, что это его единоличный труд? В коллективе, насколько я знаю, единоличных трудов не бывает. Так что давайте соблюдать научную этику. В любой работе каждый исполнитель должен занять соответствующее ему место. Но никто, даже мальчик-лаборант, который только закручивал гайки или, скажем, паял контакты, не должен быть исключен из списка соисполнителей. Время изобретателей-одиночек давно прошло. Да оно, собственно, никогда и не наступало. Так что, уважаемый Леонид Павлович, будьте, пожалуйста, корректы. Вот все, что я хотел сказать.

Турвонов отправился на место, а Калинин поднялся было, чтобы возразить ему. Но Аня, так же, как и в прошлый раз, осадила его категоричным жестом.

– Есть еще желающие высказаться? – спросила она.

– Позвольте мне, – выходя из рядов, сказал тучный старик с бритой наголо головой.

– Да, да, прошу Вас, – приветливо пригласила его Аня.

– Если Ваши утверждения справедливы... – начал было бритоголовый, но Аня прервала его, попросив представиться.

– Простите, забыл. Сермягин Кузьма Дементиевич, институт проблем энергетики.

Сермягин сказал, что когда-то думал над чем-то похожим, чувствовал, что должны существовать некие Вселен-

ские Уравнения, объединяющие базовые физические величины воедино. Но, не найдя никаких решений, оставил это увлечение и занялся проблемами энергетики. Он допускает возможность правоты Калинича, однако примет его утверждения как истину лишь после того, как внимательно изучит логику его рассуждений и все математические выкладки. Он сделал паузу, достал из кармана измятый носовой платок не первой свежести, отер им глянцевитую лысину и продолжил:

– Я, как ученый, должен принимать непредвзятые решения. Сегодня меня не волнует, почему свойства мира именно таковы, как утверждает господин Калинович.

– Калинич, – поправила его Аня.

– Благодарю Вас, дорогая Анна Никитична. Конечно же – Калинич. Это я так, оговорился. Со мной это в последнее время частенько случается. Пока что я просто на основании увиденного и, веря на слово господину Калиничу, допускаю, что они именно таковы. Но представьте мне верное решение, и я в него поверю без оговорок. Вообще-то, верность решения нашего докладчика подтверждается виденным нами экспериментом. Но наши скептики даже то, что видят своими глазами, стремятся отрицать, игнорируя собственные органы восприятия окружающей действительности. Такова природа человека. Ее не изменишь. Но ничего не поделаешь, если Господь Бог сотворил человечество именно таким и никаким другим. Самый надежный способ убедить – показать работающую установку. Но сразу вас, господин Калинич, по-

давляющее большинство все равно не признает. Люди будут сомневаться, подозревать вас в мошенничестве, мистификации и еще Бог знает в чем! Они не привыкли к таким технологиям. А привычка, как всем известно, «свыше нам дана».

Сермягин закашлялся, приложив к губам затертый носовой платок. От кашля его лицо и лысина стали красными, как помидор. Наконец, подавив приступ кашля, он продолжил:

– Если Ваши утверждения справедливы, то Ваше новшество несет коренное преобразование условий существования человеческого общества на нашей планете. Да, серьезный вызов обществу, ничего не скажешь. Но если обществу не делать вызовов, оно начнет хиреть, чахнуть, гнить изнутри. Так что вызов как раз своевременный. Теперь остается только дождаться, когда государство и предприниматели подхватят эту идею и начнут вкладывать в нее средства. Мне искренне хочется верить в то, что суть доклада Леонида Палыча подтвердится по всем статьям, и его работа будет должным образом оценена ученым миром и всем человечеством. А господину Калиничу будут справедливо присуждены высшие ученые титулы и, я в этом уверен, Нобелевская премия. И еще – нельзя не отметить недюжинную смелость Леонида Палыча. Любая трибуна – это коридор. И он имеет стены. А научная трибуна – это особо узкий и извилистый коридор. Собственно, самый сложный лабиринт. Нужно быть очень смелым и отважным, чтобы войти в него на скорости современного прогресса, ибо можно больно удариться об эти стены

с риском расшибиться. Как видим, господин Калинич отважился на это и решился выступить с этой трибуны. Благодарю Вас, Леонид Палыч, за интересное сообщение, а аудиторию – за внимание.

С этими словами Сермягин сел, и тут же его место занял долговязый худощавый мужчина лет пятидесяти. Он держался строго и прямо. Его безукоризненная выправка выдавала в нем военного.

– Высшее военное училище связи и управления. Профессор Пародов, – отрекомендовался он. – Я не верю в истинность того, что утверждает докладчик. Если бы это было верно, то такому великому открытию непременно предшествовали бы крупные публикации если не по этой тематике напрямую, то уж во всяком случае, по какой-нибудь смежной. Столь значительное открытие немыслимо без публикаций. Такие открытия рождаются не сразу. К ним приходят постепенно, преодолевая сложные препятствия одно за другим. И только потом зарождается главная идея – сначала на каком-то эмбриональном уровне, а потом растет, развивается, крепнет и, наконец, выстреливает, взрывается подобно водородной бомбе! И не у одного Леонида Палыча или какого-нибудь Ивана Петровича, а у целого ряда талантливых ученых, занятых в данной области. Но публикаций, господа хорошие, не-бы-ло! Поэтому что вы мне ни толкуйте, а я отношу этот эксперимент к разряду мистификаций. Хотя и очень тонких и необыкновенно талантливых.

Не дожидаясь реакции на свое выступление, Пародов решительно направился на место. К кафедре без приглашения подошел полноватый субъект. На вид ему было лет под семьдесят, но держался он бодро и задорно.

– Старший научный сотрудник Даренов, НИИ систем контроля, управления и регулирования, – сказал он, заговорщически улыбаясь. – В конце пятидесятых годов, еще в мою бытность студентом, наша пресса подняла на щит эксперимент, в результате которого получалось, что КПД некоей уникальной экспериментальной системы оказывался больше единицы. Что же это было? Вечный двигатель? Нарушение закона сохранения и превращения энергии? – он ядовито усмехнулся. – Позже, когда этим заинтересовались академики, выяснилось, что авторы того самого сенсационного эксперимента просто-напросто не поняли его сути. Их установка работала, как тепловой насос, и перекачивала тепло из окружающей среды в термоизолированную камеру. Таким образом, КПД системы в целом оказался гораздо меньше единицы! И еще. Уже в семидесятые годы в какой-то из телепередач типа «Очевидное – невероятное», что ли, показывали некоего экстрасенса, который между расставленными ладонями силой «биополя» удерживал в воздухе шарик для пинг-понга. Легковерные зрители ликовали. «Потрясающе! Что же скажет классическая физика?» – вопрошали они. Но потом, когда ученые просмотрели кинокадры, запечатлевшие этот «феномен», предварительно сильно увели-

чив контрастность, все ясно увидели, что шарик держится на тончайшей нити, протянутой между пальцами этого мистификатора. Простите, но я не знаю ни одного опыта, который бы не укладывался в рамки классической физики. Поэтому я ни в какие феномены не верю точно так же, как и наш докладчик не верит в пресловутые НЛО! Думаю, что и в опыте Леонида Палыча также кроется какая-то роковая ошибка или мистификация! Да простит меня докладчик за прямоту высказывания!

Он сел, а строгая Аня снова спросила:

– Кто еще хочет выступить?

Желающих больше не нашлось, да и времени было в обрез, поэтому она обратилась к Леониду Палычу:

– Леонид Палыч, теперь Вы можете высказаться.

Калинич поднялся и стал за кафедру, собираясь дать достойную отповедь скептикам и оппонентам. Но Аня, многозначительно посмотрев на часы, предварила его выступление:

– Только, пожалуйста, кратко и по сути. Нам ведь еще предстоит решение принять.

Калинич, собравшись с мыслями, которые, перебивая одна другую, роились в его голове, как пчелы, сказал чуть с хрипотцой от волнения:

– Если кто-то так же, как уважаемый доцент Турвонов, сомневается в том, что мое открытие – порождение моего и только моего мыслительного аппарата, то пусть попросит

того, кто, по его мнению, имеет моральное или юридическое право оспаривать мой приоритет, чтобы он создал без моего участия установку, подобную этой. Голову даю на отсечение, что таковых не будет! Так постыдитесь выступать с подобными комментариями, не проверив факты. Я воспринимаю их как выпад против меня лично.

Калинич на несколько секунд запнулся, пытаясь ухватить ускользнувшую было мысль, но потом продолжил:

– Спасибо уважаемому академику Сермягину Кузьме Дементьичу за веру в скорое признание моих работ ученым миром. Кузьма Дементьич меня видит впервые, но я его по публикациям, а также выступлениям на симпозиумах и конференциях знаю уже лет тридцать. Приятно было слышать его столь оптимистичные слова. Но считаю необходимым вас заверить, что ни к каким наградам или премиям я не стремлюсь. У меня нет таких целей и планов. Называться лауреатом, доктором, профессором или даже академиком мне ни к чему. Это ведь ритуал, а я никогда и ни в чем не ставил ритуалы во главу угла. Фарадей в свое время отказался от дворянства. В ответ на предложение королевы Виктории принять титул графа в награду за огромный вклад в британскую и мировую науку он сказал, что, по его мнению, именоваться просто «Майкл Фарадей» будет не менее почетно, чем «его сиятельство граф Майкл Фарадей». А ведь он формально был всего-навсего переплетчиком. Моя цель на сегодня – это, в который раз повторяю, надежно закрепить за собой приори-

тет. А когда эта цель будет достигнута, тогда, я нисколько в этом не сомневаюсь, моя работа и без премий принесет мне огромные доходы, которые я постараюсь употребить на развитие науки и на оплату труда талантливых ученых и всех тех, кто им помогает и содействует. Чтобы они могли двигать науку в условиях комфорта, а не впопыхах, с трудом зарабатывая на пропитание. Ибо наука впопыхах – это не наука. В лучшем случае это номероотбывательство.

– А в худшем? – выкрикнул кто-то из рядов с ноткой сарказма.

– Не думал над этим. Но скорее всего – это прямой вред науке.

Калинич на несколько секунд замолк, чтобы собраться с мыслями, потом продолжил.

– Уважаемому профессору Пародову хочу ответить насчет предшествующих публикаций. Я с Вами не согласен – они были, уважаемый профессор. Стивен Вильям Хоукинг, парализованный гениальный ученый из Оксфорда, один из наиболее влиятельных в научном смысле и известных широкой общественности физиков-теоретиков нашего времени, работал в том же направлении, что и я. Он пытался создать «Теорию Всего Сущего», то есть – вывести Вселенские уравнения! Могущественный свод законов, которому подчиняется вся Вселенная от элементарных частиц до Метагалактик. Его публикации общеизвестны. Далее, «Теория струн» – это из той же оперы. Это, по сути, попытка создания «еории Все-

го Сущего». Так вот, мне удалось построить эту теорию, и я сегодня вам продемонстрировал одно из ее конкретных приложений. В заключение я обращаюсь к нашим ученым и всем присутствующим с единственной просьбой: примите или не мешайте! – сказал Калинин, сделав эмоциональный жест рукой.

Раздались не массовые, но довольно громкие аплодисменты.

– Спасибо, спасибо за поддержку, господа присутствующие! – смущенно улыбаясь, сказал Калинин.

Аня, призывая зал к тишине, взяла со стола указку и кончиком ее постучала по кафедре. Люди утихомирились, и она снова обратилась к аудитории:

– Тогда по результатам обсуждения доклада давайте примем какое-то решение.

Зал гудел, люди переговаривались между собой кто о чем, но предложений никто не высказывал. Аня вновь попросила присутствующих высказаться с предложениями возможных вариантов решения. И перед аудиторией снова предстал академик Сермягин.

– Решение, мне представляется, может носить только констатирующий характер: слушали сообщение господина Калинича, подкрепленное таким-то экспериментом. Присутствующие неоднократно собственноручно проверили возможность передачи различных предметов из одной емкости в другую, и никаких оснований подозревать автора в некор-

ректности эксперимента не выявлено. Постановили – считать автора пионером в этой области и рекомендовать развивать эти работы далее в данном направлении. Пожалуй, и хватит. Вас устроит такое решение, Леонид Палыч?

– Вполне, – сказал Калинин.

Сермягин сел, а Аня спросила присутствующих:

– Другие предложения есть? Нет других предложений. Возражения? Поправки? Дополнения? Нет. Отлично. Тогда попрошу поднять руки тех, кто согласен с принятием такого решения.

Аня подняла руку, а следом за нею – большая часть слушателей.

– Явное большинство, – сказала Аня. – Я попрошу всех присутствующих, согласных подписать только что принятое решение, подойти ко мне по окончании семинара и сообщить свои координаты. Сегодня к концу дня решение будет отредактировано и отпечатано. Я созвонюсь с каждым и приеду к каждому по очереди в удобное для вас время, чтобы подписать его. Вопросы есть? Нет. Благодарю всех присутствующих. Все, семинар окончен.

XXV

В кабинете у Бубрынёва было жарко. Академик отчитывал докторов наук, как набедокуривших школьников. Те в ответ оправдывались, как могли, порой срывались на крик, сетовали на скудное финансирование научных исследований, на нехватку времени, на недостаточную квалификацию

сотрудников, на плохое материальное снабжение, на устаревшую технику, на дурацкие законы и распоряжения министра, на нерадивость заказчиков. В общем, на все, чем только можно было оправдать отставание от плана. Бубрынёв так кричал на заведующих подразделениями, что посадил голос, и без конца пил воду. Досталось всем присутствующим, за исключением Калинича. Бубрынёв почему-то обходил его стороной. Высказывая претензии своим жертвам, он то и дело посматривал на Калинича, как бы прося у него поддержки. Калиничу порой рефлекторно хотелось поддержать академика, особенно когда его притязания были небезосновательны. Но он строго следил за собой и ни разу не кивнул головой в знак согласия и не опустил глаз, подавляя в себе рефлексы, заложенные от рождения.

Заканчивая совещание, Бубрынёв порылся в бумагах на рабочем столе и, взяв в руки листок с голубой министерской печатью, сменил строгую мину на непринужденное выражение лица и позволил себе, наконец, улыбнуться.

– Ну, а теперь о приятном. Вчера министр выделил нам крупное финансирование на поисковые работы. Так что теперь мы сможем заняться поиском новых научных направлений. Прошу всех здесь присутствующих подумать о тематике предстоящего поиска и... – генеральный придвинул к себе перекидной календарь и перевернул несколько листков, – и... ровно через две недели, в последний четверг текущего месяца доложить на очередном совещании в этом кабинете.

Доклады должны быть обоснованы, так как мы собираемся в первую очередь развивать наиболее перспективные, актуальные работы прикладного плана. Я не стану утомлять вас чтением приказа министра – просто введу в курс дела. Если кто-то из вас или ваших подчиненных уже имеет какой-то конкретный задел, в особенности экспериментальные наработки, мы его с удовольствием поддержим и обязательно отметим крупной денежной премией, повышением в должности. Министр обещал за работы, могущие внести крупный вклад в народное хозяйство, присвоение докторских степеней и высших званий без защиты диссертаций – только по представлению нашего ученого совета. Официально, через ВАК. Подчеркиваю, через ВАК! Как у Сергея Палыча Королева в свое время! Допускаются, как говорится, вариации на эту тему. То есть, можно создать один поисковый отдел или в уже имеющихся отделах специальные поисковые группы. По этому поводу я хотел бы выслушать аргументированные мнения каждого из вас, так что прошу основательно подготовиться. Вот все, что я имел вам сообщить. Вопросы ко мне имеются? Нет? Общие объявления у кого-нибудь есть? Тоже нет.

Бубрынёв умолк, и его черные, как угли, глаза сверкнули ярким сатанинским блеском и проворно забежали из стороны в сторону в поисках желающих задать вопрос или сделать объявление. Но таковых не оказалось. Бубрынёв встал и едва заметно поклонился присутствующим, прощаясь.

– Что ж, тогда всем спасибо за участие. Сергея Михалыча Чаплию, Леонида Палыча Калинича и Веронику Никаноровну прошу на несколько минут задержаться. Остальные свободны. До свидания, господа.

Участники совещания непринужденно зашумели, поднимаясь с мест и разминая затекшие ноги. Заскрипели кресла, освобождаемые от тяжести тел и передвигаемые на свои прежние места. Открылась дверь, и все направились в свои отделы, оглашая институтский коридор оживленными комментариями недавнего совещания, приказа министра и прочими разговорами – как рабочими, так и праздными. Когда в кабинете никого, кроме самого Бубрынёва и приглашенных уже не осталось, он кокетливо обратился к секретарше, которая складывала ноутбук, готовясь запереть его в сейф:

– Вероника Никаноровна, проветрите, пожалуйста, помещение и приготовьте нам сего-того перекусить. А мы сейчас...

Бубрынёв отворил небольшую дверь в стене позади его рабочего кресла с левой стороны кабинета и жестом пригласил войти Чаплию и Калинича. За дверью оказалось небольшое помещение – курительная комната, как догадался Калинич, а за нею – комфортабельный туалет.

– Пойдем, мужички. Надо после совещания по сса-а-а-дику пройтись! – по-панибратски предложил Бубрынёв и нарочито громко расхохотался.

Его совершенно не волновало то, что все это слышит Ве-

роника Никаноровна. Чаплия поддержал шефа развязным смехом, а Калинича от такого хамства основательно покорибило.

Тщательно вымыв руки и высушив под мощной струей горячего воздуха электросушилки, они вошли в кабинет, где на журнальном столике их уже ожидал импровизированный ужин и нераспечатанная бутылка коньяка с красивой надписью на этикетке: «Cognac CAMUS».

– Сергей Михалыч, не теряя времени, распечатывай и наливай. «Из Парижу» недавно привезли. У меня еще «Мартель» имеется. Устали ведь после напряженной работы за целый день. А я пока домой позвоню – предупрежу, что задержусь.

Чаплия взял бутылку и попытался прочесть надпись на этикетке и высказал восхищение:

– О! «Камус»!

При этом он сделал ударение на «а».

– Деревня! – упрекнул его Бубрынёв, щелкая клавишами телефонного аппарата. – Не «Камус», а «Камю»?! Во французском ударение всегда на последнем слоге. К тому же «эс» в конце слова не читается. Верно, Леонид Палыч?

Калинич не успел ответить на его вопрос, так как академик заговорил в трубку:

– Зиночка, привет, дочура! У меня полминуты всего – я с работы. Совещание затягивается, так что кушайте без меня. Все, золотце мое. Целую. Извини, меня люди ждут. Извини.

Пока.

Он положил трубку и отключил связь. Вошла Вероника Никаноровна с дымящимся кофейником, источающим щекочущий ноздри аромат деликатесного кофе.

– Иван Лукьяныч, я Вам еще нужна? – спросила она, поставив кофейник на подставку.

– Нет-нет, дорогая. Можете идти. Спасибо за все. А может, перекусите с нами, а? – заигрывая, спросил он.

– Нет, Иван Лукьяныч, спасибо. Меня дома ждут. С Вашего позволения я пошла, – тактично ответила Вероника Никаноровна без тени улыбки на безукоризненно чистом лице и направилась к двери.

– Спасибо. До завтра. Не забудьте захлопнуть на замок дверь приемной. Чао, бьёнда! – сказал ей вслед академик.

Бубрынёв и Чаплия уже почти опустошили бутылку дорогого «Камю» и с аппетитом уплетали сырокопченую колбасу, швейцарский сыр, буженину и бутерброды с красной икрой. Калинич сидел и наблюдал за начальством, отпив из своей рюмки не более двух глотков и скромно жуя небольшой бутербродик. Всякий раз, когда раскрасневшийся Чаплия пытался дополнить его рюмку, он накрывал ее ладонью и отодвигал в сторону.

Говорили о том, о сем, о гастролях зарубежных артистов, о компакт-дисках с последними фильмами, об опере.

– Да наш оперный театр ничуть не хуже Большого, уверяю вас, – говорил Бубрынёв, высасывая сок из дольки лимона

после очередной порции коньяка. – Артисты у нас классные. Марка только, этикетка не та! Но ничего, все придет со временем. Нужны лишь средства на раскручивание наших талантов, а их-то пока что очень и очень мало. К великому сожалению. Но город наш с будущим. С хорошим будущим. Промышленный потенциал – дай Бог каждому. Наука и образование у нас вообще самого высокого уровня. Только делать деньги наше руководство пока еще не научилось. Но ничего, новый губернатор свое дело знает, уверяю вас. Молодой, энергичный, а нюх на перспективные дела у него – собачий.

– Иван Лукьяныч, а проектировщики у нас тоже на высоте, верно? – вклинился было Чаплия.

– Не перебивай! Все скажу, погоди. Так вот, губернатор теперь у нас – деловой человек. По всем статьям деловой, говорю...

«И на кой хрен они меня пригласили? Слушать их пьяные разговоры? Как долго это еще продлится? Час? Два? А может, вежливо извиниться, да и уйти, сославшись на семейные обстоятельства или на самочувствие? На что лучше?» – думал Калинин, наблюдая, как начальники поглощают остаток коньяка.

Бубрынёв достал из бара еще одну бутылку. «Мартель» – отметил про себя Калинин. «Хватит, пора улучить момент, чтобы смотаться. Пусть сами пьют, и разглагольствуют пусть сами, а мне в этой компании делать нечего, тем более сейчас,

когда у них уже языки заплетаются», – подумал Калинич. И Бубрынёв словно прочел его мысли. – Что-то наш Леонид Палыч заскучал! К рюмочке почти не притрагивается, не ест ничего. Что так, Леонид Палыч, а?

«Вот он, удачный момент, чтобы улизнуть. Надо его не упустить», – подумал Калинич, а вслух сказал:

– Благодарю Вас, Иван Лукьяныч. Не могу я больше. Возраст уже не тот, здоровье оставляет желать лучшего...

– Ну, что Вы, дорогой Вы наш Леонид Палыч! Возраст у Вас еще, как говорит мой отец, почти что юный. У Вас еще впереди творческой жизни лет пятнадцать, не меньше. А здоровье – поправим. Пошлем Вас в какой-нибудь «крутой» санаторий – бесплатную путевочку организуем, врачей пригласим именитых. И будете еще не один срок у нас трудиться. А пока главное лекарство – коньячок. После натуральных французских коньяков похмелья не бывает – уж Вы мне поверьте. Кардиологи рекомендуют настоящий коньяк как лечебное средство. Вы «Мартель» пробовали? – Не приходилось как-то, – смущенно ответил Калинич.

– Вот и попробуйте! Только «Камю» допейте, пожалуйста. Не выливать ведь добро такое, – смеясь, сказал Бубрынёв, распечатывая вторую бутылку.

– Нет, нет, с меня достаточно. Сегодня я неважно себя чувствую. Не забывайте все же, что мне уже пятьдесят восемь. Пенсионный возраст стучится в дверь. Я, наверное, пойду, а вы тут сами без меня, я думаю, решите все вопросы,

которые Иван Лукьяныч на этот вечер наметил, – вставая из-за стола, сказал Калинич.

– Да что Вы! Что Вы, Леонид Палыч! – Бубрынёв схватил Калинича за локоть, пытаясь усадить обратно в кресло.

– Леонид Палыч, не спешите, пожалуйста, – вмешался Чаплия. – Сейчас кофею попьём, поговорим о том, о сем. О деле, в том числе.

Будучи не в силах устоять против натиска двух начальников, Калинич снова опустился в кресло. Но рюмку с коньяком отодвинул. Бубрынёв тут же перелил ее содержимое в свою.

– Не пропадать же добру, – смеясь, сказал он и наполнил ее из только что распечатанной бутылки. – Я все же хочу, чтоб Вы «Мартель» попробовали.

Бубрынёв и Чаплия выпили, а Калинич чуть отхлебнул и поставил рюмку.

– Так вот, – пережевывая ароматную кружалку сырокопченой колбасы, продолжил разговор Бубрынёв. – Я оставил вас обоих после совещания, чтоб обсудить актуальный вопрос.

Генеральный замолчал и положил в рот ломтик душистой ветчины. Не прекращая жевать, он посмотрел сначала на Калинича, потом на Сергея Михалыча и, сделав очередной глоток коньяка, налил всем кофе в чашки, заблаговременно приготовленные заботливой рукой Вероники Никаноровны.

– Сахар, сгущенное молоко, коньяк добавляйте сами

по вкусу, – продолжил академик, дегустируя уже немного остывший, но еще не успевший потерять аромат напитков. – Сергей Михалыч, что ты можешь сказать насчет этого приказа министра?

Чаплия как будто ждал этого вопроса. Он оживился и незамедлительно высказался:

– Я давно мечтал о том, чтобы у нас велись поисковые работы. Вот только направления поиска никак не мог нащупать.

– Давно мечтал! – передразнил его академик, доливая себе в кофе солидную порцию коньяка. – Да какой ученый о такой благодати не мечтает! А нащупать актуальное, при этом нетривиальное направление, да чтоб оно еще и выход дало весомый – это особый нюх надо иметь. Не каждого Господь Бог наградил таким нюхом, не каждого... Работать, когда все ясно: и что делать, и как, и для чего – это, Михалыч, не сложно. Это уже не наука, а ремесло. Тут только руки нужны, крепкая задница да квалификация, а талант ученого тут уже не обязателен. Я вот тоже мечтал о том, чтобы у нас в институте поиск велся. И не только мечтал, но еще и действовал в этом направлении. И, как видите, не безрезультатно – убедил министра, и этот приказ тому свидетельство. Мечтал я и о том, чтобы поисковые работы вели у нас наиболее талантливые ученые. Я хотел бы, чтобы талантливый ученый, который возглавит этот поиск, не занимался бы администрированием, хозяйством, финансами, снабжением и прочей бе-

либердой, без которой, к сожалению, никак нельзя. Этим бы занимался способный зам, чтобы руки у научного руководителя были абсолютно свободны. И зарплату ему я бы назначил в исключительном порядке такую, чтоб он ни в чем не нуждался, и жилье ему выбил бы повышенной комфортности, с личным кабинетом, компьютером, факсом и прочей техникой. Своей персональной машиной бы с ним на равных делился. И реальная возможность обеспечить это у нас уже имеется! Ваш покорный слуга сумел-таки убедить министра, хоть и нелегко это было... Ох, как нелегко!

– Вот бы меня на такое место, Иван Лукьяныч, а? – кокетливо сказал Чаплия.

– Ну-у-у, Серега! От скромности не помрешь! Тебя на такое место – ха! Не потянешь, соколик, не потянешь! Хоть голова у тебя и варит, но варево ее не того плана, что тут нужно. Не обижайся только, я это так, между нами – здесь все свои. Понял? Ты, прости за прямоту, можешь идти только по проторенной дорожке. Наука у тебя движется по-настоящему, ничего не скажу. Двигается. Ты не этот, как его... не наш Галкоев. У того вся наука не то что за уши притянута, а так – из пальца высосана. Ни с чего науку делает – как купец деньги. На подножном корму выживает. Живучий, как сорняк в огороде. Но он такой энергичный, что по этой части любого из нас трижды за пояс заткнет. Он и кандидатскую досрочно защитил. Там, я помню, все было так сыро да хлипко! Но он все же пробился на защиту и защитил с блес-

ком. С блеском не потому, что работа того стоила, а потому что смог все блестяще организовать и обставить как нельзя лучше. Все продумал до мелочей, все подготовил. Так что ему оставалось только пальчиком махнуть, и машина сама заработала. На него заработала!

Чаплия снова наполнил рюмки, и академик автоматически хильнул, не чокаясь. Сергей Михалыч последовал примеру шефа. Они взяли по ломтику лимона и принялись их жевать, громко причмокивая. Чаплия съел свой целиком, а академик только высосал сок и остаток положил на тарелку. Утершись салфеткой, он продолжил:

– Вскоре он добился разрешения аспирантов вести, а потом докторскую сумел представить. Ни на чем сделал докторскую – на какой-то статистике по чужим данным, полученным еще тридцать лет тому назад! Напхал туда современной математики, сделал какие-то выводы, дал какие-то рекомендации, каким-то одному ему ведомым способом заручился поддержкой именитых ученых – и докторская готова. Эти, с позволения сказать, выводы, конечно, яйца выеденного не стоят, но работа проделана колоссальная, наукообразие соблюдено – все в духе времени, актуальность налицо, хоть и явно за уши притянута. А вот не подкопаешься никак. Да и выгодно это всем, почитай. Что ни говори, но докторская – это и показатель для института, и спецсовет должен непременно принимать к защите докторские своих сотрудников. Иначе на кой хрен он скрючился – такой хо-

роший? Прикроют к едрене-Фене. И руководителю «галочка» без забот и хлопот. Как подарок на юбилей. И все у него всегда в срок, все своевременно. Вот это предприимчивость! Далеко пойдет. Такой ни перед чем не остановится. Но его нельзя на поиск ставить – формально у него все окей будет, но наверху-то не дураки сидят. Все поймут. А поиск – это должно быть нечто новое, неординарное, живое. Тут у руля настоящий ученый нужен! Со всеми его достоинствами и недостатками! Тут как раз тот редкий случай, когда достоинства мы обязаны поддержать, а недостатки всеми возможными и невозможными методами нейтрализовать, подстраховать, исключить. Игнорировать, наконец. Леонид Палыч, я сумел объяснить Вам главную идею?

Калинич спокойно ответил:

– Что же здесь объяснять? Тут все само собой разумеется. Такие и только такие ученые должны везде стоять у руля в любом уважающем себя НИИ или университете. Каждый должен заниматься своим: ученые – наукой, администраторы управлением, ремесленники исполнением своих заданий. И каждый незаменим на своем месте. Тут не должно быть главных или второстепенных – все вместе должны образовывать единый конгломерат, как в футбольной команде. Кто там важнее – форвард, защитник или голкипер? Каждый выполняет возложенные на него функции. Если один из них не справляется, команда неизбежно будет проигрывать. А если, скажем, центр-форварда заставить исполнять обязанно-

сти защитника или вратаря, то он не будет ни тем, ни другим, и команда неизбежно проиграет. Тот же принцип работает и в науке. Эту точку зрения я уже не раз публично высказывал. Так что же, простите, нового Вы нам, Иван Лукьяныч, только что рассказали?

Бубрынёв ожидал такого ответа и был во всеоружии. Его жгучие, агрессивно черные люциферовские глаза сверкнули, словно две фотовспышки, и он темпераментно заговорил:

– Нового – ничего. Но если бы все всегда было так, как мы с вами думаем, то мы жили бы в идеальном обществе, что невозможно априори. Не будем говорить, почему – пусть этим занимаются философы. Но поисковый отдел или секции в разных отделах – это особ-статья. Тут или так, как мы с вами думаем, или вообще никак. Верно? И результаты при этом могут быть, а могут и не быть. Я имею в виду положительные, конечно же. Тут бабушка надвое сказала. Но чтобы они были, мы должны все организовать так, как я говорил, и как это ранее не раз публично высказывали Вы, Леонид Палыч.

Академик налил в свой фужер газированной воды и залпом осушил его. Чаплия курил, откинувшись на спинку мягкого кресла, не решаясь перебить шефа ни единым словом. Он был сосредоточен на ходе беседы, которую, как ему представлялось, академик вел исключительно мастерски. Роль наблюдателя его вполне устраивала, но Бубрынёв внезапно лишил его этого статуса прямым вопросом:

– Сергей, как ты думаешь, нужно создавать поисковый отдел или поисковые секторы при каждом перспективном отделе?

Но у Чаплии ответ был готов заранее, поэтому он ответил незамедлительно:

– Как заведующий отделом, я бы хотел иметь поисковый сектор внутри своего отдела. Но, мысля в масштабах института, мне кажется, что более рационально иметь общий поисковый отдел, внутри которого можно предусмотреть секторы по разным направлениям поиска. И возглавить этот отдел может только один из всех наших ученых – это Леонид Палыч!

– Вот! Вот! – подхватил его предложение академик. – Только Леонид Палыч! Иначе на эту должность непременно пробьется Галкоев, который использует это кресло на свой лад. И мы ничего не сможем сделать – он применит всю свою энергию для достижения собственных меркантильных целей. И, чтобы ему хоть как-то противостоять, придется сосредоточиться только на борьбе с этим... ну... как бы его назвать, чтоб и не оскорбить заочно, и охарактеризовать как он того заслуживает... – Бубрынёв обратил взгляд на Калинича и завертел рукой, подыскивая нужное слово.

– Карьеристом, – подсказал Чаплия.

– Вот-вот, карьеристом, – закончил Бубрынёв, недовольный тем, что это сказал Чаплия, а не Леонид Палыч, как рассчитывал академик.

Калинич молча и хладнокровно посматривал поочередно то на Бубрынёва, то на Чаплию. Переглядываясь, они оба молчали в ожидании реакции Леонида Палыча. Но Калинич не реагировал никак. «Интересно, как они дальше повернут дело?» – подумал он и посмотрел на часы, чтобы ускорить ход событий. И это сработало. Академик снова заговорил:

– Так вот, Галкоев достойного результата не даст. Только атрибутику себе наработывать будет. Он поглотит всю нашу энергию, так как мы ничего больше не сможем делать, если будем ему противодействовать. Результат может дать только Леонид Палыч. Леонид Палыч, а что же Вы молчите?

Калинич смущенно улыбнулся и ответил только пожатием плеч. Он заметил, что под столом академик легонько толкнул Чаплию коленом, и тот незамедлительно вклинился в беседу:

– Мое дело, конечно, сторона. Это компетенция Ивана Лукьяныча. Но мне кажется, что если организовывать поисковый отдел, то только под руководством Леонида Палыча. А если создавать сектор при нашем отделе, то тоже только на тех условиях, чтобы им руководил Леонид Палыч. Ни с кем другим я по этой части работать не хотел бы. Но тогда львиную долю всех денег, отпущенных на поиск, пришлось бы выделить для этого сектора.

– Лично я мог бы принять оба варианта. Дело только за уважаемым Леонидом Палычем. Леонид Палыч, что Вы предпочли бы – возглавить поисковый отдел или крупный поисковый сектор в своем родном отделе?

Калинич ответил без обиняков:

– Я не хотел бы ни того, ни другого. Что лучше создавать – отдел или секторы, вы уж решайте сами, как решали прежде. Меня устраивает и мое нынешнее положение. Я человек без особых претензий, привык довольствоваться малым. И мне уже давно безразлично, кто кем будет командовать, кто какие титулы получит и тому подобное. Дайте мне спокойно доработать до пенсии и больше ничего.

– Что за позиция, Леонид Палыч? – деланно удивился Бубрынёв. – Вы же всегда были поборником разума, справедливости и целесообразности! Вы всегда выступали за энтузиазм, боролись против формализма и карьеризма в науке! Всегда, сколько я Вас помню, Вы искали себе достойного применения, горели в науке! И вот на вашей улице наступает наконец-то праздник, а Вы так пассивно его воспринимаете. Это непоследовательно с Вашей стороны. Не можете же Вы отказаться от долга ученого перед обществом!

От этих слов Калинич преисполнился отвращения и брезгливости и выпалил в лицо академику:

– Уважаемый Иван Лукьяныч! Давайте сразу расставим все по местам, чтобы впредь никогда к этому не возвращаться. А то у нас с вами получается, как в той бесконечной сказке в стихах: «у попа была собака». Да, раньше я горел, искал приложения своим знаниям, опыту, умению вести научные исследования и изыскания. Горел, искал, но тщетно. Вот и стгорел дотла, притом давно уже, потому что не смог их най-

ти. Всякие там галкоевы и им подобные рвали буквально все из рук, вышибали почву из-под ног! А моих данных, моего научного потенциала никто из начальства тогда не замечал. Галкоевы были нужнее, выгоднее. У них всегда и все было в ажуре. Наука как таковая никому не была нужна, все только и смотрели, где бы побольше урвать под видом этой самой науки. За всю свою трудовую жизнь я устал, вернее, надорвался от бесполезной борьбы. Она, как вы только что очень образно высказались, поглотила всю мою энергию. Ни должности, ни степени, ни звания, ни деньги для меня давно уже не престижны. Кстати, знания тоже. Всему свое время – дорого яичко ко Дню Христову. От бывшего потенциала у меня сейчас, как поет исключительно мной уважаемый Саша Розенбаум, «остались только выправка да честь». Так вот, моя честь – это единственное, за что я пока еще в состоянии бороться. На этом все, господа. Теперь вам, я надеюсь, моя позиция предельно ясна.

Калинич сделал попытку встать, но Иван Лукьяныч снова усадил его в кресло.

– Да погодите вы, Леонид Палыч, не гневитесь, ради Бога. Не будьте упрямы, Христа ради, – сказал он непринужденно. – Разве можно так категорично разговаривать? Это не разговор, дорогой коллега. Вы возражайте, спорьте, выдвигайте свои конкретные требования, но не отвергайте все так огульно и категорично. Не по-мужски это! Вы спорьте, спорьте, Леонид Палыч! Можете матюкнуться в мой адрес, я

не обижусь. По делу ведь. Мы же с вами жизненные вопросы решаем, а не в бирюльки играем. Речь не о нас с Вами, а об институте и о науке в нашем государстве! Давайте к этому вопросу подойдем философски. Обществу нужны всякие личности, галкоевы тоже. Такие могут быстро организовать необходимые структуры, что в определенное время исключительно ценно. Всякому овощу свое время. Ваше время настало именно сейчас!

– Да что Вы меня удерживаете, Иван Лукьяныч?! И с каких это пор Вы стали так петься о науке, институте и государстве? Как давно Вы начали ценить меня как ученого? До сих пор Вы отдавали предпочтение таким, как этот Ваш Галкоев, не так ли, а? – спросил Калинич с сарказмом.

Академик наигранно расхохотался и снова блеснул мефистофельскими глазами. Он не спеша достал сигарету, закурил, несколько раз пыхнул голубым дымом и положил ее на край пепельницы. Потом еще немного похохотал, снова посмотрел на Калинича, взял бутылку и налил коньяка себе и Чаплию. Рюмка Леонида Палыча стояла наполненная до краев с прошлого раза. Бубрынёв поднял рюмку и посмотрел на Калинича.

– Хочу выпить за Вас, дорогой Леонид Палыч. За Ваше здоровье, благополучие, удачу и успехи на научном и прочих поприщах! – произнес академик и, чокнувшись с Чаплием и стоящей на столе рюмкой Калинича, выпил все до капли единым духом.

«Тянет время, стервец, чтобы собраться с мыслями и обдумать, как меня здесь нагнуть. Ну, нет уж, хрен ему в кошелек, – подумал Калинич. – Скандальить не хочется, но смотреть все же нужно, и как можно скорее.»

Чаплия принялся чистить апельсин, а Бубрынёв вспомнил о сигарете, лежащей на краю пепельницы, и опять пыхнул дымом. Наконец, он снова заговорил:

– Ну что Вы, Леонид Палыч, такой едкий? Как щелочь! Спуститесь Вы, наконец, с небес на нашу грешную землю! Да, каюсь, грешен. Прежде всего, хочу Вас уверить, что о государственных делах, о науке и об институте я пекся всегда как только мог. Насколько позволяла обстановка. Да, до сих пор у нас процветали такие, как Галкоев. Таково было время. Нынче настали новые времена. Теперь ситуация представит в ином ракурсе. От институтов, университетов, конструкторских бюро и предприятий государство и сама жизнь все настоятельнее требуют реального выхода. Иначе ведь государство перестанет существовать. Всюду жесткая конкуренция. Теперь на передний план выходят такие люди, как Вы. Так было всегда. В разные периоды в авангарде были разные категории людей. Как видно, для этого их Бог и сотворил. Я, как, впрочем, и Вы, до войны не жил. Но от родителей я знаю, что тогда тоже процветали не лучшие по нашим меркам люди, а те, кто умел хорошо прикрываться партийно-патриотическими фразами и демонстрировать свою идейность и преданность делу партии. Больше ни на что они

способны не были, но все ведущие посты занимали преимущественно они. А талантливых ученых, инженеров, деятелей литературы, военных специалистов и прочих квалифицированный народ, чтобы они не указали им надлежащее место, упрятали в тюрьмы и лагеря, выгнали за границу или просто уничтожили. Но началась война, и эти «ведущие» люди, что называется, обкакались. Нужно было воевать – громить врага. Но пламенными, патриотическими, идеологически правильными речами и директивами стрелять не будешь. А враг жесток, не пощадит и этих самых – идейных руководителей! Тогда вспомнили о тех, кого по совести ценили повыше себя, так сказать. Кого из тюрем повыпускали, кого на высшие руководящие да командные посты из низов по достоинству выдвинули. Вот и пошла работа на победу. И на передовые позиции вышли такие, как маршал Жуков, авиаконструктор Яковлев, академики Королев и Капица и многие другие. Сами знаете эти имена. А окончилась война, и снова вверх полезли те, кто лучше локтями работать умел да по трупам шагать не стеснялся. Вот и всплыли эти самые галковые в соответствующей обстановке. Но теперь их время проходит – с ними денег институт и государство не заработают, а сейчас «без денег жизнь плохая, не годится никуда». Вы только представьте себе на мгновение наше с Вами сотрудничество – Ваши талант, знания и опыт плюс наши связи, вес и средства! Да Вас еще при жизни в бронзе отольют и на пьедесталы воздвигнут! Вашим именем назовут самые мощные в ми-

ре университеты и улицы в самых известных городах планеты! Под Вашим именем будут бороздить океаны самые комфортабельные лайнеры, и ракеты устремятся к далеким мирам! Вы будете ездить в шикарных «мерседесах» и жить на дорогих виллах! Вас будут во всем мире встречать и провожать с оркестром, парадом и почетным караулом! И мы ускорим этот процесс во много крат! Леонид Палыч, мы нужны друг другу, потому что один без другого не можем. Давайте сотрудничать! Предлагайте свои условия! Ну же!

Калинич с презрением посмотрел в глаза академика и нехотя буркнул:

– Не знаю, как вы без меня, а вот я без вас прекрасно обойдусь.

– Леонид Палыч, пожалуйста, не принимайте поспешных решений, – вмешался Чаплия. – Впереди еще есть время. Подумайте, взвесьте все как следует.

Вслед за ним снова заговорил Бубрынёв:

– Сережа верно говорит, дорогой Леонид Палыч. Подумайте хорошенько. Все равно Вы в одиночку ничего не сможете. А мы имеем связи во многих сферах общества, будем Вам исключительно полезны. А не мы, так все равно Вам не обойтись без таких же. Структура нашего общества устроена везде одинаково. Как уж действовать с неизвестными личностями, от которых Вы не знаете, чего можно ожидать, так лучше сотрудничайте с нами. По крайней мере, мы для Вас предсказуемы в большей степени. Мы Вас знаем, ценим по

достоинству и, видит Бог, искренне уважаем. Здесь уместно вспомнить, что своя рубашка ближе к телу. Кстати, Вы можете не опасаться – мы готовы дать письменное обещание не претендовать на соавторство в ваших работах. Нас устроит, даже если Вы просто останетесь в институте. Пусть Ваши работы числятся за вами без никаких соавторов, но как за сотрудником нашего НИИ!

Ни слова не говоря, Калинич решительно и резко встал. Ни Бубрынёв, ни Чаплия больше его не удерживали. Калинич решительным шагом направился к выходу. Остановившись у самой двери, он обернулся и, преисполненный чувства собственного достоинства, сказал, чуть наклонив голову:

– Всего доброго, господа начальники. Честь – имею!

Когда тяжелая филенчатая дверь мягко и плотно затворилась за спиной Калинича, Бубрынёв, взмокший и покрасневший от гнева и коньяка, в припадке бешенства пухлым волосатым кулаком стукнул, что было силы, по краю стола и в сердцах выкрикнул:

– Кретин! Непрошибаемый!

Чаплия, не проронив ни слова, разлил по рюмкам остаток коньяка, и они, не сговариваясь и не чокаясь, залпом выпили все до дна.

XXVI

Калинич уже в который раз посмотрел на часы. Аня должна была прийти еще двадцать минут тому назад, а ее все нет.

Уж не случилось ли чего? Или они разминулись? Здесь, на платформе метро, в такой толчее это не мудрено. Чтобы не платить еще раз за вход, она любит назначать встречи прямо на платформе, если дальше предстоит опять ехать в метро. И убеждать ее бесполезно. Но что поделаешь? Зато когда он с нею, ему так хорошо!

Из тоннеля повеял ветер – это значит, что на подходе очередной поезд. Сколько их уже прошло, а ее все нет! Надо подойти к концу платформы – она должна ехать в заднем вагоне. Калинич занял удобную позицию, чтобы видеть все двери последнего вагона, и стал ждать.

Громыхая, подкатил и, заскрипев тормозами, остановился поезд. Открылись двери. Приехавшие высыпали на платформу. Уезжающие быстро заполнили свободные места внутри вагонов. Двери закрылись. Поезд ушел. Ани опять нет. Раздосадованный, Калинич отошел в сторону, чтобы не мешать выходящим, так как подкатил встречный поезд. В это время он услышал знакомый стук каблучков по граниту. С противоположного конца платформы, пробиваясь сквозь толпу, весело улыбаясь и махая рукой, к нему бежала запыхавшаяся Аня.

– Леня! Привет, дорогой, – сказала она, кидаясь в его объятия.

– Привет, Анечка. Что случилось? Я целых полчаса тебя прождал, – сказал Леонид Палыч, пытаясь ее поцеловать.

– Не целуй, не целуй, у меня макияж, – по-девичьи щебе-

тала она. – Прости за опоздание – неожиданно дети пришли, вот и задержалась.

– А почему ты не в заднем вагоне приехала? Мы же договорились.

– Ну, вышла на платформу – поезд стоит. А я, как ты понимаешь, опаздывала. Вскочила в ближайший вагон, то есть в головной. Приехала, смотрю, ты у хвоста моего поезда стоишь, нервничаешь, на часы поглядываешь. Я подбежала, чтоб тебя поскорее успокоить. И вот я здесь, – кокетливо сказала Аня.

От нее едва уловимо пахло какими-то нежными духами. Этот запах так гармонировал с Аниной внешностью и ее внутренним миром, что Калинич был твердо уверен, будто от нее и не могло пахнуть по-другому. По длинным коридорам перехода торопливо шагали пассажиры. Аня с Леонидом Палычем в общем потоке вышли на платформу соседней станции и остановились в ожидании поезда.

Калинич посмотрел на часы и присвистнул.

– Мы можем опоздать, Анюта.

– Ничего. Если что, посидим на галерке. В антракте перейдем на свои места, – оптимистично сказала Аня.

– Стоило ли брать дорогие билеты, чтобы весь первый акт сидеть на галерке, откуда ничего не видно и не слышно, – возмутился Калинич.

– Если ты такой Плюшкин, то нечего ходить с дамой в оперу. Сидел бы дома со своей Лидой, – пристыдила его Аня.

– Прости, я неудачно выразился, – смущенно оправдывался Калинич.

– То-то же!

Она назидательно подняла указательный палец и засмеялась. С превеликим трудом втиснувшись в вагон, они кое-как доехали до оперного театра и вышли на поверхность. У входа было на удивление мало народа. Они подошли к пожилой билетерше, и Калинич протянул ей заранее подготовленные билеты. Даже не взглянув на них, она произнесла «накатанную» фразу:

– Администрация приносит вам свои извинения – спектакль отменяется. Заболела солистка Елена Горностаева. Билеты можете сдать в кассу и получить деньги или сделать перенос на другой спектакль.

Раздосадованные, они вышли на морозный воздух.

– Вот оказия! – сказала Аня упадочным голосом. – Так хотела послушать Горностаеву в «Аиде» Верди! Первый раз попадаю в подобную ситуацию.

– Что ж, нет худа без добра. Пойдем пешком. Морозец всего четыре градуса – видишь термометр напротив? – показал Калинич в сторону фронтона здания на противоположной стороне улицы.

– Вижу. Пойдем хоть деньги назад получим.

– Да ладно, Бог с ними, – махнул рукой Калинич.

– Ну, у тебя рокфеллерские замашки! Ты что, всерьез озабочен тем, что я тебя Плюшкиным обозвала? – задорно спро-

сила Аня.

– Да есть малость, – кисло улыбнувшись, ответил Леонид Палыч.

– Пойдем к кассе, деньги на дороге не валяются. Тем более, нам они скоро – ох, как понадобятся!

Сдав билеты, они не спеша направились к Анинуму дому. Несколько минут шли молча. Потом Аня возобновила прерванный, было, диалог:

– Леня, расскажи мне все по порядку о недавнем разговоре с Бубрынёвым и этим... как его... забыла...

– С Чаплиёй, – подсказал Леонид Палыч.

– Да, да, с Чаплиёй! С Чаплиёй! Ха-ха-ха! – звонко захотала Аня, изобразив рукой чаплию и скорчив идиотскую рожу. – Интересно, почему у него такая фамилия? Как ты думаешь, его предки что, чаплии делали или торговали ими?

– А что это такое – чаплии?? – недоумевал Калинин.

– Ты что, и вправду не знаешь? А я-то думала, ты знаешь все! Чаплия – это такой инструмент в виде короткой деревянной палки с железным прихватом на конце, которым берут с печки горячие сковородки, не имеющие ручек, – пояснила Аня.

– А! Кажется, я знаю. У моей мамы была такая чаплия. Только называла она ее просто «хваталкой».

– А правильно – чаплия. Да ладно, дьявол с ней, с чаплиёй. И с предками этого прощелыги тоже. Так ты все-таки расскажи, а то тогда по телефону все как-то скомкалось, –

попросила она, прижавшись щекой к плечу Калинича.

Он снова ощутил аромат ее духов и от этого почувствовал себя безмерно счастливым. Собравшись с мыслями, Леонид Палыч стал в лицах подробно рассказывать сначала о совещании, потом об очередном застолье в кабинете у генерального директора и об их беседе. Аня внимательно слушала, изредка прерывая его рассказ задорным смехом и меткими комментариями. Обильно сыпал мелкий снег, заваливая дороги, тротуары и крыши домов. Мороз крепчал. Деревья оделись в белый наряд, а детвора высыпала на улицы и с шумом носилась, лавируя среди прохожих. Чувствовалось приближение Рождества. Как быстро люди, выросшие в условиях запрета всех церковных праздников в течение жизни трех поколений, привыкли к этим праздникам. Как будто их никогда и не запрещали!

– Так вот, как только Бубрынёв начал ублажать меня тем, что они с Чаплиёй больше не претендуют на соавторство, я сказал: «Честь – имею, господа!» и вышел вон из его кабинета, – закончил свой рассказ Калинич, когда они уже подходили к Аниному дому.

– Правильно! Так им, мерзавцам, и надо! Уже и на это согласны, крохоборы! А знаешь, что мне напомнили эти предложения Бубрынёва? Сцену из «Мертвых душ», когда Собакевич обращается к Чичикову: «Торгуйтесь, Павел Иванович, говорите настоящую цену!» – Она расхохоталась.

– Правда, похоже?

– Очень даже может быть, Анечка. Но только Собакевич – воплощение флегматичности, а этот весь, как адское пламя. Ты все верно понимаешь, умница ты моя! Как приятно, когда тебя понимают! По-настоящему это может оценить только тот, кого мало понимали или не понимали совсем в течение долгих лет, – сказал Калинич, когда они были уже у самого подъезда.

– Ну, вот и пришли, – сказала Аня и остановилась у двери.

– Ты не приглашаешь меня сегодня? – с грустью в голосе спросил Леонид Палыч.

– А до какого времени ты сегодня свободен? – поинтересовалась она.

– Если не возражаешь, я заночую у тебя. Так как, ты согласна?

– Ну, уговорил, уговорил! Как же я могу против тебя устоять? – с колдовской улыбкой сказала Аня, нажимая кнопки кодового замка.

Как всегда, у Ани было тепло и уютно. Она заходила готовить ужин и поставила на стол тонко нарезанную колбасу, сыр, салат из свежей капусты, маринованные маслята и жареную рыбу.

– Что будем пить? – спросила она. – Есть коньяк, что остался с прошлого раза, портвейн и шведская водка.

– Анюта, давай ничего не пить. Я устал от этих бесконечных застолий. Лучше посидим как люди, пообщаемся и завтра встанем с чистыми головами, – предложил Калинич.

– С удовольствием. И вообще с этой традицией неплохо бы покончить. Возраст уже не тот, – поддержала его Аня.

– Пожалуй, – согласился Калинич. – Разве что на праздники или по какому-нибудь чрезвычайному случаю. Вот только от пивка не могу пока отречься, особенно с вяленой воблой. Ух!

Калинич сжал кулак, будто держа в нем эту самую воблу, и темпераментно потряс им.

– Но это, говорят, еще вреднее, чем водка. Особенно для почек.

– Очень даже может быть. Но все равно. Лучше раз напиться горячей крови, чем триста лет клевать мертвечину. Так, кажется, говорится в той самой притче? Главное, не злоупотреблять, – многозначительно сказал Калинич.

– Дело в том, что в понятие «злоупотреблять» каждый вкладывает свой сугубо субъективный смысл, которым часто варьируют, кто как хочет. Так что без ограничений тут не обойтись, – заключила Аня, садясь за стол.

Они приступили к трапезе. Аня ела спокойно, не спеша, тщательно пережевывая каждый кусочек. Калинич наоборот, ел быстро и беспорядочно, все время запивая компотом из большущей массивной чашки, которую Аня купила специально для него. Раньше она удивлялась его привычке запивать и советовала бороться с нею. Но Калинич категорически возражал: «Как видно, у меня вырабатывается недостаточно слюны. Поэтому пища без жидкости кажется мне

сухой, и я вынужден понемногу запивать, чтобы хоть как-то ослабить этот дискомфорт.»

– Анечка, ты такая умная женщина, но сейчас говоришь что-то явно не то. Так можно договориться до того, что жить следует вечно в сплошных ограничениях. Но ведь тогда придется сконцентрировать на этом все свои внутренние силы и волей-неволей перестать ощущать саму жизнь, ее полноту и прелесть, – возразил Калинич после глотка компота. – Ограничения всегда и во всем накладывает сама жизнь.

Она засмеялась.

– Интересно, в чем и как тебя ограничивает жизнь?

– Во всем, абсолютно во всем. А ограничивающие факторы на каждом шагу. И главный из них – отсутствие денег. Вот, я хотел бы питаться в ресторане, одеваться не хуже нашего академика, пить только французские коньяки да шампанское, жить в собственном особняке. Ан-нет, не по карману. Хотел вот еще поставить очередной эксперимент, а детали, приборы и материалы купить не на что. Придется теперь как-то выкраивать, экономить, на чем только можно, в том числе на пропитании, одежде, театральных билетах и прочих излишествах.

– Кстати, о деньгах. У меня есть одна идея, – сказала Аня, сдирая золотистую шкурку с кусочка жареной рыбы.

– Шкурку не выбрасывай – я доем.

Ловким движением вилки Калинич выудил из ее тарелки шкурку и тут же отправил в рот. Несколько секунд они мол-

ча жевали. Потом Калинич как бы между прочим поинтересовался:

– Какая идея, Анюта?

– Я, конечно, в твоей науке ничего не смыслю, но позволь узнать. В доме ученых тебя спросили, можно ли построить прибор, который будет воссоздавать копии предметов. И ты сказал, что можно, притом не очень сложно, даже переделать твою телепортационную установку в такой прибор. Это действительно так? – спросила она, извлекая из деревянного стакана цветастую бумажную салфетку.

Калинич, недоумевая, посмотрел на Аню. Не спеша положил в рот остаток печенья и с наслаждением запил последним глотком кисло-сладкого компота. Он отодвинул чашку и тщательно вытер салфеткой губы.

– Хорош компот! Да, Анюта, именно так. А в чем, собственно, идея?

Его вопрос приободрил Аню. Она оживилась и тут же спросила:

– А как дорого это нам обойдется и сколько для этого нужно времени?

– Если использовать уже имеющиеся у нас боксы, то денег потребуется относительно немного. Главное – программы. Придется основательно расширить пакет, который используется в уже имеющейся системе. Но это в мои планы на ближайшее будущее никак не входит. Надо построить новую линию телепортации. Таковую, чтобы можно было исполь-

зовать в хозяйстве. Для транспортировки, скажем, с базы в сеть магазинов таких изделий, как бытовые электроприборы или что-то в этом роде. Тут главное – сделать, а потом можно и говорить о конкретном применении. Тогда у нас и деньги, я думаю, появятся. Не спорю, репликатор – дело перспективное, но это уже вторая, более высокая ступень. В мою программу-минимум не входит. Не все сразу, дорогая моя Анюта, – мягко возразил Калинин.

– Подожди, не души меня, пожалуйста, своими возражениями, не выслушав до конца идеи, – увлеченно сыпала она словами. – А идея вот в чем. Если у нас будет этот самый репликатор, то наше дело примет совершенно иной оборот. Мы сможем без никаких спонсоров, меценатов, инвесторов или кого-то там еще получать деньги в любом количестве! Понял?!

– Да что же тут не понять? Ты предлагаешь реплицировать денежные купюры. Прости меня, Анюта, но это уже криминал. Прокурорам ведь все равно, отпечатаем мы фальшивые деньги в домашней типографии, на специальном принтере или скопируем на атомном уровне с помощью репликатора. Не знаю, как ты, а я хочу провести остаток жизни на свободе. Давай-ка лучше подумаем, как нам поскорее заработать денюжки легальным путем. И желательно так, чтобы при этом не пострадал, а наоборот, утвердился мой приоритет.

Калинин произнес эти слова, механически размазывая чайной ложкой по блюдцу кроваво-красные капли компота.

Аня отобрала у него ложку и небрежно швырнула на дно мойки, отливающей голубовато-стальным блеском в свете яркой лампы повышенной экономичности.

– Фальшивые деньги, Ленечка, это действительно криминал. А вот копирование, скажем, дорогих ювелирных изделий – это уже не преступление, а производство материальных ценностей. Погоди-ка минуточку, я сейчас.

Аня встала из-за стола и, наскоро ополоснув под краном руки и вытерев белоснежным накрахмаленным полотенцем, побежала в комнату. Через пару минут она вернулась и протянула Калиничу желтую монету.

– Это империял, – сказала Аня, почему-то перейдя на шепот. – Отчеканен в тысяча семьсот пятьдесят седьмом году при императрице Елизавете Петровне. Более двенадцати граммов золота девятисотой пробы! Мне его подарила прабабушка незадолго до своей смерти. Как, по-твоему, сколько он стоит?

Калинич повертел в руках увесистую монету и бросил на пластиковую поверхность стола. Монета со звоном подскочила, потом еще и еще раз и, подпрыгнув пару секунд на месте, успокоилась. Он снова взял ее, посмотрел с обеих сторон, подбросил и поймал, словно играя в орла-решку, и вернул хозяйке.

– Похоже, настоящая, – неуверенно сказал он. – Мне кажется, долларов на пятьдесят потянет.

– Даже больше. Я знавала. Так вот, если бы мы мог-

ли растиражировать ее в энном количестве экземпляров, то смогли бы кое-что приобрести. В том числе открыть приличный счет в банке и создать свою фирму, проводящую научные изыскания в нужном нам направлении, укомплектованную соответствующими кадрами, – многозначительно сказала Аня, увлеченная своей идеей.

– Что ж, идея заманчивая, – согласился Калинич. – Надо все как следует взвесить.

– Да что тут взвешивать! – воскликнула она в сердцах и так взмахнула рукой, что выронила монету.

Империял со звоном покотился по полу и исчез под холодильником.

– Тише, тише, Анечка. Не так темпераментно. Столь серьезные дела надо решать на холодную голову, – сказал Калинич, извлекая веником из-под холодильника монету. – На, возьми прабабушкин подарок и снова спрячь подальше – туда, где был.

– Успею, не переживай. Так как насчет твоего этого... как его... репликатора? Будем делать или подождем, пока твоим новшеством заинтересуется государство? Или, может, пойдем на альянс с Бубрынёвым и иже с ним, которые тебя все равно, в конце концов, додавят – возьмут не мытьем, так катаньем?

Аня говорила страстно, увлеченно. Ее глаза горели азартом.

– Ну, допустим. Допустим, мы сможем построить репли-

катор и наделаем кучу золотых червонцев. Дальше что? Как ты намереваешься превращать их в денежные знаки? Торговать ими на базаре? – снисходительным тоном спросил Калинич.

– Можешь на сей счет не беспокоиться – это я беру на себя. Ты только сделай, сделай! Главное, чтобы были империялы или другие ценности, а в этой финансовой кухне мы как-нибудь разберемся. Существуют скупочные пункты, ломбарды и банки, в конце концов. У меня есть знакомые, которые разбираются в таких делах и имеют соответствующий опыт. Заплатим – будь уверен, помогут. Итак, что скажешь, Леня?

Аня замерла в ожидании ответа, не отводя от Калинича азартного взгляда.

– А ты азартен, Парамоша! – со смехом сказал Калинич, прижимая ее к себе с намерением поцеловать.

Но Аня высвободилась из его объятий и затараторила, как одержимая:

– Что ты все шутишь, притом так банально? А мне вот не до шуток! Это серьезное дело, Леня! Деньги – мощный инструмент для достижения цели в нашем обществе. И ключ ко многому. Так будем работать или нет? – не отставала она. – Говоришь, основная часть работ – это написание и отладка программ? Нам что, первый раз это делать? Я днем и ночью пахать буду! Это же путь к свободе и независимости, Ленечка! Я верю в тебя, я нисколько не сомневаюсь в том, что если ты построил систему телепортации, то репликатор тоже

построишь! Я готова идти ва-банк и заложить под это дело все, что имею! Ну, так что, работаем? Да не молчи, не молчи только!

– Ты так страстно убеждаешь, что мне просто ничего другого не остается. Хотя – не скрою – до сего момента я жил в среде других идей. Теперь из этой среды мне предстоит выкарабкаться и окунуться в новую. Мне это нелегко. Очень даже нелегко. Я человек инертный. Но не беда – перестроюсь как-нибудь с Божьей помощью, – сказал Калинич, нежно глядя ее роскошные волосы, отливающие каким-то особым блеском.

– Не с Божьей, а с моей. Всем нелегко, – сказала она. – А чтобы тебе было легче это сделать, давай прямо сейчас наметим план наших действий.

Калинич посмотрел на часы.

– Уже поздно, Анечка. Давай спать – утро вечера мудренее.

Он попытался встать из-за стола, но Аня снова усадила его на место.

– Сейчас пойдем. Через полчаса, Леня. Сон от нас никуда не денется. Тем более, что завтра выходной. Я мигом. Только принесу бумагу и авторучку. Давай начнем прямо сейчас. Начать – это главное. Лиха беда начало!

Она взяла прабабушкин империал и побежала в комнату.

XXVII

Они отправились спать около трех ночи. Калинич умо-

стился поудобнее и закрыл глаза в надежде, что вскоре придет сон. Но спать никак не хотелось. Перед глазами проплывали бумаги, планы, формулы, конструкции электронных блоков, золотые червонцы, туманные образы Ани, Лиды, сыновей, а также Бубрынёва, Чаплии и прочих коллег. Они делали ему какие-то предложения, укоряли его, в чем-то обвиняли, хвалили, высмеивали на разные лады. Калинич с ними спорил, возражал, ругался и порой то в чем-то соглашался, то от чего-то отказывался, злился, расстраивался, досадовал. Он ворочался, пытаясь устроиться поудобнее, но это у него никак не получалось. Иногда ему удавалось занять такое положение, в котором он вроде бы чувствовал себя комфортно, но через короткое время ему снова хотелось лечь иначе. И Калинич опять переворачивался.

– Леня, почему ты не спишь? – спросила Аня бодрым голосом.

– Не могу, – ответил Калинич, с готовностью поддерживая беседу. – Думаю о предстоящей напряженной работе. Прокручиваю в уме разные варианты. А ты почему?

– Пытаюсь представить себе, как мы с тобой будем утрясать наши дела, когда заработает твой репликатор.

Аня придвинулась к нему поближе.

– Мы купим какое-нибудь солидное здание, желательнее в центре города, отремонтируем его, устроим там тебе и мне по кабинету, а еще лаборатории, мастерские, конференц-зал. Ты пригласишь к себе на работу классных специалистов. Ду-

маю о том, как побыстрее завершить задуманное, – мечтала она вслух.

– Э-хе-хе... мечты-мечты, где ваша сладость... – полушутя сказал Леонид Палыч. – Анюта, тут есть еще одно «но». Подумай, ведь если пустить в оборот средства, полученные с помощью репликатора, нами не могут не заинтересоваться налоговые службы. Любые доходы, тем более столь значительные, должны облагаться налогами. Иначе – это уже криминал.

– Заплатим, если надо будет. Найдем специалистов, юристов, адвокатов, бухгалтеров. Были бы только денежки, – оптимистично сказала Аня. – Тогда, я думаю, и Лида твоя, наконец, уgomонится. Перестанет тебя третировать.

– Кстати, о Лиде. Хватит бы уже нам прятаться от нее да от людей. Пора, наконец, мне официально развестись с Лидой и переехать к тебе, чтобы юридически оформить наши с тобой отношения.

Аня прижалась к нему еще теснее и, как и раньше, ответила отказом на предложение Калинича:

– Леня, да зачем это нужно? Скандалы, слезы, упреки и еще Бог знает какие действия с ее стороны. Что, собственно, тебя не устраивает в наших нынешних отношениях?

Калинич обнял ее и нежно поцеловал. Ее тело, еще не утратившее упругости, было чуточку прохладнее, чем его, и он ощущал от этого особое блаженство, когда привлекал ее к себе. Он гладил ее по спине, по плечу, по шелковистым

волосам, испытывая неповторимое наслаждение. Как он был бы счастлив, если бы они всегда были вместе! Он повернул к себе ее лицо, и она ласково улыбнулась.

– Анята, дорогая, – заговорил он вполголоса, – наши нынешние отношения некоторые уже пытаются использовать для шантажа, для выставления в качестве причины семейных неурядиц и прочего. Кроме того, мне надоело придумывать дома всякие уловки. И, что самое главное, мне нужна твоя постоянная близость. А с некоторых пор нас еще объединяет и общая работа. Никак не пойму, почему ты так упорно противишься? Другие женщины в подобных случаях наоборот, требуют развода, хотят непременно узаконить близкие отношения. Странная ты, ей-Богу. Скандалы, слезы, упреки – это, конечно же, неизбежно. Но хирургических операций без боли не бывает. А развод – это своего рода хирургия. Боль терпеть неприятно. Согласен. Зато потом наступает облегчение.

В ответ Аня замотала головой и тихо прошептала:

– Нет-нет, я не хочу становиться твоей женой. Так время от времени я дарю себя тебе. А мне нравится делать тебе подарки, тем более – такие. Я вижу, что тебе они приятны. От этого я тоже чувствую себя счастливой. Но если ты на мне женишься, я стану твоей постоянной принадлежностью, твоей вещью, собственностью. И мне это не очень импонирует. Я тебе приемся, как черный хлеб, и лишусь счастья дарить тебе радость наших встреч. Кроме того, я так же, как и твоя

Лида, насыщена недостатками, которые при постоянном общении неизбежно проявят себя, как подводные камни у тихого песчаного берега, и начнут тебя раздражать, что непременно приведет к отчуждению. А я так боюсь потерять тебя! К тому же, мне жалко твою Лиду...

Калинич перебил ее, не желая выслушивать дальнейшие возражения.

– Глупости, Анечка. Ты ж у меня такая умница, но сейчас городишь сущую чепуху. Когда человека любишь, то все его достоинства ставишь на первое место, а недостатки зарываешь поглубже или игнорируешь вовсе, не замечаешь их, и все. А просто так мириться с чьими-то недостатками – это так тяжело! Что же касается Лиды, то тут чувство жалости совершенно неуместно. Она и ее мудрейшие родители отравили всю мою молодость, перегадили мне, можно сказать, жизнь. Я только теперь, наконец, уразумел, что она никогда меня не любила. Никто из их распрекрасного семейства не видел во мне человека, не понимал, что все приобретения делаются со временем. У одних раньше, у других позже – в соответствии с индивидуальными способностями. Все реальные цели рано или поздно достигаются, если трудиться как следует. Но они хотели, чтобы я сразу же после женитьбы «сорвал весь банк»: обеспечил Лиду и квартирой, и дачей, и деньгами, и транспортным средством, и заграничными поездками, и всем, о чем только они помечтают. Как по шучьему велению. Это все равно, что родить ребенка и требо-

вать, чтобы он сразу стал взрослым. От них я слышал только упреки, подковырки, презрительные насмешки, издевательские словечки. Это травмировало меня до глубины души, из-за этого я постоянно пребывал в состоянии стресса. И это несмотря на то, что рос я по работе тогда довольно-таки быстро. Ныне покойный академик Шилянский Кузьма Кондратьевич относился ко мне с симпатией и считал меня перспективным молодым ученым. Он помог мне получить жилье в тридцать два года, что они также восприняли с насмешкой – мол, слишком поздно. И моя зарплата кандидата наук казалась им слишком маленькой. Они заседали на меня, с тем чтобы я ушел из науки «туда, где платят нормальные деньги». Тесть даже предлагал устроить меня могильщиком для того, чтобы я сначала «зашиб там нормальную денюгу?», а потом шел «в свою науку или куда там еще». Лида вела себя соответственно. Было бы впору развестись, но дети... Потом, когда у нас уже было жилье, обстановка, машина, гараж и дача, они требовали, чтобы я сидел около жены, мыл полы, вытирал пыль, ремонтировал квартиру, копался в земле на даче, возился в гараже с автомобилем и так далее. При этом они хотели, чтобы я еще и где-нибудь подрабатывал. Особенно во время отпуска. Даже находили мне какие-то левые работы. «Халтуры», как любил выражаться ныне покойный тесть. Своими куриными мозгами они не в состоянии были понять, что работу нужно любить... Но у меня на уме всегда была только моя наука. В результате они и детей на-

ших воспитали в отношении ко мне как к полному ничтожеству. Если бы была возможность, я предостерег бы всех холостых мужчин от упрямых и соблазнительных женщин. На что же ты хочешь меня обречь на весь остаток жизни? Я им не жертвенное животное, чтобы позволить положить себя на алтарь. Пойми, когда я встретил тебя, которая с первого взгляда разглядела во мне то, чего они так до сих пор и не увидели, я впервые почувствовал себя полноценным человеком. Уже только за то, что ты уважаешь во мне человека, тем более веришь в меня как в ученого, поддерживаешь в трудную минуту, вдохновляешь и побуждаешь к деятельности, я готов априори мириться со всеми твоими недостатками...

Аня ласково улыбнулась и закрыла ему рот своей маленькой ладошкой.

– Все, Леня, достаточно. Прекращаем. Разговор на эту тему портит нервную систему. Лучше давай подумаем, как нам поскорее построить репликатор. Лично я буду вкалывать день и ночь, чтобы сделать программы как можно быстрее. Рассчитываю и на твою активность. Ведь это же так заманчиво – добиться независимости от нынешней ужасной системы финансирования!

Она замолчала и, чувственно вздохнув, обняла и тепло поцеловала Калинича в шею. Потом перевернулась на спину. Несколько секунд они лежали молча. Калинич осторожно взял ее за руку и спокойно сказал:

– Желание легко разбогатеть, моя драгоценная Анечка,

всегда заманчиво. Но я его почему-то опасуюсь. Ничем хорошим это, как правило, не кончается. Для меня же привлекательно проверить свою идею репликатора. Вот я и хочу его построить как можно скорее. Поверь, не меньше, чем ты. Но быстрее, чем это возможно, мы все равно не сделаем. Как говорил мой ныне покойный учитель и наставник академик Шилинский Кузьма Кондратьевич, из литровой банки больше литра воды не выпьешь. Так что гнать картину не будем – лезть вон из кожи нам ни к чему. Как успеем, так успеем. На кой ляд нам спешка? Она мне на работе ух, как за всю жизнь осточертела! Не знаю, как ты, а я помирать в ближайшее время никак не планирую. Поэтому спешить нам, Анята, вовсе некуда. Хотя, кто знает?

– Леня, я, кажется, начинаю засыпать. Попробуем помолчать, – прошептала Аня, поворачиваясь на правый бок.

Калинич послушно замолк. Он с упоением слушал, как ее дыхание с каждым вздохом становится все глубже и ритмичнее. Минуту спустя она уже сладко посапывала во сне, а еще через четверть часа сон объял и его.

XXVIII

Время мерно отсчитывало мгновения, выстраивая их в цепочку секунд, минут, часов, суток, недель... Близились лето. Калинич продолжал трудиться в институте. Бубрынёв и Чаплия держались с ним официально, соблюдая дистанцию. Ни тот, ни другой больше не возвращались к разговору о телепортации. Самостоятельного отдела научного поиска реши-

ли не организовывать. Но в трех существующих отделах, в том числе и в отделе Чаплии, были созданы поисковые секторы. От официального участия в поисковых работах Калинич категорически отказался. Заведовать новым сектором поручили молодому кандидату наук – толстяку Диме. И он рьяно принялся исполнять свои новые должностные обязанности. Направление поиска было «закрытым», однако Юра Шелковенко сказал Леониду Палычу под большим секретом, что Чаплия велел Диме бросить все силы на решение задачи телепортации. «Если старик Калинич это сделал, то решение существует, – говорил Диме Чаплия. – А эта информация – уже полдела. Сделал он, сделаем и мы. Чем мы, Дима, в конце концов, хуже? Нужна только соответствующая эрудиция. Так что нарабатывай ее, Дима! Нарабатывай! Теснее общайся с Калиничем, где только можно: в отделе, в курилке, на застольях, на отдыхе. Он свои тайны долго в секрете не удержит. Опыт охраны секретных сведений говорит, что это невозможно. И мы должны быть готовы воплотить их в жизнь тут же, немедленно. Нужно почаще привлекать его к участию в семинарах, к решению близких задач и тому подобному. Он очень честолюбив и рано или поздно проговорится, чтобы показать себя. Вот тут-то мы и схватим быка за рога! А потом он уже не сможет угнаться за нами, потому что у нас есть то, чего нет у него: госбюджетные деньги и штат квалифицированных сотрудников. И помни, что для победы все средства хороши!» Калинич только усмехнулся

да пожал плечами.

– Дай-то, Боже, нашему теляті, та вовка зїсти. Пусть стараются. А мы пойдем дальше своей дорогой, – прокомментировал Леонил Палыч информацию Шелковенко.

Все свободное от работы время Калинич посвящал созданию репликатора. Через полтора месяца один из боксов был уже полностью переоборудован, второй – почти завершен. Аня день и ночь корпела над программным обеспечением, последовательно отлаживая блок за блоком. Уйдя в работу, что называется, с головой, она перестала заниматься кухней и убирать в квартире, что было ей так несвойственно. «Запустим репликатор, – говорила она Калиничу, – закачу генеральную уборку, потом приготовлю отменный стол и созову кучу гостей!»

У обеих работа спорилась, как никогда. Калинич поделился с Аней сообщением Шелковенко и сказал, что он, узнав о намерениях Чаплии, немедленно удалил из своего рабочего компьютера всю информацию, сколько-нибудь касающуюся открытия. Аня предложила отвлечь внимание Чаплии дезинформацией. Она принесла свои старые объемистые рабочие программы и порекомендовала переименовать их так, чтобы у Чаплии, Бубрынёва и их приспешников не возникало сомнений в том, что они относятся к телепортации и ничему другому.

– Пока они будут разбираться, что там да как, мы уже сделаем репликатор и обречем финансовую независимость, –

сказала Аня, и Калинич, как всегда, согласился с нею.

Примерно через месяц-полтора Калинич планировал завершить работу над репликатором. Дома он появлялся все реже и реже, не вдаваясь ни в какие объяснения с Лидой. Чтобы избежать упреков в том, что ему здесь готовят, дома он ел только то, что покупал в магазине. А стирку и глажку добровольно взяла на себя Аня. Наскоро поужинав, он клал в холодильник то, что осталось, смотрел вечерние телевизионные новости, а потом садился за свой ноутбук и работал до поздней ночи в таком месте, где он никому не мешал и где никто его не тревожил. Чаще всего на кухне. Была пятница, и Калинич пришел домой около шести вечера. В квартире не то, чтобы было накурено, но ощутимо пахло сигаретным дымом. Леонид Палыч не курил, а вот его старший сын Петя покуривал. Лида терпеть не могла табачного дыма и никому из гостей курить в квартире на позволяла, но Пете она никогда и ни в чем не могла отказать.

Сбросив в прихожей ботинки и повесив куртку на вешалку, Леонид Палыч, не найдя на месте своих шлепанцев, в носках прошел на кухню, откуда доносились приглушенные голоса. За столом сидели Лида, Петя, Гена и теща, которой, казалось, износу не было. При его появлении они смолкли, прервав разговор на полуслове. Гена сидел в его шлепанцах, а Петя – в его теплых тапочках, бесцеремонно примяв задники, чего Калинич терпеть не мог.

– Добрый вечер, – смущенно поздоровался Леонид Па-

лыч.

– О-о-очень добрый, – с шамканьем пропела теща и, кряхтя, поднялась из-за стола. – Яви-и-ился, красавец. Видно, крупный слон в лесу подох, коль так рано домой пожаловал.

Несмотря на свои восемьдесят восемь, она еще бодро бегала по квартире, даже иногда протирала шваброй пол, кое-что готовила, самостоятельно ходила за покупками в ближайший магазин и люто ненавидела Калинича, как и тридцать лет тому назад. Опираясь на палочку и что-то бормоча себе под нос, она ушла в свою спальню, одарив на прощанье Калинича злобным ненавидящим взглядом.

Кроме тещи, никто не ответил на приветствие Калинича. Лида тихо всхлипнула и вытерла глаза носовым платком.

– Думали, ты опять не придешь, – сказала она тоном оскорбленной невинности. – Ну, раз пришел – садись. Поговорим по душам.

Калинич отодвинул стул, на котором только что сидела теща, чтобы исполнить ее просьбу, но сквозь носок ощутил на полу что-то мокрое, так как вступил в какую-то лужу. Калинича давно уже перестали шокировать остатки пролитой воды, чая, компота, супа и прочих кухонных жидкостей, которые ни Лида, ни теща не считали нужным вытирать ни на полу, ни на столе и вообще нигде. Лужи высыхали, а потом и пол, и стол делались липкими, жирными, шершавыми или скользкими. Давно уразумев, что просить о чем-либо жену или тещу абсолютно бесполезно, Калинич привык сам вы-

тирать все пролитое. Но чтобы пол и стол были хотя бы в первом приближении чистыми, ему нужно было бы постоянно ходить за ними с тряпкой. Их обеих ужасно злило, если Калинич принимался что-либо вытирать, но он не мог переносить, когда обувь прилипала к полу или скользила по его жирной поверхности, и молча делал свое дело. Он и на этот раз брезгливо поморщился и направился за половой тряпкой.

– Куда же ты? Нет уж, садись, голубок. Дети хотят поговорить с тобой. В который раз уже приходят, а застать тебя никак не могут. У нас не папа, а какой-то неуловимый Ян, – сказала Лида с издевательской улыбкой.

Калинич остановился у кухонной двери.

– О чем говорить? Все уже столько раз говорено-переговорено, а воз и ныне там. Вот, сколько я просил вытирать пол, когда что-либо прольете, а вы никогда этого не делаете, разносите грязь по всей квартире и даже не замечаете этого. Я вошел сюда в носках и тут же вступил во что-то сладкое – приклеился к полу. Вам трудно вытереть – не вытирайте, но хотя бы не мешайте делать это мне, – с отвращением сказал Калинич и вышел.

– Вот так всегда! Каждый раз, лишь только он появляется, как ясно солнышко, тут же принимается пить из меня последнюю кровь, – рыдая, вслед ему сказала Лида.

Калинич сменил носки, разыскал в обувном ящике свои старые тапочки, обулся и пошел за тряпкой. Войдя в кухню,

он вытер лужу у стола и хотел было отнести тряпку на место, но его остановил Петя:

– Да перестань хоть сейчас издеваться над мамой! Сядь – поговорим. Эти твои демонстрации у меня с детства вот где, – раздраженно сказал тридцатидвухлетний Петя, проведя ладонью по горлу. – Всех извел!

Калинич в раздражении швырнул тряпку в угол и сел на стул. Он с трудом взял себя в руки и спокойно сказал:

– Ты кричать на меня пришел? Может, и по физиономии съездишь? Зелен еще, милоч. Посмотри на мои седины и вспомни, кем я тебе довожусь.

– Да с тобой разве можно иначе? Тут ведь железные нервы не выдержат! – раздраженно ответил Петя.

– А ты считаешь, что только у тебя нервы? У меня, по-твоему, их нет? Или как? – с деланным спокойствием спросил Леонид Палыч.

– Наверное, «или как»... – начал было Петя, но его остановил Гена.

– Петька, перестань. Мы не скандалить сюда пришли. Папа, мы хотим с тобой серьезно побеседовать, – сказал он.

– Только с тобой, Гена, здесь еще и можно беседовать, – уныло сказал Леонид Палыч. – У меня такое ощущение, как будто ты не младше Пети на пять лет, а лет на десять-пятнадцать старше. Говори, я слушаю.

Лида опять заплакала, и Петя обнял ее за плечи.

– Мамочка, перестань. Пожалуйста, мамочка. Мы с тобой.

Мы не дадим тебя в обиду, успокойся, – сочувственно говорил Петя, поглаживая ее по вздрагивающей спине.

Она замолчала, вытерла глаза мокрым от слез носовым платком, высморкалась в него и, обняв Петю за талию, презрительно посмотрела на Калинича.

– Папа, почему ты в свои пятьдесят восемь рушишь семью? У тебя только начала налаживаться карьера, а ты от нее отказываешься. И маму огорчаешь к тому же, – удрученно спросил Гена.

– Видишь ли, Генчик, все обстоит совсем не так, как тебя информировали. Никакая карьера у меня не складывается. Просто такие проходимцы, как Бубрынёв и Чаплия, узнав о моем ноу-хау, захотели погреть на нем руки. Предлагают в обмен на соавторство должностной рост на старости лет. Такой обмен я считаю далеко не эквивалентным. Да на коей черт он мне теперь, этот должностной рост? Лишние хлопоты, только и всего. Болячка с чирячкой, – сказал Леонид Палыч с сарказмом.

– Ну, папа, так нельзя. Это уважение окружающих, хорошая зарплата, известность. Ты же не один живешь, в конце-то концов. А мама? А мы с Петькой? На нас тоже по-другому смотреть будут, если ты приобретешь солидный вес у себя в институте. Что ни говори, а детям авторитетных родителей карьеру делать легче. Ты это знаешь не хуже меня – сам мне когда-то говорил об этом. У Бубрынёва моща и сила, поэтому следует быть на его стороне. Воевать с ним опас-

но. Тут нужен какой-то компромисс, соломоново решение, – сказал Гена, завораживая отца своей теплой улыбкой.

– И маму так обижаешь! Если с ней что-то случится, мы тебе этого не простим, ты это понимаешь? – неуклюже влез в диалог Петя.

Калинич метнул на него гневный взгляд и нервно выпалил:

– Кто тебе сказал, что я кого-то обижаю? Никого я никогда не обижал! Вот ко мне относились и продолжают относиться неподобающим образом, так этого ты не видишь? Слепнешь в таких случаях, что ли?

– Ты параноик! Мама всю жизнь только и делала, что заботилась о тебе! А ты причины для ссор выискивал все время, сколько я себя помню! Вечно чего-то там от нее требовал! То пол тебе не так вытерли, то бутылку не закрыли! А сейчас еще и спутался с этой прошмандовкой! – выкрикнул Петя.

– Что? Что ты сказал? А ну-ка повтори, стервец! – разъяренно заорал Леонид Палыч, вскакивая со стула.

Петя тоже вскочил и, сжав кулаки, двинулся на отца.

– Папа! Петька! Прекратите! – закричал Гена, поспешно вклиниваясь между ними.

Петя сел на прежнее место и в сердцах хлопнул о стол ладонью с криком:

– Всех опозорил! Он меня сединами своими давит! Сиди на в бороду, а бес в ребро! Это точно о тебе сказано! Ты ду-

маешь, мы не знаем, что ты дни и ночи пропадаешь у этой шкидры?!

– Не твое дело, сморчок зеленый! Ты, мерзавец, на отца кричать вздумал?! И не смей оскорблять эту святую женщину! Она спасла меня на старости лет! Это она помогла мне совершить эпохальное открытие! Рядом с нею я впервые почувствовал себя человеком! Это она поддержала меня в трудную минуту! Она единственная оценила мой интеллект, мой талант ученого и снисходительно отнеслась к моим недостаткам! В конце концов, она уважает меня как личность! Понял, негодяй?! – вскричал Калинич в исступлении и внезапно почувствовал, как у него за грудиной судорожно сжался тугой, тяжелый, жгучий ком.

Калинич бессильно опустился на стул, схватившись за грудь.

– Ладно, полно тебе играть, артист! Разжалобить хочет! Не выйдет! Да веди же ты себя как мужчина! Тоже мне – личность! – с презрительной усмешкой сказал Петя.

У Калинича от боли, обиды и возмущения застучало в висках. Глаза застлала красно-серая мгла, руки сделались тяжелыми, ноги ватными. Шум в ушах заглушил все окружающие звуки.

– Ну и негодяй же ты... – не сказал, а промычал Калинич, теряя сознание.

Он уронил голову на стол и начал медленно сползать на пол. Гена подхватил его под руки, пытаясь снова усадить на

стул, но почувствовал, что тело отца обмякло и безжизненно съезжает вниз, словно мешок с песком.

– Да оставь его, Генка! Пусть повалится, артист! Не мужеством, а жалостью берет. Ничтожество! – презрительно бросил Петя.

Но Гена закричал в испуге:

– Где нашатырный спирт?! Нашатырный спирт! Срочно! Скорую! Да вызовите же скорую! Труп отца будет на вашей совести!

Лида с каменным лицом медленно, очень медленно не пошла, а подплыла к аптечке и с олимпийским спокойствием принялась методично шарить в ней, неторопливо передвигая пузырьки туда-сюда. Демонстративно спокойной походкой она чинно продефилировала в комнату и вернулась с очками. Нарочито медленно она надела их на нос и стала, не торопясь, внимательно читать этикетки на пузырьках со снадобьями.

– Мама! Да ты дашь, наконец, нашатырный спирт?! Петька, скорую! Папа без сознания, не видите?! – надрывно кричал Гена.

– Тише, Геночка. Ради Бога, не кричи так – у меня голова болит. Не стоит он того. Он артист – Петя верно говорит. Притворяется, – медленно, как по нотам процедила Лида, протягивая, наконец, Гене долгожданный пузырек с нашатырным спиртом.

Петя подошел к телефону и тоже неторопливо набрал

ноль – три.

– Алло, скорая? Тут вроде человеку плохо. Так, за сердце схватился, глаза закрыл и со стула падает. Калинич. Леонид Павлович. Пятьдесят восемь недавно исполнилось. Адрес...

Гена попытался вынуть из пузырька пробку, но она никак не поддавалась. Сломав ноготь, он схватил лежащую на столе вилку, откупорил, наконец, с ее помощью пузырек и поднес к носу отца. Тот неподвижно полулежал на стуле, откинув голову на спинку, никак не реагируя на резкий запах аммиака. Дрожа от волнения, Гена приподнял ему голову и снова поднес пузырек. Через пару секунд отец завертел головой и, отвернувшись от пузырька, открыл глаза.

– Папа! Папа! Понюхай еще! Ну, еще разок! Вот так. У тебя нитроглицерин есть?! Где у тебя нитроглицерин, папа?! – пытался до него докричаться Гена.

Калинич, не в силах произнести ни слова, похолодевшей и белой, как мел, рукой с трудом дотянулся до брючного кармана и едва заметно постучал по нему пальцами. Гена достал из него пробирку с крошечными таблетками и сунул одну в рот отцу. Через минуту Калинич снова потянулся к таблеткам, и Гена положил ему в рот еще одну.

– Папа, тебе легче? Дать еще? – мягко спросил он.

Калинич отрицательно покачал головой и попытался сесть как следует. Гена поддержал его за плечи и сказал:

– Папа, дыши. Глубоко дыши. Тебе легче? Держись, сейчас скорая приедет. Ну, пойдем, я тебя до кровати доведу.

Дойдешь?

Гена помог ему подняться и, обхватив за талию, повел в спальню. Дойдя до кровати, Калинич в изнеможении повалился на нее в одежде.

– Лежи, лежи, постарайся как можно меньше двигаться. Я раздену тебя, папа.

– Спасибо, сын, – прошептал Леонид Палыч, с трудом ворочая пересохшим языком.

Гена снял с него одежду и накрыл одеялом.

– Тебя не знобит?

– Нет, – ответил Калинич, пытаясь улыбнуться.

Из прихожей донеслись аккорды звонка входной двери.

– Ну, вот – скорая приехала. Сейчас тебе сделают укол, и ты уснешь. Все в порядке, папа! Держись молодцом! – подбодрил отца Гена и улыбнулся своей широкой искренней улыбкой.

XXIX

В субботу Калинич проснулся необычно поздно – около восьми часов – и некоторое время лежал, с трудом припоминая события вчерашнего вечера. Голова была как чугунная, шумело в ушах. «Это от медикаментов, которые мне вколол врач скорой помощи», – подумал Калинич и сел на кровати. Домашней обуви рядом не было, и он побрел в прихожую, шлепая босиком по холодному полу. Под вешалкой среди беспорядочно расставленной обуви стояли и его шлепанцы – правый слева, а левый справа. Калинич про себя крепко

выругался – он терпеть этого не мог. Сколько раз он просил и Лиду, и тещу не ставить так хотя бы его обувь, но они ни разу не удостоили вниманием ни единой его просьбы, в том числе и этой.

После утреннего туалета Калинич направился в кухню, где, пыхтя, возилась теща. На его приветствие она никак не прореагировала и продолжала возиться, что-то недовольно бурча себе под нос. Калинич открыл холодильник и взял полиэтиленовую бутылку с минеральной водой, чтобы промочить горло. Колпачок, как всегда, закручен не был и просто так прикрывал горлышко. Калинич снова про себя ругнулся, так как и об этом он неоднократно просил Лиду и тещу, но безрезультатно. Раздражали не столько их неряшливость и несоблюдение общечеловеческих норм, сколько упорное нежелание хоть сколько-нибудь считаться с его просьбами. За все тридцать три года их супружества Лида ни разу не уважила ни единой просьбы Леонида Палыча, даже самой пустячной. Калинич налил в стакан немного воды и сделал глоток. Газа в ней, естественно, не было и признака. Он сделал еще глоток, вылил остаток в мойку, прополоснул стакан и поставил в посудницу.

Калинич полез на антресоли и достал старую клетчатую дорожную сумку. Отерев ее влажной тряпкой, он поставил ее в прихожей и стал рыться в кухонном шкафу в поисках большого полиэтиленового мешка.

– Что ты там роешься? – недовольно проворчала теща.

Зная наперед, что любой его ответ теща непременно использует как повод для всевозможных упреков, укоров, подковырок и унижений, граничащих с оскорблениями, он воспринял ее вопрос как риторический и предпочел промолчать. Злобная старуха тихо пробурчала какое-то проклятие, а Калинич сделал вид, что ничего не расслышал в процессе поиска.

Найдя, наконец, то, что искал, Калинич отправился в спальню, закрыл за собой дверь и присел на прикроватную банкетку. Тещин вопрос, ее ненавидящий взгляд, бурчание и само ее присутствие оживили в нем воспоминания вчерашнего вечера. Они нахлынули, скорее, низверглись на него, словно разрушительная волна цунами, и вызвали бурю эмоций. Калинич ощутил головокружение и легкое подташнивание – предвестники приступа стенокардии, в которую никто из его семейного окружения упорно не желал верить. «Спокойно, Калинич, спокойно, – командовал он самому себе. – Ни в коем случае не допустить очередного приступа. Нитроглицерин... Где мой нитроглицерин?» Рядом на кресле валялись его измятые брюки. Калинич пошарил в кармане, но там нитроглицерина не было. Как видно, вчера он так и остался на кухне. Что делать? Идти на кухню? У кого-то спрашивать? Ни в коем случае. Нельзя показывать свою слабость, нельзя подавать им повода для насмешек. Калинич вспомнил, что у него была еще пробирка в кармане рубашки. Она оказалась на месте. Леонид Палыч достал крошеч-

ную таблетку и сунул под язык. Жар ударил в голову, и он начал успокаиваться. Кажется, приступ на этот раз удалось предупредить. Хорошо. Теперь можно собираться.

Калинич подошел к шифоньеру и распахнул дверцы. На него пахло нафталином и чем-то еще – резким и неприятным. В это время кто-то бесцеремонно открыл дверь, и в спальню по-хозяйски вошла Лида. За ее спиной маячила скрюченная фигура тещи.

– Чего ты здесь роешься? – процедила сквозь зубы Лида. – Что тебе там нужно?

– Пожалуйста, на меня не шипи. Хочу и роюсь. Я пока еще здесь хозяин, а не квартирант, – ответил он, стараясь сохранять спокойствие. – Лида, я хочу собрать свои вещи. Не мешай.

– Какие твои вещи? Здесь ничего твоего нет! Здесь все принадлежит мне, маме и детям! А ты... – она запнулась, – а ты здесь не известно кто! Постоялец какой-то!

– Тоже еще – хозяин нашелся, – проскрипела теща из-за Лидиной спины. – Ты тут ничего не наживал, бесстыдник.

– А кто же это все нажил? Уж не вы ли, Полина Дмитриевна? – не выдержал Калинич.

– Ты-то? – по-змеиному прошипела старуха. – Да ты не только старый бесстыдник, а еще и нахал бессовестный. На что ты семью содержал, на голую зарплату? Здорово с нее наживешь что-нибудь? Это мы все с покойничком нашим дедушкой вам приобретали. Хмм... он способен нажить. Да ты

всю жизнь свою только того и делал, что свои книги читал да циферки выводил. Только бумагу-то изморал. Корзинами сам выкидывал опосля!

– Ладно, мама, – прервала ее Лида. – Я сама с ним разберусь. Иди отдыхать.

– Как – иди? Как – иди, дочечка? А чкнётъ он тебя чем-нибудь да и скажетъ потом, что сама померла? – не отступала старуха.

– Мама... прошу тебя... иди в свою комнату, – сказала Лида сквозь рыдания.

Старуха повернулась и, кряхтя, заковыляла к двери своей комнаты, бормоча: «Окаянный... Вишь, как Лидочку-то расстроил... Опять до слез довел бедную, издеватель... Ковновал бесстыжий, чтоб тебе ни дна, ни покрывки!» Лида дерзко посмотрела на Калинича и выпалила:

– Ты еще долго будешь из меня кровь пить?! Как я тебя ненавижу! Знал бы ты, как ты мне противен, изверг рода человеческого!

Калиничу хотелось высказать все, что он думает и о ней, и о ее распрекрасной мамаше, и о ее покойном батюшке, и о том, какую жизнь он с ними прожил в течение тридцати трех лет, но он смолчал и, с трудом сдерживая порыв гнева, сказал:

– Лида, хватит друг друга мучить. Позволь мне, пожалуйста, забрать свои вещи и документы. Я уйду от тебя. Пусть квартира и все, что в квартире остается вам. Отдай мне мои

носильные вещи и документы, и мы расстанемся до нашей бракоразводной процедуры. Пожалуйста. Это моя последняя просьба.

– Да бери, бери свои паршивые ланцы! Подавись ты ими! Неси их этой грязной шлюхе! Катись колбасой отсюда! А твои драгоценные документы я тебе сама принесу сейчас! – рыдая, прокричала Лида в приступе ярости и выбежала из спальни.

Калинич плохо соображал. Он весь сконцентрировался на вопросе: что взять? Так. Зимние вещи – раз. Костюм – два. Пару свитеров – три. Нет, хватит ему и одного. Нижнее белье – четыре. Летние брюки и куртки – пять. Носки – шесть. Документы – семь. Что еще? Кажется, все. Одной сумки, пожалуй, мало. Нужно попросить еще одну, хоть и не хочется.

Вошла рыдающая Лида и протянула ему папку с документами.

– Вот. Возьми. Здесь все. И паспорт, и дипломы, и аттестат твой, и свидетельство о рождении, и документы твоих родителей, – сказала она, сморкаясь.

– Спасибо, Лида, – сказал он, кладя папку на дно приготовленной сумки.

– Проверь... а то потом... скажешь, что я тебя... обманула – чего-то недодала, – говорила она, рыдая.

– Я тебе всегда верил, – сказал он, складывая вещи в полиэтиленовый мешок.

– Верил... Хоть на прощанье не издевайся... – сказала Ли-

да, стрельнув в него гневным взглядом. – Только имей в виду, назад я тебя ни под каким видом не приму! Сдыхать под порогом будешь – не открою!

– Лида, дай мне еще какую-нибудь сумку для зимних вещей, пожалуйста, – попросил он.

– Возьми какую хочешь, – сказала она, падая на кровать лицом в подушку.

Калинич нашел в кладовке большую сумку из искусственной кожи, с которой они когда-то ездили отдыхать всей семьей в Анапу. Уложив в нее зимние вещи, Калинич с минуту постоял, подумал, все ли забрал. Решив, что все, он взял обе сумки, но потом остановился, достал из кармана свою связку ключей – от квартиры, дачи и автомобиля – и положил на кровать рядом с рыдающей Лидой. Он тихо тронул ее за плечо. Лида отмахнулась от него, как от назойливой мухи и залилась новым потоком рыданий.

– Ну, что ж, не хочешь на меня смотреть – не нужно. Так оно, может быть, и лучше. Спасибо тебе за все хорошее, что все же когда-то было между нами. Прости за то, в чем ты считаешь меня виноватым. Я ни на кого из вас никакого зла не таю. Возьми ключи. Ни на дачу, ни на автомобиль, ни на квартиру я не претендую. Ухожу, фактически, в чем стою. Я надеюсь, ты не будешь возражать против того, что я оставляю за собой компьютер и ноутбук? – спросил он и замер в ожидании ответа. – Мне потом их Гена привезет – мы с ним договоримся.

Лида продолжала рыдать, словно ничего не слыша. Калинич на мгновение замешкался. Он хотел присесть на дорожку, но передумал.

– Прощай, Лида. Обещаю никогда тебя больше не беспокоить, за исключением процедуры расторжения брака. Будут трудности – звони по мобилке. Буду помогать по возможности. Надеюсь, скоро у меня будет возможность помочь и детям, и тебе, и даже твоей маме. Пожалуй, все.

Калинич взял сумки и вышел в прихожую. Он снял с вешалки куртку, оделся, обулся в ботинки и поставил было шлепанцы на обувную полку под вешалку. Но потом постоял, подумал и втиснул их в большую сумку.

Он постучал в дверь тещиной спальни.

– Полина Дмитриевна! Заприте за мной, пожалуйста, дверь! – сказал Калинич на прощанье.

Кряхтя и охая, теща вышла из спальни и, со стуком опираясь на клюку, поковыляла вслед за Калиничем к выходу.

– Прощайте и будьте счастливы, Полина Дмитриевна, – сказал Калинич напоследок.

– Да пропади ты пропадом, аспид окаянный! Бессрамник бесстыжий! К шлюхе на старость лет! Чтоб ее, распутницу мерзкую, день и ночь босяки по грязным ночлежкам таскали! Пусть, пусть теперь она с тобой помучается, – злобно прошипела напоследок старуха и заперла дверь за теперь уже бывшим зятем.

Спустившись на один марш лестницы, Калинич остано-

вился, вынул мобильник и позвонил Ане.

– Анечка! Прости, что ставлю тебя перед фактом. Я еду к тебе. С вещами. Насовсем. Примешь? Так уж вышло, дорогая. Потом все расскажу, по порядку.

XXX

После переезда к Ане Калинич существенно преобразился. Впервые в жизни он почувствовал, как прекрасно жить на свете, когда никто тебя не корит и не упрекает по любому мелочному поводу, когда искренне ждут твоего прихода и поддерживают твои начинания. Он упивался тем, что Аня имеет те же, что и он, представления о хорошем и плохом, о важном и второстепенном. Аня руководствовалась примерно той же шкалой ценностей, что и сам Калинич. Она неуклонно поддерживала все его планы и намерения и никогда не дулась, когда он о чем-то забывал, что-либо не успевал сделать или что-то у него не выходило.

– Леня, не надо драматизировать. Как-нибудь перекурим это дело. Это не главное. Капитан, улыбнитесь! – ласково говорила она в таких случаях, и Калинич при этом ощущал прилив неопишимо сладкого чувства гармонии и благодарил судьбу за то, что она хотя бы на последнем этапе жизни подарила ему такую великолепную спутницу.

Он ежедневно по несколько раз звонил ей с работы, с нетерпением ждал конца рабочего дня и летел домой, как на крыльях. Радостная Аня встречала его в прихожей веселой шуткой, прямо на пороге начинала рассказывать обо всех

новостях, а потом они шли на кухню, где приступали к трапезе. В квартире у Ани всегда было безукоризненно чисто, аккуратно и гармонично, чему Калинич радовался, как ребенок, и неустанно благодарил ее за это. В их уютном гнездышке царили любовь, теплота, доброжелательность и взаимопонимание. Калинич не раз высказывал сожаление, что раньше не ушел к Ане. Она в таких случаях говорила, что как ни хорошо им вдвоем, но разводиться в таком возрасте неразумно, на что Калинич возражал:

– Не скажи, Анечка, не скажи. Все же самые лучшие, самые важные в жизни решения принимаются не умом, а сердцем.

Все, что они вдвоем ни делали, получалось удачно и слаженно. Они дополняли друг друга, уважали взаимную критику и никогда не оспаривали, если один из них предлагал более удачное решение, чем другой.

– Леня, наш медовый месяц уже давно кончился, а мне по-прежнему так хорошо с тобой вдвоем... Меня это начинает тревожить, – однажды сказала Аня.

– Анюта, ты говоришь странные вещи, – искренне удивился Калинич. – Почему это должно тревожить?

– Потому, что у нас с тобой все идеально. А так не бывает. Очень хорошо – это тоже плохо. Меня не покидает чувство, будто непременно должно случиться что-то пренеприятное, – сказала она с неподдельной тревогой в голосе.

– Что за суеверия? Православная церковь утверждает, что

суеверие – это большой грех. А мы с тобой православные. Тебе понятно? – сказал Калинич и привлек ее к себе.

В условиях таких взаимоотношений работа над репликатором существенно ускорилась. Боксы были уже готовы. Осталось завершить отладку программ. Они вдвоем просиживали у компьютера до поздней ночи, пока не начинали путаться мысли. Тогда они выключали аппаратуру и шли спать. Калинич всегда с наслаждением и даже некоторой завистью наблюдал, как Аня засыпает. Она ложилась у его плеча, прижималась к нему своим нежным, таким женственным телом, поворачивалась на правый бок, умащивалась, издавая особые, больше никому не свойственные ласкающие слух звуки, подтягивала колени к животу, делала глубокий вдох, потом другой, а в конце третьего она уже глубоко спала.

XXXI

Аню разбудили непривычные звуки в прихожей. Она прислушалась. Кто-то отворил скрипучую дверцу антресолей, где у нее хранилась редко используемая посуда, и начал греметь черепками. Калинича рядом не было. Цифровые часы показывали тридцать пять шестого. Ясно. Это Леня что-то там ищет, догадалась она. Интересно, что именно и зачем? Она еще немного полежала, потом решила, что он может не знать, где у них что лежит и, отогнав от себя остатки сна, вышла в прихожую. Аня услышала, что Калинич возится уже в ванной и приоткрыла дверь. Калинич стоял в одних трусах, держа в руках ее старую хрустальную вазу с роскошным бу-

кетом алых роз. Увидев на пороге Аню в одной ночнухе, он несколько смутился и едва не упустил тяжелую вазу, но тут же овладел собой и с улыбкой шагнул ей навстречу.

– Дорогая Анюта! – торжественно сказал он. – Поздравляю с Днем рождения! Благодарю тебя за то, что ты такая красивая, умная, хорошая, трудолюбивая, искренняя, женственная, ласковая и нежная! Спасибо тебе за то, что я тебя так крепко люблю!

Он протянул ей вазу. Аня, оторопев от неожиданности, стояла с широко раскрытыми от удивления глазами. Калинич сделал еще один шаг, и розы оказались у самого ее лица. Аня ощутила их пьянящий аромат, взяла, наконец, из его рук увесистую вазу и с улыбкой подставила губы для поцелуя. Калинич нежно поцеловал ее, а она, поставив вазу на тумбочку, смущенно сказала:

– Спасибо, Ленечка. Спасибо, милый. Я просто ошарашена... Приятно ошарашена. Я... ей-Богу, я забыла, что сегодня у меня День рождения... А ты не забыл. Как приятно. Ну, пойдем на кухню. Жаль, что нужно идти на работу. Ничего, мы вечером отметим. А я думаю, кто это там на антресоли полез? А это ты – вазу доставал. Ну, Леня, ты даешь, – говорила она в растерянности. – Мне так давно никто не преподносил таких сюрпризов! Надо бы отметить это дело... но... нам на работу.

– Ну, это от нас не уйдет, – весело сказал Калинич и ласково потрепал ее по роскошным волосам, тяжело ниспадаю-

щим на плечи.

– Разумеется, не уйдет. Сегодня вечером мы обязательно посидим. Или, может, на другой день перенести? Как жаль, что я не вспомнила вовремя! Гостей на сегодня вроде бы поздно приглашать, – беспокоилась Аня.

– Да на кой фиг нам сегодня гости? Сядем, так сказать, рядком – поговорим ладком. Как молодожены. Выпьем понемножку, скромно поужинаем, потолкуем о самом насущном, и хватит, – стал успокаивать ее Калинич. – Не знаю, как тебе, а мне не терпится поскорей закончить и испытать репликатор. Осталось-то всего – ничего. Впрочем, это твой День рождения. Тебе и решать. Так как, а?

– Обязательно решу. Так вот, сегодня мы работать не будем. Посидим, побалдеем. Правда, без гостей. Но это мы потом наверстаем, – решила Аня и направилась в комнату, чтобы поставить вазу с цветами на самом видном месте.

Калинич принял утренний туалет, потом наскоро позавтракал и отправился в свой институт. Анин завтрак, как обычно, был предельно простым и легким: чашка крепкого чая с кружалкой лимона и крошечный бутерброд с кусочком сыра. После завтрака она тщательно вымыла посуду и с любовью расставила ее в привычном порядке на сушилке. Одевшись, она проверила, закрыт ли входной газовый кран, выключены ли компьютеры и другие электроприборы, сунула в сумочку компакт-диск и внешний винчестер с фрагментами программ для репликатора, заперла дверь на оба замка

и посмотрела на часы. Времени было в избытке, и она решила пройтись до работы пешком.

Утро было теплым и солнечным – как обычно, в День ее рождения. Легкий ветерок едва заметно шевелил ей волосы и овеивал прохладой лицо, еще не утратившее нежности и привлекательности. Взад и вперед сновали люди, спешащие каждый по своим делам.

Аня бодро шагала по тротуару, и ее не по возрасту высокие каблочки звонко цокали по керамической плитке. Она с интересом смотрела по сторонам, порой фиксируя внимание на великолепно оформленных витринах магазинов и выставленных в них товарах.

Аня думала о том, как они с Калиничем завершат, наконец, работу над репликатором, обзаведутся особняком с помещениями для жилья, лабораторий и всяких инженерно-технических работ, приобретут не очень дорогой, но надежный автомобиль, наймут необходимый персонал и начнут создавать свой мощный концерн, президентом которого будет Ленья, а она – его правой рукой. Она и дальше будет помогать ему, чем только сможет. Какой он талантливый ученый и инженер! И муж великолепный, и собеседник интересный. И кавалер такой галантный! Надо же, как он ее сегодня поздравил! В благодарность за это она должна сегодня порадовать его классным ужином. Но времени у нее, пожалуй, маловато. Она придет с работы всего на каких-нибудь двадцать-тридцать минут раньше него. Что можно будет успеть

сделать до его прихода? Пожалуй, ничего. А заставлять его ждать – это уже ни к чему. У него все настроение пропадет. Да, жаль. Но ничего не поделаешь. Так уж и ничего? Нет, можно под каким-нибудь предлогом попробовать улизнуть с работы минут на сорок раньше обычного. Но за такое время ничего существенного не приготовишь. А если отпроситься с обеда? Да что она, собственно, раздумывает? Ведь у нее есть несколько отгулов! Она хотела насобирать их с таким расчетом, чтобы недельку побыть у дочери с зятем. Отгулом больше, отгулом меньше – какая разница! Все, решено. Сейчас она напишет заявление. И поедет домой, чтобы к приходу Лени приготовить праздничный стол!

XXXII

Аня подходила к подъезду своего дома с полными сумками в обеих руках. Народа поблизости почти не было. Только две молодые мамы сидели на лавочке возле детской площадки, мерно покачивая модные коляски с младенцами, да какой-то незнакомый парень в джинсовой куртке лет двадцати пяти примостился на скамье у ее подъезда и со скучающим видом смотрел по сторонам. Увидев ее, он тут же почему-то вскочил и, вынув из кармана мобильный телефон, поспешно куда-то позвонил. Аня, не придав этому значения, вошла в подъезд, подошла к двери лифта и нажала кнопку вызова.

Обычно она поднималась пешком, но в этот раз, чтобы не тащить вверх тяжелые сумки с покупками, решила восполь-

зоваться лифтом. Она прождала минут пять, но лифт никак не приезжал. Было слышно, как он гудит, останавливается на верхних этажах, гремит дверью и снова гудит. Наконец, лифт прибыл и со скрежетом распахнул перед нею двери. Аня подхватила сумки и, входя в лифт, увидела, как по лестнице торопливо сбегает молодой мужчина с красивым полиэтиленовым пакетом в руке. Приехав на шестой этаж, она остановилась у двери своей квартиры, чтобы достать ключи, и неожиданно увидела, что дверь приоткрыта. Неужели Леня тоже взял отгул и вернулся раньше нее? Жаль, что не удался сюрприз, но ничего не попишешь, решила она, входя в прихожую.

– Привет! – поздоровалась Аня. – Что ж это ты, друг ситцевый, и входную дверь не закрыл, и свет в прихожей не выключил? Не похоже это на тебя, голубчик, не похоже.

Никто не отозвался. Аня решила, что Калинич, отрешившись от мира сего, сидит у компьютера, погруженный в работу над репликатором. Она переобулась, отнесла на кухню сумки и вошла в комнату, где рассчитывала увидеть Калинича. Но его там не было. В комнате царил ужасающий бедлам: на компьютерном столе в беспорядке валялись бумаги, чистые диски си-ди и ди-ви-ди, пустые папки и полиэтиленовые файлы. Выдвижные ящики хаотично громоздились посреди комнаты, их содержимое было вывернуто на пол и разбросано по комнате. «Боже мой! Что здесь творится! Словно мамаева орда прошла!» – изумилась Аня и в изнеможении

опустилась на мягкое кресло, стоявшее у двери.

Невольно вспомнились и парень у подъезда, который, заметив ее, поспешно позвонил по мобильнику, и тот, который спускался по ступенькам лестницы с красочным пакетом в руке. «Да здесь, никак, побывали воры!» – догадалась Аня, и первым ее желанием было немедленно позвонить в милицию. Но там спросят, что у нее пропало. Она решила это выяснить и первым делом заглянула в тумбу серванта, где в старом ридикюле хранились все наличные деньги. Ридикюль не был защелкнут – в него заглядывали, но деньги были на месте, все до копейки. «Золотые вещи! Мои золотые вещи!» – панически забеспокоилась Аня, выдвигая ящик комода, в котором хранились ее серьги, два колечка, кулон, массивный крестик на витой цепочке и прабабушкина память – елизаветинский имперал. В ящике также было все перерыто, но золото по-прежнему лежало в старой полированной шкатулке красного дерева. Ни одна из вещей не пропала. Странно, все свидетельствовало о том, что воры ее видели и открывали, но все золото оставили на месте. Документы тоже не тронули. Что за странные воры? Она точно знала, что у Калинича не было никаких драгоценностей, денег тоже, за исключением нескольких карманных десятков, которые он на всякий случай носил при себе в подаренном ему портмоне.

Аня взяла мобильник и позвонила Калиничу.

– Слушаю, Анюта! – ответил бодрый знакомый голос. –
Bon anniversaire, ma chérie!

– Ленья... Ленечка, – сказала Аня, и ее голос сорвался на плач. – У нас... похозяйничали... воры...

– Что-что? Какие воры? Где это? Аня, ты где сейчас? – забеспокоился Калинич.

– Я дома... Ленья... ты можешь сейчас... приехать?.. – спросила она, запинаясь. – Вроде бы все на месте... Ничего, кажется, не пропало... но в квартире кто-то рылся... Кавардак... ужасный... Хотела милицию вызвать, но без тебя... без тебя не решилась...

– Анечка, ничего не предпринимай! Я сейчас приеду – жди! – обеспокоено прокричал в трубку Калинич и прервал связь.

Минут через двадцать он уже был в квартире. Он застал Аню с заплаканными глазами, сидящую в кресле. А вокруг валялись варварски, безжалостно разбросанные вещи.

– Ну и борде-е-ель! Етит-твою ма-а-ать! – протянул Калинич. – Как тебе об этом стало известно? Кто тебе сообщил?

Калинич присел на подлокотник кресла, обнял и нежно поцеловал Аню в темя. Плача, она рассказала ему все по порядку.

– Вот так, Ленечка, я все и узнала. Ну, что? Позвоним в милицию? – предложила она.

– Нет-нет! Ни в коем случае! – запротестовал Калинич. – Я, кажется, догадываюсь, чьих рук это дело. Давай-ка разложим все по местам. Тогда станет окончательно ясно, что именно у нас с тобой пропало. Ты занимайся своими веща-

ми, а я – своими. Там будет видно.

К трем часам дня порядок в квартире был полностью восстановлен. Аня пошла на кухню и занялась обедом. Калинич включил компьютер и принялся исследовать его содержимое. Через полчаса Калинич пришел на кухню, положил на край стола листок бумаги, сел на шаткую табуретку и принялся ждать, когда Аня обратит на него внимание. В конце концов, ему удалось поймать ее взгляд.

– Ну и как? Что показала экспертиза? – спросил он.

– Моя – только то, что мои вещи перерыты, но ничего не пропало, – спокойно ответила Аня, держа, словно хирург перед операцией, поднятые вверх руки, измазанные котлетным фаршем. – А твоя?

– А у меня – пропало, – криво улыбнувшись, ответил Калинич.

– Что именно? – забеспокоилась она.

– Диски с программными пакетами, – ответил он с сожалением.

– С какими именно? – побледнев, спросила Аня.

– Не беспокойся. Не с теми, что ты думаешь, – успокоил ее Калинич.

– А с какими? – нетерпеливо переспросила она.

– С копиями офисных и математических программ, – мрачно ответил Калинич.

Он поправил на носу очки и посмотрел в свои записи.

– И еще с большим семьязычным словарем и дизайнер-

ский пакет. Все только копии. Ну, и всякая дребедень, которую я намеревался выбросить, – сказал он, складывая листок и кладя его в карман тренировочных брюк.

– Фу-у-у... – облегченно вздохнула она. – Ну, слава Богу. А я-то уж было подумала...

– Погоди, не радуйся, – спокойно осадил ее Калинич. – Для оптимизма особых поводов нет.

– Это были люди Бубрынёва и Чаплии?? – спросила Аня, продолжая лепить котлеты и складывать на разделочную доску.

– Возможно. Это первая версия, – многозначительно сказал Калинич.

– А что, есть и вторая? – удивилась Аня.

– Есть. Я забыл тебе сказать. С неделю назад мне на мобилку звонил какой-то человек. Назвался Артемом, отрекомендовался как представитель какой-то компании международных перевозок. Предлагал купить мое изобретение. Я сказал, что пока ничего продавать не собираюсь. Он проявил нетерпение и попросил о встрече. Я ответил, что не раньше, чем через полгода-год. Он согласился и вроде бы отстал, – пояснил Калинич.

– А почему ты мне ничего не сказал?! – с возмущением спросила Аня.

– Да... все о репликаторе думал. В общем, к слову как-то не пришлось, – оправдывался Леонид Палыч. – Так вот, это могли быть и его люди. И Бог знает, чьи еще. Теперь, ко-

гда сам факт телепортации сделался достоянием гласности, и всем известно, что этим секретом владею только я, это могли быть еще те-е-е люди. И в первую очередь из криминальных структур. Это обратная сторона медали, дорогая Аня.

– Кем бы они ни были, они, несомненно, искали программное обеспечение установки телепортации. Поэтому денег и ценных вещей не тронули. Хорошо, что я все, что касается репликатора и телепортации, храню на дивидишке и на внешнем винчестере, которые всегда беру с собой. Взяла и сегодня, – заключила Аня.

– А я – в своем ноутбуке, – прибавил Калинин. – В моем стационарном компьютере тоже хранились все копии программ. Но компьютер они не включали. Я все проверил. Последнее включение – вчера вечером, когда мы закончили тестирование твоего последнего блока. Как видно, не успели – ты их спугнула. А то слили бы все, до последнего бита, сволочи. Или винчестер сняли. Да... нужна страховка. Кстати, с моего рабочего компьютера кто-то еще тогда скачал все твои старые рабочие программы, которые мы им подсунули под интересующими их названиями! Как видно, они уже успели разобраться, что их надули. Вот они, возможно, и решились на нынешний визит! И ни в коем случае нельзя вызывать милицию. Все наши материалы тотчас непременно будут изъяты. А в чьих руках они потом окажутся – это один Господь Бог ведает.

– Да. Скорее всего, так оно и есть, – согласилась Аня.

Она умолкла и принялась что-то мешать на плите. Потом снова заговорила:

– Все время таскать носители при себе – тоже нельзя. Могут украсть и на работе, и в магазине, и в транспорте, и на улице. Или просто отнять. Нужно подумать, как нам уберечь имеющиеся программы.

– Да, задачка не из легких, – Калинин призадумался. – Нужно срочно куда-то слить все программные наработки. Мне известно несколько почтовых серверов, где бесплатно предоставляются аккаунты с колоссальными объемами памяти. Можно, в конце концов, зарегистрировать несколько таких ящичков и многократно зарезервировать информацию. Правда, тот, кому нужно, в принципе может проследить наш путь в Интернете и взломать пароли, хотя администрация серверов гарантирует от несанкционированного доступа. Но, как известно, нет таких крепостей, которые нельзя было бы взять. Квалифицированных людей много – найдут лазейку, если зададутся целью. Одно утешение, что не сразу. Тем временем мы что-нибудь придумаем. Кстати, на сервер можно и какой-нибудь мерзкий вирус заслать и все уничтожить. Риск есть. Но где его нет, в конце-то концов?

– Что ж, заканчивай скорее репликатор, а параллельно займись сохранением наших файлов в Интернете, – предложила Аня. – А пока нужно постараться как следует закодировать все наши наработки и покамест носить их при себе и не расставаться с ними ни при каких обстоятельствах. Даже

идя в туалет. Кстати, а если стащат боксы или блоки управления?

– Анюта, ты умница. Это решает нашу задачу, но лишь на некоторое время. Кстати, боксы и блоки управления сами по себе, без программного обеспечения и знания принципа осуществления телепортации и репликации – это металлолом, не более. Но квалифицированные люди существуют и помимо нас с тобой. Кстати, я удивляюсь, почему мои коллеги не видят того, что вижу я? Надо на всякий случай сделать копии и подумать, где их спрятать, – заключил Калинин.

– Риск – благородное дело. Надо форсировать с репликатором. Тогда будет легче. Деньги – неплохой помощник, хоть и тоже не дают стопроцентной гарантии. Если бы мы с тобой могли предвидеть эти проблемы заранее, мы бы сначала изготовили репликатор в обстановке строжайшей секретности, а потом бы уже организовывали все твои выступления в институте и в доме ученых. В этом, Леня, наш стратегический просчет. Как говорит народная мудрость, если б знал, где упал, то соломки б подостлал. Теперь же нужно сохранить в тайне тот факт, что мы работаем над созданием репликатора. Пусть все строят свои действия в расчете на то, что ты занимаешься исключительно телепортацией. К тому же я постараюсь распушить слух о том, что у тебя дело с телепортацией застопорилось, и ты никак не можешь сдвинуться с мертвой точки. Ты же, по возможности, постарайся со своей стороны поддержать эту версию. Так что действуем,

Леня! – подбодрила его Аня, подставляя руки под кран.

Через полтора часа они обедали. Интимный день рождения не удался. Калинич хотел произнести торжественный тост, но слова застревали у него в горле и никак не сплетались в предложения, которые утром он так хорошо отработал, сидя в своей лаборатории. Выпивка не пошла. Они лишь символически пригубили бокалы и поставили. Аппетита не было. Пришлось ограничиться скромной трапезой. А потом они, как одержимые, до глубокой ночи работали над репликатором. Дневное происшествие побудило их к мощному спурту.

XXXIII

Минуло две недели. Калинич и Аня приняли необходимые меры предосторожности: поставили бронированные двери с надежными замками и зарешеченные окна. Опасаясь нежелательного контакта с милицией, устанавливать сигнализацию не стали.

Работа над репликатором шла ускоренными темпами. Вскоре все программы были отлажены и многократно протестированы. Функционально-исполнительные блоки и объектные боксы Калинич не только переоборудовал, но еще и усовершенствовал. Сейчас, когда оставалось только собрать всю конструкцию воедино, у него возникли новые идеи, позволяющие упростить и ускорить процессы материальных трансформаций. Калиничу хотелось воплотить их в жизнь тут же, немедленно, внося необходимые коррективы. Но Аня

охладила его пыл и посоветовала запустить репликатор на нынешнем уровне. А совершенствование отложить на потом, ограничившись лишь фиксацией новых идей в зашифрованных текстовых файлах.

– Леня, ты читал мемуары американского бригадного генерала Лесли Гровса, руководителя Манхеттенского проекта? – спросила Аня.

– Это «Теперь об этом можно рассказать», что ли? Читал. А почему ты спрашиваешь? – поинтересовался Калинич.

– Объясняю. Он знал, что если не удалить производство от центра разработки, возникает опасность постоянного усовершенствования и внедрения все новых и еще не проверенных идей. Ты же воплощаешь в себе и то, и другое. Поэтому я вынуждена искусственно отделить разработку от внедрения, иначе ты ничего не сделаешь, – пояснила она тоном, не терпящим возражений. И Калинич не мог не согласиться.

XXXIV

Калиничу не терпелось собрать и запустить вожаделенный репликатор. В тот день он не мог ничего делать на работе, думал только о репликаторе. Не выдержав, он попросил у Чаплии три дня отгулов и, вызвав такси к порогу института, прикатил домой, даже не известив об этом Аню.

Едва переступив порог, он, как одержимый, кинулся к рабочему столу и тут же занялся сборкой репликатора, с которой, вопреки собственным ожиданиям, справился всего за два часа.

Закончив последние приготовления к испытанию, Калинич никак не мог решиться сделать первый щелчок тумблера питания. Отчаянно колотилось сердце, и в ушах пульсировал шум. Несколько раз он поднимал руку, но она цепенела и бессильно опускалась. Калинич так разволновался, что вынужден был принять нитроглицерин. С таблеткой под языком он погрузился в кресло, закрыл глаза и не заметил, как задремал.

Сквозь сон Калинич услышал, что ему что-то ужасно мешает спать. Он старался не обращать на это внимания, чтобы не разогнать сон, убеждал себя в том, что это ему только кажется, но что-то назойливо продолжало тревожить его сон. В конце концов, он уразумел, что это сигналит его мобильный телефон. Калиничу не хотелось выходить из дремоты, и он ждал, когда же, наконец, этот проклятый мобильник выдохнется и замолчит. Но вызовы повторялись один за другим, и Калинич в конце концов очнулся. Схватив телефон и даже не поинтересовавшись, кто звонит, он недовольно пробурчал спросонок:

– Да. Слушаю.

– Леня, что случилось? Почему ты так долго не отвечаешь? – послышался взволнованный голос Ани.

– Это ты, Анечка? Извини. Придремнул чуток – никак не мог включиться, чтобы понять, что мне мешает спать, – смущенно оправдывался Калинич.

– Ты где сейчас, Леня? – поинтересовалась Аня.

– Дома. Сажу в твоём кресле. Не мог работать – взял отгулы, чтобы закончить, наконец, сборку и провести испытания.

– Ну и как?

– Да так... собрал. Но никак не могу преодолеть психологический барьер – включить. Ты когда будешь дома? – поинтересовался Калинин.

– Я сегодня задержусь на часок. У нас собрание, на котором нельзя не быть. Я и звоню поэтому. Ты найдешь, что покушать?

Калинин слышал, как Аня дышит в трубку, и по ее дыханию понял, что она тоже волнуется.

– Все в порядке, Анята. Найду. Задерживайся на сколько нужно. А я все же попробую включить. Жаль, что тебя нет сейчас рядом. Ты бы меня поддержала. Целую. Пока, – попрощался он и отключился.

Положив мобильник, Калинин подошел к установке и решительно щелкнул тумблером. Потом другим, третьим и всеми остальными. Зашумели вентиляторы. По экранам мониторов побежали заставки. Зазвучали сигналы оповещения о готовности программ. На обоих мониторах появились сообщения об ожидании функциональных команд.

Калинин снова разволновался. Он никак не мог решить, какой предмет подвергнуть попытке репликации. Наконец, он снял с руки часы, сунул в бокс для образца, задвинул заслонку и кликнул на кнопке с надписью «пуск». Монитор

мигнул и выдал сообщение: «Объект не может быть реплицирован. Ошибка по адресу 018007». У Калинича екнуло сердце. Как же так? Неужели он чего-то не учел? Он тут же обратился к каталогу и отыскал ошибку по указанному адресу. Все ясно. С функционально-исполнительного блока копирующего модуля не поступает сигнал о приеме к исполнению команды формирования репликационной матрицы.

Подскочив к этому блоку, Калинич принялся искать дефект. Повозившись несколько минут, он обнаружил, что забыл загрузить одну из мелких подпрограмм. Ошибка была тут же устранена, и Калинич снова дал команду на репликацию. И снова отказ. Калинич в сердцах чертыхнулся и снова стал колдовать над тем же блоком. Все было в порядке: программы загружены, тесты каждой из подпрограмм отработывались безукоризненно, бокс исправно реагировал на все воздействия, но система не работала. Мысль о принципиальной ошибке все настойчивее одолевала Калинича. В конце концов, он принял решение разобрать систему и подвергнуть каждый ее элемент тщательному анализу. Все. Точка. Он поднес руку к кнопке выключения и в это время заметил, что конец одного из информационных кабелей беспомощно болтается в воздухе. Калинич подхватил его и, пользуясь тем, что он в квартире один, разразился вслух потоком самых непристойных ругательств, какие только были ему известны. Да как же он сразу-то не догадался, старый пень! Это же информационный кабель звена обращения финаль-

ной матрицы! Какая же тут пойдет, к чертовой матери, репликация!

Калинич на всякий случай выключил питание второго блока и подсоединил кабель к звену обращения. «Ну, была – не была!» – сказал Калинич и снова включил систему. На этот раз система сработала безукоризненно. В репликационном боксе лежали вторые часы. Вернее, это была точная копия часов Калинича, которые неизменно оставались в боксе задающего блока. Калинич извлек и оригинал, положил оба экземпляра перед собой на стол и включил настольную лампу, чтобы получше разглядеть их. Часы были абсолютно одинаковы. Даже секундные стрелки двигались неукоснительно синхронно, одновременно пробегая одни и те же деления. Калинич проделал то же самое с Аниным маникюрным набором и тоже остался доволен. Охваченный азартом, он реплицировал все, что попадалось под руку: веб-камеру, компьютерную мышку, авторучку, свои очки, ножницы, чайные ложки. Он вспомнил, что Аня недавно разбила хрустальную стопку из старинного набора и очень сожалела об этом, так как их у нее теперь осталось всего две из двенадцати в прошлом. Калинич начал тиражировать эти стопки одну за другой. За этим занятием его и застала Аня, которая, вернувшись с работы, тихо остановилась у двери и наблюдала, как увлеченно работает ее Леня.

– Ну что, работает?! Поздравляю, Ленечка! Поздравляю! – радостно вскричала она и кинулась на шею Калини-

чу, осатаневшему от успеха.

– Анюта, дорогая! Все работает! Поверить не могу, что мы сделали это! Вот, посмотри – отличишь, где здесь оригинал, а где копия? – возбужденно говорил Калинич, трясая Аню за плечи.

– Да как тут их различишь? Все, как близнецы – тютелька в тютельку. Ну и талантище же ты, Леня! Такие, как ты, раз в сто лет рождаются! Нет, пожалуй, раз в тысячу! – с восхищением восклицала она, высвобождаясь из цепких объятий Калинича. – Боже мой, что мы будем делать с таким количеством хрустальных стопок?

– Что угодно. Не нужны, так выбросим! – Калинич сгреб все стопки в кучу, собираясь выбросить в мусорное ведро.

– Ты что, зачем добро выбрасывать? Уж лучше я их выставлю в подъезде на подоконник. Кто-то из неимущих подберет. Зачем ты их только тиражировал? – искренне удивлялась Аня.

– Да так, упражнялся, руку набивал. Привыкнуть хотелось. Как говорят пилоты, нужно почувствовать машину! Что бы еще такое реплицировать? – спросил Калинич, осматриваясь по сторонам.

– погоди, Ленечка. Давай скоренько пообедаем и сразу же перейдем к делу. Будем чеканить империалы. Я недавно интересовалась в банке «Genereux». Там сказали, что могут под залог царских монет хороший заем выделить. Сейчас закупочная цена на золото около шестисот семидесяти пяти дол-

ларов за тройскую унцию. Это более двадцати трех за грамм. Откроем у них текущий счет – я договорилась. Кроме того, когда получим первые деньги, для разнообразия купим еще несколько каких-нибудь золотых монет и тоже размножим.

XXXV

Калинич с Аней были на подъеме. Им беспрепятственно удалось открыть банковский счет. Деятельная Аня наняла адвоката, который за относительно умеренную плату помог им оформить все дела так, чтобы не было проблем с налоговой инспекцией. По совету того же адвоката они для легализации финансовой деятельности приобрели небольшой специализированный магазин и развернули торговлю электронной техникой. Аня быстро осваивала премудрости современной торговли, не жалея денег на консультантов. Для повседневных нужд Аня приобрела автомобиль. Чтобы не привлекать ничьего излишнего внимания, они пока что решили ограничиться «маздой» со вторых рук. Около своего дома Аня присмотрела пустующий гараж, который принадлежал престарелому инвалиду войны, жившему этажом ниже. Хозяин гаража хорошо знал Аню и легко согласился сдать его в аренду за сравнительно низкую плату.

Аня регулярно следила за рынком недвижимости, приглядывая подходящий особняк. В отличие от нее, Калинич в хозяйственные дела не вмешивался и занимался исключительно проектированием нового репликатора с боксами большого объема. Он также обдумывал в самом общем пла-

не конструкцию линии телепортации с боксами, размещенными в автофургонах. Понимая, что со столь грандиозными конструкциями в одиночку ему не справиться, он с небывалым энтузиазмом занимался вопросами структуры будущего производства, штатного расписания, бюджета и тому подобного. Одним словом, Калинич буквально купался в своей стихии.

Денег на счету, как полагали Калинич с Аней, было у них на ближайшее время вполне достаточно. Поэтому, чтобы не привлекать внимания окружающих, тиражирование ценностей на всякий случай было решено приостановить до особой нужды. Опасаясь нового вторжения со стороны, Калинич разместил все программные наработки на нескольких американских почтовых серверах под различными именами. Дома не осталось ни единой программы, за исключением ложных, умышленно замаскированных под продукт для телепортации. Документацию для изготовления объектных боксов и функционально-исполнительных блоков Калинич также разметил на почтовых серверах. Вся информация была предусмотрительно надежно зарезервирована и закодирована. Помимо этого Леонид Палыч снабдил все пакеты хранимой информации сторожевыми программами, которые каждые полгода требовали введения соответствующего кода. При его отсутствии предусматривалась активация программ надежного уничтожения этих пакетов.

Оставалась угроза похищения материальной части. Те-

перь Калинич ломал голову над тем, где и как ее укрыть до первой необходимости.

После открытия относительно приличного банковского счета Калинич с Аней почувствовали себя намного увереннее, и он вознамерился было оставить работу в институте. Но Аня посоветовала пока что воздержаться от этого шага, мотивируя тем, что таковой может активизировать Чаплию и Бубрынёва, а также еще Бог весть каких субъектов, которые проявляли особый интерес к достижениям Калинича.

Калинич пугался одной только мысли о том, что злоумышленники рано или поздно все же завладеют секретом его открытия, и воображал, к каким ужасающим последствиям приведет его попадание в недобрые руки. Груз ответственности за будущее все сильнее давил Калинича, и он продумывал всевозможные способы надежно спрятать все материалы, касающиеся открытия, и тут же видел, каким образом можно до них добраться. Он мучился оттого, что не мог придумать никакого хотя бы мало-мальски надежного способа их уберечь. Эти страхи неотступно преследовали Калинича повсюду днем и ночью, мешая как следует сосредоточиться на творчестве.

– Да не мучайся ты, Леня, – успокаивала его Аня. – Пойми, любое государство, даже самое мощное, как ни старается, все равно через определенное время теряет контроль над любым секретом. Лучше давай сконцентрируемся на скорейшем завершении нашей программы-минимум, чтобы потом

обстоятельно заняться программой-максимум.

– Оттого, что даже при несравненно больших возможностях люди не в силах долго хранить секреты, мне, Анята, никак не легче. Кроме того, я не люблю и не умею спешить. Все же как хорошо мне жилось, когда у меня за душой не было ни открытий, ни денег, ни проблем с секретами! Лишь теперь я понимаю, что значит «*Qui terre a guerre a*», – с горечью отвечал Калинич.

– Леня, не ной! *Qui ne risque rien ne gagne rien!* Надо было раньше думать, во что ввязываешься. Теперь уж поздно. *A chose faite pas de remede!* – возражала оптимистичная Аня.

XXXVI

Когда Калинич проснулся, цифровые часы, стоящие на полочке рядом с букетом полевых цветов, показывали десять минут шестого. У его плеча, разметав по подушке тяжелые волосы, сладко посапывала Аня. Тихо, чтобы ненароком не потревожить ее сон, Калинич взял в одну руку шлепанцы, в другую – свежестырированный спортивный костюм и, крадучись, босиком вышел из спальни. Неслышно затворив за собой дверь, он прошел в большую комнату и приступил к зарядке. Как было здорово раньше, когда в это время и по радио, и по телевидению передавали уроки утренней гимнастики! Сейчас он бы спокойно выполнял команды преподавателя, не ломая голову над тем, что делать дальше и когда закончить. И почему их перестали передавать? Неужели кому-то лучше оттого, что вместо гимнастики стали крутить

выступления каких-то вокальных групп с такими идиотскими названиями, как «Чердак поехал», «Стой – стрелять буду!», «Мракобесы» и им подобные? От их ритмичных подергиваний и выкручиваний, от световых эффектов и грюкания ударных инструментов у Калинича обычно начинало рябить в глазах и перехватывало дыхание. «Старею, видимо», – думал Калинич и выключал ненавистную ему музыку, которую он и к музыке-то причислял весьма условно.

После гимнастики и утреннего душа Калинич решил до завтрака немного поработать в гараже. Он знал, что по воскресным дням Аня любит поспать лишний часок, и старался, как мог, создать ей все условия для этого.

Во дворе не было ни души. Только чей-то кот сидел у подъезда на залитой ярким утренним солнцем лавочке и энергично умывался.

В гараже было прохладно, пахло бензином и автолом. Калинич распахнул во всю ширь ворота и, включив яркую лампу, заколдовал у верстака. Он обожал гаражную обстановку, напомилавшую ему детство. Во дворе, где рос Калинич, когда-то располагалось гаражное хозяйство районного комитета ДОСААФ, и он мог часами наблюдать за работой автослесарей и шоферов, которые никогда не прогоняли любознательного мальчишку, а обстоятельно отвечали на все его вопросы и впоследствии даже давали ему отдельные поручения по ремонтным работам. Калинич гордился этим и старался добросовестно выполнять их, как только мог. Навыки, при-

обретенные в те далекие детские годы, много раз сослужили ему верную службу впоследствии.

Будучи в приподнятом настроении, Калинич, уверенный, что его никто не слышит, весело напевал пришедшую на ум песенку Визбора:

«Чад, перегар бензинный.

В воздухе вой висит

Девяноста пяти лошадиных

И пяти человеческих сил.

Словно мы стали сами

Валами, цепями, поршнями,

Ревущими на рассвете

В этом проклятом кювете...»

Пристроив на носу новые бифокальные очки – недавний подарок Ани, Леонид Палыч, сидя на выдавшем виды ро-
ляльном стульчике, с увлечением точил на маленьком токар-
ном станке деталь для новой модели репликатора. Время от
времени он останавливал станок, производил контрольный
замер, а потом снова включал его и продолжал операцию.
Остановив станок в очередной раз, Калинич услышал из-за
спины низкий зычный баритон:

– Бог на помощь, Леонид Палыч!

Калинич вздрогнул от неожиданности и резко обернул-
ся на вращающемся сидении. Позади него стояли три рос-
лых коренастых молодых парня с мускулатурой культури-
стов. Двое, одетые в джинсовые шорты, были острижены на-

голо, а третий имел густые длинные до плеч волосы, собранные сзади в тугий пучок в виде собачьего хвоста. Он один был одет в обычные джинсы и легкую, тоже джинсовую безрукавку на голое тело. По всему было видно, что он у них главный. На лицах молодых людей играли нагло-преенебрежительные улыбки. Тот, что с собачьим хвостом, вертел в руках сигарету, словно никак не мог решиться закурить, и пристально смотрел Калиничу в глаза. Бритоголовые лениво оглядывали помещение гаража.

Калинич поднялся с рояльного стула и облокотился на край верстака.

– Да вы сидите, Леонид Палыч, сидите. Вы же много старше меня, в конце концов. А эти желторотые, – он указал на бритоголовых, – вообще зеленые, как трава в мае месяце...

Наконец, он закурил. Но потом, словно спохватившись, спросил:

– Вы не возражаете, если я закурю?

– Вообще-то, возражаю. Во-первых, здесь стоят емкости с горюче-смазочными материалами, с красками, лаками и тому подобным. А во-вторых, я уже, почитай, лет тридцать как не курю. Табачного дыма терпеть не могу, – ответил Калинич, не скрывая неудовольствия. – И еще. Чем могу быть полезен столь ранним гостям?

– Извините, не подумал, – сказал молодой человек и протянул дымящуюся сигарету своему напарнику, одетому в бирюзовую майку.

Калинич видел, как тот вышел из гаража, бросил сигарету на землю, старательно затоптал и тут же снова вернулся. Скрестив по-наполеоновски руки на груди, он остановился около того, что с собачьим хвостом, и стал меланхолично оглядывать окружающую обстановку.

– Да мы тут собрались было на природу по случаю воскресного дня. Видим, у вас гараж открыт, а из гаража шоферская песенка слышится. Дай, думаю, зайдем – с хорошим человеком познакомимся, – сказал главный. – Вдруг, думаю, Леонид Палыч нас к себе на работу пригласит.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на Калинича. Но тот тоже молчал, ничем не выдавая волнения.

– Так как, Леонид Палыч, насчет работы? Может пригласите, а?

Леонид Палыч выдавил из себя улыбку и вежливо ответил:

– Спасибо, молодые люди. Увы, я сам работаю по найму. А что касается работы для вас, то поищите ее где-нибудь в другом месте. Я не работодатель, никого не нанимаю и нанимать не собираюсь.

– Ну, зря вы, Леонид Палыч, так сразу нас отшиваете. Ей-Богу, зря. Вам же рано или поздно все равно защита потребуется, вот увидите. Вы же образованный человек, сами прекрасно понимаете. И Ваш магазин, и будущий особняк нуждаются в надежной защите и охране от нежелательных личностей, – сказал предводитель компании, изображая разоча-

рование.

– Вы, молодой, человек, что-то путаете, – поспешил возразить Калинич. – Нет у меня никакого магазина. Особняка тоже нет.

– Ну, не у Вас, так у вашей дамочки! – тут же возразил здоровяк. – И компьютерный магазинчик, и банковский счетик, и особнячок подыскивается. Вы же не на необитаемом острове живете, Леонид Палыч, а среди живых людей. Человек – существо, простите, стадное. А законы стада, они везде одинаковые и давно известные, в общем. Хочешь лучше кормиться – имей покрепче зубки, копытца, рожки – у кого что, короче говоря. Потому что иначе доведется кормиться там, где все уже съедено да вытоптано.

– В ваших услугах, молодые люди, я пока не нуждаюсь, – вежливо отказался Калинич. – Да если бы и нуждался, платить у меня все равно нечем.

– Да все, батя, платят! Есть чем торговать – есть чем и платить, – развязно вставил парень в бирюзовой майке.

– Серега, не возникай! Дай поговорить с культурным человеком! Это тебе не на базаре, понял? – одернул его предводитель. – Извините, Леонид Палыч, пожалуйста. Не обращайтесь на него внимания, он новенький – не воспитан еще, как надо. Вы – вот что. Пока подумайте как следует. Мы Вам все равно понадобится, вот увидите. А не мы, так другие – на ту же работу. Сами тогда к нам обратитесь, но в тот момент... Хо-хо-хо!.. Все уже может дороже стоить. Вы поняли

идею?.. Хо-хо-хо... Мы же не гуляем – работаем... Можем тогда заняты быть – помочь не успеть и все такое. А дважды мы, Леонид Палыч, своих услуг не предлагаем. Так что стоит подумать. Ей-Богу, стоит.

Он положил на верстак цветастую визитку и добавил:

– Подумайте, Леонид Палыч. Мы Вам дело предлагаем. С нами не пропадете. Если надумаете, позвоните. Я приду – договоримся, как цивилизованные люди. Меня зовут Валера. Юридическую академию в позапрошлом году окончил, диплом могу показать. Того здоровяка в белой футболке, что Ваш микрометр вертит – Толик. Толик, не лапай тут ничего без спросу, слышишь? Ты на работе, понял? Положи микрометр на место – точный прибор, испортить можно. Извините – он тоже новенький, не обучен еще, недисциплинированный. А того шалопая, что Вас поучать пытался – Серега. У меня своя фирма. С лицензией все о-кэй, покажу с удовольствием, если сотрудничать пожелаете. Ну, все. Плодотворного Вам трудового дня и новых научных озарений. До свиданья, Леонид Палыч.

Все трое в развалку вышли из гаража. Калинич видел, как они сели в джип «чероки» с затемненными стеклами и почти беззвучно укатили. Калинич взял оставленную визитку и, надев очки, поднес к свету лапы. «Валерий Юрьевич Грекопов. Охрана и частный сыск», – прочитал он. Дальше следовали адрес и контактные телефоны. Интересно, кто это придумал «контактные телефоны»? – размышлял Калинич.

Для того и телефоны, чтобы контактировать. Других не бывает.

Калинич попытался снова включиться в работу, но настроение было испорчено. Он выключил лампу, запер гараж и направился в квартиру, где, как он рассчитывал, Аня уже хлопотала над завтраком. И не ошибся. Едва открыв дверь, он ощутил дурманящий аромат своего любимого бразильского кофе.

– Привет, Аня, – поздоровался Калинич. – Завтрак уже готов, или как?

– Привет, дорогой! – ответила Аня в унисон. – Есть квас, да не про вас!

– Это еще почему? – игриво спросил он.

– Гулякам не положено!

– А я не гулял – я в гараже трудился, – оправдывался Калинич.

– Ну, если трудился, то так уж и быть – мой руки. Мы это, конечно, еще проверим! – сказала она, ставя на стол тарелки с творогом, аппетитно сдобренным горсткой черного изюма и политым ложкой сметаны.

Калинич положил на стол визитку, оставленную Валерой, и пошел в ванную отмывать руки от гаражной грязи. Вернувшись, он застал Аню, внимательно рассматривающей визитку сквозь новенькие очки в изящной тонкой оправе из белого металла.

– И как это понимать? – с неподдельным удивлением

спросила она, потрясая визиткой.

– Только что ко мне в гараж наведались трое парней уголовно-спортивного вида. Бритоголовые такие, в обтрепанных шортах, как сейчас модно. Накачанные, прямо квадратные. Огромными бицепсами поигрывают. Предлагают защищать нас от всяких бед, – ответил Калинич, садясь за стол и придвигая к себе тарелку с творогом.

– Что, рэкетеры? – спросила Аня, удивленно подняв брови.

– Нет, благодетели, – саркастическим тоном ответил Калинич, пробуя творог. – Все о нас знают. И про магазин, и про счет в банке, и что особняк подыскиваем.

– Ну и как? – спросила Аня, садясь за стол.

– Что, творог? Высокий класс. Свежий...

– Как ты прореагировал? – нетерпеливо спросила она.

– Отказался. Нечем, говорю, платить – денег нет. А они – подумайте, мол, мы не торопим с ответом. Но смотрите, чтобы потом дороже не обошлось. И так далее. Как в плохом телесериале.

Калинич замолчал и занялся творогом.

– Да... история с географией, – сказала Аня, наливая кофе в чашки. – И фамилия у него какая-то странная – Греко-попов.

– Да что в ней странного? – сказал Калинич, отхлебнув небольшой глоток кофе. – Обыкновенная фамилия. Правда, двухкоренная. Ужасно горячий кофе. Никакого вкуса не чув-

ствуется – только ожоги делает.

– Пей осторожно – ложечкой. Тогда почувствуешь, – посоветовала Аня. – А фамилия несуразная – не Греков-Попов или, скажем, Гречко-Попов, а какой-то Грекопопов. Черт знает что.

– Да ну ее к дьяволу, фамилию эту. Что делать будем? – спросил Калинич, обжигаясь во второй раз.

– Посоветуюсь с нашим адвокатом.

– Надо, пожалуй... – согласился Калинич.

XXXVII

– Алло! Лида, здравствуй. Это Леонид говорит.

– Слышу. Не забыла пока что, – грустно ответила Лида. – Чего ты еще хочешь?

– Хочу заехать к тебе на дачу. Во-первых, намереваюсь тебе немного денег дать. А во-вторых, там, в гараже кое-какие железяки забрать. Если ты возражать не будешь. Они тебе все равно ни к чему, а мне могут и пригодиться, – сказал Калинич.

– Мне от тебя ничего не нужно. Наелась за тридцать с лишним лет. Правда, если детям... – она замялась. – Если о деньгах, то зачем их на дачу таскать? Сюда заезжай. Здесь и договоримся.

– Это еще лучше. Когда ты сможешь меня принять? – поинтересовался Калинич.

– Позвони через полчаса. Я с детьми согласую, – мрачно ответила Лида и положила трубку.

Через полчаса Калинич снова позвонил.

– Ну что, Лида? Когда можно приехать?

– Сегодня в семь вечера сможешь? Петя и Геночка обещали приехать к этому времени. Говорят, что соскучились по тебе – с удовольствием увидятся, – ответила Лида примиренческим тоном.

– Решено. Буду в семь. Я ненадолго. До встречи.

– До встречи.

Калинич уловил в ее голосе едва заметное дрожание и понял, что она вот-вот расплачется. Чтобы избежать преждевременных эмоциональных излияний, Калинич тут же прервал связь.

XXXVIII

К семи часам Калинич подогнал к Лидиному подъезду анину «мазду». Соседки, сидевшие неподалеку на лавочке, увидев его, открыто зашушукались. Калинича возмутила такая бесцеремонность, но он решил спокойно пройти мимо них – когда там он еще их увидит! Проходя, он, как и прежде, кивнул им, и они хором поздоровались в ответ:

– Здравствуйте, Леонид Палыч!

– Как поживаете?

– Спасибо, отлично, – ответил он, поспешно заскакивая в подъезд.

Калинич со щемящим сердцем подошел к двери квартиры, бывшей в течение многих лет его обиталищем. Здесь он пережил все тяготы своего бытия, здесь выросли его дети,

отсюда они ушли в самостоятельную жизнь. И отсюда его, можно сказать, взащей вытолкали. Дверь нисколько не изменилась. Даже запах ее остался прежним. Калинич, впервые как посторонний, робко надавил на кнопку звонка.

Ему открыл улыбающийся Гена.

– Папа! Папочка! Как я по тебе скучаю! – говорил он, прижимая отца к груди.

– Так звони почаще, приходи – я всегда рад видеть своих деток, – тепло ответил Калинич.

Он отвернулся и тут же стал разуваться, чтобы не расплакаться, как сентиментальная барышня. Гена предложил ему знакомые тапочки, но Калинич предпочел остаться в носках.

В комнате его ожидал накрытый стол, увенчанный бутылками коньяка и шампанского.

– Добрый вечер честной компании, – поздоровался Калинич, как в былые времена, когда сыновья были еще малолетними.

– Добрый, – мрачно ответил Петя.

– Добрый вечер. Садись, Леня, – тихо со вздохом сказала Лида. – Сядем, поужинаем, как в старые добрые времена.

– Спасибо, я только что очень плотно поужинал. Кроме того, я за рулем – сами понимаете, – вежливо отказался Калинич. – А вы ужинайте – я ненадолго.

Он сел в свое бывшее кресло, расстегнул барсетку, достал толстый конверт и протянул Лиде. Та механически взяла его и положила на стол.

– Здесь пятьдесят тысяч долларов, – сказал Калинич. – Распорядишься, как пожелаешь. Охотно дал бы больше, но пока не могу. Детям я подкину еще кое-что. Позже, как только заработаю.

Все сидели в неловком молчании. Лида всхлипнула и закрыла лицо носовым платком. Чтобы поскорее закончить неловкую процедуру, Калинич обратился к сыновьям:

– Так Вы, я надеюсь, не возражаете, чтобы я забрал из гаража свои железяки?

– Да зачем они тебе? – удивленно спросил Гена. – Там хлам один остался, ничего стоящего.

– Ну, кому хлам, а кому и что-то полезное, – уклончиво ответил Калинич.

– Ты, я вижу, с говном не расстанешься, – пренебрежительно бросил Петя.

Калинич метнул на него гневный взгляд, но выручил Гена:

– Петька, имей совесть. Папа нам деньги принес, а ты такое говоришь. Извинись сейчас же!

– Нет! Он маме обязан за столько лет издевательств! – дерзко ответил Петя.

– Нет-нет, не нужно мне никаких извинений. Пете виднее. Но я все же хотел бы забрать эти самые железки, – настаивал Калинич.

– Я тебе все отдам, – мягко сказал Гена. – В субботу в два часа дня сможешь?

– Идет, – согласился Калинич. – Я тебе на мобильный по-

звоню перед выездом. Ну, вот, собственно, и все. Позвольте откланяться.

Калинич поднялся и, попрощавшись кивком головы, направился в прихожую, где стояли его туфли. В это время из спальни, шаркая ногами и громыхая клюкой, вышла бывшая теща. Увидев Калинича, она скривилась во злобе и с дикой ненавистью прошипела:

– Опять ты, змей пролетимый, сюда притащился! Когда ты уже нас в покое оставишь, гад ползучий! всю жизнь перегадил бедной Лидочке и мне тем самым! Чтоб тебя, идола поганого, зымзало-крымзало день и ночь на том свете! Чтоб ты, нечистая сила, сгинул без следа, как ветер в поле!

– Бабушка, перестань! – осадил ее Гена. – Папа к вам с добром, а ты проклятиями сыплешь!

Злобная старуха зыркнула на Калинича выцветшими оловянными глазами и, содрогнувшись от лютой ненависти, побрела, бурча себе под нос разухабистые проклятия, пока не скрылась за дверью туалета. По части проклятий она была непревзойденной. Проклятия были ее духовной пищей, источником ее жизненной энергии. Без них она не смогла бы существовать.

– Прости ее, папа, – с искренним сожалением сказал Гена. – Она старая – не в себе уже.

– Бог простит, – криво улыбнувшись, ответил Калинич и, поцеловав на прощанье сына, вышел в подъезд.

На следующий день, когда по окончании рабочего дня Калинин подошел к своей «мазде», припаркованной на стоянке у институтской проходной, кто-то сзади тронул его за плечо. Он обернулся, думая, что это кто-нибудь из коллег хочет, как обычно, попросить подвезти по пути домой. Но он ошибся. На него сквозь темные стекла очков смотрел незнакомый мужчина лет пятидесяти.

– Добрый день, Леонид Палыч. Вы не очень спешите, я надеюсь? – вежливо спросил незнакомец с исключительно серьезным видом.

На нем были дорогие джинсы и не менее дорогая рубашка навывпуск тоже из джинсовой ткани. Обут он был в роскошные кроссовки, о которых любой из современных модников мог бы только помечтать. Вся одежда незнакомца была тщательно подогнана по фигуре, густая черная борода с проседью и спортивного вида шевелюра подстрижены столь аккуратно, словно он только что вышел из самой «крутой» парикмахерской города. Окинув его изучающим взглядом, Калинин столь же серьезно и вежливо ответил:

– Добрый день. Простите, не имею чести знать Вашего имени и отчества...

– Мелентьев. Мирослав Антоныч Мелентьев, – отрекомендовался незнакомец. – Не уделите ли Вы мне, Леонид Палыч, несколько минут вашего времени?

– Несколько минут – пожалуйста, – корректно ответил Калинин. – Слушаю Вас, уважаемый Мирослав Антоныч.

– Быть может, нам лучше поговорить в автомобиле, чтобы понапрасну не привлекать внимания Ваших коллег? – деловому спросил Мирослав Антоныч.

Калинич открыл дверцу «мазды», пропуская Мирослава Антоныча, а сам зашел с противоположной стороны и сел на место водителя. Калинич опустил со своей стороны стекло, так как машина была раскалена лучами еще не зашедшего июльского солнца, и в тесном салоне было жарко и душно. Кондиционера в машине не было, но был вентилятор. Калинич тут же его включил. Дышать стало легче.

– Вот что, Леонид Палыч. Мне известно о Вашей работе по части телепортации, и речь пойдет именно о ней. У меня к Вам деловое предложение. Какую сумму Вы хотели бы за него получить? – напрямую спросил Мирослав Антоныч.

– Уважаемый Мирослав Антоныч, – сказал Калинич, стремясь быть исключительно спокойным и вежливым. – Спасибо, конечно, за деловое предложение. Но я еще не оформил надлежащим образом своего приоритета в этом деле, поэтому о каких-либо сделках говорить пока рановато.

– В том-то и дело, что нас устраивает именно такое положение вещей. Назовите, пожалуйста, сумму, которую Вы согласны получить за то, чтобы впредь не оформлять никаких приоритетов, не печатать никаких сообщений, не выступать ни с какими докладами и не давать никаких интервью на эту тему. Мы в состоянии выделить Вам достаточно, чтобы Вы смогли прожить в свое удовольствие весь остаток жизни, да

потом еще и оставить после себя хорошее наследство. Мы не требуем от Вас немедленного ответа. Можете подумать как следует. Ну, что скажете? – спросил Мелентьев и откинулся на спинку кресла в ожидании ответа.

– Скажите, пожалуйста, Мирослав Антоныч, кто это «мы» и что вы собираетесь делать с моим открытием? – спросил Калинич без обиняков.

– А вот это, Леонид Палыч, Вас никак не должно интересоваться, – отрезал незнакомец.

– Как это – не должно интересоваться? То, что я сделал, может привести к глобальной катастрофе, если попадет не в те руки, понимаете? – возмутился Калинич.

– Ну, это пусть Вас несколько не волнует. Можете быть спокойны. Мы как раз именно того и опасаемся. Притом несравненно больше Вашего и согласны заплатить Вам только за то, чтобы Вы, даже не вводя нас в курс дела, просто уничтожили все материалы, связанные с Вашим открытием, и больше никогда ни под каким видом к этому делу не возвращались, – попытался успокоить его Мелентьев. – Хочу предупредить Вас, Леонид Палыч, что и в Ваших, и в наших интересах следует оставить этот разговор между нами. Так что? Подумаете над суммой? По рукам?

– Позвольте, Мирослав Антоныч, позвольте! Я работаю на благо человечества, а не на свалку. Представляете, что было бы с человечеством, если бы в свое время изобретатель колеса уничтожил свое детище? – откровенно возмутился Ка-

линич.

– Леонид Палыч, мы же Вам предлагаем очень крупную и выгодную сделку. Подумайте как следует – у Вас есть еще немного времени, чтобы не упустить своего шанса, – сказал Мелентьев и посмотрел на Калинича колючим пронизывающим взглядом, от которого Леониду Палычу стало не по себе.

Мелентьев достал дорогой мобильник, и его палец с молниеносной быстротой забегал по клавишам. Калинич вынул ключ зажигания и вставил в скважину, давая понять, что разговор окончен. В это время зазвучал вызывной сигнал мобильного, и он рефлексивно сунул руку в карман.

– Не стоит беспокоиться, Леонид Палыч. Это я звоню, – сказал Мирослав Антоныч. – Уже дал отбой. Хочу, чтоб у Вас остался номер моего мобильного на случай, если Вы все же надумаете пойти на сделку с нами. Все. Не смею больше Вас задерживать. Будьте здоровы.

Мелентьев открыл дверцу, вышел из машины и, аккуратно захлопнув ее за собой, тут же смешался с окружающей толпой. «Ну и дела, – подумал Калинич, запуская мотор. – То никто не признает моего открытия, все смеются над ним и начисто отвергают, а то вдруг сплошные предложения!»

Он выехал на проезжую часть и остановился у бордюра. Достав мобильник, удалил из памяти телефон Мелентьева и позвонил Ане.

– Анюта, ты где сейчас? Уже дома? А я немного задер-

жался после работы. В машине сижу – домой еду. Купить по пути ничего не нужно? Нет? Ну, хорошо. Тогда я скоро буду. Без меня не обедай. Пока.

Через полчаса Калинич уже загонял машину в гараж.

XL

Суббота выдалась пасмурной и потому прохладной. Ночью была гроза, прошел теплый ливень, но к обеду уже подсохло. И Калинич решил ехать на дачу за своим хламом, как они накануне договорились с Геной. В половине первого он вывел из гаража машину и позвонил на Генин номер. После третьего гудка Калинич услышал мягкий голос сына:

– Привет, папа! Ты как, не передумал?

– Привет, сынок. Я уже сижу в автомобиле. Если ты готов, то выезжаю, – с отеческой теплотой сказал Калинич.

– Все готово, папа. Я в гараже. Все, какие остались, железки сложил в твой старый сундучок. Может, не стоит возиться? Ей-Богу, здесь один металлолом, который впору выбросить хоть сейчас, хоть немножко позже, – весело сказал сын.

– Нет, Генчик, я иногда нахожу старью неплохое применение. И это барахло тоже должно сослужить мне достойную службу, – весело сказал Калинич. – Итак, я выезжаю. Жди.

– Добро, папа. До встречи.

Калинич сунул в карман мобильник и повернул ключ стартера. Мотор завелся с полуоборота, и Калинич помчал по знакомой дороге, накатанной в продолжение трех десятилетий.

Загородная трасса была относительно свободна, милиция нигде не маячила, и Калинич выжимал из машины все, на что она была способна. Внимательно следя за дорогой, Леонид Палыч не переставал думать о том, как уберечь свое открытие от посягательства посторонних. Он еще и еще тщательно проигрывал в воображении все возможные ситуации, выискивая слабые стороны своего плана и обдумывая, как их устранить.

Никто не должен догадаться, где хранится разобранный репликатор. Нужно сбить с толку тех, кто пытается следить за ним. Калинич не сомневался в том, что его телефоны прослушиваются и что в квартире повсюду установлены «жучки». «Уж не паранойя ли у меня?» – подумал он. Но здесь лучше перебрать, чем недобрать. Береженого Бог бережет. Нужно действовать точно по намеченному плану и ни под каким видом не отступать от него ни на шаг. По телефону – только та информация, которая может или должна попасть к невидимому противнику, а все детали плана действий не должны быть известны никому, даже Ане.

Калинич не заметил, как оказался на территории институтского садоводческого товарищества, куда его, как хорошо всем знакомого, пропустили без малейших проблем. Машина, мягко покачиваясь на выбоинах, как корабль на волнах, тихо пошла по грунтовой дороге, на которой Калинич знал каждую ухабину, каждую колдобину. Вот и его бывший домик – такой аккуратный и милый сердцу. Здесь все сделано

его руками. Каждое деревце, каждый кустик посажен и взращен им самим.

Грядки были не засеяны и сплошь заросли сорняками. Роскошные цветы, в прошлом предмет его гордости, полностью захирели и лишь кое-где сиротливо выглядывали из бурьяна, как узники из темницы.

Преодолев тягостное впечатление от увиденного, Калинич остановил машину у ворот, со скрипом отворил давно не смазываемую калитку и направился к открытой двери домика. Навстречу вышел улыбающийся Гена.

– Привет, папа! Я так рад тебя видеть! Как давно мы с тобой здесь не отдыхали! – сказал он с грустью, прижимая отца к груди.

– Всему, Геночка, когда-то приходит конец. Ничто не вечно под Луной, – философски ответил Калинич старший.

– Пойдем, папа, пообедаем, – предложил Гена. – Давно мы с тобой не общались за столом.

– Спасибо, Генчик. Обязательно, но как-нибудь в другой раз, когда я буду посвободнее и не за рулем, – с искренним сожалением сказал Леонид Палыч. – Давай мои железяки, и я поеду. Мне еще сегодня нужно попутно одно важное дело поскорее уладить. Я обещал не задерживаться.

– Вот твои железяки – в небезызвестном тебе сундучке, – грустно сказал Гена. – Вот и ключ к нему.

– Даже так? Вот спасибо. Это мне как нельзя более кстати, – обрадовался Леонид Палыч и, взяв из рук сына сунду-

чок, направился к калитке.

– Папа, – остановил его Гена.

– Что, сын? – спросил Леонид Палыч дрогнувшим голо-
сом.

– Как было хорошо, когда все мы жили вместе, единой
семьей! – грустно сказал Гена.

– Все течет, сынок, все изменяется. К сожалению, про-
шлое невозможно вернуть, а будущее сокрыто от нас, – сказал Ка-
линич, покачивая головой.

– Папа, а мама говорит, что ей без тебя гораздо хуже, чем
было с тобой. Она бы не прочь забыть все прошлые неуря-
дницы и снова воссоединить семью.

– Нет, сынок. Разбитую вазу не склеишь, как говорят ки-
тайцы. Видит Бог, я всеми силами стремился сберечь семью,
но безрезультатно. А теперь в наших отношениях произо-
шли необратимые изменения. Я никого ни в чем не виню, ни
на кого не держу зла, никого не осуждаю. Прости за все, в
чем виноват. Так уж, видимо, было Богу угодно, – сказал Ка-
линич, с трудом удерживаясь от слез. – Ну, пока, сын. Связь
по телефону.

– До встречи, папа, – ответил Гена и кинулся к отцу на
шею, как когда-то в детстве, когда провожал его в длитель-
ные командировки.

Они поцеловались, и Калинич, еще раз взглянув на сына,
вышел за калитку.

– Генчик, ты бы петли калитки смазал. Скрипит-ворчит,

как злая старуха, – сказал он на прощанье.

– Обязательно смажу, папа. Прямо сейчас – вот только тебя провожу, – широко улыбаясь, пообещал Гена.

Леонид Палыч положил сундучок в багажник, завел машину и, кивнув на прощанье сыну, рванул с места.

Он ехал, плача, как ребенок, даже не утирая слез. Выехав за ворота садового товарищества и проехав с километр, он, наконец, овладел собой, утер слезы и остановился на обочине.

Калинич вышел из машины, открыл багажник, достал сундучок и поставил на бордюр. С трудом открыв заржавленный замок, он поднял крышку и выбросил в кювет половину совершенно ненужного хлама. Осмотревшись – не наблюдает ли кто за ним – Калинич достал из-под сиденья разобранный репликатор, уложил его детали вперемешку со старым хламом, закрыл крышку сундучка, продел в петлю дужку ржавого замка и защелкнул его. Водворив сундук на прежнее место – в багажник, Калинич снова «с ветерком» помчал по трассе. Через сорок минут он свернул на проселочную дорогу и не спеша поехал в направлении, указанном стрелкой с надписью «Село Осокоры».

Калинич заглушил мотор у окон добротного каменного дома, обнесенного высоким глухим забором, и дал протяжный сигнал. Во дворе залаяла собака, но никто не вышел. Через пять минут он еще посигналил. За воротами послышалась возня и брзжащий стариковский голос:

– Слышу. Слышу. Терпение. В будку, Султан! В будку, я сказал!

Загромыхали крюки и засовы. Открылась добротная, как и вся усадьба, калитка, из-за которой все тот же голос про- бурчал:

– Я же в саду на стремянке работаю. Чуть не свалился с нее – спешил так!

В открывшемся проеме появился пожилой мужчина в широкополой соломенной шляпе, грубой полотняной рубаше и с пышными, как у Буденного, седыми усами. Несколько секунд он внимательно приглядывался к Калиничу, а потом его лицо обрадованно засияло.

– Леша! Леша, неужели ты?! Вот здорово! Наконец-то заехал, черт возьми! – радостно вскричал он, бодро подскочив к машине Калинича.

Калинич вылез из автомобиля, и они обнялись, как родные братья.

– Ну, здравствуй, Леша! Здравствуй, дорогой! Постарел, ей-Богу, постарел! – говорил старик, тряся Калинича за плечи.

– Здорово, Родион! Привет, старина! О, да у тебя вид настоящего, матерого крестьянина! – сказал Калинич, утирая неожиданно навернувшуюся слезу. – Ну, как тебе, дружище, отдыхается на пенсии?

– Ничего, живем помаленьку. Здоровье в пределах возрастных допусков. Ты бы хоть позвонил, что ли, чтобы мы

тебя должным образом встретили. Да что мы тут стоим? Загоняй машину – сейчас ворота открою, – засуетился старик.

– Нет, дорогой Родиоша, я на минуту – спешу очень. У меня дела, – остановил его Калинич.

– Как это, на минуту? – возмутился старик. – Целых три года не виделись, даже больше! Да и куда тебе торопиться? Сегодня суббота, завтра воскресенье – на работу не идти. Заночуешь у нас. Мы как раз еще не обедали – сядем сейчас, выпьем по рюмочке-другой моего коньячку самопального. Поболтаем, вспомним наш НИИ, друзей старых. Помянем тех, кого уже нет. Я тебе наше хозяйство покажу, классным медом угощу, фрукточками, ягодками! У меня тут аж три свинюки! На научной основе все!

Родион направился было отворять ворота, но Калинич удержал его за руку:

– Не обижайся, Родион Климыч, но я связан обещанием. Меня ждут. Подвести не могу, понимаешь?

– Да позвони, скажи, что встретишься в другой день. Сейчас мобильные телефоны у каждого школьника. Найти человека за пять минут можно. Когда там ты ко мне еще надумаешь! – настаивал Родион.

– Нет, не могу, дорогой Климыч. Сегодня никак не могу, пойми. Это с бизнесом связано, деньги могут ухнуться. Я же теперь бизнесменом стал, свой магазин имею, – оправдывался Калинич, не зная, куда глаза девать.

– Да что ты! Леша Калинич – бизнесмен! Ну и ну! Не

представляю, какой из тебя бизнесмен? Думаю, это ненадолго. Наука – это твое, а бизнес – это никак не для тебя.

Родион Климыч добродушно рассмеялся.

– Ты там, говорят, большое открытие сделал, верно?

– Да, Родиоша, сделал. Сделал на свою голову! Теперь вот хлопот полон рот, как говорится. Никак не разгребу всего, – пожаловался Калинич.

– Ну вот, – Родион Климыч опять рассмеялся. – А ты говоришь – бизнесмен. Да из тебя бизнесмен, как из определенного вещества пуля! Давай, говорю, ко мне. У меня такая рыбка – сам ловлю, сам и завяливаю, пальчики оближешь. Невестку сейчас за пивком пошлю, и посидим на славу, – уговаривал Калинича старый Родион.

– Какой-никакой, а бизнес есть бизнес. Никак не могу – денежная сделка сорвется. Я на следующей неделе к тебе прикачу. Слово даю, – пообещал Калинич.

– Ну, если слово, тогда другое дело. С пятницы по воскресенье включительно – сможешь? – наступал Родион.

– Ну, ты был бы не ты, если бы не выбил из меня вексель. Смогу! Доволен? – сказал Калинич и крепко, как в молодости, хлопнул старого друга по плечу.

– Доволен, доволен, Леша. Здесь хоть и хлопотно, скучать некогда, но все же скучаю по старым друзьям, по тебе, в частности, да по нашему НИИ, насквозь прогнившему, туды его мать. Редко кто позвонит. Если бы я сам не звонил, давно забыли бы. Здесь, вдали от моего прежнего окружения, чув-

ствуешь себя мертвецом при жизни. Будто с того света за всем наблюдаешь, – с грустью сказал Родион Климыч.

– Слушай, Климыч, у меня просьба к тебе имеется. Пу-
стяковая, как говорится, просьба. Понимаешь, я вот с женой
разошелся... – тихо сказал Калинич.

– Слышал, Леша, что ты разошелся, но не поверил. Что
это ты вздумал бузить на старости лет? Лида – она неплохая
ведь... – Родион замолчал и уставился в землю.

– Неплохая, конечно. Но... долго объяснять, Родиоша.
Потом расскажу – за пивом. Так вот, Климыч, я оставил ей
и квартиру, и дачу, и старушку «ладу». Но кое-какие желе-
зяки только что из гаража забрал. Я не хотел бы, чтобы моя
новая жена заподозрила меня в восстановлении контактов с
первой. Пусть пока у тебя побудут. Можно? – спросил Кали-
нич и с улыбкой посмотрел в глаза старому другу.

– Отчего ж нельзя? Конечно можно, – охотно согласился
Родион Климыч.

– Тогда я сейчас достану.

С этими словами Калинич полез в багажник. Вынув ста-
рый сундучок, он отпер замок, поднял крышку, и ржавые
петли жалобно скрипнули.

– Вот, смотри, Родион. А то подумаешь, что я тут ка-
кую-нибудь контрабанду прячу или другую крамолу тебе на
подставу. Тут сущее барахло, а все же выбросить жалко. Ино-
гда бывает, что все бы отдал за такую вот медяшку или за-
движку.

Калинич повернул сундук к Родиону Климычу и погрел металлическими деталями. Тот добродушно улыбнулся и по-дружески съязвил:

– Ты, Леша, как был барахольщиком, так им и остался. Ну, Плюшкин, и все тут! Закрывай свой сундук – поставим в гараж. Пусть стоит, пока ты забрать не надумаешь. Подожди минутку, я пса подержу.

– Да ты уж сам поставь. Меня время поджимает – опоздаю, не дай Бог, – сказал Калинич, протягивая Родиону сундук.

Родион взял сундук и усмехнулся в пышные усы:

– Сундук мертвеца, етит твою налево! Как у Стивенсона. Бутылки рома только не хватает.

– Будет и бутылка рома. Только в ближайшую пятницу, – пообещал Калинич, усаживаясь в машину.

– Что ж, тогда до пятницы, – сказал на прощанье Родион Климыч.

– До пятницы, – ответил Калинич, заводя мотор.

Видавшая виды, но отлично ухоженная «мазда» тронулась с места, круто развернулась и, поблескивая стеклами в предзакатных лучах июльского солнца, покатила по сельской улице в сторону автострады. А Родион Климыч стоял, махая вслед Калиничу рукой, пока машина не скрылась из виду.

XLI

Анна Никитична еще раз подошла к зеркалу и осмотрелась. Поправив блузку, взглянула на часы. Без десяти пять. Через десять минут должен прийти Геннадий Калинич – так

они условились по телефону. Анна Никитична была вся в напряжении. Чего он хочет? Зачем она ему понадобилась именно сейчас, через три года после той субботы? Что он ей скажет? Начнет упрекать? Обвинять? Чего-то от нее потребует? Как бы там ни было, она должна вести себя с ним сугубо доброжелательно и исключительно корректно. Только такое ее отношение к Геннадию устроило бы Леонида Палыча.

Чтобы сконцентрироваться, она приготовила чашку крепчайшего кофе и, обжигаясь, выпила его, стоя у окна. Окно было открыто во всю ширь, и со двора доносились резвые голоса играющих детей. Она выглянула во двор и увидела у подъезда знакомую старенькую «ладу», которую уже успела основательно забыть. Отскочив от окна, Анна Никитична снова подбежала к зеркалу и еще раз придирчиво осмотрелась. В этот момент в прихожей раздался звонок.

Она открыла незапертую дверь и увидела перед собой добродушно улыбающегося Геннадия с букетом алых роз. Боже, как похож на отца! – подумала она и, улыбнувшись в ответ, жестом пригласила гостя в квартиру. Переступив порог, он протянул ей розы.

– Это вам, Анна Никитична, – сказал он, приветливо улыбаясь. – Поставьте в водичку. Я не спешу.

– Спасибо, Геннадий Леонидыч, – растерянно сказала она. – Проходите, пожалуйста, садитесь за стол. А я сейчас – только ваши цветочки определю.

Он сел за стол, а она через минуту внесла старинную ки-

тайскую вазу с благоухающими розами и поставила на середину стола.

– Чудные розы. Это мои любимые цветы. Я Вам очень за них благодарна, – сказала она, садясь напротив Геннадия.

– Анна Никитична, я к Вам ненадолго. Сегодня исполняется ровно три года с тех пор, как я видел папу в последний раз. Я не мог к Вам не прийти, – сказал Геннадий и тяжело вздохнул.

– Спасибо, Геннадий Леонидыч. Я очень тронута...

Ее голос задрожал, и она отвернулась, утирая глаза носовым платочком.

– Не нужно величать меня Леонидычем. Просто Гена – и все. Анна Никитична, как по-вашему, что могло с папой случиться? – угрюмо спросил он.

– Не знаю, Гена. Ума не приложу. Я понятия не имела, куда он намеревался направиться в ту злополучную субботу. Им накануне многие интересовались. Мне он рассказывал о каком-то бизнесмене, потом о Валере Грекопопове из охранного агентства и о некоем загадочном Мирославе Антоныче. Я не люблю лезть к человеку в душу, расспрашивать, выпытывать и тому подобного. Я считала, что если ему нужно со мной поделиться, он мне сам обо всем расскажет. Все ли он рассказал мне тогда, я не знаю до сих пор. Думаю, что не все. О том, что он собирался встретиться с вами на даче, я узнала уже от следователя.

Она замолчала и посмотрела на Гену. В его глазах была

неподдельная печаль. Чтобы не расплакаться, она опустила взгляд и принялась рассматривать рисунок на скатерти.

– Как по-вашему, зачем ему могли понадобиться старые железки? Они слова доброго не стоили – металлолом, да и только, – спросил Гена тихим голосом, почти шепотом.

– Не знаю. И очень этому удивляюсь, – ответила она. – Я твердо убеждена в том, что он ни в чем таком не нуждался. А может быть, он помимо металлолома прихватил с вашей дачи что-то еще?

– Нет, Анна Никитична, ничего он не прихватил. Я сам уложил все оставшиеся железки в старый сундучок и вручил его папе, когда он приехал. Он в него даже не заглянул, а тут же положил в багажник и укатил. Он явно куда-то спешил. Сказал, что обещал не задерживаться. Быть может, у Вас с ним была назначена встреча? – поинтересовался Гена.

– Нет, никакой встречи он мне не назначал. В тот день он с утра возился в гараже. Потом я видела, как он около половины первого куда-то уехал – я еще на часы посмотрела. Он не сказал мне куда. Ну, думаю, значит к обеду придет. И даже не позвонила ему на мобильник. Но он не приехал ни к обеду, ни к ужину, ни на следующий день... – ее голос задрожал, и она снова заплакала. – Простите, Гена, – сказала она, вытирая покрасневшие глаза.

– Да, загадка... Анна Никитична, как, по-вашему, папа перед этим чего-то боялся? – спросил Гена.

– Он был, мне кажется, чем-то обеспокоен. Но чтобы бо-

ялся... Пожалуй, нет. Он был слишком наивен, чтобы всерьез бояться... – она осеклась. – Простите, Гена... Ой, что это я говорю – «был»?.. Вполне возможно, что он где-то жив и здоров, а я о нем в прошедшем времени...

– Вряд ли, Анна Никитична. Скорее всего – нет... Не представляю, как там следствие работает. Где можно спрятать человека и автомобиль, чтобы за три года никакого следа не найти? – сказал Гена с необыкновенной болью и скорбью.

– Мне кажется, что в этом деле все друг друга прикрывают. Он сделал такое открытие! Совершил грандиозный переворот в науке. Многим его открытие было как кость в горле. А другие смотрели на него, как шакалы на чужую добычу. Ваш папа был гордым человеком и не хотел ни с кем делиться приоритетом. Поверьте, у него были на это все основания, – заключила Анна Никитична.

– Пожалуй, Вы правы... – согласился Гена.

– Ваш папа был... – она снова осеклась. – Ваш папа, Гена – необыкновенный человек: обладатель нескольких талантов одновременно. Прежде всего – это талант ученого-теоретика, мощнейший интеллект. К тому же, замечательный экспериментатор. Руки у него – золотые. Программист от Бога, хоть никогда этому делу не учился – умел добывать знания самостоятельно. Знал и любил несколько иностранных языков, читал на них книги, смотрел фильмы и слушал радио. А как он умел излагать мысли на бумаге! Пожалуй, каждый

составленный им текстовый фрагмент – это своего рода литературно-художественное произведение. Не спорю, музыкальным слухом он не обладал и очень комплексовал от этого. Но как он чувствовал музыку! Любил оперу, симфонические произведения... – она вздрогнула и поднесла к глазам платок. – Боже, опять я о нем в прошедшем времени...

– Ну ладно, успокойтесь, Анна Никитична. Что подделаешь... А я, пожалуй, пойду, – сказал Гена и встал из-за стола.

– Да куда ж это вы, Гена? Сейчас я кофе сварю. Или чай – что вы предпочитаете? – заволновалась Анна Никитична. – Давайте посидим, поговорим еще, папу вспомним. Заметьте, я сказала «вспомним», а не «помянем»...

– Спасибо, спасибо, Анна Никитична. Меня в машине жена заждалась уже, – сказал он, очаровывая ее своей доброй широкой улыбкой.

– Так зовите ее сюда, я с удовольствием с нею познакомлюсь. У такого чудесного молодого человека и жена должна быть великолепная, – заключила она.

– Да, она у меня – умница и красавица, всем на зависть. Как-нибудь навещу Вас вместе с нею. Я был чрезвычайно рад с Вами познакомиться. Вы очень приятная, умная и преданная женщина. ПапВ не зря в вас влюбился, – сказал Гена, выходя на лестничную площадку.

– Спасибо, Гена. Вы меня, наверное, осуждаете? – спросила она, глядя в его большие и черные, как угли глаза.

– Ни в коем случае, дорогая Анна Никитична. Пути Гос-

подни неисповедимы. До свидания.

– До свидания, Гена. Мне тоже было очень приятно познакомиться. Удачи Вам.

Она закрыла за Геной дверь, вернулась в комнату и бесильно опустилась в старое кожаное кресло.

На даче у Агатовых собрались соседи, ближайшие родственники, друзья и знакомые на печальное застолье. Девять дней тому назад они похоронили Родиона Климыча. Разговаривали вполголоса. Выпили по рюмке, не чокаясь, за упокой души новопреставленного, потом еще по одной. После третьей обстановка немного разрядилась – голоса зазвучали бодрее. Заплаканная вдова, вся в черном, сидела отрешенная, ни на кого не глядя. На стол подавали невестки и соседка. Сыновья сидели молча. Подвыпивший сосед попросил слова.

– Хочу сказать, что покойный Родион Климыч был славный мужик. И на все руки мастер: он и в саду, он и в гараже, он и со свиньями, он и с пчелами. А какой самогон гнал! – сосед поднял рюмку. – Адамова слеза, да и только! Как специально себе на поминки, бедняга, выгнал. Только вот – никто из института его на похороны не приехал! А он столько лет там отпахал! Черствые они люди все же, эти ученые! Помянем Климыча – царствие ему небесное и земля пухом! Аминь!

Он опрокинул рюмку и сел. Пожилая соседка положила в его тарелку по ломтю ветчины, сала и колбасы.

– Закусывай, Саша, а то опьянеешь, – заботливо сказала она.

– Дядя Саша прав, – сказал старший сын покойного. – Никто с его работы не приехал – у всех уважительные причины нашлись. Даже ближайший друг его – Калинич – и тот почему-то не смог. А ведь как они дружили с дядей Лешей!..

– Гриша, – сказала младшая невестка, – так он же три года как пропал!

– Кто пропал? Калинич? Да что ты! Откуда тебе известно? – удивился Гриша.

– Отец сам рассказывал, – ответила невестка. – Приехал, говорит, к нему Калинич, оставил сундук с какими-то железками и укатил тут же на своей новенькой «мазде». Пообещал через неделю приехать на целых три дня. Ну, отец готовился, ждал. Я им большущую баклажку пива купила и в холодильник поставила, отец специально вяленого леща подготовил. Огромного такого, как этот стол почти! Ждать-пождать, а Калинича все нет, как нет. Ну, отец обиделся, значит. Что за друг, говорит! Разбогател, теперь и знаться не хочет. Не буду, говорит, больше ему звонить. И не звонил. Целый год, почитай, не звонил. А когда в свой институт поехал – насчет пенсии справку какую-то заполучить – ему там и сказали, что друг-то его год уже, как пропал. И пропал-то он в тот самый день, когда к отцу заезжал, чтоб этот самый сундук по секрету оставить! От нас, выходит, уехал, а до дому вот не доехал. И до сей поры ни Калинича, ни машины.

Милиция, говорят, все окрестности обыскала, просто с ног сбилась. Пропал где-то по дороге среди бела дня. Ну, теперь они, может, с отцом на том свете встретятся – тогда уж, я думаю, наговорятся всласть!

– Интересно, а что в том сундуке было? Может, из-за него-то как раз и ущучили деда? – спросил уже основательно захламевший дядя Саша.

– Да ничего там полезного не было, – сказал младший сын покойного Родиона Климыча. – Старые изношенные автозапчасти, совершенно непригодные. Да электроника какая-то – тоже, по-моему, старая, как век. Платы, микрочипы, провода, жгуты, разъемы разные. И все в пыли, в грязи, вперемешку с каким-то мусором. То ли от допотопного телевизора, то ли от компьютера какого-то. Бог его ведает. Все в полиэтиленовых кульках замызганных. Пластины там какие-то были – из нержавейки да латуни, по-моему. Катушки, что ли, проволочные да еще мотлох разный – абсолютно бесполезный. Не пойму только, зачем он это хранил? Марзаматик, что ли?

– И куда ты дел это богатство? – поинтересовался его старший брат.

– Да выбросил на помойку к едрене-бабушке. Куда ж еще? А сундук остался. В гараже стоит. Хочешь – пойди, забери, – ответил младший, пережевывая ломтик сырокопченого окорока.

– Да на кой хрен он мне? Что я с ним буду делать? Давайте

заодно и Калинича помянем. Царство небесное им обоим, – сказал старший, поднимая рюмку.

– Так никто ж, поди, точно не знает, помер этот Калинич или, может, жив где-то по сей день, – сказала младшая невестка. – Как же его поминать можно?

– Да какая разница? – сказал дядя Саша, которому не терпелось хильнуть еще раз и было все равно, за что именно. – За упокой усопших друзей!

Они выпили. Минуту все молчали. Слышны были только чавканья дяди Саши да стук посуды. Младшая невестка принесла блюдо с жареной рыбой и водрузила на середину стола.

– Поминайте рыбкой Родиона Климыча, – сказала она, – покойный отец любил рыбку.

– Тамара, – обратилась к ней пожилая соседка, – скажи, а что милиция насчет пропажи этого... как его... Калинича говорит? Куда он мог деваться?

– Не знаю, – ответила Тамара. – Мне известно только то, что покойный отец рассказывал.

– А что тут это... говорить, собственно? – заплетающимся языком сказал дядя Саша. – Машина кому-то приглянулась, стало быть. Вот его... это... значит... подловили где-нибудь на трассе, да и кокнули, видимо. Машину забрали... а самого... – он громко икнул, – ночью закопали в лесочке каком-нибудь... Или в огороде у кого-то. Да что мы всё об этом... как его... Калиниче?.. Мы же по Родиону Климычу девятидневье справляем. Хороший, говорю, мужик он был.

Вечная ему память и царство небесное!

Юлий Гарбузов
Харьков, Украина

КНИЖНЫЙ ЛОТОК

(August 08, 1999 at 21:33:59) Domain: 209.53.249.170
Vancouver, Canada.

Русскоязычный журнал «PRIVAN»

(«Привет, Ванкувер!»)

Удивительный случай, о котором пойдет речь в этом рассказе, произошёл с моей ныне здравствующей коллегой, Анной Вячеславной Этус. Мы с ней много лет преподавали на общетеоретической кафедре одного из институтов нашего города. Это странное событие случилось в июне 1975 года, но Анна Вячеславна, опасаясь, что ее сочтут не вполне адекватной, решила рассказать о нем только сейчас, то есть двадцать четыре года спустя в застольной беседе, будучи у меня в гостях на Дне рождения. Описываемая история глубоко взволновала всех моих гостей, а лично меня экстраординарные явления привлекали всегда. Я не имею морального права сомневаться в искренности этой строгой и объективной женщины, в недалеком прошлом преподавательницы экстра-класса. Для более точной передачи последовательности событий я поведу повествование от её имени.

В тот день я не особо спешила на работу, так как лекции и другие виды аудиторных занятий уже закончились. Шла летняя экзаменационная сессия. Погода была солнеч-

ная, небо ясное, и, когда я проходила по улице Гоголя мимо находящегося там одного из корпусов госуниверситета, неожиданно хлынул теплый летний ливень. Судя по висевшей у входа вывеске, в этом корпусе располагался филологический факультет. Входная дверь была широко распахнута. Преодолев несколько ступенек полуразвалившегося крылечка, я влетела в нее, чтобы укрыться от дождя, и очутилась в ярко освещенном вестибюле. Моё внимание привлекло необычно пышное по тем временам убранство помещения. Времени у меня в распоряжении было достаточно, и я с любопытством озиралась вокруг, невольно сравнивая обстановку с нашей институтской.

Необычайно яркий свет исходил от огромной хрустальной люстры, висевшей под расписным плафоном и сверкавшей бронзовой арматурой. Прямо напротив входа поднималась широченная мраморная лестница с мраморными же перилами. Ступеньки были устланы роскошной ковровой дорожкой, закреплённой бронзовыми прутьями, начищенными до зеркального блеска. Пол был тоже мраморный, украшенный посередине замысловатой мозаикой. Народа было не особенно много, как обычно, во время экзаменационной сессии. Высокие потолки с художественной лепкой под старину, массивные дубовые двери с дорогой бронзовой фурнитурой, блестящие свежим лаком, и висевшие на стенах огромные картины, на которых были изображены живописные пейзажи, повергли меня в шок.

Слева, если смотреть со стороны входа, за массивным бюро сидел строго одетый элегантный дежурный. На бюро стояли новенькие телефонные аппараты, как видно, импортные, вентилятор с лопастями, окруженными защитной решеткой, и тяжелая дорогая настольная лампа, а дежурный вежливо, с улыбкой давал пояснения подходившим к нему людям, время от времени спокойно отвечая на телефонные звонки.

По правую сторону располагался книжный киоск, вернее, очень богатый по тем временам лоток. Хорошие книги в то время были редким дефицитом, и я не преминула возможности подойти к нему. Книги там были воистину великолепные. Мои глаза разбегались, я загорелась азартом, однако денег у меня при себе было мало, поэтому купить то, что хотелось, я не имела возможности. Но одну книгу всё же приобрела. Это был сборник стихов Омара Хайяма в великолепном оформлении. Страницы цветные, со старинными вензелями, выполненные в нежных, успокаивающих пастельных тонах. Переплёт жесткий, глянцевый, талантливо декорированный мудреным восточным орнаментом времен арабских халифатов.

Ливень на улице стих так же внезапно, как и начался. Радуюсь покупке, я вышла из вестибюля, ещё раз оглянулась на невзрачную наружную дверь над полуразрушенным крыльцом и подумала: «Как за такой неказистой дверью может скрываться столь великолепная внутренняя обстановка? Уж наружную-то дверь и крыльцо можно было бы оформить по-

человечески. Ведь именно с нее начинается знакомство с филфаком госуниверситета!»

Придя на работу, я тут же показала книгу сотрудникам и с увлеченностью поведала о том, как великолепно оформлены некоторые факультеты госуниверситета – не то, что наш институт. Мой рассказ особого впечатления на коллег не произвел, а вот книга оказалась всем на зависть, и одна из моих ближайших приятельниц тут же дала мне деньги и попросила сегодня на обратном пути купить ей такую же, так как до завтра их наверняка раскупят.

Дел у меня в тот день на кафедре было не особенно много. Я быстро с ними управилась и где-то через пару часов ушла домой. Возвращаясь тем же путём, я опять подошла к этой невзрачной наружной двери с вывеской и вошла в здание.

Сначала я решила, что ошиблась дверью, потому что попала в совершенно незнакомое полутёмное помещение, даже отдалённо не напоминавшее тот роскошный вестибюль, где была всего каких-нибудь три-четыре часа тому назад. Я вышла, ещё раз посмотрела с улицы на входную дверь. Сомнений не было – дверь была та же, что и утром. И то же полуразбитое крыльцо. Нигде поблизости не было ничего похожего ни на подобную дверь, ни на вывеску, ни на здание корпуса госуниверситета.

Не веря своим глазам, я снова вошла в помещение и осмотрелась более внимательно. Оно имело обшарпанный вид и давно нуждалось в капитальном ремонте. На том месте,

где утром за роскошным бюро сидел импозантный дежурный, стоял убогий письменный стол, за которым, освещенный тусклым светом запыленной настольной лампы с треснутым основанием дремал не менее убогого вида вахтёр. Ничего больше, кроме раздевалки, закрытой в летнее время, старой лестницы с побитыми ступеньками да нескольких человек, озабоченных своими делами, в помещении не было. Недоумевая, я подошла к вахтёру.

– Простите, пожалуйста, у вас здесь был книжный лоток...

– Нет, вы ошибаетесь. Никогда здесь никакого книжного лотка не было.

– Но это же университет?

– Совершенно верно.

– Корпус филфака?

– Филфака.

– А есть здесь где-нибудь поблизости здание с красивым вестибюлем, хрустальной люстрой и богатым книжным лотком?

– Нет... Я с детства живу на этой улице, хорошо знаю все здания, но ничего такого тут нет и, насколько я помню, никогда не было.

Расстроенная, я вышла из мрачного помещения на солнечную улицу и в недоумении побрела к автобусной остановке. Где же я была сегодня утром? Где купила книгу? Куда всё девалось за несколько часов? Можно было бы подумать, что всё это мне померещилось или на ходу приснилось, или

я вообще сошла с ума. Но откуда тогда у меня эта замечательная книга, которая стоит до сих пор в моей спальне на полке на самом видном месте?

Юлий Гарбузов

7 августа, 1999 года, суббота

Харьков, Украина

Колдовской туман

Рассказ в купе

Хочу поведать вам историю, рассказанную мне в поезде, следовавшем в Симферополь в 1992 году, когда я ехал на летний отдых в Алушту. Моими соседями по купе были молодая супружеская пара, занятая только своими заботами и практически не общавшаяся с попутчиками, а также пятидесятилетний житель какого-то приалуштинского посёлка, назвавшийся Михаилом Николаевичем, и рассказавший мне эту удивительную историю.

Михаил Николаевич, по его словам, работал механиком в каком-то санатории и имел свою моторную лодку, на которой от случая к случаю рыбачил неподалёку от берега. Как и большинство крымчан, они с женой в сезон летних отпусков сдавали часть своего жилья внаём отдыхающим. Наиболее активные из их постояльцев просились иногда с Михаилом Николаевичем на рыбалку. И он им, как правило, не отказывал – дополнительный заработок, конечно же, не помешает.

Об одной из таких его рыбалок в компании с квартирантом-отпускником и пойдёт речь в этой истории. Постараюсь ничего не упустить из услышанного и, чтобы изложить со-

бытия как можно точнее, поведу повествование в той манере, в какой преподнес его рассказчик, и от его имени.

Погода установилась солнечная и жаркая, море было тёплым и спокойным, и мы с моим постояльцем Лёней решили, наконец, осуществить план, задуманный им ещё в начале месяца: порыбачить на моем катере вдали от берега на утренней зорьке. Более правильным было бы называть его моторной лодкой, но по документам это все же катер.

Встали мы до восхода солнца и не спеша снарядили лодку. Все остальное, необходимое для рыбалки, мы подготовили еще с вечера. Чтобы не раздражать пограничников, решили выйти в море, дождавшись рассвета, хотя я имел все необходимые разрешения.

Приятно было нестись «с ветерком», прыгая с волны на волну. Солнце сверкало ослепительно и, хоть было ещё раннее утро, день намечался по-крымски знойный. Отойдя от берега на дозволенное расстояние, мы заякорились и забросили удочки.

Прошел час, потом еще один, а клёва все не было. Какая досада! Так долго собираться и – на тебе – хоть бы разочек у кого-то клюнуло. А солнце всё поднималось и жгло немилосердно. Однако мы не уезжали, надеясь выудить хоть маленькую рыбёшку – кошке на обед. Но тщетно. И жара нас, что называется, достала. Искупавшись, мы не смогли охладиться, ибо вернувшись в горячую от солнца лодку, вновь ощутили такой жар, что рисковали получить тепловой удар. Да-

же непосредственная близость водной поверхности не приносила желанной прохлады.

В нескольких километрах от нас на таком же расстоянии от берега мы увидели облачко густого тумана, низко стлавшегося над водой. Лёня предложил прокатиться туда, опять-таки «с ветерком», и погрузиться в его влажную прохладу, чтобы защититься от крымского солнца хотя бы чуточку, хоть на короткое время. Я воспринял это предложение без особого энтузиазма, так как дома меня ждали неотложные дела, но наш предварительный уговор обязывал меня согласиться.

Подняв якорь, мы тут же рванули с места на полных газах, и встречный ветер приятно освежил наши тела, размякшие под лучами нещадного солнца. Лодка стремительно неслась к намеченной цели, подпрыгивая на волнах, глухо ударявших в днище. Вскоре мы достигли полосы тумана и сходу внедрились в него, не сбавляя скорости.

Нас окутала желанная прохлада, которая, по мере нашего погружения во влажную мглу, быстро перешла в такой холод, что захотелось что-нибудь на себя накинуть, да потеплее. Туман стал настолько густым, что я, глядя с кормы, едва различал силуэт Лёни, сидевшего на носу. Внезапно катер стремительно скользнул вниз с высокой волны, а через несколько секунд зарылся носом во встречную волну, обдавшую нас лавиной ледяных брызг, и тут же стал взбираться на неё. Спустя минуту мы выскочили из тумана на ослепитель-

но яркое солнце, чему обрадовались, как дети. Мы дрожали от холода, а выступающие металлические части катера были покрыты инеем. И это в такую-то жару!

Некоторое время мы молча продолжали мчать в прежнем направлении, не обращая внимания ни на что вокруг. Но тут я почувствовал голод и предложил вернуться. Оглядевшись, мы в ожидаемом направлении не увидели берега. Вернее, увидели, но очень далеко, на самом горизонте в виде узенькой полоски в размытой синеватой дымке, что было очень странно, так как проехали мы совсем мало. До этого я никогда в такую даль не забирался, да и пограничники не позволяли, могли лишитъ прав вождения катера. Но как бы там ни было, нужно было возвращаться.

Поворачивая к берегу, я развернул катер влево на девяносто градусов, и тогда Лёня, сидевший на носу лицом ко мне, жестикулируя, стал указывать в сторону кормы. Оглянувшись, я увидел позади нас большой остров, покрытый лесом. До него было метров триста. Я очень этому удивился, потому что никогда слыхом не слыхивал ни о каком острове в тех местах. Ведь я там родился и живу по сей день безвыездно. Да и насколько я знаю, на Чёрном море вообще нет островов таких размеров, кроме Змеиного вблизи от Румынской границы. Лёня сказал, что тоже знает только Змеиный, но факт – вещь упрямая, и мы исключительно из любопытства решили подойти к «открытому» нами острову.

Взяв курс на остров и пройдя метров сто, я неожидан-

но увидел, что нам наперерез несётся пограничный катер, и офицер, стоя у борта почти на самом носу, что-то кричит в мегафон. Но мы ничего не слышали, кроме рева нашего мотора. Я понял: нам велят остановиться, и заглушил мотор. Офицер вроде бы продолжал кричать, однако мы слышали только мерный плеск волн о борт моторки и больше ничего.

Пограничный катер подошёл почти вплотную к нашему судёнышку и развернулся к нам бортом. Офицер продолжал говорить в мегафон, но голоса его по-прежнему не было слышно. На борту появился матрос, который явно намеревался кинуть нам конец, с тем чтобы мы к ним пришвартовались. Катер дрейфовал в нескольких метрах от нашей моторки, и в это время в ее правый борт крепко ударила волна. Нас резко подбросило и понесло прямо на катер. Столкновение было неизбежно. В ожидании удара я мертвой хваткой вцепился в банку и зажмурился, но никакого соударения не произошло.

Открыв глаза, я увидел то, от чего пришел в шоковое состояние. Наша моторка находилась внутри катера... и сидящие в нем матросы смотрели на нас круглыми от ужаса глазами. Через две-три секунды мы были уже по другую сторону катера, а офицер и матрос, стоявшие на палубе, ошалело глядели в нашу сторону. Как видно, они были удивлены не меньше нас тому, что наша моторка беспрепятственно прошла сквозь их катер, как привидение сквозь стену.

Неожиданно Лёня вскрикнул, указывая на корпус катера,

сквозь который едва заметно просвечивали солнечные блики, плясавшие на волнах по ту сторону, откуда нас только что принесло волной. И тут мы оба увидели, что и катер, и люди на нём – полупрозрачны... Лёня в возбуждении кричал, что это не настоящий катер и не настоящие пограничники, а какой-то мираж. Как видно, на катере подумали о нас то же самое, ибо больше не пытались ни подойти к нашей лодке, ни что-либо нам сказать. Нас медленно относило от катера, который с каждой минутой становился всё более прозрачным и, в конце концов, полностью растворился в воздухе. А на том месте, где он только что качался на волнах, лишь ярко сверкали солнечные блики.

Совершенно обалдевшие, мы обменялись впечатлениями. Ни я, ни Лёня никогда ранее миражей не видели. Прежде чем возвратиться домой, мы все же решили немного осмотреть остров. Я повел лодку вдоль береговой линии в пятидесяти метрах от нее, высматривая место, удобное для высадки. Наконец, мы остановили выбор на аккуратном пляжике. Направив лодку к облюбованному месту, я заглушил мотор, и она, по инерции, с шуршанием села на ракушечный берег.

Высадившись, мы втащили на сушу нос моторки так, чтобы волны не могли ее снести, и двинулись по направлению к лесу. Ракушки, слагавшие пляж, лежали настолько рыхлым слоем, что мы проваливались в них до середины голени. На опушке я обратил внимание на обилие всякой живности. В траве шныряли какие-то ящерицы, грызуны, жуки, кузнечи-

ки и всевозможные мелкие зверюшки, а над нашими головами, противно жужжа, роями вились насекомые. Среди кустов, деревьев и над полянами порхали незнакомые птицы, украшенные разноцветным оперением, наибольшие из которых были величиной с курицу, а самые маленькие – меньше воробья. Над густой травой, усеянной цветами, вились многочисленные бабочки удивительной расцветки, и некоторые из них достигали размера чайного блюдца. Порой они, как по команде, тучей поднимались в воздух, пестрым вихрем кружили над поляной, взблескивая на солнце всеми цветами радуги, и так же дружно вновь опускались на цветы, кусты, траву. Воздух был наполнен пронзительными птичьими криками и громким стрекотанием то ли кузнечиков, то ли цикад, которых, кстати, в Крыму нет. Вернее, говорят, что какие-то есть, но они не поют.

Мы углублялись в лес, дивясь всему, что нас окружало: невиданным деревьям, плодам, животным. Идти было трудновато из-за поваленных полусгнивших древесных стволов, теплых луж и мелких ручейков. Порой ноги чвакали в теплой, словно суп, воде среди жёсткой и стабурючей, как массажная щётка, травы. От нас во все стороны россыпью шарахались то ли мелкие лягушата, то ли ещё какие прыгучие земноводные или рептилии. Мы остановились у дерева с плодами, похожими на виноград, но тяжелые гроздья были по форме наподобие рябиновых, а ягоды – величиной с вишню, золотистого цвета, прозрачные и сочные с мелкими косточ-

ками внутри. На вкус они оказались удивительно приятными, кисло-сладкими с нежным ароматом. Мы стали с жадностью поглощать их, так как оба давно хотели пить.

Когда Лёня наклонил очередную ветку, чтобы я сорвал увесистую гронку, в нескольких метрах от нас послышался осторожный шелест раздвигаемых ветвей. Меня почему-то внезапно охватило чувство неясной тревоги, а по спине поползли мурашки ужаса. Я посмотрел в сторону, откуда слышался шелест, и едва не лишился чувств. Из-за ветвей на меня смотрело злобное человекоподобное существо с красными глазами. Видя мою искажённую ужасом физиономию, Лёня оглянулся, и его реакция была мгновенной. «Бежим!» – крикнул он и тут же опрометью кинулся назад, к лодке, а я – вслед за ним.

Мы неслись, перепрыгивая через бурелом, через лужи и ручейки, проваливаясь в грязь и не обращая внимания на колючие ветви кустов и деревьев, которые хлестали нас по лицу и по чему попало, рвали на нас одежду и кожу. Лёня первым выскочил на берег, столкнул в воду лодку и кинулся к мотору, а я, собрав все силы воедино, оттолкнул её ещё дальше и вспрыгнул на нос. Я оглянулся и, испытывая смертельный ужас, увидел, как гориллоподобное существо, неуклюже ковыляя по рыхлому ракушечному пляжу и злобно ухая, несется к лодке. Оно уже готово было броситься в воду, чтобы нас настичь, когда Лёня неистово рванул ручку стартера. Мотор дико взревел, вспенив за кормой воду, что испугало

обезьяну и обратило в бегство.

Отъехав от берега, мы решили идти обратным курсом через облако тумана, которое ещё не успело рассеяться, ибо интуиция нам подсказывала, что иного пути назад быть не может.

Всё было, как и перед этим. В тумане нас объял собачий холод, а когда мы вынырнули из него, в глаза нам блеснуло солнце, которое было уже у самого горизонта. Справа, совсем близко виднелся берег, и я взял курс на то самое место, от которого мы отчалили с рассветом. А удивительного острова нигде и духу не было.

Вернувшись домой, мы, наконец, заметили, что у нас поцарапаны лица, руки и плечи, а одежда висит лоскутами. Мы ощутили острый голод и незамедлительно его утолили.

На другое утро, выйдя на берег моря, мы ещё видели на прежнем месте остатки тумана, но к обеду он уже рассеялся. А спустя некоторое время я услышал в посёлке рассказ о том, как пограничники на катере недавно видели двоих нарушителей в моторке, но это оказался мираж, а говорили, мол, что в этих краях миражей не бывает.

Нашему рассказу никто не поверил и не верит до сих пор. Правда, я давно уже никому об этом не рассказывал – все только смеются да шутят, а некоторые серьёзно уверены, что мы с Лёней оба от жары умом тронулись. Не знаю, поверите ли вы. Думаю, что нет. Да мне, собственно, всё равно, ибо после прибытия поезда мы с вами расстанемся и вряд ли ещё

когда-либо встретимся.

Юлий Гарбузов

14 июня 1999 года, понедельник

Харьков, Украина

Красный рыцарь

Семейное предание

Эта история – наше семейное предание. Первой мне её поведала бабка Калина, двоюродная сестра моей бабушки со стороны матери. Калинино имя по паспорту было Анастасия, но с детства её в семье почему-то звали Калиной или коротко Калей. Отец Калины – известный в Харькове в начале века купец первой гильдии, Яков Иванович Фёдоров, был человеком очень набожным и предприимчивым. Каретная и кроватная мастерские, построенные им в конце девятнадцатого века, работают и по сей день, правда, в иных ипостасях.

Яков Иванович был инвалидом – без правой руки. Потому и получил на Ивановке, а потом и во всём Харькове, кличку «Дед Безрукий». Деда Безрукого знали в Харькове все – от ремесленника до генерал-губернатора. А в церкви Иоанна Богослова он считался первым прихожанином. На храм демонстративно жертвовал приличные суммы и по большим праздникам, и по малым, и по разным случаям, и просто так. Всего у Деда Безрукого было десять детей. Калина – самая старшая, а Дуняша – наименьшая. Любил отец всех своих детей, но по-своему, по-безруковски. Он считал, что девочек

учить в школе ни к чему. Правда, десятилетнюю Дуняшу он не только в школу отдал, но и музыке учил на фортепиано.

Санька, средний и единственный сын, был его любимцем. Отец щедро оплачивал Санькино обучение – сначала школьное и музыкальное, а затем и в Харьковском Императорском университете, чем очень гордился. Только учился Санька неважнецки. Прогуливал занятия, иногда выпивал с приятелями, а потом связался с атеистами-революционерами. Говорил отцу богохульные слова, называл его эксплуататором трудового народа, деспотом, вёл среди его рабочих разлагающую большевистскую пропаганду.

Деду Безрукому это, конечно, ой, как не нравилось! Но он терпел: молодо-зелено, не ведает, что творит. Но ничего, повзрослеет со временем, да и поумнеет. Всё равно от отца дела примет да поведёт с умом, отцовский капитал приумножит.

Два двухэтажных дома выстроил Яков Иванович на Ивановке, в одном из которых и жила вся Безруковская семья. Санькина спальня находилась на втором этаже. Там же располагались спальня Дуняши и большая зала, где стоял рояль работы германских мастеров. Здесь же стояла и семейная реликвия – старинное трюмо с огромным хрустальным зеркалом – почти от пола до потолка. Спальни родителей, Калины и других сестёр располагались на первом этаже. Некоторые сёстры были уже замужем и жили отдельно от родителей.

Случилось это в 1916 году, когда Саньке шёл двадцать первый год. Был тогда Великий пост, которого Санька, кста-

ти, не признавал. И в одну из предпасхальных ночей его разбудили торжественные, эмоциональные аккорды фортепиано. Кто-то в зале громко, профессионально, мастерски играл на рояле бравурную маршевую мелодию. Это была явно не Дуняша, так как играть столь совершенно она ещё не могла при всём желании. Музыка мешала спать. С каждым аккордом сон всё дальше и дальше отлетал от Саньки и, в конце концов, окончательно развеялся. Закурив дорогую папиросу, Санька вышел из спальни и направился в залу с целью выяснить, кому это вздумалось развлекаться в такое позднее время. По пути он заглянул в Дуняшину спальню. Сестрѐнка безмятежно спала, разметав по подушке золотистые кудри. Заинтригованный происходящим, Санька подошёл к двери залы и увидел, что сквозь щели оттуда льѐтся яркий электрический свет, а неведомый музыкант уверенно продолжает наигрывать будоражащую душу мелодию. Резко распахнув дверь, Санька остолбенел. Освещѐнный ярким сиянием электричества, за роялем сидел и вдохновенно играл рыцарь, облаченный во всё красное. Рядом на кресле лежали щит и тяжѐлое копьѐ, тоже красного цвета, как и панцирь, и латы, и шлем. С хозяйской раскованностью Санька спросил:

– Послушайте, милейший! Что за маскарад? Кто Вы такой и как здесь оказались? Кто Вам позволил здесь музицировать посреди ночи?

Рыцарь прекратил играть и дерзко, чуть-чуть улыбаясь, уставился на Саньку. Пыхнув папиросой, Санька медленно

двинулся к ночному гостю. Рыцарь встал и, не сделав ни единого лишнего движения, ловко подхватил копьё и щит.

– Объяснитесь, милейший! Это мой дом и мой рояль. Кто Вас сюда пригласил? Что Вам здесь нужно?

Гость не отвечал. У Саньки появилось ощущение, что именно он – этот Красный Рыцарь – является хозяином ситуации. Санька был не робкого десятка, но тут невольно ощутил робость, и на него стал медленно наползать непонятный мистический ужас.

Ценой невероятного усилия воли Саньке кое-как удалось взять себя в руки. Этого ещё не хватало – робеть перед каким-то наглецом! И Санька, было остановившись, снова двинулся в сторону рыцаря. А тот опустил забрало красного шлема и так же медленно и уверенно двинулся навстречу безоружному Саньке. Санька чувствовал, что гость улыбается, хотя лицо его было скрыто забралом, сквозь решётку которого только зловеще сверкали колючие глаза, и их сверхъестественный блеск заставил Саньку попятиться и сделать пару шагов назад.

Рыцарь на это отреагировал весьма своеобразно. Он тоже отступил на два шага назад, поднял забрало, положил на кресло копьё и щит и сел за рояль. Санька почему-то почувствовал, что если он отойдёт к двери, рыцарь снова ударит по клавишам.

«Да что за чертовщина! Чего это вдруг я должен его бояться? Этот ненормальный, видимо, ухажер одной из сестёр, и

они решили меня разыграть, чтобы потом насмеяться в кругу друзей. Нет! Я никому не позволю над собой потешаться!» И он решительно двинулся на незнакомца. Тот снова встал и взял наизготовку щит и копьё. Санька спокойно остановился, энергично раскурил почти потухшую папиросу и, пользуясь тем, что рыцарь тоже замер, как изваяние, стал продумывать план действий. «Копьё у него тяжелое. Кажется, для конного боя. И держит он его подмышкой. Ударить им меня он, пожалуй, не сможет – это уж точно. Я буду медленно к нему приближаться, чтобы в случае чего отскочить в сторону. Если же мне удастся подойти так близко, что конец копья окажется за моей спиной, я ухвачусь за него, а потом пусть попробует со мной совладать. Я дома, чуть что – и за ружьём в спальню недалеко».

Решив, что всё продумано, Санька спокойно пошёл вперёд, а рыцарь – навстречу. Шаг – и остриё копья уже позади, за Санькиной спиной. Занести его для удара этот проклятый рыцарь уже не сможет.

Но рыцарь, который оказался настолько высокого роста, что Санька, тоже считавшийся высоким парнем, едва достигал его плеча, неожиданно резко повернулся влево, слегка приподняв копьё, так что древком угодил Саньке по щеке. Удар был так силён, что Санька мигом оказался на полу. Чтобы встать на ноги, он перевернулся на живот, приподнял голову и увидел своё отражение в трюмо, стоявшем в углу залы. Удар был почти нокаутирующим, но Санька чётко видел

в зеркале действия рыцаря. Тот решительно подошёл к поверженному противнику и, наступив ногой ему на поясицу, прижал к ковру. Не имея возможности подняться, Санька видел, как рыцарь занёс над ним копьё и резко опустил его. Санька ощутил ужасную боль в шее, сопровождаемую хрустом вонзаемого наконечника, дико вскрикнул и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел склонившихся над ним отца и старшую сестру Калину. Дуняша уже успела залить водой из графина дыру от папиросы, прогоревшую в ковре. Родные ничего не могли понять, откуда этот громадный кровоподтёк на Санькиной скуле, почему он лежит на полу мертвенно-бледный, почему не может ничего связно рассказать.

Отец тут же послал дочь Маришу за доктором, Дуняше велел принести из спальни подушку и одеяло, а Калина выбежала привязать трёх цепных псов, которых ночью для охраны дома спускали с цепи.

Пришёл заспанный доктор. Наклонившись над больным, дал ему что-то понюхать. Санька понемногу стал приходить в себя.

– Его поймали? Где он? – спросил Санька слабым хрипловатым голосом.

– Кто? Кто, Саня? – недоумевал отец.

– Как кто? Этот... Красный Рыцарь.

– Какой ещё такой рыцарь?

– Который меня ударил, – Санька указал на щеку.

Но доктор сказал, что это от удара об пол при падении, когда больной потерял сознание. Санька уже пришёл в себя настолько, что смог осмысленно рассказать о происшедшем. Оказалось, что музыку слышали почти все домочадцы, но они не сомневались, что это играл Санька. Доктор весь рассказ счёл бредом, правда, осматривая место, куда рыцарь ударил Саньку копьём, обнаружил едва заметное красное пятнышко. Посоветовал пригласить на консультацию знакомого психиатра.

Но психиатр не обнаружил у него каких-либо симптомов психического заболевания, признал Саньку вменяемым, а всё произошедшее счёл галлюцинацией – следствием переутомления и систематического недосыпания.

Набожный отец пригласил к сыну соседского священника, которому было за восемьдесят. Службу в храме он уже оставил, но в Безруковской семье по-прежнему оставался непререкаемым авторитетом. Побеседовав с Саней, священник сказал отцу:

– Видать, плохи дела твоего Александра, Яков. Похоже, Господь предупредил его и вас всех заодно. Посланец смерти это был, мне кажется. С одним святым нечто похожее было.

Санька ко всему этому отнёсся как к кошмарному сну, а отец пожертвовал сто целковых на нужды храма в надежде отвести беду от сына.

Закончился Великий пост. Отпраздновали Пасху. В потоке текущих дел стали всё реже вспоминать историю с Крас-

ным Рыцарем. Жизнь пошла дальше своим чередом. Как-то Санька с друзьями в городскую баню. После баньки побаловались холодным пивком. Домой ехал на извозчике «с ветерком», а погода была весьма прохладная.

Утром, умываясь, Санька почувствовал слабую боль в том месте, куда его ударил копьём «ночной гость», но не придавал этому значения. На протяжении дня боль нет-нет, да и давала о себе знать. К вечеру она усилилась. По настоянию отца вызвали доктора. Доктор не увидел ничего угрожающего: «Здесь небольшой гнойничок. Я пропишу мазь, и через три дня всё будет в порядке».

Но доктор ошибся. На другой день припухлость, боль и краснота заметно усилились. Санька уже не мог двинуть головой. Опять пригласили доктора. В этот раз он был куда менее оптимистичен.

– Карбункул, – сказал врач, – это хуже, чем можно было ожидать.

Доктор прислал фельдшера и сестру милосердия. Три дня они хлопотали, исполняя предписания доктора, но Саньке становилось всё хуже и хуже. Он лежал на животе с высокой температурой, время от времени тяжело постанывая. И тогда доктор сказал, что Санькины дела совсем плохи и что на всё воля Божья.

Отец пригласил священника. Санька, в недавнем прошлом воинствующий атеист, не противился, исповедался и причастился. Состояние его ухудшалось с каждым часом, и

на другой день, к вечеру Санька умер.

Юлий Гарбузов

1997 год

Харьков, Украина

Крокодилы в приволжском озере

Подлинная история

История, которую я собираюсь вам поведать, случилась еще до революции с моим ныне покойным дядей, Петром Ивановичем Тельновым. Он родился в январе 1908 года в Самарской губернии. Родители его были крестьянами, а сам Петр Иванович, выучившись, впоследствии стал офицером Красной Армии. Во время Второй мировой войны он партизанил в Черкасской области, где память о нем жива и поныне. Так что человеком он был очень серьезным, не любил никакой фантастики, терпеть не мог историй о встречах со сверхъестественными явлениями и был, если можно так выразиться, абсолютным атеистом. Поэтому правдивость его рассказа из воспоминаний детства я не подвергаю ни малейшему сомнению.

Случилось это летом 1914 года, когда Россия еще не вступила в Первую мировую войну, но уже стояла на ее пороге. Шестилетний Петя ехал с отцом в город на базар. Отец остановил воз на какой-то Колдыбанской станции, чтобы накормить лошадей, самим поесть и немного отдохнуть. Подкрепившись, отец начал кормить лошадей, а Петя побежал

в лес, через который проходила дорога в город. Вскоре он набрел на озеро. Вода в нем была кристально чистой, а по берегам росли обильно плодоносящие кусты смородины. И Петя принялся с аппетитом поглощать сочные ягоды.

Наевшись ягод до оскомины, Петя намерился было возвращаться, но за кустами увидел песчаный пляж и решил искупаться, так как стояла изнурительная жара. Оставив на песке трусы, он медленно нагишом вошел в холодную озерную воду. Погода была абсолютно безветренной, а идеально гладкая поверхность озера блестела словно зеркало в лучах полуденного солнца. У противоположного берега на зеркальной глади неподвижно лежали два бревна.

Петя присел, чтобы окунуться с головой, и, громко фыркнув, поплыл к середине озера. Неожиданно он заметил, что предметы, которые поначалу показались ему бревнами, во все и не бревна, а какие-то огромные живые существа. Они плыли ему наперерез, а по сторонам от них, морща зеркальную гладь, расходились волны. Ужас охватил мальчика, и он что было сил поплыл к пляжу. Выскочив на берег, и, схватив лежавшие на песке трусы, он увидел, что одно из чудовищ пытается выбраться на сушу, а другое только подплывает к берегу. Вид этих тварей был ужасен – серо-зеленого цвета, все в буграх, и глаза навывкате – злые-презлые.

Не раздумывая, мальчик нырнул в кусты и, выскочив на тропинку, во весь дух помчался к станции, где ожидал его отец. Впопыхах Петя рассказал ему, что едва не стал обедом

для каких-то озерные гадов, но сумел убежать. Отец только поворчал в ответ. Не следует, мол, забираться далеко в лес, тем более в незнакомых местах.

На том история и кончилась. Но, будучи уже пожилым человеком, Петр Иванович, листая страницы шеститомника «Жизнь животных», неожиданно увидел картинку с изображением африканского тупорылого крокодила и невольно вспомнил о приключении в далеком детстве.

– Вот! Вот! – вскричал он, показывая мне картинку. – Вот такие твари пытались напасть на меня на озере у Колдыбанской станции! Неужели там водились крокодилы!

После этого мы с ним не раз обсуждали этот случай. Знакомые зоологи категорически отрицали реальность этого случая и утверждали, что в силу неблагоприятных климатических условий ни тупорылые и никакие другие крокодилы не могли жить в приволжских озерах. Но Петр Иванович готов был поклясться, что ни с какими иными животными спутать их не мог, ибо помнил до мельчайших подробностей это яркое событие на протяжении всей своей жизни. И я ни на йоту не сомневаюсь в правдивости его слов. Скончался Петр Иванович в январе 1975 года.

Юлий Гарбузов

24 февраля 2000 года, четверг

Харьков, Украина

НЛО над «Электроном»

В основу этого рассказа
положено реальное событие,
случившееся лично с автором.

Рассказ

Когда же это случилось? Дай, Бог, памяти... Кажется, в 1983 году... Да, конечно же, именно в 1983-м. Я тогда отдыхал в спортлагере нашего института «Электрон». Это живописнейшее место на берегу Черного моря неподалеку от Туапсе.

В тот сезон нам повезло. Погода стояла изумительная – курортная, что называется. Днем – невыносимый зной, а вечером – легкий бриз и теплое море. Воздух был наполнен ароматом хвои, цветов, леса, а также стрекотанием цикад, пением птиц и веселым студенческим гомоном. И комаров почти не было. Там их вообще бывает мало. Поэтому вечером, отдыхая от дневного зноя, было неописуемо приятно совершать прогулки по территории лагеря и по берегу моря.

Основное население «Электрона» составляли наши студенты. Днем все: и студенты, и преподаватели, и просто сотрудники, и отдыхающие, не имеющие к институту никакого

отношения, независимо от возраста, барахтались в море. В перерывах между морскими ваннами они просто нежились на пляже: кто на открытом палящем солнце, кто под тентами на топчанах, скамейках, подстилках или просто на береговой гальке. Молодежь в основном резалась в карты и шахматы, играла в волейбол, бадминтон или пинг-понг. А старшие – поглощали детективы, любовные романы, фантастику или беллетристику об НЛО, последних достижениях науки, Бермудском Треугольнике, пресловутом «снежном человеке», парапсихологических явлениях и прочее курортное чтение. Под надоедливые звуки динамиков, изрыгающих какофонию, почему-то именуемую современной музыкой, и объявляющих очередные распоряжения администрации или службы спасения, многие спорили о прочитанном. Одни утверждали, что лично знали людей, наблюдавших НЛО, сталкивались с полтергейстом и прочими необъяснимыми явлениями. Другие начисто отрицали подобные факты и ядовито остряли по этому поводу.

Я не относил себя ни к скептикам, ни к приверженцам версии о существовании таких явлений, и неоднократно высказывал желание хоть раз в жизни увидеть НЛО собственными глазами.

– Избави Бог, это же опасно! – предостерегал один из собеседников.

– Зато как интересно! И в корабле побывать бы! – возражали другие.

Я придерживался того же мнения.

После ужина старшая часть населения, в основном преподаватели, бесцельно прогуливалась по территории лагеря, по берегу моря вдоль полосы прибоя. А самые ленивые из них любовались с балконов своего корпуса красотой чарующей поверхности моря, постепенно обволакиваемой южными сумерками, быстро переходящими в ночную мглу.

Младшая же часть обитателей «Электрона» – преимущественно студенты – до полуночи, а то и дольше гарцевала на дискотеке. Потом они разделялись на пары и до утра бродили по остывающим от дневного зноя прибрежным скалам, по пляжу, по лесу, купались в ночном море, жарили на костре мидий, наловленных в часы полуденного пекла. Некоторые готовили нехитрые блюда из наловленной рыбы или крабов и смаковали предметы гордости своего поварского искусства – иногда просто так, иногда сдабривая их доброй порцией местного вина, а то и чего покрепче. И только к рассвету «Электрон» затихал, чтобы после восхода солнца вновь наполниться привычным южным гомоном, духотой и зноем.

В один из таких вечеров мы с коллегой, доцентом Черняком, отдыхая после знойного дня, стояли у барьера лоджии нашего корпуса с видом на море. Закат был великолепен. Заходящее солнце живописно разукрасило морской горизонт крупными золотисто-оранжевыми мазками и медленно погружилось в море, которое напоминало зыбкую поверхность расплавленного золота.

С моря повеял легкий бриз, почти не приносящий прохлады, и мы даже не заметили, как начало темнеть. Море стало темно-лиловым. Только самый край горизонта да участок неба над ним оставались еще относительно светлыми. А их разделяла узкая полоса темно-синей облачности. И вся эта картина гасла, тускнела прямо на глазах.

Из-за соседнего корпуса доносились звуки дискотеки. Слева, метрах в пятидесяти от нас, сидела на лавочке группа студентов, одни из которых, посмыкивая струны выдавшей виды гитары, стонал, подражая Высоцкому:

«Едешь ли в поезде,
В автомобиле
Или гуляешь,
Хлебнувши винца,
При современном
Машинном обилии
Трудно по жизни
Пройтись до конца».

Где-то в зарослях постанывали ночные птицы. В траве стрекотали еще не уснувшие насекомые. Стены нашего корпуса, перила и ступеньки лестницы, асфальт и камни еще не успели остыть от палящего солнца и вобрать в себя вечернюю прохладу. Живописная морская даль угасала последней.

– Какая красота, Артем Михайлович, – сказал Черняк, не в силах оторвать взгляда от завораживающего необъятного

морского простора.

– Красиво, но восторгаться особо нечем. Закат как закат на Черноморском побережье Кавказа.

– Ну, что Вы, Артем Михайлович! Если бы я был художником, то непременно запечатлел бы эти три контрастные полосы: две светлые – морской горизонт и нижний край неба, а между ними – черно-синюю полосу облаков. Такое редко можно увидеть, согласитесь.

Я пробурчал в ответ что-то невнятное, и несколько минут мы стояли, думая каждый о своем. Вдруг я вновь обратил взгляд к горизонту и чуть не вскрикнул от удивления. Не веря своим глазам, я помотал головой, а потом вновь посмотрел на темную полосу облачности. Нет, это не галлюцинация!

Над горизонтом, на уровне самой середины темной полосы облачности плыл объект в форме сигары или же диска, спроецированного в сигару. Причем вдоль его борта ярко светились золотистые огни, аккуратно выстроившиеся в два ряда. А над вершиной объекта горело несколько красных огней... Объект шел по прямолинейной траектории, под небольшим, но хорошо различимым углом к линии горизонта, курсом примерно с северо-запада на юго-восток. А под ним поблескивала относительно светлая полоса морской поверхности с четко очерченным краем.

Я робко тронул Черняка за локоть:

– Андрей Фомич!

– А? Что? – растерянно спросил Черняк, внезапно выведенный из своих глубоких раздумий.

– Посмотрите вон туда... Вы ничего не видите?

– Что именно Вы имеете в виду?

– Над горизонтом, на фоне темной полосы облаков. Что это за предмет?

Черняк словно окаменел от удивления. А потом возбужденно затараторил:

– Глазам своим не верю, Артем Михайлович!.. Это же корабль, летающий корабль! И два ряда иллюминаторов!

– И движется по прямолинейной траектории. Курсом на Сочи. Или на Адлер. Позвонить бы туда в воинскую часть какую-нибудь!

– Нет смысла. Во-первых, отсюда мы вряд ли дозвонимся. Качество здешней связи Вам известно. А во-вторых, они и сами, наверное, не дремлют.

Полминуты мы стояли молча.

– Впрочем, как знать, может и дремлют! – Черняк явно волновался, что проявлялось в какой-то нервозности и суетливости движений.

– Сфотографировать бы. Какая пленка в Вашем фотоаппарате?

– У меня пленка кончилась. А у Вас? У Вас есть пленка, хотя бы какая-нибудь?

– Да я и фотоаппарата не взял сюда. Вот жаль! Нас ведь либо лжецами, либо сумасшедшими объявят, если мы завтра

расскажем об этом.

– Давайте позовем кого-нибудь в свидетели. В корпусе еще никто не спит. Да и там, на скамейке, – тоже.

А голос все того же студента продолжал изощряться:

«Бабы по найму

Рыдали сквозь зубы.

Диакон – и тот

Верхней ноты не брал.

Громко фальшивили

Медные трубы,

Только который в гробу —

Не соврал!»

– Ну, что? Пойдем? – предложил было Черняк.

– Давайте еще немного понаблюдаем. Здесь важно ни единой детали не упустить! Вот оказия! Никогда бы не поверил, что такое может быть на самом деле! Да, это произведение разумных существ, вне всякого сомнения, Андрей Фомич.

– И никакое не атмосферное явление. Это Вам говорю я, специалист по физике атмосферы! Так что, может быть, отсюда кого кликнуть?

Но по корпусу только с криком носились дети.

Пока мы с Черняком обменивались мнениями да размышляли о том, кого позвать в свидетели, из-за черной тучи выплыла полная луна и осветила всю простиравшуюся перед нами поверхность моря до самого горизонта. И тут мы увидели, что темная полоса над морской поверхностью – вовсе

не облачность, а край этой самой морской поверхности. И небо начинается чуть выше над нею. Да это было и не само небо, а именно облачность, освещенная из-за горизонта лучами недавно зашедшего солнца. И светлая полоса, как нам до этого казалось, морского горизонта – не что иное, как отражение в воде этой облачности.

– Вот это да! Чуть не опозорились мы с Вами, Андрей Фомич!

– Действительно! Это же обычный теплоход, идущий курсом на Сочи. А как похоже было, что он летит над горизонтом!

– Черт! Какая невезуха! Раз в жизни увидели НЛО, да и тот оказался простым морским лайнером!

Возникло продолжительное неловкое молчание. Чтобы как-то разрядить его, я предложил:

– Пойдем спать, Андрей Фомич. Поздно уже.

– Да после такого стресса я, пожалуй, без снотворного и не усну. Вам дать таблеточку?

– Нет, я такими вещами пока не балуюсь. Выходите завтра на пляж пораньше, молодежь повеселим. Только, пожалуйста, не выдайте развязки до самого финала. И поддакивайте мне регулярно. Пусть взбудоражатся немного, как мы сегодня.

Юлий Гарбузов

19 мая 2000 года, пятница

Харьков, Украина

Ночь у гроба с покойником

Быль

Эта жуткая история произошла со мной в середине пятидесятых годов, когда я был еще демонстративно воинствующим атеистом и не верил ни во что сверхъестественное. Тем более что в свои шестнадцать лет я считал себя вполне взрослым человеком.

Случилось так, что умер мой двоюродный дедушка Ваня. Так звали мужа бабушки Лизы – родной сестры моей родной бабушки по отцу. Это был человек, обладавший неиссякаемым чувством юмора, любимец всей детворы как в кругу нашей семьи, так и вне его. Правда, своих детей у них с бабушкой Лизой не было, но это не мешало ему любить нас так, как мало кто любит детей вообще. Даже своих собственных. Мой отец был в семье самым младшим – шестым ребенком, поэтому двоюродных братьев и сестер у меня насчитывалось человек десять. И все мы вместе съезжались летом к дедушке Ване, который устраивал между нами игры, конкурсы и прочие испытания, а также многое-многое другое, чего мы недополучали от организаций, призванных устраивать досуг советских детей.

Смерть дедушки Вани глубоко меня опечалила, и я не мог не прийти на его похороны. К тому же, можно было безнаказанно прогулять занятия в школе. Нас, двоюродных внуков, в одном городе с дедушкой Ваней жило трое. Я и две сестры, одна из которых была старше меня на пятнадцать лет, а другая – на тринадцать.

Сестры вместе с остальными женщинами готовили все к поминкам, а я примкнул к мужчинам и весь день подписывал ленты к венкам, занимался обивкой гроба и прочей поильной работой, в то время как старшие оформляли документы, договаривались о месте на кладбище и копке могилы, об автобусе и грузовике для гроба с телом покойного.

У изголовья покойника старый схимник весь день читал молитвы, а к вечеру устал и, поужинав с рюмочкой водки, был отпущен до завтра. Устали все. Нужно было хорошо выспаться, поскольку похороны были назначены на десять утра.

На дворе стоял теплый сентябрь. Словно продлилось лето. Родственников приехало довольно много. Мужчины легли спать на летней кухне или просто в саду на раскладушках, взятых на время похорон у соседей. Женщины расположились в самом доме. А мне не хватило ни раскладушки, ни спального места внутри дома. Родственники решили отправить меня спать к себе домой. Но это было далековато. Минут сорок пешего хода до трамвайной остановки, потом ехать трамваем не менее часа. А как долго пришлось бы ожидать его в такое позднее время, оценить было вообще невоз-

можно. Ехать мне не хотелось, да и утром пришлось бы вставать очень рано, чтобы успеть к началу траурной церемонии.

Гроб с телом дедушки Вани установили в большой зале на добротном деревянном столе старинной работы бельгийских мастеров. Рядом стоял просторный диван с кожаной обивкой, и спать на нем никто из родственников не намеревался. Я заявил, что лягу на этом диване, то есть рядом с покойным.

– А ты не боишься? – заботливо спрашивали родственники.

– Да разве мертвых нужно бояться? Живых! – отвечал я словами одной из наших соседок, слывшей мудрой женщиной. – Да и дедушка Ваня никогда ничего плохого никому не делал. Только хорошее. Я всегда любил его, а он меня. Как же я могу его бояться?

– Это уже не тот дедушка, – весомо вставила Анна, самая старшая тетка. – Души-то от Бога у него теперь нет.

Произнося эти слова, тетка Анна трижды перекрестилась.

– А, по-моему, тот же самый. Если он всю жизнь добрым был, то и сейчас вреда не принесет. И никто не знает достоверных случаев, чтобы мертвые из гроба вставали.

Видимо, мои доводы оказались убедительными, и сразу после ужина мне постелили на диване. Все разошлись по своим местам. Погас свет, и взрослые вскоре уснули.

А мне не спалось. Ярко светила полная луна. За окном покачивались деревья, и по комнате бесшумно ходили мрачные тени. Откуда-то издалека доносился лай дворовых со-

бак. Наконец, действительность мало-помалу начала покидать меня, и я медленно стал погружаться в сон. Даже какое-то сновидение уже мерещилось.

Вдруг сквозь сладкую дрему я услышал какое-то жуткое шипение, которое становилось все громче, постепенно переходя в жужжание. Я похолодел. Жужжание все усиливалось и, наконец, послышалось громкое «Бам-м-м!» Я в испуге вздрогнул от этого звука, но тут же успокоился, поняв, что это большие старинные часы, которые висели на стене против окна, бьют полночь. «Бам-м-м! Бам-м-м! Бам-м-м!» Износившийся механизм часов всегда издавал перед боем это клокочущее не то жужжание, не то шипение. Но в ночной тишине оно показалось мне таинственным и слишком громким. Все ясно и обыденно, никакой мистики. И на меня снова стал тихо напоздать сладкий юношеский сон.

Я невольно дернулся, когда среди полной тишины резко треснул стол. Очевидно, оттого, что рассыхался. Легкий порыв ночного ветерка, неожиданно влетевшего в открытую форточку, легонько колыхнул гардину и донес до моего обоняния тяжелый запах покойника. В это самое время я явственно ощутил, как кто-то невидимый осторожно надавил пальцем на мою ступню, упирающуюся в качалку дивана. Меня с ног до головы обдало жаром. Сладкая дремота мигом отскочила, и бешено заколотилось сердце, отдаваясь в ушах волнами пульсирующего шума. Я лежал, оцепенев от ужаса, и лихорадочно думал, что же мне делать? К каким нежиз-

данностям готовиться? Надо побороть страх... Что это может быть? Это, должно быть, мне просто снится. Конечно же, снится, не иначе.

Но давление пальца на ступню заметно усилилось и заставило меня воспринимать все как объективную реальность. Преодолевая животный страх, я чуть-чуть приоткрыл глаза, но увидел только кромешную тьму. Лишь слабый свет ночного неба, проникавший через выходявшее в густой сад окно, позволял кое-где различать отдельные туманные контуры окружающих предметов. Луна, очевидно, зашла за тучу. Животный страх сковал меня так крепко, что я не решался сделать хоть малейшее движение и пассивно ждал, что будет дальше. Ситуация не менялась, и от этого с каждой секундой становилось все страшнее. «Наверное, я спятил. А раз так, я могу увидеть то, чего нет в действительности. Я же чувствую, что кто-то пальцем давит на мою ступню, а на самом деле этого нет и не может быть. И если я ощущаю то, чего не может быть в принципе, то могу и увидеть нечто нереальное. Даже восставшего из гроба деда... Но ведь это мне только кажется... кажется... кажется...»

Тут я почувствовал на своей ноге и второй палец, и самообладание покинуло меня окончательно. Волосы на голове зашевелились и встали дыбом. «Что делать? Надо резко вскочить... А что потом? А потом... прыгнуть к окну, выбить ногой оконную раму и выскочить в сад... А там люди, и все будет хорошо...» Я решил действовать немедленно и уже

приподнялся... Но тут эти самые «пальцы» сделали по моей ноге один шаг... второй... и... моего слуха мягко коснулось заискивающее кошачье мурлыканье. На мне стояла кошка и явно намеревалась поудобнее устроиться в моей постели.

– Маришка! Как ты напугала меня, бестия! – облегченно простонал я и втащил ее под одеяло.

– Что там с тобой? – послышался из спальни сонный голос тетки Анны.

– Да так, ничего. Кошка ко мне пришла.

– Да сбрось ты ее на пол и не мешай спать! Завтра вставать рано.

Но я, наоборот, обнял Маришку. Мои тревобления мгновенно рассеялись, и мы вдвоем спокойно проспали до самого утра.

Юлий Гарбузов

24 февраля 2000 года, четверг

Харьков, Украина

Огневик

Сказка

Мой маленький друг!

История, которую я собираюсь тебе поведать, случилась давно. Тебя тогда еще не было на свете, как не было и твоих родителей. А твои бабушки и дедушки были еще такими же маленькими, как ты сейчас. А возможно, только чуточку старше или младше тебя. А может быть, их тоже еще не было на свете.

Так вот, где-то в самой середине страны Украина, в селе Бабанка, что стоит на берегу речки Ревухи, жил мальчик Ивась. Это был самый обыкновенный мальчик, который ходил в первый класс, любил играть в футбол, бегать по селу и слушать сказки. В то время только-только закончилась страшная война. Многие хаты еще были разрушены. Школа была уже восстановлена, но не полностью. В окна вместо стекол были вставлены листы железа или фанеры. А сельский клуб еще стоял в развалинах.

Ивась жил только с мамой, так как его папу убили на войне враги. Мама была сельским врачом. Почти каждую ночь ее вызывали к какому-нибудь больному. А Ивась оставался

в доме один до утра. А утром возвращалась с вызова мама, кормила его и отправляла в школу, а сама шла на работу в сельскую больницу.

Раньше с ними жила бабушка, которая очень любила Ивася. Ивась тоже любил свою бабушку. Она рассказывала ему сказки, кормила его, топила печку и укладывала спать. А когда мама уезжала на ночные вызовы, бабушка клала его рядом с собой и беседовала о самом интересном. Ивась прижимался к ее теплему боку, и ему тогда казалось, что все плохое не для него.

Особенно любил Ивась зимние вечера, когда они с бабушкой вдвоем топили печку соломой, принесенной из сарая. Солома вспыхивала в печи ярким пламенем, печка разогревалась, а в ней гудел огонь. Иногда, чаще всего по воскресеньям, мама приносила в хату охапку поленьев. Бабушка клала их в печь, подкладывала солому и поджигала. Тогда солома вспыхивала, сгорала, а дрова постепенно разгорались и разогревали своим теплом печку так, что плита на ней раскалялась докрасна, и в комнате становилось так тепло, что все в хате сбрасывали с себя кофты, жакеты и ходили в одних рубашках. Совсем как летом.

Ивась любил стоять у этой самой раскаленной докрасна плиты и плевать на нее. Плевки подпрыгивали, шипели и, крутясь и стреляя, исчезали. От них оставались только темные пятнышки на раскаленном металле, которые вскоре тоже исчезали. Тогда Ивась плевал на плиту снова. И вновь на-

блюдал такую же картину.

Но бабушка не любила таких забав и журила за них Ивася.

– Нельзя плевать на печь, Ивасик! Нехорошо это, внучек!

– Почему, бабушка? – недоумевал Ивась. – Что тут плохого?

– Нехорошо – и все тут! Не смей больше делать так. Просто я так прошу.

– Бабушка, от моих плевков даже следа не остается. Все шипит и сразу высыхает. Кому от этого может быть плохо?

– Тебе, глупенький! Только тебе.

– А чем же, бабушка? Что со мной от этого может случиться?

– А то, что не всем нравится, когда плюют на огонь и на горячую плиту. Понял?

– А кому еще, кроме тебя это не нравится?

– Огневику, глупенький. Вот рассердится он на тебя за то, что ты плюешь ему на голову, да и отомстит тебе за это. Так что лучше не зли его.

– А кто это такой, Огневик, бабушка?

– Это тот, кто в печке живет, тепло в ней поддерживать помогает, сохраняет его, пожару разгореться не дает в хате. А если кто обидит его, он может перестать это делать. Тогда печка быстро прогорать начнет, в хате холодно станет. А если он уж очень разозлится, то может вообще и хату сжечь, и того, кто обидел его. Так что не обижай его, подкармливай сухой соломой, сухим ароматным сеном, дровами или углем.

Благодари его за тепло в хате, за все, что на печке сварено, спечено и сжарено. Понял?

– А где он сейчас, бабушка?

– Он там, в огне греется. Слышишь, как ухаёт от удовольствия, что мы с тобой в огонь соломы подкинули?

– Бабушка, да это же просто огонь гудит, и ветер в трубе подвывает. Не обманывай, пожалуйста.

– Сиди, да благодари Огневика за тепло его. Не то прогневись, и он с тобой рассчитается. Ох, как рассчитается!

Но Ивась насмехался над бабушкиными предостережениями, а когда она отходила от печки, как и раньше, плевал на нее и смеялся.

Но однажды он услышал, как огонь как-то по-особому загудел, застонал в печке. И сквозь щели между конфорками Ивась будто бы увидел злое-презлое лицо человека с узкими, сверкающими, как угли, глазками. Ивась в испуге отшатнулся, но потом, преодолевая страх, тихонько прошептал: «Я не боюсь тебя, Огневик! Я плюю на тебя! Тьфу! Тьфу! Тьфу! Понял? Захочу, и затушу огонь в печке, и ты умрешь там!»

А в печке пламя еще сильнее завывало: «У-уу-гу-у-у...» Ивась вздрогнул и отскочил к постели, а потом лег спать. Когда он засыпал, ему казалось, что Огневик сверкал на него из печки своими злыми глазами и завывал, угрожая. А гневные вспышки его глаз яркими бликами метались по комнате, отражаясь в окнах, в зеркале, в стекле потухшей керосиновой лампы и в посуде, стоявшей на полке и на бруске.

Ночью маму опять вызвали к больному. Она вернулась только под утро, когда Ивасю уже следовало вставать в школу. Мама удивилась, почему бабушка до сих пор не приготовила завтрак. А когда она подошла к бабушкиной лежанке, то упала на нее и беззвучно заплакала. Ивась еще никогда не видел, чтобы большие плакали, подбежал к маме, обхватил ее за талию и тоже заплакал.

– Мама, мама, не надо плакать! Почему ты плачешь?

– Ох, Ивасик! Наша бабушка умерла!

На бабушкины похороны приехали родственники из города, пришли соседи и Ивасиковы друзья из школы. Все успокаивали Ивася и маму, обещали помогать, чем могут. А потом все ушли. Остались только Ивась да мама.

Так и стали они жить с мамой вдвоем. Утром мама провожала Ивася в школу, а сама уходила на работу в сельскую больницу. А когда в школе заканчивались занятия, Ивась приходил домой, растапливал соломой печку, разогревал обед, кушал и садился за уроки. Затем приходила мама, занималась хозяйством, кормила Ивася ужином, проверяла его уроки. А потом они ложились спать, и Ивась каждый раз прислушивался к гулу пламени в печке.

– Мама, это Огневик забрал нашу бабушку. Это я виноват – плевал на горячую плиту. Если бы я не злил Огневика, жила бы бабушка с нами и до сих пор, – говорил Ивась и заливался горькими слезами.

– Нет, Ивасик. Бабушка сама по себе умерла. Старенькая

уже была, много пережила, сына своего – твоего папу с войны не дождалась...

– Нет, мамочка, это все он, Огневик! И я тоже, потому, что злил его.

Но мама в ответ только ласкала Ивася и успокаивала.

Как-то в воскресенье мама пошла на базар за покупками и сказала Ивасику:

– Пока я схожу за покупками, ты подкладывай дровишек, поддерживай огонь в печке, чтобы она раскалилась как следует. А я приду – начну обед готовить.

Ивась так и сделал. Подбросил в печку несколько поленьев и сел поближе к ней погреться. Пламя, охватив поленья, загудело, затрещало, заухало. И вдруг что-то в печке стрельнуло. Да так, что подпрыгнула конфорка и отскочила в сторону. Ивась уже собрался было пододвинуть ее кочергой на место. Но тут случилось нечто неожиданное. Из пламени над плитой поднялась на длинной шее рыжая круглая голова с узкими глазками-щелочками, без волос, бровей и ресниц. Она начала озираться во все стороны и, наконец, заметила Ивася, который было попятился ко входной двери.

– Хо-хо-хо-хо-о-о! – захохотала голова, и из конфорки высунулись длинные-предлинные руки и стали вытягиваться еще и еще. Одна из них преградила Ивасю путь к выходу. А вторая попыталась схватить его. При этом голова корчила ужасные рожи и угрожающе завывала:

– У-у-у-у!..

– Господи, помилуй! – вскрикнул Ивась. – Кто ты?

Непонятное существо, окруженное языками пламени, крутясь и приплясывая, подпрыгнуло над конфоркой и зататорило:

Я – Огневик, сын огня,

Я – повелитель огня!

Я там, где огонь,

А огонь там, где я!

Нет меня без огня,

А огня – без меня!

Огневик снова ухнул, и из его рта вырвался длинный язык пламени, а за ним – клуб сизого дыма.

– Огневик! – закричал Ивась. – Чего тебе еще нужно? Ты убил мою бабушку, а теперь хочешь убить меня? Не выйдет! Уходи в печку! Хватит!

– Я те-бе по-ка-жу-у-у-у! – стонал Огневик – Ты-ы-ы-ы-ы... плевал мне в лицо-о-о! Ты-ы-ы-ы... го-во-рил, что не бо-и-и-и-шься ме-ня-а-а-а! Да ты к тому же еще и клеветни-и-ик!

– Уходи, мерзкий, уходи!

– Не-е-е-ет, погоди-и-и!

Но тут поленья в печке затрещали и стали рассыпаться. Пламя начало угасать, и Огневик стал на глазах худеть и оседать. Одни только узкие злые глаза его сверкали злобой и гневом.

– Ну, по-го-ди-и-и-и! Когда пламя будет сильнее, ты у ме-

ня еще попляшшешшь!

Огневик на глазах уменьшался. Голова его сделалась размером с кулачок. Он похудел, зашатался, зашипел, словно кот, и осел с головой в печь.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Ивась – Что, не смог? Я не боюсь тебя, прокопченный черепок!

– Хррр! – раздалось из печи – Погоди! Погоди-и-и-и!

Звук голоса Огневика становился все тоньше, все писклявее, все тише и глуше. В печке, треща, догорали последние угли. И тут вошла мама.

– Что же ты, сынок, не следишь за печкой? Дрова-то почти совсем прогорели, а ты новых почему-то не подкинул.

– Мама, он хотел и меня убить. Как нашу бабушку.

– Кто?

– Огневик.

Мама усмехнулась, обняла и поцеловала Ивася.

– Хватит фантазировать, сынок. Никаких огневиков на свете нет. Бабушка шутила с тобой. Просто хотела отучить тебя плевать на огонь и на горячую плиту, потому что это некрасиво. Лучше подкинь-ка еще дровишек в печку.

Ивась хоть и кричал Огневику, что не боится его, на самом деле изрядно трусил. Он стал избегать оставаться дома один, когда ярко горела печька. Даже если мама была рядом, он держался от нее подальше и часто слышал из-под плиты вздохи, уханье, покашливание и злобное шипение Огневика. Жизнь Ивася стала невыносимой, полной опасений и предо-

сторожностей. Ему очень хотелось поделиться с кем-то своей бедой. Но кто ему поверит, если даже мама только снисходительно улыбалась в ответ на его откровения и говорила, что никакого Огневика на свете нет.

Однажды Ивась шел из школы домой вместе со своим одноклассником Колей Комизерко. Коля был самым рассудительным мальчиком в классе. Особенно уважать Колю ребята стали после того, как одноклассник Вовка Жавжар по кличке «Жаба» похвастался перед всеми, что вытащил из ласточкина гнезда птенцов и отдал кошке. А Коля Комизерко не стал завидовать ему, как другие мальчики, а спросил:

– Жаба, ты хочешь жить?

– Хочу, а что?

– И птенцы также хотят жить. А ты знаешь, сколько мошек съедает ласточка за день?

– Нет, не считал.

– А ты в журнале «Юный натуралист» почитай – я тебе дам его. Миллион мошек! Миллион букашек, которые портят фрукты, овощи, кусаются и пьют кровь из людей! А теперь подумай, как ты еще навредил садам, огородам, людям и самому себе тоже.

– Подумаешь! Нам всего и так хватает! А какие кусаются, так я их – хлоп! – и все тут.

Но мальчишки промолчали, и в этот день никто с Вовкой уже не играл.

И всегда, если кому-то нужно было сделать что-то важ-

ное, он обязательно рассказывал об этом Коле Комизерко, а Коля с серьезным видом давал нужный совет. Так что Колю в классе уважали больше всех, и Ивась решился рассказать ему об Огневице.

Коля выслушал Ивася спокойно, не перебивая. Потом помолчал, посмотрел ему в глаза и важно сказал:

– Скорее всего, твоя мама права – никакого Огневика на свете нет. И все это ты придумал. Но если ты говоришь правду, то надо подумать, что этот Огневик может, а чего не может. Тогда мы сумеем придумать, как от него защититься.

– А как мы можем знать, что он может, а чего не может? Мы же о нем ничего не знаем. Я и сам-то видел его только один раз. А ты даже сомневаешься, правду ли я говорю.

– Но если ты говоришь правду, то живет он только в огне.

– А где же еще? В самой печке.

– И любит, когда горит в ней огонь.

– Да, а что?

– А когда огонь ослабевает, ослабевает и Огневик.

– Верно, Коля. Это он и сам мне сказал.

– Ну вот. Значит, Огневик не страшен, когда печка не топится или в ней огонь слаб. Тогда его и бояться нечего.

– Но чтобы дома было тепло и можно было приготовить обед, печку надо жарко натопить. Тогда он набирается сил и может напасть. Как же быть тогда? Не можем же мы сидеть голодными, да еще и в холодной хате.

– Но при маме он тебе не показывается. Значит, он ее бо-

ится и при ней тебе совсем не страшен.

– Кто знает? Просто пока еще он не набирался столько сил, чтобы напасть на меня при ней.

– А почему? Он знает, что мама может тебе чем-то помочь.

– Чем же?

– Вот я и думаю – чем? Когда мы будем это знать, мы сможем на него наплевать.

– Хватит, я уже плевал на него, чем и разозлил. И настолько, что он убил мою бабушку, а теперь хочет убить и меня.

– Я не это хотел сказать. Мы сможем его никогда больше не бояться.

Коля некоторое время помолчал, а потом неожиданно спросил:

– А почему ты обозвал его прокопченным черепком?

– Просто так. Назвал, и все. Злой был на него.

– Нет. Просто так никого никто никак не называет. Вот, Вовку Жавжара называют Жабой. Так это потому, что его фамилия – Жавжар. Похоже на жабу.

– Так это и так ясно.

– Да, ясно. А вот почему ты обозвал Огневика прокопченным черепком, мне не ясно. Нет, ясно, почему прокопченным – он в печке живет, в огне. Там все прокопчено.

– Верно. Ну и что?

– А почему черепком? Он чем-то напоминал тебе черепок?

– По-моему, да.

– А чем?

– Ну, цвета такого же, как черепок от разбитого горшка, тело ноздреватое. И что же?

– Надо подумать. Черепки – это обожженная глина, которая уже не размокает в воде. Керамика называется.

– При чем здесь керамика?

– А при том, что этот Огневик – тоже, наверное, из керамики, понял?

– Ну, нет! Скорее из оконной замазки. У него руки гибкие такие, и лицо, и все тело мягкое. Вытягивалось – точь-в-точь, как свежая замазка.

– А это уж – дудки. Замазка в огне сразу же расплавилась бы. И сгорело.

– А черепяное тело негнулось бы.

– Значит, это такая керамика, которая может еще и гнуться.

– А такой керамики, как резина, не бывает.

– Значит, бывает. Из чего же ему быть-то, Огневику этому?

На этом мальчики решили прекратить спор. Коля обещал подумать, как можно расправиться с Огневиком, чтобы он не мешал Ивасю жить в своей собственной хате.

А потом Ивась простудился и заболел. Мама не пустила его в школу и велела лежать на топчане, который стоял неподалеку от печки. А сама пошла на работу, пообещав прибе-

жать в обед, чтобы проведать и покормить его. Уходя, она жарко натопила печку и подбросила еще несколько поленьев, чтобы больному Ивасику не было холодно без нее.

В печке, потрескивая, бушевал огонь. Шипели и ухали влажные дрова. Ивась закрыл глаза и начал дремать. И тут в печке что-то гроыхнуло. Лязгая, открылась конфорка, и гул пламени наполнил хату. Ивась вздрогнул и открыл глаза. Стоя в пламени, над печкой возвышался Огневик и, пританцовывая, корчил гримасы.

– Ага! Теперь я с тобой рассчита-а-аюсь, дрянной мальчишка! Теперь я тебя поджарю, как вы жарите кур и уток!

Ивась вскочил и попытался выбежать через дверь во двор. Но рука Огневика вытянулась и ухватилась за ручку.

– Не-е-ет, дерзкий мальчишка, тебе не уйти!

Тогда Ивась решил выскочить в комнату, разбить окно и выпрыгнуть через него на улицу. Но Огневик разгадал его намерение и преградил ему путь другой рукой.

– Что? Попа-а-ался-а-а? – простонал Огневик идохнул на Ивася таким горячим и едким дымом, что тот закашлялся.

Пока Ивась кашлял, Огневик хохотал и размахивал около его лица горячими руками.

– Уходи! Уходи прочь! – кричал Ивась, надрываясь от кашля.

– Я тебе покажу «прочь»! Сейчас увидишь! Сейчас узнаешь, что я с тобой сделаю!

Огневик опустил руку в печку, достал из нее горсть горя-

щих головешек и подбросил вверх. При этом он дико захохотал:

– А-ха-ха-ха-ха! Ох-хо-хо-хо!

Одна головешка упала на одеяло, но Ивась тотчас сбросил ее на пол. Там же лежало еще несколько головешек, однако, пол в хате был земляной, поэтому они не были опасны. Но один пылающий уголек упал на рогозовую подстилку, лежащую у входа. Подстилка начала тлеть, угрожая заняться пламенем. Огневик громко захохотал от восторга, а Ивась в ужасе закричал:

– Помогите! Помогите! Горю-у-у!

В это время в комнату вбежала соседка, тетя Марушка, и Огневик нырнул в печку.

– Ивасик, детка! Что случилось?

Она залила водой горящую рогожу и разбросанные повсюду головешки.

– Не плачь, Ивасик. Я с тобой. Уже все в порядке. Скоро мама придет. Ну, скажи, что тут случилось?

Ивась трясся весь от слез, не в силах вымолвить ни слова. В конце концов, он кое-как, заикаясь, произнес:

– Это... это... он! Как даст из печки, конфорку сбросил!.. А потом... как швырнет головешки! По всей хате...

– Ясно, Ивасик. Это дрова были сырые. Они часто стреляют. Тогда и конфорки слетают, и угли, и горящие дрова разлетаются во все стороны.

Вскоре пришла мама. Тетя Марушка рассказала ей все по-

своему:

– Ой, пани докторша! Тут такое было! Сырые дрова в печке так рванули, что конфорки послетали. И угли по всей хате разлетелись. Рогожа у входа занялась. Была полная хата дыма – не продохнуть! А Ивасик спросонок так перепугался, что только кричал: «Помогите! Помогите!» Еле успокоилась. Вы вот грамотная женщина, а не знаете, что сырые дрова надо на ночь вносить в хату, чтобы они подсохли до утра. Хорошо еще, что хоть печку не разворотило. А то бы и хата сгорела, и хлопец вместе с нею!

Ивасю опять никто не поверил. Да что они понимают, эти взрослые! Хотя бы Коля Комизерко зашел – только он все и выслушает.

И Коля действительно зашел на другой день по пути из школы.

– Здорово, Ивась!

– Здорово, Коля! Я так ждал тебя.

– А я слышал, что ты горел тут. Или что?

– Да это опять он – ответил Ивась и шепотом добавил – Огневик. Мама разожгла печку – вовсю! А он как выскочит, какдохнет огнем и дымом, а потом как сыпнет угли по всей хате! Видишь, рогожа обгорелая – это все он! И все кричит на меня страшно так! Теперь тетя Марушка все время со мной, когда мамы нет. Но мне все равно не верят, только ты меня и слушаешь.

Коля немного помолчал, а потом уверенно заговорил:

– Скорее всего, ты все наврал. Но может быть, это и вправду сырые дрова стрельнули. А ты перепугался и на Огневика сворачиваешь.

– И ты тоже не веришь мне, Коля?

– Не перебивай меня. Я же тебя спокойно выслушал, молчал, пока ты говорил. Я перечисляю все, что можно об этом подумать. Так вот, возможно также, что это и в самом деле Огневик продолжает тебе мстить. Если это твои выдумки, то ничего не будет. Все забудется. А если это Огневик, то дело плохо. Пора его одолеть.

Коля придвинулся вплотную к уху Ивася и едва слышно зашептал:

– Я знаю, как это сделать...

– Как же можно это сделать?

– Тсс... Я расскажу, когда тетка Марушка выйдет.

И когда она вышла, Ивась и Коля ушли в самый дальний от плиты угол хаты и зашептались тихо-тихо, чтобы Огневик случайно не подслушал, сидя в печке:

– Понимаешь, Ивась, если он живет в огне, то и боится того же, чего боится огонь – воды. Он раскаленный – ты уже убедился. Если его тело из керамики, а мы с тобой уже разобрались, что он из керамики, то теперь подумай, что будет, если его окатить водой?

– Не знаю, Коля!

– Тсс! А что произойдет с пустым черепяным горшком, если его нагреть на огне, а потом облить водой?

– Ну, лопнет, наверное.

– Верно! Весь растрескается и развалится. Вот это мы и сделаем с Огневицом.

– А как?

– Видишь, у вас под потолком брусок через всю кухню?

– Конечно. Там любит отдыхать наш кот Смугань.

– На брусе стоит макитра. А что в этой макитре?

– Ничего. Пустая стоит.

– Вот и хорошо. Мы передвинем ее ближе к печке и нальем туда воды. А потом обвяжем ее веревкой и протянем к твоему топчану. Ты разведешь в печке огонь и будешь ожидать на топчане появления Огневика. Когда он выйдет из печки, ты постарайся сделать так, чтобы он потянулся к тебе. Тогда ты дернешь за веревку, макитра опрокинется и окатит Огневика водой. Он весь растрескается и развалится на куски. Понял?

– А как же макитра?

– Разобьется. Зато ты от Огневика избавишься. Стоит это старой макитры?

– По-моему, стоит. Когда начнем?

– Тетка Марушка просила меня не уходить, пока она не вернется. И обещала вернуться через час. Так что в нашем распоряжении времени достаточно. Начнем прямо сейчас. Где ведро с водой? Ага, вот оно. Ставь скамейку под брус.

Они сделали все, как задумали. И Коля ушел, оставив Ивасю еще несколько напутствий.

На следующий день, когда мама уходила на работу, Ивась сказал, что больше не боится оставаться один дома. И тетя Марушка может больше не дежурить у него, а заниматься своими делами.

– Вот и хорошо, мой Ивасик. Я сейчас зайду к ней и скажу. Ну, не скучай. Постарайся выполнить все школьные задания, которые тебе принес Коля.

Мама поцеловала сына и ушла. А он встал и положил в печку столько дров, сколько поместилось. Потом Ивась протянул веревку и стал ждать. Дрова постепенно разгорались, и, спустя несколько минут, в печке уже гудело пламя. И чем яростнее оно бушевало, чем сильнее раскалялась плита, чем жарче становилось в хате, тем отчетливее слышалось довольное уханье и побряхтывание Огневика. Тем больше Ивась съеживался от страха. Тем сильнее колотилось его сердце. В последнюю минуту ему захотелось все бросить и выскочить из хаты прямо так, раздетым. Лишь бы убежать подальше. Но желание избавиться от ненавистного Огневика, желание обрести вновь спокойную жизнь оказалось сильнее страха. И он упорно продолжал ждать, преодолевая ужас.

В конце концов, в печке раздался громкий, тяжелый вздох, с плиты слетела конфорка, и хата осветилась оранжевым заревом. Ивась весь съежился, и зубы его застучали часто-часто. И в это время из открытой плиты с нечеловеческим гиканьем и хохотом поднялась извивающаяся в дикой пляске фигура Огневика, охваченная разноцветными языка-

ми пламени. Словно наслаждаясь своим могуществом, Огневик горланил свою хвастливую песенку:

Я – Огневик, сын огня,

Я – повелитель огня!

Я там, где огонь,

А огонь там, где я!

Нет меня без огня,

А огня – без меня!

Огневик озирался по сторонам и, наконец, увидел Ивася, сжавшегося от страха в комочек на своем топчане.

– Ага! Вот где ты! Наконец-то я тебя поджа-а-рю! А ну-ка, дерзкий мальчишка, поздоровайся со мной за руку!

И тут Ивась, ухватившись за кончик веревки и собравши все свое мужество, закричал:

– Да я не то, что поздороваться, я и поцеловаться с тобой могу! Только дотянись до меня! Ну, давай же, Огневик!

– Ах, вот ты какой дерзкий и смелый? Тогда давай, дава-а-ай поцелуемся!

Туловище Огневика стало вытягиваться. Одной рукой он оперся на скамейку, и скамейка задымилась под нею. Лицо Ивася обдало жаром, потому что голова Огневика оказалась так близко от него, а все туловище как раз под тем местом на бруске, где стояла макитра с водой. Ивась с силой дернул за веревку с криком:

– На! Вот тебе!

Макитра опрокинулась, и вода выплеснулась на Огневика,

окатив его с ног до головы.

– Хррр! – захрипел Огневик. Тело его растрескалось и рассыпалось на мелкие черепки.

Хата наполнилась паром, сквозь который Ивась едва мог видеть окно, дверь и печку, в которой еще продолжала шипеть вода, гася остатки не догоревших углей. Перепрыгивая через нагромождения черепков, Ивась подбежал к двери и открыл ее, чтобы проветрить хату от пара и дыма.

Едва хата проветрилась, вошел Коля Комизерко.

– Вижу, что дело сделано. Молодец, Ивась. Теперь давай вместе убирать, а ты тем временем рассказывай все по порядку.

Сгребая черепки, Ивась рассказывал все без прикрас, порой ухая, выкрикивая страшным голосом, гримасничая и приплясывая, подражая Огневику. А Коля слушал, делая короткие перерывы лишь для того, чтобы вынести черепки на мусорную кучу. Каждый из ребят был горд за себя. Ивась – потому что победил Огневика, а Коля, потому что оказался прав в своих рассуждениях и помог другу избавиться от смертельного врага.

Как раз тогда, когда Ивась закончил свой рассказ о таком опасном сражении с Огневиком, а Коля приготовился вынести последнюю порцию черепков, пришла на обед мама.

– Вы что это наделали, безобразники? Во что вы тут играли? И всю хату водой залили, и макитру разбили! Придется теперь в воскресенье на базар за новой макитрой ехать.

– Зато, мамочка, мы Огневика победили. Теперь я смогу опять спокойно жить.

– Ах, выдумщики вы мои! Не Огневика, так еще что-нибудь придумаете! Садитесь-ка за стол, я вас обедом накормлю. А уборку я и без вас закончу. Марш руки мыть!

Вскоре настало лето. Ивась и Коля перешли во второй класс и очень этим гордились.

– Будем теперь первоклашек дразнить «первячки-червячки»! – говорил Ивась. А Коля возражал:

– Ты помнишь, как нам было обидно, когда нас так дразнили? Зачем же мы будем маленьких обижать? Нехорошо, Ивась.

А Ивась отвечал:

– И они на следующий год тоже перейдут во второй класс. А потом новеньких будут так же дразнить.

– А если мы их не будем дразнить, то и они не будут. Понял?

Они на этом прекратили спор. Но Ивась про себя решил, что все равно будет дразнить первоклассников, а Коля – что будет убеждать всех дразнильщиков, чтобы не делали этого.

В один из жарких летних дней сыновья тети Марушки, Василь и Славко собрались идти на ночь коровье стадо стеречь. Ивась тоже просился с ними. Они не возражали и обещали взять его, если мама отпустит. Но мама возражала:

– Нет, сынок. Они уже большие мальчишки. Василь перешел в пятый класс, а Славко – в восьмой. И не на прогулку

они идут, а на серьезную работу. Ты мешать им будешь.

Но Ивась не унимался и не переставал упрашивать маму. Наконец, Василь и Славко сами пришли к маме просить за Ивася.

– Пани докторша, – говорил Славко, – не бойтесь за Ивасика. Мы присмотрим за ним.

– Да он мешать вам будет. Вам что, с коровами хлопот мало? Так еще и за Ивасем смотреть. Нет, хлопцы, пусть дома сидит.

– Пани докторша, – вмешался Василь, – наоборот, он будет за костром следить. Нам со Славком некогда будет. Отпустите его, пани докторша. Ну, пожалуйста!

– Ладно, уговорили. Только смотрите, осторожнее там.

Вечером отец Василя и Славка, дядя Петро сказал им перед уходом:

– Смотрите, хлопцы, дождя давно уже не было. Сено, солома, трава – все сейчас сухое. Не разводите костра вблизи от стогов сена, хоть это и удобно – и мягко, и тепло. И от роши подальше. Ночью может ветер подняться, огонь разнести. Будет тогда беда! Ружье даю тебе лично, Славко, как самому старшему. Стрелять только в крайнем случае. И если волк, старайся отпугнуть, а не убить. Вверх стреляй. Люди тут же прибегут на выстрел.

– Ладно, не в первый раз уже. Ну, пойдем. Людей сменить нужно. Устали за сутки.

Ивась никогда еще не был так счастлив. Впервые он по-

чувствовал себя взрослым. А бригадир даже обещал заплатить ему за дежурство.

Дождавшись троих сменщиков, усталые пастухи тотчас же ушли домой. Василь и Славко решили подготовить всё для ночного костра. Но Василию не хотелось разводиться огонь на прежнем месте – далеко от стога сена, где они намеревались прилечь, если все будет в порядке.

– Славко, давай вот здесь костер разложим. Там уж очень далеко от стога.

– Ты слышал, что нам отец говорил?

– Да чего там! Ветра нет и не будет. Видишь, какое небо звездное. Ивасю скажем, чтобы следил, как следует. А то греться в одном месте, а спать за версту от него.

– Ну, ладно. Только тебе придется все время быть поблизости. А то Ивась мал еще, да и в первый раз на работе. Пошли собак покормим да коров сосчитаем, пока светло. А то вдруг какая забрела куда.

Пока Василь и Славко кормили собак да считали коров, Ивась принялся таскать на выбранное место хворост из рощи. К заходу солнца он натаскал его целую гору.

– Славко, посмотри, этого хватит на ночь? Или, может, еще принести?

– Ой, Ивась, да здесь на три ночи хватит. Можно жечь, не экономя. Давай, складывай хворост кучкой для костра. Скоро стемнеет.

– А я уже и сложил.

– Вот это? Ой, да кто же так складывает? Василь, покажи ему.

И Василь с серьезным видом начал учить Ивася:

– Сначала надо положить жмут сухого сена или комок бумаги – вот так. Потом сверху аккуратно уложить тоненькие сухие хворостинки. Видишь как? Пирамидкой. А поверх этих – покрупнее. Понял? Теперь еще крупнее. А на самый верх можно класть любые – все займутся. Запомнил? Ну и хорошо. Только не зажигай, пока не скажет Славко.

Когда стемнело, Славко сказал:

– Давай, Ивасик, разжигай костер. Да за ветром следи. Начнет дуть от костра к стогу, залей. Вот ведро с водой. И огонь поддерживай не то, чтобы сильный, а так – приличный. Чтобы издалека хорошо видно было и нам, и волкам. И ничего не бойся. Чуть что – кричи. Мы с Василем мигом прискачем. Только не спи. Будем спать по очереди. У костра спать нельзя. Ну, с Богом!

Ивась поднес спичку, и костер ярко запылал, освещая Ивася, лежащие поблизости вещи, а также высокий стог сена и вдали берестовую рощу.

Василь и Славко носились на лошадях, ориентируясь на лай собак, сгоняли коров в круг. А Ивась все подкладывал и подкладывал в костер крупные сухие сучья. Они горели, как порох, весело потрескивая. Где-то сверчки пели свои заунывные песенки. В роще порой раздавался угрюмый стон сыча. А из села иногда долетали обрывки собачьего лая

да скрип ворота колодца. Но потом ночные сельские звуки стихли. Остались только степные.

Ивань почувствовал, что начинает засыпать. Чтобы не уснуть, он принялся подбрасывать в костер крупные сучья, хотя костер и без того горел ярко. Стало жарко, и Ивань отодвинулся от огня подальше. Но сон одолевал неудержимо. Чтобы разогнать его, Ивань начал бегать вокруг костра. А когда устал, присел отдохнуть на минуту и подбросил в огонь еще пару увесистых сучьев. Они мигом запылали, а Ивань стал смотреть на огонь, как зачарованный.

Когда сучья превратились в раскаленные угли, в костре что-то затрещало, зашипело, и над костром взметнулся фонтан золотых искр. Они завертелись, закружились вихрем, уносясь в самое небо и смешиваясь там со звездами. Огненный вихрь становился все плотнее, все ярче, и вокруг стало светло, как днем. И вот тут в этом вихре, подобном рою огненных пчел, в бешеном танце закружился сам Огневик, размахивая огромными руками и дико сверкая раскаленными глазами, на которые было больно смотреть. Ивань вздрогнул от неожиданности и в ужасе попятился назад, к стогу стога. А Огневик в искрометной огненной пляске оскаливал зубы, сверкающие ослепительным блеском раскаленного металла, и пел свою неизменную хвастливую песню:

Я – Огневик, сын огня,

Я – повелитель огня!

Я там, где огонь,

А огонь там, где я!

Нет меня без огня,

А огня – без меня!

– Огневик! Ты жив? – вскричал Ивась.

– Ха-ха, как видишь! Ты думал, что избавился от меня?

Ты ошибся, глупый дерзкий мальчишка! Меня убить невозможно, как невозможно убить огонь! Ты мне изрядно надоел, поэтому я с радостью сейчас изжарю тебя на тобой же разведенном костре!

Огневик схватил несколько углей и швырнул их в кучу хвороста, а потом – в стог сена. Пламя начало разгораться, и Ивась попытался проскочить назад, где путь еще был свободен.

– Ты куда, проклятый мальчишка? Не пройде-о-ошь!

И Огневик пинком заставил часть углей костра лечь поперек пути к отступлению. Ивась оказался в кольце огня. Путь к ведру с водой был также отрезан огнем.

– Васи-и-иль! Сла-а-авко-о-о! Помоги-и-ите-е-е! – что было сил закричал Ивась.

А Огневик кружился все быстрее и быстрее, разбрасывая вокруг искры и красные головешки.

Ивась уже изнемогал от жары и задыхался от дыма, когда услышал конский топот. Это Василь и Славко мчались на подмогу, выкрикивая на ходу:

– Мы здесь, Ивасик!

– Сейчас поможем!

– Не бойся, Ивась!

Василь, прыгнув с коня, вбежал в огненный круг, подхватил Ивася на руки и выскочил на открытое место. А Славко схватил ведро и стал заливать уже частично занявшийся стог. Потом он взял лежавшие рядом вилы и отбросил в сторону пучки еще тлевшего сена.

Ребята быстро загасили костер и разбросанные вокруг головешки. Славко присел рядом с Василем и Ивасиком, отер с лица пот и укоризненно сказал:

– Видишь, Василь. Надо всегда старших слушать. Чуть беда не случилась.

– Но было же так тихо несколько дней подряд. Ни одна травинка не шелохнулась.

– Это степь. Все тихо, тихо, потом бац, и вихрь закружился. А затем снова тихо. Вот как сейчас. Из-за того, что я не настоял на своем, мы едва не погубили Ивасика. Да и стог чуть не сожгли, а он, знаешь, сколько стоит! Но это уже не так важно.

Ивась понял, что Огневика они не видели, и не стал о нем ничего рассказывать. Все равно не поверят.

Чтобы избежать трепки, все трое решили о ночном приключении ничего дома не рассказывать.

Ивась опять загрустил. Он понимал, что от Огневика ему никак не избавиться. Тут даже разумный Коля Комизерко ничем помочь не сможет. Наступит осень, затопят в хате печку, и Огневик его рано или поздно все равно сожжет. Мама и

все вокруг думали, что Ивась заболел. Все спрашивали, как он себя чувствует да не болит ли у него что. Ивась отвечал, что вполне здоров и чувствует себя нормально. Но он с ужасом ожидал неумолимо приближавшейся осени.

Как-то перед заходом солнца дед Ничипор, живший в хате напротив, вышел подышать свежим воздухом. Увидев Ивася, который молча стоял у калитки и грустно смотрел на пожелтевшую липу, дед подозвал его к себе.

– Что с тобой, Ивасик?

– Да ничего, дедусь Ничипор. Все в порядке.

– А что же ты такой скучный?

– Никакой я не скучный. Такой же, как всегда.

– А почему же ты тогда не бегаешь с ватагой хлопцев, как раньше? И в футбол не играешь? И в жмурки тоже? Нет, что-то с тобой не так. Ну, что случилось, признайся. Я никому не скажу. А может быть, и помочь смогу. А?

Ивась немного замялся.

– Понимаете, дедусь Ничипор, радоваться мне нечему.

– Это как же так, нечему? Да хотя бы тому, что ты так молод еще, что все еще у тебя впереди – целая жизнь!

– Нет, дедусь, впереди у меня ничего хорошего. Точно говорю Вам.

– Да что ты все загадками говоришь? Расскажи, что тебя мучит. Догадываться я не умею, хоть и век на этом свете прожил.

– Да я бы рассказал, так Вы все равно не поверите. Только

смеяться будете.

– Что ты, Ивасик! Или я хлопец неразумный? Как это, не поверю? Смеяться над человеком – это же грех большой. А мне уже грешить никак нельзя, помирать скоро. Ну, расскажи деду старому.

– Понимаете, дедусь Ничипор, меня убить хотят...

– Кто? За что и с чего это вдруг?

– Ну, есть такой, Огневиком его зовут...

– А-а-а! Ясно. Огневик – сын огня и повелитель огня.

– Да! А Вы откуда знаете? – оживился Ивась.

– Мне-то не знать, дорогой Ивасик! На веку, как на долгой ниве – все что угодно может встретиться. Так-так! Чем же ты прогневил Огневика? А?

Ивась опять замялся.

– Ну, понимаете, плевал на огонь, на раскаленную плиту. Дед понимающе кивал головой.

– А потом он за это мою бабушку убил.

– Она что, тоже на огонь плевала?

– Да нет, – отмахнулся Ивась – она наоборот, говорила мне, что за это Огневик на меня разгневаться может. А я не послушал, все плевал, когда никого рядом не было. Вскоре после этого бабушка и умерла.

– Ну, а потом что было?

Ивась уже окончательно оправился от смущения и рассказал деду Ничипору все, как на духу. И о том, как он впервые увидел Огневика, и как он кричал ему обидные слова, и как

он по совету Коли Комизерко окатил его водой из макитры, и как Огневик чуть не сжег его в степи у костра.

– Да, милый Ивасик, в трудном положении ты оказался. Огневик не любит всего того, что ты натворил. Он хозяин и повелитель огня. И ведет себя подобно огню. Огонь, если с ним бережно и верно обращаться, поможет во всем. Он и согреет, и еду приготовит, и свет даст вечером. Но стоит начать небрежно с ним обращаться, он и обожжет, и хату спалит, и тех, кто в хате. Целые села и города сгорали вместе с их жителями. Понял?

– Конечно, а что же тут не понять?

– А то, что ты не понял, что силой Огневика не взять.

– Это я как раз понял, дедусь Ничипор. Вот и жду от него наказания. Но слишком уж он жесток, этот Огневик.

– А силой, Ивасик, такие дела не делаются.

– Так что же мне делать?

– Прощения попросить.

– А он и слушать не станет. Сожжет меня – и все тут.

– А ты пытался?

– Нет. Но это и так ясно.

– Ничего тебе не ясно. Дело в том, что, как и с огнем, если с ним обращаться хорошо, как твоя покойная ныне бабушка, он помогать будет. И тепло в печке сохранять будет, и пище, что готовится на ней, пригореть не даст, и вкус ей придаст отменный. И много кое-чего еще поможет сделать.

– Так почему же он тогда мою бабушку убил?

– Да не убивал он твою бабушку. Сама она умерла, сердце у нее давно уже никуда не годилось. Ты сам придумал, что это Огневик сделал, вот и прогневил его еще раз. А он клеветы ох, как не любит! Да и кто ее, собственно, любит? А потом ты еще с этим Колей охотиться на него вздумал. В общем, Ивасик, виноват ты перед ним. Очень уж виноват.

– Что же теперь делать, дедушка Ничипор?

– Да я же сказал тебе. Прощения попросить.

– А как это сделать, растолкуйте мне, пожалуйста. Я такой непонятливый!

– Не скажи! А как напасть на Огневика все понял? Тот-то. Так вот, чтобы зря не рисковать и не терпеть ненужного страху, подойди к печке сейчас, пока она еще не топится. Огневик там все равно живет. Открой дверцу и скажи: так, мол, и так. Виноват перед тобой в том-то и том-то. А коли в чем еще – прости, не упомянул. Прости, скажи, Огневичок. Это я по молодости, по неразумности. Пообещай ему сухих дровишек всю зиму, свежей соломки, сенца. Скажи, что печку сам подбеливать будешь регулярно и трубу закрывать своевременно.

– А если он не простит?

– Обязательно простит, поверь мне старому.

– Спасибо, дедусь Ничипор. Дай Вам Бог здоровьица и долгих лет жизни!

– За здоровьице спасибо. А вот жизни, сколько Бог отмерил. Ну, давай, Ивасик, за доброе дело.

Ивась сделал все в точности так, как дед Ничипор сказал. Открыл печную дверцу, сел около нее на скамеечку и стал просить прощения:

– Здравствуй, Огневичок! Виноват я перед тобой. Прости меня глупого, что бабушкину смерть тебе в вину поставил. Прости также за то, что плевал в огонь и на горячую плиту. И за ту выходку с макитрой с водой тоже прости. И что ругал тебя плохими словами, прости. И может еще что сделал и забыл повиниться, еще раз прости. Я это все не от злого нрава творил, а по молодости своей, по глупости. Я больше никогда не буду делать ничего подобного! И дровишки для тебя всегда буду просушивать, и свежим сеном тебя угощать буду, и соломой. И печку, жилище твое, в чистоте и порядке содержать буду. И трубу закрывать своевременно буду. Только прости меня. Пожалуйста!

Тут в печке что-то то ли вздохнуло, то ли всхлипнуло. И тоненький голосок тихо-тихо так пропищал:

– Хорошо, Ивась. Растрогал ты меня. Давай помиримся. Я больше не держу на тебя зла. Не держи и ты на меня.

– Что ты, какое там зло. Спасибо, что простил меня!

Вскоре наступила осень. Потом зима. Как и раньше, Ивась любил по вечерам сидеть у горячей плиты и греться. А перед тем как лечь спать, он обычно подходил к угасающей печке и благодарил Огневика за тепло и приготовленную пищу. Уже лежа в своей постели, он отчетливо слышал, как Огневик потихоньку там ухал и едва слышно мурлыкал свою песенку.

Но больше всего Ивась был благодарен мудрому и доброму дедусю Ничипору.

Юлий Гарбузов

23 января 2000 года, воскресенье

Харьков, Украина

Птичка

Фантастический рассказ

Я увидел его, когда наклонил рукой густой кустик сныти. Оно лежало на черной земле, покрытое крупными каплями утренней росы. Белое, с едва уловимым розоватым оттенком яйцо, чуть меньше страусиного – того самого, которое я видел в коллекции своего шефа. Я так и стоял, наклонившись и придерживая жмут упругой сныти. А оно смотрело на меня, поблескивая радужными искрами в прозрачных каплях росы. В нем было что-то необыкновенное, что-то ласкающее душу самым невыразимым образом. Оно завораживало, не давая оторвать взгляда. Я протянул руку и погладил его. Поверхность показалась мне бархатистой и неопишимо приятной на ощупь. Капли росы размазались по скорлупе и тут же исчезли. Оно было теплым, чтобы не сказать горячим.

Какая птица могла снести его в этих краях? Самая крупная из наших птиц – это дрофа, но ее уже Бог знает сколько лет здесь не встречали. Однако для дрофиного оно было слишком велико. Я поднял его и стал рассматривать в лучах утреннего солнца. Чувствовалось, что под его прочной скорлупой билась жизнь, какая-то особая, неведомая жизнь, про-

буждающая к себе чувство необыкновенной нежности, подобной той, которая возникла во мне, когда я впервые взял на руки моего новорожденного сына-первенца. Я положил его в лукошко, в которое намерился было собирать грибы, и накрыл листьями сныти. Мое эмоциональное возбуждение было столь велико, что ни о какой грибной охоте уже не могло быть и речи.

Я повернул к дому и медленно побрел по узкой лесной тропинке, время от времени запуская руку в лукошко под травяной покров и нежно поглаживая столь необычную находку.

Такого прилива нежности я уже не испытывал более трех месяцев – с тех пор, как от меня ушла жена. Она уехала с командировочным, который в последнее время зачастил из Москвы в организацию, где она работала заведующей сектором. Высокий, стройный красавец-мужчина, полковник, доктор технических наук. Мне, конечно, не чета. Она сказала, что наши дети уже взрослые, и нас больше ничто не связывает, а этого человека она полюбила по-настоящему; меня же не любила никогда. Это было правдой. Я помог ей собрать вещи и пожелал им счастья. Когда за нею захлопнулась дверь, а спустя минуту я услышал звук мотора увозящей ее машины полковника, меня охватило неопишное чувство обиды, горечи и душевной боли. Как же так? Вместе прожили более четверти века. Сколько радостей и горестей мы разделили с нею! И вдруг какой-то незнакомец вот так запросто

взял и увел ее из моего дома. А до меня не было дела никому. Квартира опустела. Образцовый порядок быстро обратился в свою противоположность, а в моем сердце поселилась черная меланхолия. Ничто меня не радовало. Квартира осталась за мной – чудесная трехкомнатная. Многие бабы навивались ко мне в жены, но никаких чувств кроме отвращения я к ним не испытывал. Пробовал пить. Но алкоголь только усугублял мою тоску, снижал и без того низкую работоспособность и вызывал физическое недомогание. Сыновья были далеко, жили каждый своей жизнью и во всем сочувствовали матери. Одиночество давило со всех сторон.

И вот я почувствовал, что необычная находка пробудила во мне что-то доброе и нежное. Так, видимо, люди, прожившие всю жизнь бобылями, находят выход для нереализованных чувств отцовства или материнства в уходе за кошками, собаками или другими животными. Размышляя, я незаметно оказался у порога собственного дома.

– Ну, как, много грибов собрали? – спросила сидевшая у подъезда старушка.

– Да нет, ничего не собрал.

– А в корзинке что? Небось, белые все?

Ничего не ответив, я вошел в подъезд и поднялся на лифте на свой шестой этаж. Войдя в квартиру, я тут же положил яйцо на кровать и пошел мыться и переодеваться, а минут двадцать спустя стал внимательно рассматривать находку, не переставая удивляться.

Вооружившись очками и лупой, я увидел, что скорлупа найденного яйца не сплошная, а вся в мельчайших отверстиях, через которые временами мелкими порциями выходила какая-то вязкая жидкость. Потом пузырек воздуха, проходя, вновь открывал отверстие, а жидкость растекалась кольцеобразно вокруг него и быстро затвердевала, наращивая, таким образом, скорлупу. И яйцо как бы росло. Медленно, но росло.

Я попробовал смыть затвердевающие кольцеобразные наросты, но у меня ничего не вышло. Яйцо всосало воду через отверстия, и процесс роста вроде бы даже ускорился. Я поливал его еще и еще, пока отверстия не закрылись и не перестали вбирать воду. Как видно, яйцо напилось. Я прекратил смачивание и стал наблюдать дальше, забыв даже пообедать. Спустя пару минут, отверстия снова открылись, и процесс роста продолжился. Потом я снова полил яйцо водой, и все повторилось как ранее.

Размышляя над тем, что это может быть за яйцо и что мне нужно с ним делать: то ли отнести туда, где взял, то ли отдать соответствующим специалистам, то ли оставить у себя и отложить все решения на «потом», я не заметил, как пролетело время. Почувствовав голод, я решил не возиться дома с кухней, а выйти пообедать в кафе, находящееся в пятнадцати минутах ходьбы от моего дома.

Я шел по направлению к кафе, не замечая ни шума улицы, ни прохожих и вообще ничего, что творилось вокруг меня. В

кафе было пусто. Мне было все равно, чем утолить голод, и я взял первое, что подвернулось под руку: суп с фрикадельками, паровые котлеты и стакан компота.

– Обедаете? Приятного аппетита. Позвольте составить вам компанию, уважаемый Константин Саввич, – услышал я сзади мягкий женский голос.

Это была давняя приятельница моей бывшей жены. Но после того, как мы развелись, и моя жена переехала в Москву к своему новому мужу, их общение постепенно «сошло на нет». Она чуть более полугода, как овдовела и искренне тосковала по своему покойному мужу. Их единственная дочь, которая еще при жизни отца вышла замуж за молодого шведского предпринимателя, оформила, наконец, выездные документы и переехала к нему в Швецию. Так что наши судьбы во многом были сходны, и мы невольно тянулись друг к другу. Однако наше общение ограничивалось только телефонными беседами и случайными встречами, как сегодня. Нас все время разделял какой-то невидимый барьер. То ли мы еще не успели смириться с потерей супругов, то ли осознание невозможности повторения тех отношений, которые могут устанавливаться только в молодости, подспудно тормозило наше сближение. Я искренне обрадовался встрече.

– Конечно, конечно, Милочка! Всегда рад разделить с тобой одиночество.

– Ну, зачем же так меланхолично, Костя? Ведь я нахожусь в подобной ситуации. Вокруг нас столько интересных людей,

а ты – одиночество! Да что, на твоей Светке свет клином сошелся? Одиночество! Ты еще мужчина хоть куда. Любая за тебя пойдет с радостью. Вон сколько женщин вокруг тебя, которые истосковались по вниманию, мечтают о семейном уюте, хотят о ком-то заботиться, с кем-то постоянно общаться. Тебе пока что нет и пятидесяти, при желании можешь и детей еще родить.

– Да каких там детей, Милочка. Перестань шутить. Давай лучше покушаем да поговорим на отвлеченные темы.

Обедая, мы говорили о работе, которая осточертела и ей, и мне. Она работала в поликлинике участковым врачом, уставала как проклятая. Если раньше ее радовало то, что на этой работе она может выгадать для себя часок-другой, то сейчас это было ни к чему, не для кого выгадывать. А моя научная работа стала никому не нужной. Зарплату платили все реже и все меньше, перешли на сокращенную рабочую неделю. Перспектив никаких. Впереди мог быть только базар с его грубыми суровыми законами. Такая жизнь была не для меня. Но надо было как-то выживать, и мы обговаривали возможные варианты.

Закончив обед, мы вышли на улицу и остановились, не решаясь разойтись. С минуту помолчали.

– Куда ты сейчас, Костя?

– Домой, разумеется.

– И что намереваешься делать?

Я замялся в нерешительности.

– Уж не завел ли ты даму сердца? Вижу, что завел. Расскажи. Ну, расскажи, пожалуйста. Как интересно!

– Да какая там дама сердца, Милочка! Просто я не знаю, что делать, понимаешь?

– В чем не знаешь, что делать? Что вызвало такое замешательство? Может быть, я смогу чем-то тебе помочь?

– Может быть.

– Тогда рассказывай.

– Понимаешь, это просто так не расскажешь. Ты никуда не спешишь?

– К сожалению, спешить некуда. А что?

– Тогда давай зайдем ко мне домой.

– А ты не боишься, что твои соседи что-то подумают?

– Да ну их к чертям! Пусть думают, что хотят. Мы с тобой взрослые и свободные люди, в конце концов. Какое нам дело до них?

– Ладно, пошли. Так что там у тебя, что рассказать невозможно?

– Понимаешь, Милочка, сегодня утречком я решил пойти в лес за грибами. Благо, лес через дорогу. Пошел, но грибов не нашел ни единого. Вернее, не успел найти. Едва углубившись в лес, я наткнулся на него в траве.

– На кого это «на него»? – недоумевала Милочка.

– На яйцо, большое такое и живое. Такое приятное на ощупь и теплое.

– Ну и что же в этом удивительного?

– Да то, что оно огромное и живое.

– Яйцо – это будущая жизнь, поэтому не удивительно, что оно живое. А огромное, это какой величины, с дом, что ли?

– Да нет, как страусиное, чуть поменьше.

– Странно, откуда оно могло здесь взяться, страусиное?

Такое скажешь!

Мы дошли до моего подъезда и стали подниматься на крылечко. Старушки, сидящие рядом на лавочке, оживленно зашушукались. «Вот стервы любопытные, – подумал я, – теперь им на весь вечер будет тема для обсуждения». Мы с Милочкой встретились взглядами и рассмеялись, поняв друг друга без слов. Войдя в мою квартиру, она ахнула от неожиданности.

– Костя, как ты можешь жить в таком беспорядке! Ведь у Светки всегда был образцовый порядок, на зависть всем.

Я ни слова не ответил, только посмотрел на нее и вымученно улыбнулся. Видимо, в моем взгляде она усмотрела укор, потому что осеклась и замолчала.

– Прости, я не хотела причинить тебе боль... Ну, показывай, где эта твоя таинственная находка?

– Да вот, на кровати. Видишь?

– Ого! Да оно и впрямь страусиное.

Она подошла к кровати и стала рассматривать мою находку сначала без очков, потом в очках, а потом погладила ее рукой.

– Да, на ощупь оно в самом деле приятное, как будто бар-

хатное и чуть-чуть влажное.

Она помолчала.

– Тепленькое. Что за птенчик там, внутри? Интересно бы знать. Знаешь, Костя, а давай разобьем его, и я приготовлю из него яичницу нам на ужин!

Я чуть не задохнулся от возмущения.

– Как это, разобьем? Какая там яичница! Оно же живое, понимаешь? Живое! Как ты могла такое предложить? Это же варварство, живодерство!

– Ладно, ладно, не будем разбивать. Но что ты с ним, в конце-то концов, собираешься делать? Если яйцо не насиживается, оно со временем остынет, и зародыш погибнет. Что тогда? Оно протухнет, а ты все будешь любоваться? Дальше что?

– Не знаю, Милочка. Постараюсь сохранить в нем жизнь.

– Как? Каким образом? Сам будешь его насиживать? Или у тебя инкубатор есть?

– Не знаю. Похоже, что оно не нуждается ни в насиживании, ни в инкубаторе. Оно в лесу жило само по себе. Его нужно только вовремя подпаивать.

– Как это, подпаивать? Оно что, пить умеет?

– Да, представь себе. Сейчас я тебе покажу, и ты сама все поймешь.

Я дал ей увеличительное стекло, осветил яйцо настольной лампой, и она принялась с удивлением рассматривать его поверхность. Потом я мокрой губкой увлажнил скорлу-

пу, и Милочка аж цокнула языком от удивления.

– Вот это да! Оно втягивает воду! Оно действительно пьет!

Я продолжал смачивать поверхность до тех пор, пока не закрылись отверстия, и вода не перестала всасываться. Милочка снова удивилась.

– Смотри, напилось. Это надолго?

– На пару часов. Или даже больше. А потом оно снова начнет пить. По-моему, оно поглощает воду, что-то там с нею делает, затем выделяет слизь, которая, затвердевая, наращивает скорлупу. Увеличивает ее толщину, растет. А может быть и не увеличивает, а растворяет ее изнутри. Таким образом, яйцо растет.

– Возможно. Давай проверим. У тебя есть чем измерить его хотя бы только в длину?

– Конечно, есть.

Я принес метровую линейку и два треугольника.

– Подержи. Вот так. Двадцать четыре сантиметра и три миллиметра. Сейчас запишу. Перемерим через сутки. Если не будет заметно, то где-то через неделю перемерим еще разок. Но неизбежно эффект роста в конце концов заметим. Если он имеет место, конечно.

– Ну и что? Что мы потом будем с ним делать?

– Посмотрим, чем все это кончится, что из него вылупится.

– А если динозавр? – игриво спросила Милочка.

– Ну, динозавр – так динозавр.

– И что мы с ним будем делать?

– Не знаю. Посмотрим.

Наступила неловкая пауза. Мы не знали, что сказать друг другу. Мне не хотелось, чтобы она уходила. Ей, видимо, тоже. Мы оставили мою находку в покое и перешли из спальни в залу. Я включил телевизор. По первой программе говорили о выборах президента. Я переключил на вторую. Там стреляли, бегали, дрались. На следующей гремела какая-то дикая музыка, дальше – реклама, клипы и тому подобное.

– Выключи, – попросила Милочка, – смотреть нечего. А у тебя нет кассеты с какой-нибудь медленной ласковой музыкой? Чтобы нервы отдыхали.

Я поставил Адамо. Нежный голос певца успокаивал и придавал нашей встрече оттенок близости, создавал интимный настрой. Я предложил потанцевать. Она медленно встала с кресла, подошла и положила мне на плечи свои мягкие теплые руки. Улыбаясь, посмотрела мне в глаза, и мы щека к щеке медленно поплыли в танце по совсем еще недавно такой пустой и неудобной комнате. Аромат ее косметики и дыхания, близость ее еще упругого и стройного тела слегка возбуждали меня, но я по началу не хотел заходить дальше, что-либо изменять. Просто хотелось, чтобы этот танец длился бесконечно.

– Смотри, уже вечер – совсем темно. Мне пора.

– Куда это тебе пора?

– Домой. Поздно уже.

– У тебя что, дома дети плачут? Кто-то ждет тебя – не дождется?

Она улыбнулась и посмотрела на часы.

– Но домой-то возвращаться надо. Не оставаться же мне у тебя на ночь.

– А почему бы тебе и вправду не остаться? Мы ведь с тобой оба такие одинокие! И мне было бы так приятно твое общество. Останься, ну пожалуйста.

С минуту она помолчала, а потом каким-то глухим, не своим голосом сказала:

– Понимаешь, Костя, еще ведь и года не прошло после смерти Толика. А я его так любила!

– Я Светлану тоже любил. Что же нам теперь, в монастырь, что ли?

– Ну почему в монастырь? Люди осудят, ведь меня все знали как порядочную женщину, и ты, в том числе.

– Да что мы, ради них живем на свете? Привыкнут, куда им деться.

– К чему? К тому, что я...

– Ну что ты, Милочка! Ведь жизнь есть жизнь, и мы с тобой пока еще живые люди. Останься... Пожалуйста...

Я прижал ее к себе и нежно поцеловал. Она припала к моей груди и, дыша мне за пазуху, отрицательно замотала головой.

– Я ведь не для этого к тебе шла, поверь, Костя... Я шла

только посмотреть твою лесную находку, и все.

– И я тоже тебя приглашал без всякой задней мысли. Но мне стало так хорошо с тобой... И тебе тоже, я знаю...

– Ты прав, Костенька. Мне хорошо с тобой, даже очень. Но что будет дальше, потом? Чем это все закончится? Я могу всерьез влюбиться, а ты все о Светлане думаешь, я знаю. Ведь ты ее всегда любил, а куда твоя любовь могла деться?

– Вот ты и помоги мне забыть ее. Ведь я ее просто обязан забыть, понимаешь? А я помогу тебе поскорее забыть Толика...

– А я не хочу, понимаешь, не хочу забывать его! Хочу сохранить о нем память в сердце на всю оставшуюся жизнь.

– И что, так и будешь тосковать все время? Не нужно, милая. Ведь нам не так много осталось в жизни радостей. Мне уже до пятидесяти рукой подать, а ты – немногим моложе. Нужно...

Она заплакала. Я усадил ее на кресло и присел на подлокотник. Через минуту она успокоилась и вытерла слезы. Улыбнувшись, она встала и, потрянув еще не тронутыми сединой светло-русыми волосами, произнесла свой вердикт.

– Ладно, будь что будет. Я пойду на кухню, посмотрю, что у тебя есть из продуктов и попытаюсь приготовить какой-нибудь ужин. А ты – приготовь постель.

Я отправился в спальню и, чтобы застлать чистые простыни, решил перенести яйцо в залу на диван. Взяв его в руки, я опять ощутил нежное чувство, как и утром, и погладил его. В

нем вроде что-то забилося. Мне стало еще приятнее, захотелось прижать его к щеке, и я сделал это. Теперь я отчетливо ощутил, что внутри что-то легонько шевельнулось и чуть затрепетало, и это вызвало у меня еще больший необъяснимый прилив теплых чувств. Мне не хотелось с ним расставаться, но здесь предстояла первая ночь с Милочкой. Поэтому я, преодолевая себя, отнес его в залу и направился на кухню.

Там в моем новом клетчатом переднике по-хозяйски хлопотала Милочка. На сковородке шипела и стреляла яичница с ветчиной, а в кофеварке дымился ароматный кофе, купленный еще Светланой.

– Не боишься пить кофе на ночь? – спросила Милочка.

– Нет. Если я не сплю, то лишь тогда, когда о чем-то думаю, переживаю. А когда я счастлив, как сегодня, я сплю нормально и после кофе, и после чая, и после чего угодно. По рюмочке коньячку?

– Да, но только в кофе.

После ужина она отправилась в ванную, а я – к своей удивительной находке. Погладив ее, я опять ощутил под скорлупой легкий трепет, а по моему телу, разогретому кофе с коньяком и воображением, вновь пробежала волна непередаваемой нежности, сочувствия и желания защитить беззащитное существо, какой-то сладкой жалости, как к грудному младенцу. Я сидел и гладил его, наслаждаясь эмоциями, наполнявшими каждую клеточку моего организма.

– Костя, я уже готова и жду тебя. Поторопись, не то я усну,

и ты меня до утра уже не добудишься!

Я отошел от дивана и, оглянувшись на прощанье, вышел из зала. Приняв прохладный душ и, наскоро вытершись, я вошел в спальню. Милочка лежала на спине, закрыв глаза и вытянув руки вдоль туловища поверх одеяла, на светлом месте. Я подошел к кровати и откинул край одеяла. Милочка тут же погасила свет, повернулась ко мне лицом, и мы сплелись в объятиях.

Потом мы лежали рядышком и беседовали тихо-тихо, словно нас мог кто-то подслушать. Ее голова лежала у меня на плече, и я ласкал ее тяжелые светлые волосы. Временами она глубоко вздыхала и тесно прижималась ко мне, нежно целовала меня в шею, а потом снова расслаблялась. Это было так приятно! Светлана никогда так не делала.

– Милочка, ты такая хорошая. Я, кажется, люблю тебя, – сказал я и поцеловал ее в трепещущие губы.

– Костя, милый, можно тебе поверить свой тяжкий грех?

– Конечно, ласточка моя!

Я снова привлек ее к себе и поцеловал в плечо, в шею и снова в губы.

– Я первый в жизни раз изменяю своему мужу...

– А я – жене. Но твоего мужа давно уже нет в живых, Милочка! Он мертв, а мы, слава Богу, пока еще живы.

– А Светка? Она жива. И у меня такое чувство, как будто я ворую...

– Она давно от меня отреклась. Сказала, что никогда меня

не любила. И это правда, святая правда.

– А, по-моему, она лгала. Вы же прожили более четверти века. И ушла она из сугубо корыстных побуждений. Ей хотелось роскоши, денег и лживого почитания со стороны окружающих. Скоро ее полковник наскучит ей, и она, как женщина умная, поймет, что к чему, и к тебе снова запросится. И ты не устоишь. Ты ее любишь, она тебя тоже. А то, что мы с тобой сейчас делаем – не что иное, как прелюбодеяние. Она вернется, и вы вместе осудите меня.

– Нет, Милочка, насчет ее любви ко мне ты ошибаешься. Она мне сказала правду, что никогда, понимаешь, ни-ког-да меня не любила. Только лгала, что любит.

– И ты поверил? По-моему, ты просто-напросто не знаешь женщин.

– Да, Милочка. Поверил искренне. Она во мне никогда не видела ничего хорошего. Только выискивала недостатки. Все, что я о ней помню – это упреки, укоры, уколы, макания в грязь да удары рожей об асфальт. Сделай ей на копейку – выругает за то, что не на рубль. Сделай на рубль, выругает, что не на сотню. И так до бесконечности.

– Так почему же ты с нею жил столько лет?

– Не знаю. Вероятно потому, что любил.

– Костя, ты такой порядочный и честный. В этом твоя сила и слабость.

– Не знаю, Милочка. Может быть, ты и права. Но факт есть факт. Она пинала меня в лицо, а я, идиот, пытался делать

все, чтобы она заметила мои достоинства.

– Костя, ты действительно идиот. Или святой, не знаю. Как ты мог мириться со всем этим?

– Видимо, просто любил.

– Но рано или поздно эмоции должны были поставить все на свои места.

– Они и поставили. Теперь я должен, наконец, прозреть и сделать переоценку ценностей.

– Ладно, Костя, давай спать. Завтра нам обоим на работу.

Она повернулась на правый бок, сделала глубокий вдох и в конце выдоха уже глубоко спала. А я еще долго не мог уснуть. Все думал о Светлане, о будущем наших с Милочкой отношений и о птенце, который, если будет все в порядке, когда-то вылупится из яйца. Что мне потом с ним делать, как и чем кормить, до каких размеров он вырастет и как себя поведет? Отношения с Милочкой отошли на задний план и совсем меня не волновали. «Время покажет», – думал я. С этими мыслями я и уснул.

В шесть утра нас разбудила трель телефонного звонка. Я давно уже установил телефон в режим будильника. Поэтому моя реакция была спокойной. Я потянулся и медленно стал приходить в себя. Милочка мигом вскочила и, осматриваясь вокруг, никак не могла понять, где она находится. Но тут же все вспомнила и, закрыв лицо руками, попросила:

– Костя, отвернись, пожалуйста, мне нужно встать и одеться.

– Зачем же мне отворачиваться? Вчера же...

– Это было в каком-то водовороте эмоций, воспоминаний, философствований и прочего. Сейчас наступило утро, а с ним пришло прозрение, протрезвление, и все стало на свои места. Забудем вчерашнее. Ничего не было.

– Милочка, не нужно противиться своим чувствам. Все было и будет повторяться еще и еще. Я теперь не смогу без тебя.

– Ладно, Костя. Потом все выясним. А сейчас нам обоим пора на работу.

– Пора.

Она побежала в ванную для утреннего туалета, а я наведалься в залу. Яйцо лежало на диване, как и вчера вечером. Я подошел и погладил его. Опять внутри его трепет, но в этот раз какой-то нервный, с короткими перерывами; опять то же щемящее нежное чувство. Поверхность его была сухой, и после прикосновения к нему на пальце остался едва заметный белый порошкообразный налет. Я понял, что оно хочет пить.

В ответ на смачивание зародыш ответил особым трепетанием, которое я почему-то воспринял как знак удовлетворения, радости или благодарности. Когда оно напилось, его поверхность вроде бы чуть-чуть потеплела, и движения зародыша стали более мягкими и спокойными.

– Костя, завтрак готов! Поторопись, – послышался из кухни голос Милочки.

На столе уже стояли две тарелочки с творогом, политым сметаной, и две чашки горячего кофе. А на середине стола – круглая хрустальная вазочка с печеньем. Все было расставлено с особым вкусом, гармонично, логично, одним словом, как надо. «И когда она успела навести здесь порядок и чистоту?» – подумал я, садясь за стол.

– Может, тебе маловато, или ты еще чего хочешь?

– Спасибо, Милочка, мне и этого много. Я теперь очень мало ем, особенно по утрам. Так что этого – предостаточно.

– Ты уже проведаль своего будущего питомца?

– Да, только что. Оно хотело пить. Я напоил его, и оно поблагодарило меня.

– Сказало «спасибо» или как-то еще?

– Как-то еще.

– Как же?

– Особым трепетом под скорлупой, приливом тепла к поверхности и чем-то еще, чего не выразишь словами.

– Костя, ты определенно заболел психически. От длительного воздержания, наверное? Но после нынешней ночи все должно было пройти. Или это остаточные явления?

– Милочка, ты в своем амплуа. Сугубо по-медицински ставишь диагнозы.

– Такая уж у меня профессия – ставить диагнозы.

Она допила последний глоток кофе и принялась мыть посуду.

– Милочка, вот тебе ключи.

– Зачем они мне?

– Как, ты же теперь здесь хозяйка.

Она улыбнулась.

– Костя, ты так наивен! Одна ночь – это еще не значит...

– Для меня значит. И я очень прошу тебя, возьми их. Сегодня после работы перенесем твои вещи.

Она демонстративно рассмеялась.

– Ну, что ты, Костенька! Вот так, сразу? Мы даже ничего не обсудили, не проверили друг друга. В общем, это так не делается.

– Кто сказал, что не делается? Как это не проверили? Мы знаем друг друга без малого два десятка лет! К чему откладывать? Что за условности?

– А мой траур? Нужно, по меньшей мере, год выдержать, а ты...

– Какой еще год? Глупости! Переходи ко мне, притом сегодня же.

– А обо мне ты подумал? Что скажут дети? Родственники Толика? Знакомые? Такой поступок мудрым не назовешь.

– А для чего нам эта мудрость? Дети наши уже сами семейные люди. Толины родственники знают, что при его жизни ты была ему замечательной женой. Они поймут. Может, со временем, но поймут. Живым надо о живом думать. А остальные привыкнут. Посудачат – и привыкнут. Почему мы должны что-то выдерживать, чем-то себя ущемлять? Мы же не в средневековье живем, верно? Нам хорошо друг с дру-

гом, так почему мы должны сами себе противиться? В общем, так. Сегодня после работы будь дома. Я приеду за тобой на такси. А ты к этому времени собери вещи. Все!

– Я и не подозревала, что ты такой настырный. А ты утверждаешь, что мы хорошо друг друга знаем. Я должна подумывать, Костя. Это серьезно.

– Вот и думай до вечера. А вечером – ко мне. Может мне прийти помочь тебе собрать вещи?

– Ладно, Костя, пора на работу. А то мы слишком уж с тобой заболтались.

Вечером, придя с работы, я тут же принялся «поить» свою лесную находку. Реакция была той же. Теперь я уже понимал его сигналы о помощи и знаки благодарности. С неохотой покинув своего питомца, я без телефонного звонка отправился к Милочке. Она возилась на кухне и собирать вещи вовсе не думала.

– Костя, садись ужинать. А о вчерашнем забудь. Ничего между нами не было. Все тебе приснилось, понял? Попробуй, какие я приготовила котлеты с жареной картошечкой! Ты же только с работы.

Я решительно отодвинул тарелку с аппетитным блюдом.

– Нет, Милочка, я сюда не ужинать пришел, а за тобой с вещами. Где твои вещи первой необходимости? Я помогу тебе упаковаться, и поедем. Остальные заберем потом. Так! Что ты берешь из кухонной утвари? А поужинаем уже у меня. Вернее, у нас. Давай, давай, а то поздно будет, а завтра

нам опять на работу.

– Да угомонись ты, наконец! Никуда я не поеду!

– Поедешь! Я не уйду без тебя, и с вещами, ясно?

– Ничего никому здесь не ясно! Ты понял?

Зазвонил телефон.

– Алло! Аня, это ты? Здравствуй. Да нет, не смогу. Я сейчас занята. Чем? Ха-ха-ха!.. Не поверишь! Мне сейчас предложение делают! Кто? Костя Панчук, знаешь такого? Да вот, пришел и говорит, что не уйдет, пока не заберет меня с вещами, а я...

Она держала трубку в левой руке, а правой что-то помещивала в кастрюле на плите.

– Понимаю, что хороший. Но вот так, сразу... Притом, и года не выдержав... Ой, да ну вас обоих! Вам спектакль, а для меня – вопрос жизненной важности. Под вашу с Володой ответственность? Хм, интересно! Вам бы только праздновать!

Обессиленная, она опустилась на стул.

– Ну, вот! Сказала на свою голову! Сейчас Коренцовы припрутся. Что он, что она! Что мне с ними делать! Ой! Из-за них соус пригорел!

Она захлопотала над газовой плитой, а я сидел молча и ждал приезда Коренцовых. Аня и Володя когда-то входили в нашу общую компанию, но после начала светланиного романа с полковником они нас покинули. Из телефонного разговора я понял, что они поддерживают мое предложение и

хотят быть активными участниками создания нашей с Милочкой новой семьи.

Милочка жила на втором этаже, поэтому было отчетливо слышно, как под окном остановилась и засигналила коренцовская «двадцатьчетверка», а через полминуты настойчиво зазвонили в дверь. Коренцовы влетели как ураган.

– Молодоженам – гип-гип-ура! Поздравляем! – громко прокричал Коренцов.

– Поздравляем! Совет да любовь! – поддержала его Аня.

Володя откупорил шампанское. Аня стала вытаскивать бокалы из серванта с криком:

– За молодых! Горько!

– Горько! – закричал Володя и поднес мне бокал. А Аня преподнесла шампанское Милочке.

– Погодите, погодите! Кто вам сказал, что у нас свадьба? Никакой свадьбы здесь нет и не будет!

– Вот те на! Ты же мне сама по телефону сказала. А теперь, что? На попятную? Не выйдет! Я ехала отпраздновать вашу помолвку. А что жених скажет? Костя?

– Я – за. Если вы ее уговорите, с меня магарыч. Я приехал уговаривать ее перевозить ко мне вещи, а она что-то заартачилась. Но я знаю, она не против, только разных там пересудов боится: соседей, Толиных родственников и прочих.

– Магарыч! Я люблю распивать магарычи, правда, Аннушка? А вещи мы сейчас же перевезем! На нашей «Волге». Давай, Милочка, собирай вещи, мы поможем, а потом я от-

гоню в гараж машину, и мы все вчетвером погуляем на славу.

– Это кто же вам дал право моей судьбой распоряжаться?

Вы меня спросили?

– Так спрашиваем, – сказала Аня, – Милочка, ты хочешь выйти замуж за Костю?

– Не знаю.

– Как это, не знаешь? Он что, не нравится тебе?

– Нравится! – выпалила Милочка.

– Тогда в чем же дело? Тебе что еще нужно?

– Ну, не знаю... Вот так, моментально, экспромтом... Замуж...

Вмешался Володя:

– Да вам что, по двадцать лет? Вы что, не можете просто сойтись, пожить без регистрации, а потом решить – продолжать или нет? Что вы теряете?

– Не знаю. В жизни так не бывает. В том-то и дело, что нам не по двадцать, – отпарировала Милочка.

– Ладно, решайте. Даем вам полчаса на размышление. Пойдите в комнату, посоветуйтесь, а мы с Вовой пока тут посидим. Скажете «нет» – мы тут же уедем. А то, в самом деле, из всех рамок повыходили, – заключила Аня.

Мы с Милочкой вышли в гостиную.

– Соглашайся, Милочка. И автомобиль кстати, и свидетели есть. Действительно, что мы теряем? Не понравится – уйдешь. Не на привязи же я тебя держать буду.

– Да как-то непривычно, ей-Богу. Только на смех людям.

Я видел, что она уже сдалась. Мы помолчали. Потом я взял ее за руку и поцеловал. Мы обнялись и прижались друг к другу щеками. Милочка тихо плакала. Вдруг она резко отстранилась и отерла слезы краешком передника.

– Ладно, Костя, будь опять, по-твоему. Поживем у тебя. До первой ссоры. А потом посмотрим. Иди, скажи им, а я начну собираться.

Я распахнул дверь в кухню.

– Решено! Перевозим Милочку ко мне!

– Но до первой ссоры, – долетело из гостиной.

– Ну, слава Богу, а то я уже подумала, что мы с Вовкой хватили через край. Я помогу ей укладываться, а вы посидите здесь. Понадобитесь – покличем.

И Аня пошла в гостиную, где Милочка уже перебирала свои вещи.

Уже затемно мы подъехали к подъезду моего дома. На лавочке еще сидели старушки. Увидев, как мы таскаем вещи, они начали активно шушукаться. И я, и Милочка испытывали примерно одинаковые чувства по этому поводу.

– Ну, теперь начнут перемывать наши косточки, – сказала Милочка.

– Ты что это, испугалась, что ли? – спросил Володя. – Сейчас мы уладим это дело, пока не выпили.

Он подошел к лавочке.

– Здравствуйте, уважаемые! Новость слышали?

– Здравствуйте. Что за новость?

– Какую?

– Да сосед ваш, Константин Саввич женится! На ком? На Людмиле Григорьевне – вон она, сумку из багажника вынимает. А он ей помогает, видите? Врач, чудесная женщина. Красавица, правда?

– Да, неплохая женщина. А Светочка, она что же, нас всем...

– Никакой Светочки мы больше не знаем, ясно? Вот так! Прощу любить и жаловать новую соседку.

И он занялся вместе с нами разгрузкой вещей. Минут через пятнадцать мы уже сидели втроем и готовили на скорую руку торжественный стол. Вскоре прибыл Володя с бутылкой коньяку. Под крики «горько!» мы умяли плотный ужин, а потом Коренцовы уехали, пожелав нам приятной брачной ночи.

Около часа мы мыли и убрали посуду, вытирали стол, подметали, готовили постель. Потом Милочка пошла в ванную, а я решил проведать своего питомца. Яйцо лежало на кресле в бывшей детской, куда его определила Милочка, готовясь к празднованию нашей помолвки. Я сразу понял, что оно хочет «пить» и стал обильно смачивать его поверхность. Вода активно всасывалась и, как мне показалось, интенсивнее, чем раньше. Потом я начал гладить его и опять ощутил тот трепет, который считал знаком благодарности и удовлетворения. Я наслаждался тем чувством, которое вызывало во мне прикосновение к его поверхности, и был готов ласкать

его бесконечно долго и балдеть, балдеть, балдеть...

– Костя, я – уже. Скорей иди, не то усну.

Пожелав яйцу спокойной ночи, я отправился принимать душ. Когда я вошел в спальню, Милочка читала какую-то книгу, прихваченную с собой при переезде. Захлопнув ее, она улыбнулась и протянула ко мне руки.

– Ну, иди же, иди скорей ко мне, насильник несчастный!

– Почему насильник?

– А разве сегодня ты не изнасиловал меня вместе с Коренцовыми?

– Конечно, нет! Ты же призналась, что сама хотела этого. Шалунья, – добавил я, прижимая ее к себе и наслаждаясь гибкостью и упругостью ее еще не начавшего стареть тела.

– Милочка, родная, ты мне так нужна...

– Костя, ты настоящий искуситель! Вчера бесстыдно со-
вратил меня, а сегодня уже заставил перебраться к себе на квартиру. Если и дальше будет так продолжаться, я могу не выдержать. Я не привыкла, чтобы меня водили «на коротком поводке», понял?

И мы, подхваченные потоком любовных эмоций, понеслись в их бурном водовороте.

Как и вчера, меня разбудил телефон. Я лениво поднял и положил трубку. Милочки рядом не было, а из кухни уже доносился аромат кофе и чего-то жаренного. Закончив утренний туалет, я пришел на кухню в надежде на вкусный завтрак и не ошибся. В ответ на мое приветствие Милочка ответила

такой эмоциональной, такой проникновенной улыбкой, что я не мог не обнять и не поцеловать ее.

– Ладно, ладно, Костя! У меня же руки заняты! – смеялась она, – видишь – блин подгорает, пусти.

Кислые блины со сметаной были удивительно вкусными и отлично шли к черному кофе.

– Хочешь еще?

– Хочу, но не буду. Предостаточно. После сорока лет в еде нужно быть сдержанным. Все, спасибо, Милочка, – я чмокнул ее в щечку.

– На здоровьице. Костя, ты такой весь правильный, образцовый, а я такая неорганизованная...

– Нет, Милочка, это далеко не так. Не получается быть правильным. А ты – просто прелесть. Я всю жизнь мечтал о такой жене. Почему мы только в молодости не встретились?

– Мы бы в то время друг другу не понравились. Я тогда ценила в людях совсем другое. Это с возрастом я немного поумнела. И ты, видимо, тоже.

– Очень может быть. Пока еще есть время, пойду, подпою яйцо. Ты не наблюдаешь за ним?

– Пока было некогда. Но с удовольствием приму активное участие в этом исследовании. Иди, подпаивай, как ты это называешь, а я домою посуду и присоединюсь к тебе.

Яйцо активно всасывало воду и дольше, и больше обычного. Милочка вооружилась очками и лупой и с интересом наблюдала за процессом. Наконец, яйцо «напилось». Милочка

погладила его и нежно улыбнулась.

– Как панбархатом обшито. Костя, оно, по-моему, подросло.

– Нет, это тебе просто кажется. Оно не могло так быстро настолько подрасти, чтобы стало заметно. А вот и линейка, и треугольники. Двадцать пять сантиметров и четыре миллиметра. Посмотри, сколько в прошлый раз было?

– Двадцать четыре и три. Видишь, Костя, подросло на одиннадцать миллиметров, и это всего за неполных два дня!

– Не может быть. Я, видимо, неверно измерил. Ну-ка, еще раз. Двадцать пять и... один!

– И все равно выросло. По этим данным на девять миллиметров, но это тоже ощутимо. Да ты только посмотри на него, явно увеличилось!

– Это я, видимо, в прошлый раз неверно измерил. У меня же не прецизионный инструмент, а так – точность «плюс-минус лапоть».

– Ничего, завтра измерим снова. Идем, а то я уже опаздываю.

После работы мы с Милочкой решили заняться уборкой, перестановкой мебели и прочих вещей. Яйцо лежало на кресле в зале, всеми забытое. Мы начали запланированную уборку. Подметали, мыли, двигали, пылесосили, переносили наши вещи с места на место, оценивали новое расположение, снова переставляли и так далее. При этом мы отчаянно спорили, но до ссоры дело не доходило, у нас обоих хватало

такта и выдержки вовремя остановиться, уступить друг другу, трезво оценить, какое решение лучше.

– Милочка, у нас будет идеальная семья. Смотри-ка, мы все вопросы решаем без ссор, без стремления поставить по-своему, взять верх друг над другом. Со Светланой было все по-другому.

– Погоди еще, это же только начало медового месяца.

– Ты такая мудрая, как столетняя старуха. Я хоть и старше тебя, но порой чувствую себя рядом с тобой наивным ребенком.

– А ты и есть ребенок, Костя. Взрослый, большой ребенок, как и большинство мужчин, между прочим. Но ни в каком случае не стремись быть другим, все равно ничего путного из этого не получится. Всегда будь самим собой, ты мне нравишься именно таким, как есть.

– Все мы, Милочка, большие дети. И лучше, когда остаемся сами собой.

– Ты, наверное, прав.

Уборку и наведение порядка мы закончили в четвертом часу ночи, будучи абсолютно без сил. Готовясь спать, я вспомнил о нашем яйце.

– Пойдем «подпоим» его, Милочка.

– Костя, я так устала, что не знаю, хватит ли у меня сил кое-как обмыться и доползти до кровати. Если у тебя есть силы, иди сам «подпаивай».

– Конечно, оно же живое и ему уже, наверное, очень пло-

хо без влаги, которую оно получало бы в естественных условиях. Пойду к нему.

Набрав в ведро воды, я пошел в залу, положил на пол кусок холстины, на него яйцо и стал губкой смачивать его поверхность, наблюдая за всасыванием через увеличительное стекло. Это было очень приятно – давать живому существу то, в чем оно нуждается, и думать, что оно от этого радуется и благодарно тебе.

Оно, как мне показалось, жадно и много пило, как никогда ранее. Когда вода перестала всасываться, я не стал класть его обратно на кресло, а оставил на влажной холстине. Я решил, что в естественных условиях оно лежало бы на влажной земле, и так для него лучше. Потом я стал поглаживать его – это было уже для меня обычным ритуалом после «подпаивания» – и еще долго наслаждался тем сладким чувством, которое при этом испытывал. Я словно отдавал ему все то, что вызывало во мне дискомфорт, и получал от него какую-то чистую, живительную энергию. И мне казалось, что это у нас взаимно.

Какими-то волнами от меня уходили усталость и нервное напряжение. Все проблемы казались второстепенными и вполне разрешимыми. Я ощущал всю полноту и красоту жизни. Не знаю, как долго я мог бы еще просидеть вот так, поглаживая его и балдея, как от какого-то божественного наркотика. Но разум говорил мне, что нужно выспаться. Преодолевая себя, я встал и пошел в спальню, где в глубоком

сне сладко посапывала Милочка. Она была до пояса раскрыта, правая рука закинута за голову, а левая лежала вдоль туловища. Ее белые груди, еще сохранившие упругость, с большими сосками, венчающими широкие темные кружки, соблазнительно поднимались и опускались в такт дыханию. С минуту полюбовавшись, я поцеловал ее и прикрыл одеялом, а затем лег и тут же провалился в небытие.

На другой день была суббота. В квартире царил идеальный порядок, продукты были закуплены еще накануне и частично привезены Милочкой. Мы решили провести день в свое удовольствие, отдыхая после вчерашней уборки. Я предложил читать, спать, беседовать и не выходить из дому даже за хлебом, обойтись тем, что есть. И даже телефон выключить, чтобы не беспокоили.

– Нет, пусть телефон включен. Мало ли что? Вдруг что-то важное.

– Ладно, я человек сговорчивый.

После завтрака я предложил проведать нашего питомца, и мы с порцией воды в ведре пошли в залу. Яйцо лежало там, где я его оставил ночью – на влажной холстине, только теперь она была абсолютно сухой. Как и в предыдущий раз, я начал смачивать его губкой, а Милочка – наблюдать через увеличительное стекло.

– По-моему, Костя, процесс всасывания стал еще более интенсивным, да и «пьет» оно дольше обычного. Думаю, это потому, что оно выросло. Присмотрись-ка.

Теперь и я заметил, что оно явно увеличилось.

– Давай еще разок замерим. Где там мой «прецизионный инструмент»? Смотри-ка, двадцать шесть сантиметров два миллиметра. А что было вчера по записям?

– Максимальный результат двадцать пять и четыре, а минимальный – двадцать пять и один. Как ни крути, оно опять выросло.

Милочка взяла его в руки.

– Ого, потяжелело-то как! Попробуй, Костя.

Я осторожно взял его и «взвесил» на одной руке.

– Да, потяжелело изрядно. Когда я его нес из лесу, оно было много легче. Несомненно.

Мы помолчали, размышляя над удивительными фактами. Первой молчание нарушила Милочка.

– Костя, а что потом будет? Давай решим, что мы будем с ним делать. Я предлагаю отдать его ученым, пусть у них голова болит. Зачем нам оно?

– Что ты, Милочка, это же так интересно! Будем его регулярно «поить», пусть растет, пусть вылупляется птенец. Посмотрим, что это за птенец.

– А если не птенец, а динозавр, крокодил или вообще какой-нибудь монстр, который нас пожрет?

– Брось ты, Милочка! Откуда тут монстры? И крокодилы с динозаврами.

– А птицы, несущие такие огромные яйца, которые еще и «пьют воду», и растут такими темпами – откуда? Что-то

здесь не то, Костя! Бог его святой знает, что оно потом может выкинуть! Давай отдадим его в Институт Орнитологии и Птицеводства. Там, кстати, моя одноклассница Ирка работает, кандидат наук, докторскую пишет. Через нее все и сделаем. А вдруг мы скрываем от науки какое-то великое открытие? Сам процесс развития зародыша уже проходит мимо ученых. Во всяком случае, начало его уже прошло. Давай позвоним Ирине.

– Ни в коем случае! Что может быть особенного в развитии? Как изменяются его размеры, мы замеряем, можно сказать, регулярно. Будем теперь взвешивать каждый день и записывать. А когда вылупится птенец, передадим его вместе с записями твоей Ирине. Пусть его потом исследуют, если в этом будет необходимость. А мы с тобой научную статью напишем на тему развития яйца нового в наших краях вида птицы, или что-то в этом роде. Принимается?

– Да зачем тебе эта статья?

– Как?! Я же тоже научный сотрудник, тоже кандидат наук, и мне нужны статьи.

– Но ты же технарь, а не биолог! Эта статья тебе веса не прибавит.

– Ошибаешься, сейчас ценятся ученые, работающие в других областях науки, далеких от основного профиля. Кто знает, может быть, это действительно великое открытие, а мы с тобой – великие первооткрыватели?

– Ты все шутишь, а это, возможно, дело вовсе не шуточ-

ное. Давай хотя бы позвоним Ирине и узнаем, какие птицы могут нести яйца, пьющие воду и вот так растущие.

– Ладно, звони, но сути не раскрывай.

Милочка полистала свой рабочий блокнот и, наконец, нашла Иринин номер.

– Алло! Надежда Фоминична, это Вы? Здравствуйте. Узнали? Вот это да! Извините, я тороплюсь. Мне Ира нужна. Да? Она что, по субботам работает? А телефончик не скажете? Спасибо. Сейчас, записываю. Готово. У Вас как, все в порядке? Все живы-здоровы? Ира опять развелась? Опять ревнивец? Везет ей на них – третий уже. Как я ей сочувствую! Я бы от такого на другой день сбежала. Внучка как? Уже правнучка родилась? Поздравляю! Пусть растет здоровенькая! Ну, хорошо. Привет всем Вашим. До свидания.

Она положила трубку и задумалась, глядя в блокнот.

– Представляешь, Костя, у нее уже третий муж патологическим ревнивцем оказался. Какой ужас! Бедная!

– А моя покойная бабушка сказала бы сейчас: «Как б..., так и муж ревнивый». И правда, почему так всегда получается?

– Костя, не шути так! Это ужасно, когда...

– А я и не шучу, я с бабушкой вполне согласен.

Но Милочка уже не слушала и набирала рабочий номер Ирины.

– Алло! Институт? Здравствуйте! Ирину Петровну, будьте добры. Две? Извините, но я знаю только ее девичью фа-

милию. Она старший научный. Аксюк? Пригласите ее, пожалуйста.

– Ирина Петровна? Здравствуй, Ирочка! Это твоя одноклассница, Мила Воловченко, помнишь такую? Ну, прости, Белаш, давно уже Белаш и умру таковой! Я понимаю, Ирочка, а я как раз по делу, по орнитологии у меня вопрос. Существуют ли птицы, которые несут яйца, растущие в процессе насиживания?

– Ну, один мой знакомый в литературе вычитал, будто бы есть. И вполне серьезно это утверждает. Нет, когда вся скорлупа увеличивается пропорционально. Нет, очень заметно – каждые сутки на несколько миллиметров в диаметре. А пресмыкающиеся или какие-либо другие яйцекладущие? Даже ваш доктор наук, говоришь, не знает? Ну, тогда точно нет. Спасибо. Нет, в каком-то журнале для широкого круга, так сказать. Не спросила, просто спор у нас вчера вышел.

Милочка изменилась в лице.

– А ты уже знаешь? Откуда? Понятно. Так уж «карта легла», ничего не поделаешь. Благодарю за консультацию. Всего доброго.

Она положила трубку и посмотрела на меня взглядом великомученицы.

– Ну, вот! Началось... Коренцовы уже разнесли. Я же говорила, что начнутся суды-пересуды.

– Это что, насчет нас, что ли? Да Бог с нею, дурочкой!

– Понимаешь, Костя, она когда-то любила моего Толика,

а он предпочел меня. Теперь уколола, что недолго, мол, горевала! Дрянь!

– Милочка, да что ты обращаешь внимание на колкости какой-то идиотки, которая трижды пыталась построить семью, но не сумела? А ты в первом браке прожила в мире и благополучии до смерти мужа и вот уже вторую семью создаешь. И она не сомневается, что и эта просуществует, пока кто-то из нас кого-то не похоронит! Что поделаешь, если жизнь так устроена, что люди умирают? Кто-то раньше, кто-то позже, каждому свой черед. И если я умру раньше, ты должна опять пытаться построить новую семью.

– Говоришь, в мире и благополучии? Ммм... это не совсем так. Мой Толик, царствие ему небесное, иногда похаживал к ней, я точно знала. Говорил, что в командировку едет, а сам с нею с палаткой и рюкзаком на недельную вылазку... На вино и шашлыки в компании ее приятелей. Потом приезжал и врал мне как много и тяжело работал в этой проклятой командировке.

– А что же ты?

– Делала вид, что верила и сочувствовала ему. Ни о чем не расспрашивала, молчала. А ночами тихонько плакала, чтобы никто не видел. Ты первый, кому я призналась.

– А почему ты не сказала ему всю правду-матку? Вот так – в глазки!

– А что бы это дало? Скандал, ссору, развод? А у меня дочь росла. Она бы все поняла и никогда бы не простила это-

го ни ему, ни мне.

– Да, мудрым человеком была моя бабушка. Впрочем, ты, по-моему, еще мудрее.

– Нет, Костя, переоцениваешь ты мою мудрость. Потом я поняла, что я просто придумывала все это для себя самой, чтобы казаться самой себе благородной, мудрой... А я просто ничего не могла с собой поделать, не могла поступать иначе, потому что любила его... Ладно, не будем корить мертвых. Первый и последний раз вспоминаю об этом. Прости меня, Господи! – она перекрестилась.

Я подошел и обнял ее, но она отстранилась.

– Не надо, Костя. Дай немного прийти в себя и успокоиться.

– Все, оставим эту никчемную тему. Займемся настоящей наукой. Каждый вечер будем замерять и взвешивать предмет наших исследований. Данные будем заносить вот в эту тетрадь. Я уже записал подробно все обстоятельства появления его в нашей квартире. А потом посмотрим, что делать с этим материалом.

Весь медовый месяц мы провели друг подле друга. День мы проводили, как и положено, на службе, а по окончании рабочего дня спешили домой. Все у нас выходило слаженно, дружно. Размолвок практически не возникало, а если и возникали, то по таким мелочам, что и вспоминать не хотелось. Мы оба стремились вовремя остановиться и всегда ценили мир, доброжелательность и нежные, ласковые взаимоотно-

шения.

Со Светланой все было иначе. Она никогда не могла принести в жертву хорошим отношениям и миру между нами свои амбиции; всегда стремилась настоять на своем, все делала по-своему, чем бы это ей ни грозило в будущем и настоящем. Я не мог ее переупрямить при всем желании, поэтому она, видимо, никогда не считала меня настоящим мужчиной.

После ее ухода я скучал по ней как ненормальный, ходил сам не свой, мучился воспоминаниями о лучших днях нашей жизни. Мне казалось, это будет вечно. Но Милочка с каждым днем все больше отогревала мою душу, все глубже проникала в нее, и мне становилось все теплее в ее обществе. Забота о диковинном яйце и исследование его развития еще больше сближали нас.

День ото дня яйцо росло и тяжелело. Прикосновение к нему тоже становилось все более приятным, все более приятательным. Я мог часами сидеть, лаская его, и стал замечать, что Милочке это не по душе. Тогда я начал делать это в ее отсутствие или когда она спала. Она, разумеется, не могла не догадываться об этом, но молчала. А я уже не мог не общаться с ним таким образом, ибо это было превыше моих сил.

Я попросил Милочку построить по нашим записям графики изменения геометрических размеров и веса яйца.

– Смотри-ка, Костя, поперечники возрастают почти по прямой, а вес – по крутой кривой.

– Логично. Если средняя плотность его остается примерно постоянной, то масса и вес должны возрастать пропорционально кубу линейных размеров. Сегодня просчитаю и скажу, так ли это.

«Пить» оно стало много больше и еще интенсивнее. Если вначале оно весило чуть больше семисот граммов, то теперь, всего через тридцать дней наблюдений – более тридцати двух килограммов! При этом в длину оно достигло более шестидесяти сантиметров.

– Пора бы уже и нашему птенчику появиться, – говорила Милочка.

– А действительно ли птенчику? – спрашивал я.

– Да сколько же оно еще будет расти?

– Похоже, что это действительно динозавр.

Зазвонил телефон.

– Милочка, ответь, пожалуйста, я наношу точку на график.

– Да, слушаю Вас! Константина Саввича? Минуточку, сейчас подойдет. Костя, это тебя, – она протянула мне трубку.

– Да, Панчук слушает! Ты, Артем? Здравствуй, сынок, рад тебя слышать. Да. Пассия? Нет, жена. Очень серьезно. Не скорее, чем у мамы новый муж. Как ты можешь? Как ты смеешь так говорить! Не мне перед тобой отчитываться. Почему ты так говоришь? Стыдно! Ты хорошо ее знаешь с детства. Это Людмила Григорьевна Белаш, Маринина мама. Это на-

ше дело, Артем. Уже месяц с лишним. Напрасно ты так думаешь, я никогда ни от кого не скрывал. Да, Коля звонил, но мы об этом просто не говорили. У нее своя квартира, а у меня своя! Как сочтем нужным, так и поступим, это дело только нас двоих! Как там малыш? Поцелуй его за меня. До свидания! Привет всей твоей семье!

– Что, уже допрашивают?

– Никто не смеет меня допрашивать!

– Видишь, Костя, я же тебе говорила, что будут неприятности...

– Никаких неприятностей! Мы пока еще никому не подотчетны!

– А когда будем подотчетны? Когда стареть начнем? Тогда тебе будет отказано в помощи или будет предложено оставить меня, не так ли?

– В какой помощи? Разве что мне откажешь ты? Пока ты мне не откажешь, я ни в чьей помощи не нуждаюсь, ясно?

– Спасибо, Костя. Но мне все же неприятно иметь врагов в лице твоих сыновей.

– А твоя Марина? Она ведь тоже не сегодня-завтра узнает. Что ты ей скажешь?

– Она уже все знает, Костя. Я сама ей позвонила и обо всем рассказала.

– И как она? Обиделась, что траур не выдержала?

– На удивление – нет. Помолчала немного, а потом сказала, что рада, что я теперь не одинока. Обещала сама тебе на-

писать. Ей, разумеется, обидно. Но она рада, искренне рада. Теперь у нее не будет болеть душа, что бросила здесь меня на произвол судьбы.

– Зачем же так? А может быть, она просто рада, что ты нашла второе счастье?

– Не думаю. Все дети эгоисты...

Через сорок два дня яйцо уже весило сорок килограммов и в длину достигало девяноста пяти сантиметров. После этого с каждым днем оно росло все медленнее, но воду впитывало не менее интенсивно.

– Похоже, что скоро появится птенчик. Костя, тебе не страшно?

– А почему мне должно быть страшно?

– А если он вылупится и пожрет нас? Представляешь, громадина?

– Да кем бы он ни был, он все же будет младенец!

– А младенец-крокодильчик? Он такой же свирепый, как и его взрослые родители!

– Но он же маленький! С ладонь величиной, не более!

– Только и всего.

– Ничего, поживем – увидим. Не может быть, чтобы это был какой-то монстр – не было бы так приятно гладить яйцо.

– Может, в этом и есть его коварство?

– Так можно что угодно опорочить.

На пятьдесят шестой день вес и размеры яйца стабилизировались окончательно. Не переставая «пить», яйцо, достиг-

нужу веса семидесяти двух килограммов и длины одного метра двенадцати сантиметров, больше не росло. Его температура несколько снизилась, но чувствовалось, что оно продолжает активно жить. В дневник наблюдений мы с некоторыми пор стали заносить не только данные измерений, но и наши впечатления. Мои становились все более нетерпеливыми, а Милочкины – наоборот, все более сдержанными.

На случай, если птенец проклюнется ночью, мы, ложась спать, оставляли открытыми двери в спальне и в детской. А чтобы не пропустить это событие днем, мы пошли на уловки на работе. Милочка организовала свой рабочий день так, чтобы работать по вечерам, а я – наоборот, с утра. Мы томились в ожидании, а яйцо словно испытывало наше терпение, оставаясь в одной поре.

– Пусть бы уже вылуплялся кто угодно. А то так, ни дела, ни работы.

– Не спеши, Костя, еще не известно, сколько хлопот нам этот птенец потом доставит.

– Только не нужно пророчествовать, Милочка! Жизнь покажет.

Наш разговор прервал телефонный звонок. Было начало одиннадцатого вечера. Я решил, что это Коренцовы с каким-нибудь предложением на завтра и снял трубку.

– Алло!

Трубка молчала, но чье-то дыхание было ясно слышно.

– Да говорите же, наконец, не то я положу трубку и вы-

ключу телефон!

Послышался тяжкий вздох, а потом елеинный голосок Светланы.

– Здравствуй, Костя. Как поживаешь?

– Спасибо, Света. Пока на жизнь не жалуясь, а что?

– Да, так... соскучилась. Решила поинтересоваться твоим житьем-бытьем. Что у тебя нового?

– Так, ничего особенного. Живем помаленечку.

Она замолчала. Милочка сидела настороженная и вся бледная.

– Что ты еще хотела, Света?

– Да я, собственно, ничего. А ты не хочешь спросить, как поживаю я?

– Нет, Света. Я просто не сомневаюсь, что у тебя все отлично.

Трубка вздохнула и продолжала молчать. Чтобы разрядить неловкую обстановку, я продолжил:

– Теперь у тебя муж – настоящий мужчина, с приличным заработком, красивый, статный, доктор наук, полковник...

– Да разве в этом дело? – перебила она, – главное – чувства и нормальные взаимоотношения... – я услышал, что она плачет.

– Ты же сказала, что теперь по-настоящему полюбила его, именно его. Что, уже разлюбила, что ли?

Она продолжала плакать в трубку. Месяца два назад я бы упивался мстью, говорил бы ей колкости, издевался бы над

нею. А сейчас не знал как себя вести, что сказать. В душе нарастало чувство какой-то неясной тревоги.

– Света, уже поздно, завтра на работу. Пора спать. У тебя все?

– Извини, Костя. Спокойной ночи и... привет Милочке.

В трубке слышались короткие гудки. В задумчивости я медленно положил трубку.

– Она что, хочет вернуться?

– Нет, видимо, впервые серьезно поскандалила с новым мужем. А он-то не я, а «настоящий мужчина». Познала оборотную сторону медали.

– Сердце дрогнуло?

– Не очень. Просто появилась новая причина для тревоги. Еще начнет бузить вместе с сыновьями. Но я все выдержу. У меня хватит сил до конца бороться за свое счастье... Прости, Милочка, за наше счастье.

– Если она вернется, она будет ценить тебя и будет относиться к тебе совсем иначе...

– Что значит «ценить»? Семья, это что, базар или комиссия лавка? Разбитую вазу не соберешь. Моя психика уже перестроена, я отвык от нее и от ее штучек-дрючек!

– Нет, я, кажется, лишняя в этой игре.

– Милочка! И ты готова так просто от меня отказаться? А как же я? Я же полюбил тебя!

– А Светлану ты всю жизнь любил...

– Хва-а-ати-и-ит! Я не хочу больше о ней слышать! Она

специально решила поиздеваться надо мной! Она хочет уничтожить во мне все живое! Это не человек! Это женщина от Сатаны!

– Костя, успокойся, милый. Слышишь, там что-то упало. Не с яйцом ли что? Пойдем посмотрим.

Я замолчал, решив, что Милочка просто отвлекает меня. Мы прислушались. В спальне было тихо. Никаких признаков жизни. И тут послышался звук, словно расколовшейся посуды, а потом – рассыпавшихся черепков – трах-та-та-тах! Мы вскочили с постели и побежали в бывшую детскую.

Когда я включил свет, Милочка уже сидела на корточках возле того места, где раньше лежало яйцо, а сейчас под обломками скорлупы шевелилась какая-то слизистая масса. Милочка осторожно начала снимать осколки и откладывать в сторону, и я начал делать то же самое. Убрав с поверхности осколки, мы увидели, что под ними шевелится не слизь, а что-то живое под оболочкой, покрытой слизью. В некоторых местах оболочка была прорвана, и через прорванные отверстия было видно что-то розовато-белое, шевелящееся, обильно покрытое такой же слизью.

– Ножницы! Надо освободить его от оболочек и очистить от слизи! Неси ножницы!

Я принес ножницы, и она принялась энергично крошить оболочки, а потом разгребать слизь. Сначала мне показалось, что в слизистой массе копошится большая розовая лягушка и еще что-то темновишневого цвета. Милочка уверен-

но разгребла слизь и поднялась с корточек, вытирая руки взятой со стола салфеткой.

– Господи, помилуй! Ты видишь, это что-то человекоподобное. Вот пуповина, соединяющая его с плацентой. Смотри, – она указала на темновишневую массу, – это плацента. Такая мощная!

– Откуда ты знаешь, что это плацента?

– Я же врач все-таки. Теперь мне нужен шелковый шнурок или нитка, чтобы перевязать пуповину. У тебя есть? Ищи скорее.

Я принес целую бобину толстых шелковых ниток.

– Годится?

– Отлично годится! Нужно теперь крепко перевязать пуповину, а потом перерезать.

– А ты уверена, что нужно именно так делать? А вдруг ты его убьешь этим?

– Еще раз говорю, я врач и кое-что в этом смыслею.

Она перевернула существо на спину и подняла над ним пуповину.

– Подержи вот так, да смелее ты! Крепко держи, чтобы не выскользнула!

Я сжал пуповину, и в ту же секунду существо сделало вдох, а потом издало гортанный звук, похожий на плач, потом еще, еще...

– Видишь, ты пережал пуповину, и оно начало самостоятельно дышать и даже закричало. Значит, мы все делаем

правильно. Держи как прежде, я сейчас.

Она крепко перевязала пуповину у основания, взяла ножницы и перерезала сначала длинный конец нитки, а потом пуповину. Брызнула кровь. Существо вскрикнуло и зашлось плачем.

– Все, теперь оно самостоятельно, свободно от плаценты. Осторожно бери его и носи в ванную.

Оно было все горячее, слизистое, шевелящееся и всхлипывающее. Я поднял его и понес в ванную, куда вперед меня вбежала Милочка и открыла душ. Умеренно теплой водой она стала смывать с него слизь. И в свете яркой лампы я увидел, что это... – человеческое существо!

– Господи Иисусе!.. Милочка!.. Да это же человек! Смотри, все пропорции человеческие!

– Да, девочка! И какая крупная! Только худая-прехудая. Волосы-то, какие белые! Ишь ты, ножками сучит! Вот это да, просто чудеса!

– Смотри-ка, ей нравится купание, улыбается, потягивается, аж глазки закрыла.

– Костя, возьми мою махровую простыню. Дай сюда. Так, теперь вынимай ее из воды, а я накрою и вытру. Отнесем ее в залу на диван и там рассмотрим, как следует. Пропусти меня вперед, я диван подготовлю.

Диван был уже разложен. Милочка застелила чистую простыню и наволочку, и я положил свою довольно-таки тяжелую ношу на белоснежную постель. Милочка тщательно вы-

терла с нее остатки воды, и мы стали ее рассматривать при полном освещении.

– Да это же вполне взрослая женщина! Смотри, у нее уже и груди есть, и волосики, где положено, и таз широкий! Только худая очень. Принеси-ка из аптечки зеленку и квачик, я ей пупочек смажу. Ах, ты, ласточка моя! Кто же ты такая? Как же так получилось, что ты родилась в этом яйце и сразу взрослой?

Она словно прислушивалась к Милочкиной речи, повернулась в ее сторону и широко открыла ярко-голубые глаза. Потом медленно, постепенно закрыла их, мерно задышала и затихла.

– Кажется, она заснула. Давай накроем ее одеялом и тихонько выйдем. Нам тоже надо поспать. Двери пусть остаются открытыми. Проснется – подойдем. А утром решим, что с нею делать и как кормить.

Мы легли, но сон не шел.

– Милочка, как ты думаешь, она будет нормальным человеком?

– Трудно сказать какой она будет. Может быть, она вырастет пятиметрового роста...

– Нет, что ты! Ты же говоришь, она уже взрослая.

– Да кто его знает, это по нашим меркам взрослая, а она не такая, как мы.

– Только родилась необычно, не по-людски. По-птичьи скорее. А так вроде во всем такая же, как и мы.

– Завтра я сделаю ей полный медосмотр, и кровь возьму на анализ. Попробуем покормить ее молочком, а потом посмотрим. Зубы у нее уже есть.

С минуту мы помолчали.

– Костя, а как мы ее назовем?

– Имя-то мы ей придумаем, а вот как мы ей документы оформим? Кто ей свидетельство о рождении выпишет?

– Да, проблема. Ничего, что-нибудь придумаем... Я засыпаю. Спи и ты.

В шесть утра мы были разбужены ненавязчивым плачем и кряхтением. Прибежав в залу, мы увидели, что новорожденная пытается сбросить с себя одеяло. Милочка помогла ей в этом, и мы увидели, что простыня под ней мокрая.

– Сейчас, сейчас, моя ласточка! Сейчас мы поможем тебе! Костя, неси ее в ванную, а я заменю простыню.

Я отнес ее в ванную и стал поливать из душа теплой водой. Она успокоилась, на несколько секунд зафиксировала на мне взгляд, и на ее личике появилось что-то похожее на улыбку. Ее руки и ноги двигались беспорядочно, но я, как мне показалось, заметил попытку координации этих движений – она явно хотела протянуть ко мне руки. И мне было неописуемо приятно касаться ее, мыть, а затем вытирать и нести обратно в залу.

Милочка выскочила за покупками, а я стал рассматривать новорожденную. Она была исключительно худая и бледная. Длинные белые волосы с платиновым оттенком, голубые гла-

за, черные вразлет брови, длинные черные ресницы, аккуратный прямой носик, широкие алые губы, красивой формы уши, длинная тонкая шея. Все было на редкость гармоничным и, как мне казалось, совершенным. Тонкие руки с узкими ладонями, тонкими длинными пальцами, узкими розовыми ноготками и длинные пропорциональные ноги имели также красивую женственную форму.

Она зашевелилась и приоткрыла свои небесно-голубых глаза. Сначала они беспорядочно забегали, но потом ее взгляд зафиксировался, да, я в этом был уверен, зафиксировался на яркой шторе. А потом она перевела его на меня. Наши взгляды встретились, и я улыбнулся, не в силах противиться охватившему меня чувству умиления. Она смотрела на меня, ухватившись за мою руку. И тут она улыбнулась, так непосредственно по-детски улыбнулась, припала губами к моей руке и словно поцеловала ее. Но поцелуй не в меру затянулся, и я понял, что это никакой не поцелуй – она просто сосала мою руку. «Да она голодна», – догадался я.

– Ну, чем же тебя покормить, миленькая? Пока придет Милочка, я могу дать тебе только водички.

Я принес из кухни чашку с кипяченой водой, но не знал, как напоить ее. Соски у меня не было, и я решил попробовать напоить ее прямо из чашки. Приподняв девочкину голову, я поднес чашку к губам. И она начала пить, сначала неуклюже, а потом все более и более координировано. Она выпила всю воду и откинулась на подушку. Ее взгляд опять

встретился с моим, и она снова нежно улыбнулась, а потом закрыла глаза и начала засыпать. Когда Милочка вернулась с покупками, она уже спала.

– Как тут наша Дюймовочка?

– Ничего, попила водички и уснула.

– Как попила?

– Из чашки, вот из этой.

– Ну, молодец! А я принесла ей молочка, еще кое-чего детского. Давай подумаем, что будем делать. Посмотрим, что тут осталось от яйца.

Мы подошли к осколкам скорлупы, среди которых валялись розовые оболочки и плацента в луже уже начавшей засыхать слизи и крови. Я принес мусорное ведро и стал убирать, потом мыть место появления на свет нашего «птенца». А Милочка пошла хлопотать на кухню.

– Не выбрасывай, я должна внимательно изучить все это. Какая мощная плацента! Да, она всасывала воду и растворенные в ней питательные вещества. Как это делают грибы. А может быть, в ней имел место и какой-нибудь фотосинтез? Бесхлорофильный, конечно. Наша наука пока не знает ничего такого.

Мы помолчали в задумчивости, по-прежнему пребывая в шоке.

– Костя, что это за существо, по-твоему?

– Ты же сама сказала, что это вполне взрослая женщина, только еще очень худая. И нам предстоит всему ее научить.

– Да, но быть может, она только внешне человек? А внутри у нее все по-другому?

– Что за ерунду ты говоришь? Что у нее не как у человека?

– Еще не знаю. Я обещала сделать анализ ее крови, мочи и прочего и, конечно же, тщательно осмотреть. Нужно также решить, что мы будем с нею делать дальше.

– Как это, что? Пусть живет у нас. Будем заниматься ее воспитанием, образованием. Считай, что мы себе родили дочь.

– Костя, мы пока еще не знаем, кто она такая, как здесь появилась и зачем, как будет вести себя в дальнейшем, а также что она будет делать потом, когда окончательно повзрослеет.

– Да какая нам разница? Кем мы ее воспитаем, тем она и будет! А она мне очень приятна, да и ты тоже будешь ее любить как родную дочь, я уже сейчас вижу.

– Ладно, допустим, что так. А как с ответом на твой вопрос о документах? Где мы их для нее достанем? Как ее воспримет общество? А она его? А как она будет развиваться?

– Не знаю, но пока все в порядке. Ты же сама вчера обещала что-нибудь придумать. Для каждой задачи придет время – вот тогда и будем ее решать. Планировать, конечно, нужно. Но не очень далеко вперед. Жизнь диктует свои условия, ситуация все время меняется. Бог даст день – Бог даст пищу, как говорила моя покойная бабушка.

– Бог уже дал нынешний день, а пищу я принесла, так что давай сейчас покушаем, а потом попробуем покормить ее.

Да, ей же нужно придумать имя.

Милочка принялась готовить завтрак, а я – накрывать на стол.

– Я уже думал об этом. Пусть будет Антонина, как твоя мама.

– Нет, пусть лучше будет Галина, Галочка. Она ведь родилась как птичка.

– Да какая же она Галка? Она же белокожая и белокурая! Скорее Светка! Но на это я никогда не пойду, сама понимаешь.

– А я бы и не возражала.

– А я не тебя имел в виду, а ее – Светлану, а также наших детей, соседей и всех остальных.

– Тогда как?

– Давай посмотрим в православном календаре. Вот он. Говоришь, хорошо бы птичье имя? Так... Акилина – орлиная... дальше Лариса – чайка, а вот Лукия – светлая. Больше птичьих имен в этом календаре нет.

– Во-первых, Лукия – совсем не птичье имя, а то же, что Светлана. Кроме того, Лукия, Луша – не звучит. Вот Лариса – ничего бы. Ты как?

– Согласен, красивое имя. Ларочка, Лорочка, Ларик – как будем ее называть мы?

– Лара – это, по-моему, лучше всего.

– Годится.

Лариса проснулась, когда мы уже закончили завтрак. Про-

стыня под нею была опять мокрой, и мы понесли Ларису в ванную – мыть.

– Теперь всегда будем надевать вот это, пока не научимся проситься в туалет. Поняла, Ларочка? Во-о-т так, – приговаривала Милочка, закрепляя на Ларе только что купленные «памперсы» для взрослых, – неси ее на место, будем кормить.

Мы напоили ее теплым молоком, которое ей явно пришлось по вкусу. Она почмокала губами и улыбнулась.

– Милочка, она хочет еще.

– Хватит на первый раз. Теперь я ее осмотрю при дневном свете.

Лара опять крепко уснула, и Милочка принялась ее осматривать.

– Все как у обычного человека. Скелет нормальный, во всяком случае, при прощупывании. Сердцебиение нормальное. Двадцать четыре зуба, но есть места еще для двух с каждой стороны. Если вырастут, будет тоже как у нас, тридцать два. Шейные позвонки в норме. На рентген бы ее. Но и там, судя по всему, тоже все будет в норме. Артериальное давление низковато, но ничего, терпимо. Нужно измерить ей рост. Неси свой «прецизионный инструмент».

– Метр сорок восемь.

– Достаточно на сегодня. В понедельник я принесу все необходимое для анализа крови и сделаю его сама. Лучше к этому никого не привлекать. Чем позже люди узнают о Ла-

рочке, тем лучше.

В обед Лариса уже, как нам показалось, привычно попила молока и, увидев стакан с водой, потянулась к нему.

– Пить, моя птичка? На, на, попей, – и Милочка поднесла стакан к ее губам.

– Пть... пть... – неожиданно произнесла Лариса и выпила всю воду из стакана.

– Смотри-ка, она говорить пытается... Вот это да!

– По-моему, Костя, это случайно.

Лариса попыталась еще что-то произнести, но мы ничего не поняли. Я указал на Милочку:

– Ма-ма! Ма-ма!

– М... мм... – произнесла Лариса, глядя на Милочку и улыбаясь.

– Вот это да! Она действительно пытается говорить! А это па-па!

– П... пп... – попыталась повторить Лариса.

– Вот это темпы развития! Ничего себе!

И мы начали учить ее говорить, указывая на предметы, а Лариса все лучше повторяла их названия. Я указал на нее самую и сказал:

– Ла-ра! Ла-ра!

– Ла-а, – повторила она, и мы засмеялись все вместе.

Мы с Милочкой по-прежнему работали по очереди – я с утра, а она вечером. Лариса делала потрясающие успехи в умственном и физическом развитии. Через две недели она

уже умела достаточно ясно выражать мысли, садилась на кровати, пыталась вставать. Мы с Милочкой водили ее под ручки по комнате, и ей это очень нравилось. Она любила стоять, ухватившись за край стола или спинку стула, и улыбалась, гордая собой. Быстро поняла, что такое туалет и просилась туда по необходимости. И мы радовались ее успехам вместе с нею.

– Ты знаешь, Костя, я сделала анализ ее крови. Она ничем не отличается от крови обычного человека. Первая группа, резус-положительная. Генетический анализ ее волос тоже не показал никаких отклонений. Чудеса!

– А почему он должен что-то особое показывать? Она и есть нормальный, обычный человек.

– А обстоятельства ее появления на свет? А темпы развития?

– А какое это имеет значение?

– В этом и есть вся загадка.

Зазвонил телефон.

– Тифон! Тифон! – кричала радостно Лариса и хлопала в ладоши.

– Интересно, кто это может быть? Одиннадцать ночи! Не случилось бы чего. Милочка, ответь, пожалуйста.

– Да! Да, это я. Здравствуй, Света... Спасибо, нормально, а ты?

С минуту она слушала молча.

– Сочувствую тебе. Но чем могу тебе помочь я?

Опять пауза.

– Решайте сами, я вам препятствием не буду. Костя, это Света, хочет поговорить с тобой лично.

Милочка протянула мне трубку. Я взял ее и спокойно положил на кнопки.

– Зачем ты так? Она по тебе соскучилась, хотела пообщаться. А ты...

– К чему эти общения? Только нервы трепать.

– Костя, ей плохо, очень плохо. Она нуждается в утешении.

– Я не батюшка в церкви. С мужем поругалась? Со мной она тоже грызлась. Ни меня, ни ее тогда никто утешать не пытался.

– Нет, Костя, она не ругалась. Внешне, говорит, они живут мирно, ладно, лучше некуда. Но ей тяжело в его присутствии. Когда она одна, ей легче. У нее начинается нервный кашель, едва она слышит его шаги на лестнице. Он чужой ей, а ты, говорит, был родной. Она поняла, что любила тебя и готова начать все сначала.

– А я – нет. Я люблю, оказывается, теперь только тебя. А Светлану и сейчас как вспомню, так вздрогну.

– Но, может, стоит еще раз попробовать? Я вам мешать не буду. У вас общие сыновья...

– А с тобой у нас общая дочь. Ларочка.

– Лаока! – Лариса протянула ко мне руки и, улыбнувшись, кокетливо наклонила голову.

– Я готова забрать ее к себе. Ты будешь навещать ее, когда пожелаешь.

– Избави Бог! У нее должны быть отец и мать, ясно?

Я снял трубку и нажал кнопку вызова звонившего абонента.

– Алло, – послышалось в трубке.

– Светлана?

– Да, Костя, это я. Спасибо, что позвонил

– Слушай, Света! Мы с тобой уже так много потрепали друг другу нервы. Хватит, а? У нас с Милочкой получилась хорошая семья. Не мешай нам, пожалуйста. Прошу тебя.

– Костя, прости... – она заплакала.

– Я все тебе уже давно простил, никакого зла не держу. Больше не тревожь нас. Пожалуйста. Всего тебе хорошего. Прощай.

Я мягко надавил на кнопку отбоя и положил трубку.

Еще через месяц Лариса уже самостоятельно шаткой походкой ходила по комнате. Речь ее стала достаточно внятной и четкой. Когда я приходил с работы, она бежала мне навстречу с криком «Папа!», кидалась на шею и целовала. Милочку она обычно встречала восторженной улыбкой и хлопала в ладоши с криком: «Мама! Мама пришла! Мама, что ты мне принесла?» Милочка с радостью обнимала ее и обязательно угощала каким-нибудь лакомством – мороженым, конфетой, апельсином или еще чем-то в этом роде.

– Милочка, нашу дочь пора учить читать.

– Тоже еще придумал. Она толком еще и говорить не умеет.

– Но мы же ей читаем книжки, пусть и она учится.

– А я умею, я умею читать, – вмешалась Ларочка в разговор, – вот, смотрите.

Она взяла в руки лежавшую на столе книгу, которую я час назад читал, и начала декламировать:

– Внимание! Внимание! Сегодня в пять часов работать будет станция для роц и для лесов.

Я перевернул страницу:

– Здесь читай.

Она бойко затараторила:

– Потом начнутся прения, и скрип, и свист, и пение...

– А вот это слово прочесть можешь?

– Урчанье и пиликанье, и щебет, и чириканье...

– Нет, Ларочка, это не чтение. Ты все на память выучила.

Это хорошо. Но нужно выучить буквы, чтобы читать незнакомые слова, поняла? Сегодня же начнем учить буквы.

Лариса оказалась настолько понятливой ученицей, что за один вечер выучила весь алфавит. Мигом сообразила, как сливать буквы в слоги, потом слоги в двусложные слова и так далее. А читать предложения она научилась практически без моей помощи. Ее очень забавляло, как на бумаге выражаются законченные мысли. Она пыталась писать нам с Милочкой послания типа «я тебя очень люблю» и тому подобные. Потом она начала читать названия книг на корешках,

а какие ее интриговали, она доставала и пыталась прочесть. Как-то она спросила:

– Папа, а кто такая ведьма?

– Эта такая женщина, которая силой волшебства может делать то, чего не могут обычные люди: летать на метле, превращаться в кошку, собаку и другое. Но на самом деле никаких ведьм, чертей и самого волшебства не существует. Это люди сами придумали.

– Для чего придумали?

– Не знаю, чтобы им интереснее жить было.

– Жалко, что не бывает. Я бы так хотела быть ведьмой, – сказала она разочарованно.

– А откуда ты узнала это слово?

– Вон из той книжки, где написано «Гоголь», стоит на полочке.

– А что ты еще тут читала?

– Стихи Есенина, Лермонтова, Рождественского. Только я там мало что поняла. Но ничего, я разберусь.

– Откуда ты знаешь, что разберешься?

– Потому, что если разбираться, то всегда поймешь. Это мама так говорит.

– Милочка, нашей дочери нужно планомерно учиться. Сегодня я составлю план занятий.

Но потом я увидел, что темпов обучения Ларисы нельзя было предусмотреть никакими планами. Она усваивала все с первого раза и ничего не забывала. Стоило один раз сказать

ей, что такое существительное, глагол или еще что-либо, и она это уже твердо запоминала и совершенно свободно владела этим понятием в пределах усвоенной информации. У нас оставались кое-какие школьные учебники еще от наших детей. Мы подкупили еще некоторое количество, и обучение пошло полным ходом. Я один не справлялся. Пришлось Милочке взять на себя биологию, химию и еще кое-что. А я учил ее точным наукам, литературе и истории.

К весне Лариса уже, по нашим понятиям, достигла уровня восьмого класса, а то и более. Она еще читала художественную литературу, черпала информацию из радио и телевидения. Только мы пока еще не решались вывести ее на улицу. Свежим воздухом она дышала только в лоджии. Но шила в мешке не утаишь. Лариса часто отвечала на телефонные звонки, открывала двери звонившим. Мы с Милочкой отработали версию, что взяли на воспитание детдомовскую больную девочку. Как только подлечим, мы будем вводить ее в общество.

Но иногда она удивляла нас своими вопросами. Мы разъясняли ей как могли положение вещей, но это было очень нелегко.

– Мама, почему зоология так называется?

– Это от греческих слов «зоо», что означает «животные» и «логос» – учение, понятие. Ясно?

– А почему существует так много языков? Если бы был один, люди бы все всегда друг друга понимали.

– Люди, говорящие на одном и том же языке тоже часто не понимают друг друга, так что это мало что дало бы. И вообще вся прелесть мира в его многообразии. Вот если бы на свете были только яблоки, и никаких других фруктов. Плохо, правда?

– Да, ужасно. Но все равно я мало что поняла.

– Ладно, хватит философии. Уже наполнилась ванна. Пойдем, я помогу тебе выкупаться, – сказала Милочка.

– Пусть лучше папа.

– Нет, это нехорошо.

– Почему? Это же мой папа? Что в этом плохого?

– Потому что он мужчина, а ты – женщина. И нехорошо, чтобы мужчина смотрел на женщину, когда она раздета, тем более купается.

– Почему?

– Этого не разъяснишь. Просто такая традиция, что ли.

– А почему же папа заходит в ванную, когда купаешься ты?

– Потому, что я – его жена.

– А я не могу быть его женой?

– Конечно, нет! Ты его дочь, а на дочерях не женятся.

– Почему?

– Чтобы дети были здоровы. В общем, хватит болтать, идем купаться.

Мы долго продумывали, как свести Ларису с ровесниками, чтобы постепенно, без стресса. И чтобы она по возмож-

ности не смотрелась странно. Осенью мы собирались определить ее в школу.

– Сначала ей нужно найти подругу, по возможности немного старше нее, – рассуждала Милочка, тогда у нее появится «доверенное лицо», и нам станет несколько легче. Я хочу пригласить на эту роль десятиклассницу Галочку с шестого этажа.

– Под каким предлогом?

– Скажем, помочь решить трудную задачу. Подбери ей задачу по материалу, которого вы еще не проходили.

– А если она ее решит? Ты же знаешь, какая она способная!

– Ничего, подбери несколько задач. Галя недавно заняла какое-то призовое место на математической олимпиаде.

– Но если и Галя не решит?

– Ну, это уже не имеет никакого значения. Лишь бы они познакомились и подружились. А для этого мы должны постараться сделать все возможное и невозможное.

– Логично, а я – раб логики. Заметано!

Галя робко вошла в квартиру, неловко озираясь по сторонам.

– У вас все так чисто, опрятно...

– Это у нас традиционно. Знакомьтесь – наша дочь Лариса.

– Приятно познакомиться. Галя.

– Садись, пожалуйста, Галя. У меня трудности с задачей

по алгебре. Вот, посмотри, это условие.

Галя в задумчивости стала грызть конец ручки.

– Смотри, здесь получается система из двух нелинейных уравнений с двумя неизвестными. Я могу предложить только графическое решение.

– А аналитического не существует?

– Решение кубических уравнений в школьную программу не входит.

– А нельзя здесь применить какой-нибудь искусственный прием?

– Не представляю.

– Ну ладно, Бог с ним. У тебя красивое платье.

– Правда? Это мне старшая двоюродная сестра подарила на день рождения. Ну, я подогнала его под себя и вот – надела в первый раз. А какие есть у тебя платья?

– Да, разные.

– Ой, покажи, а?

Вмешалась Милочка:

– У Лары пока ничего особенного нет. Вот когда она пойдет в школу, осенью, мы позаботимся о ее гардеробе.

– А в какой класс ты пойдешь?

– Мама говорит, в девятый.

– А где ты раньше училась?

– Дома.

– Тебе нанимали учителей?

– Нет, меня мама с папой учили.

– Только-то? Как же ты собираешься в школу?

– Она сдаст осенью вступительный экзамен, – сказала Милочка.

– Ну, успеха тебе, Лара.

– Спасибо.

– А чем ты еще занимаешься дома помимо учебы и лечения, конечно?

– Какого лечения?

Галя вопросительно посмотрела на Милочку.

– Ларочка уже совсем здорова и никаких лечений не принимает. Она читает книги, изучает компьютер.

– О, да у вас чудесный компьютер. И ты умеешь на нем работать?

– Ну, не то, чтобы очень, но кое-что умею.

– А у меня нет компьютера. Можно к тебе приходиться иногда, чтобы позаниматься на компьютере? Подучишь меня тому, чего я не постигла еще.

– А мама говорила, что ты отличница и знаешь все.

Галя усмехнулась.

– Ну, это громко сказано. Всего никто не знает, разве что Господь Бог. А быть отличницей – это еще не значит знать лучше других.

– Почему же ты тогда отличница?

– Вот пойдешь в школу, сама поймешь. Ну, ладно. Я пойду. Звони мне и приходи в гости, когда сможешь.

– Спасибо, Галочка. Ты такая хорошая! Прелесть!

– Да нет, обыкновенная. Ты мне тоже нравишься. До свидания.

Галя вышла, а Лариса проводила ее до выхода. Она вернулась в приподнятом настроении.

– Галя мне понравилась. Очень. Можно, я буду с нею дружить?

– Да, Ларочка, дружи, это просто необходимо.

Галя и Лариса, к нашей радости, быстро подружились. Теперь Лара требовала наряды, просилась в компанию Галиных друзей, часами болтала с нею по телефону. Потом она стала интересоваться ее подругами. Все меньше она задавала глупых вопросов. Галя ей приносила книги, а Лариса буквально глотала их. Она перестала смотреть все телепередачи подряд, быстро оценила классические произведения. Галя диву давалась, как можно так быстро все запоминать и соотносить.

– Ну, Лариска, ты – потрясная! Еще месяц тому назад ни бельмеса не смыслила в физике, а сейчас вот меня консультируешь! А все же, где ты раньше училась?

– Я тебе уже говорила, помнишь? Нигде. Меня папа с мамой учили.

– Папа с мамой? – Галя удивленно посмотрела на Милочку. Она-то знала, что никакие мы с нею не папа с мамой, и что Милочка сама здесь появилась всего лишь немногим более года тому назад.

Чтобы разрядить обстановку, я сказал, что Ларочка все-

гда была очень способной и умной девочкой. Но неловкая обстановка после моих слов не исчезла. Через несколько минут Галя ушла домой, а Лариса, едва закрыв за нею дверь, спросила:

– Папа, а сколько мне лет?

Мы ожидали какого угодно вопроса, только не этого. Я усиленно думал над ответом, но ничего подходящего в голову не приходило. Выручила Милочка.

– Чуть меньше, чем Гале – пятнадцать.

– Пятнадцать... А почему я не помню ни одного дня рождения? Гале вот, каждый год справляют.

– Раньше в этом не было необходимости, а двадцать второго августа обязательно справим.

– Это мне уже шестнадцать исполнится?

– Нет, пятнадцать. Это я приблизительно сказала.

– А почему вы меня в школу не отдали в семь лет, как Галю?

– Ты болела, Ларочка.

– Чем? Какой болезнью?

– Ну, это сложно объяснить. Ты же не врач, не поймешь.

– Я никогда не была глупой. Расскажи, чем я болела? Ты же врач. Скажи диагноз.

– Понимаешь, это связано с потерей памяти. Когда ты была маленькой, ты заболела гриппом и получила осложнение на голову. Но теперь все в порядке, голова у тебя нормальная, даже лучше, чем у многих других.

– Странно. Я помню, как вы с папой меня учили ходить, рассказывали, где стол, где окно, учили читать. А вот маленькой я себя совершенно не помню.

– Я же сказала, что ты потеряла память.

Лариса не сказала в ответ ничего, только как-то грустно посмотрела на Милочку, потом на меня и ушла в свою комнату.

– Как достать ей документы?

– Я уже думала над этим. Один мой пациент согласился помочь за двести долларов. Только спросил, какие данные записать ей в свидетельство о рождении.

– Имя и фамилия у нее уже есть, отчество тоже...

– Ты хочешь, чтобы она носила твою фамилию? И отчество по тебе?

– Разумеется. А как же еще?

– А матью меня запишешь?

– А ты что, против?

– Нет, не против, но она потом спросит, как это так, что мы с тобой состояли в браке – я с Толиком, ты со Светкой, а родили ее вместе. Да и все люди будут задавать ненужные вопросы.

– Что поделаешь, история появления на свет нашей Ларочки прямо скажем, невероятная. Все равно придется выкручиваться.

– Лучше давай выдадим ее за дочь либо твоих, либо моих родственников, которые, скажем, погибли в автокатастрофе.

А ей вроде как признаемся потом.

– Согласен, только мог же мой родственник иметь такие же имя и фамилию, как и я?

– А мать?

– Пусть ее тоже зовут Людмила, а фамилию сама придумаю. Сразу в глаза не бросится, а потом выкрутимся. А как этот твой пациент бумагу выпишет?

– Не знаю, за это мы ему деньги заплатим. При нынешней неразберихе...

– А уголовщины в этом нет?

– Тогда само рождение Ларочки тоже уголовщина?

– Ладно, уговорила.

Так у Ларисы появились документы. Осенью мы ее определили в школу. Милочка все формальности уладила опять-таки через своих пациентов, так что Лариса пошла в девятый класс после вступительного экзамена, который выдержала великолепно. Только на два-три вопроса она дала наивные и удивительно странные ответы. Но учителя на это не обратили особого внимания, девочка болела и жила до сих пор где-то в Средней Азии. Ничего, мол, удивительного.

А училась она всем на зависть. Английский усваивала на ходу. Я купил ей кассеты, компьютерные диски с уроками. И все это она запоминала с первого раза, после первого же прослушивания. Слушала англоязычные радиопередачи, смотрела фильмы, читала книги, беседовала на улице с иностранцами. Параллельно сама собой она стала усваивать немец-

кий, французский и другие языки, просила меня покупать ей книги, кассеты и диски для их изучения. При этом она не прилагала никаких героических усилий, никакого особого прилежания. Все получалось само собой. Учителя даже опасались за ее здоровье – не слишком ли мы девочку нагружаем.

Вскоре у нас в доме не осталось ни одной книги, которую бы Лариса не причитала и не запомнила до мелочей. В библиотеках она стала частой посетительницей и удивляла библиотекарей и скоростью чтения, и качеством запоминания. Так что нам с Милочкой было чем гордиться.

Наши дети и знакомые вскоре привыкли, что мы с Милочкой составляем супружескую пару. Никто больше не злословил. Только Лариса вызывала у многих массу вопросов: чья она, да как у нас оказалась. Мы выкручивались, как могли, но вскоре привыкли и к этому.

Лариса вела себя как любящая дочь. Особую привязанность она проявляла ко мне. Любила меня обнимать, целовать, садиться ко мне на колени, ложиться рядом на диван, гладить меня и прижиматься ко мне. Мне это было неопишимо приятно, но Милочке – явно пришлось не по вкусу.

– Ларочка, так нельзя себя вести. Папа – мужчина. Дочь должна стесняться отца как мужчины, а ты ведешь себя с ним как с любовником.

– Но почему? Это же мой папа!

– Все говорят, что ты – очень способная ученица, а тут

элементарных этических норм усвоить не можешь. Существуют определенные рамки поведения, целый ряд неписанных законов, которые невозможно объяснить и в то же время нельзя нарушать.

– Нет, мамочка, ты просто ревнуешь.

– Что за глупости! Чтобы я этого больше не слышала! А ты, Костя, тоже должен суметь ей разъяснить.

После этой беседы Лариса в присутствии Милочки стала вести себя явно осторожнее. Но в ее отсутствие она так и льнула ко мне. Я хмелел от ее нежностей, особенно когда касался ее тела – то ли руки, то ли лица. Неопишимо сладкое чувство разливалось по мне, и я забывал обо всем на свете. Только огромным усилием воли я заставлял себя оторваться от нее и придумать какое-либо дело. Я вспоминал чувство, охватывавшее меня, когда я гладил то самое найденное в лесу яйцо.

Сейчас это было то же самое, только во много крат сильнее. Лариса чувствовала, что мне приятны ее ласки, и она всячески стремилась снова и снова проявить их. Милочка явно начала подозревать меня в тайных связях с Ларисой, но я, будучи абсолютно чист, с возмущением отчитывал ее.

В субботу Милочка решила сходить со мной на базар, но я предложил взять вместо себя Ларису, чтобы самому посидеть за компьютером.

– Костя, мне нужно, чтобы ты носил тяжести, а ты подменяешь себя ребенком.

– Она уже не ребенок, может и сумочку поднести.

– Ладно, Костя. Сиди за своим компьютером, а я сама поеду. Только завтра. Троллейбусная остановка у самого дома, дальше метро. Таскать недалеко. А что не куплю, потом докупим.

Зазвонил телефон. Лариса, как видно, ожидая от кого-то звонка, подлетела к нему и сняла трубку.

– Алло! Слушаю Вас. Да, квартира Панчуков. Нет, Лариса. Их дочь. Да, успели, а что? Мне? Пятнадцать. Папа, это тебя.

Я нехотя взял из ее рук трубку.

– Панчук слушает. Света? В чем дело? Я же просил тебя не звонить больше. Будь счастлива со своим полковником, а нам с Милочкой не мешай. Мы дружно, слаженно живем, чего и тебе желаю. Да, дочь, а тебе-то что? Значит бывает. Все наши с тобой дети – мои дети, а это наша с Милочкой. Привет твоему доктору наук! Все, прощай!

– Зачем ты так с нею? – спросила Милочка.

– А как я должен с нею разговаривать? Она же была инициатором развода, а теперь вот интересуется, как мы живем да как это мы дочь родили.

– Все равно надо помягче. Ей там не так сладко, как она рассчитывала.

– А нам-то что до этого?

– Папа, а действительно, как вы могли чуть больше, чем за год родить меня, вырастить и обучить? – неожиданно спро-

сила Лариса.

Мы молчали, поверженные в шок. Милочка робко начала выпутываться:

– Ты же знаешь, что болела...

– Да ничем я не болела! Я же все помню. Я всегда была здорова. А как так получилось, что я за год успела...

– Ладно, Ларочка, станешь чуть постарше – все поймешь. А сейчас иди заниматься.

Она вышла с гордо поднятой головой, самодовольно улыбаясь.

В воскресенье в шесть утра Милочка ушла на базар, а я, едва продрав глаза, лежал в постели, отгоняя от себя остатки сна. Я слышал, как Лариса вышла в туалет, потом в ванную и тихими шагами подошла к двери нашей с Милочкой спальни. Тихонько приоткрыв дверь, она заглянула и нежно улыбнулась, встретившись со мной взглядом.

– Доброе утро. Можно к тебе?

– Входи, доченька. Чего тебе в такую рань не спится?

– Пообщаться с тобой хочу.

Она подбежала к кровати и, прежде чем я успел опомниться, нырнула под мое одеяло. Не зная как себя повести, чтобы не обидеть ее, я попытался отодвинуться. Но она крепко обхватила мои плечи и обняла меня коленом.

– Ларочка, так нельзя с папой. Это нехорошо.

– Почему нехорошо? Просто я люблю тебя, вот и все.

– Любовь к отцу нужно проявлять иначе, моя радость.

– А не к отцу?

– Но я же отец тебе.

– Папа, я все уже знаю.

– Что, что это ты уже знаешь?

– А то, что никакие вы мне не родители, а я никогда не болела. Вы все выдумали, чтобы объяснить мне мое появление на свет.

– Это кто тебе сказал такие глупости?

– Никто. И никакие это не глупости. Я все прочла в твоей коричневой тетради. Ты нашел в лесу яйцо, за которым ухаживал, а потом из него появилась я. Теперь мне все стало понятно. Непонятно только откуда взялось это яйцо и как можно объяснить появление из него человека, внешне не отличающегося от всех прочих.

– Кто тебе позволил рыться у меня в столе? Ты ничего не поняла. Это все выдумка, материал для фантастического произведения!

– Нет, папочка, ты обманываешь меня. Я же понятливая, ты знаешь. Я люблю тебя, сколько себя помню. Маму... ее тоже люблю, но по-другому. Я твоя... вся твоя...

Она обнимала меня, извиваясь и страстно дыша. У меня потемнело в глазах. Я забыл обо всем на свете, хотелось только впиться в нее губами и целовать, целовать без конца. Но она, не дожидаясь этого, сама в меня впиалась страстным поцелуем, потом еще, еще...

– Ларочка, что ты делаешь?... Полюби лучше молодого

парня... А я, я... стар для тебя...

– Нет, меня тянет только к тебе... Остальные мне безразличны. Ты мой... мой... А я твоя, только твоя...

Близость молодого, теплого, упругого женского тела, ее горячее дыхание и страстный шепот помutilи мой разум, и я накинулся на нее, как хищник на жертву. А она стонала и вскрикивала, закрыв глаза. Ее белые тяжелые волосы разметались по подушке, ее влажные губы, покрасневшие щеки и белое как мрамор тело – все в ней было неопиcуемо прекрасно и дышало, кипело огненной страстью. И мы сливались воедино вновь и вновь, пока я окончательно не обессилел.

– Ларочка, зря ты это сделала. Как нам теперь дальше быть?

– Не знаю. Все решится само собой, вот увидишь.

– Да, но как решится? Чем все кончится?

– Во всяком случае, ничем плохим это кончиться не может.

Она любовно погладила мои плечи и грудь, наклонилась над моим лицом и нежно поцеловала меня в губы. А когда она снова откинулась на подушку, я увидел, что дверь в спальню приоткрыта, и на пороге стоит Милочка. С минуту мы все пребывали в оцепенении.

– Так вот почему ты отказался идти на базар! И давно это у вас?!

– Милочка! Пойми... Прости ради Бога, – лепетал я как

провинившийся школьник.

Лариса лежала, довольная собой и радовалась, что все так получилось.

Милочка круто повернулась и вышла в залу, а Лариса, еще раз поцеловав меня, встала и, запахнув на ходу халат, вышла с высоко поднятой головой. Я остался лежать в одиночестве, мучимый раскаянием и невозможностью возврата к прошлому, хотя бы на пару часов назад.

Я вошел в залу как побитая собака. Милочка сидела в кресле, обернувшись к его спинке, и, уткнувшись в нее лицом, сотрясалась в рыданиях. Я подошел к ней и попытался обнять, но она решительно откинула мою руку.

– Милочка, дорогая! Давай поговорим. Понимаешь, это произошло не по моей воле... Я не соображал, что делаю...

– Как ты мог, Костя? Ты... с этой... с этим... существом! В нашей супружеской постели! Ты осуждал моего покойного Толика за то, что он ходил к Ирке, а сам? Только на словах ты порядочный!

Я снова попытался обнять ее, но она опять оттолкнула меня с остервенением, и в ее взгляде было столько презрения, столько искренней брезгливости, что я невольно отпрянул.

– Фу! Как ты гадок! Как ты мерзок мне! Не прикасайся, слышишь?

– Милочка, послушай! Даже преступнику в суде дают оправдаться!

– Здесь тебе не суд! А ты... ты для меня больше, чем пре-

ступник! Ненавижу и презираю предателей! Я ухожу от тебя!

И она начала поспешно складывать вещи.

– Хорошо, что я тебя не послушала и не продала свою квартиру! Хоть есть куда уйти!

– Милочка, не горячись, успокойся, пожалуйста. Я тебе все разъясню.

Она молча сложила свои вещи и села к телефону.

– Алло! Такси можно заказать?

Лариса сидела в своей комнате и спокойно читала книгу. Когда я вошел, она подняла на меня томный взгляд и одарила обворожительной улыбкой.

– Видишь, Ларочка, что ты наделала... Мама ушла от нас.

– Значит, она тебя не любила по-настоящему.

– Ты своим поступком разрушила нашу семью.

– Ну почему разрушила?

– Я лишился жены.

– Наоборот, ты приобрел молодую, красивую жену. Да ей до меня, как до Киева на четвереньках!

– Ларочка, ты же понимаешь, что мы не можем быть мужем и женой.

– Почему? Мы уже стали ими.

– Глупости! Мы не подходим друг другу ни по какой статье!

– Наоборот, подходим по всем статьям. Она хорошая и со временем все поймет. А я быстро научусь и готовить, и за чистотой следить, и все остальное делать. Ты же знаешь, я

очень способная.

– Даже слишком.

Милочка приехала еще раз на такси, чтобы забрать остальные вещи, улучив момент, когда ни меня, ни Ларисы дома не было. Ключи она оставила у соседки, и всем сразу стало ясно, что Милочка ушла от нас навсегда. На мои телефонные звонки она не отвечала. Вернее, отвечала, но, едва заслышав мой голос, сразу клала трубку.

А Лариса тут же, как и обещала, полностью взяла на себя роль жены. Через недельку-другую она уже умела и стирать, и поддерживать идеальную чистоту и порядок в доме, и вкусно готовить, и все прочее, что обычно делает в доме женщина.

Я, разумеется, не мог устоять перед напором ее красоты и страсти. В который раз я убеждался, что женщина в этом плане намного сильнее мужчины. Мы проводили бурные ночи. Вскоре об этом заговорили все вокруг: и соседи, и сотрудники, и знакомые. Школьные друзья и подруги отвернулись от Ларисы, но ее это никак не трогало. Таким образом, мы превратились в изгоев.

Лариса подробно расспрашивала меня об обстоятельствах ее появления на свет, и я выкладывал ей все «на чистоту». Как-то она сказала, что хочет сходить со мной в лес на то место, где я нашел то самое яйцо.

– Да я уж точно и не помню этого места, вряд ли смогу найти.

– А я помогу тебе. Мы быстро найдем, вот увидишь.

– Каким образом?

– Этого не знаю. Знаю только, что смогу, вот и все.

– Тогда зачем тебе моя помощь?

– Так быстрее.

– Но какая тебе разница, где это место? Зачем тебе это нужно?

– Не знаю. Просто чувствую, что нужно, – и все.

– Ларочка, ты меня все больше удивляешь, родная моя!

Ответом было молчание.

На другое утро (это была суббота) мы с Ларисой отправились в лес на поиски места, где я обнаружил то самое яйцо. Июньское солнце уже припекало основательно, и в лесу было так хорошо! Лариса шла рядом, и я был счастлив вдыхать аромат ее тела, чувствовать близость ее упругой женской плоти. На ней были джинсы в обтяжку и легкая голубая блузка. Один только вид ее фигуры, стройной и грациозной, приводил в трепет мое сердце, и я шел, слепо выполняя ее волю.

– Это где-то здесь, в зарослях сныти.

– Нет, мой любимый, это дальше. Где-то чуть-чуть дальше, в ту сторону.

Мы пошли дальше и вышли на небольшую поляну, густо заросшую снытью.

– Это место тоже похоже.

– Да, да! Это где-то здесь, рядом!

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, и все.

Да, это было то самое место. Я увидел две кучки земли, вынутой кротами наружу, уже поросшие двухлетним засе-вом бурьяна.

– Вот это место, Ларочка, между тропинкой и этими кучками, готов поклясться!

– Да! Это оно.

Она присела возле этого места, окунувшись по грудь в буйную зелень сныти, и начала, наклоня траву, водить по земле руками. Потом стала лихорадочно рыть землю, ломая розовые ноготки и рая пальчики о щепки. Я хотел помочь ей и начал разгребать вместе с нею землю.

– Я сама! Не трогай! – зашипела она на меня как разъяренная кошка и так сверкнула своими небесно-голубыми глазищами, что я невольно попятился.

Она вырывала траву и разгребала землю, пока не нашла какой-то прозрачный овальный камешек, похожий на белую кварцевую гальку, отполированный до зеркального блеска. Отерев о бедро, она сунула его за пазуху и поднялась с корточек.

– Все, пойдем домой. Я устала.

Всю дорогу до самого дома она молчала и на мои вопросы не реагировала никак.

– Ларочка, что ты там нашла и для чего это тебе?

– Еще не знаю, – устало ответила она и пошла в ванную.

С этих пор Лариса преобразилась коренным образом. Она стала задумчивой и серьезной. Многие мои вопросы она не достаивала ответами, отмалчиваясь. Мы почти не разговаривали. Но едва наступала ночь, мы, забыв обо всем на свете, предавались любовным утехам. И ее страсти стали еще более пылкими.

Так продолжалось с неделю. Однажды я увидел, как она, выходя из ванной, что-то несет, завернутое в полотенце.

– Что там у тебя, Ларочка?

Она улыбнулась усталой улыбкой.

– Это наши с тобой детки. Вот, посмотри.

Она развернула сверток на диване, и я увидел три яйца размером с утиные. Я оторопел. Вот это да! Она снесла яйца!

– Потрогай. Они такие приятные!

Я погладил одно, потом другое, потом третье. Опять меня охватил тот же трепет, что и в те времена, когда я гладил то самое яйцо, из которого появилась Лариса.

– Что же теперь будет, Ларочка?

– Да ты что, не рад, что ли? Это же наши с тобой дети! Я буду ухаживать за ними, пока они не выйдут на свет, а потом – учить, как ты учил меня.

Секунду помолчав, она добавила:

– ... со своей Милочкой.

Все было, как и в прошлый раз. Мы с Ларисой регулярно увлажняли поверхность снесенных ею яиц. Они росли, а мы балдели, глядя их. Только меня охватывало уже совсем иное

чувство, нежели в прошлый раз. Это было просто чувство нежности.

– Ларочка, когда они появятся, у нас будет много проблем. Как мы им оформим документы? Тебе делала Милочка через своих пациентов, а у меня таких связей нет.

– Успокойся. Я все беру на себя.

Они появлялись на свет один за другим с интервалами в полтора-два часа. Две девочки и один мальчик. Они действительно походили на меня, особенно мальчик. Как и Лариса в свое время, они были уже почти взрослыми, только худыми. Но теперь я знал, что скоро они превратятся в совершенно нормальных взрослых людей. Лариса была счастлива и хлопотала около них, как квочка. Она сама придумала им имена: Людмила, Галина и Владимир. Мне оставалось только согласиться.

Я только приносил в дом все необходимое, а Лариса управлялась со всем остальным, что называется, героически. И результаты были налицо. Наши дети усваивали все необходимое еще быстрее, чем в свое время Лариса. Но в их поведении было гораздо больше загадок. И самой сложной для меня загадкой было то, что Лариса могла передавать им знания непосредственно, без уроков, упражнений и вообще без слов.

Они часто садились в кружок на пол в гостиной, брались за руки и начинали ритмично раскачиваться, напевая какую-то тягучую мелодию. Так продолжалось от получаса до

двух-трех часов. А потом они вставали, полные сил и энергии, и уже знали и умели то, о чем до этой загадочной медитации не имели ни малейшего понятия. Лариса радовалась, а дети весело щебетали между собой.

Однажды, когда Лариса выходила из дому за покупками для детей, я попросил ее купить аэрозоль против тараканов.

– Зачем он тебе? – удивилась Лариса, – чем они тебе мешают?

– Их уже много развелось в нашей квартире. Если с ними не бороться, они так размножатся, что будут по головам бегать.

– Ладно, сегодня вечером мы их уничтожим, только без этих ядохимикатов.

– Не знаю, как это у тебя получится...

– Получится.

А вечером после ужина они все вчетвером сели в кружок на пол в кухне и, взявшись за руки, как обычно, начали раскачиваться, напевая заунывную мелодию, совсем не похожую на те, которые я слышал от них раньше.

И тут я увидел чудо. Изю всех щелей, из-за плиты, из-под стола, из шкафов дружно полезли тараканы. Они ручейками медленно стекались к центру образованного ими круга и там группировались, наползая друг на друга, образуя кучку, но, никак не расплзаясь в стороны. Потом этот процесс стал ускоряться. Тараканы бежали все быстрее и шуршали в своей куче посреди круга. Вскоре выползание прекратилось, и

тогда мои «ворожеи» затаили новую, лязгающую мелодию. Тараканы в куче становились все менее и менее подвижными и, наконец, перестали вообще подавать признаки жизни.

Тогда они все четверо встали, и дети пошли в свою комнату. А Лариса взяла совок и веник и вымела тараканьи трупы в мусорное ведро.

– Потрясающе! – сказал я. – Как вы это делаете?

– Не знаю, просто делаем, и все.

У Ларисы откуда-то стали появляться деньги, и немалые. Она купила для меня новейший компьютер, массу дорогой одежды и новую мебель. А потом она однажды сказала, что сейчас мы пойдем в магазин – она хочет сделать мне подарок ко Дню рождения. Я с радостью согласился. Выйдя из дому, мы свернули за угол, и Лариса завела меня в автомобильный магазин.

– Выбирай, какой тебе по вкусу.

Я удивленно взглянул на нее и впервые за все время заинтересовался, откуда у нее такие деньги.

– Честно заработала, – ответила она с мягкой снисходительной улыбкой.

– Но каким образом?

– Миленький, ты же знаешь, что я очень многое знаю и умею. А это чего-то, да стоит.

– Но все же, какой ты труд выполнила, чтобы заработать на машину? Где ты работала?

– Не волнуйся, не на панели.

Домой мы вернулись на новенькой BMW, для которой, как оказалось, Лариса заранее купила гараж на мое имя.

А потом она купила мне в пригороде коттедж с обстановкой, со всеми удобствами, с приусадебным участком и гаражом. Мы туда переехали незамедлительно. А квартиру продали по сходной цене.

Полтора года спустя наши дети уже были совсем взрослыми и образованными людьми.

Как-то зимним вечером, вернувшись с работы, я увидел в нашей роскошной гостиной шикарно сервированный стол с деликатесными блюдами и дорогими напитками. Все мои домочадцы кинулись ко мне с поцелуями и стали наперебой приглашать к столу.

– В чем дело? По какому случаю такое торжество? Что сегодня за праздник?

– Просто хотим с тобой попить. В конце-то концов, мы можем себе это позволить.

Привыкший к неожиданностям, я с радостью принял приглашение и уселся за стол. Лариса усердно прислуживала. Галя с Милой ей помогали. Потом мы танцевали под мои любимые песни Адамо, Сарду и Далиды. В конце концов, пир закончился. Девочки убрали со стола, помыли посуду и пошли в свою комнату. А я сидел и дремал на диване, ожидая, когда освободится Лариса, чтобы вместе пойти спать.

Вскоре она управилась с делами и села рядом со мной. Но ни переодеться, ни спать она явно не собиралась.

– Костя, милый, нам надо серьезно поговорить.

Она впервые назвала меня просто по имени. До этого она называла меня папой, а когда ушла Милочка, стала называть просто «миленький мой» или «милый». Но теперь из ее уст мое имя прозвучало строго и настораживающе.

– Давай завтра, Ларочка. Сегодня мы устали, и я немного пьян. Хочу в постель, я истосковался по тебе.

– Извини, миленький. Но сегодня и впредь ты будешь спать без меня.

– Что за чепуха? Ты же меня так искренне любила!

– А я тебя и сейчас люблю, и всегда любить буду.

– Тогда в чем дело, ты можешь мне объяснить?

– Нет, не могу. Это слишком сложно, чтобы можно было выразить словами. Просто мы должны расстаться. Нам необходимо уйти, понимаешь?

– Кому это «нам»?

– Мне и нашим детям. Мы сегодня прощались с тобой.

– То, что я для тебя слишком стар – это понятно. Но почему ты забираешь детей? Кому они нужны, кроме меня?

– Да ничего ты не стар. Дело совсем не в этом. Ты же знаешь, мы совершенно иные люди! Вспомни обстоятельства нашего с детьми появления на свет, развития и прочего. Мы должны выполнять свою миссию.

– Какую еще миссию? Не говори загадками, скажи хотя бы в двух словах!

– Да я еще сама как следует не знаю. Просто чувствую –

вот и все. И они тоже. Это не моя воля.

– А чья же, чья это воля?

– Еще не знаю.

– Видишь, как нехорошо ты со мной поступила! Лишила меня жены, создала обо мне соответствующую славу, сделала меня изгоем в обществе...

– Да нет же, нет! Все у тебя будет в порядке, сам увидишь. Вернется к тебе твоя Милочка, и друзья тоже. Еще сегодня вернется.

– Нет, она не тот человек! После моего предательства она ни за что не вернется! Гордая она.

Лариса едва заметно улыбнулась.

– Разве я тебе лгала когда-либо? Едва мы уедем, не пройдет и часа, как она тебе позвонит. И останется здесь навсегда.

Она нежно поцеловала меня в губы и пошла к вешалке. Как по команде из комнаты вышли дети и стали одеваться вместе с нею. Одевшись, все четверо стояли молча и грустно улыбались.

– Вы хоть иногда заходить ко мне будете?

Лариса отрицательно покачала головой.

– Ну, хотя бы звонить?

– Нет, милый, это исключено. Просто невозможно – вот и все.

– Почему? Ведь это же мои дети! А ты – их мать! Почему вы от меня отказываетесь?

– Ты не поймешь, родной мой. Ладно, спасибо тебе за все.

Ты был очень хорошим и отцом, и мужем. Поцелуй нас по очереди.

Я поцеловал, и они меня тоже.

– Вот, возьми.

Она протянула мне ключ.

– Там, в твоём кабинете, за картиной откроешь им дверцу.

Это вам с Милочкой на жизнь. Думаю, что достаточно. Ну, прощай.

Они молча направились к выходу.

– А вещи? Почему вы не собрали вещи?

– Наши вещи уже там, в машине.

Лариса открыла наружную дверь, и в прихожую ворвался морозный воздух. Они гуськом пошли к калитке, за которой их, как я понял, поджидал белый микроавтобус марки «Мерседес». Я пошел вслед за ними, но Лариса закрыла передо мной калитку.

– Иди в дом, Костя. Простудишься.

Дети дружно вошли в машину, и только Лариса на секунду оглянулась и помахала мне рукой на прощанье. Потом дверца захлопнулась, мягко зашумел мотор, и микроавтобус плавно двинулся вперед, набрал скорость и постепенно растворился в снежной пыли.

Я почувствовал, что изрядно продрог и вошел в дом, вертя в руках врученный мне ключ. Тут же я нашел у себя в кабинете замаскированную за картиной дверцу, вставил ключ и дважды повернул. Новенький замок глухо щелкнул, и дверца

легко подалась. За нею я увидел полки, с плотно уложенными пачками долларовых купюр. Вот это да! Сколько здесь? Миллион? Два? Да не все ль равно? На жизнь, как сказала Лариса, хватит. Я толкнул дверцу, и она мягко защелкнулась. Стоя с ключом в руках, я размышлял о случившемся, но разобраться в этой всей кутерьме было свыше моих возможностей.

Мое внимание привлекла вырезка из газеты, лежащая на письменном столе, оставленная, вероятнее всего, Ларисой. Там желтым маркером был выделен фрагмент текста: «Оно восстановит справедливость на Земле, и умы тех, кто будет жить в конце Кали-Юги, пробудятся и станут также прозрачны, как хрусталь. Люди, которые будут так преображены... явятся семенами человеческих существ и дадут рождение расе, которая будет следовать законам Века Крита (века чистоты)». Я не знал ни что такое Кали-Юга, ни что такое Век Крита, и думал, что бы это могло означать?

Мои размышления прервал мелодичный сигнал телефонного аппарата.

– Алло!

В трубке ни звука.

– Алло! Слушаю Вас! Говорите!

– Костя, – послышался робкий голос Милочки, – как поживаете? Я тут неподалеку у приятелей. Можно зайти посмотреть, как Вы устроились? Или уже поздно?

– Милочка! Ты что, уже на «вы» со мной?

– Нет, но ты же не один.

– Езжай скорее, я один и жду тебя. Столярная, двадцать семь. Я встречу тебя у калитки.

– Я знаю. Буду через десять-пятнадцать минут! Такси уже ждет у порога! До встречи!

Юлий Гарбузов

13 сентября 1999 года, понедельник

Харьков, Украина

Наследие Бога Нингирсу

Аннотация

Пятидесятилетнего инженера – Глеба Николаевича Меланчука – увольняют с завода без объяснений. Будучи в отчаянии, Глеб решает покончить с собой, но его неожиданно останавливает незнакомец – Петр Стефанович Собьеский, который предлагает ему помощь: древний кулон работы шумерских ювелиров. Собьеский предупреждает, что конечная цель использования талисмана должна быть благородной. Глеб не верит в талисманы, но все же принимает помощь Петра Стефановича.

На следующий день ему начинает сопутствовать удача. Меланчук сомневается в причастности к этому кулона, неоднократно проверяет его действие, но все равно истолковывает все случившееся как благоприятное стечение обстоятельств.

Под давлением жены Глеб определяет конечную цель своей карьеры – стать президентом фирмы, в которой успешно работает, что приводит к непредвиденной развязке.

Юлий Гарбузов.

Фантастическая повесть

Меланчук медленно брел по Прибрежной улице, надвинув на самые брови спортивную шапку-вязанку и подняв воротник кожаной куртки. Все вокруг было окутано осенним туманом, тяжелым и мокрым. Порывистый ледяной ветер хлестал в лицо мелким дождем, который, казалось, вот-вот перейдет в мокрый снег. Закрыв щеки и подбородок мохеровым шарфом, он ссутулился и сунул руки в карманы куртки, продолжая шагать в никуда. Миновав последний дом на Прибрежной, он вышел к Днепру. Где-то на середине реки сквозь густой туман виднелись плывущие над водой размытые огни запоздалого теплохода, издававшего короткие тревожные гудки. Справа мутно светились фонари городской пристани и тусклые ряды окон речного вокзала. Повернув к причалу, теплоход протяжно загудел, и Меланчук перестал обращать на него внимание.

Настроение Глеба Николаевича было премерзким – под стать погоде. Сегодня, совсем неожиданно, главный менеджер ЦЗЛ без какого-либо предупреждения вручил ему конверт с расчетной суммой и коротко уведомил, что лаборатория в его услугах больше не нуждается. При этом он издевательски улыбался, явно наслаждаясь собственной властью над его, Меланчука, судьбой. И Глеб Николаевич, маститый инженер с многолетним стажем, чувствовал себя полнейшим идиотом, игрушкой в руках этого самодовольного выскочки. Глебу так и хотелось хватить кулаком по его холеной роже.

На проходной у Меланчука отобрали пропуск, и за его

спиной навсегда закрылись двери завода, к которому за двадцать семь лет он, что называется, прирос душой и сердцем. А ведь ему нет и пятидесяти – мог бы спокойно работать до самой пенсии, да и после еще лет десять-пятнадцать. И специалистом он считался отличным. По крайней мере, так говорили коллеги, в том числе и начальство. Как видно, знания и опыт Глеба Николаевича перестали быть востребованными. Или кому-то «наверху» понадобилось место ведущего инженера-исследователя ЦЗЛ. Кто знает? Перед ним никто не обязан отчитываться. Коллеги вроде бы ему сочувствовали, но помочь не могли ничем. Или не хотели – Бог им судья.

Что теперь делать? Что он скажет жене, отдавая последние деньги, выплаченные заводом? Можно, конечно, солгать и интенсивно заняться поиском какой-нибудь работы. Но если он не найдет ничего путного в течение двух недель, что наиболее вероятно, эта ложь раскроется, и жена начнет его корить, упрекать и обзывать неудачником, не способным чего-либо добиться в жизни, да еще и лжецом. Боже, какой позор! Нет, это невыносимо...

Глеб Николаевич не заметил, как вышел на мост через Днепр, где ветер дул в лицо с такой силой, что у него заледнели нос и щеки. Пройдя полтора пролета, он остановился, отвернулся от ветра и протер слезлившиеся глаза. По мосту изредка с шумом проносились мокрые автомобили, порой обдавая Глеба грязными брызгами, которые тут же смывал дождь. Он достал сигарету и закурил. Бросил в воду спич-

ку. Опершись на перила, посмотрел вниз. Туман и сумерки скрывали поверхность реки, но сквозь шум ветра был отчетливо слышен плеск ледяных волн, разбивающихся о бетонную твердь опорных башен. Мысли путались, вязли в переплетении ассоциаций. В памяти всплыли стихи:

Он на мосту, где воды сонные

Бьют утомленно о быки,

Вздувает мысли потаенные

Мехами злобы и тоски.

В лесу, когда мы пьяны шорохом

Листвы и запахом полян,

Шесть тонких гильз с бездымным порохом

Кладет он молча в барабан.

Как они вписываются в его душевное состояние! Боже, да это же брюсовский «демон самоубийства»! И попал он в самую-самую точку. Да...

Вот! Вот он – выход из тупиковой ситуации! Лишь один шаг – и конец всем терзаниям. Пусть тогда упрекают его в чем угодно и сколько угодно. Все равно он уже не услышит никаких упреков, даже самых обидных и жестоких. Конечно, не мешало бы напоследок съездить по тупому рылу главного менеджера, но поздно. Пусть, сволочь, остается безнаказанным и продолжает садистски упиваться своей властью над людьми.

Предсмертная записка... Впрочем, зачем она нужна? Кому? Все отвернулись от него, насмеялись над ним и надру-

гались, бросили в одиночестве. Записка даст только лиш-
ний повод для глумления. Нет, она совершенно ни к чему.
Дочь... Впрочем, она уже взрослая. У нее теперь своя жизнь.
Переживет, как и все. Никто ничего не потеряет, если он
сейчас прыгнет в бурлящую ледяную пучину днепровских
вод...

Готовясь перекинуть ногу через перила, Глеб Николаевич
внезапно услышал за спиной сухой простуженный голос:

– Послушайте, уважаемый!

Вздрогнув от неожиданности, Меланчук обернулся и за-
стыл на месте. Перед ним стоял низкорослый худощавый ста-
рик в черном длиннополом плаще. Его лицо до самых глаз
было укутано темным шарфом. Одной рукой он держал над
головой черный зонт, а другой грозил Глебу пальцем.

Досадуя, что ему помешали, Глеб, не проронив ни слова,
посмотрел на бесшумно подкравшегося старика с откровен-
ным негодованием.

– Вы что это задумали, дорогой мой?! Как Вам не совест-
но! Не юноша ведь! – укоризненно сказал старик, прони-
зывая Глеба Николаевича колючим взглядом, от которого у
него заледенела спина.

– По какому такому праву Вы меня стыдите? Что Вам
нужно? – с трудом прохрипел Глеб, так как от волнения во
рту у него пересохло.

– Это нужно не мне, а Вам. Иногда просто необходимо во-
время пристыдить или даже выругать человека по всей стро-

гости! Как Вам не стыдно, говорю, накладывать на себя руки?! Это великий грех как перед Богом, так и перед людьми, особенно перед Вашими близкими. Жизнь – это величайший божий дар, а Вы собираетесь швырнуть его в лицо Всевышнему. Ваши близкие надеются на Вас, ждут от Вас поддержки и помощи. Вы же вознамерились бросить их на произвол судьбы. С Вашей стороны это крайне эгоистично, а по отношению к ним – это, по меньшей мере, предательство!

Глеб опешил.

– Откуда Вы взяли, что я хочу наложить на себя руки? И вообще, какое Вам дело до меня и до моих проблем? Идите себе спокойно своей дорогой.

– Нет, любезнейший! Пожалуйста, выслушайте меня до конца, а потом поступайте, как знаете.

Старик замолчал, продолжая сверлить взглядом растерявшегося Меланчука. Выдержав продолжительную паузу, он снова заговорил:

– Жизнь – борьба, и в ней нужно выстоять, чтоб обеспечить себе право на эту самую жизнь. Среди животных не бывает самоубийств. Они борются до конца! И только человек, пользуясь разумом, данным ему для высоких целей, может прибегнуть к такому кощунству.

Старик отвернулся, поднес к лицу носовой платок и зашелся приступом жесткого кашля. Кое-как откашлявшись, он утерся и продолжил:

– Из любого положения, каким бы безвыходным оно ни

казалось, непременно существует выход, и чаще всего – не единственный. Отчаяние толкает людей на безрассудство, поэтому оно расценивается как один из наиболее тяжких грехов. Всем нам посылаются свыше мучительные испытания с целью духовного и нравственного совершенствования. При этом Господь каждому дает крест по его силам, хоть он порой и представляется непомерно тяжким. И эти испытания человек должен выдержать с честью и достоинством.

Глеб почувствовал, что под натиском логики странного незнакомца он понемногу начинает сдавать свои шаткие позиции, и тихо сказал, опустив глаза:

– Понимаете... у меня нет другого выхода. Это уж поверьте. Меня сегодня без всяких объяснений выгнали с завода, которому я отдал без малого двадцать семь лучших лет своей жизни, работая честно и безупречно. Притом, без малейшего повода с моей стороны.

– Вы полагаете, что было бы лучше, если бы Вы в самом деле заслужили такое наказание?

– По крайней мере, это было бы справедливо.

– Жизнь, уважаемый, устроена отнюдь не по справедливости. И в ней нужно расходовать энергию не на поиски несуществующей, иллюзорной справедливости, а на достижение поставленной цели в реальных, подчеркиваю, в реальных условиях, которые определяются не нами. Все вокруг человека враждебно для него. Тем не менее, он обязан находить возможность жить и творить в этой обстановке.

– Сегодня я перебрал в уме все доступные варианты выхода и всюду – тупик, – угрюмо сказал Глеб. – В моем возрасте устроиться на работу нереально. А как кормить семью, содержать жилье и тому подобное? К сожалению, никто не в силах мне помочь.

– А это уж вы бросьте – никто! Конечно, все свои проблемы следует решать самому. Но в сложных ситуациях можно прибегнуть и к посторонней помощи. Вот я, например, мог бы Вам помочь, если уж Вы впитали прививаемое нам с детства мышление пролетария – бедняка то бишь, и отказываетесь напрячься, чтобы изыскать другие возможности.

Меланчук саркастически усмехнулся и безнадежно махнул рукой.

– Да, уж! Не смешите, Бога ради. Ну чем, чем Вы можете мне помочь? Обеспечите постоянную работу по специальности? Или откроете на мое имя «неограниченный кредит» в банке?

– Не горячитесь. Я действительно могу Вам помочь, – старик сделал паузу. – Если Вы того пожелаете, конечно. Ну так что, продолжим наш диалог?

Меланчук на мгновение задумался. Что ему ответить? Скорее всего, этот старик – какой-нибудь сумасшедший или маразматик, давно выживший из ума. В конце-то концов, что терять в такой ситуации? Какой вред может быть от этой беседы? Попытка, как говорится, не пытка. Пусть выскажет свое предложение, а отказаться можно всегда.

– Так, как у меня нет выбора, я, пожалуй, Ваше предложение приму, – ответил Меланчук, глядя старику в глаза без тени надежды.

– Отлично, молодой человек. Кстати, как Вас зовут?

– Глеб. Точнее – Глеб Николаевич Меланчук.

– Очень приятно, дорогой Глеб Николаевич. Меня – Петр Стефанович Собьеский. Представитель старинного польского дворянского рода герба Янина, восходящего к шестнадцатому веку! – с достоинством сказал старик. – Слышали о таком?

– Представьте себе, слышал. И даже имею честь быть знакомым с одним из князей Собьеских.

К удивлению Глеба, Петр Стефанович оставил эти слова без внимания.

– Предлагаю зайти ко мне на пару минут в гости. Там все и обсудим. Это недалеко. Идемте.

Собьеский бодро двинулся на Прибрежную, откуда Глеб только что вышел на этот злополучный мост. Пройдя несколько кварталов, они свернули в переулок и прошли метров сто, не говоря друг другу ни слова. Старик остановился у высоких железных ворот с узкой калиткой, сунул ключ в замочную скважину и дважды повернул. Из глубины двора послышался радостный собачий лай. Отворив калитку, Петр Стефанович шагнул в темный проем.

– Проходите спокойно, Глеб Николаевич. Маур Вас не тронет. Если, конечно, Вы на меня не нападете. – Старик

обернулся, и Глеб впервые увидел на его лице доброжелательную улыбку. – Шучу, шучу, разумеется.

Крупный черный пес радостно вертелся у ног хозяина, искоса поглядывая на Глеба. Петр Стефанович взошел на крылечко с добротными перилами, распахнул тяжелую дверь и щелкнул выключателем. В сенях загорелся тусклый свет. Глеб последовал за хозяином. В прихожей старик взял у него куртку, подал комнатные шлепанцы и пригласил в просторную гостиную.

Глеба поразили уют, чистота и аккуратность, царившие в гостиной, обставленной в стиле «ретро». Все было пропитано атмосферой таинственности и уединения. На полу темно-бордовым цветом пылал добротный ковер работы восточных мастеров. Он был настолько толстым, что Глеб прошел по нему, как по газону, густо заросшему шелковистой травой, утопая в ворсе по щиколотку. Против окон с тяжелыми занавесками на стене, в старинной рамке, висел красочный герб Янина, старательно вышитый крестом на белом полотне. Под ним располагался антикварный диванчик на гнутых ножках и с резными подлокотниками, а рядом – журнальный столик в том же стиле. Посреди комнаты стоял большой массивный стол черного дерева, окруженный мягкими стульями, на одном из которых спал большой серый кот с белыми кончиками лап и такими же мордочкой, грудкой и животом. Вся мебель была обита высококачественным зеленым плюшем и, несмотря на старинный стиль, казалась совершенно

новой. Как вчера с фабрики. Стены были увешаны колоритными портретами аристократов в средневековых одеждах.

– Это что, Ваши предки? – поинтересовался Глеб. – Интересно, кем они Вам доводились?

– Да, предки. Но Вы пришли не в музей на экскурсию. Так что давайте говорить о цели моего приглашения, – оборвал его старик и указал на диванчик. – Садитесь, пожалуйста. Я сейчас.

Столь бесцеремонный тон поверг Меланчука в неловкость, но Собьеский вышел в соседнюю комнату, и Глеб, оставшись один, быстро оправился от смущения и подавил возникшее было желание немедленно уйти. Через несколько минут старик вернулся, держа перед собой небольшой продолговатый ларчик, отделанный желтым металлом, похожим на золото, и поставил его на журнальный столик. Сев рядом с Глебом, старик что-то нажал на стенке ларчика, и его крышка плавно открылась с мягким мелодичным звоном. Под нею на темно-синей бархатной подушечке ослепительным блеском, словно раскаленная звезда на фоне ночного неба, вспыхнул бесцветный кристалл удивительной прозрачности в золотой оправе. Это был великолепный кулон на массивной цепочке, как видно, тоже золотой. Кристалл был размером с абрикосовую косточку. Отблески света висевшей под потолком люстры причудливо мерцали в его многочисленных замысловатых гранях.

– Это кулон работы месопотамских мастеров, который

еще во времена багдадских халифов считался древностью. Как утверждает клинописная надпись на нижней стороне крышки ларчика, он был подарен царю шумерского города Киши Месилиму самим богом Нингирсу и сделал его могущественнейшим из царей древнего Междуречья. Передаваемый из поколения в поколение, кулон стал собственностью султана Саладина. Дальнейшая его история весьма приближенно известна мне со слов моей матери. Как она мне поведала, во время третьего крестового похода случилось так, что на официальном приеме Саладин подарил его австрийскому герцогу Леопольду – ее предку по материнской линии. В конце концов, этот бесценный бриллиант достался мне. На протяжении нескольких веков он был талисманом рода моей матери и многим сослужил верную службу.

Собьеский замолчал, достал из кармана жилетки белоснежный носовой платок и, бесшумно высморкавшись, вопросительно посмотрел на Глеба красными от простуды глазами, как видно, желая оценить впечатление, произведенное столь необычным рассказом.

– Легенда, конечно, красивая, сказал Глеб, невольно любясь великолепным ювелирным украшением.

– Но мне-то какой от него толк? Даже если Ваш кулон в самом деле обладает чудодейственной волшебной силой, у меня все равно нет средств на его покупку.

– Да откуда Вы взяли, что я собираюсь Вам его продавать? Удивленный Меланчук недоуменно молчал, а старик при-

стально смотрел ему в глаза, и на его узком морщинистом лице играла загадочная улыбка. На темени сквозь светлые волосы с проседью, изрядно поредевшие от возраста, поблескивала глянцеви́тая кожа, а под остреньким носом ершились богатые усы того же цвета. Если в планы старика не входила продажа этого кулона, то на кой дьявол он пригласил его, совершенно незнакомого человека, к себе в дом? Молчание нарушил сам старик:

Этот кулон сможет вывести вас из кризисной ситуации, если вы, конечно, захотите воспользоваться его помощью.

– Интересно, каким образом? – спросил Глеб, не скрывая скепсиса. – Я, видите ли, еще в детстве перестал верить в Деда-Мороза, в Бабу-Ягу, во всякие там талисманы, приметы, панцеи, заклинания, наговоры и прочие чудеса.

Улыбаясь лишь уголками рта, Собьеский лениво откинулся на спинку диванчика. Его высокомерная улыбка раздражала Глеба, но он постарался скрыть свое раздражение.

– Чудес, Глеб Николаевич, нет, – изрек старик с философским пафосом. – Но существуют кое-какие свойства Вселенной, которыми можно управлять, имея соответствующие знания. Достаточно лишь определенным образом связать эти свойства с некоторым материальным объектом, словом или фразой, звуком, символом, татуировкой или, скажем, жестом. А объект, имеющий такую связь, может быть подключен к сознанию человека и образовать с ним, так сказать, единый информационный конгломерат. Но многим не дано

это понимать и знать. Вот теперь и подумайте, стоит ли верить в силу талисманов и всего того, о чем вы только что изволили упомянуть.

– Да какая мне разница, стоит или не стоит? – раздраженно сказал Глеб. – Талисман-то, как Вы только что сказали, не продается. Как он тогда может мне помочь?

– Возьмите кулон, наденьте на шею и носите, пока будете нуждаться в его помощи. Он сразу же начнет действовать. Не переживайте, денег за него я с Вас не возьму.

– Не пойму, какой Вам смысл отдавать мне просто так столь ценное украшение, да к тому же еще и такое древнее? – удивился Глеб. – И каким таким образом он может мне помочь в принципе? Что при этом должно произойти?

Старик опять загадочно улыбнулся. «Интересно, за кого он меня принимает, разыгрывая доброго волшебника из восточной сказки? Он что, действительно думает, будто я настолько наивен, что могу поверить в подобные небылицы?» – подумал Глеб.

Как видно, Собьеский догадался об одолевавших Меланчука сомнениях по выражению лица.

– Разумеется, ничего, так сказать, волшебного с Вами не случится. Перед Вами не предстанет джинн, готовый исполнять желания, не упадет с неба куча денег и тому подобное. Вы не в сказке. Все произойдет естественно, притом буднично, самым обычным образом. Просто Ваша жизнь пойдет по иной, чем до сих пор, программе. Как все в нашем мире, дей-

ствие этого кулона имеет две стороны – лицевую и оборотную. Он помогает только людям, чистым душой и помыслами.

– Но это дорогой бриллиант, к тому же оправленный в золото. Вы что, отдаете мне его бесплатно?

– Насчет денежной платы я уже все сказал. Дарить Вам свою фамильную драгоценность я тоже не собираюсь и даю его на время – в аренду, так сказать. Вы мне вернете кулон, как только сочтете, что Ваша жизнь наладилась, и Вы достигли поставленной цели.

– Ну, а если я поступлю нечестно? Не захочу его возвращать, например?

И снова губы Собьеского чуть растянулись в едва различимой саркастической улыбке.

– Об этом я тоже сказал, чего Вы, возможно, сразу не уловили. Вы не сможете так поступить. Сие исключено. Когда Вы получите свойства этого алмаза, то сами поймете, что за нечестность Вам придется расплачиваться очень дорогой ценой. Об этом говорится в клинописной надписи на крышке ларчика. Вряд ли Вы знаете древнешумерский. А может, знаете?

Собьеский указал на нижнюю сторону крышки, испещренную замысловатыми клинописными символами, какие Глеб видел только на страницах учебников по древней истории. Он отрицательно покачал головой.

– К сожалению, я также не силен в шумерском, поэтому

содержание текста знаю только приблизительно – в самых общих чертах. Со слов матери. Если Вы захотите узнать его точнее, то Вам придется либо самому изучить шумеркий, либо прибегнуть к услугам квалифицированного историка-шумеролога. В последнем случае советую сфотографировать текст, но ни в коем случае не показывать оригинал. Иначе возможны серьезные осложнения. И желательно не говорить о кулоне никому – ни жене, ни детям, ни друзьям.

– Но что Вы с меня возьмете в качестве арендной платы? Ведь бесплатной аренды не бывает – бесплатный только сыр в мышеловке, – попытался уточнить Глеб.

– Платой за жизнь по программе талисмана является сама жизнь по этой программе. Но Вы должны определить конечные цели Вашей жизни. Можно не сразу. Однако когда Вы сами себе скажете, что это – Ваша **КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ**, он начнет работать на нее в полную силу.

Петр Стефанович пододвинул ларчик к Глебу. Тот машинально взял его в руки, намереваясь закрыть и уйти. Но старик остановил его жестом.

– Минуточку, Глеб Николаевич. Вынужден еще немного задержать Вас. Алмаз начнет на Вас работать лишь после того, как Вы признаете его своим, после чего Вы уже не сможете его ни продать, ни передать кому-то другому, ни выбросить. И лишь достигнув конечной цели, которую Вы сами перед собой поставите, он заставит Вас вернуть его распорядителю, то бишь мне. А если меня к тому времени уже не будет,

то моему преемнику, которого он определит сам при отсутствии законного достойного наследника. Так Вы согласны?

– Я, кажется, уже согласился на все Ваши условия.

– Одних только слов для этого не достаточно. Чтобы Ваше согласие воспринял камень, вы должны надеть кулон, причем так, чтобы бриллиант прилегал непосредственно к телу. Теперь позвольте помочь Вам.

Собьеский обеими руками взял цепочку, намереваясь надеть Глебу на шею. Тот послушно наклонил голову. Петр Стефанович расстегнул ворот рубахи Глеба и аккуратно, не торопясь, надел ему на шею кулон и старательно заправил под нижнюю сорочку. Глеб ощутил холод камня, коснувшегося тела, и прижал его рукой.

– Ну вот. Теперь скажите – можно про себя, что Вы согласны принять во временное пользование этот камень на предлагаемых условиях.

– Да, я согласен, – смущенно пролепетал Глеб, с трудом ворочая пересохшим языком.

К своему удивлению, Глеб явственно почувствовал, что камень потеплел, а потом его температура быстро сравнялась с температурой тела, и он почти совсем перестал ощущать присутствие бриллианта.

– Почувствовали ли Вы что-нибудь при этих словах?

– Кажется, почувствовал. Сначала тепло, почти горячо, а сейчас ничего не чувствую, – признался Глеб Николаевич.

– Отлично. Теперь кулон ваш и работает на Вас. Носите

его, не снимая. Подумайте над конечной целью, но не спешите принимать окончательное решение. Затягивать тоже не рекомендую. Помните, что цель должна носить исключительно доброжелательный и благородный характер. Нажива, эгоизм, тщеславие, властолюбие и тому подобное в качестве конечной цели могут быть чреватые очень неприятными последствиями. Поэтому при выборе этой цели будьте особо внимательны и осторожны.

Меланчук механически кивнул головой в знак согласия и посмотрел в сторону двери.

– Ну, тогда с Богом!

Собьеский заботливо распахнул перед гостем дверь, и Глеб, надев не успевшие просохнуть куртку и шапку, вышел навстречу зябкой дождливой мгле. Ледяной ветер больно хлестнул в лицо, но он бодро зашагал к ближайшей остановке автобуса.

«Удивительное дело, – думал Меланчук, поднимая воротник поношенной кожаной куртки. – Интересно, что все это может означать?» В самом деле, какой-то полоумный старик, неожиданно оказавшийся около него, в отчаянии решившегося на самоубийство, разгадал его замысел и заморочил ему голову, воображая, что совершает благородный поступок. И он, зрелый современный мужчина с высшим образованием, смиренно слушал его бредни и даже на мгновение поверил им, словно какой-то недалекий кретин. Позор! Но чудаковатый старик, как видно, выживший из ума, подарил ему кулон

с крупным бриллиантом. Впрочем, бриллиант ли это? Скорее всего, дешевая стекляшка на медной или, в лучшем случае, позолоченной цепочке. Что ж, это нетрудно будет проверить в ближайшей ювелирной мастерской. А что старик помышлял ему осуществить задуманное – это хорошо. По крайней мере, у него есть еще две недели на поиски работы, а уйти из жизни он успеет всегда.

А может, этот бриллиант краденый? Или старик хочет избавиться от улики, изобличающей его или кого-то из его близких? Или по какой-то причине хочет его, Глеба, «подставить»? Ну и ну! Вот так хрень! Нет, скорее всего, это дешевая бижутерия, но изготовленная весьма искусно. А если нет? Тогда кулон можно будет продать и выручить за него приличные деньги. В конце концов, Глеб его не украл, а получил честным путем, поэтому криминала на нем нет. Впрочем, кто его знает...

Глеб вернулся домой к полуночи, когда жена уже спала. Спрятав пресловутый ларчик в письменный стол, он наскоро поужинал и лег спать на диване в гостиной, чтобы не беспокоить жену, которой предстояло вставать в шесть утра. Сон к нему пришел не сразу. Тревожили мысли о предстоящем трудоустройстве. В конце концов, если не удастся найти хоть какую-то работу, он продаст кулон, ежели он, конечно, действительно представляет собой какую-то ценность. Это поможет продержаться еще какое-то время.

Всю ночь Глеб промучился в кошмарах. Снился главный менеджер ЦЗЛ. Меланчук вслушивался в его речь, силясь понять, чего от него хотят. Тот говорил долго и витиевато, и смысл его слов никак не доходил до сознания Глеба. Меланчук пытался высказать ему все, что о нем думает, но не мог подобрать нужных слов. Он постоянно просыпался, пытался отвязаться от докучливых сновидений, но стоило закрыть глаза, как его сознание снова и снова проигрывало эти навязчивые сцены. Потом откуда-то появился Собьеский, ходил с Глебом по заводу, задавал странные вопросы и менторским тоном поучал, как нужно бороться за место под солнцем. В конце концов, он изрек, что главный менеджер – ничтожный человек, который за всю жизнь ничего не научился делать, и если он лишится работы, то сможет разве что выгребать навоз из коровника, да и то с превеликим трудом и лишь после года практики.

Проснулся Глеб оттого, что кто-то толкал его в плечо.

– Глеб! Глеб, проснись, наконец! На работу пора – опоздаешь.

Перед ним стояла жена в белом кухонном фартуке.

– Спасибо, Катюша. Я не тороплюсь. Мне сегодня... можно и попозже, – едва не проговорился Глеб.

– Я посмотрела в коробочке – ты положил зарплату. Там вдвое больше обычного. Тебе что, дали премию?

– Да, вот... Дали...

– Ну и отлично. Купим тебе костюм – этот уже поизносил-

ся. Брейся скорее да завтракай. А я побегу – у нас сегодня планерка.

Глеб завтракал не спеша. Аппетита не было. Он прикидывал, с чего начать поиск работы. Ему до сих пор не приходилось это делать. Что ж, придется приобретать опыт. Сначала нужно будет пройти по знакомым фирмам, где его в той или иной степени знают. Но если там ничего не выйдет, он попытается счастья на базаре. На безрыбье и рак рыба. Может быть, ему удастся заполучить хотя бы работу грузчика или разносчика. Втянется со временем. Ведь многие всю жизнь так работают.

Он допивал полуостывший чай, когда из гостиной донеслись сигналы мобильного. Это наверняка Катя. Справляется, как он позавтракал. Допив последний глоток, Глеб подошел к гудящему мобильнику и посмотрел на дисплей. Не Катя. Номер незнакомый.

– Алло, я слушаю.

– Глеб? – осведомился до боли знакомый голос, но чей именно, Меланчук никак не мог вспомнить «навскидку».

– Да, он самый.

– Привет, Глеб! Это твой сокурсник, Юра Захарченко – помнишь такого?

– Юра! Куда ты пропал после нашей юбилейной встречи? У кого ни спрошу – никто не знает.

– Я не пропал, я три года был за границей. Только сейчас узнал твой мобильный. От наших, разумеется. Четвер-

тый день тебя ищу – с воскресенья. Причем, не бескорыстно. Я сейчас вице-президент фирмы «Ореол» – слышал, на-верное?

– Как же! Читал о ваших последних контрактах. Молодцы, ребята. Энергетика – это сейчас, так сказать, на гребне волны...

– Ну, это поэзия, а я о прозе нашей жизни. Хочу предложить тебе должность главного инженера по связи и энергетике. Тебе и осваиваться не придется – будешь заниматься тем же, чем сейчас на заводе. Только за нормальные деньги. Ты понял идею?

Глеба обдало жаром. Вот это да! Не было ни гроша, да вдруг алтын. Никак и вправду талисман работает. Да, Юрка всегда был отличным парнем и верил в него. Но надо поторговаться, а то опять придется за копейки вкалывать, а другие будут с его знаний и опыта купоны стричь.

– Спасибо, Юра, за доверие. Но как-то сразу... понимаешь...

– Понимаю, боишься работы на новом месте. К сожалению, эту боязнь прививали нам с пеленок. Ты, я знаю, прилип к своему заводу, оторваться не можешь. Бросай его к чертям – будем вместе пахать. Ведь я тебя, как самого себя знаю. Уверен – сработаемся. Где ты сейчас? Я за тобой заеду – представлю правлению.

Глеб молчал, ошарашенный внезапным поворотом событий, и медлил с ответом.

– Глеб, ты меня слышишь? Я сейчас к проходной подъеду.

– Слышу, Юра, слышу. Я не на заводе – дома сижу, завтракаю еще.

– Дома? Ну и отлично. Поехали, поехали со мной – посмотришь, что там у нас да как, а там решишь. Думаю, согласишься – платим мы никак не меньше, чем твой завод, от которого давно уже ладаном пахнет. Куй железо, пока горячо.

Глеб продолжал молчать, а Захарченко не унимался:

– Звякни прямо сейчас на свой завод, что задержишься на час-полтора – придумай что-нибудь уважительное, а я к тебе подъеду. Ты где живешь, по какому адресу?

– Вишневая, три. Квартира девятнадцать. Понимаешь, Юра, я...

Захарченко перебил его, не дослушав:

– Минут через двадцать буду у твоего дома. Одевайся и выходи. Все! До встречи!

Протекция Захарченко оказалась действенной, и правление фирмы «Ореол» с легкой его руки приняло Глеба «на ура». Новая работа, вопреки мучительным сомнениям, пришлась ему по душе. Теперь он зарабатывал в несколько раз больше прежнего и мог себе позволить то, о чем раньше и мечтать не смел. Вовлеченный в рабочий водоворот, Глеб Николаевич совершенно забыл о кулоне Собьеского.

Незаметно прошел год, и Меланчук, заключив несколько выгодных контрактов, был принят в правление фирмы. За

это время он успел приобрести автомобиль и современную квартиру в элитном доме, а прежнюю – оставить дочери с зятем. Правда, пришлось прибегнуть к банковскому кредиту, но теперь это его не смущало.

Поздним вечером, едучи домой после сдачи очередного заказа, Глеб задумался о коренных изменениях, произошедших в его судьбе за последнее время, и вспомнил о талисмানে. Неужели это благодаря ему Глеба разыскал Захарченко и высоко оценило правление фирмы? Ерунда, несомненно. Ведь Меланчук и раньше имел глубокие профессиональные знания и богатый инженерный опыт. Юра был прав: Глеб засиделся в своей ЦЗЛ и, не зная обстановки, боялся оказаться ненужным в современном обществе. Он еще не стар, и его возраст как раз соответствует расцвету творческой личности с такими данными, как у него. А история с кулоном – чушь собачья! Ведь Захарченко, как он сам сказал, начал его разыскивать еще за три дня до встречи с Собьеским. Если бы он не впал в отчаяние, не оказался на мосту и не встретился с Петром Стефановичем, то на следующий день его судьба, несомненно, сделала бы тот же самый зигзаг. Так что кулон тут совершенно не при чем. А он, старый болван, собирался лишиться себя жизни! Вот что значит принимать поспешные решения. Воистину – утро вечера мудренее.

Меланчук настолько ушел в размышления, что проглядел красный свет у перекрестка. Увидев слева несущуюся на него «тойоту», Глеб, отчаянно сквернословя, что было сил

навалился на педаль, и его машина, пронзительно взвизгнув тормозами, со скрежетом остановилась, едва не чиркнув по дверце черной «тойоты». К счастью, никого из стражей порядка поблизости не было, и Глеб, чуть отдышавшись, осторожно поехал дальше.

И как он мог поверить в дурацкие мудрствования полумного старика? Хорошо, что у него хватило ума не поделиться этими заблуждениями ни с женой, ни с дочерью. Они бы замучили его насмешками да подковырками. И были бы правы на все сто.

И все же что-то в жизни Меланчука существенно изменилось. Раньше любое достижение давалось ему чрезвычайно трудно. Он, бывало, никак не мог отделаться от постоянного ощущения враждебности всего окружающего. Законы Мерфи проявляли себя на каждом шагу с особой остротой. Теперь же все обстоятельства почему-то стали складываться в основном благоприятно для Глеба. Но ведь это совершенно случайные стечения событий, и к ним кулон Собьеского не имеет никакого отношения!

Интересно, что этот кулон представляет собой на самом деле? Действительно ли он имеет сколько-нибудь существенную ювелирную ценность? Нужно как-нибудь зайти в ювелирную мастерскую – пусть оценят специалисты.

На следующий день Глеб, усталый, но радостный, возвращался с работы после напряженного трудового дня. Жаркий августовский день был на исходе. Жара уже спала, но все во-

круг: дорога, тротуары, стены домов продолжало излучать тепло, и приближение вечера еще не принесло ожидаемой прохлады. Остановившись у светофора, он неожиданно увидел броскую вывеску: «Покупка, продажа, экспертиза и ремонт ювелирных изделий». Свернув тут же в переулок, Глеб Николаевич оставил автомобиль на платной парковке и направился к подъезду с вывеской.

В просторном зале было тихо и прохладно – работал кондиционер. Глеб снял с себя кулон и подошел к окошку с надписью: «Экспертиза и оценка ювелирных изделий». За окошком сидела молодая женщина и проворно стучала по компьютерной клавиатуре, сосредоточенно глядя на монитор. Подняв на Глеба вопросительный взгляд, она вежливо улыбнулась в ожидании вопроса.

— Девушка, вы можете мне сказать, сколько стоит вот эта штука? – тихо спросил Меланчук, стараясь не привлекать внимания посетителей, и протянул ей кулон.

– Оценка – услуга платная.

– Ну, разумеется. Уплачу по выставленному счету.

– Паспорт при вас, я надеюсь?

– Разумеется.

Она взяла паспорт, и ее тонкие пальчики снова проворно забегали по клавишам, занося его данные в компьютер. Взяв в руки кулон, она положила его в полиэтиленовый кулечек и протянула чек, по которому следовало внести деньги в кассу.

Уплатив, Меланчук вернулся к окошку и отдал чек девуш-

ке. Сделав на нем отметку, она дала Глебу квитанцию и, одарив его очаровательной улыбкой, ласково пропела:

— Зайдете через неделю в это же время. Впрочем, чтобы не ходить лишний раз, можете через три-четыре дня справиться по одному из телефонов, указанных в квитанции.

— Ну, нет уж. Мне это нужно сейчас. Я не могу оставить эту вещь без присмотра, — запротестовал Глеб Николаевич.

Девушка посерьезнела.

— У наших экспертов много работы. Не вы один здесь с таким заказом. Так что придется подождать. Все. Мне больше нечего добавить. У меня работа. Извините, — процедила она сквозь зубы.

— Тогда я снимаю заказ и прошу вернуть кулон. Для меня это слишком серьезно, Вы это можете понять?

— Могу, но я подчиняюсь служебным предписаниям. Ваш заказ уже занесен в нашу базу данных, и снять его может только главный менеджер. Сейчас ему позвоню.

Она взяла телефонную трубку и набрала номер.

— Николай Федорович, здесь один заказчик отказывается оставить изделие и просит снять заказ на экспертизу. Что с ним делать? — последовала пауза. — Оформлен. Нет, он настаивает. — она вопросительно посмотрела на Меланчука.

— Да, настаиваю, — подтвердил Глеб свое намерение.

— Настаивает. Кулон. С большим бесцветным камнем. Похоже, в золотой оправе и на золотой цепочке. Очень красивый, по-моему, — девушка поднесла кулон к настольной лам-

пе и посмотрела на него через увеличительное стекло. – Да, проба имеется. И еще какие-то клейма. Клинышки.

Минуты две она молча слушала, потом положила трубку и сказала:

– Минуточку, Глеб Николаевич. Сейчас к Вам выйдут.

Минуты через три к девушке подошел седенький старичок с аккуратной бородкой клинышком и коротко подстриженными усами. Протянув ему кулон в кулечке, она кивнула на Меланчука. Вынув кулон, старичок положил его на ладонь, внимательно осмотрел, перевернул, снова осмотрел, потом сказал:

– Это Ваш кулончик, молодой человек?

– Разумеется, – ответил Глеб.

– Вы можете пройти со мной в лабораторию?

– Конечно.

– Сашенька, пропусти его, пожалуйста.

В лаборатории было тесно и неудобно. За столами сидели люди и над чем-то корпели, не обратив внимания на вошедших. Старичок сел за большой стол и придвинул стул, кивком приглашая Глеба сесть.

– Откуда у Вас эта вещь? – поинтересовался старичок.

– Это наша фамильная драгоценность, Николай Федорович, – солгал Глеб. – Досталась мне от покойной прабабушки. Чего ей, бедной, стоило уберечь ее в двадцатые годы, когда у людей изымались ценности в пользу Советской власти!

Старичок уставился на него сверлящим взглядом, но Глеб

его с успехом выдержал.

– Я не Николай Федорович. Я Михаил Еремеевич Радомский – главный эксперт фирмы, – не без гордости произнес он. – А Николай Федорович Белан – это главный менеджер.

Эксперт на время умолк и стал изучать кулон, рассматривая его через лупу, потом под микроскопом. Капнул на оправу и цепочку какой-то жидкостью, отер капли ветошкой. Радомский тщательно взвесил на аналитических весах сначала камень в оправе, потом цепочку и, записав показания, сел за компьютер. Положив перед собой кулон и, поглядывая попеременно то на него, то на монитор, обратился, наконец, к Меланчуку:

– Да... Похоже, это кулон, занесенный в мировой каталог редких ювелирных украшений тысяча девятьсот третьего года.

Он замолчал, посмотрел на Глеба с явным подозрением и неожиданно спросил:

– А как, простите, была фамилия Вашей прабабушки?

– Собьеска, – снова солгал Меланчук.

Услышав эту фамилию, эксперт заметно вздрогнул.

– Поня-а-атно, молодой человек. Если это действительно так, то все сходится. Похоже, это в самом деле фамильная драгоценность князей Собьеских. А его происхождение в старом каталоге относят к культуре древнего Двуречья – около пяти тысяч лет тому назад. *Ran mowi po polsku?* – спросил он, неожиданно перейдя на польский.

– Tak, Panie Radomski. Przecież trochę jestem Polakiem, – ответил Глеб, силясь выжать из себя улыбку.

– Jestem bardzo przyjemnie zaskoczony.

Он скупо улыбнулся и снова перешел на русский:

– Это очень дорогая вещь. Чрезвычайно дорогая. Последние сто лет этот кулон считался безвозвратно утерянным.

Эксперт замолчал, сосредоточив внимание на замке цепочки.

– А ларчик тоже у Вас? – поинтересовался он.

Вопрос несколько озадачил Глеба, но он тут же снова овладел собой.

– Да-да... прабабушка как-то обмолвилась о том, что он был в ларчике, инкрустированном золотом. На его крышке еще надпись была на каком-то древнем языке. К сожалению, ларчик она то ли потеряла, то ли продала в лихие годы...

– И что Вы с ним намерены делать? Хотите продать?

Он снова уставился на Глеба холодным проникающим взглядом, от которого ему стало не по себе.

– Ни в коем случае. Я передам его своим внукам, Михаил Еремеевич. Вы можете, наконец, сказать, какова его ориентировочная стоимость?

– Только приближенно. Для точной оценки нужна тщательная геммологическая экспертиза. Тогда мы сможем выдать Вам сертификат. Это займет три-четыре дня. Будете ждать?

– Нет. Меня вполне устроит Ваша словесная оценка, – от-

ветил Глеб и спросил полушепотом.

– Сколько с меня за Вашу услугу?

Радомский молча пожал плечами, и Глеб, стараясь не привлекать внимания присутствующих, сунул ему в карман несколько ассигнаций.

Меланчук шел к парковке в приподнятом настроении. На город успели опуститься вечерние сумерки. Повеял свежий ветерок – первый признак приближающейся осени.

Ну и ну! Это действительно архидрагоценная вещь. Стоит солидного состояния... В этом, по крайней мере, Собьеский не обманул. А приписываемые ему чудеса и мистика – это, разумеется, полнейший вздор. Напрасно, конечно, он обратился к эксперту: теперь сведения о кулоне имеются в базе данных этой хреновой ювелирной фирмы. Сведения о такой драгоценности могут дойти до криминальных кругов, и они начнут на нее охотиться... Теперь ему может грозить серьезная опасность.

Глеб Николаевич всегда был неисправимым скептиком и все, абсолютно все подвергал сомнению, пока его не убеждали упрямые факты или неоспоримые аргументы. Зря он не поверил Собьескому на слово. Но слишком уж невероятной представлялась история с этим талисманом. Придется в банке арендовать сейф и хранить кулон там, время от времени проверяя, лежит ли он на месте.

Дойдя до парковки, Меланчук осмотрелся – не следит ли кто за ним? Впрочем, зачем следить? В базу данных экспер-

та занесены и его адрес, и место работы, так что в этом нет никакой необходимости.

Усевшись за руль, он почему-то снова осмотрелся и повернул ключ зажигания. Двигатель отозвался низким глухим урчанием, и Глеб, продолжая размышлять о новых опасениях, не спеша покатыл к дому.

Глеб проснулся около четырех утра. За окнами шумел ливень. Время от времени комната на миг наполнялась голубоватым светом от вспышек молний, и стены сотрясались от раскатов грома. Они и разбудили Глеба. Сон отскочил в одно мгновение. С Глебом всегда случалось нечто подобное после корпоративных вечеринок. Засыпал, едва голова касалась подушки, но потом просыпался в три-четыре утра от малейшего шороха и больше не мог уснуть. Так случилось и в этот раз. Выпил он относительно немного, но его организм, не будучи приучен к алкоголю, на выпивку реагировал негативно. Нестерпимо трещала голова. Мутило. Он встал и направился в туалет.

Вырвало бы, тогда полегчает. Глеб опустился на колени перед унитазом и наклонил голову, но ничего не получилось. Заложил в рот два пальца и надавил на корень языка. Сработало. Глеб встал, почистил зубы, умылся холодной водой и вытерся махровым полотенцем. Ощущение камня в желудке пропало, но голова продолжала гудеть. Порывшись в аптечке, нашел таблетку от головной боли, разжевал, чтобы ско-

рее подействовала, и запил водой из чайника. Вернулся на диван. Сознание медленно прояснялось, но сон не шел.

«Кажется, с выпивками пора завязывать. Не юноша уже, – думал он. – Нужно установить себе правило: выпить первую рюмку, а вторую растянуть на все оставшееся время». Он неоднократно давал себе такой зарок, но почти всегда нарушал его, когда был увлечен захватывающей беседой или, как в этот раз, – интересной женщиной. Несмотря на надвигающийся полувековой юбилей, он чувствовал себя молодым мужчиной, полным сил. Особенно сейчас, когда дела его пошли в гору.

А эта блондинка, которую посадили рядом с ним, основательно «завела» его. Он танцевал с нею весь вечер, тесно прижимая к себе, и она не противилась. Рассказывал интересные истории, на которые девчонка эмоционально реагировала и призывно хохотала, принимая завлекательные позы. Интересно, кто ее пригласил? Зачем? Скорее всего, это сделали по указанию председателя совета директоров. Чтоб отвлечь от деловых разговоров. Возле каждого вертелась какая-нибудь красотка, и седые дяди с животиками зажигательно флиртовали с ними, забыв о делах, семьях и возрасте. Как бы там ни было, но Глеб ею увлекся, и они вместе пили рюмку за рюмкой. Под конец она настолько размякла, что ее желание не вызывало сомнений. Жаль только, что привести ее было некуда. Она приглашала его к себе, но Глеб, опасаясь ненужных кривотолков, уклонился от соблазнительного

приглашения. Лет десять тому назад он бы не устоял. Да... возраст уже, как-никак, начинает себя проявлять. Он все же взял у нее номер мобилки. Если б узнала Катя, – вот бы обиделась! В самом деле – седина в бороду, а бес в ребро. Ему стало чуточку стыдно, но Глеб тут же заглушил в себе это чувство.

Он начал уже было засыпать, когда в кармане пиджака, висевшего рядом на стуле, застрекотал мобильник. «Кого там в такую рань мордует нелегкая?» – подумал он с досадой и не спеша достал очки, чтобы рассмотреть, кто звонит. Звонил Захарченко.

– Алло...

– Ты, Глеб?

– Да, Юра. Привет. Тебе что, не спится после вчерашнего корпоратива?

Захарченко пропустил эту реплику мимо ушей.

– Глеб, у нас проблемы.

– У нас всегда проблемы... – отшутился было Глеб, но Захарченко не дал ему договорить.

– У нас серьезные проблемы, Глебушка. Очень. Особенно – у тебя. На «Трансконтроле» авария. Загнулась энергосистема. Остановилось производство. Это твой участок работы, Глеб. За тобой выехала машина. Подготовься по возможности – и на завод. Я туда уже еду. Будем разбираться.

Меланчук вскочил, как ошпаренный. Кое-как приведя себя в порядок, он вскипятил немного воды, заварил крепчай-

ший кофе и, обжигаясь, выпил чашку бодрящего напитка без молока и сахара. Есть после вчерашнего не хотелось. Надо оставить Кате записку. Раскрыв блокнот, он выхватил из пиджачного кармана ручку, но она не писала. Чертыхнувшись, отшвырнул ее и принялся искать новую. Опять мобильник.

– Да!

– Глеб Николаевич, это Андрей. Водитель. Жду вас у подъезда.

– Я готов, Андрюша! Две минуты. Сейчас спущусь.

Отыскав, наконец, ручку, способную кое-как писать, Глеб нервным почерком нацарапал записку:

«Катюша, милая! У меня неприятности: на заводе авария. Вынужден срочно уехать на разборку. Возможно, приеду поздно. Постараюсь позвонить. Нежно целую. Глеб.»

Вернулся Меланчук в начале одиннадцатого вечера. Катя еще не спала. Глеб привычно чмокнул ее в щечку и ощутил, будто целует каменное изваяние. Молча переодевшись в домашнее, направился в ванную. Принял теплый душ.

Настроение было – хуже некуда. Все складывалось не в его пользу. Это он подписал акт контроля, а установка сгорела. Наскоро созданная комиссия единодушно решила, что наиболее вероятно межвитковое замыкание. А ведь он скрупулезно тестировал. Результаты были в пределах допусков, и свидетельство тому – протоколы. Тем не менее, факты – упрямая вещь. Где-то что-то он упустил. Конечно, он потребовал полной экспертизы, но вряд ли она выявит что-то,

могущее его оправдать. Тогда его выгонят с треском, и об устройстве на работу по специальности нужно будет забыть навсегда. Тут и Захарченко не прикроет, да и не захочет это делать. Виноват-то он и никто другой.

Вот и кончилась его блистательная карьера «на излете». Теперь он на собственной шкуре познал, что «чем выше взлет, тем тягостней паденье». Везение долго продолжаться не может. Оно изменчиво. Удача – дама красивая, но избалованная, капризная. Сегодня она улыбается тебе, а завтра – кому-то другому, быть может, твоему врагу.

Выйдя из ванной, Глеб направился в кухню, где на столе уже стоял ужин. Катя сидела молчаливая и хмурая. Не проронив ни слова, он начал есть, хоть аппетита не было. Допив чай, он подошел к Кате, чтобы поцеловать, но она отстранилась и посмотрела на него глазами, полными слез.

– Глеб... сядь, пожалуйста, на минутку. Я хочу с тобой поговорить, – сказала она тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Он послушно сел и уставился в пол.

– Говори. Я весь – внимание, – едва слышно произнес он.

– В наших отношениях нужно что-то изменить, – она посмотрела на него с отчаянием. – После перехода на новую работу ты все больше забываешь о том, что у тебя есть дом, какие-то семейные обязанности, я, наконец...

Катя заплакала. Утерев слезы краем белоснежного передника, она продолжила:

– Ты думаешь только о работе, подолгу там засиживаешься, являешься за полночь, притом нетрезвый... Я сутками тебя не вижу! Я не рада твоим деньгам и с тоской вспоминаю время, когда ты работал на заводе. Мы еле сводили концы с концами, но в доме были мир, лад и согласие. Теперь же ты пьешь, гуляешь, живешь в свое удовольствие. А от меня пытаешься прикрыться необходимостью присутствия на этих ваших «деловых корпоративах», как будто там без тебя вода не освятится. Ты думаешь, я не знаю, например, о твоём вчерашнем приключении с этой блондинкой?

Глеба, как кипятком ошпарило.

– Катюша, милая...

– Не называй меня Катюшей, да еще и милой! Это лицемерие, ложь! – вскричала она в гневе.

– Не знаю, Катя, кто тебе дает такую информацию, но если это мужчина, то он – форменный негодяй, а если женщина – последняя сплетница и сволочь. Кто-то пытается вбить между нами клин. И все из зависти! Люди позавидовали нашему счастью, моему карьерному взлету, таланту и везению! И вот – назавидовали...

– Чушь! Ты наперед, задолго до начала вчерашней вечеринки знал, что каждому из правления заранее приготовили по проститутке. И охотно клюнул на эту наживку! А я сижу здесь одна... как соломенная вдова...

Катя заплакала навзрыд, закрыв лицо передником.

– Успокойся, Катя. Больше, думаю, не будет у меня ника-

ких «корпоративов». На заводе случилась авария, и все уверены, что по моей вине. Завтра начнут работать эксперты и, скорее всего, вышибут меня из фирмы к чертовой бабушке. Мне очень тяжело сейчас. Я так надеялся на твою поддержку, а ты, как и все, пинаешь меня под зад. Дома, по идее, должны сниматься всякие напряжения и стрессы, а у меня...

– Прекрати плакаться! Разжалобить меня хочешь! Вместо мужества жалостью пронять пытаешься! Фу, как ты противен мне сейчас!

Она подхватила и, сотрясаясь от плача, убежала в спальню.

За всю ночь Глеб не сомкнул глаз. В голову лезли самые скверные мысли. Он ощущал себя на краю пропасти без точки опоры. Как он все же одинок в этой жизни, полной неудач и огорчений! Надо же было случиться этой проклятой аварии, когда он был на самом гребне волны удачи. А дальше – все лавиной. Захарченко, разумеется, сразу в кусты. Тут еще эти сплетники откуда-то взялись на его голову. Из-за них и Катя отвернулась. Он, вообще-то, считал ее более стойкой, а она после первого же удара сломалась. По закону жизни беда в одиночку не приходит, одна идет и другую за собой ведет. Что поделаешь – жизнь переменчива, вся в полосочку, как зебра. Кончилась его светлая полоса, наступила темная. Проходит, конечно, все. Но с чем он из нее выйдет?

И тут Глеб вспомнил о талисмানে... Какая ерунда! Он уже рассуждал на эту тему, раскладывал все факты по полочкам,

и пришел к однозначному выводу, что пространные мудрствования старика Собьеского – полный абсурд. Но все же... Что ему остается делать? А вдруг и вправду поможет? Утопающий хватается за соломинку, а эта вещица – единственное, за что он может ухватиться. Его соломинка. Во всяком случае, терять нечего. Решено: утром, прежде чем отправиться на завод, он заедет в банк, заберет из ячейки кулон и непременно наденет на шею. Комиссия назначена на одиннадцать, он успеет.

Меланчук на мгновение устыдился своей слабости перед испытанием судьбы, но надежда взяла верх. Только бы с утра банк работал.

Утро было мрачным. Стояла пасмурная погода. Дул не по-летнему холодный ветер, и Глеб вынужден был вернуться, чтобы надеть джемпер. До банка пришлось ехать дольше, чем он рассчитывал. Движение было интенсивнее обычного. Как видно, из-за похолодания те, кто обычно ходил пешком или ездил общественным транспортом, сели в автомобили.

С трудом найдя место для парковки, Глеб оставил машину и поспешил в банк. Небольшая очередь подвигалась медленно, и он начал нервничать – появилась угроза опоздать. Глеб уже подумывал уйти, когда ему, наконец, разрешили войти в хранилище.

Кулон был на месте. Поспешно надев его на шею, защелкнув замок и заправив под рубаху, Глеб уладил последнюю формальность, выскочил из банка и понесся, что было духу,

к машине.

К началу работы комиссии Меланчук опоздал на полчаса. Его извинительную речь, не дослушав, перебил радостный Захарченко:

– Поздравляю, Глебушка! Искренне поздравляю!

– С чем, Юра?

Пожимая протянутую руку, Глеб недоуменно уставился на Юрия.

– Как это, с чем! Мы выявили причину аварии! Наша честь спасена – и фирмы, и твоя, в том числе! Мы ни в чем не виновны.

– А кто? Кто же тогда виновен?

– Форс-мажорные обстоятельства! Комиссия, как видишь, уже начала работать и только что обнаружила след от удара молнии в подстанцию. Вот он, смотри!

Юрий указал на застывшие потеки оплавленной обшивки. Глеб Николаевич на несколько секунд задумался. Странно, о чем все, в том числе и он сам, думали вчера? Перед аварией всю ночь бушевала гроза. Любой здравомыслящий человек должен был начать расследование именно с поиска возможных грозовых повреждений. К сожалению, все были настолько взволнованы, что об этом как-то и не подумали. Что ж, бывает...

– Потому и накрылся трансформатор, Глебушка! – тараторил возбужденный Юрий. – Потери понесли, конечно, обе стороны: и мы, и завод. Но без них бизнеса не бывает. Глав-

ное – реноме нашей фирмы! Честь мундира не запятнана. Будем теперь выявлять повреждения энергосистемы и сразу же принимать меры по их устранению. Так что засучивай рукава – и вперед, притом с песней! Не позже, чем через неделю, завод должен возобновить производство и начать наверстывать потери.

На радостях Меланчук трудился с небывалым рвением, да и вся команда работала как никогда слаженно и энергично. Председатель объявил шабаш в семь вечера, и Глеб, хоть и чувствовал себя усталым, оставил работу с некоторым сожалением.

Дома, сразу после вечернего туалета, на кухонном столе, против ожидания, ждал его горячий ужин, дразнящий аппетитными ароматами.

– Спасибо, Катя, – робко поблагодарил Глеб, принимаясь за еду.

Она села напротив. Опершись локтем на стол, положила подбородок на ладонь и кротко посмотрела на мужа.

– Люблю смотреть, как ты с аппетитом кушаешь, – сказала она тихим мирным голосом.

Уплетая сочное баранье жаркое, Глеб искоса поглядывал на жену. Она сидела, опустив глаза, и едва заметно улыбалась. В ее мимике не улавливалось и тени утренней обиды и раздражения. Доев последний кусок и запив темно-бордовым компотом, он вытер губы белоснежной салфеткой и, как всегда, сказал:

– Спасибо за ужин, дорогая Катюша.

– На здоровьице.

Смущенно помолчав, она тихо добавила:

– Глеб... прости меня, пожалуйста, за утреннее...

– Все в порядке, Катенька. Ничего не было. Все мы люди и ошибаемся все. Ты тоже меня прости за вчерашний поздний приход. Виноват, выпил лишнее... Постараюсь, чтобы впредь такого не случилось.

– Как там с вашей аварией? Не переживай, Глебушка. Выгонят – найдешь другую работу.

– В этот раз, слава Богу, не выгонят. Все разрешилось на редкость удачно. Оказывается, в подстанцию ударила молния – вот у них и гавкнулась энергосистема. Устраняем последствия. Потом ее запустим и будем работать дальше.

– Глеб, как я счастлива! Я так себя ругала за несдержанность!

Катя кинулась ему на шею, и они крепко поцеловались.

Несмотря на смертельную усталость, Глеб долго не мог уснуть. На его плече сладко посапывала Катя, а он весь ушел в размышления.

Таких контрастных потрясений, как в последние дни, он еще не испытывал. Шумная вечеринка, очаровательная блондиночка, эйфория. Потом похмелье. Ни свет, ни заря – известие об аварии, грозившее ему крушением карьеры. Как удар «под дых». Рабочий день, принесший одни расстройства. Вечером – скандал с Катей. Утром – банк и ку-

лон, опоздание к началу работы комиссии. Неожиданное известие, смывшее всю грязь, которой его накануне облили с ног до головы. Вечером – не менее неожиданное примирение с Катей.

«Вот и не верь в талисманы», – думал Меланчук, глядя в потолок, по которому бегали блики от автомобильных фар, уличных фонарей, раскачиваемых ветром, и крон деревьев. Интересно, как бы все сложилось, не нацепи он снова этот хренов кулон? Разве не обнаружился бы след от удара молнии? Рано или поздно его бы все равно нашли. И Катя у него не такая, чтобы долго сердиться и принимать поспешные решения. Она вспыхнула под наплывом эмоций. Так же, как и любая женщина, будь она на ее месте. Ему нужно было думать, прежде чем увлекаться этой блондинкой. Кулон здесь, конечно, не причем. Однако... Когда он при нем, его дела складываются всегда удачно. Всегда ли? Трудно сказать, ведь еще слишком мало случаев, чтобы делать подобные выводы. Но все-таки... Почему наш мир устроен так, что никак нельзя проверить, как сложились бы те или иные обстоятельства, поступи человек иначе? Этот парадокс, к сожалению, неразрешим. Таково одно из проявлений иррациональности природы. Здесь можно только верить в ту или иную альтернативу. Полагаться на силу талисмана, конечно, заманчиво. Но если, понадеявшись на нее, идти напролом, можно угодить в западню. Нельзя искушать судьбу. Лучше уж поступать, как все люди, стараясь принимать рациональные решения. Как

же тогда убедиться в том, что он действует? Да, это вопрос веры и только веры.

Незаметно сон смежил веки Глеба, и он погрузился в его таинственный мир.

Было тепло и солнечно, как по заказу. Если бы не поредевшая желтая листва на деревьях, не чувствовалось бы, что сейчас ноябрь.

Глеб ехал в приподнятом настроении. Сегодня ему удалось заключить выгодный контракт. Правление и не рассчитывало на такую удачу. Его выступление убедило заказчика согласиться на условия, предложенные «Ореолом», и подписать соглашение, не дожидаясь очередной встречи. Это здорово, что рядом был Юра Захарченко – он информирует правление, когда вернется после банкета. Глеб на банкет не остался, сославшись на плохое самочувствие и личную занятость. Последнее время банкеты, «корпоративы» и прочие застолья стали настолько часты, что если все посещать, может и нос покраснеть. Да и Катя их ненавидит, особенно после того случая с блондинкой.

Серая полоса дороги словно застыла впереди внедорожника. Автомобиль несся с бешеной скоростью, но Глеб ее не ощущал. Машина была исключительно комфортной. Еще недавно он о такой и мечтать не смел. Сам он, конечно, ездил бы на чем-нибудь попроще, но Катя хотела внедорожник. Не желала отставать от Лены Захарченко.

Мимо проносились зеленые луга, убранные поля; там и сям возвышались одинокие скирды. Местами чернела пахота, на фоне которой контрастно вырисовывались редкие тракторы, пыхтя тащившие за собой плуги. Пахали на зябь. Над необъятной равниной висела прозрачная голубая дымка, и в ней туманилась далекая линия горизонта, словно граница между поэзией мечты и прозой суровой реальности. Хотелось петь, и в эйфории недавней победы Глеб затянул с детства знакомую песню:

Ой, у лузі зелененькім,
Ой, у лузі зелененькім
Вдова брала льон дрібненький.
Вдова брала льон дрібненький.
Вона брала, вибирала,
Вона брала, вибирала,
Тонкий голос подавала.
Тонкий голос подавала.

Гудевший за окнами ветер далеко уносил звуки песни. Он вспомнил детство, заботливых родителей, младшего брата, не вернувшегося из Афганистана, и дочь, когда она была еще ребенком. Эту ностальгическую эйфорию потеснили выплывшие из глубин памяти мысли о кулоне Собьеского. Все же старик молодец – помог в кризисной ситуации, когда ему все было не мило, даже сама жизнь. А кулон? Скорее всего, это просто фетиш, веря в который, человек получает огромный эмоциональный заряд. А человеческими поступ-

ками руководят исключительно эмоции.

Как все-таки разобраться, действительно ли этот талисман обладает чудодейственными свойствами? Конечно же, нет. Глеб где-то читал, что всякие там амулеты, талисманы и ритуалы действительно помогают. Они активизируют эмоциональный мир того, кто верит в них, мобилизуют на деятельность, возбуждают поисковую активность. Но все же помогают, черт возьми! А может, и прав Собьеский в своих философских толкованиях? Как понять, доказать верность той или другой альтернативы?

Глеб уже давно знал, что человека не убеждают ни доказательства, даже безукоризненно логичные, ни факты, ни аргументы. Он только в том случае может признать какое-то утверждение, если поверит в него, эмоционально его почувствует. Иными словами, когда ему захочется его признать. Ни Коперник, ни Галилей, ни Леонардо да Винчи и никто вообще не смог доказать того, что опережало свое время. Теперь же утверждения этих гениев, когда-то единодушно отвергаемые их современниками, очевидны для каждого школьника. Чтобы в чем-то убедить человека, нужно подумать, как воздействовать на его эмоциональную сферу. Это знал основоположник пропаганды Юлий Цезарь. Когда его генералы, да и весь народ Римской империи, не пожела-ли воевать против Карфагена, он созвал поэтов, драматургов, писателей, актеров и художников. Приказал им изображать карфагенян в премерзком виде. Они, мол, должны

говорить на вульгарно исковерканной латыни, приносить в жертву своим богам римских детей, обманывать и обворовывать честных римлян, зверски истязать и убивать их. В результате через несколько лет римляне возненавидели карфагенян и без колебаний пошли на них войной. Напрасно умные и образованные люди пытались их вразумить! Цезарь своей цели достиг.

Достиг желанной цели и Собьеский – смог заставить даже такого скептика, как Глеб, на какое-то время поверить в силу талисмана. Вернее, в критическую минуту испытаний судьбы поколебать его неверие в эту силу. Немудрено. Ведь он тогда был в таком смятении...

Вдали показалась голубая полоса Днепра, медленно несущего воды к Черному морю. Машина неслась к тому самому добротному мосту, на котором Глеб познакомился с Собьеским. Вспомнился дождливый осенний вечер и сопутствующее ему тяжелое настроение. Спасибо Петру Стефановичу – он все же удержал Глеба от рокового шага. Но навязал ему этот талисман, и теперь он у него в каком-то магическом плену.

Нет! Все это чушь! Выдумка для дураков! Глеб уже не раз убеждался в иллюзорности помощи кулона. Хватит!

Въезжая на мост, Глеб сбавил скорость. Держа руль одной рукой, другой он снял с шеи кулон и с остервенением швырнул в открытое окно. Боковым зрением он видел, как бесценное сокровище, ярко сверкнув на солнце, описало в воздухе

дугу, перелетело через перила и кануло в пучину днепровских вод. Самого падения в воду он не видел, но знал, что теперь навсегда избавился от талисмана, которому невольно приписывал свои достижения, давшие ему тяжким потом и кровью. Дальше его жизнь пойдет так, как он сам ее построит, и никакой талисман уже не сможет претендовать на успехи, которых он добьется своими способностями, знаниями, опытом и трудом. Немного, конечно, жаль – вещь дорогая, но иначе он в трудную минуту непременно снова соблазнится прибегнуть к его мнимой помощи и непременно станет ему приписывать собственные успехи. И так будет повторяться еще и еще – до конца жизни.

За подписание многомиллионного контракта компания «Ореол», к великой радости Кати, выделила Глебу Николаевичу солидную премию, и правление вознамерилось послать его на полугодовую стажировку в Нью-Йорк – в «Дженерал Электрик». Катя всегда верила в своего Глеба, даже когда он работал на родном заводе, и им приходилось мыкаться, кое-как перебиваясь на мизерную зарплату. В то время она тоже вынуждена была работать, и от этого страдала семья. А теперь он, наконец, нашел свое место в жизни, хотя и поздно. Сейчас у него есть шанс подняться еще выше по служебной лестнице, но он смотрит на это сквозь пальцы. Скромняга. Начисто лишен всякого честолюбия.

Ленка Захарченко все хвастается своим Юрой: мой

Юра... мой Юра... А Юра без Глеба шага ступить не может. Днем и ночью названивает, по каждой мелочи советуется. И этот простачок искренне перед ним распинается, все знания наизнанку выворачивает. А Юрка ездит на нем, как на осле, и все потом в свой актив записывает. Вице-президент, поди ж ты! Да Глебу, если на то пошло, давно в президенты пора. Вот только акций у него маловато. Подкупать бы по мере сил и возможностей, стремиться к завладению контрольным пакетом. На жизнь им, слава Богу, пока хватает, а избыток денежек можно в акции вкладывать. Они и про черный день сгодятся. Надо будет нажать на Глеба, чтобы к росту стремился, а не сидел самодовольно на месте, как пень.

Ее размышления прервал щелчок дверного замка. Вернулся с работы Глеб, изможденный как никогда. Катя радостно кинулась ему на шею. Прохладно поцеловав жену, он ушел переодеваться. Приняв душ, вышел в кухню, где на столе стоял заботливо приготовленный свежий ужин. Сев напротив жены, он придвинул тарелку с красиво украшенным салатом из свежих овощей, но так и не попробовал. Не было аппетита.

– Спасибо, Катюша, мне что-то не хочется. Я потом.

Он отодвинул салат и встал. Во всем теле ощущалась ломота. Без причины мутило.

– Что с тобой, Глеб? Ты слишком много работаешь. Тебе бы в отпуск на пару недель, к теплему морю.

– Да, я устал. Неважно себя чувствую. Приболел, видимо.

Катины слова его почему-то раздражали. Глеб пошел в гостиную и прилег на диван. Включил телевизор, прогнал несколько каналов. Ничего интересного – все только действовало на нервы. Он выключил телевизор и погасил свет. Лег на спину и вытянулся во весь рост. Дискомфортно. Как ни ляг, все неудобно. Ныло в правом подреберье. Уже месяц, как он почувствовал эти боли, особенно после жирной пищи. Печень? Откуда? Надо провериться.

– Глеб Николаевич, как вы себя чувствуете? – спросил лечащий врач прямо с порога. Он пришел раньше обычного – до обхода. Из-за его спины выглядывала бледная Катя.

– Если честно, то неважнецки, Дмитрий Палыч.

Легким движением руки врач отстранил ноги Глеба и присел на край кровати, перелистывая свои бумажки.

– Тут... понимаете, какое дело... Прибыли результаты ваших анализов, в том числе и на биопсию...

Глеба обдало жаром с головы до ног.

– Ну, и как?

– К сожалению... ничего утешительного, дорогой Вы мой Глеб Николаевич. Сомнений нет. У вас рак... – в полголоса сказал врач, опустив глаза.

Как смертный приговор. За его спиной беззвучно заплакала Катя.

– Успокойтесь, – обратился к ней Дмитрий Павлович. – Не расстраивайте его. Нужна срочная операция, – угрюмо добавил он, обратившись в сторону Глеба.

– Что ж, – Глеб с трудом напялил на лицо улыбку, – операция, так операция...

– Как я понял, Вы согласны. Так?

– Мне больше ничего не остается, кроме как согласиться.

Когда?

Врач встал с кровати, поправил на шее фонендоскоп и, выходя из палаты, бросил, как бы невзначай:

– Я Вам позже скажу. Пока.

Катя в слезах припала к груди мужа.

– Глебушка, дорогой мой... Ты только крепись и верь в удачу. Все будет хорошо... Вот увидишь... Здесь врачи свое дело знают... Обязательно помогут! Я все продам, но тебя вытащу! Клянусь!

Лодка плавно скользит по воде, легко покачиваясь на волнах. Качка небольшая, но Глеба от нее все же поташнивает. По берегам громоздятся серые глыбы гранитных скал. Глеб хочет посмотреть, нет ли впереди препятствий, но видит только белое полотно паруса. Глеб сменяет галс, но парус, как и прежде, закрывает все поле зрения. Сквозь парусину просвечивает размытое пятно ослепительно яркого солнца. Глеб жмурится, чтобы сфокусировать изображение, и видит, что перед ним вовсе не парус, а потолок, под которым горит яркая матовая лампа. Его слегка тошнит. Он опускает взгляд и видит Катю в белом халате. Она широко улыбается. Глеб улыбается в ответ.

– Глеб! – радостно вскрикивает она. – Наконец-то! Как ты

себя чувствуешь?

– Отлично, – отвечает он, с трудом шевеля губами. – Только что видел себя на Днепре. На лодке... Под парусом...

– К лету поднимешься – поплаваем на лодке. Под парусом...

Катин голос дрожит, она отворачивается. Входит озабоченный Дмитрий Павлович.

– Услышал вашу беседу и решил заглянуть на минуту. Как дела, Глеб Николаевич?

– Отлично. Что со мной, доктор?..

– Все хорошо. Мы Вас прооперировали, – скороговоркой отвечает врач.

У Глеба нет сил продолжать разговор, и он закрывает глаза.

– Катя, оставим его. Он устал, пусть поспит, – слышит он голос врача.

На Глеба неудержимо наползает сон. Он слышит, как Катя с доктором выходят из палаты. Но что-то ему мешает до конца погрузиться в сон. Это тихий разговор, доносящийся из коридора.

– Дмитрий Павлович, неужели ничего нельзя сделать? – сокрушенно говорит Катя.

– К сожалению. Внутренние органы сплошь метастазированы. Обещаю сделать все, что можем. Скажу откровенно: спасти его может только чудо. Но чудес, Вы знаете...

Сердце Глеба вздрагивает, и сон отскакивает. Все ясно.

Его дни сочтены. Надежда только на чудо. Но... откуда ему взяться, этому чуду?.. Быть может, помог бы талисман Собьеского... Но... он, к сожалению, покоится на дне реки. Зачем, зачем он выбросил его? Какой глупец! Он всегда спешил с принятием решений, даже очень важных. Теперь можно только сожалеть, время вспять не повернешь. Но скорее всего, действие шумерского кулона – это туфта. Да, да, несомненно, туфта! Собьеский, помнится, говорил: «Алмаз начнет на Вас работать лишь после того, как Вы признаете его своим, после чего Вы уже не сможете его ни продать, ни передать кому-то другому, ни выбросить». А ведь он выбросил! Что уж тут думать – чушь это несусветная. А все же... если бы кулон был при нем, у него сейчас была бы надежда. Хоть и призрачная, но надежда. Однако...

Сон одолевает Глеба, и он проваливается во всепоглощающую бездну.

Катя протирала лицо мужа влажной салфеткой, и в это время он открыл глаза и улыбнулся.

– Катюша... – прошептал он.

– Боже мой, Глеб! Наконец-то! Радость ты моя! Ты три дня метался в бреду. Боялась за тебя...

– Попить бы...

Катя поднесла к его рту прозрачную бутылочку с трубочкой и сдавила с боков. Глеб сделал несколько глотков.

– Спасибо, Катенька. Мне легче. Говорю без усилий.

– Слава Богу. Сейчас позову Дмитрия Павловича. Он про-

сил это сделать, когда ты придешь в себя.

Она вышла и вскоре вернулась с врачом. Тот присел на край кровати и задал дежурный вопрос:

– Как себя чувствуете, Глеб Николаевич?

– Да вроде бы лучше. Вот – говорю без напряжения.

– Вижу.

Привычно взяв Глеба за руку, он проверил пульс. Достал из кармана тонометр, измерил артериальное давление. Затем откинул одеяло и отодрал пластырь, закрывающий послеоперационный разрез.

– Что ж, заживление идет неплохо. Сейчас пришлю сестричку, она вам заклеит рану и поставит капельницу. Поспите еще немного. Дальше – по результатам. Главное – держаться петухом.

Врач вышел, а Глеб с горечью подумал: «Зря, братец, комедию ломаешь. Петухом – это, конечно, хорошо. Но толку-то? Я ведь знаю, что безнадежен. И никакими химиотерапиями мучить себя не позволю. Конец-то предрешен.»

– Глебушка, попей бульончика из курочки. Горяченький еще. В термосе принесла.

Катя приподняла подушку и поднесла ко рту чашку.

– Спасибо, Катенька. Я сам попою.

Глеб маленькими глоточками хлебал бульон, а Катя рассказывала:

– Юра Захарченко хочет прийти, но я сказала, что еще рано. Ты так горел, метался в бреду. Тебе ставили капельницы

одну за другой. Еле сбили температуру. А ты все говорил о каком-то старом поляке, рассказывал, как он подарил тебе кулон с бриллиантом. Сказал, что это твой оберег и только он может тебе помочь. Я думала, это полный бред, но ты так настойчиво просил принести его, что я позавчера открыла твой секретер, как ты сказал, а там – и вправду этот кулон! Я надела его тебе на шею...

Подсознательно сунув руку под рубашку, Глеб нащупал кулон и выдернул его наружу. Это был талисман Собьеского... Боже милосердный! Откуда? Он же его выбросил в Днепр. В его голове бешеным вихрем пронеслись воспоминания о событиях двух последних месяцев. Черт! Он внезапно вспомнил, что не так давно проснулся среди ночи после того, как ему приснилось, будто он, едучи по мосту через Днепр, выбросил кулон из окна автомобиля! Проснувшись, он еще себя успокаивал: «Слава Богу, кулон – драгоценная вещь – на месте. Это всего лишь сон.» Так это был сон! Но он же только что явственно помнил и готов был поклясться, что это случилось наяву...

Мысли путались в голове Глеба, перемешавшись, как ви-негрет. Почему он был убежден, что это явь, до того, как обнаружил на груди кулон? Быть может, он сходит с ума и ему требуется помощь психиатра?

Прошло две недели томительных мучений в условиях больничного режима, и Глеба, наконец, выписали. Он чувствовал, что крепнет с каждым днем. Появились аппетит и

желание деятельности. Врач советовал не выходить на работу, по крайней мере, месяца полтора. Но Кате он сказал с глазу на глаз, что это улучшение – явление временное, и спустя месяц-полтора он снова сляжет и на этот раз навсегда. Однако вопреки пессимистическим прогнозам врача Глеб через месяц вышел на работу и с головой окунулся в водоворот деловой жизни.

К разговору о кулоне Катя больше не возвращалась. Боялась отрицательно повлиять на настроение мужа. Она верила в прогноз онкологов и с ужасом готовила себя к предстоящей потере. Ведь Дмитрий Павлович, самый опытный врач в клинике, сказал ей, что Глебу только вскрыли брюшную полость и тут же зашили, ибо все там было в метастазах.

Вопреки всякой статистике прогноз врачей не оправдался. Глеб, как и раньше, целыми днями пропадал на работе, мотался по командировкам, заключал контракты, выступал на всевозможных совещаниях и конференциях. Он даже съездил на стажировку в «Дженерал Электрик», чем существенно обогатил свои знания и опыт. Любые попытки препроводить его к онкологам на повторное обследование он решительно отвергал. Всякие мысли о кулоне отгонял прочь и вскоре научился полностью их подавлять.

Коллеги, друзья и родственники Меланчука долго не верили в его полное выздоровление, но спустя некоторое время вынуждены были поверить все, в том числе и Катя с дочерью Светланой. А Глеб Николаевич все больше углублялся

в работу, искренне любил ее, вполне довольствовался своим нынешним статусом в «Ореоле» и даже не помышлял о повышении.

Стояла обычная в этих краях жаркая июньская ночь. Глеб проснулся весь в поту. Спать было невозможно. Осторожно, чтобы не разбудить Катю, он встал с постели и попытался усилить мощность кондиционера, но тот уже работал на пределе. За день стены дома раскалялись настолько, что кондиционер не мог понизить температуры воздуха в комнате до уровня комфортности. Глеб решил принять душ и направился в ванную. Он знал: чтобы уснуть, нужно замерзнуть. Пустив только холодную воду, он долго стоял под струями душа, но замерзнуть было невозможно – воду словно специально нагрели. Но все же он немного охладился и решил постоять на балконе.

Они с Катей жили у самого леса, вдали от шумных дорог и всяких заведений. Черное ночное небо было усеяно крупными яркими звездами, и полная луна неподвижно висела над верхушками деревьев. Тишина звенела. Ни ветерка, ни шороха, ни малейшего шелеста листьев. Где-то далеко залая собака и тут же умолкла. Глеб вздрогнул, почувствовав, что кто-то прикоснулся к его плечу. Обернувшись, он в пепельном свете луны увидел улыбающуюся Катю.

– Катюша... Тебе тоже не спится?

– Жара... И кондиционер не помогает.

– Давай купим более мощный.

– Не нужно, Глебушка. Жара в наших краях долго не держится, и он будет, в основном, стоять без толку. Лучше давай о твоей работе поговорим.

Ее последние слова несколько удивили Глеба.

– О моей работе?.. Да что толку, Катя? Все равно ты в ней ничегошеньки не смыслишь.

Он обнял Катю и привлек к себе, пытаясь поцеловать. Но она отстранилась:

– Не надо, Глеб. Жарко, как в духовке.

Глеб, смутившись, выпустил ее из объятий. Несколько минут они стояли, опершись на перила, и смотрели на горизонт, где в свете луны вырисовывалась зубчатая линия верхушек деревьев, замершая, как на картинке. Катя повернулась к мужу и прошептала почти в самое ухо:

– Глеб, почему тебя не повышают? Ведь ты работаешь...

Глеб перебил ее, не дождавшись окончания фразы:

– О каком повышении ты говоришь? Зачем оно мне? Тебе что, опять мало моей зарплаты? Чего тебе не хватает?

– Понимаешь... Ты ничуть не хуже Юрки Захарченко. Верно?

– Думаю, верно. Ну и что?

– А то, что он вот вице-президент фирмы, а ты – у него в подчинении. На побегушках, так сказать. При этом он откровенно использует твои знания, опыт и мастерство. Ты это понимаешь?

– Ну и что? Что тебе не так? Я по должности своей обязан выполнять его указания и делать предложения, корректировать наши совместные действия. На то он и вице-президент.

– Но ты бы мог стать и президентом фирмы. Если бы только поставил перед собой цель.

– Катюша, милая, мне это не интересно. Все мои услуги компания хорошо оплачивает, и зарплата у меня, по нынешним меркам, очень даже неплохая. Я хочу оставаться инженером, а не лезть в администраторы, понимаешь? Допустим, я стану президентом компании. Инженерную квалификацию волей-неволей утрачу, а должного опыта администрирования приобрести уже не успею. Поверь мне, хороший инженер – это лучше и престижнее, чем горе-администратор, хоть и с большими полномочиями и зарплатой. Я не смогу жить, будучи не в ладах с самим собой. Да и акций у меня для этого маловато, а капитала на их приобретение взять неоткуда. Так что оставь меня, пожалуйста, в покое и занимайся своими делами.

Глеб повернулся, чтобы уйти в спальню, но жена удержала его за руку и заглянула в глаза.

– Какими еще своими делами? – сказала она, срываясь на плач. – Ты считаешь, что я не имею права на психологический комфорт в этой жизни? Я тебе что, вещь? Твоя собственность?

– Перестань городить чушь! Ты никогда у меня не была в приниженном положении, и я всегда тебя любил и лелеял,

как мог. Если ты хотела чего-то большего, на что я не способен, то извини. То, что есть – для меня предел. Не устраивает – ищи себе другого!

Глеб отодвинул ее в сторону и решительным шагом направился в спальню, чувствуя, что теперь уже до утра не уснет. Катя последовала за ним.

Они лежали на расстоянии друг от друга и молчали, думая каждый о своем. Простыни и подушки были влажными от пота. Глеб встал и пошел за вентилятором.

Вентилятор приятно повеял, и они минут десять лежали, наслаждаясь относительной прохладой. Потом Катя сказала:

– Глеб, нужно выключить. Если заснем под ним, можем простудиться.

– Полежим немного, потом я выключу.

– Хорошо, – она замолчала, но молчание продолжалось недолго. – И все же, Глеб, тебе нужно стать президентом. Ленка Захарченко все время колет мне в глаза. Недавно мы с нею немного поцапались, так она мне в лицо и выплеснула: «Это мой Юра сделал твоего Глеба человеком! Если бы не он, вы с ним до сих пор ходили бы в обносках из сэконд-хэнда». А мне обидно. Докажи, что ты не хуже Юрки. Вот и Светочка скоро родить должна. У нас будет внучек расти. Если ты выйдешь в президенты, то и к ней, и к ее Николаю, и к будущему внучонку будут все совсем иначе относиться. Ты сможешь, Глебушка, сможешь. И тебе будет лучше, и нам всем. Стоит лишь захотеть.

– Катя, прекрати, Бога ради. Сначала ты говорила, что не хочешь быть черною крестьянкой, хочешь стать столбовою дворянкой. Теперь желаешь быть владычицей морскою. Чего ты дальше потребуешь? Твоему тщеславию предела нет! Смотри, как бы не остаться у разбитого корыта.

Ее рука легла Глебу на плечо, и она страстно зашептала:

– Ни в коем разе, Глебушка! Больше я ничего не захочу. Клянусь. Стань только президентом, а потом можно будет спокойно доживать свой век. Ты все сможешь! Я понимаю – это зависит от многого, но нужно же как-то расти. Поставь лишь перед собой конечную цель – стать президентом компании «Ореол»!

Терпение Глеба достигло предела. Он устал от такой напористости и, чтобы отвязаться от назойливой Кати, зевая, прошептал ей в угодку:

– Хорошо. Ставлю перед собой конечную цель: стать президентом компании «Ореол». Чай теперь двоя душенька довольна?

– Спасибо, дорогой мой...

Она нежно поцеловала его в плечо и откинулась на спину. В это время Глеб почувствовал, что кулон на его груди стал нестерпимо горячим. Он даже отдернул бриллиант от тела, чтобы не обжечься. Слова «конечная цель» обожгли мозг. «Боже, я ее произвольно сформулировал... и она сугубо эгоистична! Чем же все это кончится?»

После выздоровления Глеб ясно понял, что неведомая си-

ла кулона – отнюдь не выдумка. Иначе как бы он вылечился от неоперабельной формы рака без каких-либо лекарств и операций? И как бы выбрасывание кулона в Днепр обратилось в сон? Он давно уже весь во власти этого колдовского кулона!

Человек посылается Богом на землю, чтобы прожить уготованную ему жизнь, творя добро в условиях, определяемых божьими законами. Для этого при рождении каждому даются определенные силы, способности и таланты. Законы, установленные Господом, едины для всех и абсолютно неизблемы. При этом будущее сокрыто от человека, а прошлое невозвратно и неизменно. Бог дал человеку право свободного выбора в рамках этих условий. А кулон Собьеского обеспечивает возможность обойти божьи законы: отходить от пути, предначертанного свыше, обращать в сновидения реальные события, изменять прошлое и беспощадно карать за отход от жестко навязанных им условий. Он, несомненно, напрямую связан с Сатаной... Глеб из книг знал, что игры с Сатаной чрезвычайно опасны, чреватые крутыми неожиданными оборотами, всевозможными ловушками и подвохами. Они могут дать только временный успех и в конечном итоге непременно приводят к краху. Что он наделал! Но, к сожалению, выбор сделан и уже поздно что-либо изменять.

Контракт, который предстояло заключить Меланчуку, представлялся ему сложным из-за сроков, определяемых за-

казчиком, поэтому он не спешил его подписывать. Но слишком затягивать было недопустимо. Заказчик может обратиться к конкурентам, и те враз его перехватят.

Прикидывая расклад предстоящих работ, Меланчук искал резервы. И тут ему неожиданно подвернулся Розанин – молодой инженер, только-только пришедший в компанию со студенческой скамьи. Талантливый, каналья! Он-то и подсказал Глебу Николаевичу, как выкроить необходимые резервы. И он, не колеблясь, поставил свою подпись под соглашением. Впервые в качестве президента компании «Ореол». Как и подобает боссу, Глеб Николаевич поздравил представителей обеих сторон с заключением крупного взаимовыгодного контракта, пригубил бокал с шампанским и тут же удалился, сославшись на неотложные дела, несмотря на многочисленные просьбы остаться на финальный фуршет.

В холле скучал водитель. При виде вышедшего Меланчука он вскочил и поспешил к автомобилю, чтобы успеть распахнуть перед боссом дверь.

– Спасибо, Андрюша, – сказал Глеб Николаевич, усевшись рядом с водителем. – Вас накормили?

– Да, Глеб Николаевич. Мне было неудобно, я пытался отказать, но какой-то их деятель сказал, что это Ваше распоряжение.

– Верно, мое. Никогда впредь не отказывайтесь от того, что принадлежит Вам по праву.

Андрей включил зажигание. Услышав мягкий рокот мо-

тора, он откинулся на спинку сиденья, ожидая, пока он прогреется.

– Глеб Николаевич, быть может, Вам следовало бы остаться на банкет? Видите, какой туман? Мы не сможем ехать быстро и попадем домой только к вечеру.

– Ничего, Андрюша, Вы опытный водитель, и я Вам полностью доверяю.

Машина плавно тронулась и покатила по мокрому асфальту с включенными подфарниками. Попетляв по хитросплетениям переулков и улиц захолустного городишки, они выехали, наконец, на автомагистраль. Навстречу с ревом и грохотом проносились самосвалы, фуры, бензовозы, грузовики и автобусы. Легковые встречались редко, как видно, из-за тумана, который еще более сгустился.

Полтора часа они ехали молча. Андрей попытался было заговоривать, но Меланчук его назидательно предостерег:

– Андрей, давайте помолчим. Следите за дорогой. Я сам водитель и знаю, каково ездить в такую непогоду.

Туман сделался настолько густым, что пришлось включить фары. К нему прибавился частый дождь с порывистым ветром, и Андрей снизил скорость.

«Вот и сбылась заветная мечта моей Катерины, – думал Меланчук, мягко покачиваясь на сиденье. – Теперь я президент компании. А дальше что?.. Кулон свое дело сделал. Нужно поскорее вернуть его хозяину, как он велел при нашем расставании.»

Меланчук планировал заехать к Собьескому сразу после командировки, даже ларчик с собой прихватил, чтобы вернуть весь комплект честь по чести. К сожалению, из-за ненастной погоды на дорогу ушло больше времени, чем он предполагал. Возможно, придется отложить визит до завтра. Просто не верилось, что он, наконец, избавится от кулона, который занимал в его мыслях слишком много места, особенно последнее время.

Дождь немного утих. Уже должны были показаться городские огни, но туманная мгла скрывала их от глаз Глеба Николаевича. Навстречу медленно катили одинокие машины, сигналив при встрече. Меланчука клонило ко сну – сказывалась усталость.

– Вот мы уже и почти дома, – сказал Андрей, въезжая на простирающийся над Днепром мост.

Это был тот самый мост, с которого Глеб чуть было не прыгнул в реку, а позже – выбросил кулон.

Проехав злополучный мост, они покатали по вымощенной булыжником старой улице, подпрыгивая на ухабинах и выбоинах. Андрей притормозил, чтобы не разбить машину о дорогу, и продолжал осторожно вести шикарный автомобиль в мутном мареве тумана. Меланчук хорошо помнил это место.

– Андрюша, проедем вон тот перекресток, а дальше сразу поверните налево. Я скажу, где остановиться. Мне нужно на минуту заскочить к одному человеку – кое-что отдать. От-

кроете там багажник, я еще сумочку с гостинцем возьму.

Андрей согласно кивнул, а Меланчук снял с шеи кулон и из бокса для перчаток вынул ларчик. Нащупав потайную кнопочку, он мягко нажал ее. Крышка плавно поднялась, издав нежный мелодичный звон. Андрей рефлекторно обернулся на звук и застыл в шоке, не в силах оторвать взгляда от крупного бриллианта, сверкающего в руках босса колдовским блеском всех цветов радуги. Меланчук вложил кулон в ларчик и защелкнул крышку. Лишь после этого Андрей обратил взор на дорогу. С диким ужасом увидел он тяжелую фуру, мчащуюся на них справа из-за поворота, и, что было сил, налег на тормозную педаль. Однако предотвратить столкновение было уже невозможно. Радиатор тягача на полной скорости ударил в правую дверцу, смяв ее словно бумажный лист. Машину Меланчука отбросило, как спичечный коробок, и она, брызнув осколками стекла, буквально влипла в добротную каменную ограду угловой усадьбы, съежившись в уродливую гармошку. Фура, пронесшись несколько метров, с визгом, грохотом и леденящим душу скрежетом врезалась в бетонный столб, усеяв мостовую стеклянной крошкой.

Меланчук погиб, не успев осознать случившегося. Водителя фуры постигла та же участь. А Андрей, будучи не в силах шевельнуться, успел заметить, как к их изувеченной машине подошел худощавый старик в черном длиннополом плаще. Сунув руку в проем, зияющий на месте бокового стекла, он с невозмутимым спокойствием разжал пальцы хо-

лодеющих рук Глеба Николаевича, судорожно сжимавшие ларчик, извлек его и положил в карман. Взглянув напоследок на изуродованное тело Меланчука, незнакомец пробормотал загадочную фразу:

– Я же предупреждал, что конечная цель должна быть благородной!

Теряя сознание, Андрей стремился запомнить лицо грабителя, но оно до самых глаз было укутано темным шарфом. Старик хладнокровно повернулся спиной к искореженной машине и тихо побрел, не разбирая дороги. Слабея, водитель безучастно наблюдал, как тот, шлепая по лужам, медленно удалялся, пока его не поглотила сгущающаяся промозглая мгла.

Юлий Гарбузов

26 июля 2013 года, пятница

Харьков, Украина

Роман «Жито и плевелы»

1. Пролог

Июльский день был на исходе. Злое солнце уже приближалось к горизонту за Вырвой, но зноем ещё дышало всё: почва, дороги и тропинки, сухая степная трава и прибрежные скалы, среди которых извивался Старый Днепр. Вырвенские балки едва заметно затягивались прозрачной тенью; правый берег уже заслоняли от солнца замшелые гранитные скалы, а левый, со стороны острова Хортицы, был ещё залит его лучами. Людей на Старом Днепре было мало – редкие рыболовы-любители, ещё более редкие купальщики да вездесущие мальчишки. Солнце уже коснулось вырвенских холмов, когда с Днепра повеял лёгкий летний ветерок и принёс первую, едва ощутимую вечернюю прохладу.

В это время из балки вылез старый худой волк. Оглядевшись, он лёгкой рысцой потрусил через степь к Днепру. Там были люди, опасность, но голод заставлял преодолевать страх и бежать к берегу, где рыбаки и купальщики обычно оставляли кое-что от дневного пиршества. Где-нибудь у прибрежного камня можно было наскочить на полупустую консервную банку, которую можно вылизать, остатки птичьих, говяжьих или свиных костей, недоеденную картофелину или колбасные шкурки. Это, конечно, не то, что живая, горячая, трепещущая добыча. Но голод есть голод, а он, как говорится, не тётка – заставит есть всё, что хоть мало-мальски съе-

добно.

Старость всё явственнее давала о себе знать: несколько дробинок, засевших в правом бедре всё чаще напоминали о себе и всё сильнее сковывали движения. Да, раньше и сила была, и проворство, и нюх. А теперь всё уже не то...

Ветер с Днепра несколько усилился и стал доносить едва уловимые запахи съестного. Серый, скрываясь в траве, тихонько бежал навстречу вечерней прохладе, не опасаясь быть обнаруженным раньше, чем он заметит возможную будущую добычу или опасность. Трава скрывала его почти полностью, и только шелест её под волчьими лапами мог кому-то сигнализировать о его приближении. Поэтому Серый бежал особенно осторожно – почти крался.

Вдруг откуда-то слева ветер донёс посвистывание, едва слышимое волчьему уху, и запах добычи. Серый мгновенно замер и стал напряженно слушать, приплюсываясь, шевеля ноздрями и жадно втягивая ими воздух. Ветер дул в его сторону – это хорошо. Тишина, только стрекот поздних кузнечиков. И тут опять: «Фьюи-и-и... Фьюи-и-и...» Вот, вот он – жирный суслик, беззаботно стоящий у норы на задних лапах! Ага! Только бы не спугнуть, только бы подкрасться к нему поближе, чтобы успеть схватить его раньше, чем тот юркнёт в нору.

Затаив дыхание, Серый медленно, прижавши морду к самой земле, стал подкрадываться, обходя суслика слева, чтобы тот, убегая в нору, бежал бы ему навстречу. А если по-

бежит от норы, то тогда уж точно – от Серого не уйдёт. Вот ещё, ещё шаг к норе...

И тут суслик насторожился, замер и, заметив Серого, кинулся к норе. Бросок! Серый лишь на какое-то мгновение опередив суслика, успел преградить ему вход в нору, и тот оказался прямо между его челюстями. Хрясть! – и готово! Волк, не раздумывая, тут же принялся за ужин. Суслик – добыча небольшая, но всё же еда и уже спокойнее можно жить до завтра.

Покончив с сусликом, волк нехотя побрел дальше вдоль берега в сгущавшихся сумерках – а вдруг повезёт и удастся поживиться ещё чем-либо. Но теперь это уже не столь важно на сегодня.

Из-за скал со стороны острова Хортица медленно, величаво поднялась полная луна, осветив на зыбкой поверхности Старого Днепра причудливо извивающуюся серебристую дорожку. Одна за другой засияли звезды и беззвучно заиграли тусклым мерцанием на черном небе. Стало прохладно и тихо. Над самой водой бесшумно закружили летучие мыши, порой издавая скрипящие звуки, словно кто-то невидимый время от времени царапал в темноте по стеклу ножом. Из густой травы донеслись грустные переливы трели сверчка. Ему ответил второй, затем третий, четвертый... Где-то на середине Днепра вскинулась рыба, и луна осветила искристый фейерверк брызг и расходящиеся круги.

Волк взошел на пригорок и остановился на его вершине,

словно замороженный белесым холодным блеском полной луны. Он высоко поднял морду и завыл. Одинокая заунывная волчья песня поплыла по холмам, по кустам, по оврагам, по скалам. Потекла вдоль берегов по водной ряби, донеслась до затихающего села Хортица, на окраинных дворах растревожила собак, и они отозвались отрывистым отдаленным лаем. Волк замолк и замер, прислушиваясь к вечерним шорохам. Над головой все сгущалась июльская ночь, а он стоял и стоял на холме, бесцельно устремив взгляд в густую темень, не замечая хода времени. И время пред ним словно остановилось.

Юлий Гарбузов

7 ноября 1999 года, воскресенье

Харьков, Украина

2. Ампиоров

Резко, пронзительно прозвенел звонок, и наш поток, оправдывая это слово, потёк в аудиторию слушать очередную лекцию по ТОРу, как тогда сокращенно именовали «теоретические основы радиотехники» – самый сложный предмет, которым старшекурсники вечно пугали младших. Пугали заслуженно, ибо ТОР включал в себя колебательные цепи, сигналы, спектры, нелинейные явления и тому подобные заморочки, на которых зиждилась вся радиотехника конца пятидесятых – начала шестидесятых.

Нашему «торовику» было 42 года, но читал он этот курс, да и лекции вообще, всего второй раз в жизни, только-только защитив кандидатскую диссертацию, выполненную, как тогда у нас было принято, определённым рабочим коллективом. Знал он предмет, прямо скажем, пока что неважнецки. Читая, поминутно заглядывал в конспект, который с претензией на юмор именовал «святцами». Мы откровенно потешались над ним. И он смиренно терпел наши измышательства, ибо мы часто ловили его на незнании того или иного положения читаемого предмета, на ошибках в математических выкладках и прочих огрехах. Но, в принципе, все прекрасно понимали, что Александр Тимофеевич Цымбал – добрейшей души человек и обладает достаточным потенциалом, чтобы освоить на зубок и ТОР, и прочие дисциплины

этой грозной кафедры, что для него это всего лишь вопрос времени. Знали, но измывались с жестокостью, свойственной только молодым.

После звонка прошло уже минут десять, а доцента Цымбала всё не было. Шумели, как никогда.

– Ну, что, пойдём домой?

– Айда в столовую!

– Чего мы ждём? Лекции не будет, вот увидите!

В это время Санька Брус, староста нашего потока, протиснулся между рядами и вышел в коридор. Это был дородный парень, прошедший службу на флоте, сознательный, высокоидейный и, конечно же, коммунист. Мой друг Латыщенко выглянул из аудитории вслед за Брусом.

– На кафедру побежал, лошадь! Нет бы – смотаться!

– Да как же так? Оне же парте-эйныя, шибко созна-атель-ныя, учиться на инженера сюда пришли, а тут на тебе – лекция пропадает, а надо коммунизм строить, – бубнил вечный оппозиционер Ленька Лабунец.

Некоторые уже начали складывать вещи, чтобы слинять, но тут с командирским видом вошёл Брус, остановил уходящих и, подняв руку, прокричал:

– Спокойно, товарищи! Цымбала вызвали в обком – едет в командировку в Монголию! Но лекция будет! По ТОРУ!

– Когда?

– Сейчас! Читать будет сам Ампиоров, ясно? Так что все остаются на местах – никто не уходит!

Аудитория недовольно загудела.

– А чего это Цымбала – в Монголию? – удивился Латыщенко.

– На место Цеденбала, – сострил Лабунец.

Быстрыми, нервными шагами в аудиторию вошёл полный человек среднего роста в старомодных черных очках с круглыми стёклами, со светло-русыми волосами, подстриженными ёжиком. Рубашка на нём была явно не первой свежести, а костюм – давно не знавший глажки, с вытянутыми на коленях брюками, и на локтях – рукавами пиджака. Лицо его было круглым, одутловатым, с гримасой презрения и отвислой нижней губой. Встретив такого на улице, его можно было принять за заведующего овощной базой, колхозного агронома из выдвиженцев с неполным высшим или директора рынка. А старшекурсники с упоением уверяли, что он уже без пяти минут доктор технических наук, неоднократно бывал за границей, в совершенстве знает английский, немецкий и французский. Чуть ли не бог в теории и практике радиотехники, выстроил огромный полигон, создал колоссальную кафедру и командует ею профессионально, со знанием дела, талантливо и умело, хотя ему всего тридцать девять лет. В общем, мы смотрели на него с благоговением, а я думал, как обманчива может быть внешность. Я видел его впервые, а партийные студенты и прочие активисты с гордостью говорили, что знакомы с ним лично и чуть ли не за ручку здороваются. Но это была особая категория людей – которым все-

гда «всё по плечу».

– Здравствуйте, – чуть картавя и гнусавя произнёс он, глядя в пустоту. И аудитория затихла.

Я буквально заглядывал ему в рот, впервые видя перед собой столь значительного человека. Все профессора математики, физики, электротехники, металлургии и прочие казались пешками по сравнению с Ампириным. Шутка ли – быть не только теоретиком, но и воплотить всё разработанное в жизнь! А полевая лаборатория чего стоит! Она была создана под 1957 – Международный Геофизический Год, о котором я столько читал в «Науке и жизни», «Технике – молодёжи», «Знанию – силе», «Природе», «Астрономическом календаре»! Об МГГ столько говорили по радио, писали в газетах и журналах! Особенно к такой знаменательной дате, как сорокалетие Великой Октябрьской Социалистической Революции. А тут – вот он, передо мной, живой участник всех этих работ. А ещё по секрету старшекурсники говорили, что он занимается не только распространением радиоволн, исследованиями ионосферы и радиоастрономией, но и ведёт массу закрытых работ по линии Минобороны. Даже присутствовал при испытаниях ядерного оружия! Вот бы на какую кафедру распределиться после защиты диплома! Но такое счастье, видимо, не для меня. Туда, говорят, берут только суперотличников, талантливых, трудолюбивых, высокоинтеллектуальных, да к тому же ещё и предпочтительно партийных и непременно харьковчан. А у меня – отец пропал без ве-

сти где-то под Вязьмой в сорок первом, дед ликвидирован как враг народа в тридцать седьмом. Бабушка, бельгийка по происхождению, добилась его реабилитации, но всё равно на нашу семью смотрели косо. Хорошо уже и то, что я учусь на кафедре, которой руководит такой известный человек, и вообще на радиофакультете – самом престижном во всём этом огромном институте.

Тем временем Ампилов начал лекцию.

– Я вижу, половина из вас уже настрдоилась уйти? Так я никого не дерджу. Скатердтью дордожка! Мы никого сюда не прдиглашали, вы сами сюда стрдемились. Прдеодолевали конкурдс, а тепердь что? Рдады случаю побездельничать? Пожалуйста! Стрдане нужны и двордники, и ассенизаторды, и черднордабочие, и навоз вывозить из свинардников кому-то нужно, и лес валить. А инженердом, тем более – рдадиоинженердом, сможет стать не каждый. Вот вы, молодой человек, можете сказать мне, что было на последней лекции?

Поднялся Круглицкий, который вообще никогда ничего не знал. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу и бессмысленно листая конспект, в котором ни он сам и никто другой не смог бы при всём желании разобрать ничего.

– Садитесь. Только штаны прдотирдать сюда ходите.

Ампилов подошёл к Лёше Кубану, которого, видимо, знал как активиста-профсоюзника.

– Дайте-ка сюда ваш конспект. Ага, Александрд Тимоффе-

евич закончил последовательный контурд и даже успел начать параллельный. Вот от этой печки мы и начнём плясать. Верднее, прдодолжим.

Он повернулся к доске и быстро, небрежно начертил схему. Потом, окинув аудиторию презрительным взглядом, молча стал писать какие-то формулы, формулы, формулы... Мы тоже молчали, механически переписывая с доски. Так проходили минута за минутой, а он всё писал и писал, не проронив ни единого слова. Мы начали робко перешёптываться, удивляясь, какие же мы глупые, если не понимаем того, что, видимо, для нормального студента должно быть очевидно, раз он не считает нужным ничего комментировать. Но некоторые так не считали и начали всё смелее и громче возмущаться:

– Непонятно!

– Ничего не ясно!

– Поясните, что Вы написали! Как это получилось?

– Откуда здесь «кси» взялось?

Ампиров резко обернулся. Глаза его сверкали неподдельным гневом, и он буквально весь налился кровью, как индюк.

– Что, непонятно?

– Непонятно! Поясните, что Вы проделали!

– Он сделался просто пунцовым и, особенно сильно картая и гнусавя, выпалил:

– Газеты читать надо! Сердое вещество рдазвивать! А то никого из вас не упрдосишь подписаться даже на «Прдавду»

или «Известия»! А тут элементарная математика за шестой класс! Думать учитеесь! Я не буду здесь вам диктанты устрдаивать! К лекциям готовиться надо!

И он бойко застучал мелом по доске, не произнеся ни единого слова до конца лекции. Даже на перерыв не выпустил.

– Какой еще пердердыв? – заорал он, когда ему напомнили. – Вы больше прдогуляли в начале лекции, так что в накладе не останетесь!

Аудиторию мы покидали в подавленном настроении, почти молча. Я был убеждён, что учёба на радиофаке – не по мне. Другие возмущались, что так, мол, ничему не научишьсь. Третьи считали, что до лекций Ампилова ещё дорасти надо, и они непременно дорастут. А иные радовались, узнав, что Цымбал в обкоме на инструктаже всего один день, что он ещё вернётся, доведёт курс до конца и примет экзамен, а уж потом поедет в Монголию то ли преподавать, то ли вести какие-то исследования, то ли действительно на место Цеденбала. Хоть в Гондурас! Не всё ль равно, если мы обходим Ампилова?

Юлий Гарбузов

7 ноября 1999 года, воскресенье

Харьков, Украина

3. Общежитие

С общежитием у нас было туго. Первокурсникам и второкурсникам общежития практически не давали. И лишь на третьем курсе, если заработать успеваемостью, поведением, так называемой «общественной работой», участием в студенческих кружках и тому подобным, счастливики могли быть удостоены чести проживать в столь желанном общежитии, населенном помимо студенческой братии еще и миллионами клопов, тараканов, мышей и крыс, а в летнее время – еще и мух да комаров.

Мы с Сашкой Латыщенко учились хорошо, поэтому сразу по окончании второго курса попали в число таких счастливичков и были поселены в пятиместную комнату под номером 102 на пятом этаже. Компания у нас подобралась веселенькая. С нами поселились Ленька Лабунец, Гаврюша Яценко да Митя Солошенко. Все трое – колоритные личности, в особенности Солошенко.

Митя был деревенским парнем, окончившим школу с золотой медалью. Но мы считали его медаль не настоящей, поскольку его родители учительствовали в школе, где он учился. Митя пришел к нам только на третий курс после двух академотпусков по болезни кряду. Говорили, что у него было не все в порядке не то с нервами, не то с головой. Во всяком случае, вел он себя очень даже своеобразно. Выпить по

какому-либо поводу или без повода с ребятами – это было не для него. Он не курил, не ругался даже чертом, а на девочек вообще не смотрел. Не играл не то чтобы в карты, а даже не «бросал кости». «Бросать кости» на нашем жаргоне означало играть в детскую игру «Кто первый?», очень популярную в то время в общежитии радиофакультета. Наблюдая наши развлечения с Сашкиным магнитофоном, Митя искренне возмущался, что мы тратим попусту время, то бишь государственные деньги, отпущенные нам на учебу, а не занимаемся, как тому надлежит быть. Он ни с кем не вступал в «колхоз по питанию», хотя у нас в комнате все остальные жили при «полном коммунизме». Все продукты были общие, никто не считался с тем, кто что купил к столу, да кто чего сколько съел. «А я буду сам по себе, так вернее», – рассуждал Митя. Он никогда никому не одалживал не то, что денег, а даже ломтя хлеба в ненастную погоду, когда выскочить через дорогу в магазин было проблемой. В итоге Митя получил прочно закрепившуюся за ним кличку «Баптист». Ему эта кличка пришлась очень не по душе, и мы тем более величали его Баптистом. Так и жил он у нас в комнате отщепенцем. Учился Митя на три-четыре, но исключительно своим трудом да способностями, какие ему Бог даровал. Списывать, халтурить и пропускать занятия было для него недопустимо.

Мы потешались над ним при каждом удобном случае, и только Гаврюша Яценко проявлял свою «коммунистическую сознательность», будучи единственным членом КПСС в на-

шей комнате.

Гаврюша был добрым парнем из какого-то села под Полтавой – высокого роста, круглолицым, краснощеким, кареглазым, с черным кучерявым чубом, который он вечно стремился выставить из-под головного убора в любую пору года. Крайне равнодушный к женскому полу, он все время сокрушался, что Бог его не наделил такими, как он бы того хотел, мужскими достоинствами. Когда Гаврюше присылали из села продукты: колбасу, сало, самогон, сальтисоны, солонину и прочее, он отдавал все в наш «колхоз», и мы всей комнатой, исключая только Баптиста, пировали на славу. Как истинный партиец, он возмущался, когда Лабунец занимался детскими шалостями – стрелял из рогатки «театральным горошком» по окнам девичьих комнат общежития строительного института, расположенного напротив. Девочки из этого общежития иногда кричали из окон: «Да что вы все стреляете “театральным горошком”? Стрельните хоть раз шоколадом, что ли!» А Гаврюшу возмущал сам факт: «Ленька, тебе уже скоро тридцать лет, а ты все по окнам стреляешь!»

Лабунец был огромным увальнем, примерно одного роста с Гаврюшей, и очень любил шутить. При этом он имел юмор висельника и насмехался над кем только мог: подстраивал всякие штучки-дрючки соседям по комнате, по этажу, да и по общежитию вообще. Но меня не трогал – это было чревато неприятными последствиями. Я умел придумывать такие проделки, что от одной только мысли о том, что это можно

сделать тебе, иным порой становилось дурно. Сам он часто пользовался моими идеями в этом плане, поэтому, как никто другой, знал что почем.

Сашка Латыщенко, мой лучший друг еще с первого курса, был у нас на особом счету. Это был добрый, безвредный, простодушный и умный парень, которому от нас с Лабунцом доставалось больше всех после Баптиста. Его отец был главным судмедэкспертом соседней области, а мать – главврачом одной из тамошних клиник, депутатом Верховного Совета СССР. Его родители были партийными и высокоидейными, и Сашка стремился непременно походить на них, над чем мы не могли не издеваться.

Кроме того, Сашку можно было легко убедить в чем угодно и сагитировать на какой угодно поступок. И мы с Лабунцом пользовались этой его слабостью в своих эгоистических интересах. Сколько вещей мы с Ленькой подбили его купить для наших шкурных нужд! А Сашка при этом был уверен, что следует своим собственным желаниям. Даже жениться мы его подбили из интереса. Но об этом речь пойдет позже.

Я, Сашка, Гаврюша и Баптист учились в одной группе, по специальности «радиотехника», а Ленька – в другой, по специальности «конструирование и технология производства радиоаппаратуры». Но программы наших специальностей различались в то время весьма незначительно. Конструкторам не читали теории электромагнитного поля и еще кое-каких теоретических дисциплин, а у нас было значительно

меньше чертежных работ. И в этом была вся разница, но спорили мы по поводу специальностей до хрипоты. Ленька мастерски, изошренно хаял нашу специальность, а мы с Сашкой ее защищали и расхваливали, как могли. Но охаивать конструирование у нас никак не получалось.

На радиофаке труднее всего было удержаться на третьем курсе. В основном из-за ампиrowsкой кафедры. Впрочем, если честно, то это было не совсем так. Электронные и ионные приборы или по-студенчески просто «лампы» читались ампиrowsкой кафедрой уже на четвертом семестре, то есть на втором курсе. Но главный лектор-ламповщик Матвей Лазаревич Шноль был настолько добрым и мягким человеком, что в образ преподавателя такой грозной кафедры никак не вписывался. Поставить студенту двойку было для него непосильным делом. Списывальщиков он «не замечал», особенно когда списывали из его книги «Промышленная электроника». Наоборот, это было бальзамом на его добрую стариковскую душу. Правда, лабораторные работы даже по «лампам» были для нас сущей каторгой. На каждой из них приходилось делать по две-три тысячи измерений. А потом оформление. Графики и отчеты преподаватели – Шорина и Луганская – вынуждали нас оформлять безукоризненно. А потом вопросы при сдаче. Боже, какая это была пытка! Зато мы твердо знали, что к сессии зачеты будут у нас у всех, а на экзамене, в крайнем случае, можно будет списать из книги

Матвея Лазаревича.

Но подошел третий курс, начались теоретические основы радиотехники или сокращенно ТОР, теория электромагнитного поля – сокращенно ТЭМП, а также распространение радиоволн и радиоизмерения. Там и лабораторки были похлеще, чем на «лампах», и об экзаменах ходили кошмарные легенды. Выполнить лабораторку по ТОРу за отведенные расписанием четыре часа не успевал почти никто. Приходилось дорабатывать в неурочное время. А потом оформлять и сдавать. Думаю, что семь кругов ада были сущей безделицей по сравнению с этими мытарствами, ниспосланными нам ампиrowsкой кафедрой.

В нашей общежитийской комнате все работы по оформлению этих самых лабораторок брали на себя в основном мы с Сашкой. А Гаврюша с Лабунцом стремились создать нам для этого благоприятные условия, чтобы потом благополучно все «передрать». Мы вдвоем садились за стол, обкладывались книгами, конспектами, логарифмическими линейками, миллиметровками, карандашами, лекалами и прочей мишурой и считали, чертили, рисовали, сверяли и спорили, не стесняясь в выражениях. Примерно к десяти, а то и половине одиннадцатого вечера мы заканчивали и, наспех подготовившись к другим предметам, шли в расширитель, где только начиналась вечерняя общежитийская жизнь. После окончания телепередач там «бросали кости», судачили о том о сем, хвастались своими любовными похождениями,

рассказывали анекдоты и занимались каждый своим делом, не обращая внимания на остальных.

Мы же с Сашкой по окончании трудового дня чаще всего читали фантастику. Увлекались в основном произведениями зарубежных авторов, которые печатались в журналах «Техника – молодежи», «Знание – сила», «Вокруг света» или в приложении к нему – «Искателе», а также в отдельных книгах. Это было нашим любимым занятием. Потом обсуждали прочитанное. Мало кто понимал нас в этом плане. В основном над нами потешались, презрительно отшвыривали в сторону наше чтение и говорили, что мы все еще не вышли из детского возраста.

В соседней комнате дни и ночи напролет резались в преферанс и курили так, что дым столбом стоял – хоть топор вешай. И при этом безбожно пили. Это были в основном второгодники, вернувшиеся из академотпусков или восстановленные после отчисления, и прочие бездельники, которых именовали «академиками». Некоторые из них проигрывали стипендию вперед на полгода и более. Благо, наш тогдашний декан Папа Шкиц, как мы его величали в кулуарах, стремился дать стипендию всем. На всех уровнях он утверждал, что учиться на радиофакультете много сложнее, чем на любом другом, и наши студенты получают двойки не оттого, что они страшные лентяи, а лишь потому, что в сутках всего двадцать четыре часа, а способности не у всех выдающиеся.

Конечно же, прав он был только отчасти. А в основном

наши двоечники ничем не отличались от своих собратьев с других факультетов. Особенно это касалось пьяниц и преферансистов. И Папа Шкиц это прекрасно понимал. Мы с Сашкой тогда одинаково презирали и пьяниц, и преферансистов, и тех, кто получал двойки просто по причине лени или в силу своего скудоумия.

Особенно мы презирали рабов преферанса. Некоторые из них, проиграв свою стипендию на несколько месяцев вперед, постоянно жили в долг, в основном без отдачи. Как хищники на жертву, они накидывались на новичков, выклянчивая у них «взаймы» сколько было возможно, чтобы тут же проиграть и еще более приумножить свой карточный долг, который именовали «священным». Но зато долги, сделанные обманным путем под «честное слово – завтра отдам», они, как правило, не возвращали никогда.

Наиболее жалко и мерзко они смотрелись, когда нарочито долго засиживались в какой-либо из комнат «не играющих» в ожидании, что те сядут ужинать и, может быть, их тоже накормят. Часто предлагали подмести и натереть в комнате паркетный пол, кого-либо подстричь «по последней моде», сходить за покупками или еще что-нибудь всего за один покорм. А потом снова шли играть и снова проигрывали, все глубже погрязая в невылазной трясине карточных долгов. Нам с Сашкой иногда становилось жаль этих убогих бедолаг, но Лабунец безжалостно выпроваживал их из нашей комнаты самым бесцеремонным образом.

Гаврюша с Ленкой исправно «передирали» наши лабораторные работы, решенные примеры и задачи, и лишь иногда для приличия пользовались материалами жильцов других комнат. Но Баптист всегда все делал сам и, в основном, в комнате для занятий. При этом он никогда ни с кем не сверял своих результатов. Ел он тоже в одиночку, отвернувшись лицом в свой угол. На подработки тоже отправлялся один. Он всегда был при деньгах, но никому никогда ни копейки не одалживал. Даже куска хлеба у него нельзя было допроситься в долг. Таких индивидуалистов в общежитиях не любили во все времена. Невзлюбили его и мы. Ох, как невзлюбили!

Только Гаврюша Яценко, как человек партийный, подавлял в себе вполне закономерное, на наш взгляд, чувство неприязни к Баптисту и стремился быть высоко сознательным – серьезным, так сказать. И нам за наши проделки выговаривал, словно классный наставник. Однако и он порой не выдерживал и вместе с нами смеялся, а потом все-таки говорил Баптисту:

– Нехорошо это, Митя, не нужно больше так делать. Ребят уважать надо, если хочешь, чтоб уважали тебя.

Особенно нам докучал индивидуализм Баптиста, когда тот возвращался с подработок на овощной базе часа в два ночи и включал в комнате общий свет, в то время как мы давно уже спали. Потом начинал возиться, ужинать, а затем еще и садился заниматься. Первым не выдерживал Ленка:

– Ты что, не видишь, что люди спят? Выключай свет и

ложись спать!

– Я пока что не хочу спать! Мне нужно еще поужинать и позаниматься! – дерзко отвечал Баптист.

– Ужинай в бытовке и иди заниматься в комнату для занятий! Она круглосуточно открыта! А здесь сейчас люди спят, поздно уже! – пытался воздействовать на него Ленька.

– Ну и спите себе на здоровье! Я вам ничего не делаю, – огрызнулся Баптист, громко чавкая.

– Да ты выключишь свет или нет, скотина безрогая? Завтра вставать рано! – орал на него Лабунец.

– Ты сам скотина! А если хочешь знать, то много спать вредно! Почитай, что врачи пишут. Великие люди все спали три-четыре часа в сутки, не больше. Бальзак, например...

– Ну, ты! Великий человек! Выключай свет и дай нам спать! Мы не великие люди и хотим нормально выспаться! – включались уже мы с Сашкой.

Баптист, не обращая на нас никакого внимания, молча продолжал чавкать. Тогда вмешивался Гаврюша:

– Митя! Нехорошо так делать. С коллективом считаться надо. Возьми, пожалуйста, что тебе нужно для ужина и занятий, выключи свет и дай нам спать. Есть бытовка, расширитель, читальный зал. Давай, выключай свет, пожалуйста.

Недовольно сопя, как паровоз, демонстративно медленно Баптист все же выполнял гаврюшину просьбу.

Последним дочерчивал график Ленька. Мы с Сашкой читали, а Гаврюша наряжался на свидание. Наконец-то Ленька

оформил лабораторку и с радостью захлопнул книгу по усилителям. Заговорщически ухмыльнувшись, он обратился к присутствующим:

– Слушайте, братцы! Сегодня Баптист опять на овощной базе на подработках. Снова, гад, придет за полночь и будет свет включать. Давайте, наконец, проучим эту скотину!

– Давайте! Лампочку выкрутим, и пусть обходится, как может, – поддержал его Сашка.

Сказано – сделано. Вдоволь начитавшись, мы с Сашкой выкрутили лампочку и положили в мою тумбочку. А Ленька давно уже спал, насидевшись над учебниками, тетрадами и графиками. Вскоре уснули и мы.

В час ночи вернулся Гаврюша со свидания. Он, не пытаясь включить свет в комнате, открыл дверь в коридор и начал ужинать, «чем Бог послал», чавкая не менее громко, чем обычно Баптист. Все проснулись, но молчали. Гаврюша никогда не проявлял эгоизма и агрессивности. Быстро поужинав, он улегся и сразу же захрапел. А у меня, Сашки и Леньки Лабунца сон окончательно развеялся.

– Стервец этот Гаврюша! Ну, просто Баптист номер два, – шепотом возмутился Лабунец. – Вот – сон пропал. Когда-то теперь уснешь!

– Скоро Баптист придет. Посмотрим, как поведет себя, – предвкушал Сашка будущий спектакль.

– Может, почитаем? – предложил я.

– Нет, ребята, давайте спать, – заключил Лабунец.

Мы долго ворочались, но вскоре я все-таки уснул, а Ленка с Сашкой, как я узнал от них утром, еще с час оживленно беседовали.

Я проснулся от возни Баптиста. Тот щелкал выключателем и отчаянно сопел. Потом во всю ширь открыл дверь в коридор и обнаружил, наконец, отсутствие в патроне лампочки.

– Вот уж, поистине сволочи! Где лампочка? – разорался Баптист.

Первым, как всегда, не выдержал Ленка:

– Ложись спать, скотина! Завтра разберемся!

– Нет, верните лампочку на место! Я не могу ни поесть, ни подготовиться к завтрашним занятиям! Лабунец, это твои подлости, я знаю!

– Да заткни ты свое вонючее хавало, сука баптистская! Пришел опять за полночь! Люди спят уже давно, а ты – лампочку! Хоть бы каплю стыда имел, паскудина!

– Это ты паскудина, а не я! Я работал, как вол, когда ты лодырничал! А сейчас поужинать не могу! Ты света меня лишил! – не уступал Баптист.

– Ах ты подлюка! Света его лишили! Хоть бы раз с людьми посчитался! Ложись спать, не то вышвырнем к едрене-Фене! – стоял на своем Лабунец.

– Сам подлюка! По советским законам трудовому человеку приоритет во всем! – огрызнулся Баптист.

Вмешались мы с Сашкой.

– Слушай, Баптист! Да заткнись же ты, наконец! Дай поспать! – возмутился Сашка.

– Вот ретин! Ни с кем не считается! – добавил я.

В конце концов, ворча, как старый свекор, Баптист улегся. Потом отчаянно и громко сморкался, откашливался и харкал. Но вскоре и он захрапел, а я долго еще лежал, думая о своих проблемах. Но и я, наконец, тоже отключился, даже не заметив как.

На другой день мы опять выкрутили лампочку, чтобы Баптисту не было прежнего простора. Но когда он пришел и щелкнул вхолостую выключателем, то самодовольно хмыкнул, достал из чемодана старую настольную лампу-грибок, включил ее и, довольный тем, что всех обошел, начал свою обычную возню. Опять ругань, оскорбления, нервотрепка, шум... Снова тишина. А утром – опять разборка.

– Ну, ладно! – бурчал Ленька, – он у меня сегодня ночью включит свет!

Вечером Баптист снова ушел на овощную базу, а Ленька впервые за все время бесцеремонно полез к нему в чемодан и, найдя среди беспорядочно уложенного шматья пресловую лампочку, резко стукнул по ней своими пассатижами. Раздался глухой хлопок и звон осколков. Мы с Сашкой оторопели от неожиданности, а потом дружно захохотали, представляя каждый по-своему будущую реакцию Баптиста.

Баптист, по обыкновению, вернулся около двух ночи и, как и следовало ожидать, тут же полез в чемодан за лампой.

В комнате никто не спал. Все лежали, затаив дыхание, и с нетерпением ждали, что же произойдет.

– Вот скоты! Лампочку разбили! Воистину мерзавцы! Ты, харя Лабунецкая! Обезьяна первобытная! Купишь мне завтра лампу!

– Еще чего! С людьми ладить научись, баптистская рожа!

– Посмотри на свою!

– Пошел ты...

– Я на тебя за оскорбление в милицию заявлю!

– Хоть самому Никите Сергеевичу, – спокойно ответил Лабунец.

– И это тебе вспомню! Ты думаешь, так просто можно трепать имена известных людей, сволочь? – с ехидством сказал Баптист.

– Ах ты, подонок! – возмутился Лабунец. – Урод собако-мордый! Сейчас тебе не тридцать седьмой год! Вот, не дал тебе Бог жить в те времена! Не на одного бы донос настроил, мразь болотная!

– И жаль, что не тридцать седьмой! Такие подлецы как ты, которым только на Колыме гнить, не в меру распоясались!

После перебранки все, наконец, успокоились. Все, кроме Баптиста, засыпали в хорошем настроении. Еще бы! Такой спектакль посмотреть – и бесплатно!

На следующий вечер Баптист, уходя на свои подработки, демонстративно спрятал новую лампу в карман пиджака и, уничтожающе посмотрев на Ленку, самодовольно улыбнул-

ся.

Когда Баптист ушел, Ленька, злорадно улыбнувшись, сказал:

– Этот придурок думает, что всех перехитрил! Ну, сегодня кино будет! Я перед сном в коридоре рубильник выключу. Во всех комнатах будет свет, а в нашей – хрен в калошу.

– Догадается, – сказал Сашка, не отрываясь от конспекта по ТОРУ. – Откроет распределительный шкаф и сразу увидит, что все рубильники включены, а один – нет. А там еще и шильдик с номером нашей комнаты. Включит, да еще и посмеется над нами.

– Вот такую, понял? – ответил Ленька, показав огромный кукиш. – Он не посмеет даже близко подойти к шкафу. Ты что, не знаешь, что он боится электричества, как солома свечки?

После одиннадцати вечера мы с нетерпением ожидали возвращения Баптиста. Он действительно удивился, что свет не включается и, злобно побурчав, улегся на этот раз без скандала.

Утром кто-то из соседей разъяснил нашему Баптисту, что свет вырубается в коридоре на щите – в распределительном шкафу. И перед уходом на занятия Баптист, закрывая за собой дверь, саркастически улыбаясь, сказал, глядя, как всегда, в пустоту:

– Имейте в виду – это ваше вчерашнее хамство больше не пройдет. Теперь я знаю, где рубильник от нашей комнаты.

Так что можете не трудиться понапрасну.

– Ты, вонючка рогатая! Сморчок поганый! Кошачья рыготина! Тебя что, в детстве родители не научили уважать соседей по комнате? Так мы быстро ликвидируем этот пробел в твоём воспитании. Будешь ещё по ночам мешать комнате спать – и по мусалам схлопотать недолго! – нарочито грубо гаркнул Лабунец, застегивая куртку.

– А за угрозу, между прочим, в уголовном кодексе статья есть! По которой тебе, лабунецкая морда, и ответить недолго! – скороговоркой выпалил Баптист и поспешно захлопнул за собой дверь.

– Кххх! Кххх! Кххх! – войдя, произнес Латыщенко, изображая пистолет рукой с выставленным вперед указательным пальцем, словно стреляя в Лабунца.

Одновременно он швырнул на свою кровать кожаную папку с тетрадами и остановился в нерешительности.

– Фьить! Фьить! Фьить! – не отрывая глаз от книги по усилителям, трижды свистнул в ответ Лабунец, изображая пули, просвистевшие мимо уха, короткими движениями своего огромного кулака с отставленным большим пальцем.

– У нас есть что-нибудь на зуб положить? – поинтересовался Сашка.

– Ещё нет, – ответил Лабунец, не прерывая чтения.

– Тогда я, пока не разделся, пойду куплю чего-нибудь.

Сашка направился к двери.

– Не торопись – порвешь ботинки, – остановил я его. –

Гаврюша в бытовке полную сковородку картошки жарит.

Лабунец с силой захлопнул учебник и пискляво пропел, имитируя женский голос:

– Подружка моя, пойдём на комиссию. Ты побудешь у ворот. Я пойду... куплю чего-нибудь!

– Дураки! – раздраженно выкрикнул Баптист, задвигая ящик прикроватной тумбочки. – Бездельники! Нет – чтобы пойти куда-нибудь подработать, так они глупые частушки поют!

– Подработать? От работы кони дохнут, – с деланным спокойствием прокомментировал Лабунец, скроив постную физиономию.

– Работа не волк – в лес не убежит, – поддержал Сашка.

Мне тоже захотелось поддержать Сашку и Леньку, и я стал лихорадочно копать в памяти – что бы еще такое про работу сказать. Но ничего путного на ум не приходило. И я, заменив в популярной в то время песне о тревожной молодости слово «забота» на «работа», будто нейтрально, сам для себя запел искусственно низким голосом:

– Работа у нас простая, Работа наша такая: Жила бы страна родная, – И нету других работ.

Сашка с Ленькой продолжали заниматься каждый своим делом, словно и не слыша моего пения. Но едва я допел этот куплет, как они, не сговариваясь, громко подпели дуэтом:

– И снег, и ветер, И звёзд ночной полёт... Меня мое сердце В тревожную даль зовёт.

Баптист брезгливо поморщился и, глядя в пустоту, пренебрежительно изрек:

– Темнота ты, Генка, оказывается. В этой песне не «работа», а «забота» поется. Я думал, ты более эрудирован, а ты, выходит, ничуть не умнее этого, – он указал пальцем в Ленькину сторону, – Лабунца.

– Вай, вай, вай, кацо генацвали! Я думал, ти горний орьёл, а ти – пра-а-астой домашный птыц! Вах, как нэхорошо, дорогой! – куражился Лабунец, топорно имитируя кавказский акцент.

Мы с Сашкой и Ленькой неподдельно расхохотались, а Баптист весь от негодования налился кровью и уже раскрыл было рот, намереваясь сказать в ответ что-то злобное, но в это время в комнату вплыл добродушно улыбающийся Гаврюша, держа перед собой огромную сковородку с жареной картошкой, обильно источающей пар и аппетитный аромат, приятно щекочущий ноздри.

– Уррра-а-а! – закричали хором все, кроме Баптиста.

– Гаврюша, я твой лучший друг! – выкрикнул Сашка, доставая хлеб из тумбочки.

– Гаврюша, мы с тобой друзья до гроба – за одно или за оба? – добавил я, кладя на стол чью-то старую общую тетрадь, всю перемазанную сажей и давно используемую вместо подставки под кастрюли, чайники и сковородки.

– Таких друзей – за хвост, да в музей, – улыбаясь во весь рот, ответил Гаврюша. – Я и начистил, я и нажарил картош-

ки, я вам и на дом доставил, а вы, тунеядцы, не могли ни хлеба нарезать, ни огурцов из банки достать. Все вам подай, прими да принеси. Генка, пойди хоть чайник поставь.

– Это мы в два счета – раз и квас! – ответил я, снимая со шкафа закопченный чайник, отяжелевший от толстого слоя накипи.

Когда я вернулся из бытовки, на середине стола уже стояла дымящаяся сковородка с жареной картошкой, возвышающейся горой, как египетская пирамида. Рядом на газете лежали нарезанный хлеб и ломтики сала, стояла банка с солеными огурцами, которую пару дней тому назад поездом передали из села гаврюшины родители. Сашка поставил рядом трехлитровую банку с сахаром и, усаживаясь за стол, сказал:

– Вилки, ложки и чашки доставайте сами – каждый свою.

– Митя, садись с нами ужинать, – пригласил Гаврюша Баптиста, обнажая белоснежные зубы в добродушной улыбке от уха до уха.

– Спасибо, Гаврюша, – с серьезностью ответил Баптист, натягивая старомодную фуражку «паутинкой». – У меня есть свое. Так оно, знаешь, надежнее.

С этими словами он вышел из комнаты, а мы принялись дружно уплетать картошку, заедая хрустящими огурцами и обмениваясь шутками – удачными и неудачными. Лабунец обычно шутил грубо, прямолинейно, но очень метко и порой обидно. Гаврюшины шутки были легкими и безобидными, но, как правило, смешными и часто пошловатыми. Сашкины

же шутки отличались исключительной утонченностью и колкостью. Так что смысл их порой не сразу доходил до Гаврюши, тем более до Лабунца, и мне иногда доводилось растолковывать им, что Сашка имел в виду, изрекая ту или иную остроту. Они жалили, как пчелы, причем в самое больное место. И чтобы избежать его шуток в свой адрес, его старались лишний раз не задевать.

В ту ночь Баптист вернулся позже обычного. Было около трех по полуночи, когда он бесцеремонно отворил дверь и, щелкнув выключателем, убедился, что света нет. Он распахнул дверь пошире, достал из чемодана свою настольную лампу-грибок, поставил на тумбочку и, вкрутив принесенную с собой лампочку, щелкнул кнопкой. Как он и предполагал, свет не включился.

Баптист потер ладони и тихо, но злорадно захихикав, вышел в коридор. В ночной тишине было отчетливо слышно, как он шел к распределительному шкафу.

– Гаврюша, ты спишь? – спросил я вполголоса.

– Конечно же, нет, – нервно ответил Гаврюша и, забыв о своей высокой коммунистической сознательности, крепко выругался. – Разве с нашим супостатом поспишь? Пришел, поднял возню, открыл дверь. Теперь до утра не усну...

– Ленька! Лабунец, ты спишь? Лабунец! Ленька! – позвал я.

– А?.. Генка? Чего тебе? – пробормотал Ленька спросонок.

– Баптист пришел, – сказал я, с трудом подавляя желание расхохотаться. – Пошел к рубильнику.

– Ну и мать его в тумбочку, – недовольно проворчал сонный Лабунец. – Пусть, паскудина гнойная, повозится. Я петли на дверце шкафа стальной проволокой перед сном закрутил. Просто так не разматает, дизентерия свистучая.

– Саня! Саня, проснись! – затряс я Сашкину голову за волосы, просунув руку между прутьев своей и его кровати.

Сашка никак не прореагировал и продолжал крепко спать. Вечером он просил меня непременно его добудить, когда Баптист явится. Уж очень хотелось ему посмотреть предстоящий комедийный спектакль. Сашка спал крепко всем на зависть – особенно Гаврюше и мне, так как мы оба спали исключительно чутко, просыпались от малейшего шороха и никогда не просыпали по утрам.

– Саня! Саня! Да пробудись же ты, зараза! Баптист пришел, сейчас кино будет! – говорил я, отчаянно теребя Сашку за волосы и отвешивая ему звонкие пощечины.

– М-м-м... – застонал Сашка, натягивая одеяло на голову.

– Да брось ты его, Генка, – проскрипел уже окончательно проснувшийся Лабунец. – Он все равно будет спать, и все тут. Эти его просьбы разбудить – пустая болтовня. Помолчи лучше, а то всю картину испортишь.

Но я не внял его увещаниям и дернул Сашку за волосы с такой силой, что тот снова застонал:

– М-м-м... Что н-н-надо? Кхххто это?

– Сашка! Сашка! Баптист пришел! Просыпаться будешь? – старался я исполнить свое обещание.

– А... да ну его... – проскрипел Сашка, укутываясь одеялом с головой.

– Я же говорил, он все равно спать будет, – отозвался Лабунец. – Тихо. Баптист идет сюда. Молчок, спим...

Скрипнув дверью, вошел Баптист и щелкнул кнопкой выключателя настольной лампы. Но к его удивлению свет не зажегся. Он щелкал еще и еще, но безуспешно. Я лежал, затолкав себе в рот угол одеяла и корчась от беззвучного смеха. Гаврюша уткнулся лицом в подушку и так же беззвучно истерически хохотал.

– Ах, сволочи! – возмутился обескураженный Баптист. – Розетку, подлюки, испортили! Ну, ладно!

С этими словами он выкрутил из «грибка» лампочку, подвинул стул и взобрался на него, чтобы вкрутить лампочку в патрон под потолком. Он протянул к патрону руку и тут же ее отдернул, так как на его месте висел только цоколь с открытыми контактами, и вкручивать лампочку было некуда.

– Вот гады! – крикнул перепуганный Баптист, рефлекторно спрыгнув со стула. При этом он задел за край кровати Лабунца.

– Ну ты, харя сектантская! Чего будишь среди ночи, етит твою по голове? Чего прыгаешь, как жеребец? – недовольно пробасил из темноты Ленька, будто только что проснувшись.

– А не надо было мою розетку портить! Тогда бы я никому

не мешал – тихонько включил бы свой «грибок», и все. И патрон разобрали! Меня чуть током не убило! Я утром в студенсовет на вас заявлю! Вы меня смертельной опасности подвергли! Это подсудное дело! Понял, горилла Лабунецкая?! – вопил взбешенный Баптист.

– Митя, ты же своим поведением весь коллектив оскорбляешь. Вот я – готовился допоздна, лег спать, уснул, а ты пришел, устроил возню, разбудил. А мне завтра на первой паре лабораторку по ТОРу сдавать. Что я там соображать буду после бессонной ночи? А все из-за тебя, – попытался было устыдить его Гаврюша.

– А при чем я? Это вон – Лабунец мне диверсии каждый день делает. Его вразумляй, понятно? – оправдывался возмущенный Баптист.

– Да ты, псина смердючая, еще диверсий не видел! – отозвался из темноты Лабунец.

Баптист подошел к своей кровати, тяжело опустился на панцирную сетку и тут же вскочил в испуге, как ошпаренный, так как над его головой с треском ослепительно пыхнул электрический разряд, на мгновение осветив всю убогую обстановку комнаты, искаженное злобой лицо Баптиста и наши возмущенные физиономии. Только теперь я понял, зачем Лабунец вечером вбивал в стену над кроватью Баптиста посыльные гвозди, протягивал между ними тонкий обмоточный провод и подпаивал сетевой шнур к его концам. В момент, когда Баптист сел на кровать, Лабунец сунул на

секунду вилку шнура в розетку, и тонкий провод вспыхнул под током, как магниевая стружка.

– Все! Это уже вообще! Вы банда! Завтра иду в студсовет! С меня хватит! Вы меня, сволочи паршивые, сейчас дважды чуть током не убили! Причем, общепасным способом! Вас надо не то, что из общежития выселить, а под суд отдать за такое издевательство! – орал разъяренный Баптист.

– Ах ты ж падаль зловонная! Гнилой отброс! Да тебя, клоп ты смрадный, на электрический стул посадить надо, чтоб соседей по комнате уважать научился! – хрипло басил Лабунец, довольный результатами своего «творчества».

– Кого уважать? Таких, как ты? За что? За что тебя уважать, горилла ты волосатая? – возмущался оскорбленный Баптист.

– Да хотя бы только за то, что мы твои соседи, жлобина облезлая! Это тебя надо выселить, паскуда свиноголовая! – продолжал Лабунец в том же тоне.

В это время в проеме открытой двери появилась сутулая фигура, в которой все без труда узнали Мишку Алтухова из соседней комнаты. Послушав немного перебранку Лабунца и Баптиста, он тоже вклинился:

– Чего орете? Пацаны спят – на занятия утром, а вы раскричались! Хотите, чтоб вас выселили за нарушение порядка? Так я вам устрою!

– Правильно, – сказал Баптист. – Их давно пора выселить! А Лабунца – самого первого. Дважды сейчас меня то-

ком чуть не убили, скоты!

– Ах ты, шакал вонючий! Обезьянья жопа на костылях! – возмутился Лабунец. – Пришел в три часа ночи, всех побудил, еще и жалуется!

– Не надо было мою розетку ломать! Я бы тогда тихо включил свою настольную лампу, поужинал и спать лег, – несколько спокойнее заявил Баптист.

– Так это из-за тебя, Митька, этот шум среди ночи? А еще жалуешься, что над тобой тут издеваются, – удивленно сказал Алтухов.

– Почему из-за меня? – негодовал Баптист. – Из-за них вот. Каждый день то мою лампочку разобьют, то рубильник в шкафу выключат, то закоротку сделают, то...

– Ой-ой, обидели деточку, конфетки не дали, – перебил его Алтухов. – Знаешь, Митька, за такое поведение... Да пацаны с тобой еще либерально поступают. У нас в комнате за такие дела не так бы разговаривали – по-мужски.

– Так ты мне тоже угрожаешь?! Ты в студсовете, порядок наводить должен, а не им потворствовать! – разорвался Баптист.

– Хватит, – твердо сказал Алтухов. – Если ты сейчас же не прекратишь скандал, я завтра на заседании студсовета подниму вопрос о твоём выселении.

С этими словами он закрыл дверь и удалился.

– Ничего, я к Шкицу пойду. Алтухов тоже получит по заслугам, – сказал ему вслед Баптист.

– Да ложись ты, скарлатина, спать, наконец! – цыкнул на него возмущенный Ленка.

– Сколько можно! Завтра разберемся, – поддержал я Лабунца.

– Да, да, успокаиваемся. Дайте хоть немного поспать, – призвал нас к порядку партиец Гаврюша.

Его слова подействовали на всех магически. Все разом умолкли. Баптист, что-то бормоча себе под нос, разделся и лег, наконец, в постель. А через четверть часа мы все уже крепко спали.

Юлий Гарбузов

7 ноября 1999 года, воскресенье

Харьков, Украина

4. Дед Гордей

Будучи впечатлен своими вчерашними приобретениями, я почти не спал всю ночь.

Чувство особого восхищения и радости вызывала у меня спиннинговая катушка, купленная накануне в спортивном магазине на деньги, вырученные за наловленную рыбу. Неся ее в авоське, словно царское сокровище, я направился на толкучку, чтобы купить к ней леску, блёсны да крючки. Такого товара в те времена на прилавках советских магазинов не было – приходилось шастать по базарам среди рядов, где торговали всяким хламом. В качестве обер-консультанта я уговорил поехать со мной давнего друга – Вовку Родионова, которого для краткости все именовали Родионом. Родион долго отказывался – как раз судак клюет, а тут целый день терять, по барахолке шататься. Да и жара стояла адская. Но потом он вспомнил, что у него осталось мало крючков для живцов, да и тонкой лески для поводков – всего ничего. Так что в конце концов он согласился.

Родион, как опытный рыбак, придирчиво рассматривал снасти, предлагаемые из-под полы трусливо озирающимися шаромыжниками.

– Если леска желтоватая, это значит старая, порвется сразу же. Окрашенную тоже брать нельзя – они специально старую красят, чтобы желтизна не была заметна. Кроме того,

надо просить на разрыв ее проверять. Если не дают, значит гниль. Хорошую новую леску просто так не порвешь. А крючки надо губой пробовать на остроту. Тупых не бери ни в коем случае.

В общем, вечером я аккуратно прикрепил к удилищу новоприобетенную катушку и агатовые кольца. Как всегда, консультировал Родион.

– Фланцы приматывай не толстой проволокой, чтобы гибкой была. Желательно, стальной. Но можно и медной. Виточек к виточку укладывай, не торопись. А кончики, чтобы не царапались, аккуратно подсунь потом под виточки. Лучше всего вязальной спицей. Можно и шилом, но это хуже – оно вгораживается во все на своем пути. А поверх проволоки один слой изоленты положи, чтоб от влаги защитить, – назидательно говорил он.

Но вот, наконец, наступило утро, и я сразу же после завтрака собрался на Старый Днепр, чтобы обновить новоприобетенные снасти. Родион с отцом еще с ночи на лодке на судака пошел, а я решил попытать счастья на Криничке. Так называли небольшую тихую заводь, на берегу которой из-под скалы бил холодный ключ. Чистая и прозрачная, как слеза, ледяная ключевая вода, весело журча, ручьем стекала в Старый Днепр, от чего в заливе было много рыбы. Честно говоря, я не замечал, чтобы на Криничке клев был лучше, чем в любой другой заводи, но так, во всяком случае, говорили старые опытные рыбаки. Рыба – она, мол, чистую воду лю-

бит. Поэтому занять место на Криничке порой было очень даже непросто. Но в тот день был понедельник, и рыбачили в основном те, кому не нужно было идти на работу: профессиональные рыбаки, пенсионеры, отпускники-любители да ребятня вроде нас с Родионом. А таких в те времена было совсем немного.

К Криничке часто подходили местные прогулочные колесные теплоходики «Рубин» и «Диабаз», чтобы в жаркий летний полдень набрать свежей ключевой воды. Приходили туда за водой и люди из близлежащих поселков с ведрами да канистрами. Один старый рыбак с пышными седыми запорожскими усами недавно сказал нам с Родионом не без гордости:

– Це, хлопці, історична криниця: з неї сам Тарас Бульба пив!

Несмотря на свои одиннадцать лет, я уже был неплохо знаком с произведениями Гоголя и даже знал историю написания некоторых из них. Поэтому я не замедлил блеснуть эрудицией:

– Тарас Бульба не мог пить из этого источника, потому что такого человека вообще не существовало.

– Ти диви, який обізнаний! А я тобі кажу, що була така людина, – насмешливо возразил старик.

– Ничего подобного, я читал, что Гоголь придумал такого героя, чтобы получше показать тогдашнюю жизнь, – с уверенностью стоял я на своем.

– Ти, Генко, як я бачу, книжечки читаєш. Але не гріх тобі знати, що не все треба розуміти просто так, як воно написано. На пустому місці людина не здатна створити анічогісінько. І коли Микола Васильович вигадував Тараса Бульбу, то мав на увазі когось живого, конкретного. Тобто жив тут на Запоріжжі такий козак або подібний до нього. А він, як і всі січовики, напевно пив водицю з нашої кринички. Второпав, халамиднику?

Против таких доводів возразить було нечем. Я погодився і потім часто сам прибігав до такої аргументації.

Положив на плечо предмет собственої гордості – спиннинг, а вернее – удочку з катушкою, я направився до Старому Днепру.

– Генка, ти на Днепро? – окликнув мене сусідський мальчишка – першокласник Витька, син міліціонера.

– Да. Вот – іду, спробую на спиннинг ловити.

– И меня возьми. Я хочу посмотреть, как спиннингом ловят, – сказав Витька, з заздрістю глядя на мою новеньку удочку.

– Спроси у родителей. Отпустят – возьму, – відповів я, зображаючи дорослого.

– Их нет – на работе до вечера.

– Тогда не возьму. Меня самого только недавно стали без взрослых отпускать. К тому же, ты еще плавать не умеешь. Утонуть можешь. Я же на Криничку. А там скалы, глубина у самого берега, – сказав я і прибавив крок.

– Геночка, ну пожалуйста. Я и купаться не буду – только на камушке посижу. Тут во дворе никого – гулять не с кем. Все по пионерлагерям разъехались. Я тебя слушаться буду. Честное слово. Ну, честное октябренское, – ныл Витька, забегая вперед.

Мне стало жаль бедного первоклашку, и я строго сказал:

– Хорошо. Только не лезть в воду и слушаться меня безоговорочно. Понял?

– Спасибо! Спасибо тебе, Геночка, что ты меня не прогоняешь. Я буду все делать, как ты скажешь. А можно, я твою удочку понесу, а?

Витькины глаза сияли неподдельным счастьем, и мне стало неопишимо приятно, что именно я сделал его на этот миг счастливым. И, чтобы испытать это пьянящее чувство еще раз, я снисходительно протянул ему предмет своей гордости. Хотя самому мне очень хотелось не только нести эту удочку, но и кричать на весь квартал, что это моя удочка, что это я – я сам ее смастерил, как заправский, выдавший виды рыбак.

– Ладно, неси. Только смотри, аккуратнее. Чтобы кончик не обломать.

Витька с гордостью взял удочку, положил на плечо и, сопя, зашагал рядом, стараясь не отставать. Я нес авоську, в которой лежал бутерброд, завернутый в газету, и погромыхивала коробка с блеснами да грузилами. И каждый из нас был счастлив по-своему.

Солнце уже поднялось над крышами зданий правобереж-

ного рабочего поселка и горячо припекало наши спины. Мы пошли через балку по узкой тропинке. Вокруг не было ни души. Поселок остался далеко за спиной, и оттуда уже не долетало ни единого городского звука. Только кузнечики весело стрекотали в высокой густой траве, еще не успевшей пожухнуть под горячим запорожским солнцем. На пригорках то там, то здесь с веселым щебетом порхали птицы, а кое-где на камнях грелись на солнце ящерицы: одни покрупнее – зеленые с разноцветными брюшками, другие чуть поменьше – серые, которые маскировались под цвет камней так, что ненаметанным глазом их трудно было заметить. Ни ветерка, ни малейшей прохлады. Только знойное, ослепительное летнее солнце, от которого негде укрыться в южной приднепровской степи. В густой траве пестрели полевые цветы – и яркие, и тусклые, и высокие, и приземистые. На них усердно трудились озабоченные пчелы и темные тяжелые шмели. Над этим цветочно-травяным ковром беззаботно носились стрекозы, поблескивая на солнце легкими прозрачными крылышками, мельтешили разноцветные бабочки.

По пути нам докучали нахальные, порой очень крупные мухи. С противным жужжанием они носились перед самыми глазами, садились на открытые части наших потных тел и немилосердно кусались, если мы вовремя не успевали их согнать. А когда сгоняли, они проворно отлетали и, поматавшись пару секунд вокруг, снова садились на нас, не давая покоя ни на мгновение.

– Гена, а можно у тебя узнать? – спросил обливающийся потом Витька, отмахиваясь от слепня.

– Да узнавай уже. Куда же денешься от тебя, такого любопытного? – ответил я, изнемогая от жары.

– Гена, а что это такое – бе-зо-го-во-ро-чно? – смущенно спросил он.

Я снисходительно улыбнулся.

– Ну, ты даешь, Витька. Да это слово само за себя говорит. Безоговорочно – значит «без оговорок». Безоговорочно слушаться – это выполнять все, что я скажу, без никаких оговорок, без всяких там пререканий и возражений. Понял? – спросил я, отмахиваясь от назойливой мухи, висевшей перед глазами.

– Я так и знал, – с достоинством сказал Витька.

– Знал – почему спрашивал?

– Проверить хотелось.

На Криничке было непривычно тихо и спокойно. У мыса справа кунял над удочками пожилой рыбак в колпаке, сложенном из газеты. Я знал, что это заядлый любитель из пенсионеров – ради спортивного интереса рыбачит. Неподалеку от него примостился пожилой мужчина интеллигентного вида и что-то размешивал в ржавой немецкой каске – очевидно закрыху. Такие каски валялись в те времена повсюду. Их часто использовали как котелки или миски для самых разных хозяйственных нужд. Из них ели собаки, пили куры, утки и прочая дворовая живность. В них замешивали раствор

для штукатурки, алебастр для заделки дыр в стенах, варили клейстер и поспу для побелки. Настоящая посуда была в дефиците.

У левого мыса на валуне, разогретом июльским солнцем, сидел рослый худощавый старик в широкополой соломенной шляпе. Поставив на плоский камень длинные, как оглобли, босые узловатые ноги, он меланхолично смотрел, как Старый Днепр беззвучно катит свои воды на юг – к Черному морю. Его левый глаз был заклеен кружком белого пластыря, по обе стороны которого выступал глубокий сабельный шрам, простиравшийся от середины лба до мочки уха. Несмотря на июльский зной, на его плечах был пиджак старомодного покроя из толстого сукна табачного цвета. Из-под выгоревших на солнце парусиновых штанов выглядывали кончики белых солдатских кальсон с туго завязанными тесемками. Это был дед Гордей – старый профессиональный коропятник, который жил со своей бабой Машей только за счет рыбалки. С утра до вечера дед удил рыбу, а баба Маша продавала ее в поселке, где все хорошо знали и глубоко уважали эту колоритную пару.

– Здравствуйте! – поздоровался я с рыбаками, устраиваясь на уступе скалы неподалеку от деда Гордея.

Пенсионер в газетном колпаке пропустил мое приветствие мимо ушей, а пожилой интеллигент молча кивнул, не отрываясь от приготовления прикорма для рыбы или, как его именовали в Запорожье, – закрыхи.

– Здравствуй, милоч, коли не шутишь. А твой напарник почему не здоровается? – спросил дед Гордей, сурово глядя на Витьку.

– Здравствуйте, – поспешил исправиться Витька.

– То-то, – сказал дед. – Здоров будь, сорванец. В школу еще не ходишь?

– Во второй класс перешел! – восторженно ответил Витька.

– Ууу, почти академию закончил, а здороваться не научился, – пробурчал дед, поправляя удочку. – Чего, Генка, ловить собрался, а?

– Хочу на блесну попробовать, – ответил я, готовя спиннинг.

– А умеешь? – с задоринкой в голосе спросил дед.

– А что тут уметь? – искренне удивился я.

– Ну-ну, попробуй, родименький, – сказал дед, ухмыляясь из-под шляпы.

Я стал на уступ и лихо взмахнул удилищем. «Ррррр...», затрещала катушка, а блесна, к моему удивлению, полетела не в воду, а вдоль берега, едва не зацепив деда Гордея.

– Легче ты, тить-твою разэтак! Все удочки поспутываешь! – возмутился дед.

Чтобы не спутать дедовы удочки, я стал карабкаться по уступам, держа удилище высоко над головой. Мне хотелось стать напротив места, куда упала блесна, и смотать леску на катушку, не задев удочек деда Гордея.

– Не торопись, Генка. А то, не ровен час, ишшо сорвесси. Давай помогу. Дай сюды твое удилишшэ. Во как надо смаывать, смотри.

Дед выключил трещотку и спокойно смотал леску.

– Ты бы на лужку или где в безлюдном месте сначала попробовал. А то так – решил, что сразу сумеешь. Всему, Генка, учиться надо. А блесню кидать – это, милок, мастерство не абы какое. Гляди, как это делается, – сказал дед и мастерски взмахнул удилищем. Сверкнув на солнце, серебристая блесна описала в воздухе дугу и шлепнулась в воду чуть не на середине Днепра. Не спеша, дед смотал леску на катушку и, снова включив трещотку, протянул мне спиннинг.

– Понял, как надо? Пойди вон туда, наверх. Там открытое место, низкая трава и народу нету. Поучись там маленько, а потом сюды приходи. Да трещотки зря не включай. Это тормоз. А сейчас знаешь, как все делают? Железо мягкое, враз сработается и будет ни туды, ни сюды. Пальцем тормозить учись. Сильно не отпускай, а то «борода» получится. Это когда мясина клубком завертится. Трудно потом распутывать, долго, – поучал дед.

– Здорово вы, дедушка Гордей, блесну бросаете. Вы же коропятник. Где вы научились? – наивно поинтересовался я.

– Это верно, сейчас – коропятник. Но на веку, как на долгой ниве – всего повидать доводится. Ну, иди, поучись. Смотри только, малому глаз ненароком не выдерни. А вешшычки ваши пусть тут полежать. Я присмотрю.

– Да дед Гордей – он у нас на все руки мастер, – с издевкой сказал дремавший до той поры пожилой рыбак.

– Ну вот! – недовольно буркнул в ответ дед Гордей.

– Дед Гордей! А что значит это твое «вот»? – продолжал заедаться пенсионер.

– Дали ему год! Отсидел ён двенадцать месяцев и вышел досрочно – по амнистии, – ответил дед.

– Вместо года – двенадцать месяцев, и по амнистии? Это как? – цеплялся рыбак.

– Да вот так – хватил на пятак, с катушек – бряк, в землю носом – тык, тут ему и «кирдык», – незамедлительно ответил дед Гордей.

– Дед, да ты что, обиделся? – подначивал противный пенсионер.

– На обиженных Богом не обижаются! – ответил дед, не задумываясь.

– Ты это к чему?

– Да все к тому, чтоб в колонну по одному!

Дед достал красную пачку «Примы» и закурил, давая понять, что «состязание остряков» закончено в его пользу.

– Дед, что ты все время куришь да куришь? Как паровоз дымишь! Ветер вон – прямо на пацанов несет. Да и до нас тоже доносит. А мы с профессором некурящие. Хоть и далеко от тебя, но все равно неприятно. Кроме того, курить – здоровью вредить! Хоть о себе подумай, что ли, – никак не унимался пенсионер.

Дед опять не полез в карман за словом:

– Уж ты и открыл мне глаза. Курить – здоровью вредить, а не курить – государству вредить. Так тогда ж за вредительство посадю! Из двух зол надо меньшее выбирать, голубь ты мой сизокрылый.

– Ладно, дед, не осли, – сказал пенсионер с некоторым раздражением.

Но дед и тут не остался в долгу:

– Свинья-то со зла и мудреца – за осла! – многозначительно изрек он.

– Он, Гордей Филиппович, верно сказал: курение вызывает рак легких, – вмешался молчавший до этого интеллигент.

– А ты вот, как профессор, и скажи мне, это ишшо откуда кому ведомо? – спросил дед.

– Ученые доказали, – ответил профессор.

– И как же они это сделали? – не отставал дед.

– Очень просто. По данным историй болезни установили, что заболевшие раком легких все или почти все были курящими. Думаю, что против этого и вы возражать не станете, – заключил профессор.

После очередной крепкой затяжки дед Гордей хитро улыбнулся и с едкостью возразил:

– Да так я тебе докажу, что рак у людей от молока! Ведь все умершие от рака обязательно молоко пили. Ишшо сколько!

Все, кроме пенсионера, расхохотались.

– Ну, дед! Никто ему не указ. Профессор тебе говорит, умный человек! А ты и ученому перечишь. Постеснялся бы равняться с ним! – искренне возмутился пенсионер.

– А кто сказал, что профессор умнее простого мужика? Такого, как я, например? Чем вот ён умнее мене, а? – не сдавался дед.

– Да знает он в тысячу раз больше, чем мы с тобой вместе взятые. Вот и все, дед! – наступал пенсионер.

– А знатье – это-ть ишшо не ум, – невозмутимо возразил дед.

– Что же тогда такое ум, по-твоему?

– Возьми ты два учителя в школе, – сказал дед, подняв кверху длинный и желтый, как восковая свечка, указательный палец. – Нехай один знает всю арифметику на память. Все там, что в ней есть написано. А другой – грамматику всю до последней буквы. И тоже на память. А все прочее нехай обое знают одинаково. Только тот, что арифметику – не знает грамматики, а тот, что грамматику – ничего по арифметике. Можешь сказать, который из них умнее?

– Одинаково! – вмешался, я.

– Пожалуй, тот, который по арифметике, будет умнее, – немного помолчав, вставил пенсионер, – она сложнее и важнее грамматики.

– Это ты так потому, что сам из грамматики так-сяк кое-что чуток ишшо припоминаешь, а в арифметике ни бельмеса не петраешь. Ён знает одно, а я – другое, о чем ён и не

догадывается. Поди подсчитай, кто больше знает да чья наука важнее. На весы, что ли, знанье наше положить? И не в этом ум. Расчетами да подсчетами его не измеряешь. А в том, что да как рассудить, что да как с чем связать, как из чего взять урок наперед. И тут уж твои дипломы, школы да академии далеко не на все отвечают. Ум есть ум, который нам при рождении Господь дает. И словами его не скажешь. А посмотришь, потолкуешь с людьми, да и увидишь, что тот умен, а этот – дурень непролазный. И все это увидят, а не один человек.

– Вот дед! Ты-то сам какую академию заканчивал? – с подначкой спросил пенсионер.

– Жизненную народную. Слышал такую? – ответил дед и, тщательно загасив окурочок о камень, положил его в кем-то оставленную консервную банку.

– Дед Гордей – академик! Ну и ну! – пенсионер немного помолчал, а потом снова обратился к деду. – Дед, а ты хотел бы стать профессором?

– Уж лучше удавом, – с раздражением ответил дед.

– Это почему? – не успокаивался пенсионер.

– Да чтоб тебе удавить! – со злостью выпалил дед.

Я с таким интересом слушал перебранку деда Гордея с рыбаками, что даже забыл о том, что собрался идти наверх – тренироваться метать блесну.

– Гляди-гляди! – неожиданно закричал дед Гордей, указывая рукой на воду. – Генка! Твой дружок тонет! Скорей!

Скорей! Скорей!

Обернувшись, я увидел, что Витька, относимый течением, беспомощно барахтается в воде. Чуть приподняв над водой голову, он жадно сделал вдох и тут же его голова скрылась под водой. Не раздумывая, я бросил удочку на берег и прямо в одежде и тапочках-прорезинках прыгнул в воду с уступа. Витька с надеждой протянул ко мне руки. Но я, помня предостережения мамы, подплыл сзади и, подхватив его подмышки, начал грести к берегу.

Едва витькин рот поднялся над поверхностью воды, он заорал так, как будто его режут. Я подтянул Витьку к скале и подтолкнул к ближайшему уступу. Он тут же вскарабкался на него и, не переставая плакать, стал снимать с себя мокрую одежду.

– Ну что, рыболов, наловил рыбы? – доброжелательно спросил дед Гордей.

– Ммммм... – недовольно промычал Витька, не переставая всхлипывать.

– А ты, Генка, молодец, – похвалил меня дед. – Я думал, ты подплывешь к нему спереду, когда он к тебе руки потянул. И он вцепится в тебе, как бешенный кот, да придется спасать вас обоих. Но ты ловко сзади его подхватил и допхал-таки до берега.

– К утопающему опасно спереди подплывать. У него мертвая хватка. Утопить может. А если он еще способен и назад поворачиваться, нужно вокруг него несколько кругов сде-

лать, чтоб он обессилил, а потом уже подхватывать, – с видом опытного спасателя изрек я.

– Верно. Откуда ты знаешь? – поинтересовался дед.

– От своей мамы, – ответил я.

– А кем яна у тебе работаеть?

– Врач она, – сказал я, выкручивая рубашку.

– О, да у тебе матка – баба грамотная! А батька? – продолжал допрашивать дед.

– Папа тоже врачом был, – спокойно ответил я.

– А почему «был»? Сейчас он где? – осторожно спросил дед.

– В сорок первом под Вязьмой погиб, – уточнил я.

– Вон как! Погиб – это тяжко. Но жить надо-ть все одно. Твоя матка – баба, видать, разумная. Верно тебе научила – что ты тут не растерялси, когда товарищ потопать начал. Все честь по чести сделал. А как ты в школе учисси? – поинтересовался дед.

Я стыдливо молчал, выкручивая свои полотняные брюки.

– Да он отличник, дедушка, – пришел на выручку Витька. – Одни пятерки у него!

– Ну, не то, чтобы круглые пятерки. Это он так, чтоб поддержать меня, – оправдывался я.

– Одним словом, хорошо занимаесси, – заключил дед. – Разумница у тебе матка. Вот без отца, а поди – верно научаеть. Школа вперед всего. Лучше за все на ученье тратиться. Тышшу разов потом назад откупится. И приучен ты, я смот-

рю, людей уважать, старших почитать, не говорить чего за зря.

– А почему это Вы мою маму – бабой называете? – возмутился я.

– А кто ж яна, мужик, что ли ча? – удивился дед.

– Да нет, женщина... А баба – это, дедушка Гордей, обидно.

– Это у вас, интеллигентов образованных. А у нас, простых мужиков, так у юбке – все баба значить.

Дед помолчал, а потом добавил:

– А правильно – защыщай свою матку и дальше-ть. Молодец. Любишь, значить.

Дед опять помолчал, а после паузы снова полюбопытствовал:

– А у матки твоёй ишшо детишки ёсць?

– Нет, дедушка Гордей. Один я, к сожалению, – ответил я, расстилая рубаху и брюки на плоском камне.

– Это ты верно делаешь, что на камне одежду раскладуешь. Сонушко нынче жаркое, каменя горячие – живо высохнут. Да камнями про всяк случай придави. Хоть и нету сейчас ветру, да все случается.

Дед достал сигарету и принялся ее тщательно разминать. Послунявив кончик, он взял ее в рот и, чиркнув спичкой, прикурил. Пыхнув дымом, он глубоко затянулся и снова обратился ко мне:

– А замуж яна не думаеть? Молодая-ть, небось. Трудно ж

ёй одной тебе растить.

– А я ей во всем помогаю, так что помощи нам никакой больше не надо. Она говорит, что такого, как мой папа, все равно не найти. Да и не очень-то она молодая – тридцать пять лет уже, – ответил я с нескрываемым возмущением.

– Ой, как много! Хе-хе-хе, – простодушно рассмеялся дед. – Так-то яно так, да все одно без взрослого мужика трудненько ёй. Я понимаю, тебе батьку все одно никто не заменить. Но про матку тоже-ть подумать не лишне. Коль вздумаеть замуж – не прыпятствуй. Ты вырастешь, своя семья будя. А ёй ищщо жить да жить. Надо, чтоб было с кем. Да и братьёв-сестер табе, я вижу, иметь не лишне. Зачем же молодой бабе... прости старыка, Генка, жэнчыне, до скончания веку вдовствовать?

– Я с нею всегда буду! Я никогда ее не оставлю! – с достоинством сказал я.

– Это, конечно, схвально... Да ты, миленький, не сердись. Мал ищщо, не все в житье разумеешь, как того надо. Ты сейчас думай, как знаешь. Такое сразу до ума не дойдеть, хоть ты и разумный хлопчык. А станешь постарше – вспомни слова старого деда Гордея. Ну, помоги мальцу одежонку высушить, – сказал дед и принялся перекидывать удочки.

Я помог Витьке разложить для просушки одежду. Его все еще трясло от пережитого, но он уже был намного спокойнее.

– Ты был в тапках? – спросил я Витьку.

— Нет, босиком. И хорошо. А то бы потерял в воде, а дома

мне за это ой-ой-ой, как всыпали бы, – хмуро ответил он.

– А как ты умудрился в воду упасть? – любопытно спросил я.

– Хотел к вам с дедом с той стороны по крутому склону пролезть, чтоб наверх не подниматься. Но поскользнулся. Я цеплялся, удержаться хотел, но было не за что, – пожаловался он.

– Ну, пока наша одежда сохнет, давай съедим тут, что мне тетя Валя дала, – предложил я и принялся разворачивать пакет.

В пакете было два ломтя хлеба, намазанных сливовым повидлом, огурец и пара помидоров. Мы с аппетитом слопали по куску хлеба и закусили помидорами. Я разломил огурец на равные половины, но чтобы Витьке не показалось, будто я, как хозяин, взял себе лучшую, решил разыграть их по жребью.

– Бери, Витька, вот этот камешек и так, чтоб я не видел, положи в одну руку. А я буду угадывать. Угадаю в какой руке – моя половинка с хвостиком, не угадаю – та, что с цветочком.

Я не угадал и получил половину с цветочком. Видя, что Витька с завистью смотрит на мою долю, я сказал:

– Если хочешь, можешь взять мою.

Но он геройски отказался, и мы, немного подкрепившись, стали потихоньку готовиться к уходу домой, так как раскаленное до бела солнце уже клонилось к вырвенским холмам.

К тому времени наша одежда уже высохла, и мы, нацепив ее, как придется, собрались в обратный путь.

– До свидания, дедушка Гордей! – попрощался я с дедом.

– До свиданья, – смущенно буркнул Витька.

– Доброго вам здоровьяца, – добродушно попрощался дед. – В следующшый раз будь, малец, поосторожней!

Я обернулся к другому мысу, где сидели интеллигентный профессор и вредный пенсионер. Профессор с аппетитом уплетал с хлебом какую-то снедь из пол-литровой банки, заедая красным, как кровь помидором. А пенсионер собирал снасти, готовясь к уходу.

– До свидания! Удачного всем улова! – крикнул я им и помахал рукой на прощание.

– До свиданья! – крикнул уже окончательно успокоившийся Витька.

Профессор поднял голову и вежливо кивнул в ответ, а пенсионер не обратил на нас никакого внимания.

Мы поднялись наверх и зашагали к дому.

– Не пойду теперь на это Днепро даже с папой, – сказал Витька скорее самому себе, нежели мне.

Юлий Гарбузов

14 сентября 2006 года, четверг

Харьков, Украина

5. Поступление

После восьми часов утомительной тряски автобус въехал, наконец, на территорию автовокзала и, немного поманеврировав среди своих многочисленных собратьев, скрипнув тормозами, замер на месте. Усталый водитель заглушил не менее усталый мотор, отворил дверь и с явным облегчением крикнул хриловатым голосом:

– Приехали! Выходи – с вещами по одному!

Люди принялись разбирать свои багажи, кое-как сложенные у задней двери, и выходить на асфальт, размягченный лучами горячего июльского солнца.

Поднявшись с «насиженного» места, я отыскал свой чемодан и вышел на платформу, разминая затекшие ноги. Первое, что показал мне опыт самостоятельной поездки, это то, что сидения с низкими спинками для междугородных автобусов не годятся. Ужасно болела шея. Хотелось поскорее добраться до человеческого жилья и где-нибудь прилечь хотя бы на пять минут.

Я осмотрелся по сторонам. Было жарко, солнечно и пыльно. На платформах там и сям валялись окурки, смятые пачки из-под папирос, бумажки, обрывки газет, обертки от мороженого, конфетные фантики и скорлупки от семечек. Около мусорного бака, расположенного неподалеку, роились крупные мухи, и горячий ветер временами доносил оттуда кис-

лый гнилостный запах.

Немного постояв, я спросил у какого-то, как мне показалось, важного пожилого работника автовокзала с красной повязкой на рукаве:

– Скажите, пожалуйста, где здесь поблизости телеграф?

– Дать маме телеграмму, что благополучно прибыл? – снисходительно улыбаясь, спросил красноповязочник.

– Да... – ответил я, смущенный тем, что он с первого взгляда верно оценил мои намерения.

– В здании вокзала. Вон в ту дверь входи – там увидишь.

– Спасибо, – ответил я, не поднимая глаз, и последовал его совету.

Я вошел в эту дверь и очутился в душном и шумном зале, заполненном сновавшими во все стороны людьми. Небольшой закуток в углу был отгорожен деревянным барьером. Над ним висела табличка с надписью «Почта, телеграф, междугородный телефон», а рядом были пристроены две тесные переговорные кабины. У загородки стояла очередь, в хвост которой я и пристроился. Простоять пришлось около часа, и я, наконец, смог отправить маме обещанную телеграмму: «ДОЕХАЛ БЛАГОПОЛУЧНО = ГЕНА».

«Глупость, конечно. А как я еще мог доехать?» – думал я, выходя на улицу, чтобы двинуться в направлении, указанном стрелкой на схеме, которую мне начертила мама перед отъездом. Что я, ребенок, что ли? Слава Богу, семнадцать лет уже. Аттестат зрелости в кармане, паспорт тоже. Сейчас

что, война? Нет, конечно. Тринадцать лет как закончилась. Или я при себе крупную сумму денег везу, а на дороге лихие разбойники орудуют? Тоже нет. Так чего, спрашивается, переживать? Напускное это все, вот что. Только чтобы лишний раз подчеркнуть, что я еще не взрослый. Я давно уже заметил, что родители упорно не желают признавать, что их дети с некоторых пор повзрослели, хотят жить своей собственной жизнью и в их опеке совершенно не нуждаются.

Я шел, стараясь не наступать на трещины в асфальте. Это у меня с детства такая привычка. Но тут я вспомнил, что уже взрослый, что приехал, чтобы стать студентом, и пошел, стараясь не смотреть на асфальт, чтобы не видеть, есть там трещины или нет.

Чемодан у меня был не то чтобы пижонский, но не самый худший. Не такой, как мама таскала по командировкам да при поездках на отдых – серый фибровый, а небольшой, вернее, средних размеров, с дерматиновой обивкой, блестящими металлическими углами и заклепками.

Впереди, изумительно красиво повиливая ягодицами, шагала девчонка с модной клетчатой сумочкой и кокетливо ею размахивала. Пышное коротенькое платьице кремового цвета было ей как нельзя более к лицу. Я уже стал было придумывать, что бы у нее такое спросить, чтобы завязать беседу, но она неожиданно свернула в ближайшую подворотню. Я сделал вид, что отдыхаю – поставил чемодан на асфальт и стал, как мне казалось, незаметно за нею наблюдать. С дво-

ровой лавочки подхватился какой-то тип чуть постарше меня и подлетел к ней, как молодой петух. Он обнял ее за талию, и они в полуобнимку пошли к какой-то двери под навесом, густо оплетенным диким виноградом. Боже, как я в этот момент ненавидел этого типа! Кстати, и ее тоже. «Ну почему она должна улыбаться ему, а не мне? Почему он так бесстыдно при всех ее обнимает? Нет, я ужасный эгоист, черт возьми!»— думал я, сгорая от зависти. Раздосадованный тем, что такая красивая девчонка, ушла к тому типу, вовсе не подозревая не то что о моем намерении с ней познакомиться, но даже о том, что я вообще существую, я наконец-таки успокоил себя, решив, что эта девица наверняка ужасно капризная и непременно избалованная, потому что очень уж красивая. А этому типу — ее красавчику — так и надо. Пусть он с нею мучается, а не я. Вот.

Мне больше ничего не оставалось делать, кроме как подхватить свой неказистый чемодан и, тихо чертыхнувшись, двинуться дальше по направлению к дому тети Саши.

В конце концов я отыскал улицу, дом и подъезд, где жила моя тетя Саша.

Она доводилась родной сестрой моему отцу, погибшему на фронте в сентябре сорок первого, и была на десять лет старше его. Тетя Саша всегда говорила о моем отце как о ребенке, так и не успевшем повзрослеть. И это меня почему-то ужасно бесило. В самом деле, какое она имеет право на покровительственный тон по отношению к моему отцу? Нельзя

так неуважительно относиться к брату, хоть и младшему, – думал я. Он ведь был дипломированным врачом, даже аспирантом мединститута. И на фронт пошел в звании капитана медслужбы, и похоронка на него пришла, как на солидного воина. Любят же эти взрослые своим старшинством бравировать! Вот я, например, взрослый человек уже; самостоятельно в другой город приехал, определил свою будущую специальность; завтра сам в институт пойду документы сдавать. А вся родня ко мне все как к ребенку относится, не хотят моей независимости признавать, с моим мнением считаться, советоваться со мной, как с полноправным членом семьи. Ну да Бог с ними, увидим еще, кто мудрее – они или я.

С такими мыслями я вошел в тети Сашин подъезд, поднялся на второй этаж и постучал в дверь тремя ударами: тук! тук! тук! Так тетя Саша в письме просила. Она жила в коммуналке и делила общую кухню и прочие службы с соседкой Глафирой Ивановной и ее мужем Николаем Палычем, к которым следовало стучать дважды. Так они между собой условились, чтобы лишний раз друг друга не беспокоить. Ведь квартирные звонки в то время были редкостью.

За дверью послышались шаркающие шаги и приглушенный голос тети Саши спросил:

– Кто там?

– Тетя Саша, это я, Гена. Из Запорожья приехал, – ответил я.

Послышалось лязганье засова, звяканье дверной цепочки,

щелканье врезного замка и причитания тети Саши.

– Геночка! Моя ж ты деточка! – плача, говорила она. — Что ж так долго? Я уже вся тут переволновалась! В окно все глаза просмотрела! Как ты прошел, что я тебя не заметила? Я же писала: через двор иди. А ты, наверное, прошел с той стороны, где сирень растет?

Тетя Саша обняла меня за шею тонкими натруженными узловатыми руками и припала к моей груди, обильно поливая ее слезами.

– Вот именно, с той стороны, где сирень. Как-то не подумал, что вы во дворе меня высматривали, – ответил я, глядя ее по седому затылку.

– Боже мой, да что ж это я, старая калоша, на площадке с тобой стою разглагольствую? Заходи, заходи скорее, детка моя.

Она схватила мой чемодан и направилась в темную прихожую. Я настиг ее в два шага и отобрал чемодан.

– Да что ж это ты у тетки чемодан из рук вырываешь? Тяжелый ведь! И что тебе туда мать насовала? Вот это столько ребенок нес от самого автовокзала! – хлопотливо причитала тетя Саша.

Слева отворилась дверь и из-за нее выглянула высокая и совершенно седая старушка с доброй улыбкой на лице.

– Здравствуй, здравствуй, молодой человек! С приездом, – сказала она с чуть заметным поклоном.

– Здравствуйте! Спасибо. Меня зовут Гена, – представил-

ся я.

– Знаю, знаю, Геночка. Твоя тетя давно уже нам о тебе все рассказала. Заходи, разоблачайся, умывайся, пообедай. Тетя уже два часа тебя ждет. Обед, небось, и остыл уже.

– Ничего, сейчас разогрею, – ласково сказала тетя Саша.

– Давай, Гена. Приятного аппетита. А то соловья баснями не кормят. Потом говорить будем, – сказала Глафира Ивановна и скрылась за дверью своей комнаты.

– Проходи, садись, Геночка. Разувайся. Моя ж ты деточка! – тараторила тетя Саша, беспорядочно суетясь около меня. – И чего ж ты через кусты сирени продираешься? Нечего там тебе ходить. Там же банда могла какая-нибудь засесть! Увидят, что ребенок один с чемоданом идет, возьмут и отберут, не дай Бог! А там и документы, и деньги, и вещички какие-никакие... Ой, да мне ж обед подогреть нужно! Я сейчас.

Комната, где жила тетя Саша, была обставлена старенькой мебелью, в основном дореволюционного производства. Было исключительно чисто и уютно, все в образцовом порядке. На залитом солнцем подоконнике сидела светло-серая кошка с белой грудкой и старательно умывалась.

Я переоделся в спортивный костюм, достал свои учебники и аккуратной стопкой сложил на журнальном столике у окна. Парадную одежду я повесил рядом на стуле, а чемодан задвинул под маленький диванчик с гнутыми ножками, вплотную придвинутый к журнальному столику. Вошла тетя

Саша и принялась расставлять посуду на большом массивном раскладном дубовом столе, стоявшем посреди комнаты.

– Мое ж ты золотце, он уже и учебники повытаскивал! Да ты отдохни хоть сегодня ради приезда к тетке родной! Успеешь еще насидеться над книгами. Ну, рассказывай, как ты доехал.

– Спасибо, тетя Саша, хорошо. Вот только спинки сидений в автобусе были низковаты – шея теперь ноет. Но ничего, пройдет, – сказал я, вращая головой вправо и влево поочередно.

– А что, бывают выше? – удивилась тетя.

– Бывают. В ЗИЛах, автобусах первого класса, – ответил я. – Там кресла с откидными спинками, спать можно.

– И сколько там билет стоит? – поинтересовалась тетя Саша.

– Шестьдесят два пятьдесят, – выдал я, не задумываясь.

– А в этом, таком, как ты ехал?

– Сорок восемь тридцать, – ответил я.

– Ну, четырнадцать рублей разница. Даже больше – четырнадцать двадцать. Маме одной трудно. Она вдова, как и я, детка ты моя родная. Это для нее деньги, – посочувствовала тетя. – Иди, умойся с дороги. Обедать будем. Я тут супик из куриного потрошка сварила, котлеток приготовила, а к ним – нажарила картошечки с луком. На третье компотика попьем из свежих фрукточек. К обеду наливочки по рюмке выпьем – за удачу твою.

– Наливочку, тетя Саша, я буду пить потом – когда поступлю. Либо не поступлю. Как получится, – ответил я, стараясь рассуждать мудро, как взрослый мужчина.

С этими словами я пошел умываться на общую кухню, ибо ванной в квартире тети Саши, как и в большинстве послевоенных квартир, не было. А тетя Саша, гремя посудой, принялась разливать по тарелкам ароматный суп из куриных потрохов.

Утром тетя Саша подняла меня в шесть часов с таким расчетом, чтобы я мог выйти в семь из дому. И я отправился в институт сдавать документы. Тетя Саша собралась, было, ехать со мной, но я категорически отказался от ее помощи.

– Нет, тетя Саша, я сам это сделаю. Вы мне только расскажите, как туда доехать, – решительно заявил я.

– Мое ж ты солнышко самостоятельное! Ты же в чужом городе. Заблудишься еще, не приведи Господь! – крестясь, сказала тетя Саша. – Харьков ведь большой. Это тебе не ваше Запорожье.

– Ну, Запорожье, скажем, тоже областной центр, а не село какое-нибудь. Кроме того, язык до Киева доведет, если что, – стоял я на своем.

– Напрасно ты так, деточка. Я изведусь вся, пока ты вернешься. Пожалел бы тетку старую. Мне ведь пятьдесят лет уже, как-никак. Ладно, сейчас все расскажу. А ты записывай, на память не надейся. Ну, бери бумагу и карандаш. Геночка, а может, ты на какой другой факультет пойдешь, а? Все го-

воят, что на радиотехнический бесполезно поступать. Уже очень туда большие конкурсы. Тут родители детям своим за год до поступления дорогуших репетиторов нанимают. Дети, как проклятые весь год готовятся, и то не поступают. А ты вообще – из запорожской школы. Вот поговори с Лариской – в соседнем подъезде живет девочка. Она на третьем курсе в политехническом. Все тебе расскажет, что там да как. На этот чертов радиофакультет, она сказала, если даже и поступишь, так это еще только полдела. Там удержаться, говорит, еще труднее, чем даже поступить. С первого курса до последнего только пять-шесть человек из группы доходит. Остальных выгоняют, – разъясняла практичная тетя Саша.

– Нет, я только на радиотехнический пойду, – твердо заявил я.

– Напрасно ты людям не доверяешь, золото мое ненаглядное. Все в облаках витаешь. А вдруг ты, избави Бог, не поступишь, а? Столько тогда материных денег будет по ветру пущено! А она ж одна, без мужа. Ты не представляешь, как ей трудно, – пыталась тетя спустить меня с небес на грешную землю. Но я был непреклонен.

– К радиотехнике у меня призвание. Тут, тетя Саша, или грудь в крестах, или голова в кустах, – категорично отпарировал я. – Будь что будет.

– Что за вздор – призвание?! Морочат вам в школе голову, пустословы чертовы, а ты и веришь их рассказням. Грудь в крестах ему надо! Вот настырный какой! – упрекнула ме-

ня тетя Саша напоследок. – Очеретовская породочка, хай ей черт! Ты точно, как твой покойный дед Очерет. Тому, бывало, если что вобьется в голову, то колом не вышибешь. Наша мама так с ним намучилась, бедная! Ладно, тебя не убедишь. Против породы не попрешь. Записывай, как до института добираться!

Абитуриентов у двери факультетской приемной комиссии было видимо-невидимо. В большинстве своем это были парни в солдатской форме, некоторые еще при погонах, а также харьковчане с умными физиономиями, многие из которых уже имели опыт поступления на радиофакультет. Солдаты на нас, школьников, смотрели свысока, даже с презрением. Они нам советовали не тратить зря усилий, а пойти послужить три годика в армии. Тогда, мол, и на поступление на радиофак можно будет реально рассчитывать. А так, со школьной скамьи, это, дескать, напрасные надежды, прожектерство одно. Сдать пять вступительных экзаменов на одни пятерки – это практически невозможно. Да к тому же, говорят, даже при всех пятерках не все поступают.

В тот год начиналось массовое сокращение вооружений, и потому среди поступающих было немало демобилизованных офицеров, сухопутных и флотских. Были и участники непосредственных боевых действий с орденскими колодочками – солидные мужчины, как мне тогда казалось. Случайно заглянув в документы одного из них, я ахнул про себя и не поверил своим глазам: в графе «год рождения» стояло «1924».

Боже мой, на целых семнадцать лет старше меня! К моему немалому удивлению, эти великовозрастные держались с такими, как я, в основном, на равных и у меня сложилось впечатление, что даже не кичились своим возрастом.

Моя очередь подошла только к полудню. Войдя в залитое летним солнцем помещение, я робко поздоровался и остановился в нерешительности у входа. Молодая и очень даже симпатичная девушка пригласила меня за стол. Она деловито проверила все мои документы и выдала мне несколько бумаг, которые я тут же заполнил в течение десяти минут. Проверив все, что я написал, она сложила мои документы в отдельную папку, написала на обложке мои данные и попросила расписаться в каком-то журнале, после чего вручила мне расписку о приеме документов.

– Вот и все, – сказала улыбчивая девушка. – В среду в десять часов придете с паспортом к декану на собеседование. Этот же этаж, комната сто вторая. Вид у него такой строгий, суровый, но вы его не бойтесь. Держитесь уверенно. Старайтесь отвечать на его вопросы спокойно, но твердо. Он доброжелательный и любит интеллигентных ребят. Желаю удачи. До свидания.

– До свидания, вежливо ответил я и вышел в коридор, где оживленная толпа абитуриентов гудела на все голоса.

– В среду в половине десятого я, как и было велено, был у двери кабинета декана. В очереди я оказался уже далеко не первым – абитуриентов толпилось предостаточно. Мно-

гие были с чемоданами. Предстоящее собеседование обсуждалось на все лады. Коренастый парень, который стоял впереди меня, отвечал на вопросы интересующихся «с ученым видом знатока».

– А что вообще он спрашивает? – поинтересовался блондин спортивного телосложения в аккуратных очках.

– Да мне уже надоело отвечать. Пять минут назад говорил. Спрашивает, чего именно сюда поступаешь, почему не на другой факультет, как да почему радиотехникой заинтересовался, как математика дается. В общем, всякую хреновину, – ответил коренастый.

– А ты откуда знаешь? – спросил я его.

Парень высокомерно ухмыльнулся, потом небрежно бросил:

– Поступал в прошлом году. По конкурсу не прошел – двадцать два балла набрал из двадцати пяти. Тут главное – математика.

– А физика? – робко полюбопытствовал я.

– По физике тоже гоняют, но уже не так, как по математике. Математика устная – это пытка инквизиторская.

– А английский? – спросили сзади.

– Это тоже хороший фильтр. Я, правда, немецкий сдавал, но хрен редьки не слаще. Будь здоров, как режут. Чуть загнулся, оговорился – полбалла долой.

– А сочинение как, сложно писать? – спросила скромного вида сероглазая девочка с двумя белыми бантиками на за-

тылке.

– Ну, сочинение – это проще пареной репы. Если пишешь грамотно, считай, что пятерка у тебя в кармане. Главное – ошибок не сделать. Три – пять страниц, больше не требуется. Будут консультации – там все скажут. Только упаси вас Бог списывать! Тут же вышибут коленом под зад, – многозначительно сказал он.

– А как узнать, где, когда и по какому предмету будут проводиться консультации? – поинтересовался хлопец сельского вида.

– У входа в этот корпус на застекленных стендах надо смотреть. Тихо... декан идет, – шепотом сказал коренастый.

Все повернулись в сторону, куда он смотрел, и увидели худощавого пятидесятилетнего мужчину невысокого роста с седыми волосами, подстриженными «под ежик». Одетый в кремовый чесучовый костюм, он быстро шагал по направлению к двери кабинета декана, и вид у него был пресуровый. Не сговариваясь, толпа расступилась, как по команде, освободив проход к двери.

– Здравствуйте, Михаил Петрович! – поздоровался коренастый.

– Здравствуйте! – вполголоса в разной манере повторили вслед за ним остальные.

– Здравствуйте! Почему толпитесь? Станьте в очередь по одному, чтобы порядок был. Быстро! – сказал декан, отпирая дверь кабинета.

Абитуриенты все разом смолкли и послушно выстроились друг за другом.

– Вот такой порядок и соблюдайте. Чтоб я не видел здесь ярмарки! – чуть повысил голос декан.

К кабинету подошла сорокалетняя женщина, держа впереди себя стопку папок, и декан галантно распахнул перед нею дверь.

– Ну, ребята, держите дулю в кармане. Сейчас приглашать начнут, – сказал коренастый. – Запомните все: фамилия декана Шкиц, зовут Михаил Петрович. Он заставляет писать заявление на его имя и не любит, когда спрашивают, как его зовут. Выговаривает тогда, заставляет выходить, смотреть на двери кабинета табличку с его именем. И форма заявления должна быть по всем правилам. А женщина, что вошла с ним сейчас в кабинет – это Ираида Андриановна, секретарь деканата.

В это время отворилась дверь с табличкой, которую по совету коренастого все уже, было, начали тщательно изучать, и на пороге появилась легкая на помине Ираида Андриановна.

– Пожалуйста, поднимите руки, кто к нам поступал уже в прошлые годы, – сказала она мелодичным голосом.

Коренастый не замедлил исполнить ее просьбу. Руки подняли еще два парня и фигуристая рыжеволосая девочка, пристроившаяся в хвост очереди не более минуты тому назад.

– Подойдите, пожалуйста, – обратилась она к ним. – Пас-

порта у всех при себе? Достаньте и поднимите. Отлично. Заходите все.

– Ни пуха! – подбодрил я коренастого, легонько постучав по плечу.

Улыбнувшись в ответ, он тихо исчез за дверью. Последовало несколько минут томительного ожидания, а потом вышли все четверо и остановились среди ожидающих, чтобы немного перевести дух.

– Есть еще те, кто поступал к нам раньше? – послышался голос Ираиды Андриановны.

На ее слова никто не отозвался, и секретарь пригласила первого из очереди.

– Ну, что? – спросил я коренастого.

– Да, собственно, ничего, – ответил он с едва заметной снисходительной улыбкой. – Спросил, почему мы не передумали. Не жалеем ли, что в прошлом году поступали на радиофак. Ведь если бы мы поступали на любой другой факультет, то с нашими баллами запросто прошли бы. Ну, мы ответили, что нет. Тогда он спросил у всех по очереди, что мы будем делать, если и в этом году не поступим. Все как один сказали, что потом снова будем пытаться поступить сюда. После этого он усадил нас за стол и заставил написать заявления. Прочитал, придирался, к чему только мог, потом сказал, чтобы к шестнадцати пришли в сотую аудиторию за экзаменационными листами. Вот и все.

– А какое заявление писать надо? Может, я здесь напи-

шу? – спросил я у него совета.

– Ну, что ты! Он требует, чтобы сами, у него на глазах писали – грамотность проверяет. Заявление на его имя, чтобы экзаменационный лист выдали. Если ему не понравится, как ты его напишешь, может и документы вернуть. Да, он такой. Кто первый раз, так у тех он еще всякую ерунду спрашивает – я говорил уже. Ну, будь здоров. Ни пуха тебе, ни пера, как говорят охотники. А я пошел, – сказал он на прощанье и проворно выскочил из толпы.

Вскоре подошла и моя очередь. Глотнув воздуха, словно намереваясь глубоко нырнуть, я вошел в кабинет декана.

– Здравствуйте, Михаил Петрович! – робко сказал я и вежливо кивнул сначала ему, потом Ираиде Андриановне.

– Здравствуйте! А с Ираидой Андриановной не хотите познакомиться? – несколько грубовато спросил он, не переставая что-то писать.

– А он поздоровался. Поклоном, – вступилась за меня секретарь. – Просто он не знает еще моего имени-отчества, вот и все.

– Теперь уже знаю, уважаемая Ираида Андриановна, – ответил я, стараясь быть как можно более вежливым.

– Ну, что ж, садитесь, пожалуйста, – сказал декан, указывая на стул у его письменного стола. – Вы иногородний или харьковчанин?

– Иногородний, – ответил я, смущаясь.

– Откуда? – спросил он, уставившись на меня в упор по-

верх очков в черной оправе с круглыми стеклами.

– Из Запорожья.

– Как фамилия? – спросил он, продолжая смотреть на меня своими черными, как угли глазами.

– Очерет, – ответил я, поеживаясь под его взглядом.

Михаил Петрович посмотрел в сторону секретаря.

– Найдите-ка его дело, пожалуйста, – попросил он Ираиду Андриановну.

Боковым зрением я видел, как она, сидя за своим столом, перебирает папки с документами, находит, наконец, нужную и протягивает декану. Шкиц открыл папку и начал изучать ее скудное содержимое.

– Ну, расскажите, молодой человек, что вас потянуло к нам?

– Я увлекаюсь радиотехникой с пятого класса. Занимался в радиокружке – в доме пионеров, потом в радиоклубе. Собрал УКВ-приемник и передатчик. Член радиоклуба, имею позывной, QSL-карточки, – ответил я, с превеликим трудом преодолевая смущение.

– Откуда видно? – спросил он и, не дождавсь ответа, продолжил, как бы про себя. – Ах, да, есть бумаги, есть. О, даже рекомендация из радиоклуба. Но она, к сожалению, существенной роли не играет. Но ничего. А на каких лампах ваш передатчик?

– ГУ-32... – начал, было, я перечислять лампы.

– Понятно, понятно. Отец на фронте погиб? – спросил он.

– Да, – смущенно ответил я. – В сентябре сорок первого.

– А копия извещения есть? Ах, да... вот она. О... придет-ся вас немного огорчить. Здесь сказано «пропал без вести», а это не совсем то же самое, что погиб. Кем он был по специальности? – спросил декан, пристально всматриваясь мне в глаза.

– Хирургом. Военно-полевым хирургом, пояснил я.

– Понятно.

Он помолчал, а потом неожиданно спросил:

– Мама тоже врач? Почему в медицинский не пошли? Семейная традиция, да и проще там было бы. Росли ведь в окружении медиков, вся терминология с детства, так сказать, на слуху.

– Не тянет меня в медицину, Михаил Петрович. Уж очень мне нравилось в радиоклуб ходить, паять, налаживать и в эфир выходить, – ответил я, как бы оправдываясь.

– А что вы по радиотехнике читали? Книжки, журналы там и прочее?

Этот вопрос он задал, пронизывая меня насквозь своим острым как шило взглядом. Под таким взглядом не соврешь, подумал я. А Шкиц все смотрел на меня, не отрываясь, в ожидании ответа.

– Ну... журнал «Радио» выписываю, «Хрестоматию радиолобителя» читаю, «Радиотехнику» Жеребцова...

Глаза декана засветились теплом, и лицо его расплылось в улыбке. Он снова начал листать мои документы и вслух

прочел, не скрывая удовлетворения:

– ...имеет незаурядные способности, особенно к точным наукам. Проявляет тягу к технике, особенно увлекается радиолюбительством... Гм...

Лицо его внезапно посерьезнело, и он неожиданно спросил, глядя на меня поверх очков:

– А что означает эта фраза в вашей школьной характеристике: «общественные поручения выполняет, но собственной инициативы не проявляет»? К чему это?

– Не знаю... – ответил я в смертельном испуге. – Наверное, классная руководительница хотела, чтобы я просился в комсорги или старосты. Меня хотели в комсомольское бюро... но я отказался. Мне в радиоклубе интереснее было... а с этими... общественными делами... у меня плохо получается... Меня все пытались выбрать куда-нибудь... лишь потому, что я хорошо учился...

Но Михаил Петрович не дал мне договорить.

– Не понимаю, зачем она вам это написала? Чего она хотела этим достичь? А какой предмет она у вас преподавала? – спросил он, приподняв брови.

– Математику, – ответил я.

– Гм... тогда вдвойне удивительно. Ладно, пишите заявление на мое имя с просьбой разрешить выдать вам экзаменационный лист. В конце, пожалуйста, напишите, что с правилами конкурсных вступительных экзаменов вы ознакомлены. Заявление пишется в произвольной форме, собствен-

норучно, в моем присутствии. Ираида Андриановна, будьте любезны, дайте ему чистый лист бумаги.

Я вынул из кармана китайскую авторучку с золотым пером – мамин подарок к моему семнадцатилетию – и принялся писать заявление. Поставив в конце свою подпись и дату, я с волнением протянул листок Шкицу и стал внимательно наблюдать за его реакцией.

Декан сдвинул очки на кончик носа, пробежал глазами по моим письменам и снова посмотрел на меня поверх очков. «Интересно, для чего ему очки, если он все равно смотрит поверх стекол?» – подумал я. Михаил Петрович тепло улыбнулся и сказал, подписывая мое заявление:

– Молодец. Грамотно написал. Ни одной ошибочки. Форму текстового построения заявления знаете и строго выполняете. Что, к сожалению, доступно очень немногим. Все верно – должность, фамилия, имя и отчество лица, к которому Вы обращаетесь, пишется вверху по всей ширине строки, а чье заявление – справа вверху в столбик. И подпись с датой не забыли поставить. Теперь к шестнадцати часам с паспортом придете в сотую аудиторию – экзаменационный лист получите. И помните: вам, чтобы поступить, нужно все экзамены сдать на «отлично». В этом году мы в первую очередь будем брать демобилизованных из рядов Советской Армии, потом тех, кто имеет стаж работы по специальности не менее двух лет, а среди школьников конкурс получается умопомрачительный. Ну, все, молодой человек. До свидания. Ираида

Андриановна, пригласите, пожалуйста, следующего.

Прошло полтора месяца каторжной подготовки, консультаций и изнурительных экзаменов. И вот сдан последний экзамен – устная математика. Только теперь я понял, что все школьные экзамены были не более чем театрализованным представлением. Математику принимали пять преподавателей по очереди. Первый экзаменовал непосредственно по билету. Мало было дать правильные ответы на все вопросы. Преподаватель задавал еще множество дополнительных. В конце он выставлял свою оценку и направлял абитуриента к следующим коллегам, каждый из которых поочередно пытал по своей тематике. Казалось, этой пытке конца-края не будет. Последний передавал экзаменационный лист председателю, и тот выставлял в него общую оценку по результатам, которые ему сообщали все экзаменаторы. Когда мне объявили, что мои знания комиссия оценила на пятерку, я не поверил своим ушам. Ничего не соображая, я двинулся домой, как автомат.

Боже мой! Неужели возможно такое чудо? Я не потерял ни одного балла! В это просто невозможно поверить. Теперь остается только ждать, когда будут вывешены списки зачисленных. Но с чего это я вдруг решил, что это удача? Ни для кого не секрет, что даже с двадцатью пятью баллами поступают не все. А поступлю ли я? Интересно, а каким образом решают, кого принять, а кого нет? Что может не понравиться комиссии в моих данных? Не зря, наверное, декан обра-

тил внимание на некоторые фразы в моей характеристике. Не нужен нам, скажут, такой, который «общественные поручения выполняет, но собственной инициативы не проявляет». Да, удружила мне Матрена Семеновна на прощанье, нечего сказать.

Мучаясь сомнениями и наихудшими предположениями, я пешком дошел до квартиры тети Саши. Тук! Тук! Тук! – постучал я условным кодом. За дверями послышались торопливые шаркающие шаги тети Саши. Не спрашивая вопреки обыкновению «кто там», она открыла дверь и вопросительно уставилась на меня глазами, полными слез. Я вошел в квартиру и, ни слова не говоря, принялся разуваться.

– Ну? – обратилась ко мне тетя Саша, готовая услышать самое неприятное.

– В порядке, тетя Сашенька, – устало сказал я.

– Моя ж ты деточка! Говори, сколько? Что тебе эти черти полосатые поставили? – с мольбой спросила она.

– Пятерку, тетя Саша! – ответил я, с трудом выдавливая из себя улыбку.

Тетя Саша с рыданиями кинулась ко мне на шею и запричитала:

– Моя ж ты радость! Деточка моя родная... поздравляю... Наконец-то...

С трудом оторвавшись от моей груди, она несколько раз перекрестилась, приговаривая:

– Слава тебе, Господи Вседержителю, Отец наш небес-

ный! Слава тебе, Спасе наш, Иисусе Христе, ныне, присно и во веки веков! Пресвятая Богородица, Приснодева Мария, слава тебе! Спасибо тебе, небесный утешитель наш, пресвятой Николай угодничек! Завтра пойду в Благовещенский храм – всем по свечечке поставлю.

Я обнял старую добрую тетку и похлопал по сухощавой спине, согбенной годами, трудами и всеми тяготами жизни. Придя, наконец, в себя, она засуетилась.

– Чего так долго, ласточка ты моя? Я тут несколько раз уже обед разогревала, от каждого шороха вздрагивала. Сто раз в туалет бегала – от волнения желудок расстроился. А тебя все нет и нет. Ну, думаю, все – срезали мальчика, сволочи проклятые, чтоб им пусто было! Пошли в кухню – я буду обед разогревать, а ты рассказывай, птичечка ты моя ненаглядная, – тараторила тетка, ведя меня за руку на кухню.

Тетя Саша заколдовала у плиты, а я сел на выдавший виды шаткий скрипучий круглый стул и принялся в лицах поведствовать о процедуре последнего экзамена. Тетя Саша сочувственно охала, причитала, крестилась, а иногда и употребляла крепкие выраженьица, которым научилась в период немецкой оккупации, когда ходила в села на менки.

– Вот гады проклятые! Надо же – ребенку такие пытки адовы устроить!

– Что ж поделаешь, тетя Сашенька? Такой бешеный конкурс. Надо же как-то прорезживать ряды конкурентов. Слава Богу, что я пока что не оказался среди отсеянных, – успока-

ивал я ее. – Теперь будем ждать списков зачисленных. Молитесь за меня всем святым, чтобы приняли.

– А как же может быть иначе? Разве можно иметь оценки лучше твоих? – искренне удивилась тетя Саша.

– Оценок лучше моих, конечно, быть не может. Но что, если с такими оценками людей будет больше, чем мест, отведенных выпускникам этого года? Тогда начнут рассматривать характеристики, аттестаты и прочие документы. Говорят, в таком случае даже почерк может сыграть решающую роль...

– Брось ты, детка, хреновину пороть! – в сердцах сказала тетка. – Такого ребенка не принять? Кого тогда и принимать?! Пошли кушать. Теперь-то ты не откажешься от моей наливочки?

– От наливки не откажусь. Но только одну рюмочку. Вот если поступлю, тогда и чего покрепче можно будет.

На следующее утро я, как и раньше, проснулся в половине шестого. Но рано вставать теперь уже не было нужды, и я лежал в полудреме, строя всевозможные планы на ближайший день и на все остальное время, что мне предстояло скоротать в ожидании списков. Наконец, мне надоело лежать, и я поднялся с постели, которую тетя Саша сооружала для меня каждый вечер на коротком диванчике с гнутыми ножками. Готовя мне постель, она вынуждена была подставлять стул со стороны торца, чтоб мои ноги не торчали наружу.

Тети Саши не было дома, а на столе лежала записка, на-

царапанная на тетрадном листе ее размашистым, уже декоринированным почерком пожилого человека.

«Геночка, племяшек мой родной!

Я пошла на базар. Потом зайду в Благовещенский собор – возблагодарить Господа и всех небесных покровителей за твои успехи. Сегодня большой праздник – Спас. Буду к полудню, не раньше. Завтракай молочную рисовую кашу – замотана в кастрюльке на круглом стуле, докторскую колбаску – лежит в кухне на подоконнике в белой мисочке. Синюю мисочку не трогай – это соседская. Пей чаек – заваришь сам по вкусу. Отдыхай, ты же так умаялся от своих наук за время экзаменов. Кто придет – никому не открывай, скажи, что я на базаре. Пусть приходят, когда я буду дома.

Жди. Целую.

Твоя любящая тетя Саша.

19/VIII-58 г.»

Позавтракав, я нагрел в кастрюле воды, вымыл посуду и стал раздумывать, чем бы заняться до возвращения тети из церкви. Спать не хотелось, читать тоже. И тут я вспомнил, что обещал написать письмо своему школьному другу и соседу, Мишке Бершацкому. Он ведь тоже поступает – в Запорожский машиностроительный институт. Как-то дела у него?

Не раздумывая, я сел за журнальный столик и принялся писать.

«Дорогой друг Миша!

Наконец-то я закончил сдачу обременительнейших всту-

пительных экзаменов и теперь не знаю, куда себя девать. Прежде всего, сообщаю, что я сдал без потерь, т. е. набрал все 25 баллов. Но это еще не значит, что я поступлю. Конкурс на мой любимый радиофакультет сумасшедший, так что даже с 25-ю баллами могу не пройти. Наша Мантисса написала мне в характеристике, что я имею незаурядные способности, но при этом подчеркнула: “общественные поручения выполняет, но собственной инициативы не проявляет”. Декан на собеседовании обратил на это внимание, кривился и удивлялся, зачем она это написала. В бочку меду не преминула ливнуть ложку дегтя. Стерва! К этому могут придрасться и дать от ворот поворот.

Когда я сдавал документы, к очереди абитуриентов подходил декан лечфака мединститута, приглашал парней. Я с ним от скуки немного поболтал. Он посмотрел мои документы и советовал идти к ним, тем более что я из врачебной семьи. После окончания радиофака ты, говорит, будешь грамотным – вот так (и провел ладонью по шее под подбородком), а заработок будет вот такой (и показал самый кончик пальца). Я ответил, что сюда иду по призванию. Так он заявил, что я пока еще не могу знать, к чему у меня есть призвание, а к чему нет. Вот нахал!

Экзамены, Миша, были сущей каторгой. Первым писали сочинение. Предлагалось три темы по русской литературе и три по украинской – можно было выбирать любую. Я выбрал образ Онегина. Ты ведь знаешь, я всегда восторгался этим

пушкинским шедевром. Я глазам своим не поверил, когда увидел в своем экзаменационном листе пятерку за сочинение! Наша Лариса всегда говорила, что я неправильно анализирую образы героев – пишу все от себя и игнорирую учебник.

Вторым сдавали письменную математику. Задачи были не сложнее, чем в задачнике Моденова, которые мы с тобой перерешали в течение учебного года. Я боялся претензий за грязь – ведь я такой невнимательный, обязательно намажу: что-нибудь зачеркну или исправлю. Намазал и здесь, но мне этот грех, по-видимому, простили и поставили пятерку.

Потом была устная физика. Принимали два независимых экзаменатора по очереди. Один вынимал душу по механике и газам, другой, вернее, другая (это была женщина) по электричеству. Однако мне повезло – задавали как раз те вопросы, которые я знал. Оба поставили пятерки и, конечно, в экзаменационный лист тоже пять.

Следующим был немецкий. Вот тут мне Фортуна немного изменила. Накануне экзамена на консультации преподавательница сказала, что Konjunktiv из программы исключен и готовить его не нужно. Я, конечно же, и не готовил. Представляешь, Миша, беру билет, а там Konjunktiv! Я чуть в обморок не грохнулся, как кисейная барышня. Потом набрался храбрости и сказал преподавателю, что на консультации нас заверили, будто Konjunktiv'a в билетах не будет. Так меня чуть не выгнали. Пришлось заткнуться, мобилизовать свою

память и вспомнить, что давала наша Барбара. И сработало! Вспомнил, и все оказалось правильно. Потом две дамы гоняли меня по разговорным темам и всей грамматике. В моих ответах были шероховатости, но они все же поставили мне пять. Дай Бог здоровья нашей Барбаре Дитмаровне. Увидишь ее до моего приезда, передай от меня кучу благодарностей. Приеду – еще раз ее поблагодарю, уже лично.

А на закуску оставили устную математику. Экзаменовали пять человек по очереди – каждый по своим темам. Вопросы было несметное количество, примеров и задач тоже. Были моменты, когда я хотел уже, было, поднять обе руки, но потом мобилизовал в себе весь запас мужества, напрягал мозги и прорывался. Не подумай только, Миша, что я корчу из себя гения. Нет, большей частью мне просто везло. Я до сих пор не могу понять, как так получилось, что я проскочил без потерь.

Теперь я томлюсь в ожидании 25-го августа, когда должны вывесить списки. Зная по собственному опыту, что в самый ответственный момент госпожа Фортуна обычно поворачивается ко мне задницей, я при всем желании не могу настроиться на оптимистический лад и ожидаю худшего. Когда будут вывешены списки, я пришлю маме телеграмму, и ты у нее узнаешь, каков мой финал.

Не без гордости скажу, что нас в школе очень даже неплохо подготовили. Здесь было столько харьковчан с отличными аттестатами, медалями и такими умными рожами! А за-

дачи решали куда хуже меня. Да, у нас были, в основном, классные учителя, и я непременно им об этом скажу. Правда, математике наша Мантисса меня почти не учила – я все добывал сам из книг, ты же знаешь.

Рядом с домом моей тети, у которой я временно живу, есть хороший кинотеатр на два зала. Схожу в кино. Эти дни я был так задерган, что даже не посмотрел, что там идет.

Хотел познакомиться с какой-нибудь хорошей девчонкой, но что-то не получилось в силу разных причин.

Харьков – город значительно более крупный, чем Запорожье, но грязный, пыльный и без воды. Правда, здесь есть пляжики на местных водоемах, но вода там просто черная от грязи. Я никогда, наверное, не смогу в нее окунуться.

Здесь очень богатые магазины радиодеталей: можно за просто купить генераторные лампы, сопротивления и конденсаторы почти всех номиналов, мощные силовые трансформаторы, динамические микрофоны и прочее. У меня просто глаза разбегаются, только денег, к сожалению, мало.

Миша, как я хочу сейчас на Днепр! Я ужасно соскучился и по тебе, и по нашим пацанам, и по некоторым девчонкам. По обитателям нашего двора – тоже. Передавай всем, кого увидишь, от меня привет.

Как дела у тебя? Ты, я надеюсь, поступил уже? Что там у наших ближайших друзей? Если ты сразу же ответишь, я смогу еще получить твой ответ до приезда в родное Запорожье “иль со щитом, иль на щите” – не знаю, как получится.

Передавай мой самый теплый привет своим родителям, брату и сестричке. Пиши.

До скорого.

Твой школьный друг

Гена.

19 августа 1958 года.»

Тетя Саша вошла как раз в тот момент, когда я писал на конверте Мишкин адрес.

– Тетя Сашенька, здравствуйте, дорогая моя! Ну, как скупилась? – спросил я, поднимаясь со стула.

– Здравствуй, Геночка. Неважно скупилась. Дорого все. Эти чертовы шкуродеры совсем обнаглели. А ты тут как, с голоду не пропал? Завтракал? – эмоционально ответила она, ставя у двери тяжелые сумки с базарными покупками.

– Все в порядке. Позавтракал. Большое спасибо.

– Вот уж раздолье тебе было поспать, наконец, в свое удовольствие: экзамены подавал, я ушла на базар ни свет ни зоря. Тишина, никого нет, спи себе хоть до обеда, – сказала тетка, улыбаясь. – Отнеси, детка, эти сумки в кухню, а я пока переоденусь в домашнее.

Я выполнил тети Сашину просьбу и сел у кухонного стола, ожидая, пока она переоденется и выйдет на кухню, чтобы разобрать покупки. Через несколько минут она вошла, одетая в цветастый ситцевый халат с короткими рукавами, слегка шаркая усталыми ногами в домашних шлепанцах.

– Скушай, Геночка, яблочко. Свяченное. Вот. Сливы то-

же. И все фрукты посвятила. Народу было в храме – видимо-невидимо. А один парень, такой как ты по возрасту, стоял возле меня и так усердно молился! А ты вот ни единым словом Господа нашего Иисуса Христа не поблагодарил. Нельзя так, золото мое. Господь – он милосерд, но нельзя же ему на голову садиться. Если его не благодарить, он, в конце концов, и помогать перестанет, – назидательно сказала тетя Саша и стала выкладывать на стол аппетитные желтые яблоки, сливы, зелень и овощи.

Она протянула мне самое красивое яблоко.

– Кушай, детка, на здоровьице. Помой только хорошенько, а то Бог его знает, кто его какими руками трогал. Да и опрыскивали, наверное, всякими химикалиями ядовитыми.

– Тетя Саша, я же сын врачей. Как я могу не помыть, по-вашему? – ответил я, подставляя яблоко под холодную струю из-под крана.

– Да у вас же, молодых, ума еще совсем нет – можешь и забыть, – добродушно сказала она, пристально рассматривая на ладони кусок говядины и несколько увесистых костей сквозь очки, сидящие на самом кончике носа. – Вот скотина! Набросал-таки костей, чтоб ему самому до конца жизни такие жрать! За что деньги взял, мерзавец! Вот раньше был сортовой разруб мяса. Так-то, что получше, стоило дороже. Заплатишь, так хоть порадуешься. А тут и деньги заплатишь, и дерьмо подсунут. Совсем обнаглели. Особенно этот, красномордый пьяница – за версту разит. Такую очередь высто-

яла, а что получила! Да еще и издевается, сволочь – как собаке швыряет.

Тетя Саша положила мясо в эмалированную кастрюлю, накрыла крышкой и принялась выкладывать остальные покупки. А я наблюдал за ее движениями, громко хрустя яблоком.

– Ты давно встал? – поинтересовалась тетя, попутно пробуя крупную темно-синюю сливу.

– В шесть часов, – ответил я, откусывая солидный кусок сочного яблока.

– Какого беса? Чего тебя черти подняли ни свет, ни заря? – оторопела тетя Саша от неожиданности. – Что тебе мешало поспать еще часика три-четыре, спрашивается?

– Привык уже – не спится, – ответил я, несколько смутившись.

– И чем же ты занимался все это время, детка моя? – спросила она, ставя пустые сумки в кладовку.

– Писал письмо своему школьному другу и соседу. Его квартира прямо под нашей – этажом ниже. Сейчас пойду брошу. Где здесь ближайший почтовый ящик? – спросил я и выбросил огрызок яблока в мусорное ведро.

– Вот хорошо, заодно и хлебушка купишь. А ящик – это здесь за углом, – показала она в окно. – Как со двора выйдешь, сразу направо. Там увидишь. Хлеб бери кирпичиком, который по рублю шестьдесят. Только что привезли как раз. Я проходила – выгружали. Запах стоял! Сейчас я деньги дам.

– Не нужно, тетя Саша. Умоляю вас, ради Бога! У меня достаточно денег, чтобы хлеба купить. Дайте мне только сумочку. Я вот эту возьму, парусиновую.

Я давно заметил, что если я чем-то озабочен, то слышу вокруг себя множество разговоров на соответствующую тему. Кроме того, мне начинают попадаться соответствующие книги, встречаются соответствующие люди, я попадаю на кинофильмы, где затрагиваются соответствующие темы, в компании, где непременно интересуются той же проблемой, и тому подобное. Почему так получается? Это что, совпадения? Или я просто раньше не фиксировал своего внимания на этой проблеме? Нет, не похоже. Вот, скажем, когда я сдавал выпускные экзамены, вокруг меня каждый третий, если не второй, говорил об экзаменах на аттестат. В прошлом году в это же время мне тоже доводилось слышать разговоры на эту тему, но почему-то очень редко. Если бы я просто не обращал на них внимания, потому что они меня не касались, я не запомнил бы их вообще. А если бы я слышал их примерно столько же, сколько в этом году, то и запомнил бы их столько же, правда, не вникая в подробности. Но они мне запомнились в очень малом количестве. Мистика какая-то! Вот и теперь, где бы я ни находился: на улице, в кино, в транспорте – повсюду говорят о вступительных экзаменах, о конкурсах, о дилемме «пройдет – не пройдет» и тому подобное.

В хлебном магазине стояла очередь, хвост которой выходил на улицу. Тетя Саша была права – запах стоял необычно-

венно аппетитный. Я пристроился в конец очереди и тут же услышал, как две девчонки примерно моего возраста, стоящие впереди меня, ведут оживленный разговор на интересующую меня тему. Одна из них, чуть полноватая брюнетка с пышной прической, выглядела немного старше своей собеседницы и говорила степенно и даже, как мне показалось, немного высокомерно:

– Ты, я думаю, пройдешь. На археологию с твоим баллом в прошлом году поступили все. Если бы я туда пошла, я бы точно поступила. А я, дурочка, никого не слушала, заладила свое – и все тут. В результате – поступаю еще и в этом году.

– Ну, теперь у тебя двухлетний стаж есть. Тебе легче. Не то, что мне, – говорила ее белокурая подружка.

Эта беленькая очаровала меня с первого взгляда. Она была чуть выше первой, с распущенными светлыми волосами какого-то особого лунного оттенка, ниспадающими на узкую прямую спину. Вокруг ее безукоризненной фигуры нежно полоскалось шелковое светло-голубое платье, из-под которого рельефно выступали небольшие округлые формы, будоражащие мое юношеское воображение.

Под веселый аккомпанемент девичьего щебета очередь продвигалась удивительно быстро, и вскоре я вышел из магазина с буханкой ароматного хлеба и парой свежайших булок в парусиновой сумке. Такие булки раньше назывались «французскими» или «франзолями», а потом наши партийные власти, борясь с тлетворным влиянием капиталистиче-

ского запада, переименовали их в «городские». Звучит, по моему, буднично и даже нелепо. Я огляделся по сторонам, высматривая щебетух, покинувших магазин за пару минут до меня. Они шли в направлении, где, по словам тети Саши, находился почтовый ящик, что меня очень даже устраивало. Я ускорил шаг и, поравнявшись с ними, вклинился в разговор:

– Девушки, не подскажите, где здесь поблизости почтовый ящик?

Брюнетка глянула на меня с некоторым любопытством и задала встречный вопрос:

– Это чтобы беседу завязать, да?

– Возможно, – ответил я, стараясь не показать, что такая ее реакция пришлась мне не по душе.

– Тогда поищите поблизости каких-нибудь других собеседниц, – ответила она, ускоряя шаг. – Мы не вступаем в разговоры с первыми встречными.

– Вам что, трудно сказать? Я в вашем городе новый человек. Впервые сюда приехал и ничего здесь не знаю. Мне вот нужно письмо отправить, а вы и подсказать не хотите, – сказал я с укоризной.

– Понятно, – язвила брюнетка, – и письмо только что собрались написать. Чернила уже развели?

– Ошибаетесь, – ответил я, стараясь казаться абсолютно спокойным. – Письмо у меня с собой, в сумке с хлебом. Хотите – покажу.

– Интересно. А пусть покажет, – игриво сказала блондинка необыкновенно певучим голосом и кокетливо улыбнулась.

В этот момент я ощутил, что мое сердце забилося с бешеной частотой, и в него с болью вонзилась острая игла и прочно там засела.

– Пара пустяков, – ответил я, с трудом глотнув воздуха, и начал беспорядочно шарить в сумке. – Сейчас... да где же оно... минуточку... сейчас найду.

Но конверт куда-то пропал роковым образом, и я уже, было, подумал, что выронил его в магазине, когда укладывал свои покупки. Если так, печально вдвойне. Ведь такое письмо можно написать только один раз.

– Ой! Дома забыл! – злорадно сказала брюнетка и залилась едким саркастическим смехом.

– Сейчас, сейчас... Да вот он, наконец, – сказал я с облегчением, вертя перед ними пухлый конверт. – Можете посмотреть или потрогать. Как будет для вас убедительнее.

– Ну вот, – обворожительно пропела блондинка, и та самая игла, безжалостно шевельнувшись, снова травмировала мое сердце, – письмо, небось, любимой девушке, а вы предлагаете нам – на проверку.

– У меня нет любимой девушки, – ответил я, пытаясь казаться абсолютно спокойным. – Это письмо школьному другу – о том, как я сдавал вступительные экзамены, если это вас, конечно, интересует.

– Да? Интересно, куда? Если не секрет, конечно, – полюбопытствовала блондинка.

– Почему же секрет? В политехнический. На радиофакультет, – с гордостью ответил я, любуясь этой прекрасной девушкой.

– Даже так? – спросила брюнетка не без иронии. – Ну и как, поступил?

– Не знаю, списки еще не вывесили, – ответил я, не в силах оторвать взгляда от очаровательной блондинки.

– А сколько баллов набрал? – спросила блондинка, сверкнув лучистыми глазами, голубыми, как майское небо.

– Двадцать пять, – спокойно ответил я. – А что?

– Как, двадцать пять? На радиофак? О-хо-хо! На круглые пятерки сдал, что ли? – искренне удивилась брюнетка.

– Стало быть, так, – ответил я.

– У тебя и стаж, небось, есть? – с некоторой завистью в голосе спросила беленькая.

– Что ты, какой там стаж! Чернила в аттестате не высохли, и печать еще мокрая, – поспешил я ее успокоить.

– Так чего тебе беспокоиться, если у тебя все пятерки? – вполне резонно недоумевала она.

– Да там бывает отличников больше, чем мест, – попытался я разъяснить. – Тем более, в этом году таких как я, школьников, набирают совсем мало, как распорядился наш дорогой Никита Сергеевич.

– Что б еще этот мужик неотесанный в образовании по-

нимал! Суконным рылом – в калашный ряд, – возмутилась беленькая.

– Ну, Света, так нельзя. Он ведь руководитель нашего государства, как-никак, – осадил ее брюнетка.

– Ну так что? Все равно ведь неграмотный. Как скажет «сициализм» или «коммунизм», так меня и начинает лихорадить. И он еще при этом грамматику переделывать берет-ся и в высшее образование влезает, – стояла на своем Света.

Подружка дернула Свету сзади за платье с такой силой, что шелковая ткань в ее пальцах издала жалобный писк. Чтобы вывести разговор из затруднительного положения, я вклинился в их перебранку.

– Девочки, давайте, наконец, познакомимся. Меня зовут Гена. Тебя, как я понял, Света. А тебя как? – обратился я к чернявой.

Та недовольно уставилась на меня и после затянувшейся паузы дерзко сказала:

– Я сразу поняла, что этим кончится. И уже говорила, что на улице не знакомлюсь.

– Ничего подобного. Такого ты не говорила. Ты сказала, что с первыми встречными не заговариваешь. Но разговор у нас уже завязался, и сам собой, притом по делу. А как же можно говорить, не зная имен друг друга? – возразил я.

– Но говорили же до сих пор, – отпарировала брюнетка.

– Ее зовут Валя. Она харьковчанка, а я из Сум. Снимаю жилье на одной лестничной площадке с квартирой, где жи-

вет Валя. Вернее, комнату в квартире ее соседки. Это здесь неподалеку – в доме, что сразу за кинотеатром, – разрядила обстановку Света, указав в сторону большого серого здания.

– Ну, Светка, ты даешь. Перед первым встречным выложила чуть ли не всю нашу подноготную. Зачем это? – искренне возмутилась Валя.

– А я не первый встречный, я такой же абитура, как и вы. И живу я у родной тети. Это вон там – где палисадник, заросший сиренью. Вот мы и познакомились. И ничего ни с кем не случилось, – сказал я, стараясь казаться раскованным.

– Еще увидим, – назидательно заметила Валя. – Кстати, почтовый ящик мы уже прошли. Вон он, на угловом доме.

– Спасибо. Вижу. Насколько я понял из вашей беседы, Света поступает в университет на археологию. А Валя куда, если это не государственная тайна, конечно? – спросил я.

Света посмотрела мне в глаза и лукаво усмехнулась. Валя сделала серьезное лицо и помолчала несколько секунд, словно раздумывая – говорить или нет. Но потом все же сказала:

– Я сдала на гидрогеологический. Ну что, тебе легче стало?

Она спросила без тени юмора, всеми силами стремясь подчеркнуть свою серьезность и нежелание поддерживать со мной дальнейшие отношения. Но я сделал вид, что этого не понял и непринужденно спросил:

– А когда будет известно, поступили вы или нет?

– Списки будут двадцать пятого – как у всех. У вас ведь

тоже? – спросила Света.

– Конечно. Буду за вас болеть.

– Очень любезно с твоей стороны. Но болельщиков у нас и без тебя хватает, – съязвила Валя.

– Мне будет любопытно узнать, поступили вы или нет. Телефончики дадите? – спросил я и посмотрел сначала на Валу, потом на Свету.

– У меня телефона нет! – отчеканила Валя.

– Жаль, – сказал я. – А у тебя, Света?

– А у меня, точнее, у моей хозяйки, есть. Записывай, – сказала она, откидывая назад тяжелую прядь волос, отливающих платиной.

– Говори, я запомню, – сказал я, стремясь быть как можно более приветливым.

– Три – сорок семь – тридцать четыре, – сказала Света, кокетливо качая в такт словам своим очаровательным овальным личиком. – Повтори.

– Три – сорок семь – тридцать четыре, – оттараторил я без запинки. – К сожалению, у моей тети телефона нет.

Валя посмотрела на Свету с явным укором и выпалила ей в глаза:

– Светка, ты поняла, наконец, что почем?

Но Света оставила ее реплику без внимания и предложила:

– Ну как, разбежались?

– Хорошо. Я позвоню. Желаю удачи. До встречи. Вернее,

до звонка, – сказал я, обращаясь к обеим.

– Удачи тебе, Гена, – попрощалась Света, а Валя молча кивнула с серьезной миной.

Я зашагал к почтовому ящику. Опустив письмо, я обернулся и увидел, что мои новые знакомые все еще стоят в тени раскидистой липы и наблюдают за мной. Увидев, что я смотрю в их сторону, они тут же направились к своему дому. Ну и стерва же эта Валя – всеми силами пытается убедить Свету в том, что я не тот, за кого себя выдаю. Надо же – подумала, наверное, что я вовсе не собирался опускать письмо! Но ничего, я позвоню Светлане и встречу с нею уже в отсутствие этой зануды. До двадцать пятого еще довольно много времени. Не терять же его, в конце концов. Жаль только, что денег у меня маловато. Обидно, черт возьми. Такой классной девчонке я хотел бы каждый день дарить наилучшие цветы и самые дорогие подарки. Ее бы на шикарной «Волге» возить да изысканными яствами потчевать. Вот это девчонка!

Каждый вечер тетя Саша ходила смотреть телевизор к своей приятельнице, которая жила в соседнем доме. Исключение составлял четверг, когда на телецентре был выходной. В этот день все харьковчане шли в бани, парикмахерские, за покупками, в гости или принимали гостей, делали уборку, готовили еду – в общем, стремились сделать все, что только можно, чтобы остальные вечера посвятить телевизору. Чтобы люди охотнее покупали телевизоры, по телевидению демонстрировали самые новые кинофильмы, порой еще даже

не вышедшие на экраны кинотеатров.

В те времена мало кто имел возможность приобрести телевизор, и к счастливым обладателям этого предмета роскоши вечерами стекались те, кто такового не имел. Знакомые и незнакомые соседи по подъезду, дому и даже из близлежащих домов шли со своими скамейками, табуретками и стульями в квартиры, где были телевизоры, и спешили занять места, как в кинотеатре. По окончании телепрограммы, а заканчивалась она часов в одиннадцать ночи, соседи с благодарностью расходились. Перед тем как уйти, каждый считал своим долгом предложить хозяевам свои услуги по уборке, так как посетители неизбежно натаптывали. Хозяева оставляли двоих–троих добровольцев, и те тщательно подметали и мыли пол в комнате, а заодно, как правило, в кухне и прихожей и с чувством исполненного долга откланивались до следующего вечера. Не пустить кого-то на телевизор считалось признаком дурного тона, поэтому хозяева пускали порой совершенно незнакомых людей и даже тех, с кем отношения были, скажем так, не самыми лучшими.

– Гена, пойдем со мной вечером к Анне Михайловне на телевизор, – предложила тетя Саша. – Сегодня концерт по программе – будут Трошин, Бернес и Тарапунька со Штепселем. Теперь же тебе не нужно готовиться. Сегодня ты целый день проспал – бока, наверное, болят. Что тебе весь вечер делать? А гулять по темну опасно – тут сявок да раклов, что навоза в свинарнике.

– Да нет, тетя Саша, как-нибудь потом. Мне бы пятнашек наменять – хочу позвонить тут своим новым знакомым, узнать насчет поступления, – ответил я.

Света у меня из ума не шла – так хотелось познакомиться с ней поближе. Но у тети Саши не было телефона, а автоматы, которые мне удалось найти поблизости, все были испорчены. Но я решил сегодня во что бы то ни стало найти исправный автомат и позвонить Свете, если ее еще кто-нибудь не увел. А тут тетя Саша со своим приглашением. Правда, пойти хотелось – вживую посмотреть на работающий телевизор – ведь я до этого никогда не видел телевизора. У нас в Запорожье телецентр только строился, а здесь уже несколько лет как работал «на всю катушку».

– Нет у меня пятнадцаток, – сказала тетя, – да и рядом тут все автоматы сявота попортила. Скорую вызвать неоткуда, приходится к соседям проситься. А у Анны Михайловны, кстати, телефон есть. Позвонишь, пока мы смотреть будем, а потом к нам присоедилишься. Пойдем, Геночка, а то тут от нудьги пропадешь.

– Да неудобно как-то у незнакомых людей телефон просить. Эта ваша Анна Михайловна, она ведь меня и знать не знает, – попробовал отказаться я, питая в душе тайную надежду.

– Как это не знает? Да она о тебе каждый день меня спрашивает. Ну как, говорит, Гена твой – поступил? Мы с нею с самой оккупации дружим. Сколько на менках друг друга вы-

ручали! Я попрошу – она ни за что не откажет. И даже рада будет в чем помочь. Вот увидишь. Пойдем, детка, пойдем. Я вон тебе уже и рубашечку погладила. Пойдем. Побрейся только, а то с тех пор, как последний экзамен сдал, ты ни разу и не брился.

Против таких доводов устоять было невозможно, и я сделал вид, что нехотя соглашаюсь:

– Ну, если попросите, это другое дело. Сейчас побреюсь.

Через пару часов мы с тетей Сашей шли к соседнему дому – я с маленькой табуреткой, а моя добрая старенькая тетя с раскладным стульчиком, купленным недавно по случаю на барахолке. Мы вошли в подъезд, и тетя Саша остановилась у двери лифта и надавила на кнопку. Рядом с кнопкой загорелась красная лампочка, и сверху послышался громкий щелчок, а после – шум опускающейся лифтной клетки. До этого момента я никогда не видел лифта, поскольку высотных домов в моем городе в то время еще не было. А здесь дома высотой в шесть и более этажей еще до войны оснащались лифтами. Лифт со скрипом и скрежетом «приземлился», и тетя Саша распахнула передо мной створки его дверей.

В лифте стоял терпкий запах мочи и горелой изоляции. Тетя Саша старательно закрыла двери и надавила на кнопку с цифрой пять. Старый лифт дрогнул, гроыхнул и с лязгом, скрипом и скрежетом поехал вверх. Он ехал так долго, что пешком, как мне показалось, можно было дойти быстрее. Наконец он лязгнул в последний раз и, словно за что-

то зацепившись, с визгом остановился. Мы вышли на широкую лестничную площадку. Тетя Саша захлопнула тяжелую решетчатую дверь, и лифт, сотрясая лестничную клетку, тут же отправился вниз.

На стук тети Саши дверь открыла жизнерадостная пожилая дама с аккуратно подстриженными совершенно седыми волосами и приветливо пригласила нас в квартиру. Она поцеловала тетю Сашу и с неподдельно искренней улыбкой посмотрела на меня.

– Здравствуй, здравствуй, молодой человек! Рада, наконец, с тобой познакомиться. Ну как, уже есть списки? Поступил? – спросила она на удивление молодым и красивым голосом.

– Нет еще, обещали двадцать пятого вывесить, – ответил я, немного смущаясь под пронизательным взглядом ее карих глаз. – Меня Гена зовут.

– Знаю, знаю, дорогой ты наш Гена. Твоя тетя давно всем тут уши прожужжала своим племянником Геной. Так что все мы давно уже тебя заочно знаем. Молились за каждый твой экзамен. И вот услышал Господь наши мольбы, – она перекрестилась, – ты сдал на все пятерочки и теперь наверняка тебя примут.

– Да это еще, Анна Михайловна, как сказать. Нельзя с такой уверенностью говорить заранее. Когда речь идет об экзаменах или поступлении в институт, я становлюсь ужасно суеверным, – сказал я с искренним смущением.

– А суеверие, Гена, это грех. Батюшка в церкви на исповеди всегда спрашивает, не был ли ты суеверным. Так что суеверия в сторону. Говорю тебе – ты непременно поступишь при твоих пятерках. А как же может быть еще иначе? Такого чудного мальчика не принять – это исключено. Твой отец что, зря воевал и голову сложил? Проходите в комнату, располагайтесь, где вам больше нравится, пока еще никого из соседей нет. Минут через десять здесь будет народу, как в сельском клубе.

«Чудный мальчик! Ненавижу, когда так обо мне говорят! Ужасная пошлятина!» – думал я, негодуя про себя. Но вида не подавал. Во всяком случае, мне так казалось.

Мы поставили свои «сидола» перед телевизором, экран которого был закрыт темно-синей плюшевой накидкой с вышитыми на ней ярко-красными розами. Тетя Саша села и посмотрела на меня вопросительным взглядом.

– Почему не садишься? – спросила она. – Вырасти побольше хочешь, что ли?

Я молча приложил к уху руку, изображая телефонную трубку, и покрутил пальцем, будто набирая номер. Тетя Саша понимающе кивнула.

– Аннушка, – обратилась она к приятельнице, – Гена позвонить хочет. Можно?

– Пожалуйста. Пусть звонит себе на здоровьишко. Телефон свободен и звонка я ниоткуда не ожидаю. Совершенно чужие люди каждый день звонить ходят, а я твоему племя-

шу откажу, что ли? Звони, Геночка, звони, сколько нужно, – сказала Анна Михайловна. – Телефон в прихожей стоит, но шнур у меня длинный. Я его в кухню перенесу, а то сейчас соседи на телевизор гурьбой пойдут, тебе мешать будут.

Она взяла стоявший у входа черный увесистый телефонный аппарат, отнесла в кухню, поставила на кухонный столтумбу и пододвинула колченогий стул.

– Звони, Геночка. Хоть до ночи говори, а мы тут с твоей тетей посудачим, пока посетители не пришли, – добродушно сказала она и вышла из кухни, деликатно притворив за собой дверь.

Я сел у телефона и набрал светланин номер, который с первого раза запомнил на всю жизнь. После пары гудков ответил грубый прокуренный женский голос, который я принял было за мужской:

– Слушаю вас.

– Добрый вечер! – поздоровался я.

– Добрый, добрый! – пробасила трубка. – Вам кого?

– Извините, Светлану можно? – спросил я, стараясь быть предельно вежливым.

– Кто спрашивает? – поинтересовалась женщина.

– Гена. Парень, который в политехнический на радиофак поступает, – ответил я самым любезным тоном, на который только был способен.

Трубка долго молчала, потом послышался нежный Светланин голос:

– Я слушаю.

– Света, это я, Гена. Мы в хлебном вместе в очереди стояли. Потом я у вас с Вале́й про почтовый ящик спрашивал – помнишь? – спросил я, волнуясь больше, чем на экзамене по математике.

– Помню, конечно, – ответила Светлана, и по ее голосу я понял, что она улыбается.

В моем сердце снова болезненно шевельнулась та самая игла, тонкая и острая, как осиное жало. От волнения у меня пересохло во рту, и я с трудом вымолвил:

– Света, как ты насчет того, чтобы встретиться? Ужасно хочется с тобой пообщаться.

В трубке послышался непринужденный смех, нежный и благозвучный, как серебряный колокольчик.

– Списков еще нет, – кокетливо сказала она, – а ты говорил, что хочешь узнать только насчет моего с Вале́й поступления.

– Валя меня не интересует. Я хочу встретиться с тобой, больше ни с кем. Ну так как, встретимся? – продолжал я свою робкую и неуклюжую атаку.

– Только не сегодня, – ответила она. – Сегодня я занята.

Меня как электрическим током ударило. Ага, сегодня у нее с кем-то другим свидание... Ясно. Но не отступать же мне. Такую девчонку завоевать непросто – это ясно как день. Если у нее кто-то есть, попытаюсь отбить. Что я, урод какой-нибудь, что ли? Я набрал в легкие воздуха и спросил:

– Чем, если это не тайна?

– Почему же тайна? Сегодня я помогаю Вере Карповне убираться в квартире. Ты доволен? – весело спросила она.

У меня отлегло от сердца, и я не удержался от вздоха облегчения, в ответ на который она тихо засмеялась.

– А завтра? – спросил я с надеждой.

– Смотря когда, – ответила она.

– Когда тебе будет удобнее, – предложил я.

– К вечеру, когда жара спадет. Часов в пять у входа в наш кинотеатр – подходит? – мелодично пропела Светлана.

– Конечно, – радостно ответил я.

– Откуда ты звонишь? – неожиданно поинтересовалась Светлана. – На автомат не похоже – слышно, как из соседней комнаты.

– Ты почти угадала, из соседнего дома. Я у подруги моей тети – мы к ней на телевизор пришли, и я воспользовался ее телефоном. Может быть, вам с хозяйкой помочь убирать? Там, мебель двигать, что-нибудь усердно драить, таскать и прочее? – предложил я свою помощь.

– Спасибо, Гена. Но мы сами обойдемся. Тяжелых работ мы не планируем. Извини, мне трудиться надо. До завтра, – сказала она и замолчала.

Я отчетливо слышал, как она дышит, и ее дыхание было для меня приятнее сладчайшей в мире музыки. Я балдел, слушая его, и мне хотелось, чтобы этот ее немой монолог продолжался бесконечно.

– Алло... Гена, ты меня слышишь? – спросила она.

– Да, конечно. Не хочется с тобой прощаться, – признался я.

– Прости, но мне нужно убирать в прихожей. До завтрашнего свидания, – попрощалась она во второй раз.

– До свидания, – сказал я, не отваживаясь первым положить трубку.

В трубке слышались гудки отбоя. Только теперь мое внимание уловило дружные взрывы хохота уже успевших собраться соседей. Я тихо вошел в комнату, где работал телевизор, занял свое место на маленькой табуретке и уставился на голубой экран.

Телевизор показался мне величайшим чудом эпохи. Да это, собственно, так и было. Его работа сопровождалась тихим свистом строчного трансформатора, изображение иногда подергивалось и перекашивалось, порой начинали плыть кадры, но сам факт приема изображения, посланного из далекой студии, будоражил мое воображение. Я любовался этим телевизором так, как никогда потом не любовался даже самыми современными «шарпами», «панасониками», «сони» или «джей-ви-си». И я был невообразимо горд тем, что избрал себе профессию радиоинженера и через каких-нибудь пять-шесть лет смогу творить в этой новой и прогрессивной отрасли науки и техники. Если, конечно, я поступлю.

Показывали веселый концерт, посвященный Дню Военно-морского флота, но я никак не мог сосредоточиться на

том, что было на экране, а думал о чудесных перспективах радиотехники и, конечно же, о предстоящей встрече со Светланой.

Я прохаживался с букетом крупных чайных роз, аккуратно обернутым выблескивающим в лучах заходящего августовского солнца листом целлофана, недалеко от входа в кинотеатр и высматривал Светлану со стороны дома, где она снимала жилье. Воображая, как она будет идти, грациозно покачивая крутыми бедрами, и ее шелковистые платиновые волосы будут струиться по округлым плечам вдоль изящной спины, я не видел вокруг себя ничего – ни людей, толпящихся у входа, ни проносящихся мимо меня автомобилей и трамваев, ни броских киноафиш.

– Привет. Давно ждешь? – услышал я позади себя нежный девичий голос и, оглянувшись, увидел улыбающуюся Светлану с оригинальной сумочкой из белой кожи.

– Привет, – оторопело ответил я, протягивая ей цветы. – А я выглядываю тебя со стороны твоего дома.

Она механически взяла букет, глубоко втянула носом воздух, напоенный нежнейшим ароматом, и, застенчиво улыбаясь из-за цветов, тихо сказала:

– Спасибо, Гена. Мне никто еще таких красивых и ароматных роз не дарил. Зачем ты так потратился? Я ведь представляю, сколько стоит такой букет.

Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что сказать в ответ. Светлана заговорила первая:

– А я вот у землячки была. Она в фармацевтический поступает и набрала двадцать пять баллов, как и ты.

– Ну что, куда пойдём? В кино? – предложил я первое, что пришло в голову.

– В такую жару? Нет, не хочется. Поехали в сад Шевченко, там так красиво. Ты там был? – спросила она и то ли от смущения, то ли, чтобы насладиться запахом роз, окунула в букет лицо.

– С удовольствием, – охотно согласился я. – Попробую поймать такси.

– Такси? Тебя что, трамвай не устраивает? – неподдельно удивилась она. – Вот что, Гена. Оставь, пожалуйста, эти рок-феллерские замашки. Я предлагаю зайти сейчас ко мне – я поставлю твои розы в вазу, возьму там кое-что, и поедем на трамвае. Идет?

– А хозяйка? Я, наверное, тебя до подъезда провожу и там подожду, пока ты с этими делами справишься, – предложил я.

– Наоборот, если она увидит тебя, она успокоится, не будет думать, что я с каким-то проходимцем ушла, – разъяснила Светлана.

– А чего это она о тебе так печется? Она тебе что, родственница, что ли? – поинтересовался я.

– Нет, не родственница. Она обещала моей маме побеспокоиться обо мне. И вообще Вера Карповна очень хорошая женщина.

Мы сидели на лавочке у самого каскада и смотрели на воду, с журчаньем сбегаящую по ступенькам, образуя тонкие прозрачные водопады. Близость воды давала прохладу, и там сидеть было значительно приятнее, чем бесцельно бродить по городскому саду. Да и устали мы изрядно, исколесив все аллеи вдоль и поперек. Я сломал нам по веточке, и мы, слушая волшебную музыку воды, непрерывно ими отмахивались от докучливых комаров, которые с наступлением сумерек с каждой минутой делались все более кровожадными.

– Света, а как давно ты увлекаешься археологией? – поинтересовался я.

– Я ею не увлекалась. Просто она меня интересует, – ответила Светлана, хлестнув себя веткой по ноге так, что от нее отлетело несколько листьев.

– Но ты, я надеюсь, пошла по призванию на археологический? – спросил я, немного удивленный таким ответом.

– А ты – по призванию? – ответила Света вопросом на вопрос, чего я в повседневной жизни терпеть не мог.

Оставив этот факт без внимания, я с гордостью сказал:

– Ну, разумеется. А как же иначе?

– А так. Я, например, не знаю, что это такое – призвание. И, если честно, не верю ни в какие призвания, – ответила она, одарив меня чарующей улыбкой.

– Удивительно и оригинально – ничего не скажешь, – сказал я с нескрываемым удивлением. – Все верят, а ты нет. По моему, призвание – это если тебя какое-то дело увлекает на-

столько, что ты хочешь во что бы то ни стало сделать его своей профессией. Вернее, твоя душа этого требует. И оно тебе никогда не надоедает. И плюс талант у тебя к нему имеется. Ты спросишь, что такое талант? А талант – это, я читал, способность что-то делать с удовольствием, с увлечением, быстрее, легче и лучше, нежели другие.

– А как узнать, есть ли у меня талант? А если есть, то к чему? Мне кажется, для этого нужно проверить себя на определенном поприще, – игриво сказала Света.

– Говорят, что талант сам себя проявит, пробьется сквозь все наружу, как трава сквозь асфальт. Но талант есть не у каждого. А если его нет, то ничего страшного, можно стать ремесленником в своей профессии. А хорошие ремесленники тоже нужны. Тогда, я думаю, нужно выбирать такую профессию, которая тебя если и не увлекает, то хотя бы интересуется.

– Это если тебя интересуется только что-нибудь одно. А меня, например, многое интересуется. Я люблю не только археологию, но и биологию, особенно ботанику, и медицину, и геологию, и географию, и литературу, и иностранные языки, – с увлечением щебетала Света. – В особенности французский, испанский и итальянский. Очень мне нравятся и восточные языки: арабский, персидский, индийские, а также китайский и японский. Люблю еще и музыку – оперную и симфоническую, народные песни и танцы.

– А я терпеть не могу народных песен и танцев. Колхоз

какой-то, – сказал я, не задумываясь.

– Да? Не ожидала от тебя. И напрасно, между прочим. Это великая сила. Представляешь, народное искусство – это то, что выдержало испытание временем. Все, что не трогало людские души, давно забылось и затерялось во глубине веков. А то, что дошло до нас – выжило, прошло естественный отбор, потому что глубоко волновало людей. Ну, это предмет для долгой дискуссии, как-нибудь потом поговорим, если будет возможность. Можно убить москита на твоей щеке? – задорно спросила она.

– Сделай одолжение – сочту за честь, – ответил я и замер, чтобы случайно не согнать комара.

Света отвесила мне звонкую пощечину и расхохоталась.

– Готов, – сказала она, смахивая с ладони то, что осталось от комара. – Не смогла на себе убить, так хоть одного на тебе прихлопнула.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я. – А мне нравится выбирать то, что меня глубоко волнует, из современного. И волнует именно сейчас. Но эту дискуссию действительно лучше оставить на потом. А ты и еще что-нибудь любишь?

– Обожаю балет. Люблю петь и танцевать, читать стихи, учить и воспитывать маленьких. Но я не могу освоить это все, и из такого множества профессий мне надо выбрать что-то одно. Не помню, кто из великих сказал, что нужно уметь что-то одно делать хорошо, а остальное – кое-как. Но как узнать это «одно»? По какому признаку? И где гарантия, что

выбранное сегодня мне не разонравится завтра? Сие от меня не зависит. Математику я тоже люблю. И дается мне она легко и просто. Но откуда кому ведомо, как она у меня пойдет? Вот если бы я знала, что стану такой, как Софья Ковалевская, клянусь, пошла бы в математики.

Света взяла мою руку и посмотрела на циферблат часов, подаренных мне мамой в прошлом году на шестнадцатилетие. С трудом разглядев стрелки при тусклом свете лампы, висевшей на столбе над нами, она встала с лавочки и сказала:

– Пойдем, Гена. Уже девять. Вера Карповна беспокоиться будет. Да и твоя тетя тоже, я думаю.

Я встал вслед за нею. Мы медленно поднялись по ступеням и не спеша побрели вдоль ярко освещенной аллеи.

– Как знать, может быть, ты и станешь Софьей Ковалевской? И даже трижды перепрыгнешь ее. Надо дерзать. Осилит дорогу идущий, как говорит китайская пословица, – сказал я с уверенностью в собственной правоте.

Я настолько осмелел, что взял Светлану под руку. Она не возражала, и мне даже показалось, немного прильнула ко мне плечом. Она взглянула мне в глаза и застенчиво опустила взгляд, словно что-то рассматривая на асфальте.

– В том-то и дело, что знать неоткуда. Так что любое призвание – это еще бабушка надвое сказала. Сегодня какое-то дело меня увлекает, а завтра станет безразличным. Или и того хуже – вообще опротивеет. Как узнать сейчас, что именно не надоест мне через какое-то время? – изрекла Светлана,

хлопнув себя ладошкой по виску. – Прибила, наконец!

Ее слова заставили меня задуматься. Да, это непростая девчонка... Она не только красива, как фея, она еще и умница. Такой баснями памороки не забьешь и эрудицией не ослепишь. С нею нужно следить за своей речью.

– Здесь, мне кажется, нужно заранее настроиться, что грянет череда разочарований и повторных увлечений, но уже на новом, более высоком уровне, – сказал я.

– Тогда о каком призвании может идти речь? – тут же возразила она. – Всякое дело в конечном итоге становится твоим родным, если им постоянно заниматься, несмотря ни на что. Причем же здесь призвания? И получается, что любой выбор профессии – не что иное, как покупка кота в мешке.

– К сожалению, дорогая Светочка, мир иррационален. Таким вещам, как призвание, любовь и привязанность невозможно дать какое-либо словесное определение. Любое, какое ни сформулируй, не будет полным, и всегда найдутся такие варианты, когда реальность не подпадет под это определение, – заключил я.

– Гена, а ты философ, – сказала Света с улыбкой. – Быть может, тебе было бы лучше на философский пойти?

– Ни за что. Терпеть не могу общественных наук, – категорически отверг я такую мысль.

– А я говорю не об официальной нашей философии.

– А о какой? – с удивлением спросил я.

– О настоящей, которая идет от души. Об объективной

науке, так сказать.

– Ну, такой не существует... – заключил я и тут же осекся.

Светлана стрельнула в меня пронизывающим взглядом, готовая тут же возразить. Да, она не замедлит упрекнуть меня в категоричности, подумал я и поспешил добавить:

– ... мне кажется.

– В наших официальных условиях – не существует. Согласна. А объективно? Истина-то может быть только одна-единственная, – уточнила Света.

– Но мы-то живем в реальном мире, где нами правит действительность, реальная, грубая, беспощадная и прямая как бревно. Вот я и выбрал себе такую профессию, которая не зависит от какой-либо идеологии и от того, кто именно стоит у власти, – пояснил я свою позицию.

– Тогда не говори, что ты идешь по призванию. Понял? Это уже не призвание, а чистейшей воды рационализм, – торжествующе изрекла Света.

Я почувствовал, что проигрываю этот словесный поединок и решил выйти из него с честью.

– Понимаешь, Светочка, мы спорим немного не на равных. Ты, я вижу, раньше обстоятельно думала над этим вопросом, а я никогда не задумывался, поэтому к нынешней дискуссии не готов. Я обещаю тебе все взвесить, а потом спорить. Я интуитивно чувствую, что ты не права, но аргументированно возразить тебе пока что не готов. Воистину ты философская девушка. Я такую впервые встречаю. У ме-

ня все проще. Я с пятого класса увлекался радиолюбительством, ходил в школьный радиокружок, позднее во дворец пионеров, а потом в радиоклуб. Мне всегда очень нравилось паять и отлаживать радиосхемы и ужасно хочется научиться рассчитывать их самому по заранее заданным параметрам. Я бы тогда сделал такую радиостанцию...

– А ты увлекался чем-нибудь еще? Может быть, если бы кто-то вовлек тебя во что-нибудь другое, ты бы с головой ушел в совершенно иное дело и забросил бы свое радио куда-нибудь подальше, – сказала она, кокетливо вздернув бровь.

– Увлекался, – охотно ответил я. – Театром. Даже играл на сцене в областном театре народного творчества. Говорят, неплохо получалось. И в оркестре играл. На трубе. Сначала в духовом, а потом и в эстрадном. Но у меня со слухом, мягко говоря, сложновато, поэтому в профессию это увлечение перерасти никак не могло. И астрономией увлекался. Читал книги Бориса Александровича Воронцова-Вельяминова, Амбарцумяна, Шкловского и других. Даже переписку вел с Борисом Александровичем. Долго колебался, чему отдать предпочтение – радиотехнике или астрономии. И понял, что меня в радиотехнику тянет значительно сильнее.

– А как ты понял, что сильнее? – не отступала Света.

– Ну, радиотехника несколько лет была рядом, буквально у меня в руках. Чем больше паял, тем больше паять хотелось, книги по радиотехнике читал – как художественную литера-

туру. И, конечно же, еще и путем рассуждений, анализа, сопоставлений и тому подобного, – пояснил я.

– Ага, все-таки на основании рассуждений, то бишь какой-то логики. Так где же порыв души? – продолжала заедаться Светлана. – Кстати, мне кажется, что и супружество – это тоже что-то сродни этим твоим призваниям.

– Даже так? Почему же? – удивился я.

– Ну, смотри: выхожу я замуж по любви, потому что влюблена по уши, думаю о своем возлюбленном дни и ночи, меня влечет к нему и так далее. Потом живу с ним несколько лет, рожаю от него ребенка, воспитываю. И вдруг мне встречается другой человек, который меня волнует гораздо больше. Что мне делать? Разводиться? Насиловать себя – терпеть опостылевшего? Или тайно встречаться с любимым, жить двойной жизнью?

– Ну, уж это было бы безнравственно с твоей стороны, непорядочно, – сказал я.

– А жить с нелюбимым и делать вид, что любишь – это нравственно? А разводиться, травмировать ребенка и навязывать его чужому человеку, травмировать супруга – это порядочно? Убить в себе новую любовь – может быть, это нравственно? Что ты на это скажешь, Гена, а? – задорно спросила Света.

– Я же говорил, жизнь – штука иррациональная, и ее надо принимать такой, как она есть, а не искать разумного выхода. Она в каждом конкретном случае сама подскажет, что тебе

делать и как поступить в данный момент. А если об этом думать заранее, как-то планировать, пытаться по-своему упорядочить, то можно с ума сойти, – ответил я после некоторой паузы.

– Да, можно. Тут ты, пожалуй, прав. Но тогда не нужно так легко швыряться такими словами, как призвание, талант, любовь и тому подобное, – назидательно сказала Светлана, кокетливо наклонив голову.

– Пришли, – сказала Света. – Я уже дома, да и тебе недалеко. Ну что, разбежались?

– Подожди. Так сразу? – сказал я, пытаюсь удержать ее за руку.

Света высвободила руку и, едва заметно улыбнувшись, тихо ответила:

– Никак не сразу. Мы целый вечер гуляли. А сейчас уже поздно – нас давно дома ждут. Так что прощаемся, Гена. Пока.

Она взглянула на меня чуть искоса, и я замлел от ее взгляда.

– Я тебе очень благодарен за свидание... Погоди, Светочка. Еще пять минут... пожалуйста, – умоляюще прошептал я, нежно коснувшись ее локтя.

Она тоже перешла на шепот:

– Ну, хорошо. Только что дадут тебе эти пять минут?

– Понимаешь... ты такая красивая... – пролепетал я, пытаюсь погладить ее по волосам, ниспадающим на плечи.

Она деликатно отшатнулась.

– Гена... не надо... не говори глупостей. Никакая я не красивая – самая обычная девушка. Такая, какой положено быть в семнадцать лет, ничуть не больше, – сказала она, грациозно выгнув руку.

– Нет, ты красивая... очень... И ты это знаешь. Я просто теряю голову рядом с тобой. Уверен, что тебе уже не раз об этом говорили, – сказал я и вплотную приблизился к ней.

Она сделала шаг назад и легонько от меня отстранилась. От ее волос пахло какими-то травами, и от этого запаха у меня голова кругом шла. Я хмелел от ее близости. Ощувив аромат ее дыхания, я на мгновение утратил над собой контроль и попытался привлечь ее к себе. Но она осторожно оттолкнула меня и, блеснув волшебной улыбкой, сказала:

– Да, говорили. И не раз. Но это не значит, что я действительно красива. Может быть, просто привлекательная? Так в семнадцать лет все девушки более или менее привлекательны, если они не уродливы, конечно. Но честное слово, я не рада своей привлекательности, хотя девчонки завидуют мне всюю. Валя, в том числе.

– Пожалуйста, не говори мне о Вале – глядит рублем, а гроша не стоит. Я о тебе хочу говорить. Девушки делают все, чтобы выглядеть как можно привлекательнее, а ты говоришь – не рада. Прости меня, Светочка, за прямоту, но ты, я думаю, немного лукавишь, рисуешься. Я не поверю. Чем же тебе так мешает твоя привлекательность? – продолжил я диа-

лог, не теряя надежды на взаимность.

– Да хотя бы тем, что мальчишки так навязчивы со мной, липнут, как репьяхи, в первый же вечер знакомства начинают объясняться в любви, пытаются обнять и поцеловать, совершенно не интересуясь, хочу я этого или нет. Вот... и ты тоже... не оказался исключением...

Она внезапно замолчала, а я взял ее нежную руку и стал тихо гладить. Светлана молчала и руку не отдергивала, а смотрела мне в глаза и загадочно улыбалась.

– Прости, если так... Я просто не мог удержаться. Обещаю... быть более сдержанным, – сказал я, откровенно любуясь ею.

— Спасибо, если это искренне. Ну, все. Я больше не могу задерживаться ни на секунду. Спасибо тебе за приятный вечер. Пока! – сказала она и, одарив меня на прощанье лучезарной улыбкой, упорхнула, как белый мотылек.

– До встречи! Я позвоню! – прокричал я ей вдогонку.

Светлана скрылась в полутемном подъезде, а рядом со мной все продолжал витать запах ее волос, дыхания, девичьего тела. Я стоял, как ошеломленный, будучи не в силах сделать шаг по направлению к дому тети Саши.

Звеня и громокая, из-за угла выехал старый трамвай с раскрытыми окнами и покотился по направлению к депо. На заднем сидении сонная кондукторша, зевая, пересчитывала дневную выручку, а в середине вагона дремала пара запоздалых пассажиров. Я на минуту вообразил себя Остапом Бен-

дером и мне захотелось крикнуть им, что было сил: «Лед тронулся!» Но я сдержался и, ослотивший от столь волнительного свидания, медленно побрел домой.

Было уже десять минут одиннадцатого, а списки все никак не вывешивали. Рой абитуриентов напряженно гудел у входа в электрокорпус, как растревоженный улей.

– Я думала, что здесь порядок, а тут такой же бедлам, как и везде, – возмущалась чопорная девица в очках. – Пообещали в десять, значит списки должны быть вывешены в десять!

– Вот они и вывешат в десять, – сказал парень в морской форме без погон. – Только в десять вечера.

Его приятель в такой же форме засмеялся:

– Ха-ха-ха, да куда вы спешите? Пусть хоть через неделю вывешивают, лишь бы себя в списке увидеть.

– А в прошлом году вывесили ровно в десять. И тридцать первого еще дополнительные повесили. Только меня не внесли ни в те, ни в другие, – сказал белобрысый парень с золотой коронкой на верхнем зубе.

– Забыли, наверное, – пошутил совсем юный мальчик в бежевой шведке.

– Да нет, они с фиксами не брали, – пробасил высокорослый увалень с кудрявой шевелюрой и засмеялся.

– Если я найду себя в списках, я, наверное, закричу от счастья, – щебетала веснушчатая девочка с рыженькими косичками своей собеседнице, чем-то напоминающей пиковую даму, как ее изображают на картах.

– А я, если поступлю, покупаю большую бутылку вина и напиваюсь вусмерть, – вторя ей, сказал безвкусно одетый парень в рубашке с закатанными по локоть рукавами.

– И попадаешь в милицию, – добавила все та же рыженькая. – Потом тебя отчисляют, и ты едешь домой при бубновых интересах.

– А ты что будешь делать, если поступишь? – спросил меня черноглазый парнишка, с которым мы на пару сдавали вступительные экзамены.

– Да я найду, что делать, – ответил я, – только бы поступить.

– Несут! Несут! – послышалось из-за открывшейся тяжелой входной двери.

– Кого несут? – спросили позади меня.

– Не «кого», а «что». Списки, конечно! – крикнули рядом.

Из корпуса вышла молодая женщина с большим рулоном бумаг и какой-то парень с коробкой канцелярских кнопок. Толпа ринулась им навстречу, преграждая путь.

– Пропустите! Да пропустите же! – сурово выкрикнула женщина с рулоном. – Дайте повесить, наконец!

Толпа лениво отхлынула назад. Молодой человек с кнопками повернул ручку шпингалета на стенде у колонны, и застекленная рама, блеснув на солнце, со скрипом отворилась. Женщина подавала листы, а ее помощник прикреплял их к панели стенда канцелярскими кнопками, время от времени отгоняя толпу абитуриентов:

– Да погодите вы! Куда спешите? Сейчас все увидите. И тем скорее, чем меньше будете нам мешать!

В конце концов, списки были вывешены, и вывесившие их сотрудники незамедлительно удалились. А толпа устремилась к стенду, едва не снеся его с опор. Я решил подождать, пока эта туча рассеется, ибо подойти к спискам, не расталкивая локтями окружающих, было нереально.

Абитуриенты рвались к стенду, беспардонно толкаясь и отчаянно бранясь, а я стоял чуть поодаль и не спеша курил сигарету. Я чрезвычайно гордился тем, что теперь имею на это официальное право.

Мое внимание привлекли тихие всхлипывания. Я обернулся и увидел рыдающую девочку – ту самую с рыженькими косичками, которая несколько минут тому назад обещала закричать от счастья, если найдет себя в списках.

– Ну почему, почему... мне... так не везет? – говорила она в промежутках между приступами горьких рыданий. – Ведь я так готовилась, ты же знаешь! Зачем, скажи мне, золотая медаль тогда? Почему в этом году медали не учитывают? У меня двадцать три балла к тому же, а меня не приняли!

– Да погоди ты расстраиваться, Тома, – утешала ее Пиковая дама. – Тридцать первого будут дополнительные списки. Может быть, ты там себя найдешь. К председателю приемной комиссии ходим, ты же ничего не теряешь от этого.

Мне стало неопишимо жалко эту беззащитную девочку, и я хотел было попытаться как-то ее успокоить, но Пиковая

дама взяла ее под руку, и они поднялись по ступенькам на крыльцо и исчезли в двери электрокорпуса.

Из толпы выскочил широкоплечий парняга и, улыбаясь во весь рот, поднял вверх сжатую в кулак руку с криком:

– Поступил! Поступил! Уррра-а-а!

Толпа кричала, шумела, гудела, бурлила и вибрировала, как штормовое море у прибрежных скал. Одни прыгали от радости, другие бранились, проклиная судьбу, третьи молча уходили прочь, потупив взгляд в землю. Наконец, толпа у стенда настолько поредела, что к нему можно было кое-как продиффундировать, что я тут же и сделал.

Списки, как и следовало ожидать, были составлены в алфавитном порядке. Дрожа от волнения, я отыскал лист с буквой «О» и стал читать. Оберемко... Ольшанкий... Омелькин... По мере того, как я приближался к месту, на котором должна быть моя фамилия, меня все сильнее и сильнее бил неопикуемый мандраж. В ушах пульсировал шум, напоминающий морской прибой в штормовую погоду. Сердце стучало, как молот в тяжелой кузнице, руки заметно дрожали. Онищук... Осипенко... Охрименко... Очерет... Я не поверил своим глазам. Да! Да! Это действительно я! Очерет Геннадий Алексеевич 1941 года рождения! Это, конечно же, я!

Прочитав еще раз всю строку со своими данными, я вышел из толпы и, не переводя дыхания, побежал в ближайшее почтовое отделение и отправил маме телеграмму: «списки вывесили = меня зачислили = Гена».

Тетя Саша открыла дверь и, замерев на месте, молча уставилась на меня вопрошающим взглядом.

– Поздравьте меня, тетя Сашенька. Я студент! – сказал я не без гордости.

У тети Саши задрожали губы, и лицо ее исказила гримаса рыдания. Она раскинула руки и кинулась мне на грудь, тут же увлажнив ее слезами неподдельно искренней радости.

– Наконец-то! Наконец-то, деточка ты моя! Поздравляю, племяшек мой родненький! Услышал Господь мою молитву вдовью за сироту!

Она отстранилась и начала истово креститься, рыдая и причитая:

– Слава тебе, Господи Иисусе Христе, слава тебе! Пресвятая Богородица, слава тебе! Пресвятой Николай Угодничек – Божий помощничек, небесный утешителю, слава тебе! Слава пресвятым Иоанну Воину и Георгию Победоносцу ныне, присно и во веки веков! Спасибо вам, святители, услышавшие мою молитву вдовью за дитя моего братика меньшого, на поле брани убиенного в расцвете сил!

Я обнял старую любящую тетку, погладил по изрядно поредевшим седым волосам и нежно поцеловал в темя.

– Ну, все, тетя Сашенька, все. Успокойтесь, дорогая. Все. Вот – я уже и документ в приемной комиссии взял – справку, что я зачислен. Завтра домой поеду, – сказал я, взяв в обе руки ее лицо, мокрое от слез.

– Пойдем, детка. Обедать будем. И чего ты так долго? Где

тебя все это время черти носили? Я так переволновалась! Думала уже, что тебя не приняли, и ты боишься домой идти, – говорила тетка, понемногу успокаиваясь.

– Я же на почту ходил, в очереди стоял. Отправил маме телеграмму. Там таких, как я – видимо-невидимо! Потом в приемной комиссии документ получал. Тоже очередь выстоять пришлось. Только иногородним дали. А харьковчане завтра получать будут, – говорил я, раздеваясь.

– А чего тебе завтра ехать? Отдохни немного. Через пару дней поедешь, – сказала тетя Саша и принялась накрывать на стол.

Мигом на столе появились тарелки с дымящимся ароматным борщом, тушеные свиные ребрышки с жареной картошкой, салат из огурцов и помидор и чашки с компотом, резким и крепким, как вино. Тетя Саша выставила пару рюмочек и наполнила темно-бордовой наливкой.

– Сейчас мы с тобой дернем по рюмке вишнепочки. Обещал – теперь уж не отвертишься, – сказала тетя Саша, поднимая рюмку, наполненную до краев. – Ну, племяшек мой дорогой, за твое поступление. Чтоб ты был всегда таким же напористым и трудолюбивым! Сказал – поступлю только на радиофакультет – и поступил, сорванец такой! Все говорили – не поступит. Я тоже так считала поначалу, а потом смотрю: пятерка за пятеркой посыпались. Ну, думаю, племянник мой не хуже отца своего погибшего! Поступит, обязательно поступит! Дай Бог тебе теперь учиться не хуже отца с мате-

рю. А они ж на моих глазах учились – отличниками были. Лучшими в группе. В тридцать седьмом твой отец был первым на весь мединститут претендентом на Сталинскую стипендию! Только не дали, сволочи. Нашего отца как раз посадили... и сразу же расстреляли... безвинно, как потом и сами, гады, подтвердили...

Тетя Саша заплакала, но тут же овладела собой и бодрым голосом произнесла:

– За тебя, за твои успехи и твою удачу, деточка ты моя дорогая!

– Спасибо, тетя Саша. А я за вас пью – за ваше здоровье, за вашу доброту, за ваш теплый и родственный прием. За ваших дочерей – моих сестер любимых. Будем здоровы!

Мы чокнулись и осушили рюмки.

Мне ужасно хотелось узнать, поступила ли Светлана на свой археологический. Когда немного спала жара, я принарядился и, несмотря ни на какие протесты тети Саши, вышел на улицу. Как и прежде, ни один из ближайших телефонов-автоматов не работал. Ехать в центр не хотелось, и я, немного подумав, направился в цветочный магазин, расположенный напротив тети Сашиного двора. Купив три алые розы, огромные, с длинными стеблями, я направился к светланиному подъезду, будучи твердо уверен в том, что она тоже поступила. Еще бы – такая классная девчонка! И красавица, и умница, и эрудиция всем на зависть – как можно такую не принять? Остановившись у квартиры Веры Карпов-

ны, я замер, ожидая услышать из-за двери радостный голос новоиспеченной студентки. Но оттуда не доносилось ни звука. Слышно было, как где-то наверху играет пластинка «... Только у любимой могут быть такие необыкновенные глаза...» да короткими звонками трезвонит трамвай на улице. Я решительно надавил на кнопку звонка и стал терпеливо ждать. Прошло несколько минут, прежде чем за дверями послышался шорох, и низкий хриловатый женский голос протяжно произнес:

– Кто там?

– Простите, Светлану можно? – спросил я, держа прямо перед собой благоухающие розы.

– А кто Вы такой? – спросил тот же голос.

– Скажите, что Гена – знакомый ее. Пришел поздравить ее с поступлением.

Послышался глухой звук с трудом отодвигаемого засова, потом в замке дважды щелкнул ключ, и дверь медленно со скрипом отворилась. Вера Карповна, которую я в прошлый раз видел веселой, шутливой и жизнерадостной, предстала мрачная, как туча, с красными от слез глазами. Я сразу понял, что Светлана себя в списках зачисленных не нашла, и мне захотелось куда-то убежать и все на пути своем ломать и крушить. Не зная, что сказать, я молча стоял перед старой хозяйкой, переминаясь с ноги на ногу. Наконец, старуха тихо произнесла:

– Хорошо, Гена, что Вы зашли. Войдите. Быть может, Вы

ее успокоите. Она не прошла по конкурсу. Ноги хорошо вытирайте – тапочек на Вас у меня нету.

Я сбросил у входа туфли – мамин подарок к выпускному вечеру – и прошел вслед за Верой Карповной в светлую просторную комнату. Несчастливая Светлана сидела у стола, опустив голову на руки, и ее спина судорожно сотрясалась от беззвучных рыданий. Хозяйка указала мне на стул рядом с бедной девочкой и тихо вышла из комнаты, старательно затворив за собой дверь. Я опустился на него, сам готовый заплакать от сочувствия и бессилия чем-либо ей помочь.

– Здравствуй... Светочка... – сказал я, едва ворочая сухим от волнения языком. – Вот... я тебе снова розы принес.

Она махнула рукой, не поднимая головы, и залилась новым потоком слез.

– Ну почему... почему я такая неудачливая? За что? Чем я провинилась перед Всевышним? – сказала она сквозь рыдания. – Я же не глупее других... я добросовестно занималась... а они...

– Светочка, прошу тебя, успокойся, – сказал я и попытался погладить ее платиновые волосы, совсем недавно такие чистые, опрятные, благоуханные и аккуратно расчесанные, а сейчас беспорядочно разметанные по плечам и спине.

Она резко оттолкнула мою руку и подняла, наконец, голову. Ее лицо было передернуто гримасой рыдания, глаза покраснели и запухли от слез, но все равно она была прекраснее всех на свете.

– Не трогай меня! Убери свои цветы! Мне не до них сейчас – понял?! – эмоционально выкрикнула она и снова залилась слезами.

Слезы обильно текли по ее пухленьким щечкам с ямочками и крупными каплями скатывались на полы ситцевого халата.

– Светочка, дорогая. Успокойся, прошу тебя. Пожалуйста... скажи, чем я могу тебе помочь? Что я должен сделать, чтобы тебе стало легче? Пойми, ведь жизнь на этом не кончается... – полушепотом сказал я.

– Замолчи, прошу тебя! – крикнула она в исступлении и стукнула кулачком по массивному столу. – Хорошо тебе философствовать! Сам, небось, поступил, а меня утешаешь! Мне больно, понимаешь? Больно!

– Прости... я замолчу, если тебе так легче будет. А розы – они же не виноваты... – сказал я и осекся на полуслове, не зная, как закончить начатую фразу.

Светлана встала и подошла к высокому старинному трюмо – как у моей тети Саши.

– Отвернись, пожалуйста... не смотри на меня... такую... – с трудом вымолвила она, глотая слезы.

– Отвернулся. Уже не вижу тебя. Все... молчу, как рыба, – сказал я, стараясь раздражать ее как можно меньше.

Я повернулся к ней спиной и сидел, не произнося ни звука. Светлана умолкла, и лишь изредка легкие всхлипывания выдавали ее присутствие в комнате.

Всхлипывания становились все реже и, наконец, прекратились совсем. Потом она тихо вышла и через пару минут вернулась, уже умытая, причесанная и собранная. Она села на прежнее место, взяла принесенные мною розы, брошенные в сердцах на стол, прижала к лицу и через силу улыбнулась.

– Какие красивые... – сказала она, втягивая в себя нежный аромат. – А цвет какой... цвет! Спасибо тебе за них.

Она улыбнулась, теперь уже естественно, и у меня в сердце снова шевельнулась та самая игла, в очередной раз причинив острую жалящую боль. Мне захотелось вскочить, сгрести ее в охапку и зацеловать до смерти. Но я только вцепился в край стола и сидел, не переставая любоваться ею.

– Ну как, поступил? – спросила Света, и ее губы растянулись в горестной, но необыкновенно прекрасной улыбке.

Я кивнул, не проронив ни звука. Я понимал, что факт моего поступления травмирует ее нежное сердечко. Мы молчали, глядя друг другу в глаза, и меня обдавало то жаром, то холодом. Как жаль, что она не поступила! Ведь я так надеялся, что мы будем встречаться с нею, ходить в кино, на концерты и в театры, делиться новостями, радостями и горестями, дискутировать и спорить. И все надежды единым разом прахом пошли. Единым махом. Но не это главное. Такая девчонка... Как они могли ее не принять? Где были их глаза?

– Поздравляю... Я была в этом уверена с самого начала, – сказала Света. – Желаю тебе хорошо учиться... и быть удач-

ЛИВЫМ... ВО ВСЕМ.

Ее губы задрожали, но она тут же взяла себя в руки и попыталась выдавить из себя подобие улыбки. А я сидел, не зная, как себя вести, чтобы не причинять ей излишней боли.

– Давай завтра сходим к председателю приемной комиссии... поговорим... – робко предложил я.

Она отрицательно покачала головой.

– Может быть, пойдем... погуляем по городу. Поговорим, подумаем, как быть дальше, – сказал я первое, что пришло в голову.

Светлана строго посмотрела на меня и ответила тоном, не терпящим возражений:

– Спасибо, Гена. Только я очень тебя прошу, не надо меня утешать – я не на исповеди. А как быть дальше – это жизнь сама подскажет. Приеду домой, там будет видно.

Минуту помолчав, она тихо произнесла, как бы невзначай:

– Буду тебе очень благодарна, если ты поможешь мне нести вещи на вокзал. Только это поздно. Поезд на Сумы уходит сегодня в двадцать два двадцать.

– Помогу, конечно. Только зачем так скоро домой? – спросил я, чувствуя, что надежд у меня на свидание – никаких.

– Спасибо большущее. Мне больше нечего делать в этом городе. Он для меня оказался негостеприимным. А сейчас, Гена, извини – мне нужно собраться и спокойно уложить вещи, чтобы ничего не забыть, – сказала Светлана, чуть наклонив

нив голову набок.

– Намек понял. Когда за тобой зайти? – спросил я напоследок и поднялся со стула.

– В половине девятого. Нужно успеть взять билет – мой поезд проходящий, – пояснила она.

Мы вышли в прихожую, где нас остановила Вера Карповна и обратилась к Светлане:

– Светочка, что же ты молодого человека не угощаешь? Он ведь не виноват, что тебе не повезло, и его следовало бы поздравить с поступлением. Давайте я вам чайку согрею, что ли?

– Спасибо, Вера Карповна, – поспешил я успокоить старушку. – Светочке надо еще успеть собраться. А я не прощаюсь – зайду за нею в половине девятого. До встречи, – сказал я им обеим.

– Пока, – ответила Светлана, и из-за роз, которые она все еще держала около лица, едва заметно блеснула ее колдовская улыбка.

Вера Карповна, вежливо кивнув, удалилась на кухню. А я вышел в грязный подъезд, спустился по лестнице и направился в кассу автовокзала, чтобы купить себе на завтра билет до Запорожья, где меня с нетерпением ожидала мама, целый дом родственников и закадычные друзья.

Мы стояли на платформе у двери вагона сумского поезда в толпе пассажиров и провожающих. Я смотрел на грациозную фигуру Светланы, с трудом веря в то, что через несколь-

ко минут поезд увезет ее от меня в неведомый мне город, и никто не знает, когда я ее увижу в следующий раз и увижу ли вообще. При свете вокзальных фонарей она казалась красивее, чем когда-либо.

– Светочка, ты дашь мне свой адрес? – робко спросил я.

– Зачем? Ведь мы и встречались-то всего-ничего. По пальцам одной руки можно перечесть, – ответила она, пожав плечами.

– Было прекрасное начало. Для меня, во всяком случае. Так почему бы не быть не менее, я надеюсь, прекрасному продолжению? – ответил я, стараясь выглядеть непринужденным.

– Кто знает, каким оно будет, если вообще будет? Впрочем, я не против. А у тебя есть на чем записать и чем? – лукаво спросила она.

– А как же! Я человек предусмотрительный. Заранее приготовил, – сказал я, доставая блокнот и авторучку.

Она продиктовала адрес и замолчала, взглянув на круглые часы на столбе над платформой.

– А телефончик у тебя дома есть? – спросил я, совершенно не рассчитывая на положительный ответ.

– Телефончик – есть, – озорно ответила Света и тоже продиктовала.

Я вырвал из блокнота листок и протянул Светлане.

– Вот, возьми, пожалуйста.

– Что это? – спросила она, пытаясь при тусклом ночном

освещении прочесть написанное на листке.

– Адреса: моей тети – харьковский и мой домашний – запорожский. На всякий случай.

– Отъезжающих прошу зайти в вагон, – сказала строгая проводница, осветив тяжелым электрическим фонарем циферблат своих наручных часов.

Света сделала шаг в сторону вагона, но я удержал ее за руку.

– Погоди... рано еще. До отправления целых десять минут.

По радио объявили, что посадка на сумской поезд заканчивается. Заиграла музыка, и красивый тенор чувственно запел:

«Сиреневый туман над нами проплывает, Над тамбуром горит полночная звезда. Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, Что с девушкою я прощаюсь навсегда.»

– Все, Гена, – прошептала Светлана, – прощаемся.

– Не спеши, успеешь еще, – не сказал, а простонал я.

Светлана ласково улыбнулась и сжала мою руку в своей. А сладкий голос певца продолжал:

«Ты смотришь мне в глаза и руку пожимаешь, Уеду я на год, а может быть, на два, А может, навсегда ты друга потеряешь? Еще один звонок – и уезжаю я.»

– Слышишь, это песня про нас с тобой, – пролепетал я, привлекая ее к себе.

Она не отстранилась. Мы замерли, тесно прижавшись

друг к другу и глядя один другому в глаза. Уже хорошо знакомый травный запах ее волос и будоражащий аромат девичьего тела и дыхания вихрем закружили мне голову. Я прижал ее к себе, что было сил, наши губы сами по себе сблизились, и я припал к ним в каком-то неистовом, совершенно неконтролируемом поцелуе. Внезапно она как-то по-особому застонала и вдруг резко отпрянула. Светлана часто и глубоко дышала, глядя на меня широко раскрытыми глазами, полными слез и какого-то душераздирающего укора.

– Гена... – чувственно прошептала она, – зачем ты так?.. Я не ожидала...

– Как же... можно расстаться без прощального поцелуя? – неуклюже оправдывался я.

А песня продолжала звучать, беспощадно царапая мне душу:

«Последнее “прости” с любимых губ слетает, В глазах твоих больших – тревога и печаль. Еще один звонок – и смолкнет шум вокзала, И поезд унесет в сиреневую даль.»

– Я думала... ты... просто так – по-дружески поцелуешь на прощанье, и все. А ты... по-настоящему... Нельзя так... это травмирует меня... Мне... тяжело теперь будет...

Она заплакала и припала к моей груди, а я нежно погладил ее шелковистые волосы, отливающие при вечернем свете каким-то колдовским, белесым металлическим блеском.

– Эй, голубки! – крикнула нам из тамбура проводница. – Хватит ворковать, сейчас отправляемся. Девочка, захо-

ди скорее – перед смертью не надышишься!

Светлана нежно отстранила меня и вскочила в тамбур. Проводница опустила площадку и, держась за поручень, замерла в дверном проеме с флажком в руке. Светлана стояла за ее спиной и, плача, махала мне рукой. Поезд тронулся и медленно поплыл вдоль платформы, постепенно набирая скорость и увозя от меня лучшую в мире девчонку. А я бежал за вагоном, отчаянно маша рукой, пока густая темно-лиловая ночная мгла не поглотила мерцающие вдали хвостовые огни поезда.

Юлий Гарбузов

20 августа 2007 года, понедельник

Харьков, Украина

6. Колхоз (Не закончено)

До начала занятий оставалось еще пять дней. Целых пять дней свободной жизни! В школе мне всегда было мало каникул, хотелось гулять еще и еще. А тут не терпелось поскорее приступить к учебе. Мечта начать постижение заветной профессии радиоинженера затмила во мне все: и лень, и девочек, и юношеские шалости, и кино, и даже лишние часы утреннего сна. Я давно благоговел перед радиотехническими терминами, с которыми до сих пор сталкивался только в радиолобительской и научно-популярной литературе, которые слышал от старших в радиоклубе, от нашего учителя физики и по эфиру на радиолобительских УКВ-диапазонах. Они меня буквально завораживали, и я мечтал поскорее постичь кроющиеся за ними тайны. Слова: «модуляция», «генерация», «дискриминатор», «фантастрон», «спектральная плотность», «гармоника» были для меня подобны волшебным заклинаниям, поэзии и музыке одновременно. Неужели я когда-нибудь овладею ими настолько, что смогу свободно и со знанием дела небрежно употреблять их в беседах со специалистами? От этой мысли я буквально балдел, преисполнялся гордости и честолюбия, воображал, с каким уважением будут тогда смотреть на меня ровесники, особенно девочки. Но это казалось несбыточной мечтой, туманной, как мираж и далекой, словно звезды на небе.

Томясь от безделья, я мог думать лишь о Светлане да о предстоящей учебе. Все мои мысли были заняты грандиозными «воздушными замками». Я воображал себя радиоинженером с мировым именем, глубоко погруженным в науку и выдающим идеи, одна ценнее другой. А дома меня будто бы ждала красавица-жена. Разумеется, это была Светлана, жизнь с которой мне представлялась в обожании друг друга и, конечно же, в полном согласии, без малейшего намека на какие-либо ссоры и нелады. Я помнил блеск ее небесно-голубых лучистых глаз, ни с чем не сравнимый запах девичьего тела, ее манящие губы, такие пышные, розовые, словно специально созданные для страстных поцелуев... и роскошный платиновый волос, тяжело ниспадающий на загорелые плечи и стройную спину. Вот это девчонка! Куда там привередливой Марине, с которой последнее время мы вечно из-за чего-нибудь ссорились, и наши отношения неуклонно шли к разрыву.

Но... я четко понимал и суровую сторону жизни. Наивно думать, что Светлана будет долго по мне грустить в одиночестве. Такую девчонку надо надежно к себе привязать, чтобы ее тянуло ко мне и больше ни к кому. Иначе непременно уведут. Как бы сделать так, чтобы она постоянно ощущала мое теплое внимание и органическую потребность общаться со мной? Однако со вниманием нужно не переборщить. Излишняя навязчивость может ее оттолкнуть. Необходимо подумать над тем, как чаще видеться с нею. Как жаль, что в

ближайшее время нам придется жить не в одном городе. Так ее любви скоро придет конец. Как говорит моя мама: время и расстояние свое дело сделают...

Понятно, все это – пустые разглагольствования. Ведь опыта общения с девочками мне явно недоставало, если не считать, конечно, Марины. С нею мы начали дружить еще когда учились я – в шестом, а она – в четвертом классе! Как видно, за это время мы успели друг другу изрядно надоесть. К тому же мы не очень хорошо расстались. Однако при воспоминании о ней у меня где-то в глубине души что-то еще чуточку щемило.

Но Света... Ужасно хотелось написать ей большое письмо – откровенное, эмоциональное и, конечно же, с объяснением в чистой и страстной любви. Но она столь умна, серьезна и рассудительна, что подобную писанину может счесть смешной. Такими банальными излияниями ее не увлечешь. Кроме того, нужно выждать, пока в ее душе боль из-за провала при поступлении в университет затухнет до такой степени, что она сможет спокойно мыслить и строить реальные планы на ближайшее и более отдаленное будущее. Да и у меня должны накопиться какие-то новости, могущие ее заинтересовать. Вот начнутся занятия, тогда, пожалуй, будет самое время написать. Нет, все же нужно написать сейчас – не могу об этом не думать.

Каждый день, позавтракав, я отправлялся в город и, думая о Светлане, бродил по магазинам, где продавались са-

мые по тому времени современные телевизоры, приемники и в изобилии – радиодетали. Столь богатых радиотехнических отделов в магазинах моего родного города, увы, не было. И я часами стоял у прилавков, любуясь всевозможными электронными лампами, трансформаторами, конденсаторами, ручками управления, панелями, реле, тумблерами, микрофонами, динамиками и прочими вещами, за обладание которыми готов был продать душу дьяволу. Но денег на их покупку у меня, к превеликому сожалению, не было.

Потом, основательно утомившись, брел в институт. Подходя к электрокорпусу с сердечным трепетом, внимательно изучал информацию на стендах. Затем поднимался на третий этаж, с благоговением подходил к деканату радиофакультета и читал факультетские объявления.

Не находя ничего для первокурсников и не встретив никого из новых знакомых, я разочарованно покидал институт и спешил к тете Саше, где меня ждал нехитрый, но непременно вкусный обед и, как всегда, искренний, неподдельно радушный прием. Казалось, будто время остановилось, и занятия не начнутся никогда.

И вот на стенде у входа в электрокорпус появилось, наконец, долгожданное объявление о собрании первокурсников радиофакультета тридцатого августа – в субботу. Оно привело меня в восторг. Слава Богу, дождался! Дождался возможности вплотную соприкоснуться со своей давней мечтой!

Нас собрали в большущей аудитории, устроенной амфи-

театром. Я сел во втором ряду, так как в первом все места были заняты. Вот так всегда: к чему бы я ни стремился, вечно меня опережают более проворные и целеустремленные. И почему я в жизни такой нерасторопный?!

Аудитория весело шумела. Успевшие раззнакомиться переговаривались через несколько рядов, кричали, обменивались остротами. Те же, кто поскромнее, спокойно сидели, рассматривая лица сокурсников, с которыми предстояло учиться целых пять с половиной лет. И этот срок представлялся мне непомерно длинным, почти бесконечным. Подавляющее большинство парней было одето в солдатскую или матросскую форму без погон, которой они явно кичились. Девочек было совсем мало – одна-две на двадцать-тридцать парней. Все правильно, – думал я, – нечего им делать на радиофаке. Еще в седьмом классе я вбил себе в голову, что выше радиотехники нет ничего на свете и что радист – профессия не для женщин.

Два парня стали вносить стулья и расставлять внизу у доски вдоль длинной кафедры. Как нетрудно было догадаться, для президиума. Аудитория оживилась. Через пять минут вошли несколько, судя по всему, преподавателей и разместились на этих стульях. Они о чем-то тихо говорили между собой, не обращая на нас никакого внимания. А собравшиеся продолжили шуметь. «Как школьники, – подумал я. – Интересно, что же нам сейчас скажут?»

Энергичной походкой в аудиторию вошел всем уже зна-

комый декан – Михаил Петрович Шкиц. Дойдя до середины кафедры, он остановился, оперся руками на столешницу и замер в ожидании тишины. Мы затихли, как по команде. Низкорослый, но стройный, подтянутый, с несколько поредевшими снежно-седыми волосами, подстриженными ежиком, декан продолжал молча стоять, строго глядя в аудиторию. Один из первокурсников догадался встать. За ним другой, третий, а потом и остальные. Установилась мертвенная тишина – все напряженно чего-то ждали.

– Здравствуйте! – сказал, наконец, Шкиц со сдержанной, едва заметной улыбкой.

Все были чрезвычайно горды тем, что они уже студенты, и старались не походить на школьников. Особенно те, кто пришел с производства или после армии. Поэтому здороваться хором, как в школе, все считали ниже своего достоинства, в том числе и я. Мы стояли, переминаясь с ноги на ногу, не зная, как ответить на приветствие декана. А он терпеливо ждал, не изменяя позы. Наконец, кто-то из задних рядов робко произнес:

– Здравствуйте, Михаил Петрович...

– Здравствуйте, – поддержали его наиболее решительные.

– Здравствуйте! – подхватили остальные – каждый на свой лад.

Декан выдержал небольшую паузу.

– Садитесь! – сказал он. – Здороваться не умеете. Запомните: на приветствие старших воспитанным людям надлежит

отвечать незамедлительно и четко. И когда в аудиторию входит преподаватель, декан, заместитель декана или кто другой, старше вас по рангу, вы обязаны встать. Все, без исключения.

Он опять помолчал, после чего продолжил:

– Открыть собрание и председательствовать на нем прошу секретаря партбюро нашего факультета – Романа Тимофеевича Ежугина.

Декан сел у края кафедры, а из центра президиума поднялся маленький плюгавенький человечек с прилизанными назад редкими седыми волосенками. Такую прическу тогда почему-то называли «политикой». Горделиво прошествовав к высокой кафедре, стоящей рядом со стулом, где сел декан, Ежугин положил на нее стопку бумаг и, плотно сжав губы, застыл подобно изваянию. В первом ряду кто-то догадался зааплодировать. Аудитория скупно поддержала, и Ежугин, достигнув, наконец, желаемого результата, поднял ладонь, требуя тишины и внимания. Аплодисменты умолкли.

– Товарищи! – выкрикнул он высоким, почти женским голосом. – Первое собрание студентов-первокурсников радиотехнического факультета объявляю открытым!

Аудитория отозвалась громкими аплодисментами. Искусственно улыбнувшись, оратор снова поднял ладонь, и мы застыли.

– От имени партбюро радиофакультета, всей нашей парт-организации и парткома института разрешите поздравить

вас с зачислением в ряды советских студентов-радиостов и пожелать успехов в учебе, общественно-политической работе и, я надеюсь, в спорте!

Вновь аплодисменты. Снова тишина.

– В этом году мы, согласно постановлению партии и правительства, впервые набрали, большей частью, людей с производственным стажем и отслуживших в рядах Советской Армии и Военно-Морского Флота нашей великой Родины. Школьников приняли не больше двадцати процентов. Мы надеемся, что все вы дорастете до диплома и станете достойными строителями коммунизма – командирами производства, сотрудниками научных и проектных организаций и будете плодотворно трудиться на благо нашей великой социалистической Родины.

Ежугин замер, ожидая аплодисментов, и все дружно зааплодировали. Собрав бумаги, он вернулся на свое место в центре президиума и объявил уже как председательствующий:

– Слово для приветствия имеет декан радиотехнического факультета, он же заведующий кафедрой радиоустройств, доцент Шкиц Михаил Петрович. Пожалуйста, Михаил Петрович.

В который раз загремели аплодисменты, под которые Шкиц подошел к высокой кафедре, сделал над нею несколько хлопков в ладоши и замолчал. Аудитория замерла.

– Дорогие ребята и немногочисленные девушки нашего факультета! Поздравляю вас с поступлением в институт и

желаю успехов в учебе, труде и отдыхе! Вы избрали себе самую интересную и самую сложную, очень сложную специальность. Не все из вас дойдут до диплома с нынешними однокурсниками, ибо преодолеть предстоящие трудности под силу далеко не каждому. Чтобы окончить наш факультет, студенту необходимы три основных качества: наличие соответствующих способностей, страстное желание стать радиоинженером и трудолюбие. Их следует рассматривать как три сомножителя, ибо, если хоть один из сомножителей равен нулю, все произведение обращается в нуль. Радиотехника – это наша, отечественная наука. Седьмого мая 1895 года офицер минного корпуса Александр Степанович Попов впервые в мире продемонстрировал в Петербурге на заседании Российского физико-химического общества действие первой в мире линии беспроводной, то есть радиосвязи. С тех пор от радиотехники отпочковалось несколько наук: радиолокация, промышленная электроника, развивающаяся сейчас быстрыми темпами вычислительная техника и другие. О структуре нашего факультета вам расскажет мой заместитель – Олег Павлович Зык, второй человек по рангу на факультете. Запомните, ваш первый начальник – это декан, второй – его заместитель и третий – староста группы. Это все, кому студент обязан безоговорочно подчиняться, к кому должен обращаться со своими проблемами и просьбами. Больше не хочу вас утомлять и на этом закончу. У кого появятся вопросы, подойдете ко мне в конце.

Михаил Петрович сел на прежнее место, а Ежугин предоставил слово Зыку. К кафедре подошел высокий рыжеволосый человек лет пятидесяти, одетый в темно-синий костюм, при галстукe того же цвета. Розовую лысину на темени прикрывали зачесанные через нее набок длинные волосы. Я никогда не понимал людей, пытающихся скрыть лысину таким образом. Лысина – так лысина, ее не спрячешь, как ни причесывайся. Так зачем эти выкрутасы? Люди ведь не дураки – поймут, что ты лысый. Будут острить по этому поводу, только и всего.

– Дорогие первокурсники, – сказал он жестковатым командирским голосом, – Михал Петрович уже сказал, что вы избрали для себя самую интересную и самую сложную специальность. Вряд ли вы себе представляете все трудности, которые вам предстоит преодолеть в течение всего времени обучения, включая дипломирование. Если бы вы все это ясно себе представили, то ручаюсь – добрая половина наверняка бы передумала.

Аудитория отозвалась коротким смехом и шумом возмущения. Зык замолчал, ожидая тишины, и с улыбкой ловил взгляды первокурсников, протестующих против такого, как нам казалось, кощунственного высказывания. В их числе был и я. Что за чушь! Как можно передумать и отказаться от такой классной, такой престижной специальности?

Замдекана поднял руку, призывая к тишине, потом продолжил:

– На радиофакультете мы обучаем студентов по двум специальностям: «радиотехника» и «конструирование и технология производства радиоаппаратуры». Выпускники первой из них готовятся для работы в научно-исследовательских институтах и лабораториях, второй – на производстве, а также в конструкторских бюро и проектных организациях. Но программы подготовки разнятся мало, поэтому и те, и другие, могут работать в любом из названных мест. Так что эта градация, честно говоря, чисто условна.

Аудитория отозвалась легким ропотом. Вот это да! Ведь я, подавая документы, считал, что «конструирование» – специальность по разработке новой аппаратуры, а не по ее производству и подготовке документации. Как я сглупил! Почему не посоветовался со знающими людьми? Нужно было на «радиотехнику»... Вот и первое мое разочарование. Что ж, нужно будет попробовать перевестись. Тем временем Зык продолжал:

– Наш факультет имеет четыре кафедры: основ радиотехники, радиоустройств, радиоаппаратуры, а также конструирования и технологии производства радиоаппаратуры. Кафедра основ радиотехники ведет, в основном, теоретические дисциплины, а все остальные – технические, прикладные. Но на этих кафедрах вы начнете работать только на третьем курсе. А пока запасайтесь терпением и изучайте общие – базовые предметы. Ведь для того, чтобы построить хороший дом, нужно сначала заложить для него крепкий, надежный фун-

дамент. Мы для каждой группы организуем ознакомительные экскурсии по нашим кафедрам, но это чуть позже, когда вы решите вопросы с расселением и немного освоитесь со своим новым статусом.

«Ясно, радиотехника начнется аж на третьем курсе. Зачем нас томить целых два года? Ну почему, почему не начать преподавать специальные предметы прямо сейчас, с первого семестра?» – думал я, слушая речь Олега Павловича, хотя понимал, что без физики и математики радиотехнике не научишься. Но уж очень хотелось поскорее приобщиться к любимой специальности.

– Занятия начинаются первого сентября, – говорил Зык, – то есть завтра, в понедельник, в восемь часов утра. Расписание занятий на весь семестр, к сожалению, пока еще не готово. Разработано только временное – по среду включительно. Оно вывешено на факультетской доске объявлений. Перепишите.

Аудитория зашумела, и Зык сделал паузу в ожидании тишины.

– Далее. Мы распределили вас по группам, и списки уже, я думаю, вывесили. Деканат просмотрел ваши личные дела и в результате назначил старост групп и их заместителей. Позднее, смотря по обстоятельствам, они могут быть заменены. Сразу после собрания старост и заместителей прошу собраться у двери деканата. Вопросы потом зададите им. А у меня пока все. Благодарю за внимание.

Мы скупо поаплодировали, и замдекана вернулся на свое место в президиуме. Поднялся Ежугин и, требуя тишины, постучал по кафедре лежавшей на ней указкой.

– А сейчас перед вами выступит ваш старший коллега, студент-дипломник, отличник, член комитета комсомола нашего института, лауреат всесоюзного конкурса молодых ученых, сталинский стипендиат Борис Кушнир.

– Ничего себе, столько титулов! – сказал мой сосед слева и громко зааплодировал. Остальные поддержали его.

Из первого ряда поднялся парень среднего роста с кудрявой шевелюрой и занял место за кафедрой. Он был в белых полотняных брюках и светло-голубой рубашке навыпуск, под которой играли упругие мышцы спортсмена. Он широко улыбнулся, и аудитория стихла.

– Ребята, – сказал он мягким баритоном, – пять лет тому назад я, как и вы сейчас, сидел в этой аудитории и слушал о тех же сомножителях.

Все засмеялись, а Борис продолжил:

– Вы сейчас испытываете радость, оттого что сбылась ваша мечта: вы стали студентами. Но до диплома вам предстоит еще пройти долгий и трудный путь. Удержаться у нас в институте гораздо труднее, чем поступить в него. Особенно на третьем курсе. До диплома доходят далеко не все. В моей группе на первом курсе было двадцать пять человек. Из них до диплома дошло только пять. Мой вам совет: ни в коем случае не запускайте материал. Старайтесь делать все сразу.

Штурмовщина не сулит ничего хорошего и далеко не всегда удается. Если вы увидите, что здесь вам учиться не по силам, сразу переходите на другой факультет. Поверьте, те, которые у нас учились на двойки, перейдя на другие факультеты, становятся отличниками.

Он говорил так страстно и увлеченно, что я сидел, как замороженный. Ну и парень! И речь у него развита, и внешность очаровательная. Чувствуется, что талантливый. Девчонки, наверное, бегают за ним вереницей. Мне, конечно, таким не стать никогда, но хотя бы чуточку походить на него.

– Заниматься так, как нас учили в школе – не усвоив предыдущего раздела, не переходить к следующему, здесь не годится. Думаю, я понятно выражусь, если скажу, что нужно пытаться охватить изучаемую дисциплину в целом. Ежедневно просматривать весь учебник, не ожидая, когда вам что-то там начитают. Не нужно стремиться разобраться сразу во всех деталях – это невозможно. Главное – приучить себя к предмету, представить его целиком. Регулярно просматривая книгу и конспект, вы приучите себя мыслить категориями этого предмета. Сегодня запомнится одна мелочь, завтра другая и так далее. А из мелочей состоит все, даже наша жизнь. На четвертом курсе вам будут читать такую дисциплину, как импульсная техника. Учебник толстый – вот такой вот, – он показал двумя пальцами. – Его можно усвоить лишь при регулярном, ежедневном просматривании – нужно читать оглавление, заголовки, рассматривать рисун-

ки, читать подписи под ними. Когда привыкните, станете понимать отдельные места, и их будет становиться все больше с каждым разом.

– Борис, покороче, пожалуйста. У нас еще очень много работы, – перебил его Шкиц.

– Сейчас, сейчас закончу, Михаил Петрович, – ответил Кушнир и заторопился. – Все придет с опытом. В общежитии есть комнаты для занятий, в главном корпусе – читальный зал. Кроме того, к вашим услугам городские библиотеки. На факультете работает студенческое научное общество – сокращенно СНО. Вот и все, что я хотел вам сказать.

Борис сел на свое место. Встал Ежугин.

– Товарищи, прошу внимания. Сейчас я зачитаю список старост групп и их замов.

Назвав мало что кому говорящие фамилии, он свернул список и окинул взглядом шумную аудиторию.

– Минуточку, товарищи! Еще минуточку, – он постучал ладонью по кафедре. – После собрания прошу всех, кого я назвал, не расходиться, а собраться возле деканата. Там они получают необходимую информацию, которую потом доведут до сведения студентов своих групп. Остальным пожелаю успехов. На этом мы и закончим наше собрание.

В понедельник начались долгожданные занятия, которые мне показались довольно-таки рутинными. Математика, начертательная геометрия, немецкий, физкультура, история КПСС... Лекторы излагали материал доходчиво, порой

слишком уж просто, а практические – совсем как в школе.

Наши «бывалые» – армейцы и производственники – держались высокомерно. Многие смотрели на школьников с нескрываемым презрением. И школьники, ощущая давление со стороны «бывалых», держались отстраненно, отдельной кучкой. Зато на практических они чувствовали себя на высоте, чего нельзя было сказать о «бывалых». Производственников было еще меньше, чем школьников, и подавляющее большинство составляли армейцы. Они были старше нас, как минимум, на пять лет, и постоянно это подчеркивали. Среди них были и офицеры, демобилизованные Хрущевым в соответствии с программой разоружения, и даже участники боевых действий минувшей войны. В нашу группу также попал один из таковых, Вася Довгань. Он с гордостью носил на груди наградные колодочки и годился мне в отцы – ему на то время было уже тридцать пять. Стесняясь называть его просто Васей, я поинтересовался его отчеством, на что он добродушно ответил:

– Та я ще не такий старий, щоб до мене по батькові зверталися. Клич мене просто Василем і кажи мені «ти».

Преодолевая неловкость, я стал говорить ему «ты», но только через неделю-другую привык к такой манере общения и перестал концентрировать на этом внимание.

Я быстро запомнил имена и фамилии одноклассников. Наиболее симпатичным из них мне показался Сашка Лытыщенко. Это был миловидный парень, всего на три года стар-

ше меня, но носил солдатскую униформу. Как-то в курилке во время большой перемены он подошел ко мне и, улыбаясь, сказал:

– Слушай, Очерет, дай-ка мне в зубы, чтобы дым пошел.

Я протянул ему пачку пижонских сигарет «Rila». Он очень аккуратно взял одну и прикурил от моей.

– Я тоже «Рилу» курю. Они легкие, и кашляешь от них не так, как от наших.

– Наоборот, от «Примы» кашляешь не так, как от этих импортных, – вмешался в наш разговор двухметровый увальень Ленька Лабунец.

– На вкус, на цвет товарища нет, – возразил я, и Латыщенко меня поддержал.

С тех пор мы с Сашкой стали друзьями на долгие-долгие годы.

– Саша, почему ты эту робу таскаешь? Ты же всего на три года старше меня, – поинтересовался я.

– Да потому, что я ее четвертый год уже таскаю.

– С семнадцати лет, что ли? Интересно, как это вышло?

– Очень просто. Три года в академии Говорова проучился.

– Три года! А почему тогда ты здесь?

– Не захотел больше. Остохренел мне этот милитаризм. Ушел и перекрестился. Трижды специально экзамен заваливал в летнюю сессию. Хотя учиться было интересно.

– Но почему ты всего на первом курсе? Тебя, как минимум, могли бы на второй сюда взять, если бы ты документы

из академии представил.

– Хочу программу радиофака всю – от начала до конца пройти.

По мере общения с Сашкой я проникался к нему все большей симпатией. В его глазах светился мощный интеллект, который меня буквально завораживал. Кроме того, его родители, как и мои, тоже были врачами.

В пятницу на первой паре к нам в аудиторию вместо лектора-математика неожиданно вошел Олег Петрович Зык и обратился к присутствующим:

– Внимание! Прошу внимания!

Все с интересом затихли.

– Так, занятий сегодня не будет, – сказал он. – Приглашаю всех к половине девятого в шестьдесят третью аудиторию электрокорпуса на факультетское собрание.

Аудитория загудела, как растревоженный улей. Послышались выкрики:

– А что случилось?

– Почему занятия отменили?

– На собрании вам все скажут, – ответил Олег Петрович. –

Прошу всех тихо, без шума, выкриков и толкотни перейти в названую аудиторию.

В шестьдесят третьей было полно народа. Нам с Сашкой удалось занять места в середине третьего ряда, и вскоре Зык открыл собрание.

– Товарищи! К нам обратился областной комитет партии

с просьбой помочь убрать урожай, который в этом году колхозникам удалось вырастить обильным, как никогда ранее. Думаю, никому не надо разъяснять, что продукты нужны всем: и рабочим, и служащим, равно как и нам с вами. Поэтому руководство института решило временно освободить вас от занятий и отправить на сельхозработы. Мы едем в Покровский район Полтавской области убирать кукурузу и другие культуры.

Потом он сказал, что в соседнем корпусе и в общежитиях для нас уже открыты временные магазины, где можно купить сапоги, матрасные тюфяки, рюкзаки, телогрейки, теплые свитеры, толстые шерстяные носки и прочие вещи, необходимые для поездки.

– Сбор в воскресенье в десять утра на перроне вокзала «Левада». Старосты получают указания, какой группе в каком вагоне ехать. По приезде на место вас встретят представители колхозов, совхозов и нашего института, после чего развезут по соответствующим колхозам. Старосты и их замы сейчас, сразу после закрытия собрания, приглашаются в соотную аудиторию электрокорпуса для прохождения инструктажа. После этого они ответят на все ваши вопросы. А теперь я передаю слово секретарю партбюро факультета, Роману Тимофеичу Ежугину.

Раздались редкие аплодисменты, которые тут же смолкли, когда из первого ряда поднялся Ежугин, одетый в светло-серый костюм, ослепительно белую рубашку и при широком

синем галстукe в белый горошек, как у Владимира Ильича Ленина, и подошел к выдавшей виды кафедре. Сжав губы наподобие куриной задницы, чтобы придать лицу выражение крайней серьезности, он окинул присутствующих суровым взглядом и заговорил надрывным патетическим тоном:

– Дорогие товарищи! Дело, которое вам поручается, имеет большое государственное значение! Это дело нашей дорогой и родной коммунистической партии! Она заботится о вас, обеспечивает вам право на бесплатное образование, которого удостоены только граждане социалистических стран!

Он всеми силами стремился показать свою страстную преданность партии и правительству, и его голос буквально срывался на плач.

– Так давайте же не осрамим высокого доверия, которое нам оказывает наша социалистическая родина, и поможем труженикам сельского хозяйства убрать урожай в кратчайшие сроки с минимальными потерями!

Воскресное утро выдалось теплым и солнечным, но в воздухе уже висела легкая дымка – первый, едва уловимый признак осени. Перрон был запружен студенческой толпой. В ней толкались, перекликались и гудели на все лады. Над головами там и сям на шестах возвышались плакаты с названиями факультетов, курсов и групп. Продиффундировав сквозь толпу к своей группе, я увидел нашего старосту, Лешку Романченко, с тетрадкой в руках.

– Привет, староста! – сказал я. – Сашку Латыщенко не

видел?

– А, это ты, Очерет? Тебя не узнать, – ответил он с улыбкой.

– Почему?

– Да я уже привык видеть тебя аккуратно одетым, интеллигентным пацаненком. А тут ты – в сапогах, грубом свитере, с рюкзаком на спине и телогрейкой в руках. На кугутенка похож.

Меня покорило от пренебрежительно-уменьшительных форм «пацаненок» и «кугутенок», но я их игнорировал, как принято в приличном обществе реагировать на бестактности. Романченко раскрыл свою тетрадку на странице со списком группы и против моей фамилии поставил птичку.

– Наша группа едет в шестом вагоне. Понял, салага?

Я не стал реагировать на унижительное обращение «салага» и демонстративно повернулся в Лешке спиной, чтобы отойти в сторону. Тем временем к нему подошло еще несколько одноклассников.

– Леха, привет. И меня там отметить.

– И меня!

– Меня тоже!

Я обернулся, узнав голос Латыщенко. Тот был в фуражке из букле, в солдатской робе и сапогах

– Привет, Саня, – поздоровался я.

– А, Генка! Привет, лошадь! Не проспал?

– С чего это мне просыпать?

Я достал пачку сигарет и молча предложил Сашке. Но он вынул из кармана то ли серебряный, то ли посеребренный портсигар и, лихо клацнув защелкой, протянул мне:

– Бери! Болгарские, «Мони». Пробовал?

– Нет, – признался я, прикуривая пижонскую сигарету с желтым фильтром.

– А я терпеть не могу с фильтром, – вмешался Романченко. – Куришь, куришь, а толку никакого.

По мегафону объявили посадку, и мы с Сашкой, стараясь держаться вместе, забрались в шестой вагон, забросили рюкзаки на третью полку и вышли на платформу. До отъезда оставалось еще пятьдесят минут, и Сашка предложил зайти в закусочную, чтобы выпить «на дорожку» по кружке пива. Я ни разу до этого не был в закусочных, тем более не пил в них пиво. Но отказаться было неловко: меня и так все считали молокососом, едва оторвавшегося от маминой сиськи.

В закусочной толпилась разношерстная публика, но большей частью студенты, отъезжающие в колхоз. Было душно, накурено, стоял острый запах спиртного и прокисшего пива. В табачном дыму висела площадная брань. Шокированный, я втянул голову в плечи и остановился около Сашки, мечтая о том, чтобы он предложил уйти.

У пивной бочки народу было видимо-невидимо – за час не успеть никак. Посетовав на неудачу, мы повернулись было к выходу, но из толпы окликнули Сашку:

– Латищенко! Давай сюда!

Это был Вася Довгань, наш «переросток». Впереди него стояло всего четыре человека. Жестом руки он предложил место впереди себя, чем вызвал недовольство стоящих сзади, но, взглянув на наградные планки на его груди, они неохотно уgomонились.

– І ти, пущьвірінку, по пиво прийшов? А мамка тобі по сраці не надає?

Эти слова относились явно ко мне. Скажи это кто другой, я бы возмутился, но на Василя у меня обиды почему-то не было. Я отшутился:

– Та вона ж, Василю, не бачить.

– А як дізнається, що тоді?

– Та як же вона дізнається? На вряд чи ти доноситимеш, а Сашко напевно мовчатиме.

Когда впереди нас оставался всего один человек, пивной кран издал шипящий звук, и краснолицая продавщица прокричала:

– Товарищи, пиво кончилось!

Очередь разочарованно зашумела, но ничего не поделаешь – нет, так нет. Очередь таяла на глазах. Вася вышел, о чем-то оживленно беседуя с каким-то мужиком своего возраста. Я тоже повернулся было в сторону выхода, но Сашка удержал меня за рукав:

– Подожди, Гена. Давай хотя бы по сто граммчиков дернем, а?

Сашкино предложение меня обескуражило. Я хотел отка-

заться, но он, не дожидаясь моего согласия, обратился к продавщице, как заправский забулдыга:

– Два по сто коньячка и по конфетке.

– Саня, а если нас унюхает кто-нибудь из руководства?

Выгонят же.

– Да ты видел, сколько наших пили пиво? Всех выгонять, что ли? К тому же, некоторые преподаватели тоже причастились – я видел, когда шел к вам с Романченко.

– Пьяные ведь будем...

– Это от ста грамм пьяные? Да ты что, Генка! Ты что, никогда не пил, что ли?

Я в самом деле никогда не пил, но побоялся в этом признаться, чтобы не вызвать лишних насмешек. Мы чокнулись, Сашка выпил стопку до дна, сморщился, как сморчок, и откусил половинку шоколадной конфеты. Пока он кривился да жевал конфету, я чуть надпил свою стопку и, содрогнувшись от отвращения, незаметно поставил за цветочник. Коньяк, показавшийся мне отвратительным пойлом, обжег мой язык, пищевод и желудок, но конфета ощутимо ослабила это непривычное жжение. И что хорошего находят люди в коньяке?

– Ну, пошли, – сказал Латыщенко, сунув в рот остаток конфеты. – А то без нас уедут.

– Генка! Генка, проснись! Приехали.

Я открыл глаза, недоумевая, где нахожусь. Латыщенко тряс меня за плечо.

– Генка, приехали. Выходим.

Меня мутило. Болела голова. Преодолев разбитость, я встал, стащил с третьей полки свой рюкзак и вслед за Сашкой стал пробираться к выходу. На воздухе мне стало легче, тошнота отступила. Нет, нельзя мне пить. Никак нельзя. Как видно, для этого созреть как-то надо.

Лешка Романченко всем велел следовать за ним. Мы вошли в убогое здание местного вокзала, но Романченко, не дав нам передохнуть, прошел через зал ожидания и вывел нас на привокзальную площадь, где стояли грузовики. Неподалеку мы увидели Ежугина в спортивной куртке поверх толстого свитера и со списками в руках. Он командирским тоном раздавал указания старостам.

Поговорив с ним не более минуты, Лешка отвел нас к грязному грузовику и скомандовал залезать в кузов, устланый свежей соломой. Едва мы расселись, к машине подошел мужчина лет пятидесяти. Очки с тонкой серебристой оправой придавали ему интеллигентный вид, несмотря на «колхозное» одеяние – темно-серую телогрейку, фуражку «паутинку» и грубые брюки, заправленные в юфтевые сапоги. Ухватившись за борт, он вскарабкался на колесо и поздоровался:

– Здравствуйте, мальчишки! – сказал он с улыбкой.

– Здравствуйте! Здравствуйте, – ответили мы вялыми от усталости голосами.

– А девочки, – сказал кто-то позади меня. – Среди нас две

девочки есть.

– Виноват. Здравствуйте, юноши и девушки! Я – ваш руководитель и еду с вами. Меня зовут Федор Иванович Кряжин. Староста где?

Романченко поднял руку.

– Здесь! Здесь я.

– Все на месте? Никого не потеряли?

– Так точно, все! – отчеканил Романченко по-военному.

– Ну, тогда поехали устраиваться.

Кряжин спрыгнул на землю, влез в кабину, уселся рядом с шофером, и грузовик покатил по грунтовой дороге, подпрыгивая на ухабинах.

– Давайте споем, что ли? – предложил Романченко.

– Начинай. А мы подтянем.

И Лешка затянул:

– Эсминец на рейде стоял у порта, Матросы с родными прощались, А море таило покой красоты И где-то вдали исчезало.

Все хором подхватили:

– А море таило покой красоты И где-то вдали исчезало. А там во садочку, где пел соловей, Он пел свою песню, играя, С девчонкой прощался моряк молодой, Надолго ее покидая...

– Ну и песню же вы затянули! – перебил всех кудрявый брюнет в солдатской форме. Как я потом узнал, это был Коля Чернов. – Она мне в армии настохренела. Вот где она у меня, – он провел пальцем по горлу. – Давайте что-нибудь

другое!

Песня захлебнулась. Все наперебой предлагали – кто во что горазд, но их никто не поддерживал.

– Давайте мы с Таней споем, – предложила Валя Матвийчук и тут же начала:

– Три красавицы небес
Шли по улице Мадрида: Донна Клара,
Долорес, Донна Клара, Долорес
И прекрасная Флорида.

Ей подтянула вторая наша представительница прекрасного пола – Таня Емелина. Остальные только слушали, ибо слов больше никто не знал. Да и песня мне казалась примитивной – уличного или, как у нас говорили, «дворового» пошиба. Но голоса у девчонок были на удивление чистые и мелодичные:

Их на улице одной
В старом ветхом одеянье
Бедный парень молодой
Бедный парень молодой
Попросил о подаянье.

Дорога пролегла через убранные поля, среди которых возвышались желтые скирды. Время от времени мы пересекали «сталинские лесополосы», защищающие колхозные поля от суховеев, а зимой, как нас учили в школе, задерживающие на полях снег. Скупое осеннее солнышко уже приближалось к горизонту. Становилось прохладно. Я надел телогрейку, застегнул на все пуговицы и натянул на лоб спор-

тивную шапку, которую мне в прошлом году связала мама. Помню, как уезжая на учебу, я не хотел ее брать, но мама настояла, и теперь я был ей искренне благодарен. Я обмотал шею шарфом и заправил концы под телогрейку. Стало теплее. Хотелось есть, но в поезде все у всех было съедено, и нам оставалось только мечтать о предстоящем ужине. Скрипя и гроыхая, грузовик подпрыгивал на колдобинах, а девочки все пели:

– А Флорида, что бедна, Не имела ни реала.

Вместо золота она Вместо золота она

Бедняка поцеловала.

И букет из алых роз Он купил за три реала

И Флориде преподнес, И Флориде преподнес,

Что его поцеловала.

После получасовой тряски в грузовике мы въехали в село. Попетляв среди убогих дворов, наша машина остановилась у хаты с широким подворьем, посреди которого стоял врытый в землю сбитый из досок длинный стол, накрытый так же грубо сколоченным навесом.

Из кабины вылез Федор Иваныч и, сложив ладони рупором, прокричал:

– Вылезай! Вещи оставьте в машине. Сейчас поужинаем и поедем устраиваться. Вопросы есть?

Вопросов не было. Спрыгнув на землю, я осмотрелся. Латыщенко тронул меня сзади за плечо.

– Генка, айда скорей руки мыть. Смертельно хавать охота.

Под довоенным умывальником, на котором сверху лежал кусочек хозяйственного мыла, мы наскоро вымыли руки. На гвозде, вбитом в ту же доску, к которой был прикреплен умывальник, только с противоположной стороны, висело полотенце. Оно было настолько мокрым, что пользоваться им было невозможно. Вытершись носовыми платками, мы уселись за стол вместе с остальными.

Тем временем наши девчонки успели включиться в кухонную работу. Валя поварешкой раскладывала по алюминиевым мискам ароматное мясо с тушеной картошкой, а Таня ставила их на стол в два ряда. Пожилая женщина в белой косынке, повязанной вокруг головы, принесла несколько буханок свежайшего подового хлеба с аппетитно пахнущей хрустящей корочкой и положила на стол. Латыщенко взял протянутый ею нож и стал безжалостно кромсать ядренные буханки. На столе откуда-то появились большущие миски со свежими помидорами, возвышающимися горой. Наконец, мы уселись за стол и, весело болтая и перекидываясь остротами, принялись уплетать картошку с мясом.

Затем подали рисовую молочную кашу, чай в эмалированных кружках, а в глиняных мисках – душистый мед.

Всех, кроме девочек, поселили в просторной хате с верандой. Впрочем, назвать это строение хатой было бы неверно, но и домом его тоже не назовешь. Местные именовали его старым клубом. Вход был со стороны широкой веранды. Далее следовали просторные сени, а после них – наше спаль-

ное помещение, посреди которого стоял длинный грубо сколоченный стол вроде того, что на кухне, которую некоторые называли столовой. Далее располагалось возвышение, где в бытность этого строения клубом, была сцена. Там мы оставили рюкзаки и вышли во двор осмотреться.

В это время на подворье въехала подвода с копной сухого душистого сена. По указанию Кряжина мы вывалили его на траву, набили им матрасные тюфяки для постелей и наволочки для подушек и разложили на полу в «спальне». Одежда и подстилки, которым надлежало заменить нам простыни, были у каждого свои. Романченко предложил положить в изголовья рюкзаки и прочие вещи, и наши постели были готовы.

Мы с Сашкой расположились рядом и, довольные собой, вознамерились пойти разведать местность. Со двора донесся рокот автомобиля. В сумерках мы увидели грузовик, подогнанный к самому крыльцу нашего обиталища. Из кабины вышел человек в телогрейке, фуражке с огромным козырьком и резиновых сапогах.

– Знакомьтесь. Степан Лукич Остафийчук – наш председатель, – представил его Кряжин.

– Ну як, хлопці, улаштувалися?

– Вроде бы, – ответил за нас Кряжин.

– Що ж, добре. А дайте-но я окину оком, що тут у вас та як.

Он вошел в импровизированное спальное помещение,

глянул на наши «ложа», на заваленный вещами стол и сказал:

– Що ж, улаштувались як слід. У міру можливого. Стіл доведеться звільнити, бо більш нема куди покласти хліб. У сїни вивантажите кавуни та бідон з медом, які вам зараз привезуть. Це щоб ви не голодували, якщо їсти схочеться. Я знаю, що таке молоді хлопці – завше голодні. Зголоднієте – відрижете скибу хліба, намажете медом, та й їжте собі на здоров'ячко. Потім кавуном заїсте. Тільки не перед сном, бо забігаєтесь до вбиральні. Вона там, у дворі. Бачили вже, мабуть, і користалися. Пробачте, що кращої немає. А вранці бідон меду привезуть.

– А куда вы поселили наших девочек? – спросил Романченко.

– Дівчатка розмістилися тут неподалік. У старенької бабусі Оксани. Матимуть вільний час – допомагатимуть їй удома поратись. Як хто з вас надумає, нехай теж їй допоможе. Здебільшого на городі та у клуні. Вона самотня: чоловік і син з війни не повернувся, дочка у голодівку сорок шостого померла.

– Непременно поможем, – сказал Лешка.

– От і гаразд. А як надумаєте дівчат відвідати, спитайте в першого ліпшого бабу Оксану – вам покажуть.

В это время мы услышали рокот автомобильного мотора и протяжный сигнал.

– Ось і продукти приїхали. Що ж, хлопці, гайда виванта-

жувати.

– Подье-о-о-ом! Подьем-подьем, ребятки! Умываться и завтракать! Поторопитесь! На кухню за нами машина придет – на работу отвозить. Нехорошо будет заставлять себя ждать! Подьем!

Это будил нас Кряжин. Было только пять утра. Мне нестерпимо хотелось спать, но Федор Иванович кричал громким, как паровозный гудок, голосом:

– Подье-о-о-ом! Подье-о-о-ом, парни! Хватит спать!

Умывались на улице. Вода в умывальнике была обжигающе холодная, просто ледяная, хотя всю ночь стояла в сенях, в ведрах. Мы еще с вечера наносили ее из колодца, что был напротив общежития.

Вскоре у нашей хаты остановился грузовик и отчаянно заиграл. Из кабины выглянул водитель.

– Хлопці, мед приїхав! Вивантажуйте швидше та на сніданок! Підїдемо трохи! Швидше! Швидше!

– А девочки? – спросил Романченко. – Давайте за ними заедем.

– Та ваші дівчатка ще з темна у кухні пораються – вже вам сніданок приготували, чекають на вас. А ви ще спите досі. Сором! Швидше, швидше залазьте!

На завтрак был суп с галушками и луковой зажаркой, мясо с гречневой кашей и чай с медом. Потом нас отвезли на кукурузное поле.

У бригадира мы получили мешки – один на троих –

и железные стержни с заточенными концами, которые тут же прозвали «ковырялками». Он велел собирать початки в мешки, предварительно очистив их от кожуры с помощью «ковырялок», относить к дороге и ссыпать в бурты. Было тепло и солнечно, как летом. Мы с Сашкой сбросили телогрейки и свитеры у нашего бурта и, оживленно болтая о том, о сем, выполняли свою работу. Все вокруг делали то же самое. Поле огласилось веселыми криками, смехом, шутками и прибаутками вперемешку с солдатской бранью. Некоторые, смеясь, швыряли друг в друга початками. Кряжин искренне возмутился, но поделаться ничего не мог.

Один початок угодил по голове Васе Довганю и разбился надвое. Последовал поток возмущения и забористой ругани.

– Ви що, зовсім осатаніли, чи як?! Я вам що, пуп'янок якийсь? Чотири десятки незабаром! А як я комусь по голові цеглиною замантулю, вам сподобається? Лобури хрінові, їті вашу мать нехай!

Одни смеялись, другие разделяли васино возмущение, а мы с Сашкой искренне ему сочувствовали. Кряжин также возмутился столь неслыханным хамским поступком по отношению к старшему товарищу, к тому же участнику войны с наградными колодочками, и потребовал прекратить безобразия на поле.

Смех прекратился, установилось неловкое молчание. Работали без единого звука. Федор Иванович ходил между рядами, иногда помогал отстающим и, стремясь разрядить об-

становку, попытался разжечь в нас дух соцсоревнования. Но рвення к состязанию не проявил никто, и он стал ходить, не говоря ни слова, время от времени кому-то указывая на пропущенный початок.

Солнце миновало полуденную точку и перевалило на вторую половину дня, когда к нашему участку подъехал грузовик и подал протяжный сигнал. Из кабины выскочил уже знакомый водитель и замахал картузом.

– Ребята! Прерываем работу! На обед поехали! – громко скомандовал Кряжин. Как мы поняли, он и сам основательно проголодался.

– Мешки что, здесь оставляем? – спросил Романченко.

– Конечно. Куда ж они денутся? – ответил Федор Иванович и направился к грузовику.

После обеда меня клонило ко сну, работать не хотелось, и я обратился к Сашке:

– Сань! Что-то пропало у меня рабочее настроение – спать хочется. А ты как?

– Да что же я, по-твоему, не человек, что ли? С удовольствием прилег бы минут сто семьдесят покемарить. Но... кто ж позволит? Обстоятельства сильнее нас, к сожалению.

Работали вяло, шутить никому не хотелось. Разговаривали изредка, в основном касательно работы. Довгань трудился отдельно от всех остальных и до конца дня не проронил ни единого слова. Я видел, как он достал папиросную пачку, заглянул в нее, скомкал и, вздохнув, выбросил. Мне стало

неловко перед «стариком», и я, чтобы как-то стушевать эту неловкость, протянул ему раскрытую пачку сигарет.

– Угощайся, Вася. Бери. Тебе ведь не за что на меня обижаться.

Он демонстративно отвернулся, но я предложил еще раз.

– Бери, бери, Вася. Ты же курить хочешь, я вижу.

Взглянув на меня исподлобья, Довгань, колеблясь, несколько секунд помедлил, потом все же взял. Глядя в сторону, зажег спичку и, прикурив, загасил ее, взмахнув несколько раз рукой. Он бросил ее на землю и для верности старательно притоптал ногой. В его глазах, жестах и во всем поведении сквозила горькая обида, и мне стало жаль этого доброго мужичка, решившего в столь, как мне тогда казалось, солидном возрасте, обзавестись высшим образованием.

– Вася, тебя прямо со школьной скамьи на фронт взяли? – спросил я, чтобы как-то разрядить напряженное молчание.

– Ні, Гено, зі студентської. Я на агронома вчивсь. На другий курс якраз перейшов, самі п'ятірки в мене були... Тільки-но іспити склав... Достроково... До батька зібравсь. І тут – ця клятюча війна... – он глубоко вздохнул, пыхнул сигаретой и на минуту замолк. – Гарзд... хай їй сячина...

После ужина мы с Сашкой Латыщенко решили прогуляться по селу – разведать, что там и как. Прежде всего, мы решили найти магазин, чтобы вовремя пополнить запас курева. Местные мужики сказали, что это недалеко – ниже наше-

го обиталища, на перекрестке. Мы уже собрались было туда направиться, как нас остановил Романченко.

– Эй, молодежь! Вы куда?

– Хотим в сельмаг зайти, узнать, что там есть, – ответил я.

– А мы тут решили отметить наш приезд. Вы, надеюсь, тоже коллектив поддержите? Так что по десятке гоните.

Сашка тут же вынул десятку и протянул Романченко. Денег у меня было в обрез, но отставать от коллектива мне тоже не хотелось, тем более что Сашка принял лешкино предложение без колебаний. Я последовал его примеру, и мы направились к выходу.

– Вы ж на сабантуй не опаздывайте. Сбор в посадке ровно в семь. Это вон там, за новым клубом, – крикнул нам вдогонку с порога Романченко.

Сельмаг по сравнению с городскими магазинами, даже самыми захолустными, выглядел мрачно и убого. Это была обычная, хоть и довольно просторная, сельская хата с наполовину прогнившим деревянным крыльцом, двустворчатой дверью, скрипучими половицами и зарешеченными окнами. У прилавка стояла толстощекая тетка в грязном переднике, который был когда-то белым, и с аппетитом уплетала булку с колбасой. Кивнув в ответ на наше приветствие, она сунула в рот остаток бутерброда и из термоса довоенных времен плеснула в стакан, покрытый коричневым налетом, порцию темного дымящегося чая. Мы с Сашкой принялись с любопытством осматривать ассортимент выставленных товаров,

слыша, как за спиной продавщица с шумом потягивает горячий чай.

На полке стояли бутылки с этикетками: «Горілка», «Московская», «Портвейн белый таврический» и «Червоне міцне». Верхние полки были заставлены консервными банками с надписями: «Бычки в томате», «Шпроты», «Частик в томатном соусе», «Пеламида в масле», «Ставрида в собственном соку», «Лосось в масле», а также стеклянные банки с кабачковой и баклажанной икрой. Нижняя полка была завалена блоками табачных изделий: «Беломорканал», «Прибой», «Север», «Прима» и «Памир». За захватанной витриной лежали батоны «ветчинно-рубленной», «отдельной» и «докторской» колбас. Справа на прилавке были под стеклом разложены галантерейные товары, а далее – гвозди, шурупы, замки, мебельные и дверные ручки, крючки, засовы, защелки и прочая хозяйственная дребедень.

Первым делом мы купили по десять пачек «Примы». Потом Сашка приобрел портсигар со встроенной зажигалкой, которым потом еще долго любовался и с гордостью выставлял напоказ. Я же, несмотря на скромность своего бюджета, соблазнился на покупку импортного портмоне из кожи, отделанной под крокодиловую, и пользовался им впоследствии много лет, вплоть до полного износа.

Осмотрев местные достопримечательности: правление колхоза, клуб, чайную, ток для обмолота зерновых, комору и школу, мы повернули, наконец, к посадке, где Лешка Ро-

манченко назначил сбор.

Почти все были уже на месте. На траве была разостлана клеенка, которая раньше лежала в сенях нашего обиталища, оставленная там нашими предшественниками. Романченко ставил на нее бутылки с водкой, Гаврюша резал колбасу и раскладывал на газете, а Лабунец выставил стаканы, взятые, как я потом узнал, напрокат в чайной у кокетливой официантки, разрезал и щедро посолил несколько аппетитных помидоров. Мы с Сашкой приволокли пару валявшихся неподалеку полусгнивших бревен и, положив у клеенки, уселись на них. Многие сочли это удобным и заняли «сидячие места» рядом с нами. Остальные сели прямо на траву.

Водка с бульканьем полилась в стаканы. Романченко, как старший по должности, провозгласил тост:

– Ну, братцы, за наше знакомство. Пусть этот колхоз процветает и богатеет, а мы – будем здоровы!

Здрав подбородок, он вылил в рот все содержимое стакана, проглотил единым глотком и, скривившись, как отпечтый забулдыга, жадно вонзил зубы в сочный помидор. Сок брызнул на рукав куртки. Лешка вытер его газетой и запихнул в рот солидный кусок колбасы. Один за другим остаканулись и остальные. Латыщенко отпил пару глотков, поставил на клеенку стакан, закусил помидором и потянулся за кружком колбасы.

С минуту стояла тишина. Слышалось только смачное чавканье. Выпили только я и Вася Довгань. Вася неторопливо

жевал колбасу, а я сидел в нерешительности, не зная как себя повести. Романченко, не переставая жевать, взял бутылку, чтобы налить по второму разу, и увидел, что содержимое стакана Довганя осталось в прежнем объеме.

– Вася, тебя что, на фронте пить не научили? – спросил он и пьяно захохотал.

– Вчили, навіть навчили, та мені не сподобалось, – пошутиливо, но твердо ответил Довгань.

– Нет, Вася, так не годится, – заявил Аркаша Донин, который был моложе Васи всего на два года, тоже участник войны. – Хоть пару глотков отпей для приличия.

Довгань отрицательно покачал головой.

– Чего это ты так? – продолжал давить на ветерана Аркаша.

– Бо від горілки, хлопці, добра не буває. Так що пийте, якщо вам до вподоби, а я трохи посиджу з вами за компанію.

Лешка продолжал разливать, и корда дошел до моего стакана, удивленно спросил:

– А ты чего, салага, сачкуешь? Что, мамка не велела? Пороть будет?

Я был не в силах перенести укор в «невзрослости», тем более от одноклассников, которые были хоть и старше меня, но все же, по моему мнению, принадлежали к той же возрастной категории. Мне никогда раньше не приходилось пить ничего, крепче грузинского чая, который мама заваривала по утрам. Под пристальным вниманием более двадцати пар на-

смешливых глаз я поднял стакан с твердым намерением выпить его до дна, а там – будь что будет. Поднеся его ко рту, я ощутил резкий тошнотворный запах. Задержав дыхание и отчаянно напрягши весь запас воли, я начал пить мерзкую жидкость глоток за глотком, преодолевая чудовищное отвращение. Каждый глоток сопровождался встречным толчком, и мне казалось, что этой изуверской пытке конца-края не будет. Ценой невероятных героических усилий я опорожнил, наконец, стакан под аплодисменты товарищей.

Но тут со мной случился конфуз, о котором одноклассники вспоминали до окончания учебы в институте. Мое нутро внезапно сдавил спазм, ужасный и непреодолимый. Я едва успел вскочить с места и отвернуться, как на осеннюю пожелтую траву из меня хлынула прозрачная струя только что выпитой водки, что вызвало неудержимый смех присутствующих. Как говорил дед Гордей, чье-то горе для кого-то всегда развлечение, и я в этом убедился на горьком опыте.

– Ты что ж это, салага, водку на землю льешь?

– стакан! Скорей стакан подставляй и заново пей!

– Ну, мамка тебе даст по заднице!

– Ой, держите меня, я падаю! Такой хохмы, сколько живу, не видел!

Надо мной насмеялись все, кроме Довганя. Он подошел ко мне и заботливо взял под руку.

– Нічого, Генко. Це не біда, коли мужик не п'є, бо пити не може. От коли навпаки, не може не пити – ото біда. Хай,

надобні, сміються, скільки влізе. Не бери їх, бовдурів, до уваги. Сядь, з'їж чогось там.

Я отрицательно покачал головой, будучи не в силах съесть ни кусочка, не рискуя вызвать нового приступа тошноты.

– Тоді пішли, хлопче, додому.

Под смех, топорные остроты, пьяные выкрики и улюлюканье товарищей я с позором покинул их общество. Вася прошел со мной до общежития и вернулся обратно, посоветовав мне отправиться спать.

Утро было солнечным, но холодным. Я обмывался до пояса под одним из четырех умывальников, закрепленных на узкой доске, прибитой поперек пары столбов, врытых в землю. Рядом крякал Сашка, делая то же самое, а я старался не издавать ни звука, чтобы лишний раз не привлечь внимания товарищей, и молча терпел их ядовитые насмешки по поводу моего вчерашнего конфуза.

Голова моя раскалывалась от боли. Мутило. О выпивке я даже подумать боялся, ибо малейшее напоминание о ней вызывало у меня приступ тошноты и рвотные спазмы в желудке. Как видно, вчера из меня вылилась далеко не вся выпитая водка.

Завтракать я почти не мог. Съел только небольшой кусочек мяса с соленым огурцом и с жадностью выпил чашку горячего чая. Работал молча, почти не общаясь даже с Сашкой. Перед обедом ко мне подошел Вася и тихо поинтересовался:

– Як ся маєш, Гено?

– Поганенько, Василю.

Еще в седьмом классе я прочно вбил себе в голову, что выше радиотехники нет ничего на свете. В конце жизни я счел себя выше радиотехники, потому что когда я начал с энтузиазмом работать, в ней вскоре стали процветать и доминировать рвачи, шкурники и карьеристы, партийные и комсомольские деятели (сначала современные, потом бывшие), а также многочисленные бездари и недоучки.

Произведение того, что в голове, на, образно выражаясь, количество свинца в заднем месте есть величина постоянная. Общежитие. Колхоз.

Заместитель декана – Зык Олег Павлович.

Парторг факультета – Ежугин Роман Тимофеевич.

Федор Иванович Кряжин – наш руководитель.

Степан Лукич Остафийчук – наш председатель.

Василь Довгань.

Юлий Гарбузов

14 сентября 2007 года, пятница

Харьков, Украина

7. Ложка дегтя в бочке меда (Не закончено)

Образец, задающий форматы.

Баландин Филипп Евстафьевич – заведующий кафедрой истории КПСС, читал нам этот предмет.

Баландин:

– Медленным шагом, робким зигзагом тише вперед, рабочий народ!

Сатира на меньшевиков:

Медленным шагом,

Робким зигзагом,

Не увлекаясь,

Приспосаблиясь,

Если возможно,

То осторожно,

Тише вперед,

Рабочий народ! (Ю. Мартов)

Медленным шагом,

Робким зигзагом,

Тише вперед,

Рабочий народ!

Не увлекаясь,

Приспосаблиясь,

Тише вперед,
Рабочий народ!
Если возможно,
То осторожно
Шествуй вперед,
Рабочий народ!

Федеративный Совет партии, Ленин, Троцкий – вот на ком сосредоточилась во время деятельности Совета вся ненависть Хрусталева-Носаря.

Он был настолько умен, что сознавал свое политическое бессилие в каждом выдвигаемом революцией вопросе и свою безграмотность при его решении. Он в этом далеко уступал каждому рядовому рабочему, так как у него не было присущего пролетарию революционного чутья, не было хотя бы бессознательно правильной оценки момента, не было порыва, создаваемого классовой солидарностью и беззаветным стремлением к жертве собой во имя торжества в борьбе с капиталом и освобождения всех трудящихся от ига эксплуататоров. Носарь был связан воспринятой от Милюкова и его компании буржуазной идеологией и являлся олицетворением насмешливой песенки, сложенной Ю. О. Мартовым в эпоху экономизма 1890 годов по адресу рецептов их органа «Рабочего Дела» – «Медленным шагом, робким зигзагом, тише вперед, рабочий народ...».

В первую сессию он поставил мне двойку за узкие брюки. Сказал, что я представитель чуждой идеологии.

– А что там слышно по голосу Америки? А по Бибиси?

Хотел завалить меня на передаче. Выручил Шкиц, по-слав меня сдавать экзамен на другой день, зная, что заболел и подговорив нового экзаменатора.

Весь весенний семестр Баландин, проводя в нашей группе семинары, ни разу меня не вызвал, как я ни тянул руку. Потом, перед сессией, сказал:

– А у Вас, товарищ Очерет, катастрофическое положение! Ни одного выступления на семинарах! Вас отчислять надо. Я не могу Вас к экзамену допустить.

– Вы же меня не вызывали – я сколько просился выступить!

– Вы просились? А почему руки не поднимали?

– Да я каждый раз руку тянул, а вы меня все равно не вызывали.

– Что? Помилуйте, я не помню такого! Факт есть факт – ни одного выступления. Такого у меня еще не было!

А в летнюю сессию он, на мое счастье, заболел опять. Однотруппникам было только смешно. Все откровенно веселились, смеялись.

– Пусть выгонят. Поработает, жизнь увидит. Нечего тут прямо со школы в институт! Мы вот служили в армии, по пять лет потеряли. И ничего!

Но меня не выгнали. Пришел Лисецкий и спокойно принял у меня экзамен. Даже похвалил. Предложил четверку – я тут же, не думая, согласился.

Юлий Гарбузов
29 августа 2007 года, среда
Харьков, Украина

8. Елка-елка, зеленая иголка! (Не закончено)

Вася Трубинок во втором классе отвечал урок перед Новым годом. Нам было задано выучить наизусть стишок о елке:

Елка-елка,
Зеленая иголка!
Откуда ты, душистая-
Пушистая пришла?
Пришла я из колхоза,
Удрала от Мороза
И много-много радости
Детишкам принесла!

Но Вася случайно перепутал и рассказал на полном серьезе:

Елка-елка,
Зеленая иголка!
Откуда ты, душистая-
Пушистая пришла?
Пришла я от Мороза,
Удрала из колхоза
И много-много радости
Детишкам принесла!

Никто из ребят даже не заметил неточности. Но вот учительница акцентуировала внимание на его невинной ошибочке и раздула из этого политический скандал.

– Как-как ты сказал? «Пришла я...», а дальше?

– Пришла я от мороза, удрала из колхоза...

Весь класс взорвался смехом над васиной ошибкой. Но учительница утихомирила класс, подняв вверх ладонь, обращенную к ребятам.

– Тихо! Вот, значит, как! Так ты это сознательно!

– Что сознательно?

– Такую пропаганду здесь среди моего класса ведешь?

– Какую про-па-ганду? – произнес Вася, с трудом выговаривая незнакомое слово.

– Вражескую! Вот какую! И не прикидывайся здесь дурачком! Кто тебя этому научил?

– Чему научил? – недоумевал Вася.

– Тому, что ты здесь насаждаешь среди моего класса, негодяй!

– Чего еще?

Отец прилюдно бил Васю.

Юлий Гарбузов

9. Студент-лектор (Не закончено)

Как Глазман заставил Хусточку читать лекцию.

А вот – непонятно.

Ура – звонок!

После Геронимуса в третьем семестре читал Глазман. Сначала нам казалось, что лекции Глазмана из рук вон плохие. Он читал в виде непринужденной беседы, а не в форме строгого академизма, как Геронимус. Особенно это раздражало нашего Хусточку. Тот донимал Глазмана вопросами, которые обычно начинал словами: «А вот непонятно...». Глазман сначала терпеливо отвечал на его вопросы. Но потом стал их игнорировать. А когда Хусточка настаивал, он коротко обрывал его словами: «Не хочу вам отвечать! Не буду – и все!» Хусточка возмущался:

– Так зачем же тогда лекции?

– Сядьте, Хусточка! – бесцеремонно отвечал Глазман. – Не буду вам отвечать, потому что считаю это пустой тратой времени. Так вот, вронскианом называется... Пишите, Хусточка! Потом ко мне подойдете! Я вам дам индивидуальную консультацию! Вронскианом называется...

– Вы не готовитесь к лекциям! – кричал Хусточка, – Если бы вы готовились, ответили бы на все мои и другие вопросы! Профессор Геронимус – вот кто лекции читал! Готовился человек! Даже я – и то ответил бы на любой вопрос по

материалу лекции, если бы было время подготовиться!

– Так, ловлю на слове. Следующую лекцию будет читать Хусточка!

Аудитория дружно рассмеялась.

– Я не шучу. Скажу тему, дам консультаций сколько угодно. Литературой обеспечу и профессора Геронимуса попрошу консультировать вас. Идет?

– Я согласен!

Хусточка усиленно готовился к предстоящей лекции.

– Я ему покажу! Подготовлюсь так, что комар носа не подточит! На память вызубрю! Но прочитаю на уровне! Пусть ему стыдно станет!

Ребята смеялись и подтрунивали над ним:

– Брось, Хусточка! Не делай из себя посмешище! Ну какой из тебя лектор?

– А вот увидим! – кипятился Хусточка и продолжал разбираться в материале, а потом упорно зазубривать его.

На следующую лекцию все пришли, как на спектакль. Серьезным был только Хусточка. Глазман еще в коридоре сказал:

– Ну что, айда слушать профессора Хусточку? Погодите, уважаемый профессор! Дайте нам войти. Преподаватель входит в аудиторию последний, а выходит первый, – напутствовал Глазман.

В большой аудитории амфитеатром Глазман сел в первом ряду, а Хусточка стал за кафедру. Аудитория галдела и шу-

мела, не обращая внимания на лектора Хусточку. Хусточка попытался навести порядок, но его никто всерьез не принял – все продолжали шуметь.

– Прошу тишины! Одесский, перестань галдеть! Мельничук! Ты что, в детском садике! Тихо! Я так не могу!

Глазман привстал и, глядя в аудиторию вполоборота, постучал по столу карандашом. Все затихли. Глазман сел и кивнул, приглашая Хусточку начать лекцию.

– Темой нашей сегодняшней лекции будет «Ряд Фурье в комплексной форме». Мы раньше получили ряд Фурье через синусы и косинусы. Тригонометрические функции. Так теперь надо разложить их. Функции эти. По таким формулам, в общем. Во!..

Голос его звучал тихо и хрипло, говорил он сбивчиво, запинаясь и непрерывно покашливая. Он без конца вытирал пот, обильно выступавший на лбу. Аудитория жужжала, как пчелиный улей, но Хусточка читал, больше не обращая внимания на полное отсутствие какой бы то ни было дисциплины. Когда возникла необходимость писать, он подошел к доске и начал писать формулы в правом нижнем углу, стирая написанное прямо рукой и почти неслышно что-то бубня в доску, словно то, что он говорил, относилось именно к ней, а не к аудитории.

В это время Глазман привстал на скамье и подняв высоко руку подобно тому, как это обычно делал Хусточка, выкрикнул:

– А вот – непонятно!

Аудитория взорвалась громким смехом. Но Глазман невозмутимо продолжил:

– Вы там записали формулу разложения косинуса по Эйлеру. Так согласно ей знаменатель должен быть вещественным. Да не там – слева от этого выражения. Да, это. Так почему там в знаменатели появилось «и»?

Аудитория слушала, затаив дыхание, ожидая, как новоиспеченный лектор выйдет из положения. Хусточка, обычно довольно быстро соображающий, тупо смотрел на доску, не понимая, чего от него хотят. В конце концов он понял суть замечания Глазмана:

– Тю, зараза! Да! Сейчас!

Аудитория разразилась истерическим смехом, а лектор начал поспешно исправлять свои огрехи. С места кричали:

– Хусточка, сядь! Не позорься! – кричал СкусаЮ красный от приступа смеха.

– Хватит! Прекращай это дело! – советовал Миша Луценко.

Лешка Литовченко выкрикнул с возмущением:

– Садись уже! Пожалей нас!

Парторг курса Иван Горноскоков встал и с озабоченным видом обратился к Глазману:

– Израиль Маркович, давайте прекратим этот спектакль. Мы пришли сюда лекцию слушать, а не развлекаться.

Но Глазман встал и снова постучал по столу карандашом,

как он это уже делал в самом начале.

– Успокойтесь, пожалуйста. Так, продолжайте, Хусточка. Слушаем Вас внимательно.

От бывшего пыла у Хусточки не осталось и следа. Но он упорно не хотел сдаваться и вновь забубнил:

– Если теперь все члены равенства перенести влево, а справа оставить нуль, мы, это... получим вот что.

Он продолжал невнятно бубнить, писать и, забыв о существовании тряпки, стирать рукой. Временам он, забыв также о существовании носового платка, вытирал нос тыльной стороной ладони, шмыгал носом, откашливался и продолжал лезть из кожи, мужественно пытаясь исполнить роль лектора до конца. Ему кое-как удалось записать сумму ряда. Но Глазман снова вскочил с места с высоко поднятой рукой, копируя Хусточку:

– А вот – непонятно!

Грянул новый взрыв смеха. Кто-то зааплодировал, а где-то на галерке попытались топтать ногами. Глазман опять с невозмутимым видом изрек:

– А почему вы суммируете от нуля до бесконечности? Вы же ввели отрицательные индексы?

– Где? А, да! Вот гадство! Хомутнулся! Сейчас!

Он начал поспешно стирать, а аудитория снова впала в неистовство. В это время прозвучал спасительный звонок, и Хусточка с облегчением вздохнул. А Глазман, перепрыгнув через стол, непрерывной дугой охватывающий кафедру, по-

бежал к двери с криком:

– Ура! Звонок! Покурим, братцы!

И снова все зашлись истерическим смехом и ринулись к выходу.

Юлий Гарбузов

10. Лагода – Ампирову

Виталий Федосеевич Лагода вошел в лабораторию около семи вечера, когда там сидели только мы с Виталиком Балабиным. Мы паяли свои блоки. Я – по заданию Почепы, а Балабин – самого Лагоды. Мы спешили, чтобы еще сегодня включить их, состыковать и посмотреть, как заработают совместно наши первые инженерные конструкции. Нам обоим не терпелось проверить, как реализуются рожденные нами идеи на практике.

Лагода был в отличном расположении духа. Приветливо поздоровавшись, он повесил на вешалку пальто и модную пыжиковую шапку, а потом сел за свой рабочий стол, включил паяльник, осциллограф, макет автомата собственной разработки и углубился в работу. Потягивая сигарету, Федосееч ловко орудовал паяльником, уже в который раз коренным образом переиначивая принципиальную схему, в поисках, как он неоднократно выражался, «удобоваримого инженерного решения». Будучи в явно приподнятом настроении, он шутил, угощал меня дорогими сигаретами, привезенными из Москвы, откуда он только вчера вернулся после выступления на всесоюзном симпозиуме по распространению радиоволн. При этом он вдохновенно напевал, и нам с Виталиком было приятно слушать его мелодичный бархатный баритон, которым он явно гордился:

– Наш уголок Я убрала цветами...

В это время хлопнула входная дверь, и в лабораторию вошел профессор Ампилов. Окинув взглядом помещение, он чеканным шагом двинулся к столу, за которым работал Лагода.

Увидев приближающегося к нему шефа, Лагода запел еще громче, во всю мощь своего недюжинного голоса:

– К вам одному...

Лагода затянулся сигаретой, выдохнул дым на середину лаборатории и, подпаивая проводник к разъему, продолжил:

– К вам одному Неслись мечты мои...

Ампилов подошел к столу Виталия Федосеевича и остановился, вопросительно уставившись на него. Тот продолжал паять, словно в окружающей обстановке ровным счетом ничего не изменилось.

– Виталий Федосеевич! – обратился к нему Ампилов с видом делового озабоченного руководителя.

Никакой реакции. Только еще одна глубокая затяжка и клубы синего дыма, окутавшие и самого Лагоду, и лабораторный стол, и профессора Ампилова. Тот поморщился и помахал рукой, разгоняя дым. Подчеркнуто спокойным, но твердым и нарочито вежливым начальственным тоном Ампилов спросил:

– Виталий Федосеевич, пожалуйста, рдасскажите вкратце, что вы сейчас делаете?

– То, что я делаю, никому не сделать, – спокойно ответил

Лагода, погружая в канифоль паяльник.

Канифоль зашипела, как яичница на сковороде, и над столом поднялась струйка сизого дыма.

– Виталий Федосеевич, ей-Богу, мне сейчас не до шуток. Давайте говорить по существу. Вот, Вы грдубите, а студенты подумают, что у нас тут все такие, – сказал Ампилов так, будто он говорит с докучливым капризным ребенком.

– Таких, как я, больше нигде нет, – невозмутимо ответил Лагода.

– Что верно, то верно! – пренебрежительно улыбнувшись, согласился Ампилов.

Он уже явно нервничал, так как картавил значительно сильнее обычного, и его голос заметно дрожал. Лагода подпаял последний проводник и, скручивая разъем, продолжил прерванный было романс:

– Минуты мне Казались часами...

– Виталий Федосеевич! Я заведующий кафедрой! Я, кажется, к Вам обратился! Меня интересует, чем Вы сейчас заняты?

Лагода молча включил осциллограф и под шум вентилятора охлаждения, словно змей, прошипел в лицо Ампилову:

– Да пошел ты на хер! Все равно ты в этом, как акула в алгебре!

Пыхнув сигаретой, он с олимпийским спокойствием, как ни в чем не бывало, снова запел:

– Я вас ждала, Но вы... вы все не шли.

Ампиров круто развернулся на каблуках и пулей вылетел из лаборатории, так хлопнув при этом дверью, что в окнах задрожали стекла.

Лагода несколько минут сидел, угрюмо глядя перед собой в одну точку. Потом, старательно затушив сигарету, повернулся в нашу с Виталиком сторону:

– Ребята, вы меня извините, пожалуйста, за такой грубый лексикон. У меня с этим... с нашим, как он себя именует, заведующим, личные счёты.

Мы продолжали работу, словно ничего не слыша. Несколько минут Лагода сидел молча в каком-то оцепенении, устремив взгляд в бесконечность. Потом он решительно встал, обесточил рабочий стол, убрал инструменты в выдвижные ящики, спокойно запер их и для надёжности подергал за ручки. Нахлобучив шикарную пыжиковую шапку, Лагода небрежно накинул пальто и, застегиваясь, произнес отрешённым голосом, не обращая ни к кому, как бы про себя:

– А ведь у меня было такое рабочее настроение! Такое вдохновение! Такие планы на сегодня! И вот – надо же такому случиться!

Лагода помолчал, словно что-то обдумывая.

– Простите меня, ребята, за несдержанность. Я пошел. Не забудьте обесточить столы, выключить свет, запереть лабораторию и вложить в замок контрольку.

За ним тихо затворилась дверь, и пока были слышны его

размеренные удаляющиеся шаги, мы продолжали колдовать над своими первыми инженерными пробами.

– Ну и Федосеич! – улыбнулся Балабин. – Вот дает! Так шефа послал! Рассказать кому – не поверят.

– А, по-моему, – это бестактно. Да еще и при нас – при студентах. Мне было ужасно неловко – честно тебе говорю.

– Не надо так строго, Гена. Ты же не судья и не прокурор. Мы ведь не знаем, как там у них сложились отношения.

– Причем здесь отношения? Как бы там ни было, все равно, нехорошо так с заведующим, да еще при студентах. Я понимаю, Федосеич старше его по возрасту. Но Ампиоров старше по должности, и все это происходит на работе. А на работе старше тот, кто выше по должностному рангу.

– Ладно, Гена. Не суди, и да не судим будешь. Пойдем и мы, наверное?

– Да, пожалуй. Все равно уже работа не будет клеиться. Кстати, мне курсовой проект уже за шкуру капает. Пока окончательно не запустил, срочно считать надо.

Юлий Гарбузов

21 марта 2004 года, воскресенье

Харьков, Украина

11. Кабан

Перед Новым годом дядя Гриша Бершацкий решил, наконец, забить кабана, с которым его семья уже основательно умаялась. В помощь себе он пригласил своего коллегу из угрозыска – капитана милиции по имени Николай.

Кабана вывели во двор, и мальчишки шумной толпой окружили его, кто поглаживая, кто почесывая, а кто просто разглагольствуя над тем, что должно произойти через несколько минут.

Николай достал из сумки длинную мощную отвертку, заточенную на конце в виде пики, и, показав ее дяде Грише, сказал, что этим инструментом он уже не помнит сколько свиней забил. Нам, мальчишкам, хотелось непременно посмотреть, как будут Бершацкие кабана резать, и все мы изнывали от нетерпения.

– Да-а-а, – сказал дядя Гриша, рассматривая принесенный Николаем инструмент. – Серьезная штука. Но зачем она нам? У меня же есть табельное оружие – пистолет «ТТ». Один выстрел – и готово.

– А если промажешь? – спросил Николай.

Этот его вопрос нам с Мишкой Бершацким показался глупым, полностью лишенным смысла. По этому поводу мы обменялись мнениями и пришли к полному единодушию, что именно так оно и есть. В самом деле, – рассуждали мы, – как

можно промазать, стреляя в упор?

Мужчины, ведя кабана на куске бельевой веревки, обвязанном вокруг шеи, затащили его за дворовой туалет, что находился в самом дальнем углу двора, исследованного нами вдоль и поперек. Николай привязал несчастное животное к заборному столбу и опрокинул перед ним миску с кормом. Довольно похрюкивая, кабан, не подозревающий о predetermined ему участи, принялся аппетитно поглощать пищу. Тем временем дядя Гриша вынул пистолет и на мгновение замер, глядя на любопытных вездесущих мальчишек, толпившихся вокруг, потом посмотрел на Николая и кивнул в нашу сторону.

– А ну-ка кыш отсюда, комашня! Всем стать позади дяди Гриши! Быстро! – распорядился Николай.

Его команда незамедлительно была исполнена. Воцарилась мертвенная тишина. Все томились в ожидании столь редкого и необычного зрелища и молча стояли, затаив дыхание. Я продвинулся было на пару шагов вперед, чтобы лучше было видно, но Николай остановил меня командирским окриком:

– Эй-эй! Ну-ка, назад! Назад, я сказал! Слышал?

Я послушно отступил назад. Наконец Николай, еще раз внимательно осмотревшись вокруг, кивнул:

– Ну, Гриша, давай быстренько.

Я с упоением смотрел, как дядя Гриша снимает пистолет с предохранителя, передергивает затвор, досылая патрон в па-

тронник, и поднимает оружие, целясь кабану в голову между глазом и ухом с расстояния не больше двух метров. Мне казалось, что он целится слишком долго. Действительно, что тут целиться? Поднял, направил, нажал на спуск, – бах! – и кабан готов. Только ножками задрыгает. Я был полностью поглощен происходящим и боялся хоть на мгновение отвести взгляд от кабана, чтобы не пропустить момент. Наконец, гулко прозвучал долгожданный выстрел: «ба-бах»!

Что тут началось! С визгом кабан подпрыгнул, как кенгуру, метнулся в сторону, потом назад. Мы шарахнулись в разных направлениях, а кабан, оборвав веревку, неистово визжа, понесся по заснеженному двору, оставляя за собой кровавую дорожку. «Вьи-и-и-и!» – верещал кабан, кидаясь то в один угол двора, то в другой.

– Ловите его! Ловите! За веревку хватайте! – кричал Николай не своим голосом.

– Перекройте выход, чтоб он со двора на дорогу не убежал! – кричал полноватый дядя Гриша, несясь за несчастным кабаном и пытаясь упасть на него сверху. Но кабан всякий раз уворачивался, и дядя Гриша падал рядом или позади него.

Николай несся следом, держа наготове ту самую «серьезную», но сейчас казавшуюся столь бесполезной отвертку. Привлеченные отчаянным оглушительным визгом раненого кабана, тревожными криками перепуганных мужчин и воплями ликующих мальчишек, из квартир повыскакивали лю-

ди, и каждый пытался помочь, кто чем мог: кто включившись в погоню, кто перекрывая выход на улицу, кто бесполезным советом, а кто суматошными причитаниями. В конце концов, дородный сосед с первого этажа, тоже милиционер – лейтенант Шура Вайндрук, навалился на кабана всем своим грузным пятипудовым телом, и тот, обессилевший от беготни, крика и потери крови, рухнул под его тяжестью на бок, не переставая противно и оглушительно визжать. Раскрасневшиеся и запыхавшиеся, подбежали дядя Гриша с Николаем и стали помогать Шуре, прижимая кабана к земле тяжестью своих тел.

– Держите, держите его крепче! Я сейчас – дорежу его, – вопил Николай, боясь ослабить свои усилия.

– Давайте! Скорее! Я его надежно держу! – орал Шура, усевшись на круп отбивающегося кабана.

– Ну! Ну! Коля! – кричал дядя Гриша хриплым голосом, оседлав кабана со стороны головы. – Скоренько! Пока у нас с Шуриком еще силы есть, чтобы держать этого дьявола!

Николай вскочил, опустился перед кабаном на одно колено, выбирая удобную позицию для нанесения удара, и, приподняв кабану левую переднюю лапу, занес свое оружие.

Соседи уже успели образовать вокруг кабана плотное кольцо и наперебой давали советы.

– Резко! Резко бей! – кричал дед Ермолай из второго подъезда, нервно теребя свои пышные шевченковские усы.

– Давай! Давай! – орала круглолицая крановщица тетя На-

стя Карлюк, возвращавшаяся со смены.

Бойко вприпрыжку приковыляла даже хромая тетя Бася из дома, что напротив нашего.

– Уберите детей! Дети! Григорий Исаакович! Дети смотрят! Дети, убирайтесь отсюда немедленно! Слышите, дети! – истерически стенала она. Но на ее крики никто никак не реагировал.

– Коля! Да бей же! Бей, туды твою в корень! – крикнул дядя Гриша, сплевывая на снег кровавую слюну.

Наконец Николай, видимо, сочтя что момент для нанесения удара наступил, вогнал кабану пику под левую лапу по самую рукоять. Кабан отчаянно взвизгнул, подбросив сидевших на нем Шуру и дядю Гришу, но они цепко держались, уцепившись один за хвост и заднюю ногу, другой за голову и приподнятую вверх переднюю лапу. А Николай принялся неистово вращать своим оружием у кабана внутри.

– Что ты делаешь! Изверг! Да еще при детях! – кричала Бася в истерике.

А кабан отчаянно взвизгнул и стал все слабее дергаться, все тише кричать и постепенно затих. Тогда Шура, Николай и дядя Гриша встали, наконец, на ноги и, посмотрев друг на друга, начали истерически хохотать. Их одежда, руки и лица были сплошь измазаны кабаньей кровью вперемешку с грязью и еще Бог знает с чем.

– Рану! Рану заткните чем-нибудь! Чтобы кровь потом собрать! – настоятельно советовал Леня Петрушевич – часовой

мастер из сорок второй квартиры.

Дядя Гриша тыльной стороной ладони утер пот с горячего лба и то ли в шутку, то ли всерьез полупшепотом изрек:

– Слушай, Леня! Шел бы ты... к ййй... ...Евгеньи Марковне!

Юлий Гарбузов

5 июня 2006 года, четверг

Харьков, Украина

12. Практика на полигоне

Мерно погромыхивая на стыках, электричка весело мчала нас к месту практики – на ампировский полигон. Ольшевский и Минченко резались в карты, а я молча смотрел на проплывающие за окном луга, перемежающиеся с небольшими лесами, поля, речки, болота. Смотрел на буйство яркой зелени в теплых лучах утреннего июньского солнца и мечтал. Мне не терпелось приступить к инженерной практике и сразу же сделать что-нибудь этакое выдающееся – такое, что заставило бы заговорить обо мне ведущих специалистов не только на кафедре Ампирова, но и на факультете, и в учебных кругах института, а то и за его пределами. Но что, что такое можно сделать в принципе? Действительно, что? После нескольких минут эйфорических размышлений до моего сознания наконец-то дошло, что все, о чем я мечтаю – не что иное, как чистейшей воды маниловщина. Однако желание творить науку никак не пропало.

По тому, как пассажиры нашего вагона стали готовиться к выходу, я понял, что мы, наконец, подъезжаем к пункту назначения. Мои напарники тоже это сообразили. Ольшевский собрал карты, а Минченко поднялся с места и начал снимать с полки наши вещи.

Поезд остановился у высокой платформы, и мы вышли из вагона, с трудом разминая затекшие ноги.

– Куда теперь? – спросил никогда не унывающий Шурик Ольшевский.

– Это Миня знает, – сказал я, кивнув в сторону Минченко.

– Держись Мини – никогда не пропадешь, – с деланной гордостью подтвердил Минченко, легонько постучав себя по груди ладошкой.

Он повел нас сначала по пыльной грунтовой дороге, а потом свернул на узкую тропинку, ведущую в лес.

– Миня, твоя девичья фамилия – Сусанин? – неудачно сострил я.

– Не дрейфь, Генка. Держи хвост пистолетом. Чуть срежем. Через лес тут и идти не хрен. Минут через пятнадцать-двадцать будем на месте, – уверенно ответил Миня. – Я же у Ампилова до поступления в институт лаборантом работал.

– В течение какого времени? – спросил я.

– Два года. Чтобы стаж заработать для поступления. Это ты у нас салага, сразу после школы пришел, – высокомерно ответил Миня.

– Он вот сумел после школы, а мы с тобой – нет. Пороху не хватило. Так что гордиться тут особо нечем, – вступился за меня Ольшевский.

– Лично я сумел бы, если бы захотел, – возразил Миня.

– Почему же не захотел? – не унимался Ольшевский.

– Хотелось трудовой опыт приобрести, – упорствовал Миня.

– Так ты не пытался поступать после школы, что ли? – поинтересовался Ольшевский.

Миня ответил после паузы:

– Можно сказать, не пытался.

– Как это, «можно сказать»? – допытывался Шурик. – Не поступил, так честно и скажи. Завалился, ведь верно?

– Не совсем. По конкурсу не прошел – баллов не добрал, – недовольно буркнул Миня.

– А чего же ты тогда с трудовым опытом голову морочишь? Добрал бы, тоже бы поступил, – никак не унимался Ольшевский.

– Так я же почти не готовился. Так – спустя рукава.

– Вот и не хрен тут выпудриваться высокопарными фразами. Не смог, и все, – пробурчал Ольшевский.

– Да хватит вам препираться, – вмешался я. – Миня, долго еще нам пильдючить?

– Не очень.

Миня достал сигарету и закурил. Я последовал его примеру, Ольшевский тоже. Несколько минут мы шли молча. Наконец, в просвете между деревьями показались строения полигона.

– Вот и пришли, – констатировал Миня. – Вся территория за колючей проволокой – это и есть наш, то есть ампировский полигон.

Сразу за воротами стояла трансформаторная будка, потом ряд аккуратных домиков и антенное поле. Дальше – два

двухэтажных здания, рядом с которыми возвышалась тридцатиметровая ферма антенной мачты.

Миля уверенно повел нас в двухэтажное здание. Мы вошли в помещение, где у аппаратурного шкафа возились два парня на вид чуть постарше нас. Они кивнули в ответ на наши приветствия, не отрываясь от своего дела.

– Михаил Всеволодович, – обратился Миля к одному из них.

Худенький парень небольшого роста с родинкой на щеке поднял голову и вопросительно посмотрел на нас. Его молоджавое лицо озарилось приветливой улыбкой.

– Здоров, Колюня. Ты что, опять к нам на работу? – спросил он.

– Да вот – на практику прислали. В распоряжение Олега Арсеньевича Почепы.

– Он рядом, в лаборатории. За дверью налево, – ответил парень, которого Миля так почтительно назвал Михаилом Всеволодовичем.

Мы вышли за дверь, и Миля постучал в лабораторию. На стук никто не отозвался, и мы вошли без приглашения. В лаборатории гудел вентилятор охлаждения передатчика, около которого с отверткой в единственной руке сидел мужчина лет сорока пяти. Он был в легком спортивно-тренировочном костюме, и левый рукав его футболки был пуст и заправлен за пояс. Увидев нас, он остановил свой приветливый взгляд сначала на Ольшевском, потом на мне и на Мине, которого,

очевидно, узнал как бывшего сотрудника.

– Здорово, орлы! На практику прибыли?

– Здравствуйте, Олег Арсеньевич. Совершенно верно, на практику. Все в ваше распоряжение, – подтвердил Миня.

– Знаю, знаю. Валентин Аркадьевич уже сообщил по радио. Практикантские дневники привезли? – поинтересовался Олег Арсеньевич.

– Разумеется, – ответил Миня и начал, было, развязывать рюкзак.

– Потом, потом, – остановил его Олег Арсеньевич. – Сначала устройтесь. Не на день ведь приехали. Борис Галактионыч Вас обустроит. Он в гараже сейчас. Ступайте к нему – Коля Минченко в курсе. Верно?

Миня понимающе кивнул, и мы под его чутким руководством пошли устраиваться. Миня с Ольшевским, как заядлые картежники, да к тому же и одноклассники, разместились в одной двухместной комнате, где мне уже не было места. Поэтому Галактионыч поселил меня в соседнем домике, в котором он сам занимал отдельную комнату.

– Тебя как зовут? – доброжелательно спросил Галактионыч.

– Гена, фамилия Очерет, – ответил я. – А Вас как?

– Меня – Борис Галактионович Кошевой. Слышал, наверное?

– Слышал, конечно.

– Вот и чудесно. На кафедре меня все, начиная с шефа,

зовут просто Галактионычем.

– Угу, – кивнул я, кладя на пол рюкзак. – Кому здесь деньги на пропитание сдавать?

– Сдавайте мне – меня назначили ответственным за ваш быт. Постели уже, как видишь, на месте. Еду также на вас Савельевна приготовила. Так что располагайся, Гена. Через полчаса я поведу вас всех в столовую и покажу где здесь что. Потом пойдем к Почепе. Он даст вам задание. Кстати, если тебе что понадобится, обращай ко мне. Я постараюсь помочь.

– Спасибо, Борис Галактионыч. Через полчаса буду готов, – сказал я вслед выходящему Кошевому.

Он показался мне исключительно приветливым, искренним и доброжелательным молодым человеком. На вид ему было лет тридцать пять. Сухощавый, смуглый, небольшого роста, немного сутулый и с неизменной приветливой улыбкой на лице. Доброта, казалось, так и прет из него.

Соседей по комнате у меня не было, и я не знал, радоваться мне этому или наоборот – печалиться. Моя мама всегда советовала ни по какому поводу не огорчаться, в любой ситуации искать что-то для себя полезное и стремиться его использовать с максимальной отдачей. Я решил последовать ее совету, устроиться в своей комнатке как можно удобнее, а по вечерам заняться чтением художественной литературы.

Моя комнатка была маленькой, но светлой и даже уютной. В ней едва размещались две кровати, стол и два сту-

ла. Кровать, стоящая у окна, была аккуратно застлана свежестырытым бельем, а вторая – явно бывшим в употреблении, от кого-то из не так давно выбывших жильцов. Я, было, подумал, стоит ли перебраться на вторую, но потом решил, что так как есть будет лучше. В коридоре стоял потертый веник, которым я тут же воспользовался, чтобы навести в своем обиталище полный марафет. «Вот бы еще настольную лампу достать, чтобы читать по вечерам и выключать свет, не вставая с постели. Потом спрошу Галактионыча», – подумал я и стал выкладывать из рюкзака вещи первой необходимости.

Через несколько минут за дверью слышались голоса Мини и Ольшевского.

– Генка, где ты?! – позвал Ольшевский.

– Здесь я! Здесь! – отозвался я, радуясь в душе тому, что ребята обо мне вспомнили.

Они вошли и бегло окинули взглядом комнату.

– Ну, как ты устроился? – поинтересовался Шурик.

– Видишь, товарищ Шура, у Генки на одного такая же комнатка, как у нас с тобой на двоих. И он ее уже примарафетил. Не то, что мы, – констатировал Миня.

– Ну, твою пещеру мы посмотрели. Теперь пойдем, Гена, посмотрим нашу, – предложил Ольшевский.

В это время вошел Кошевой и пригласил нас на обед:

– Все в сборе? Отлично. Пойдем подкрепимся – Савельевна такой борщик сварила – класс! На второе – котлетки с

пюре. А компот из вишен и черной смородины – как вино.

В столовой уже обедали Олег Арсеньевич с Михаилом Всеволодовичем и еще трое мужчин лет около сорока. За столом у открытого окна сидели три парня и оживленно о чем-то спорили. Как выяснилось позже, это были дипломники – будущие сотрудники кафедры.

Мы подошли к окошку, и Галактионич представил нас полнотелой поварихе:

– Савельевна, это наши практиканты. Ну, Колю ты знаешь. А это – Гена и Шура. Деньги за все время до конца их практики я тебе отдал. Так что корми их, как своих сынов. Чтоб они тут не отошдали.

Савельевна, не проронив ни слова в ответ, налила нам по тарелке ароматного борща и в каждую положила по полной ложке сметаны. Мы заняли свободный столик и направились, было, снова к окошку, чтобы получить второе и третье. Но Савельевна деликатно вернула нас на место:

– Сідайте їсти, хлопці. Друге й третє я вам сама піднесу.

Когда мы перешли ко второму, к нашему столу подошел Почепа. Своей единственной рукой он достал из кармана носовой платок, тщательно вытер губы и сказал:

– Ребятки, после обеда часок отдохните. Потом заходите ко мне в лабораторию, где вы уже были сегодня. Будем разбираться, что да как.

В лаборатории Почепа вручил нам по листку бумаги с четко сформулированными заданиями. Мы принялись, было,

их изучать, но Олег Арсеньевич с серьезностью в голосе сказал:

– Прочитаете потом, после того, как я разведу вас по рабочим местам и выдам все необходимое. Вы будете заниматься оцифровкой результатов измерений, зафиксированных на киноплёнках. Я понимаю, что вам хотелось бы всем троим работать в одном помещении. Но здесь, к сожалению, условия таковы, что в одной комнате имеется только два незанятых рабочих места, а в другой – одно. Кто будет отдельно, решайте сами. Я здесь, в полевой лаборатории, буду не все время – скоро уеду. Поэтому одного из вас я назначу старшим. Колю Минченко мы знаем давно, поэтому старшим пусть будет он. Возражения есть?

– Нет, – ответил за всех Ольшевский.

– Вот и хорошо. Думаю, что Николаю, как старшему, сподручнее будет работать отдельно, а вам, – он указал на нас с Ольшевским, – друг возле друга на втором этаже.

Неожиданно Миня спросил:

– Олег Арсеньевич, а можно, чтобы мы с Шуриком работали вместе? Мы и поселились в одной комнате, и учимся в одной группе, а Гена – в другой.

Почепа пожал плечами:

– Я же сказал: решайте сами. Это я так – предложение внес. А принять его или не принять – дело ваше.

– Гена, ты не против? – спросил Миня.

– Конечно же, нет, – спокойно ответил я, хотя оттого, что

я был так бесцеремонно отвергнут, меня слегка покорило.

Мы вошли в полутемную комнату, где около приборов с экранами сидели три лаборанта и что-то записывали на листах миллиметровки, освещенных настольными лампами. Несмотря на полумрак, в комнате было душно и жарко, и лаборанты сидели без рубашек – только в тренировочных штанах. Почепа подвел нас к свободному рабочему месту и включил прибор.

– Вот этот прибор, парни, называется микрофот. Сюда вставляется пленка – вот так. Изображение фокусируется на экране. Ваша задача совместить начало вот этой кривой с этой точкой на экране. Потом записать в клеточки на миллиметровке отсчеты кривых по вертикали. Затем вот так сдвигаете кадр и проделываете все то же самое для следующего кадра. Потом для следующего и так далее – до конца пленки. Когда пленка закончится, вставляете другую и все начинаете сначала. На миллиметровке обязательно записываете вот этот индекс обработанной пленки, дату оцифровки и фамилию обработчика. И так будет до самого конца практики. Понятно все?

– Конечно, – ответил я. – А что, другой работы вы нам давать не будете? – спросил я.

– Ну, если понадобится что-нибудь погрузить, перенести и тому подобное, то придется помочь, – ответил Олег Арсеньевич. – Другие вопросы имеются?

Все молчали.

– Если в процессе работы возникнут какие неясности, спрашивайте у лаборантов, у меня и вообще у тех, кто в курсе дела. Итак, двое остаются здесь, а третий – со мной.

Мы с Почепой спустились в нижнюю лабораторию, где он показал мое рабочее место.

– Вас, кажется, Геной зовут? – спросил он, доставая папиросу.

– Да. Гена Очерет.

– Вот, Гена, в этом шкафчике лежат необработанные пленки. После обработки будете складывать их в эти коробки. Не забывайте только записывать дату и свою фамилию на миллиметровках с результатами. Вам понятно все?

– Да, – кисло ответил я.

Олег Арсеньевич вопросительно посмотрел на меня, вынув изо рта незажженную папиросу.

– Вы, Гена, чем-то недовольны?

Я пожал плечами, но промолчал.

– Нет, вы не молчите. Давайте все неясности разрешать с самого начала, – спокойно ответил Почепа, пристально глядя мне в глаза.

– Да как вам сказать, Олег Арсеньевич. Я думал, что на инженерной практике мне поручат какую-нибудь инженерную работу, а не эту...

Работавшие в комнате сотрудники тихо хихикнули. Почепа снова внимательно посмотрел на меня и спокойно сказал:

– Дорогой Гена, в этой лаборатории сидят инженеры и на-

учные сотрудники – люди с высшим образованием. Посмотрите, какую работу они выполняют. Сортируют пленки по определенным признакам. Так что порученная вам работа – самая, что ни на есть инженерная или даже научная. Можно расценить по-разному, в зависимости от точки зрения. Это работа, которой занимается научный коллектив кафедры основ радиотехники. Так что давайте, трудитесь. Работа никогда и никому не дается по собственному заказу. Любая работа – не удовольствие, не отдых и не развлечение. Это необходимость, порой очень даже досадная. А удовольствие от работы человек может получать, как правило, только потом – в результате ее высококачественного и своевременного выполнения. Кстати, передайте своим товарищам, что все вы будете зачислены на должности лаборантов. И если правильно и в срок выполните задание, в конце месяца получите зарплату. Другие вопросы имеются?

– Вопросов, Олег Арсеньевич, больше нет, – ответил я, стараясь казаться довольным и оптимистичным.

– Ну, тогда с Богом. Я тоже пойду трудиться дальше.

Вечером в столовой сразу после ужина к нам снова подошел Почепа.

– Ну как, орлы, поработали?

– Стараемся, Олег Арсеньевич, как только можем, – ответил Миня, ковыряя спичкой в зубах.

– Пойдемте посмотрим, что вы там «настарались», – сказал Почепа и пошел по направлению к лаборатории.

Мы двинулись вслед за ним. Проверка началась с меня. Почепа бегло просмотрел все листы миллиметровки, проверил, на всех ли проставлены индексы пленок, фамилия обработчика и дата оцифровки. Затем он ловко одной рукой заправил в микрофот пленку и стал дотошно сверять записи с отсчетами на микрофоте.

– Так. Нормально. Только маловато, Гена. Медленно работаем. Надеюсь, что завтра вы освоитесь, и дело пойдет быстрее. Ну что ж, пойдем теперь на второй этаж. Посмотрим, как поработали Коля и вы... Простите, как Вас зовут? – обратился Почепа к Шурику.

– Ольшевский, – ответил Шурик.

– Это фамилия, а я спросил, как Вас зовут, – сказал Почепа, отворяя дверь рабочей комнаты моих сокурсников.

– Ну, Ольшевский Александр Михайлович, – смущенно ответил Шурик.

– Очень приятно, Александр Михайлович. А ничего, если «Михайлович» я буду временно опускать? – пошутил Почепа.

Мы с Миней рассмеялись, а Шурик, еще больше смущаясь и густо краснея, скороговоркой ответил:

– Конечно. Конечно, Олег Арсеньевич.

Дальше все пошло так же, как и при проверке моей работы. Просмотрев листы Мини, Почепа заключил:

– Коля успел немного больше остальных, но это, очевидно, потому, что он уже имеет опыт в такой обработке. Верно?

– Наверное верно, – ответил Миня, пожимая плечами.

– С завтрашнего дня будете работать самостоятельно. Завтра я уезжаю первой электричкой. Приеду в конце месяца и проверю результаты вашей работы. Не забывайте заносить все сведения о выполненной работе в книгу регистрации. По ней я буду ориентироваться, какая у вас производительность. Вопросы ко мне имеются?

– Нет. Пока все ясно, – ответил за всех Миня.

– Ну, тогда отдыхайте, а завтра в семь тридцать в столовую на завтрак. Потом сразу же на труд праведный. По всем организационным вопросам обращаться к Борису Галактионичу Кошевому. По научным – к Михаилу Всеволодовичу Буднику. За сегодняшнюю работу всем спасибо. Все. До завтра вы свободны.

Ободренные тем, что Почепа завтра уезжает и появится на полигоне только в конце месяца, мои сокурсники шли в свой домик в бодром настроении. А мое расположение духа было прескверным. Ведь я ожидал, что на инженерной практике мне поручат разрабатывать схему какого-нибудь блока или, на худой конец, что-то паять, налаживать, осваивать какой-либо современный прибор, вести измерения, дежурить у передатчика или у регистратора. И вдруг я получаю работу какого-то там обработчика пленок. Зачем тогда меня учили теоретическим основам электротехники и радиотехники, усилителям и всему прочему, что мы изучали на кафедрах радиофакультета? Да эту работу можно поручить любой дев-

чонке с семью классами, и она с нею великолепно справится! Какой от нее толк для формирования будущего инженера? А считается ведь, что практика у нас на кафедре с такой классной наукой! Так ведь можно дойти до того, что заставлять наших практикантов сортиры чистить. Это же не просто сортиры, а сортиры полевой научно-исследовательской лаборатории!

Мои размышления прервал Шурик Ольшевский:

– Ну что, Генка, пойдем к нам – «пулю» распишем?

– Спасибо, Шурик. Я не умею в преферанс играть, – отказался я.

– А мы с Миней тебя научим. Ты ведь толковый парень. Надо же когда-то учиться. Что ж это за радист, не умеющий «пулю» писать? Тебя на следующий год в общаге не пропишут. Мы с Миней перед отъездом радовались, что едем втроем – готовая преферансная компания! – не отставал Шурик.

– Ты знаешь, Коля, я не люблю карты. Лучше я почитаю что-нибудь из того, что привез. Видел, сколько я чтива набрал? – сопротивлялся я изо всех сил.

– Оставим его в покое, товарищ Шура. Для «префа» еще созреть надо, – шутил Миня.

– Полностью согласен с Миней. Так что, товарищ Шура, считай, что я еще не созрел.

И потекли наши полигоновские будни. Текли они поначалу скучно и однообразно. Вставали мы в восьмом часу, втроем бежали к озеру на зарядку, окунались. Бодрые и свежие,

мы прибегали к восьми в столовую, завтракали и шли по рабочим местам. В час снова встречались в столовой, обедали, обменивались остротами и шутками, час – отдыхали в своих обиталищах, а потом снова шли в лаборатории и трудились до ужина. После ужина опять шли на озеро, смывали с себя дневной пот и лабораторную пыль, а затем Миня с Шуриком усаживались за преферанс, если им удавалось затянуть в свою компанию кого-нибудь из сотрудников полигона или командировочных. Я шел читать прихваченную с собой художественную или интересующую меня техническую литературу, которую читал с таким же увлечением, как и художественную. Иногда мы совершали выходы в соседнее село, где делали покупки или пытались знакомиться с местными девочками. Если это в силу каких-то причин не получалось, мы шли в столовую, где был установлен старенький телевизор, и смотрели фильмы, концерты или другие вечерние передачи.

Меня постоянно мучило щемящее чувство зависти из-за того, что Миня и Шурик успевали обрабатывать чуть ли не вдвое больше пленок, чем я. Корпели они над микрофотом, как мне казалось, гораздо меньше, чем я, а результаты были впечатляющие. Сначала я относил это в счет того, что Миня ранее уже имел опыт такой работы, а я – нет. Но ведь Шурик так же, как и я, видел этот проклятый микрофот впервые в жизни. Что поделаешь, если я такой медлительный? Но ведь Почепе до всего этого нет никакого дела. Ему работу пода-

вай, чтобы вовремя представить результаты. На него, небось, тоже наседают. Чувствуется, что Ампиоров на своей кафедре не дает спуска никому.

Время спокойно текло, и срок приезда Почепы неумолимо приближался. Я все сильнее нервничал, а мои сокурсники наоборот, вели абсолютно беззаботный образ жизни. Они все больше играли в волейбол, все раньше шабасили, все дольше спали после обеда. С увлечением удили рыбу в озере, ловили раков, варили уху. Собирали, жарили, сушили и мариновали грибы. А по вечерам иногда и принесенным из сельмага винцом баловались.

Михаил Всеволодович Будник с утра до ночи был занят своей работой и не обращал на нас никакого внимания. Но иногда он полушутя походя бросал реплику:

– Коля, вы с Шурой что, уже все пленки обработали?

– В поте лица трудимся, Михаил Всеволодович! – в тон ему отвечал Миня, обаятельно улыбаясь от уха до уха.

– Главное, чтобы Почепа доволен был. Вот приедет он в конце месяца вместе с шефом – зачет по практике принимать, там и посмотрим, чем вы отчитываться будете.

– Это – всегда пожалуйста, – спокойно отвечал Шурик.

Даже либеральный Галактионич как-то уколол их:

– А вы все отдыхаете? Ну, прямо как на даче. Ничего, вот приедет Почепа, он вам пропишет клистиры с перцем. Ох, вижу – пропишет!

Я был очень удивлен, узнав, что нам предстоит еще сда-

вать зачет по практике. Да не кому-нибудь, а самому Ампинову вместе с Почепой. Да, как видно, не все мне дано в жизни. Если в учебе я и превосхожу Миню и Шурика, то в этой дурацкой работе я им явно уступаю.

Но не все было так трагично, как это мне казалось в первые дни практики. Я обнаружил, что могу заинтересовать себя даже такой скучной работой, как обработка пленок на микрофоте. Мне удалось найти в ней кое-какие элементы творчества. Я разработал приемы, с помощью которых можно было быстро центрировать изображение на экране и привязывать его к координатной сетке. Мне удалось сосредоточить свое внимание на минимизации манипуляций с пленкой, я стал следить за тем, чтобы не делать лишних движений при считывании данных, и дело пошло быстрее. Но все равно темпы оставляли желать лучшего. Я чувствовал, что Почепа останется недоволен производительностью моего труда, ибо сокурсники успевали сделать гораздо больше.

Вскоре я убедился в верности своих прогнозов.

Чувство голода напомнило, что время приближается к обеду, и я уже начал нетерпеливо поглядывать на часы. Мое внимание стало несколько рассеянным. Я откинулся на спинку стула и потянулся. В это время открылась дверь, и в лабораторию вошел Почепа, приезда которого я ожидал только на следующий день.

– Здравствуйте, – сказал он, укоризненно глядя на меня.

Мне стало неловко, и я рефлексивно вскочил.

– Здравствуйте, Олег Арсеньевич, – ответил я, смутившись.

– Ну как, Очерет, уже проснулись? – колко пошутил он, остановившись у моего стола. – И каковы результаты ваших упорных трудов за время моего отсутствия?

– Вот, здесь все, что я успел сделать, – сказал я, указывая на стопку листов миллиметровки на соседнем столе.

– Прямо скажем, не густо, – недовольно пробурчал Почепа, пересчитывая листы. – Ваши товарищи трудятся более плодотворно.

Пересчитав листы, Почепа надел очки и сделал своей единственной рукой запись в тетради.

– Очерет, вам не стыдно плестись в хвосте? – спросил он, глядя на меня поверх очков.

– Быстрее не могу, Олег Арсеньевич, – ответил я с сожалением.

– Надо меньше кунять, потягиваться да смотреть по сторонам! Небось, работаете, а сами о девочках думаете. Вы хоть видели, сколько ваши товарищи наработали?

– Видел. Но что поделаешь? Уж как выходит. Корплю, стараюсь, но больше сделать не получается. У меня, видимо, реакция замедлена.

– Вот-вот! Приедет Валентин Аркадьевич – ему это и расскажете. Да вы представляете, что он из Вас сделает? От-бивну-ю!

– Что ж, сделает, значит сделает! – сказал я в отчаянии.

– Н-н-да-а-а, – угрюмо протянул Олег Арсеньевич. – Но кое-какое время на реабилитацию у Вас пока еще есть. Так что дерзайте, Гена. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Почепа закрыл тетрадь и, как-то ссутулившись, вышел, тихо затворив за собой дверь. А я остался в лаборатории в упадочном настроении.

За обедом Ольшевский спросил:

– Генка, что случилось? Обычно ты цветешь: улыбаешься, шутишь, интересные истории рассказываешь. А сегодня надулся как сыч. Даже в разговоре не участвуешь. Ты что, от Почепы вертулю получил?

– Получил, Шурик. Сам видишь – сижую, вкальваю, как негр на плантации, а сделал чуть не вдвое меньше, чем ты или Миня вот. А он меня в бездельники записал, Ампирировым пугает.

– Ампирировым – это серьезно, – с издевательской улыбкой добавил Миня, сыпнув таким образом еще одну порцию соли на мою и без того болючую рану.

– Вы с Шуриком так быстро работаете! Успеваете и на озеро, и в лес, и мяч все время гоняете, а делаете вдвое больше моего. Не представляю, как это у вас получается? – спросил я, стараясь казаться беззаботным.

– На то он и полигон, чтобы на поле гонять. Вот мы мяч и гоняем, а ты отказываешься. Я же говорил тебе, присоединяйся к нам, – сострил Шурик.

– Слово «полигон» ни к полю, ни, тем более, к мячу, никакого отношения не имеет, – заметил я, стараясь уйти от больной для меня темы.

– А что же оно тогда означает? По-моему, какое-то «поле для испытаний» или что-то в этом роде, – стоял на своем Шурик.

– «Поли» – много, «гония» – угол. Это по-гречески. Многоугольник, выходит. Так же, как «пентагон» – пятиугольник, – сказал я.

– Да будет тебе, Генка, умничать. Лучше скажи, как ты работаешь? – поинтересовался Миня и заговорщически улыбнулся.

– Как Почепа сказал. Считаваю с микрофота по координатной сетке и записываю оцифровку в таблицу. А вы?

– Да ты что, чокнулся, что ли? Ты же знаешь, как должна пойти зависимость? – спросил Миня, скорчив постную физиономию.

– Конечно. А что? – ответил я, недоумевая.

– Возьми с пленки пару начальных точек, а относительно них впиши в графы любые значения – «от лампы». Только чтобы не очень отличались от других. Быстро, аккуратно и похоже. И Почепа будет доволен, и Ампилов лаборантскую ставку заплатит, и ты практику, как курорт проведешь! Надежно, выгодно, удобно, – сказал Миня.

– А если проверят? Тогда не то, что не заплатят, а даже практику не зачтут. А то и вообще из института выпрут, –

возразил я.

– Да кто там будет проверять?! Ты же знаешь, какой там поток чисел! В них сам дьявол утонет! Пусть потом обсчитывают, получают новые закономерности, открытия делают! Они, небось, все только и мечтают об открытиях. Так представь им это счастье, – цинично заключил Шурик.

– Ну, знаешь, Шурик! Я так не могу, – сказал я, смущенный тем, что у меня «не хватает характера» поступать так, как они.

– Ну и дурак, – подытожил Миня. – Может, пойдешь еще на нас донесешь?

Ампиров приехал тридцатого июля первой электричкой. Прямо из ворот он со своим выдавшим виды толстенным портфелем направился в гараж, где застал Галактионыча за перекурком. Шофер Сашко Цапенко показывал в это время механику Паше фотографии своей первой, недавно родившейся внучки.

– Вот! Вот так мы трудимся! Работающих – ноль! – выкрикнул в сердцах Ампиров, красный как рак от гнева.

– Да мы все время как лошади вкалываем, Валентин Аркадьевич, – попытался, было, возразить Кошевой.

– Вижу! Вижу, как вы вкалываете! Вот что лично вы, Боря, успели сегодня сделать? – беленился Ампиров.

– Ну, двигатель начал разбирать...

– Начал! Хорошее вы слово подобрали – «начал»! У нас тут много чего начать успели, но мало что закончили, к со-

жалению. Правда, кое-кто тут за счет рабочего времени начал и полностью закончил показ фотографий своей любимой внучки. Верно, Сашко?

Сашко в смущении пожал плечами и спрятал в карман черный конверт с фотографиями.

В это время с папкой в руке энергичной походкой вошел в гараж молодой начальник полигона Виктор Иванович Нахимов и прямо с порога обратился к шефу:

– Здравствуйте, Валентин Аркадьевич. Что же вы не предупредили о своем приезде?

– Зачем? Что это меняет? Разве что все делали бы вид, что работают? – сказал шеф, не ответив на приветствие.

– Как это, зачем? Мы бы успели вам подготовить комнату. А так у нас даже комплекта чистого белья нет. Или вы здесь ночевать не намерены? – поинтересовался Нахимов.

– Нет уж, еще как намерен! В этом хаосе надо как следует разобраться, что здесь делается и как. А отдельной комнаты мне не надо. Какое-нибудь свободное место в жилом домике есть?

– Одно есть. Только это в одной комнате с практикантом, – ответил Нахимов. – И там постель несвежая – месяца полтора назад доцент Лагода спал. Стирка только на будущую субботу планировалась.

– Вот и отлично, – перебил его Ампилов. – Там я и буду ночевать. Пусть все идет, как у Вас запланировано. Отведите меня туда – вещи положить. Потом соберите, пожалуйста,

общее рабочее собрание. Те, кто сейчас на вахте – измерения ведут – пусть на рабочих местах остаются. А остальные – через полчаса на собрание в столовую. О стульях позаботьтесь, чтобы на всех хватило, – распорядился Ампилов.

Через полчаса шеф уже темпераментно вел собрание. Сначала он заставил отчитаться руководителей каждого подразделения и сделал вывод о том, что дела на полигоне идут из рук вон плохо. Потом выругал начальника полигона за то, что решетка под антенной – «идеальная земля» – до сих пор не закончена. Тот попытался было оправдаться тем, что сварочный аппарат маломощный, но Ампилов оборвал его на полуслове:

– Кто хочет работать, изыскивает возможность, а кто не хочет, находит причину. Плохой плотник всегда винит инструмент, а наихудший – гвозди. Бригаде сварщиков немного подскипидарить одно место надо, тогда будем во все планы укладываться, Виктор Иванович.

Потом шеф напомнил о скором окончании очередного этапа крупной хоздоговорной работы. Говорил, что такого отставания от намеченного плана он еще не помнит за все время своей работы на кафедре. Говорил, что пора засучить рукава и немного ударить пальчик о пальчик, грозился заменить начальников секторов, и что он больше не намерен вытирать носы инфантильным сотрудникам, которые забыли, сколько им лет по паспорту и до сих пор ходят в коротких штанишках.

Я с восхищением наблюдал за действиями Ампилова, и меня не оставляло чувство, что передо мной – будущий академик. Уж в этого человека народ поверит, пойдет за ним в огонь и в воду. Потому что такой своего добьется при любых обстоятельствах.

А шефа все несло и несло. Наконец, он сменил тему своего выступления:

– В заключение хочу добавить, что в прошлый свой приезд я очередной раз обращался ко всем, кто работает в нашей полевой лаборатории, с просьбой не бросать в полигоновский туалет бумажек. И что изменилось? Аж ничего ровным счетом. А ведь мы обещали председателю соседнего колхоза. Он для нас столько сделал: и с земляными работами помог, и трубы нам достал, и строительный лес, и много еще чего. А мы такой простой просьбы не можем выполнить. Позор!

Ампилов посмотрел на часы и кивнул Буднику. Тот понимающе кивнул в ответ и тут же удалился в сопровождении двух лаборантов – пошли включать передатчик. А шеф продолжил:

– Вы знаете, как народ называет содержимое выгребных туалетов? Золото! Если вдуматься как следует, то это и есть золото! Ибо ценится на вес золота! А вы к нему как относитесь? В своем хозяйстве люди каждый грамм собирают! Это же будущий урожай! А вы туда бумажки бросаете. Как его тогда на поле вывезешь осенью? Нехорошо так! Ко всему относитесь по системе «тяп-ляп» – к работе тоже. Впрочем, о

какой работе может идти речь, если вы даже такой элементарной истины постичь не желаете?

После небольшой паузы он, как бы невзначай, спросил Почепу:

– Олег Арсеньич, а как тут наши практиканты? Справились с заданием?

– Справились, но по-разному.

– Что значит «по-разному»? – насторожился Ампилов.

– Ольшевский и Минченко – отлично. А вот Очерет работал безобразно медленно. Раза в два меньше сделал, чем каждый из этих двоих, – спокойно ответил Почепа, кивнув в мою сторону.

– Лодырь? – с возмущением спросил Ампилов, испепеляя меня своим пронизывающим взглядом.

– Да вроде нет, просто медлительный. И сидит, казалось бы, с утра до вечера, но мало успевает. Огня в одном месте маловато, – с улыбкой заключил Олег Арсеньевич.

– А-а-а-а, – протянул, вернее – прорычал Ампилов. – Лодырь, значит! Мы и поступим с ним, как с лодырем. Этим заплатим по полной ставке, а Очерету – шиш с маслом! Пусть в следующий раз побыстрее чухается!

Ампилов свое слово сдержал. Ребята потешались надо мной, как только могли, а я ужасно досадовал, что не умею поступать так, как Миня с Шурой. Но денежки они получили, практику им зачли на «отлично». Мне же с трудом вывели «хорошо» и лишь потому, что в зачетке у меня были в ос-

новном пятерки. В итоге, возвращая мне зачетку, Ампилов выругал меня еще раз:

– Курорт себе в полевой лаборатории устроили! Здесь вам не санаторий, а рабочая командировка! В командировке, к вашему сведению, рабочий день от зари до зари, потому что на работу полевой лаборатории идут государственные деньги! Государство, между прочим, не дойная корова, средства у него не бесконечны! Здесь отдача нужна! А у Вас ка-пэ-дэ меньше, чем у паровоза!

К вечеру я собрал свои вещи, чтобы на следующий день первой электричкой уехать в Харьков, а оттуда домой. Отвлекаясь от насущных проблем, я с увлечением читал Клиффорда Саймака, лежа в постели, когда в комнату вошел Ампилов, молча положил на стол папку с бумагами и уселся на свободную кровать. Он вытащил из-под кровати свой раздутый портфель, достал полотенце, зубную щетку и тюбик пасты. Пошарив в портфеле, он в сердцах сказал, глядя в пустоту:

– Черт! Мыльницу забыл! У Вас мыло есть?

– Конечно, Валентин Аркадьевич, – ответил я, поднимаясь с постели.

– Вы позволите воспользоваться? – спросил он каким-то официальным тоном.

Я развязал рюкзак, вынул дешевенькую мыльницу с моим любимым «кокосовым» мылом и протянул Ампилову. Взяв ее из моих рук, он вышел, не закрыв за собой дверь, и го-

лодные лютые комары сразу же несметным роем ринулись в комнату, привлеченные ярким светом лампы. Я выключил свет, и тут же со двора послышался недовольный голос Ампинова:

– Включите, пожалуйста, свет, чтобы я мог умыться. Здесь темно, как у негра в жж...желудке!

Я подчинился. «Вот досада, – подумал я. – Теперь комары всю ночь спать не дадут. Но что поделаешь? И зачем ему там свет понадобился? Как будто он там собирается не умываться, а вышивать мелким бисером. Ну да черт с ним – все равно последняя ночь на полигоне!»

Натянув на голову простыню, я слышал сквозь комариный писк, как Ампинов гремел умывальником, крякал и отфыркивался. Вскоре он вошел, тщательно затворил дверь и, подойдя к моей кровати, протянул мне мыльницу. По ее весу я понял, что она наполовину заполнена водой, и мыло к утру раскиснет, чего я терпеть не мог. Но я решил смириться – все равно завтра уезжать.

– Спасибо. У Вас дорогое мыло. Мне такое не по карману. Обхожусь «банным», – пробурчал Ампинов и, громко сопя, начал готовиться ко сну.

Наконец он выключил свет и улегся. Сон от меня отскочил, и я слышал, как он ворочался, и сетка его кровати отзывалась противным скрипом. Несколько минут спустя он забористо захрапел. Какое-то время я еще лежал, переворачиваясь с боку на бок и отбивая атаки комаров, а потом сон

ододел и меня.

Домой я уехал в прескверном настроении. Все складывалось как-то неудачно: моя первая в жизни, так сказать, официальная инженерная работа оказалась совсем не инженерной. Однако я старался выполнить ее честно и добросовестно, но этого, увы, никто не оценил. Преуспели халтурщики Миня и Шурик – их похвалили и Почепа, и сам Ампилов; за недобросовестную работу им заплатили по полной лаборантской ставке и за практику выставили по пятерке. А мною Ампилов с Почепой бесцеремонно ноги вытерли, да еще и товарищи насмеялись. Ну где же справедливость, о которой так много толковали и в школе, и в институте, и в литературе? Шурик сказал, что ее не существует, и он, как видно, прав на все сто процентов.

Но должно же мне было хоть в чем-то повезти. И повезло – каникулы я провел в свое удовольствие в обществе Тони Ампиловой. Нет, она не родственница Валентина Аркадьевича – всего-навсего однофамилица. Девочка красивая – всем парням на зависть. Правда, мне она показалась не очень умной, но мой ближайший друг Вовка уверял, что ум для женщины отнюдь не главное. Быть может, это и верно, однако ее глупость меня немного раздражала.

Я часто одалживал у Вовки моторную лодку, на которой мы с Тоней ездили вниз по течению Днепра, останавливались на безлюдных пляжах, посещали также многолюдные организованные пляжи, собирали веселые компании, лови-

ли рыбу и раков, разводили костры, варили уху.

Каникулы пролетели, как одно мгновение. Пришла пора ехать на занятия. Расставаться с Тоней мне никак не хотелось, но ничего не попишешь, занятия есть занятия. Я понимал, что такая девочка ждать не будет – ей просто не дадут. Но что было делать? Волей-неволей с болью в сердце пришлось смириться с будущей потерей. И я, конечно же, подчинился судьбе – мысленно простившись с Тоней навсегда, поехал продолжать учебу.

И снова замелькали дни, как в кино – моя студенческая жизнь потекла по прежнему руслу. Занятия, общежитие, друзья, девушки. После неудачного для меня знакомства с Ампировым я решил оставить дальнейшие попытки попасть на его кафедру. С такой аттестацией, которая сложилась в то лето на полигоне, делать мне там было совершенно нечего. И я начал приобщаться к команде кафедры Валерия Сидоровича Бурлакова, лауреата Сталинской премии Первой степени, где меня приняли без никаких аттестаций и предварительных условий.

Приближался Новый год. Я чувствовал себя на подъеме и все больше увлекался работой, которую мне поручали молодые сотрудники кафедры Бурлакова. Валерий Сидорович был умницей и душой студентов. Всегда жизнерадостный, он никогда ни за что не выговаривал, всегда поддерживал новые идеи, не давая, однако, уйти от поставленной задачи, и порой деликатно отрезвляя напоминанием о сроках выпол-

нения работы.

Я подолгу засиживался на кафедре Валерия Сидоровича и был счастлив оттого, что мне разрешали участвовать в семинарах, где мои выступления выслушивались, как выступления полноправного сотрудника. Меня принимали, как полноценного специалиста, как равного среди равных. Я часто задерживался в лаборатории допоздна и когда вахтер выпроваживал меня, мотивируя тем, что ему нужно запираить корпус, мне не хотелось уходить, и я с нетерпением ожидал следующего дня, чтобы проверить, что же получится в результате перепайки схемы по моей новой идее.

В ампиrowsкой научно-исследовательской лаборатории царил аврал. Все готовились к сдаче очередного этапа крупной хоздоговорной работы. Взад и вперед сновали замороженные сотрудники, возбужденный голос Ампиrowа слышался то из кабинета, то из коридора, то из лаборатории. Не переставая, трещал телефон. По окончании рабочего дня все задерживались – кто на час, кто на два, а некоторые уходили только по требованию вахтера.

Было уже около девяти вечера, когда Ампиrow заглянул в лабораторию, где в клубах табачного дыма, склонившись над листом миллиметровки, сидел Почепа и строил графики.

– Олег Арсеньевич, как результаты? Наша теория подтверждается или так... – скроив пренебрежительную гримасу, суровым голосом спросил Ампиrow, рукой разгоняя дым.

– Откровенно говоря, за этот период, – Почепа указал ру-

кой на график, – полнейший абсурд.

– Оцифровку проверяли? – поинтересовался шеф.

– Проверил, Валентин Аркадьевич. Никакого соответствия фоторегистрации, чисто «фонарные» числа, – еле слышно ответил Олег Арсеньевич.

– Как это – «фонарные»?! Кто обрабатывал?! – заорал Ампилов, и его лицо побагровело от ярости.

– Наши летние практиканты, – со вздохом ответил Почепа.

– Это наверняка тот – Очерет, или как там этого лодыря?! – распаялся шеф.

– Нет, Валентин Аркадьевич. На этот раз вы ошиблись. Наоборот, Очерет обработал свои пленки исключительно скрупулезно и добросовестно, а вот Ольшевский и Минченко напичкали нас фикцией. Их приходится переделывать заново, – спокойно сказал Почепа.

– Черт! – в сердцах вскричал Ампилов и стукнул кулаком по столу. – Так вот почему они так много сделали по сравнению с Очеретом! Они просто халтуру гнали, когда Очерет работал добросовестно! А мы его выругали, не заплатили ни копейки да еще и четверку по практике выставили! А этих халтурщиков и похвалили, и поощрили зарплатой! Просто стыдно перед парнем! Надо как-то перед ним извиниться при случае, а этим голубчикам высказать все, чего они заслужили! Какие, однако, мерзавцы! Напишите на них в деканат рапорт, хоть нам это поможет не больше, чем мерт-

вому клизма. Быть может, Шкиц их отчихвостит как следует. Но и Очерет, надо сказать, тоже хорош. На его глазах эти шарлатаны бессовестно подсовывали нам липу, а он, несомненно, знал об этом и преспокойно молчал.

– Валентин Аркадьевич, – остановил его Почепа, – а вы бы на его месте вот так и выдали своих товарищей? Я бы, например, не смог.

Ампиров поправил свои круглые очки и, раздраженно махнув рукой, добавил:

– Не нужно шибко философствовать, Олег Арсеньевич! Все это, если хотите, результат бесконтрольности с вашей стороны. Если бы вы их в свое время проверяли как следует, этого бы не случилось.

– Что верно, то верно, Валентин Аркадьевич. Мне кажется, надо бы зачетную ведомость по практике переписать – Очерету хоть запоздало пятерку поставить. Как вы насчет такого хотя бы частичного восстановления справедливости? – спросил Почепа.

– Ни в коем случае! Это противозаконно. Как выставили, так пусть теперь и остается. Кстати, он все же виноват – бессовестно промолчал о том, что его товарищи подлогом занимались. Ведь это государственное дело! Кроме того, четверка – тоже хорошая оценка. А что просмотрели тех двух халтурщиков, так это наша с вами вина, больше ничья.

Приближалась зимняя сессия. Суровая действительность диктовала свои жесткие условия: чтобы успеть подтянуть все

хвосты, мне нужно было на некоторое время оставить работу у Бурлакова. Но Валерий Сидорович уж очень не любил, когда какое-либо дело бросалось незавершенным, и я в срочном порядке заканчивал отладку своего блока. В тот вечер мне это почти удалось. Оставалось только проверить его во всех возможных логических ситуациях, но это уже было делом следующего дня. Я запер лабораторию, повесил контрольный замок и направился к выходу, размышляя о своих насущных проблемах.

– Гена! – услышал я с противоположной стороны холла хрипловатый голос Почепы.

Я остановился, обратив взгляд к Олегу Арсеньевичу. Он шел ко мне через холл с дымящейся папиросой в зубах, делая знаки своей единственной рукой.

– Гена, задержитесь, пожалуйста, на пару минут. Я понимаю, уже поздно, но не могу не сказать вам, что месяц тому назад мы начали обсчитывать результаты, которые Вы и Ваши товарищи представили нам на летней инженерной практике.

Мое сердце дрогнуло, и в мозгу начали роиться тревожные мысли: «Ну и практика! Что еще могло случиться? Неужели я там что-то напутал? Только бы не пришлось переделывать! Черт бы побрал и Почепу, и Ампилова, и всю их кафедру!» Почепа остановился, выпустив густой клуб синего дыма, и как-то несмело проговорил:

– В процессе обсчета мы заметили, что полученные ре-

зультаты никак не ложатся на прогнозируемую кривую. – Он затаился так глубоко, что в папиресе что-то затрещало, и с грустной улыбкой продолжил. – Ну, начал я проверять результаты вашей с ребятами оцифровки и чуть умом не тронулся.

– И какие же там огрехи я допустил? – спросил я с тревогой в голосе.

– В том-то и дело, что лично Вы все сделали исключительно точно и добросовестно. А вот Ваши товарищи... Да вы и сами наверняка знаете. Вы ведь обрабатывали на совесть, а они халтурили. Потому, видимо, и «наработали» больше вашего! Вы меня, ради Бога, извините, что я тогда не разобрался, да еще и Валентина Аркадьевича на Вас напустил!

– Ладно, мне не в первый раз! – ответил я, смущенный тем, что человек, который по возрасту годится мне в отцы, просит у меня прощения.

Почепа словно прочитал мои мысли и заговорил укоризненным тоном:

– Хоть Вы и сделали все на пятерочку, но все же, как Вам совесть позволила умолчать о том, что они творили? Теперь из-за этого правительственная тема задерживается. И наши люди премии лишаются!

– Знаете, Олег Арсеньевич, это уж чересчур! Я все лето работал как проклятый – как карла вкалывал! Потом Ампилов и бездельником меня обозвал, и денег не заплатил, и оценку по практике снизил! Они же получили все! Так те-

перь я еще и виноват в том, что сроки выполнения правительственной темы срываются! Да это уму непостижимо!

– Тише, тише, Гена. Не гневьтесь, пожалуйста, – он снова затаился и бросил окурок в стоящую неподалеку урну. – И в самом деле. Я бы на Вашем месте, наверное, тоже не выдал товарищей. Намекнули бы как-то, что ли... Ладно, смиритесь, Гена. Такова доля честного человека. Но при всех этих негорздах честь Ваша спасена, Вы полностью реабилитированы, в том числе и перед профессором Ампириным. Он в курсе.

– Толку-то? – сказал я, стараясь выдавить из себя улыбку.

– Ну, это как сказать. Посмотрим еще, как обстоятельства в дальнейшем сложатся.

Юлий Гарбузов

28 декабря 2005 года, среда

Харьков, Украина

13. Журавли и паровоз (Не закончено)

Солнце клонилось к горизонту. Заканчивался знойный августовский день. Все съестное, которым снабдили нас родители, провожая утром на пляж, было съедено еще в обед. Изнывая от голода и усталости, мы всей компанией кое-как дотащились до причала и стали в очередь на посадку, чтобы переправиться на левый берег Днепра.

Через полчаса томительного ожидания мы, с трудом переставляя ноги, взошли, наконец, на борт речного трамвая и заняли места почти у самой кормы. Надрывно завывла сирена, молодцеватый матрос проворно убрал трап, отдал швартовы и поднял руку, сообщая капитану, что можно отчаливать. Переполненный катер медленно отвалил от пляжного причала и, развернувшись, взял курс к левому берегу Днепра.

Вся наша компания оказалась под прямыми лучами палящего солнца, от которого мы успели за целый день основательно устать.

Мы с одноклассниками плыли на речном трамвае.

Кто-то запел песню. Я подтянул:

– Здесь, под небом чужим, Я – как гость нежеланный,
Слышу крик журавлей, Улетающих вдаль. Сердце бьётся

сильней, Вижу птиц караваны, В голубые края Провожая их
я. Вот всё ближе они И всё громче рыдания, Словно скорб-
ную весть Мне они принесли. Из какого же вы, Из далёкого
края Прилетели сюда На ночлег, журавли? Холод, сумрак,
туман, Непогода и слякоть... Вид унылых полей И печаль-
ной земли... Ах, как сердце болит, Как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать Надо мной, журавли!

– Как это – рыдать? – возмутился Усенко.

– А как же – ответил я, – Лещенко так и поет: перестаньте
рыдать надо мной, журавли.

– Да ты что, ха-ха-ха! Не рыдать, а летать! Разве могут
журавли рыдать?!

– А ты прислушайся. Он поет «рыдать», – возразил я.

– Давай у Орешина спросим. Юра, как Лещенко поет, «пе-
рестаньте летать» или, как Генка говорит, – «перестаньте ры-
дать надо мной, журавли»?

– Конечно же – летать. Как это журавли могут рыдать?

– Это же метафора, дурьи головы!

– Ладно тебе, Генка! Начитался учебников, наслушался
учителей, как истинный отличник, да и суешь нам эти сло-
вечки. Скажи еще метафора, сравнение, аллегория, антите-
за, синонимы, антонимы! Сам подумай, прежде чем поучать
других. Не могут журавли рыдать, понял?

Я апеллировал еще к нескольким однокашникам. Но все,
словно сговорившись, повторяли: «Разве могут журавли ры-
дать? Летать, он поет!»

В санатории «Холодная Балка». Мы формировали футбольные команды, по возможности одинакового потенциала. Для этого использовался старый отработанный прием: каждый подбирал себе напарника примерно равного себе по уровню футбольной игры, они отходили в сторонку и «наговаривались». Термин «наговариваться» означал тайком назваться только им известными условными именами. Например, один называется яблоком, а другой – грушей. Потом «наговорщики» в обнимку подходили к будущим капитанам команд, которые по очереди проводили «допрос». По ритуалу подошедшие «наговорщики» спрашивали:

– Матка-матка, чей допрос? Кому в рыло, кому в нос?

– Мой, – отвечал один из капитанов.

– Что тебе лучше, яблоко или груша?

– Груша, – отвечал капитан, имевший право «допроса».

И в его команду попадал «наговорщик», назвавшийся грушей. Право «допрашивать» следующую пару «наговорщиков» переходило к другому капитану и так до тех пор, пока не распределялись все игроки по командам.

Случилось мне быть капитаном одной из команд.

– Матка-матка, чей допрос? Кому в рыло, кому в нос? – спросили наговорщики.

– Мой, – ответил я.

– Что тебе лучше, паровоз или машина? – спросил «наговорщик».

– Паровоз, – ответил я, и в мою команду попал Олег Сергеич.

– Между прочим, – сказал я, – паровоз – это тоже машина. Паровая машина. И тот, кто водит паровоз, называется «машинист».

Х:

– Ну и что же, что машинист. А паровоз никакая не машина. Он поезд!

Я:

– Поезд – это паровоз вместе с вагонами.

Ч:

– То – состав! А паровоз – это не машина, а поезд!

Я (начинаю кипятиться):

– Да, и состав он называется, и поезд. А паровоз – это машина! Вот идет У. Давай у него спросим.

Подходит У.

Х:

– Генка говорит, что паровоз – машина. А я говорю – поезд. Верно?

У (утвердительно кивает головой):

– Угу. Поезд.

Я:

– Да нет же. Один паровоз – машина!

У:

– Не-а! Поезд!

Я:

– Давайте спросим у Z. Он старше и знает. Z! Я говорю, что паровоз – машина, а они – поезд. Скажи, паровоз – машина?

Z (отрицательно вертит головой):

– Не-а. Поезд.

С тех пор, как только я сталкивался с отрицанием общеизвестного, мне из глубины детских лет слышалось упрямое: «Не-а! Поезд!»

С тех пор, как только я сталкивался с отрицанием общеизвестного, в моей голове звучало упрямое: «Разве могут журавли рыдать?» или: «Не-а! Поезд!»

Юлий Гарбузов

3 января 2002 года, четверг

Харьков, Украина

14. Лекция Бурлакова в центральной лектории (Не закончено)

Мы с Лешкой Литовченко пришли в лекторий послушать лекцию Бурлакова на тему «Лазеры». Бурлаков начал лекцию, как популярную, но мы, студенты радиофакультета, стали задавать ему профессиональные вопросы. Он поднял уровень, извинившись перед посторонними.

Лекция закончилась словами Бурлакова:

– Я прошу прощения у лиц, пришедших сюда из простой любознательности. Поскольку здесь доминировали студенты радиофакультета ХПИ, я переориентировался на них. Я согласен всем недовольным возратить деньги. Желающих получить свои деньги обратно прошу поднять руки.

Рук не поднял никто, но в зале раздались громкие аплодисменты.

Юлий Гарбузов

3 января 2002 года, четверг

Харьков, Украина

15. Сюрпризы старого Днепра

В самом начале пятидесятых годов, когда Днепр был перегороден еще всего лишь одной-единственной плотиной, я был страстным рыбаком и считал себя в этом деле матерым, искушенным профессионалом. И только мой лучший друг Вовка Родионов был для меня по части рыбной ловли единственным и непререкаемым авторитетом.

Все летние каникулы мы с Вовкой проводили с удочками на берегу Старого Днепра. Наши ровесники гоняли в футбол, баскетбол, играли в волейбол и прочие мальчишеские игры. А нас манил Днепр, вернее, Старый Днепр – в любую погоду. Лишь бы родителипустили. И не было для нас большего счастья, чем прийти домой с уловом и угостить своих домашних свежей рыбой.

А по дороге домой, когда мы шли, гордо потрясая немалыми трофеями, нас останавливали местные, правобережные женщины и просили продать немного рыбы. И мы, чего уж греха таить, продавали. Таким образом, мы зарабатывали на дефицитные в то время крючки, бамбуковые удилища, леску и прочие снасти.

Вы бывали когда-нибудь на Старом Днепре? Нет? Тогда вы многое потеряли в жизни. Вы хоть знаете, что такое Старый Днепр? Тоже нет? Тогда я вам вкратце расскажу.

Знаменитую плотину ДнепроГЭСа вы, разумеется, знае-

те. В советские времена о ней много писали и балаболили по радио, как об одной из первых советских новостроек. Даже Маршак писал:

Человек сказал Днепру:

Я —

стеной тебя запру.

Ты —

с вершины будешь прыгать,

Ты —

машины будешь двигать.

Нет, —

ответила вода, —

Ни за что

и никогда.

Но Днепр все-таки заперли бетонной плотиной, выше которой по течению вода поднялась на пятьдесят с лишним метров и затопила знаменитые днепровские пороги, которые, собственно, и дали название нашей местности, а впоследствии и городу – Запорожье. За порогами, значит. И еще вода затопила роскошные плавни, погубив многочисленные плавневые хозяйства. Затопила она и великолепные луга, где раньше нагуливали вес тучные коровы, козы и овцы. И еще она затопила поселок Кичкас.

Не залитым оказался только небольшой островок суши, который усердные исполнители Великого Сталинского Плана Преобразования Природы называли Островом Ленина.

А ниже плотины оголилось несколько скал, образовав новые острова, такие как Два Брата, или увеличив малые островки, такие как Дубовый. А еще чуть ниже Днепр разделяется на два рукава, охватывая огромный остров Хортица. Левый рукав – основная судоходная артерия с отлогими песчаными берегами – называется Днепр, а правый, несущий свои воды к югу меж скалистых берегов из серого гранита, – Старый Днепр.

На берегу Старого Днепра расположена правобережная часть города Запорожье. Этот район так и называется – Правый берег. На Правом берегу жила моя тетка по матери со своей семьей, а Вовка Родионов жил по соседству с моей теткой.

Течение в Старом Днепре было тогда быстрым, стремительным. На скалах, выступающих в виде мысов, в начале сезона сидели чехонщики. Это были в основном желторотые мальчишки, желающие похвастаться перед своими домашними, какие они искусные и удачливые рыбаки. Чехонь ловилась легко, потому что было ее видимо-невидимо, и любила она играть там, где течение было особенно быстрым. Бери – не хочу.

Но серьезные рыбаки, а мы с Вовкой относили себя именно к таковым, чехонь не брали и на чехонщиков смотрели с презрением. Карп, судак, сом, иногда лещ были целью и предметом добычи серьезных и профессиональных рыбаков.

У самого берега Старого Днепра выстроили камнедро-

бильное предприятие, где измельчали в щебень днепровский гранит, который добывали в карьере неподалеку. Камнедробилка была построена с таким расчетом, чтобы высыпать щебень непосредственно в баржи, которые маленькие буксиры медленно тащили в южном и в северном направлениях. Таким образом, днепровский гранитный щебень поступал в качестве строительного материала на великие стройки коммунизма.

Между камнедробилкой и карьером Старый Днепр образовывал огромный залив с великолепным песчаным пляжем. Там в течение дня резвилась местная детвора. По окончании рабочего дня на пляж сходились трудящиеся с Запорожского Трансформаторного завода, расположенного недалеко от берега.

В летнюю пору вода в заливе нагревалась за день так, что в ней просто невозможно было замерзнуть. Купаться мешали только буйно разраставшиеся в разогреваемой запорожским солнцем теплой, как парное молоко воде водоросли и прибрежная тина. Ребятишки вместе по команде выбрасывали эту тину на берег и с радостными криками извлекали из нее бьющихся серебристых выюнков, которыми потом угощали своих домашних и уличных кошек.

Только когда темнело, народ расходился по своим домам, чтобы завтра снова вернуться сюда после трудового дня.

Залив окаймляли грунтовая автомобильная дорога и железнодорожное полотно. По этим путям из карьера на кам-

недробилку доставлялся свежедобытый камень. Как-то этот производственный комплекс (карьер – камнедробилка) посетил какой-то представитель ЦК. Ему показалось, что, огибая залив, транспорт расходует слишком много горючего. А для советских новостроек и для осуществления Великого Сталинского Плана Преобразования Природы ценна каждая капля этого самого горючего.

И строго по прямой от карьера до дробилки, прямо через залив была проложена насыпь из каменных глыб и щебня, по которой пустили производственный транспорт. Сэкономленное горючее пошло на стройки века и другие советские свершения. Рационализаторы получили премии – кто тысячи, а кто по десятке-другой. В зависимости от чина.

Таким образом, по одну сторону от насыпи образовалось вонючее озеро, в котором водились только головастики, лягушки, змеи да пиявки, а по другую каменные глыбы с острыми краями образовали новую береговую линию. Мы с Вовкой так горевали по бывшему роскошному заливу! А патристически настроенные дяди и тети доходчиво разъясняли нам политику Партии и убедительно доказывали, что Советская власть ничего зря не делает. А те, кто решил проложить через залив насыпь, – не глупее нас. Мы же либо еще не доросли до понимания важности экономии горючего, либо просто глупы.

Сочтя себя полными тупицами и недоумками, мы с Вовкой стали купаться или в скалах, или в следующем вниз по

течению заливе. Таких заливов было еще три. Но все они были много меньше принесенного в жертву индустриализации. Народа там было мало – далеко от жилья. Только рыбаки сидели со своими удочками и цыкали на купающихся, чтобы не распугивали рыбу.

После третьего залива начинался песчаный берег, поросший влаголюбивым кустарником и изрезанный мелкими ручейками. Там уже редко можно было встретить человека. Разве что какого профессионального рыбака. Но они грудились в основном на пологом скалистом берегу, где метрах в двадцати от воды бил родник. Местное название – Криничка. Вода в роднике была чистой, холодной и очень вкусной. Особенно в летнюю жару. Многие даже возили оттуда воду домой на повозках – в бидонах и бочонках.

У Кринички собиралось пестрое общество рыбаков, как профессионалов, так и любителей. И разговоры там велись на самые разнообразные темы. От политических до высоконаучных. И рыба там клевала почти всегда и у всех. Чтобы в воскресенье занять место у Кринички, нужно было приходиться часов в шесть утра, не позже.

Мы с Вовкой любили утром поспать, поэтому рыбачить нам приходилось в третьем, последнем песчаном заливе. Там обычно царила тишина, потому что рыбакам не хотелось так далеко забираться. И только один фанатик-профессионал, дядя Леша в любую погоду сидел там над самой водой в тени огромной скалы. Это был настоящий профессионал. В его

садке всегда плескались крупные сомы, судаки и щуки. Он знал много удивительных историй, которые охотно рассказывал нам, когда не было клева. А местность лучше него не знал никто в округе.

Одним знойным июльским днем мы с Вовкой, наслаждаясь запахом прибрежных полевых цветов, пением многочисленных в этих краях певчих птиц и надрывными криками чаек, стрекотанием кузнечиков и посвистыванием сусликов, добрались до третьего залива. Дядя Леша сидел на своем месте и, разложив на плоском камне свой завтрак, подкреплялся.

– Здравствуйте, дядя Леша!

– Здравствуйте, соколы ясные. Подкрепиться не хотите?

А то у меня на всех хватит.

– Нет, дядя Леша, спасибо большое. Мы недавно из дому.

– Мы, прежде всего, окунуться хотим. Жара ужасная, – сказал Вовка.

А я уже сбросил майку и подошел к самой воде.

– Да вы не спешите в воду. Успеете. Сядьте, посидите в тени. Остыньте чуточку. А то, гляди, простудитесь, чего доброго.

– Да разве можно в такую жару простудиться? – искренне удивился я.

– Еще как можно. Кто у тебя родители?

– Мать – врач, – ответил я, – отец тоже врачом был, но на фронте погиб.

– Вот и спроси у мамочки своей то, что у меня спрашивал.

Услышишь, что она тебе ответит

– Она тоже говорит, как Вы. Но мне не верится. Тут хоть бы чуть-чуть охладиться. А о простуде и говорить нечего.

– Напрасно ты так. Старшие больше знают.

– Да и мы тоже не дураки, – добавил Вовка.

– Никто не говорит, что вы дураки. Опыта у вас пока никакого. Шишек еще на лбу набили маловато.

Посидев немного в тени да поболтав с дядей Лешей, мы искупались и начали готовить удочки.

– На что ловить собираетесь, хлопцы?

– На живца, дядя Леша.

– Правильно. На живца сегодня судак клюет.

– Знаем. Как и положено в это время – конец июля.

– Грамотный ты парень, Володька.

– Ну вот, а Вы говорите, что мы еще неопытные.

– Смотря в чем, хлопчики.

– Как клюет сегодня? – спросил Вовка.

– Когда умеешь ловить, всегда клюет, если в реке рыба в принципе водится.

– Это верно, многозначительно подтвердил Вовка.

Тем временем Вовка открыл банку с червями и закинул удочку – живцов надергать, верховодок. А я стал готовить для них кукан. Вот подсечка, и Вовка уже снимает с крючка трепещущую верховодку.

– Бросай на берег, кукан почти готов уже. Сейчас подберу.

Серебристая рыбка, кувыркаясь, описала дугу в воздухе

и упала около большого валуна. Перепрыгивая с камня на камень, я спешил к ней, чтобы насадить на кукан и опустить в воду. Вовка поправлял червя на крючке, намереваясь снова закинуть удочку. Вдруг он словно замер на месте.

– Смотри, Генка! Туда, где рыба смотри!

Я посмотрел и с перепугу уронил кукан в щель между камнями.

– Что там еще случилось? – дядя Леша встал во весь рост на камне.

Из-под валуна, рядом с которым, трепеща, прыгала рыбка, выскочила лягушка размером – клянусь, но мне показалось именно так – с мой школьный портфель. Скок! И рыба у нее уже в пасти поперек языка. Еще пара прыжков, и лягушка тяжело шлепнулась животом в воду и скрылась под ее поверхностью.

– Вот это да! Вовка, ты видел когда-нибудь такое чудо?

– Нет. А ты?

– Я тоже нет. А кому расскажи, не поверит. Я бы сам не поверил.

– А я бы поверил, – отозвался дядя Леша. – Я ее уже видел тут.

– А д... давно она здесь живет, дядя Леша? – поинтересовался я.

– Впервые я увидел ее в прошлом году. А ты что, Генка, здорово струхнул, что вдруг заикаться начал?

– Да нет, просто я никогда раньше не видел таких огром-

ных лягушек.

– Это жаба была, правда, дядя Леша? Она же в земле, под камнем живет.

– Возможно. Но бывают разные жабы и разные лягушки, Вовка.

– Что, есть и жабы, что в воде живут?

– Живут они в земле или в камнях, но часто купаются в лужах, реках и озерах. А есть лягушки, которые на деревьях, в траве или под камнями живут. А в чем главное отличие жаб от лягушек, знаете?

– У «жабов» нет зубов, – выпалил я цитату нашей биологички.

– Верно, Генка, но это тоже не всегда так. Есть редкие жабы, имеющие зубы на верхней челюсти. И живут они в тропиках, далеко отсюда. Но откуда ты это знаешь, Генка?

– От нашей Бациллы. Мы так свою биологичку прозвали. А Вы откуда?

– Бацилла – это остроумно. А я ведь тоже, как ваша Бацилла раньше биологом был.

– А сейчас Вы кто?

– Чернорабочий, на трансформаторном заводе. Посменно работаю, – тяжело вздохнув, ответил дядя Леша.

– Что, биологию разлюбили? – вмешался Вовка.

– Нет, не разлюбил. Бывает иногда в жизни такое, когда любимая работа недоступной становится...

Дядя Леша замолчал и стал смотреть на воду. Нам поче-

му-то тоже стало очень грустно, и мы продолжили свои дела. Вовка дергал живцов, а я насаживал их на кукан. Потом мы насадили их на крючки, забросили удочки и стали ждать клева.

Внезапно затрещала трещотка на катушке дяди Лешинной удочки. Подсечка! И вот уже он осторожно подтягивает отчаянно бьющуюся рыбу, наматывая леску на катушку.

– Мальчики, подсаку скорее!

Вовка подбежал с подсакой, а я – рядом, глазею, как самые умелые в мире рыбаки настоящую рыбу берут. Вот уже огромная рыбина мечется у самого берега, поблескивая серебристыми боками с темными поперечными полосами.

– Судак! – вскрикнул я с восхищением.

– Здо-о-ровенный судачина! – поддержал Вовка и подхватил его подсакой.

А дядя Леша снял его с крючка и опустил в садок.

– Спасибо, мальчики. А хотите, еще одну здешнюю диковину вам покажу? Только дайте честное слово, что никому... – он красноречиво приложил к губам указательный палец.

– Божусь! – сказал я, сгорая от любопытства.

– Честное слово! – добавил Вовка, проверяя живца на своей удочке.

– Вон там, наверху, вон за тем большущим камнем в расщелине живет огромный уж. Увидите – не пугайтесь. Он не опасен.

– А когда он выползает, чтоб увидеть?

– В жару, как сейчас. Я ему часто там верховодок оставляю. Все подбирает. Только смотрите – кому скажете – убьют ведь, негодяи. А жалко будет. Природу беречь надо. Вот осетров нет уже в Днепре. Большой залив засыпали. А какой там роскошный пляж был! Какое место для купанья, для отдыха! В карьере все время взрывы гремят, камень добывают. Щебенку делают. А рядом Криничка. Второй такой нет. Вода какая! Люди Бог знает как далеко канистрами оттуда носят.

– Причем здесь Криничка?

– Да притом, что закроется родник, Володечка!

– Почему? – любопытствовал я.

– Пласты скальной породы сместятся от сотрясений и закроют выход воде.

Зной стал непереносимым. По скалам, как по раскаленной печке невозможно было ходить босиком. Мы поймали пять судаков на двоих. Решили поймать еще одного, чтобы поделить честно. Мы с Вовкой всегда делили улов поровну, даже когда он ловил много, а я – совсем ничего. Более удачливым, чем он я в рыбной ловле никогда не был, и мне порой бывало стыдно. Но Вовка стоял на своем – «Бог велит пополам делить», – цитировал он в таких случаях деда Гордея.

Однако в тот день удача нас на этом и оставила. Клев прекратился. Дядя Леша ушел домой со своей добычей – большим судаком, пойманным, разумеется, не без нашей с Вовкой помощи. Мы решили искупаться, а потом уходить. Но удочки пока оставили закинутыми. Чем черт не шутит?

Перейдя на другую сторону залива, где была уже тень, мы влезли на скалу. Попрыгали в воду. Вода приятно охлаждала разогретые на солнце мальчишеские тела. Мы ныряли, фыркали, играли в «латки», временами поглядывая в сторону закинутых удочек. В конце концов, продрогли и повыскакивали на горячий песок. Обжигая ноги, мы побежали к удочкам. А кристально чистый песок пищал под ногами в буквальном смысле. Фью! Фью! Фью! Фью!

Вот и наше место. В срочном порядке мы надели сандалии, поднялись повыше на скалу – поближе к солнышку. Поворачиваясь к нему то лицом, то спиной, мы молча отогревались. Стояла немая тишина. Почти как ночью. Только слышно было, как тихонько плескалась вода у берега да где-то далеко кричали чайки, носясь над косяками верховодок.

И тут мы явственно услышали тихое шуршание. Оно доносилось сверху, из-за большого плоского камня. Не произнося ни слова, только переглядываясь, мы обошли этот камень и заглянули за него. Между камнями, сверкая на солнце серой чешуей, круто извиваясь, полз огромный уж. Толщиной с руку взрослого человека и длиной метра два, не меньше! Он-то и шуршал, шевеля мелкие камешки и обожженную южным солнцем мелкую растительность.

– Вот это да-а-а... – удивленно прошептал я.

Вовка красноречиво приложил палец ко рту. Но уж, видимо, все же нас обнаружил. С удивительным проворством он юркнул под большой плоский камень.

– Спугнул. Эх, ты, Генка!

– Да невольно вырвалось – чудо такое! Никогда бы не поверил. Два чуда мы сегодня видели.

– Что там видели! Только мельком взглянули – и все тут, – с сожалением сказал Вовка.

– Хорошего понемножку. Пойдем удочки сматывать, что ли? Я уже так проголодался!

– Я тоже. Пошли, – согласился Вовка.

Мы лениво спускались к берегу. Жужжали мухи, стрекотали кузнечики. Из-под ног шарахались прыткие ящерицы и, отбежав на безопасное расстояние, вновь замирали как изваяния и сидели в ожидании добычи, греясь на горячих камнях, обильно залитых лучами палящего солнца. А их спинки переливались всеми цветами радуги.

– Пять судаков. Так и осталось нечетное количество. Придется продать одного, – философски рассудил Вовка.

– Какого, как ты считаешь, Вовка?

– Самого большого, конечно.

– Жалко. Такая вкуснятина.

– А снасти покупать надо? Надо. Вот и продадим его подороже.

Мы шли по тропинке вдоль берега. Справа внизу синел Старый Днепр, извиваясь в широком каньоне, если можно было так назвать его крутые скалистые берега. С левой стороны до самой Вырвы простиралась широкая ковыльная степь. Солнце уже давно повернуло к западу, и жара начала

понемногу спадать. Ни малейшего ветерка.

Преодолевая жару и усталость, мы дошли до поселка и стали подниматься по склону балки. А наверху уже стояли хозяйки с сумками, карауля возвращающихся рыбаков.

– Мальчики, продайте рыбку! – обратилась к нам дородная женщина с рогозяной кошелкой в руке.

– Какую? – деловито спросил Вовка.

– Да всю возьму с удовольствием.

– Нет, только одну, – вставил и я свое веское слово.

– Ну, тогда вон ту, самую большую.

Мы быстро сторговались и, поделив по-братски деньги и оставшихся судаков, пошли по домам, где нас уже ждал вкусный обед.

Юлий Гарбузов

17 июня 2000 года, суббота

Харьков, Украина

16. Подделка подписи

В общежитии было тихо и пусто. Все мои однокурсники трудились на преддипломной практике, а младшие – на занятиях. Только я спокойно собирался в свой авиационный. Руководитель назначил мне встречу в двенадцать. Я включил магнитофон и начал под музыку складывать в папку журналы, которые мне было велено взять в библиотеке.

Романченко, который направился, было, на место своей практики – на ампировскую кафедру, услышав музыку, заглянул в мою комнату.

– Привет, Генка. Ты что, не на практике?

– Вот – собираюсь. А ты почему тут сачкуешь?

– Загулял малеха. Дома с классной девицей познакомился. Потом фотку покажу. Сдохнешь от зависти. Иду за прогулы каяться.

– А где ты практикуешься?

– У Ампирова. А ты?

– В авиационном институте. Руководитель у меня – что надо. Парень всего на три года старше. Но грамотный! А почему ты у Ампирова? У тебя же в Реутово назначение, под Москву.

– Они меня на практику не взяли. Пришлось к Ампирову. Здесь буду и диплом делать.

– У кого?

– У Окина.

– Тоже классный парень. К нему идешь?

– Сначала к Ампинову. Мне записку оставили, что без его разрешения теперь не допустят! Как на Голгофу иду.

– Брось ты, Лешка. Что он, не человек, что ли?

– Говорят, он в таких случаях кровь пьет через жопу!

– Всю не выпьет.

– Тебе хорошо в твоём авиационном. А меня уже сейчас мандраж бьет.

– Ничего, все равно перекуришь это дело.

Застегнув змейку на выдавшей виды папке и выключив музыку, я надел пальто и подошел к двери.

– Пойдем, Алешка. Мне пора.

– Пойдем. Пожелай мне «ни пуха».

– Ни пуха!

– К черту!

Мы вышли из общежития и разошлись каждый в своем направлении.

Подойдя к кабинету Ампинова, Алешка остановился в нерешительности. Но от судьбы не уйдешь – все равно придется войти. Была – не была! Он тихо постучал и, не дождав-шись ответа, толкнул дверь и вошел в кабинет.

– Можно, Валентин Аркадьевич? – робко спросил Алешка.

В это время зазвонил телефон. Ампинов схватил трубку и взглядом пригласил Романченко сесть на стул рядом с его столом.

– Слушаю – Ампиоров! Что? Эх, черт! Опять это крючко-творство! Ну, каждый – пуп земли! Каждый – большая цаца и крупный швецер! Что же делать?

Из трубки кто-то возмущенно кричал. Ампиоров посмотрел на ожидавшего Романченко и, не дождавшись паузы, вклинился:

– Ладно! Бог с ним! Из любого положения всегда есть два выхода – знаете этот анекдот? Как-нибудь на досуге расскажу. Постараемся что-нибудь придумать. А вы сейчас езжайте в салон «Прибор». Наша банковская фишка уже к ним пришла – звонили. Заберите осциллографы и частотомеры. Все. Меня здесь человек ждет. Будьте здоровы!

Он положил трубку и обратился к Алешке:

– У Вас что?

– Я – Романченко, Алексей. Студент-дипломник. Пришел на практику.

– Преддипломная практика началась еще позавчера. А для Вас что, особые сроки назначены?

– Нет, но...

– Какое еще «но»? Я Вам что, лошадь, что ли?

– Понимаете, так получилось...

– Меня совершенно не интересует, что там у Вас и как получилось! Вы опоздали на самую важную практику. Значит, она Вам не нужна! Тогда кому она нужна? Мне, что ли? У меня от всякого рода практик уже двадцать с лишним лет передышки нет!

– Но у меня назначение на практику на Вашу кафедру, Валентин Аркадьевич...

– Вы на меня, пожалуйста, не давите! Прогуляли два дня – идите, гуляйте дальше.

– Валентин Аркадьевич, я, разумеется, виноват. Но практику же надо проходить. Пожалуйста, дайте мне работу. Самую трудную! Я работы не боюсь. Увидите – справлюсь.

– А у нас уже все участки работы на ближайшее время распределены! Так что извините! Практику проходите где-нибудь в другом месте.

– Валентин Аркадьевич! Не отчисляться же мне из-за опоздания на два дня! Я за это втрое отработаю!

– Все хорошо вовремя, дорогой Романченко! Вот что мне прикажете с Вами делать? Где я теперь для Вас работу искать должен? Как Вы себе это представляете?

– Ну, что-нибудь паять меня посадите. Я могу паять – и быстро, и качественно!

– Да паяльчиков у нас, как навоза в свинарнике! Что Вы еще считаете, что умеете делать?

– Ну, какие-нибудь бумаги обрабатывать, фотопленки с результатами измерений. Я это уже делал у Вас на кафедре. После третьего курса на летней практике. Вот здесь – за этой стенкой.

– Дорогой мой! На этом у нас сидит целая толпа девочек! И фактически с половинной нагрузкой. В основном болтают без умолку. Одной захочется пописать, так она ведет с собой

еще десяток. А уволить не имеем права. Таковы советские законы. Хорошо это или плохо – вопрос дискуссионный. Но не нам и не здесь это решать. А поручить им, к сожалению, больше нечего! Вот что Вы еще смогли бы делать в лаборатории? Нужное, конечно, а не так, для отбывания номера.

– Приборы ремонтировать, измерения проводить...

– Этим у нас специалисты занимаются, а не случайные люди вроде вас. Они и аппаратуру знают, и опыт имеют. А Вы что? Ни то, ни другое. Видите, Вы для нас абсолютно бесполезны!

– Можно плакаты какие-нибудь рисовать...

– Миленький Вы мой! – перебил его Ампилов, – Вы что, художник?

– Нет, но...

– Никаких «но». Раз нет – значит нет. Вы нам не нужны.

– Так что же мне делать?

– А я откуда знаю? Что Вы меня заставляете Ваши личные вопросы решать? У меня и своих предостаточно, уверяю Вас!

– А можно, я к Окину подойду? Он обещал меня на диплом взять.

– У него уже есть два студента-дипломника. С тремя он не справится – работы у него своей, не считая учебной – пруд пруди!

– Быть может, он меня третьим согласится взять? Можно, я спрошу его?

– Ни в коем случае! Я, как заведующий кафедрой, буду категорически возражать.

– Почему?

– Вы что, допрашивать меня сюда пришли?!

– Нет, Валентин Аркадьевич, я...

– Тогда поучитесь себя вести, молодой человек! Вам еще рано заведующему кафедрой вопросы задавать! Но Вам я, так уж и быть, отвечу. Если у преподавателя, тем более молодого, три студента-дипломника, он ими управлять уже не в со-сто-я-ни-и. Из такого руководства может получиться только пшик. Так что идите в деканат, что ли. Пусть декан направляет Вас на другую кафедру. Возможно, их там устраивают и разгильдяи вроде Вас! Или есть недогруженные сотрудники, которые смогут быть Вашими руководителями. А нам Вы не нужны. Поймите, наконец, такую простую вещь: научная лаборатория – это сложный инерционный механизм, и он уже запущен. Его работа стоит государственных денег. Чтобы в него ввести новую деталь, его необходимо остановить. А простой – это потери и сбои. В таких случаях думают, стоит овчинка выделки или нет. Вы что, такая важная деталь, ради которой есть смысл идти на такие потери? Идите, мне край – нужно работать, а я тут с Вами время теряю.

Ампиров углубился в бумаги. Но Алешка продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

– Валентин Аркадьевич! Пожалуйста... Я не хочу... на

другую кафедру!

– Идите, Романченко. Чего Вы стоите? Здесь не ставится вопрос «хочу – не хочу». Вы опоздали – поезд ушел. Дорога ложка к обеду. После обеда ее можно выбросить. Идите, Бога ради! Не мешайте мне работать.

Алешка не двинулся с места. Ампилов встал, готовясь уйти, и начал собирать бумаги в папку. Некоторые он сразу откладывал, другие тут же клал в ящик стола. Иные он несколько раз перечитывал, размышляя, что же с ними делать. Взяв несколько бумаг, сколотых скрепкой, Ампилов задумался. Поразмыслив несколько секунд, он неожиданно спросил:

– Кстати, а подписи подделывать Вы умеете?

– Нет, что вы, Валентин Аркадьевич! Избави Бог! Никогда в жизни этого не делал! Это против моих правил, в конце концов, – запротестовал Романченко.

– Да? А жаль! Нам как раз нужен такой человек! Может, попробуете? Вот Вам образец. А вот бумага. Берите сколько нужно и тренируйтесь. Вдруг получится? А я приду часа через полтора. Вот ключ от кабинета. Но без меня, пожалуйста, не уходите. Можно только в туалет выйти минут на пять. Так как, а? – спросил Ампилов, выжидательно уставившись на Алешку суровым взглядом.

– Не знаю, ей-Богу... – засомневался Алешка.

– Никаких «не знаю». Да или нет?

– Да, конечно. У меня выхода нет, – сказал, вернее, прошептал Алешка.

– Это уже лирика. Оставим ее поэтам. Все. Я пошел. Телефон я переключу на секретаря, – он щелкнул тумблером. – Успеха Вам.

Ампиров вышел из кабинета, плотно затворив за собой дверь. А Романченко принялся выполнять столь необычное поручение заведующего кафедрой. Это, несомненно, был шанс разрешить столь неприятную проблему, как конфликт с Ампировым. И Алешка ухватился за него с надеждой. Сначала у него получались только неуклюжие каракули. Потом стало выходить что-то вроде грубой копии предложенного образца. А после часа тренировки он уже мог одним росчерком выводить довольно неплохое, на его взгляд, подобие нужной подписи. Алешку мучил вопрос, а не провоцирует ли его Ампиров? Но выхода действительно не было. В конце концов, что он теряет?

Ампиров появился через три часа, когда у Алешки уже лопалось терпение, и он стал всерьез подумывать насчет того, чтобы уйти. Если бы он знал, что делать с ключом от кабинета, он бы наверняка ушел.

– Фу ты, черт! А я, грешным делом, совсем забыл о Вас. Голова забита всякой всячиной. Простите уж, ради Бога!

Ампиров развел руками, изображая безысходность. Разложив бумаги по папкам и кипам на столе, он обратился к Алешке, что-то при этом записывая в блокнот:

– Ну и как? Успехи есть?

– Да вот... – Алешка протянул ему лист бумаги, густо ис-

пещренный фальшивыми подписями.

– О! Чудесно! Да у Вас же выдающийся талант по части подделки подписей! А я и не подозревал, что к нам на практику прислали такого талантливого специалиста!

Он вынул из папки несколько бумаг и протянул Романченко.

– Вот здесь, пожалуйста, подпишите. Отлично! Теперь вот здесь. И здесь тоже. Ну, прямо лучше самого главбуха! Это его подпись.

Складывая в папку бумаги, которые только что подписал Романченко, Ампиоров с улыбкой добродушно разъяснял:

– У нас на полигоне идет строительство. Нужны гвозди позарез. Целых два ящика. Деньги по теме есть, гвозди на складе тоже. Старый финансовый год закончился, новый не начался. Главный бухгалтер не подписывает требования, поэтому склад не выдает. Не стоять же строительству – оборонная тематика! Приходится обманывать! Не для себя же – для государственного дела, в конце концов! В хозяйственных делах иначе нельзя – тогда ничего не сделаешь. Потом ведь за то, что не управились, штаны снимут. С кого, по-вашему? С меня, конечно. Причина никого не интересует. Недавно шел фильм «Призраки в замке Шпессарт» – не смотрели? Так вот, там пели песенку с замечательными словами: «Важнее всего результат! Чики-чики-чики-чик, чики-чики-чики-чик», – пропел Ампиоров без намека на слух, дирижируя авторучкой. – А так – поругают, что мы здесь

поступили незаконно, и все. Пусть ругают, налагают взыскание, леший с ними! Переморгаю как-нибудь, не в первый раз. Лишь бы дело двигалось. Законы, конечно, дурацкие. Будь я министром, я бы их поломал. – Ампилов заговорщически усмехнулся. – Как видно, только поэтому меня туда не назначают. Вот и выкручиваемся, как можем. В рамках допустимого, разумеется.

Ампилов снял трубку и набрал номер.

– Надя! Найдите, пожалуйста, Кошевого и скажите, пусть подготовит «газик» и зайдет ко мне. И вы тоже зайдите. Вместе с ним. Пойдем на склад гвозди получать. Подпись главбуха уже имеется. Только не разванивайте, пожалуйста. Скажите Кошевому, чтобы был готов сразу же на полигон ехать. Гвозди отвезти. Документы я оформил. Все. Вперед!

Он с удовлетворением положил трубку и принялся протирать очки желтым лоскутком тонкой замши.

– Что ж, Романченко, будем считать, что Вы в достаточной мере искупили свои грехи. Все! Спасибо. Идите домой. Завтра будьте к восьми ноль-ноль. За Ваши выдающиеся заслуги перед кафедрой мы уж как-нибудь постараемся придумать, что Вам делать на преддипломной практике.

Юлий Гарбузов

26 декабря 2004 года, воскресенье

Харьков, Украина

17. Собеседование

– Элеонора Спиридоновна! Зайдите ко мне в кабинет – Ваше участие требуется! – сказал Ампилов, войдя в лабораторию, где сидели Шорина и Буланова в окружении студентов.

– Сейчас, Валентин Аркадьевич. Вот только еще двоих студентов отпущу! – с озабоченным видом ответила Шорина и обратилась к сидевшему напротив вихрастому парню. – Так какой у Вас получился график? Правильно, с точкой перегиба.

Через десять минут она вошла в кабинет Ампилова. Он, не отрываясь от телефона, кивнул ей, предлагая сесть.

– Осталось получить последнюю подпись! – кричал он в телефон. – На следующей неделе от меня приедет человек! Он привезет все бумаги!.. Сто процентов!.. Да!.. Конечно!.. Все. До свидания. Меня тут ждут!..

– Я Вас слушаю, Валентин Аркадьевич. Только я ненадолго. Там студенты ждут.

Ампилов понимающе кивнул и напоследок прокричал в трубку:

– Все! Я перед этим позвоню!.. Будьте здоровы!

Он положил трубку, хоть оттуда еще продолжали что-то говорить.

– Элла, Вы можете отпустить их за полчаса?

– Ну, если Вы приказываете... – кокетливо улыбаясь, ответила Шорина. – А потом скажете, что я «халтуру гоню»? Да?

Она по-боевому выпятила груди.

– Не язвите, Элла. В интересах кафедры один раз можно. Идите, освобождайтесь поскорее. Я буду ждать Вас.

Как договорились, через полчаса Элеонора снова сидела в кабинете шефа и со вниманием слушала.

– Вот, – сказал он, протягивая ей бумагу, – мы, наконец, можем взять трех старших преподавателей с половинной нагрузкой по той самой статье «тридцать два – вз»!

– Поздравляю, Валентин Аркадьевич! – неподдельно радовалась Шорина, рассматривая бумагу. – Вы столько за них боролись! Действительно, нет крепостей, которые нельзя взять! Ну и шеф у нас! Сразу три единицы!

– Ладно, ладно, – улыбался шеф. – Я хотел бы выслушать Ваше мнение о кадровых перестановках на кафедре.

– Старших, я думаю, можно дать Булановой, Краус и Кускову. Две ассистентские половинки, оставшиеся от Булановой и Краус, отдадим инженеру Сойкиной. Мы уже год, как пообещали ее мужу – Борисову. Остается половинка ассистента от Кускова. Надо помозговать, что можно с нею сделать, – сходу по-деловому рассудила Шорина.

– Нагрузку преподавателей мы можем распределять, как пожелаем. Кускова можно и на полную нагрузку. Он, я думаю, возражать не будет. Повышение ведь! К тому же он –

единственный мужчина из повышаемых, – предложил Ампилов.

– А если так – нагрузку Булановой, Краус и Кускова распределим равномерно на троих, чтобы никого не обижать. В результате полностью освобождается ставка ассистента Кускова. На эту ставку оставим кого-нибудь из выпускников этого года.

– Последнее не годится. Нужно заполнить все единицы до Нового года. Иначе отберут, – несколько озабоченно возразил Ампилов.

Он взял у Шориной бумагу и принялся изучать ее, словно там можно было найти нужное ему решение.

– Тогда кого-то придется взять со стороны, Валентин Аркадьевич. Хоть Вы и не любите брать в преподаватели непроверенных людей.

– Верно, Элла. Думайте, ищите. Будем обсуждать. А так, сходу, Вам никакая кандидатура не напрашивается?

– Пока нет, Валентин Аркадьевич. Спрошу у Вальки Коротченко. Возможно, он предложит кого-либо из своих сокурсников.

– Давайте сейчас и спросим. Он, я видел, сидит в лаборатории измерений, студентами обсиженный. Отрабатывает свою аспирантскую учебную нагрузку. Они там в паре с Краус. Пусть она сама пока поведет, а его попросите зайти на пару минут.

– Да, действительно. Я забыла. Сейчас позову.

Шорина тихо притворила за собой дверь и направилась в лабораторию. Краус сидела в дальнем конце помещения и увлеченно беседовала со студентами. Она даже не заметила появления Шориной. Коротченко стоял у лабораторного стола и что-то объяснял двум смазливой девицам, вращая ручки приборов. Когда Валентин обратил на нее внимание, Шорина поманила его пальцем. Оборвав на полуслове объяснение, он подошел к Элеоноре.

– Что там случилось, Элеонора Спиридоновна?

– Зайди к шефу. Ты ему срочно нужен.

– Чего еще ему не хватает? – несколько встревожено спросил он.

Валентин тревожился всякий раз, когда шеф приглашал его для беседы, имея при этом абсолютно чистую совесть. Он относил это за счет недавней студенческой привычки – бояться преподавателей, особенно такого ранга, как Ампиоров.

Шорина, оставив его вопрос без внимания, уверенной походкой шла к кабинету шефа. Коротченко, поправляя на ходу галстук и одергивая пиджак, шел за нею с чувством настороженности в душе. Элеонора вошла первой, как и подобает даме, а Валентин – вслед за нею.

– Вот, – заговорщически улыбаясь, сказала Шорина, – я привела к Вам Валентина Прокофьевича.

– Отлично, Элла. Сядьте оба. Валентин, Вам не говорила Элеонора Спиридоновна, зачем я Вас пригласил?

– Нет, Валентин Аркадьевич.

Ампиров протянул ему бумагу, которую несколько минут тому назад показывал Шориной.

– Мы имеем возможность взять одного преподавателя со стороны. Вы не можете порекомендовать кого-либо из своих сокурсников?

Коротченко достал носовой платок и вытер пот со лба. Он на минуту задумался, а потом его словно осенило:

– Я недавно встретил одного сокурсника из параллельной группы. Он сейчас в авиационном. Ассистентом работает. Говорил, что хотел бы вернуться в родной вуз.

– А как фамилия? – поинтересовалась Шорина.

– Очерет. Гена Очерет.

– Хороший парень. Великолепно соображал. Помню, курсовую работу по длинной линии лучше всех в группе выполнил. И защитил великолепно. Я бы его взяла, – заключила Шорина, – такой и в коллектив прекрасно впишется, и преподавать будет талантливо.

– Как, говорите, его фамилия? – поинтересовался Ампиров.

– Очерет. Гена Очерет, – сказала Шорина.

– Это не тот ли, что тогда летом на практике добросовестнейшим образом обработал данные, в отличие от своих товарищей, а мы его так незаслуженно наказали?

– Не мы, а вы, Валентин Аркадьевич, – съязвила Шорина, но шеф оставил ее укус без внимания.

– Он самый, Валентин Аркадьевич, – сказал Коротченко,

довольный тем, что его кандидатура встретила такую мощную поддержку.

– Надо брать. Тем более что мы перед ним немножко в долгу! Пригласите его завтра вечером ко мне в кабинет... – он полистал свой ежедневник, – часам, скажем, к шестнадцати. Идет?

– Не знаю, спрошу. Если он в это время не занят, то непременно придет.

Я сидел, углубившись в книги, не обращая внимания на возню, которую по обыкновению перед сном устроил мой трехлетний сын, и готовился к лекции. Моя мама подзадоривала его, а он бегал и хохотал. Галя гладила белье, иногда подхватывая ребенка на руки, с эмоциональным взвизгиванием прижимая его к себе и вновь отпуская резвиться с бабушкой. Было около девяти вечера, когда кто-то позвонил в дверь.

– Кто бы это так поздно? – удивилась мама.

– Наверное, кто-то из соседей, – ответила Галя и побежала открывать дверь.

Из прихожей послышался мужской голос, который мне показался знакомым, и Галя вошла в комнату в сопровождении Вали Коротченко.

– Здравствуйте, – сказал он, шурясь от яркого света.

– Здравствуй, Валя! Какими судьбами? – спросил я, удивленный столь поздним визитом сокурсника.

– Привет! – сказал Никитка. – А что ты мне принес?

– Ах ты бессовестный! – сказала Галя. – Разве так можно? Так воспитанные детки не говорят!

– Со мной можно, – сказал Валентин, расстегивая портфель. – Угадай, что это?

– Машина! – радостно выкрикнул Никитка.

– Почти угадал. Танк, – смеялся Валентин. – На вот, держи.

– Бабушка, смотри, какой танк мне дядя принес!

– А что надо сказать? – спросила бабушка с напускной строгостью.

– Спасибо, – ответил Никитка и побежал в соседнюю комнату, откуда тотчас донеслись звуки, издаваемые танком, который он уже гонял из одного угла в другой.

– Раздевайся, Валюша. Чайку попьем, поговорим. Ты же голодный, с работы, – пригласил я.

– Нет, Гена. Я на минуту – по делу.

– По какому еще делу? – удивился я.

– Ты, кажется, изъявлял желание вернуться в родной вуз?

– Да, было такое.

– Так вот, есть такая возможность.

– Да что ты говоришь! Неужели?

– Завтра, если сможешь, часа в четыре подойди к Ампинову. Я тебя встречу возле его кабинета и представлю. Так как, сможешь?

– Конечно! Я в это время свободен. У меня только с утра одна пара – и все. Да разденься же ты, в конце концов! Рас-

скажи, что там и как, – суетился я.

– Нет, Гена, не могу. Да и Никитке спать пора. Верно? – обратился он к вбежавшему в комнату вспотевшему Никитке.

– Нет! Я еще с танком играть буду! – громко выкрикнул Никитка.

– Хватит, – спокойно, но твердо сказала Галя. – Умываться и спать.

Валентин направился к выходу, а я пошел его проводить.

– Только смотри, – сказал Валентин на прощанье, – на ассистента не соглашайся. Проси только старшего.

– Старшего? – от удивления я чуть не упал на месте.

– Только старшего! До завтра, Гена.

– До завтра, Валюша. Ну-у, спасибо!

На другой день ровно в четыре я уже стоял у двери кабинета Ампилова. Там было темно и тихо. Но рядом, в учебной и научной лабораториях жизнь, что называется, кипела. В коридорчике трещал телефон, сотрудники без конца мотались из комнаты в комнату кто с чертежами, кто с радиоблоками, кто с инструментами. Из лаборатории прямо на меня вышел Балабин.

– Привет, Виталик!

– Здоров, Гена. Прибыл к нам на должность старшего преподавателя? Слышал, слышал о твоём приходе на нашу кафедру.

– И ты считаешь это возможным?

– Да. Я слышал, что есть такая возможность. Извини – у меня работа. Я побежал.

Виталик ушел, а я остался дожидаться Коротченко.

Прозвенел звонок. Из учебной лаборатории вышла Шорина с бумагами подмышкой.

– О! Знакомые все лица! Кого я вижу!

– Здравствуйте, Элеонора Спиридоновна! Вы меня помните?

– Ну – Вы незабываемы! Чего это Вы решили к нам навестись?

– Да вот, слышал, что есть возможность возвратиться в альма-матер.

– Очень приятно. Только немного подождите. Сейчас Валентин Аркадьевич придет. Он ждет Вас и надеется, что Вы согласитесь у нас работать.

– Даже так?

– Да, он помнит Вашу работу на полигоне и чувствует себя перед Вами немного виноватым. Так что надейтесь, но сами ему об этом не напоминайте. Он этого не любит. Что Вас побудило вознамериться вернуться в родной вуз?

– Многое. Авиационный – не мой институт. Там сейчас такое творится! Сплошь демобилизованные полковники у власти. Все свои военные порядки наводят, поучают. А сами в высшей степени безграмотны! Вы себе не представляете!

– Представляю! Еще как представляю! Это мне говорили. Время такое. Турнули их из военных вузов – там они

все окончательно разложили. Их начальство ведет политику оздоровления высшего военного образования. А наших, гражданских преподавателей я имею в виду, призывают служить в военные училища и академии. Лучших, конечно! Так эти полезли в гражданские вузы. Хотят, чтобы здесь все стало так, как было у них. Тут столько новых факультетов организуется, а у них все атрибуты налицо: степени, звания, публикации, стаж и прочее. В нашей альма-матер их тоже хватает. В учебной части засели и на некоторых кафедрах. Наш факультет пока сопротивляется. Но Вы можете не тревожиться – на нашу кафедру шеф их не допустит. Он их терпеть не может. Кстати, вон он идет.

После короткой паузы она добавила почти шепотом:

– На ассистента не соглашайтесь. Только на старшего, понятно?

Ампиров вошел в коридор в сопровождении Коротченко. На вид ему было лет сорок пять, не больше. Заметно располневший за последние несколько лет, он производил впечатление заведующего парикмахерской, баней или вокзальной столовой. Костюм на нем был, как и ранее, помят, брюки вытянуты на коленях, рубашка не первой свежести с расстегнутым воротником и без галстука.

– Валя, займитесь этим прямо сейчас. На «потом» не откладывайте ни в коем случае. Завтра шестичасовой электричкой на полигон. А то Дашук и Кондаков свои блоки настроили, а без вашей части их, разумеется, не состыкуют. О

занятиях не беспокойтесь. Я сам позабочусь. Вот и Элла. Ее и попросим. Элла, найдите Валентину замену на недельку. Срочно нужно.

– Хорошо, Валентин Аркадьевич. Вот – знакомьтесь. Бывший наш студент, а теперь ассистент авиационного института Гена Очерет.

– Да мы успели познакомиться несколько лет назад при не весьма лестных для нас обстоятельствах. К сожалению. Здравствуйте, Геннадий... Как, простите, Ваше отчество?

– Алексеевич. Для Вас – просто Гена.

– Спасибо, Гена. Вы немного тут поговорите с Эллой и Валентином, а я минут пять по телефону кое-что улажу. Идет?

– Хорошо, Валентин Аркадьевич.

Ампиров вошел в кабинет, а мы с Шориной и Коротченко отошли чуть подальше, чтобы не слушать, о чем он будет говорить по телефону.

– Здравствуй, Валя, – поздоровался я, наконец, с Коротченко.

– Здоров, Гена. Рад тебя видеть у родных пенатов.

– Ты знаешь, увидел Элеонору Спиридоновну, тебя, Балабина и опять почувствовал себя студентом. Как будто никогда и не был преподавателем.

– Ничего, скоро почувствуешь себя преподавателем и у нас. Вот поработаешь чуточку, сразу войдешь в роль, – шутила Шорина, бесцеремонно переходя на «ты».

– Привыкнешь, Гена. В науку войдешь, с нами в Африку

поедешь, – приветливо улыбаясь, добавил Коротченко.

– Насколько я понял, Валя, Африка – это пока еще только слова.

– Нет, этим летом мы едем в Африку. Совершенно точно. В это время открылась дверь кабинета Ампинова, и он любезно пригласил меня войти.

– Валя, – обратился он к Коротченко, – помните, завтра первой электричкой. Приедете – немедленно позвоните мне оттуда. Расскажите как добрались и какова там обстановка на самом деле. Все. Садитесь, Гена.

Я сел и окинул взглядом ампиновский кабинет. На стенах висели учебные плакаты, какие-то политические призывы и большие электронные часы. На полу стояли катушки с обмоточным и монтажным проводом, лежали бухты кабелей, стояла почти полная двадцатилитровая бутылка, на которой синим была написана химическая формула этилового спирта, а ниже – слово «Этанол». Один на другом стояли какие-то ящики, на них небрежно лежали листы новенького ватмана, рулоны кальки и пакеты копировальной бумаги. Здесь же стояли коробки с высокочастотными лампами, разъемами и прочей дефицитной радиотехнической дребеденью.

– Вы простите, у меня редкий беспорядок. Приходится все дефициты хранить у себя. Иначе разворуют ведь! Вы же радиоинженер и хорошо знаете.

Я понимающе кивнул. Зазвонил телефон.

– Слушаю, Ампинов!.. Что? Техосмотр?.. Никаких тех-

осмотров! Это машина для внутритропических перевозок! Слышали? А что касается ее технического состояния, то за этим смотрит Кошевой. Об этом все! Скажите лучше, как там МАРС?.. Работает?.. Сегодня ночью излучать будут?.. Дай-то Бог! Что еще у Вас ко мне? Все? До свидания!

Положив трубку, он улыбнулся и резко сменил раздраженный деловой тон на исключительно любезный и доброжелательный:

– Геннадий Алексеевич, почему Вы вознамерились поменять работу?

– В авиационном ужасный беспорядок, Валентин Аркадьевич. Кто что хочет, тот то и делает...

– А Вы думаете здесь иначе? Страшный бардак! – сказал Ампилов с акцентом на последнем предложении.

– Может быть. Но я знаю и политехнический, и авиационный. Сравнение не в пользу последнего. Кроме того, сплошь хозяйничают бывшие военные. Просто «хунта черных полковников»! И еще, там не наука, а профанация. Лаборатория космической связи уважаемого Леонида Александровича Лешина не что иное, как бутафория.

– Да? А он вот пару недель назад на всесоюзной конференции по распространению радиоволн докладывал о своих успехах. Все в области изучения распространения радиоволн в турбулентной плазме – в условиях дальнего и сверхдальнего космоса. Председатель был впечатлен, я Вам скажу!

– Скажу Вам по секрету, что изучалось это в ванне из орг-

стекла с дистиллированной водой.

Он как-то по-детски улыбнулся.

– Что Вы говорите?! Как это, радиоволн – в ванне?

– Да, представьте себе. С одной стороны они светят в эту ванну гелий-неоновым лазером, с другой детектируют лазерный луч. А турбулентность создают ультразвуковым вибратором посередине. Лешин утверждает, что по теории подобия доказал идентичность...

– Ясно! Не проверишь же! Ха-ха-ха!

– Я отказался в этом участвовать. Вот, хотел бы у Вас...

Опять зазвонил телефон.

– Слушаю, Ампилов!.. Что-что?

Он молчал, а из телефонной трубки непрерывным потоком журчала чья-то быстрая речь. Ампилов несколько отвел от уха трубку и взглянул на меня, саркастически улыбнувшись. Смеясь, он то прижимал ее к щеке, то отводил в сторону. Наконец трубка замолчала, и из нее послышалось:

– Алло! Алло! Валентин Аркадьевич, Вы меня слышите?

– Да! Слышу! Простите, но эти изоляторы имеют такое же отношение к нашему передатчику, как папа Павел Шестой к тому, что делается у меня на кафедре! Вы мне хотели еще что-то сказать? Нет? Тогда будьте здоровы.

Он положил трубку и продолжил:

– Наука у нас, конечно, на высоте. Вот в этом году намечается экспедиционная поездка в Сомали. Юридически все уже оформлено. И рекомендовавший Вас Валентин Корот-

ченко тоже едет. В должности замначальника экспедиции, между прочим. И еще один Ваш сокурсник – Виталий Балабин. И Андрей Нерубенко, но он на пару лет старше, Вы же его знаете?

Я молча кивнул.

– Вот я и хотел бы к Вам в науку, Валентин Аркадьевич.

Ампиров посмотрел на свои руки и улыбнулся, словно там было написано что-то смешное.

Раздался телефонный звонок.

– Алло! Это Валентин Аркадьевич... Что? Бураки? Какие бураки?.. Мы бураками не занимаемся! Это кафедра основ радиотехники!

Он небрежно повесил трубку.

– Наука – это дело такое, – продолжил Ампиров, – но там у нас пока все штатные должности заняты. Мы не можем плодить количество секторов до бесконечности. Скажу честно – набираем преподавателей. Статья «тридцать два – вз». Слышали о такой?

– Нет, не слышал.

Опять зазвонил телефон. Ампиров сделал кислую физиономию и взял трубку.

– Слушаю, Ампиров! Здравствуйте!.. С какого склада?.. Ага, ясно!.. Психрометры? Какие еще психрометры?.. На кой, простите, хрен они мне согнулись?.. Сроду не заказывал!.. Нет! Это ошибка!

Он швырнул трубку на аппарат и продолжил, как ни в чем

не бывало.

– Это статья для кафедр, занимающихся наукой по большому счету. Как наша, например. По этой статье зачисляются преподаватели с половинной учебной нагрузкой. Предполагается, что они в этой самой науке принимают непосредственное участие. Так что Вы имеете шанс убить двух зайцев. И преподавательское место заполнить, и в нашу науку вклиниться. Что Вы там преподаете?

– Читаю лекции по приемникам и усилителям. Веду лабораторные, практические и курсовые по этим же дисциплинам да еще по передатчикам и теории передачи информации.

Ампиров вздернул одну бровь:

– Вундеркинд?!

– Почему вундеркинд? – смутился я. – Заставляют. Некому больше.

Снова зазвонил телефон.

– Слушаю, Ампиров!.. Кого?.. Исака? Здесь нет Исаков!

Он с досадой водворил трубку на место.

– Простите. Ясно. У нас Вы будете по началу преподавать «Общую радиотехнику» для физиков и «Радиотехнику и радиолокацию» для новой специальности «Автоматическое управление движением летательных аппаратов» на инженерно-физическом факультете. Ну, и еще кое-что. А там, если покажете себя способным, трудолюбивым и квалифицированным – и наши основные дисциплины: «Радиоцепи и

сигналы» и «Электродинамику». Возражения есть

«Какие там возражения, – думал я, – лишь бы зацепиться за эту кафедру! Моя мечта еще со второго курса!»

– Хорошо, согласен, – ответил я.

– Ассистент – Вас устраивает эта должность?

Очередной телефонный звонок дал мне время сосредоточиться и как следует обдумать ответ.

– Кафедра!.. Здравствуйте... Из райвоенкомата?.. Это заведующий кафедрой... Меня – профессор Ампилов. Валентин Аркадьевич... Кого? Дащука? Он в командировке. – Ампилов пренебрежительно поморщился, – Нет, не могу...

Из трубки до моего слуха доносились обрывки чеканной речи с металлическим командирским оттенком. Ампилов слушал и пренебрежительно морщился.

– У вас план призыва, а у меня – правительственное задание первостепенной важности. Вам все равно кого призвать, а у меня некому правительственное задание выполнять!.. Новому здесь не меньше года в курс дела входить надо, уважаемый товарищ полковник!.. Тогда призовите кого-нибудь из инженеров проектных институтов, которым на работе не хрен делать – откуда без конца то канавы рыть посылают, то в колхоз, то на овощную базу, то на тракторный завод, то еще черт знает куда! Масса наших выпускников жалуется, что работают таким образом! Им, может быть, ваш призыв и на пользу пойдет! А то они на месте просто квалификацию теряют!.. Ректору? Звоните! У Вас все?.. Будьте

здоровы!

«Что мне делать? – думал я. – Все: и Коротченко, и Шорина, и Балабин говорили, что речь идет о старшем преподавателе. Что же делать? Согласиться? Еще не известно, справлюсь ли я. Но нужно же хоть что-то выиграть, если перейти. Вдруг уходить, так чтобы хоть было с чем. Блефонуть, что ли?»

– Так на чем мы с вами остановились? Ах, да! Ассистент – Вас эта должность устраивает?

Снова зазвонил телефон. Ампилов чертыхнулся и резко поднял трубку:

– Ампилов слушает!.. Да!.. Нет, не надо!.. Так, я знаю откуда это идет! У нас открылась фи-и-ирма! По ремонту приемников, телевизоров и прочего хлама! Называется «Кошевой и иже с ним»! Я ее прикрою! Считайте, что уже прикрыл! Это наверняка они заказали... Нет, не берем! Все, по этому поводу больше сюда не звоните!

Ампилов положил трубку, но телефон тут же громко зазвонил снова.

– Кафедра – Ампилов! Кого? Кошевого? Нет его – на полигоне! Месяц там еще будет! Как минимум! Не звоните все это время!

Положив трубку, Ампилов щелкнул тумблером, выбежал из-за стола и, чуть приоткрыв дверь, закричал секретарше:

– Лара! Я переключил на Вас телефон! Для всех я занят! С человеком поговорить не дают! Разве только что-то экс-

тренное! И скажите Кошевому, что я категорически возражаю против его занятий ремонтом приемников и прочего! И даже в нерабочее время! Мне от его клиентуры житья нет! Я здесь просто как диспетчер при Кошевом! Все!

Он снова сел за стол. Его лицо раскраснелось и полыхало, как медный самовар.

– Вам ясно положение дел? А то Коротченко, может, наобещал Вам горы золота?

– Нет, он не обещал ничего. Прислал к вам – и все. Но я, честно говоря, рассчитывал на должность старшего преподавателя. А то и учебные дисциплины более низкого уровня, и должность та же, и вообще все с нуля. А когда конкурсная комиссия на замещение вакантных должностей?

– Насчет старшего преподавательства впервые слышу. Вот. А Вы говорите, не обещал горы золота! Что можем, то можем. А чего не можем, того, извините, не можем. Кстати, по статье «тридцать два – вз» преподаватели зачисляются на пять лет по приказу, без конкурса. Подумайте.

– Подумаю, – ответил я, видя, что Ампиоров несколько разочарован. – Какой срок Вы мне отводите на обдумывание?

– Неделю, не больше. Иначе должность отдадут на другую кафедру. У Вас еще вопросы ко мне есть?

– Пока что нет.

– Ну, тогда до свидания, – он протянул руку. – Взвесьте все как следует, по-мужски.

– Постараюсь, Валентин Аркадьевич. До свидания!

Я вышел из кабинета и направился к выходу. На лестничной площадке меня ожидал Коротченко. С обычной добродушной улыбкой он спросил:

– Ну как? Столковался с шефом?

– Не очень, Валюша. На ассистентство я пока не согласился, а старшего он давать не хочет. Но мне-то и в самом деле, какой толк менять шило на швайку?

– Правильно сделал, что отказался. Он вечно комбинировать да выгадывает! Если ты ему понравился, возьмет тебя и старшим. А если нет – и «ассом» не возьмет. Иди и жди. В конце-то концов, ты ничего не теряешь. Разузнаю – разыщу тебя на работе по телефону. Ну, терпения тебе, удачи и бодрости духа! Пока, старый!

– Пока, Валюша! Спасибо за поддержку.

Обменявшись рукопожатиями, мы тепло расстались. Я шел домой и думал: «Повезет – не повезет»?

Юлий Гарбузов

13 февраля 2002 года, среда

Харьков, Украина

18. Возвращение в альма-матер

Войдя в преподавательскую, я увидел на фоне окна, залитого ярким зимним солнцем, нашего престарелого заведующего, который сидел за своим двухтумбовым столом и что-то писал. Он поднял голову и, взглянув на меня сквозь очки в старомодной оправе, добродушно улыбнулся.

– Здравствуйте, Дмитрий Кузьмич! – поздоровался я, небрежно бросив на стол папку с конспектом.

– Здравствуйте, Геннадий-свет-Алексеевич! Как здоровыце? – ответил он с интеллигентной улыбкой, откладывая авторучку.

– Спасибо. В порядке пока что. А Ваше?

– Как говорится, Вашими молитвами. Вам тут звонили из политехнического. Из Вашей альма-матер, так сказать. Телефончик я записал, только куда вот я задевал его...

Он порылся в бумагах на столе и выудил, наконец, нужную.

– Да вот же, – он протянул мне записку. – Звонивший назвал свою фамилию. Как же его, дай Бог памяти... Нет, не вспомню. Простите, записать не успел. А телефон здесь. Приятный такой молодой голос. Бархатный баритон с красивым украинским акцентом.

«Это, несомненно, Коротченко. Интересно, какие же там новости», – подумал я и, взглянув на стариковские каракули

Дмитрия Кузьмича, понял, что не ошибся.

– Он кланялся Вам и просил позвонить ему, как только освободитесь. Ну, звоните. А я пойду, чтобы не мешать вашей беседе, – сказал Дмитрий Кузьмич и поднялся со стула.

– А у меня, Дмитрий Кузьмич, секретов нет, – слукавил я. – Так что уходить Вам, ей-Богу, не стоит.

– Я не люблю смущать людей своим присутствием. Звоните, а то он уже, наверное, заждался Вас.

Дмитрий Кузьмич вышел из преподавательской, а я набрал номер. Было занято. Я повторил. Опять занято. Где-то, наверное, с десятого или двадцатого раза ответил певучий голос ампировской секретарши:

– Кафедра.

– Здравствуйте. Коротченко Валентина Прокофьевича можно?

– Здравствуйте. Сейчас. Подождите минуточку. А кто спрашивает?

– Однокурсник его, Очерет моя фамилия.

– Попробую его найти. Пожалуйста, не кладите трубочку.

Через пару минут в трубке послышался спокойный голос Коротченко:

– Алло. Коротченко у телефона.

– Валя, это я, Гена Очерет. Ты звонил?

– Да, Гена. Приходи. Кажется, твой вопрос решен положительно. Только прежде чем идти к шефу, найди, пожалуйста, меня. Ты когда сможешь, чтобы я шефа предупредил?

– Сегодня в шесть вечера. Раньше не получится. Он будет в это время?

– Годится. У него как раз в семнадцать сорок лекция заканчивается. Я буду в лаборатории. Спросишь – Лара меня позовет. Ты ведь ее уже знаешь?

– Да, в прошлый раз успел познакомиться.

– Ну, тогда до вечера.

– До вечера, Валюша. Будь здоров.

Я подошел к двери кабинета Ампилова и посмотрел на часы. Без пяти шесть. За дверью было темно, а возле нее стояло несколько человек. Я прошел дальше по коридору и остановился у стола секретарши. Она вопросительно подняла глаза, но, узнав меня, приветливо улыбнулась.

– Валентин Аркадьевич сейчас на лекции. Вот-вот будет здесь. Он помнит, что Вы должны прийти. Просил подождать его возле кабинета.

– Спасибо, Ларочка. А где я могу найти Коротченко?

– Минуточку. Сейчас я ему скажу.

Лара встала и, грациозно покачивая бедрами, пошла искать Коротченко. Через минуту он вышел из лаборатории и подошел ко мне. В его усталых глазах светились искренность и доброжелательность.

– Здоров, Гена.

– Привет, Валя.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Гена, шеф решил тебя брать старшим. Было заседание

кафедры. Если он снова попытается уговорить тебя на ассистента, не соглашайся ни в коем случае. Смело отказывайся. Понял?

– Ясно, Валя. Да я и так не пойду. Я же говорил, что мять шило на мыло не собираюсь.

– Вот и хорошо. Он о тебе справки наводил. Говорит, все отзывы хорошие. Правда, в недисциплинированности кто-то там обвинил. Но шеф сказал, что это вполне исправимо и свойственно всем молодым людям. Будет тебя провоцировать – не поддавайся. От него чего угодно ожидать можно. Уж я его за четыре года со всех сторон изучил! Так. Вот он идет. Давай, – он дружески хлопнул меня по плечу. – Потом зайдешь – расскажешь как все было. Удачи.

– Спасибо, Валя. Пока.

– До встречи.

Я подошел к кабинету Ампинова, когда тот был в двух шагах от двери.

– Вы тоже к Валентину Аркадьевичу? – спросила белокурая женщина лет тридцати. «Блондинка не натуральная – крашенная», – отметил я про себя.

– Да, а что?

– За мной будете.

Ампинов, кивком поздоровавшись со всеми, протянул блондинке перепачканный мелом ключ. Его пиджак, руки и даже нос были тоже в мелу.

– Открывайте, Надя. Входите все, а я пойду, руки помою

после лекции. Ужас, как не люблю ощущения мела на руках!

Мы вошли и сгрудились около стола. Все молчали в ожидании Ампилова. За дверью послышались шаги и громкий голос Шориной. Дверь распахнулась во всю ширь, и она хозяйски вошла в кабинет шефа. Высокая, статная, дородная, румяная, ни дать – ни взять кустодиевская красавица. А следом и хозяин кабинета – собственной персоной.

– Здравствуйте, кого не видела, – непринужденно сказала Шорина, заметно картавя. – О, да здесь старые знакомые! Ну как дела? – обратилась она ко мне.

– Как говорится, Вашими молитвами, Элеонора Спиридоновна, – ответил я, подражая своему заведующему.

– Что же, поговорим, – она посмотрела на часы.

Тем временем Ампилов, вытирая руки носовым платком, обратился к крашеной блондинке:

– Надя, что там у Вас?

– Вот. Требования подпишите, пожалуйста, Валентин Аркадьевич.

Вклинилась Шорина:

– Валентин Аркадьевич, Вы опять вытираете руки носовым платком? А где та беленькая тряпочка, которую я специально для Вас приготовила?

– Честное слово, Элеонора Спиридоновна, не помню, куда я ее задевал. Потом поищу.

– Зачем искать? Просто скажите – я Вам новую принесу. Надя, у тебя что, ветоши чистой нет? А вообще-то, надо бу-

дет Вам купить полотенце для рук.

– Есть, конечно, – оправдывалась блондинка. Вот, подпишет Валентин Аркадьевич – принесу целый ворох.

Ампиров взял из ее рук бумаги и стал читать.

– Это для кого?

– Для Стратонова, – ответила Надя.

– Зачем ему столько? Что он с ними делать собирается – торговать, что ли? Шести штук с него хватит, а то у каждого свой собственный склад, – он подписал одним росчерком. – А это что?

– Это для Матусенко.

Ампиров с минуту изучал список.

– Передайте Матусенко, что детали для телевизоров продаются в магазине на Горяинском. Пусть пойдет и купит за свои денежки, если ему так надо для его бизнеса. Нечего промышлять за счет кафедры, – он вернул ей бумагу без подписи. – У Вас все?

– Все, – ответила Надя и направилась к двери.

– А Вы с чем? – обратился он к мужчине лет сорока, который держал подмышкой толстую кожаную папку.

– На нашу стройку привезли трубы немножко не того типа, что мы заказывали.

– А чем эти хуже?

– Ничем, только лучше. Но они чуть дороже.

– А в смету укладываемся?

– Пока что резерв есть. Но если и дальше так пойдет...

– С этим – к прорабу. Тугун – специалист грамотный.

Узнайте его мнение, потом мне скажете.

– Да я только от Тугуна. Он к Вам меня послал.

– Скажите – на его усмотрение. Теперь все?

– Все, Валентин Аркадьевич.

– Будьте здоровы. А Вы насчет чего? – спросил он высокого парня в очках с тонкой, почти невидимой оправой.

– Нам на полигон нужен сварочный аппарат. Вы в курсе?

– У вас же есть сварочный аппарат. Недавно получили.

Чем он вас не устраивает?

– Он маломощный.

– Ну и что же?

– Ток слабоват. Медленно работает. Пока сделаешь один шов...

– Так! Работайте пока на том, что есть. Я постараюсь позаботиться насчет этого. После Нового года. Финансовый год кончился. Главбух никаких бумаг не подписывает. Не спорю – законы идиотские, но не я их писал. Я всегда и всем повторяю, что если бы я был министром, я бы это положение отменил. Но, видимо, только поэтому меня туда не назначают. Все. Езжайте немедленно на полигон. Продукты пока есть?

– С продуктами порядок. Но сварочный аппарат нам позарез нужен.

– Неужели я неясно выразился? Зачем Вы меня заставляете повторять только что сказанное? Я здесь не граммофоном работаю. Все! Завтра первой электричкой на полигон. И по-

заботьтесь о связи полигон – кафедра. Телефон ни к черту. Пусть там Збирный радиостанцию налаживает, а не отсыпается, как медведь в берлоге. Так ему и передайте дословно. До свидания!

– До свидания, Валентин Аркадьевич! – молодой человек вышел из кабинета.

Ампиров, наконец, уселся за свой стол.

– Так. Кажется, всех растолкал по своим углам. Детский сад, да и только! Всем нянька нужна! За каждым с ночным горшком ходить приходится! Когда они, наконец, повзрослеют? Садитесь, Элла. И Вы тоже, – кивнул он мне.

Мы послушно сели. В это время вошла Надя и положила в шкаф жмут белых тряпок.

– Вот – хватит пока что? – спросила она.

– Пока хватит. Спасибо, – поблагодарил Ампиров и, повернувшись в мою сторону, дал понять, что с Надей разговор закончен.

Шорина встала, по-хозяйски открыла шкаф и начала аккуратно укладывать на полочку лоскуты, принесенные Надей

– Элла, потом, пожалуйста. Давайте решим с Геннадием..., простите, как Ваше отчество?

– Алексеевич. Можно и без отчества. Не при студентах ведь.

– Спасибо, Геннадий Алексеевич. Но у нас так не принято.

– Вы разговаривайте, а я тем временем буду укладывать, – сказала Шорина.

– Так, Элла. Потом. Садитесь, пожалуйста, сюда. А то и Вы отвлечены, и мы концентрируем внимание на этих тряпках. А мне Ваше участие нужно. Не надо раздваиваться, – возразил Ампилов.

– Вы же сами нас всегда учите работать параллельно, – съязвила Шорина.

Положив на полку последний лоскут, Шорина закрыла шкаф и, самодовольно улыбаясь, села к столу.

– Вот и все. Слушаю Вас, Валентин Аркадьевич.

– Я очень рад, Элла. Геннадий Алексеевич, мы обсуждали на кафедре Вашу кандидатуру. По большинству голосов решено взять Вас старшим преподавателем. Так, Элеонора Спиридоновна?

– Так, – подтвердила Шорина и искоса взглянула на меня с ободряющей улыбкой.

Резкий телефонный звонок нарушил ход нашей беседы.

– Слушаю, – ответил Ампилов.

Он закрыл микрофон ладонью и, обращаясь к нам с Шориной, сказал с откровенным раздражением:

– Наш мудрейший декан. Очередная проверка кафедры...

Шорина демонстративно вздохнула, выражая полную солидарность с шефом. Ампилов молча слушал декана и морщился. Наконец, выждав паузу, он бесцеремонно вклинился:

– Уважаемый Антон Василич! Сколько можно устраивать

проверок? Нет, Вы уже достаточно говорили – я слушал. Теперь, пожалуйста, послушайте Вы. С сентября месяца мы только и делаем, что готовимся к проверке за проверкой. То ректорат, то учебная часть, то партбюро, то партком, то обком, то райком, то еще какой-нибудь «ком», а теперь вот и Вы. И все отнимают у нас время. Когда ж это кончится? Работать некогда – понимаете?

Из трубки вновь затарахтели, как из пулемета. Ампиров заорал, не дожидаясь паузы:

– Антон Василич! Я понимаю, что заставляют. Но мы-то люди. И работать нам тоже нужно. Да напишите Вы в отчете, что проверяли нас, и все! И Вам проще, и нам работать легче, – он снова замолчал, а трубка возобновила словесный поток.

Лицо Ампирова покраснело от негодования, и он вновь перебил словоохотливого декана:

– Теперь послушайте меня. Мы же с Вами свои люди и должны понимать друг друга и помогать, чем можем. Напишите нам любые недостатки, я подпишу. Достоинства? Тоже любые – в допустимых пределах, разумеется. Вот, Элеонора Спиридоновна рядом – она Вам поможет, недавно участвовала в подобной акции со стороны профкома. У нее, кажется, и черновики сохранились. Тем лучше – обе проверки согласованы будут. Она зайдет к Вам минут через тридцать-сорок, – он вопросительно посмотрел на Шорину, и она кивнула в знак поддержки. – Договоритесь в рабочем поряд-

ке. Все. Извините, у меня здесь собеседование. С человеком, который дал согласие работать у нас старшим преподавателем по тридцать два «вэ», помните? До свидания.

Ампиров положил трубку и щелкнул тумблером, переключая телефон на секретаршу.

– Фу! Заморил своим многословием. Так о чем это я, простите, с Вами? Ах, да! О Вашей будущей нагрузке, Геннадий Алексеевич. Вам предлагаются два курса лекций: радиопередачи и общая радиотехника для инженеров-физиков. И еще – курсовые, практические и лабораторные работы по этим же дисциплинам, а также по радиоцепям и сигналам. Вас устраивает?

– Устраивает, – ответил я, с трудом подавляя волнение.

– Отлично. И еще. Мы здесь прослышали о ваших нарушениях дисциплины. Надеюсь, что Вы за это время повзрослели, и у нас это будет исключено. Обсуждать не станем – это я для того, чтобы Вы знали, что мы тут в курсе всей Вашей биографии в период работы в авиационном. Мы интересовались Вами по неофициальной линии, прежде чем принять решение о том, чтобы взять Вас на должность старшего преподавателя. Сейчас от Вас требуется заявление на имя ректора, заполненный личный листок по учету кадров, автобиография и четыре фотокарточки «три на четыре», – перечислял он, загибая пальцы.

Он протянул мне бумаги.

– Вот бланки автобиографии и личного листка. Здесь и

чистый лист для заявления. Я там уже подписался. Авансом. Фотографии – пока хрен с ним. Принесете потом, когда будут готовы, я договорился.

– Там, как мне сказали, еще характеристика требуется... – начал было я.

– Нет, характеристика не требуется. Мы берем Вас пока не по конкурсу, а по специальной научной статье тридцать два «вэ». По приказу – я Вам говорил уже. Только не пугайтесь – по этой статье у нас уже работают Анна Рольфовна Краус и Виталий Никитич Кусков. Вы с ними знакомы? Познакомьтесь еще. Так что дерзайте. Согласие партбюро факультета уже имеется, я позаботился. Вас здесь помнят, как хорошего, скромного и порядочного студента. Заполняйте бумаги – и в отдел кадров. Если я что-то пропустил, там подскажут. Все. У Вас ко мне вопросы есть?

– Нет, Валентин Аркадьевич. Все ясно. Спасибо.

– Ну, тогда идите, а мы тут с Элеонорой Спиридоновой еще немного поговорим о наших текущих делах.

Я вышел из кабинета и направился в лабораторию, где за столом сидел Коротченко и что-то чертил на миллиметровке. По всей видимости, он ждал моего прихода, так как, увидев меня, сразу же начал сворачивать бумаги и прятать в стол. Собираясь, он все время молчал. Как видно, не хотел говорить в присутствии свидетелей.

– Как там, Гена, дела? – спросил он, когда взял в руки портфель, чтобы идти домой.

– По-моему, все в порядке. Только берут меня не по конкурсу, а по какой-то статье тридцать два «вэ». Не знаю, что и думать, Валя.

– Это как раз несущественно, а, возможно, и даже лучше. По этой статье ты имеешь право работать преподавателем с половинной учебной нагрузкой, чтобы в остальное время заниматься наукой. Согласно приказу министра по ней зачисляются преподаватели, работающие над диссертацией. У шефа это, конечно, непростой вопрос, но все же при таких условиях шансов защититься больше, чем на обычной ставке.

– Поживем, Валюша, увидим. Я бы, честно говоря, хотел по конкурсу, как все нормальные люди. Но Бог с ним – хочу в альма-матер.

– Тогда завтра обязательно сдай в кадры все документы на оформление. Ни в коем случае не тяни. Шеф этого ужасно не любит. А то, избави Бог, стукнет ему моча в голову, и останешься ни здесь, ни там. Если что не устраивает, лучше сразу откажись, – посоветовал Коротченко.

– Была – не была! – сказал я. – Так что, Валюша, зайдем в кафе – по бокальчику кокура по этому поводу выпьем?

– Потом, Гена, когда оформишься. С первой твоей зарплаты в альма-матер. А то я, вообще-то, человек суеверный.

– Суеверие – это, Валя, грех, как говорила моя ныне покойная бабушка. Но так и быть – с первой зарплаты, если, конечно, когда-нибудь получу ее.

Юлий Гарбузов
3 января 2002 года, четверг
Харьков, Украина

19. На праздник выпала лабораторная работа! (Не закончено)

Раньше Ампилов следил за нашим расписанием и говорил:

– Антонина Саввична! Почему Вы не следите за расписанием?

– Как это не слежу? Вот, посмотрите! Все часы тютелька в тютельку, как в рабочем плане!

– Да? А вот и не тютелька в тютельку! На майские праздники у Вас лабораторная работа выпала!

– Но это же праздники! Что поделаешь, если так пришлось?

– Как это, что поделаешь? Вовремя заметить нужно и заменить!

– Чем заменить, Валентин Аркадьевич?

– Любой другой дисциплиной не нашей кафедры!

– Да кто же это согласится?

– Уверяю Вас, подавляющее большинство! Вот Вы, например, с удовольствием приняли такую потерю. И помалкивали себе в надежде, что заведующий кафедрой не заметит! Вдруг, да пройдет халтура! Немедленно идите ищите добровольцев. Чтобы на следующей неделе Ваша лабораторная ра-

бота стояла в расписании в рабочий день!

На другой день Буланова вошла в кабинет Ампинова в боевом настроении.

– Валентин Аркадьевич! Говорила я и с Ременюком, и с Котовым, и с Гулевской – никто не желает изменять расписание. А Вы говорили, что добровольцев – пруд пруди.

– Не может быть!

– Как это не может быть? Вот Вам их телефоны! Сами позвоните, если Вы так уверены!

– Все приходится делать мне самому, черт возьми! Только заведующий кафедрой все может! Каждому требуется персональная нянька в лице заведующего кафедрой! Как мне надоело за всеми с ночным горшком ходить!

– Валентин Аркадьевич! Пожалуйста, не выходите из рамок! Хотя я и моложе Вас, но я все-таки женщина!

– Без истерик, уважаемая Антонина Саввична! Вы говорите, что невозможно ничего сделать? Пойдемте, я Вам докажу, что если пожелаешь, то все можно решить очень просто! Идемте вместе в диспетчерскую!

Они молча направились в диспетчерскую, где Алина Александровна колдовала с карандашом над листом ватмана. Ампинов, даже не поздоровавшись, начал с места в карьер:

– Алина Александровна! У нас на Первое мая пропадает занятие!

– Антонина Саввична уже была у меня по этому поводу.

Мы с ней обзвонили всех преподавателей, ведущих на этом потоке, и никто не соглашается.

– Как это – не соглашается?

– Так же, как и Вы, уважаемый Валентин Аркадьевич.

– А зачем нам их согласие? Поменяйте – и все!

– А завтра он прибежит ко мне с теми же претензиями, что и Вы, только уже на законных основаниях. Скажет, что я меняю расписание в угоду Ампирову!

– Что за ерунду Вы говорите! Слушать стыдно! Какие претензии! Наш предмет называется «Радиоцепи и сигналы»! Это главная дисциплина для формирования радиоинженера из нашего контингента, который, к сожалению, лучшим не назовешь и в первом приближении!

– Каждый преподаватель считает свой предмет главным, Валентин Аркадьевич! – улыбнулась диспетчер, еле сдерживая раздражение.

– Считать – это одно, а объективно – это совсем другое!

– Разве Вы рассуждаете объективно? – она уже перешла на более резкий тон.

– Вам просто не хочется работать, Алина Александровна!

– Как Вы разговариваете, Валентин Аркадьевич!

– Разговариваю, как подобает в такой обстановке! Дайте-ка, я взгляну.

– Смотрите сколько угодно.

– Это что за дисциплина – МЛФ?

– Марксистско-Ленинская философия.

– Так, этих трогать не будем... А это, вот в среду первая и вторая пары?

– Гражданская оборона, Валентин Аркадьевич! Преподаватель говорит, что от нее может зависеть жизнь людей! Не так, что ли?

– Бросьте! Полнейшая демагогия! Уж если война, то все там будем в одно мгновение! – он указал пальцем в небо. – Вы знаете, что такое радиосигналы? Это формулы, формулы и схемы! И физика еще! А там – противогаз, убежища, дегазация, спецодежда и прочая дребедень!

– Для Вас дребедень, а для них – не дребедень. Они говорят, что это важнее, чем любая из Ваших дисциплин.

– Верно! Говорят! Ну и пусть говорят! А Вы сами подумайте, что труднее нормальному студенту выучить: сигналы или противогаз?

– Кому как, Валентин Аркадьевич!

– Опять кому как! А Вы вот не какайте, а скажите, о противогазе Вы что-нибудь знаете?

– Что-нибудь знаю!

– А о радиосигналах и цепях?

– Понятия не имею. Это не моя область знаний.

– Вот! Противогаз тоже не Ваша. Эти предметы несравнимы!

– Валентин Аркадьевич! Что вы мне здесь нервотрепку устроили? Я – человек маленький, такие задачи не решаю. Вы же знаете! Идите к проректору. Прикажет – заменю.

– Так, Тоня! Идем к проректору! – они вышли, не попрощавшись.

В кабинете проректора было душно и накурено.

– Здравствуйте, Федор Кузьмич! У Вас тут, как в газовой камере, – недовольно бросил Ампиоров.

– Только закончилось совещание. Сейчас проветрим, Валентин Аркадьевич.

– Мы не надолго. У нас на майские праздники пропадает важное занятие.

– На праздники всегда у кого-нибудь пропадает какое-нибудь занятие.

– Занятие занятию рознь, Федор Кузьмич!

– Что Вы хотите этим сказать?

– А то, что я предлагаю поменять местами занятия по радиопепям и сигналам с одной стороны и гражданской обороне с другой.

– В честь чего это мы должны проводить такие замены?

– У нас настолько мал бюджет учебного времени, что выбрасывать на ветер четырехчасовые лабораторные работы мы не имеем никакого морального права.

– А куда же Вы смотрели раньше, если вы так печетесь о своих науках? – начал распляться проректор.

– Мы не отрицаем своей вины! Проворонили! Но ошибки надо исправлять. Согласны?

– Согласен. Но почему за счет других?

– А потому, что противогаз и радиосигналы вещи по своей

сложности несравнимые.

– Как сказать...

– Вы согласны, что спектральный анализ сигналов выучить значительно сложнее, чем устройство противогазовой коробки?

– Очень может быть. Но время упущено. Расписание утверждено.

– Вами и утверждено, в конце концов. Что Вам стоит изменить?

– Ничего менять не будем. В следующий раз будьте внимательнее в свое время.

– Что важнее для государства: противогаз или спектры?

– Мы не можем все время передергивать расписание, Валентин Аркадьевич!

– Нет, Вы ответьте на мой вопрос! Что важнее для государства, чтобы наши студенты нормально знали противогазовую коробку или спектральный анализ сигналов?

– Понимаете...

– Вы можете ответить честно на мой вопрос, не прибегая к словесным выкрутасам?

– Спектры, Ваши спектры, Валентин Аркадьевич! – сорвался на крик проректор, – Чего Вы от меня хотите?

– Чтобы Вы сняли трубку и дали соответствующее указание диспетчеру об изменении расписания!

– Ладно! Идите к Алине! Я позвоню!

В коридоре Ампиоров спокойно, словно после чашки дру-

жеского чая, сказал:

– Вот видите, Тоня, нерешаемых вопросов нет. Скажите, почему все это должен делать я сам? Для чего у меня Вы?

– Одно дело Вы, а другое – я. Со мной бы Федор Кузьмич и разговаривать не стал. Выгнал бы меня из кабинета – и все!

– Ой, только не говорите мне, что с Вами – и вдруг бы не стал! Да Вы умеете такой гандель поднять, что не только проректор, а сам генсек обе руки поднимет. Так, идите к Алине, мое присутствие там уже не требуется.

Юлий Гарбузов

20. Предновогоднее заседание кафедры

Я шел не торопясь. Лекция – в двенадцать, а на часах без четверти одиннадцать. Приду на кафедру, пройдуся на бумаге по основным этапам математических выкладок предстоящей лекции. Наиболее сложные вкратце воспроизведу. И все. Я окончательно готов. А пока у меня есть время подышать свежим морозным воздухом.

Настроение было не просто праздничным, а новогодним. Что может быть краше кануна Нового года! Не знаю, как для кого, а для меня это самый приятный, наиболее волнующий душу праздник, упорно отторгающий всякую казенщину и напускную идеологическую напыщенность. Что называется – для души. И погода стояла классически новогодняя. Легкий морозец. Небо сплошь обложное. Еще с ночи сыпал мелкий обильный снег, равномерно ложась на тротуары, площадь, дорогу, крыши домов и газоны парка. На площади красовалась огромная елка, украшенная множеством разноцветных флажков, сверкающих игрушек, лампочек, бумажных украшений и блеском мишуры.

А внизу, под елкой широко улыбались прохожим неизменные Дед Мороз и Снегурочка, грубо сварганенные из третьесортной фанеры.

Уже освободившиеся от занятий школьники сновали там и сям небольшими группками, вертелись под ногами, швырялись пушистыми снежками, так как снег был сухим и плохо лепился. Веселые, розовощекие, жизнерадостные, они невольно заражали всех и вся праздничным настроением и какой-то задорной бесшабашностью. Витрины магазинов, окна учреждений и жилых домов – все сверкало блеском елочных украшений. Люди проносились мимо, навьюченные покупками, наперебой обсуждая предстоящий праздник, отпуская шутки, порой не для всех приятные. От многих уже изрядно пахло спиртным, а от иных даже неприлично разило.

У меня только одна лекция. И все. Следующее занятие уже в новом 1969 году. Многие мои коллеги освободились еще вчера, позавчера или и того раньше. Тридцать первого декабря на четырнадцать ноль-ноль у нас на кафедре был назначен традиционный чай с бутылкой шампанского, тортом и символическими подарками. Мероприятия такого рода проводились обычно шумно, весело и стремительно. Шутки, прибаутки и остроумные поздравления заставляли на время забыть все невзгоды, как служебные, так и домашние. А потом все разбегалось, кто куда. Кто в гости, кто принимать гостей, а кто встречать Новый год в кругу семьи. В большинстве своем мы любили эти кафедральные «пьянки».

Лекция прошла, как всегда, гладко, без сучка и задоринки, и я в приподнятом настроении вошел в предпразднич-

ную преподавательскую. Еще вчера после четвертой пары Саша Окин вручил мне записку, исписанную мелким бисерным почерком, что называется буквочка в буквочку:

«Г. А. Очерету.

30 декабря 1968 года

до 16:00:

1. Сдать А. С. Окину 1 руб. 50 коп.

2. Купить до 31.12.68:

– торт килограммовый – один;

– шампанского – одну бутылку.»

Подобные поручения получили все, кроме Шориной. Вчера она отсутствовала, а сегодня появилась после двух часов, когда на кафедральной доске объявлений косо, небрежно уже была приколата бумажка размером в пол-листа школьной тетради с неровно оборванным краем. На ней нервным, мало разборчивым почерком шефа было нацарапано объявление. Шеф по обыкновению так сильно давил ручкой на бумагу, что шарик местами прорвал ее, и это еще более усиливало зловещее впечатление, производимое написанным, перечеркивая напрочь и задуманные планы, и праздничный настрой, и все наши добрые поползновения. Бумажка истерически вопила голосом шефа:

«Объявление

31 декабря в 18:30 состоится заседание кафедры.

Повестка дня

1. Отчет преподавателей о работе, проделанной в уходя-

щем году, с предъявлением результатов (докладывают все преподаватели).

2. Планы работы преподавателей на новый год (сообщают все преподаватели подробно и с указанием сроков).

3. Разное.

30 декабря 1968 г., 13:00

Зав. каф. В. Ампилов.»

– Не поняла юмора, – хмыкнула Шорина, пробежав взглядом по объявлению. Что это?

Все уныло молчали. Окин рвал листок с поручениями для Шориной. Буланова, обложившись бумагами, что-то писала, зачеркивала, листала и даже попыталась обратиться ко мне за советом. Я отмахнулся от нее, как от назойливой мухи и стал укладывать портфель.

– Завтра же тридцать первое декабря! Новый год! И вдруг – это! Что это такое все же, мальчики-девочки? – возмущалась Шорина.

Кусков и Феклушин переглянулись и оба расплылись в улыбках. Феклушин улыбался зло, едко, саркастически, еле слышно похихикивая и не выпуская из руки карандаша, которым не то чертил эскиз какой-то схемы, не то просто рисовал чертиков. Кусков был – само добродушие. Его полные щеки еще более раздались вширь, а глаза превратились в узюсенькие щелочки, едва заметные сквозь стекла очков.

– Как? Разве вы не понимаете? Шизофренический бред, Элеонора Спиридоновна, осложненный маниакально-де-

прессивным психозом и гебефреническими явлениями, – произнес он, растягивая слова.

Кое-кто ухмыльнулся, но большинство присутствующих оставило его шутку без внимания. И лишь Феклушин тихонько расхохотался, не отрываясь от тетради. Тем временем я уложил портфель, оделся и направился к двери.

– А ты куда? – попыталась остановить меня Сойкина.

– Да ну вас к черту с вашими праздниками, поручениями, шизофренией и гебефренией! У меня завтра с утра и дома забот полон рот, и здесь очередные хлопоты!

На последнем слове я захлопнул за собой дверь и быстро, чуть не бегом направился к выходу. От моего новогоднего настроения не осталось и следа.

На улице крепчал мороз. Все так же сыпал мелкий снег. Частый-частый. По тротуару шли веселые люди с покупками. Резвились дети. Стреляли хлопушками, обсыпали друг друга снегом, перекидывались снежками. На дороге буксовали машины. Площадь у Госпрома была полна народа. Возле елки затейники веселили людей, разыгрывали призы. На санях, запряженных тройками, за рубль катали всех желающих, в основном детей и подгулявших парней с их девушками.

Но мое настроение было из рук вон плохим, потому что завтрашнее заседание кафедры не сулило ничего хорошего.

На другой день я пришел на кафедру к двум часам дня.

Там уже сидела Буланова и по-прежнему что-то писала. Словно и не уходила.

С отвращением я стал собирать в одну папку все, что мне удалось сделать за отчетный период. Потом я пошел в лабораторию и стал готовить к демонстрации собранный «на соплях» макет своей лабораторной работы по преобразованию частоты. Там уже сидел Окин и молча ковырялся в монтаже своего изделия.

– К экзекуции готовишься?

– Как и ты, Саня.

– А я не готовлюсь. Пошел он к черту.

– Что же ты тогда делаешь?

– Свою работу. Как в обычные дни. Антонина вон – старается. Плоды трудов своих по пунктикам раскладывает. А все равно гадостей наслушается. Так зачем готовиться? К чему? Шорина сказала, что не придет. Но она все равно придет. В последнюю минуту, но придет. Она только нас подбивала не прийти.

– Любит провоцировать, – согласился я.

– А сама потом правильной остается. Да что мы об этом?

У тебя курево есть?

– Есть, Саня. Бери. Да еще возьми, не стесняйся.

– Спасибо, Гена. Давай покурим.

Мы закурили. Разговор не клеился. Я думал только о предстоящем заседании кафедры. А Окин вообще от природы был молчаливым и мало общительным. Во всяком слу-

чае, со мной. В это время открылась дверь, и в лабораторию вошел шеф с перекошенным от злости лицом.

– Фу! Вонь какая! Вы почему здесь курдите? Сейчас же прекратите! Слышите?

Я поспешно затушил окурок в Сашиной пепельнице и сидел, глядя шефу в глаза. Саша продолжал курить, словно и не слышал замечания.

– Александр Степанович! Это и Вас тоже касается! Прекратите курдить немедленно! Вы слышите?

Саня медленно затянулся еще пару раз и, не торопясь, затушил сигарету.

– Вы что, все сговорились поиздеваться надо мной? Вредя поджигает, а вы только теряете его! Совсем не цените! Рдзложились, как москвичи! Вот я только из Москвы приехал. Так там кого ни спросишь – «в командирдовке, в командирдовке, в командирдовке...». Это в местной, конечно! То есть, следует понимать: «дома, дома, дома...». Скордо и мы так опустимся! Вот, сегодня посмотрдим, кто у нас на что гордазд! А то измываетеь тут над заведующим кафедрдой!

И с этими словами он вышел в коридор, откуда тотчас снова зазвучал его резкий раздраженный голос, срывающийся чуть ли не на рыдания.

– Завестись хочет перед заседанием! – пробурчал Окин, и его паяльник снова зашипел в канифоли. Я понял – мне пора отсюда уходить. – И тоже вышел.

В коридоре встретился с Кусковым. Тот дымил сигаретой и неизменно саркастически улыбался во всю ширь своего полного, пухлого лица.

– Ты уже задницу для бития подготовил?

– Готовлю, Виталя. А что?

– Да я уже свою салом смазал, чтобы розги побольнее прилипали.

– Думаю, что долго эта музыка не продлится – праздник грядет.

– Вы ошибаетесь, Геннадий Алексеевич. Наоборот! Это и затеяно специально для того, чтобы нам праздник испортить! – речитативом произнес Кусков.

– А ему ведь тоже праздновать хочется, Виталя.

– Опять ошибаешься. Для него это самое и праздник, когда кому-то говном по губам. Только ради этого все и затеяно. Будет до утра держать, гнида!

В преподавательской никого не было. Я сел, было, за бумаги, но тут вошел Исаков.

– Привет, старый козел! Что, готовишь жопозащитные материалы? Все равно получишь по первое число!

– Знаю. Но надо же что-то говорить ему.

– Да ему хоть говори, хоть не говори – все равно обгадит. Так уж лучше пусть за дело!

– Почему это за дело? Ты же работаешь, как можешь.

– А ему какое дело? Все равно скажет, что бездельничаю. Пусть уж лучше обгаживает за то, что не подготовился.

По коридору гулко застучали каблучки, и в преподавательскую, хлопнув дверью, вошла Сойкина.

– Привет, мальчики!

– Здравствуйте, девушка, – отозвался Исаков.

– Привет, Алиса!

– Я вот иду с занятия и думаю: все мы понемногу уже превратились в шефа. Я только что на студентов так насыпалась! Бездельники, кричу, Новый год на носу! А вы до сих пор элементарных задач решать не умеете! Как вы будете Кускову экзамен сдавать? Вы же в трех соснах заблудитесь!

– Не знаю, Алиса Петровна. Вы, может быть, и превратились, а я – ну, никак нет. Совсем наоборот – искоренил в себе многие собственные черты, даже отдаленно напоминающие ампировские, – ответил Исаков.

– Это вам только так кажется, Алексей Артемович. А со стороны посмотреть, так тоже с каждым днем все больше на шефа походите.

– Это Вам так кажется, а мне вот – не кажется! – отпарировал Исаков.

– Ладно, а то и в самом деле поругаетесь! Нужно к заседанию силы беречь, а вы их попусту растрчиваете. Ты уже подготовилась, что говорить ему? – спросил я Алису.

– И не думала! Пусть хоть до потолка прыгает. В крайнем случае, я уволюсь.

Вся раскрасневшаяся от мороза, вошла Луганская.

– С наступающим, товарищи преподаватели, – спокойно

сказала она и, подойдя к вешалке, начала стаскивать сапоги.

– С Новым годом! – ответил Исаков на приветствие.

– С Новым годом, Лариса! К заседанию готова?

– Ой, Гена, не порти мне преждевременно настроение. И без тебя есть кому испортить.

– А Вы не поддавайтесь на провокации, Лариса Вадимовна, – сказал Исаков.

– Поддавайся – не поддавайся, Алексей Артемович, а нервы у нас не железные, – ответила Луганская.

– У кого как. У меня, например, стальные, – ответил Исаков, роясь в ящике своего стола.

– То-то Вы с пол-оборота заводитесь по пустякам.

– Так и с пол-оборота!

– Вот – уже и завелся, – походя сказала Луганская.

В это время вошла Краус.

– Здравствуйте! С наступающим Новым годом!

– С наступающим, Аня!

– Привет!

Краус спокойно, с достоинством повесила пальто на вешалку и подошла к своему столу.

– Ну, как тут наше мурло? – спросила она, прихорашиваясь перед маленьким зеркальцем.

– Да ходит, завестись хочет посильнее. К заседанию готовится. Уже к нам с Окиным цеплялся, орал за курево, – ответил я.

– Исаков, ты мне принес обещанное? – спросила Краус.

– А что я тебе обещал?

– Учебник Ремеза купить – по измерениям. Который недавно вышел. Забыл, конечно!

Исаков достал из стола книгу.

– Верно. Забыл. Забыл, что купил. Вот, возьми.

– Ой, спасибо, Исачков! Сколько я тебе должна?

– Нисколько. Это новогодний подарок.

– Ну да! Четыре пятьдесят. Здесь написано. На вот – без сдачи.

– Да ты что? Я не имею, что ли, права сделать тебе подарок на Новый год?

– Не корчи из себя Ротшильда.

Анна Рольфовна положила деньги на стол Исакова и вышла.

– Что за женщины пошли! Не хотят принимать подарков даже на Новый год.

Исаков спрятал деньги в ящик стола и углубился в чтение.

– Гена, пошли покурим, – предложила Сойкина.

Мы вышли на лестницу. Сойкина попросила сигарету.

– Алиса, что ты думаешь о предстоящем заседании? – спросил я ее.

– Как есть, так и думаю. Этот кровосос решил сделать себе новогодний подарок – поразвлечься ради праздника за наш счет. Нужно по возможности ограничить его удовольствие.

– Да как ты ограничишь? Что ты сделаешь? Он же полностью безнаказан, волен творить, что хочет.

– Ну, нет уж! Я ему отвечаю, что думаю. Это вы все его боитесь – работой дорожите. А я плевать на нее хотела. Свои сто пять я в любой конторе заработаю. А больше женщине такой, как я все равно никто не даст.

– А двухмесячный отпуск в летнее время? А ненормированный рабочий день?

– Здоровья зато больше сохранию.

С минуту она помолчала.

– Жаль, что наш сегодняшний выпивон сорвался! – пожаловалась она.

– Да это все Саша Окин. Возиться не захотел. Настроения, говорит, нет. А надо было все равно собраться и всем напиться вдрызг! Пусть бы тогда «продоводил» свое заседание. У нас и оправдание было бы – Новый год все же.

– Брось ты, Гена! Все вы только на словах храбрые. А раскрой он свою поганую пасть – все по углам, как мыши. Он этим и пользуется. Он, конечно, дерьмо. Но и вы все тоже хороши.

Все уже были в сборе. Только Шорина отсутствовала.

– Может, начнем? – нарушил молчание Кусков, улыбнувшись от уха до уха. – Уже без двадцати семь, между прочим. А назначено на половину седьмого.

– Начинай, Виталя. Только по-быстрому. Меня уже гости дома ждут, – поддержал я.

– А шефуля наш где? – спросила Буланова.

– Режиссуру обдумывает, Антонина Саввична – как нас покрепче да побольнее вздрючить. А Вы что, заждались уже? – поддел ее Кусков.

– Я думаю, Виталья, может быть всем вместе подняться, да уйти, пока он эту самую режиссуру обдумывает?

– Да ты же первая откажешься, едва до дела дойдет, – бесцеремонно вставила Сойкина.

– А что, – подхватил Феклушин, – давайте в самом деле слиняем!

– Ну, чего же ты ждешь? Подай пример, а мы за тобой, – съязвила Сойкина.

– Давайте хоть раз проучим шефа. Вот Элеонора Спиридоновна, так та вообще не пришла. Учитесь!

– Не беспокойся, Феклушкин! Шорина придет обязательно. Всех уговорит сбежать, а сама всенепременно придет. И всегда оправдается, – возмутилась Краус.

– Что верно, то верно, – добавил я.

– Предлагаю ждать до семи, а потом уходить. Согласны?

– Феклушка, ты же у нас второй провокатор после Шориной. Давайте так – уйдем, если Феклушин первый оденется и пойдет вместе с нами. Впереди всех! – предложила Краус.

– Согласен, Анна Рольфовна. Только Вы второй будете.

Окин читал какую-то книгу и ни на что не реагировал. Кусков чертил какую-то таблицу на белоснежном листе бумаги. Внезапно он отодвинул работу, достал из кармана носовой платок и отер пот со лба.

– Фекла, ты ближе всех к окну. Открой, пожалуйста, на пять минут. А то надышали – духота страшная.

Феклушин открыл окно и высунулся. В преподавательскую ворвался морозный воздух, и стало легче дышать. Откуда-то доносились звуки музыки. Феклушин осмотрелся и понял, что музыка играет в соседнем корпусе – в лаборатории ионосферы или сокращенно НИЛИ.

– Смотрите, а в НИЛИ гуляют!

Кусков подошел к окну.

– Приличные люди все празднуют, – сказал он. Только мы вот – заседания кафедры ждем почему-то.

– Надо же такое придумать – отчетное заседание кафедры в предновогодний вечер! Наш шефуля совсем с ума сошел, – начала было заводиться Краус.

Но Кусков не дал ей расходиться на полную катушку. Он встал и подошел к внутреннему телефону. Его узенькие, заплывшие жиром глазки вспыхнули из-под очков заговорщицким блеском.

– Уж если нам испортили новогодний вечер, давайте хотя бы немного и им подпортим.

Он снял трубку и набрал номер.

– Алло! НИЛИ? Из парткома говорят. Вы что же это – распоряжения администрации не выполняете? Как это какое? Пить в стенах института категорически запрещено! Это же моральное разложение! Кто там у вас главный? Дайте ему трубочку!

Из трубки послышался смех, и вся преподавательская услышала подвыпивший голос Акимовича.

– Виталя, ты что, мало выпил? Давай к нам. С Новым годом!

– Какой еще Виталя? Из парткома говорят!

– Виталя, ты не учел, что я тебя из окна вижу. У вас же окно открыто во всю ширь. Посмотри в мою сторону. Привет!

В окне напротив стоял зав сектором НИЛИ Виктор Акимович и махал рукой.

– Ладно, Витя! С наступающим! Вы хоть музыку потише сделайте. Еще и правда партком услышит.

– Да какой там хрен, а не партком! Праздник сейчас! Все дома или в гостях. А вы-то почему не уходите? Тоже празднуете?

– Да нет. К сожалению, мы работаем. Заседания кафедры ждем. Шеф опаздывает.

– Для новогодней шутки неплохо. Давайте объединимся. У нас женщин маловато.

– Да мы в самом деле шефа ждем – заседание кафедры назначил, а сам задерживается.

– Что за чепуха! Какое заседание? Восьмой час уже!

– Да? – Кусков посмотрел на часы, – Будь здоров, Витя! Мы, наверное, домой пойдем. Он положил трубку.

– Ну что, уходим, как решили?

– Уходим, – с улыбкой сказал Феклушин и решительно подошел к вешалке.

Все начали одеваться. Феклушин оделся первым и подошел к двери.

– Ну что, пойдём? Лариса Вадимовна, Вы долго ещё?

– Я готова, Саша. Идем.

Мы вышли в коридор. И остановились, ожидая, пока Исаков выключит свет и запрет дверь. Потом все дружно двинулись к лестнице. И тут снизу до нашего слуха донеслись звуки торопливых шагов. Феклушин перегнулся через перила лестницы и посмотрел вниз.

Он обернулся к нам и скорчил рожу.

– Аж суне шеф! Такой страшенный та здоровенный!

– Срочно назад! – выдохнула Буланова и побежала к преподавательской. За нею чинно и с достоинством двинулась Краус.

– Что, заговорщики, – ухмыльнулся Кусков, – обгадились? Не намного же у вас пороху хватило! Нечего было тогда и заводиться с этим уходом.

– Слишком уж долго мы прождали, – заключил Окин.

Когда мы с Феклушиным вошли в преподавательскую, Буланова и Краус уже сидели за столом в «полной боеготовности». Вслед за нами, пыхтя, как паровоз, прямо в пальто, вошел шеф.

– Что, уйти хотели? Сбежать, как пердвоклассники? От ответственности не уйдете!

– Праздник, Валентин Аркадьевич, – робко возразила Краус.

– Что?! Какой праздник! Какой там праздник, Анна Рдольфовна! Вот сейчас увидим, что делается! Что творится! Мы уже до рдучки дошли! Все только и думают о празднике – рдаботать совсем никто не хочет!

Ампиров картавил особенно сильно, что, как мы уже знали по опыту, не сулило ничего обнадеживающего.

– Пойдемте в кабинет – хоть немного поработаем! Пусть уж в свиной голос, но все же немного придется поднатужиться! – Он вышел из преподавательской и попытался отпереть дверь своего кабинета. Но руки дрожали, как с перепоя. Ключ никак не попадал в скважину. Все больше распаляясь, он кричал:

– Я специально позже пришел, чтобы проверить, как вы относитесь к служебным обязанностям! К сожалению, я не ошибся в своих предположениях!

В конце концов, ему удалось открыть дверь и войти в кабинет.

– Входите же, наконец! Все входите! Садитесь! Алиса Петровна, Вы журнал протоколов взяли?

– Валентин Аркадьевич, я сначала на листке писать буду, потом в журнал начисто перепишу.

– Нет! Будем сразу все документировать! Хватит подтасовкой заниматься! Журнал специально для этого предназначен! Он и черновик, и чистовик одновременно! Пора привыкнуть все сразу начисто писать!

Сойкина принесла журнал и села за стол.

– Так! А где Элеонора Спиридоновна?

– Сейчас придет, Валентин Аркадьевич, – уверенно сказала Буланова.

– Как это – сейчас придет?! Уже тридцать пять восьмого! Я специально позже пришел, чтобы не видеть этих опозданий и не слушать жалкого лепета оправданий! И все равно опаздывают! Тьфу, ты... черт! Просто еле сдерживаешься! Непонятно, как с этой публикой работать! На производстве в таких случаях «ходят на седьмой этаж»! А здесь... Просто дальше в русском языке приличные выражения кончаются! Дальше следует уже то, что на заборах пишут!

Он сделал короткую паузу, чтобы отдышаться.

– Где повестка дня, Алиса Петровна?

Сойкина протянула ему листок, недавно висевший в преподавательской на доске объявлений.

– Так! Первым пунктом у нас отчет преподавателей о работе, сделанной в уходящем году, с предъявлением результатов. Начнем по порядку – как сидим. Пожалуйста, Виталий Никитич!

Кусков встал.

– Не нужно, Виталий Никитич! Докладывайте сидя – здесь не детский сад! Где ваш индивидуальный план?

– Там, в папке.

– А почему там, а не здесь? У нас отчетное заседание! Алиса Петровна, пожалуйста, принесите нам папку, о которой Виталий Никитич говорит! Видите, даже на такие дей-

ствия вам указания нужны! С ночным горшком за каждым приходится ходить! Хватит!

Сойкина принесла папку с планами. Порывшись, Ампи-ров достал план Кускова.

– Так! Разработка новой лабораторной установки для исследования характеристик мощных транзисторов, написание методических указаний к лабораторным работам, выполняемым на этой установке, решение задач по курсу «Электронные приборы». Ну, дальше все отписки, отписки! Что у вас сделано по созданию новой лабораторной установки?

– Собран макет, подобраны типовые транзисторы.

– Продемонстрируйте, пожалуйста! Где ваша установка?

– Там, наверху – в научной лаборатории, Валентин Аркадьевич.

– Ясно! Идем все наверх!

– Валентин Аркадьевич, приборы не включены. Столы обесточены. Давайте демонстрацию проведем после праздника.

– Какого праздника, Виталий Никитич?! Кто обесточил? Идите, включайте! Когда подготовите – позовете нас. Это что, все так будут отчитываться? Вот! Даже если бы я специально пришел еще через два часа, вы бы и тогда готовы не были! Вовремя не подготовились – готовьте свои макеты для демонстрации сейчас! Пока все не продемонстрируют плоды своих трудов, мы заседания не закончим! Я должен увидеть все своими глазами! Идите, я подожду – спешить неку-

да! Сами у себя отнимаете время! Ну, чего вы все сидите, как у тещи на именинах? Я же сказал, пока Кусков готовит свой макет для демонстрации, пользуйтесь моментом – готовьте и вы!

В это время в кабинет Ампилова вбежала красная от мороза Шорина.

– Здравствуйте! С наступающим Новым годом!

– Какой там Новый год! Какой праздник! Вы посмотрите, что творится! Никто до сих пор не готов к отчету! Вот Вы, Элеонора Спиридоновна, почему опоздали?

– Праздник, Валентин Аркадьевич! На стол готовила! Уходила – муж возмутился – что это за заседания в предновогодний вечер? Выдумала, наверное! Сейчас все только выпивают, а не заседают!..

Ампилов побагровел и оборвал ее на полуслове.

– Вы опоздали и не видели, что творится! Во-первых, все едва не убежали с заседания, как школьники! А во-вторых – никто не готов к отчету!

– Сегодня праздник, Валентин Аркадьевич! – кокетливо улыбаясь, заметила Шорина.

– Опять вы со своим праздником! Тут не до праздника! Никто ничего не делает! Я бьюсь, как рыба об лед, чтобы кафедра выглядела хоть мало-мальски прилично! А мне никто в этом не то, что не помогает, а даже в мыслях не способствует! Все только мешают!

Я пошел в лабораторию готовить для демонстрации свой

макет. Наконец, худо-бедно собрал. Рядом возился Окин, пыхтя сигаретой и чертыхаясь.

– Ну, что, Саша, ты готов?

– Да какой там хрен готов! Этому же все равно мало будет. Вот, покажу только часть – пусть кушает. Все равно обгадит.

Вошел Феклушин.

– Пойдемте Виталия Никитича слушать – шеф зовет!

Мы вышли, не проронив ни слова. В лаборатории электронных приборов ярко горел свет. У лабораторного стола стоял Кусков, раздувая свои и без того пышные щеки.

– Так, все, кажется, в сборе! Даже Элеонора Спиридоновна, которая опоздала более чем на полтора часа!

– Вы тоже, Валентин Аркадьевич, немногим раньше пришли.

– Да! Я специально позже пришел, Элеонора Спиридоновна, чтобы все с гарантией подготовились! И что же? Никак нет! Даже сбежать хотели!

– Ладно, Валентин Аркадьевич, давайте Кускова слушать! Поздно уже – все домой спешат!

– Куда там домой! Вы на результаты посмотрите! Докладывайте, Виталий Никитич!

Кусков рассказал о том, что радиопередающие устройства до сих пор собирались только на лампах, а теперь пришло время применять транзисторы и в передатчиках. Рассказал об особенностях мощных высокочастотных транзисторов и продемонстрировал, как производятся измерения их пара-

метров в будущей лабораторной работе.

– Так, Виталий Никитич! У Вас что же, все?

– Все, Валентин Аркадьевич. Готов ответить на любые вопросы.

– А где же графики?

– Какие графики?

– Характеристик, о которых Вы так пространно сейчас говорили?

– Я их специально для вас еще не готовил.

Ампиров аж подпрыгнул:

– Как это для меня? Как это не готовили? Вы к отчету не готовы, уважаемый Виталий Никитич!

– Вы требовали рассказать – я рассказал! Требовали показать – я показал! Что еще от меня требуется?

– Да вы что, маленький? Не знаете, что требуется для отчета? Алиса Петровна! Запишите, пожалуйста, в протокол, что старший преподаватель Кусков к отчету не готов! План на конец года не выполнен!

– Как это не готов?! Как это не выполнен?! Я такую работу проделал!

– Какую там работу! А результаты где? Нет результатов! А знаете, как в одном заграничном фильме недавно пели: «Важ-нее всего ре-зуль-тат! Чики-чики-чики-чик! Чики-чики-чики-чик!» Вот и все. Вы не имеете права встречать Новый Год – Вы ничего не сделали! Следующий кто? Вы, кажется, уважаемый Александр Степанович Феклушин? Очень

хорошо! Слушаем Вас!

– У меня все подготовлено в лаборатории измерений.

– Ладно, – Ампиоров выдержал паузу, – идем в измерения!

Все направились в лабораторию радиоизмерений, где шумел вентилятор охлаждения новенького осциллографа. На экране красовалась картинка с эллипсом, изображенным прерывистой линией. Феклушин бойко рассказал об осциллографических методах измерения частоты, попутно демонстрируя их реализацию.

– И это все?

– Все. А что еще можно предложить?

– Как это – что! А применимость этих методов? Где она фигурирует? Как иллюстрируется в Вашей лабораторной работе? Я о ней что-то ни слова не слышал! Кто-нибудь слышал? Нет? И я нет!

– Так это же будет сказано в методических указаниях! Еще во введении!

– А где они – эти указания? Где, я спрашиваю?

– Да они мне на этот семестр и не планировались!

– Как это не планировались? В Вашем индивидуальном плане четко сказано: постановка новой лабораторной работы на тему «Осциллографические методы измерения звуковых частот»! А что это за лабораторная работа без методических указаний? Это же само собой разумеется! Всего в формулировке задания не учтешь! Кое-что и самому понимать нужно! Детский сад, а не кафедра! Алиса! Запишите мои сло-

ва в протокол! Все, как есть – дословно! Вы тоже ничего не сделали и встречать Новый год не имеете морального права! Кто там следующий? Вы, Геннадий Алексеевич? Давайте!

Я невольно вздрогнул. Но вмешалась Шорина:

– Валентин Аркадьевич! Посмотрите на часы! Новый год через два часа! У всех семьи! Нас дома ждут!

– Какой Новый год, Элла? Вы видите, что делается? Никто не работает! Сплошное очковтирательство!

– Но после праздника можно все это рассмотреть? И днем, а не ночью!

– Опять на потом откладывать? Нет! Хватит! Мне надоедо каждого за ручку водить! Геннадий Алексеевич, слушаем Вас! Где ваша демонстрация? На втором этаже? Идем туда!

Я направился на второй этаж, а за мною толпой вся кафедра. Я продемонстрировал черновой макет преобразователя частоты, проиллюстрировал принцип его работы и перешел к демонстрации нелинейных эффектов.

– Таким образом, мы можем проверить наличие побочных каналов приема в расчетных точках диапазона. Вот первый. Видите? Сигнал проходит, хоть и ослабленный. А вот свистящие точки. Видите – интерференционный свист. Если подключить телефоны, то эти свисты можно прослушать и убедиться в эффективности существующих способов их ослабления. Вот, послушайте.

Я протянул Ампинову головные телефоны, и он приложил их к уху.

– Ну, свистит! Так что же это такое?

– Как это что? Я же сказал – интерференционный свист!

В этом и состоит недостаток супергетеродинного приема.

– Так что это за приемник, который свистит? «Куда он свистит», такой приемник?

– Да, это вредное явление. Но мы же и показываем студенту, что такими эффектами сопровождается преобразование частоты, что их нужно учитывать при разработке аппаратуры и бороться с ними. В этом и есть суть исследования, предлагаемого студенту!

– Очень может быть! Может быть, на этом можно и докторскую сделать! Но мы должны показывать студенту хороший преобразователь, а не такой, который свистит!

– Валентин Аркадьевич, – вступился Окин, – ведь работа и имеет целью показать все достоинства и недостатки...

– Показывать студенту преобразователь, который свистит – это стыд-позор! Алиса! Мои слова – дословно в протокол!

– Молчи, – шепнул мне Саша Окин, – пусть куражится!

Только бы закончить поскорее.

– Что вы там шепчете, Александр Степанович? Вы мне мешаете работать! Так, теперь Вы демонстрируете. Надеюсь, хоть Вы-то готовы?

– Конечно.

– Это на четвертом этаже, верно?

– Нет, это там, в Вашем кабинете.

– Как это – в кабинете? Вы что, ничего не подготовили?

– Подготовил, опробовал, начертил схему и отдал чертежи на изготовление законченного варианта установки в десяти экземплярах.

– А что Вы можете нам продемонстрировать сейчас?

– Сейчас – ничего, – сказал Окин холодным как лед тоном.

– То есть, как это – ничего? Вы сказали, что макет разработали! Но где он? Я хочу на него посмотреть!

– Его уже нет.

– Уже нет? А куда же он тогда делся?

– Я его разобрал. Он больше не нужен, Валентин Аркадьевич.

– Да как вы могли! Ни с кем не обсудив! Может быть, там и макета-то не было? Может быть, его и размножить нельзя!

– Может быть.

– Вы что, издеваетесь?! Алиса! Срочно запишите мои слова в протокол! Макета никто не видел! На отчетном заседании кафедры старший преподаватель Окин не представил ни-че-го!

– Как это, ничего? А документация? Схема, чертежи, методические разработки, графики? – спокойно сказал Окин.

– Где они? Покажите.

– У меня в преподавательской.

– Идем! Идем все в преподавательскую! Нет, в мой кабинет! А Вы, Александр Степанович, принесите все, что Вы можете представить в мой кабинет! Посмотрим, что за детский сад!

Все снова спустились в кабинет шефа, а Окин отправился в преподавательскую за бумагами.

– Садитесь! Прошу садиться всех! Сами у себя время отнимаете! Так, пока там Саша готовит свою документацию, пойдем дальше. Кто на очереди? Опоздавшая Элеонора Спиридоновна? Пожалуйста! Слушаем вас, Элеонора Спиридоновна!

– За отчетный период я проделала...

– Вы читали повестку дня?

– Читала, Валентин Аркадьевич!

– Что Вы можете нам представить?

– Сейчас – ничего!

– Ах, вот как! А вы говорите – праздник! Какой там праздник!

Шорина перешла на крик:

– Я не могу больше здесь с Вами сидеть, Валентин Аркадьевич! Через час Новый год! У меня дома гостей полная квартира, а я тут слушаю, какие мы идиоты, да про детский сад, да про ночной горшок! Все! Вы как хотите, а я пошла!

Шорина вскочила и выбежала из кабинета.

– Ах, вот Вы как! Я так работать не могу! Я тоже пошел! – он подскочил к шкафу, резким движением распахнул дверцу и стал одеваться. – Делайте, что хотите! Это какой-то крошечный ад, а не кафедра! Средневековая камера для пыток! Все издеваются надо мной!

Последние слова он произнес, нахлобучив свою шапку

«боярку» и наматывая на шею кашне дрожащей от злости рукой. Его лицо, шея, руки стали багровыми от гнева, подбородок дрожал.

– Ну, что же – мы тоже, наверное, пойдем, – спокойно сказал Кусков и направился к выходу, а за ним и все остальные.

Оттолкнув Феклушина, в кабинет шефа вбежала разъяренная Шорина в расхрыстанном зеленом пальто с кунным воротником и в норковой шапке, нахлобученной наспех набекрень.

– Все! – выкрикнула она в лицо Ампинову. – Такого издевательства я больше не потерплю! Мы здесь тоже люди! И семьи у нас есть! И личная жизнь! Я этот вопрос подниму, где следует!

– Хоть у самого Господа Бога, Элеонора Спиридоновна! Пустите! Я не желаю больше ни на кого из вас смотреть! – гневно кричал Ампиров, стуча по карманам в поисках ключей от кабинета.

Он выскочил в коридор, с трудом кое-как запер кабинет и побежал к туалету. А мы начали спешно одеваться, обрадованные тем, что еще успеем прийти домой до Нового года. Когда все уже были одеты, а Окин стал у выключателя, чтобы после выхода последнего преподавателя погасить свет, вбежал шеф, налившийся кровью, как индюк, и заорал, что было сил:

– Это саботаж! Издевательство над заведующим кафедрой! Вот плоды нашей работы! А еще людей учить пытаем-

ся! Делайте, что хотите! Кто хочет – садитесь в мое кресло! Отныне оно свободно!

Он хлопнул дверью и выскочил, гремя по коридору своими массивными ботинками на тяжелой подошве с протекторами, как у вездехода. Окин захихикал.

– Нашей Шориной... ха-ха... нужно бутылку шампанского поставить. Выручила! Ну что, быть может, выпьем по этому случаю?

– Куда там – выпьем! Домой пора, – сказала Буланова и направилась к выходу. А следом гурьбой повалила вся кафедра.

Юлий Гарбузов

22 января 1970 года, четверг

Харьков, Украина

21. Наклонная свая и ящик коньяка

Войдя в вестибюль электрокорпуса, я буквально нос к носу столкнулся с Ампириным.

– Здравствуйте, Валентин Аркадьевич.

– Доброе утро, Гена. У Вас что сейчас?

– Сейчас – ничего. Я имею в виду, занятий нет. Хотел поработать по науке. Над функциональной схемой авторегистратора тружусь.

– Тогда пойдем со мной. Мне Вас сам Бог послал. На стройке нашего многострадального радиокорпуса меня ждет прораб. Мне нужна поддержка. И вообще взгляд со стороны.

Слово начальника – закон для подчиненного. Я повернул в обратную сторону, и мы вышли на воздух. Конечно, жаль было терять время на пререкания с прорабом, когда еще со вчерашнего вечера меня охватило рабочее настроение. Возникли новые идеи, и не терпелось детально прорисовать на миллиметровке все временные диаграммы, чтобы проверить, действительно ли возможны те алгоритмы, которые мне представлялись наиболее удачными и не давали покоя со вчерашнего вечера.

Навстречу нам неслись толпы студентов, спешивших на занятия. Яркое апрельское солнышко и запах весны бодрили

и наполняли душу какой-то необыкновенной энергией. Хотелось чего-то необычного, впечатляющего.

Я знал, что после визита на стройку вчера вечером шеф нервничал по поводу, как ему представлялось, неправильной установки свай. Шорина вчера сказала, что прораб относится к работе самым безобразным образом, как будто строит не учебно-научное здание, а какой-то колхозный свинарник или, в лучшем случае, коровник. И что если его не одернуть сейчас, через неделю будет поздно. Потому что сваи пока еще можно переустановить, а потом, когда будут положены перекрытия, разбирать конструкцию никто не станет. Она артистически показала, как возмущался шеф, при этом изобразила, как он размахивал руками и какие употреблял при этом выражения, намекая на наличие в них «слегка ненормативных». При этом она саркастически смеялась, темпераментно сжимая кулаки и стуча по столу.

Настроение шефа в настоящий момент вполне соответствовало тому представлению, которое сложилось у меня после вчерашних шоринских комментариев.

– Гена, Вы должны объективно сказать, прав я или нет. Я просто уверен, что там косо установлена свая. Это видно невооруженным глазом! А этот Тугун – прораб – издевается надо мной! Петрушку из меня делает! Нагло утверждает, что свая стоит строго вертикально. Сами сейчас увидите и скажете.

Несколько шагов мы прошли молча. Потом шефа снова

понесло.

– Я с этой стройкой сна лишился! А эти строители такие наглые – в глаза смеются! При этом на черное говорят – белое! Порой я уже думаю, или я ненормальный, или прораб, или мы оба. Будете третейским судьей. Вот, смотрите. Уже отсюда видно, что вон та свая, слева которая, стоит косо! Как вы считаете?

– Пожалуй, да. Мне тоже кажется, что она немного наклонена влево. Я ориентируюсь по краю здания кафедры техники высоких напряжений, – сказал я.

– Вот, – оживился Ампилов, – и Вы тоже так считаете! А они мне пытаются втереть очки. Элла Шорина также это заметила.

Мы обошли заграждение и оказались на стройплощадке. Бульдозер уже пыхтел всюду, ровняя площадку на заднем плане. Грохотал компрессор, сварщики варили арматуру. Справа самосвал ссыпал гравий. Ампилов посмотрел на часы.

– Вот, уже начало одиннадцатого – их никого нет. Как всегда! Аристократы хреновы! А договаривались на десять, он сам назначил это время. Посудите, Гена, можно ли так работать? – пыхтел он, как паровоз.

Я счел его вопрос риторическим и молчал, наблюдая за процессом строительства.

– Чего же Вы молчите? Я что, не прав? Можно ли так работать, Гена?

– Подождите, Валентин Аркадьевич, не гневитесь. Вон они, кажется, идут. Двое. С папками. Они?

– Где? А, да. Наконец-то, – он посмотрел на часы.

– Опаздываете, друзья! Мы вот с коллегой уже уходить собрались, да побоялись, что вы так и оставите косую сваю, как есть! – сказал он, не поздоровавшись.

К нам не спеша подошли строители. Один был высокий, дородного телосложения, круглолицый и толстощекий с мощными выдающимися вперед черными усами. Как у лихого боцмана времен первой мировой. Он был без головного убора, и его тяжелая черная шевелюра чуть спадала на высокий лоб, придавая его лицу выражение незыблемой твердости характера и какой-то непоколебимой уверенности в себе. Черные, как угли глаза смотрели весело и даже несколько задиристо. Другой – среднего роста, сухощавый, прямой, как жердь, с впалыми щеками и глубоко сидящими серыми глазами. Аккуратно застегнутая кожаная куртка и темно-синий берет, надетый слегка набекрень, подчеркивали строгость выражения его лица. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это человек недюжинного интеллекта и знающий себе цену.

– Здравствуйте, Валентин Аркадьевич! Что это Вы с утра раннего уже скандалить начинаете? – шутливо сказал усач.

– Здравствуйте, Валентин Аркадьевич! – поздоровался его спутник с подчеркнутым достоинством.

–Здравствуйте-здравствуйте! Вот, знакомьтесь. Мой кол-

лега. Старший преподаватель Очерет Геннадий Алексеевич. Он у нас и научную работу ведет. Так сказать, заинтересованное лицо первой степени. Это ему в первую очередь в новом корпусе работать. Вот он и проявляет к нему не последний интерес. Можно, говорит, Валентин Аркадьевич, с вами на стройку сходить? Хочу посмотреть, скоро ли мы на новом месте трудиться будем. Вот шли мы сюда, а Геннадий Алексеевич и говорит: «Вам не кажется, Валентин Аркадьевич, что вон та свая косо стоит»? Я говорю, что мне это удивительно. Мол, начальство утверждает, что стоит она прямехонько – хоть сейчас по отвесу проверь. А он свое – косо стоит свая, и все. Вот и поясните нам, пожалуйста, уважаемый Иван Никанорыч, у нас что, у обоих дефект зрения, психики или и того, и другого? Да, забыл представить. Простите, Геннадий Алексеевич. Иван Никанорович Тугун, прораб. А это, – указал он на сухощавого, – Николай Федорович Михалев, начальник участка.

Мы пожали друг другу руки.

– Валентин Аркадьич, Вы до сих пор не верите, что все в пределах допуска? – спросил Тугун.

– Какого там, извините, на хрен, допуска, если даже невооруженным глазом всем видно, что свая стоит косо! Гена, так?

– По-моему косо, – поддержал я своего шефа, чувствуя себя совершенной марионеткой, клоуном в этом спектакле без репетиции и режиссуры.

– Валентин Аркадьич, существуют нормы допуска, которых мы обязаны придерживаться при монтаже здания. Абсолютно вертикально установить невозможно. Вы, как ученый, лучше меня это знаете.

– Зачем вы, Иван Никанорыч, начинаете разъяснять нам, что дерево деревянное, а черное – это белое?

– Это вы, Валентин Аркадьич, хотите убедить меня в том, что я не специалист своего дела. Я вам говорю, все в пределах допуска, а Вы мне пытаетесь доказать обратное. Что я, жулик какой-нибудь? Первый год на стройке работаю, что ли? Я отвечаю за свои слова, – возмутился прораб.

– Иван Никанорыч, мы же взрослые люди! Зачем делать из меня дурака? «Вы не специалист», – говорите Вы мне. – Да чтобы видеть, что свая стоит косо, не нужно быть никаким специалистом! Спросите у кого угодно, ровно ли стоит свая? Пригласите любого школьника и задайте ему этот вопрос! Что он вам ответит?

– Оказывается, Валентин Аркадьич, нужно! Нужно быть специалистом своего дела, чтобы взять на себя такую ответственность – громогласно заявить, что свая установлена в соответствии с техническими нормами!

– Нет, давайте проведем эксперимент – любого школьника с улицы! Чтобы абсолютно независимое суждение услышать!

– Независимое – это одно, а профессиональное – это другое.

– Какой тут на хрен профессионализм?! Косо или нет? Какие тут профессиональные навыки? Двоичная система: да или нет! Вот и весь профессионализм!

– Да что Вы нервничаете, Валентин Аркадьич? Конечно, сейчас строительство и медицина – это те области, в которых каждый считает себя большим специалистом! Ан-нет!

– Так! Я требую переустановки сваи. Давайте соберем компетентную комиссию, пусть она проверит, кто из нас прав! Готов с Вами поспорить – Вы здесь неправы.

– Уважаемый Валентин Аркадьич! Какая там комиссия! Зачем она нам? Вы все равно не поверите, если она подтвердит мои слова. Будете требовать более высокую комиссию. А потом? До самого генсека дойдем?

– А как же мне Вас вразумить, если Вы отказываетесь смотреть правде в глаза? Кто разрешит наш спор? Вы не верите очевидному! Как Вам доказать, что черное – это черное, а белое – это белое? – беленился Ампилов.

– Да зачем нам комиссия? Вы строительной документации верите? Нормативные документы признаете?

– Конечно! Но...

Разгоряченный Тугун беспардонно перебил Ампилова.

– Тогда давайте сами проверим!

– Как мы проверим, если Вы элементарную логику отрицаете? Рухнет здание на такой свае к едрене матери! Переделывать надо, пока не поздно! Собирайте компетентную комиссию! Пусть при мне перемеряют!

– А я Вам говорю – все в пределах допуска! Зачем комиссия? Давайте сами перемеряем. Себе-то Вы, я надеюсь, верите? Готов спорить на что угодно!

– На ящик коньяка! – предложил Ампилов.

–С удовольствием, Валентин Аркадьич! Только при свидетелях. Если в пределах допуска – ставите мне ящик коньяка! Немедленно!

–А Вы мне, если нет! И тут же сваю переставляете! Согласны?

–Согласен! Николай Федорович, – обратился прораб к своему коллеге, – принеси, пожалуйста, нормы.

Инженер, до сих пор философски наблюдавший за спором, спокойно направился в фургон, рядом с которым мы стояли. Оттуда было слышно, как кто-то кричал по телефону:

–Где арматурное железо? Со вчерашнего дня ждем! Тут с нас шкуру снимают за нарушение сроков, а вы телитесь! Выехала машина? Где же она тогда? Ждем! Что же нам еще остается делать?

Прораб стоял молча, натопорщив усы, а мой шеф не унимался.

– Кто будет проверять? Опять Вы? Или этот ваш Николай Федорович?

–Сначала я Вам покажу нормы, а потом Вы сами измеряете! Это школьная геометрия, – сдержанно сказал Тугун, но по тону его голоса чувствовалось, как напряжены его нервы.

Начальник участка вышел из фургона с увесистой книгой и протянул ее прорабу.

– Ага, вот как раз закладка на месте. Смотрите, Валентин Аркадьич. Читайте – предельно допустимые углы наклона свай. Прочитали? Записывайте. А то потом скажете, что я Вас обманул.

Ампиров взял книгу, полистал, поправил на носу очки и стал водить пальцем по графам.

– Гена, подержите, пожалуйста. Я действительно сам запишу. А то Вы видите, какая тут публика! – кивнул он в сторону строителей.

Те не обратили на его реплику ни малейшего внимания и терпеливо продолжали ждать. Прораб курил сигарету, а начальник участка перебирал какие-то бумаги в своей картонной папке. Все молчали.

– Записал. Давайте мерить. Как Вы предлагаете это делать? – деловито спросил Ампиров.

– Что ж, давайте. Николай Федорович, подгони-ка вышку. Инженер кивнул и ушел за фургон. Через пару минут к злополучной свае подъехала машина с выдвижной вышкой.

– Иван Никанорыч, мы готовы, – впервые за время беседы услышали мы голос начальника участка.

Он молча влез в корзину.

– Поднимай! Отвес у меня в кармане! – крикнул он водителю.

Машина загудела, и через минуту Николай Федорович

приложил бечевку отвеса к нависающему краю сваи.

Тугун протянул Ампинову стальную линейку.

– Меряйте сами, Валентин Аркадьевич. Вот линейка.

Ампиров измерил расстояние от края сваи до клювика отвеса.

– А высота сваи? Только не по проекту и не с ваших слов! Мне нужно истинное значение, – ехидно цедил слова Ампиров.

– Сейчас. Николай Федорович! Сделай там отметку на отвесике! Узел завяжи, что ли! Практика – критерий истины. Завязал? Бросай сюда!

Когда инженер вылез из корзины, Ампиров с прорабом уже растянули по земле отвес и рулеткой стали измерять его длину.

– Измерили, Валентин Аркадьевич? Записали? Отлично. Вот логарифмическая линейка. Катеты известны – вычисляйте угол наклона. Готово? Ну, как

– Гм! Действительно в норме! Поднимаю обе руки, – обескуражено улыбнулся Ампиров.

– А ящик коньяка?

– Завтра утром, Иван Никанорыч! Утром!

– При тех же свидетелях. Идет?

– Ладно! Можем и других пригласить!

Ампиров явно не чувствовал себя проигравшим.

На следующее утро мы с прорабом и начальником участка по договоренности с шефом в восемь ноль-ноль ждали его у

дверей кабинета. Здесь же были Исаков и Буланова. Потом прибежала Шорина. Она была в каком-то особо приподнятом настроении. «Это неспроста, – решил я, – что-то будет». И, как потом оказалось, не ошибся.

– Обманет ваш шеф, вот увидите, – сказал Тугун, выпуская огромный клуб дыма.

– Не может быть, – ответил я.

– А я вам говорю – обманет. Почему его до сих пор нет?

– Он человек занятой. Сами знаете, – возразила Буланова.

Мне было обидно слышать, как о шефе говорят непочтительно. Слово он был моим отцом. Хотелось наговорить Тугуну дерзостей.

Ампиров появился только в половине девятого. Они поделовому переглянулись с Шориной и злорадно улыбнулись.

– Так, идемте ко мне в кабинет. Там рассчитаемся.

Мы дружно направились вслед за шефом. В кабинете было душно и смердело изоляцией. Окинув помещение беглым взглядом, я понял, что запах исходит большая бухта кабеля, лежащая в углу под полиэтиленовой пленкой.

– Подождите, окно открою. Так. Я обещал Вам, Иван Никанорыч, ящик коньяка, если окажусь не прав?

– Обещали, Валентин Аркадьич.

– Получите! – Ампиров с едкой улыбкой открыл книжный шкаф и извлек оттуда маленький фанерный ящичек, на дне которого в игривых лучах утреннего апрельского солнца поблескивали маленькие коллекционные бутылочки трехзвез-

дочного коньяка.

– Это не ящик, Валентин Аркадьич. Так не честно, не поджентльменски.

– Ну почему не честно? Ящик обещал – ящик и поставил. Мы же не оговаривали, какой ящик и какие бутылки! Вот свидетели. Верно, товарищи свидетели?

– Не оговаривали – это верно. Но все, и Вы, в том числе, прекрасно знали, о чем речь. По векселям надо платить, Валентин Аркадьич!

Притворно улыбаясь и кокетливо сжимая губы трубой, Ампиоров продолжал:

– Проиграл – поставил. А что не оговорили какой ящик – это уж Ваше упущение, Иван Никанорыч! Ха-ха-ха-ха!

– Ну, вы, Валентин Аркадьич, прямо-таки ходжа Насреддин. Но мы с Вами не в Бухаре. А здесь – это непорядочно.

И прораб спокойно покинул кабинет, даже не хлопнув дверью. За ним, храня олимпийское спокойствие, вышел Михалев.

– Как я этого прощельгу, а? – ерничал Ампиоров, – Мы же действительно не оговорили какой ящик. Он одно имел в виду, а я другое! Ха-ха-ха-ха! Верно?

Он искал у нас поддержки, оправдания перед самим собой, перед своей совестью. Но поддержала его только Шорина:

– Это было, конечно, непревзойденно! Я про себя смеялась до слез! Так остроумно наказать! Он рассчитывал на

бесплатную выпивку, а тут – на тебе! Ящик, но какой ящик! Ха-ха-ха! Ой, я не могу! Ха-ха-ха-ха! Ну, Валентин Аркадьевич! Вы – гений!

Остальные молчали и переглядывались.

В конце дня Шорина нам высказала:

– Шеф очень обиделся, что вы его не поддержали в пари с прорабом.

– По-моему, твоя поддержка с лихвой это компенсировала, – отпарировала Буланова. – Лично я не могла на это смотреть!

– Я тоже, – добавил я.

Феклушин деланно расхохотался:

– А мне нравится, как шеф его – мордой в каку! Ха-ха-ха! Ой, класс! Ха-ха-ха! Правда, Виталий Никитич? Ха-ха-ха!

Исаков снял очки и начал их протирать. Глядя из-под густых бровей на Шорину, он с улыбкой прокомментировал:

– Со стороны это, конечно, смешно. Но прораб сказал верно: по векселям надо платить. Так нечестно и непорядочно.

– А они, ты думаешь, порядочные? – кипятилась Шорина, – Посмотри, сколько они стройматериалов разворовали! А сколько раствора просто так пропало по их вине! Он еще до того сто раз наверстал нынешнюю потерю! Пусть теперь на собственной шкуре почувствует, каково это, когда с тобой поступают нечестно!

– Это уже другой вопрос, Элеонора Спиридоновна, – сказал с улыбкой Кусков, не вынимая рук из карманов, – но раз

уж договорились, да еще при свидетелях – нужно по счету заплатить сполна!

– Не корчи из себя клоуна, Виталя! Ты же умный парень и прекрасно знаешь, что к чему! – выпалила Шорина и, хлопнув дверью, вышла из преподавательской.

– Да что Вы ее убеждаете? – медленно и как бы между прочим процедил Окин, – Пусть себе на здоровье хвалит своего шефа. А вы молчите – и все. Это именно тот случай, когда молчание красноречивее всяких слов.

Юлий Гарбузов

28 октября 2001 года, воскресенье

Харьков, Украина

22. Премия за радиокорпус

Приближались майские праздники. Кафедра уже успела устать от занятий, науки, индивидуальных поручений и шефовых заморочек. Каждое занятие давалось с трудом. Требовался отдых – хотя бы небольшой. И в этот день мы с Булановой решили убежать домой сразу после лабораторной работы, которую проводили в паре. Вот, наконец, прозвенел долгожданный звонок, и мы вытолкали студентов из лаборатории. Я уложил вещи в портфель, надел плащ и ожидал, пока приготовится Антонина.

– Гена, – сказала она, – я сейчас. Вот только свои записи возьму, и сразу бежим. Дома хочу кое-что успеть сделать. Надо умотать, пока шеф не заявился с каким-нибудь «срочным поручением».

Она принялась рыться в ящиках своего стола, перебирая тетради, которых у нее было несметное количество.

– Тоня, скорее, а то и вправду шефа нелегкая принесет!

– Вот, я уже готова. В соответствии со всеобщей теорией стервозности эта проклятая тетрадь попалась мне в последнюю очередь! Видишь?

Она стала перед зеркалом и начала причесываться, готовясь к выходу.

– Гена, как мне в этой шапочке? Ничего, а? Или лучше идти вообще без головного убора?

– Нормальная шапочка. Пошли скорее. Хочется хоть сегодня прийти домой пораньше, как все нормальные люди.

– Посмотри, может лучше в косыночке? Это мне муж на Восьмое марта подарил.

Косыночка была очень легкой и по-весеннему яркой. Она действительно была ей больше к лицу.

– В косыночке, пожалуй, лучше. Иди в ней. Только поскорее. Уж очень долго тебя ждать приходится, – ответил я, не скрывая нетерпения.

– Подумаешь! Один раз пять минут попросила подождать, так тебе уж и некогда. Лучше пальто мне подай.

Я направился было к вешалке за ее пальто, но тут мы услышали, как открылась и закрылась дверь в лабораторию, отделявшую преподавательскую от коридора. По четким шагам мы узнали походку шефа, направлявшегося в нашу преподавательскую. Дверь распахнулась, и вошел Ампилов с традиционно озабоченным видом. «Про волка промовка, а он тут как тут», – подумал я, готовый растерзать Буланову в клочья.

– Здравствуйте! – поздоровался он и сел за крайний стол.

Шеф был явно в хорошем настроении, но в данный момент нам с Тоней оно не предвещало ничего хорошего.

– Тоня и Гена, сядьте, пожалуйста. Разговор есть.

Он потер руки одна об другую и откинулся на спинку металлического колченогого кресла.

– Рановато топить перестали. Холодно еще. Правда?

Антонина, подготовившаяся, наконец, к выходу, бессильно опустилась на ближайший стул.

– Валентин Аркадьевич, мы устали. Три пары подряд у меня и у Гены!

– Тоня, да Вы, никак, опять опаздываете с работы? Что же, обстоятельства сильнее нас! Придется задержаться. Дело первостепенной важности.

– Валентин Аркадьевич, у Вас других дел просто не бывает! – возмутилась Буланова, досадуя на свои кокетство, шапку, косынку и потрепанную тетрадь. Она понимала, что если бы не ее выкрутасы, мы были бы уже у остановки трамвая на Пушкинской.

– Верно. Я к вам обращаюсь только в самых крайних случаях. Предпочитаю все, что только можно, делать сам. Но меня, к сожалению, на все не хватает. В сутках всего лишь двадцать четыре часа. Я забыл, когда последний раз был не то, что в театре, а в обычном кино. Это вы в курсе всех последних событий в этом мире! А я вот и последнего журнала уже две недели не могу просмотреть. Мне из Казани Петров звонит, читал ли я их последний опус, спрашивает! А я и не открывал его! – Ампилов вздохнул, но хорошее расположение духа все же оставалось при нем.

– Стыдно сказать, но я даже газет не успеваю просматривать! Хорошо, что парторг не слышит! Вы же знаете, Шорина – человек принципиальный. Не посмотрит, что я заведующий кафедрой! Вклеит мне взыскание по партийной ли-

нии! А мне, при моих тяжбах с администрацией да этими халтурщиками – строителями, только партийного взыскания не хватало!

«Кокетничает здесь еще! Можно подумать, он и в самом деле Шориной боится!» – возмущилась про себя Буланова. Но шефу в глаза такого, конечно, не скажешь.

– Валентин Аркадьевич, а я детей своих вижу только рано утром и поздно вечером! Кроме того, мы с Геной так устали, что все равно наша беседа в толк уже не пойдет. Давайте отложим ее до завтра.

– Тоня, когда вы, наконец, повзрослеете? Сколько я Вам говорил, не нужно расписываться за других. Геннадий Алексеевич молчит, а Вы за него со мной пытаетесь диалог вести. Ей-Богу, в Вас пропала великая адвокатесса нашего века! Я бы сам с удовольствием отложил эту беседу не то, что до завтра, а вообще на неопределенный срок. Но, повторяю, обстоятельства сильнее нас.

– Валентин Аркадьевич!.. – начала было распляться Буланова, но Ампиоров повысил голос:

– Сядьте, Тоня! Послушайте меня, пожалуйста! Закончим разговор, и я Вас больше не задерживаю! – Он сделал паузу и продолжил совершенно спокойным тоном. – Я сейчас посмотрел ваши расписания. Завтра Вы с Геннадием Алексеевичем свободны. Я имею в виду, занятий нет. Так вот, я хотел бы, чтобы завтрашний день вы посвятили вот чему.

Буланова в изнеможении уронила голову на грудь, а у ме-

ня все внутри заняло, защемило и сжалось. Рухнули все планы на завтра, единственный свободный день перед праздником. Ну зачем я дожидался Буланову? Почему не ушел без нее? Почему не сказал, что я очень тороплюсь? Нет, пора начинать жить своим умом! Вечно я у кого-нибудь на поводе!

А шеф достал носовой платок, отчаянно высморкался и начал свой монолог.

– Извините, пожалуйста. У меня насморк. На стройке такие сквозняки!

Он спрятал в карман по обыкновению немилосердно измятый носовой платок, посмотрел на часы и продолжил:

– Днями должна быть комиссия по приему в эксплуатацию нашего радиотехнического корпуса. Когда именно, пока еще не известно. Но очень скоро. Хорошо, что не завтра, иначе была бы катастрофа. Вот почему я хочу, чтобы завтрашний день ни в коем случае не был потерян. Завтра мне могут позвонить и сказать, что комиссия назначена на послезавтра. Тогда мы окажемся в очень щекотливом положении. Понимаете

Мы продолжали слушать, не обратив внимания на риторический вопрос шефа.

– Я хочу, чтобы вы с Геней завтра с самого утра занялись обследованием нашего нового корпуса. Ну, не с восьми, чтобы не душиться в переполненном транспорте и чтобы Тоня успела управиться с утренними делами – дети, завтрак и прочее. Часиков, скажем, с десяти, не позже. Идет?

– Что нам еще остается? – сказал я в полной безнадежности.

– Так вот, к десяти утра я вас жду у себя в кабинете. Я вам дам общую тетрадь, в которую вы должны будете все записывать. Вы пройдете с первого этажа, даже нет, с подвала и гаражного помещения до самой крыши. Ваша обязанность отыскивать все недоработки, все дефекты и недоделки. Хорошо бы прихватить еще кого-нибудь. Но это уж я сам отловлю, кто после первой пары освободится, чтобы до вашего прихода.

Он опять высморкался и тут же вернулся к прерванному монологу.

– Фиксируйте, пожалуйста, каждую мелочь, каждый негативный штришок! А то я этому прощельге Тугуну – чугу-ну, прорабу нашему и всей его компании, обещал премию по оборонной хозтеме. Если без недоделок сдадут наш корпус к Первомаю. Не платить же этим халтурщикам премию, в самом-то деле!

Буланова зыркнула на меня взглядом, полным возмущения, и мы поняли друг друга без слов. «Почему он так не хочет, чтобы люди получили премию, которую сам же им пообещал? Ведь люди старались, работали, не считаясь ни с чем! Почему он так с ними обходится? Ведь премию-то они честно заслужили! И не из его кармана к тому же!»

– У вас есть ко мне какие-нибудь организационные вопросы

– Есть, – сказала Буланова, – С одиннадцати нельзя? Праздники на подходе, а у меня в доме – хоть шаром покати...

– Не принимается! – остановил ее Ампиоров, – Вы должны все сделать до вечера. И чтобы я успел изучить ваши замечания и, если что не так – исправить положение вещей. Что еще?

– У меня ничего, – сказал я.

Антонина молча встала. Шеф последовал ее примеру и направился к выходу. У двери он остановился и бросил через плечо:

– Только, пожалуйста, без опозданий. Я настаиваю.

Он вышел, а мы, теперь уже не торопясь, заперли преподавательскую, потом – лабораторию-предбанник и с потухшим настроением пошли домой.

– Может, зайдем в кафе? По чашечке кофейку? – предложила Буланова.

– С коньячком?

– С коньячком!

– Идем!

Перейдя Пушкинскую, мы оказались у дверей кафе. Там было душно, немного накурено, но малоллюдно. Став у окна, мы заказали по чашке кофе с коньяком.

– Коньяка нет, – сказала барменша, – Только ликер «Мятный».

– Берем?

– Здесь как с шефом, – улыбнулась Буланова, – нет иного выхода.

Кофе был горячим и ароматным. Мятный ликер, как нам показалось, был с ним вполне совместим.

Вместе с кофе по моему телу разошлось приятное тепло и меланхоличное спокойствие. Каждый глоток разогревал все сильнее и сильнее. Через пять минут мне уже не было так тягостно от недавней беседы с Ампириным. Булановой, мне показалось, тоже.

– Тоня, почему он не хочет, чтобы люди получили премию? Что ему от этого?

– Такой человек! Ему же нейдет, если кому-то хорошо. Но самое ужасное, что мы должны в этом участвовать! – сокрушалась Буланова.

– Можно и отказаться.

– И что тогда? Я не имею в виду, что нам не поздоровится – я согласна. Но если бы от этого был какой-нибудь толк! Он тогда «отловит», как он выразился, еще кого-нибудь из наших. И все равно – выйдет по его. Шорина и Феклушин всегда к его услугам, например. Как страховочный вариант. И многие другие тоже. В итоге только отравим себе жизнь, и все.

– Как это гнусно, Тоня! Но ты, несомненно, права. Не хочется из-за этого менять работу, чтобы опять все начать с нуля на новом месте. Что, еще по чашечке?

– Я бы с удовольствием, но пора домой. И так полдня на

смарку. Все настроение, гад, испортил!

– Тогда пойдем!

Мы с Булановой уже полдня рыскали по корпусу в поисках недостатков, заглядывая во все щели, и невольно наслаждались не по-советски высоким качеством строительных работ. Мы предпочли не разделяться и ходить вдвоем. Как видно, шефу так и не удалось больше никого «отловить», чтобы увеличить нашу компанию. Или, что вероятнее всего, у него до этого просто руки не дошли.

– Чудесная работа! Я просто удивлен – так здорово все сделано! Нечего и записать. Верно, Тоня?

– Не говори, Гена! Как не у нас! Хоть самим испорти и запиши, чтобы шефу рот заткнуть.

Секунду помолчав, она добавила:

– Но надо же что-то написать. А то скажет – мы только прогуляли и ничего искать даже не думали.

– Что ж, начнем сначала, только в обратном порядке. С крыши до гаража вниз.

На крыше все было в норме. Крыша, как крыша. Рубероидное покрытие, кирпичные бортики, башенка с приваренной железной лесенкой.

– Тоня, смотри-ка, одна из перекладин лесенки немного косо приварена. Но это почти незаметно, несущественная мелочь.

– Все равно давай запишем, – она раскрыла тетрадь и записала.

– Так. А что на пятом этаже не так?

Я отворил дверь с надписью «Аспирантская».

– Смотри-ка, Гена. Дверная ручка немного шатается. Это, что ли, записать?

– Стыдно, конечно, такое записывать, но больше, как видишь, нечего.

Она снова записала и посмотрела на меня мученическими глазами.

– Дальше пошли, – предложила она.

Нам удалось сделать только пять записей. Больше мы ничего не смогли найти, как ни старались.

– Пойдем, Тоня, хоть это доложим. А то шеф уже, наверное, извелся в ожидании.

Шеф посмотрел наши записи и скривился так, словно ему без воды дали добрую порцию хинина.

– Взрослые люди! С высшим образованием! Студентов учите! И, кстати, неплохо учите! А тут беспомощные, как малые дети! Вы что, недостатки искать не умеете? Детский сад, да и только! Когда вы уже, наконец, перестанете ходить в коротких штанишках? Опять все придется самому делать! Ну почему, почему я ни на кого не могу опереться? Без Валентина Аркадьевича даже унитаза не поставят! Пойдемте со мной оба!

Войдя в холл первого этажа, шеф решительным шагом подошел к окну.

– Смотрите – вот краска отстала. Пузырем поднялась, ви-

дите?

Он нервными движениями принялся расковыривать ногтем небольшое вздутие краски на руке.

– Вот – лупится, видите? Запишите, Тоня.

– Это же такая мелочь, Валентин Аркадьевич! На это и внимания никто не обратил бы, – прокомментировала Буланова.

– Печально, что вы не обратили. Этак этим проходимцам и премию дать придется! А вот, смотрите, шпингалет косо установлен! Удивляюсь, как вы могли этого не заметить! Или вы специально этому «Чугуну» подыгрываете? Пишите, Тоня! Дальше пойдем! А вон, смотрите – наличник отстает! Пишите, Тоня, все пишите! В аудиторию пойдемте! А вот и плинтус тоже отстает, – он носком стал толкать плинтус, указывая на щель.

– Валентин Аркадьевич, это же совершенно несущественные мелочи. Они все равно в расчет не идут, – сказал я.

– Наивный вы человек, Гена! Когда мелочей много, в расчет идет суммарный, вернее, интегральный эффект. А то, что эта строительная братия премию получит – существенно? То-то! Смотрите, вот здесь шпаклевка выскочила. Тоня, Вы пишете? Пишите все! И нумеруйте по порядку: первое, второе, третье... В дверной петле одного шурупа нет! Видите? Вы пишете? Дальше пойдем! Детский сад мне с вами, да и только!

Мы поднялись на крышу. Ампилов перегнулся через бор-

тик.

– Тоня, пишите. Торцевая стенка смолой испачкана!

– Да сколько там испачкано! Пятнышко какое-то! Пять минут потереть кирпичом – и все! Стоит ли такое писать? – открыто возмутился я.

– Обязательно писать! Обязательно! Так это же надо тереть! А то, что мы написали? Сколько там таких мелочей набирается? Кстати, какая это по счету запись уже?

– Двести сорок третья, Валентин Аркадьевич! – сказала Буланова, чуть не плача.

– Закончим на этом. В конце не забудьте поставить «и так далее».

Тридцатого апреля мы все пришли на торжественную сдачу в эксплуатацию нашего радиофизического корпуса. После хвалебных речей председателя комиссии по приему слово взял Ампилов.

– Хорошие слова – «принять с оценкой “отлично”», «сдано в срок», «поощрить премией»! Все сейчас так хорошо и красиво говорили, что я невольно заслушался и даже забыл о той массе недостатков, которую по моей просьбе обнаружили преподаватели нашей кафедры. Это им работать в новом корпусе, им сидеть в его лабораториях, ассистентских аспирантских, преподавательских! Им читать лекции в его аудиториях! И что же? Вот! Полюбуйтесь, сколько недостатков обнаружили преподаватели, даже не будучи специалистами в области строительства! Я сам лично все перепроверил и

убедился, что преподаватели зафиксировали только малую часть имеющихся недостатков! Правда, уважаемая Антонина Саввична в конце написала – «и тэ дэ». И так далее! Лень? Думаю, что нет! Они просто устали записывать огрехи наших многоуважаемых строителей во главе с Иваном Никанорычем Тугуном! – Он сделал вид, что выговаривает эту фамилию с трудом. – Читаю по порядку.

Ампиров принялся зачитывать все, что мы накануне записали: первое... второе... третье... На сороковом он остановился. Ну, и так далее. Записано двести сорок три недостатка, а в конце – это самое «и тэ дэ».

– Валентин Аркадьевич! Это же не суть недоделки! Это мелочи, устраняемые в течение десяти минут! – возмутился Тугун.

– Каких там десяти минут! Я вот читаю уже дольше! Кроме того, их только записано двести сорок три! А сколько еще не записано? Комиссия, вон, слушать устала!

Он вынул все тот же носовой платок и громко высморкался.

– Извините! Сквозняки кругом! – Он помолчал. – Да при таких «мелочных огрехах» ни одна работа не может быть принята! Притом еще и с оценкой «отлично»! Может быть, вы не верите? Я готов вместе с вами, уважаемыми членами комиссии и моими преподавателями снова взять на себя этот колоссальный неблагодарный труд и проверить каждую запись! Пойдемте, Иван Никанорыч! Пойдемте, говорю вам!

Сами убедитесь!

Он сделал вид, будто намеревается идти обследовать корпус.

– Да никто не спорит, Валентин Аркадьевич! Но я Вам еще раз повторяю – это ме-ло-чи! Без них не бывает! Нет ничего идеального!

– Да, но таких «ме-ло-чей» только записано двести сорок три! Какая же тут, простите, к чертовой матери, премия? Тут еще пахать да пахать! Халтурите! Делаете на спех! Как говорят в Одессе – «на гихер»! Только премия у Вас на уме! А доделывает пусть Валентин Аркадьевич со своими преподавателями? Нет уж, такой ценой сдача в срок – еще хуже, чем с запозданием! Только премии вышибаем! А на качество нам наплевать! Да это же на оборонные деньги строилось! Министерство обороны я обманывать не буду! И Вам не позволю! Давайте доделаем, а потом о подписке актов поговорим! Вот – возьмите тетрадь, Иван Никанорыч! А мы, извините, пойдем. Нам работать надо! Я не хочу, чтобы мои преподаватели работали с таким же качеством, как Вы!

Председатель комиссии посмотрел на часы.

– Да! Доделать, конечно, надо. Иван Никанорович, до Дня Победы, я надеюсь, успеете? После Девятого Мая соберемся снова. Все верно! Не знаю, как Вам, Иван Никанорович, а мне, например, стыдно, что я не заметил того, что нам сейчас зачитал Валентин Аркадьевич. Все свободны. Работайте, Иван Никанорович!

Юлий Гарбузов
3 января 2002 года, четверг
Харьков, Украина

23. Пистолет

Июльское полуденное солнце беспощадно обжигало каждого, кто отваживался покинуть тень. Мы стояли под густой сенью платана, и я с грустью смотрел в глаза Марине. Подняв на меня взгляд, она нежно улыбнулась и зачем-то стала поправлять воротник моей рубашки. Тетя Клава – ее мама – и семилетний брат Петька стояли чуть поодаль, ожидая объявления посадки на речной трамвай до Тарасовки. Я вновь поймал Маринин взгляд, и ее темно-синие глазищи сверкнули каким-то особым и, как мне показалось, демоническим блеском.

– Ха-ха-ха, – смеялась она. – Ну чего ты на меня так смотришь? Ха-ха-ха-ха! Хоронишь меня, что ли?

– Мариночка, – пролепетал я, задыхаясь от волнения, – как же так? Ты уезжаешь... Бросаешь меня здесь... Я этого не переживу!

– Еще как переживешь, Геночка! Как миленький переживешь!

– Издеваешься?

– Вот увидишь – ничего с тобой не случится! Ха-ха-ха-ха!

Подбежал Петька и весело прощebetал:

– Маринка и Генка! Мама спрашивает, вам купить мороженого?

– Нет, – отмахнулся я от него, как от комара на рыбалке.

– А мне пусть купит, – кокетливо сказала Марина, – и Гене, разумеется, тоже.

– Так он же не хочет!

– Это он так, скромный очень. Давай, наминай скорее мороженое. А то сейчас посадка будет.

– Слышь, Петька! Мне, я сказал, не надо! – повторил я.

– Надо! Надо! – кричал он, убегая к матери.

Маринка опять залилась звонким смехом, от которого у меня мутился рассудок. Я смотрел на ее грациозную фигуру, красивые нежные руки, длинные, необычайно длинные черные ресницы и косы пепельного цвета. Наверное, – думал я, – именно про такие косы поется в песне: «Полюбил он пепельные косы, алых губ нетронутый коралл»... Губы у нее тоже как коралловые. Только уже не эти... «нетронутые». Я их столько целовал! Вот и сейчас поцелую. При всех! Я сгреб ее в охапку и попытался поцеловать. Но она, обычно такая нежная и ласковая, резко оттолкнула меня и гневно посмотрела мне в глаза.

– С ума сошел, что ли? Целоваться среди бела дня лезет! Да еще при всех! Прямо на глазах у мамы моей! Она мне знаешь как даст, если увидит! Ты этого хотел? Да? Чего позоришь меня на речном вокзале?! Здесь столько знакомых!

– Прости. Не мог удержаться, – оправдывался я.

– Подумаешь! Любовь свою всем показывает! Зачем они мне? Да они обо мне знаешь, что подумают! Все. Пришел, попрощался – и хватит. Пока! До конца августа!

Она резко повернулась, вознамерившись идти к матери. Но тут подбежал Петька и протянул нам по порции мороженого в вафельных стаканчиках. Она взяла. И я тоже. Машинально.

– Как? Вкусно? – спросил Петька.

– Да, очень, – ответил я, не думая.

– Ну вот! А задавался! Кричал – не хочу! – язвил Петька.

– Петро, не галди, – сказала Марина. – Нам с Геной поговорить надо.

– А вы до сих пор не поговорили? Целовались даже! Я видел!

– Ты чего брешешь? Кто целовался? Гена попрощаться хотел, а я ему – еще рано! Понял? А ну-ка чеши отсюда! А то сейчас таких чертячек надаю! – гневалась Марина.

– Да иди ты – надаю! Как залындю сейчас! – по-уличному ответил Петька.

– Что еще за слово – залындю? От кого ты его слышал?

– Отвяжись ты! Ни от кого!

Петька, не оглядываясь, пошел к матери, изнывавшей от жары в плотной тени платана у самой пристани.

– Видишь, как ты меня опозорил! Теперь маме скажет! И мне влетит. Давай, уходи. Сейчас посадка начнется.

– Прости, я не хотел. Просто мне очень грустно с тобой расставаться.

– Что я, надолго, что ли? Меньше, чем через месяц буду. У тебя друзей куча. По рыбу с Вовкой пойдешь!

– Ну их. Я больше не хочу по рыбу. Я с тобой хочу. Вот ты поедешь в свою Тарасовку, а там столько пацанов! Наверняка кто-нибудь лучше меня найдется!

– Найдется, так найдется. Что ж поделаешь, если сумеет понравиться! Такая судьба, значит! – дразнила она меня.

– А-а-а... вон ты как? Чего же ты мне тогда мозги морочила? Вчера еще говорила, что любишь!

– То было вчера.

– А сегодня у тебя уже другие намерения? Успела разлюбить? Врала, значит?

Я с силой швырнул почти целый стаканчик мороженого в Днепр. Гнев захлестнул меня горячей волной, мне захотелось наговорить Марине оскорблений – штук пятьсот, не меньше. Я задыхался от злости и не находил подходящих слов. Все казались недостаточно обидными, слишком мягкими.

– Ты... Ты! Я теперь... – шипел я ей в лицо, захлебываясь от ярости.

– Все, все, успокойся ты, наконец! Кипяток! Да как я могу забыть, что ты здесь меня дожидаясь? Мне ведь и самой расставаться знаешь как неохота?! Ведь такого как ты ни у одной девчонки у нас на квартале нет. Все умирают от зависти. Я только чуть-чуть попробовала пошутить, а ты уже так обо мне подумал! Как ты мог!

Я почувствовал, как мой гнев угасает, сменяясь своей противоположностью. А Марина взяла меня за руку и вино-

вато посмотрела в глаза.

– Геночка, ну пожалуйста, не кипятись. Это я так, проверить тебя хотела.

– Да я и не злюсь, собственно. А как представил себе на мгновение, что ты там с другим... – чуть не сдох от ревности!

На причале ударил колокол. Люди в срочном порядке стали разбирать свои вещи, и у трапа тут же образовалась очередь.

Тетя Клава помахала нам рукой, приглашая Марину, и, подхватив пожитки, вместе с Петькой направилась к трапу.

– Все, Гена. Я пошла.

– Погоди. Успеешь еще. Это только первый звонок.

Ее волосы пахли какой-то полевой травой. «Интересно, чем она голову полощет, что так приятно пахнет? Лучше всяких духов, – думал я, вдыхая этот, как мне казалось, божественный аромат. – Наверное, отваром пижмы. А может, полыни... или чабреца?»

Словно замороженный я смотрел в густую синеву Мариных глаз, держа ее за руки. А глаза ее задорно и насмешливо сверкали необыкновенными искрами, обжигающими душу. Ни у кого нет таких глаз!

Мы молчали. Я мучился, а она опять смеялась надо мной, распаляя во мне гнев и ревность. Ударил второй колокол. Она попыталась освободить руки. Но я удержал их.

– Еще минутку, Мариночка! Хоть чуточку еще постой со мной!

На палубе речного трамвая уже волновалась тетя Клава:

– Мариночко! Швидше, доню моя! Прощайтеся! Зараз відходить!

Марина легко и небрежно чмокнула меня в щеку и помчалась к уже пустому трапу. Взбежав на палубу, она помахала мне легкой голубой косыночкой, неизвестно каким образом появившейся у нее в руках. В ответ я помахал рукой. Как по сердцу ударил третий колокол. Матросы ловко убрали трап и задраили бортовой проход. Из динамика на капитанской рубке сухо и буднично прозвучало:

– Отдать швартовы.

Ранее я представлял себе совсем другое звучание этой команды, такой торжественной и романтичной. По моим представлениям от нее должны были приходиться в трепет и матросы, и пассажиры, и провожающие. А тут так просто, как бы невзначай. Даже без восклицания. Таким тоном говорят на базаре: «С Вас три рубля».

Молодой матрос снял с кнехта кормовой швартов и швырнул его напарнику на причале. Потом точно так же был отдан и носовой. Заработал дизель, завывла сирена, и речной трамвай стал медленно отваливать от пристани.

Марина протиснулась на корму, к самому борту и смотрела на меня, то поднимая вверх свою голубую косыночку и небрежно размахивая ею, то опуская ее за бортовую сетку.

Наконец, катер развернулся и, набирая скорость, двинулся вниз по течению, унося к югу мою первую любовь. Катер

уже отошел на приличное расстояние, а Марина все стояла на корме и махала мне на прощание своей легкой голубой косыночкой.

Стоя под беспощадным солнцем, я был не в силах оторвать взгляд от уходящего катера. В голове роились самые неприятные мысли. В груди что-то защемило, заныло, и меня начало мучить чувство несправедливой обиды. Как она могла бросить меня? Ведь она же знала, что я ради нее отказался от поездки с мамой в Ялту! А мне так хотелось к Черному морю! Мама и вся родня были очень удивлены, что я не хочу ехать, пытались уговорить меня. Но я твердо стоял на своем. В конце концов, от меня отстали. А вечером я сказал Марине, что в Крым не поеду, буду этот месяц с нею. Она рассмеялась:

– Ну и зря! А я бы на твоём месте с удовольствием поехала в Крым! Там так классно!

– Мне классно там, где ты.

– И мне тоже. Но у нас впереди еще много времени. А лето быстро проходит. Вот мы с мамой и Петькой скоро поедem к бабушке в Тарасовку. Гена, какие там места! Закачаешься! Бабушка живет у самого берега Днепра. Пляжик наш из окна видно. Купайся, сколько хочешь! И ни у кого спрашивать не надо! Домой ходить – только спать да хавать!

– И ты поедешь с ними, а меня бросишь? Тебе что, здесь Днепра мало?

– Почему брошу? Я же приеду.

– А я буду один, да? Ты променяешь меня на удовольствие? Да?

– Никого я не меняю. Причем одно к другому?

Я негодовал, но все же не верил, что она может поступить таким образом после того, как я отказался от гораздо большего удовольствия ради нее одной. И теперь – вот! Все это правда! Как это жестоко! Мало того, даже немного непорядочно! Мне стало ужасно жаль себя.

– Горюешь, Камыш? Ха-ха-ха! – услышал я за спиной насмешливый голос закадычного друга Вовки Родионова.

– А ты здесь как оказался? – недоумевал я.

– Да вот, приехал посмотреть, как ты вздыхать по своей Мариночке будешь! А заодно и сеструху в Херсон проводить. Ха-ха-ха! Ну, чего ты так скривился? Как будто я тебе в борщ насморкался! Ха-ха-ха! Поехали на наш Правый берег! Или ты останешься здесь, в старой части, у матери?

– Ее нет в городе. Уехала отдыхать в Ялту... – упадочническим голосом сказал я.

– Так это правда, что ты от Ялты отказался ради своей красотки? Ха-ха-ха! А она тебя так! Через левое плечо! Ха-ха-ха! Ну, Камыш!

Я резко обернулся и от злости заскрежетал зубами. Мне так хотелось залепить кулаком в эту хохочущую рожу! Но я сдержался. Все же друг, да не какой-нибудь, а самый закадычный. Ничего, я найду, как свести с ним счеты. Я умею выплачивать долги! Кроме того, это же один на один, а не

при других. Тогда уж пришлось бы, пожалуй, съездить! А тут ради дружбы стерпеть не грех.

– Слушай, Родион! Я бы тебе сейчас с удовольствием в харю двинул. Но как друга прощаю тебя. Знаю, что ты это сделал необдуманно – по дурасти!

– Ладно, Камыш! Поехали на Правый. Будем опять по рыбу ходить. Там на Криничке рыбаки тебя спрашивают. Дед Гордей уже весь извелся. Куда, говорит, ты Гэнку спратал? Скучно без няво!

– Это приятно. Но мне, ей-Богу, по рыбу неохота. Неинтересно стало. Было уже.

– Да ты что, Камыш?! Как раз судак клюет! Я вчера шестнадцать судаков принес! Половину продал по дороге – кучу денег выручил! Айда мороженым угощу!

– Спасибо, Родион, я сегодня уже ел мороженое.

– Да ты ж его в Днепро выкинул! Ха-ха-ха!

– Невкусное было.

– Ты удочки еще не выкинул? Целые? Завтра на утрешнюю зорьку на судака пойдем? На живца брать будем!

– Нет. Я, пожалуй, несколько дней здесь поживу. Ты там, пожалуйста, не забудь зайти к моей тете Ниле сказать об этом. А то ждать будут, волноваться, – попросил я.

– Вот дуст! Из-за бабы от Днепра отказывается! Да еще когда всю судак клюет! Поехали! – сказал Вовка, легонько подтолкнув меня локтем.

– Сам ты дуст! И не смей больше Маринку бабой назы-

вать! Ну, все. Вон твой трамвай стоит. Беги, а то завтра на зорьку проспишь!

Вовка хлопнул меня по-дружески по плечу и побежал к трамваю.

– Привет деду Гордею! – крикнул я ему вслед.

– Обязательно передам!

Вовка смешался с толпой, штурмовавшей трамвай, а я побрел по тропке через Дубовую рощу.

Дома было жарко, тихо и одиноко. Сцена прощания и Вошкины подковырки не давали покоя. Я лег на кровать и проспал до вечера. Ночью проснулся. Спать больше не хотелось. Я принялся читать «Войну миров» Уэллса, которую недавно взял у соседской девчонки, и так увлекся, что даже не заметил, как наступило утро.

Наскоро позавтракав яичницей, я прихватил с собой «Войну миров» и вышел во двор. Облюбовав место на лавочке в тени раскидистого клена, я сел и углубился в чтение.

– Доброго здоров'ячка, Гена! Щось цікаве читаєш?

Передо мной стояла наша дворничиха, тетя Оля Фарханова и, улыбалась, показывая два ряда железных зубов.

– Дуже цікаве, тьотю Олю!

– А чи не хочеш ти допомогти старенькій тітці Олі? Я тобі й заплачу охоче!

– Вам, тетя Оля, я без никакой платы сделаю, что попросите.

– Чи не можеш ти полізти до мене на горище та поскидати

звідти мотлох? Що схочеш – візьмеш собі.

Дом тети Оли – это был особый дом. Судя по его расположению, раньше он был основным домом на нашей улице. Когда-то она называлась Соборной, потому что на ней стоял собор Покрова Божией Матери. В соответствии с программой «борьбы с религиозными предрассудками» собор был однажды взорван, а Соборная улица переименована в проспект Ленина. Но еще до революции Соборная активно застраивалась. На нашем трехэтажном доме до сих пор сохранилась надпись: «Доходный домъ купца Гуревича». Очевидно, купец Гуревич, возводя свои доходные дома, не хотел разрушать старые, а окружал их двух- и трехэтажными зданиями. И получилось, что дом бабы Оли оказался в окружении двухэтажных и трехэтажных строений.

А на чердаке его творилось Бог знает что. Туда просто невозможно было пробраться – он был плотно забит всякого рода хламом. Вот от этого хлама баба Оля и попросила меня помочь ей очистить чердак, чтобы использовать его более достойным образом.

Мне это было в высшей степени интересно. Ведь в старом мусоре можно найти немало интересных вещей. Да и вообще я по природе своей очень любил рыться в старье еще с тех пор, как меня привлекал к подобным работам мой двоюродный дедушка Ваня.

Из сарая бабы Оли я выволок старую лестницу, подставил к чердачной двери и с нескрываемым интересом влез в чер-

дачное помещение.

– Генка! Ты там осторожнее! Не наткнись на что-нибудь! Все, что тебе понравится, можешь забрать себе. Остальное сбрасывай на землю. Вечером устроим костер и сожжем. Если увидишь что-то незнакомое – не трогай, позови меня. Вдруг на мину напорешься! Чтобы докторша – твоя мамка – меня потом не убила. Смотри, осторожно!

– Все будет в порядке, тетя Оля! Тут кромехлама ничего нет!

Во двор полетели поломанные стулья, части дивана с «качалками», наливной умывальник, старые книги, изъеденные мышами, не имеющие ни начала, ни конца, пожелтевшие журналы – немецкие и наши, дырявый матрас, набитый отрухляевшей морской травой, пара подушек, провонявших мочой и гнилью.

Мое внимание привлекла стопка старых журналов «Вокруг света», валявшаяся среди каких-то технических книг. У моей бабушки были кипы таких журналов, и я знал, что в них печатались интереснейшие фантастические и приключенческие произведения. Эту стопку я тщательно перевязал куском старой бечевки и отложил в сторону. Теперь меня заинтересовал старый граммофон. Я пытался его запустить, но пружина была сломана, а труба изрядно погнута. Потеряв к нему интерес, я швырнул его вниз, и он с тяжким звоном грянулся о землю.

Под окнами дворничихи уже выросла солидная куча му-

сора. Приближалось время обеда.

– Генка! – крикнула снизу баба Оля, – Я тебя обедом накормлю – слезай! Потом будем дальше чистить!

Но разгоревшийся во мне азарт исследователя отвечал:

– Нет! Еще немного!

– Хватит! Вон, я воды нагрела на солнце в тазике! Мойся и поешь! Борщ у меня какой – со старым салом! И чеснок только с грядки!

Голод уже давал о себе знать, и я внял советам старой дворничихи. За столом она спросила:

– Ну, как, есть что-нибудь интересное?

– Есть, тетя Оля! Старинные журналы «Вокруг света».

– А что в них такого?

Я понял, что если чем заинтересую старуху, она из жадности отберет, хоть ей самой это никогда и не понадобится.

– Фантастика, тетя Оля!

– Это чего не было – только выдуманно?

– Да! А что?

– И тебе интересно читать, что кто-то там навывдумывал, хоть взаправду ничего этого не было?

– Интересно, тетя Оля! Фантазия всегда интересная!

– На девок уже пора засматриваться, а не такое читать! Но ты покажи мне эти журналы, ладно?

«Ишь, старая ведьма, – думал я, – интересуется, вдруг что продать можно!»

– Хорошо, тетя Оля. Спасибо за обед. Очень было вкусно!

– Ты куда? А компот?

– Ой, забыл!

Я залпом осушил стакан.

– Компот – просто изумительный! Холодненький такой!

И в такую жару! Спасибо еще раз.

– Из погреба только-только. А там у меня летом холодно!

Ладно. Попил? Может, еще чего съешь?

– Нет, спасибо! Во – как наелся! Пойду дальше работать.

– Давай, Генка, давай. Чтоб к вечеру уже все закончил. А журнальчики – покажи. Я погляжу на эту фантазию. Может и взаправду чего интересно будет!

Я полез на чердак и с опаской протянул бабе Оле связку журналов. Она ловко развязала бечевку и стала их перелистывать один за другим. Но интереса они у нее не вызвали. Пролистав несколько номеров, дворничиха сказала:

– На, забери, коль они тебе нравятся. Но мать тебя с ними погонит – увидишь! Скажет – нечего в хату всякий мусор стаскивать. Может, их тоже спалим?

– Обязательно спалим, тетя Оля. Но сначала я просмотрю, может, что интересное найду все же и прочитаю.

Когда почти весь хлам был уже сброшен вниз, я поднял лежавшую в углу рогожу и услышал из-под нее переливчатый звон металла. Под нею лежала горка николаевских серебряных монет достоинством в десять, пятнадцать и двадцать копеек. Они почернели от времени и имели весьма неприглядный вид. «Жаль, что не советские, – подумал я, – набралась

бы приличная сумма»! Но баба Оля их непременно отберет. А мне не хотелось отдавать ей такое добро. Хоть позабавлюсь с ребятами.

Рядом валялся выдавший виды балетный чемоданчик с оторванной ручкой, внутри которого лежали заплесневевшие туфли, полуистлевшее женское платье да пара шелковых лент.

– Тетя Оля! Вам этот чемоданчик нужен? – я показал его сверху.

– А в чемоданчике что? – спросила она.

– А вот – смотрите.

Я стал по очереди сбрасывать вниз хранившиеся в нем вещи. Баба Оля подняла их и тут же бросила в кучу – к остальному хламу.

– Нет, не нужен! Бери себе, если хочешь. Только зачем он тебе?

– Починю, помою, покрашу – на физкультуру ходить буду!

– Бери, бери! Ну и барахольщик же ты! Ну как девчонка.

Я ссыпал монеты в чемоданчик, слез с чердака и пошел домой, якобы просто чемоданчик отнести. Через пару минут вернулся.

– И куда ты спешишь, Генка? Никто твой чемоданчик не отобрал бы. А времени мало – надо успеть до темна.

– Успеем, тетя Оля. Осталось совсем немножко.

И действительно, я быстро сбросил вниз старый расклеенный стол, какие-то ящики. Отдал бабе Оле коробку с по-

тускневшими елочными игрушками, которым она очень обрадовалась – собиралась подарить к Новому году младшей внучке Танечке.

Разгребая в углу последнюю кучу мусора, я неожиданно обнаружил три тяжелых квадратных коробки с надписями по-немецки. Сметя кое-как пыль с самой верхней, я открыл ее. В ней аккуратной стопкой были уложены толстые патефонные пластинки с немецкими этикетками синего цвета. В остальных двух – то же самое.

– Тетя Оля, здесь старинные пластинки. Можно, я возьму себе?

– Что за пластинки?

– Немецкие, старые. Запыленные – ужасно! Вам нужны?

– Да зачем они мне? На чем я их играть буду? Бери, если хочешь. А нет – они здорово гореть будут.

Подобрав валявшуюся рядом ветхую брезентовую сумку, я сложил в нее коробки с пластинками. Последнее, что требовалось выбросить – это кусок рубероида, покрытый многолетним слоем пыли. Приподняв его, я на его месте увидел какой-то газетный сверток. Я с интересом развернул пожелтевшие немецкие газеты, потом кусок изъеденного мышами холста. В холст были завернуты коробка из пропитанного парафином картона, кожаная сумочка с защелкой и какой-то продолговатый предмет, завернутый, в свою очередь, в старый кусок голубого плюша. «Это уже что-то интересное», – подумал я и решил исследовать все незамедлительно.

В подобных жестких кожаных сумочках, прикрепленных к велосипедной раме, обычно хранились инструменты для ремонта велосипеда, так сказать, на ходу. Но эта сумочка напоминала, скорее, миниатюрный ранец с тонким ремешком, чтобы носить через плечо. «Тяжелая – металл в ней, не иначе», – подумал я и расстегнул защелку. Радости моей не было границ! Внутри, завернутый в промасленную тряпочку, лежал маленький вороненый пистолет с запасной обоймой, полностью снаряженной патронами. Еще там были шомпол, двугорлая масленка, ершик, отвертка, запасные винты и инструкция на немецком языке! А в картонной коробке – патроны в четыре слоя, разделенные парафинированной бумагой. Боже мой! Такое сокровище! Руки затряслись, и я поспешно сложил все в сумку. В плюш был завернут немецкий кортик с тонким сверкающим клинком с голубоватым оттенком. На рукоятке красовался орел, сжимающий в когтях круг со свастикой. Кортик я отправил в сумку вслед за пистолетом. Все сокровища я аккуратно уложил на самое дно, прикрыл их старой тряпкой, а сверху положил коробки с пластинками. Повесив сумку на плечо, я с безразличным видом стал спускаться с лестницы. Баба Оля была тут как тут.

– А ну, покажи, какие тут пластинки!

Лениво поставив сумку на землю, я раскрыл ее и снял крышку с верхней коробки.

– Вот, смотрите. Может, возьмете хоть несколько?

Она брезгливо поморщилась.

– Нет, Генка. Забирай сам, если они тебе нужны. Но лучше кинь их в костер. Хотя нет, не надо. Коптят они здорово, люди ругаться будут. Забирай свое добро, барахольщик ты чертов! Много там еще?

– Нет, тетя Оля. Одно тряпье осталось.

– Погоди. Сейчас я посмотрю, что за тряпье.

Охая, она с трудом вскарабкалась по лестнице на чердак и принялась копаться в оставшемся хламе. Через пару минут из чердачной амбразуры высунулась ее сморщенная запыленная физиономия:

– Ладно, Генка! Спасибо тебе. Тут я сама управлюсь. Все. С меня полтора рубля на сливочное мороженое. А то даже два – на пломбир!

– Что Вы, тетя Оля! Я же просто так – чтобы помочь Вам. Все, я пошел.

– Смотри, а то возьми. Я не жадная.

«Тоже мне – не жадная! Как могла – следила! Если б я не хитрил, все бы к рукам прибрала!» И я с сокровищами в старой сумке поспешно направился домой, чтобы успеть со всем разобраться до наступления вечера.

Пистолет оказался в отличном состоянии. Густая смазка и квалифицированная упаковка обеспечили его сохранность в течение более десятка лет. Только двугорлая масленка оказалась продырявленной – не выдержала испытания временем.

Вооружившись словарем, я начал переводить инструкцию. Впервые столкнувшись с неадаптированным немецким

текстом, я мучился над каждым предложением. Вроде и значения всех слов выяснял, и расставлял их в соответствующем порядке, а смысла предложения ухватить не мог.

Решив, что моих словарей недостаточно, я обратился к нашей учительнице немецкого – Барбаре Дитмаровне. Она удивилась, зачем мне понадобился ее большой словарь, но одолжила до конца лета. Мне мало чем помог этот увесистый фолиант. Но ее трехтомный учебник немецкого для университетов сослужил верную службу. Из него я узнал, что в немецком языке есть распространенные определения, идиомы, целый ряд специфических конструкций и многое другое, что существенно обогатило мои знания и облегчило перевод. Консультации Барбары Дитмаровны были краткими и доходчивыми. Она удивлялась моим внезапным увлечением немецким языком и отмечала ощутимый прогресс в его освоении.

Листая перед сном учебник, я концентрировался на новых для меня понятиях и особенностях их употребления. Так что к концу августа дело с переводом у меня существенно продвинулось.

Но в механизме пистолета я разобрался и без перевода. А перевод мне хотелось сделать уже просто так, для уверенности в себе.

Возвратившись из Ялты, моя мама была крайне удивлена, застав меня за учебниками немецкого и увидев тетрадь с упражнениями и замечаниями самой Барбары Дитмаровны.

Ей это было настолько приятно, что она даже не стала корить меня за отказ ехать с нею. Особенно, когда соседка по коммунальной квартире в первый же вечер сказала ей на кухне:

– Увесь місяць, як вас не було, він просидів удома і щось бубонів. Прислухалась, а він німецьку вчить. Всі хлопці тільки байдикують, а він вчиться! Золота дитина! Файний хлопець! От би мій бродяжище хоч наполовину так уроки робив!

К тому времени вернулся с отдыха и мой ближайший школьный друг – Гришка Демиденко. Едва переступив порог родного дома, он тут же прибежал ко мне.

– Как ты тут, Гена? Что летом делал? Я на Азовском море был – в Кирилровке. Как классно...

– А у меня, Гриша, такое есть! – перебил я его.

– Что, что у тебя опять? – нетерпеливо выпалил Гришка. – Ты всегда всех удивляешь отрывными вещами!

– Посмотри, что у меня есть! Только подожди – дверь на защелку запру. Вдруг ненароком мать придет!

Щелкнув замком, я полез в свой тайник за книгами на этажерке и извлек оттуда сначала кортик. Гришка с нетерпением развернул старую плюшевую тряпку и обомлел от неожиданности и, конечно же, зависти.

– Кортик! Настоящий боевой немецкий кортик! А сталь какая! Класс!

Он достал из кармана пятикопеечную монету и положил на пол. Потом двумя пальцами взял кортик за кончик руко-

ятки, чтобы он свободно провисал, и на высоте вытянутой вверх руки разжал пальцы. Кортик опустился острием на пятак и с грохотом покатился по полу. Гришка поднял монету, а я – кортик.

– Смотри, – сказал он, – в пятаке дырка! А ну, покажи клинок. А на кончике – хоть бы хны! Вот это сталь! И легкий какой, прямо-таки пляшет в руке! Так и хочется в кого-нибудь всадить!

– Это еще что! Смотри-ка сюда!

Я извлек пистолет со всем прилагаемым боекомплектом.

– Шпалер! Вот это да-а-а! – протянул Гришка, и его щеки зарумянились от волнения, как сдобные булки. – Дай посмотреть.

Я извлек обойму и протянул ему пистолет. Он тут же передернул затвор и надавил на спуск. Курок шелкнул.

– Ну и Гена! Где ты это раздобыл?

– Да тут, в одном месте. С войны завалился.

– Айда в Дубовку – постреляем!

– Да?! Чтобы нас накрыли да срок припаяли? Идеи же у тебя, Гришка!

– Тогда в плавни поехали. Пока еще лето не кончилось. Там и постреляем. Поохотимся на уток, что ли!

– Так мы и все патроны расстреляем.

– А зачем они тебе? Ты что, на войну собираешься?

– Кто знает? Может, от каких блатных защищаться придется.

Гришка больше не решился возражать. Но страсти в нем кипели.

– А знаешь что, Геник! Ты был в подвале у Беловола? Видел, как он построен? Все забетонировано. Оттуда и выстрелы не будут слышны. Там и постреляем. А потом в милицию сдадим, когда патроны кончатся.

– Давай подождем до школы, а там посмотрим. Только смотри, никому ни гу-гу!

– Что же я, по-твоему, – дурак?

По моим расчетам Марина к тому времени должна была уже вернуться из своей Тарасовки. И мне не терпелось навестить ее. Под первым попавшимся предложением я уехал на Правый берег к маминой сестре – тете Ниле. При этом я не забыл прихватить с собой пистолет, тщательно замаскировав его на дне сумки с вещами.

Приехав, я незамедлительно пошел навестить Марину. Я надавил на кнопку звонка в ее квартиру, и он затрещал громче, чем наш школьный. С затаенным от волнения дыханием я ждал, когда она выйдет.

– Кто там? – послышался из-за двери Маринин голос.

– Мариночка! Это я! Здравствуй!

– Ты, Гена?! Привет! Чего ты хотел?

Я опешил. Столько времени не виделась, и вдруг... только эти слова.

– Мариночка! Открой! Чего ты ждешь?

– Еще чего! Ты что, свихнулся? Никого дома нет! Вечером

приходи. Или подожди, пока я на улицу выйду.

– А когда ты выйдешь?

– Наверное, вечером.

– Может сейчас? На пляж пойдем...

– Нет. Не могу. Мне надо уборку закончить и обед успеть приготовить. Я два дела делаю! Все, я пошла.

Я спускался со второго этажа мрачный и злой. Навстречу по лестнице важно шествовал крупный серый кот.

– Брысь! – шикнул я на него в остервенении.

Перепуганное животное шарахнулось вниз и забилось под лестницу.

– Ты чего, Генка? Того? – негодовала стоявшая внизу соседка. – Если ты со своей кралей поцапался, это не значит, что можно над животными издеваться! Тоже еще, кавалер вонючий!

– Мое дело! И не Вам судить, кто с кем поцапался! А «вонючий» – это уже оскорбление! Поняли?

– Гляди на него! Оскорбился! А кота зачем погнал?

– Да так!.. Пусть на глаза не попадается под злую руку!

Вконец расстроенный, я сел в тени на лавочку, чтобы как-то собраться с мыслями.

Как обидно! Я из-за нее здесь остался, не поехал на море! Она меня бессовестно бросила – умотала в свою Тарасовку! Теперь вернулась, я к ней пришел, забыв о чувстве собственного достоинства, а она мне даже дверь не открыла! Какое унижение! А тут еще эта, старая клизма! Что, если мне всего

шестнадцать, а ей – за сорок, так меня можно и «вонючим» обзывать? Она даже не подозревает, что я могу сейчас взять пистолет и шлепнуть ее на месте. А потом и себя заодно! А Мариночка как же? Как она? Да-а-а... Наверное, на другой же день забудет и будет здесь хвостом крутить перед другими пацанами! Можно заодно и ее шлепнуть, чтоб одному не скучно было на тот свет отправляться!

– О чем грустишь, мечтатель?

Повернувшись на голос, я увидел девчонку из соседнего дома – Надю Герасименко. Я даже не заметил, как она подошла ко мне и села рядом.

– Почему ты решила, что я грущу?

– А то по тебе не видно! Даже рядом с собой ничего не видишь и не слышишь.

– Да... Мазуренчиха расстроила. Оскорбила. Вот, думаю, что бы ей в отместку сделать – никак не придумаю.

– Ха! Можно поверить! Мазуренчиха его расстроила! Да эта старая скрыня тут весь квартал такими словечками потчует!.. Что-то никто особо не расстраивается. А ты – оскорбился! Причем тут Мазуренчиха? Ты не из-за нее расстроен, только голову морочишь.

– Много ты знаешь!

– Совсем немного, но о тебе все, что надо – знаю.

– Интересно, что же ты такое знаешь?

– А то, что смеется над тобой Мариночка твоя! Ты ради нее от моря отказался, а она – фюйт! – и упорхнула в Тара-

совку. С мамочкой и Петькой. А ты и на пляж не ходил, и от друзей убежал, и даже от рыбалки. Уехал в свою старую часть и проторчал там все лето. Как в клетке. Вон, не загорел даже ни капельки!

– Тебе-то что? Кто это тебе насплетничал? Такие, как эта Мазуренчиха, не иначе!

– Да оставь ты в покое эту старую швендю! Скажи, чего ты от этой Маринки козни терпишь? Ты такой классный парень. Умный, симпатичный, воспитанный. Учишься на одни пятерки. Правда, теперь курить начал. Из-за нее, я думаю. Зря. Не стоит она того! Посмотри, какие девочки хотя бы только у нас на квартале! Не чета ей! Многие бы хотели оказаться на ее месте. Среди них такие красивые, просто прелесть!

– Уж не себя ли ты имеешь в виду?

– А почему бы и нет? Чем я хуже твоей Маринки?

Она встала и демонстративно прошлась передо мной, гордо подняв подбородок, выпятив грудки и соблазнительно покачивая бедрами. Ее оголенные плечи, бронзовые от загара, сверкнули на солнце глянцевым блеском. Тряхнув длинными, роскошными, белыми от летнего солнца волнистыми волосами, она снова села. «А она и вправду классная!» – отметил я про себя, а вслух сказал:

– Ну, ты для меня... молодая слишком!

– Ха-ха-ха! Ой, насмешил! Старый какой! Ха-ха-ха! Тебе сколько? Шестнадцать? А Маринке? Пятнадцать? Ну, а мне – четырнадцать! Даже больше бы тебе подошла, чем она! Ха-

ха-ха!

– Это лет в двадцать пять можно и на пять лет моложе. А сейчас – уж извини!

– Не выкручивайся, как уж на сковородке.

– Где ты еще видела ужа на сковородке? – возмутился я.

– Нигде. Просто говорят так – и все. Вон, Светка Волощенко – чем плохая девчонка? И по возрасту такая же, как Маринка. И умничка, и красивая, и по тебе страдает. Аж жалко, бедную!

– Это она тебе говорила?

– Разве о таком говорят? Это всем и так ясно. Обрати внимание, как она на тебя смотрит!

– Тебе кажется.

– Нет, не кажется! Я точно знаю!

– Что-то я не замечал.

– Только слепой не заметит! Ха-ха-ха! Приходи сегодня вечером в нашу компанию. Мы там, за домом у бассейна на лавочке, что под старой вербой, собираемся. Придешь?

– И что вы там делаете?

– Песни поем, в разные игры играем, рассказываем всякое.

– А кто там собирается?

– Я, Зинка с Нинкой, Любка Пидпасная, Толька – ее брат, Светка Волощенко, Славка Оксамытник, ну, еще – кто подойдет. Приходи.

– Приду.

– Не врешь? А то выйдет твоя Мариночка, поюлит, постреляет синими глазками! Ха-ха-ха! Так ты сомлеешь и забудешь, что обещал! Ха-ха-ха!

И как она обо всем догадывается? Ушлая! Я бы с радостью на нее переключился. Но в ней нет чего-то такого, что есть в Марине. Марина не такая, как все. Она особая, необыкновенная! Она такая серьезная – взяла на себя домашние заботы. Как взрослая женщина. А эти финтиклюшки только бездельничают! И власть надо мной имеет непонятную. Но ничего, попробую ее немного проучить. Надо ведь! Захочет – пусть бросает. Если Надька говорит – значит правда, полно девок, которым я нравлюсь. Во всяком случае, один не останусь!

– Приду, Надя. Увидишь, приду.

– Посмотрим какова цена твоему слову! Вон твой дружок идет!

– Какой?

– Да этот, зануда редкая. Который твою фамилию на русский язык перевел.

– Родион?

– Да. Родион. Фу, как ты с ним дружишь! С ним и поговорить не о чем. Только шутки шутит идиотские! Ну, я пошла. До вечера. Не забудь только!

Она поднялась и, гарцуя, как молоденькая козочка, пошла к своему подъезду.

– Привет, Камыш! Что, уже новую любовь заворачива-

ешь? А как же твоя Мариночка?

– Привет. Почему любовь? Просто поговорили, как люди.

– Видел я, какие она тут перед тобой кренделя выписывала. Ха-ха-ха! Узнает Маринка, она тебе зальет сала за шкуру! Ха-ха-ха! – неподдельно смеялся Вовка.

Мне было неприятно продолжать этот разговор, и я хотел было улизнуть. Но Вовка опередил мои намерения:

– Пойдем, Камыш, на Днепро, пока жара не начала спадать. Скупнемся по разику – и домой. Лето кончается!

– Пойдем. Я только забегу – возьму все, что надо. А ты?

– Я готов.

Вечером, надев модную клетчатую рубашку – «ковбойку навывпуск», я сунул сзади за пояс пистолет и вышел из подъезда. Августовский вечер был на удивление жарким и душным. Я направился к бассейну, откуда доносился звон гитары и тихое мелодичное пение. На лавочке и вокруг нее под низко склонившейся вербой уже успела собраться целая гурьба ребятни. В самом центре сидел Толька Бахтоненко и извлекал из гитары знакомую мелодию. Он слыл у нас самым лучшим гитаристом – уже несколько лет посещал занятия по классу гитары во дворце культуры «Энергетик». Алка Кудрянова, там же обучающаяся вокалу, пела приятным мягким голосом:

– На крылечке твоём
Каждый вечер вдвоём
Мы подолгу стоим

И расстаться не можем на миг.

Ее голос звучал так красиво, что мне показалось святотатством поздороваться вслух, и я молча кивнул присутствующим.

– Привет, Генка, – почти шепотом ответил на мое приветствие стоявший рядом Толик Пидпасный.

– Здоров, Генуля, – ответила Алка, прекратив пение.

– Привет, Алла. Чего ты перестала? Ты пой, пой. Классно ведь!

– Да вот – только я и пою. Давайте что-нибудь вместе затынем.

– А что? – спросил Бахтоненко. – Предлагайте. Я сбациаю.

Откуда-то из темноты возникла атлетическая фигура Славки Оксамытника. Он с важным видом дымил сигаретой и посматривал на нас свысока, представляя себя совсем уже взрослым, а нас – еще неоперившимися желторотыми птенцами.

– Затянули какую-то колхозную волюнку, – морщась, сказал он, – и веселитесь, как в сельском клубе. Заделали бы что-нибудь современное.

– Запевай, я подыграю, – отозвался Бахтоненко и задорно ударил по струнам.

– Куда уж мне! Вон Кудряшка и Надюха такие песни знают! И голоса у них, как колокольчики.

– Какая я тебе Надюха?! – возмутилась Надя Герасименко, – Я что, блатнячка какая-нибудь? Или торговка на база-

ре?

– Подумаешь! Все так говорят! – возразил Славка и сделал глубокую затяжку.

– Говори на кого хочешь! А на меня не смей!

– Да ладно! Ишь, нежная какая! Только Наденькой ее величай!

– Неплохо бы. Но раз уж тебя мама с папой никогда не воспитывали, и ты от рождения на такое не способен, зови меня просто Надя! Можно Надежда Николаевна, – отпарировала Надя.

– Надежда мира, сердце всей России! – копируя ее тон, ответил Оксамытник.

Чтобы разрядить обстановку, я предложил:

– Валяй «Два сольди», Толян!

Толик взял пару аккордов и, качнув грифом, кивнул, приглашая петь.

Запела опять Кудрянова. Ей подтянула Лилька Рогачевская. Все остальные затихли и слушали, как замороженные. Слева я ощутил тепло чьего-то дыхания. Обернувшись, я увидел улыбающееся личико Нади. Она взяла меня за локоть.

– Молодец, что пришел.

Надя вплотную приблизилась ко мне, и я почувствовал тепло ее упругого тела вдоль всего левого бока. Как приятно! Я боялся шевельнуться, чтобы не лишиться себя такого удовольствия прежде, чем она сама отстранится. Алка и Лилька

вошли в раж и очень чувственно пели:

– Вот на четвертом этаже

Окно распахнуто уже.

За ним еще, еще одно

Растворено.

Сдавив мою руку повыше локтя, Надя тоже вступила в пение:

– Люди слушают, вздыхая и мечтая.

За два сольди эта песенка простая...

Повернувшись вполоборота, я коснулся губами ее волос, пахнувших летним солнцем, Днепром и еще чем-то, до обалдения приятным. А ребята, ничего не замечая, протяжно пели:

– Но вернется эта песня на окраины,

На углы, где родилась она случайно.

И поет ее влюбленная девченка

В час заката у себя на чердаке.

Толик взял заключительный аккорд и, хлопнув по деке, страстно выдохнул:

– Ну, девчонки, молодцы! Оторвали!

– Давайте еще попоем! – предложил Оксамытник.

Надя почему-то вся напряглась и, снова взяв меня за руку, предложила:

– А давайте потанцуем! Толик, лабани что-нибудь!

– Что именно? – спросил он, перебирая струны.

– Гуляйте, воши! Завтра баня! – послышалось из темноты,

и в свет фонаря вошел Витька Бойченко.

Некоторые засмеялись, а Витька стоял лицом к компании и радостно улыбался, довольный произведенным эффектом.

– Прищуркуватый появился! – пренебрежительно сказала Алка. – Умнее сказать ничего не можешь?

– Танго давай! Сегодня такой вечер! Как в Аргентине! – обозвалась молчавшая до этого Рогачевская.

Толик заиграл, а Кудрянова и Оксамытник протяжно запели. Лилька и сам Толик тут же подхватили:

– Помнишь

Лето в знойной Аргентине?

Под звуки танго

Шепнула ты: «Люблю тебя!»

В объятьях страстных

Черноокой сеньорины

Аргентину

Я не забуду никогда!

Не сговариваясь, мы с Надей поплыли в волшебном танго. Вслед за нами пошли Пидпасный с Тонькой Румянцевой, потом и другие.

Надя приникла ко мне, казалось, всеми точками своего тонкого изящного тела и, откинув назад голову, смотрела мне прямо в глаза проникновенным взглядом, до краев переполненным чувствами. Я ощущал аромат ее дыхания, и от него по моему телу шел приятный озноб. С нею было удивительно легко танцевать. Она была послушна каждому мо-

ему движению и, как мне казалось, даже мысли. Голова шла кругом.

Я сделал крутой поворот и, оторвав на мгновение взгляд от магнетических глаз Нади, на фоне низко свесившейся кудрявой кроны вербы увидел гордую фигуру Марины. Она стояла позади скамьи, опершись обеими руками о спинку, и, сверкая глазами, наблюдала за нашим танцем.

Все мои чувства, так разгоряченные близостью Нади, стали катастрофически гаснуть с каждой секундой, с каждым мгновением. Внезапно меня охватило такое ощущение, словно я творю что-то недозволенное – читаю чужое письмо, плюю кому-то в тарелку или лезу в чужой карман. Во рту пересохло, губы воспалились и горели огнем.

– Что случилось? – спросила Надя. – Ты сбиваешься с такта!

– Ничего... так... – ответил я, еле ворочая языком.

– Я-а-а-асно. Ты увидел ее! Не подавай вида, что это тебя сколько-нибудь волнует... Будь мужчиной и проучи ее как подобает.

Надя положила голову мне на плечо и продолжала нежно улыбаться. Но теперь ее чарующая улыбка почему-то меня совсем не грела. Плотнo сжав губы, я продолжал танцевать, но уже чисто механически, как на ходулях, а мелодия танго, еще мгновение тому назад так будоражившая во мне самые нежные чувства, казалась теперь банальной и даже пошлой.

Наконец ребята допели последний куплет «Аргентинки».

Все снова сгрудились вокруг скамейки, а мы с Надей отошли в сторону, куда не проникал прямой свет фонаря, висевшего на столбе.

– Ха-ха-ха... – тихо смеялась Надя, – Не вздумай к ней подойти! Сейчас опять пойдем танцевать.

В это время громко прозвучал голос Марины:

– Толька! Сбациай теперь что-нибудь ритмическое!

– Предлагай – что! А то «сбациай» – и все!

– «Цыганочку»! – выкрикнула она вызывающе и, войдя в свет фонаря, выжидательно замерла в позе «руки в боки». В правой она держала голубую косыночку. «Наверное, это та самая, которой она махала мне с катера, уходящего в Тарасовку», – подумал я. И на душе у меня стало горько-горько, а сердце сжалось от боли. Хотелось уйти, но Надя крепко держала меня за бицепс обеими руками.

– Интересно, что она отмочит? Ха-ха-ха... – тихо смеялась Надя, поигрывая моими пальцами. – Наверняка, начнет сейчас заигрывать с кем-нибудь из мальчишек, чтоб ты ревновал. А ты стой и не обращай никакого внимания. Как будто ее здесь и духу нет! Ха-ха-ха! Мы ей тут «пропишем ижицу»! Научим, как «свободу любить»!

Толик подстроил гитару и отрывисто заиграл «Цыганочку». Маринка, призывно выпятив груди, громко притопывая, начала отплясывать. Войдя в раж, она выкрикнула:

– Оксамыт! Чего сидишь? Пошли танцевать, милый!

Славка вышел из тени и, пыхнув сигаретой, залихватски

отбросил ее щелчком так, что она, прочертив в темноте замысловатый светящийся след, долетела до самого бассейна и с шипением шлепнулась в воду. Он выждал такт и вступил в танец, лихо кружа вокруг Марины.

– Классно пляшет, стервец! – прокомментировала Надя. – Эх, жаль, что нет здесь Вальки Сандлер! А то бы он поплясал! Ничего, завтра я его продам ей с потрохами. Она ему такую «Цыганочку» зафиндилячит! Пух и перья полетят!

А Марина распалаясь все больше и больше. Она подлетала к Славке, прижималась к нему грудью, отскакивала назад, делала пируэт и опять налетала на него.

– Давай-давай, чернявенький! Ходи веселей, касатик! – заводила она Славку. А он, послушный ее воле, увивался вокруг нее, выкидывая коленца одно замысловатее другого.

Вулкан ревности, переходящей в бешенство, пульсировал в моей груди, отдаваясь острой болью в висках и горькой обидой в душе. А гитарист все наяривал, присвистывая в такт. Наконец он устал, ударил в последний раз по струнам и замолк.

– Все! Отдохните маленько! Я тоже передохну.

– Эх, жаль, – сказала запыхавшаяся Марина. – Мы как раз только во вкус вошли. Да, Славон?

– С тобой, Мариночка, я готов хоть до утра так плясать!

– Так в чем же дело?! Толька, сбациай еще что-нибудь!

– Не могу – пальцы болят, ответил Толик, потрясая рукой.

– Давай и мы отдохнем, Маринчик. Прошвырнемся до

скверика и обратно, – сказал Славка, обняв ее за талию.

Маринка не отстранилась, а наоборот, с улыбкой посмотрела ему в лицо и тряхнула косами. Это уж было слишком!

Я рванулся к Славке и, схватив его за бицепс, в дикой злобе прохрипел:

– Слышь, ты, сукотник! А ну-ка отвали от нее!

В моей ладони заиграли упругие мышцы боксера. Он одним движением смахнул мою руку и с высоты своего роста посмотрел на меня сверху вниз. Он был почти на голову выше меня.

– Геник! Ты шо, давно в гипсе не лежал? – снисходительно улыбаясь, абсолютно хладнокровно спросил он.

– Я сказал – отвали от нее!

– А то – шо?

– А то – убью, падлюка!

Довольная произведенным эффектом, Марина с интересом наблюдала за тем, как назревала драка. Ко мне подбежала Надя и попыталась оттащить от Славки.

– Гена! Оставь его! Пойдем отсюда!

Славка продолжал издеваться:

– Геник! Чего на паровоз кидаешься? Так же и под колеса угодить можно.

– Дразнить меня будешь?! Как собаку?! А ну, пойдем – поговорим! – предложил я.

– Куда, Гена? Зачем идти? Говори здесь – хай люди слышат. А то потом скажут – «маленьких обижаешь»!

– Что, боишься?! – все сильнее горячился я.

– Ну, все слышали – не хотел я тебе плохого. Но раз про-
сишь – пошли-и-и, – ехидно протянул он.

Я развернулся и направился за бассейн, к скверику.

– Остановись! Гена! – кричала Надя, – Что ты делаешь?!

Он здоровый, как буйвол! Он же тебя измолотит! Не стоит
она такой жертвы! Генка!

– Тихо, ты! – цыкнул я на нее, продолжая следовать тем
же путем.

– Надюха, не паникуй. Я ему только объясню, что к чему
– и все, – ерничал Славка.

– Генка! Остановись! Ты же умнее! – со слезами в голосе
кричала Надя.

А я твердо шагал вперед в темную аллею скверика. Славка
нехотя плелся вслед за мной. Мне было слышно, как Бахто-
ненко коротким окриком остановил тех, которые пытались
идти вслед за нами. И все остались на лавочке, молча ожи-
дая развязки.

– Геник, остановись. Давай, говори, что хотел, а то деткам
уже спатоньки пора – детское время, – не унимался Славка. –
Хотя, нет. Пойдем дальше, чтобы ни Надюха, ни Маринка не
слышали, как ты сейчас плакать будешь.

Пройдя еще несколько шагов вдоль аллеи, я резко остано-
вился и, достав из-за спины пистолет, снял его с предохра-
нителя.

– Так ты что, параша, девчонок отбивать?! – заорал я, на-

ставив на него пистолет.

– Спрячь, Геночка, свой пугач. Я игрушками давно уже не играю – вышел из детского возраста, – спокойно сказал он.

– А вот я – поиграю!

Я передернул затвор, досылая патрон в патронник. Тяжелый металлический лязг прокатился вдоль аллеи, рассеиваясь в густом кустарнике. И тут до Славки дошло, что в руках у меня не пугач, а игрушка посерьезнее.

– Генка! Ты чего? Брось – я же так...

– Так, говоришь?

Я направил пистолет ему в живот.

– Генка... Опустит, слышь... Он же на боевом взводе... Ты ведь чуть что – и мне хана... А сам сядешь...

Услышав в его голосе неподдельный страх, я на мгновение дрогнул, но все же упрямо держал под прицелом славкино брюхо.

– Генка, ну ты, это... прости, а? Да не нужна мне твоя Маринка... Это я так, для хохмы. Просто подразнить тебя хотел. У меня же Валька... ты знаешь... Самая красивая на нашем квартале...

С каждым вздохом, с каждым ударом пульса мой гнев улетучивался, и я приходил в себя.

– Так ты признаешь, что поступил по-свински? – спросил я уже почти совсем спокойно.

– Признаю, Генка... Ну, по роже съездить, финдией навешать – это в порядке. А пестоль – убери. Хочешь, дай мне

по пачке – и в расчете... Сука буду, не стану сопротивляться.

– Еще раз к ней подойдешь – в брюхе дырку сделаю! Поворачивай назад и шагай к себе домой, не оглядываясь. Слышишь?

– Слышу. Ты... пестоль спрячь, Генка... Опасно ведь.

«Да, – думал я, – спрячу, а ты и пистолет отберешь, и морду мне раскровяниш. Сполна расквитаешься. Это ты сейчас, под прицелом такой сговорчивый».

– Шагай-шагай, я следом иду! Чуть что – гад буду, шпарону!

Славка зашагал вдоль аллеи. На повороте он искоса посмотрел в мою сторону, но, увидев, что я держу направленный на него пистолет, хоть уже и под рубашкой, пошел дальше. Я передвинул собачку предохранителя и теперь уже шел, не опасаясь, что пистолет может самопроизвольно выстрелить.

– Иди в обход лавочки! Прямо домой! И больше не оборачивайся! Понял?

Славка свернул за угол, а я, сунув пистолет за пояс, вернулся к лавочке, где ребятня в напряжении ожидала финала.

Я вышел на свет и остановился. Ко мне подбежала перепуганная Надя.

– Гена! Ты в порядке? Ну, слава Богу!

– Как видишь! – нервно ответил я.

– А Славка где? Что с ним?

– С ним – ничего. Как и со мной. Домой пошел.

Марина стояла рядом с Алкой и тербила расплетенный кончик косы. Я спокойно подошел к ней и вlepил ей звонкую пощечину.

– Ты что, Генка! – вскрикнула Надя, не ожидавшая от меня такого низкого поступка. Она вцепилась в меня, пытаюсь сдержать. Но в этом уже не было необходимости.

Маринка схватилась за щеку и, сверкнув глазами, выпалила с ненавистью:

– Ну, скотина такая! Никогда тебе этого не забуду!

Мне больше не хотелось ни бить ее, ни высказывать, что я о ней думаю, ни даже смотреть в ее сторону. Я отвернулся и спокойно пошел домой.

Юлий Гарбузов

24 ноября 2001 года, суббота

Харьков, Украина

24. Встреча с Борисом Романовичем

Я и мои бывшие однокашники, а теперь сотрудники нашей лаборатории и преподаватели кафедры, после напряженного трудового дня уходили домой теплым июльским вечером вместе с Будником и Ампириным. Еще жарко пекло летнее солнце и едва начала спадать липкая жара. Асфальт был мягкий, как мох на болоте, и источал характерный запах. Сразу за воротами института мы встретили Бориса Романовича Манойленко, который когда-то, еще на первом курсе читал нашему потоку химию.

Первым поздоровался я. Остальные меня поддержали.

– Здравствуйте, Борис Романович!

– Привет, привет, крестники! Как жизнь молодая?

– Спасибо, Борис Романович! Трудимся, как можем, – ответил я.

– И где же ты, парень, трудишься? – продолжил он.

– На кафедре основ радиотехники.

– В какой роли, дружок?

– Старпрепом, Борис Романович.

– Не в отпуске?

– В отпуске, но по науке еще продолжаем трудиться.

– Энтузиасты, значит?! Отдыхать тоже надо, друзья мои.

Как и следовало ожидать, Ампинову это пришлось явно не по вкусу. И он не замедлил высказаться в своем репертуаре:

– Лучший отдых – любимое занятие, Борис Романович.

– Так, дружок, может осточертеть все на свете, даже самое, что ни на есть любимое занятие.

От такой фамильярности Ампинова передернуло.

– Вы считаете, что мы с Вами уже успели подружиться? – с вызовом спросил шеф.

– А я, братец, со всеми дружу, – спокойно ответил Борис Романович.

Пытаясь разрядить неловкую обстановку, вмешался Мотыльков:

– Обязательно отдохнем, Борис Романович.

Ампиров не мог не воспользоваться случаем, чтобы не вставить свою ядовитую реплику:

– Кое-кто и на работе неплохо отдыхает. Верно, Геннадий Алексеевич.

– Не то, что на работе, дружок, а даже если ты только числишься на ней и при этом дома сидишь – никогда не отдохнешь! Нервы, братец, у всех есть, – пришел мне на выручку Борис Романович.

– Кому что, – Ампиров потянул за рукав Будника. – Миша, пойдём.

Но к Буднику уже успел обратиться Борис Романович:

– А ты кем трудишься, малый?

– Заведующий Проблемной научно-исследовательской лабораторией, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Михаил Всеволодович Будник, – опережая Мишу, поспешил отрекомендовать его Ампиров.

– Ого! Молодец, парень. А ты, пигалица, что? Тоже преподаватель? – обратился он ухажерским тоном к Булановой, словно забыв, что ему уже за восемьдесят.

Она неподдельно расхохоталась:

– Ха-ха-ха... Да, Борис Романович! При всей своей, как вы говорите, «пигаличности» я тоже преподаватель. И тоже старший, как и Гена.

– Шустрая ты, пигалица! Молодец. А детей уже нарожала?

– Двоих: сына и дочку.

– Ну, ты не пропадешь на старости лет. Будет куда голову приклонить. А кем же ты, очкарик, трудишься? – спросил он, глядя со святой непосредственностью в лицо Ампирову.

– Борис Романович, я заведующий кафедрой основ радиотехники, доктор технических наук, профессор Ампиров Валентин Аркадьевич! Слышали?

– Слышал, дружок, слышал! Кто же о тебе не слышал? Да ты ведь из нас ближе всех к Господу Богу!

– А почему вы тогда со мной «на ты» разговариваете? Я же не мальчик!

– Для меня, братец, ты еще мальчик. Как и вот эти птенцы, – он указал на нас с Будником и Мотыльковым. – Тебе-то ведь даже и до пятидесяти, как от Казани до Бреста, верно?

– Так, Миша, я пошел! – Ампиоров вприпрыжку зашагал в сторону Пушкинской. За ним, словно на поводке, нехотя засеменял Будник.

– Ишь, не нравится! – сказал Борис Романович, провожая Ампиорова насмешливым взглядом. – Знаю я его, как облупленного. Чванливый уж больно. Зазнался. Пусть немного поскочет. А то уж очень на него люди жалуются. Людей нужно любить. А если Бог не дал, то хотя бы уважать, – лицо Бориса Романовича, несмотря на преклонный возраст, сияло задорной юношеской улыбкой.

И мы, сердечно попрощавшись с ним, хохоча, пошли к трамвайной остановке.

На другой день было воскресенье. С утра я отправился в магазин за мясом. Очередь была часа на полтора, но впереди я увидел улыбающуюся Шорину. Она помахала мне свернутой газетой, и я подошел.

– Привет! Я думала, что ты уже не придешь! Сколько можно держать для тебя очередь?

– Прости за опоздание, – подыграл я ей, – с детьми завозились.

– Ну, вот еще! Он с детьми забавляется, а я ему очередь держи! Становись, пока еще нас обоих не выгнали! – сказала Элеонора, отступая на полшага назад, чтобы освободить для меня место.

Я стал впереди нее. Люди покосились на нас, но никто не сказал ни слова. Я тихонько толкнул Элеонору локтем в бок

– спасибо, мол. В ответ она ухмыльнулась, и в ее глазах заиграли, забегали, запрыгали так хорошо знакомые задорные шоринские огоньки – знай, мол, наших!

– Вчера вечером я видела, как ты с портфелем шел домой. Ты что, работаешь?

– Да, Элла. Шеф просил фоторегистратор закончить.

– Нужно закончить. Он говорит, что ты умница.

– А мне он только гадости говорит.

– Ты что, не знаешь стиль шефа? Он же считает, что хвалить людей нельзя, иначе они распустятся и перестанут работать.

– Порочная метода, между прочим, – с горечью констатировал я.

– Согласна. Но в этом весь шеф. Его не переубедишь. Зато если кто-нибудь со стороны посмеет обидеть тебя или еще кого из наших, он ему глотку перегрызет! Он умеет ценить людей и защищать их. Ты бы слышал, как он раньше Будника ругал! Мишка даже увольняться думал. На полном серьезе со мной этот вопрос обсуждал. Еле его переубедила. А потом, после сдачи темы, шеф сказал мне: «Все-таки Миша умеет работать!» И вот видишь – кандидатом его сделал! Так, твоя очередь подходит. Бери, что тебе надо.

В плотной тени раскидистого клена я подождал, пока Элеонора скупится.

– Ты домой? – спросил я.

– Нет, я пришла к родителям. Они здесь за углом живут.

Дети сейчас у них; мама готовит, а я снабжением занимаюсь. Мне еще на базар предстоит ехать, – сказала Шорина и посмотрела на часы.

– Выходит, твои родители – мои соседи. Пойдем, я тебя провожу. Хочется поболтать. Заодно узнаю, где живут твои старички, – предложил я.

– С удовольствием. Что там еще нового в лаборатории? В Африку готовятся?

– Наши «африканцы» все сейчас на полигоне. Аппаратуру испытывают. А здесь основные усилия брошены на сличение шкал времени. В конце сентября сдача очередного этапа.

– Шеф не дурак. Подключил тебя к временным делам. Сегодня это самая перспективная работа в лаборатории. Он сам мне об этом сказал.

Немного помолчав, она добавила:

– Если не во всем институте. Увидишь, после завершения работы он предложит тебе защиту по этой тематике. Какие там еще новости?

– Пожалуй, только одна.

Я рассказал о вчерашней встрече с Борисом Романовичем. Выслушав, она резко бросила:

– Дурак!

– Спасибо, Элла. И за что ж это я дурак? – с обидой спросил я.

– Не ты, а этот идиот – твой Борис Романович. Ты ему сказал, что он дурак?

– Нет, разумеется.

– Зря. Надо было сказать, что ты – старый дурак. Шефа знают и у нас, и за границей. И так уважают! А тут – на тебе – какой умный нашелся! Имей в виду – шеф тебе этого не простит. И всем остальным тоже.

– Чего не простит, Элла?

– Того, что вы слышали, как его громогласно унизили. Он такого не прощает. Даже если бы ты его поддержал. А ты даже на это не решился.

– Моя совесть чиста.

– Наивный. Это еще ничего не значит. Шеф очень тщеславен и мучительно переживает такие унижения. Тем более – в присутствии группы подчиненных.

Юлий Гарбузов

27 октября 2001 года, суббота

Харьков, Украина

25. Хлористый палладий

– Геннадий Алексеевич! Ну пожалуйста, позвольте сдать экзамен досрочно! Ведь я готовилась! И еще буду готовиться. Неделя впереди!

Студентка улыбалась, обнажая роскошные белоснежные зубы. Я почему-то решил, будто только сейчас понял, что подразумевают, когда говорят «сахарная улыбка». Девушка старалась пустить в ход все козыри, все свое очарование и обаяние. Она бежала за мной, не отставая.

– Геннадий Алексеевич! Понимаете, мне очень нужно! Я Вас очень прошу. – Она остановилась, надеясь, что я сделаю то же самое. Но я продолжал идти. Девушка снова догнала меня.

– Ну разве можно быть таким бездушным? Неужели Вам трудно принять? Я же знаю! Я не отниму у Вас много времени!

– Послушайте, Клемина! Я не имею права это делать. Экзамен сдается только в сессию.

– Геннадий Алексеевич, один раз можно сделать исключение? Я же все лабораторки своевременно сдавала, и на практических оценки у меня были хорошие. Вы ведь хвалили меня, помните? Я тогда просто обалдела от счастья. А вся группа тайно умирала от зависти! Ей-Богу, Геннадий Алексеевич! Я же не буду из Вас веревки вить, как некоторые. По-

жалуйста!

– Клемина! Да Вам только на подготовку я обязан два часа дать! Не могу я с каждым студентом столько времени возиться! Вы математику изучали? Посчитайте, сколько мне понадобится суток на одни только экзамены, если я с каждым буду сидеть более чем по два часа?

– А я могу и без подготовки! – выбила она у меня из рук последний козырь. – Вы беседуете со мной пять минут. И если выясните, что я не готова, отправляете меня за дверь. Тогда я приду с группой. Ну Геннадий Алексеевич! – девушка скорчила деланно плаксивую физиономию, – Пожалуйста! Пять минут! – она опять обворожительно улыбнулась, почувствовав, что я в душе уже сдался.

– Ладно. Но только пять минут. Идите в эту лабораторию, пока я помою руки после лекции.

Она вбежала в лабораторию радиоизмерений, а я направился в преподавательскую. И только тут я увидел, что у двери своего кабинета стоит Ампилов, а рядом Анна Краус. Она держала папку, а профессор подписывал на ней какую-то бумагу.

– Все. Можете ехать. Я вечером позвоню в Москву, и Вас будут ждать. Геннадий Алексеевич! – обратился он ко мне на ходу, – Зайдите ко мне в кабинет. Неотложное дело есть.

«У него все дела неотложные, других просто не бывает», – подумал я, а вслух сказал:

– Это срочно?

– Не очень. Я здесь буду еще минут тридцать-сорок. Так что жду.

Я вымыл руки и вошел в лабораторию радиоизмерений, где меня с надеждой ожидала красавица Клемина.

– Ну что, вы действительно подготовились?

– Готовилась, Геннадий Алексеевич! Правда! – она игриво улыбнулась.

– Посмотрим как Вы подготовились. Готовилась – это несовершенный вид глагола, а я хотел бы слышать Ваш ответ в совершенном. Напишите мне, пожалуйста, – я на секунду задумался, – прямое преобразование Фурье.

– Пожалуйста.

Она открыла тетрадь и стала что-то писать.

– Клемина, чтобы записать преобразование Фурье, нужно пять секунд, не более.

– Я думаю. Вот. – Она повернула ко мне тетрадь.

– Не нужно поворачивать. Я так разберусь. Неверно, Клемина.

– Как это, неверно? – удивилась она и кокетливо надула губки.

– Так. Неверно – и все.

– Гм! – она скорчила капризную физиономию, – А что здесь неверно?

– В этой несчастной формуле, которую мы писали на каждой лекции раза по три, не меньше, вы сделали три ошибки. Подумайте.

Я посмотрел на часы.

– В Вашем распоряжении три минуты.

– Только три? Мы же договорились, что пять.

– Две Вы уже использовали.

– А-а-а, я поняла! Здесь два «пи» не нужно! – Она принялась интенсивно зачеркивать.

– Верно. А что еще здесь не так?

– Еще... – удивилась она и вздернула черные и тонкие, как шнурочки брови.

– Да. Что еще?

– Ну, наверное, здесь в показателе не плюс, а минус...

– Верно.

– Верно?! – ее милая мордашка засветилась радостью.

– А еще что? Я же сказал, что у Вас три ошибки.

– Три? – она всматривалась в формулу, как в китайский иероглиф невероятно сложного начертания. – По-моему, все верно, Геннадий Алексеевич.

– Вы уверены?

Она еще раз посмотрела на формулу.

– Да, уверена!

– Так вот, Вы интегрируете по частоте, а нужно по времени. Все! Беседа окончена.

Я встал из-за стола.

– Ах, да! Конечно же, по времени! Это я так, просто описалась! Вот, смотрите, я исправила!

– Поздно уже. Дорого яичко ко Дню Христову!

– Как? Я же все сама написала! Ну, подумаешь, в одном месте описалась! – она снова улыбнулась.

– Мы же договорились – пять минут. Все. Ваше время истекло. Я пошел. Меня заведующий кафедрой ждет.

– Геннадий Алексеевич! Миленький! Прошу Вас! Спросите еще что-нибудь! Я готовилась! Вы же видите! – Она заморгала часто-часто, и на ее ресницах заблестели слезинки.

«Ладно, Бог с ней, – подумал я, – пусть катится. Поставлю ей тройку!»

– Уговорили – тройка!

– Тройка? Только за одну букву?

– А остальные две ошибки?

– Но я же их сама исправила!

– Но одна формула – это еще не полноценный экзамен! Вы должны ответить на три вопроса и еще решить задачу! А Вы и с одной формулой не справились! Причем самой главной!

– Но мы же с Вами выработали условия! Пять минут – и все! А я готовилась! Вы же не станете отрицать? Ну, пожалуйста! Маленькую четверочку! Как Вы говорите, с сорока семью минусами! Пожалуйста! Я к Вам в следующем семестре приду! Вы мне на второй части зададите вопрос по первой! Геннадий Алексеевич! А сейчас авансом четверочку, мне больше не нужно!

Я посмотрел на часы. Шеф уже наверняка нервничает. Хитрая же чертовка эта Клемина!

– Ладно! С сорока семью минусами! Считайте, что ваша

халтура на этот раз прошла. Давайте зачетку.

– Спасибо! Спасибо, Геннадий Алексеевич! Вы даже не представляете, какое доброе дело сделали! Вам сторицей воздастся! Вот увидите!

– Ладно. Все, идите.

Она схватила зачетку и пулей вылетела из лаборатории. А я пошел к шефу.

– Ну как, уломала Вас эта Клемина? Сколько Вы ей придулили?

«Чертов шеф! Как обычно – подслушивал!» – досадовал я.

– Четверочку, Валентин Аркадьевич. Пусть катится. Она неглупая девочка.

– Ну, Гена! Просто Вы не в состоянии устоять перед женщиной!

– Что значит, не в состоянии? Я же сказал – умная девочка. И на четверку знает.

– Еще бы! Ноги от шеи, юбка выше Петра Великого, декольте до пояса – конечно же, будет умная! Что Вам еще надо? А если бы к тому же и блузку расстегнула, Вы бы наверняка и на пятерку расщедрились! Так нельзя работать, Гена! Вы же кафедру дискредитируете! Она вот побежит к подружкам и скажет: вы ему только покажите, сами знаете что, и он готов!

– Валентин Аркадьевич! Я готов проверить ее перед любой комиссией, если Вы делаете такие намеки! Давайте сей-

час, в Вашем присутствии! Она на четыре знает!

– Достаточно! Остановитесь, Геннадий Алексеевич! Только на будущее запомните, что на нашей кафедре критерием выставяемой оценки являются не женская красота, не длинна юбки, не форма ножек, не глубина декольте, не размер сисек и не фютили-мютили! А знания, знания и только знания!

– Я отвечаю за ее знания!

– Я же сказал, хватит! Давайте работать, а не пререкаться!

«Теперь будет муссировать среди коллег во всех ракурсах! Лучше бы я ей на завтра назначил, когда на кафедре и духу его не будет!» – подумал я и, проклиная собственную мягкотелость, сел у его стола, всем своим видом показывая, что готов слушать указания хоть до вечера.

– Гена, радиозавод согласился делать нам платы для скоростных реверсивных счетчиков, – продолжил он абсолютно спокойным и доброжелательным голосом. Как будто полминуты тому назад вовсе и не орал.

– Вы мне уже говорили об этом. Еще вчера. Вы думаете, что я забыл? Или не понял?

– Не кипятитесь. Послушайте. Так вот, для металлизации отверстий они требуют от нас хлористый палладий в кристаллическом виде. Наш снабженец Матвейцев уже обзвонил все магазины. Хлористого палладия в готовом виде нет нигде. Но заказчик доставил нам металлическую ленту. Из нее нужно приготовить кристаллический хлористый. Я хочу,

чтобы этим занялись Вы.

– Но я же не химик. Я понятия не имею, как это сделать.

– Да остыньте же вы, наконец. Дослушайте до конца. Вот я и хочу, чтобы Вы обратились к химикам и попросили их сделать нам это в порядке научно-технического сотрудничества. Мы имеем возможность зачислить на полставки одного-двух человек по этой теме. Скажем, на пару месяцев. Это, конечно, многовато. Но их нужно как-то прикормить, поняли? Нам наверняка еще придется к ним обращаться. А фактор материальной заинтересованности – весьма существенная вещь. Это вы знаете.

– Понял, Валентин Аркадьевич. Есть у меня связи с химиками. Сейчас попробую позвонить. Разрешите? – я протянул руку к телефону.

– Пожалуйста, – он пододвинул телефон и откинулся на спинку кресла.

Я набрал номер.

– Алло! Кафедра общей и неорганической химии? Бориса Романовича можно?

– Нет-нет! Только не Бориса Романовича! – Он надавил на кнопку отбоя, – Обойдемся без этого маразматика! У нас четыре кафедры химии, а мы будем обращаться к этому старому склочнику! К кому-нибудь другому!

– Почему склочнику? Кроме того, я не знаком ни с кем из других химиков.

– Если я говорю, что он склочник, значит, я знаю, что го-

ворю, – шеф открыл свою пижонскую крупноформатную записную книжку в кожаном переплете, привезенную накануне из Сомали. – Поэтому обратимся на кафедру аналитической химии. Вот. Тридцативосьмилетний профессор Савчук Сергей Ильич. Заведующий кафедрой.

Он набрал номер.

– Никто не подходит! Разбежались уже! Вот дисциплина! Как шестнадцать ноль-ноль – в институте никого нет!

Он оторвал трубку от уха, готовясь положить, но в это время она хрюкнула, и оттуда послышался голос:

– Да!

– Это говорит профессор Ампилов Валентин Аркадьевич, завкафедрой основ радиотехники. С кем я говорю? Вы, Сергей Ильич? Мне повезло. У Вас что, после четырех кроме заведующего уже никто на кафедре не работает? Почти как у нас. Я по делу. Нам нужно приготовить хлористый палладий из металлического. Сможете кому-нибудь поручить? Металлический будет завтра. К Вам подойдет мой старший преподаватель. Очередь Геннадий Алексеевич. Завтра он получит палладиевую ленту и придет к Вам. Отлично. Мы Вас оформим на полставки по нашей теме на два месяца. И еще одного человека можем. Идет? Вы завтра когда сможете? Отлично.

Он прикрыл микрофон ладонью.

– Гена, как у Вас завтра с занятиями?

– Только первая пара.

– Сергей Ильич, после первой пары сможете? После тре-

тьей? Идет! Он будет у Вас. Все. До свидания.

Шеф положил трубку, потирая руки.

– Видите, на каком уровне мы решили вопрос! А Вы – Борис Романович. Самый большой химик, которого Вы знаете! Все. Вы мне сегодня больше не нужны. Хотя, постойте. Чем черт не шутит, может первый отдел еще и работает?

Он опять набрал номер. Ответили незамедлительно.

– Алло! Это Вы, Дмитрий Степанович? Валентин Аркадьевич. Как там наш палладий получить? Когда подойти? Да хоть сию минуту! Сейчас к Вам подойдет мой старший преподаватель. Запишите, Очерет Геннадий Алексеевич. Он все получит – нам нужно отдать его в работу завтра рано утром. Все. Он уже идет. Пока.

– Гена, нам повезло. Начальник первого отдела выдаст вам палладий самолично прямо сейчас. Ну, с Богом! Идите.

В первом отделе меня ждал не Дмитрий Степанович, а какой-то клерк. Он спросил у меня удостоверение и открыл сейф. Потом долго взвешивал, заполнял бумаги, заставил меня расписаться в нескольких местах, и я, наконец, получил палладиевую ленту и сопроводительный документ в придачу.

На другой день после второй пары я был в кабинете Савчука. Он оказался высоким шатеном с красивым лицом, в строго наглаженном костюме темно-стального цвета, ослепительно белой рубашке и при аккуратно завязанном сером галстуке в красную полоску. Приветливо поздоровавшись со

мною за руку, он предложил сесть и позвонил по телефону.

– Людочка, зайди ко мне, пожалуйста.

Вошла милостивая блондинка лет двадцати трех – двадцати пяти и улыбнулась сначала Савчуку, а потом и мне.

– Это моя аспирантка. Людмила Сергеевна. Она приготовит вам хлористый палладий. Людочка, это старший преподаватель кафедры основ радиотехники. Геннадий Алексеевич. Он даст тебе палладиевую ленту. Приготовь, пожалуйста, поскорее. Вопросы есть?

– Нет, Сергей Ильич. Все ясно, – ответила аспирантка и встала, приглашая меня следовать за нею.

Мы вошли в довольно мрачное помещение, в котором стоял отвратительный запах каких-то химикатов.

– Ну, где Ваш палладий? – спросила аспирантка, – Геннадий... простите, забыла отчество.

– Просто Гена.

– А я – Люся.

– Ваш шеф называл Вас Людой.

– Ему так больше нравится. Но все называют меня Люсей.

Как мама дома.

– Отлично, Люсенюка. Вот Вам палладий.

Я извлек из портфеля моток металлической ленты.

– Где Вы его хранили?

– В этом портфеле. А что?

– И ты не боялся?

– Чего?

– Что тебя могли ограбить. Ты знаешь, что он идет по цене платины? А здесь килограмма полтора, верно?

– Тысяча четыреста семьдесят восемь граммов с миллиграммами. Вот Документ.

– Тебя могли ограбить.

– Но кто знал, что я ношу в портфеле?

– Могли узнать.

Она взяла большой химический стакан и втиснула в него ленту. Потом поставила его в вытяжной шкаф и стала заливать какой-то жидкостью.

– Чем это ты его заливаешь?

– Царской водкой, Гена.

Я смотрел, как металл лежит в смеси кислот, словно в воде и ждал, когда же он начнет растворяться. А Люся достала новую школьную тетрадь и с серьезным видом принялась в ней что-то записывать. Закончив писать, она открыла вытяжной шкаф и поболтала в жидкости стеклянной палочкой.

– Ну как, Люся? Скоро мы получим хлористый палладий?

– Процесс растворения уже идет. Видишь, металл покрылся мелкими пузырьками?

– Вижу. А когда этот процесс закончится?

– Ну, через сутки, не раньше. Палладий реагирует медленно. Это же платиновый металл! Так что можешь идти. Придешь завтра. А еще лучше – послезавтра. Шкаф я закрою и опечатаю. Все, увидимся послезавтра, Гена. До свидания!

– Пока, Люся. Пойду проинформирую своего шефа. Пре-

подам ему урок химии.

Но хлористого палладия очаровательная Люся не получила ни завтра, ни послезавтра. Даже после выходных в химическом стакане ничего не изменилось. Только металлическая лента покрылась едва заметным слоем мельчайших пузырьков. Как Люся ни болтала стеклянной палочкой, ничего существенного не происходило. Наконец она сказала:

– Ты знаешь, Гена, я подняла всю, какая у меня есть, литературу по этому поводу. Вроде все делаю верно. Но процесс идет крайне вяло. С такими темпами мы с тобой можем прождать не меньше года. Да и то я не уверена, что у нас что-нибудь получится. Вообще-то это далеко от того, чем я занимаюсь по линии аспирантуры.

– Что же будем делать, Люсенька?

– Не знаю. Доложи своему шефу. Пусть с моим свяжется, чтобы он перепоручил это кому-то другому.

Вид у нее был такой унылый, что мне ее стало жаль.

– Не переживай, Люсенька. Раз это не твое амплуа, то ничего не поделаешь. Ну, пока!

Через полчаса я докладывал ситуацию шефу. Ампиров был взбешен.

– Этого еще не хватало! Вторую неделю ни хрена не могут сделать! Посмотрим, что сейчас этот пижон Савчук скажет!

Ампиров несколько раз набирал номер, но было занято.

– Только болтать там умеют! Что можно говорить по телефону так долго! О чем? Эта ваша красotka, наверное, свои

любовные разговоры разговаривает! Не иначе!

Мне стало немного жаль бедную Люсю, но я промолчал.

– Вот, наконец-то наговорились! Слава Богу! Гм! Теперь никто не подходит! Что за кафедра! То ли какой-то дом отдыха, то ли сумасшедший дом!

Минут через пятнадцать шефу удалось дозвониться.

– Алло, Сергея Ильича, пожалуйста! Это вы? Ну, к вам дозвониться, как в Совет Министров СССР! То занято, то никто не подходит. Что там с нашим заказом?

Мне было слышно, как Савчук оправдывается и что-то пытается разъяснить. Ампиоров слушал, покусывая губу и время от времени исступленно возводя глаза к небу. Наконец у него терпение лопнуло, и он, перебив Савчука, заорал в трубку, что было сил:

– Ваша аспирантка ни хрена не может! У нее реакция, говорит, не идет! Мы вам доверили важное дело! Что будем делать? Правительственная тема стоит на месте! Мы завод держим! А она там умничает и отчеты составляет! Нам нужны не ее отчеты, которые не что иное, как пустая писанина! Перевод бумаги! Нам нужен хлористый палладий! Я же вам деньги плачу!

– Пусть ко мне приходят Ваши люди. Я все сам сделаю, – ответил Савчук.

– Спасибо, Сергей Ильич! А то поручили такое важное дело полуграмотной аспирантке – брызгалке, которая хорошо умеет только ногти чистить!

Он резко швырнул трубку.

– Вот так и у нас. Просто беда – все приходится делать самому! Никому ничего нельзя поручить!

Но у профессора Савчука реакция тоже не пошла. Он повел меня в ту же лабораторию, где в опечатанном вытяжном шкафу стояла посуда с нашим палладием все в том же состоянии.

– Подождите меня здесь, Геннадий Алексеевич. Сейчас я переоденусь, и мы с Вами попробуем разрубить этот гордиев узел.

Через десять минут Савчук вошел в лабораторию в заправском спецкостюме, кислотостойком фартуке, таких же перчатках и темных импортных защитных очках. Я был уверен, что при таком «зверском» снаряжении все пойдет, как по маслу.

– Людочка так старалась, что просто-напросто забыла подогреть раствор. Вот мы сейчас это сделаем, и Валентин Аркадьевич будет доволен, – пропел Савчук мягким бархатным баритоном.

«Красавец-мужчина, – подумал я, – женщины таких обожают. Люся, разумеется, тоже не исключение».

Он включил мощную электроплиту, и мы стали наблюдать за процессом. А Сергей Ильич деловито комментировал:

– Вот видите, реакция ускорилась. Пузырьки стали крупнее. Вот, отделяться начали.

Минут через пятнадцать жидкость закипела, вытяжка ра-

ботала на полную мощность. Мы ждали и ждали, а металл все не растворялся. Наконец, Савчук не выдержал.

– Знаете, Геннадий Алексеевич, я должен проконсультроваться у коллег. Это не мой профиль. Но мне очень интересно. Все должно идти в нужном направлении, но что-то мы делаем не так. Отложим это до понедельника. Или, если хотите, обратитесь к кому-нибудь другому.

Я вышел из лаборатории и побрел к нашему корпусу в препаршивом настроении. Шефа на месте не было, но уйти я не мог. Нужно было доложить ситуацию, чтобы он потом не вылил все на меня. И тут опять я вспомнил о Борисе Романовиче Манойленко и решил ему позвонить, несмотря на недавние возражения шефа.

Борис Романович оказался на месте.

– Приходи, парень, приходи. Поможем, дорогой. Как же так – крестнику не помочь! Ты женат?

– Да, Борис Романович! Двое детей. А что?

– Жаль. А то бы мы тебя здесь засватали. Невест у нас – пруд пруди. Одна краше другой. Давай к нам. Хоть посмотришь на них. Неси все материалы и что там еще. Я здесь часа два буду. Не меньше.

Борис Романович внимательно просмотрел Люсины записи.

– Эта девица все делала правильно. Только вот незадача – сама по себе эта реакция не пойдет. Вернее, пойдет, но очень медленно. Вот мы сюда сейчас катализатора подбавим.

Он взял из стеклянного шкафа какой-то флакончик и хлопнул из него в банку с реагентами. Жидкость в банке закипела, запыхтела, забулькала и начала окрашиваться в красно-коричневый цвет.

– Бач, яка бурхлива реакція!

Как и недавно Савчук, Борис Романович поставил банку в вытяжной шкаф на электропечку, опустил стеклянную шторку и включил подогрев. Реакция пошла еще веселее. Он улыбнулся своей добродушной юношеской улыбкой. И в свете солнечных лучей на его зубах засверкали золотые коронки.

– Подождем с полчасика, и все будет как в аптеке. А там выпарим, и ты уйдешь с готовым порошком. У тебя есть во что взять?

– Нет, Борис Романович. Я думал, это на несколько дней.

– Не беда, парень, не беда. Мы тебе вот коробочку дадим, шпагатиком перевяжем, а завтра на завод отнесешь.

– Спасибо, Борис Романович. А вот у профессора Савчука реакция тоже не пошла. Как и у его аспирантки.

– Это Сережа, что ли? Студентом у меня был. Очень толковый парень, между прочим.

Немного помолчав, он продолжил:

– Да... теория, дружок, это одно, а практика – это другое. Я, может быть, такой умопомрачительной теории не знаю, как наш Сережа Савчук. Но я знаю, что получится, если то-то и то-то налить в колбочку. И что надо делать, чтобы реак-

ция пошла в нужном направлении.

Он подошел к шкафу.

– Все, парень, идет как надо. Нужно только время. А время сейчас активно работает на нас с тобой.

Юлий Гарбузов

27 октября 2001 года, суббота

Харьков, Украина

26. Цирк выездной

Еще издали я увидел Шорину, стоящую у фонтана напротив входа в цирк. Ее девятилетняя дочь скакала вокруг фонтана на одной ножке. Заметив меня с Никиткой, Шоринна помахала рукой и двинулась нам навстречу. Иринка пустилась было бегом, но Элеонора остановила ее строгим окриком и велела идти рядом.

– Опаздываем, дорогой! Ты и здесь как на работе! Условились к половине второго, значит надо приходить к половине второго, милый мой!

– Ты и вправду, как на работе. Когда ты рядом, и шефа не надо – с успехом за него справишься по части подначек да подковырок, – парировал я ее выпад.

– Ладно, не язви, – сказала Шорина ехидным тоном.

– Это ты язвишь, а я только адекватно реагирую.

– Тоже мне еще – мужчина! Последнее слово должно быть за ним!

– Да ладно тебе! Так можно бесконечно препираться. А Сойкина уже здесь?

– К сожалению, твоей любимой Сойкиной все еще нет. Краус тоже где-то болтается. Той как всегда некогда. Стремится успеть всюду. Вот уж ни дать, ни взять, как наш шеф.

Иринка подошла к моему Никите, и они, взявшись за руки, стали бегать вокруг фонтана.

– Ира! Играйте здесь, не то потеряетесь! – крикнула Элеонора дочери.

Дети подбежали к нам.

– Папа, я хочу мороженого, – сказал Никита, изображая нечеловеческое страдание.

– И я тоже! Тоже! Тоже хочу! – поддержала его Иринка, подпрыгивая на месте.

Я протянул Никите новенькую пятерку.

– Вот, купи две порции и угости Ирочку.

Схватив деньги, он побежал к киоску. За ним, очертя голову, понеслась Иринка, и они пристроились в хвост очереди.

– Ты не думаешь, что они простудиться могут? – спросила Шорина.

– Будем надеяться на лучшее. Не лишать же детей удовольствия.

– С них хватило бы и того, что мы их в цирк повели.

Мы с Шориной болтали о том – о сем, а толпа у входа в цирк все росла. День выдался довольно жаркий, несмотря на то, что уже перевалило за первую декаду сентября. Иногда ветерок обдавал нас осенней прохладой, но все же было полетнему жарко и заходить в помещение не хотелось.

Неподалеку остановилось такси, и из него вышла Краус, а вслед за нею выпрыгнула ее десятилетняя Лиза. Я помахал им рукой, и они обе ответили тем же жестом.

– Лиза Вас еще издали из машины заметила, – улыбаясь,

сказала Анна. – А где же Ваши милые чада?

– Вон, за мороженым стоят, – указала Шорина на очередь у киоска. – Ну, моя милая, ты не по средствам живешь – все на такси разъезжаешь.

– Тут поневоле будешь разъезжать, если живешь в нашем райончике. На трамвай такие толпы стоят, что с ребенком не влезешь.

Краус раскрыла сумку и протянула Лизе сложенную вдвое пятерку.

– Лиза, беги к Никите с Иррой, пока их очередь не подошла, и попроси купить и тебе порцию пломбира. Другого мороженого не бери, слышала?

Лиза, надув губки, побежала к мороженому киоску, а Краус принялась рассказывать, как ей трудно совладать с дочерью. Шорина слушала ее, как всегда, с иронической гримасой. Она уже собралась, было, что-то съязвить, но из цирка донеслась трель предупредительного звонка. Толпа зрителей устремилась ко входу. Но мы остались на месте в ожидании детей. Вскоре они все трое подскочили с мороженым.

– Ну вот, теперь придется ждать, пока они доедят мороженое. С ним-то не пустят, – недовольно сказала Шорина.

– Ничего страшного, подождем, – отчеканила Краус. – Кстати, там тоже носят мороженое по рядам.

Когда прозвенел третий звонок, мы были уже у самого входа.

– Эта Сойкина все думает, что я обязана здесь дежурить с

ее билетом. Еще пять минут, и я продам ее билет, – возмущалась Шорина.

– Вы с детьми заходите, а я подожду ее один, – предложил я.

– Смотрите, вон она, – указала Краус в сторону дороги, откуда спотыкаясь и ища нас взглядом, бежала Сойкина.

Я помахал ей рукой, но она все еще нас не видела. Тогда Шорина сложила рупором газету, которую неизвестно зачем принесла с собой, и закричала в нее так, что все вокруг обратили взгляды в нашу сторону:

– Алиса! Алиса! Мы здесь!

Увидев нас, Сойкина начала энергично к нам проталкиваться, не обращая внимания на недовольные реплики окружающих. Наконец, ее усилия увенчались успехом.

– Здравствуйте, – сказала она, с трудом переводя дыхание. – Простите меня, пожалуйста. Долго трамвая не было, честное слово.

– Бог простит, – успокоил я ее. – Заходи с Элеонорой Спиридоновной. Твой билет у нее.

– Вот возьму и не дам тебе билет. Чтоб не опаздывала. Что это тебе, на занятия, что ли? – язвила Шорина.

– А я на занятия, между прочим, не опаздываю, как некоторые. Кстати, я могу и назад тем же путем, если уж вы так остро ставите вопрос, – кипятилась Алиса.

– Ладно, ладно, я шучу, – оправдывалась Шорина. – Пойдем скорее.

– Чтоб с вами дети на старости лет так шутили! – пыхнула в ответ Сойкина.

Мы вошли в помещение цирка и стали искать свои места.

– У нас королевские места – первый ряд, – констатировала Шорина.

– А я как раз не люблю первых рядов, – ядовито ответила Сойкина.

По всему было видно, что шоринская «острота» ей все же испортила настроение.

– Я тоже, – сказала Краус, – но для детей это как раз то, что доктор прописал.

В конце концов, мы нашли свои места, и я с облегчением опустил на стул. Дети, усевшись рядом, оживленно болтали.

– Программки! Программки! Кто желает приобрести программку? – слышалось слева.

Вдоль ряда в нашу сторону шла аккуратно одетая миловидная женщина лет пятидесяти, держа в руке стопку программ. Она улыбалась подходившим зрителям, выхватывающим у нее из рук тонкие брошюры с веселыми рисунками.

– Сколько стоит программка? – спросил я.

– Пятьдесят копеечек. Пожалуйста, молодой человек.

Приветливо улыбаясь, она протянула мне программку и, получив причитающийся полтинник, двинулась дальше. Шорина и Краус тоже взяли по программке, а Сойкина от-

казалась.

– Экономишь? – продолжала заедаться Шорина, слегка прищуривая насмешливые глазки, в которых искорками играли чертики.

– Нет. Просто не интересуюсь, – ответила Сойкина с оттенком надменности.

– Все слышали? – игриво спросила Шорина. – Чтоб никто не давал Алиске программки. Пусть знает, как скупердяйничать. Кто даст, тот будет для меня врагом номер один.

Сойкина тут же демонстративно попросила у меня брошюрку и с видом полного безразличия начала рассматривать.

– Так, Генка. Ты теперь для меня враг номер один. Понял?

– Что ж, мне не привыкать, – ответил я, стараясь при этом показать абсолютную индифферентность к их перебранке.

Торжественно заиграла музыка, и прожектора осветили арену, на которую строем вышли артисты. Под звуки выходного марша Верди из «Аиды» они сделали почетный круг и замерли, словно античные изваяния. Оркестр умолк.

– Начинаем наше дневное гастрольное представление! – объявил ведущий, чеканя слова.

Зрители зааплодировали. Снова заиграл оркестр, и участники парада-алле, соблюдая строй, покинули арену.

– Воздушные гимнасты Чекановы! – торжественно объявил ведущий.

На арену выбежали двое молодых мужчин и одна девуш-

ка. Одетые в белые трико, они поклонились публике и застыли в позе приветствия. Выдержав небольшую паузу, мужчины ловко взбежали наверх по специальным лестницам и начали кувыркаться под самым куполом, перепрыгивая с трапеции на трапецию. Девушка, разбежавшись, сделала несколько сальто. В это время откуда-то сверху спустилась трапеция. Девушка ухватилась за нее и взмыла под самый купол, где кувыркались ее партнеры. Они стали раскачиваться вниз головой, удерживаясь на трапециях ногами, а девушка перепрыгивала от одного к другому, качаясь на руках у каждого из них по очереди. Потом она сделала несколько переворотов на своей трапеции, пару раз качнулась, лежа вниз лицом прогнувшись с вытянутыми в стороны руками, и неожиданно скользнула вниз головой. Зрители непроизвольно охнули, но девушка удержалась за перекладину кончиками носков, подтянулась и снова начала раскачиваться, сидя на трапеции.

Публика зааплодировала, а наши дети стали возбужденно кричать, теребя друг друга, особенно Никита с Иринкой. Гимнасты спрыгнули на арену, поклонились и убежали.

Вышли фокусники. Они вынимали из пустых ящичков петухов, попугаев, букеты цветов и пестрые гирлянды, связанные из носовых платков. Потом один из них попросил у ведущего закурить. Тот угостил его сигарой. Но когда фокусник попросил зажигалку или спичку, ведущий жестом дал понять, что никакого огня у него нет. Махнув на него рукой,

фокусник взял сигару в рот и стал делать вид, что курит. После нескольких мнимых затяжек он начал пускать дым, и все увидели, что сигара уже зажжена и раскурена. Опять раздались аплодисменты.

Потом вышла дрессировщица с кошками и собаками. Она изображала учительницу, а животные, сидя за партами, выступали в роли учеников. Учительница задавала задачи, а собаки лаем сообщали ответ. Учительница сказала, что рыженький терьерчик получил пятерку, и он радостно замаяхал хвостиком. Но вот красивая белая пуделица на вопрос «сколько будет три минус два» пролаяла два раза. Учительница возмутилась и строго сказала, что у нее на уме только прогулки да прически и объявила, что ставит ей двойку. Та с удрученным видом положила голову на парту и истошно завывала.

– Нужно не плакать, а прилежно учиться, – назидательно сказала учительница.

Дети корчились от смеха, а мне казалось, что Иринка с Никитой смеются задорнее всех.

Прозвенел звонок. Учительница скомандовала:

– Урок окончен. Дежурный, вытирай доску!

Серый спаниель подбежал к доске, встал на задние лапы, передней прижал к ней тряпку, висевшую на шнурке, и стал энергично водить ею по исписанной мелом поверхности. Дети снова залились веселым смехом.

Затем выступали жонглеры, эквилибристы, велосипеди-

сты. В перерывах публику веселили клоуны. Дети радовались им больше, чем всем остальным номерам вместе взятым. Один их вид уже вызывал у моего Никиты бурю эмоций. Дочери Шориной и Краус реагировали более сдержанно, как старшие.

После выступления акробатов на арену вышел толстопущий клоун в помятой фетровой шляпе, из-под которой пучками торчали волосы рыжего парика, в клетчатом пиджаке, в пижамных штанах чуть ниже колен и ботинках огромного размера. На собачьем поводке он тащил за собой большущий будильник. Дети встретили его веселым хохотом.

– Чего это ты на поводке будильник тащишь? – спросил ведущий.

– Понимаете, – ответил клоун, размашисто жестикулируя, – иду я вчера по главной улице, тащу на поводке своего Тузика. Он упирается, не хочет идти – хоть убей. Тут из подворотни выскочила большущая собака, залаяла на моего Тузика. Ну, он вскочил, поджал хвост и пошел, и пошел, и пошел, и пошел...

– Но я тебя спросил, почему ты за собой будильник тащишь?

Клоун смешно подпрыгнул, укоризненно посмотрел на ведущего и снова начал рассказывать:

– Иду я вчера по главной улице, тащу на этом поводке своего Тузика. А он упирается, на землю падает. Ни в какую не идет, паршивец. Тут из подворотни выскочила большущая

собака, облаяла моего Тузика. Ну, он вскочил, поджал хвост и пошел, и пошел, и пошел, и пошел...

– Нет, ты мне все же скажи, почему ты волочишь будильник по земле?

Клоун, ища сочувствия у публики, повертел пальцем у виска, дивясь бестолковости ведущего. Потом тяжело вздохнул и снова начал:

– Иду я вчера по главной улице, тащу на этом поводке своего Тузика. А он упирается...

– Это ты уже несколько раз повторил, – перебил ведущий. – Ты можешь вразумительно сказать, причем здесь часы?

– Как это причем? Пойду я сейчас по главной улице с часами на поводке. Из подворотни выскочит большая собака, облает мои часы. Вот они и пойдут, и пойдут, и пойдут, и пойдут, и пойдут...

Публика захохотала. Дети были в восторге. Никитка аплодировал так, что у него покраснели ладони.

Потом выступила группа наездников. По арене грациозно скакали белые лошади в роскошных плюмажах. Джигиты в белых трико на полном скаку впрыгивали в седла, наклонялись до самого пола, подбирали мячи, швыряли их и ловили. Молоденькие девушки скакали, стоя на седлах, подпрыгивали на них и делали сальто с пируэтами. Потом вся группа спешила, поклонилась публике и под громкие аплодисменты покинула арену.

И снова вышли клоуны. При виде их дети громко захохотали, предвкушая очередное веселье. Один был одет в клетчатые брюки со штанинами разной длины, короткий пиджак оранжевого цвета и черную шляпу-котелок. Другой был в широкополой соломенной шляпе, длинном зеленом пиджаке в крупную клетку и в туфлях с длиннющими острыми носками, задранными кверху, как у Хоттабыча. Брюки на нем были ярко-фиолетового цвета с разноцветными латками на коленях и заднице. Из огромных карманов пиджака торчали непомерно большие ножницы и расческа. Напевая веселую песенку, он шагал навстречу первому, катя за собой тележку с грузом, и словно ничего не видел перед собой.

Тот, что в котелке, смотрел на ходу в книгу и повторял, пытаясь зазубрить:

– Калий, натрий, серебро в первой группе заодно... Калий, натрий, серебро в первой группе заодно... Калий, натрий, серебро в первой группе заодно...

Они заметили друг друга только после того, как столкнулись.

– Привет, Козлов! – сказал тот, что в котелке.

– Здорово, Баранов, – обрадовался тот, который с тележкой. – Ты что здесь делаешь?

– Иду домой с экзамена, – ответил Баранов.

– Ха-ха-ха! – захохотал Козлов. – Ты же мне весной говорил, что учишься только на пятерки! Ха-ха-ха!

– Нет, что ты! На какие там пятерки! – сказал Баранов в

смущении.

– А в прошлый раз – весной – ты мне врал! – укорил его Козлов.

– Нет, не врал. Я никогда не вру, – оправдывался Баранов.

– Ты же мне говорил, что ты отличник! Ха-ха-ха! – смеялся Козлов.

– Так я и вправду отличник! – сказал Баранов, задирая нос.

– Ты же сам только что сказал: «На какие там пятерки»! Заврался! Заврался! – издевался над ним Козлов.

– Э-э-э... конечно. На какие там пятерки! Только на пятерки с плюсом! – выкрутился Баранов.

– На пять с плюсом, говоришь? Ха-ха-ха! А идешь с переэкзаменовки! Ой, насмешил! Ха-ха-ха! Врун какой! Ха-ха-ха! – смеялся Козлов, указывая пальцем на Баранова.

– Не с переэкзаменовки, а... а... просто с экзамена!

– Что ты врешь? Какие же экзамены осенью? Заврался! Ха-ха-ха! Заврался! Ха-ха-ха! Заврался! Ха-ха-ха! – Смеялся Козлов, приседая и хватаясь за живот.

– И ничего не заврался. Я иду с самого настоящего экзамена, – обиженным тоном возразил Баранов.

– Вот врун! Осенью у пятерочников экзаменов не бывает – только переэкзаменовки. У двоечников! – издевался Козлов.

Баранов отчаянно моргал глазами, обведенными широкими синими контурами, словно соображая на ходу, как выкрутиться. Вдруг он замер на месте, и лицо его осветилось

широкой улыбкой.

– Понимаешь, Козлов, дело в том, что весной мои ответы на экзамене учителям очень понравились, и они попросили меня прийти и осенью, чтобы получить от них удовольствие еще раз!

Публика весело смеялась, а дети просто надрывались от смеха.

Козлов задумался, а Баранов перешел в наступление:

– А сам-то ты что здесь делаешь?

– Я? На работу иду, – с гордостью ответил Козлов.

– На работу? И кем же ты работаешь?

– Директором парикмахерской! – гордо ответил Козлов и достал из кармана огромные ножницы и гребешок.

Лицо Баранова посерьезнело.

– И давно ты директорствуешь?

– Сегодня первый день. Только закончил курсы парикмахеров! – ответил Козлов, щелкая ножницами.

– И сколько у тебя мастеров работает? – не унимался Баранов.

– Пока только я один. Хочешь, тебя в помощники возьму? Будешь заместителем директора парикмахерской! – многозначительно ответил Козлов. – Как?! Звучит, а?

– Так я же ничего не умею, – растерянно ответил Баранов.

– А что там уметь – стриги да брей, стриги да брей, больше ничего! А что непонятно будет, я тебе объясню.

– Ну, если так, то я согласен. Попробую. Говори, Козлов,

что мне делать.

– Давай сначала вывеску повесим. Вот. На, вешай!

Козлов порылся в тележке и достал вывеску, свернутую в рулон. Сверху на тонком тросе спустился крюк, и Баранов повесил на него рулон. Трос поднялся вверх, рулон развернулся, и все увидели надпись: «Стрижка-бришка волосей». Последовал новый взрыв детского смеха. Баранов прочитал и повертел пальцем у виска.

– Что ты там написал? Это неправильно! Стрижка-бришка волосей! Ха-ха-ха-ха! – ни одного правильного слова! – возмутился Баранов.

– А как правильно? – недоуменно спросил Козлов.

Баранов поднял руку, плакат с надписью опустил. Баранов тут же заменил его и громко прочитал:

– Стритье-бритье волосов!

Снова зазвенел детский смех. Никита был в восторге, Иринка и Лиза тоже смеялись от души.

– Тоже мне еще грамотей! – с возмущением сказал Козлов. – Меня исправлять берется, а сам пишет еще хуже! Все здесь неправильно! Нужно писать «стритье и бришка волосев»!

По рядам прокатилась новая волна детского смеха.

– Ты меня совсем запутал, Козлов! Давай лучше напишем просто «стрижем и бреем».

– Идет. Молодец, Баранов. Только надо подписать наши фамилии.

– Это еще зачем?

– А чтобы нас не перепутали с другими мастерами, неква-ли-фи-ци-ро-ван-ными, – назидательно сказал Козлов.

И вверх взлетела новая вывеска:

«СТРИЖЕМ И БРЕЕМ

Козлов и Баранов»

Тут же на арену вышел третий клоун в цилиндре пушкинских времен, отливающим шелковым блеском, и подвел к ним барана – стригите, мол.

– Мы животных не стрижем, – сказал ему Козлов.

– Да? – удивился клоун в цилиндре. – А почему же вы написали вывеску, что стрижете и даже бреете козлов и баранов?

– Козлов и Баранов – это наши фамилии, дурья твоя голова, понял? – просветил его Козлов, постучав себя по лбу.

– Тогда вывеску надо как-то иначе написать, – сказал тот, что в цилиндре. – А то получается: «стрижем и бреем козлов и баранов».

Дети засмеялись опять.

– Ну, как же тогда нужно написать, чтобы всем было ясно, что Козлов и Баранов – это наши фамилии? Может быть, ребята подскажут? Как, ребята, а? Подскажите кто-нибудь, пожалуйста! – обратился Козлов к публике.

Дети закричали вразнобой:

– Поставить запятую после слова «бреем»!

– Лучше точку! Точку поставить!

– Фамилии с заглавных букв написать!

– Правильно, Козлов, поставь точку! И фамилии наши напиши маленькими буквами, но чтобы с больших начинались!

Под купол взметнулся плакат с надписью:

«СТРИЖЕМ И БРЕЕМ.

Козлов и Баранов.»

Раздались аплодисменты, а ведущий программу вышел на середину арены и торжественно объявил:

– Ан-тракт!

Мы вышли на улицу немного подышать свежим воздухом. Дети были в восторге и комментировали последнюю клоунаду на все лады, перебивая друг друга. Мы купили им по пирожному и по маленькой бутылочке сидро.

– Видишь, Гена, а ты говорил, что тебе жаль времени, чтобы ходить в цирк. Да разве можно лишать детей такого удовольствия? – сказала Шорина.

– Для них это, конечно же, удовольствие. Но для меня это пустая трата времени. И не более того.

– Но живем-то мы ради детей, – вмешалась Краус.

– Да и нам общаться надо не только по работе, – добавила Сойкина.

Звонок прервал нашу дискуссию, и мы вернулись в душное помещение.

Второе отделение началось с выступления труппы известного иллюзиониста Эмиля Кио. Дети удивленно перешепты-

вались, когда по мановению волшебной палочки ассистентка, которую заперли в одной будке, вышла из другой, на противоположной стороне арены. Их восхищению не было границ при виде того, как маленькая гимнастка чудесным образом пролазила сквозь застекленную рамку, как в совсем небольшой сундук залезло несколько человек, а потом этот сундук оказался пустым. Публика восхищенно аплодировала, когда Кио брал в руки электрическую лампочку, и она вспыхивала ярким светом, хотя в руках у него не было никаких проводов.

Один из ассистентов Эмиля Кио принес небольшую деревянную тумбочку, накрытую салфеткой. Кио положил на нее руку, тем самым демонстрируя, что она совершенно холодная. Затем пригласил из публики хорошенькую девушку, попросил проверить, холодная или горячая поверхность тумбочки. Розовой ладошкой девушка пощупала поверхность и сказала, что она никак не горячая. Тогда Кио поставил сковородку на тумбочку, взял протянутое ассистентом куриное яйцо, разбил его, выплеснул на сковородку и изжарил яичницу. Зрители искренне удивлялись. Так, наверное, в девятнадцатом веке удивлялись папуасы, когда Миклухо-Маклай зажигал в чашке спирт.

Потом Кио взял толстый белый пеньковый канат, точь-в-точь как корабельный швартов, завязал его сложным морским узлом, подозвал ассистента и тот перерезал канат в указанном месте. Затем ассистент накинул на руки Кио салфет-

ку. Когда Кио ее убрал, канат оказался целым и невредимым.

Другой такой же канат Кио небрежно швырнул на пол, и он распростерся, извиваясь, словно большая белая змея. Подхватив канат, Кио скрутил его в бухту, опустил в ящик через отверстие в крышке и тут же медленно начал тащить его конец вертикально вверх. Но канат не падал, а оставался прямым и жестким, как деревянный шест. Когда конец каната поднялся над полом метра на три, Кио отошел в сторону, а стройненькая гимнасточка вскарабкалась по нему, застыла наверху в эффектной позе, красиво соскочила на пол и с поклоном удалилась под звуки оркестра, после чего канат вновь стал мягким и шлепнулся на пол. Зрители зааплодировали, а Иринка недоуменно спросила, как это можно сделать.

– В него, наверное, из-под пола кто-то палку вставлял, – предположил Никита.

Затем на арену вынесли стол, на который поставили настольную лампу и пепельницу, а сам Эмиль Кио положил на него свой портсигар и трость. Заиграла музыка. Кио обратился к публике:

– Желающие могут сейчас позвонить по какому угодно номеру телефона с помощью любого из этих вот предметов – лампы, пепельницы, портсигара или тросточки. Ну, есть желающие?

Желающих было много. Кио выбрал улыбчивую блондинку из первого ряда:

– Пожалуйста, прошу Вас, – произнес он, галантно протянув ей руку.

Подбадриваемая аплодисментами, девушка выпорхнула на арену. Кио элегантно поклонился публике, и девушка сделала то же самое, кокетливо тряхнув роскошными золотистыми кудрями, волнами ниспадающими ей на плечи.

– Ну-с, из чего вы предпочитаете говорить? – спросил Кио, сделав движение рукой в сторону предметов, разложенных на столе.

Она выбрала портсигар.

– Теперь называйте номер. Говорите в портсигар, пожалуйста, – он взял ее руку и поднял так, чтобы портсигар был на уровне рта.

– Тридцать четыре... – нерешительно произнесла девушка.

В динамиках послышались характерные щелчки и вверху, где располагались оркестранты, на табло зеленым светом загорелись цифры «три» и «четыре».

– Отлично. Дальше, дальше, пожалуйста, – подбодрил иллюзионист.

– Сорок семь тридцать четыре, – закончила она и замерла в ожидании.

Динамики вновь отозвались щелчками, а потом все услышали гудки телефонного зуммера – один, другой, третий...

– Да! – ответил молодой мужской голос.

– Привет, Жорик. Ха-ха-ха... Ты меня слышишь? – спро-

сила она вперемешку со смехом.

– Ты, Леночка? Откуда ты говоришь? – ответил Жорик с нотками удивления в голосе.

Девушка застенчиво посмотрела на Эмиля Кио. В ответ он подмигнул, указывая на портсигар.

– Из... из этого... из портсигара! Ха-ха-ха! Засмеялась девушка.

– Что? Откуда-откуда?

– Ну, из портсигара, – ответила она, окончательно уже освоившись и войдя в роль.

– Я, наверное, ослышался? Мне слышится «из портсигара», что ли, – недоуменно ответил парень.

– Нет, ты не ослышался. Я действительно говорю из портсигара.

– Из какого такого портсигара? – недоумевал парень.

– Из серебряного, по-моему! Ха-ха-ха-ха! – продолжала его разыгрывать Леночка.

Зрители весело хохотали.

– Леночка, с тобой все в порядке? Ты здорова? Что с тобой?

Последовала новая волна смеха, а наши дети вообще – истерически заливались.

– Со мной все в порядке, Жорик. Не беспокойся обо мне, пожалуйста, – попыталась она успокоить собеседника.

– Где ты сейчас, Леночка?

– В цирке. Идет представление Эмиля Кио. Я говорю из

его портсигара. Тебя слушает весь зал! Ха-ха-ха! – сказала Леночка, задыхаясь от смеха, а публика снова поддержала ее аплодисментами.

– Вон оно что! Разыграла, бессовестная! Понятно, это штучки Кио! Как это я сразу не допер!

– Прости уж, так получилось.

Кио взял из ее рук портсигар и положил в карман, давая понять, что сеанс связи с Жориком окончен.

– Есть еще желающие? – вновь обратился Кио к публике.

Зрители первых рядов разохотились всюду и рвались на арену наперебой.

– Есть! Есть!

– Конечно же, есть! Я хочу!

– Давайте я пойду!

– Ну, пусть вот этот молодой человек теперь попробует, – сказал фокусник, приглашая несколько неуклюжего парня, сидящего в третьем ряду.

Смущенно улыбаясь, парень нерешительной походкой подошел к столу и остановился, раздумывая, каким предметом воспользоваться для телефонного разговора. Кио взял его за руку и совершил с ним на арене круг почета, непрерывно кланяясь публике. Парень также пытался кланяться, но у него это получалось как-то неуклюже, от чего публика хохотала пуще прежнего, а парень густо покраснел от смущения. Наконец они подошли к столу, и Кио спросил:

– Ну-с, молодой человек, выбор за Вами. Из чего Вы бу-

дете говорить?

Парень взял трость.

– Из тросточки? Отлично. Пожалуйста, называйте номер телефона. Старайтесь в рукоять говорить, – командовал иллюзионист.

Парень стоял в нерешительности. Кио наклонился к нему, задав какой-то вопрос, потом вновь обратился к зрителям:

– Молодой человек приезжий, местных телефонов не знает. Поможем ему. Кто-нибудь может назвать номер своих друзей или знакомых?

Публика зашумела, выкрикивая номера, но Кио, видимо, в шуме не смог расслышать ни одного и повернулся в нашу сторону. Внезапно оживилась Шорина:

– Ха-ха! Сейчас телефон Кускова назову. Интересно, как он прореагирует?

Она вскочила с места и громко выкрикнула хорошо поставленным лекторским голосом:

– Сорок два – десять – семьдесят!

– Великолепно. Спасибо. Как, молодой человек, воспользуетесь помощью этой симпатичной дамы? – спросил Кио.

Парень кивнул и сбивчиво повторил номер домашнего телефона Виталия Кускова. В динамиках послышались щелчки, затем длинные гудки. А Кио спросил:

– Кого позвать?

– Виталия Никитича! – выкрикнула Шорина.

– Ал-ло! – послышался из динамиков спокойный голос

Кускова.

– Позовите, пожалуйста, этого... как его... Виталия Никитича, – вспомнил, наконец, пареньь.

– Он Вас слушает, – растягивая слова, ответил Кусков.

Парень замешкался и посмотрел на иллюзиониста, ища поддержки. Кио, не произнося ни слова, недвусмысленно указал на трость.

– Вы знаете, откуда с Вами говорят? – с хитринкой в голосе спросил пареньь.

– Конечно! – уверенно ответил Кусков.

– Ну, как Вы думаете, откуда?

– Из жопы! – раздраженно выкрикнул Кусков.

В динамиках раздался щелчок, затем последовали короткие гудки. Публика на мгновение замерла, а потом взорвалась истерическим смехом. Кио поднял было руку, пытаясь уgomонить зрителей, но тщетно. Истерический смех не прекращался несколько минут. Украдкой я посмотрел на Шорину. Она сидела красная, как рак, и готова была провалиться сквозь землю от стыда. Кио сделал еще одну попытку утихомирить зрителей. Результат был тот же. Тогда он кивнул дирижеру оркестра, и зазвучала музыка. Мало-помалу зрители успокоились. Оркестр умолк, и ведущий торжественно объявил:

– Уважаемые зрители! Наше представление окончено!

До троллейбусной остановки мы шли молча. Только дети оживленно обсуждали детали представления, акцентируя

внимание на реплике Кускова. Мы то и дело останавливали их, повторяя, что так говорить нехорошо. Они на минуту умолкали, но потом со смехом снова возвращались к запретной теме.

На остановке толпился народ. Погода была великолепная, и мы решили немного пройтись пешком. Несколько раз мы пытались начать непринужденную беседу, но разговор не клеился. Когда мы остановились, чтобы, наконец, попытаться влезть в переполненный троллейбус, Шорина сказала:

– Цирк выездной у меня с этим Кусковым! Дурак, и все!

Она сделала выжидательную паузу. Несмотря на то, что на ее реплику никто не откликнулся, она продолжила:

– Он, конечно, не дурак, но в данном случае поступил, как круглый дурак. Полный идиот! Завтра на кафедре я ему выскажу все, что я о нем думаю.

На другой день, когда Шорина пришла на кафедру, я уже провел лабораторную работу и собирался домой. Краус сидела за рабочим столом и что-то выписывала в тетрадь из толстенной книги. Сойкина, подбоченясь, стояла у окна и наблюдала, как пестрая толпа студентов выходила из соседнего корпуса и широким потоком растекалась по аллее в обе стороны.

Шорина поставила на рабочий стол свой тяжелый портфель, подошла к висевшему на стене зеркалу и стала поправлять прическу. В это время, оживленно беседуя, в преподавательскую вошли Кусков и Феклушин.

– Здравствуйте, кого не видел, – сказал Феклушин, небрежно швырнув на свой стол тонкую коричневую папку.

– Здравствуйте, – с достоинством вторил ему Кусков.

Все, кроме Шориной, кивнули в ответ на приветствия, продолжая заниматься каждый своим делом.

Кусков вынул из пачки сигарету и принялся тщательно ее разминать. Казалось, что кроме этой сигареты для него ничего в этом мире не существует

– Здравствуй-здравствуй, дорогой, – ответила Шорина после некоторой паузы. – Ну и опозорил же ты меня вчера! До сих пор не могу в себя прийти!

Кусков вопросительно посмотрел на Шорину.

– Я? Вчера? Помилуйте, Элеонора Спиридоновна, вчера было воскресенье, и мы с Вами вообще не виделись. Как я мог Вас опозорить – ума не приложу.

Он говорил как всегда медленно, почти речитативом, и улыбался от уха до уха во всю полноту щек.

– Ладно, не прикидывайся. Как будто и вправду ни о чем не догадываешься! – зло улыбаясь, ответила Шорина.

– Ей-Богу, сном-духом ничего не ведаю. Да Вы скажите прямо, Вы же знаете – догадываться я не умею. Хоть убейте, никак не вкурю, чем таким я мог Вас опозорить?

– Да? А своим хамским ответом по телефону? Когда тебе из цирка позвонили, с представления Эмиля Кио!

– Что? Из цирка? Так это звонили Вы? С представления Кио? – глаза его округлились, и он захохотал. – Хо-хо-хо-хо!

Ой! Хо-хо-хо-хо! Хо-хо-хо-хо!..

– Да, представь себе. Тебя слушали все зрители, дорогой мой, в том числе дети. Кстати, и наши дети тоже, – возмущалась Шорина.

– Да что Вы, Элеонора Спиридоновна! Хо-хо-хо-хо! Ой, не могу! Хо-хо-хо-хо! Но я же не знал, ей-Богу не знал! Хо-хо-хо-хо!..

– Я вот думаю, как это ты, интеллигентный парень, сын интеллигентнейших родителей, мог себе позволить такое хамство? – не унималась Шорина.

А Кусков все хохотал. Лицо его стало красным, как помидор. Он выронил на пол сигарету, с трудом наклонившись, поднял ее и, не переставая хохотать, бросил в урну. Я и Сойкина также расхохотались. Краус продолжала делать вид, что ничего не замечает, а Шорина метала во все стороны гневные взгляды, словно молнии. Феклушин тоже смеялся за компанию. Он недоумевающее смотрел на все происходящее, терпеливо ожидая развязки; хотя я зал, что он весь сгорит от любопытства.

Наконец Кусков начал успокаиваться. Он снял очки, достал носовой платок и утер слезы. Спрятав платок, он вынул кусочек желто-коричневой замши и, протирая им очки, посмотрел на Шорину.

– Понимаете, Элеонора Спиридоновна, я как раз в это время прилег вздремнуть. Слышу – что-то мне мешает спать. Прислушался – телефонный звонок. Ну, ответил. Спраши-

вают меня. По имени и отчеству. Потом начинают голову морочить. Я понял, что кто-то балуется. Ну, думаю, нужно ответить так, чтоб ему расхотелось, причем надолго, – его полное лицо расплылось в добродушной улыбке. – Вот я и ответил. Еще интеллигентно, между прочим. Мог бы и покрепче. Но это был ведь не Ваш голос, Элеонора Спиридоновна Мужской. Верно?

– Не хватало еще, чтобы ты мне так ответил! Вышел какой-то приезжий парень, Кио попросил чей-нибудь номер, я дала твой. Я же не думала, что ты такой хам.

Кусков достал новую сигарету, и Феклушин протянул ему зажигалку.

– А что, что ты ему сказал? – спросил, наконец, любопытный Феклушин с задорной улыбкой на румянном лице.

– Пойдем в курилку, там я тебе и расскажу, – с серьезным видом ответил Кусков, отворяя дверь.

Юлий Гарбузов

29 сентября 2005 года, четверг

Харьков, Украина

27. Пистолет и школа (Не закончено)

Мать нашла кортик. Учинила допрос. Потом выбросила его в дворовой туалет. Немецкие пластинки побила молотком и выбросила из страха, что на них были записаны немецкие военные марши и гимн Третьего рейха. Пистолет не нашла.

Я принес пистолет в школу. Хвастался перед ребятней. Увидела Наташа Казанская:

– Сейчас же отдай директорисе!

– Еще чего!

– Не отдашь – я скажу. Так до несчастья недалеко. Понял?

Директор вызвала меня и потребовала отдать ей. Я сказал, что у меня нет. Но Наташа стояла на своем:

– Есть! Я сама видела!

На выручку пришел Гришка. Он достал из кармана игрушечный пистолет, стреляющий пистонами:

– Вот этот пистолет. Это Гена пошутил, что настоящий!

Но Наташа стояла на своем:

– Нет! У него настоящий. Как у моего папы, что на работе выдали. Так же рамка с патронами в ручку прячется! И клацает по-другому – громко так!

– Да ошиблась она! Другого у нас не было!

Директриса сказала, что если я не отдам, она вызовет милицию. Я не отдал.

Шел урок дарвинизма. Я сидел у окна, выходящего на школьный двор. В середине урока я увидел, что за ворота вышли директриса, завуч и военрук – он же физрук. Потом приехала машина, из которой вышли трое в милицейской форме: двое мужчин и одна женщина. Мы с Гришкой поняли, что это за пистолетом.

Рядом с моей партией была решетка, закрывающая отдушину в полу. Решетка крепилась четырьмя шурупами по краям. Один шуруп прочно сидел на месте, а три других легко вынимались, и решетку можно было легко отвести в сторону. Туда мы прятали папиросы, чтобы не отобрали учителя. Я тут же отодвинул решетку и положил туда пистолет как можно дальше от отверстия.

Пришли милиционеры. Потребовали у меня оружие. Я отдал им Гришкин игрушечный пистолет. Обыскав меня и все мои вещи, они, естественно, ничего не нашли. Тогда они построили девочек лицом к доске, а нас стали обыскивать. Никто ничего не знал. Ребята говорили, что видели только тот самый игрушечный пистолет – больше никакого. Только Наташа стояла на своем.

Тогда они решили, что я передал оружие кому-то из девочек. Построили мальчиков лицом к доске, а женщина милиционер обыскала девочек. Безрезультатно.

Никого не отпуская домой, меня увели в кабинет дирек-

тора и там начали допрашивать с пристрастием. Сначала говорили, что все будет нормально, что мне ничего не грозит. Но я по опыту знал, что верить взрослым нельзя. Точно так же меня недавно уверяли, что все будет в порядке, если я скажу, кто сунул в розетку короткозамкнутую вилку, чтобы вызвать короткое замыкание и сорвать урок. Я признался, что это сделал я. Меня крепко наказали, а обещание не сдержали. Еще и стыдили – поступок совершил, а снести наказание не хочу.

Потом на глазах у директрисы и завуча меня начали пытать – сжимали изогнутые пальцы, били «под дых» со словами:

– Лучше говори, а то бить начнем.

Это, мол, не битье, а только разговор. Я нарочито громко кричал, но стоял на своем. А они били и били. У меня уже не было сил – хотел сдаться. Но я знал – если сдамся – меня ждет тюрьма. И прощай тогда моя мечта поступить в институт, стать ученым, изучать космос и прочее.

Потом меня отпустили, когда за мной пришла мать. Со мной говорил Берсуцкий, уговаривал – ничего мне не будет. Я так и не сдался. Я боялся, что дома устроят обыск и найдут запасные детали и боеприпасы, а также инструкцию. В тот же вечер я выбросил все улики в Московку.

Постепенно скандал утих. Меня оставили в покое. Однажды вечером после занятий в кружке художественной самодеятельности я рискнул пробраться в класс, к которому за-

ранее подобрал ключ. Трясущимися руками я открыл отдушину и начал шарить рукой в подполье. Пистолет не попался. Я нервничал, думая, что его кто-то уже нашел и извлек из моего тайника. Успокоившись, я сунул руку поглубже и нащупал холодную сталь пистолета.

Нервничая, я вышел из школы и, несмотря на позднее время, буквально побежал в Дубовую рощу, где протекала река Московка, в которую спускались все сточные воды. Я бросил пистолет на самую середину. Он пошел ко дну, подняв фонтан брызг.

Я вздохнул с великим облегчением и пошел домой веселый и радостный. С тех пор я стремился как можно дальше держаться от оружия.

Юлий Гарбузов

25 ноября 2001 года, воскресенье

Харьков, Украина

28. Шалман (Не закончено)

Я с сыном шел из бани по Университетской. Подошел парень прибранный вида в серой кепочке.

– Послушай, друг. Понимаешь, я только что из лагеря. – Он приподнял кепку, показав стриженое темя. – Как видишь, из пионерского. За старое приниматься не хочу. Сейчас хожу, ищу работу. – Он откашлялся. – Но просто так же ходить искать не годится. Надо ж зайти в шалман! – Последнюю фразу он произнес восходящим тоном.

– Но стакан вина стоит сорок пять копеек, а у меня всего лишь тридцать. – Он выждал паузу. – Так ты мне, если можешь, подари пятнашку, а?

Я сунул руку в карман, где позвякивала мелочь. Желая вытащить пятак, я нащупал большую монету и протянул ему. Увидев, что это полтинник, я пожалел, но было уже поздно. Пришлось отдать с болью в сердце.

– Спасибо, друг! Век тебя помнить буду. Твой сынок?

– Да, мой сынок.

– Привет, умница! Ты сказку про папу Карло знаешь?

– Знаю.

– А кто тебе там больше всех нравится?

– Буратино.

– А мне Карabas-Барabas! Ха-ха-ха-ха! Ух, ты, красавец какой!

С минуту мы шли молча.

– Слушай, друг! Шалман вон там, в конце улицы налево.

Еще квартал до него. Можно я рядом с вами до него пройду?

– Можно, отчего же нет?

– Понимаешь, на тебя кто ни посмотрит, любой скажет – приличный человек, образованный, интеллигентный, с мальцом идет. Увидят люди, что я рядом иду – разговариваю с тобой, и подумают, что и я такой же – хоть на минуточку. Приятно ведь! Спасибо за угощение. Я часто здесь теперь хожу. Увидишь – не побрезгуй поздороваться! Ну, пока, золотой мой!

Он лихим жестом приподнял сзади кепку – она надвинулась на лоб до самых бровей – и перешел на другую сторону, направляясь к заветной двери распивочной.

Юлий Гарбузов

29. Досмотр чемодана

Кошевой затормозил у самого порога, и Коротченко, с трудом отклеившись от липкого горячего сиденья «газика», выскочил на дорожку, вымощенную белыми бетонными плитами, раскаленными беспощадным сомалийским солнцем. Было так приятно размять затекшие ноги! Он сразу же направился к двери, чтобы поскорее укрыться от палящего солнца.

– А покупки, Валюша?! – напомнил Кошевой.

– Черт! Спасибо, Галактионч! – спохватился Валентин, глядя на потное загорелое лицо Кошевого, добродушно улыбающееся из-под широкополой шляпы.

Забрав спортивную сумку и коробку, перехваченную пестрым упаковочным скотчем, Валентин снова направился к двери домика, а «газик», обдав его синими клубами выхлопных газов, помчался на стоянку под навесом.

Коротченко вошел в тесную комнатенку, с наслаждением вдыхая прохладу кондиционированного воздуха.

Сбросив прямо у порога кроссовки, носки, джинсовые шорты и влажную от пота рубашку, он неторопливо заглянул под кровать, чтобы положить в стоящий там чемодан последние покупки – миниатюрный радиоприемник «Филипс» и флакон настоящих французских духов для своей Галки. Валентину показалось, что чемодан стоит немного не на сво-

ем, уже ставшем привычным, месте. Он всегда ставил его не под серединой кровати, а поближе к голове, чтобы ночью, в случае чего, было удобнее доставать таблетки от головной боли. В тумбочке от высокой влажности и африканской жары они в течение двух-трех дней превращались в какую-то труху. А в почти герметичном чемодане, да еще в полиэтиленовом кульке они сохранялись гораздо дольше.

Проклятые боли! Он ведь скрыл от медкомиссии, что лет пять уже, не меньше страдает от нестерпимо ужасных головных болей. Особенно по ночам. Неужели так будет и дальше – до самого конца жизни? Надо что-то делать, чтобы не запустить эту болезнь окончательно. Андрей Малько, врач при посольстве, прописал тройчатку, а в острых случаях и пятерчатку. Впрочем, для этого врач совершенно не нужен. А радикального лечения он, говорит, не знает. Быть может, сходить к частнику – американцу, который избавил Нерубенко от никотиновой зависимости? Ведь после визита к нему Андрей действительно вскоре бросил курить. Но визит к американцу стоит почти сто долларов! Хорошо, если поможет. А если нет? Жаль такие деньги пускать на ветер. Надо все как следует взвесить – стоит ли овчинка выделки?

«Да что это я заикливаюсь на своей болячке? Голова-то сейчас, слава Богу, не болит, – подумал Коротченко. – А будешь об этом думать, еще чего доброго, начнет болеть. Надо отвлечься от этой темы, черти б ее побрали! С чего это я вдруг о болячках?»

Валентин на минуту задумался. Какое-то чувство внутреннего дискомфорта почему-то вторглось в процесс мышления и нарушило стройный ход мыслей.

«Ах, да! Чемодан стоит не по-моему. Кому понадобилось его трогать? Галактионыч все это время не отходил от меня ни на шаг. С самого утра мы вместе с ним распаивали антенные разъемы. Даже в туалет выходили вместе. После обеда мы уехали в посольство за почтой и экспедиционными документами. Галактионыч был за рулем. Все остальные, кроме профессора, сразу после завтрака отправились в порт за оборудованием, прибывшим вчера с кораблем. На хозяйстве оставался один Ампилов. Это что же получается? Неужели профессор поинтересовался содержимым моего чемодана? Вот это да! Этого еще не хватало! В принципе, от него можно ожидать и такого. Но что его там могло интересовать? Не иначе, как любопытство покоя ему не дает – какие я делаю покупки, что собираюсь увезти на родину. Если так, то завтра он непременно поинтересуется, что я купил в городе сегодня, когда ездил в посольство. Что ж, проверим.»

На другой день Валентин решил оставить в чемодане приметку. Сняв с потолка в прихожей длинную нитку паутины, в которой там не было недостатка, он аккуратно уложил ее поверх вещей. Потом еще одну. Таким образом пошарить в чемодане, не повредив паутины, было невозможно. Валентин осторожно закрыл крышку чемодана и пошел в лабораторию монтировать передатчик.

В лаборатории Ампиоров, как всегда, заправски командовал, энергично размахивая руками.

– Ставьте вот здесь! Ближе, ближе к стенке! Вот так. Все. Слава Богу. Теперь начинайте монтировать вторую стойку. А я пойду, хоть стакан воды выпью. Ужасная духота – как в парилке. А кондишин, заметьте, на полную мощность работает. И возраст все-таки уже дает о себе знать! Скоро пятьдесят. Не то, что Вам, Валентин.

Валентин видел, как Ампиоров вышел из лаборатории на солнцепек и, чуть сутулясь, ленивой походкой побрел к домику. У порога он остановился, оглянулся и некоторое время смотрел в сторону лаборатории; потом вошел в домик и тщательно затворил за собой дверь.

«В такую-то жару метров сто под полуденным экваториальным солнцем! – подумал Коротченко. – Так уж ему не терпится проверить, что я вчера из города привез! Ну и любопытный же, гад-паразит!»

Через десять минут Ампиоров вернулся и снова начал темпераментно и бестолково командовать, прекрасно понимая, что все окружающие великолепно осознают ненужность его командирства. Что оно только тормоз в работе. Но он не мог позволить открыто относиться к нему, профессору, как к пятому колесу в телеге. И Ампиоров изо всех сил стремился показать, что он здесь – «руководящая и направляющая сила», что без него все сотрудники кафедры абсолютно никчемны, и без его руководства все дела непременно остановятся.

– Что ж, пойду теперь и я воды попить, – сказал Коротченко и спокойным шагом направился в домик.

Пить, конечно, хотелось нестерпимо. Валентин достал из стоявшего в прихожей холодильника запотевшую бутылку газировки и мигом опорожнил ее. «А теперь проверим наши предположения», – решил он и вошел в свою комнату. В этот раз чемодан стоял почти на месте, только как-то косо. «Неряшливый пень! – думал Валентин. – Видно птицу по полету. А еще и шалить берется. Правда, зачем ему заботиться о том, чтобы не оставить следов? Он и так уверен в собственной безнаказанности. Действительно, не скажу же я ему напрямик, чтобы не рылся в моем чемодане! Это же личное оскорбление! Не пойман – не вор. А что я подумаю – на это ему ровным счетом наплевать. Наглец!»

Валентин открыл чемодан и сразу увидел, что в своих предположениях не ошибся. Паутинки были смяты и разорваны. Он тихо выругался. «Сволочь любопытная! В моих вещах роется! Досмотры устраивает! Скотина, б...!»

После обеда Коротченко с Кошевым снова отправились в город. Надо было заехать в порт за кабелем, изоляторами и прочей дребеденью. Кроме того, в посольстве должны были выплачивать зарплату, а Валентин – общественный кассир экспедиции.

Возвращались уже во время ужина. Выгрузив очередные покупки, Кошевой подогнал машину к самой столовой, где Ампиоров допивал свою чашку крепкого чая, который пова-

риха Вера Демьяновна заваривала специально для него в отдельном чайнике. Увидев вошедших Коротченко и Кошевого, он с деловым видом подошел к ним, дожевывая остатки печенья.

– Кабели получили? – поинтересовался Ампилов.

– Получили. Изоляторы тоже, Валентин Аркадьевич, – ответил Коротченко, опережая мысли профессора.

– Нормальный кабель? Не побитый?

– Да будто бы нормальный, Валентин Аркадьевич. В работе увидим. Изоляторы запакованы, завтра посмотрим.

– Хорошо бы, чтобы в самом деле все в норме было. Не так, как тогда на полигоне – помните? Весь кабель побитым оказался. Здесь, в отличие от той ситуации, новый взять негде. А покупать в городе за доллары – дорогое удовольствие. Никто нам счета не оплатит. Вдруг что – из своего кармана придется. Если ждать из Союза, время пройдет. А за него государство тоже доллары отстегивает. Ведь время на экспедицию ограничено. Понимаете?

– Конечно, Валентин Аркадьевич.

Тем временем Кошевой принес тарелки с ужином и стаканы с чаем и сел за стол, не решаясь начать трапезу без Коротченко. Заметив, что Коротченко поглядывает на стол, Ампилов сделал вид, будто торопится.

– Простите, Валентин. Вижу, Вы проголодались. Ладно, я пойду. Дел еще на сегодня масса. Зарплату получили?

– Получил. После ужина выдавать буду.

– Что-нибудь купили в городе?

– Так, ерунду всякую, – бросил Коротченко, умышленно разжигая любопытство профессора.

– Таитесь? Ладно, Бог с Вами. Идите, а то ужин остынет. Приятного Вам аппетита

На следующий день Коротченко перед уходом на работу взял лист белой бумаги и жирным фломастером написал на нем: «Здесь нет ни хера интересного. Закрой»! Положив его поверх всех вещей, Валентин опустил крышку чемодана, защелкнул замок и вышел в особо приподнятом настроении. Теперь осталось подождать часа два-три. «Ничего, подождем. Спешить некуда. Но зато какой спектакль будет»! – подумал он, предвкушая эффект предстоящей сцены.

В лаборатории он сразу же занялся наладкой передатчика. Сидя у стойки с горячим паяльником в руке, Валентин даже не замечал жары и искоса наблюдал за профессором, который, изображая исключительную озабоченность и деловитость, на самом деле не знал, куда себя приложить, чем полезным заняться.

– Галактионыч! Ну, как там антенны? – кричал он в окно изнывающему от зноя Кошевому, работавшему на крыше.

– Все в порядке, Валентин Аркадьевич! – слабым голосом отозвался Кошевой, слезая по лестнице, – Антенны настроены, кабели подпаяны. Разъемы еще вчера мы с Валею распаяли. Так что здесь уже все на мази!

– Смотрите, не свалитесь оттуда. А диаграмму направлен-

ности тоже сняли?

– После обеда, Валентин Аркадьевич. Сейчас будем передатчик на эквивалент антенны грузить.

– Не нужно после обеда! Сейчас давайте!

– Да жара на крыше, как в пекле. Мы с Валентином все уже подготовили.

– Нечего, нечего на «потом» откладывать! А жара – так об этом надо было еще в институте думать, когда оформляли документы на поездку в Африку. Знали, что не в Антарктиду едете. Желающих терпеть африканскую жару было много. Вам повезло, сейчас зарабатываете колоссальные деньги по сравнению с тем, что получают ваши коллеги на родине. Теперь их надо отрабатывать. Так что давайте снимать диаграмму. Готовьте аппаратуру, – сказал он непререкаемым тоном, – а я тем временем пойду попою.

Ампиров вышел, а Коротченко отставил дымящийся паяльник и с бьющимся от волнения сердцем уставился в окно. Он видел, как профессор, утирая носовым платком пот с лица и шеи, неторопливо подошел к жилому домику и так же, как и в прошлый раз, бесшумно исчез за дверью. А Валентин, зная, что Ампиров непременно постарается удовлетворить свое любопытство, ждал, хрустя от нетерпения пальцами.

Ожидание длилось недолго. Вскоре Ампиров вышел из домика и резким шагом двинулся по направлению к лаборатории. Коротченко подбежал к передатчику и сделал вид,

что не замечает вошедшего профессора.

– Галактионыч! Эквивалент подавай! – крикнул Валентин и как бы невзначай посмотрел на Ампилова. Тот стоял весь красный то ли от жары, то ли от злости, то ли и от того, и от другого одновременно, налившийся кровью как индюк.

– А вы все с передатчиком! Я же сказал диаграмму направленности антенны снимать! – заорал Ампилов.

– Какая разница, что раньше – антенну или передатчик? – с деланным безразличием сказал Валентин. – Все равно они только в комплексе работать могут.

– Большая! – крикнул в ответ Ампилов, и Коротченко явственно услышал, что его голос слегка подрагивает.

– В чем именно, Валентин Аркадьевич? – спокойно поинтересовался Коротченко.

– Антенны должны быть всегда готовы к включению передатчика! Да и хотя бы в том, что я так распорядился, наконец! Я здесь руковожу или кто? Дано вам рабочее указание – выполняйте, а не своевольничайте! Давайте организованно работать, а не воду из меня варить

«Злишься, голубчик? Не в силах сдержаться? Я знаю твой буйный темперамент, на это и рассчитывал, – думал Коротченко. – Попсихуй, попсихуй немножко. Я ведь тоже психовал, когда узнал, что ты в моих вещах регулярно роешься!»

– Как скажете-с, Валентин Аркадьевич, – невозмутимым тоном ответил Коротченко.

– Ведите себя как подобает! Не грубите!

– Да что с Вами, Валентин Аркадьевич? Разве я Вам нагрубил? Чем Вы так расстроены? – спросил Коротченко, дымя паяльником.

– Хватит ерничать, Валентин Прокофьевич! Давайте работать!

– А я, что, бездельничаю, что ли?

– Так! Я Вас считал воспитанным и порядочным человеком! Я поручился за Вас, пробил на всех уровнях Ваше участие в экспедиции! Вот через две недели я уеду в Союз, а Вы здесь останетесь вместо меня два года командовать! И это тоже благодаря мне, кстати! В конце концов, я дал Вам возможность заработать колоссальные деньги! А Вы издеваетесь надо мной! Вот Ваша благодарность! Вот! Вы меня сейчас так расстроили, что у меня голова кругом идет! Еще утро, а я уже ни хера не соображаю! Вы меня ни во что ставите! Из-за Вас меня здесь уже никто не слушает! Делайте, что хотите

Ампиров хлопнул дверью и пулей вылетел во двор, где экваториальное солнце стояло в самом зените.

– Что это с ним, Валечка? – улыбаясь, спросил Кошевой, искренне удивленный внезапной переменой настроения профессора.

– Да хрен его знает! Наверное, солнце темечко напекло. Давай, Боря, эквивалент ставить. Хочется успеть до обеда мощность померить.

Юлий Гарбузов

15 июня 2005 года, среда
Харьков, Украина

30. Голый ришка (Не закончено)

Славка пел песню, аккомпанируя себе на гитаре:

– Чио-Чио-Сан из Киото

О, Ниппон, о, Ниппон!

О, фарфоровый звон

Из-за дымки морского тумана!

О, Ниппон, о, Ниппон,

Шелком тканый Ниппон,

Золотистый цветок океана!

Ах, весной весь Ниппон

Поголовно влюблен,

И весной, сердцем к сердцу приникши,

Разбредаясь по углам,

Все целуются там,

От Микадо – до голого ришки (рикши).

Даже бонза седой

Пред иконой святой

Всем богам улыбается что-то...

Но одна лишь грустна,

Как фонтан холодна,

Госпожа Чио-Сан из Киото.

И шептали, лукаво смеясь, облака:

«Чио-Сан, Чио-Сан, полюби хоть слегка».

И шептали, качаясь на стеблях, цветы:

«Чио-Сан, Чио-Сан, с кем целуешься ты?»

И шептал ей смеющийся ветер морской:

«Чио-Сан, Чио-Сан, где возлюбленный твой?»

И шептало ей юное сердце:

«Ах, как хочется мне завертеться...»

И откликнулась Чио на зов майских дней —

И однажды на пристани вдруг перед ней

Облака и цветы, и дома, и луна

Закружились в безудержном танце.

Полюбила она, полюбила она

Одного моряка – иностранца.

Он рассеянным взором по Чио скользнул,

Подошел, наклонился к ней низко,

Мимходом обнял, улыбнулся, прильнул

И уехал домой в Сан-Франциско.

И осталась одна

Чио-Сан у окна.

А моряк где-то рыщет по свету...

И весна за весной

Проходили чредой,

А любимого нету и нету.

И шептались, лукаво смеясь, облака:

«Чио-Сан, Чио-Сан, не вернешь моряка».

И шептал ей смеющийся ветер морской:

«Чио-Сан, Чио-Сан, обманул милый твой»

И шептало ей юное сердце:

«Ах, как хочется мне завертеться...»

Но сказала в ответ

Чио-Сан: «Нет, нет, нет,

Не нарушу я данного слова».

Но ночью порой с неутертой слезой

Чио-Сан... полюбила другого...

Я сказал, что пел он отлично. Но «ришка» – такого слова нет, надо петь «рикши». Меня подняли на смех:

– Ты-то откуда знаешь?

– Это пела моя бабушка.

– Тоже еще – авторитет!

– Тогда скажи, что такое «ришка»?

– Японский бедняк.

– Откуда ты это взял?

– От твоей бабушки!

Все засмеялись.

– А серьезно? Вот видишь – сам так решил. А рикша – это тот, который на коляске людей возит, впрягаясь в нее, как лошадь.

– Дурак! То в Индии!

– И в Японии.

– Тогда скажи, что такое бонза?

– Буддистский священник.

– Вот утконос! Бонза – это начальник большой, понял?

– Вспомни слова песни: «Даже бонза седой Пред иконой святой Всем богам улыбается что-то...»

– По-твоему, молятся только священники?

– Нет, но посмотри в энциклопедию. Кроме того, у буддистов нет икон. Следует петь «за молитвой святой».

– Ты так всю песню по-своему переделаешь?

– Зачем же по-своему? Так в песне на самом деле поется!

– Да откуда ты взял, чудик?! Хватит умничать!

– Как хотите!

Юлий Гарбузов

1 марта 2004 года, понедельник

Харьков, Украина

31. Туфли из Парижа

Телефонный звонок нарушил ход моих мыслей. Я решил не отвечать – вдруг это кто-нибудь из начальства? А все наши факультетские начальники очень даже любят что-либо экспромтом поручить по телефону, заставить кого-нибудь искать, что-то кому-то передать и тому подобное. Нет, лучше не подходить. Я продолжал паять свой регистратор. Но телефон упорно трещал и трещал, словно на другом конце провода знали, что здесь сижу я. В конце концов, мое терпение лопнуло. Я отложил паяльник и снял трубку.

– Лаборатория, – сказал я с нескрываемым раздражением.

– Вы что там, все поумирали, что ли? – послышался недовольный голос Ампилова.

– Валентин Аркадьевич, все на обеде, а я решил в их отсутствие немного поработать. Вот сижу...

– Поработать – это, конечно, похвально с вашей стороны. Но на телефонные звонки отвечать все же надо. Я уже несколько минут звоню-трезвоню. Полчаса назад видел вас поднимающимся в лабораторию. А теперь вы меня игнорируете. Хотел уже подниматься к вам на четвертый этаж. К сожалению, Геннадий Алексеевич, тут у нас неотложное дело. Только что позвонили из партбюро факультета и сказали, чтобы от нашей кафедры были представители на лекции, посвященной предстоящему столетию со дня рождения Лени-

на. Кроме нас с вами на кафедре никого. Одни на занятиях, другие дома – в ванне сидят, кости распаривают. Третьи по магазинам шляются, в очереди стоят, четвертые на базаре за пять копеек торгуются. Хоть «алла» кричи! Так что придется идти нам с вами – больше некому. Пожалуйста, спускайтесь сюда, одевайтесь и заходите ко мне в кабинет.

Ампиров положил трубку. Проклинаая про себя и шефа, и партбюро, и Ленина, я выключил паяльник, в скором темпе убрал рабочее место и спустился на второй этаж. Ампиров говорил правду – в преподавательской не было ни души. Я надел куртку, запер за собой дверь и вошел в кабинет Ампирова.

– Здравствуйте, Валентин Аркадьевич, – поздоровался я, остановившись у двери.

– Здравствуйте, Геннадий Алексеевич. Почему Вы заставляете ждать себя? Сначала вы полчаса к телефону не подходите, потом целый час собираетесь. Нам нельзя опаздывать. Там ведь такая публика, что не преминет дать щелчок по носу, Вы же знаете. На хрена это нам нужно?

– Валентин Аркадьевич, не придирайтесь, пожалуйста. Вы же знаете, что мне нужно было обесточить стол, спрятать инструменты, запереть лабораторию...

– Гена, не оправдывайтесь. Это все понятно. Но я знаю, что Вы никогда никуда не торопитесь – ведь правильно?

Я обошел эту реплику молчанием, как бестактность. Ампиров снял с вешалки и проворно набросил на плечи свою

обнову – шикарную кожаную куртку. Через минуту мы уже шли по мокрому асфальту в сторону ректорского корпуса. Возле информационного стенда, что у входа в электрорекорпус, Ампилов остановился, чтобы окинуть взглядом последние объявления.

– Вы видите, Гена, в половине первого нам уже надо быть на месте и слушать профессора Лекарева. «К столетнему юбилею великого основателя первого в мире Социалистического государства – Владимира Ильича Ленина». Ну и трепач же этот Лекарев – терпеть его не могу! Заливать любит, как будто перед ним детский сад. Сидишь, слушаешь его досужие витиеватые мудрствования и чувствуешь себя полным идиотом, последним кретином. А возмутиться – избави Бог. Вымарают так, что до смерти не отмоешься.

Ампилов посмотрел на часы.

– Как говорится в песне, «у нас еще в запасе четырнадцать минут». Точнее – пятнадцать

– Вот видите, даже сейчас еще целых пятнадцать минут. А Вы корили меня за медлительность, – легонько взбрыкнул я.

– Не корил, а напомнил, что надо быть чуть-чуть оперативнее. Черт возьми, с самого начала учебного года почти каждый день какие-нибудь мероприятия, посвященные столетию Ленина. А до этой самой торжественной даты еще, – он посчитал на пальцах, – целых пять месяцев! С этим б...ским Лениным ни дела, ни работы! А отказаться – Боже сохрани. Эти кликуши тут же тебе «нос пришьют»!

– Полностью с Вами согласен, Валентин Аркадьевич. Каждый из этих профессиональных идеологов стремится показать себя перед другими «католиком больше папы римского», – поддержал я шефа.

Он посмотрел в мою сторону, и мы встретились взглядами. Ампилов криво улыбнулся.

– Только Вы, Гена, смотрите, ни при ком больше такого не болтайте. И, ради всего святого, нигде и никогда ни в коем случае не ссылайтесь насчет этого дела на меня. С Вами-то я говорю свободно. Знаю, что Вы меня не продадите. Вот я вспоминаю свою недавнюю поездку в Париж. Там люди общаются совершенно свободно: ругают свое правительство на чем свет, своего президента по кочкам несут при ком угодно, хоть при полиции. И никому до этого никакого дела, представляете?

Мы уже сворачивали к ректорскому корпусу, когда Ампилов неожиданно толкнул меня в бок:

– Вон, посмотрите, Гена. Профессор Лященко идет. Химик. Ему недавно действительного члена Академии Наук Украины присвоили. Видели, месяца полтора назад приветственный плакат у институтских ворот висел?

Навстречу нам бодро шагал сухощавый старичок с седенькой бородкой клинышком – как у Михаила Ивановича Калинина. Я не успел отреагировать на вопрос Ампилова, так как в следующий момент Лященко был уже совсем рядом. Он поздоровался первым, вежливо приподняв старомодную

шляпу. Я знал, что Ампилов всегда завидовал ему, как и всем, кто имел заслуженный успех и приличный вес в ученом мире. С такими людьми он вел себя особенно грубо, всем своим видом как бы высказывая: одно, мол, и мы – тоже такие! Лященко был лет на двадцать – двадцать пять старше Ампилова, но Валентин Аркадьевич демонстративно держался с ним на равных.

– Приветствую Вас, уважаемый Валентин Аркадьевич, – Лященко протянул руку Ампилову.

– Здравствуйте, Федор Константинович! Рад Вас видеть, как всегда, – ответил Ампилов, небрежно пожимая руку академика.

– Здравствуйте, молодой коллега, – любезно сказал Лященко, протягивая руку мне.

– Здравствуйте, Федор Константинович! – ответил я с искренним почтением.

– Как поживаете, Валентин Аркадьевич?

Тон вопроса Лященко показался мне слегка надменным.

– Спасибо, трудимся. Стараемся работать не за страх, а за совесть, чего и вам желаю, – в тон ему ответил Ампилов. – Вот, на лекцию Лекарева направляемся, как наш партком распорядился. А Вы что, не идете?

– Думаю, что обойдутся и без меня. Без одного цыгана ярмарка состоится. Скажу по секрету, я нашел уважительную причину сбежать – договорился с заводчанами, чтобы вызвали меня на это время, – с улыбкой ответил Лященко. –

Что у Вас новенького, Валентин Аркадьевич?

– Да вот, недавно Париж посетил. Как видите, ха-ха-ха... не только вы «по заграницам» разъезжаете!

– Очень хорошо. Рад за Вас, уважаемый Валентин Аркадьевич. Что-нибудь привезли от «проклятых капиталистов»?

– Спасибо. Вот – туфли там купил, – Ампилов, приняв гордый вид, выставил вперед ногу и качнул ею на каблуке из стороны в сторону.

Лященко посмотрел на туфли Ампилова и снисходительно улыбнулся.

– Вижу, – спокойно заметил он. – Ну, это, простите меня, дешевые туфли.

– Да не скажите! Не скажите, Федор Константинович! – с возмущением пропел Ампилов.

Лященко опять посмотрел на туфли:

– Извините, Валентин Аркадьевич, но ваши туфли – дешевые. Я же вижу.

– Да что вы! Сто двадцать долларов отдал, как из ружья! Ей-Богу! Я даже чек сохранил. Могу Вам принести показать, – возмутился Ампилов и, обратившись ко мне, добавил, – не верит!

– Ну вот. Я же говорил – дешевые! – сказал Лященко, самодовольно улыбаясь.

– Это за сто двадцать долларов – дешевые? – неподдельно удивился Ампилов.

Словно не расслышав, Лященко попросил:

– Можно на каблучок взглянуть?

Он вынул из внутреннего кармана очки в толстой роговой оправе и необыкновенно ловким движением надел их на нос.

Ампиров, опершись на мою руку, показал подошву. Лященко наклонился, пристально посмотрел на край каблука и снова самодовольно улыбнулся.

– Вот видите – каблучок уже поистерся, – констатировал Лященко с видом заправского эксперта.

– Я все же месяц носил их в Париже да месяц уже здесь ношу, не снимая, в любую погоду!

– А посмотрите-ка на мои.

Я поддержал Лященко за локоть, и он, воспользовавшись моей помощью, показал подошву.

– Ну – все точно так же, как и у меня. Тоже износ налицо, – ответил Ампиров, делая вид, что сдерживает улыбку.

– Так я же свои уже четвертый сезон таскаю. Как и вы, не снимая. Как говорится, и в туман, и в дождь, и в снег. Пятьсот долларов. А ваши – дешевые. Ну, будьте здоровы, коллеги. Мне на завод пора.

Он попрощался, приложив руку к полям шляпы, и поспешно зашагал к площадке, где его поджидала автомашина.

– Издевается, негодяй, – вслед ему прокомментировал Ампиров с нескрываемой досадой. – Врет ведь все! Хочет показать, какой он шибко важный пуриц и крупный швецер!

В ректорском корпусе было тепло и шумно. Я направил-

ся, было, в цоколь, чтобы сдать куртку в раздевалку, но Ампилов удержал меня за рукав.

– Вы что, в раздевалку?

– Конечно, Валентин Аркадьевич. Все равно ведь заставят раздеться.

Он легонько подтолкнул меня вверх по лестнице на второй этаж. Я непроизвольно подчинился.

– Мы с Вами, Геннадий Алексеевич, чтобы не стоять потом полчаса в раздевалке в очереди, разденемся в профессорской. На втором этаже. Кто знает, есть у нас здесь с вами лекции на этой паре или нет?

Раздевшись, мы снова спустились на первый этаж и подошли к большой аудитории, где должна была состояться лекция. В коридоре стены были увешаны портретами Ленина и красочными плакатами: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», «Ленин – вечно живой», «Ленин с нами», «Мы делу Ленина и Партии верны», «Жить и работать – по-ленински» и прочими в том же духе. Вдоль коридора стояли столы, за которыми сидели регистраторы. Мы подошли к столику с буквой «Р», что означало «радиофакультет», и зарегистрировались.

– Главное – зарегистрироваться, а потом можно незаметно уйти. Вы человек неприметный, вам легче. А мне вот, так или иначе, придется сидеть до конца, – сказал Ампилов то ли в шутку, то ли всерьез.

Аудитория была вместительной. Слушатели быстро при-

бывали и заполняли места, расположенные амфитеатром вокруг кафедры.

– Вся галерка уже занята – ищите свободные места в середине недалеко от прохода, – сказал Ампилов, окидывая взглядом аудиторию.

Мы сели в среднем ряду у самого прохода, и почти сразу же началась лекция. Профессору Лекареву на вид было лет сорок пять, не более. Светло-серый тщательно отутюженный костюм сидел на нем исключительно аккуратно и естественно. Тщательно подстриженные темно-каштановые волосы с обильной проседью подчеркивали строгость, аккуратность и элегантность его вида. Говорил он артистично, высоко подняв голову, как бы выставляя напоказ модный темно-серый галстук, отливающий серебристым атласным блеском.

Ампилов, пользуясь тем, что никто из партийного начальства на него не смотрит, обложился бумагами и что-то писал. Я увлеченно читал прихваченный с собой журнал «Вокруг света», совершенно не слушая Лекарева. Неожиданно Ампилов коснулся локтем моего бока и еле слышно прошептал мне на ухо:

– Слышите, Геннадий Алексеевич? Этот жулик поет, как народный артист. Просто соловьем заливается. Профессионал, ничего не скажешь! Не представляю, как можно было посвятить жизнь такому лицемерию!

Я утвердительно кивнул, стараясь не потерять сюжетную нить читаемого рассказа. Лекарев отчаянно жестикулиро-

вал, варьируя голосом, делая продолжительные эффектные паузы, порой замирая в неестественных позах.

– Когда медики производили вскрытие трупа Владимира Ильича, они все были буквально по-ра-же-ны!.. – Лекарев сделал паузу, рассчитывая тем самым стимулировать любопытство слушателей. – Поражены тем... что... почти весь его мозг был закальцинирован! Инструменты о него – сту-ча-ли! Живым оставался только маленький кусочек – размером с небольшое яблочко... И с таким мозгом Ильич работал до последнего дня!

Лекарев застыл, как изваяние, подняв над головой правую руку, сжатую в кулак, словно держа в ней то самое маленькое яблочко. Лево́й он опирался о кафедру. Ампи́ров снова наклонился к моему уху и, давясь от смеха, прошептал:

– Слышали? Ха-ха-ха... Еще и выставляет как достоинство, идиот! Ха-ха-ха-ха... Теперь вам ясно, почему вот уже пятьдесят с лишним лет в нашей стране такой ужасный бардак?! Ха-ха-ха...

Юлий Гарбузов

10 ноября 2005 года, четверг

Харьков, Украина

32. Какая диссертация?

Написание моей диссертации близилось, как мне казалось, к завершению. Я был, что называется, на взводе и, отложив все дела в сторону, сидел над бумагами. Секретарша Ларочка обещала сегодня допечатать мою правку последнего раздела – и все. На этом печатные работы должны закончиться. Рисунки уже готовы, библиография оформлена. Останется только разложить по разделам, проставить номера страниц и переплести фолиант. Потом – к шефу на критику. Тот удивится! Еще бы! Чуть не каждый день я слышу, как он возмущается аспирантами и соискателями, которых никак не может вынудить «положить работу на стол».

– Сколько здоровья они у меня отняли! Все из людей приходится выколачивать. Никто ничего не хочет делать, даже писать свою собственную диссертацию. Это же не для меня – для них самих, для их авторитета, престижа и денег, наконец. Все материалы налицо, а они все тянут, тянут резину, лодыри бессовестные! – жаловался он в моем присутствии Шориной, когда та приходила к нему как парторг кафедры за сведениями по науке для партбюро.

– Что ж, не берите таких в аспиранты и соискатели, Валентин Аркадьевич, – подпевала она в унисон шефу.

– А кого? Кого, Элла, брать? Других нет. Приходится работать с тем людским материалом, который имеется в нали-

чии. «За неимением гербовой пишем на простой», говорит народная мудрость.

А я вот возьму да и преподнесу ему готовый фолиант. Как говорится, на блюдечке с голубой каемочкой. Пусть читает, черкает, критикует, заставляет переделывать – это уже не то, что «начать да кончить». Арнольд Горбань, мой консультант из авиационного, сказал, что теперь все должно быть «в полном ажуре». Если, конечно, в моей работе нет принципиальных научных ляпсусов. А какие тут ляпсусы? Самые последние измерения, известные параметры, статистика, выводы. Арнольд мне очень даже существенно помог в процессе формирования этой диссертации. «Практика, опытность – великое дело», – говорил Корпенко-Карый устами отставного солдата Банавентуры в пьесе «Сто тысяч». Обожаю его пьесы! А опыта и практики Арнольду не занимать. И голова у него светлая – классный парень. «Повезло твоему профессору, говорит. Твоя диссертация будет ему лучшим новогодним подарком. Без хлопот, без нервов, без подгоняловки – готовый диссертант с готовой работой. А доводка, шлифовка – это уже ерунда. Мне бы такое. Ты только подготовься как следует и подходящий момент выбери – чтобы ему под настроение».

И вот, наконец, такой момент настал. Тему, по которой я написал диссертационную работу, сдали мы с оценкой «отлично», и заказчик выделил по ней солидную премию. Шеф был на седьмом небе от радости. И я, пользуясь благоприят-

ным стечением обстоятельств, взял подмышку свой фолиант и направился в кабинет шефа. Интересно, как много недочетов он в нем найдет? Все же это моя первая в жизни проба себя, как ученого...

– Разрешите, Валентин Аркадьевич? – с трудом выговорил я, потому что от волнения во рту у меня было сухо и горячо, как в пустыне Сахара.

– Входите, Гена, входите, – добродушно отозвался шеф. – Вы очень даже кстати. Тут пришло письмо от возможных гражданских заказчиков. Нами вот в Институте Геофизики и Земного Магнетизма заинтересовались. Интереснейшее для нас предложение. Как раз по той части, которой вы с Вадимом Гайдуком занимались. Если точность счета наших реверсивных счетчиков повесить всего на полпорядка, то можно считать, что эта работа уже выполнена и у нас уже в кармане солидная премия!

Ампиров протянул мне письмо и с улыбкой на устах, довольно потирая руки, ждал моей реакции.

Я прочитал письмо и вернул шефу.

– Ну как, Гена, возьмемся? Это же на Камчатку, на Сахалин и Курилы придется ехать. Места потрясающей красоты! – сказал шеф с нескрываемым ликованием.

– С превеликим удовольствием, Валентин Аркадьевич. Всю жизнь мечтаю там побывать. Судя по письму, тут и на корабле придется поплавать. По Охотскому морю и Тихому океану. А счетчики у Вадика уже готовы. Он с упреждением

сделал.

– Что вы говорите! Когда же это он успел? Все один к одному складывается, как нельзя лучше. Даже настораживает. Ведь слишком хорошо – это тоже плохо. Передайте Гайдуку, пусть подготовит и продемонстрирует. Я думаю, на эту работу надо соглашаться. Миша Будник тоже в восторге от такого предложения. Заказ на работу, которая у нас в принципе уже готова! К тому же Дальний восток – давняя его мечта. На будущей неделе, в среду, соберем «хурал». Я доложу о предложении заказчиков, а вы, пожалуйста, подготовьтесь сообщить о том, насколько мы готовы к выполнению этой работы. Если есть задел, то это резерв на подтягивание хвостов по другим темам. Ведь там у нас, откровенно говоря, разгильдяйство ужасное. Да Вы, собственно, и сами знаете наш стиль работы.

Шефа несло все стремительнее. Он так разговорился, что не оставлял ни малейшей паузы, чтобы можно было вставить хоть одно слово ответа на им же поставленный вопрос. Наконец он на мгновение запнулся, и я вклинился:

– Постараюсь, Валентин Аркадьевич.

– Ну вот и отлично, Гена. Вы мне что-то хотели сказать? А то я тут на радостях заговорил Вас.

– Да, Валентин Аркадьевич. Вот, я хотел бы, чтобы Вы эту работу посмотрели, – сказал я хриплым от волнения голосом.

Ампиров взял из моих рук фолиант и стал листать с конца.

– Я не понял, Гена, что это? У Вас уже и отчет по предстоящей работе готов, что ли?

– Да нет. Это диссертация.

– Диссертация? Чья? – с удивлением спросил он и стал перелистывать страницы.

Наконец он открыл титульную и с изумлением прочитал вслух:

– Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук... Автор... Как-как? Откуда? Не понял, это что, шутка? Или как это понимать прикажете?

В течение нескольких секунд лицо Ампилова резко преобразилось. Губы сжались, брови сомкнулись, лицо приобрело пунцовый цвет, а глаза вспыхнули каким-то необыкновенно злым, сатанинским блеском.

– Нет, Валентин Аркадьевич, это не шутка. Это я написал диссертацию по материалам выполненной мною в прошлом году работы. Научных трудов у меня по этой тематике тоже вполне достаточно... – начал, было, я.

– Как?! Что за сюрпризы?! Кто вам позволил?! – неожиданно вскричал Ампилов, пронизывая меня насквозь гневным взглядом. – Мы с Вами так не договаривались! Когда я принимал Вас на работу, Вы ни словом не обмолвились, что собираетесь защищаться! Это в высшей степени непорядочно! Я не позволю ставить меня перед фактом! Таких нахалов у меня на кафедре пока еще не было! Даже Нерубенко такого не позволял себе!

От изумления я чуть не грохнулся в обморок, словно жеманная барыня. Я набрал, было, полные легкие воздуха, намереваясь возразить, но в это мгновение открылась дверь, и в кабинет вошла кладовщица Надя.

– Валентин Аркадьевич, можно у Вас подписать... – обратилась она к шефу и на ходу стала перебирать бумаги в папке.

– Нет! Нет! – вскричал Ампилов не своим голосом. – Я занят! Не видите, что ли?

Надя от неожиданности замерла на месте и даже несколько присела, как мне показалось.

– Да это пара секунд, Валентин Аркадьевич, – попыталась, было, она возразить.

Шеф ударил о стол моим фолиантом и стукнул по нему кулаком.

– Вы что, не расслышали?! Я занят! Позже придете! – выкрикнул шеф, как ужаленный. И Надя пулей вылетела из кабинета.

Шеф мгновенно перевел огонь снова на меня:

– Я не ожидал от Вас такой подлости! Я не позволю Вам представлять это как диссертацию! Люди годами трудятся, чтобы стать кандидатами наук! А Вы – нате, здрастье вам! Пришел, увидел, победил! Без году неделю на кафедре, а уже по головам лезете! Товарищей бы постыдились! Это в первую очередь по отношению к ним подлость!

Ампилов от крика закашлялся. Покраснев до корней во-

лос, он надрывно кашлял, отвернувшись в сторону окна. В приступе кашля он достал из кармана носовой платок и приложил ко рту. А я тем временем взял стоящий на столе стакан, налил из графина воды и протянул Ампинову. Он взял его из моих рук и сделал несколько глотков. Потом еще.

Кашель постепенно утих. Ампинов поставил стакан, утер губы и глаза, после чего спрятал платок.

– Видите, из-за Вас чуть не надорвался от кашля. В общем, так. Никаких защит, слышите? Вашу филькину грамоту я положу в сейф. Будем считать, что ничего этого не было. Если Вы хотите защищаться – трудитесь. Когда мы тут убедимся в том, что Вы того достойны, я подумаю, что Вам поручить, чтобы Вы обрели возможность сделать работу.

Шеф встал и положил мой фолиант на кипу бумаг на полке шкафа за спиной. Он снова сел в свое кресло и посмотрел на часы, давая понять, что аудиенция окончена. Я не двинулся с места, пытаюсь собраться с мыслями и продолжить диалог – попытаться разъяснить ему, что ничего подлого в том, что я написал диссертацию, вовсе нет.

Ампинов придвинул к себе телефонный аппарат и набрал какой-то номер. Мне были слышны длинные гудки – на другом конце никто не отвечал. Ампинов положил трубку и уставился на меня в упор.

– Геннадий Алексеевич, у Вас что, работы нет? Чего Вы здесь сидите? Идите работать! – Он немного помолчал. – Пожалуйста, – добавил он, наклонив голову, словно в знак ува-

жения.

Я сидел на месте, глядя в злобные глаза шефа.

– Все. Идите. Я, по-моему, недвусмысленно выразился: никаких защит. Только по результатам Вашего будущего труда на благо кафедры. Вам понятно?

– Но я-то работу написал, – ответил я упавшим голосом. – Я хочу доложить ее на научном семинаре нашей проблемной лаборатории. Это мое право, и я хочу им воспользоваться, Валентин Аркадьевич.

Ампилов переменился в лице.

– А кто Вам позволил использовать материалы лаборатории в личной работе? Да еще и по закрытой теме! На это нужно специальное разрешение заказчика! Вы об этом подумали?! – выпалил шеф мне в лицо.

– Давайте напишем заказчикам. Возразят – Бог с ним. Что мы теряем?

– Вы меня перед фактом ставите! Это в высшей степени непорядочно – я говорил уже! Да сколько раз Вам можно повторять? У Вас вроде бы и шея не длинная, как у жирафа, а до мозгов все никак не дойдет такая простая истина! – снова взбеленился шеф.

– Нет. Не перед фактом. Я принес ее Вам первому. Об этом еще не знает никто. Кроме того, никаких секретов я там не разглашаю!

– Насчет секретов – это как сказать! Кроме того, это коллективная работа!.. – вскричал Ампилов, и его крик сорвал-

ся на хрипоту.

– Но я в своей диссертации использовал только свое, кровное. Ничего чужого не присвоил, – ответил я, пытаясь казаться сдержанным. Но на самом деле я был напряжен до предела.

– Все равно, не заключи я этой темы, не выполни ее вместе с Вами Ваши товарищи, Вы бы шиш с присыпкой что сделали. Ведь верно

– Верно. Но и они бы...

– Они – бы! Если бы да кабы во рту выросли грибы! Так. Отложим эту беседу до лучших времен, когда Вы меня убедите в ваших личных качествах, когда Ваши коллеги поддержат Вас. А пока идите к коллегам и трудитесь над учебой, методикой и прочим! – Ампиоров на мгновение умолк и, не зная, что делать, стал механически переключать на столе бумаги с места на место. А потом, словно найдя, наконец, ответ на этот вопрос, перешел на крик. – Достаточно! Оставьте меня, Бога ради, одного! Иначе я с ума сойду от Вашей демагогии! И имейте в виду, Ваша, с позволения сказать, работа, будет лежать у меня в сейфе. Если Вы, избави Бог, начнете тут насчет нее права качать, я передам ее в первый отдел вместе с рапортом о том, что Вы самовольно, без разрешения заказчика использовали результаты закрытой работы в личных целях, к тому же в открытом фолианте! А Вы, думаю, понимаете, чем это пахнет! Диссертации делаются совсем не так. Требуется разрешение заказчика, утверждение темы на

совете и так далее. А вы хотите одним прыжком – и в кандидаты наук!

Я встал и, преисполненный отчаяния, покинул кабинет шефа. Хотелось кричать, сквернословить, выть волком, ломать и крушить все подряд. Я ожидал чего угодно, только не такого исхода нашего разговора. Что за дикость? Где здесь логика? Почему так? Быть может, у шефа с мозгами не все в порядке? Или это я умом тронулся?

В преподавательской никого не было. А жаль. Мне край нужна была какая-то поддержка. Так хотелось с кем-нибудь поделиться случившимся. Будь здесь Исаков, он бы меня непременно выслушал, как-то прокомментировал бы то, что только что произошло в кабинете шефа, высказал бы на этот счет свое мнение, дал бы какой-то нейтральный совет. Но его не было. Я сел за свой стол и, сложив руки на столе, положил на них голову. В ушах шумело, стучало в висках, мысли беспорядочно роились в голове, налезали одна на другую, путались и рассеивались, как дым на ветру. Я вспомнил, что в шкафу есть аптечка, а в ней пузырек с валерьянкой. Надо сейчас найти его, накапать и выпить, чтобы хоть немного успокоиться.

И я встал, подошел к шкафу и открыл дверцу. Аптечка была в самом низу. Накапав валерьянки в стакан, я плеснул туда воды из чайника и залпом выпил белесое пойло, от которого меня передернуло.

Зазвонил телефон. Я машинально снял трубку.

– Кафедра, – тихо сказал я.

– Гена, Элеонора там? – послышался спокойный и даже веселый голос шефа. Будто он только что посмотрел концерт с участием Райкина или Тарапуньки со Штепселем.

– Нет, – ответил я, стараясь не показывать своего волнения.

– Не в службу, а в дружбу, оставьте ей, пожалуйста, записочку, чтобы она собрала сведения о выполнении нашими преподавателями учебной нагрузки в осеннем семестре, – сказал он с исключительной вежливостью. – Туда же занесите сразу сведения и о своей нагрузке. И еще. Повесьте, пожалуйста, в преподавательской объявление о заседании кафедры в ближайший вторник в двенадцать ноль-ноль. В повестку дня включите пункт номер один – о подготовке к зимней экзаменационной сессии, докладчик заведующий. Номер два – о состоянии лабораторной базы по курсу «Основы радиолокации» для специальности «Автоуправление движением». Докладчик Краус а-эр. Пункт номер три – утверждение экзаменационных билетов. И, наконец, четвертый пункт – разное. Договорились? Ну вот, собственно, и все, – мелодично и ласково пропел шеф.

– Сейчас сделаю, – ответил я, с трудом ворочая во рту пересохшим языком.

– Спасибо, – сказал шеф и положил трубку.

Как будто мы с ним только что расстались после дружеской беседы! Удивительный человек этот Ампилов, – отме-

тил я про себя. Да, так владеть собой способен далеко не каждый. Наверное, это одно из многочисленных немаловажных качеств, обеспечивающих его успех в жизни. Не зря им так открыто восхищается Шорина. Я тоже не мог им не восхититься.

Заседание кафедры, от которого я не ждал ничего плохого и, конечно же, ничего хорошего, проходило, как обычно. Сначала шеф долго и очень занудно говорил о том, что к предстоящей сессии нужно тщательно подготовиться, чтобы не опозориться, как в прошлый раз, когда некоторые преподаватели редко встречались со своими студентами в семестре, а перед самой сессией пропустили всех чохом, устроив зеленую улицу. Потом он обратил внимание на то, что вечерники и заочники получают точно такие же дипломы, как и дневники, что с них нужно спрашивать точно так же, как и со студентов дневного отделения. Предстоит горячий месяц, когда все мы будем работать в условиях острейшего цейтнота, поэтому нужно заранее составить расписание приема лабораторных и курсовых работ, а также создать условия студентам для сдачи задолженностей в дополнительное время. Преступникам в суде, и тем дают возможность оправдаться, а мы – тем более должны обеспечить возможность реабилитироваться тем отстающим студентам, которые решили взяться за ум. И на экзаменах и зачетах спрашивать следует не так, чтобы только отбояриться, а добросовестно, в соответствии с нормами и планом. Если уж мы пишем на экзамен

треть часа на студента, то давайте и беседовать с каждым не менее трети часа. В общем, нужно засучить рукава и поднапрячься как следует. Всем быть на работе с восьми утра и уходить не раньше восьми вечера. Чтобы студенты нас не искали и не дергали его несчастного вопросами – где, скажем, сейчас Элеонора Спиридоновна или Алексей Артемович.

Потом Ампиоров еще раз повторил то же самое, потом еще. Словно со сцены «на бис». Затем, осведомившись, есть ли у кого-либо к нему вопросы, окинул взглядом аудиторию, и, убедившись, что вопросов нет, бурно возмутился:

– Ну, все понятно! Вопросов ни у кого нет. Это значит, что: либо всем все ясно, либо, что более вероятно, все только ждут, когда кончится заседание, чтобы поскорее уйти домой. Больше ничего. На работу всем решительно наплевать. Как с глухими разговор! – шеф придвинул к себе бумажку с повесткой дня. – Что там у нас дальше? Так, о состоянии лабораторной базы по курсу «Основы радиолокации». Слушаем, Анна Рольфовна. Не нужно выходить к доске – с места, пожалуйста, докладывайте.

Анна, одетая как всегда аккуратно и даже несколько чопорно, встала и, поправив очки, стала докладывать. Четкость, логичность и строгость ее сообщения вызывали невольное уважение к этой маленькой стройной женщине с хорошими манерами. Как всегда, все у нее было в полном порядке. Тем не менее, Ампиоров цеплялся к мелочам, пытался найти изъяны в ее докладе, задавал нелепые вопросы,

бессовестно стремясь придрататься хоть к чему-нибудь. В конце концов, он торжественно изрек:

– Предлагаю состояние лабораторного практикума по этому курсу признать удовлетворительным, но обратить внимание Анны Рольфовны на недочеты в ее работе. Кто за это предложение, прошу голосовать.

– Простите, Валентин Аркадьевич, какие недочеты Вы имеете в виду? – недоуменно спросила Краус.

– Вам что, мало тех недочетов, которые только что были названы? Кроме того, если сейчас пойти в лабораторию и включить все лабораторные установки, то я уверен, что недочетов будет более чем достаточно. Хотите, чтобы мы это сделали?

– Но это были абсолютно несущественные мелочи, – заметил Исаков.

На его реплику никто не обратил внимания. Все молчали.

– Ладно, недочеты у всех есть, так что не будем терять время. Проголосуем, – сказала Шорина и подняла руку.

Не голосовали Окин, Исаков и я.

– А вы что, против, что ли? – обратился Ампиров к тем, кто не голосовал.

Мы промолчали, а шеф бодро продолжил вести заседание.

– Кто против? Никто. Так, а Вы что, воздержались? – спросил Ампиров, глядя на меня уничтожающим взглядом.

– Да, я воздержался, – спокойно и совершенно серьезно

ответил я.

Все почему-то засмеялись.

– Что ж, принято при трех воздержавшихся, – объявил шеф и посмотрел в повестку дня. – Дальше у нас утверждение экзаменационных билетов. Читаем по очереди по часовой стрелке. Начинает старший преподаватель Очерет. Пожалуйста, Геннадий Алексеевич.

Я читал свои билеты, а шеф то и дело прерывал меня замечаниями. То ему не нравилось, что вопрос слишком длинный, то что слишком короткий, то что в билете оба вопроса очень уж простые, то наоборот – сложные. В конце концов, шеф сказал:

– Предлагаю принять с учетом замечаний. Возражения есть? Нет. Принято. Дальше читает Антонина Саввична Буланова. Пожалуйста. Слушаем.

И так все лекторы по очереди. У некоторых было по два курса. Ампиров заставил всех прочитать каждый вопрос от буковки до буковки. Вслед за шефом участие в обсуждении принимали почти все. В том числе и я. Каждому делались замечания, задавались вопросы, высказывались пожелания. Возникали дискуссии, споры, перепалки.

Когда очередь дошла до самого шефа, за окнами уже стояла глубокая непроглядная темень. Сыпал мелкий снег и завывал пронизывающий ветер. Шефу тоже сделали несколько замечаний, и он с ними спокойно согласился. Даже картинно поблагодарил за них.

– И последний пункт – разное. Все устали, я понимаю. Имеет кто-нибудь, что сказать в разном? – спросил шеф, оглядывая присутствующих.

После восьми часов говорильни преподаватели смотрели на шефа осоловевшими глазами, моля его взглядом о пощаде. Я уже подумал было, что наступил вождеденный конец мытарствам, когда руку подняла Шорина.

– Я хочу сказать пару слов, Валентин Аркадьевич, – сказала она, вставая с места.

– Слушаем Элеонору Спиридоновну, – сказал Ампилов. Все недовольно загудели.

– Тихо, тихо, уважаемые преподаватели, – обратился он к присутствующим. – Заседание продолжается!

– ...господа присяжные заседатели, – добавил я с сарказмом. Но шеф зыркнул на меня таким злобным взглядом, что я тут же осекся.

Шеф постучал карандашом по столу, призывая к порядку:

– Внимание! Слушаем Элеонору Спиридоновну! Элла, что там у Вас?

– У меня всего несколько слов. Как ученый секретарь кафедры я хочу сказать, что у нас по методической части недогружен старший преподаватель Очерет. Он все наверху сидит, в науке зарылся, а методической работы на кафедре – пруд-пруди. Предлагаю заменить часть его научных поручений методическими. За работу по науке он полставки эсэнэса получает, в конце концов. Я тут написала, что ему пред-

лагается поручить, – сказала она, потрясая какой-то бумажкой. Позвольте, я зачитаю, Валентин Аркадьевич.

– Элла, а что, если Вы ему в рабочем порядке это изложите? Все устали – восемь часов с лишним уже заседаем. Кто-нибудь возражает?

Все молчали. Я оторопел от неожиданности и обалдело смотрел по очереди то на Шорину, то на шефа, то на коллег, не зная, как вести себя в создавшейся ситуации. А шеф продолжал:

– Поддерживаю предложение Элеоноры Спиридоновны. Кто «за»? Голосуем.

– Правильно, – раздраженно и с нескрываемым возмущением сказала Буланова, высоко поднимая руку. – Или всем условия роста, или никому! А то кто-то будет клепать лабораторные макетики, а кто-то – диссертации!

– Рано, рано ему еще с головой в науку, – спокойно добавила Луганская. – Пусть немного на методике посидит!

– Не понимаю, почему этот вопрос возник именно сейчас, а не весной, когда распределяли нагрузку? Менять коней на переправе? – пожимая плечами, спросил Кусков, раздувая свои полные щеки.

Феклушин, рисуя на листке чертиков, добавил

– Вот-вот. На переправе коней не меняют.

Остальные не реагировали никак. Шеф посмотрел на часы и, заранее подняв руку, деловито сказал:

– Кто за предложение Элеоноры Спиридоновны, прошу

голосовать. Против? Против нет. Кто воздержался? Элла, запишите в протокол – принято при всеобщем одобрении и воздержавшихся Кускове и Очерете. Все. Заседание окончено.

Такое решение устраивало всех. Кроме меня, разумеется.

Юлий Гарбузов

29 мая 2006 года, понедельник

Харьков, Украина

33. Игра на «гудок»

Когда мы вышли из радиофизического корпуса, уже успело стемнеть. Порывистый апрельский ветер хлестал по лицу мелкими, не по-весеннему холодными и колючими каплями дождя, пронизывал насквозь промозглой сыростью и леденящим холодом.

– Ну и колотун! – поежился Феклушин. – А топить уже перестали. У нас, как всегда, руководствуются не умом, а... хрен знает чем!

– Зачем же так грубо, Александр Степанович? Ты бы спросил у Элеоноры Спиридоновны. Она бы тебе как дважды два разъяснила, что партия приказала нам экономить топливо для нашего же блага. А ты вот – несознательный элемент, прокравшийся к истокам воспитания молодежи. Подрываешь политику партии! – назидательно произнес Кусков.

– Слушай, Виталья! Не нуди на букву «эм» по нотам! Она меня в стенах института заколебала своей партийной демагогией, а ты еще здесь гундишь. Лучше бы ты в интересах поддержания стабильности учебного процесса посоветовал, как нам согреться. А то, неровен час, заболеем. Учебный процесс нарушится – как же тогда с политикой партии в области гармоничного развития личности человека нового типа?

– Истинные слова глаголеши, отрок мой! – многозначительно произнес Кусков, поднявши вверх указательный па-

лец. – Как раз и лелею мысль сию. В нашем старом гандэлыке – подойдет? И близко, и цены подходящие для нашего брата-преподавателя.

Феклушин потер уже успевшие замерзнуть руки.

– Гениальный ты человек, Виталий Никитич. И я того же мнения. Гена, а ты как? С нами или домой – к жене и детям?

– Пожалуй, с вами. Ведь я тоже замерз и не хочу идти против политики партии в области этого самого развития личности.

– Ну, тогда у нас полный комплект «на троих». Притом идеологически выдержанный. Интересно, а почему так называют – «гэндэлык»? – полюбопытствовал Феклушин.

– Да не все ль равно? Пусть как угодно называют. Лишь бы он был открыт и не было очереди, – прохрипел Кусков и закашлялся.

– Гандель – по-немецки «торговля», – вклинился я.

– А почему же тогда Шорина мне говорит: «Опять ты гандель устроил»!

– Ведешь себя, как на базаре! – сказал Кусков, открывая дверь «забегаловки».

В кафе было накурено, но немногочисленно. У стойки компания из трех человек решала, чего сколько брать.

– А мы как этот вопрос решим? – поинтересовался Кусков?

– Как обычно – по сто грамм и по бутерброду. Возражения есть? – Феклушин посмотрел по очереди в глаза Кус-

кову и мне.

– По сто грамм водки, что ли? А может, по коньячку? – спросил я.

– По коньячку, оно бы, конечно, не мешало. Посмотрим, как у нас с финансами. – Кусков достал записную книжку и вынул из-под суперобложки десятку. – Так, у меня возражений нет. Ваше желание – и проблема решена. Так как, товарищи преподаватели? По соточке коньячку, по лимончику и конфетке – принимается?

– Годится, – согласился Феклушин.

Я, разумеется, присоединился к большинству.

– Заметано! – заключил Кусков и обратился к буфетчице. – Зиночка, золотце! Нам по сто грамм коньячку и как обычно.

Зиночка работала виртуозно. Через полминуты перед нами стояли три бокала с коньяком, на края которых были разрезами насажены кружочки лимона.

– Берите, – сказал Кусков, – и занимайте места. Я рассчитаюсь. Зиночка, сколько с меня с учетом кредита?

– Конфеты не забудьте, – сказала Зиночка, подбивая бабки.

Мы облюбовали столик у окна и стали ждать Виталия. Любопытный Феклушин осмотрелся по сторонам.

– Смотри-ка, Гена, заведение явно процветает. Какие плотные шторы повесили!

– Старые-то чем плохие были? – спросил я.

– Это чтобы с улицы не была видна эта гнусная картина, – ответил подошедший Кусков. – Здесь ведь по улице и люди, и трамваи ходят. Зачем же все это напоказ выставлять?

Он сделал жест рукой, и я невольно окинул взглядом помещение. Около соседнего столика стояли мужики, которые впереди нас брали водку. Лицо одного из них мне показалось знакомым. «Где же я видел этого дородного усача»? – напрягал я память, но никак не мог вспомнить. Усач на меня тоже посмотрел и кивнул, как старому приятелю. Пришлось кивнуть в ответ. «Что же делать? Сейчас подойдет, заговорит, а я даже не помню, где и когда его видел».

– Ну, за что пьем? – Кусков улыбнулся своей добродушной улыбкой во всю полноту щек.

– За согрев! – не задумываясь ответил Феклушин и поднял бокал.

Мы чокнулись и отхлебнули по глотку. Обжигающая жидкость приятным теплом стала расплзаться по всему телу. Феклушин морщился, жуя лимон, а Кусков надкусил конфету и положил остаток на блюдечко. Привычным движением большого пальца он поправил очки на переносице и снова улыбнулся.

– Что, Гена, задолбал тебя Ампиоров поручениями? С чего это вдруг? Ты ведь у него до этого в фаворе был. Чем же ты его за живое зацепил, а? Это явно не просто так, верно?

– Верно, Виталя. Не понравилось ему, что я диссертацию ему вручил.

– Вот оно что! Ха-ха-ха-ха! – захохотал Кусков, а за ним и Феклушин.

– Не спросясь – и вдруг бац! Диссертацию на стол! Да ты что, рехнулся, что ли? Тут по договоренности, по плану его не уговоришь, а ты взял, да и положил. Ну и Гена! Вон Фекла у него в заочной аспирантуре. Так он из Феклуши все соки выжимает, пока даст согласие подписать очередной этап выполнения аспирантского плана! Как же это ты так жидко обкакался?

– Да я же считал, что ему только легче будет. Кого-то толкать нужно, чтобы в план укладывался. А тут без никаких для него хлопот, раз – и готовую диссертацию на стол. Пусть проверяет, критикует, что там не так. Пусть даст кому-то на рецензию. Я готов к любой критике. Мой неофициальный консультант из авиационного – доцент Горбань – так он сказал, что я тем самым облегчаю шефу жизнь, избавляю его от лишних хлопот. От него же требуют выпуска кандидатов, верно? В чем он, скажи, не прав?

– Да в том, что вы со своим Горбанем подходите к шефу с категориями нормальных людей! А это же Ампиоров, понимаешь?

– Не понимаю. Поясните.

– Вот те на! Ха-ха-ха! До сих пор шефа не раскусил! Ха-ха-ха! Ой, я не могу! Ха-ха-ха! Ну и Геннадий Алексеевич! Уморил ты нас с Виталий Никитичем, ей-Богу! Ха-ха-ха-ха! – от души хохотал Феклушин, сжав руки в кулаки и по-

трясая ими над столом. При этом он, деланно щурясь, отчаянно мотал головой из стороны в сторону.

Кусков внезапно посерьезнел.

– Гена, разрешение защититься – это валюта Ампилова. Он ею скупо платит тем, кто горбатится на него день и ночь. Как морковка для осла, понял? Ну и наивняк! – он допил коньяк и затолкал в рот остаток лимона.

Я сделал то же самое.

– Что, ребята, еще по пятьдесят? – предложил Феклушин.

– Можно, – согласился Кусков.

– Я – пас, – отказался я. – Не понимаю, разве я на него не горбатился целых три года? Не ездил по экспедициям? Не делал аппаратуру? Не печатал статьи, включая профессора в соавторы? Да я же за три года в отпуске-то всего две недели был!

Кусков снова улыбнулся, снял очки и начал старательно протирать стекла кусочком замши.

– Ты, Гена, горбатился не на него. Ты пахал на себя. По крайней мере, Ампилов убежден именно в этом. Вот если бы ты у него спросил разрешения, уведомил заранее о своих планах научного роста! Тогда бы он подкинул тебе работенку покруче. Он бы тебе такой план составил, что ты был бы не в состоянии его выполнить и за двойной срок. Тогда бы он тебя сто раз обгадил перед всеми, составил бы новый точно такой же. А то, глядишь, и того круче. И гнобил бы тебя столько, сколько ты смог бы терпеть. А потом еще по-

думал бы, выпускать тебя или нет. Вон, посмотри на Нерубенко. Как он его в хвост и в гриву! Но тот в этом году защитится, потому что Нерубенко должен еще делать новый автомат для ветровых измерений. Ты же у него шунтирован Стратоновым. Вы с ним полностью взаимозаменяемы. И раз так, он будет играть и тобой, и Викентием – кто кого! Пока один из вас не сломается. Тогда второй, если еще не потеряет силы, останется в единственном числе. Да и то еще бабушка надвое сказала, согласится ли Ампиоров после этого.

– Ну, Виталя, я пойду за второй порцией, – не унимался Феклушин.

– Да погоди же ты! Не так скоро. Гена, ты меня понял?

– Нерубенко рассуждает примерно так же, как ты. Но я был убежден, что это у них личные счета.

– Теперь и у тебя будут личные. У меня тоже к нему личные претензии того же плана. Ты ведь слышал на отчетном заседании, как он грозился выгнать меня из этой самой заочной аспирантуры. И на кой хер я в эту кабалу влез?!

– Добрый вечер, ребята! Можно вас угостить?

Я поднял голову и увидел возле нашего столика того самого лихого усача. Он курил сигарету и добродушно улыбался.

«Вот, черт! – досадовал я. – Тут как раз такой разговор»!

– Вы меня помните? Я Иван Тугун, был прорабом на строительстве радиофизического корпуса вашего института. Теперь вспомнили? Слышу, вы тут Ампиорова поминаете «незлим тихим словом». И захотелось мне с вами поболтать

немного. Но если вы против, я, конечно, пойду.

– Давайте к нам, Иван, – гостеприимно ответил Кусков и поправил очки все тем же жестом.

Они с Феклушиным расступились, и Тугун стал между ними.

– Вы, я вижу, по коньячку ударяете? Еще по сто, верно? Я плачу.

Он подошел к стойке и тихо обратился к буфетчице.

– Мне достаточно, – сказал я.

– Нет-нет, он тоже будет! – поспешил поправить меня Феклушин.

Я попытался, было, возразить, но Кусков тихо шепнул:

– Гена, не выступай. Не хочешь – не пей. Потом отдашь нам с Феклой. Понял?

Мне оставалось только кивнуть.

– Ему тоже, Иван! – сказал Кусков.

Основательно разогретый коньяком и обескураженный словами Кускова, я стоял и лихорадочно перебирал в уме все, что мне только что сказал Виталя. Я не мог поверить, что он не разыгрывает меня. Ведь он был у нас первым мастером по части розыгрышей. То, что я услышал, никак не походило на руководство наукой. Скорее на какой-то бандитизм. Разве так может быть? Мысли путались, напоздали одна на другую, тонули во хмелю и табачном дыму.

Подошел Тугун и поставил перед нами по бокалу коньяка, тарелочку с нарезанным лимончиком и блюдец с горькой

шоколадного лома.

– Берите, ребята. Угощайтесь. Я сегодня премию получил. Это не то, что у вашего шефа. Тут люди дела. Сказано – сделано. Как договорились.

Мы взяли бокалы и чокнулись.

– Ваше здоровьице, ребята!

– За Ваше здоровье и благополучие, Иван! – Виталья отхлебнул полновесный глоток коньяка и поставил бокал. Расстегнув воротник рубахи, он запихнул в рот солидную порцию шоколада.

– Можно, я буду на «ты»? – спросил Тугун.

– Валяй, Ваня! – согласился Кусков.

– Годится, – поддержал его уже основательно захмелевший Феклушин.

– Вот смотрю я, мужики... – начал было Тугун. – Простите, я забыл, как кого из вас зовут.

– Меня – Гена. А это – Виталий и Саша.

– Так вот, Гена, я не перестаю удивляться вашему шефу.

– Это почему же? – поинтересовался Кусков.

– Почему он так себя ведет?

– Что Вы имеете в виду? – полюбопытствовал Феклушин.

– Саша, мы же договорились на «ты». А то мне будет неловко продолжать такую живую беседу.

– Ну, Вы же старше меня, неудобно как-то, – оправдывался Феклушин.

– Неудобно, Саня, только спать на потолке – одеяло спа-

дает. Да мне на стройке каждый сопляк говорит «ты»! Там у нас публика разношерстная. А тут ученые люди, преподаватели. Сочту за честь.

– Брось ты, Ваня! Какие там ученые! Такие же инженеры, как и ты, – возразил Кусков.

– Ну, уж, Виталий! Я-то в людях разбираюсь. Только вот вашего шефа вовремя не расшифровал. Относился к нему, как к уважаемому человеку. Профессор ведь! А он – сами знаете, кем оказался. Помните тот случай? С ящиком коньяка?! Гена, я вижу, помнит.

Кусков и Феклушин переглянулись.

– Как же тут не запомнить! Да этот случай у нас анекдотом ходит! – сказал раскрасневшийся Кусков, срываясь на крик. Он уже тоже явно начал пьянеть.

– Так вот, у меня на стройке, как я только что сказал, работают люди самые разные. И бывшие зеки, в том числе. Но я со всеми нахожу общий язык. Вы меня понимаете?

– Конечно, – Кусков открыл пачку сигарет и протянул ее поочередно Тугуну, мне и Феклушину.

– Так от них я знаю одну зековскую игру – «на гудок». Слышали о такой?

– Нет, – ответил я.

– И я нет, – меланхолично произнес Кусков.

Феклушин отрицательно покачал головой.

– Это когда зек со стажем новичка втягивает в игру. В карты, шахматы, шашки – все равно. «На гудок» – это значит,

кто проиграет, того выигравший «опускает» на глазах у всей камеры. Понятно?

– Как это – «опускает»? Куда? – поинтересовался Феклушин, затягиваясь клубом сигаретного дыма.

– Ну, при всех его... того..., ну, в задницу! Понял? – горячился вспотевший Кусков.

– Совершенно верно, Виталик! Так вот, новичка подбивают играть. Он старается, пыжится, играет! Если проигрывает новичок – исход известен. Как договорились. Проигравшего делают «петухом». Ну, каждый, кто пожелает, может его... того...

– Понятно, Ваня. Ну и что? – Кусков расстегнул пальто и пиджак.

– А то, Виталик, что если проиграет затеявший эту канитель зек со стажем, то он под смех обитателей камеры вручает новичку заранее приготовленную газету «Гудок»! Знаете такую?

– Понятно, Иван, – сказал я, – там законы суровые.

– Да я не о том, Гена. Ведь ваш профессор поступил точно так же, как зек, протягивающий эту самую газету – «Гудок»!

– Верно, – подтвердил Виталий. – Что, допьем?

Я разлил свой коньяк по их бокалам. Иван прикрыл свой ладонью.

– Мне достаточно. Мы с ребятами уже солидно обмыли нашу премию. Так вот, я удивляюсь, как это так может быть? Профессор, заведующий кафедрой, ученый с мировым име-

нем – и вдруг использует в своей практике дешевые уголовные трюки! Как зек! Притом просто заурядный зек, а не пахан, даже самого низкого ранга! А с нашей премией? Это ведь, по сути, опять тот же трюк!

– Говорят, он во время войны командовал подразделением штрафников. Видимо там, среди зековского контингента, он этого и набрался, – с важным видом заключил Кусков.

– Вряд ли, Виталий. Гадости там терпели до первого боя. А потом – пулю в спину. Удивительный субъект этот ваш профессор. Уникум какой-то!

Все молчали. Мне почему-то было стыдно. Я чувствовал себя так, словно меня на глазах у публики раздели до гола.

– Не подумайте только, что я на него зол или в обиде.

– Врач на больных не обижается, – неудачно сострил Феклушин.

– Просто я удивляюсь этому. Диву даюсь, ребята! Хотите еще по сотке?

– Ни в коем случае! Домой пора! – ответил Кусков, растягивая слова, и начал застегивать пальто своими толстыми неуклюжими пальцами.

– Сами-то доедете? Вот – на такси возьмите, – он протянул три червонца.

– Что ты, Ваня! Мы в порядке. Конечно, под хмельком, но не настолько, чтобы не смогли добраться до дому, – возмутился Кусков, пытаясь поправить очки. У него это получилось только с третьего захода.

– Ну, тогда я с вами прощаюсь. Мне надо еще своих парней домой доставить. Как-никак, премия! А я прораб. Отвечаю за каждого.

Иван проводил нас до двери. Мы по очереди пожали ему руку и выпали в темную дождевую мглу.

Юлий Гарбузов

10 ноября 2001 года, суббота

Харьков, Украина

34. Вкус халвы

Я пришел с лекции и, наскоро отмыв от мела руки, занялся разработкой практического занятия по новой теме. Обложившись книгами, я считал на микрокалькуляторе, а по результатам расчетов строил таблицы и графики. Кроме меня в преподавательской сидели только наш незаменимый в течение многих лет ученый секретарь Овсянкина да еще Мотыльков. Овсянкина была, как обычно, занята перераспределением учебной нагрузки, а Мотыльков писал научный отчет. Резко зазвонил телефон.

– Наверняка профессор! Сейчас начнет галдеть за то, что я до сих пор не пересчитала, – Овсянкина подошла к телефону. – Кафедра. Да. Овсянкина. Геннадия Алексеевича? Сейчас. Тебя, Гена.

– Кто? – поинтересовался я.

– Из лаборатории. По-моему, Елизавета Григорьевна – секретарь.

– Очерет слушает, – сказал я в трубку.

– Геннадий Алексеевич, зайдите, пожалуйста, в лабораторию. По Вашей теме премия. Получите, пожалуйста, чтобы я сегодня же ведомость сдала.

Известие меня основательно взбодрило. Я знал, что по теме «Трюк», где я был ответственным исполнителем, заказчик согласился выплатить солидную премию. Еще бы!

Столько сил положено. Кому сколько – обычно решал сам шеф. Будник и профорг только присутствовали при распределении. Парторг Шорина всегда была заодно с шефом. Интересно, сколько же мне дали на этот раз? Как-никак, ответственному исполнителю должны заплатить больше всех после научного руководителя, которым всегда и по всем темам был только профессор Ампилов.

Отложив все дела в сторону, я помчался в лабораторию. В секретарской за своим столом сидела Елизавета Григорьевна, а около нее грудились сотрудники лаборатории.

– Здравствуйте! – приветствовал я присутствующих.

– Здравствуйте, Геннадий Алексеевич, – отозвалась Елизавета Григорьевна.

– Здравствуй, Гена, – тихо ответил Будник и, не поднимая глаз, тут же убежал в свой кабинет, даже не пересчитав только что полученных денег.

«Солидная пачка», – отметил я про себя.

Люди получали, считали деньги, шутили. А я спокойно ждал своей очереди. Наконец Елизавета Григорьевна пригласила и меня:

– Геннадий Алексеевич, распишитесь, пожалуйста.

Я взял авторучку и отыскал в ведомости свою фамилию. Поставив подпись, я посмотрел в графу «сумма» и решил, что ошибся строкой. Там значилось только пятьдесят рублей. Проведя пальцем вдоль всей строки еще и еще раз, я убедился, что ошибки не было.

– Елизавета Григорьевна, а ведомость – что, только одна?

– Только одна. Вот. Получите ваши пятьдесят.

Я взял полусотенную бумажку и продолжал сидеть в шоке. Потом я повернул к себе ведомость и начал изучать ее. В графе «Сумма» против всех фамилий, даже тех, кто к «Трюку» не имел вообще никакого отношения, стояли трехзначные и даже четырехзначные числа. Двухзначное, словно изъят в столбце, значилось только против моей фамилии. Нет, еще против фамилии нашей уборщицы убого маячила двухзначная сумма – двадцать пять рублей.

– Как же так? Я же был ответственным по этой теме! И всего пятьдесят? А другим, которые к этой теме не имели вообще никакого отношения – по семьсот-восемьсот! Некоторым даже по тысяче и более!

– Не знаю, – буркнула секретарь, забирая у меня ведомость, – я только выдаю, что тут написано. Все вопросы к Валентину Аркадьевичу.

Я вскочил и с шумом вышел. Подойдя к лабораторному кабинету шефа и Будника, я резко распахнул дверь. Но там сидел только мрачный Будник и, сопя, что-то считал на калькуляторе.

– Где профессор?! – спросил, нет, скорее заорал я.

– Та... Не знаю... Пошел куда-то... – тихо ответил Будник, не поднимая головы.

Он снова углубился в расчеты и еще энергичнее застучал по клавишам калькулятора.

– Это почему же так получается? Я по «Трюку» был ответственным, всем руководил, получал от шефа нахлобучки ни за что – ни про что! К заказчику в Питер мотался! До поздней ночи здесь корпел! Терпел от жены упреки! Справедливые, между прочим! Все к сроку сделал и обеспечил защиту работы на «отлично»! И вот – мне только «полтинник»! Это же форменное унижение моего человеческого достоинства!

Будник молчал. Только сопеть стал громче.

– Отмалчиваешься?! – бесновался я.

– Ты же знаешь, Гена, я этих вопросов не решаю... Шеф... – он пожал плечами, не глядя в глаза, и продолжал сидеть, не отрываясь от расчетов.

– А две с половиной тысячи по моей теме ты получил?

– Ну, Гена... Это же не только за работу по «Трюку». По твоей теме только деньги были...

– А мне почему меньше всех? Я что – хуже всех работал?

Будник все так же продолжал молча стучать по клавишам.

– Все молчишь? Это самая легкая в жизни позиция – «моя хата с краю – я ничего не знаю»! – не унимался я.

– Чего ты на меня орешь?! – не выдержал Миша и заорал в ответ, переходя на фальцет.

– А ты что, считаешь, что я молчать должен? Правда, если бы мне заплатили, как тебе, я бы, наверное, тоже молчал!

– Не я это все решал! Не я распределял! К шефу иди! На него и ори!

Я выскочил из кабинета, отчаянно хлопнув дверью. В ко-

ридоре меня остановил Сольман.

– Ты чего это дверью хлопаешь? – смеясь, спросил он. – Стекло чуть не рассыпалось!

– Да пошел ты... – на ходу бросил я.

– Что это с тобой? – недоуменно спросил Сольман.

Но эту реплику я оставил без внимания, потому что бежал в главный учебный корпус в надежде успеть застать шефа в его кабинете. Но не застал. Кабинет был заперт. «Жаль, – подумал я, – к тому времени, когда он вернется, у меня может пройти весь боевой настрой. И тогда я вновь предстану перед ним беспомощным, безопасным слизняком». Я ненавидел себя за свою отходчивость, но ничего с собой не мог поделаться. Воевать без настроения я не умел даже ценой огромных волевых усилий.

Войдя в преподавательскую, я застал там только Шорину. Наклонившись над раковиной, она мыла руки после лекции.

– Здравствуй, Элла, – буркнул я и сел за свой стол.

– Здравствуй, дорогой! – ответила она задиристым тоном.

«Ну вот, сейчас начнет свою демагогию. И главное – успокоит! Собьет весь настрой на беседу с шефом. Надо уйти куда-нибудь пока она не затеяла беседу на болезненную для меня тему», подумал я и встал, чтобы выйти. Но Шорина преградила мне дорогу своей статной фигурой. Она стояла, подбоченясь. В ее глазах горели насмешливые искорки.

– Ты куда это? Что с тобой? Что-то ты мрачнее тучи сегодня! – ерничала Шорина.

«Ишь ты – как будто не знает! Сама ведь подписывала распределение премии по “Трюку” как партгруппорг кафедры!»!

– Ты прекрасно знаешь! – нервозно ответил я.

– Что знаю? О чем? – продолжала Шорина разыгрывать детскую наивность.

– О моей, с позволения сказать, премии!

– Ты что, премию получил? Так где бутылка? Ха-ха-ха-ха!

– А то ты не знаешь, что мне не до бутылки! – возмутился я.

– Где бутылка, я спрашиваю? Ха-ха-ха! – смеялась Шорина и наступала на меня, отталкивая грудью от двери.

– Вы же со своим распрекрасным профессором дали мне по моей теме такую премию, что и на бутылку не выкроишь!

– Как это не выкроишь?! Пожалел для нас? Да? Так честно и скажи!

– Элла, перестань издеваться! Мне и так обидно до глубины души. Пахал, как проклятый. От семьи время отнимал. Все дела с заказчиком на себя взял. А мне – меньше всех! Нет, извини. Только уборщице меньше.

– Ну, и сколько ты получил? А? – не унималась Шорина.

– Ты же подписывала и прекрасно знаешь, что мне пятьдесят, а уборщице – двадцать пять! Зачем ты делаешь вид, будто ничего не знаешь?

– Я действительно ничего не знала! Подписала, что шеф дал – он самолично все такое решает. А если бы и знала, то что бы я могла поделать? Шеф говорит, что мое участие в

распределении премий чисто формальное. Я же не знаю долевого участия каждого. Кроме того, он там комбинирует по-своему. Кому-то больше, кому-то меньше. Кому больше, тех он часто просит вернуть часть суммы, а то и всю. Потом использует эти наличные для расчета за те услуги, которые не получается сделать официально. Так что если он кому-то заплатил больше – это еще не значит, что он и получил больше.

– Да что ты его защищаешь?! Чепуха это! Ни от кого я еще не слышал, что шеф ему заплатил, а потом отобрал!

– И не услышишь. Шеф заранее предупреждает о том, чтобы молчали. Это же незаконно! Вот я у него в прошлый раз получила полторы тысячи, а он все до копеечки заставил положить на кафедральную сберкнижку. Потом платил за установку новых станков, за батареи на полигоне. Я только и успевала снимать с книжки да платить людям. А он заставлял меня записывать и потом сам подбивал дебет-кредит. Понял?

– Ты вечно его защищаешь! Оправдываешь, где только можно! А он творит здесь, что хочет. Вотчину себе здесь устроил! У тебя вечно все по полочкам! И шеф чистенький, как стеклышко! А он издевается над людьми. Вот сейчас, например. Мне, ответственному по теме, он платит меньше всех, а другим на порядок, а то и на два больше! Насмешка!

– Ты что, не знаешь шефа? Не волнуйся – по следующей теме, где ты, возможно, не будешь принимать никакого участия вообще, он тебе, может быть, заплатит с учетом того,

что не доплатил сегодня.

– Что-то он мне ни разу еще не заплатил больше, чем я отработал!

– Не знаешь шефа? Я говорю, не знаешь шефа? Он считает тебя талантливым человеком. Но он убежден, что деньги разрушают талант. Я же тебе уже сколько раз это говорила – ты все не веришь! Такие уж у него убеждения. А разве можно осуждать человека за убеждения?

– Опять ты свои демагогические песни поешь! Зачем ты мне мозги вправляешь? Думаешь – я дурак.

– Как раз наоборот. Но ты мне все не веришь. Говорю тебе – шеф это делает из самых благородных побуждений. Он убежден, что стимулирует тебя, что делает тебе лучше. Ты потом сам поймешь. Увидишь.

– Я пойду к нему и скажу все, что я на этот счет думаю. И не нужно мне лечить мозги! Хватит!

– Ну и дураком будешь! Шеф тебе тогда вообще никогда ничего не заплатит! Лучше сделай вид, что тебя это не трогает. Тогда он задумается и почувствует, что сделал что-то не так, – Шорина начала складывать вещи в сумку.

Несколько минут я сидел молча и никак не мог собраться с мыслями. И тут я почувствовал, что мой бойцовский пыл иссякает прямо на глазах. Я вскочил с места и направился в кабинет шефа. Фрамуга над дверью светилась ярким светом. «Ага, значит, он уже там», – заключил я и открыл дверь. Шеф сидел в обычной позе на своем месте и по обык-

новению говорил по телефону. Приветливо улыбнувшись, он молча кивнул и указал мне на стул, приглашая сесть.

– Так когда Вы сможете теперь излучать? Что? Да Вы что, издеваетесь? От нас же Академия наук ждет представительных результатов! Вы меня поняли? Пред-ста-ви-тель-ных!

Шеф замолчал, а из трубки что-то быстро и громко говорили. Он закрыл рукой микрофон и с искренним возмущением сказал, обращаясь ко мне:

– Полигон. Передатчик вышел из стоя. Так они хотят только после выходных начать ремонт!

А потом продолжил в трубку:

– Так! Я все понимаю! Но поймите и Вы. Дело государственное! Никаких выходных! Потом отгуляете! Срочно ремонтируйте! Изоляторы и кабель будут сегодня же. Белаш и Кошевой привезут на «бобике»! Все! Потом отдохнете! – он положил трубку.

– Сожгли кабель, поплавили аноды, а теперь хотят на выходные сюда! А нам нужны непрерывные измерения! Каждый день перерыва снижает ценность общих результатов нашего эксперимента! – апеллировал он ко мне.

Я почувствовал, что все, что задумал ему высказать, полностью растерял! «Собраться! Собраться! – командовал я себе, – Сказать ему... Что ему сказать?.. Ах, да, о премии... Как же я хотел ему это высказать?.. Вот... Дай, Бог, памяти... Да, почему мне всего пятьдесят»?

Ампилов продолжал изливать душу

– Уже скоро ноябрь месяц! Праздники на подходе! А там зима на носу. Проколы пойдут по разным причинам. Нужно мерить, мерить и мерить! Пока еще относительно тепло. Мы же участники глобальной программы исследования притока метеорного вещества на Землю. Выявляются закономерности, набирается статистика, на их основе проводится прогнозирование. Конечно, всегда бывают проколы по объективным причинам. Но надо же латать дыры в срочном порядке. Пока это возможно. А то потом не залатаешь. Вы, Гена, не очень спешите?

Во рту у меня все пересохло.

– Валентин Аркадьевич, я к Вам по делу. Хочу задать один вопрос, сказал я, с трудом ворочая языком.

– Пожалуйста. Слушаю Вас, – сказал он с улыбкой и потер ладони одна об другую. Словно они у него замерзли.

– Валентин Аркадьевич... По моей теме – «Трюк» – получили премию. Мне Вы дали всего пятьдесят рублей. А другим, даже тем, кто к этой работе не имел вообще никакого отношения...

– А, Вы вот о чем, – сказал Ампиоров разочарованно.

– Почему же Вы так со мной поступили, Валентин Аркадьевич? Я не заслужил!

– А в прошлый раз Вы получили сколько?

– В прошлый раз – и то триста! Но здесь же я был ответственным исполнителем!

– Я расскажу Вам одну притчу. Только послушайте, не го-

рячитесь. Хорошо?

Я молчал, глядя в его глаза, сверкавшие из-под очков победным блеском. Профессор был – само обаяние. Добродушно улыбаясь, он начал свое, как ему представлялось, философское повествование.

– Однажды один эмир перестал ощущать вкус халвы. Представляете? Все придворные в ужасе! Никто из врачей не может ничего сделать! Эмир рубит головы всем, кто безуспешно берется ему помочь. Какой только халвы ему ни подносили! И фундуковую, и имбирную, и миндальную – не чувствует вкуса. Невкусная халва – и все!

Пришел мудрец и говорит:

– Я вылечу эмира.

– А известно ли тебе, что если не поможешь, головы лишишься? – спрашивает визирь.

– Известно. Я вылечу эмира.

– Попробуй. Но смотри, берегись – эмир во гневе!

Привели его к эмиру.

– Ты действительно можешь сделать так, чтобы я вновь стал ощущать вкус халвы? – сурово спросил эмир.

– Да, великий эмир!

– А условия знаешь?

– Да, великий эмир! Но только если ты согласишься, чтобы твои придворные беспрекословно выполняли все, что я им прикажу, на протяжении полугода. Чтобы даже твое слово не дало им права нарушить мое предписание! А потом,

если помогу, вели мне выплатить тысячу золотых динаров.

– Хорошо, будь, по-твоему! Визирь! От сего времени полгода всем моим подданным выполнять все приказания этого лекаря, как вы до сих пор выполняли мои! Кто ослушается – голова с плеч!

– Будет исполнено, великий эмир! – ответил визирь.

Мудрец тут же обратился к придворным:

– Полгода не давать эмиру НИКАКОЙ халвы!

Исполнено. Как ни просил эмир – не давали ему НИКАКОЙ халвы целых полгода. Мудрец сам проверял меню эмира, чтобы там, паче чаяния, не оказалось халвы ни в каком виде. Через полгода, еле дождавшись, эмир, наконец, попросил халвы.

По приказу мудреца ему принесли порцию самой простой халвы.

– Ну, как, – спросил мудрец, – вкусна ли халва?

– Да, великий лекарь! В жизни такой не ел! Велю тебе выплатить ДВЕ тысячи динаров!

Ампиров захохотал:

– Ха-ха-ха! Вот так, Геннадий Алексеевич! Ха-ха-ха-ха...

Две тысячи золотых динаров! Это по тем временам целое состояние! Ха-ха-ха! А я для Вас все БЕСПЛАТНО делаю – чтобы Вы НЕ ЗАБЫЛИ ВКУСА ХАЛВЫ!

Последнее предложение он произнес на повышенной громкости. Голос у него был зычный, лекторский.

– Ну, Гена, больше я Вам ничего сказать не могу. Все, иди-

те работать. Я еще должен к проректору по админхозработе бежать, – Ампиоров встал и начал собирать в папку какие-то бумаги.

Я был в полной растерянности и не находил, что сказать в ответ. Хотелось выть волком или наговорить Ампиорову массу дерзостей и оскорблений. Но нужные слова не находили. Все до единого улетучились. Я молча встал и вышел из кабинета, не закрыв за собой дверь.

В преподавательской сидела Шорина и что-то выписывала из увесистой книги в свою старую засмальцованную тетрадь.

– Ты же собиралась уходить... – упадочным тоном сказал я.

– Да вот – решила тебя дождаться. Что, был у шефа?

– Был, – я помолчал, приводя в порядок путавшиеся мысли, а потом добавил: – Но лучше бы я у него не был.

Я подробно изложил ей содержание недавней беседы с шефом. Она смеялась – от души.

– Здорово же он тебя! Ну, только шеф мастер на такие остроумные штучки! Ты же знаешь – он убежден, что ДЕНЬГИ ПОРТЯТ ЧЕЛОВЕКА.

– Почему же тогда он убежден, что деньги не испортят его?

– Ну, он считает, что он профессор. Человек высоко сознательный. И поднялся на тот уровень, где такого рода слабости человеку уже не свойственны.

– А, по-моему, Элла, он на таком уровне, что портиться

дальше уже некуда. Только о нас и печется! Какой заботливый! Меня чуть не до слез тронул!

– Знаешь, Гена, ты уж совсем его оскорбляешь. Притом, заочно. А я его знаю много больше и лучше, чем ты! И мне обидно! Он все делает искренне – из лучших побуждений! Сколько раз он при мне помогал людям из своего кармана! И для кафедры тоже покупал детали, приборы, украшения – тоже из своего кармана! А иметь собственные убеждения не возбраняется никому! Он честнейший человек – вот что!

Ее голос настолько повисился, что она почти кричала. Разговор пора было заканчивать. Я встал и начал собираться домой.

Юлий Гарбузов

7 декабря 2001 года, пятница

35. Переход кафедры (Не закончено)

Шорина, решив, что если она командует Ампириным, как хочет, точно так же будет командовать и всем ХИРЭ, так как там работали все ее друзья и хорошие знакомые (Лагутин, Хорошайло, Карнаруков, Толстов, Кукуш, Губернаторов и другие). А у нас была возможность перейти в ХАИ на условиях, много выгоднее (корпус, факультет принять за основу и пр.). Шорина возражала: тех людей мы не знаем, а этих знаем, как облупленных. А Гена просто хочет дать своему Корнету щелчок по носу! Ампиринов клюнул на это. Моих доводов не послушал. И в Севастополь нас приглашали, давали всем квартиры.

Шорина разубедила.

Ампиринов никому не верил. С решением о переходе в ХИРЭ он поверил Шориной – единственному человеку на кафедре, которому нельзя было верить ни в коем случае. Давая ему такой совет, она руководствовалась сугубо личными соображениями, личными эмоциями, прикрываясь якобы кафедральными. На самом деле это она хотела дать щелчок по носу своим бывшим друзьям, демонстрируя им, как она крутит Ампириным – самым влиятельным, по ее мнению, человеком в сфере высшего образования в нашем городе. Но она

его явно переоценила. Он не стал, как она надеялась, академиком.

Шорина преподносила шефу информацию не просто так, а как ей было выгодно. Ему тоже это было выгодно.

Да что же это наш шеф делает? Почему он слушает ложные аргументы Шориной и игнорирует мои искренние? Она же использует его для себя, а он думает, что это он из всех марионеток сделал! Она легко убедила его, что я толкаю кафедру в ХАИ из мелочных честолюбивых соображений – хочу дать Корнету щелчок по носу! Надо же! А она тянет его в ХИРЭ не потому, что там все ее знакомые, что ей туда ближе на работу, и что там есть надежда иметь всеобщую поддержку! Тупоконечник! Жаль такую замечательную кафедру! Жаль наш радиокорпус! Жаль полигон! А вам она морочит голову с какими-то выдуманными трудностями перехода из киевского министерства в московское! Со мной она тоже ведет себя так, будто это на самом деле! Какое нахальство! Убедила всех в том, что я дурак! Но вы все, и шеф, в том числе, еще вспомните мои слова.

Юлий Гарбузов

36. Полимеризация лака (Не закончено)

В лаборатории РЦС (мы только переехали в ХИРЭ) покрасили лаком новые лабораторные столы. В лабораторию вошли мы с Кусковым и смотрим, какой у нее вид, сравниваем с тем, что было в ХПИ. Вошла Краус с хозяйским видом и бойко направилась к выключателю:

– А почему у нас в лаборатории свет горит?

– А это, чтобы лак полимеризовался, – с олимпийским спокойствием ответил я.

– Причем здесь свет?

– Но это же не просто свет, а дневной свет, – добавил многозначительно Кусков, поняв меня с полуслова. Мы с ним всегда поддерживали друг друга в подобных розыгрышах.

– Дневного света вон сколько, – указала она на окно.

– Но это же не тот свет, – сказал я, – нужен свет газоразрядных ламп.

– Да солнечный свет все равно много ярче! Он затмевает свет этих ламп. Если их выключить, мы даже не ощутим!

– Мы не ощутим, а лак ощутит, – важно вставил Кусков.

– Да ничего подобного! Солнечный свет во много раз интенсивнее!

– У него спектральные характеристики не те! – вставил я.

– К чему здесь спектральные характеристики? Если нужен свет для полимеризации, его вполне достаточно от солнца! Он много интенсивнее, чем от этих ламп!

– Смотря в какой части диапазона, – с равнодушным видом вставил я, еле сдерживая смех.

– Да в любой части диапазона солнечный свет интенсивнее!

– Ничего подобного, – с серьезным видом возразил Кусков, – именно в нужной части диапазона солнечный спектр имеет провал.

– Солнечный спектр, насколько мне известно, равномерен во всем диапазоне излучения!

– Это в видимой части спектра, – почти давясь от смеха сказал я, – а в невидимой он имеет провал именно на том участке, который активизирует полимеризацию лака!

– Что, лампы излучают в невидимой части спектра? Они ведь предназначены для освещения все же.

– А вот оказалось, что имеется полоса побочного излучения! – воздев кверху указательный палец, произнес Кусков. – И очень интенсивного!

Так и не поняв, что ее разыгрывают, Краус, пожав плечами, покинула лабораторию. А мы с Кусковым начали неистово хохотать.

Юлий Гарбузов

37. Увольнение

Пыхтение электрочайника на столе Шориной вывело меня из раздумий. Шорина в это время что-то искала в шкафу за моей спиной и, как мне показалось, не заметила, что чайник уже закипел.

– Элла, чайник закипел! – окликнул я ее.

– Слышу – не глухая, – отозвалась она. – Будь другом, Гена, выключи, пожалуйста. И завари, если не очень занят. Я сейчас. Только найду журнал взаимных посещений занятий.

Ни слова не говоря, я встал, выключил чайник, достал с полки жестяную коробочку с чаем, привезенную мной из Москвы на прошлой неделе, и чайничек для заварки, который Элеонора недавно принесла из дому. Она, словно видя сквозь дверцу шкафа, обратилась с новой просьбой:

– Гена, если там старый чай, вылей его, пожалуйста, в цветочник. И заварку тоже туда выложи. Равномерным слоем постарайся.

– Краус просила этого не делать. Говорит, что от старой заварки в цветочнике мошкара заводится, – попытался возразить я.

– Ничего. Зато для цветка это полезно. И чем ей эта мошкара мешает? Она же не кусается, правильно?

– Какая разница? Просто ее это раздражает, вот и все. Зачем же человеку сознательно причинять неприятное? – всту-

пился я за отсутствующую Краус.

– Мало ли что кого раздражает! Мне, например, очень даже неприятно, когда она зимой, придя с мороза, снимает здесь при мне рейтузы и кладет их в сумку, которую ставит на стул возле моего стола. Я же терплю. Потерпит и она – не смертельно.

Вылив остатки чая в цветочник, я подошел к урне и вытряхнул в нее мокрую, раскисшую старую заварку.

– Что, испугался Анны? – ехидно процедила сквозь зубы Шорина.

– Я не люблю делать людям, как ты говоришь, «в пику». Ведь она просила меня по-человечески, – возразил я.

– Не оправдывайся, все равно не поверю, – продолжала подтрунивать Шорина.

Тем временем я заварил чай и стал собираться домой. А Шорина, отыскав в конце концов журнал, подошла к столу и начала готовить чашки. Подняв на меня удивленные глаза, в которых, как всегда, сверкали огоньки и прыгали бесенята, она спросила:

– А ты куда?

– Домой, куда же.

– Вот те на! А чай я для кого кипятила?

– Ничего, одна попьешь. Уже скоро семь. А у тебя что, вторая пара вечерников?

– Нет, просто я хотела заполнить все, что требует учебная часть. Кстати, тебе тоже надо бы записать, что ты посетил

мою лекцию и еще какое-нибудь занятие. Своей любимой Булановой, например.

– Завтра, – попытался было я отмахнуться от нее, как от назойливой мухи.

Ее плоские шутки на тему моего мнимого романа с Булановой мне давно уже надоели хуже горькой редьки. И я эту подковырку обошел молчанием как бестактность.

– Никаких завтра, – кокетливо возразила Шорина. – Садись и пиши. При твоих литературных данных это пять минут, не больше. А я тем временем чайку приготовлю. Я вот сухариков засушила – ты только глянь, какие румянькие, ароматненькие. У меня и лимончик есть. По дружбе знакомая продавщица оставила. Смотри, какой красавец!

Она вынула из сумки завернутый в белую полупрозрачную шуршащую бумагу огромный лимон цвета червонного золота, источающий тонкий нежный аромат, и повертела его передо мной.

– Ну, Генка, оставайся. Пойду, лимон помою.

Шорина вышла в соседнюю лабораторию, где был водопроводный кран. Я решил остаться. В самом деле, нужно было что-то записать в журнал взаимных посещений, да и от свежего чая с таким роскошным лимоном грех было отказываться. Тем более что Шорина умела его готовить, что называется, мастерски.

Минуту спустя мы уже наслаждались горячим кроваво-красным чаем.

– Видишь, теперь тебя никто дергать не будет по поводу взаимных посещений. А какого я чая наколотила! Скажи?!

– Чай отличный. Спасибо, Элла. Общеизвестно, что ты у нас на кафедре лучшая чаеварка. Всего в меру – и заварки, и лимона, и сахара, – ответил я, думая при этом о предстоящей беседе с шефом. – Невольно вспоминаются строки Пушкина:

«Разлитый ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал...»

– «И сливки мальчик подавал», – с дьяволинкой в глазах добавила Элеонора.

Несколько минут мы сидели в каком-то неловком молчании. Тревожная мысль о предстоящем увольнении не давала мне покоя, давила, выпирала изнутри. И Шорина словно прочла ее.

– Что это ты, Гена, не в настроении? – неожиданно спросила она.

– Да вот, думаю, как дальше быть. Мне ведь уже тридцать два. Не мальчик, будто бы. Берут меня тут в одно место руководителем сектора. Триста семьдесят рублей дают. Без кандидатской степени. Собираюсь шефу заявление подать.

От неожиданности Шорина чуть не выронила чашку.

– Да ты что! Ты это серьезно? Зачем это тебе? Чем тебе плохо на кафедре? Мы все тебя любим, и шеф уважает и ценит. Ты что, с ума сошел? – затарахтела она, как сорока на дереве.

– Любил волк кобылу – оставил хвост да гриву, – ответил я, копируя покойного деда Гордея.

– Я серьезно, Гена. Шеф тебя очень даже высоко ценит. Клянусь. Ты не смотри, что он тебя ругает. Я тебе уже сто раз говорила: за глаза он о тебе очень хорошо отзывается. Просто он считает, что людей нельзя хвалить, вот и все. Это неверно, но что поделаешь? У каждого свои заблуждения. К нему тоже нужно быть снисходительным.

Шорина положила в рот золотистый сухарик, с хрустом разжевала и приложилась к чашке.

– Да сколько же можно у шефа без степени сидеть? Что такое в вузе преподаватель без степени? Абсолютно бесправное существо, козел отпущения, человек второго сорта. А защититься он мне все равно не даст – ты это сама прекрасно знаешь. Значит, надо уходить туда, где хотя бы деньги платят. Нужно, по-моему, идти, пока берут, – заключил я и отхлебнул из чашки глоток крепкого ароматного чая.

– А ты с шефом говорил? – деланно поинтересовалась Шорина, раззадоренная столь неожиданной для нее новостью.

– На следующей неделе поговорю, – ответил я, кладя в рот распаренную в чае лимонную кружалку.

– Шеф тебя ни за что не отпустит, – заключила Шорина, ставя на стол пустую чашку. – Кроме того, уходить в начале семестра – это непорядочно. Предупредил бы шефа заранее, а в конце года ушел бы. Тогда у тебя было бы время и обду-

мать этот шаг как следует. А то потом, может быть, будешь всю жизнь сожалеть.

– А кто для меня, по-твоему, будет до июля место держать?

– Если ты там нужен, то поддержат. Там, небось, знают, что ты – талантливый инженер с великолепной физико-математической подготовкой и изобретательным умом. Так что если они хотят тебя заполучить, пусть подождут. Кроме того, если ты сошлешься на этичность относительно выбора времени увольнения, ты только вырастешь в их глазах. Ведь если ты поступишь с шефом непорядочно, они будут знать, что точно так же ты потом можешь поступить и с ними. Как, хлебнем еще по чашечке?

Я молчал, и Шорина, сочтя мое молчание знаком согласия, отрезала пару кружалок лимона и положила в чашки. Я сидел в состоянии ступора и безучастно смотрел, как Шорина клала в свою чашку сахар. Придвинув мою, она спросила:

– Тебе сколько ложек? Три? Четыре? Больше?

– Три, как и в первый раз, – равнодушно ответил я.

– Правильно. От излишнего потребления сахара может потом развиться диабет. Толки лимон с сахаром. Или, если хочешь, подожди, пока я потолку – мне не трудно.

Чай показался мне еще вкуснее, чем в первый раз. Как видно, Шорина отрезала больше лимона.

– А если шеф предложит тебе остаться с перспективой защиты? – спросила она, с хрустом разгрызая румяный суха-

рик.

– Если он захочет меня оставить, то пусть предложит вариант с защитой в ближайшие год-два. У него же в сейфе лежит моя готовая диссертация. Помнишь?

Шорина заерзала на стуле. Уж она-то наверняка прекрасно помнила историю с той злополучной диссертацией, как никто другой. Тогда они с Булановой приложили все усилия, чтобы мой фолиант так и остался лежать у шефа в сейфе.

– Наука ведь не стоит на месте, – философски изрекла Элеонора. – Думаю, что та твоя диссертация уже устарела. Да и шефа ты тогда ею обидел – поставил перед свершившимся фактом. Кроме того, если тему никто не утверждал, план не обсуждался, к заказчику за разрешением не обращались, то это, строго говоря, и не диссертация. О ней лучше всего забыть.

– Как сказать... Но не будем об этом. Захочет шеф, чтобы я остался, я предложу ему свои условия. Пусть тогда выбирает – принять их или отвергнуть.

– Решил шефа к стенке припереть? Не получится. Он этого терпеть не может. Только разозлишь его, больше ничего. Так что идти к нему с таким вопросом, я думаю, не стоит. Тут ты только проиграешь, – заключила Шорина.

– Вот и увидим, стоит или не стоит. Что ж, спасибо за чай. Уж очень вкусный он у тебя получился, – спокойно сказал я и начал собираться домой.

Шорина ничего не ответила, а собрала посуду и пошла

мысль в соседнюю лабораторию.

Я знал, что завтра же Шорина все доложит шефу, причем в преломлении через призму собственных ощущений и видений. Собственно, на это я и рассчитывал, начиная сегодняшней разговор. Если я действительно нужен шефу, он заведет беседу о перспективах моей защиты как бы спонтанно, невзначай. А если нет, то станет ясно, что на кафедре делать мне больше нечего и нужно уходить. К тому же пусть он заранее обдумает, как отнестись к моему намерению уволиться. Чем тщательнее он готовится, тем более шаблонно поступает. А его шаблоны я за время работы на кафедре успел довольно-таки неплохо изучить.

Закончилась неделя, наступила следующая, но шеф вел себя так, будто о предстоящем моем увольнении сном-духом ничего не ведал. И о перспективах моей защиты также молчал, как рыба. Что ж, значит, мне суждено покинуть кафедру. «Была – не была, пойду к шефу, пока он один в кабинете», – решил я.

Входя в кабинет Ампирова с заявлением, я был абсолютно уверен, что Шорина, конечно же, сообщила ему о моем предстоящем увольнении. И что я даже вознамерился выставить ему свои условия! «Не на того напал», – думал шеф, читая мое заявление и радуясь тому, что он уже предупрежден и примет бой во всеоружии. Это было видно по его самодовольному лицу.

– Вы что, издеваетесь?! – возмущенно выкрикнул он, от-

швырнув заявление в сторону. – Какое увольнение? Идите к студентам! Ничего у вас не выйдет! Шантажировать меня? Не родился еще тот человек, который мог бы шантажировать профессора Ампинова!

– Почему шантажировать? Хочу уволиться – вот и все, – спокойно возразил я.

– С какой целью, позвольте спросить?! – заорал он.

Я знал, что он кричит специально, чтобы подавить меня психологически. На самом же деле он абсолютно спокоен и намеревается управлять предстоящим разговором как бы со стороны. Я также был абсолютно спокоен, так как проигрывал эту сцену в своем воображении, наверное, не меньше ста раз. Глядя в налитые кровью глаза Ампинова, я невозмутимо произнес:

– Валентин Аркадьевич, здесь с диссертацией никаких перспектив. Кроме того, там, куда я иду, зарплата выше – более чем вдвое. И почему Вы так возмущаетесь? А если бы, скажем, Элеонора Спиридоновна заявление подала, Вы бы тоже из нее нервы мотали, как сейчас из меня?

Ампинов чуть не взвыл от ярости и закричал так, что у меня что-то щелкнуло в обращенном к нему ухе:

– Там, куда Вы идете, тоже Вам никто готовую диссертацию в руки не положит! При этом я уверен, сначала заставят заработать право на ее написание! А насчет зарплаты Вы – как женщина определенного разряда: кто больше даст, тому и дам! Кстати, Элеонора Спиридоновна, в отличие от Вас,

очень порядочный человек. Она никогда не подаст заявления, тем более, так, как Вы, когда семестр уже начался! В общем, хватит тут бузить – идите к студентам! Добавить денег я Вам не могу – оклад есть оклад, Вы это не хуже меня знаете. А что касается приработка по совместительству – работайте! А там, как всегда, посмотрим как справитесь. Все, мне некогда тут Вас убажывать! Я занят срочной работой!

«А о диссертации молчит. Не хочет давать никаких векселей. Чувствуется Шоринская подготовка», – констатировал я про себя. Глядя шефу прямо в глаза, я произнес с олимпийским спокойствием:

– Меня не нужно убажывать. Вот мое заявление – пожалуйста, подпишите или распишитесь, что вы его читали.

Лицо Ампинова приобрело пунцовый цвет. Я снова вложил ему в руки отброшенное было им заявление. Он схватил его, с яростью нервными движениями расшматовал на мелкие кусочки и резко подбросил их вверх. Смахнув со стола обрывки, он прокричал:

– Все! Хватит здесь детский сад устраивать! Я сказал: идите к студентам!

– Валентин Аркадьевич! Мы же взрослые люди. Я ведь все равно пойду сейчас к секретарю ректора и попрошу расписаться на втором экземпляре, – сказал я, наслаждаясь своим самообладанием, которое я обычно терял в подобных дискуссиях с Ампиновым.

– Ах, вот Вы как! Тогда я сейчас собираю кафедру и

утверждаю Вам такую характеристику... – он на секунду за-
пнулся в замешательстве, – такую характеристику, какую Вы
заслуживаете!

Ампилов уставился на меня гневным взглядом, не сомне-
ваясь в скорой моей капитуляции. Но я действовал его же
методами. Поэтому вся эта сцена, как это всегда делал он,
была накануне тщательно отрежиссирована и отрепетирова-
на в моем воображении.

– Характеристика, Валентин Аркадьевич, мне вовсе не
нужна. Так что можете не трудиться. Меня и так берут, да и
по закону не положено.

Ампилов саркастически улыбнулся и, стараясь держать
снисходительный тон, многозначительно изрек с вымучен-
ной улыбкой:

– Запомните: у нас в Союзе все характеристики подшива-
ются к личному делу и путешествуют за вами по линии «че-
ка» в течение всей жизни!

Опять ничего для меня нового. «Все же Ампилов может
ходить только по накатанной дорожке, в экспромте он не
виртуоз», – отметил я про себя. На мгновение во мне про-
будилось ощущение, похожее на сочувствие, и я спокойно,
почти снисходительно ответил:

– Пишите, Валентин Аркадьевич, что хотите. Да и что Вы
там, в принципе, можете написать? Я не преступник, не про-
гульщик, не пьяница, не развратник, не шпион, в конце-то
концов! А все остальное никак меня не скомпрометирует.

Неожиданно зазвонил телефон. Ампиоров схватил трубку и в исступлении крикнул:

– Да! Я слушаю! Потом! Я говорю – потом! Сейчас я занят!

В гневе он опустил трубку на кнопки с такой силой, что телефонный аппарат раскололся на несколько частей.

– Вот видите! Из-за Вас телефон разбил! А платить кто будет?! Я, разумеется!

Ампиоров вырвал из розетки телефонную вилку и резко швырнул разбитый телефон в угол кабинета, как ненужный хлам. Осколки с треском и звоном разлетелись по полу. Трясаясь от гнева, он заорал еще громче:

– Дорогой мой! Все в жизни относительно! Факты всегда можно найти! А изложив их в отрыве от остальных, можно получить картину весьма и весьма неприглядную, уверяю Вас! Вы говорите, что Вы не пьяница?! А я смогу найти аргументы и в пользу этого порока! Помните, как мы провожали Окина? Я тогда в ресторане сказал Вам в присутствии Шориной: «Вы сегодня лихо отплясываете! Здорово Вас Сашин коньяк разогрел!» И Элла это подтвердит, и Вы отрицать не посмеете, потому что это действительно было! Ведь верно?!

– Верно. Но это еще не значит, что я алкоголик! – мой голос уже также начал срываться на крик, и Ампиоров был этим явно доволен, даже заулыбался. «Срочно взять себя в руки! Собраться, чтобы не попасть в ступор! Только не попасть в ступор!» – думал я, стараясь держаться на высоте.

– А я этого и не напишу!

Ампиров стал ритмично снимать с авторучки колпачок и снова надевать. В такт этим движениям он затараторил, как заводной:

– Я напишу: «Имеет склонность к злоупотреблению спиртным. Так, такого-то числа во время общественного мероприятия ему в присутствии старшего преподавателя Шориной Э-Эс было сделано замечание заведующим кафедрой о том, что он находится в состоянии опьянения». Вы говорите, что не развратник – морально устойчивый, как сейчас говорят? Но никто из наших сотрудников, и Вы сами, в том числе, не будет отрицать, что Вы открыто ухаживаете за всеми хорошенькими кафедральными женщинами. Ведь верно?

Ампиров вопросительно уставился на меня с торжествующим видом.

– Ухаживаю? Откуда Вы взяли? Это уже клевета, уважаемый Валентин Аркадьевич! – неподдельно возмутился я.

– Нет, не клевета! Как Вы улыбаетесь им! Как шутите с ними! Острите! Рассказываете пикантные истории! Даже поглаживаете при разговоре! Как спешите помочь! Что, не так?! – наступал он с уверенностью в скорой победе.

– А причем здесь ухаживания? Вы что, имеете сведения, будто я кого-либо из них в постель тащил? – искренне возмутился я.

– Но это и есть ухаживания! Со мной же Вы так себя не ведете! – продолжал он свой натиск.

– Валентин Аркадьевич, они же женщины! А Вы, прошу прощения, к прекрасному полу не принадлежите! – выкрикнул я в сердцах.

– Вот-вот! Я и напишу Вам в характеристике: «Имеет слабость к женскому полу. В сотрудницах видит не коллег, а прежде всего женщин – объект для сексуального общения»! А уж кафедра проголосует – в этом я Вас уверяю!

– Пишите, что хотите. Только правду, а не клевету! Против клеветы я бороться буду! Если я в ответ Вам молчал до сих пор, то теперь мне терять нечего! Уверяю Вас, я сумею за себя постоять! Я не толстовец и под Ваш удар не стану подставлять вторую щеку! – орал я в исступлении.

– Правду, говорите? – закричал Ампиров, брызжа слюной. – А что такое правда? Главное, чтобы этому люди поверили!

Такая наглость со стороны шефа повергла меня не в ступор, как я опасался, а наоборот – в состояние дикого гнева. Я почувствовал, что вот-вот утрачу контроль над собой и тогда стану способен на отчаянные поступки. Могу шефу и в физиономию зацедить. Чтобы до этого не дошло, я вскочил со стула и выпалил:

– Валентин Аркадьевич! Да пишите хоть что я – враг народа! Что хотите пишите! Плевать я хотел на Ваши характеристики! Хоть я сейчас и во взвинченном состоянии, я все равно иду к секретарю ректора с заявлением в двух экземплярах! Попрошу ее расписаться на втором!

Подбежав к двери, я ударил в нее ногой, и она с шумом распахнулась. Я выскочил из кабинета и, едва не сбив с ног идущую по коридору студентку, чуть не бегом помчался в направлении ректорского крыла. А сзади до меня донесся надсадный крик Ампинова:

– Дверь за собой надо закрывать!

На заседании кафедры, которое, как и обещал Ампинов, состоялось на следующий день, до утверждения моей характеристики дело так и не дошло. Переходя к этому вопросу, Ампинов посмотрел на часы и по-деловому спросил:

– Геннадий Алексеевич, Вам нужна характеристика?

– Нет, Валентин Аркадьевич. Я же Вам говорил накануне, – сказал я, вставая.

– Тогда есть предложение снять этот пункт с повестки дня. Кто-нибудь возражает? Нет?

Присутствующие молчали, с любопытством посматривая в мою сторону. Взглянув на их лица, на некоторых из них я прочел дикое желание посмотреть бесплатный спектакль. Другие сидели с угрюмым видом, понимая, что каждый может оказаться в моем положении.

– Снимается. Садитесь, Геннадий Алексеевич, – отчеканил Ампинов с подчеркнутой вежливостью.

Чувствовалась режиссура Шориной.

Юлий Гарбузов

5 мая 2006 года, пятница

Харьков, Украина

38. Поймал на слове (Не закончено)

– Геннадий Алексеевич! Вы уже написали разработку по постановке эксперимента с телевизионным исследованием канала?

– Разработку? Нет, конечно! – Как! До сих пор прохлаждаетесь? Вы что, специально решили меня до инфаркта довести? Когда это уже кончится?! И кончится ли?! Вы окончательно разложились!

– Вы же велели, цитирую: «похерить этот эксперимент и заняться отчетом по передаче цифровой информации»! Помните?

– Вы лжец! Ничего такого я Вам не велел! Я сказал отложить на потом, после отчета сделать! А отчет мы уже неделю, как сдали!

– Нет! Именно так Вы мне велели! Что же Вы теперь от своих слов отказываетесь?

– Вы мне бросьте эти грубости! Ни хера не делаете и выкручиваетесь тут! Вы лодырь! Бездельник! Второй Балабанов!

– Ах, Вы вот какими словами бросаетесь! Сейчас! Минуточку, уважаемый Валентин Аркадьевич!

Я выскочил из кабинета Будника-Ампилова и распахнул

дверь своей рабочей комнаты. Зная наперед, что Ампиоров рано или поздно вспомнит о телевизионном эксперименте именно таким образом, я держал его недавнюю записку в папке под рукой. Через несколько секунд я ворвался к Ампиорову.

– Вот, сами посмотрите! Вашей рукой написано? Так что же Вы сознательно травите меня? После того, как сами написали: «Это все похерить!»

Ампиоров беспорядочно заерзал на стуле, стал бессмысленно открывать и закрывать ящики стола, перебирать какие-то бумажки. На его глазах заблестели слезы, и он заорал срывающимся голосом:

– Я Вас считал порядочным человеком! А Вы вот – меня на слове ловите! Идите! Я не хочу с Вами разговаривать! Делайте, что хотите!

Юлий Гарбузов

39. Метизы и спирт (Не закончено)

Придя на кафедру, я увидел на столе записку, наскоро написанную рукой шефа: «Г. А.! Как толь- появ-, зайд- ко мне. С ув., В Ампиоров». Шеф по обыкновению не дописывал слова. Но я знал, что здесь следует читать: «Геннадий Алексеевич! Как только появитесь, зайдите ко мне. С уважением, В. Ампиоров».

Посещение кабинета Ампиорова не ассоциировалось ни с чем приятным. Я решил, что лучше получить все сразу и сполна, не откладывая, чем нервничать в ожидании. Войдя в кабинет шефа, я застал его говорящим по телефону. Не деля паузы в разговоре, он одним кивком головы и поздоровался, и предложил мне сесть, что я и сделал. А шеф, отчаянно жестикулируя, продолжал разговор:

– Нет, Вы обязаны вернуть нам этот дюраль! Это получено нами по линии Минобороны, уважаемый Павел Васильевич! Если Вы не знаете, что творится у Вас на складе, то мы здесь непричем! Как это – они раньше? Им позвонил завсклад – вот и раньше! А я только сегодня узнаю, что дюраль, из-за которого стоит правительственная работа, получен другой кафедрой, никакого отношения к нашей работе не имеющей! Если Вы не дадите команды вернуть немедленно, я пойду вверх вплоть до министра, слышите? И Вам – уж это я обещаю – не поздоровится!

Он резким движением бросил трубку и тут же улыбнулся.

– Перехватили наш дюраль, сволочи! И молчат! А мне Маша, кладовщица, по секрету стукнула. Ну, я и расходился, чтобы впредь неповадно было!

Он снял очки и принялся их протирать, что, как я знал по опыту, было признаком хорошего настроения.

– Слушайте, Гена, – он наклонился вперед и надел очки, – Сейчас Таранец должен срочно собирать передатчик по теме, где и мы с вами числимся. Так вот, нам нужны метизы: винты, гайки, шайбы и прочая ерунда. Вот список первостепенной важности. Вы там знакомы с хэмзовцами-цеховиками. Попробуйте поговорить с ними, как достать это. За определенную мзду, конечно. Когда вы это сможете?

– Сейчас попробую, Валентин Аркадьевич. А за какую мзду?

– Правильно, не нужно откладывать. А мзда – спирт, конечно. Сколько они там запросят. Ну, все, с Богом! Дерзайте, Гена!

– Валентин Аркадьевич, они могут нам помочь – я только что от них.

– Список показывали?

– Конечно. Но они говорят, что с таким количеством и заводиться не будут. Каждого вида по коробке. Подкинут и от себя кое-что в довесок.

– И декоративные тоже?

– Да. Они даже сказали, что вместо никелированных хро-

мированные будут.

– Отлично, Гена! Вы просто молодец! А насчет сроков?

– Завтра в обед. А обед у них с часа до двух.

– Чудесно! Завтра берите двоих ребят и езжайте. Все. Спасибо.

– Валентин Аркадьевич, а расплатиться тоже нужно на месте. Кроме того, там такие коробочки, что нам троим не унести никак. Машина нужна.

– Ладно. Машина – так машина, – он снял трубку, – Юрий Борисович! Завтра к двенадцати ноль-ноль машину подготовьте. С Геннадием Алексеевичем на ХЭМЗ поедете за метизами. И лаборанта прихватите.

Он обратился в мою сторону:

– Если с машиной, то одного хватит?

– Хватит, Валентин Аркадьевич. Юра, Вы слушаете? Одного парня покрепче. Ясно? Ну, все. Готовьте.

– Так, Гена. Не забудьте же – завтра в двенадцать быть в полной боевой.

– А оплата?

– Сколько они хотят?

– За все две трехлитровые банки.

– Почему так много?

– Метизов тоже много, очень много, Валентин Аркадьевич.

– Да? Ну, ладно. Завтра в двенадцать зайдете ко мне вместе с Юрием Борисовичем. Я сам этим товаром ведаю. Все,

идите работать.

На другой день ровно в двенадцать я вместе с Юрой был у него в кабинете.

– Так, Юра – вот путевка. Я подписал. Езжайте. Гена, позвоните, узнайте, готовы ли они.

– Звонил уже. Ждут к часу. Все уже на месте.

– Тогда с Богом. Приедете – выгрузите сюда, в мой кабинет. Все!

– Валентин Аркадьевич! А спирт?

– Так, спирт после того, как мы получим товар. Я эту публику знаю. Ну, все, мне некогда.

– А мы им и не отдадим, пока товар не получим. Так что давайте спирт – мы с Юрой возьмем по банке.

– Гена, Вы человек мягкий, Вас уболтать ничего не стоит. А я только после того, как все, что мы заказывали, будет вот здесь, – он показал в угол, – поняли?

– Нет, Валентин Аркадьевич, я ехать так не могу. Без спирта они не дадут – уверяю Вас.

– Ну вот, начинается. Ладно, вот Вам бутылка авансом. А остальное по получении товара. Возьмите, – он протянул пол-литровую бутылку, в которой плескался спирт.

– Валентин Аркадьевич, этого мало. Мы обидим людей, которые нас выручают.

– Ладно – вот все, что есть, – он вынул из шкафа еще одну бутылку, – у меня сейчас просто-напросто больше нет. Остальное вечером. Если будет все по списку. Идите, я спе-

шу.

Мы вышли из кабинета. У меня сосало под ложечкой.

– Обманет ведь, – говорил завлаб, – откажись ехать.

– Нет, Юра, поедем. Не посмеет, при тебе обещал. Кроме того, ему наверняка еще придется обратиться. И не раз.

– К другому обратится. А ты будешь, как обгаженный.

Впрочем, как знаешь, Гена.

С полчаса мы с завлабом и лаборантом носили коробки с метизами в кабинет Ампилова. Весь угол заставили. Ампилов проверял соответствие списку. Всего было настолько много, что Ампилов был явно доволен.

– Спасибо, Гена. Вы очень помогли нам. Все, отдыхайте.

И я тоже пойду домой – я сегодня пораньше обещал.

– Валентин Аркадьевич, люди расплаты ждут.

– Какой расплаты? Мы же расплатились с ними. Что еще?

– Вы договаривались за шесть литров, а дали один.

– Ни о чем я с ними не договаривался! Это Вы им, наверное, наобещали горы золота! А я причем?

– Вы же сказали, что после доставки товара отдадите остальное. При Юре, кстати. Давайте будем честны, Валентин Аркадьевич!

Он снисходительно улыбнулся.

– Гена, да что Вы о них печетесь?

– Это непорядочно, Валентин Аркадьевич! Нужно расплатиться! Люди нам поверили, под мое честное слово!

– Непорядочно? А на заводе продукцию воровать да отда-

вать за спирт – это порядочно? Это же алкоголики, Гена! Их же методами с ними надо!

– Вам же самому еще придется к ним обращаться! Они же Вам добро сделали! И Вы знали, что продукция незаконная! Зачем Вы и людей обманули, и меня подставили!

– Никого я не подставлял! Раз сделали – и хватит! В следующий раз других жуликов найдем! А после этих слов я не желаю больше с Вами разговаривать! Все! Идите! Я спешу!

Через полгода он снова обратился ко мне с той же просьбой. Но тут уж я резко ответил, что больше мне обращаться не к кому. После этого он долго еще повторял на хурах и заседаниях кафедры, что вот, мол, тема горит, а Геннадий Алексеевич отказывается помочь. Только Шорина поддерживала его.

Юлий Гарбузов

40. Как в стойле

Прозвенел звонок, извещающий об окончании лабораторной работы, и из другого конца лаборатории послышался резкий голос Булановой:

– Все! Занятие окончено! Пожалуйста, срочно показывайте черновики – что у кого получилось. Через десять минут нас с Геннадием Алексеевичем в лаборатории не будет!

Студенты ринулись лавиной и к ней, и ко мне.

– А что, если мы здесь немного не доделали? – спросил меня вихрастый голубоглазый паренек.

– Ничего. При сдаче будете объяснять теоретически, – ответил я на ходу, делая отметку в журнале.

– Геннадий Алексеевич, а когда можно сдать – мы не успели сегодня? – поинтересовался высокий парень в очках.

– В пятницу на консультации, – ответил я походя, просматривая очередной черновик с результатами измерений.

– А в котором часу? – не унимался очкарик.

– Время и место проведения консультаций всех преподавателей указано в кафедральном расписании, – ответил я, ставя в своем журнале отметку о выполнении.

– Все! Прошу освободить лабораторию! Вы опоздаете на следующую пару, – вещала Буланова. – Выходите, пожалуйста!

Студенческая орда наконец-то покинула лабораторию, и в

ней остались только мы с Булановой да молодая заведующая учебной лабораторией Лера Яненко, которая тут же принялась со свойственной ей аккуратностью расставлять стулья и наводить порядок на студенческих рабочих местах.

– Тоня, – обратился я к Булановой, – нам надо бы заставлять студентов оставлять после себя рабочие места в полном порядке, чтобы Лера каждый раз не возилась.

– Геннадий Алексеевич, – отозвалась улыбчивая Яненко, – все равно ничего из этого не получится. Так что лучше занимайтесь чем-нибудь другим, более результативным. А с этим я с Божьей помощью как-нибудь справлюсь.

– Получится или не получится, а нам, конечно же, в воспитательных целях нужно хотя бы призывать студентов к культуре поведения, – сказала Буланова, собирая со стола книги и бумаги. – Гена, может чайку попьем?

– С удовольствием, – ответил я, готовясь покинуть душную лабораторию.

– Ну и духота же здесь у вас! – вдруг послышался со стороны входа скрипучий голос Ампирова. Он, как всегда, появился совершенно неожиданно и незамедлительно начал деловой разговор. – Валерия Петровна, Вы бы окно открыли, что ли. Проветривать надо, а то задохнетесь тут

Лера, которая несла к мусорной урне ящик лабораторного стола, улыбнулась ему в ответ:

– Не успела еще, Валентин Аркадьевич. Вот уберу, – она указала на содержимое ящика, – и непременно проветрю.

– А это, Валерия Петровна, нужно было сделать до лабораторной работы. Студенты возьмут, да и откроют ящик, а там – гора скорлупок от семечек. Позор, Лера! Позор!

Лера снова улыбнулась:

– Было чисто. За время лабораторки успели намусорить.

– Безобразие, – возмутился Ампилов.

Он немного помолчал и уже посмотрел, было, на дверь, намереваясь уйти, но тут его осенила деловая мысль, и он снова обратился к Яненко.

– Скажите честно, Лера, когда Вы в последний раз заглядывали в этот ящик?

– Сегодня утром. Как раз перед началом лабораторной работы, когда проводники по рабочим местам раскладывала. После ухода студентов решила проверить, все ли на месте. И вот – нашла. – Она опять мягко улыбнулась.

– Точно? А кто проводил сейчас занятие?

– Мы с Геннадием Алексеевичем. А что? – всполошилась Буланова.

– Тоня, Вы помните, какие именно студенты работали там, где остался этот мусор? – сурово спросил Ампилов, глядя на нее поверх очков.

– Конечно, помню. Очень даже неплохие студенты.

– Срочно собираем заседание кафедры! Геннадий Алексеевич, обеспечьте присутствие преподавателей. А Вы, Антонина Саввична, приведите сюда, пожалуйста, этих самых «очень даже неплохих студентов». Только не говорите им за-

ранее, по какому поводу их приглашают. И напишите мне, пожалуйста, их пофамильный списочек, – произнес Ампи-ров решительным тоном.

– Так не будет же и половины преподавателей. Одних еще нет, другие на занятиях, – попытался я возразить. – Мы кворума не обеспечим.

– Так. Без кворума, Гена. Пригласите тех, кто есть. У ко-го лабораторная, пусть придет один из ведущих. Другой по-ка поработает в одиночку, – Ампилов посмотрел на часы. – Пятнадцать минут Вам на сборы, как говорят в наших доб-лестных вооруженных силах.

– В какой комнате, Валентин Аркадьевич? – спросила Бу-ланова.

– Желательно здесь же. Лера, на этой паре занятий тут нет, я надеюсь?

– Нет, Валентин Аркадьевич. До конца дня ничего нет, – ответила Лера, водворяя ящик на его законное место.

Через пятнадцать минут все, кому было сообщено, сидели в лаборатории в ожидании шефа. Трое студентов недоумен-но переглядывались, не понимая, зачем их сняли с занятий и пригласили на нашу кафедру.

– А в чем дело? Что за срочность? – кипятилась Шорина. – Тут дел невпроворот, а он – заседание. Мы же заседали на этой неделе! Чего это ему вдруг снова нейметя?

– Шеф, видимо, не в духе. Решил на кого-то разрядить-ся. Или какую-то «профилактику» устроить, – предположи-

ла Краус, не отрывая взгляда от своей тетради с формулами, схемами и графиками.

«Все же Аня – проницательная женщина. Так близка к истине», – отметил я про себя.

– Тогда студенты здесь зачем? – недоумевала Шорина. – Нет, это не иначе, как какой-нибудь приказ о поощрении или наказании студентов. Эти студенты – из группы, где я руководитель. А мы здесь для пущей важности. Увидите.

– Да что Вы гадаете? Сейчас придет шеф и сам все скажет, – блеснув очками, буркнул Исаков.

Вошел Ампиоров и сразу же, усевшись за стол, обратился к присутствующим со сверхсерьезной физиономией:

– Здравствуйте. Я собрал вас в срочном порядке, чтобы по горячему следу рассмотреть возмутительное поведение у нас в лаборатории радицепей и сигналов кое-кого из здесь присутствующих. Антонина Саввична, Вы мне список приготовили?

Буланова, бойко отстучав каблучками вдоль лаборатории, протянула ему листок бумаги. Ампиоров пробежал его глазами и назвал первую фамилию:

– Так. Челпанов. Кто это? Вы, молодой человек? Встаньте. Расскажите, нам, пожалуйста, почему Вы у нас в лаборатории ведете себя, как в стойле?

– В каком еще стойле? Что я такого сделал? – искренне возмутился студент.

– Давайте вести себя, как воспитанные люди. Я Вам во-

прос – вы мне ответ. А то я Вам вопрос, а Вы мне – встречный вопрос. Некрасиво так, тем более – со старшими. Итак, слушаем Вас, товарищ Челпанов, – осадил его шеф.

– А я не как в стойле! Я...

– Не как в стойле, говорите?! – шеф ударил авторучкой о стол. – Что такое стойло, Вы знаете?

– Знаю.

– Тогда скажите нам, что такое стойло, продолжил Ампи-ров исключительно миролюбивым тоном. – Может быть, не все присутствующие это знают. Так что это такое?

– Ну, в хлеву, где скотина стоит, – подавленно пробубнил студент после небольшой паузы.

– И что она там, по-вашему, делает? – наседал Ампи-ров.

– Ну, ест, пьет, спит.

– А еще что? – не унимался шеф.

– Ну, все, как будто.

– Нет, не все. Подумайте, что еще?

Студент молчал, переминаясь с ноги на ногу.

– Не помните? Или стесняетесь сказать? Тогда я напомню: справляет естественные надобности. Так?

– Ну, так. Справляет, конечно.

– Тогда ответьте, пожалуйста, на поставленный Вам вопрос: почему Вы у нас в учебной лаборатории ведете себя, как в стойле?

– Я не веду себя, как в стойле...

Ампи-ров сорвался на крик:

– А мусор в стол складываете?! Семечки туда плюете?! Хозяева, мол, есть – пусть убирают. А я буду здесь справлять все свои потребности. Так?

– Нет...

– Как это нет? Как это нет!

– Я не справляю.

– А мусор в ящике лабораторного стола, повторяю, оставляете? Наши преподаватели, а вместе с ними я и заведующая лабораторией сегодня видели, что творилось на Вашем рабочем месте после занятия! Где еще так себя ведут, как не в стойле?

– Это не я.

– А кто? Скажите тогда, кто гадит на Вашем рабочем месте во время занятия, если не Вы?

– Откуда я знаю?

– Как! До занятий там все было чисто! Так, Валерия Петровна?

– Так, – смущенно подтвердила Яненко.

– Вот! Да вы еще и лжете! – вскричал Ампилов.

– Да не лгу я! Я просто не знаю, кто это насорил.

– Вы – бессовестный человек! Садитесь. Так. Следующий у нас кто? Ланской. Поднимитесь, пожалуйста, Ланской.

Встал высокий аккуратно подстриженный стройный парень, поправляя очки в тонкой золоченой оправе. Одетый в безукоризненно выглаженный костюм, ослепительной белизны рубашку и модный коричневый галстук, он стоял,

смущенно опустив глаза.

– Как вас зовут, Ланской? – сурово глядя на него из-под очков, спросил Ампилов.

– Денис, – тихо ответил парень.

– А папу вашего? – поинтересовался Ампилов.

– Артем Кузьмич.

– Так вот, уважаемый Денис Артемович Ланской, расскажите нам, пожалуйста, почему Вы ведете себя у нас в лаборатории радицепей и сигналов, как в стойле. Давайте. Слушаем Вас.

Ампилову явно понравилось выражение «как в стойле», и он, очевидно, решил в этот раз эксплуатировать его на всю катушку, до полного износа.

– Я не веду себя, как в стойле... – тихо ответил парень.

– И Вам напоминаю, что только там и едят, и пьют, и спят, и все нужды справляют. Рассказывайте, Вас ждут все преподаватели нашей кафедры, которые из-за Вас вынуждены были оставить свою работу. Слушаем Вас.

– Не знаю – это не я.

– А кто?

– Не знаю.

– И Вы тоже лжете! Позор! При Вас это делалось, если это действительно не Вы. Так Вы нам скажете? Ответите на мой вопрос?

– Что же я могу сказать, если я не знаю? – еще больше смущаясь, ответил Ланской.

– Послушайте, уважаемый Денис Артемович Ланской, – продолжал изгаляться Ампилов, – у Вас такая благородная княжеская фамилия, да и вид у Вас молодого растущего ученого. Как минимум – кандидата наук.

Студенты прыснули со смеху, а Шорина, Исаков и Буланова последовали их примеру.

– И Вы так бессовестно лжете, – продолжил шеф. – Стыдно, Денис Артемович! Молчите? Ну что ж, садитесь. Послушаем третьего. Прудин. Как Ваше имя-отчество, товарищ Прудин?

– Алексей Андреевич, – подавленно пробурчал студент.

– Ну, может Вы, Алексей Андреевич, расскажете нам, почему Вы у нас в лаборатории радиоцепей и сигналов ведете себя, как в стойле?

– Мне нечего сказать. Никаких нужд я не справляю.

– Вы насорили, как в хлеву! Думаю, что в следующий раз и это сделаете. Ну, так как? Мы ждем объяснений.

– Мне нечего Вам объяснять. Не я это.

– Если не Вы, то кто это сделал? Кто?

– Не знаю. Больше мне нечего Вам сказать.

– А делать было что?! Вот Ваша сознательность! Вас здесь учат за государственный счет, оборудуют лабораторию, тщательно готовят рабочие места, чтобы создать Вам условия учиться, а Вы пакостите в ответ! У вашего папы дома есть письменный стол?

– Нет. А причем здесь это?

Этот вопрос Ампиоров оставил без внимания.

– У папы стола нет. Допустим. А комод у мамы есть?

– Комод есть. Недавно купили, ну и что?

– Скажите, пожалуйста, а в мамин комод Вы плюете семечки? – спросил Ампиоров без намека на улыбку.

Помолчав, студент спокойно ответил:

– Нет, конечно.

– Так что, в мамин комод плевать нельзя, а в лабораторный стол кафедры основ радиотехники можно? Так получается?

– Нет. Я никуда не плевал.

– Тогда, значит, видели, как Ваш сосед плевал! Интересно, если бы Вы увидели, как тот же самый сосед плюет семечки в комод Вашей мамы, Вы бы тоже к этому проявили равнодушие? Думаю, что нет. Что же это выходит? Никто из Вас в лабораторный стол семечки не плевал и не видел, кто это делал? Тогда откуда они там взялись, по-вашему? Каким-то чудесным образом из космоса материализовались, что ли? Такого, простите, не бывает. Не верим мы в чудеса! – Раскрасневшийся от возмущения Ампиоров стукнул кулаком по столу так, что на нем подпрыгнули его авторучка и блокнот. – Через два-три года Вы станете командиром производственного, а того и гляди, научно-исследовательского подразделения. И при Вашей-то морали! Вот Вы бы лично признавали авторитет начальника – непорядочного человека? Скажите. Только не молчите, пожалуйста!

– Нет, конечно, – студент посмотрел в глаза Ампинову.

– Верно. На этот раз Вы сказали правду. А Вы думаете, что Ваши будущие подчиненные не узнают о Вашей непорядочности? Ошибаетесь! И о нынешнем инциденте тоже со временем узнают! Поэтому нужно беречь честь смолоду! Так как, Вы скажете нам честно, кто наплевал в ящик лабораторного стола на Вашем рабочем месте?

– Я не знаю, – ответил студент, дерзко глядя на Ампинова.

– Тогда скажите, кто у вас руководитель группы?!

– Шорина.

– «Элеонора Спиридоновна» – положено отвечать воспитанному человеку! Впрочем, чего от вас еще можно ожидать, если вы где работаете, там и нужды справляете. О какой тут воспитанности может идти речь в принципе? Элеонора Спиридоновна, – обратился Ампиров к Шориной, – подготовьте, пожалуйста, письма родителям всех троих. При этом пошлите, пожалуйста, и домой, и на работу. Отдельно и папе, и маме каждого. Пусть их коллеги и начальство узнают, какого сыночка воспитал их сотрудник. Или сотрудница. Пусть узнают, как ведет себя их гениальный сынок – самый-самый! Так, наверное, говорят о вас родители родственникам, знакомым и соседям? Такой, мол, умный у нас сыночек – как же! На радиофакультете учится! Гордятся вами, небось. Сядьте! У кого-нибудь вопросы к нарушителям есть?

– Да какие там вопросы, Валентин Аркадьевич! – подзадорила его Шорина. – Не признаются – не надо. Пусть с ними

родители разбираются, если они еще не повзрослели в свои девятнадцать или двадцать лет. Я сейчас же напишу письма и сегодня же их отправлю. За свой счет пошлю заказными, не буду ждать оформления через канцелярию!

– Так что, ни у кого нет вопросов? – поинтересовался Ампилов. – Нет? Ну, тогда студенты свободны, а к преподавателям у меня еще кое-какие дела есть.

Студенты поднялись с мест и с мрачным видом вышли из лаборатории. Когда за последним закрылась дверь, Ампилов обратился к присутствующим:

– Сейчас мы с вами протерли этих юнцов, что называется, с перцем. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что это преподаватели, проводившие здесь занятие, допустили, что нашу лабораторию превратили в хлев, а рабочие места – в самые настоящие стойла! Геннадий Алексеевич и Антонина Саввична совершенно забыли о том, что они обязаны не только проводить занятие, но и следить за порядком, чтобы исключить подобные инциденты. Вы и только вы виновны в том, что у вас на занятиях студенты плюют в столы семечки, качаются на стульях, ломают приборы, расписывают и разрисовывают столы!

– Валентин Аркадьевич! – темпераментно возмутилась Буланова. – Это уже называется «с больной головы на здоровую»! Мы здесь как проклятые вкалываем – бегаем от стола к столу, принимаем работы, отвечаем на вопросы! Так Вы нам еще и вменяете в обязанности следить, кто там семечки

лузгает, а кто еще что-то делает! Это если бы мы в процессе работы случайно заметили, что студент плюет скорлупки в ящик, и никак не прореагировали, тогда действительно с нас следовало бы спросить. Нельзя же...

– Антонина Саввична! – перебил ее Ампилов. – Не занимайтесь демагогией. Никто не говорит, что Вы обязаны рыскать по лаборатории в поисках нарушений. Но поглядывать за дисциплиной крайне необходимо!

В дверь постучали.

– Лера, спросите, кто там и чего ему нужно, – сказал Ампилов.

Яненко тихо открыла дверь и вышла в коридор. Через несколько секунд она вернулась и все тем же спокойным и мягким голосом обратилась к Ампилову:

– Валентин Аркадьевич, там студенты просят разрешения войти и обратиться к Вам.

– Какие студенты? – с недоумением спросил он.

– Наши, которых только что разбирали.

– А, эти красавцы? Пусть, пусть войдут. Что там у них?

Вошли Ланской и Челпанов.

– Валентин Аркадьевич, можно сказать? – спросил Челпанов.

– Вы уже, собственно, ответили свое. Ну ладно, что там у вас случилось? С чем вы еще к нам пожаловали? – возмутился шеф.

– Мы... Я хочу сказать, что это я принес на лабу семеч-

ки. И в ящик скорлупки клал. Извините меня, пожалуйста. Вот! – закончил Челпанов.

– А я... вместе с ним тоже извиниться хочу... – добавил Ланской.

– Что еще за «лабу»! Такого слова я не знаю. У вас совесть заговорила, так? – перебил его Ампилов. – Вот скажите нам теперь, пожалуйста, как вам не стыдно было сознательно плевать в стол семечки? Вы не думали о том, что после вас кому-то придется убирать, тратить рабочее или личное время? Как это можно назвать, по-вашему, а? По-моему – свинство.

– Называйте как хотите, Валентин Аркадьевич. Хотите – верьте, хотите – нет, а мы намеревались убрать это после занятия, но не управились с лабораторкой, заторопились и забыли. Потом было стыдно, смалодушничили, отказались, а теперь вот, решили сказать все, как есть. Вы можете меня как угодно наказать, но за свои действия отвечаю только я. А Прудин здесь ни в чем не виноват. Его, пожалуйста, не наказывайте. И не пишите, пожалуйста, писем нашим родителям. Лично я хочу ответить за себя сам. Я взрослый человек и уже совершеннолетний. С меня и спрос, – закончил Челпанов.

– Я, Валентин Аркадьевич, с той же просьбой. А Прудин – он наоборот, возмущался тем, что мы делаем, – смущенно добавил Ланской.

– Что ж, за признание – полнаказания, – резюмировал Ампилов, не скрывая удовлетворения. – Вот видите, а что сто-

ило сказать об этом сразу? Сколько бы мы сэкономили времени и нервов! И почему вы только ко мне обращаетесь? Что скажет кафедра?

Ампиров окинул взглядом всех присутствующих. Руку поднял Исаков.

– Пожалуйста, Алексей Артемович. Что Вы предлагаете? – спросил Ампиров, протирая очки.

– Я предлагаю никаких писем не писать. В них при такой ситуации уже нет необходимости. А наказать их, конечно, нужно. Но никак не родителей. Причем здесь родители? Я считаю, что им надо поручить какую-нибудь работу, полезную для кафедры, – предложил Исаков.

– Что ж, предложение, по-моему, дельное. Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы поддержать? – спросил шеф и поднял руку.

Проголосовали единогласно.

– Предложение принято, – заключил Ампиров. – Валерия Петровна, дайте, пожалуйста, им всем троим работу – ну, там, помыть полы, окна или перенести что-нибудь. У Вас на хозяйстве работы, слава Богу, хоть отбавляй.

– Это верно – работы, как говорится, вагон, – мягко сказала Валерия.

– Но почему всем троим, Валентин Аркадьевич? – спросил я. – Ведь Прудин, как они сами только что сказали, ничего плохого не сделал. За компанию, что ли?

– Как это ничего плохого не сделал? А лгать – это, по-

вашему, хорошо, что ли? Нет уж, пусть перед ним эти двое сами оправдываются.

– Он просто товарищей не хотел выдавать, – попытался я восстановить справедливость.

– Нет! – возмутился шеф. – Он лгал, что ничего не знает! Он мог просто молчать, а он бессовестно лгал! Все, инцидент исчерпан! Валерия Петровна, пойдите, договоритесь с ними, пожалуйста, насчет работы. Только ради Бога, не во время занятий. На всякий случай по расписанию проверьте. А то это, как видите, такая публика.

Яненко вышла со студентами, а Ампиоров продолжил:

– Вот видите, мы попали в цель. Своего добились. Они теперь десятому закажут. И слушок пройдет.

– Валентин Аркадьевич, мы все же зря обидели Прудина, – вступилась Шорина. – Может, помилуем, а?

– Нет, Элла. Он тоже должен быть наказан. Пусть этим двоим будет стыдно вдвойне. И давайте впредь действовать слаженно. Выявляйте нарушителей, приглашайте на заседание кафедры. Будем разбирать – протирать, так сказать, с песочком.

– Да плевать они хотели на наши разбирательства и протирки, Валентин Аркадьевич, – едко возразила Шорина. – Этих накажем, а другие завтра сделают то же самое. Вот увидите. И эти тоже будут над нами смеяться в общезитии. Пострашали, покричали на заседании кафедры и ничего им фактически не сделали. Только время потеряли.

– Нет уж, извините, Элла! Людей без нервной системы не существует. Пока еще не вывели. Гитлер пытался – не вышло. Баста! Заседание окончено. Анна Рольфовна, занесите, пожалуйста, все в протокол. Я потом подпишу.

Ампиров встал и вышел из лаборатории.

– Ну и шеф, – с восхищением сказала Шорина, – все же добился своего!

– Да что тут было добиваться? Тоже мне еще – подвиг, – презрительно бросила Буланова.

– И с этим стойлом, – поддержала ее Краус. – Позорище, да и только. Придумал какую-то несуразность и думает, что это остроумно. Любуется собой, как Нарцисс.

– Святая истина, – сказал Мотыльков. – Было бы хоть нарушение серьезное, а то так, ребячья шалость, за которую только и можно, что пожурить.

– Элла, мне также было стыдно перед студентами за это самое стойло, – добавил я.

– Да? А ты бы смог так? – вьедливо спросила Шорина.

Но я счел ее вопрос риторическим и молча направился в преподавательскую.

Юлий Гарбузов

11 июля 2005 года, суббота

Харьков, Украина

41. Командировка в Москву

Дашук протянул администратору гостиницы наши паспорта и командировочные удостоверения.

– Ему одноместный, пожалуйста, – сказал он, указав на паспорт Ампилова, – а нам с коллегой, если можно, один двухместный. На нас там броня имеется.

– Чей это паспорт? – спросила администратор.

– Нашего профессора, – ответил Дашук. – Он на пару минут отлучился, сейчас подойдет. Просил без него оформить.

– Подойдет, тогда и будем оформлять. Мы не оформляем заочно, – сказала администратор, возвращая паспорт Ампилова.

– Да он сейчас будет. Пожалуйста, если можно, подготовьте его оформление, а он подойдет и сам все закончит, – попросил Дашук, обворожительно улыбаясь молодой администраторше. – А то он разозлится и нас тут со света сживет.

После непродолжительных пререканий администраторша оформила наше поселение и, так как у окошка кроме нас никого не было, подготовила и документы Ампилова. Получив ключ, я взял наши вещи и отправился поселиться, а Дашук остался в холле дожидаться прихода шефа.

Комната была солнечной и уютной. Я едва успел сложить в тумбочку предметы личного туалета, когда вошел Дашук.

– Пришел, наконец, шеф, – сказал он с улыбкой, снимая

пиджак. – С полной сумкой, уже что-то успел купить.

Дащук прямо в одежде упал на кровать. Заложив руки за голову и закрыв глаза, он сказал заунывным голосом:

– Веришь, Гена, я совершенно из сил выбился.

– Еще бы. После вчерашнего расписания всю ночь в поезде тряслись. Я, например, не спал ни минуты, – поддержал я его.

– Я тоже. В соседнем купе ехала какая-то пьяная компания, всю ночь бегали, орали, как сумасшедшие. Разве тут уснешь? Слышал, наверное? – спросил он, зевая.

– Как же, конечно слышал...

Резко зазвонил телефон, от чего я невольно вздрогнул.

– Это шеф. Уже ему нейдет, – сказал Дащук, принимая сидячее положение.

– Алло! – ответил я на звонок.

– Геннадий Алексеевич, – проскрипел из трубки голос Ампилова. – Виктор Иванович там?

– Да, сейчас дам трубку, – ответил я.

– Не нужно. Вы уже устроились?

– Вот, переодеваемся, – доложил я.

– Чудесно. Переодевайтесь скорее – и через пять минут оба ко мне в номер с карандашами и блокнотами, – сказал он тоном приказа.

– Валентин Аркадьевич, мы еще и умыться с дороги не успели, – попытался я возразить.

– Я тоже. Потом умоетесь. Тут надо с делами разобраться.

Мы ведь в командировку сюда приехали – работать, а не в дом отдыха, – резко ответил шеф и положил трубку.

– К себе через пять минут приглашает, – сказал я. – Так что переодевайся.

Через пять минут мы были у двери номера, где поселился Ампилов. Дащук несмело постучал.

– Войдите! – послышался из номера скрипучий голос шефа.

В комнате было, как на разоренной улице. На кровати лежал раскрытый портфель, из которого выглядывали папки, бумаги и старое застиранное махровое полотенце. Рядом в ужасающем беспорядке валялись брюки, пиджак, помятая рубашка и галстук. На столе были разбросаны бумаги, стоял телефон с треснутым корпусом, рядом с которым лежала хорошо нам знакомая ампиловская тетрадь для записи в красном переплете. Тетрадь была раскрыта, и из нее виднелись денежные купюры и какие-то истрепанные бумаги.

За столом на краешке стула в одних трусах сидел шеф и что-то писал на листке бумаги. Судя по тому, что в комнате стоял крепкий запах пота, было очевидно, что Ампилов не солгал, когда сказал по телефону, что тоже еще не умылся с дороги. Не прекращая писать, он локтем указал на свободные стулья:

– Садитесь, пожалуйста. Я мигом. Только запишу полученную сейчас по телефону информацию.

Мы сели, не зная, куда девать руки, так как на столе не бы-

ло ни кусочка свободного места. Закончив писать на клочке какой-то серой, как мне показалось, оберточной бумаги, он свернул его вчетверо и вложил в красную тетрадь, в которой также сделал какую-то запись. В это время зазвонил телефон. Ампилов снял трубку:

– Да. Да-да, Степан Лукич, это я. Когда Вы будете? Пропуск заказан? Отлично. Геннадий Алексеевич будет у Вас завтра в восемь ноль-ноль. Что? Почему рано? Нет, в десять – это слишком поздно. Мы ведь в Москве всего три дня будем, считая сегодня, а нам нужно еще столько организаций обойти! Когда Вы начинаете работать? В полдесятого? Почему так поздно? Любит поспать Москва-столица, ничего не скажешь! Значит, он у Вас к открытию будет. Спасибо. До свидания, Степан Лукич.

Ампилов положил трубку. Перебирая разложенные на столе бумаги, он кивнул в сторону телефонного аппарата:

– Профессор Клинов Степан Лукич. Мы должны у него кое-какие документы взять. Я вот ему книгу обещал – передадите, Гена, – он протянул мне сверток. – Возьмите, пока не забыл.

Я взял сверток и отодвинул несколько бумаг, чтобы освободить место на столе. Ампилов предостерегающе замахал рукой:

– Нет-нет! Пожалуйста, не делайте никаких перемещений, а то я тут после Вас ничего не найду.

Снова зазвонил телефон.

– Слушаю. Ты, Миша? Ты где сейчас? На работе? Скажи телефон, я тебе через час перезвоню. У меня тут сотрудники сидят. Отпущу их, тогда поговорим.

Ампиров положил трубку и сказал, словно оправдываясь:

– Это мой двоюродный брат. Ему уже жена на работу позвонила, что я в Москве. Видите, мне даже с братьями некогда повидаться. Если удастся перед отъездом пообщаться на вокзале с полчаса, то это хорошо.

Снова зазвонил телефон. Ампиров, чертыхнувшись, схватил трубку:

– Слушаю. Да, да! Так как насчет нашей просьбы? Не сможете? Вы же обещали! Зачем же было впустую обещания раздавать? А мы с коллегой с таким трудом время на командировку выкроили! Целую ночь в поезде тряслись, с трудом поселились в этой, с позволения сказать, гостинице, которая слова доброго не стоит. И вот те на! Я не думал, что Вы так безответственны. Так что же нам теперь делать, как Вы считаете?

Из трубки что-то кричали, но Ампиров так плотно прижал ее к уху, что у него перекосилось лицо. В конце концов, он прервал своего собеседника:

– Да ладно уж! Что нам «если бы»? В подобных случаях в Одессе говорят: «ели бы у моей бабушки были колеса, она бы работала трамваем»! Что ж, и на том спасибо. Будьте здоровы.

Ампиров швырнул трубку на аппарат.

– Пустослов! – сказал он в сердцах. – Москва уже вконец разложилась! Никто ничего не хочет делать!

Ампиров посмотрел на меня, потом на Дашуку, ища в наших глазах поддержки, и щелкнул пальцами возле уха:

– Так о чем это я с вами бишь?

– Чтобы я завтра утром бумаги у Клинова забрал, – подсказал я.

– Да-да, и чтобы книгу ему отдали. Ту, что у Вас в руках. С этим все ясно. Теперь вот вам бумаги с заданиями на эти дни. Все, что подчеркнуто, нужно сделать завтра.

Ампиров с минуту рылся в бумагах на столе и откопал, наконец, два листа, исписанных с двух сторон мелким убористым почерком. Приподняв очки, он повертел их перед глазами и протянул по очереди Дашуку и мне. Я посмотрел на тот, что достался мне, и присвистнул:

– Ну и ну! И это я должен успеть за два дня?

– Какие там два дня! Это все нужно сделать завтра. А то, что подчеркнуто – в первую очередь! – ответил Ампиров с возмущением.

– Валентин Аркадьевич, да столько организаций даже просто объехать за день невозможно! – возмутился я.

– Очень даже возможно. Возьмите карту Москвы, отметьте на ней места расположения организаций и разработайте оптимальные маршруты. Правильно спланируете – прекрасно успеете. Еще и останется время по магазинам пошастать. Так что хотите успеть что-нибудь купить для семьи – вам и

карты в руки. Чем скорее все обойдете, тем больше успеете посетить магазинов. Так что действуйте.

Он издевательски улыбнулся и обратился к Дащуку:

– А Вам, Витя, все ясно, я надеюсь?

– Оно, конечно, ясно. Но столько сделать за один день,

Валентин Аркадьевич, просто нереально, – ответил Дащук.

– Тем не менее, Витя, это надо сделать завтра. Вас, Гена, это тоже касается. На послезавтра у нас еще масса дел! Продумайте маршруты поездок из одной организации в другую так, чтобы было рационально. Карту и адреса вы уже имеете? Все. Идите. Мне, как видите, некогда. Ужинать будем вечером – здесь буфет до двенадцати. В одиннадцать вечера будьте у меня с маршрутными картами, расчетом времени и прочего. Распорядок работы и телефоны организаций я там привел. Это примерно. Там же написаны имена и отчества тех, к кому обращаться. Пока есть время, пожалуйста, уточните.

В это время в комнату без стука вошел человек в форме полковника.

– Здравствуйте, – поздоровался он с порога. – Валентин Аркадьевич, я готов, как договорились – время.

– Это мой сосед, – сказал Ампилов, – профессор военной радиотехнической академии полковник Седельников Павел Харитонович. А это – мои младшие коллеги – Виктор Иванович Дащук и Геннадий Алексеевич Очерет.

Словно не услышав его слов, полковник отчеканил:

– Валентин Аркадьевич, ну как, Вы готовы прикинуть маршрут?

– Все. Идите, работайте. До одиннадцати вечера! – поспешно выпроводил нас с Дащуком Ампиоров.

Мы вышли.

– Ну, шеф! – смеясь, сказал Дащук с восхищением, – телефон у него трещит уже вовсю! Куча бумаг на столе! Пишет, бушует, договаривается! И с этим полковником еще! Ну и деловой!

– Это и-бэ-дэ, – ответил я без какой бы то ни было тени восхищения и энтузиазма.

– Какое ибэдэ? – удивленно спросил Дащук.

– Аббревиатура от «имитация бурной деятельности». Много шума из ничего просто-напросто. Чтобы впечатление произвести. Мне кажется, они с полковником договорились пойти по театрам или по магазинам пошвицать. Либо и то, и другое. А всю работу – нужную и ненужную – он повесил на нас с тобой, – предположил я.

– Ну, ты как Андрей Нерубенко. Тот всегда в шефе только плохое видит. А шеф все же – моща!

– Землетрясение тоже моща! А от него только разрушения, – заключил я.

– Ты несправедлив, Гена. Пойдем, ополоснемся с дороги, перехватим, и за дело. А то клеит он нам по первое число.

– Ты как хочешь, а я выкладываться не собираюсь. Помоюсь, поем и отдохну. А эти планы, маршруты и прочее –

только для отвода глаз. Все равно на деле получится не так, как задумаешь. Такие подробные планы только для идиотов, чтобы все время заняты были.

– Он все равно спросит – скрипеть будет. Зачем это тебе? – не унимался Дащук.

– Сизифов труд мне тоже ни к чему. А скрипеть он все равно будет. Даже если я выполню все до единого пункты его задания, притом на пять с плюсом. Иди в душ, ополаскивайся первым. Я за тобой.

Было без пяти одиннадцать вечера, когда безмятежную тишину нашего номера нарушил резкий телефонный звонок. Дащук поднял трубку.

– Да. Сейчас будем.

Дащук спешно засобирился.

– Идем, Гена. Шеф ждет уже.

Ампиров по-прежнему сидел в своих «семейных» трусах и что-то писал. Не отрывая взгляда от блокнота, он указал авторучкой на стулья по обе стороны от него. Я сел слева и ощутил тошнотворный запах ампировского пота. «Так и не помылся», – подумал я.

– Маршрутки готовы? – спросил он, продолжая писать.

– Конечно, – ответил я.

Дащук молчал.

– Что говорить – продумали? Между собой обсуждали?

Мне больше не хотелось ему подыгрывать, и я молчал. После короткой паузы ответил Дащук:

– Обсуждали, Валентин Аркадьевич.

Опять молчание. Наконец Ампилов прекратил писать.

– Ну что, пойдем ужинать?

– Я уже поужинал, – ответил я.

– И я тоже, – добавил Дащук.

– А когда же вы работали? Это ведь надо час, как минимум, в очереди простоять. Или ехать куда-то – тоже не меньше часа времени! Когда же вы все успели?

Дащук замялся и укоризненно посмотрел на меня.

– Мы поужинали тем, что у нас осталось с дороги, – выручил я его.

– Так Виктор Иванович говорил, что он доел все подчистую еще в поезде. Верно, Витя?

– Зато я – не все. И еще до сих пор пара сосисок осталась.

– Да? Отлично – несите их сюда. Не хочется в буфет идти – время в очереди попусту терять. Да и поздновато уже.

Я принес ему остаток того, что мне дала в дорогу Галя. Ампилов тут же принялся жадно поглощать холодные сосиски и сухой хлеб.

– Так. Завтра в половине седьмого утра встречаемся в буфете. Он работает с шести ноль-ноль. Тогда еще раз поговорим о предстоящей работе. А сейчас уже идите. Я ужасно устал. Падаю на месте. Все, – сказал он, проглатывая последний кусок. – Спасибо за сосиски и спокойной ночи.

Ответив взаимным пожеланием, мы вышли.

– И на кой хрен он нас приглашал? – возмутился Дащук.

– Да просто так, чтобы мы не отдыхали и видели, как он работает, не покладая рук, – пояснил я.

– Но он же действительно так работает! Целый день просидел у стола, – восхитился Дащук.

– Да ладно, Витя! Мне, грешным делом, кажется, что он и выспался, и поел часов в шесть еще. Вот только помыться не догадался. Но это не от занятости, а от бескультирия, неряшливости. Его же совершенно не заботит, что от него воняет, как от старого козла. И спать, наверное, так и ляжет – вонючим.

– Отчего ты, Гена, такой злой? Только недостатки в нем видишь. Ни дать, ни взять – Нерубенко.

– Не злой, а говорю то, что есть. Время, когда я им восхищался, безвозвратно кануло в Лету.

Как и следовало ожидать, в шесть утра в нашем номере резко, настойчиво затрещонил телефон. Я уже не спал, но трубку поднимать не спешил. Дащук вскочил как ошпаренный, не успев досмотреть последний сон, и схватил трубку.

– Да, Валентин Аркадьевич! Встаем уже. Как договорились. До встречи.

Дащук посмотрел в мою сторону и, увидев, что я не сплю, пробурчал:

– Его уже лихорадит – в буфет нас торопит. А сам, небось, только глаза продрал.

– Наверное, только с кровати слез и даже пописать не сходил – спешит показать, как он работать торопится, – продол-

жил я его мысль, натягивая тренировочные брюки. – Весь уже в делах. Просто горит! Горит на работе!

Дащук взбил подушку и водрузил ее в изголовье аккуратно застланной кровати. Достав мыльницу и зубную щетку, он остановился посреди комнаты, криво улыбнувшись:

– Ну, Гена! Сарказм так и прет из тебя, когда речь заходит о шефе.

– Прости, но как я еще могу воспринимать эту показуху? У профессора она всюду сквозит, в кровь ему вошла, в мозги вросла. А для меня слишком уж унижительно понимать истинную картину и делать вид, что принимаю этот дешевый камуфляж за чистую монету.

– Почему показуху? Ты же знаешь, что он и в самом деле работу на первое место ставит, – возразил Дащук, регулируя температуру воды в кране.

– Ха! – возмутился я, хлопнув себя по бедру. – Зачем он тогда выставляет это напоказ? Если он искренне за работу болеет, мы это и так поймем. Не кретины ведь. Или он в самом деле считает нас крестинами? У меня, Витя именно такое впечатление. Убежден, что меня он считает полным идиотом. Вряд ли он осознает, что я нахожусь в безвыходном положении и только поэтому вынужден ему подыгрывать.

Пока Дащук умывался, я заправил постель, включил электробритву и начал бриться. Потом брился Дащук, а я умывался.

Через четверть часа мы уже были в буфете. Выстояв оче-

редь, которая заканчивалась в середине коридора, мы взяли по стакану кефира, по паре полуостывших сарделек и по куску черствой булки. Ампинова все еще не было. Он появился, когда мы уже дожевывали остатки завтрака. Подбежав к нашему столику, он поздоровался кивком головы и тут же принялся за сардельки.

– Немного неудобно перед Седельниковым получилось, – сказал он, не переставая жевать. – Я забыл вам сказать, чтобы вы и на его долю что-нибудь взяли. Теперь он вынужден в очереди стоять. И еще не известно, останется что-то в буфете или нет, когда он достоятся. А сардельки – совсем холодные. Надо было потребовать, чтоб их проварили как следует. Недоваренные могут и отравление вызвать.

Мы с Дащуком оставили эту реплику без ответа. Допивая кефир, Ампинов достал из кармана пару листков, вырванных из блокнота, и протянул каждому из нас:

– Возьмите. Это телефон моего брата. Там целый день кто-нибудь будет дома. О каждом выполненном задании сообщайте, пожалуйста, тому, кто подойдет. Они запишут. Я договорился. Только при этом не забудьте назваться и сказать, что это информация для Валентина Аркадьевича. Все. Собирайтесь – и за дело. А я тут кое о чем с Седельниковым поговорю – у меня на это еще пара минут есть. Встреча в семь тридцать вечера у меня в номере.

Вечером я еле дополз до нашего номера. Дащука еще не было. Я тут же разделся и отправился в душевую. Освежив-

шись, я лег на неразобранную кровать и с наслаждением закрыл глаза. Из состояния сладкой дремы меня вывел телефон. Перед этим я намеревался отключить его, зная, что Ампилов начнет трезвонить, как только появится в гостинице. Но теперь уже сожалеть было поздно, и я снял трубку.

– Геннадий Алексеевич, – раздраженно сказал Ампилов, – что же Вы, пришли и затаились? Почему мне не звоните?

– Мы договорились в половине восьмого у Вас в номере. А сейчас еще и семи нет, – спокойно ответил я, хотя внутри у меня все клокотало от негодования.

– А Вы вот раньше времени от работы самоустраились и прячетесь. Давайте срочно ко мне, – распорядился шеф.

– Что значит «самоустраились»? Да я целый день на ногах! Только вошел – в туалет еще не успел, – солгал я.

– Не городите чепухи! У меня есть информация, что Вы уже, как минимум, минут сорок в номере. Так что бегом ко мне.

Было отчетливо слышно, что Ампилов при этом жевал. «Кто же мог ему дать такую информацию? Седельников, не иначе. Ведь Дащука в гостинице пока что не было. Впрочем, шеф мог это выдумать на ходу».

– Валентин Аркадьевич, так Дащука ж еще нет, – ухватился я за последний аргумент.

– Виктор Иванович, в отличие от некоторых, только что позвонил мне из автомата. Будет с минуты на минуту. Зайдет прямо в мой номер. Так что скорее писяйте, если Вы этого

почему-то до сих пор не сделали, и через пять минут ко мне.

Ругнувшись заочно в адрес Ампилова, я взял свой блокнот, вложил в него авторучку и направился к шефу.

В номере Ампилова царил беспорядок, еще более ужасный, чем вчера. Постель была не застлана, на ней валялись какие-то свертки, бумаги, скоросшиватели, карандаши и даже пирожки в полиэтиленовом кулке. На столе, как и вчера, в беспорядке лежали бумаги, папки, тетради и газеты. А телефон все так же стоял на стопке каких-то документов. Примостившись скраю, Ампилов, как всегда, что-то торопливо писал.

– Садитесь, – сказал он, не переставая писать. – Я сейчас. Только вот, запишу кое-что. Посмотрите пока газеты. Потом скажете, что там интересного.

Я никогда не любил читать газеты. Чтобы быть в курсе текущих событий, мне с избытком хватало зарубежного радио и советского телевидения. Да и в принципе, что могло быть интересного в советских газетах? Кто какие посевные площади досрочно засеял? Кто уже трудится в счет будущего года? Или кто в ознаменование какой-то даты стал на производственную вахту с небывалым трудовым подъемом? Для виду я просмотрел одну газету, потом другую, третью и положил их на прежнее место. Было невыносимо сидеть сложа руки и ждать, когда же, наконец, их светлость профессор Ампилов окажут мне честь своим вниманием. Но выхода не было, приходилось терпеть.

Наконец, шеф закончил писать, тут же пододвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер по памяти. Вся кафедра удивлялась, как может шеф помнить столько телефонных номеров, фамилий, имен и отчеств. Даже в других городах.

– Алло! Добрый вечер, Аня. Да, это я. Для меня информация есть? Да. Диктуй. Так, записал. Дальше. Дальше. Хорошо. Да, да, я успеваю. Готово. И все? Так мало! А с моей просьбой как? Пока никак. А времени еще завтра – и все. У меня? Как может быть у меня? Вот, целый день по Москве бегаю – устал смертельно. А теперь еще и подчиненные ждут. Так. Потом позвоню, а то у меня тут человек сидит. Все. Спасибо, Аня. Пока!

Он пробежал глазами последнюю запись и поморщился.

– И это все, что вы за сегодня сделали? Ну и ну! Вы же и половины моего задания не выполнили! Вот, только что мне продиктовала жена моего брата всю информацию, которую вы ей за день сообщили. Хрен да хрен, да медный пряник! – возмутился Ампилов, скорчив невероятно пренебрежительную гримасу.

– Там еще не все. Я еще в двух местах был. Просто не смог сообщить по Вашему телефону, – оправдывался я, протягивая шефу картонную папку.

– А почему Вы на наш дежурный телефон не сбросили? Но все равно очень и очень мало! Да вы знаете, сколько я успел? Раза в три больше вашего. Так сколько вам лет и сколько мне? – брюзжал Ампилов.

– Последнюю информацию сбросить было неоткуда. Автомата поблизости не было, а бегать искать – слишком накладно во времени, Валентин Аркадьевич. Да и все равно ведь Вы только сейчас эту информацию получили, – подъял я шефа.

– Как это только сейчас? – возмутился шеф. – Да я откуда только мог целый день туда названивал и нервничал, что работа практически на месте стоит! Видите, я даже родственников исключительно за «спасибо» задействовал, чтобы ускорить здесь работу, а вы все на пшик переводите!

«Вот уж нет! – подумал я про себя. – При последнем моем сообщении эта дама сказала, что с нашими звонками ей ни дела, ни работы. Валентин, мол, по Москве разгуливает, а ей вот, изволь радоваться, у телефона сиди. Сам же за весь день ни единого разу не позвонил, чтобы поинтересоваться. Видимо, ему так это все нужно». Но сказать об этом вслух я все же не решился. Во-первых, не хотелось женщину подставлять, а во-вторых, жаль было своих нервов, да и времени на перебранку.

– Вот по магазинам Вы, наверное, план перевыполнили, – не унимался Ампиров. – Верно? А мы сюда, Геннадий Алексеевич, работать приехали, а не отовариваться!

В дверь постучали.

– Это Виктор Иванович, – встрепенулся шеф и крикнул: – Да! Войдите!

Дашук, войдя в номер, тщательно вытер у порога ноги и,

не дожидаясь приглашения, устало опустился на свободный стул. Поставив на колени битком набитый портфель, он молча открыл его, извлек папку из серого третьесортного картона и протянул Ампинову:

– Валентин Аркадьевич, здесь все, что мне удалось сделать.

– Если честно, то также маловато. Но все же больше, чем Геннадий Алексеевич сделал. У нас остается только завтрашний день, – буркнул шеф, просматривая содержимое папки. – Давайте теперь подождем бабки. Что сделано за сегодня и что в каком порядке нужно во что бы то ни стало сделать завтра. Потом, наконец, поужинаем. Кстати, у меня это будет ужин, совмещенный с обедом. После так называемого завтрака в нашем буфете, у меня до сих пор макового зернышка во рту не было.

«Бессовестно врет, – подумал я. – Уже, видимо, забыл, что говорил со мной по телефону с набитым ртом».

– Геннадий Алексеевич, докладывайте, что Вы успели сделать сегодня и как вы рассчитываете при ваших темпах успеть все остальное завтра, – сказал Ампинов, напустив на себя деловой вид.

Неожиданно открылась дверь, и без стука вошел Седельников, хмурый, как грозовая туча. Не обратив ни малейшего внимания на наше с Дащуком присутствие, он с порога обратился к Ампинову:

– Ну как, Валентин Аркадьевич? Нашли? У меня – совер-

шенно ничего. Абсолютный нуль. Дупель пусто. Обошел...

Ампиров поспешно прервал его на полуслове:

– Так! Павел Харитонович... Сейчас расскажу.

Он тут же обратился к нам с Дашуком:

– Виктор Иванович и Геннадий Алексеевич, вы свободны.

Идите ужинать, отдохайте, пройдитесь по магазинам, если нужно, а встретимся завтра утром в буфете в то же время. Не забудьте только, как сегодня, занять очередь и на Павла Харитоновича. Все. До встречи!

Выйдя в коридор, мы с Дашуком переглянулись и рассмеялись.

– Дает наш шеф! – сказал Дашук, надавливая на кнопку вызова лифта. – «Работать, работать», а пришел этот полковник, и сразу «вы свободны»! Как видно, договорились выпить, а Седельников с опережением явился. Что-то у них, очевидно, не выгорело.

– Ну вот, а ты говорил, что мой сарказм – это зло, – упрекнул я его.

– Не передергивай, Гена. Я не так говорил, возразил Дашук. Что-то лифта не слышно. Пойдем пешком, не высоко ведь.

– Пойдем. Как-то в больнице я видел надпись: «Лифт здоровья не прибавляет, а лестница лечит», – ответил я, направляясь к лестничной клетке. – Да ничего я не передергиваю. Но давай, Витя, прекратим. А то еще разругаемся. Не много ли для него чести?

– Зачем ругаться? Можно и так спокойно, непредвзято поговорить. У шефа ведь тоже свои личные дела есть. Что же он, не человек, что ли?

– Вот именно, человек, – подчеркнул я. – Но почему он не хочет понимать, что и мы... прости, за тебя не стану расписываться. Что и я – тоже человек. Будь же ты хоть немного объективен. Он специально дает задание в заведомо невыполнимом объеме, чтобы потом было за что полоскать меня в помоях. Прямо-таки по Пушкину: «закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь, а требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь». Помнишь? И специально стремится сделать так, чтобы я не смог ничего домой привезти. Хождением по магазинам корит, времени на это не оставляет. А сам уже целый ворох барахла закупил. Видел сколько свертков возле тумбочки лежит? Да и зачем он для чисто курьерской командировки использует именно нас с тобой – двух ведущих преподавателей кафедры? С этой работой вполне могли бы справиться мальчишки или девочки – лаборанты или препараты. Где же его пресловутый рационализм? Просто гнусно говорить об этом.

– Ну, это он в силу особенностей своего характера. У всех недостатки есть. Ты, что ли, безгрешен? У каждого свои заскоки. Если ты хочешь от кого-то снисходительности к своим недостаткам, будь снисходителен к недостаткам других, – продолжал стоять на своем Дашук. – Ведь шеф, по сути, в интегральном смысле, конечно, хороший мужик.

– Я-то раньше был к его слабостям очень даже снисходителен. Но он делал мне все только «в пику», как говорит Шорина. Кстати, ты сейчас шоринщину несешь, – укорил я его.

– Да можешь ты, в конце-то концов, быть выше этого? – спросил Дащук и обаятельно улыбнулся.

– Опять шоринщина! Хотя ты все прекрасно понимаешь. Видишь ли, Витя, я сам часто думаю о человеческой психологии и все меньше понимаю людей. Большинство из них живет не в реальном мире, а в какой-то ужасной пьесе, к тому же поставленной по их собственному сценарию и режиссуре, где действуют не живые люди, а какие-то мерзкие, уродливые персонажи, придуманные ими самими. И ничего нельзя предпринять, чтобы что-то изменить. Если хотят в тебе видеть негодяя, то ты хоть в блин разбейся, хорошего в тебе не увидят. При этом отклонения в противоположную – хорошую сторону, мне кажется, не встречаются или встречаются чрезвычайно редко – я не видел. А в реальном мире живут единицы. И ты, мне кажется, принадлежишь именно к этому меньшинству. А вот шеф – ярчайший представитель упомянутой категории. Любит делать прогнозы, и, если они потом не оправдываются, пытается подогнать под них действительность, – сказал я, отпирая дверь в номер.

Дащук поставил на стул свой портфель и в изнеможении сел на кровать. Я сделал то же самое. Пару минут мы сидели молча. Потом я предложил:

– Иди, Витя, в душ. Я уже помылся, еще когда ты из ка-

кого-то автомата звонил профессору в номер. Потом не худо бы чего-нибудь купить на ужин, – предложил я.

Дащук, выйдя из минутного оцепенения, сбросил с себя пыльную одежду и направился в душевую. Пока он смывал с себя дневной пот и усталость, я успел немного придремнуть.

– Ну как, Гена, пойдем беззаботно прошвырнемся по Москве? Все же нам повезло благодаря этому Седельникову – шеф дал свободу на целый вечер! – радовался Дащук.

– Да, пожалуй, – поддержал я его предложение и, встав с кровати, начал не спеша одеваться.

Как распорядился Ампилов, в половине седьмого утра мы с Дащуком уже стояли в очереди в буфете. Когда наша очередь подошла, ни Ампилова, ни его приятеля Седельникова там еще не было. Мы взяли на каждого по паре сарделек, по стакану пойла, которое в меню именовалось чаем, и по булке такой степени черствости, что ими можно было забивать гвозди. Покончив с утренней трапезой, мы стали ждать прихода Ампилова с Седельниковым.

Время шло, сардельки и так называемый чай остыли до комнатной температуры, а профессора все не появлялись.

– Может быть, их нужно пойти разбудить? – спросил я Дащука, который от скуки алюминиевой вилкой чертил на бумажной салфетке причудливые линии.

– Имей терпение, Гена. Сейчас придут. Вчера, наверное, хильнули прилично, вот и заспались, – буркнул в ответ Дащук, не прерывая своего занятия.

Скучая, я принялся рассматривать суетившихся вокруг посетителей. Минут через пятнадцать мои наблюдения прервал подбежавший к нам Ампиоров:

– Доброе утро. Вы нам с Седельниковым взяли чего-нибудь?

– Здравствуйте, Валентин Аркадьевич. Взяли, – сказал я, – только все уже давным-давно остыло.

– Спасибо. Я с вами потом рассчитаюсь. Остыло – это не беда. Сейчас попросим подогреть. Седельникова все равно пока нет, – успокоил меня шеф.

Взявши тарелку с сардельками, он пошел договариваться с буфетчицей. Та сначала возражала, ссылаясь на длинную очередь, но через пять минут препирательств она все же сдалась и бросила сардельки в кипяток. Довольный успехом, Ампиоров снова подсел к нам. Я отчетливо уловил исходивший от него запах вчерашнего коньячного перегара.

– А вот и Павел Харитонович, – с насмешливой улыбкой сказал шеф.

Седельников молча подошел к нашему столу и опустился на стул, не поздоровавшись ни со мной, ни с Дашуком.

– Гена, – обратился ко мне Ампиоров, – если Вам не составит труда, принесите, пожалуйста, сардельки. Уже разогрелись, наверное.

Меня захлестнула волна внутреннего протеста и возмущения. Не двигаясь с места, я посмотрел Ампиорову в глаза. Как видно, мой взгляд был преисполнен негодования, ибо

Дашук наступил мне на ногу и тихо толкнул меня локтем – молчи, мол. Я встал и, стараясь держаться с подчеркнутым достоинством, принес тарелку с сардельками, над которыми поднимались струйки пара, и небрежно поставил ее на середину стола.

– Садитесь, Гена, – спокойно предложил Ампилов. – Чего Вы стоите?

Я сел и откинулся на спинку стула. В очередной раз я понял, что перед Ампиловым такие демонстрации гроша ломанного не стоят – с него, как с гуся вода.

Профессора со вкусом уплетали горячие сардельки, заедая черствущей булкой. Седельников при этом заметно чавкал и даже, как мне показалось, похрюкивал. От него явно разило коньяком. «Грамм сто пятьдесят на похмелье тяпнул», – отметил я про себя.

– Гена, Вы составили список работ на сегодня в приоритетном порядке? – спросил Ампилов.

– Как я могу оценить Ваши приоритеты, Валентин Аркадьевич? – искренне удивился я.

– В Вашем задании я с самого начала все пункты расставил в порядке важности. Ни в коем случае его не изменяйте. Не знаю, правда, как Вы все успеете при ваших темпах и отношении к делу, – сказал шеф, дожевывая последний кусок булки.

– Все, что Вы записали, Валентин Аркадьевич, успеть невозможно в принципе, – спокойно констатировал я.

– Как это невозможно?! Если работать, то возможно. А если с самого начала подходить с прохладцей, как это делаете Вы, то все будет обречено на провал, – возмутился Ампилов.

– Валентин Аркадьевич. Давайте спокойно рассмотрим ситуацию. В выданном Вами списке в среднем получается, что мне необходимо посетить четырнадцать-пятнадцать организаций в день. Если учесть, что мы в Москве, где только на переезд из одной организации в другую в среднем уходит не меньше получаса, то на одни лишь разъезды нужно потратить более семи часов в день. А когда дела делать? А перерывы на обед? Всякого рода ожидания? Отсутствие нужных людей на месте? А силы откуда взять? – спокойно возразил я.

– Да прекратите Вы эту демагогию! Нужно побыстрее поворачиваться да меньше по магазинам бегать – Вы не для этого сюда приехали. Надо было маршруты рационализировать, – негодовал шеф.

– Тогда как быть с приоритетами? – спокойно спросил я.

Припертый к стенке, Ампилов стукнул по столу пустым стаканом.

– Достаточно! Я считал Вас порядочным человеком, а Вы не только саботируете, но еще и меня на слове ловите! Идите, работайте! На кафедре разберемся, что к чему! – выкрикнул Ампилов так, что все посетители посмотрели в нашу сторону.

Я поднялся из-за стола, а Дашук продолжал сидеть на месте.

– Витя, Вы тоже идите работать. Мой билет пусть остается у Вас, документы тоже. Встретимся вечером, перед отъездом. Не забудьте передать от меня устный привет Федосову! – крикнул он вслед.

Весь день я, высунувши язык, мотался по организациям, собирал подписи, передавал папки, бумаги, письма, детали и прочую дребедень. Вечером, не успев, естественно, и наполовину выполнить ампиrowsкое задание, я вернулся в номер совершенно без сил. Дащук был уже там. Он раскладывал по сумкам покупки и, казалось, даже не заметил моего появления.

– Привет, Витя. Ну что, успеем чего-нибудь перехватить до отъезда? – спросил я, направляясь в душевую.

– Надо бы, – буркнул Дащук, любуясь новоприобретенной безопасной бритвой. – Классная вещь – «жилет»! У меня есть копченая грудинка, колбаса, батон. Так что перегрызем.

– А у меня – сыр, мясные консервы и еще тут кое-что. Вот, возьми. Ты готовь, а я немного ополоснусь.

Мы наскоро поужинали и упаковали все свое нехитрое командировочное имущество. Времени оставалось в обрез. Дащук позвонил в номер Ампиrowa, но его телефон не отвечал. Он набрал номер Седельникова.

– Павел Харитонович, это Дащук говорит, сотрудник Валентина Аркадьевича. Вы не знаете, где он? Сдаете номер? Да, уже время. А он не говорил, когда придет? Плохо. Тогда

надо поспешить. Спасибо, Павел Харитонович. До встречи в поезде.

– Гена, надо сдать номер шефа, а то он еще, чего доброго, опоздает, – удрученно сказал Дащук. – И на кой черт я согласился взять его билет и документы! Теперь он, наверное, придет прямо на вокзал – к отходу поезда!

Мы спустились вниз и сдали свой номер. Дащук попросил администратора, чтобы разрешила нам рассчитаться за Ампинова. Мы ожидали возражений и препирательств, но к нашему удивлению, она сказала, что он оставил ей записку с просьбой принять за него от нас расчет.

Мы незамедлительно взяли ключ, поднялись в номер шефа и стали наскоро паковать его вещи, разбросанные в неопишемом хаосе. Кое-что пришлось сунуть в дащуковские сумки, кое-что в мои, так как сумки Ампинова не смогли вместить всего этого гормыдера.

Наконец, мы прибыли на вокзал. Поезд уже стоял на платформе, и посадка шла полным ходом. Мы разместили свои вещи и вышли на платформу.

– Ты, Гена, высматривай шефа со стороны головы поезда, а я буду с хвоста. Может быть, он и номера вагона не удосужился запомнить, – сказал, Дащук, прикуривая сигарету.

Его движения были резкими и некоординированными – чувствовалось, что он нервничает.

– А если шеф опоздает, что тогда будем делать? – спросил я.

– Да хрен его знает! Хоть сам оставайся! Не бросишь же его в чужом городе одного, да еще и без документов, – рассуждал Дащук.

– У него здесь братья с семьями, да и деньги в кармане есть, – возразил я.

– Кто его знает, что он сегодня еще купил? Быть может, у него уже и денег не осталось, – парировал Дащук.

– Братья не дадут пропасть, ежели что, – ответил я ему в тон.

В это время к нам подошел Седельников.

– Что, вашего шефа все еще нет? – спросил он, отчаянно разя коньяком.

– Нет, как видите, – нервно бросил Дащук. – Где можно пропадать столько времени? Всего пять минут до отхода поезда остается!

– Ну, значит, дела у человека, – важно отвечивал Седельников. – Он же профессор. А у профессора всегда хлопот полон рот.

Седельников посмотрел на часы и прищелкнул языком:

– Да! Пять минут! У меня третья купе. Если Валентин Аркадьевич успеет, пусть зайдет. Я жду его. Что ж, я пошел на свое место.

Я тоже вознамерился, было, подняться в вагон, когда увидел Ампинова, тяжело взбиравшегося по ступенькам подземного перехода с двумя огромными свертками в руках.

– Витя, вон он идет! Пошли, поможем ему нести, а то не

доползет, – предложил я и кинулся вниз по ступенькам.

Дащук устремился за мной, и мы, подхватив и шефа, и его тяжеленные пакеты, бегом устремились к вагону. В тот момент, когда мы начали подталкивать шефа на ступеньки, поезд тронулся. Тогда в тамбур проскочил Дащук и стал тянуть шефа за руку, стремясь как можно скорее освободить мне место на подножке. А шеф, остановившись на ступеньках, обернулся назад, с беспокойством крича:

– Пакеты! Мои пакеты!

– Да здесь ваши пакеты, – крикнул я, несясь по платформе за вагоном. – Место! Место освободите! Да поднимитесь же, наконец, Валентин Аркадьевич!

В конце концов, Дащуку удалось-таки втолкнуть шефа в тамбур, и я, с трудом швырнув ему вслед тяжеленные пакеты, уцепился за поручень и влез, наконец, в вагон.

Пыхтя, мы вошли в купе и присели, чтобы перевести дух.

– Вы мои вещи из номера забрали? – едва отдышавшись, спросил Ампилов.

– Забрали, Валентин Аркадьевич, – сказал Дащук. – И с администратором рассчитались. Все часть по чести.

– Спасибо, Витя. Давайте мне сразу документы, пока я не забыл. Подсчитайте, сколько я Вам должен за завтраки и прочее, – сказал Ампилов, доставая портмоне.

Пока они рассчитывались, я сидел и думал, а почему Ампилов благодарит одного Дащука? Я же для него не меньше сделал. Вряд ли он этого не заметил. Нет, он просто так ни-

чего не делает. Что же он хочет этим показать?

Резко отодвинув дверь, в купе вошел Седельников, распространяя коньячный дух.

– Успели, Валентин Аркадьевич?! – спросил он несколько громче, чем было необходимо.

– Еле-еле душа в теле, – ответил Ампилов, утирая с лица пот носовым платком.

Взгляд Седельникова упал на ампиловские пакеты. Упаковочная бумага на них в некоторых местах прорвалась, и из образовавшихся дыр виднелась шелковистая ткань, отливавшая серебристым блеском.

– Достали! Ура! Значит, мы с Вами не зря ездили! – радостно воскликнул Седельников.

– Вы знаете, Павел Харитонович, последние взял! На Вас уже, простите, не хватило, – сказал Ампилов, едко улыбаясь.

– Как! Как это, на меня не хватило?! – возмутился Седельников. – Да ведь это же я рассказал Вам об этих светоотражающих шторах! Я раздобыл и дал Вам все сведения о том, где их можно в Москве найти! Мы специально придумали эту командировку! Три дня болтались по Москве, ни хера не деляя, поделив места поиска! А теперь Вы себе купили, а меня с носом оставили?! Ну, знаете!

Он круто развернулся и вышел из купе, с шумом задвинув дверь.

– Не обращайтесь внимания, – сказал Ампилов, скроив пренебрежительную гримасу. – Он явно не в себе. Как видно,

коньяка перебрал. Черт-те что несет! Ума не приложу, о чем это он?

Юлий Гарбузов

22 февраля 2006 года, среда

Харьков, Украина

42. Провод «МГШВ»

– Гена, – окликнул меня сзади радостно улыбающийся Ампилов, когда я подходил к двери своей рабочей комнаты. – Вы уже видели нашу новую красавицу?

Шеф никогда не восторгался женской красотой, и красивые женщины никогда не вызвали у него ни малейших симпатий. Скорее наоборот, к красавицам он относился с подчеркнутым пренебрежением и даже с презрением. Как видно, комплексовал из-за того, что они для него были недостижимы, как звезды на небе. И вдруг – такие эмоции. Ну и ну!

– Какую красавицу, Валентин Аркадьевич? – удивился я столь необычному вопросу.

– Как? Разве Вы не знаете? Сегодня мы получили «Наири-2» – в лаборатории распространения радиоволн стоит! Не распакованная еще.

– Ах, вот какую! Нет, Валентин Аркадьевич, не видел. Две пары лекций только-только отчитал. Сейчас пойду посмотрю. А я-то уж подумал, что Вы новую красивую сотрудницу на работу взяли. Здравствуйте, во-первых.

– Здравствуйте, Гена. Простите, на радостях забыл поздравиться. Ну, Вы, как всегда, не о том! Голодной куме – хлеб на уме. Но это – лирика. А я о земном, о самом насущном. «Наири» мы там и установим, в той самой лаборатории – на учебном процессе. Так надо. Но считать на ней будем в

первую очередь, конечно же, научные задачи. Так что готовые материалы для расчетов и подумайте, что на ней можно сделать для проведения занятий по читаемым Вами курсам. А то на вычислительный центр заберут. Только под учебу нам ее и разрешили пока на кафедре держать. Эти деятели с факультетов вычислительной техники и систем управления на нее уже зубы точили. И продолжают зариться. Слишком жирно, говорят, для одной кафедры такую машину держать. Им, мол, она тоже как воздух нужна. А нам с Вами потом что, на поклон к ним ходить? Отдай жену дяде, а сам иди к тете?

– Так ее же военные заказчики по условию договора поставили именно нам! Для решения задач по их заказам, – возмутился я.

Ампиров раздраженно махнул рукой:

– Да это, Гена, никого не интересует в принципе. Она же в институт прибыла, и все. Здесь закон джунглей – кто сильнее, тот и верх берет. За все нужно драться. Джентльменство тут не проходит, до нитки обберут. Вот смонтируют ее, так к тому времени нужно им фронт наших вычислительных работ предъявить. И в основном для учебы, а то будут заставлять нас пускать сюда всякий сброд с других кафедр и лабораторий. Сиди тут потом над ними сторожем. Доверять посторонним ни помещение, ни, тем более, машину, ни в коем случае нельзя – Вы это не хуже меня знаете. На хрена это нам нужно! Журнал надо будет завести и хотя бы формаль-

но туда заявки записывать. За пару недель нам ее установят, так что к тому времени заявки на машинное время должны быть уже расписаны. Как минимум, на месяц вперед. Что-нибудь. Можно любую липу. Лишь бы у нас было, что им под нос ткнуть.

Из конструкторской с пухлой папкой подмышкой вышла Вера Терентьевна Жнец – технический секретарь лаборатории – и направилась в секретарскую, откуда доносился стрекот пишущей машинки.

– Вера Терентьевна! – окликнул ее Ампилов.

Она оглянулась и, постояв пару секунд на месте, направилась к нам.

– Слушаю Вас, Валентин Аркадьевич, – сказала она, застенчиво улыбаясь.

– Вера Терентьевна, нам надо срочно сделать журнал учета вычислительных работ на нашей новой э-вэ-эм «Найри-2». Только что в учебную лабораторию – на втором этаже – доставили. Пожалуйста, заполните требование на общую тетрадь и получите у кладовщицы. У нее есть бланк с моей подписью. Как разграфить и подписать, Вам скажет Геннадий Алексеевич. Но Бога ради, делайте все только так, как скажет он. Никакой отсебятины.

– Да что же я, девочка, что ли? Я прекрасно знаю, как делаются...

– Никаких «прекрасно знаю». Делайте, как Вам сказано. Мне известно, как Вы документы печатаете. Самовольно

правите рукописи наших преподавателей и научных сотрудников!

– Да я же там кучу ошибок устраняю, – возмутилась она. – Мне-то что? Могу печатать и так, как дают. Но потом ведь будет стыдно и Вам, и им. И мне тоже. Вот когда я работала секретарем начальника областной милиции...

– Вера Терентьевна, сейчас вы не в милиции. Милиционеры, очевидно, были еще даже менее грамотны, чем Вы. А здесь Вы имеете дело с людьми, до которых Вам по грамотности, как до Шанхая! Это после вашего печатания стыдно читать! Вон, у Геннадия Алексеевича, Вы думаете, почему на голове волосы повыпадали? – с сарказмом спросил Ампилов.

– Но если в их рукописях предложение без подлежащего? Что же мне...

– Вера Терентьевна! Чтобы с Вами говорить, нужно горюху объесться! – распаялся Ампилов. – Если без подлежащего, значит, там не нужно подлежащего! Не вашего ума это дело! Печатайте, как Вам дают. Если что не так, за это не Вы в ответе! Вам понятно? Все. Геннадий Алексеевич, сегодня в конце дня дайте, пожалуйста, Вере Терентьевне текст для титульного листа журнала и образец, как разграфить – на двойном тетрадном листке. И непременно все в масштабе один к одному, чтобы потом всякую свистопляску к минимуму свести. Все, Вера Терентьевна. Идите, работайте. И в строгом соответствии с моими указаниями!

Ампиров обернулся ко мне, отвернувшись от Веры Терентьевны, тем самым показывая, что с нею дискуссия окончена. Я уже собрался, было, откланяться, чтобы идти на свое рабочее место. Но Ампиров, будучи в состоянии душевного подъема, решил продолжить прерванный разговор:

– В общем, Геннадий Алексеевич, теперь мы с вычислительной техникой. Будем...

Внезапно он как-то странно посмотрел вниз, деловито поправил на носу очки и, сопя как паровоз, поднял с пола обрывок голубого монтажного провода длиной сантиметров пятнадцать-двадцать, не более.

– Вы видите, Гена, какой у нас бардак?! Драгоценнейший провод «МГШВ» на полу как мусор валяется! Ну как это, по-вашему, называется?! – с неподдельным возмущением высказался шеф в свойственной ему манере.

Несколько удивленный его столь бурным возмущением по поводу такого, как мне казалось, пустяка, я пожал плечами и высказал свое мнение на этот счет:

– Мы работаем с этим проводом, Валентин Аркадьевич, вот и валяется. В лаборатории Таранца пол в масляных пятнах – они с трансформаторным маслом работают...

– Бросьте, Гена! Так можно дойти до того, что мы с Вами будем пешком ходить по транзисторам, которые по двести рублей стоят! Где Кондаков?

Не сговариваясь, мы вошли в астрономическую лабораторию, где за осциллографом в новеньком, безукоризненно от-

утоженном сатиновом халате ярко синего цвета сидел наш бородач Кондаков. Из-под халата сверкала ослепительной белизной обильно накрахмаленная сорочка, а очки в тонкой металлической оправе под платину подчеркивали его строгую аристократичность.

– Володя! Срочно собирайте профсоюзное собрание! Пора кончать это безобразие! – с порога бесцеремонно обрушился на него шеф.

Зная Ампилова, что называется, как облупленного, Кондаков пригладил свою пышную кудрявую с рыжинкой бороду и, не отрываясь от осциллографа, спокойно спросил:

– Что случилось, Валентин Аркадьевич?

– Вот! Полюбуйтесь! – Ампилов протянул ему только что подобранный трофей.

Кондаков, не оборачиваясь в сторону шефа, взял со штатива паяльник, и, как бы между прочим, скосил глаза на провод в руке Ампилова, а потом привычным движением ткнул паяльником в канифоль. Канифоль зашипела, и над володиной головой поднялись клубы сизого дыма, распространяя запах, напоминающий аромат ладана.

– Ну? – сказал шеф, отгоняя от себя рукой облако канифольного дыма.

– Что, «ну», Валентин Аркадьевич? – невозмутимо спросил Кондаков с иронической улыбкой.

– Володя, не ерничайте! Мы не на цирковом представлении. Это монтажный провод! «МГШВ»!

– Верно, кусочек провода «МГШВ», так что? – спокойно спросил Кондаков.

– Как это – что? Как это – что?! – все сильнее заводился Ампилов. – Идем мы только что с Геннадием Алексеевичем по коридору нашей лаборатории, а под ногами этот кусок провода валяется! Еще месяц тому назад я ломал голову, где бы достать такого провода для наших с вами монтажных работ! Чтобы вам сейчас было чем работать. А теперь вот, пожалуйста – топчемся по нему, как по мусору! Сегодня густо, а завтра пусто!

– Валентин Аркадьевич, обычный случай. Кто-то отрезал лишний кончик, ну, потерял потом. Тут и говорить не о чем, а Вы – сразу собрание, останавливать работу целой лаборатории, выяснять, кто это сделал да зачем. Тут сроки поджимают, сами же вчера на «хурале» втолковывали, что времени в обрез. А мы будем мелочиться – устраивать выволочки. Успокойтесь, пожалуйста, и давайте работать. Зачем нам, как Вы говорите, терять драгоценное рабочее время? – спросил Кондаков, вешая на контакт солидную каплю припоя. Он опять погрузил паяльник в канифоль, и снова от него с шипением повалили клубы сизого дыма.

– Какое рабочее время? Через сорок минут перерыв! Нужно успеть оповестить людей, а то сейчас разбегутся по буфетам, по столовым, по курилкам, по туалетам, по углам прячутся!

– Я не вижу прецедента для срочного проведения проф-

союзного собрания. Не буду собирать, – отрезал Кондаков.

Голос Кондакова был абсолютно спокоен. Он методично продолжал работать, как будто шефа здесь и вовсе не было.

– Владимир Александрович! В обеденный перерыв соберите профсобрание! – все сильнее горячился Ампилов.

– Я же сказал, и не подумаю. В конце концов, кто профорг, я или Вы?

– Прекратите это издевательство! Хватит дурачку валять! Вы, как профорг, обязаны мне помогать! А Вы саботируете! Так Вы отказываетесь собирать собрание?

– Отказываюсь, – спокойно, но твердо ответил Кондаков, глядя на экран осциллографа, на котором весело плясали замысловатые кривые. – Нельзя оставлять людей без обеденного перерыва. Дело профсоюза – охранять здоровье трудящихся, а не вынуждать их голодать на профсоюзных собраниях, тем более из-за какого-то совершенно ничего не стоящего обрывка провода.

– Ничего не стоящего, говорите?! Вот это я как раз и собираюсь разъяснить и вам, и всем остальным. Тогда я объявляю в обеденный перерыв производственное собрание! – мгновенно сориентировался Ампилов.

– А я, как профорг, категорически возражаю, – невозмутимо парировал Кондаков.

– Что? Это что еще за грубости?! – взбеленился шеф.

– Это не грубости. Это наши законы. Производственные вопросы Вы обязаны решать в рабочее время, Валентин Ар-

кадьевич. В перерыв люди пойдут обедать. Это их законное право, которое должен защищать профсоюз, – упорно стоял на своем Кондаков.

– Вот! Это просто издевательство над заведующим кафедрой! Вместо того чтобы помогать мне, вы пособничаете бездельникам и разгильдиям, разбрасывающим по коридорам дорогостоящие материалы, которые так трудно выбиваются через Минобороны! Разлагаете коллектив! В таком случае я назначаю собрание ровно на двенадцать сорок пять – сразу после перерыва! – вскричал Ампилов.

Я заметил, что у него дрожат руки. Да, силен Володя Кондаков. Настоящий профсоюзный деятель – ничего не скажешь. На самого шефа так попер!

– Это Ваше право, – резюмировал Володя. – Но я предлагаю работать, а Ваш вопрос решить в рабочем порядке.

– Как же! В рабочем порядке! Знать бы, кто это бросил, я б ему прописал ижицу с твердым знаком! И к Вам бы за поддержкой не обращался! Впрочем, от Вас поддержки – аж ноль! Только бороду носить умеете! Вот, я даже оповещать людей должен самолично! Помочь некому! Зато мешать – есть кому! У заведующего кафедрой больше всех времени! Его на все хватает! И так ежедневно с утра до вечера! Все! Эту комнату я предупредил! Пойду дальше! Гена! Предупредите все комнаты на той стороне, а я – на этой! Времени нет! Пошли!

Ампилов стоял в расширителе у стола, временно изъятого

у вахтера, и ждал, пока сотрудники принесут из своих комнат стулья и усядутся. Напротив него у журнального столика с недовольной гримасой на худощавом лице сидел Будник и что-то записывал в толстую коричневую тетрадь, время от времени щелкая на калькуляторе.

– Так, все собрались? – осведомился Ампилов, кладя на стол свою основательно потертую папку и злополучный кусок провода.

– Нет, еще Степанов и Сольман не пришли с обеда, – сказал Гайдук.

– Вот! Разложение у нас уже достигло такой стадии, когда даже ведущие сотрудники – наши маяки – не то, что не торопятся решать насущные рабочие проблемы, а еще и с обеда опаздывают! Трудовая дисциплина на нулевой отметке, – возмутился шеф.

– Обеденный перерыв пока не кончился, – посмотрев на часы, заметил Кондаков. – Три минуты еще, даже чуть больше.

– А с Вами, Владимир Александрович, нам еще предстоит отдельный, до-о-о-лгий разговор, – протянул Ампилов.

– Должен ли я это расценивать, как угрозу? – спросил Кондаков, чуть приподняв левую бровь.

– Нет, это предложение подумать о перспективах нашего с Вами дальнейшего сотрудничества!

Вошли Степанов и Сольман и направились за стульями. Сольман поставил стул во втором ряду, сел и принялся ко-

вырять в зубах.

– Станислав Алексеевич, хватит ковырять в зубах! Начи-
наем производственное совещание. На повестке дня един-
ственный вопрос – отношение сотрудников всех рангов к
имуществу и рабочим материалам лаборатории... – делови-
то затараторил Ампилов, эмоционально жестикулируя.

Он, несомненно, пребывал в состоянии особого вдохно-
вения, потому что его несло, как никогда. Он говорил о том,
что государство платит нам деньги из расчета, что мы будем
добросовестно трудиться на благо советской науки, а мы не
только не отработываем той зарплаты, которую нам так ис-
правно и щедро платят, а еще и наносим ему прямой вред.

Присутствующие равнодушно слушали Ампилова, тихо
переговариваясь между собой и порой откровенно посме-
иваясь. Все хорошо знали, как он стремится использовать
любую мелочь, даже самую незначительную, чтобы подчерк-
нуть, как он рьяно болеет за работу, за кафедральное имуще-
ство, что терпеть не может разгильдяев и бездельников, что
всеми силами стремится заставить их плодотворно работать.
И что все эти прессинги стоят ему титанических усилий и
отнимают у него все время, предназначенное для творческой
работы, и последние крохи драгоценного здоровья.

– Мне нередко приходится слышать жалобы на наше бла-
госостояние: мол, не хватает масла, молока, мяса, сахара и
прочих товаров. А я вот смотрю, как наши люди трудятся и,
честно говоря, диву даюсь, как это до сих пор все же есть

еще в магазинах масло, мясо и все остальное! Откуда оно берется, если все отказываются работать? – Ампилов развел в беспомощности руки и сделал риторическую паузу.

В расширителе воцарилась тишина, и только Будник, увлекшийся своими расчетами, восторженно улыбался самому себе, видимо, довольный результатами своей работы. Со стуком положив на стол авторучку, он забарабанил по клавишам микрокалькулятора с такой силой, что вахтерша тетя Дуся, привлеченная этим цоканьем, оставила свой пост у двери лифта, вышла в расширитель и в недоумении уставилась на Мишу. Ампилов резко повернулся в его сторону, но Будник ничего перед собой не видел, кроме рабочей тетради и калькулятора, и продолжал бойко щелкать клавишами.

– Михаил Всеволодович! – окликнул его Ампилов.

Будник вздрогнул от неожиданности и поднял на него удивленные серые проникновенные глаза. Ампилов поленился вытянуть перед собой руку и потряс ею в воздухе:

– Ну вот, я говорю о насущных, исключительно важных и болезненных вещах, а наш уважаемый заведующий проблемной лабораторией демонстративно стучит на калькуляторе! Это возмутительно с его стороны! Что же тогда говорить о рядовых сотрудниках? Михаил Всеволодович, отложите, пожалуйста, на несколько минут Ваши дела и послушайте, какие безобразия творятся у нас, вернее, у Вас в лаборатории.

Будник, не проронив ни слова в ответ, резко отодвинул

калькулятор и с недовольной миной откинулся на спинку стула. Ампилов незамедлительно продолжил свою прерванную речь:

– Многие из здесь присутствующих отлично знают, как мы этой зимой мучились без монтажного провода. Мы собирали обрывки старых ранее использованных проводников, из списанной аппаратуры выпаивали жгуты и тому подобное. Ценой титанических усилий мне через Министерство Обороны Союза удалось достать несколько бухт дефицитнейшего провода «МГШВ», который каждый, кто с ним работает, должен экономить, как только может. И что же? Чуть больше часа тому назад идем мы с Геннадием Алексеевичем по коридору, а на полу валяется вот это!

Ампилов взял со стола пресловутый обрывок провода и потряс им перед собой.

– Скажите мне, как это называется? Это исключительное свинство – разбрасываться такими вещами! Мне, приложившему столько усилий для его получения, при этом натерпевшемуся унижений, стало обидно до слез!

Ампилов произнес это так эмоционально, что его голос явственно задрожал, и у всех присутствующих создалось впечатление, что Валентин Аркадьевич вот-вот заплачет. Он замолчал, всем своим видом демонстрируя, с каким превеликим трудом он овладевает собой, и положил на стол злополучный провод. После минутной паузы он продолжил:

– Я, как заведующий кафедрой и научный руководитель

лаборатории, могут привести пример хаоса здесь в десятой, двенадцатой и какой угодно степени! Ни для кого не новость, что нам также неопишимо трудно доставать и высокооловянистый припой. Каждый грамм приходится технически аргументировано обосновывать, потом отстаивать, убеждать людей, порой мало что смыслящих в этих вещах, но обличенных определенными полномочиями. Приходится тратить невообразимое количество сил, здоровья и времени, чтобы доказать им, что черное – это черное, а белое – это белое! Каждый раз приходится мучиться, чтобы составить кипу бумаг, потом собрать множество подписей. Поймите, на каждую бумагу, уходящую из института, нужно получить минимум две подписи! А потом идешь по лаборатории и видишь, как добытое твоей кровью валяется на полу, словно никому не нужный хлам. Кто-то старается, а кто-то плоды его тяжелых трудов втоптывает в грязь. Так работать нельзя. Работа может быть плодотворной лишь в том и только в том случае, когда все двигают ее в одном направлении. А если так... – он резко махнул рукой, – как крыловские лебедь, рак да щука, то воз будет и ныне там. Или как? Как говорит моя соседка по даче: «Як одне везе, а друге не везе, то бодай би здохло і те, що везе»! Вот так мы и работаем, к великому сожалению.

Ампиров умолк, намереваясь на этом закончить свой нравоучительный монолог. Но, перебирая в памяти сказанное, вдруг понял, что его занесло немного не туда, куда он, было, направился. Начал о припое, а потом съехал на Крылова

и соседку по даче. А что, собственно, он намеревался сказать насчет этого припоя? Что же?.. Что?.. Что, черт возьми?! Забыл... Начисто вылетело из головы! Уже не в первый раз с ним такое случается. И, чтобы исправить этот досадный промах, который он счел про себя первым проявлением старости, продолжил, выстраивая экспромтом подобие логической структуры мысли:

– Так вот, уважаемые коллеги. Припой нужно беречь. Пайки должны быть аккуратными, экономными. При этом надежными. Но экономными. И чтобы куски припоя не валялись, где попало, как этот монтажный провод. А то некоторые, не будем указывать пальцем, таскают припой домой в немереных количествах, раздают на другие кафедры и тому подобное. Мол, есть у нас такой, Валентин Аркадьевич, который не выносит, когда работа на месте стоит, и для работы всегда все найдет. В блин разобьется, но найдет. Или как? У нас вот поломаны стулья. Делают ли наши руководители замечания своим подчиненным, когда те качаются на стульях? Скорее всего – нет. Не замечают этого. А вот Валентину Аркадьевичу приходится все замечать. Иначе, уверяю вас, через год или – какой там год – через месяц все здесь развалится до основания! Все растащат до последнего винтика. Как в той песне: «И по винтику, по кирпичику растащили кирпичный завод».

Ампиров уже намерился, было, закрыть собрание, когда его снова осенила, как ему представилось, важная мысль:

– Из-за этой кафедры, и, в частности, лаборатории, связанных с ними забот, и, если хотите – из-за вас всех – я каждый день методично убиваю в себе ученого! Больно, обидно, но выхода другого нет.

И снова его голос задрожал, будто он вот-вот расплачется от такого тяжкого горя – безвременной утраты великого ученого. Немного помолчав, он глубоко вздохнул и упавшим голосом изрек:

– Давайте договоримся. Если кто из вас не хочет работать, пусть ко мне подойдет и скажет: «Валентин Аркадьевич, я работать не хочу». Или: «Я уже настолько разложился, что работать не могу. Вот деньги получать могу, а работать – не могу». Будем тогда решать, как нам быть и как планировать дальнейшие действия.

Ампиров окинул взглядом всех присутствующих и после непродолжительной паузы закончил:

– Вот и весь огород до последней морковки... У кого-нибудь вопросы есть? Нет. Оно и понятно. Никому нет до этого дела, а Валентин Аркадьевич – хоть разорвись. Все. Собрание окончено. Пойдем работать.

Все с облегчением зашумели, встали и, шаркая стульями, пошли разносить их по рабочим местам. В это время ко мне подошел взбудораженный Будник и, не скрывая восторга, энергично похлопал меня по плечу.

– Гена! Зайди ко мне на пару минут. Посмотри, какое я интересное «радио-телевидение» получил при расчете!

Юлий Гарбузов

31 июля 2006 года, понедельник

Харьков, Украина

43. Опоздание к заказчикам

Питер встретил нас сырой и ветреной погодой. С Ампиновым и Дижником мы расстались еще на вокзале. Профессора поехали в гостиницу, а я – к Ане, двоюродной сестре моей Гали.

Все же метро – лучший из видов городского транспорта. Тепло, сухо и ожидать долго не приходится. Домчав до станции «Пионерская», я вышел на улицу. Ветер свистел в ушах и пронизывал буквально до костей. Вскочив в подошедший троллейбус, я остановился у двери и, проехав две остановки, вышел почти у самого дома, где жила Аня. До аниного подъезда я добежал бегом и, запыхавшись, вскочил в лифт. Лифт шел с каким-то скрежетом, но на седьмой этаж доставил меня нормально. Я позвонил.

За дверью послышались неторопливые шаги, и сонный хриловатый голос Ани спросил:

– Кто там?

– Я, Аня. Открывай скорее, не то околею!

Послышалось щелкание замков и защелок, и дверь, наконец, открылась. На пороге стояла заспанная Аня.

– Здравствуй, Анечка! Рад тебя видеть, – сказал я и вошел в прихожую.

– Здравствуй, Гена, – ответила она без особых эмоций и подставила щеку для поцелуя.

Раздевшись, я вручил ей подарки и письмо от Гали.

– Спасибо, – сказала она столь же безучастно, – иди в ванную, мойся. А я пока приготавливаю ужин.

Ужинали мы яичницу с салом и колбасой, пили чай, как минимум, третьего налива. Посмотрев программу «Время», я решил отправиться спать.

– Аня, ты к которому часу завтра?

– К половине восьмого. Выхожу в полседьмого. А ты?

– Я к девяти. Уходя, разбуди меня, пожалуйста.

– Хорошо. Спокойной ночи, Гена. Я тебе уже постелила на диване в большой комнате.

– Спасибо. Спокойной ночи.

Я уснул, едва положив голову на подушку.

Аня оставила мне завтрак, завернутый в старое одеяло – чтобы не остыл. Позавтракав на скорую руку, я сложил в кейс все нужные бумаги и вышел на лестничную площадку. Предусмотрительная Аня оставила записку с подробными пояснениями какой ключ от какого замка и как следует запирать да проверять каждый. Записка содержала номера ключей, выбитые на каждом из них, а также подробный эскиз дверей с расположением замков, имеющих ту же нумерацию, что и ключи. Это была затертая ксерокопия. Как видно, ею пользовался не я первый.

Лифт стоял на седьмом этаже, и его дверь тотчас же отворилась, едва я надавил на кнопку. Вниз он двинулся с подозрительным грохотом и скрежетом. Непрерывно подраги-

вая, он вдруг отчаянно завибрировал и, словно обо что-то споткнувшись, остановился. Я безуспешно пытался привести его в движение в любую сторону, нажимая на разные кнопки. Где-то наверху слышались щелчки, но лифт оставался на месте.

Пришлось нажать кнопку экстренной связи. Никто не отвечал. Я принялся нажимать еще и еще, уже думая, что связь не работает.

– Слышу! Слышу! – послышался, наконец, из динамика недовольный мужской голос. – Что там такое?

– Лифт остановился – ни туда, ни сюда! Я на работу опаздываю!

– Дом тридцать два, подъезд три? – спросили из динамика.

– Да! Именно так!

– Ждите. Сейчас приду.

Ждать пришлось минут сорок, не меньше. Было уже без четверти девять, когда я вскочил, наконец, в троллейбус. Вот невезуха! Сейчас начнется! Профессор не преминет макнуть меня в дерьмо при Дижнике! И зачем я с этим лифтом связался при таком дефиците времени? Но что теперь поделаешь? Я приготовился глотать пилюли.

Как ни странно, опоздал я всего на пятнадцать минут. В бюро пропусков Ампиоров встретил меня ураганным потоком ругани.

– Как можно! Уже четверть десятого, а Вы только прие-

хоть изволили! Командировки – не то место, где отсыплются! Вы что, не могли попросить родственников, чтобы Вас разбудили, если сами просыпаться не умеете?

– Я в лифте застрял, уважаемый Валентин Аркадьевич! Сорок минут просидел, пока меня освободили!

– Вы что, не можете выдумать чего-нибудь поинтереснее? Транспорт не ходил! Трамвай сошел с рельс! Пожар случился! А то – в лифте застрял! Совсем по-детски.

– Врать не привык, Валентин Аркадьевич! Застрял – значит застрял! Был бы пожар – сказал бы, что пожар!

– Бросьте, Гена! Это не лучший способ отпетую лень прикрывать! Нас уважаемые люди ждут! Специально приехали, чтобы с нами работать, а Вы их бессовестно заставляете ждать! Звоните теперь сами – оправдывайтесь! Я за Вас краснеть не собираюсь! Правда, все равно стыдно! Ведь вся ответственность так или иначе на мне лежит! Вот с кем приходится работать, – кивнул он в мою сторону, апеллируя к Дижнику.

Дижник дипломатично промолчал, едва заметно ухмыльнувшись в густые русые усы с проседью.

Я подошел к настенному телефону и позвонил в отдел. Ответили приветливо, словно и не было никакого опоздания.

Получив пропуски, мы стали ждать у проходной, пока к нам спустится кто-либо из сотрудников, чтобы провести в отдел. В закрытом институте это процедура сложная. Через четверть часа прибежал сам Плугарев – начальник отдела.

– Здравствуйте! Пойдемте – все уже на месте.

– Почему так долго никто не выходил? – поинтересовался

Ампиров.

– Понимаете, Валентин Аркадьевич, из Казани позвонили. Междугородка – пришлось поговорить, – оправдывался Плугарев.

– Вот так всегда и получается! Один проспал, потом на лифт спирает, – кивнул Ампиров в мою сторону, – другому срочно понадобилось по телефону болтать! Можно же было сказать, чтобы через полчаса перезвонили! Тут люди ждут! Дома работу и семьи бросили, в поезде тряслись, в гостинице мучились, позавтракать как следует не успели! А теперь стоим у порога и ждем, как нищие! Бар-дак!

– Простите ради Бога, Валентин Аркадьевич! Так получилось, – извинялся на ходу Плугарев.

В лаборатории нас встретили главный инженер, два ведущих сотрудника из отдела Плугарева и еще один незнакомый человек лет шестидесяти пяти. Он был среднего роста с короткими седыми волосами, зачесанными набок. В его серых спокойных глазах светились доброта и глубокий интеллект. Все в нем было насквозь проникнуто доброжелательностью.

– Знакомьтесь. Профессора Ампиров Валентин Аркадьевич и Дижник Валентин Григорьевич. Вот это – доцент кафедры Валентина Аркадьевича, Очерет Геннадий Алексеевич, – представил нас Плугарев.

– А это – академик Филуменов Дмитрий Карпович, – до-

бавил Плугарев, указывая на пожилого незнакомца.

– Очень приятно, – с подчеркнутым безразличием и без каких-либо эмоций ответил Ампилов, протягивая руку Филуменову.

Он смотрел на академика пренебрежительным взглядом, недвусмысленно выражавшим: «Ладно! И мы – тоже такие»!

Филуменов был действительно улыбчив, приветлив и исключительно доброжелателен.

– Ну, Валентин Аркадьевич, как Вы предлагаете сегодня работать? – спросил Плугарев.

– Сначала Геннадий Алексеевич доложит о результатах нашей работы. Потом вопросы, обсуждение, предложения. Затем Валентин Григорьевич расскажет об уже работающей линии связи. А после – как обстановка подскажет. Возражения есть?

Возражений не последовало. Тем временем я развесил привезенные с собой плакаты и, вооружившись телескопической указкой, ждал соответствующей команды.

– Ну что ж, ведите, Валентин Аркадьевич! – предложил Филуменов.

– Охотно, – вставая, сказал Ампилов. – Предоставляем слово доценту Очерету Геннадию Алексеевичу. Без стеснения скажу, что он – наш мозговой центр, моя правая рука и первый советчик в научных вопросах. Правда, он иногда бывает недисциплинирован – как сегодня, например. Но человек он талантливый. Сами сейчас убедитесь. Пожалуйста,

Гена.

– Простите, Геннадий Алексеевич, – вмешался Филуменов, – сколько Вам нужно времени для доклада? По опыту знаю, что в любых вопросах для изложения сути тридцати минут вполне достаточно. Согласны?

– Согласен.

– Ну, тогда – с Богом! – с искренней улыбкой сказал Филуменов.

Мы работали до пяти вечера. Обсуждали, спорили, вместе ходили обедать в институтскую столовую, делились впечатлениями. Филуменов создавал вокруг себя такую непринужденную обстановку, что даже Ампилов с его пренебрежительно-скептическими репликами не мог омрачить ситуацию.

Договорились на следующий день, как и планировалось, представить материал генеральным заказчикам. По настоянию Ампилова встречу назначили на восемь утра.

– Валентин Аркадьевич, давайте хоть на десять. Людям трудно добираться. Пусть схлынет поток пассажиров в общественном транспорте! – предлагал Плугарев.

– А мы что – не люди? Мы проехали две тысячи километров, чтобы провести эту встречу.

Прощаясь, Ампилов в присутствии всех участников нынешнего совещания с саркастической улыбкой бросил мне на прощанье:

– Геннадий Алексеевич, Вы же смотрите, не застряньте

снова в лифте! Пешком спускайтесь – слышите? Нас будут ждать военные! Генералы, адмиралы, полковники! Доктора наук! Да еще вот – уважаемый академик Филуменов Дмитрий Карпович.

Они с Дижником пошли в сторону Смольного монастыря, а я – к своей остановке троллейбуса. Идя вдоль тротуара, я увидел, как голубая «волга – двадцать четыре» проехала вперед и остановилась, не глуша мотора. Когда я с нею поравнялся, открылась дверца, и гостеприимно улыбающийся Филуменов пригласил:

– Геннадий Алексеевич! Садитесь ко мне – я подвезу В

– Спасибо, Дмитрий Карпович. Стоит ли? Мне к метро «Пионерская» – по пути ли Вам?

– Конечно! Мне как раз в ту же сторону.

Я сел в автомобиль и мягко захлопнул дверцу. Филуменов резко рванул с места и помчал по незнакомым улицам и переулкам.

– Геннадий Алексеевич, – внезапно заговорил он, словно продолжая беседу, только что прерванную на полуслове, – Ваш шеф – он что, сегодня не в духе был или просто – людей не любит?

Я молчал, не зная, как себя вести. Но по моей реакции он, как мне показалось, все прекрасно понял.

– Я понимаю, Вы не хотите говорить плохо о своем шефе. Вы поступаете, как человек воспитанный. Но все же правду не следует замалчивать никогда – нужно говорить все так,

как оно есть.

Мы ехали по мокрому асфальту, с шумом проносясь по лужам, подолгу простаивая у светофоров и пропуская бесконечные потоки машин и людей, торопящихся домой после утомительного рабочего дня. Многие несли сумки, пакеты, авоськи и коробки с покупками – кто что успел схватить после работы. Филуменов правил спокойно, откинувшись на спинку кресла. По его лицу проносились блики от витрин магазинов и уличных фонарей. Холодный дождь хлестал по стеклам, глухо барабанил по капоту и крыше машины. А в салоне было тепло и уютно, так что когда мы доехали до подъезда Ани, мне не хотелось выходить.

– Большое спасибо, Дмитрий Карпович. Очень приятно было пообщаться. Ведь я впервые так непосредственно общаюсь с академиком. До этого не приходилось.

– Академики, Геннадий Алексеевич, такие же люди, как и все. Мне даже иногда бывает стыдно, что я – академик.

– Это еще почему? – удивился я. – Только гордиться можно

– Не всегда. А стыдно бывает довольно-таки часто, особенно когда я встречаю людей много умнее, талантливее, способнее, квалифицированнее и опытнее себя, которые не академики лишь потому, что в силу различных обстоятельств не смогли юридически оформить свое положение.

– Наш шеф тоже раньше метил в членкоры, но потом, как он говорит, решил с этим делом не связываться по причине

занятости своей непосредственной работой.

– Кстати, о Вашем шефе. Он, по-моему, просто не любит людей и наверняка знает, что при выдвижении его коллеги, то ли бывшие, то ли настоящие ни за что не поддержат. В уме ему не откажешь. Но он начинает страдать от зависти, видя рядом с собой человека хотя бы потенциально способнее и квалифицированнее себя. И, чтобы самоутвердиться, обязательно принижает его. Я бы от такого человека стремился держаться подальше. Достаточно понаблюдать, как он ведет себя с окружающими – даже с заказчиками. Мне морально тяжело, дискомфортно в его присутствии. И Вам, я вижу, тоже. Вот и сегодня – он специально настоял на том, чтобы завтра начать работать с восьми. Это неудобно всем, и ему в первую очередь. Но он упрямо стоял на своем, руководствуясь, как мне представляется, единственной целью – показать, какие тут все на его фоне бездельники. А он – горит! Просто сгорает на работе!

– Пожалуй, Вы правы, Дмитрий Карпович. Еще раз большое Вам спасибо за такую непосредственную и откровенную беседу. Люди обычно дипломаты. Боятся обронить лишнее слово. Особенно, что касается других людей. Говорят одно, думают другое, делают третье. До завтра.

Я открыл дверцу, и ветер стал захлестывать салон мелким питерским дождем. Филуменов еще раз радушно улыбнулся и протянул свою теплую широкую руку.

– Я уже достиг такого положения, что могу говорить, что

думаю, никого и ничего при этом не опасаясь. Поэтому дипломатия и все то, о чем Вы только что сказали, мне совершенно ни к чему. До завтра, Геннадий Алексеевич! Спокойной Вам ночи!

Я захлопнул дверцу, и автомобиль тут же рванул с места и понесся в осеннюю темноту, теряясь в дымке мелкого дождя.

Утром я встал и позавтракал вместе с Аней. Несмотря на свою нелюдимость, в это утро она была со мной разговорчива и приветлива. Хлопоча над завтраком, она с гордостью рассказывала, что в этом квартале ей выделили двести пятьдесят рублей премии, и что теперь она, наконец-то, купит себе добротные и модные сапоги, в которых сможет спокойно ходить в любую питерскую зиму. Я старался всячески поддерживать ее, но мысленно был там, где мне сегодня предстояло выступить с докладом перед генеральным заказчиком.

Позавтракав, я поблагодарил Аню за угощение и предложил помыть посуду, чтобы она собиралась, не спеша. Но она вежливо отказалась от моих услуг, сославшись на то, что я все равно не смогу помыть так, как это делает она сама.

Покончив с утренней кухней, Аня мигом оделась, наскоро причесалась и, оставив мне снова ключи с инструкцией, убежала на свой завод. А я начал неторопливо собираться, прокручивая попутно в голове свой доклад, прикидывая возможные вопросы и моделируя ответы на них.

Не доверяя на этот раз лифту, я спустился по лестнице «на

своих двоих» и направился к трамвайной остановке. Трамваи шли полупустые, и я, проехав два пролета, вышел у станции метро. Я располагал достаточным запасом времени, чтобы ехать не чем придется, а по заранее намеченному маршруту.

Подойдя к проходной института, я посмотрел на часы. Без двадцати восемь. Хоть за опоздание не получу взбучки, как нерадивый школьник.

В бюро пропусков уже были люди, но шефа и Дижника среди них, слава Богу, еще не было. Что ж, лучше я подожду, чем ждал бы меня шеф, – решил я и вышел на крыльцо. На улице было холодно. Шумели проносящиеся мимо автобусы, троллейбусы, автомобили. Взад и вперед сновали люди – как муравьи в растревоженном муравейнике. Каждый спешил по своим делам. В дверь, у которой я стоял, втекал плотный поток сотрудников института разных рангов, спешащих на свои рабочие места. А я все стоял, поглядывая в сторону Смольного монастыря, откуда должны были появиться Ампиров с Дижником.

Кто-то сзади потянул меня за рукав, и я с волнением оглянулся, ожидая увидеть вечно недовольную физиономию шефа. Но это был Плугарев.

– Здравствуйте, Геннадий Алексеевич! Вы уже здесь? Пойдемте оформлять пропуска.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич. Но моих коллег пока еще почему-то на месте нет.

Плугарев посмотрел на часы.

– Да, Валентин Аркадьевич вчера ратовал за то, чтобы начинать в восемь ноль-ноль, и ни минутой позже. А уже десять минут девятого. Я всех заказчиков привез. Через ту проходную провел, что с другой стороны здания. Транспорт, наверное. Я же говорил, что в часы пик могут возникнуть подобные ситуации. Как в воду глядел. Что ж, пойдете пока без них. Придут – тогда за ними самолично спущусь.

– Понимаете, Сергей Николаевич, я лучше подожду их здесь. А то опять шеф скажет, что это я виноват в его опоздании.

– Да кто знает, когда они появятся. А здесь холодно. Пойдемте, я провожу Вас.

– Нет, спасибо, Сергей Николаевич. Думаю, они будут с минуты на минуту.

– Напрасно. Но как хотите. Появятся – тут же звоните с проходной. Неловко как-то – таких занятых людей от основных дел оторвали, ни свет – ни заря приехать заставили, а теперь вынуждаем ждать. Ну, я пошел. До встречи.

– До встречи, Сергей Николаевич. Приедут – сразу позвоню. Ждите.

Плугарев исчез, влившись в поток служащих, а я все стоял и стоял. Поток народа давно иссяк, а моих профессоров все не было. На крыльцо вышла девушка в пальто, наскоро накинутом на плечи.

– Простите, Вы Геннадий Алексеевич? – обратилась она

ко мне.

Меня обдало жаром. «Они, наверное, вошли через ту же проходную, что и генералы, – пронеслось у меня в голове, – и теперь я снова буду в роли нерадивого школьника»!

– Да, – ответил я, а что?

– Там Вас Плугарев к телефону просит.

Я не вошел – вбежал в бюро пропусков и схватил телефонную трубку, лежавшую на полочке.

– Очередь слушает!

– Ну что, Геннадий Алексеевич, – слышался встревоженный голос Плугарева, – их до сих пор нет?

– Пока нет. Я очень переживаю. Это наверняка что-то серьезное случилось!

– Давайте, наверное, я Вас приведу. Начнете доклад без них, чтобы времени не терять. Люди волнуются.

– Сергей Николаевич! Я не могу без шефа, поймите! Буду ждать.

Трубка помолчала. Потом из нее слышался мягкий баритон Филуменова.

– Доброе утро, Геннадий Алексеевич! Филуменов говорит.

– Здравствуйте, Дмитрий Карпович!

– Вы только ради Бога не волнуйтесь. Подождем еще минут пятнадцать и, если Вы не пожелаете докладывать без начальника (а я поступил бы именно так, окажись на вашем месте), будем расходиться. Обстоятельства сильнее нас. Что

поделаешь? Итак, мы ждем Вашего звонка в девять пятнадцать. Будут ваши профессора или нет, в любом случае. А там решим по обстоятельствам. Лады?

– Спасибо, Дмитрий Карпович.

– Все тогда.

Филуменов повесил трубку.

Я снова вышел на крыльцо и почувствовал, что успел изрядно продрогнуть. Проходили минута за минутой, а профессоров все не было. В переулке у Смольного монастыря остановился полупустой троллейбус. С чувством безнадежности я всматривался в выходящих пассажиров и тут увидел что Ампилов с Дижником, несколько не торопясь, выходят из троллейбуса. Я кинулся было им навстречу, но, овладев собой, остановился в ожидании.

– Геннадий Алексеевич! Вы уже здесь? В лифте не застряли? А мы с Валентином Григорьевичем думали, что Вы опять застряли в лифте и сделали на Вас поправку! Прямо скажу – Вы делаете успехи! Так Вы, глядишь – и работать скоро начнете. Лет этак через двадцать – тридцать. К пенсии как раз!

Дижник улыбнулся в свои седые усы и опустил глаза.

– Ну что, теперь будем ждать генералов и полковников? – с сарказмом спросил Ампилов.

– Они ждут нас с восьми часов – как условились вчера, – ответил я, стараясь казаться абсолютно равнодушным.

– Как? Не опоздали? Не может быть! Они всегда опазды-

вают часа на два, как минимум! Это уже традиция в наших доблестных вооруженных силах. Хорошо, значит – прогресс налицо! Звоните, Гена, пусть встречаются.

Пропуска были уже оформлены. К нам вышел заместитель директора по научной части и, ни слова не говоря, с недовольной миной повел в кабинет главного инженера.

– Валентин Аркадьевич! Мы условились на восемь, – сказал дородный вице-адмирал, – как Вы сами на том настаивали. Уже половина десятого, а Вы только пришли.

– А вы что, все пришли вовремя? – дерзко бросил Ампи-ров.

– Конечно, Валентин Аркадьевич! И у всех масса неот-ложных дел. Что-то случилось? – пробасил адмирал, хмуря брови.

– Удивительно, что вы все пришли, да еще и вовремя! Мы уже привыкли, что наши генералы-адмиралы-полковни-ки обязательно опаздывают. Часа на два – это как минимум! Мы специально на полтора часа позже пришли в расчете на это!

– Мы люди военные, привыкли все делать вовремя, – ска-зал адмирал, чеканя каждое слово.

– Ничего подобного! Всегда было одно и то же! Военные опаздывали часа на два, а то и вообще не приходили! А мы вечно ждали. Ну так, мы готовы к работе, – сказал Ампи-ров, напустив на себя деловой вид.

– Нельзя так, Валентин Аркадьевич. Опоздали, так хоть

извинитесь. Люди-то солидные. Спешили, все дела отложили. А Вы еще и упрекаете, – вмешался Филуменов.

– Вы сами виноваты, что завели такую традицию в вооруженных силах! Все уже сразу берут поправку на это, как на ветер. Давайте работать!

– Нет, так нельзя, Валентин Аркадьевич! – сказал худощавый генерал-майор, раскрывая папку с секретными документами, – опоздали, так опоздали. Имейте мужество признать свою неправоту.

– Что? – побагровел Ампилов, – Вы издеваетесь? Я всю жизнь страдаю от неорганизованности наших военных! Вы же приучили меня к своему режиму, а теперь упрекаете? Ладно, давайте, наконец, работать!

– Валентин Аркадьевич! Не нужно... – вскипел вице-адмирал.

– Так мы будем работать или мы не будем работать, товарищи военные?! – вскричал Ампилов, налившись кровью. – Мы сюда работать приехали, а не пререкаться!

– Не кричите, Валентин Аркадьевич! Я старше Вас по возрасту и тоже доктор-профессор, как и Вы! И все другие здесь тоже уважаемые люди, включая ваших подчиненных! А Вы тут еще голос повышаете! – отпарировал вице-адмирал.

– Мы сюда работать приехали, а не разборки устраивать! Мы начнем, в конце концов, работать или нет? Полчаса уже на пререкания ушло! Вот! Вот ваш стиль работы!

– Валентин Аркадьевич, – попытался вмешаться главный

инженер института, – Понимаете...

– Мы начнем, наконец, работать? Давайте работать! – повторял Ампилов, как заводной.

– Успокойтесь, Валентин Аркадьевич! – вспыхнул молодой капитан первого ранга, начальник кафедры из Военно-морской академии, – перед Вами не студенты!

– Мы приехали сюда работать! Так давайте же, в конце концов, работать! – орал Ампилов, срываясь на фальцет. – Работать пора! Геннадий Алексеевич, где наши плакаты?! Начнем с Вас – Вы один здесь храните олимпийское спокойствие, как самый свободный и спокойный человек на нашей кафедре! Остальные уже взвинчены по разным причинам! Тихо! Не мешайте моему сотруднику – это наш мозговой центр! Докладывайте, Гена!

Я начал доклад.

Юлий Гарбузов

12 января 2002 года, суббота

Харьков, Украина

44. Визит в общежитие

Утомительный ампировский «хурал» подходил к завершению. Мой доклад прошел, что называется, «на ура». Потом я удачно парировал множественные нападки шефа и его приближенных, даже самые демагогические. Будник искренне поддержал мою идею использования цифровой техники в прерывистом канале передачи информации. К моему немалому удивлению, Сабельник и даже Сольман выступили в мою поддержку. Швец занял нейтральную позицию и отмолчался, оставшись, как всегда, в тени. Удобная позиция, надо сказать. Швец и Степанов – на публике молчуны известные. Таких людей принято называть практичными. Они молчат при распределении премий, при возникновении спорных ситуаций в научных и инженерных решениях, при анализе неблагоприятных поступков коллег, при разрешении всевозможных конфликтов и, конечно же, при кулуарных политических спорах. Ампиров всегда любил выслушивать их с глазу не глаз, где они, несомненно, высказывали такое мнение, какое он хотел слышать. А на это у них был тончайший нюх – и собачьему не чета. Но публично эти субъекты предпочитали не высказываться, а если уж их усиленно тянули за язык, отделялись короткими, ничего не значащими, самыми общими, нейтральными фразами.

В заключение Ампиров, по обыкновению, подбил бабки

и, как всегда, закончил свое выступление словами:

– Что ж, поскольку других предложений нет, на данном этапе принимаем решение двигаться в направлении, определенном Геннадием Алексеевичем. Кто-нибудь возражает? Нет. Тогда на этом закончим. Все, кроме Геннадия Алексеевича, свободны. Геннадий Алексеевич, задержитесь, пожалуйста. К Вам у меня особое дело.

Уставшие сотрудники с облегчением покинули помещение. Все, не стовариваясь, направились в туалет.

Тщательно вымыв руки, я не остался с коллегами в курилке, а вернулся в кабинет Ампилова в ожидании разговора по обещанному «особому делу». Интересно, зачем я ему понадобился? Чего он от меня еще хочет после утомительного четырехчасового «хурала»?

В кабинете была нестерпимая духота, и Ампилов, войдя вслед за мной, поморщившись, сказал:

– Ну и надышали – как в подводной лодке! Гена, не в службу, а в дружбу – откройте, пожалуйста, окно. Пусть хоть немного проветрится.

Я тут же без колебаний исполнил эту просьбу и сел у ампиловского стола, заинтригованный его обещанием какого-то «особого дела». Шеф молчал, а я терпеливо ждал, как мне представлялось, важного конфиденциального разговора. Но он явно не спешил. Достав свою потрепанную красную тетрадь, шеф полистал ее, отыскал нужную запись, придвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер. Из труб-

ки до моего слуха доносились вызывные гудки, но на другом конце линии отвечать явно не спешили. Наконец, слышался недовольный низкий голос:

– Алло, вас слушают.

– Михаила Яковлевича, пожалуйста, – попросил Ампилов несколько пренебрежительным тоном.

– Какого еще Михаила Яковлевича? Уже полтора часа, как рабочий день кончился! – дерзко ответили с другого конца и бесцеремонно положили трубку.

– Вот Вам, Гена, пример отношения к работе советских служащих, – прокомментировал шеф. – Не успел прозвенеть звонок, как в НИИ метрологии уже никого днем с огнем не сыщешь. О работе все тут же и думать забывают. Начисто. Ни дать, ни взять, как у нас на кафедре.

Он положил трубку и стал собирать портфель.

– Что ж, нам теперь ничего не остается, кроме как тоже пойти домой. Воленс-ноленс превращаешься в такого же советского служащего. Бардак! Пошли, Гена, – сказал Ампилов, вставая из-за стола.

– Валентин Аркадьевич, Вы, кажется, хотели со мной о каком-то особом деле поговорить? – деликатно напомнил я.

Ампилов снисходительно улыбнулся и, как бы нехотя, махнул рукой.

– Да нет, Гена. Никакого особого дела у меня к Вам нет. Это я так, чтобы перед коллегами Ваш авторитет поднять. Идите, запирайте свою комнату, а я пока по лаборатории

пойдусь. Посмотрю, кто там поработать остался.

Когда я вынул ключ из замка, Ампилов уже стоял у выхода и, по обыкновению торопя, махал мне рукой.

– Скоренько, скоренько, Гена.

Меня подмывало отреагировать на это нетерпение его же обычным в подобных случаях риторическим вопросом: «Вы опять опаздываете с работы?» Но ответная реакция стоила бы мне здоровья, и я удержался без особого волевого усилия.

– Никого. Вот! Что я Вам только что говорил?! – проскрипел шеф, когда я подошел. – Ну, один в один, как в этом насквозь прогнившем Институте метрологии. Вот так всегда. Кроме Валентина Аркадьевича о работе никто не думает. Что же будет, когда я уйду на пенсию?! Э-э-эх! – он с безнадежностью махнул рукой.

Мы спустились по лестнице, и я направился к дежурному вахтеру, чтобы сдать ключи.

– Так. Вы, Гена, сдавайте ключи, а я пойду. Хоть раз приду с работы пораньше. А то дома забыли уже, как я выгляжу. Внучка растет, совсем не зная дедушку. Будьте здоровы, Гена, – он протянул мне руку и после вялого рукопожатия быстрым шагом пошел к «вертушке».

Утром следующего дня, войдя в преподавательскую, я увидел самодовольную физиономию Ампилова. Он сидел за столом Сойкиной и, по обыкновению, саркастически улыбался.

– О-о-о! Геннадий Алексеевич! Желанный гость на ка-

федре! Здравствуйте, дорогой мой. Несказанно рад Вас видеть! – сказал он нараспев.

– Да ты, никак, на работу ходишь, – обратилась ко мне Шорина, как всегда, подпевая шефу. – Да еще и на первую пару не опоздал к тому же!

Овсянкина бросила в мою сторону сочувственный взгляд. Я понял, что ее лихорадит от негодования, но она все же сдержалась. Буланова, Андрющенко, Краус, Исаков и Абримов молча продолжали заниматься своими делами, отреагировав на мое появление едва заметным кивком головы.

– Здравствуйте, – меланхолично сказал я и подошел к вешалке, чтобы раздеться.

Когда я повесил куртку, Ампиоров все с той же саркастической улыбкой сказал:

– Хотите, Гена, я вам сейчас настроение испорчу?

По моей спине от поясницы до затылка прокатилась горячая волна. «Ну, сейчас мне шеф опять какую-то гадость преподнесет. Что ж, чем раньше, тем лучше», – подумал я, а вслух сказал:

– Давайте, давайте, Валентин Аркадьевич. В первый раз, что ли? Только поскорее, пожалуйста. Если можно, конечно.

Ампиоров посмотрел на часы и, пожав плечами, недоуменно спросил:

– Чего это Вы меня так торопите? До звонка еще далеко – целых полчаса.

– Чтобы услышать Вашу новость до того, как я в ее ожи-

дании получу либо инсульт, либо инфаркт.

Я почувствовал, что невольно впадаю в ступор, с каждой секундой тупею и сейчас предстану перед ним беспомощным кретином, над которым можно издеваться сколько угодно и как угодно. Что делать? Как овладеть собой? Как повести себя в присутствии коллег? Никаких путных мыслей в голову не приходило, и я обреченно уставился на шефа в ожидании неприятности.

– Сольман машину купил! – с ехидством сказал Ампиров, барабанив пальцами по столу.

Не поняв, какое отношение имеет эта фраза к его недавнему обещанию, я вопросительно посмотрел на Ампирова, ожидая пояснений.

– Геннадий Алексеевич, Вы что, не поняли, что я сказал? Сольман МАШИНУ КУПИЛ! – повторил шеф, считая, что я впадаю в шок от его сообщения и наслаждаясь произведенным эффектом.

– Что? Машину купил? – спросил я, недоумеваю. – Слава Богу, что купил. Пусть ездит на здоровье. Встречу – поздравлю обязательно. А что?

– Ну и выдержка же у Вас! – шеф сделал вид, будто восхищается моей реакцией.

– Что Вы имеете в виду? – искренне удивился я.

– Если бы я не знал жизни, я бы подумал, что Вам все равно!

Шорина насмешливо захихикала.

– Да мне действительно все равно. А что тут удивительно-го? Кстати, почему у некоторых это вызывает ядовитенький смешок? Что смешного я сказал?

– Гена, не рассказывайте нам сказок. Не делайте вид, что эта новость Вас никак не задевает.

Шеф говорил подчеркнуто пренебрежительным тоном, словно я строю из себя глуповатого «петрушку», а он, такой умный и проницательный, видит меня насквозь.

– А почему она должна меня как-то задевать? Если бы Слава Сольман был моим другом, я бы за него порадовался, обмыть заставил. А у нас с ним отношения самые что ни на есть служебные. Так что купил человек – хорошо, значит.

– Вы хотите сказать, что Вам это безразлично? – насмешливо спросил Ампилов.

– Лично я, Валентин Аркадьевич, ничего от этого не выиграл и не проиграл. Но от того, что человек мечтал о машине, и его мечта, наконец, сбылась, мне просто приятно. Так почему Вы считаете, что я должен по этому поводу проявлять какие-то негативные эмоции?

Я подошел к шкафу с запыленными учебными плакатами и стал перебирать их, отыскивая нужные для предстоящей лекции.

– У Вас что, есть машина? – продолжал цепляться шеф.

– Вы же знаете, что нет, – спокойно ответил я.

– И Вам что, не хотелось бы ее иметь? – наседал Ампилов все с той же издевкой.

– Ну почему же? Хотелось бы. Но я об этом и мечтать не смею. Зарплата не позволяет и вряд ли когда-нибудь позволит, – сказал я, намереваясь поскорее закончить навязанный Ампириным разговор и отправиться на лекцию.

– Вот именно, – назидательно сказал шеф и поднял указательный палец. – Почему же Вы тогда говорите, что Вам все равно?

– Потому, что мне действительно все равно. Я, по-моему, только что вразумительно все объяснил, – ответил я, уже начиная терять самообладание.

Ампиринов хмыкнул и, скривив высокомерную улыбку – знаем, мол, таких альтруистов, – опережая меня, покинул преподавательскую. «Все же он выполнил свое обещание. Ему удалось испортить мне утреннее настроение. Не мытьем, так катаньем», – констатировал я про себя.

После лекции я отправился в научную лабораторию. Там на моем рабочем столе лежала небрежная ампириновская записка, торопливо нацарапанная на неряшливо оторванном обрывке тетрадного листка. Шеф никогда не заботился о разборчивости собственных писем. Мотыльков как-то сказал по этому поводу:

– Писать людям такие записки – жуткое хамство. Это значит: «поедят, скоты». Пусть, мол, расшифровывают, а мне плевать. Что мне, стараться для них тут, что ли? Свиньям же не пекут пирожков с визигой, а цепным псам не жарят отбивных.

Я сел за стол и принялся разбирать шефовские уродливые каракули с недописанными окончаниями. При этом меня ни на секунду не покидало чувство униженности. Словно мне что-то там бросили в дерьмо, и я, преодолевая брезгливость, копаюсь в нем в поисках чего-то нужного только мне, потешая того, кто это сделал. Подобным образом, говорят, в тюрьмах уголовники издеваются над «опущенными».

Наконец, мне кое-как удалось дешифровать ампировский манускрипт:

«Г. А.!

1) Срочно соберите все, что у Вас есть наработанного по последнему этапу темы, обсуждавшейся вчера на нашем «хурале», и зайдите ко мне. Но перед этим проконсультируйте Евсеева. Он никак не может разобраться в составленном Вами для него плане статьи.

2) Вера Терентьевна отпечатала Вашу главу отчета. Прочитайте ее внимательно, откорректируйте и оставьте ей для исправления.

3) По дороге ни с кем не останавливайтесь. Помните, что я Вас жду для срочного дела.

С ув., В. Ампиров.

18/III»

Ампиров встретил меня недовольным взглядом.

– Гена, где Вы были все это время? Я же Вам ясно написал и подчеркнул: «срочно». А вы, как всегда, не торопитесь. Вы – человек, который никогда не торопится. Верно?

– Вы же мне поручили прежде проконсультировать Вашего аспиранта Евсеева, а потом еще и вычитать текст, отпечатанный Верой Терентьевной, – возмутился я его несправедливостью.

– Геннадий Алексеевич, не оправдывайтесь. Сачкуете, так сачкуете. Все-все! Ведите себя как мужчина, не уподобляйтесь Булановой. Молчите хоть на этот раз ради Бога! Сегодня пятница – в два часа уходит фельд-почта. Поэтому Вы должны срочно к тому времени написать тезисы нашего с вами доклада на питерской конференции, отпечатать и подготовить к отправке в Питер. Времени, как видите, в обрез. Так что не теряйте ни минуты, идите и действуйте. Черновик должен быть готов до двенадцати. В первом отделе с двенадцати до часа перерыв. Там такая публика, что в перерыв работать не будет ни единой минуты.

– Валентин Аркадьевич, в таких временных рамках это невозможно, – попытался возразить я. – Это же тезисы научного доклада, а не запись в книге жалоб и предложений.

– Если не работать, а разводить демагогию, то ничего, конечно, сделать невозможно. Сегодня – крайний срок. Дальше все автоматом отодвигается на неделю, а питерцы через неделю заканчивают прием тезисов. Час назад телефонный разговор был. Так что идите и интенсивно работайте, – сказал шеф и демонстративно уткнулся в бумаги.

– Что ж, попробую, – сказал я, направляясь к двери.

– Надо работать, а не пробовать! Одна попробовала – се-

мерых родила! Мне некогда заниматься с Вами разного рода прессингами, внушениями да разъяснениями. Идите – трудитесь на благо кафедры! Хоть раз поработайте с капэдэ, точку большим, чем у паровоза!

Я принес черновик около половины второго и, открыв дверь ампиоровского кабинета, спросил:

– Можно, Валентин Аркадьевич?

– Да, да! Входите! – ответил он раздраженно.

В кресле напротив шефа сидел какой-то полковник с квадратной физиономией. Судя по всему, это был один из представителей нашего заказчика. Он что-то старательно вырисовывал на листке финской бумаги. Когда я подошел к столу, он деловито перевернул его, придавил ладонью и замер в демонстративном ожидании моего ухода.

– Вот, – сказал я, протянув шефу черновик тезисов. – Посмотрите, что мне удалось за это время написать.

Шеф выхватил из моих рук бумаги, с откровенной нервозностью изорвал их на мелкие кусочки, скомкал и с силой швырнул в корзину для мусора.

– Все! Поезд ушел! Теперь это бесполезно! Надо было в срок успеть, до двенадцати! Идите! По вашей милости мы остались без доклада в Питере! – прокричал он, давая понять, что дело закончено.

Я открыл было рот, чтобы сказать ему все, что я думаю по этому поводу, но шеф меня опередил, обратившись к полковнику:

– Вот! Вы видите, с кем мне приходится работать? Не знаю как у вас, а у нас это проблема номер один!

Мордатый полковник понимающе кивнул и, разя коньячным перегаром, презрительно изрек:

– Да это во всем Союзе. Повсеместно встает проблема дураков, от которых невозможно избавиться.

Я в гневе шагнул к полковнику, готовый заехать кулаком в его глупую красную рожу, но Ампиоров остановил меня громким окриком:

– Геннадий Алексеевич! Это к Вам не относится! Мы тут о другом говорили! Идите, пожалуйста! Работайте!

Скрипнув от негодования зубами, я круто развернулся, словно по команде «кругом», резко отворил дверь и, выскочив в коридор, хлопнул ею, что было силы.

Спустя две недели шеф остановил меня в коридоре.

– Геннадий Алексеевич, что же Вы до сих пор не несете тезисы? Неужели Вам и двух недель не достаточно?

Я опешил от неожиданности.

– Так Вы же их порвали тогда у себя в кабинете. Сказали, что поезд ушел. Забыли? Чего Вы после этого от меня хотите?

– Порвал, ну и что? – невозмутимо сказал Ампиоров. – Можно было уже сто раз написать заново. Срочно пишите и отправляйте ближайшим фельдъегерем. Хватит с нас дутиков. Вы сами виноваты. Вывели тогда меня своим копушничеством! Если бы все, тем более люди науки, останавлива-

лись после первой неудачи, мы бы до сих пор не знали, что есть Америка, умирали бы от самых теперь уже пустячных болезней и добирались до Москвы пешком, но никак не поездом или самолетом.

Когда шефа тянуло на философию, это означало, что он пребывает в приподнятом состоянии духа. Как видно, ему только что удалось с кем-то заключить выгодную сделку, выбить приличную премию или что-нибудь из дефицитов. Он посмотрел на часы и с досадой цокнул языком:

– Тцк! Черт! Нужно в первый отдел идти. Там эта усатая мадам чего-то хочет, черт бы ее побрал. Житья от нее нет. Как она истерзала меня своей игрой в тайны да режимность! Да! Вот еще что, Гена. Когда Вы в последний раз были в общежитии?

– Давненько уже. Месяца два тому назад, не меньше. Если хотите точнее, я сейчас в журнал учета посмотрю, – ответил я, понимая, что этот вопрос предвещает еще одно шефовское поручение.

– Да нет, не надо точнее. Я тоже давно там не был, а наш мудрейший декан на последнем совете факультета ткнул меня носом, что наша кафедра во главе с заведующим пренебрежительно относится к посещению студенческого общежития. Сейчас без четверти два. В три зайдите ко мне в кабинет – прикинем, когда нам отбыть эту хренову повинность.

Часы в преподавательской показывали начало четвертого, когда я, попив с Булановой чая, вспомнил о шефовском при-

глашении. Чуть не проворонил. Было бы мне тогда плевков в лицо не меньше, чем на неделю. Сейчас он за опоздание непременно осыплет меня потоком гадостей. Проигрывая в воображении ожидаемую сцену, я подскочил к многократно всеми проклятому ампиоровскому кабинету, из которого вся в слезах пулей вылетела Даша Мащенко – наш молодой астроном.

– В чем дело, Даша? – спросил я, читая на ее лице горькую обиду.

– Шеф... – ответила она, утирая слезы носовым платочком с кружевной оторочкой и резким запахом парфюмерии. – Шеф, Геннадий Алексеевич...

Она снова залилась горячими слезами, а я попытался ее успокоить.

– Что шеф, Дашенька? Что ты ему не так сделала?

В ответ она шмыгнула носом.

– Я... Понимаете, я пришла к нему в кабинет... с заявлением о сдаче кандидатских экзаменов... – говорила она, заикаясь и моргая красными от слез глазами.

– ...а он – отказал, – попытался я спрогнозировать ее ответ.

Она снова залилась слезами:

– Отказал! Это смешно... Никто не верит, что у нас проблема сдать кандидатские экзамены! Из-за этого все вокруг думают, что мы здесь мировейские лодыри! А он сказал: «Вы еще численность не обсчитали! Я к Вам вот так, – он отста-

вил вверх большой палец, – а Вы мне вот так!»! – и... Вы не поверите... сунул мне дулю! Под самый нос! Правда! А заявление помял и в урну выбросил!

– Не расстраивайся, Даша. Я тоже прошел через нечто подобное, – попытался я ее приободрить.

– Да разве это допустимо? Доктор наук... профессор... заведующий кафедрой! И – дули тычет! – прижав платочек к носу, она побежала по коридору, потом свернула на боковую лестницу, и ее тонкие каблучки-шпильки часто застучали по ступенькам.

Шефа я застал наполовину одетым – в шапке и с кашне на шее. Увидев меня, он снял шапку и швырнул на диван, а кашне повесил на вешалку. По его виду я понял, что он забыл о том, что пригласил меня для беседы, но посмотрел на часы и сразу сориентировался.

– А я уж было подумал, что Вы, как всегда, похерили мое указание, – прогундосил он, скроив недовольную мину. – Чуть не ушел уже из-за Вашего опоздания. Вот так вечно. И когда это кончится? Ну ладно, садитесь, раз уж соизволили прийти. Как у Вас в среду с расписанием?

– Третья и четвертая пары, – ответил я, делая вид, что не замечаю его деланного раздражения.

– Вот и отлично. У меня тоже третья пара. Так что в среду перед первой посетить общежитие будет в самый раз. Сегодня выясните, пожалуйста, в деканате, в каких комнатах живут студенты нашего подопечного курса. Списочек комнат

дадите мне завтра в десять. Не позже. В половине одиннадцатого я должен быть в обкоме партии на очередном мозгополоскании. Отвертеться, к сожалению, никак нельзя.

Список я вручил ему ровно в десять. Ампиров сунул его во внутренний карман пиджака, даже не развернув. Одеваясь, он на ходу дал мне последнее в этот день указание:

– Гена, в среду прошу Вас быть у входа в общежитие в семь пятнадцать утра. И не опаздывайте, пожалуйста. Чтобы я Вас не ждал.

Я пришел в десять минут восьмого, но шеф был уже там. Он с деланной озабоченностью посмотрел на часы и не смог скрыть разочарования. Как же – лишился возможности лишний раз покуражиться. Но все же он нашел как исправить положение.

– Ну, Гена! Вы даже не опоздали. Прогресс! Так Вы, я вижу, скоро и работать научитесь!

Первая пара начиналась в семь сорок пять, и студенты, торопясь на занятия, толпой неслись к троллейбусной остановке, едва успевая с нами поздороваться.

– Давайте, Гена, отойдем чуть подальше, а то язык уже болит здороваться, – предложил шеф, отходя в сторону от общежития.

В семь тридцать все, кто намеревался пойти на первую пару, ушли, и у входа стало пусто и тихо.

– Пойдемте, Гена. Пришло наше время.

Подойдя к дежурному, мы поздоровались, и Валентин Ар-

кадьевич принялся проверять по списку, от каких комнат, в которых живут наши студенты, не сданы ключи.

– Та-а-ак. Записывайте, Геннадий Алексеевич. Двести третья, двести шестая, триста четвертая, триста двенадцатая...

Когда список был составлен, мы направились в лифт. Ампилов нажал кнопку с номером шесть со словами:

– Пойдем, Геннадий Алексеевич, сверху вниз. Так, по-моему, будет рациональнее: дойдем до первого этажа – и сразу на работу. Едем на шестой – выше уже не наш курс.

Ампилов постучал в дверь шестьсот восьмой комнаты. Ответа не последовало. Он постучал громче. Результат тот же. Повернув ручку, шеф самым беспардонным образом толкнул дверь. Она была не заперта, и мы оказались в тесной комнате на четыре койки, наполненной тяжелым запахом человеческих тел: пота, заношенных носков и прочего. Студенты безмятежно спали, а на стульях в беспорядке валялись их вещи.

– Что за сонное царство?! – гаркнул в сердцах Ампилов. – Почему не на занятиях?! А ну-ка вставайте!

Парнишка, спавший у самой двери, с трудом продрал глаза и уставился на нас, спросонок не понимая, что происходит.

– Чего смотрите?! Вставайте! Люди давно лекцию слушают, а вы тут спите, как сурки в норах! Вставайте! Вы не в санатории! Разговаривать будем!

Перепуганный парнишка сел, очумело глядя перед собой. Студент, который спал в противоположной стороне комнаты, зашевелился и тоже сел, пытаясь попасть ногами в тапочки. Двое других продолжали лежать, не подавая признаков жизни. Ампилов подошел к одному из них и бесцеремонно толкнул под бок. Тот натянул на голову одеяло, пытаясь изолироваться от окружающего мира. Ампилов толкнул его еще раз и, видя, что этот метод не результативен, резко сдернул с него одеяло и швырнул на пол.

– Встаньте немедленно! Как Вы смеее спать, когда ваши товарищи занимаются?!

Студент вскочил, словно его ошпарили кипятком, и стал в перепугу озираться по сторонам. Ампилов подошел к четвертому, точно так же сорвал с него одеяло и бросил под стол. Но спавший под ним только подтянул к животу колени и накрыл подушкой голову. Ампилов вырвал у него подушку и отправил вслед за одеялом. Студент упорно продолжал спать. Тогда Ампилов схватил со стола чайник, сбросил с него крышку и вылил его содержимое на спящего.

– Встать немедленно! Как вам не стыдно! – орал разгоряченный шеф.

– Что Вы делаете? – простонал возмущенный студент. – Вы же мне постель испортили...

– Что-о-о? – в ярости вскричал Ампилов. – Я вам покажу постель! Встаньте, говорю вам! Лодырь бесстыжий! Бездельник, который остаток совести потерял! Постеснялся бы!

Студенты принялись было одеваться, но Ампиоров крикнул, обращаясь сразу ко всем:

– Почему сидите? Перед вами старшие – и по возрасту, и по должности! Всем встать немедленно!

– Дайте же... хоть... одеться, – начал было возмущаться парнишка, которого разбудили первым.

– Никаких «одеться»! Потом оденетесь! Нам некогда ждать завершения вашего запоздалого утреннего туалета! Встаньте все и стойте до тех пор, пока вам не разрешат сесть! Как вам не совестно! Вы здесь что, каторгу отбываете? За каким чертом вы сюда приехали?! Отсыпаться?! Не заслужили пока что! Государство тратит деньги на ваше обучение, а вы, здоровые и крепкие, живете в долг! И этот долг вам предстоит отработать! Ваше отношение к учебе – это форменное надругательство над теми, кто на пять лет освободил вас от необходимости работать и служить в армии! Эти люди трудятся, не покладая рук, и часть заработанного потом и кровью, отрывая от себя и своих семей, отдают вам, чтобы вы могли нормально учиться, есть и пить! А вы что? Бессовестно спите, пуская на ветер то, чего еще не заработали! Кем бы вы сейчас были, если бы простые трудящиеся не оплачивали вашу, с позволения сказать, учебу и все ваше нынешнее существование? Чернорабочими? Ассенизаторами? Уборщиками навоза в свинарниках и коровниках? Сейчас идет лекция по антеннам! Преподаватель рылся в книгах и журналах, готовился, встал ни свет – ни заря, добирался в институт в

переполненном транспорте и стоит сейчас за кафедрой, распинается, глотку надрывает! А вы плюете на его труд высшей степени квалификации и спите тут беззаботно! Какое безобразие! Немедленно на занятия! Как хотите оправдывайтесь перед лектором, но непременно на занятия! А после занятий – всем ко мне в кабинет! Обязательно! Пойдемте, Геннадий Алексеевич! Мне противно дышать одним воздухом с этими неудавшимися ассенизаторами!

В следующей комнате все прошло по такому же сценарию. К тому же там на столе стояло несколько пустых бутылок из-под дешевого «студенческого» вина, при виде которых Ампилов побагровел от возмущения:

– Какая наглость! Люди на занятиях! Трудятся давно! А вы тут с похмелья отсыпаетесь! Вам государство стипендию платит! Дает вам деньги, чтобы вы учились! А вы их куда?! На пропой?! Немедленно в институт! А после занятий – ко мне в кабинет с объяснительными! Напишите, из каких средств и по какому поводу пили вчера в нашем общежитии! Читали, что написано в правилах, которые в вестибюле на стенке висят? За это отчислять положено, но мы пока вас пожалеем! Геннадий Алексеевич, подготовьте, пожалуйста, письма родителям этих пьянчуг на работу. А то гордятся, небось, какие у них детки умные! Пойдемте отсюда – терпеть не могу алкогольного перегара!

И так далее. И тому подобное. По всем отмеченным комнатам.

Выходя из общежития, я чувствовал себя, как после кровопролитного боя, в котором получил многочисленные ранения и контузии. Мысли путались, и я не представлял, как сегодня стану за кафедру, чтобы читать лекцию. Механически переставляя ноги, я шел вслед за шефом к остановке троллейбуса. А он бодро шагал, победоносно созерцая окружающую природу.

– Гена, а весна уже чувствуется. Вон как ярко солнышко светит – зимой такого не увидишь. И синички поют по-весеннему – слышите? – обратился он ко мне, словно выйдя на веселую прогулку после сытного и вкусного завтрака.

– Да... по-весеннему. Вы правы, Валентин Аркадьевич, – ответил я растерянно.

– А как у Вас работают эти типчики – от которых в свое время Дащук отказался? – неожиданно переключился шеф на тему работы.

– Пчельников и Шепелевич, что ли? – уточнил я.

– Они, они самые. Так что там эти лодыри у Вас делают?

– Неглупые ребята. Особенно Шепелевич. Но уж больно они, так сказать, «современные». Даешь им работу, а они свои условия выставляют – чуть не ультиматумы. Векселей наперед требуют. Хотят много зарабатывать, защищать диссертации в ближайшем будущем, притом безразлично на какие темы. Считают, что зарплату им обязаны платить уже за то, что они в таблице расписываются, – откровенно признался я. Уж очень они меня изводили своей циничной меркантиль-

ностью. – Честно Вам скажу, Валентин Аркадьевич: трудно мне с ними управляться.

– Воспитывать надо, дорогой мой. Воспитывать, – с укором сказал шеф. – А то Вы либеральничаете с ними. Как и Дашук, кстати. Виктор Иванович такой же горе-начальник, как и Вы. Он тоже в плане руководства ноль без палочки.

– Да как еще я могу на них воздействовать? С них все как с гуся вода, – признался я в своей бессилии управлять этими парнями.

– А Вы, Гена, не стесняйтесь говорить напрямик об их цинизме, лени, бессовестности, наглости и разгильдяйстве всюду, где только можно: на совещаниях, собраниях и в беседах с сотрудниками всех рангов. Это запоминается, люди создают у себя в мозгу определенный образ. Потом забудутся все их достоинства, и вообще люди чаще всего не знают и не вникают в то, что было в действительности. А то, что о ком-то говорилось, формирует общественное мнение. Тогда, если придется применить «хирургию», все будут знать, что эти люди заслуживают порицания, и никто Вас не осудит за репрессии по отношению к ним. Вас все поддержат.

Я попытался возразить:

– Но ведь общественное мнение, Валентин Аркадьевич, дело серьезное. Его впоследствии чрезвычайно трудно изменить, особенно к лучшему. Ведь эти парни со временем повзрослеют и, я думаю, поймут, что поступали неверно. Изменят свою линию поведения, исправятся. Ведь это с опытом

дается. А отрицательное общественное мнение о них останется. Если у людей сформируются негативные ассоциации с определенной личностью, им уже трудно объяснить, что это не так. И все равно, даже если удастся их переубедить, в их душах навечно останутся сомнения. Если хозяин раз побьет собаку, она уже никогда не будет ему доверять, как раньше. Всегда будет воспринимать его настороженно. А самые стойкие инстинкты у человека – это биологические, животные. Такие, как самосохранения, размножения, стадный и тому подобные.

– Верно, – оживился Ампилов. – Вы, я вижу, интересовались психологией. Но то, чего Вы почему-то опасаетесь, как раз и нужно уемелому руководителю. Тогда Ваш подчиненный осознает, что кроме руководителя его как следует никто не знает, больше никто не видит его достоинств. А руководитель – он будет для него как отец родной. Он и накажет, пусть даже порой несправедливо, но он и оценит, по достоинству. Кроме того, человек со временем меняется в основном к худшему. Если Вы знаете кого-то, кто изменился к лучшему, покажите мне его – я хочу на него посмотреть.

Юлий Гарбузов

7 марта 2009 года, суббота

Харьков, Украина

45. Сеня на заседании кафедры

Виктор Иванович Дашук талантливо и добросовестно исполнил просьбу шефа – в положенный срок Сеня успешно защитил кандидатскую диссертацию. Как это водится в профессорских кругах, Валентин Аркадьевич определил своего младшего сына ассистентом в политехнический. На кафедру профессора Закаряна, с которым он водил отношения, похожие на приятельские.

Новый шеф сделал Сеню, как ему показалось, своим фаворитом. Поручил читать всего один курс, притом с солидным названием и в то же время не требующий особой подготовки. По методике он получил задание поставить всего лишь одну лабораторную работу по теме только что защищенной диссертации. А переработать диссертационный материал в приложении к учебному процессу ему по старой договоренности помог бывший научный руководитель – Виктор Иванович. Таким образом, фактически вся запланированная методическая нагрузка была у Сени выполнена еще в самом начале учебного года.

Учебный год прошел, что называется, «на ура». Поэтому перед финальным заседанием кафедры, где должно было утверждаться все, что выполнено за год, Сеня чувствовал себя «на коне». Еще вчера он заполнил все графы своего плана и, довольный собой, сидел за своим рабочим столом,

листая американский научно-технический журнал, который ему только вчера принес папа от заведующей библиотекой – новинка! Но, к его удивлению, никто из коллег даже не поинтересовался, что за фолиант он листает.

Было всего около одиннадцати утра, а июльская жара уже давала о себе знать. В помещении, где предстояло заседать, были открыты все окна и двери. Не чувствовалось не то, чтобы сквозняка, а даже малейшего движения воздуха.

Почти все преподаватели сошлись еще за полчаса до назначенного времени и весело толковали о будущем отпуске, о рыбалке, охоте, о море, о детях, автомобилях, байдарках и прочем. О работе никто уже не вспоминал. Настроение у всех было самое, что ни на есть, отпускное. Ни один человек не высказывал ни малейшего признака волнения или тревоги по поводу предстоящего утверждения выполнения индивидуальных планов.

«Ишь, как Закарян распустил их – не то, что папа на своей кафедре. У него самого, видимо, не все в ажуре. Но ничего, сегодня зададим им парочку серьезных вопросов», – самодовольно ухмыляясь, думал Сеня.

Закарян пришел ровно в одиннадцать. Все дружно встали, приветствуя своего шефа, но он жестом усадил аудиторию и тут же с улыбкой приступил к ведению заседания.

– Сегодня, уважаемые коллеги, у нас на повестке дня всего один вопрос – утверждение индивидуальных планов. Формально мы обязаны заслушать каждого, а времени, как и

всегда, совсем мало. Днем синоптики обещали тридцать два градуса жары! Так что прошу всех высказываться покороче, чтобы успеть разойтись до наступления полуденного зноя. Начнем от окна. Димитрий Матвеевич, прошу Вас.

Профессор Гамов встал, но Закарян тут же попросил его сесть:

– Димитрий Матвеевич! Сидя, пожалуйста. Мы не на придворной церемонии. Кроме того, я предлагаю зачитывать только методическую и научную работу. Учебную не трогать. Всем и так ясно, что мы ее выполнили. Нет возражений? Тогда, пожалуйста.

– У меня было запланировано... – скороговоркой затараторил Гамов. Он зачитал методические поручения, потом перечислил научные темы, в которых принимал участие, и перешел к воспитательной работе со студентами.

– Ясно, – сказал Закарян, – мы знаем, что все у вас выполнено аккуратно и добросовестно. Замечания есть? Вопросы к профессору Гамову? Нет. Отлично. Предлагаю утвердить. Кто за – прошу голосовать.

Сеня внимательно наблюдал за аудиторией. Все спокойно подняли руки.

– Спасибо. Прошу опустить. Следующий по порядку – наш молодой ассистент, кандидат технических наук Семен Валентинович Ампилов. Прошу вас, Семен Валентинович.

При этом Закарян доброжелательно улыбнулся, а Сеня с самым серьезным видом начал отчитываться, почти по-во-

енному отчеканивая заранее отрепетированное сообщение, подробно останавливаясь на каждом пункте. Но Закарян в конце концов эта тягомотина надоела, и он деликатно прервал Сенью:

– Пожалуйста, не так подробно. Невыполненные пункты у Вас есть?

– Нет, Самвел Варганович. Вот – прошу...

Сеня зачем-то протянул ему план, но Закарян отмахнулся.

– Ладно, довольно. Вопросы, замечания к Семену Валентиновичу? Нет? Утверждаем. Теперь – доцент Калганов. Дальше я буду без титулов, имен и отчеств – можно?

– Пожалуйста, Самвел Варганович! – мягко ответил Калганов.

– Ну конечно, – зашумели преподаватели, которые также спешили домой и изнывали от жары.

Подобно Гамову Калганов зачитал основные пункты плана и закончил:

– Все поручения выполнены.

– Предлагаю утвердить, – сказал Закарян, – возражения есть? Утверждается.

Преподаватели выступали один за другим, Закарян предлагал утвердить, никто не возражал. Такой ход финального заседания Сене показался весьма непривычным. Он несколько раз присутствовал на аналогичных заседаниях кафедры у своего папы. Там было все по-другому. Все подвер-

галось сомнению и недоверию, без конца кого-нибудь уличали в очковтирательстве, обвиняли в безделье, недобросовестности и так далее. «Неужели здесь все такие честные и добросовестные, что сомневаться не приходится? – скептически прикидывал Сеня. – А что если поинтересоваться истинным положением дел?»

Но выступали уважаемые профессора, доценты, и Сеня не решался нанести неожиданный удар. Но вот очередь дошла до «неостепененного» ассистента – Леша Каранчука. Тот, как и все предшественники, быстро доложил суть поручений и сообщил, что все пункты выполнены.

– Спасибо, Алексей Емельянович, – сказал Закарян. – Возражения, вопросы есть?

– У меня вопрос, – самодовольно улыбаясь, обозвался Сеня, – Можно?

– Пожалуйста, только коротко и по сути, – поторопил его Закарян.

– А позвольте взглянуть ваш план, Алексей Емельянович! – попросил Сеня, нарочито растягивая слова, поднял руку и терпеливо ждал все с той же самодовольной улыбкой.

Леша спокойно протянул ему свой план. Полистав, Сеня ехидно спросил:

– Здесь у вас записано: «Постановка новой лабораторной работы по исследованию инерциального акселерометра с изготовлением макета». Это выполнено?

– Конечно, – спокойно ответил Каранчук.

– А посмотреть можно?

– На что, простите, посмотреть? – удивленно вздернув брови, спросил Леша.

– На этот макет. Он в рабочем состоянии?

– Он сейчас не подготовлен.

– Тогда, простите, как же Вы отчитываетесь? Мне кажется, Вы не имеете права писать, что этот пункт выполнен.

От неожиданности в помещении воцарилась неловкая тишина.

Сеня с ехидной улыбочкой вернул план хозяину. Закарян явно нервничал:

– Запишем так. Ассистенту Каранчуку продемонстрировать макет ассистенту Ампирову в рабочем порядке. Анна Васильевна, – обратился он к ученому секретарю Сапрыкиной, – запишите, пожалуйста, мои слова в протокол. Предлагаю утвердить. Кто дальше? Ассистент Корж? Прошу вас. Мы много времени теряем понапрасну. Побыстрее, пожалуйста.

Конец заседания был явно скомкан. Пропала четкость, преподаватели докладывали сбивчиво, Закарян всех обрывал на полуслове и, наконец, пожелав присутствующим спокойного, здорового и активного отдыха, а также дальнейших творческих успехов, закончил заседание.

Потом он нервно подписал все индивидуальные планы, попрощался с каждым персонально за руку и, еще раз пожелав хорошо отдохнуть, ушел первым. За ним упорхнула

Сапрыкина. Следом – Гамов и Кириллюк. Остались относительно молодые и еще моложе. Все, кроме Сени, преодолевая остаточное чувство неловкости, вышли в коридор – кто покурить, кто просто так постоять с товарищами перед расставанием. Ведь завтра в отпуск! На целых два месяца! Долой на это время всякую головную боль, все бумаги и планы, все занятия и расписания!

Сеня, гордый своим, как он считал, смелым поведением на заседании, заканчивал чистку рабочего стола. Он старательно убрал с него все, что там обычно лежало в силу повседневной необходимости: книги, тетради, бумаги и даже коробку с распечатками программ. Влажной тряпочкой он с особым усердием протер столешницу, запер все замки, не забыв для надежности подергать каждый ящик, сложил все, что считал нужным, в портфель и вспомнил о сочном белом яблоке, которое мама заботливо сунула ему в портфель перед уходом на последнее заседание.

Итак, дебют он отыграл с успехом. Первый учебный год, проведенный в роли преподавателя, закончен с блеском. Так, как он с детства привык завершать все. И все пункты плана выполнил, как положено, и напоследок сумел лицо свое перед шефом показать в нужном виде. Сеня с хрустом откусил кусок яблока и стал жевать, наслаждаясь кисло-сладкой мякотью. Вот отгуляет он отпуск, а потом, улучив минутку, попросит шефа подыскать ему научное направление для работы над докторской. Времени терять нельзя. Это единствен-

ное, чего не наверстаешь. Так его наставил папа. Воистину, его папа – самый лучший отец и самый мудрый человек в мире. Уж он-то знает в жизни толк!

Доев яблоко, Сеня выбросил огрызок в урну и, подхватив новенький портфель крокодиловой кожи (подарок папы, привезенный в марте из Австралии), с горделивым видом направился к выходу. За дверью гудели голоса преподавателей. Порой раздавался сдержанный смех. Иногда кто-то что-то темпераментно рассказывал, а кто-то другой пытался перебить рассказчика.

Когда же Сеня вышел в коридор, где стояли шумные коллеги, там неожиданно воцарилась какая-то напряженная тишина. «Ага, – подумал Сеня, – зауважали! То-то!»! Ничего, он еще не так задаст тон на новом месте! Папин опыт – великое дело! Нужно только неукоснительно следовать его наставлениям – он сыну плохого не посоветует!

Подойдя к столпившимся сотрудникам, Сеня остановился, ожидая, что сейчас они расступятся, чтобы пропустить его. Но никто почему-то даже не намеревался этого делать. Они молча продолжали стоять в прежних позах, словно не замечая его появления. Кочин небрежно пыхнул сигаретой, и густой клуб синего дыма обильно окутал Сенино круглое, как луна лицо, лоснящееся от пота. Сеня брезгливо поморщился и отшатнулся в сторону.

– Разрешите пройти, – недовольно процедил он с гримасой пренебрежения на красной от летней жары физиономии.

Реакции не последовало. Тогда Сеня попытался деликатно оттеснить старшего преподавателя Маневича, чтобы боком протиснуться между ним и доцентом Калгановым. Но те стояли на месте, словно каменные изваяния.

– Ты чего толкаешься? – выверился на Сеню Миша Корж, вчерашний аспирант Закаряна.

– Я, кажется, попросил разрешения пройти, – ехидно заметил Сеня.

– А ты его получил? – спросил Корж с металлом в голосе. Сеня, недоумевая, молчал. Молчали остальные. С невероятной скоростью нарастало нервное напряжение. Казалось, еще несколько секунд, и между Сеней и Коржом сверкнет молния или вспыхнет дуговой разряд, как при электросварке.

– И долго мы будем так стоять? – раздраженно спросил Сеня.

– Тебе, кажется, вопрос задали? – ответил Корж, – У культурных людей на вопросы отвечать принято, а не свои в ответ задавать. Тем более, когда тебя старшие коллеги спрашивают.

– Что Вам от меня нужно? – возмутился Сеня.

– Послушай-ка, ты, гнида! К тебе разговор небольшой, – произнес Корж таким леденящим душу тоном, что у Сени слегка задрожали коленки. Лицо покрылось красными и белыми пятнами, а лоб – крупными каплями холодного пота.

– Ты что же, свиной обсосок, решил со своим уставом в

наш монастырь вприщитаться? А знаешь ли ты, какие у нас на этот счет традиции?

– Интересно, какие же? – поинтересовался Сеня с напускной дерзостью, нервозно ерзая спиной о металлическую стойку авторегистратора.

– Простые – как у всех порядочных! Беседовать по-мужски. – Корж замолчал, и стало так тихо, что в коридоре было слышно, как где-то на Пушкинской громыкает трамвай. – Что вылупил свои моргалки пороссячи, как баран яйца? Не веришь, что сейчас по мусалам сожрешь?

Миша Корж был на полголовы ниже Сени, но поджарым и жилистым и наступал на него с такой напористостью, что Сеня робко попятился, так что плотно уперся спиной в холодную панель стального шкафа, начиненного электроникой.

– Да я просто... Я хотел... Ну, Вы меня не совсем верно поняли – я хотел...

– Вы только посмотрите, каким гением обогатилась наша кафедра! Его поступки и изречения столь глубокомысленны и интеллектуальны, что мы тут по своей серости даже понять их не в состоянии! – Корж, глядя на собравшихся, сделал жест рукой, подчеркивая многозначительность Сениной персоны.

Тот стоял, весь обмякший, и растерянно моргал испуганными глазами.

– Я... это... просто хотел...

– Ну, чего ты, серун, хотел? Обгадить товарища? Полу-

читать удовольствие от унижения коллеги? Ты что, извращенец?

– Нет-нет... Тут совсем не то... Я хотел посмотреть...

Неожиданно Сеня овладел собой и, выпятив колесом грудь, помпезно изрек:

– Это работа! Здесь нужно быть ответственным, добросовестным, объективным и принципиальным! Моя совесть чиста – я поступил, как подобает честному человеку на своем рабочем месте!

– Так ты решил заработать себе имя честного и принципиального ценой унижения других? – пробасил сорокапятилетний доцент Калганов. – Да! Можно выплыть двумя способами. Либо барахтаясь собственными силами, либо топя других и становясь им на головы. Так ты, сучий вылупок, решил пойти легким путем? В каком стаде тебя воспитывали? Даже волки приходят на помощь сородичам, а не прячутся за их спины в ответственные минуты!

– А «сучий вылупок» – это уже оскорбление, при том при свидетелях! – возмутился Сеня. – За это можно и к судебной ответственности привлечь!

– Что? Кто здесь кого оскорбил? – поинтересовался Кочин. – Кто-нибудь слышал?

– Я, например, все время здесь стою, а вот такого ничего не слышал, – ответил Стеблянко, ассистент без степени, но с солидным стажем. При этом он скроил такую невинную физиономию, что всем стало ясно, как день – он говорит чи-

стую, святую правду.

– А я слы-ы-ышал, – ответил Корж с самым серьезным видом.

– И что же ты слышал? – продолжал любопытствовать Кочин.

– Я четко слышал, как молодой ассистент Ампиоров Семен Валентинович, – он ткнул пальцем Сеню в пухлый живот, – обозвал всеми нами уважаемого доцента Калганова Ивана Федоровича, человека в летах, оскорбительным словом – «сучий вылупок». Даже повторить совестно! А еще молодой преподаватель! Ка-тэ-эн! Студентов воспитывает!

– А-а-а... – протянул рано полысевший Стеблянко, – действительно, я ведь это тоже слышал! Как же это я мог запомнить! За это действительно можно и к ответственности привлечь! А вот и Дементий Янович Проскурня – член профкома. Иван Федорович, подавайте заявление, не отходя от кассы – мы тоже подпишемся. Примешь, Дементий Янович?

– Да хоть сейчас. Пишите, Иван Федорович. Тут, если что – и партийная организация вмешается. Партия – наш рулевой! Верно?

Сеня сник, и Корж, прикинув, что сейчас самое время проводить воспитательную работу, решил приступить к действию немедленно:

– Ах ты, конский педераст!!! Задумал нас перевоспитывать? И ты думал, что если тут интеллигентные люди, то

они перед тобой головы склонят? Постесняются вступить за товарища? Испугаются твоего папочки, как приятеля Закаряна? Не так, дядя, свинью смалишь! Переверни – а то спалишь! Ей-Богу, не твоя планида сегодня взошла на небо-склоне!

– Как видно, это мурмыло никто никогда не воспитывал! – вмешался Кочин. – Ты, видимо, в детстве недополучил по нюхалу – я так понимаю. Но через это должен пройти каждый настоящий мужчина. Так вот, здесь эти ошибки умеют исправлять быстро и очень даже хорошо.

– Слушай, ты, харчок туберкулезника! Крысиный потрох с кошачьей блевотиной! Ты знаешь, где находится Земля Королевы Мод? – скрипнув зубами, поинтересовался Корж.

– Ммм... как это понимать? – удивленно спросил Сеня, но все молчали. – Ну, в этой, Антарктиде, кажется... – пролепетал Сеня и с усилием проглотил слюну. Его кадык судорожно подтянулся почти к самому подбородку и вновь бес-сильно опустился вниз.

– Вот-вот! Ты не хотел бы туда отправиться? А?

– С какой... целью? – спросил Сеня, как загипнотизированный.

– Чтобы мне не пришлось тебя убивать! – саркастически пропел Миша.

Сеня молчал, переминаясь с ноги на ногу, и поглядывал на входную дверь в надежде на то, что там появится Закарян или еще кто-либо, чтобы прийти ему на выручку. Но за две-

рью было тихо, как в подземелье.

– Что, мужики, дадим ему сейчас по грызлу или отложим на потом? – деловито спросил Корж.

– А зачем откладывать? Потом может быть поздно. Нужно воспитывать, пока поперек лавки лежит, – философски прокомментировал Проскурня.

– Отложим на потом, – снисходительно предложил Кочин. – По уважительной причине. А то уписается – убирай потом за ним. Не меньше года тогда смердеть здесь будет!

– Пожалуй, – согласился Миша, – Так вот, полупадаль, уноси отсюда поскорее свой жирный курдюк и помни – мы не забываем ни-че-го! Понял?

– Да... Я понял...

– Тогда шагай! Шагай! – скомандовал Миша Корж и отошел в сторону, давая Сене дорогу.

Сеня, спотыкаясь, мелкой рысцой потрусил к выходу. Он чувствовал, что вот-вот и впрямь уписается. У двери он на мгновение остановился и оглянулся. Корж цыкнул ему вслед:

– Сквози-сквози, пока хрюкальник не разукрасили!

Сеня захлопнул дверь, и когда его шаги в отдалении стихли, Корж неподдельно расхохотался.

– Ну и профуру же нам хозяин навязал! – сказал он, гася сигарету.

– Ничего, не таким рога обламывали, – процедил Кочин, открывая дверь преподавательской.

Сеня не шел – бежал по направлению к дому, едва сдерживая слезы. Он ожидал какого угодно исхода отчетного заседания, но только не такого.

Будучи студентом, он добросовестно учился, любил покрасоваться перед преподавателями. И ему это большей частью легко удавалось.

Потом аспирантура – формально на кафедре и под руководством самого ректора. На деле же ректор выступал здесь только в роли свадебного генерала, а настоящим руководителем был доцент папиной кафедры Виктор Иванович Дащук. «Сделаете Сеню кандидатом наук – вам к докторской зеленая улица», – обещал Валентин Аркадьевич Дащуку. И тот талантливо и добросовестно исполнял просьбу шефа, а Сеня с утра до вечера толочся на папочкиной кафедре. Единственная ЭВМ – «Наири» – была в полном распоряжении Сени.

А Сеня исподтишка следил за преподавателями и время от времени подкидывал папе информацию, и в таком ключе, в котором тот желал бы получить ее. Некоторые опасались его, избегали встречи с ним, другие же его в упор не замечали. А он мечтал достичь такого положения, чтобы перед ним заискивали. Но, к чести преподавателей, до этого не опустился никто. Однако Сеня все же чувствовал себя фигурой, от которой на кафедре зависели покой и благополучие некоторых преподавателей и с которой волей-неволей приходилось считаться. Все кроме Шориной его, не таясь, презирали, но открыто против него выступал только Володя

Абросимов, которого Валентин Аркадьевич и выгнал спустя некоторое время. В общем, за время аспирантуры Сеня почувствовал себя значительной в этой жизни величиной и решил, что так будет и дальше. Тем более что Закарян был с папой на короткой ноге и охотно пошел навстречу Валентину Аркадьевичу, приняв Сеню к себе в ассистенты.

И вдруг – такая выволочка! Как шелудивому котенку, нагадившему в хозяйкину постель! Такое унижение! И от кого? От людей, которые, по идее, должны были перед ним заискивать или, по крайней мере, стремиться не портить с ним отношений, учитывая папину дружбу с Закаряном! Как же так?

Да!.. Где-то в папиных наставлениях был явный прокол. Попробуй теперь разберись – где! Надо искать выход, но уже самому, больше не надеясь на папины советы.

Мама встретила его с улыбкой восхищения.

– Ну как, Сенечка? Утвердили?

– Да, все в порядке, – кисло ответил Сеня, ставя тяжелый портфель под вешалку.

– Что-то не так, сынок? – беспокоилась мама, – К тебе были претензии?

– Да нет же! Сказано – все в порядке! Не приставай ко мне, мама! По-жа-луй-ста!

Мама скрылась в кухне с сочувствием на лице. А Сеня ушел в свою комнату, сбросил тапочки и лег на кушетку, прикрыв голову диванной подушечкой.

Однако с тех пор, по словам Миши Коржа, везде, а особенно на отчетных заседаниях кафедры, Сеня стал – само доброжелательство. Когда Закарян ставил на голосование вопрос: «Кто за то, чтобы утвердить...» – Сеня первый поднимал руку.

Юлий Гарбузов

9 января 2002 года, среда

Харьков, Украина

46. Конференция в Томске

Меня давно уже мучил голод, и я тысячу раз пожалел, что в Домодедово не купил ничего съестного, поверив заверениям Ампинова, что в полете нас покормят вскоре после взлета. Шел уже третий час полета, а кормить нас никто и не думал. Казалось, что желанная минута не настанет никогда. Но вот до моего обоняния донесся запах отварной курятины, и в конце салона, вернее, в его начале, показалась стройная красавица-стюардесса с тележкой. Все стали поспешно готовиться к трапезе, а Ампинов наклонился и, криво усмехнувшись, посмотрел на меня насмешливым взглядом:

– Ну вот, Гена, и Ваш долгожданный обед на подходе. А Вы уже было испугались, что Вас обрекли на голодную смерть. Скажите честно, Вы все это время думали о чем-нибудь, кроме еды?

– Да где уж нам, Валентин Аркадьевич! О чем еще можно было думать? – в тон ему ответил я.

– А Вы в принципе о чем-то, кроме еды и отдыха, когда-нибудь думаете? – продолжал заедаться шеф. – Ах, да, совсем забыл! О прекрасном поле еще!

– Еще – о картах и вине! Вас устраивает? – ответил я с раздражением.

– Все! Все! Хватит! Нам обед принесли! – возмутился сидящий между нами Будник. – Дайте спокойно поесть!

Ампиров пытался изгаляться еще, но мы с Будником были поглощены едой и на его юмор висельника никак не реагировали. Видя, что его, так сказать, «остроты» остаются без внимания, Ампиров принялся молча уплетать обед.

Управившись с едой, я вытер салфеткой губы и, расслабившись, откинулся на спинку кресла. За иллюминатором внизу в межоблачных просветах проплывал все тот же лес.

– А под нами все тайга. Уже три часа подряд, – констатировал я.

– Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги... – улыбнувшись своей обаятельной улыбкой, пропел Будник.

– Будь это международный рейс, нам бы сейчас дали еще по соточке коньячку. Или виски, – сказал Ампиров, дожевывая свою порцию курятины. – Там сервис на высоте. И рассчитан на культурного, высоко сознательного человека. Хочешь – пей, не хочешь – не пей. Как тебе обстановка позволяет. Но если что входит в стоимость билета, то будет обеспечено.

Ампиров откинул спинку кресла и, немного поерзав, вскоре задремал. Мы с Мишей последовали его примеру.

– Гена! Гена, кончай ночевать! – услышал я сквозь сон голос Будника. – Стюардесса сказала пристегиваться. На посадку идем.

Рядом с ним, пытаясь, Ампиров защелкнул карабин пристежного ремня и, довольный собой, скроив гримасу прене-

брежения, посмотрел на нас с Мишей. Я подогнал под себя длину ремня и тоже защелкнул карабин.

Полчаса спустя мы уже читали приветственные плакаты и объявления в помещении аэровокзала. По радио объявили, что для участников конференции по распространению радиоволн подан автобус, который всех отвезет в гостиницу «Томск».

– Валентин Аркадьевич, автобус прямо до гостиницы! Пойдемте! – обрадовался Будник.

Но Ампиоров, как всегда, решил действовать по собственному плану:

– Успокойтесь, Миша. Мы этим автобусом не поедем.

– Почему? – спросили мы с Будником, не сговариваясь, дуэтом.

– Объясняю, – с деловым видом ответил шеф и озабоченно посмотрел на часы. – Сейчас уже двадцать минут десятого. Пленарное заседание, на котором нам нельзя не быть, в тринадцать ноль-ноль. В гостинице будем через час, не раньше. А там сейчас из одних только участников очередь, как в голодовку за хлебом. К пленарному можем не успеть, что для нас никак не допустимо. А так – мы поедем городским автобусом, приедем прямо в университет, зарегистрируемся в оргкомитете, получим программу конференции, найдем нужных людей, отдадим документы, рекомендательные письма, литературу, что облегчит нам руки, раззнакоимся с полезными людьми, что для нас важнее всего, потом по-

обедаем и спокойно пойдем на пленарное. После пленарного уладим еще кое-какие дела, а там – пожалуйста – в гостиницу. Очереди уже не будет, что я расцениваю, как большой плюс. Так как времени у нас совсем мало. После размещения мы немного отдохнем и начнем готовиться к нашим завтрашним докладам.

– А мне кажется, Валентин Аркадьевич, нужно действовать по плану, разработанному оргкомитетом. Прежде всего, надо поселиться, чтобы потом не думать о ночлеге...

– Когда кажется, Гена, старые люди советуют креститься. Какая вам разница, когда поселяться? Те, кто рассуждает так, как вы, пусть выстаивают миллионную очередь. А мы будем умнее – употребим это время с пользой для дела. Вечером поселимся. Количество мест, забронированных в гостинице, рассчитано по нашим анкетам, которые мы отправили сюда месяц тому назад. Никто их не займет. Вещей у нас немного – вот только книги раздадим и будем совсем налегке. Так что шлепаем на городской автобус.

– Валентин Аркадьевич, – сказал Будник с досадой в голосе, – все же Гена прав. Мы неоправданно рискуем. Прозеваем гостиницу – будем мучиться до конца конференции. Предлагаю соломоново решение: Вы с Геной едете в оргкомитет, а я – в гостиницу, займусь вопросом поселения...

– Миша, не морочьте голову. Без Вашего присутствия я не могу беседовать с казанцами и одесситами. Вы это знаете не хуже меня, – решительно отверг его инициативу Ампиоров.

– Тогда я могу отправиться в гостиницу, – вклинился я.

– Гена, и Вы туда же! А с москвичами кто будет договариваться? Там из ВПК будут, возникнут вопросы, которыми занимались только Вы. А с представителями военного НИИ? И моряки там уже наверняка торчат. Нет, все втроем едем в университет! – решительно возразил шеф.

– Но мы можем это сделать потом – после пленарного, на заседаниях секций или вообще после окончания конференции! – не сдавался я.

– Гена, перестаньте демагогию гнать! Потом все будут усталые и пьяные. И думать будут только о гульбище, именуемом банкетом. Так что едем городским рейсовым автобусом.

Автобус, стоящий у порога аэровокзала, был переполнен. Но Ампиоров отказался ждать следующего, и мы втиснулись в него, осыпаясь проклятиями пассажиров, которые мы с Будником смиренно сносили, а шеф не оставался в долгу ни перед кем. Оставив свои вещи на наше попечение, он бесцеремонно протолкался к водителю и долго выяснял, на какой остановке нужно выйти, чтобы попасть в университет. Водитель пообещал предупредить заранее. Тогда шеф спросил:

– Вы мимо самого университета проезжаете?

– Проезжаем. А остановка всего за квартал от входа в университет. Езжайте спокойно, я объявлю за две остановки до вашего выхода, – любезно сказал водитель.

– Спасибо, – поблагодарил его Ампиоров. – А не сможете

ли Вы остановить автобус как раз у входа?

– Нет, не смогу, – ответил водитель.

– А если мы вас об этом очень попросим? – продолжал давить на него шеф.

– Я же сказал, не могу. Не имею права, понимаете? Не положено.

– А исключение нельзя сделать? – никак не унимался шеф.

– Нет, нельзя. Если я буду делать остановки по заказу для каждого, то я и до вечера не доеду до конечной. А у меня график, – оправдывался водитель.

– Но мы не «каждые», поймите нас, пожалуйста. Мы – участники всесоюзной конференции по распространению радиоволн. Доктора наук, профессора, академики. Вот, только что прибывшим самолетом из Москвы прилетели. Да еще и с общественным грузом, понимаете? Вот наши удостоверения, посмотрите, – шеф протянул свой рабочий пропуск водителю, который неотрывно следил за беспокойной дорогой.

– Не нужны мне ваши удостоверения, я и так Вам верю. Но не могу. И исключений мы не делаем ни для кого, – не сдавался водитель.

– У вас здесь что, каждый день всесоюзные мероприятия проводятся? Когда у вас последний раз такое было? – продолжал свое наступление Ампиров.

– Да не знаю я! Дайте мне спокойно работать! – не без раздражения ответил водитель.

– Да сделайте для нас, пожалуйста, исключение ради такого события в вашем городе. По такому случаю в Томск целый ряд дефицитных товаров завезли. Это в программе «Время» сообщили. А Вы вот нам в такой простой любезности отказываете, – настаивал шеф.

– Ладно, Бог с вами. Уговорили, – сдался, наконец, водитель.

– Спасибо. Это Вам в память о нашем разговоре, – сказал шеф и положил перед водителем на полку с мелочью новенькую тридцатикопеечную шариковую ручку производства Харьковского завода «Авторучка».

Водитель остановил автобус буквально у порога университета. Мы, наконец-то, выгрузились, а Ампилов, выскочив первым, побежал в помещение, даже не поблагодарив уступчивого водителя. Это дело мы с Будником взяли на себя и после слов благодарности помахали на прощанье рукой вслед удаляющемуся автобусу.

В вестибюле стояли регистрационные столы, около которых толпились участники. Ампилов уже стоял у стола с табличкой «А-Б» и махал нам рукой.

– Вот, – сказал он, отойдя от стола, и вручая Буднику коричневую папку участника. – Нас с Мишей я уже зарегистрировал. Молодые люди из Минска, стоящие впереди, любезно согласились пропустить занятого профессора. Теперь мы с Мишей пойдем в оргкомитет, чтобы успеть сделать все организационные дела. А Вы, Гена, после того как зарегистриру-

етесь, зайдите в партком – Вам помогут найти его при регистрации – и отдайте им вот эту стопку брошюр и эти журналы для передачи Николаю Дементьевичу Калиберде. Запишите, а то фамилия не совсем обычная – можно забыть. Потом найдите казанцев. В частности, Петрова, и постарайтесь выведать, с чем они сюда приехали. Но только так, чтобы ни в коем случае не открыть им преждевременно наших ноу-хау! Тут Ваша цепкая «память разведчика» должна сослужить нам ценную службу. Наш доклад в программе поставлен перед казанским, поэтому что бы мы ни доложили, они скажут: «У нас то же, что и у харьковчан, а кроме того...» ну, и так далее. Как это обычно делается. Поэтому информация о том, что у них сделано из того, чего нет у нас, поможет нам существенно нейтрализовать их преимущество первого хода. Здесь как в шахматах. Не умеем играть, значит будем использовать опыт Остапа Бендера! Ха-ха-ха! И еще. Тут собирают деньги на банкет. Не вздумайте сдавать. Обойдемся. Ну, Миша, пошли.

Шеф и Будник оставили у моих ног две стопки брошюр и журналов, перехваченные бечевкой, и ушли вверх по лестнице, куда указывала стрелка с надписью «Оргкомитет». А я подхватил свой мягкий чемодан и брошюры с журналами и стал в очередь к регистрационному столу с табличкой «Н-О».

При регистрации меня спросили относительно участия в банкете по окончании конференции.

– Где будет проводиться банкет? – спросил я у очаровательной регистраторши.

– На нашей базе отдыха – в тайге на берегу реки Обь, – ответила она, обворожительно улыбаясь.

– Какова сумма взноса?

– Пятьдесят рублей. Там у нас чудесный банкетный зал, уютные жилые домики. Можно порыбачить, если здесь заранее снасти приобрести. Соглашайтесь, Геннадий Алексеевич, – сказала девушка, игриво откинув за ухо ниспадавший на глаз непослушный золотистый локон.

– А Вы там будете? – поинтересовался я.

– Всенепременно! – кокетливо ответила регистраторша, еще раз одарив меня восхитительной улыбкой.

Я заплатил деньги, получил именно приглашающий на банкет и, еще с минуту полюбовавшись красавицей-регистраторшей, пошел выполнять поручения Ампинова.

Сидор Никонович Петров, как председатель секции, был на своем «боевом посту». Увидев меня, он искренне обрадовался встрече:

– Здравствуйте, Геннадий Алексеевич! А Валентин Аркадьевич уже здесь?

– Здесь, здесь. В оргкомитет с Мишей Будником пошел, – ответил я. – Ну как, с чем вы на этот раз приехали?

– О! Сразу чувствуется ампиновская выучка. С места – в карьер. В основном то же, что у вас. Статистика ошибок на наших трассах, суточный и сезонный ход численностей

и прочая банальность. И еще ошибки для пассивного метода проверили. Как тогда в Апатитах заказчики просили. Помните? А Вы?

«Стоп! – подумал я. – У нас нет статистики для пассивного метода!»

– Вы очень верно сказали. Мы сделали все то же, только для наших трасс, – ответил я, пожимая плечами.

– А оригинального ничего не привезли? – поинтересовался Петров.

– Лично я – нет. А что касается Будника, об этом у меня нет информации, – уклончиво ответил я. – А кто еще из ваших приехал?

– Все те же в основном. Из новичков один только Фархадов Шарип. Молодоевропейский аспирант, Вы его не знаете. Остальные – давние ваши знакомые: Володя Климовецкий, Розия Алимова, Берзон, Саболдашев. Последние трое – материалы своих диссертаций привезли на апробацию. А Вы свои тоже привезли, небось?

– Пока что нет. Материала маловато, – сказал я с болью в сердце.

– Да будет Вам, Гена, прибудняться. Вы еще на предыдущей конференции в Апатитах достаточно материала представили. Что, шеф все пытается еще что-то из Вас выжать? – поинтересовался он, почему-то внезапно сменив полушутливый тон на серьезный.

– Откуда я знаю, что там у него на уме? – задал я риторич-

ческий вопрос.

В это время вошли Ампилов с Будником, и шеф, подняв руку в приветствии и изобразив на лице подобие улыбки, сказал:

– Ба! Знакомые все лица! С прибытием, Сидор Никонovich. Вы давно бишь тут уже обретаетесь?

– Да третий день, почитай, Валентин Аркадьевич. Рад приветствовать Вас, коллега.

После обмена рукопожатиями Ампилов спросил:

– Вы тут уже все с Геной выяснили?

– Я-то все, а что касается Геннадия Алексеевича – не знаю. Его спрашивайте, – ответил он не без намека на всем известные ампиловские разведывательные мероприятия.

– Да я так, зашел вот поздороваться с уважаемым Сидором Никонovichем, – постарался я как-то выручить шефа. – А как Вы узнали, что я здесь?

– Я Вас уже, Гена, не первый год знаю. Вас же медом не корми – только дай поболтать, чтоб от работы подальше. Вот я Вас и подловил, – зло подыграл мне Ампилов. – Ну, если у Вас все, пойдём на пленарное. Вы идёте, Сидор Никонич?

– Я чуть позже. Мне тут ещё позвонить надо, – отказался Петров и, раскрыв записную книжку, принялся набирать телефонный номер.

Мы вышли в коридор, и Ампилов тут же спросил:

– Ну как, Гена, есть новости с фронта?

– Только одна, – ответил я, будучи уверен в том, что шеф

сейчас, как всегда, начнет меня хаять за то, что так мало узнал.

– И какая? – насторожился шеф, словно ожидая удара «под дых».

– Да так, ничего существенного. Они обсчитали статистику пассивного метода.

– Ах, туды твою мать! – в сердцах выкрикнул шеф, ударив себя кулаком по ладони. – Ничего себе, сказала я себе! Как это ничего существенного? Как это ничего существенного?! Вы помните Апатиты? Там же военные просили нас вплотную заняться этим вопросом! А теперь, если мы не примем мер, они эту работу казанцам поручат, раз у них уже задел имеется! Изю рта вырывают, сволочи! Вы, Гена, как говорил наш уважаемый Лагода, ухватили здесь быка за рога! Но Вы же и упустили это дома! Это нужно было во что бы то ни стало обсчитать. А Вы, как всегда, считали ворон на заборе.

– Валентин Аркадьевич, зачем Вы мне приписываете свои упущения? Ведь я Вам говорил, что надо бы этим заняться, а Вы что? Вы сказали, что это для нас несущественно! Велели заниматься предельными точностями! Вспомните! – негодовал я.

– Как! Вы сами отложили это на «потом»! Вам лечиться надо! От склероза лечиться! Вы упустили время, похерили это дело, а потом пришлось срочно заниматься только первоочередным – тем, за что задницу бьют! – орал шеф, пытаюсь подавить меня криком.

– Не кричите, я не глухой! – разъярялся я. – Вы с самого начала подавили эту мою инициативу! Так теперь хотя бы сознайтесь в собственном промахе!

Ампиров не собирался сдавать позиции. Я тоже. Но Будник дернул меня сзади за пиджак – остановись, мол.

– Вы прощелкали золотое времечко, похерили мое задание, так теперь хотя бы честно сознайтесь, что проехали мимо! Бездельничаете, а потом у Вас Валентин Аркадьевич виноват! Нехорошо так, Гена!

Он беленился еще некоторое время, но я, решив, что сейчас лучше всего послушаться совета Будника, молчал, как партизан на допросе в гестапо. Видимо, восприняв мое молчание как косвенное признание поражения, шеф, наконец, тоже умолк.

Когда мы вошли в зал, где намечалось пленарное заседание, Ампиров шепнул мне на ухо:

– Гена, Вы только посмотрите: умные люди уже заняли все лучшие места, то есть в задних и даже средних рядах. Не заполнены только первые ряды. Эти люди не знали, куда девать время, и прибежали сюда уже давно, чтобы убить его и не оказаться в нашем с Вами положении. Мы с Вами занимались делом, и в результате получили то, что есть. Тут всегда одна и та же дилемма: либо – либо. Что ж, у нас нет выбора. Пойдемте вперед.

Мы сели во втором ряду. Шеф осмотрелся по сторонам и, не увидев рядом Будника, спросил:

– А куда это Миша успел исчезнуть?

– Где-то сзади сидит. Его увидел Яша Берзон из Казани и позвал к себе, – пояснил я.

– Сейчас этот хитрый еврей начнет у него выпытывать, что тут у нас да как, – забеспокоился Ампилов. – А простофиля Будник может перед ним все карты начистоту выложить!

– Да ничего он не выложит, Валентин Аркадьевич. Зря волнуетесь, – попытался я успокоить шефа.

Ректор университета торжественно открыл конференцию. Все заплодировали, мы с шефом тоже. Ректор предложил состав президиума. Все проголосовали «за», и названные люди незамедлительно заняли свои почетные места. В центре сидел крупный худощавый мужчина лет пятидесяти с немного вытянутым прямоугольным ширококоротым лицом. Неумело завязанный галстук темно-серого цвета был заметно сдвинут на сторону. Углы воротника белоснежной накрахмаленной сорочки, висевшего хомутом на жилистой шее, слегка топорщились, а дорогой серый пиджак, надетый по столь торжественному случаю, как всесоюзная конференция, как-то неуклюже сидел на широченных плечах. Густые светлорусые волосы местами вздыбливались непослушными вихрами и легонько подрагивали при малейшем движении головы. Взглянув на него, Ампилов тронул меня локтем и тихо сказал с презрительной ухмылкой:

– Геннадий Алексеевич, посмотрите на физиономию вон того типа в сером пиджаке. Видимо, какой-то представитель

местных партийных властей. На лице – полное отсутствие малейших признаков интеллекта!

– Похоже, Валентин Аркадьевич, – согласился я.

После короткой приветственной речи ректор, не забыв поблагодарить за процветание самой передовой в мире советской науки родную Коммунистическую партию во главе с ее ленинским Центральным комитетом и лично Леонида Ильича Брежнева, торжественно объявил:

– Слово для пленарного доклада предоставляется заслуженному деятелю науки СССР академику Бруеву Федору Абакумовичу.

С места поднялся тот самый угловатого вида человек, на лице которого Ампиоров только что констатировал полное отсутствие интеллекта, и направился к кафедре, увенчанной гербом СССР. От удивления у Ампиорова перехватило дыхание.

– Подумать только! Все же, как иногда может быть обманчив внешний вид! – поспешил он оправдаться.

Академик Бруев начал монотонно читать свой доклад и, когда в потоке топорных фраз он произнес «хваторы», а потом «средства», шеф не удержался, чтобы, трясаясь от приступа смеха, не шепнуть мне на ухо:

– А все же... ха-ха-ха... насчет интеллекта я, кажется, не ошибся! Ха-ха-ха-ха...

После пленарного заседания шеф остановил Будника на выходе из зала и, не обращая внимания на беседующего с

ним Берзона, протянул ему картонную папку со словами:

– Миша, срочно догоните Профессора Буйнова. Он, я видел, в туалет пошел. Отдайте ему вот эти документы. А мы с Геной сейчас военных перехватим, пока они пьянствовать не ушли.

Ловко маневрируя среди участников, Ампилов настиг коротко подстриженного блондина спортивного вида, лет со сорока, и взял его за локоть.

– Виктор Палыч, здравствуйте!

Блондин обернулся и, узрев Ампилова, расплылся перед ним в улыбке:

– Здравствуйте, Валентин Аркадьевич! Рад Вас приветствовать на сибирской земле. Как долетели?

– Спасибо, нормально, – ответил Ампилов, незамедлительно переходя к делу. – Познакомьтесь. Это Геннадий Алексеевич Очерет, наш мозговой центр, особенно по части систем единого времени. Он, как и Вы, родом из запорожских казаков!

– Даже так? – сказал блондин, пожимая мою руку. – Савчук Виктор Павлович. Вы из самого Запорожья?

– Да, до пятьдесят восьмого года в Запорожье жил. Там школу закончил, затем учился в Харькове, где потом осел и обитаю по сей день, – ответил я.

– А я таким же макаром в Москве осел, – пояснил Савчук. Ампилов решительно прервал наш диалог:

– Виктор Палыч, Вы обещали оставить свои координаты.

Я хотел бы, чтобы Вы пообщались с Геннадием Алексеевичем на предмет нашего возможного сотрудничества.

– Валентин Аркадьевич, – извиняющимся тоном сказал Савчук. – Давайте завтра. Я буду присутствовать на заседании вашей секции. Там и поговорим. Сейчас нас на обед повезут – автобус у порога ждет. Извините.

С этими словами он проворно побежал вниз по лестнице, а Ампилов, скривившись от досады, недовольно буркнул:

– Чертовы лодыри! У всех только обед, отдых да развлечения на уме! Дела на «потом» откладываются! Кстати, Генна, нам тоже пообедать не лишне. А вот и Миша идет. Ну, как дела, Миша? Вы что, с Буйновым не беседовали?

– Как не беседовал?! – возмутился Будник.

– А почему папку с документами не отдали?

– Он сказал, что ему сейчас некуда ее девать. Просил завтра после заседания секции к нему подойти. Обедать пошел – там, говорит, автобус ждет.

Ампилов скривился, как от глотка касторки.

– Черт возьми, каждый – крупный швецер! Ну, пуп земли и все! И этот такой же! – в сердцах сказал он.

Когда мы вышли на улицу, автобуса уже не было. Но у дороги толпились участники. Ампилов обратился к импозантному лысоватому толстяку со значком члена оргкомитета:

– Что же Вы отправили автобус, не забрав остальных? Так нехорошо.

– Да Вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Автобус не может

увезти всех за один раз. Сейчас он снова приедет.

Через час автобус доставил нас в ресторан, где снова пришлось ждать, пока освободятся места. После столь позднего обеда, опять же вторым рейсом, мы прибыли, наконец, в гостиницу «Томск». Входя в холл, Ампилов торжествующе сказал:

– У окошка администратора – ноль человек. Красота! А прибудь мы тогда со всеми, стояли бы в очереди, как нищие в Париже за луковым супом. И столько бы времени улетело в трубу!

Но когда мы подали документы для поселения, нас постигли удар и горькое разочарование – мест не было.

– Как это, для участников всесоюзной конференции у вас мест нет?! – разорвался Ампилов. – На нас должны быть забронированы места! Это в программе конференции черным по белому написано!

– Написано-то – написано, – сказала вежливая администраторша, – но броня была действительна только в течение трех суток. Сегодня в двадцать ноль-ноль ее срок истек, и все свободные номера поступили в распоряжение администрации. Где же вы были до сих пор?

– Это безобразие! – возмущался Ампилов. – Где представитель оргкомитета?! По неписанным правилам проведения конференций он обязан у вас до двенадцати ночи дежурить!

– Пожалуйста, на меня не кричите, – спокойно ответила администратор. – Ваши неписанные правила меня никак не

касаются. Сегодня представитель университета дежурил вон за тем столиком до половины девятого. Я вот даже табличку с надписью «Представитель оргкомитета» до сих пор сохранила. Три дня здесь по двенадцать часов сидел. А сегодня с утра поселение ваших участников оформляли десять сотрудников гостиницы одновременно. Чтобы люди в очереди не томились. За полчаса всех расселили, потом ни единого человека не было. Только вы вот – на ночь глядя явились: здрастье вам! Сочувствую, но ничем не могу помочь. Вот, если хотите, могу дать телефон представителя университета.

Ампиров взял бумажку с телефоном и тут же позвонил.

– Добрый вечер. Это из гостиницы «Томск». С Вами говорит профессор из Харькова – Ампиров Валентин Аркадьевич. Что за безобразие! Нас поселить отказываются! Фамилии? Ампиров, Будник и Очерет. Мы вовремя прибыли! Одни из первых зарегистрировались! Вы не имели права отдавать наши номера! Я впервые сталкиваюсь с подобным произволом! – Ампиров долго слушал. В конце концов, он снова заговорил. – Позвоните? Хорошо, мы ждем.

Ампиров положил трубку и сел в кресло, стоящее под пальмой у журнального столика напротив нас с Будником.

– Обещал куда-то позвонить, – с надеждой сказал он. – Они обязаны нас поселить, мерзавцы!

– Вот видите, Валентин Аркадьевич. Вы же сами всегда говорите, что нельзя надеяться на благополучное стечение обстоятельств. Надо было сначала поселиться, а потом...

– Миша, перестаньте хоть вы отнимать у меня остатки здоровья, – не дал ему договорить Ампилов. – Они обязаны были нас поселить! Не нужно списывать на меня чью-то безалаберность! Разгильдяи, они и есть разгильдяи, везде – даже в Африке. Никто работать не хочет! Все только уловки ищут, чтоб от дела отлынивать!

Я взял лежащий на столике журнал «Вокруг света» и принялся его листать в ожидании развязки.

– Геннадий Алексеевич, как только Вам в такой ситуации в голову чтение идет? – возмутился Ампилов. – Вы еще детские журналы читаете. Сколько Вам лет?!

– Я, Валентин Аркадьевич, читал, читаю и буду читать то, что мне интересно, независимо от того, сколько мне лет, – ответил я, с трудом сдерживая негодование.

Телефонный звонок у администратора заставил Ампилова замолчать и прислушаться.

– Гостиница! – ответила администратор. – Да. Здесь. Сидят – ожидают. Какой? Поняла. Кого? Профессора? Хорошо. Когда? Сейчас передам.

Не кладя трубки, она просмотрела наши документы, лежащие перед нею, и позвала:

– Валентин Аркадьевич!

– Да! Я здесь, – отозвался шеф и мигом подбежал к окошку.

– Директору гостиницы звонили из оргкомитета. Он может поселить только Вас. Из собственного резерва един-

ственный одноместный номер вам выделяет, – сообщила администратор. – Остальных представитель оргкомитета может разместить только в новом университетском общежитии. Вы согласны?

– Спасибо, – сказал Ампилов с облегчением. – Конечно, согласны. У нас просто другого выхода нет.

– Они согласны, – сказала администратор в трубку. – Хорошо. Сейчас скажу. Все. Спокойной ночи.

Она положила трубку и протянула в окошко наши с Будником документы.

– За вами через полчаса университетская машина придет. Ожидайте в холле. А вам, Валентин Аркадьевич, я сейчас гостевую карту оформлю. Пять минут подождите, пожалуйста.

Будник сидел в кресле с таким видом, будто ему на голову вылили ведро нечистот. У меня, наверное, «видос» был не лучше. Я листал журнал, но сосредоточиться не мог ни на едином слове. Наши взгляды встретились, и мы молча опустили глаза. В кресле напротив лежал хорошо нам знакомый ампиловский портфель, вид которого вызвал во мне бурю злости и ненависти. Мне захотелось схватить его и растерзать на мелкие кусочки, растоптать, истереть в муку, сжечь в огне или бросить в какой-нибудь самый грязный и вонючий общественный выгребной сортир, какие бывают на автостанциях в Богом забытых захолустных городишках. В ту минуту он почему-то представился мне средоточием всей гнусности его хозяина.

– Вот видите, как все прекрасно устроилось, – сказал улыбающийся Ампилов, забирая свой портфель с кресла. – Скоро все будем при жилье. За Вами даже персональный автомобиль пришлют.

– Кому прекрасно, а кому в какой-то конуре все эти дни животеть, – возмутился Будник.

– Да что Вы, Миша, паникуете? Или Вам не все равно, где эти дни перекантоваться? Сейчас, пока Ваша машина не пришла, я Вам тут одно задание выдам, – с озабоченностью сказал Ампилов.

– Какое еще задание? Завтра уже, Валентин Аркадьевич! – в сердцах сказал я.

– Завтра, Геннадий Алексеевич, будет поздно. Дорого яичко ко Дню Христову.

Ампилов уселся в кресло, поставил портфель на пол и принялся писать на листке, вырванном из записной книжки.

– Вот, Гена. У Михаила Всеволодовича есть лист миллиметровки. Миша, это та «простыня», где оцифрованные данные за последнюю неделю. На обороте дата и время красным карандашом обозначены. Разберетесь. Так Вы по ним рассчитайте, пожалуйста, возможные погрешности пассивного метода на нашей трассе. Сколько успеете за ночь. На обороте постройте график. Красный карандаш вытрите. У кого-нибудь из Вас резинка есть?

Мы с Будником тупо уставились на шефа, онемев от неожиданности.

– Что, нет? Как же Вы на конференцию ехали? Я вот тоже не взял – честно говоря, на Вас надеялся. На вас только понадейся – что на одного, что на другого. Сейчас у администратора спросим, – протарахтел Ампилов и подошел к окошку.

– Простите, у Вас ластик имеется? – любезно спросил шеф.

– Такой Вас устроит? – спросила она.

– Можно, мы от него кусочекотрежем? – поинтересовался шеф.

– Да забирайте целиком. У меня еще есть.

– Спасибо. Вот и великолепно.

Ампилов сел на прежнее место и, положив на журнальный столик ключ от своего номера, протянул мне только что добытый ластик:

– Возьмите, Гена. Повторяю: рассчитаете, сколько успеете. Там не так много данных. Пусть этого для статистики мало, пусть. Но зато по ним можно будет какое-то представление составить, показать заказчику, что мы в этом направлении успешно трудимся, да и казанцы увидят, что мы тоже не пальцем деланы.

– Валентин Аркадьевич! – вскипел я. – Подумайте: ночь на дворе! Да когда же я успею? Я же с ног валюсь, как и Вы, впрочем. Вспомните, в котором часу мы из Москвы вылетели! У меня часы до сих пор по московскому времени – посмотрите, который час. А в восемь ноль-ноль мой доклад. Подумайте, когда я буду это делать?

– А ночь для чего? Дорогой мой, это наука. А она, как известно, иногда требует жертв. Приедете в Харьков – отдых с лихвой наверстаете! Кто отдыхает в будни, тот на святки работает. Таков закон распределения труда во времени. «Нет отдыха грешникам!» Слышали такую фразу? – издевательски спросил Ампилов.

– Нет, не слышал! – с негодованием ответил я.

– А я вот слышал. И считаю ее вполне справедливой. Кстати, по Москве еще не так уж поздно. Миша, поможете ему, в чем сможете. Калькуляторы у вас есть, батареи к ним тоже. Ну, все. Я пошел. Сейчас устроюсь и тоже буду всю ночь готовиться. Все. До завтра. Доброй ночи.

С этими словами Ампилов исчез, как ночной кошмар.

– Ну и свинья! Еще и доброй ночи пожелал! Сволочь такая! – выругался Будник. – Вечно с ним так. Мнит себя великим стратегом, мухлюет, комбинирует и всегда проигрывает.

– Да ладно тебе, Всеволодыч! Что толку теперь эту скотину хаять? Ему-то что? Он, как всегда, остался в барышах, – сказал я.

Было обидно до слез, но не хотелось попусту распалить в себе негативные эмоции. Нужно было поберечь энергию для предстоящей каторжной ночи.

В холл вошел мужчина лет сорока пяти и прямоиком направился к нам с Мишей.

– Это вы – участники конференции? – хмуро спросил он.

– Да, мы, – обрадованно ответил Будник.

– Тогда поехали, – буркнул он и вышел на улицу.

Мы простились с администраторшей и вышли вслед за ним. Наш водитель подошел к ветхому «бобику» и сел за руль. Мы молча последовали за ним и, усевшись на заднее сиденье, стали ждать. Мотор никак не хотел заводиться. Водитель крепко выругался и еще раз надавил на стартер. Бесполезно.

– И где это вас целый день носило, уважаемые ученые? – возмутился он. – Какого вы хрена вместе со всеми не поселились? Спали бы уже давно вы в гостинице, а я – у себя дома! А то вот, изволь радоваться, возись тут с вами по ночи!

– Понимаете, наш профессор, свинья этакая, потащил нас в это время в университет... – начал было я оправдываться.

– А вы зачем согласились? – возразил шофер. – Не поехали бы, пока не устроились, и все тут! Пусть бы сам потом ночевал в недостроенном общежитии!

– Как это, в недостроенном? – удивился Будник.

– Да так, едри его душу мать! Только там и есть свободные места! – ответил водитель и снова надавил на стартер.

Мотор фыркнул и, наконец, завелся.

– Фу, слава Богу! – облегченно вздохнул водитель и покати по ночному Томску. – А то сидеть бы тут мне с вами до утра. Вот, я не суеверный, но давно заметил: как ругнешься в три этажа, так сразу все и получается. А это общежитие – шестнадцатизэтажка. Одна половина уже заселена, а в дру-

гой еще отделочные работы идут. Но электричество там есть. Газа нет, да он вам и не нужен. Телефона там тоже пока что нет. Но ничего, главное, чтобы крыша над головой да постели какие-никакие.

– Ну и влипли же мы, Гена, с нашим распрекрасным шефом, мать его в бублик! – высказался Будник. – И вот всегда с ним так. Накрутит, намотит, а потом ему ничего, а тех, кто рядом – мордой в говно!

– А почему ж вы не уйдете от него? Пусть бы сам свои дела делал, если он такой гад – людей не любит! – посочувствовал водитель.

– Простите, Вас как зовут? – поинтересовался Будник.

– Миша, – ответил водитель.

– Во как! И меня тоже – Миша. А это – Гена. Понимаешь, Миша, наша работа – это особ-статья. Наука, она как трясина. Увязнешь – не вылезешь. И чем больше трепыхаешься, тем глубже она тебя засасывает, – со вздохом сказал Будник.

Дальше ехали молча до самого общежития. В вестибюле недостроенной шестнадцатизэтажки пахло свежей штукатуркой. Возле одной стены стояли козлы, перепачканные мелом и штукатурным раствором, возле другой – стройматериалы. У старомодного письменного стола, на котором тускло горела не менее старомодная настольная лампа, сидела грузная пожилая вахтерша. Водитель вручил ей какую-то бумажку. Потом спросил у Будника:

– Миша, когда Вам завтра на вашу конференцию?

– Ох, рано, Миша. В восемь ноль-ноль наш доклад, – ответил Будник с кислым выражением лица.

– Жаль, что так рано. Придется мне в семь часов за вами заехать. Так начальство приказало. Все. Доброй вам ночи, – сказал он и, кивнув на прощанье, уехал.

Старушка нацепила очки с отломанным заушником и, придерживая их рукой, чтоб не слетели, принялась изучать бумажку.

– И откуда вас нечистый принес на мою голову в такую темень? Чего не со всеми путевыми людьми-то? – пробурчала она.

– Не мы в том причина, бабушка, – сказал я. – Так уж вышло.

– «Так уж вышло»! – передразнила она меня. – Никто не сознается, что он разиня и лодырь! У каждого кто-то другой во всех бедах повинен! Вот что мне теперь с вами, архаровцами, делать-то? Ну, чего стоите? Положите сумки-то – их тут никто не украдет. Паспорта мне свои дайте-ка. Пойдем в кладовую, голуби вы мои сизые.

Против моего ожидания, в кладовой царил удивительно строгий порядок. На стеллажах лежали красиво сложенные новенькие шерстяные одеяла и матрасы. Отдельными аккуратными стопками были разложены простыни, пододеяльники, наволочки и полотенца. Все было накрыто либо старыми, но хорошо выстиранными простынями, либо листами чистой оберточной бумаги с приколотыми к ним этикетка-

ми.

Старушка села за письменный стол, стоящий у входа, и стала что-то записывать в толстой тетради. Потом она посмотрела на нас усталым взглядом и сказала:

– Ну же, берите по простыне, пододеяльнику, наволоке, полотенцу да по паре одеял. Живо, живо. Поздно уже, миленькие.

– А зачем нам по два одеяла? Может, по одному хватит? – спросил я.

– Говорят тебе, по два – бери по два, – скрипела старушка. – Ночи-то у нас холодные. Сибирь есть Сибирь. Вот вам ключ. На нем картонка. Вишь, шестнадцать – двадцать два написано. Это шестнадцатый этаж и двадцать вторая комната значит. Берите свое имущество – и ползите на шестнадцатый этаж. Лифт пока не работает. Матрасы там на койках имеются. Распишитесь вот противу своих фамилий. Ну, идите уже с Богом!

– А почему так высоко – на шестнадцатый? – любопытствовал Будник.

– Ты посмотри какой! – возмутилась старушка. – То им хоть где-нибудь пристроиться, а теперь нижний этаж с комфортом подавай! Нету-ть! Все занято, только на шестнадцатом и есть пару местов. Да оно и хорошо по-своему. Там хоть шнырей нет!

– Каких это шнырей? – удивился Будник.

– Простых! Серых таких, с хвостами! Ну, живо, живо, ре-

бятюшки, – торопила нас старушка.

Мы с Мишей, прихватив наши пожитки, двинулись наверх по тускло освещенной лестнице.

– Гена, все же скажи, кто такие эти самые шныри? Мыши, что ли, судя по бабкиному описанию? Ха-ха-ха! – со смехом полюбопытствовал Будник.

– Я как-то читал, что на каком-то из заскорузлых русских диалектов крыс так именуют, – ответил я.

– А я читал, что на тюремном жаргоне «шнырь» означает «уборщик», – смеясь, сказал Будник.

В комнате стояли две гостиничные койки с матрасами на них, новенький раздвижной стол и широкий платяной шкаф. К изголовьям кроватей были тесно придвинуты небольшие тумбочки с настольными лампами. В коридоре мы нашли туалет и умывальник. Вода из крана еле текла тоненькой струйкой. Но мы были рады и такому сервису. Наскоро обмывшись, мы приготовили постели. Будник лег, а я расстелил на весь стол широкий лист миллиметровки и при свете настольной лампы принялся считать на калькуляторе.

– Гена, оставь ты это дурное дело. Ложись спать. Пошел он в жопу, этот шеф! Сам пусть считает, сволочь паршивая! – услышал я из постели полусонный голос Будника. – Перед смертью не надышишься, как любит говорить наш Валентин Аркадьесич, кость ему в глотку.

– Будет невмоготу – лягу. А пока что все равно у меня сна – ни в одном глазу! Шефуля отшиб, чтоб ему самому всю

ночь не спать. Уж он, благодетель, и постарался. Обеспечил мне рабочее время! – ответил я и через минуту услышал размеренное похрапывание Будника.

В половине пятого, когда уже рассвело, я сделал последнее вычисление. Заведя дорожный будильник на половину седьмого, я улегся в постель, вконец изнемогая от усталости.

Когда водитель Миша подъехал к общежитию, мы с Будником уже стояли, как говорится, «в полной боевой».

– Вы позавтракали? – спросил водитель, едва мы уселись в его убогий «бобик».

– Где ж тут позавтракаешь? – задал я риторический вопрос.

– Да здесь же с той стороны буфет есть. Вам что, баба Паша не сказала? – удивился он. – Тогда давайте, быстренько. Я подожду. А то еще ваш гад-начальник до вечера вас голодать заставит.

Миша подкатил к самому входу в буфет и заглушил мотор.

– Вы не торопитесь. Время у нас есть, – успокаивал он. – Поешьте нормально. А немного опоздаем – ничего страшного. Переживут. А если что, валите все на меня. Я тут от всех собак отгрызусь.

В университет мы прибыли вовремя. Шеф уже оживленно беседовал с участниками. Увидев нас, он тут же подошел с вопросом:

– Ну, как устроились?

– Да кое-как, – нехотя буркнул Будник.

– Вот и отлично. А вы паниковали. Главное – не дрейфить.

Верно, Гена?

Когда я вручил шефу результаты ночных расчетов, он был крайне удивлен:

– Все-таки успели! Надо же! Вы посмотрите, Миша, он успел! Вот уж, не думал, что управится. Да у нас не Гена, а кусок золота с конскую голову!

– Это в каком смысле «кусок золота»? – неудачно сострил я.

– Ну, когда Вы в Харькове занимаетесь сачкизмом, бывает и в том смысле, что Вы было подумали, – тут же парировал Ампиров.

Он наклонился к самому моему уху и торопливо зашептал:

– Гена, в своем докладе – ни слова о результатах ваших «ночных бдений». Словно Вы забыли или не придали этим расчетам должного значения. Я потом как будто дополню Вас. Спрошу, почему Вы об этих погрешностях не сказали. Мы же, мол, результаты получили! Не вздумайте только сказать, что это по данным всего одной выборки! Спросят – я буду сам выкручиваться. Вы мне только подыграйте как следует. Вы ведь в самодеятельности участвовали, неплохим артистом себя показали. Такой наш финт активнее привлечет внимание заказчиков. Поняли? Вы же классный актер, Гена! Ну, с Богом!

Доклад мой прошел «на ура». И режиссура Ампилова блестяще сработала. А я подыграл. Будник сказал, будто вышло так естественно, что он и сам готов был поверить в мою забывчивость и поразительное внимание шефа. Нам задали множество вопросов, на которые были даны исчерпывающие ответы. Военные интересовались нашими реквизитами, представитель ВПК запорожского происхождения был в восторге, пригласил нас на доклад в Совмин Союза. В общем, своего мы добились. Ампиров был в ударе и во время обеда в ресторане предложил выпить по сто граммов водки. Будник его поддержал. Я – нет. В то время я вообще был почти полным абстинентом.

До общежития мы добирались общественным транспортом и еще раз по достоинству оценили добрую услугу водителя Миши. К нашему удивлению, на следующее утро он снова за нами приехал. Выйдя в семь часов из общежития, мы неожиданно увидели выдавший виды «бобик», рядом с которым стоял Миша и махал нам рукой, приглашая садиться.

– Это я сам решил Вам помочь, – объяснял он, заводя мотор. – Городской транспорт у нас хреновый. Давка, как в очереди за водкой. Вы можете не успеть. Дай, думаю, на часок раньше встану, чтобы хорошим людям помочь. Ну, ребята, поехали.

Конференция проходила строго по программе. Мы знакомились с коллегами из других городов, обменивались адресами и телефонами, делились опытом. Многие жаловались

на своих руководителей, но их жалобы на фоне того, что мы терпели от Ампинова, казались нам детским лепетом.

Мы были польщены тем, что наши работы всерьез интересовали военных. Нам предлагали сотрудничество с миллионным финансированием, сулили перспективы присуждения кандидатских и докторских степеней, а также государственных премий. Шеф всячески убеждал военных, что степени нас мало интересуют, а вот когда речь заходила о госпремиях, он весь концентрировался на этих предложениях, выспрашивал у потенциальных заказчиков все, что только мог, потом подключал нас с Мишей. А по окончании дня, когда люди уже разъезжались по гостиницам, он так же живо интересовался нашими мнениями, внимательно выслушивал все наши предложения, даже самые нелепые, не перебивая ни единым словом. Нами впервые серьезно заинтересовались моряки из службы оповещения и предложили выступить с докладом перед их высшим командованием. Это вызвало серьезный интерес Ампинова, и он, на случай вызова нас в их ведомство, даже сообщил им наши паспортные данные, которые предусмотрительно заготовил еще на кафедре.

В последний день Ампинов принял от Петрова председательство секцией. Став на председательское место за кафедрой, он тут же без обиняков высказал свои претензии к казанцам и, в частности, к самому Петрову:

– Мы с вами славно потрудились на этой конференции,

вместе порадовались успехам всех наших коллег. Особенно казанцев. Но у представителей научного коллектива харьковчан к вам, уважаемый Сидор Никоныч, имеются серьезные претензии.

Петров подскочил, как ужаленный, но Ампилов тут же усадил его на место:

– Сидите, Сидор Никонович, сидите, пожалуйста. Вопросы и комментарии потом. Но претензии я все равно выскажу. Вот Вы с гордостью сообщили, что по работам, изложенным в ваших докладах, защищено целых три кандидатских диссертации. Подчеркиваю – три! А где они? Почему мы о них сном-духом ничего не ведаем? Почему Вы нам даже авторефератов не прислали?

– У нас и так было достаточно отзывов! – выкрикнул Петров с места. – К чему нам беспокоить Вас по мелочам? Вот мы скоро докторскую представлять будем, так обязательно к вам привезем...

– Еще бы! – резко перебил его Ампилов. – С докторскими такие номера не проходят! А с кандидатскими, как видим, еще как проходят! И не делайте, пожалуйста, вид, уважаемый Сидор Никоныч, что Вы о нашем благополучии печетесь! Благодетель Вы наш! Кто еще, кроме Вас занимается в Союзе метеорами? Мы в первую очередь. А потом уже одеситы, волгоградцы и прочие мелкие коллективы. Так вы нас умышленно обходите! Дрейфите, а потом делаете вид, будто о нашем спокойствии заботитесь! Если Вы еще такой номер

выкинете, мы в ВАК сообщим о наших подозрениях!

– Ну, если Вы так хотите, Валентин Аркадьевич, мы Вам будем материалы всех наших работ присылать, не спрашивая, – ответил Петров нервным тоном.

– Правильно. А как еще? Мы будем их тщательно изучать! Нас интересует все, что делается в области метеорного распространения радиоволн и у вас, и в других коллективах, преуспевших в этом направлении. Прошу занести мои слова в протокол. Мы не хотим сачковать, мы хотим работать, Сидор Никоныч! Надеюсь, что в будущем это не повторится. Я желаю всем присутствующим дальнейших творческих успехов, блистательных идей, новых научных озарений и потрясающих открытий. Пусть все ваши труды будут оценены по заслугам. Желаю вам государственных и нобелевских премий. Мы ждем всех вас на следующей конференции в Горьком с новыми интересными докладами, а также приглашаем новичков – нашу смену. На этом я закрываю заседание метеорной секции и ровно через полчаса приглашаю всех на заключительное пленарное заседание!

Все встали и зааплодировали. Ампиоров, как всегда, аплодировал активно, но недолго, держа ладони на уровне головы. Когда он опустил руки и двинулся к выходу, аплодисменты замолкли. Люди направлялись каждый по своим делам.

В вестибюле у стола с табличкой «Поездка на реку Обь» гурьбилась толпа. Неподалеку стоял Будник в компании смазливой барышни, с которой уже успел как следует по-

знакомиться. Его компаньонка постаралась оформить ему пригласительный и явно рассчитывала на особое внимание с Мишиной стороны. Миша пробился ко мне сквозь толпу и зататорил, как заводной:

– Гена, ты на пленарное собираешься?

– Хотелось бы прийти, но ведь мы тогда можем опоздать к отъезду на базу... – ответил я. – Надо еще успеть в общежитие за вещами и прочим.

– Понятно. Тогда давай договоримся: ты сейчас поедешь в общежитие, рассчитаешься за нас обоих, возьмешь свои и мои шмотки и привезешь сюда. Деньги я тебе дам. А я пойду на пленарное и все тебе потом расскажу, что там будет. Только постарайся, чтоб тебя шеф сейчас не подловил. Ладушки?

Он говорил со своим особым будничковским обаянием, застенчиво улыбаясь.

– Все понятно, Миша. Я бы с удовольствием, – с пониманием сказал я, кивнув в сторону ожидающей его барышни, – но с нашими вещами в общественном транспорте...

– Да это все, Гена, чичня! Тебя Миша отвезет!

Он приблизился ко мне вплотную и заговорщически шепнул, красноречиво посмотрев на барышню:

– Она его уже вызвала. Это Верочка, секретарша академика Бруева, понял? Миша уже, наверное, у порога ждет. Давай к нему, пока тут шеф тебя не ущучил. Да, еще... чуть не забыл. Возьмешь у меня в портфеле бутылку водки, что

мы вчера здесь как участники брали, и подаришь Мише. Говорят, что в Томске уже давно водки в свободной продаже нет. Вот, по случаю конференции только сейчас выбросили. Очереди за ней... Ну, валяй. Удачи тебе.

Я направился к выходу и у самой двери буквально нос к носу столкнулся с Ампириным.

– Гена, Вы же на пленарное не опаздываете. Мы с Вами теперь стали заметными личностями. Тут уже и дамы какие-то Вами очень недвусмысленно интересовались! – сказал он, делая вид, что сдерживает улыбку.

Потом, внезапно посерьезнев, спросил:

– Кстати, Вы на банкет едете?

– Хочу поехать, Валентин Аркадьевич, – честно признался я.

– А деньги сдали? – поинтересовался шеф.

– Сдал. Будник тоже.

– И совершенно зря. Нас всех и так пригласили бы. Мы тут такого шума наделали, что нас все хотят там видеть. Вас – в том числе. Так что Вы поспешили. А куда Вы сейчас направляетесь? – поинтересовался он.

Я не знал, что ответить. Скажу, что в буфет или пройтись – еще увяжется за компанию. А на кой черт он мне? Что бы ему такое ответить, чтоб он отстал?

– Так все-таки куда Вы, Гена, направились? – не унимался Ампиринов.

– Понимаете, Валентин Аркадьевич... тут одна симпатич-

ная особа... попросила сопроводить ее... – промямлил я, перебирая в уме варианты, куда бы я мог сопроводить какую-нибудь «симпатичную особу».

Но Ампиоров, как видно, понял меня по-своему.

– А-а-а... – многозначительно протянул он. – Вы, Гена, остаетесь в своем репертуаре. Я и забыл, что Вам без женщины уже на второй день невтерпеж! Ладно, только не перестарайтесь тут. Чтобы потом ваша жена ко мне с претензиями не прибежала! Все, я пошел. А Вы на пленарное не опоздайте, чтобы мне Вас потом не выгораживать перед коллегами.

Он направился в вестибюль, а я поспешно выскочил на улицу, где меня уже ждал небезызвестный «бобик».

Университетская база отдыха располагалась в живописном месте у самого берега реки Обь. Аккуратные деревянные домики стояли в окружении густого леса. У каждого крылечка были разбиты клумбы, засаженные садовыми цветами. Дорожки, аккуратно выложенные бетонными плитами, ослепительно белели в свете июльского солнца на фоне яркой шелковистой зелени. В центре высилось добротное кирпичное здание, где размещались кухня и просторная столовая, которая при случае могла служить клубом, а также банкетным или танцевальным залом.

Нас расселили по домикам, где уже были приготовлены постели. Все комнаты были оборудованы радиоточками. Как ни странно, в каждом домике имелись душевая, умывальник и туалет с канализацией.

Нас с Будником разместили в одной двухместной комнате. Ампиоров хотел поселиться вместе с нами, что для нас с Мишей было крайне нежелательно. Как видно, Миша высказал это своей новой знакомой, которая, как я сразу понял, занималась расселением участников по домикам. Она поселила нашего шефа на почтительном от нас расстоянии. Его соседом по комнате оказался профессор из Питера – человек малообщительный, и ни в каких разговорах он почти не участвовал.

Стояла невыносимая жара. До обеда было еще далеко, и я предложил Мише искупаться в Оби. Но он поспешно отказался, так как ни на шаг не отходил от Верочки. Она поселилась в соседнем с нами домике в одноместной (!) комнате, окна которой были обращены к воде.

Миша пошел к Верочке в гости, а мне составил компанию Савчук – тот самый мой земляк из ВПК. Мы в одних плавках отправились на пляж и, даже не остыв, тут же попрыгали в воду, где уже барахтались довольно много купальщиков. Вода была холодной и мутной, течение быстрым. Вскоре мы повыскакивали на берег, дрожа от холода и, чтобы согреться, решили сходить в лес.

В лесу было тихо и красиво. На нас тут же набросились тучи комаров, несмотря на дневное время. Защитный крем, который я привез из Харькова, от них не спасал. Мы вернулись к реке, чтобы еще раз искупаться и пойти отдохнуть.

По пути на базу идущий несколько позади меня Савчук

тронул меня пальцем за плечо, словно желая что-то смахнуть.

– Геннадий, что это у Вас на плече? – спросил он.

– Наверное, комар укусил – чешется. В тайге их тысячи! – ответил я.

– Не похоже. Это что-то черное. Я думал, что родинка. Да это клещ! Да-да, клещ! – забеспокоился он.

– Да, действительно, – сказал я, ощупывая черное пятнышко. – Ничего, сейчас извлечем. О, да на Вас тоже сидит! Здоровенный, гад. А вот еще один!

– Где? Где? – заволновался Савчук.

– Да вот же, вот. Пойдем ко мне – у меня пинцет есть и крем от комаров. Причин для беспокойства нет, – успокоил я его.

– Говорите, нет? Вон, почитайте, – указал он на фанерный щит, на котором был изображен человек в шлеме и штормовом костюме со шнуровками на манжетах и штанинах. – «Опасайтесь укусов энцефалитного клеща»! Нужно срочно в медпункт.

В медпункте молоденькая врач извлекла наших клещей и обработала места укусов.

– Да не волнуйтесь Вы, – успокаивала она. – Тут эти кровососы каждый день к кому-нибудь из отдыхающих цепляются, и ничего. Тьфу-тьфу! Никто пока энцефалитом не заболел. Так что идите спокойно на банкет. Выпейте как следует, пока вас жены не видят, и ни фигурочки с вами не слу-

чится – вот увидите! А вообще, здесь за грибами или на охоту ходят при полном снаряжении, как на предупредительных щитах. Видели, небось?

Мы с Мишей Будником побрились, облачились, так сказать, в прогулочные одежды и, чтобы убить время до начала банкета да как-то отвлечься от голодных спазмов в желудке, пошли пройтись вдоль обского берега. Солнце уже клонилось к горизонту, жара заметно спала и подул прохладный ветерок. За песчаным пляжем мы увидели Ампинова в компании двух крашенных блондинок лет под пятьдесят, которые слушали его с нескрываемым любопытством, время от времени кокетливо взвизгивали и заливались призывным хохотом.

– Да вот идут мои коллеги – можете спросить у них, если мне не верите. Ха-ха-ха-ха... Знакомьтесь. Вот это – Миша, кандидат наук, заведующий проблемной лабораторией. А рядом с ним – это Гена, наш сотрудник без степени. Но вы не думайте, он умный... ха-ха-ха-ха... Первый у нас донжуан! Переспал со всеми женщинами нашей кафедры! Ха-ха-ха-ха...

– Валентин Аркадьевич, так чем Вы заведуете? Кафедрой или домом терпимости? – съязвил я в ответ.

– Ну вот! Уже дутики начинаются! Гена, чего Вы обижаетесь? Это же только честь для мужчины! Ха-ха-ха... – парировал он.

– Что именно? Работать в доме терпимости? – ответил я

на его насмешку!

Женщины хохотали после каждого нашего слова. Как видно, они уже успели отметить окончание конференции в своем узком кругу. Желая разрядить обстановку, Миша обратился к женщинам:

– Так о чем Вы хотели нас спросить?

– Вы из Харькова? – спросила та, что повыше и постройнее.

– Из него самого, – ответил Будник.

– А это город большой или маленький? – спросила та, что поменьше.

– Да как сказать, – замялся Миша. – Без малого два миллиона жителей.

Они обе захохотали. А та, что повыше, протянула ему согнутый указательный палец:

– На! – сказала она.

– Что, «на»? – недоумевал Миша.

– Да разогни! – предложила она.

Миша послушно разогнул ее палец, а она, довольная своей остротой, сказала со смехом:

– Ну вот, а то загнул уж больно! Два миллиона! А почему же мы даже не слышали о таком?

Теперь захохотали мы с Мишей и Ампириным. Чтобы прекратить дурацкую дискуссию, Ампиринов обратил наше внимание на то, что правый берег Оби тоже обрывистый, как и в наших реках, а должно быть наоборот.

– Ничего подобного, – возразил я, – Обь тоже в северном полушарии, как и Днепр или Волга.

– Но Обь течет на север! Закон Карла Бэра надо знать! – высокомерно сказал шеф, многозначительно подняв вверх указательный палец.

– Валентин Аркадьевич, силы Кориолиса относят движущуюся массу влево только в южном полушарии. А в северном – вправо, независимо от того, в каком направлении она движется – к центру вращения или от него, – возразил я.

Я принялся пояснять ему физику кориолисовых сил, изобразив на песке вращающийся круг и движущуюся по нему массу. Подняв голову, я увидел, что Ампилов демонстративно меня не слушает.

– Геннадий Алексеевич, эта река течет на север! – твердо, с непоколебимой уверенностью сказал он.

– Гена, хватит. Пойдем, – сказал возмущенный Будник.

Когда мы отошли на несколько шагов, Миша пробурчал:

– Не трать ты силы на развитие его интеллекта. Ты думаешь, он поймет и оценит твои знания? Ему только с этими подвыпившими престарелыми шалавами дискутировать!

Банкет начался точно в намеченное время. Рассаживанием гостей занималась Верочка. Мы с Будником попросили ее посадить нас подальше от Ампилова, и она с пониманием вняла нашей просьбе. Верочка села рядом с Мишей и стала угощать его местными блюдами. Около Ампилова сел академик Бруев, и вскоре между ними завязалась оживленная

беседа.

Ректор на банкет не приехал, и Бруев «правил бал». Он и произнес первый тост – за процветание советской науки и за то, чтобы в таком крупном научном центре, как Томск, почаще проводились всесоюзные научные симпозиумы и конференции.

Со вторым тостом выступил Ампилов. Он поблагодарил хозяев конференции за теплый и радушный прием, за отлично налаженную службу информации и транспорта, за обеспечение демонстрационными средствами, за организацию питания и тому подобное.

– Но при всем при этом, – продолжал он, – не могу не сказать о беспорядке в отношении поселения в гостиницу. Нас, троих участников из Харькова, забыли поселить! Желая поскорее освободиться, и потому решив, что мы не нуждаемся в гостинице, представитель оргкомитета спокойно отдал наши номера в распоряжение администрации гостиницы, несмотря на то, что наше прибытие было своевременное, подчеркиваю, СВОЕВРЕМЕННО, зарегистрировано в оргкомитете! И они тут же были, так сказать, реализованы. А мы, непосредственные участники конференции, ни с того, ни с сего остались куковать без жилья. Хоть разворачивайся, да улетай назад. Но мы люди не гордые, позвонили в оргкомитет. Спасибо, что представитель оргкомитета тут же связался с директором гостиницы, и тот выделил нам единственный номер из собственного фонда! А двое наших

участников вынуждены были жить в недостроенном студенческом общежитии, где еще не работает лифт, на шестнадцатом этаже! И крысы там, говорят, пешком по головам ходят!

Чуть захмелевшие участники взорвались смехом, а шеф, выдержав небольшую паузу, продолжил:

– Я говорю это не в упрек оргкомитету – там люди весьма много и четко поработали. Я говорю это в назидание на будущее: нужно проверять, все ли зарегистрированные участники поселились! Если они в анкете писали, что нуждаются в гостинице, значит, они на вас рассчитывают! Я хочу предложить тост за всех членов оргкомитета и за то, чтоб их недоделки учли последователи!

Зал ответил гулом одобрения, и к Ампирову потянулись с рюмками, чтобы чокнуться в знак поддержки. Мы с Будником посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, поставили рюмки.

– Ну, такого нахала только поискать, – сказал Будник, красный от возмущения. – Хочет, чтобы все на свете под него подстраивалось! Его метод – душить и подавлять. Не буду пить!

– Заметь, Миша, шеф любит предрекать будущее. Но даром предвидения отнюдь не обладает. И когда действительность не оправдывает его пророчеств, он под них старается подогнать самую действительность, – поддержал я Будника.

– А наш Абакумыч – золотой человек, – вклинилась Верочка. – Что ему ни сделай, на все улыбается, все так. Прав-

да, часто поручениями задалбливает. Не успеешь сделать одно, как он тут же другое тебе сует, потом третье и так до одурения. Как в «коридоре зеркал». Это страх, как противно, когда конца не видно. Сделаешь очередное и думаешь, что на этом все. А он тебе еще и еще подсовывает! Пока ему не скажешь «тпррру»!

– А ты ему узду на морду и – вожжами! Вожжами! Или – кнутом! Кнутом! – пошутил Будник и поднял рюмку. – За Верочку!

Я сделал вид, будто пью, но чуть пригубил свою рюмку и поставил.

Подавали рыбные блюда, овощные салаты и прочие холодные закуски. Вера не забывала подкладывать их в Мишину тарелку, а он, польщенный ее вниманием, не переставал осыпать ее комплиментами.

Начались танцы. Подвыпившие кавалеры приглашали дам, дамы – кавалеров. На фоне громкой музыки звенел смех и визг неизвестно как здесь появившихся девиц, звучали пьяные возгласы захмелевших участников конференции и гостей банкета. Наконец, музыка утихла, и распорядитель вечера снова пригласил всех к столу. Он объявил, что сейчас будет подан сугубо сибирский деликатес: живая стерлядь под русскую водку.

– Тем, кто еще не пробовал такого блюда, я покажу, с чем и как его едят, – говорил он.

Положив микрофон, ведущий взял из ближайшей миски

еще трепещущую стерлядь, посыпал ее солью и, провозгласив тост за прекрасных русских женщин, опрокинул стопку водки и впился зубами в спину несчастной рыбы.

Последовали аплодисменты, беспорядочные тосты, и через несколько минут на столе уже не осталось ни единой стерлядки.

Мне этот экзотический деликатес пришелся не по вкусу – тошнило от запаха сырой рыбы. Зато Миша оценил его по достоинству. Тем более что Верочка со знанием дела показала ему, как надо со вкусом выгрызать только спинку, а все остальное выбрасывать.

– Ты, Гена, просто не распробовал! Вот Верочка сейчас еще принесет, так я тебе на конкретном примере разьясню, что тут к чему. Не пожалеешь! – уверял он меня.

Но я удовольствовался только первой пробой и сидел, наблюдая, как Миша, разгоряченный водкой, напропалую ухлестывает за чуть поддавшей Верочкой.

В меру захмелевший Ампилов оживленно беседовал с академиком Бруевым, который уже, как говорится, «малость лишку хватил». После «фирменного сибирского блюда» Бруева несколько развезло и потянуло на откровенность.

Он сказал, что руководит прекрасной лабораторией физики атмосферы, в которой трудится великолепный коллектив ученых и инженеров. А кафедра в университете – это у него, так сказать, только для галочки. Академик ведь – обязывают учить студентов. Темпераментно жестикулируя, он делился

с Ампириным своими проблемами и творческими планами. В общих чертах, конечно.

– Ребята у меня хорошие, – говорил он, обводя рукой присутствующих, – но в основном трудяги, пахари. А работа, которая только сама по себе и есть, высоких научных результатов не дает! Идеологов мало, почти нету. Кое-кто может, конечно, родить идею, но такую, второстепенную, мелкую, – он показал на кончик указательного пальца.

– Что же тут удивительного? Настоящую идею, Федор Абакумович, родить может только настоящий, могучий талант. Но такими талантами надо уметь управлять. Иначе он может стать вашим, так сказать, могильщиком, – высказался Ампиринов.

– Ве-е-ерно, уважаемый Валентин Аркадьевич! Абсолютно верно! В самую, что ни на есть точку... А Вы это... сами-то можете?

– Что, идеи рожать? Одному только Вам по большому секрету скажу. Откровенно говоря... не очень, – признался Ампиринов.

– Во-о-от... И я тоже-ть. До меня тут командовал Шабалдин-Панчук. Слышали? – Бруев вопросительно уставился на Ампиринова.

– Леонид Кузьмич? Как же, – сказал Ампиринов, – всемирно известный академик...

– Вот-вот. Так тот был идео-о-олог! – Возникла неловкая пауза. – Что, может, еще коньячку, а?

Ампиров молча утвердительно кивнул. Бруев завертел головой, потом сделал пригласительный жест и выкрикнул неровным голосом:

– Вера! Цыпочка! На минутку!

Верочка, которая под грохот мощных звуковых колонок темпераментно отплясывала с Будником, неохотно оставила Мишу и подошла к Бруеву:

– Ну, что еще, Федор Абакумыч? И поплясать не дадите с симпатичным гостем. Что там у Вас еще не так?

– Все, все так, цыпочка ты моя! – он порылся в карманах и, достав связку ключей, выбрал один и протянул Верочке. – Вот. Бутылочку коньячку принеси – в моем шкафу на нижней полке стоять. Там этикетка «Двин». Что мы с тобой из Эчмиадзина привезли, помнишь?

– Помню, как же. Вы же сказали – для особого случая, – ответила Верочка с серьезной миной.

– Вот он самый и есть как раз – особый случай! Быстро, Верочка, не капризуй. Потом тебя на весь вечер в покое оставлю... – он подмигнул. – И на всю но-о-очь. Давай! Давай, скоренько...

Верочка засеменила к выходу. Вслед за нею устремился уже заметно захмелевший Будник.

– Так вот, Аркадий... э-э-э... – Бруев замешкался, сделал сосредоточенное лицо и вопросительно щелкнул пальцами.

– Валентин Аркадьевич, – с досадой подсказал Ампиров. Он терпеть не мог, когда собеседник путал его имя или от-

чество.

– Так вот, дорогой мой друг Валентин Аркадьевич...

При слове «друг» Ампиоров брезгливо поморщился, словно перед ним раздавили гнойник. А Бруев, не придав его гримасе никакого значения, увлеченно продолжал:

– Есть у меня один молодой эс-эн-эс... Ему еще и тридцати нет. Дьявольски талантлив! Дьявольски, говорю! Понимаете?

Ампиоров кивнул и поиграл пустой стопкой. Бруев потянулся было к полупорожней бутылке с трехзвездочным коньяком, но потом решительно отдернул руку, опрокинув бокал с газированной водой и залив брюки бородатого москвича, сидевшего рядом в полуобнимку с местной красоткой. Тот вскочил и принялся стряхивать воду с брюк.

– Извини, Леша, извини Бога ради... Это водичка... Высохнет... Никто худого не подумает... ха-ха-ха...

Он снова повернулся к Ампиорову и продолжил:

– Талантлив, говорю, как черт! Как черт, говорю! Но... – он явно замялся, подбирая нужные слова.

В этот момент подошла Верочка и протянула Бруеву бутылку с жидкостью изумительного шоколадного цвета.

– Все, Федор Абакумыч! Вы сказали, что на сегодня я свободна? Я пошла.

– Свободна, свободна, – сказал Бруев, вынув из кармана вычурный складной нож. – Но... надо б открыть, что ли?

– Сейчас! – Бруевским ножом она аккуратно оббила сур-

гуч в пустую тарелку и откупорила бутылку. – Вот. Пейте на здоровье. А я пошла.

С этими словами она удалилась, а Бруев, налив себе и Ампинову по полной стопке, поднял тост:

– Я рад, что встретил в Вас такого интересного и для себя полезного собеседника! За Вас, Валентин Аркадьевич!

Ампиров в ответ скривил подобие улыбки и кивнул в знак согласия. Они громко чокнулись. Бруев выпил свою стопку до дна, а Ампиров только надпил.

– Классный коньяк! – сказал Ампиров. – О-бал-деть!

– Так вот, Валентин Аркадьевич! Талантлив, говорю, как бес! Но честолюбив... Ох, тщеславен, мать его ети! Идеи раздаешь направо и налево! Но я... понимаете... – он почти вплотную приблизил свое раскрасневшееся лицо к лицу Ампирова, – я... боюсь его!

– Еще бы! – с пониманием сказал Ампиров. – Такому только дай обзавестись соответствующей атрибутикой, и он скажет: «Ну-ка, подвиньтесь, Федор Абакумыч! И вообще, Вам здесь и делать-то не хрен!» И с чистенькой совестью безглаголиво раздавит Вас, как черного таракана.

– Да!.. Да!.. Вот именно! И рано или поздно скажет! Трудов-то у него постепенно наберется... И раздавить... именно, как таракана!

Он в сердцах ударил по столу кулаком, снова опрокинув тот же бокал, который, к счастью, на этот раз был пуст, и опять открыл бутылку с дорогим коньяком. Они с Ампиро-

вым еще раз причастились. Теперь заговорил Валентин Аркадьевич. Он говорил менторским тоном, со снисходительной улыбкой, несколько искаженной выпитым коньяком:

– Дорогой Вы мой, Федор Абакумыч! Имея во вверенном Вам коллективе людей такого рода, надо хоть иногда книги по психологии почитать, – он постучал себе пальцем по лбу. – Серое вещество тренировать! Талантами надо квалифицированно управлять. Талантам присущи слабости, которые «сырым личностям» можно представить, как существенные недостатки или даже пороки. И те эту тюльку слопают с аппетитом. Особенно если понимают, что это не так. «Сырые» талантам всегда завидуют и с удовольствием топят их.

Бруев с раскрытым ртом смотрел на Ампинова, как на божество. А Валентин Аркадьевич, довольный произведенным впечатлением, торжественно рек:

– Понимаете, талант сам по себе очень нежен и хрупок. Как оранжерейное растение. Если его оберегать и холить, он может обильно плодоносить. Ему для успешной работы нужны поддержка, похвалы, поощрения! П-полный, подчеркиваю, полный комфорт. В условиях дискомфорта он – ничто! Если талант лишит этого самого комфорта, он начнет куролесить: впадать в разные там депрессии, пить, развратничать, а то и анашой баловаться. И в конце концов хиреет. Понимаете? Господь Бог если кому-то дает что-то добавочное, то обязательно недодает чего-то самого обычного, банального. Помните, как Ломоносов закон... постоянства... состава,

что ли, формулировал: если где чего сколько прибудет, то его в другом месте ровно столько же убудет! А эти его огрехи нужно фиксировать, с тем чтобы использовать, когда нужно, как козырную карту. Вы следите за моей мыслью?

– Да-да, Валентин Аркадьевич! Конечно-конечно! Слушаю все, как... откровение божье! И как губка впитываю, – он икнул и потянулся, было, к рюмке, но потом решил воздержаться.

Ампиров взял с блюда яблоко и с хрустом откусил кусок. Яблоко показалось ему невкусным, и он, отложив его в сторону, продолжил свою разъяснительную работу:

– Вы знаете поэта Льва Озерова?

– Не-а, – ответил академик, не моргнув глазом.

– Так вот, он сказал: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Вот Вы и не помогайте своему таланту. Но держите его на коротком поводке. Чуть что – создайте дискомфорт. Так, таланты не выносят конкретных сроков. Вот и установите ему жесткие сроки, когда будете давать задание. Да почаще ему напоминайте о сроках, заставляйте отчитываться. И он наверняка не уложится. Особенно, если вы к этому еще и руку приложите. А потом это напоказ выставьте! Скажите, что он лодырь, мировойский бездельник! Так и регулируйте, ориентируясь на свои критерии. Давайте ему такие задания, чтоб одно исключало другое. Чтобы он, выполняя одно из них, не мог выполнить другое! Чтобы его никогда не покидало чувство провинившегося школьника. Та-

кие люди патологически самокритичны, часто комплексуют. Помните: талант уязвим для критики. Так используйте это!

Ампиров умолк, переводя дух. Бруев преданно смотрел на него, не смея перебить ни единым словом.

– Чтобы он не сформировался, как авторитет среди коллег, под разными предложениями старайтесь переводить его с одной тематики на другую. Главное – сбить темп, чтобы пропал настрой. Не давайте ему укорениться и вырасти, – продолжил Ампиров. – Разве что под занавес, когда вы уже почувствуете, что пора уходить на пенсию. Когда вам выгодно будет показать, что вы можете делать специалистов и выше кандидатов наук. Вот тогда и выпустите талантливого, если он еще будет к чему-либо способен, а не сопьется к едрене-Фене. Или когда он вам уже не нужен будет.

– А ежели он возьмет, да и уволится. А без него у меня будут только... это... воду в ступе толочь... – сказал Бруев, пытаясь снова налить по стопке.

– Все-все, Федор Абакумыч! Мне хватит... Стоп! Я – пас... – Ампиров накрыл свою стопку ладонью.

– Ну, вы... это... как хотите, Валентин Аркадьевич. А я себе... того... хо-хо-хо... п-позволю! – он поднял стопку и, многозначительно ухмыльнувшись, кивнул Ампирову. Запрокинув назад голову и широко раскрыв свой огромный рот, он вылил в него все ее содержимое, показавшееся Ампирову каплей в бездонном колодце.

– Напрасно беспокоитесь, Федор Абакумыч, – продол-

жал Ампиоров, сомневаясь, доходит ли еще до мозгов Бруева смысл его бесценного откровения. – Не уволится, говорю Вам. Не уволится! Если он действительно талант, он понимает, что не сможет без любимой работы. А любимая работа, она, как и любимая женщина – только одна на свете, заветная. Как там в романсе: «Ты у меня одна, заветная! Дрр-ру-гой ннне бу-у-у-дет ннни-ко-гда»! – пропел Ампиоров без намека на мотив, так как ему на ухо наступил громадный слон.

Бруев подтянул зычным басом. Потом поднял еще одну стопку и, звонко чокнувшись с Ампиоровым, единым духом осушил ее. Ампиоров свою только пригубил для приличия и поставил. Он посмотрел на раскрасневшуюся физиономию Бруева и, едко улыбнувшись, добавил:

– А если даже и уволится, то все равно вскоре назад попросится. Это я Вам говорю! А Вы, немного пожурив его, так сказать, по-отечески, «проявите великодушие» и примете назад. Как блудного сына. И тогда он – до конца дней – Ваш! Уж будьте уверены.

К Бруеву подбежал вихрастый худощавый блондин и спросил:

– Федор Абакумыч. Дальше по программе снова танцы. Продолжим?

Бруев одобрительно кивнул. Блондин подошел к парню, который сидел в конце зала, где громоздилась аппаратура, и отдал распоряжение. Загремела музыка, и пространство

между столами снова заполнили танцующие.

Будник с Верой-цыпочкой, которая уже успела переодеться в короткие джинсовые шорты и шелковую футболку, плотно обтягивающую ее аппетитные груди, не замечая никого вокруг, носились по залу в танце, как ошалелые.

Узрев такую картину, Ампилов, укатываясь со смеху, сделал несколько снимков своей «Миной», несколько лет тому назад привезенной из Сомали. Когда Миша увидел, что шеф его снимает, у него явно испортилось настроение.

– Что это он еще, сволочь, задумал?! Алло! Что Вы делаете?! – закричал Миша фальцетом. – Кто вам позволил? Прекратите немедленно!

Но Ампилов снова поднял фотоаппарат и блеснул вспышкой.

Негодующий Будник пошарил по столу взглядом и, увидев большой кухонный нож, схватил его неуверенным движением и с криком: «А, так ты вон как» ринулся на Ампилова, словно матадор на быка.

– Теперь я, сука-собака, с тобой за все рассчитаюсь! Я из-за тебя жену потерял! Я из-за тебя семью потерял! Сына! Всю молодость на тебя угробил! Сукотник! Паскудина!

Пошатываясь и спотыкаясь на ровном полу, он двигался на шефа, беспорядочно размахивая ножом.

– Гена! Отберите у него нож от греха подальше! А то поранится еще! – кричал смеющийся Ампилов.

Я мигом настиг нашего щуплого Мишу и выхватил у него

НОЖ.

– Отдай! Дай сюда, сволочь! Я эту гидру сейчас насквозь прошью! Я ему все сейчас припомню! – вопил Будник, тщетно пытаюсь высвободиться из моих рук.

Шеф хохотал до слез.

– Кажется, Миша наш дошел до кондиции, – сказал он, опуская фотоаппарат. – Гена, отведите его спать, а то он всех людей сейчас распугает.

На выручку пришла Верочка. При виде ее Миша заулыбался и презрительно махнул рукой на Ампинова.

– Ладно, ну его, заразу, в тачку! Верочка, пойдем, я тебе все расскажу! Как на духу. Хрен с ним, пусть катится!

Верочка нежно взяла его под руку и повела на воздух. Ампинов был в прекрасном расположении духа.

– Гена, Вы не можете увести Мишу от этой особы? А то его престарковатая Валентина еще, чего доброго, претензии нам предъявит. Эта Цыпочка, она ведь разведенная. Вы думаете, она зря его завлекает? Кстати, нам завтра в восемь утра надо быть в автобусе – в аэропорт ехать. Смотрите, чтобы Миша не забрел куда-нибудь в дальний угол да, избави Бог, не проспал. Будем тогда с ним проблему иметь!

– Да куда там он забредет в таком состоянии? Верочка его быстро успокоит своими методами, – сказал я.

– Ну, если Вы это берете на себя, – Ампинов театрально развел руками, – тогда другое дело. Вы намереваетесь еще продолжать веселиться? Или как?

– Еще немного побуду. Хочу с Савчуком о возможных перспективах сотрудничества потолковать, – ответил я.

– Если он еще способен. Он уже, по-моему, давно до кондиции дошел. Конечно, не до такой еще, как наш Будник, но тоже уже хорош. Ну, всего доброго.

Ампиров двинулся к выходу. Дойдя до двери, он оглянулся и, уже переступая порог, крикнул сквозь всеобщий гам:

– Гена! Вы все же на всякий случай проследите за Мишей!

Юлий Гарбузов

21 августа 2006 года, понедельник

Харьков, Украина

47. У Исакова второй сын родился (Не закончено)

Во время лабораторной работы, которую проводили мы с Исаковым, зазвонил телефон. Я сидел ближе к выходу и встал, но Исаков опрометью кинулся к двери, чтобы успеть раньше – даже студенты захохотали.

– Это мне, Гена!

Из «тамбура» слышалось:

– Да! Это я. Уже? Ой, спасибо! Все в порядке? Ну, я скоро буду! Пока!

В лабораторию он вошел радостный и улыбочивый. К нему тут же подбежал студент:

– Алексей Артемович, а этот пункт выполнять?

– Нет! Можете не выполнять. Заканчивайте потихоньку.

И студенты, и я немало удивились. Такой дотошный, такой въедливый Исаков, и вдруг – столь необычный либерализм.

Я удивился:

– Что случилось, Леша?

– Как это что?! У меня второй сын родился!

– Когда?

– Только что!

– Поздравляю! Поздравляю от души! Теперь и ты, как и

я – отец двух сыновей!

– Да, Гена! Будем воспитывать!

В лабораторию вошел Ампилов и через все помещение кинул реплику:

– Почему это студенты сами по себе, а вы – сами по себе?

Лабораторные работы вести нужно! А вы?!

– Леша, – спросил я, – теперь это не секрет? Теперь уже не только я хранитель тайны о прибавлении в твоём семействе? Об этом можно говорить вслух?

– Можно! – радостно ответил Исаков.

– Тогда я скажу шефу?

– Да говори, говори, Гена! Всем можешь говорить!

– Что вы там шепчетесь? Я вас просил начать, наконец, работать со своими студентами! Лучше поздно, чем никогда!

Мы подошли к Ампилову.

– Валентин Аркадьевич, – я старался говорить как можно приветливее и теплее, – у Исакова второй сын родился!

– Ну, старается Артемыч! – ответил Ампилов и, отвернувшись, вышел.

– Ну, Леша! Он тебя даже не поздравил!

– Ты удивлен? А я другого и не ожидал, – тихо ответил Исаков и пошел к своим студентам.

Юлий Гарбузов

48. Проблема дураков (Не закончено)

Я вошел в кабинет Ампилова. У него сидел полковник.

– Ладно, Валентин Аркадьевич. Я потом зайду – Вы заняты.

– Нет-нет, Гена, что у Вас?

– Я не успеваю к обеду закончить тезисы нашего закрытого доклада. Мне нужно еще с полдня, не меньше.

– Как это так! В два уходит фельдъегерь! Завтра уже будет поздно! Сейчас или никогда – слышите?

– Слышу. Но я не могу сделать больше возможного!

– Шевелиться нужно! Если не почесались вовремя, надо от обеда отказаться, интенсивно поработать – на форсажике!

Апеллируя к полковнику, он указал на меня пальцем:

– Вы видите? Вы видите, с кем я работаю? Вот с кем я вынужден работать!

Полковник посмотрел на меня строгим взглядом.

– К сожалению, Валентин Аркадьевич, это во всем Союзе стоит проблема дураков, от которых невозможно избавиться.

Я метнул гневный взгляд на полковника, и у меня задрожали руки. Я почувствовал, что теряю над собой контроль и сейчас наделаю глупостей. Но Ампилов тоже понял это и

поспешил вмешаться:

– Нет, я не то имел в виду. Геннадий Алексеевич, как раз, человек умный. Гена, Вы идите, постарайтесь сделать все, как я сказал. Все-все. Торопитесь, может успеете.

Юлий Гарбузов

49. Вокалистка (Не закончено)

В самолете из Питера:

– Вы знаете, недавно священник венчал сына моего соседа по даче. Я тоже был приглашен. Так он там так великолепно говорил, что я невольно заслушался! Да, многого нас лишили в годы советской власти, не познакомив с Библией!

В лаборатории я рассказал об этом Сереже Пинчуку.

– Ты знаешь, Сережа, профессор в самолете проявил какое-то подобие религиозного чувства. При его-то отношении к жизни! Я удивился.

– Геннадий Алексеевич, это он от страха. Он же ужасно боится летать самолетом. Он сам говорил мне. Сойдя на землю, он опять стал циником, отрицающим все святое. Не сомневайтесь.

Я, Ампилов и Швец летели из Питера. Между мною и Ампиловым сидела молодая красивая девушка. У меня с нею завязалась интересная беседа. Выяснилось, что она вокалистка, летит из Кельна, где выступала с сольным концертом из классических произведений. Ампилов сначала молчал. Потом неожиданно ввязался в разговор. Стал говорить пошлости. Она краснела, а он скабречно шутил.

– Это что, Вы из самого Кельна колбасу везете?

– Да.

– Там что, действительно колбаса хорошая или это у Вас просто приятные ассоциации после общения с тамошними мужчинами?

– Ну, как Вам кельнские мужчины? Лучше наших или просто богаче? Молчите? Значит богаче.

– Валентин Аркадьевич, нельзя ли быть чуточку скромнее? Человеку же неудобно!

Он улыбнулся своей деланно сдерживаемой улыбкой, сжав губы в куриную задницу:

– Гена, так я же ничего плохого не говорю. Это же обычное дело, верно? – обратился он снова к артистке.

Она встала и ушла.

– Гена, чего Вы беспокоитесь? Это же артистка! Вы что, не знаете, что это за публика?

Он напомнил мне того пьяного бригадира, который в колхозе, когда мы ехали в автобусе к месту работы, стал рассказывать скабресный анекдот «француженке» Жанне. Когда Жанна в смущении отвернулась к окну, красномордый бригадир решил, что она не поняла сути, и начал тормозить ее, грубо растолковывая в пошлых подробностях, «называя вещи своими именами».

Я, как старший от института, вмешался.

Ответом был тюремный мат и оскорбления в мой адрес и вообще всех «вонючих интеллигентов».

На поле я пожаловался парторгу колхоза, о чем тут же пожалел. В адрес бригадира он разразился не менее грязной

руганью в нашем присутствии.

– Гад! Сука пьяная! – кричал он, – С утра рога вмочил! И лезет к городским девкам! Не про твою грязну сраку они, понял? Иди проспись, говно засратое!

Потом, уже на кафедре, смеясь говорил Швецу:

– Вот Геннадий Алексеевич вступился за артистку, пури-танского к ней отношения требовал. Витя, объясните ему, что это за публика. Мельпомена есть Мельпомена. Там к таким отношениям привыкли. Других не признают. Для Вашего, Гена, развития говорю, а все остальные это давно знают.

Юлий Гарбузов

50. Ампиоров и Маврович (Не закончено)

В ХИРЭ у нас появился однокашник Ампиорова – Цаль. Он, как и Шорина, подавал шефу информацию, которую тот хотел бы услышать, которая шефу импонировала. Опоздала Гринченко, Краус не предупредила о теме нового занятия и т. д.

Цаль писал «опусы» на темы изнасилования, о сексуальных актах и прочие. Шорина обнаружила его тетрадь с ними, когда он болел, в его столе в лаборатории (144).

Цаль: «Как я богохульствовал. Брал от матери деньги для резника кур, сам резал курицу в овраге и приносил матери. Деньги брал себе. Брат узнал и стал требовать, чтобы они это делали по очереди.

Преподавал в военном училище. Был очень жесток. Заставлял курсантов стоять до звонка, держа в руках аккумуляторную банку.»

Он разбил свой новенький автомобиль, переживал от этого и не любил разговоров на эту тему. Завлаб с кафедры приемников подтрунивал над ним по этому поводу и получил в конце концов по морде. Тогда он стал подговаривать других сказать что-либо об этом Цалю.

Однажды Цаль сказал:

– Когда была жива еще покойная Фрида Вольфовна ...

– А кто это такая?

– Как? Мама Валентина Аркадьевича!

Мы поняли, что она была еврейкой. А он корчил из себя такого антисемита!

Ампиров вечно ругал Цаля – ничего не делает.

Цаль Ампирову:

– Не истери! Перестань истерить!

Мы с Ампировым шли по коридору к двери его кабинета. Навстречу шел Цаль с папкой подмышкой.

– Цаль! – окликнул его Ампиров с гримасой пренебрежения на лице. – Ты что-нибудь делаешь для кафедры – или так?!

При этом он махнул рукой с такой силой, что воздух зашвистел между пальцами. Цаль резко остановился, и его лицо сделалось красным, как кумач. Ампиров, чувствуя, что Цаль не собирается пропустить его реплику мимо ушей, заспешил к двери кабинета.

– Валентин! Что ты имел в виду? Ну-ка объяснись! Ты что, не в курсе, что мною только за сегодня сделано? Ну-ка, подожди, я разберусь с тобой!

– Что ты хай поднимаешь, как старый еврей?!

– Во-первых, я и есть старый еврей! А во-вторых, ты почему меня перед сотрудником позоришь? Я тебе не позволяю так со мной обращаться! Объясни-ка, что ты имел в виду?!

Ампиров спешно открыл свой кабинет и втолкнул меня

впереди себя. Потом вошел сам, оттолкнув Цаля в сторону, и попытался захлопнуть за собой дверь. Но Цаль подставил ногу. Ампиоров закричал не своим голосом:

– Цаль! Ты меня до инфаркта доведешь! Уйди, Цаль! Оставь меня в покое!

– Нет! Ты меня сознательно унизил! Я не позволю!

– Послушай, Цаль, – заговорил Ампиоров примирительным тоном и кивнул в мою сторону, – я ничего не имел в виду! Это я так, чтобы молодые видели, что я со всех работу требую. Прости, если это тебя задело! Чего тебе еще нужно?

– Я тебе не учебно-наглядное пособие! И не какой-нибудь этот... тренажер, что ли! Я не желаю, чтобы ты в назидание кому бы то ни было сек меня на конюшне!

– Цаль! Оставь меня в покое! Со мной сейчас insult случится! Или инфаркт – ей-Богу

При этом Ампиоров толкнул Цаля в плечо, а Цаль с криком: «Скандалист! Истерики!» резким движением убрал ногу и зашагал в свою лабораторию.

– Каторжный солдафон! – пожаловался мне Ампиоров, – У него было уже два инфаркта, так он теперь хочет, чтобы и меня инфаркт хватил! Так у меня же не такое, как у него бычье здоровье! Первый же инфаркт убьет меня как муху!

Цаль неожиданно умер после третьего инфаркта, и мы его хоронили всей кафедрой. Только после его смерти мы поняли, как много он тянул до последнего дня с его двумя инфарктами.

Юлий Гарбузов

51. Критика рецензии Краус (Не закончено)

Ампиров собрал заседание кафедры, на котором главным вопросом повестки дня было обсуждение рецензий преподавателей на контрольные работы заочников. Он собственноручно отобрал рецензии Дащука, Мотылькова, Булановой, Шориной и Краус. Нам он приказал ознакомиться с отобранными экземплярами и выступить с отзывами.

Пообщавшись между собой, мы единодушно решили, что лучшая рецензия написана Краус.

Когда началось заседание кафедры, он повел его совсем не так, как мы ожидали.

Первыми он зачитал рецензии Дащука и Шориной. Сказал, что так следует писать всем. Тогда и учебный процесс будет на высоте, и лицо кафедры будет иметь надлежащий вид. Рецензии Мотылькова и Булановой прочитал, морщась от пренебрежения. Слегка покритиковал, потом предложил им учесть на будущее его замечания.

Взяв в руки рецензию Краус, он назидательно произнес:
– А эту рецензию предлагается обсудить в деталях.

Мы с Овсянкиной и Андрющенко подумали, что он хочет выделить ее рецензию как образцовую, ибо именно ее мы все единодушно поставили на первое место и были восхищены

скруплезностью проведенного в ней анализа. Но не тут-то было! Он учинил ей такой разгром, что мы удивились, как можно столь великолепную рецензию так обгадить и представить в черном свете.

После заседания кафедры бедная Анна, положив голову на руки, плакала за своим столом:

– Какая сволочь! За что? Ведь вся его критика – сплошные придирки!

Овсянкина ей сочувствовала и отпаивала валерьянкой. А мы все, исключая тут же исчезнувшего Дашука и улыбающуюся Шорину (она тоже ей деланно сочувствовала), были в шоке, потрясенные случившимся.

Юлий Гарбузов

52. Лаборант Лищук

При Дашуке порядок приема на работу новых сотрудников коренным образом изменился. Во времена Ампилова кандидатура каждого нового сотрудника, будь то преподаватель, инженер или лаборант, всесторонне обсуждалась сначала с каждым из нас наедине. Тщательно взвешивались все «за» и «против», а потом принималось окончательное решение на заседании кафедры, причем Ампилов требовал, чтобы свое мнение насчет предлагаемой кандидатуры высказал каждый присутствующий. Так что когда новый сотрудник выходил на работу, это ни для кого не было новостью. Все знали его имя, отчество, возраст, семейное положение и основные сведения из трудовой биографии.

Мы понимали, что несмотря ни на какие должностные перемещения, реальным руководителем кафедры по-прежнему остается Ампилов, хотя и руководил он с некоторых пор уже не непосредственно, а сначала через Коротченко, а теперь вот через Дашука. Он открыто давал Дашуку указания, при нас устраивал ему выволочки, не говоря уже о рядовых преподавателях. Все по-прежнему старались держаться от Ампилова подальше и избегали встречи с ним, как могли.

Петр Александрович Лищук появился на кафедре тихо и неожиданно, как привидение. Первым его обнаружила Буланова. Войдя в лабораторию радиоцепей и сигналов, она

вдруг увидела, что в углу возле окна сидит аккуратнo одетый коротко подстриженный незнакомый мужчина, лет около сорока на вид, и разбирает выдавший виды осциллограф. В лаборатории больше никого. Буланова замешкалась и, когда тот поднял на нее свой спокойный, невозмутимый взгляд, широко улыбнулась. Ответной улыбки не последовало. Мужчина вежливо поздоровался кивком головы и невозмутимо продолжил заниматься своим делом.

– Здравствуйте, – сказала Буланова. – Простите... не знаю вашего имени-отчества...

Мужчина встал и с едва заметным вежливым поклоном представился:

– Лищук Петр Александрович. Ваш новый лаборант.

– Новый лаборант? – удивилась Буланова. – И как давно?

– Сегодня первый день, – спокойно ответил он.

Обескураженная Буланова, несколько секунд постояв на месте, решила также представиться:

– Доцент Буланова, Антонина Саввична. Простите, а Ксения Власовна здесь? Не знаете?

– Только что вышла. Обещала скоро вернуться. Что-нибудь ей передать?

– Спасибо, не нужно. Я позже к ней зайду, – ответила Буланова и, круто развернувшись, вышла из лаборатории и направилась в преподавательскую, где кроме меня никого не было.

– Гена, ты уже видел нашего нового лаборанта? – спросила

она, едва переступив порог.

– Какого лаборанта? – удивился я. – Когда он появился?

– Сегодня. Только что с ним познакомилась. Мужественный такой парень. Солидный. Лет сорока, а то и больше. Пойдем, познакомлю, – сказала Антонина и настойчиво потянула меня за рукав.

– Да погоди ты, Тоня. Расскажи хоть, откуда он? Кто его рекомендовал? Почему мне ничего не известно о его появлении? – засыпал я ее вопросами.

– Ей-Богу, ничего не знаю. Сама его только что случайно увидела и познакомилась. Пойдем, пойдем. Познакомишься. Нам с тобой, очевидно, предстоит в его сопровождении лабораторные проводить. Надо его хоть немного в курс дела ввести.

– Вряд ли его сразу с нами поставят. Дело не простое. Думаю, сначала Латышева будет сопровождать. А он пока наблюдать будет, – возразил я.

– Ты что, Ксеньку не знаешь? Если есть на кого спихнуть, она уже ничего делать не станет, – сказала Антонина и сама себе рассмеялась.

Мы вышли в коридор и лицом к лицу столкнулись с Латышевой. Улыбаясь во весь рот, она подошла к нам и поздоровалась:

– Здравствуйте. Забегалась с утра с этими вонючими бумагами, чтоб их, зараза, хрен узял! – высказалась она в своей манере.

Ксения, очевидно, считала, что грубость, хамство и умышленное искажение речи должны непременно делать ей честь и украшать ее. И плевать ей было на то, что окружающих от этого буквально корбило.

– Ксения, – сказала Буланова, чтобы как-то приостановить поток ее, мягко выражаясь, вольностей. – У нас что, новый лаборант?

– Уже познакомилась? Ха-ха-ха! – засмеялась Латышева. – Да, сегодня первый день работает. Скажи – интересный парень?!

Буланова игнорировала ее вопрос и поинтересовалась:

– А почему мы ничего об этом не знаем? Приняли втихомолку нового сотрудника, а нас перед свершившимся фактом ставите. И никто нам его даже не представил...

– А что же, по-твоему, Дащук должен был у тебя разрешения спросить? Он завкафедрой или кто?

– Понимаете, Ксения Власовна, Валентин Аркадьевич всегда интересовался мнением коллег, прежде чем принимать нового сотрудника, – вмешался я.

– А зачем? Зачем? Дащук с ним поговорил, спросил у того, кому с ним работать. И на хрена ему тратить время и силы на беседу со всеми вами? Кто вы такие, в конце концов? Он что, в ваших советах нуждается? Не знает, как ему поступать? Много на себя берете! Он же профессор, а не так, мелочь пузатая, как был Коротченко на этом месте!

Спорить с этой черноротой, доказывать ей что-либо, бы-

ло абсолютно бесполезно. В качестве основного аргумента в споре Латышева использовала свою луженую глотку и вульгаризмы. Буланова могла бы составить ей достойную конкуренцию по части глотки, но вульгарные выражения – это уж было слишком и для нее. До такого базарного уровня у нас, кроме Латышевой, никто не опускался. Чтобы не быть свидетелем того, как она начнет сыпать направо и налево выражениями, недопустимыми в обществе преподавателей нашей кафедры, тем более женщин, я потянул Буланову за рукав и направился в преподавательскую. Уже сидя на своем рабочем месте, я слышал сквозь дверь, как Буланова, уже явно заведенная, еще некоторое время пыталась вразумить Ксению, но, исчерпав весь свой арсенал дозволенных средств и дойдя до критической черты, оставила ее в коридоре и влетела в преподавательскую. Красная от гнева и возмущения, она, едва переступив порог, разразилась потоком слез и возмущения:

– Дрянь такая! Надо же! Чуть не матерится! Такое впечатление, что эту хамку никто никогда не воспитывал!

По опыту я знал, что Латышева в таких случаях имеет привычку стоять за дверью и слушать, что о ней говорят. А потом – ворваться и начать оскорблять своего, так сказать, «оппонента». Поэтому я, чтобы не попасть из огня да в полымя, всеми силами пытался лишь успокоить Буланову:

– Тоня, успокойся. Пожалуйста. Прошу тебя, слышишь? Ну зачем же так нервничать?

Я взял стоящий на ее столе стакан и налил в него воды из графина.

– На, выпей пару глотков воды. Так ведь можно инфаркт получить. Или инсульт. Выпей, выпей, Тоня, водички.

Дрожащей от волнения рукой Буланова взяла из моих рук стакан и осушила его до дна.

– Вот и хорошо. Погоди, сейчас я тебе еще валерьяночки накапаю, – продолжал я ее успокаивать.

Антонина в изнеможении опустилась на стул и склонила голову на руку. На нижней полке шкафа я нашел аптечку, достал мензурку, накапал валерьянки, разбавил водой и протянул Антонине. Проглотив капли, Антонина, едва переведя дух, начала возмущаться:

– Представляешь, как она рассуждает! При такой постановке дела мы еще не работали!

Я молчал, пытаясь остудить ее страсти, а она никак не унималась:

– И чего это она так за Дашука ратует? С чего это вдруг? Ни за Ампинова, ни за Коротченко она так не распиналась! Неспроста это! Уверена, что неспроста. В каких они отношениях? А? Как ты думаешь?

Мне никак не хотелось разбираться в том, на основании чего она делает такие далеко идущие умозаключения. Я попытался «сменить пластинку»:

– Тоня, давай помолчим минут пятнадцать-двадцать, а потом поговорим на холодную голову. Хорошо?

Буланова жалобно всхлипнула и затихла, уставившись в окно. Тем временем я принялся укладывать вещи в кейс. Глядя на меня, Антонина также засобиралась домой.

Молча, не сговариваясь, мы закрыли кафедру, сдали ключи и вышли на улицу. Сентябрьский день близился к концу. В косых лучах заходящего солнца поблескивали серебристые нити паутины – признак «бабьего лета». Люди спешили домой, и на троллейбусной остановке было людно, как никогда.

– Вот и моя остановка, – сказал я.

– Как, разве ты меня не проводишь? – возмутилась Буланова.

– Уговорила, – ответил я, досадуя в душе. – Переходим на ту сторону.

– Да нет, Гена, ты меня через скверик проводи – на главную. Чтобы я успокоилась, – сказала она, заискивающе улыбаясь.

– Что ж, другой бы спорил, а я – пожалуйста, – согласился я, костеря про себя и Антонину, и Латышеву с Дащуком и новым лаборантом за компанию.

Идя по скверу, Буланова опять завела старую пластинку:

– Из-за этой стервы я так тебя и не познакомила с нашим новым лаборантом, как собиралась.

– Не беда, Тоня. Я человек общительный, завтра и сам познакомлюсь.

– Я в этом не сомневаюсь. Но хотелось как-то поддержать человека, чтобы он поскорее влился в коллектив кафедры. Вообще-то, если уж наш новый заведующий решил, что он, выражаясь словами Валентина Аркадьевича, такой важный пуриц и крупный швецер, что не считает нужным с нами советоваться при приеме на работу новых сотрудников, то хотя бы нам с тобой представил нового лаборанта. Работать-то ему с нами, а не с кем-нибудь другим. С Исаковым еще, – возмущалась Буланова. – Виктора Ивановича, как видно, тоже никто никогда не учил производственной этике.

– Этому не учат. Это люди сами должны с детства усваивать, – заключил я.

– Как же они усвоят, если их не научат? – возразила Антонина.

– Существует много неписанных правил, до которых люди обязаны сами доходить. Люди не роботы. Всему не научишь. Вот нигде же не написано, что нельзя сморкаться вот так вот: фрррр! фрррр! – изобразил я, будто сморкаюсь на тротуар и растираю ногой.

– Фу! Фу! Прекрати, Гена, – смеясь и морщась, протестовала Буланова. – А то меня аж затошнило. Ей-Богу. Ты так изобразил, что прохожие могут подумать, будто ты и вправду сморкаешься таким образом. А среди них могут и наши студенты быть.

– Обо мне же, не о тебе подумают! – оправдывался я.

– Я не хочу, чтобы о тебе так думали, – сказала она, ко-

кетливо улыбнувшись.

Мы вышли на главную улицу и направились к остановке автобуса. Увидев проезжающее свободное такси, Буланова подняла руку. Машина подкатила к бордюру и остановилась в ожидании.

– Все, Гена, я поехала. Спасибо, что проводил, – сказала она, захлопывая дверцу.

Такси резко рвануло с места, а я стоял у бордюра, глядя вслед его удаляющимся красным огням. Наконец, они затерялись в синеве сгущающихся сумерек среди огней других машин, мчащихся по вечернему городу. Я медленно побрел назад, к своей остановке троллейбуса. Я гнал от себя прочь мысли о работе, о Дашуке, о Коротченко и Ампиrove, о новом лаборанте, которого я еще в глаза не видел, о Латышевой, Булановой и об их сегодняшней размолвке. Я стремился думать о музыке, о литературе, о театре – о чем-нибудь возвышенном. Но о чем бы я ни думал, все равно мои мысли упрямо возвращались к последним кафедральным событиям. В конце концов, я сдался и поплыл по воле волн.

Конечно, – думал я, – всем ясно как день, что Ампиров по-прежнему остается единоличным авторитарным руководителем кафедры. Только руководит он теперь через нового заведующего – Дашука. Коротченко в свое время пытался сбросить с себя его иго, но у него не хватило на это ни характера, ни соответствующих научных атрибутов, ни надежной поддержки как в ректорате, так и на факультете, а также в

партийных кругах всех уровней. Дашук же теперь молодой доктор наук, его всеми силами, где только можно, поддерживают Ампиоров и Шорина. На факультете и в ректорате на него возлагают большие надежды. Правда, он беспартийный. Но если в нем заинтересованы в верхних эшелонах институтского руководства, то этот недостаток, вне всяких сомнений, быстро исправят: примут в Партию Ленина в экстренном порядке. Характера у него – никакого, как и у его предшественника Вали Коротченко. Но Ампиоров его и продвигал в заведующие, чтобы потом использовать, как фигуру, через которую он мог бы беспрепятственно «править бал», абсолютно ни за что не отвечая. Дашук, как видим, все же отклоняется от привычной линии Ампиорова, но отнюдь не всегда в лучшую сторону. Утешает то, что Дашук – человек талантливый и умный, поэтому интегрально все же должна работать истина: лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Его не упрекнешь в отсутствии воспитания, как Латышеву. Но Виктор – парень «из шустряков», как говорит Коротченко, и если ему что-то легче или в чем-то выгодно, может поступить и как невоспитанный человек. Буланова по этому поводу говорит, что «Дашук обладает управляемым обаянием, против которого трудно устоять». Я убежден в том, что людям нужно прощать их слабости, но это уж больно сложно, особенно когда дело касается тебя лично.

Лишук произвел на меня впечатление серьезного, дисциплинированного, исполнительного, воспитанного и аккурат-

ного человека. Когда я обращался к нему, безразлично с чем, он непременно вставал и продолжал разговор стоя. Остальные лаборанты, которые по возрасту годились ему в сыновья, никогда так не делали, и мы считали это в порядке вещей.

Как-то после лабораторной работы я спросил его, почему он в столь солидном возрасте согласился пойти в лаборанты. Радужно улыбнувшись, он пояснил:

– А зачем мне более серьезная должность? Ведь я – военный пенсионер. Мне нужна работа мало ответственная, легкая. Лишь бы только дома не сидеть.

– Так Вы – кадровый военный и уже успели выйти на пенсию? – удивился я.

Петр Александрович несколько замялся, но все же ответил:

– Не то, чтобы успел. Я бы с удовольствием продолжал служить. Ведь меня комиссовали. Я же оперированный язвенник.

– Понятно. В каком Вы звании, если это, конечно, не секрет? – полюбопытствовал я.

– Какой же тут секрет? Майор. Я был майором авиационных войск, – не без гордости ответил Петр Александрович.

– Значит Вы – летчик?

– Нет. Я мечтал пойти в летчики, но меня не приняли – прикус зубов неправильный. Я был техником по наземному обслуживанию радиоэлектронного оборудования самолетов. Всегда завидовал летчикам, – произнес он со вздохом сожа-

ления. – В отдаленных гарнизонах служил. Представьте себе: голая степь, аэродром, военный городок, в котором все друг другу глаза намозолили до ужаса. После службы скукотища, хоть волком вой. Пили спирт с сослуживцами. И, мягко говоря, не всегда очищенный. Вот и заработал себе язву желудка. Запустил. Потом прямо на дежурстве такой приступ хватил, что санитарный вертолет вызывали. Прооперировали. Две трети желудка вырезали. А дальше – я уже сказал. Комиссовали. Назначили пенсию. Вы не курите?

– Слава Богу, нет, – ответил я. – Лет уже двадцать, как бросил.

– Тогда извините, пожалуйста, я пойду покурю. Невмоготу уже. Потом продолжим, если хотите.

Петр Александрович выключил паяльник, вынул из ящика рабочего стола пачку отнюдь не дешевых сигарет, ловко извлек одну и направился к двери. Я улыбнулся ему на прощанье и пошел заниматься своими делами.

– Ну, как тебе наш новый лаборант? – спросила Буланова.

– Не знаю как кому, а мне он очень даже симпатичен, – высказал я свое личное мнение. – До сих пор у нас лаборантами были только мальчики да девочки. А он – солидный, в высшей степени серьезный и надежный человек.

– Мне он тоже понравился, – вклинился экс-заведующий кафедрой Коротченко. – По крайней мере, с военной закалкой и чувством собственного достоинства. И с юмором плюс к этому.

– Ну, военным свойственны свои, солдафонские штучки-ласточки, – возразила Буланова.

– Вот именно, – вмешался Исаков. – А мне он показался таким мурлом! Очень напоминает нашего Героя Советского Союза. Самомнение у него – о-го-го! И юмор – солдатский, что называется!

– Не самомнение, а чувство собственного достоинства, – поправил его Коротченко.

– Идеальных не бывает ни людей, ни работников. Недостатки присущи всем абсолютно. Поэтому человека следует ценить только по его достоинствам. Это прописная истина, – сказала Овсянкина, не отрываясь от учебника. Она готовилась к предстоящему занятию.

– Что ж, время все покажет, и, если что не так – скорректирует, – философски заключила Антонина.

Несколько дней спустя время действительно внесло свои коррективы в жизнь нашей кафедры.

В лаборатории радиоцепей и сигналов было шумно и многолюдно. Если в старые добрые времена студенческие группы комплектовались по двадцать пять человек, то теперь их численность довели до тридцати пяти и даже более. К тому же уровень подготовки студентов резко снизился. Поэтому работа в лабораториях становилась исключительно напряженной. Мы вынуждены были поминутно вскакивать, бегать на рабочие места, разъяснять студентам то, что еще не так давно на кафедре считалось само собой разумеющимся. И

лаборантов приходилось привлекать значительно чаще, чем ранее.

– Геннадий Алексеевич, а у нас нет генерации, – сказала милостивая блондиночка, теребя соединительные проводники на установке.

Я подошел к ее лабораторному столу и стал искать причину отсутствия самовозбуждения. На соседнем рабочем месте колдовал Исаков:

– Самим уже пора такие неполадки устранять. Вот, сначала проверяем напряжение на контуре. Так. Ничего нет. Теперь – на входе блока. Вот видите, отсутствует сигнал на входе. Посмотрим на выходе генератора сигналов. Здесь, как видите, сигнал прекрасный. Ну, так и есть. В соединительном кабеле обрыв. Сейчас Вам лаборант заменит.

– Лищук! – окликнул Исаков нового лаборанта.

Тот сидел, не обращая на его окрик никакого внимания. Исаков, решив, что в студенческом гаме Петр Александрович его не услышал, позвал еще раз:

– Лищук! Ты меня слышишь, Лищук?!

Петр Александрович по-прежнему не прореагировал. Исаков подошел к лаборантскому столу, где Лищук продолжал ловко орудовать паяльником, словно окружающая ситуация не имела к нему ровным счетом никакого отношения.

– Лищук, ты что, оглох? – громко спросил Исаков.

Никакой реакции. Исакову выйти из себя – раз чихнуть, и, судя по хрипотце в голосе и громкости его звучания, он

был уже близок к этому, но всеми силами стремился казаться спокойным. Переведя дух, Исаков снова обратился к Лищуку:

– Ты что, в самом деле не слышишь или просто издеваешься? Почему не отвечаешь?

– Уважаемый Алексей Артемович, у меня есть имя и отчество. И, пожалуйста, на «Вы». Я же Вам не «тыкаю», – спокойно ответил Лищук. – На всякий случай напоминаю: меня зовут Петр Александрович.

Казалось, он был воплощением невозмутимости и спокойствия. И лишь едва заметное подергивание щеки выдавало, чего ему стоила такая невозмутимость.

– Вон как! – сказал Исаков, с трудом сдерживая волнение. – Хорошо. Уважаемый Петр Александрович, на шестом рабочем месте – обрыв в сигнальном кабеле генератора.

Лищук тут же встал и с видимым почтением ответил:

– Ясно, Алексей Артемович. Сейчас заменю.

– Ты слышал? – спросил Исаков, когда я подошел к преподавательскому столу.

– Слышал, конечно, – ответил я.

– Ну и ну-у-у! – протянул Исаков с понижением тона.

Стараясь быть как можно доброжелательнее, я сказал:

– Алеша, а ведь он прав. На все сто процентов. Он уже далеко не мальчик, а офицер со стажем. По моему личному представлению с любым человеком следует разговаривать уважительно, тем более с кадровым офицером, хотя и от-

ставным. В особенности при студентах.

– Да, пожалуй... – преодолевая себя, согласился Исаков.

При всей своей нервозности Исаков никогда не упорствовал там, где он, трезво взглянув на себя со стороны, видел, что он не прав. Будучи человеком порядочным от природы, он всегда признавал свою неправоту. Но если он был убежден в своей правоте, ничто не могло его заставить уступить позицию.

Вскоре случился еще один экстраординарный инцидент.

Лищук молча корпел над разобранной лабораторной установкой, когда в лабораторию веселой и бодрой походкой вошла Буланова. Подойдя к Лищуку, она тут же обратилась к нему с видом исключительно занятой и озабоченной особы, у которой расписана каждая минута:

– Здравствуйте!

Петр Александрович тут же встал и, с почтительностью и достоинством легко наклонив голову, ответил на ее приветствие:

– Здравствуйте, Антонина Саввична.

Не теряя зря времени, Буланова положила перед ним папку и деловым тоном отчеканила:

– Петенька, отнесите, пожалуйста, эти бумаги в канцелярию. Только это нужно сделать сейчас, понятно?

Против ее ожидания Лищук сел и, осторожно отодвинув папку в сторону, снова начал копаться в монтаже.

Буланова ждала, когда же, наконец, Лищук закончит вто-

ростепенную, по ее мнению, работу и кинется со всех ног выполнять ее поручение. Но он всем своим видом красноречиво показывал, что его интересует только лабораторная установка и ничего более.

– Петя, по-моему, я к Вам обратилась?! – сказала Антонина, начиная выходить из себя.

Петр не реагировал.

– Петя, у Вас со слухом все в порядке?! – спросила Буланова, готовая сорваться на крик.

Не прекращая работы, Петр Александрович, как бы между прочим, ответил:

– Антонина Саввична, начнем с того, что я хочу, чтобы Вы меня, как и я Вас, именовали по имени и отчеству.

Буланова явно нервничала, и лицо ее покрылось красными и белыми пятнами.

– Ну, ежели Вы так хотите...

Чтобы немного успокоиться, она выдержала небольшую паузу. Потом сделала глубокий вдох и продолжила:

– Петр Александрович... Повторяю мое рабочее указание. Пожалуйста, отнесите бумаги, которые лежат в этой папке, в канцелярию. Папку потом вернете мне при случае. И пожалуйста, поторопитесь, а то... – она озабоченно посмотрела на часы, – через двадцать минут у них перерыв.

Петр повернул к себе осциллограф и, ткнув щуп в монтаж, все тем же спокойным тоном ответил:

– Антонина Саввична, кто Вам сказал, что я обязан ку-

да-то там относить бумаги по Вашему указанию? У меня есть начальница – Ксения Власовна Латышева. Я получаю работу только от нее. Других начальников у меня нет. Даже заведующий кафедрой не имеет права давать мне задания. Извините, мне надо работать, а Вы меня отвлекаете.

– Но Латышевой сейчас нет, – стояла на своем Буланова.

– Я при чем?

– А работа? Мы все должны выполнять свою работу! – кипятилась Антонина.

– У меня, как видите, работа уже есть. И я ее выполняю. А Вы мне, извините, мешаете, – невозмутимо ответил Петр Александрович.

– Понимаете, – Буланова постучала по папке, – эта работа – сроч-на-я! И я Вас очень прошу выполнить ее в первую очередь. А потом делайте себе на здоровье то, что Вам поручила Ксения Власовна, – говорила Антонина, нервно глотая воздух в паузах между словами.

– Несрочных работ не бывает, – твердо ответил Лищук.

– Что же нам делать?! – спросила она, готовая разразиться истерикой.

– Вам – не знаю. А мне, я уже сказал, есть что делать.

– Уважаемый Петр Александрович, я еще раз прошу Вас отнести это в канцелярию. Уверяю Вас, это не унизит вашего офицерского достоинства, – изрекла Буланова, довольная такой словесной находкой.

Но Лищук не остался в долгу:

– Антонина Саввична, если Вы сделаете это сами, это также не унизит Вашего доцентского достоинства.

– Ну, знаете, таких у нас еще не было! – выкрикнула Буланова, резким движением хватая со стола свою папку.

– Жаль. Но теперь, как видите, один появился.

Красная от гнева и злобы, Буланова, стуча каблучками, выскочила из лаборатории, громко хлопнув дверью. Однако с этого момента к Лищуку все наши коллеги стали относиться с должным уважением и все поручения давать ему в соответствии с должностными инструкциями.

Юлий Гарбузов.

12 августа 2006 года, суббота.

Харьков, Украина.

Сила желания

Фантастический рассказ

Славик перебрался из постели в инвалидное кресло и устроился поудобнее. Уже третий день, как он это делает без посторонней помощи. Читать надоело. До прихода с работы мамы оставалось не менее пяти часов. Эту неделю у нее вторая смена. Она придет, покормит, чем Бог послал, перестелет постель, поможет умыться и лечь спать. А пока нужно как-то скоротать время.

Он включил телевизор. Шел фильм о войне. Не интересно. За свои неполные пятнадцать лет он таких фильмов насмотрелся вдоволь. На другом канале показывали комедийное шоу. Тоже дрянь, совсем не смешно. Славик нажал на

пульте красную кнопку, и экран погас. Что делать? Куда деваться от одиночества? Оно давило, преследовало повсюду: в постели, в этом кресле, в кухне, во дворе, даже у открытого окна, за которым догорали последние лучи заходящего солнца и зеленел молодой весенней зеленью сад соседки. Щемящее, холодное одиночество витало в воздухе, истекало изо всех щелей, забиралось под одежду, наползало снизу, наседало сверху, змеей обвивалось вокруг шеи и душило, не давая вздохнуть.

Ему хотелось на улицу, где резвились ровесники. Но он знал: туда ему путь заказан. С пятилетнего возраста тяжелый полиомиелит приковал его к постели. Только месяц тому назад ему подарило это самоходное немецкое кресло благотворительное общество «Благовест». Сначала казалось, что наступила райская жизнь – появилась возможность самостоятельно передвигаться по комнате и по двору. Но человеческие потребности беспредельны. Хотелось быть таким, как все ровесники. А он прикован к этому дурацкому креслу, да и все равно без посторонней помощи не обойтись.

У ребят были свои интересы, а до него никому дела нет. Его лечащий врач, Николай Михайлович, говорит, что нужно рассчитывать только на себя самого. А к посторонней помощи обращаться лишь в крайних случаях. Ему-то хорошо говорить, а попробуй выехать во двор из этой полуподвальной квартиры самостоятельно. Ничего не получится. По ступенькам никакое кресло вверх не поедет. А на воздух так хо-

чется!

Отец опять скрывается от алиментов, и мама снова вынуждена разыскивать его через суд. С тех пор как Славик перенес этот проклятый полиомиелит, отец начал пить, скандалить, гулять. И мама вынуждена была развестись с ним. Тяжело теперь. Но хоть от стрессов избавились.

На лечение у мамы денег нет. Да что там лечение – хотя бы на пропитание хватало. Да и какое может быть лечение? От последствий полиомиелита современная медицина не лечит.

Мама – неплохая штамповщица. Но штамповщицам платят мало. А что, если завод закроется? С голоду помирать, что ли? Надежда только на Бога. А Славику в таких условиях еще и учиться приходится. Приходят из школы учителя, занимаются три раза в неделю. Заходят и соседские дети, кое в чем помогают. Но у них тоже своя жизнь, свои заботы. Приходится в основном учиться самому, по книгам. А это тяжело – трудно разобраться, что там главное, а что второстепенное. Но надо. Говорят, что и в его состоянии можно в университет поступить на заочное отделение. Но до этого еще ой, как далеко.

Зазвонил телефон. Славик подкатил кресло к прикроватной тумбочке, где мама оставляла телефон, уходя из дому. Здоровой рукой поднял трубку.

– Алло, слушаю.

– Славик, мама дома? Это Наталья Яковлевна, – слышался в трубке голос соседки.

– Нет, она сегодня во вторую смену. Позвоните, пожалуйста, завтра утром.

– Ах, да! Я совсем забыла. У тебя как, все в порядке? Не нужно ли чего?

– Нет, спасибо. Все в норме.

– Ну, пока.

– До свидания.

Он снова подкатил к окошку. В саду соседки уже начали сгущаться сумерки и защebetали соловьи. По-прежнему душила тоска. Не было сил читать учебник. Даже мечтать не получалось. А мечтать он любил больше всего. Только во снах он мог делать то, чего хотелось. Он представлял себя то путешественником, то исследователем, то лихим ковбоем, скачущим на резвом мустанге, то полярником, то космонавтом, то еще кем-нибудь. Но в жизни он по-прежнему оставался таким, как есть – жалким калекой с покореженными полиомиелитом тонкими, как ниточки ногами и левой рукой.

На курорте под Одессой, куда его возила мама, он встречал и более тяжело обиженных судьбой. Но все же большинство ребят были в лучшем состоянии. Да и какое ему до них дело? Он – калека, беспомощный калека, а жить-то надо. Хочется жить, что бы там ни говорили.

Вновь зазвонил телефон.

– Да?

– Сашу можно?

– Вы ошиблись номером. Здесь нет Саши.

– Извините.

Славик почувствовал голод и подкатил к холодильнику. Там он нашел только кусочек жареного минтая с тушеной капустой. Поужинал. Тем временем уже почти совсем стемнело.

Снова телефон.

– Слушаю.

– Привет, Слав! Это Вера. Ты не отдыхаешь? – серебряным колокольчиком зазвенел в трубке голос лучшей из девочек, соседки по двору – Верочки.

– Нет-нет, что ты! Еще рано ложиться.

– Можно заскочить к тебе? Я тут достала кое-что.

– Конечно, Верочка. Я всегда тебе рад и благодарен. Заходи скорее, а то совсем с тоски пропадаю. Хоть парой слов перекинемся. Жду.

Славик выехал в прихожую и отпер входную дверь. На него повеяло майской вечерней прохладой. Что же она так долго там?

Верочка была единственным человеком в мире, с кем он мог непринужденно болтать сколько угодно. Она так сочувствовала его положению и старалась не заострять внимания на его болезни. Разговаривала, как с равным, без малейшего намека на снисходительность. Они часто болтали о прочитанном, о будущем, о политике, о летающих тарелках и вообще обо всем на свете. Когда она была рядом, его серд-

це сладко млело и билось часто-часто. От нее пахло чем-то необыкновенным и этот запах так пьянил Славика, что он готов был забыть всех и все, лишь бы только вдыхать его еще и еще. А какая тоненькая у нее талия! Теперь он понимал, что когда говорили «осиная талия», то это такая, как у Верочки. «Лучистые глаза» – это тоже про Верочку. А голос! А улыбка! Боже, как она хороша! Особенно было сладко на сердце, когда Верочка садилась рядом, и они вместе смотрели в книгу или рассматривали его рисунки. Тогда он вдыхал аромат ее дыхания и хмелел от счастья. Аж в глазах темнело. Он боялся, что в таких случаях может выкинуть что-либо такое, о чем потом будет глубоко сожалеть.

А она ничего не замечала. Просто сидела и задавала вопросы. И он отвечал, как мог, выворачивая перед нею всю свою память, все свои знания, весь свой интеллект. Тогда она говорила:

– Славик, какой же ты умница! Ты так талантлив! У нас в классе ни один мальчишка с тобой не сравнится. И во дворе тоже. Будешь учиться – большим человеком станешь. Вот увидишь.

И тут Славик обязательно вспоминал, что он всего-навсего калека, прикованный к этому креслу. И никем ему не стать, разве что каким-нибудь надомным служащим, которого и всерьез-то никто не воспримет. Разве что из жалости.

В прихожую успели налететь комары и стали жалить Славика в лицо, шею, руки. Отмахиваясь, он вслушивался в ве-

черные дворовые звуки, пытаясь различить среди них проявления верочкиного присутствия. Но слышались только голоса дворовых старушек, веселый щебет малышей да повелительные окрики их матерей, а также звуки проезжающего транспорта. И тут он услышал частое постукивание каблучков. Да, несомненно, это она! Ее походку он узнает среди тысяч подобных. Вот Верочка сбегает с крылечка. Вот она направилась в сторону его двери. Вот она уже совсем рядом, а вот она и перед ним – веселая, улыбающаяся, тоненькая и стройная, как молодая березка.

– Привет, Слав! Извини, я на минутку. Понимаешь, какое дело! Мне один родственник подарил плеер, когда вернулся из поездки в Штаты, а у меня уже есть, ты знаешь. Так вот, зачем мне два? Я решила подарить его тебе. Возьми, пожалуйста. И пара кассет к нему, и запасной комплект батареек. На, держи.

Славик машинально взял из ее рук разноцветный полиэтиленовый кулек и заглянул внутрь.

– Какая прелесть! Спасибо, Верочка. Но... это дорогая вещь. Я не могу принять его просто так, а купить мы тоже не в состоянии. Нет, пусть остается у тебя.

– Что ты, Славик! Меня мама заругает, если я принесу его от тебя назад. Она тебе вот что еще передала, – Верочка протянула открытку, – пригласи меня, пожалуйста, в квартиру. Там прочитаешь и сам убедишься.

Она вкатила его кресло в комнату, освещенную тусклым

светом настольной лампы. Открытка была крупноформатная, красивая, а внутри – написано каллиграфическим почерком:

«Дорогой Славик!

Прими, пожалуйста, от нас с Верой этот скромный подарочек в счет твоего будущего дня рождения. Слушай музыку, изучай английский. Желаем здоровья и успехов.

Лариса Сергеевна, Михаил Николаевич, Вера.»

– Спасибо. Передай маме, что я очень тронут. Но моя мама может вас не понять, я знаю. И тогда мне придется все вернуть. Или она сама это сделает.

– Нет, Славик, ее мы с мамой и папой берем на себя. Лучше скажи, что тебе сделать, чем помочь.

– Да ничего мне не нужно, я уже и поужинал, и посуду помыл. Хотел рисовать, а тут ты позвонила.

– Верочка начала наводить порядок на столе. Одну за другой сложила в стопку разбросанные тетради. Потом принялась за книги.

– Библия. Ты читаешь Библию?

– Как видишь. И очень часто. Обалденная книга.

– Славик, ты веришь в Бога?

Он утвердительно кивнул.

– Я тоже.

С минуту она помолчала, а потом робко заговорила.

– Ты, наверное, знаешь, что в двух кварталах от нас открылся новый храм Иоанна Крестителя? Я там познакоми-

лась с батюшкой, отцом Емельяном. Хочешь, я приглашу его к тебе? Он здесь отслужит службу, а мы с тобой вдвоем помолимся. Он старенький такой, лет семьдесят. Я ему на исповеди обо всех своих грехах рассказала и расплакалась, как маленькая. А он меня ни капельки не корил, а велел молиться и уповать на Божие милосердие.

– Спасибо, Верочка. Не нужно. Я сам молюсь, без священников. И их роли в этом процессе не понимаю.

– Как это, не понимаешь? А кто же будет службу служить?

– А зачем она нужна в принципе? Что толку от нее? Театрализованное представление – и все тут. Это раньше, когда люди были в основном неграмотные, священники помогали им усвоить Слово Божие, разобраться в нем. А сейчас священники абсолютно ни к чему.

– Но если ты в самом деле верующий, то должен понять, что без батюшки – и молитвы как таковой быть не может. Он все слова молитвенные знает, и Господь ему лучше внимает.

– Нет, не согласен. Он такой же человек, как и мы. И кто сказал, что Бог понимает только определенные молитвы? В конце концов, они тоже людьми написаны. А зачем повторять чужие слова? Мы же не попугаи. Каждый все равно почитает Бога по-своему, и грехи свои у каждого, и просьбы к Господу у каждого свои собственные, которых ни в каких молитвах нет. Поэтому я думаю, что каждый должен молиться о своих проблемах один на один с Богом. И своими словами, а не чьими-то, написанными человеком, который, быть

может, при этом думал совсем не о том, о чем я хочу молиться. Скажи, в чем я не прав?

– Не знаю, Славик. Ты так убедительно говоришь, что хочется с тобой согласиться. Но ты все же, мне кажется, не прав. Почему тогда люди до сих пор не отказались от батюшек? Им бы это дешевле обошлось. А люди подсознательно тянутся к пастырям.

– Совсем нет. Есть столько конфессий на свете, которые не признают священников, а выбирают на время пресвитеров из своих прихожан или вообще никого не выбирают. Бог – это Высший Разум. Он услышит каждого, кто искренне молится, желает творить добро и творит его, чист в помыслах своих, сожалеет о содеянных грехах и стремится искупить их. Об этом и в Евангелии сказано.

– Славик, ты такой умный, что я не знаю, что тебе и ответить. Но ты все-таки в чем-то не прав.

На столе уже был наведен идеальный порядок, и Верочка начала разбирать рулоны бумаги, стоящие в основном вертикально на полу рядом со столом.

– Это что, твои рисунки? Я посмотрю, что ты рисуешь, можно?

– Нет, Верочка, они в основном не закончены. Не нужно, оставь все, как есть, прошу тебя.

– Ну, пожалуйста, разреши посмотреть. Мне так нравятся твои рисунки. Где самые последние? Это они, да?

Она села за стол и начала рассматривать плоды творческо-

го вдохновения Славика. Вот букет цветов на подоконнике его комнатухи, а вот их улица в жаркий летний полдень. А это цветник соседки, тети Гали, который по праву считается украшением их забытого Богом, людьми и городскими властями двора.

– А это что, кабина космического корабля? Межзвездный, наверное?

– Межгалактический.

– Как здорово! Вот у тебя фантазия! Я бы в жизни такого не придумала. Окно в будущее в буквальном смысле. Какие сосредоточенные лица! И на каждом такой глубокий интеллект! Мне аж самой туда захотелось. Ты бы выставку устроил, что ли. Хочешь, попробую помочь.

– Нет, что ты, Верочка! Это же не искусство, а так, детские развлечения. А из детского возраста я уже, кажется, вышел.

– А вон там, в углу рулон, перевязанный тесемкой – тоже картина?

– Нет, не надо, Верочка. Не смущай меня.

– Как это, «не смущай»? Обязательно посмотрю!

Она взяла рулон, и в ее руках он тут же сам развернулся.

– Ой, Славик! Это что, я? Как красиво! – она улыбнулась, и на ее щеках заиграли веселые обворожительные ямочки.

На листе бумаги гуашью была изображена Верочка во весь рост с букетом роз в руках. Кокетливо чуть-чуть склонив голову набок, она улыбалась той очаровательной улыбкой, которая играла на ее лице и сейчас. А легкое коротенькое лет-

нее платянице подчеркивало прекрасные линии ее фигуры.

– Славик, неужели я и впрямь такая красивая? Ты мне ее подаришь, правда?

– Конечно. Я для тебя рисовал ее. Я все рисую для тебя... Только до сих пор не решался предложить тебе. Понимаешь, я...

Верочка прикрепила лист двумя лежавшими на столе прищепками к оконной шторе и отошла назад, чтобы посмотреть издали. Она стояла совсем близко, справа от Славика, возле самого его кресла. Локоть его здоровой руки касался ее бедра. Он чувствовал теплоту девичьего тела, ощущал его запах и слышал шорох складок ее платяница. Сердце заколотилось так, что он подумал, будто Верочка слышит его громкие удары. От наплыва чувств перехватило дыхание.

Славик с трудом оторвал локоть от ее горячего, словно огонь бедра и тихо, робко и нежно обнял ее тонкую талию. Более приятного чувства он еще никогда в жизни не испытывал. Верочка вся напряглась, как стальная пружина, но не шарахнулась, а как-то по-особому посмотрела на него сверху вниз. Славик решил, что ей это тоже приятно, и попался привлечь ее к себе и погладить левой, покореженной рукой.

И тут Верочка вздрогнула и взглянула на его худое, болезненно бледное заостренное книзу лицо с впалыми щеками, ввалившимися глазами, на тянущуюся к ее груди искаленную руку и на одно мгновение представила себе сцену близости с этим, как ей показалось, недочеловеком. Она

не смогла побороть в себе внезапно охватившего ее чувства
брезгливости, словно ей за пазуху сунули жабу. Рванувшись,
Верочка стремглав вылетела во двор.

Сквозь пульсирующий шум в ушах, сквозь звуки сердеч-
ных ударов Славик слышал нервный, затихающий в отдале-
нии цокот ее каблучков.

«Боже мой, что я наделал! Теперь я больше никогда не
смогу быть рядом с нею, слышать звук ее голоса и хотя бы в
мечтах тайно ласкать ее».

Славик сидел, опустив голову, и проклинал себя за
несдержанность. Да как он мог, как он посмел надеяться на
что-то? Его удел – книги, рисунки и мечты. Как он, долж-
но быть, жалок был в ее глазах! Он поднял голову и уви-
дел злополучную картину, виновницу всего происшедшего.
«Вот все, что мне от нее осталось».

Хотелось выть, стенать, биться в истерике. «Был бы сей-
час пистолет – застрелился бы. Тогда всем проблемам сра-
зу конец». А как же мама? Она же с ума сойдет. Ведь толь-
ко для нее он был самым лучшим, самым близким в мире
существом. Только ей он не внушал ни отвращения, ни пре-
зренной жалости. Только ей он был дороже всех на свете.

Действительность была невыносимой. Как это ужасно,
быть калекой, которого можно только жалеть, которому все
могут только сочувствовать и помогать, кто чем может! Ну

почему, за какие грехи Господь так сурово обошелся с ним? Ведь он еще не успел в этой жизни совершить ровным счетом ничего – ни хорошего, ни плохого, когда его поразил этот страшный, этот кошмарный недуг. Нет, с этим никогда нельзя смириться!

Всей своей тяжестью на него навалились эти ужасные, знакомые с детства мысли. И их каждый раз нужно было побеждать, загонять в самый отдаленный уголок души. Но зачем? Это может понять только такой, как он, отверженный Богом и людьми человек.

Вот, если бы нашелся какой-нибудь врач, который смог бы победить его болезнь, сделать его полноценным человеком! Последствия полиомиелита, разумеется, необратимы. Но может же где-то найтись такой врач или коллектив врачей, который сумеет внести поправки в его жизненно-функциональную программу, чтобы все функции его организма восстановились в том виде, как заложено в программе от рождения! Ведь его недуг – это всего-навсего ошибки в программе развития организма, внесенные проклятым полиомиелитом. Значит, должен, в принципе, существовать механизм устранения этих сбоев. А если так, то его можно отыскать и применить. Разумеется, над этим работают целые институты и рано или поздно найдут, обязательно найдут. Но скорее поздно, чем рано. Да и дойдет ли это до него? Скорее всего, что нет!

Черт! Опять тупик. Опять все то же, все те же, все там же

и все так же. Но почему бы не случиться так, что именно он станет первым счастливым, обретшим прежнее здоровье? И своевременно, сейчас, а не много лет спустя.

Он все глубже погружался в свой сокровенный мир – мир грез, куда он не допускал никого. Только там все имело подлинную цену, только там он был вправе распоряжаться всем по своему усмотрению, быть самим собой и таким, как все. Там было возможно все, даже исцеление полиомиелитиков.

Да, люди много лет работают над этой проблемой и неизвестно, сколько времени еще понадобится, чтобы разрешить ее.

Но могут же где-то в необъятных глубинах космоса существовать миры, в которых человечество уже решило эту задачу, причем радикально. Конечно же, могут. Но существуют ли? А если и не существуют, то обязательно возникнут. Но ему-то что от этого? Туда и свет-то от Земли доходит, наверное, за миллионы или миллиарды лет. Но утверждение, что скорость распространения света – предел, это тоже еще предмет для дискуссии. Славик недавно читал, что какой-то ученый – его земляк, между прочим – доказал, будто существуют частицы, могущие перемещаться со скоростью, в миллиарды раз превышающей световую. Значит, и путешествия с такой скоростью тоже принципиально возможны.

Славик так увлекся своими размышлениями, что забыл обо всем на свете. Кроме волнующей его проблемы, в этот момент для него не существовало ничего.

«Если все это возможно – продолжал он развивать свою мысль далее, – то где-то в информационном поле Велико-го Космоса это решение каким-то образом записано. И существует механизм, могущий осуществить его. Действительно, если Космос бесконечен, а иным он и быть не может, то в нем существуют все возможные состояния материи и стечения обстоятельств. Нужно только отыскать то, что необходимо реализовать. Нострадамус мог отыскать интересующую его информацию о будущем, но не мог ничего инициировать в космосе. Аналогично многие люди предсказывали будущую ситуацию, гибель “Титаника”, например. А многие могли материализовать вещи, телепортировать предметы на расстояние, переноситься во времени и вообще делать то, что в обычных условиях принято считать невозможным. Так, широко известен факт о том, что Христос шел по воде, как по суше. А левитация восточных факиров?»

Только узнать бы, как это делать. Нужно, вероятно, много лет учиться подобному искусству. А действительно ли нужно? Вот, скажем, при задании команд компьютеру программист вовсе не обязан понимать, как компьютер выполняет то или иное действие. Следует только знать, что он может сделать, а что нет. А Великий Космос все может. Это следует из концепции бесконечности Пространства и Времени.

«Да, – думал Славик, – залез я в такие проблемы, в такие дебри бытия, что и до психушки недалеко.» Не хватало только к его калеченности еще и психбольницы! Но все же в Биб-

лии сказано, что если верить в любое чудо, то оно обязательно свершится. Библия, как это всегда подтверждалось опытом человечества, ничего беспочвенно не утверждает. Великий Космос наделил человека разумом и еще неизвестно какими способностями и возможностями.

Славик не раз летал во сне. И, чтобы оторваться от земли, достаточно было просто волевого усилия. А только ли его? Нет, нет! Главное – это то состояние, в которое он мог приводить себя во сне! Славик помнил это и всегда задумывался над подобными явлениями. Он твердо убежден, что если бы, бодрствуя, он смог привести себя в такое состояние, то мог бы и летать, и совершать другие «чудеса».

А что, если попробовать? Да-да! Вот она, эта ниточка! Нужно только ухватиться за нее! Только бы она не ускользнула и не оборвалась!

Славик сглотнул слюну и облизал пересохшие губы. Мысль работала настолько четко и ясно, что он ощутил, что пребывает в какой-то странной эйфории, в которую погружается все глубже и глубже. «Я, наверное, наркоман, – думал он, – только обычные наркоманы балдеют от наркотиков, кислородного голодания и прочих химических факторов, а я – от подобных размышлений.» Ну и пусть, в конце-то концов, физического вреда от этого быть не может. Можно и побалдеть.

Мысли не покидали его, а засасывали все глубже в свою трясиину. Вот он, положим, попросит Космос создать где-то в

отдаленном уголке Вселенной планету около звезды, подобной Солнцу! И условия на ней будут совсем как на Земле. А там пусть возникнет жизнь, подобная нашей. И люди тоже. Только люди эти будут более сознательными, более добрыми, более способными ко всяким исследованиям, изобретениям и открытиям. Они будут уметь управлять гравитацией, разгадают генетический код человека и используют это во благо всех людей. И уровень их сознательности будет так высок, что свои величайшие изобретения они никогда и не подумают использовать во вред людям или природе вообще. Любой недуг они победят и ему тоже помогут. Да, такая цивилизация уже существует в Космосе, он уверен. И правитель там – человек разумный и добрый. И имя у него есть – Каннер, да, Каннер! Почему именно Каннер? Какая разница – просто Каннер, и все. Должен же Славик как-то к нему обратиться.

А что Каннер поможет ему, он не сомневается. Что ему стоит попросить своих врачей, для которых ликвидировать последствия полиомиелита – пара пустяков?

Славика несло все дальше и дальше в упоительный мир грез. Он уже не мог остановить стремительного полета мыслей.

А добраться до этой планеты тоже раз плюнуть. В Космосе существует множество решений перемещения в пространстве на любые расстояния в течение любых наперед заданных отрезков времени. И в любую точку отсчета времени то-

же можно прибыть на таком аппарате, который ему нужен. Славик так поверил в воображаемое, что подкатил к окошку, выходящему в сад соседки – Серафимы Гавриловны – и распахнул его настежь. Он был уверен, что там будет ожидать его корабль для путешествия в Сверхдальний Космос, который он только что сам придумал.

Так он однажды долго мечтал о том, как проверит таблицу лотерейных выигрышей и непременно выиграет «Волгу». И так в это поверил, что раскрыл газету с уверенностью, что выигрыш у него уже в кармане. Но его уверенность тут же сменилась горьким разочарованием. Действительность оказалась суровой и прозаичной. Однако сейчас Славик не думал о подобном фиаско. Он твердо знал, что корабль ждет его.

В темноте сада только шелестели деревья да щебетали соловьи. Майские запахи наполняли прохладный ночной воздух. Черное небо было усеяно крупными яркими звездами. Где-то там, далеко-далеко, плывет сквозь тьму космических глубин эта чудесная планета. А как она называется? Тельма! Да, Тельма! Она ждет его. Но во тьме ничего не было, кроме фруктовых деревьев, кустов смородины и дворового туалета. Как же так? Он же точно знает – корабль непременно должен быть там! Он сам его создал, он все на нем знает, умеет управлять им, как этим креслом.

Но корабля не было. Заныло под ложечкой. Славика обда-

ло жаром. Застучало в висках, как тогда, когда убежала Верочка. Боже, во второй раз он не переживет подобного стресса! Вся надежда на этот корабль.

И тут Славик увидел, что над окном исчезли звезды, а потом вспыхнул и сразу же погас круг золотых огней. Только слабенький красноватый огонек продолжал мигать на уровне верхнего края окна, медленно опускаясь вниз, приближаясь к земле. Медленно, очень медленно осел у окна на землю чечевицеобразный аппарат. Придавленные его тяжестью, затрещали смородинные кусты, а на уровне подоконника засверкало холодным матовым светом овальное отверстие открывшегося люка. Славик ждал, когда автомат подаст трап в окно. И в самом деле, из входного люка бесшумно выдвинулся трап, сверкающий в тусклом комнатном свете серо-голубым металлическим блеском. Он лег на подоконник, и его передняя часть откинулась вниз почти до пола. Славик взялся за поручни, и трап автоматически подхватил его вместе с креслом и втянул внутрь корабля.

Славик оглянулся, чтобы посмотреть, как задраивается люк, повинаясь его мысленной команде. Он подкатил к двери, ведущей в капитанскую рубку, и решительно въехал в нее. Он расположился в кресле у пульта и коснулся светящейся зеленым светом выпуклости, отдав таким образом команду «старт». Славик знал, что достаточно подумать, и корабль воспримет любую его команду.

– Курс на Тельму! – скомандовал он вслух, и пульт зами-

гал разноцветными огоньками. Славик знал назначение каждого из них и любовался творением собственного воображения.

– Через пятнадцать минут быть на месте! О ходе полета докладывать каждые пять минут!

– Команда воспринята, – прозвучало в ответ из-под монитора.

Славик впервые в жизни не чувствовал себя ущемленным. Наоборот, он ощущал себя могущественнейшим из землян, почти божеством.

– Пять минут – полет нормальный. Идем намеченным курсом. Система в норме.

Славик откинулся на спинку кресла и задремал.

– Десять минут – полет нормальный. До пункта назначения пять минут. Приготовиться к посадке. Космопорт Тельмы запрашивает данные маршрута и корабля, – сообщил автопилот.

– Вывести информацию на монитор! Ответить на запрос – сообщить требуемые данные!

На мониторе появилась надпись: «Кто вы? Какова цель вашего визита?»

– Я Станислав Черник. С визитом к господину Каннеру.

«Господин Каннер – верховный правитель Тельмы. Он не предупрежден о вашем визите.»

– Передайте лично господину Каннеру, что прибывает Станислав Черник с планеты Земля. Он знает обо мне.

Монитор погас, но минуту спустя на нем появилась надпись:

«Приветствую тебя, Станислав Черник. Так это не миф? Ты действительно существуешь? Каннер».

– Как видите. Я к Вам по делу, господин Каннер.

«Знаю, теперь я знаю все, если Древние Тексты говорят правду.»

– Разрешите посадку?

«Посадку разрешаю, буду на месте через два часа.»

– На посадку!

Славик не заметил момента приземления. По погасшим огням на пульте он понял, что полет завершен, прежде чем автопилот объявил об этом.

Славик выехал на площадку, залитую ярким солнечным светом, где его встретили и отвезли в просторное помещение. А в обещанное время прибыл сам Каннер.

За обедом завязалась беседа. Каннер подробно расспрашивал, откуда Славик знает, что его зовут Каннер, его язык и вообще, как он связан с Тельмой, ее историей и Древними Текстами. Рассказу Славика он верить отказывался.

– Ты юн, а я стар. Как же ты мог сотворить нас, если я родился задолго до появления тебя на свет?

– Не знаю, но только несколько часов назад я придумал и Тельму, и Вас, и мой корабль. Я сделал это, чтобы Вы излечили меня от последствий полиомиелита и надеюсь, что Вы мне не откажете в этом.

– Я соберу ученых. Пусть они с тобой разберутся. Но это завтра, а сейчас ты будешь отдыхать.

Ученые долго задавали Славику вопросы, потом обследовали его в центральной клинике планеты. Наконец, после длительных дискуссий Каннер огласил ему их вердикт.

Ученые мужи пришли к выводу, что ты не лжешь. Все твои слова соответствуют действительности, что подтверждается Древними Текстами, которые, как мы теперь видим, следует понимать не в переносном, а в самом прямом смысле. Ты действительно создал нас вместе со всей нашей многовековой историей. И мы благодарны тебе за это. Наши врачи могут избавить тебя от твоего недуга, но стоит ли это делать?

– Конечно, стоит! Иначе, зачем же я летел сюда?

– Погоди, Станислав Черник, ты меня еще не дослушал.

Он взял стоящую на столе вазу с мелкими орехами и высыпал ее содержимое на клетчатую скатерть. Распределяя орехи по клеткам, он поднял взгляд на Славику.

Великий Космос дает человеку его способности подобно тому, как я высыпал на скатерть эти орехи. Я распределил их по клеткам рисунка. Это можно сделать по-разному. Сейчас я переместил три ореха в синюю клетку, но для этого мне пришлось убрать их из желтой. Можно переместить и по-другому, однако общее количество орехов будет оставаться прежним. Поэтому с избавлением от недуга ты потеряешь

способность так тесно и непосредственно общаться с Великим Космосом. Он перестанет внимать тебе, как внимает сейчас. И ты станешь обыкновенным человеком.

– Я и хочу быть обыкновенным человеком, а не жалким калекой. Помогите мне, молю Вас!

– Не торопись с решением. Подумай. Даю тебе неделю на размышления.

– Но меня дома ждут. Мама с ума сойдет за это время. Она и так уже, наверное, истерзалась, бедная.

– Не стоит волноваться, мой юный друг. Твой корабль доставит тебя в исходный момент времени, в тот самый, из которого ты убыл на Тельму. Так говорят Древние Тексты.

Ну, конечно! Как он забыл? Славик же сам это придумал. Но ждать не хотелось ни минуты.

– Я достаточно думал об этом, господин Каннер. Другого решения не будет. Мне нет никакой охоты здесь сидеть. Я хочу домой, хочу быть здоровым, нормальным человеком! Не томите меня, господин Каннер! Пожалуйста!

– Тогда я с тобой прощаюсь и передаю тебя врачам. Гольни, тебе слово.

Низкорослый лысый мужчина сел в кресло перед Славиком.

– Я дам тебе семь таблеток, Станислав Черник. Они пронумерованы. Будешь принимать в день по одной. Сначала первую, потом вторую и так по седьмую включительно. Ты будешь чувствовать себя все эти дни прескверно. Но потом

быстро начнешь поправляться. Вот и все. На, держи.

Славик взял конвалюту с семью таблетками, каждая из которых была величиной с пятак.

– Спасибо, доктор. А что, если не поможет?

– Ты же сам знаешь, что поможет. Прощай.

Славик положил конвалюту в карман рубашки и аккуратно застегнул пуговицу. Его тут же отвезли к кораблю. Помахав на прощанье рукой, Славик въехал по трапу внутрь корабля и тут же скомандовал:

– Задраить люк! Приготовиться к старту! Курс на Землю! Пункт прибытия – исходные пространственно-временные координаты! Прибыть в кратчайшее время! Доложить по прибытии! Старт!

Сверху прозвучал голос автопилота:

– Команда воспринята и исполняется. Будем на месте через десять минут бортового времени. Старт и полет нормальные.

Славик задремал в своем кресле и проснулся только по сообщению автопилота:

– Мы в исходной точке. Полет завершен.

– Открыть люк!

Славик въехал по трапу в свое убогое жилище. Развернув кресло, он видел, как втянулся трап, а затем корабль медленно и беззвучно оторвался от земли и, мигнув на прощанье кругом золотых огней, расположенных по периметру, исчез в небе, быстро набирая высоту и скорость.

Славик так и остался сидеть у открытого окна, глядя в черную мглу майской ночи и слушая переливчатые соловьиные трели. В мыслях он продолжал оставаться на Тельме и беседовать с Каннером.

Удивительный человек этот Каннер! Так ясно и коротко все разъяснить! И для этого понадобилась только клетчатая скатерть и ваза с мелкими орешками. А он столько времени ломал голову, за что Господь так наказал его, не успевшего ни в чем провиниться ни перед людьми, ни перед Богом, ни перед самим собой. А он его и не наказывал вовсе. Просто по-иному, чем Славик того хотел бы, распределились орешки в клеточках. Он не получил физически полноценного развития, зато получил дар – силой своего желания, силой одной только мысли, одного только своего воображения преобразовывать действительность по своему усмотрению. Он создал не только космический корабль, который земляне еще неизвестно когда смогут создать, руководствуясь достижениями науки и техники, но и целый мир вместе с его многовековой историей, обитатели которого намного превзошли землян по своим возможностям. Неясно только, как это все укладывается во времени. Ну, а что такое время – вряд ли знает кто-либо, кроме самого Великого Космоса.

Таким образом, получается, что нет людей, обиженных Богом, да и не может быть. Бог никого не обижает, он творит только добро. Человеку надо лишь разглядеть его – узнать,

на какую клеточку упало больше орешков. Тогда он не будет мучиться чувством собственной неполноценности, а станет активно пользоваться тем, что он может лучше других и больше других. Вся задача сводится лишь к тому, чтобы узнать, а чем же он превосходит остальных, так сказать, полноценных. Но это, видимо, самая сложная из всех задач. Наиболее важно, пожалуй, то, что теперь ему известно, что все обстоит именно так. Задачу решать значительно легче, если ты заранее знаешь, что она имеет решение.

Многие, казалось бы, ущербные люди были выдающимися учеными, поэтами, писателями, композиторами. К примеру, Высоцкий, Есенин, Мусоргский, Куприн, Довлатов были алкоголиками. А знали бы мы, скажем, Высоцкого, если бы он не был поражен этим разрушительным недугом? А знали бы мы Пушкина, не будь он необузданным холериком, скандалистом и дуэлянтом? Наверное, нет. Конечно же – нет! А какие тайные пороки имели другие великие люди, знает, возможно только Бог.

Теперь, кажется, понятно и с Иисусом Христом. Он, прожив всего тридцать три года и не совершив ни малейшего греха, прожил, казалось бы, бессмысленную и безрадостную жизнь. Однако в награду за аскетизм он получил возможность, приняв крестные муки, искупить перед Богом-Отцом грехи всего человечества. О, какое же он удовлетворение, должно быть, при этом испытал! Все его орешки упали всего на одну-единственную клеточку!

Славик еще с минуту поразмышлял о высоких материях, а потом задумался о себе. Как соблазнительно быть столь могущественным! Ведь он может так прославиться, так удивить всех окружающих, пользуясь открытыми в себе способностями! Это, пожалуй, похлеще, чем телепатия или какое-нибудь ясновидение. Он может несказанно разбогатеть или сделать столько добра! Однако при этом он никогда не перестанет быть калекой, его никогда не полюбит Верочка или другая столь же красивая девочка. На его долю останутся только жалость да сочувствие. Боже, зачем же тогда не то, что творить, а и жить вообще? Нет, не по нему такой подвиг. Уж лучше раз напиться горячей крови, чем триста лет клевать мертвечину!

Эта мысль подействовала, как успокоительное снадобье, и Славик погрузился в сладкую полудрему.

В дверном замке шелкнул ключ. Со второй смены вернулась мама.

– Славик, почему ты не спишь до сих пор? Ты ужинал? Сейчас я покормлю тебя, чем Бог послал.

Все было по-прежнему. Мамин голос вернул Славика к действительности, и он очнулся от сновидения. Да, к сожалению, это ему только приснилось. Он с горечью облизал потрескавшиеся губы и здоровой рукой прикоснулся к карману рубашки... Там лежала конвалюта с семью таблетками, размером с пятак каждая.

Во дворе, какие обычно называют «курытниками», двое пенсионеров сидели за шахматной доской.

– Тебе шах, Николай Палыч!

– Не пугай, мы пуганые. А мы пешечкой закроемся. Ну, как, а?

– А мы коником твою пешечку – вот так. Слушай, Палыч, видишь вон того парня? Да куда ты смотришь, старина? Вон того высоченного, возле ворот девицу обхаживает. Теперь видишь?

Ну. Парень – как парень, спортсмен, наверное. А что?

– А то, что он до пятнадцати лет был к инвалидному креслу прикован, понял? Полиомиелит в раннем детстве перенес. Все кости покручены были.

– А потом что? Прошло?

– Да, как видишь. Все врачи голову ломают, небывалый случай, говорят. Такого еще в практике не было. Его бывший лечащий врач – Николай Михайлович Цюба – не слышал? Так он раньше только для вида посещал мальчишку, все смириться с судьбой его уговаривал. А теперь, вот, благодаря ему и сам знаменитостью стал, с докладами среди докторов выступает. Статьи научные пишет на основе собственного наблюдения. Все как его пациент питался да какие лекарства принимал, какую гимнастику делал, какие анализы у него были, и что вообще, по его мнению, способствовало неожиданному полному выздоровлению пацаненка.

– Сильный организм, видать.

– А причём здесь организм? Подобного ещё ни один врач не знает, чтобы такой вот паралитик выздоровел, да без малейших последствий!

– Выздоровел – так выздоровел. Хорошо, значит. Дай ему Бог и дальше здоровьица. Мат тебе, понял? То-то!

Юлий Гарбузов.

7 декабря 1999 года, вторник.

СТИХИ

Цигани

Ой, роси та тумани
На трави полягли,
А табором цигани
На ярмарок ішли.
Ой, леле, леле, леле,
Сайна́рі нуріда́
Шила́ли лібарéла
Гей, ші́ла валандá!
Свої намети драні
Напнули за селом,
І співи полум'яні
Гайнули над Дністром.
Ой, леле, леле, леле,
Сайна́рі нуріда́
Шила́ли лібарéла
Гей, ші́ла валандá!
Візьміть мене, цигани,
По світу мандрувать
І пісню полум'яну
Навчіть мене співать.
Ой, леле, леле, леле,
Сайна́рі нуріда́
Шила́ли лібарéла

Гей, шіла валандá!
Ой, роси та тумани
На трави полягли,
А табором цигани
На ярмарок ішли.
Ой, лéле, лéле, лéле,
Сайна́рі нуріда́
Шила́ли лібарéла
Гей, шіла валандá!

Юлій Гарбузов

14 вересня 1984 року, п'ятниця

Харків, Україна

Козацька пісня

Над водою біля броду
Туман розстилався,
А додому із походу
Козак повертався.
Їхав полем козаченько
На воронім коні,
Чорновусий, молоденький,
Та вже сиві скроні.
А у полі край дороги
Жниці жито жали,
Привіталися до нього,
Про долю спитали.
– Ой, лихая, молодиці,
У козака доля.
Стогне батько у в'язниці
В турецькій неволі,
Брат загинув, поховали
Ненечку без мене
Та за нелюба віддали
Мою наречену.
Краще б мене порубала
Татарва погана
Або в полі наздогнала

Куля бусурмана.

І сказали йому жниці:

– Годі сумувати.

Хто ж батенька із в'язниці

Буде визволяти?

Над водою біля броду

Туман розвіявся,

До наступного походу

Козак готувався.

Юлій Гарбузов.

Пекло

Блукав я лісом

Учителів там мордували

І смажили з усіх боків,

Що учням жити не давали

І ставили їх за скотів.

Юлій Гарбузов.

Візит до пекла

Я йшов додому напідпитку

В кутку побачив я Чахниста

І Аппака, та ще й Бурмістра

Ножницьку бідну катували:

На спині різали стрічки

Та паском добре лупцювали,

І садовили на шпильки.

Учителів там мордували,

Та батогами так шмагали,
Та нагаями з матюками
Із пекла виперли мене.

Юлій Гарбузов

Вовкулаки

Взявши діда за долоню,
З ним онук заговорив,
Як у відеосалоні
Він фільм жахів подививсь.
– Там, дідусю, вовкулаки,
Перевертні, упирі
Мають ікла, мов собаки,
Та звірячі пазурі.
Видирають пазурами
Вони нутроші з грудей
Та висмоктують ночами
Кров у праведних людей...
Жах, та й годі! Що й казати –
Небезпечні, мов чума.
Як я радий був дізнатись,
Що насправді їх нема!
– Некмітливий ти, хлопчисько, –
Сивий дід відповідав. –
Я ж на власні очі зблизька
Їх чимало розглядав.
Ледве видерся з ротяки
У подібного мерця...
Правда й те, що вовкулаки

Не вмирають до кінця.
Слід за ними пильнувати,
Бо, отямившись, вони
Можуть знову повставати...
Із-під кремлівської стіни!

Юлій Гарбузов
1990 рік
Харків, Україна

Шлюз

Научно-фантастический роман

Бабушкин шкаф (Часть первая)

Пролог

Минувшей ночью разбомбили электростанцию и металлургический завод. Все, что не успели эвакуировать, превратилось в безобразные груды покореженного металла, осколков стекла, обугленных досок, щепок, кирпичного и бетонного крошева, сажу, пыли и прочего мусора, беспорядочно громоздящегося на местах еще вчера работавших предприятий. Старая аптека на перекрестке Горновой и Коксовой улиц тоже была разбита. Среди ее дымящихся руин копошились люди, выискивая из того, что волею Всевышнего уцелело при бомбежке, все, чем можно было поживиться.

Одна бомба угодила в дом на Коксовой, через дорогу напротив окон Анны Емельяновны Слободянюк – моей бабушки по отцовской линии. В том злополучном доме жила одинокая старуха – Бронислава Яновна Лубенецкая. Соседи кое-как вытащили из-под обломков ее обезображенный труп и

похоронили тут же – во дворе, просто так, без гроба, завернув тело в тряпье, найденное в развалинах ее некогда добротного дома. Из досок наскоро сколотили крест. Пожилой сосед принес немного черной краски, написал на кресте: «Лубенецкая Бронислава Яновна» и установил его на могиле усопшей. На мало-мальски уцелевшие остатки имущества бедной старухи находчивые соседи накинулись, словно стервятники на падаль, и тут же растащили все до нитки. Кирпичный сарай, стоявший в глубине двора, судьба пощадила. Там старая Лубенечиха хранила дрова и уголь, которые соседи тоже бесцеремонно выбрали – не пропадать же добру. Дверь и единственное окно с рамой практичные люди незамедлительно выворотили и унесли. Сарай остался пустой, если не считать старого, никому не нужного массивного шкафа, в котором гамузом валялся никого не интересующий хлам.

Взрывом бомбы, оборвавшей жизнь несчастной Брониславы Яновны, напрочь вышибло и фасадные окна дома моей бабушки. А на дворе сентябрь, вот-вот холода начнутся. Застеклить бы. Но где сейчас стекла достанешь?

В Елизарово второй день безвластие. Твори, что хочешь – никто ни за что не в ответе. Ни тебе милиции, ни прокуратуры, ни суда. Никакой власти. Кто сильнее, тот и прав. Откуда-то у людей появилось оружие, и они все смелее пускали его в ход – каждый по своему усмотрению. Стало страшно выходить на улицу не только ночью, но и среди бела дня.

Выходя из дому, никто не был уверен, что благополучно в него вернется.

По городу рыскали алчные мародеры в поисках уцелевших магазинов, складов и баз, а также домов и квартир, оставленных эвакуированными и еще не успевших подвергнуться варварскому разграблению. Растаскивали все, что только можно было унести в свои берлоги. О том, что при очередной бомбежке они также могут быть превращены в кучи мусора, никто и думать не хотел. Каждому казалось, что это горе не для него. При дележе награбленного порой вспыхивали безобразные скандалы, часто кончавшиеся жестокими драками, стрельбой и беспощадными убийствами. Власти-то никакой – наши войска вчера оставили город, а немецкие пока что не вошли, полагая, что здесь все еще наши. Раздолье для уголовников, число которых росло, как на дрожжах. Они нагло бесчинствовали днем и ночью, бесцеремонно врываясь в чужие квартиры, грабя и убивая граждан, лишившихся элементарной защиты. Девушкам и молодым женщинам стало смертельно опасно показываться на улице. Даже дома они не чувствовали себя в безопасности и прятались по сараям и погребам. Случаи изнасилования учащались с каждым днем, с каждой ночью. Преступления превратились из исключения в повседневное явление.

Человеческое общество в отсутствие силового контроля и угрозы адекватного наказания превращается в звериную популяцию и начинает жить по жестоким законам джунглей.

Издревле многие пытались облагородить род людской: пробудить в каждом совесть и любовь к ближнему, объединить представителей разных религий, взглядов, убеждений, рас и наций, но до сей поры подобные попытки успеха не возыме-ли. Государство, сумевшее решить эту проблему, стало бы править миром.

А по ночам – ужасные бомбежки. Бомбили не только немцы, считавшие, что советские войска еще не покинули Ели-зарова, но также и наши, уверенные в том, что в городе уже немцы. Ужас! Апокалипсис какой-то!

До этой ночи моей бабушке казалось, будто всякие там артобстрелы и бомбардировки уготованы для кого-то, но только не для нее. И вдруг – на тебе, с фасадной стороны до-ма все стекла повывлетали. Что-то надо делать. Не зимовать же дому, открытому всем ветрам.

Бабушка вошла во двор несчастной Брониславы Яновны и направилась в сарай, угрюмо смотревший на нее темными пустыми проемами – дверным и оконным. Быть может там, среди ненужного хлама, удастся найти что-нибудь, чем мож-но хоть кое-как заколотить оконные рамы?

Рваное тряпье, беспорядочно разбросанное по всему по-лу, было ей абсолютно ни к чему, а вот лист старой по-трескавшейся фанеры, выглядывающий из-за запыленного старомодного шкафа, пожалуй, можно будет использовать. Вытащив фанеру, бабушка неожиданно увидела за шка-фом несколько листов неведомо как уцелевшего... оконно-

го стекла. Вот так удача! Нужно их поскорее перенести к себе, пока соседи не обнаружили или не побила шныряющая повсюду детвора. Но стёкла оказались столь велики, что ей без посторонней помощи их было не унести. К кому только обратиться? Все мужики на фронте, как и мой отец, ее сын тобишь, а к женщинам с такой просьбой как-то и подойти неловко.

В конце концов ей помогли соседские подростки. За сумочку ячменной крупы. Еда как-никак. Они перенесли стекла в бабушкины сени, а шкаф предложили разломать на дрова. Но не тут-то было. Он оказался удивительно прочным, и ни молоток, ни топор не оставили на нем сколько-нибудь заметных повреждений. Только поверхностные, едва заметные царапины. Это удивило мою бабушку, и ей стало жаль бросать этот шкаф на произвол судьбы – в хозяйстве такая вещь где-нибудь, да пригодится. Она попросила парней перенести его в просторный подвал своего толстостенного дома. За дополнительную плату – кусок старого сала.

Кое-как ребята с этим делом справились – установили шкаф у боковой стенки подвала, где он и по сей день стоит. Бабушка до самой смерти хранила в нем старые носильные вещи и прочее барахло, которое, как она говорила, использовать было уже стыдно, а выбросить – жалко.

I

Dans son nid... l'oiseau qui s'enfuit
Vient chercher l'oubli
Louis Potera. «J'attendrai».

Бабушка умерла в 1959 году, и в опустевший дом вместе с мужем въехала бездетная тетя Серафима – ее младшая дочь, то есть сестра моего отца. Ее муж вывез из подвала бабушкин хлам, а шкаф оставил. В нем он хранил хозяйственный инвентарь и толстенные подшивки старинных журналов «Нива», «Вокруг света», «Всемирный следопыт», «Вестник Европы» и им подобных, которыми увлекался еще мой дед. Все они были сто раз читаны-перечитаны, но выбросить их у дядьки не поднималась рука. Потом тетя Серафима овдовела. К тому времени она была уже слабая, часто болела, и ей было не до наведения порядка в подвале. Умерла она в 2006 году в девяностолетнем возрасте и дом завещала мне. Вот и приехал я в родное Елизарово, чтобы переоформить это домовладение на себя.

Елизарово – маленькое шахтерско-заводское городишко, затерявшийся среди коптящих заводов и фабрик, архаичных шахт и дымящихся терриконов. Таких у нас в Донбассе превеликое множество. Эти заводы и шахты в царские времена в большинстве своем принадлежали иностранным концернам, а после революции были национализированы властью рабочих и крестьян и худо-бедно продолжали работать до самой войны. Потом некоторые из них эвакуировали на восток, другие разбомбили немцы, а третьи взорвали наши при отступлении, дабы не достались врагу.

После войны промышленность восстановили в короткий срок, и Елизарово зажило обновленной, послевоенной жиз-

нию. Шахтерам, металлургам и машиностроителям платили тогда хорошо. Особенно шахтерам. И снабжение здесь было значительно лучше, чем в других регионах Советского Союза. Вот и стекались сюда активные, энергичные люди со всех концов огромной страны в поисках хороших заработков и сытой, надежной жизни, несмотря на опасность предлагаемой им тяжелой работы.

Потом, уже в годы горбачевской перестройки, а особенно после распада Союза, заработки шахтеров резко снизились, снабжение всюду уравнилось, многие шахты и предприятия оказались нерентабельны и закрылись. Рабочие стали бастовать, и жизнь в Елизарово утратила всякую привлекательность. Начался отток населения в более крупные города, где трудоспособные люди могли найти какую-то работу, и мой родной город пришел если не в полный упадок, то в ошутимое запустение. Жильцы бросали квартиры на произвол судьбы, так как продать их было невозможно. Целые «хрущобы» полностью опустели и, как во время войны, подвергались варварскому разграблению. Зияя черными глазницами выбитых окон, они угрюмо смотрели на редких прохожих и стали служить приютом для бомжей и бродячих животных. А горожане по вполне понятным причинам боялись к ним приближаться и обходили десятой дорогой.

Вот в это самое время и умерла моя тетя Серафима. Кроме меня на ее наследство не претендовал никто, и наш добротный фамильный дом, оставшийся без хозяйки, был обре-

чен на саморазрушение. Мне было жаль бабушкиного дома, не хотелось оставлять на разграбление родимое гнездо, и я решил переселиться туда хотя бы временно, так как жена моя на неопределенное время уехала к нашему сыну в Штаты, чтобы смотреть там за внуками. А мне туда ехать не хотелось никак. Собственно говоря, меня туда никто и не приглашал – накладно для детей, да и вообще там от меня никому никакой пользы в обозримом будущем и не предвиделось. Вот и сдал я нашу киевскую квартиру семейному сыну своего старого приятеля и решил поселиться в родном доме в Елизарово. Как по Лермонтову: «там я родился – там умру».

II

К началу осени мне удалось уладить все юридические формальности, связанные с домом, и я принялся за наведение порядка в своем новом хозяйстве. Сделав косметический ремонт жилых комнат, я привел в надлежащий вид двор, садик, сарай и принялся за подвал. Строго говоря, это был не подвал, а цокольный этаж, на три четверти врытый в землю. Раньше он имел даже два окна с прямками, но позже дед заложил окна кирпичом, а прилежащие прямки засыпал землей. Для вентиляции установил трубы, выходящие на крышу, и снабдил их электровентиляторами и заслонками. Вентиляторы я заменил на новые, а заслонки оставил прежние, поскольку были они в хорошем состоянии.

В подвале я решил устроить себе мастерскую. Заменив опасно обветшалую электропроводку, я установил современ-

ные светильники, смонтировал верстак и стал обзаводиться инструментами, без которых, по моему мнению, содержать дом с приусадебным участком было немыслимо. Вскоре у меня в распоряжении появились: электродрель, несколько тисков, ножовки, напильники и кое-что еще, на чем не стоит отдельно фиксировать внимания. У стены слева от входа стоял старый добротный шкаф, знакомый мне с детства, который я решил переоборудовать для хранения инструментов и домашних заготовок.

Содержимое шкафа: обломки старых стульев и оконных карнизов, полусгнившие ставни, деревянные колья, пожелтевшие от времени потрепанные книги без начала и конца, довоенные журналы и тому подобный мотлох я вынес во двор и устроил из него жаркий костер.

Освободив шкаф, я тщательно протер его влажной тряпкой, и он засверкал, как новый. Его внешняя поверхность, отделанная под орех, несмотря на весьма почтенный возраст, не утратила глянца. Боковые стенки, окрашенные с внутренней стороны в темно-коричневый цвет, были матовыми и чуть шероховатыми. Задняя же была немного светлее боковых и на ощупь казалась мелкопористой, словно состояла из мельчайших кристалликов, спрессованных в единый лист. Взяв с верстака острый как бритва нож, я попытался царапнуть ее поверхность, но лезвие беспомощно скользнуло по ней, не оставив ни малейшего следа. Я царапнул с заметным усилием – эффект тот же. Точнее, никакого эффекта.

«Интересно, – подумал я, – из какого материала она изготовлена? Смахивает на какую-то синтетику. Но этому шкафу, судя по его внешнему виду, не менее восьмидесяти лет, а то и более ста. Так откуда изготовившие его мастера взяли такой материал в те времена? Странно, ей-Богу.»

Постояв несколько минут в раздумье, я закрыл шкаф и продолжил уборку. Разложил по ящикам свои нехитрые столярные и слесарные инструменты, подмел пол, вынес ворох мусора, и мысли о заинтересовавшем меня материале на некоторое время отошли на задний план. Но когда я спустился в подвал по окончании уборки, они вновь возвратились ко мне и стали навязчивыми. Из чего все-таки эта стенка сделана? Я вооружился очками и мощной лупой, отворил во всю ширь дверцу шкафа, снял с верстака галогеновую лампу с широким рефлектором и осветил стенку, возбуждившую мое любопытство. Внимательно присмотревшись, я с удивлением отметил, что в лучах света лампы она едва заметно играет мириадами мельчайших радужных блесков, будто осыпанная алмазной или слюдяной пылью. Мне даже показалось, что эти блески не просто отражают и преломляют свет, а еще и сами по себе то вспыхивают, то гаснут, причудливо меняя цвета. Я отошел от шкафа и снова внимательно осмотрел его с внешней стороны. Ничего особенного – старомодный платяной шкаф, какими и до сих пор еще пользуются некоторые старики, не имеющие возможности купить взамен что-то более современное. Только и годится, что для сараев да подва-

лов, чтобы хранить в нем всякое старье. Правда, в наше время стало модно реставрировать подобную мебель, ставить на видное место и именовать иностранным словом «антиквариат». Сейчас модно щеголять такими мудреными словечками. Антиквариат, электорат, маркетинг, менеджмент, саммит, блокбастер, хит, эксклюзив, аккаунт, джек-пот, рейнджер, тинэйджер, байкер, дайвер, киллер... и прочая, и прочая, и прочая... Господи милосердный! Рехнуться можно! Специальный словарь нужен, чтобы понимать наши современные газеты, журналы, телевидение и радио. Масс-медиа, как сейчас принято говорить. Наши дикторы сыплют всюю иностранными словами, а вот в родном языке числительных, например, часто совершенно не знают. Говорят «в двух тысяч третьем году...» вместо «в две тысячи третьем...» или, скажем, «с двухсот десятью пассажирами на борту» вместо «с двумястами десятью...» и тому подобное.

Но все же в этой старой коробке (я имею в виду бабушкин шкаф) было нечто необычное, вызывающее у меня любопытство и будоражащее воображение. А воображения у меня – пруд пруди, хоть я далеко уже не юноша – пять лет, как пенсию оформил. Я погладил рукой искристую поверхность, и на мгновение мне показалось, что от нее исходит слабое, едва ощутимое тепло. Я приложил к ней ладонь и сделал несколько круговых движений. У меня было такое ощущение, будто я касаюсь поверхности жидкокристаллического компьютерного монитора.

И тут заиграло то самое мое воображение. Как в детстве. Я всегда любил воображать себя в ином мире. Опрокину было табуретку, сяду внутрь, держусь за кончики ножек и воображаю, будто, как в кино, мчусь на торпедном катере, атакую вражеские корабли и топлю их один за другим. При этом представляю себе бушующее море, швыряющее, словно щепку, мой катер, а прямо по курсу – качающийся на волнах вражеский корабль с моряками на борту. Словно вживую я видел палящие по мне орудия, строчащие пулеметы, рвущиеся рядом снаряды, слышал свист пуль и звуки разрывов снарядов. Все детали морского боя представлял я себе так ясно, что порой у меня даже признаки морской болезни появлялись. До сей поры помню все это вплоть до мельчайших подробностей. А когда я был студентом, то нередко забывал, что сижу в учебной лаборатории, и представлял, будто передо мной пульт управления машиной времени или, скажем, аппаратура связи с космическим кораблем, который несется с субсветовой скоростью где-то на расстоянии многих парсек от Земли. А я посылаю капитану запросы, передаю указания центра управления полетом и приветы космонавтам от родных и близких...

Помню, как однажды я замечтался, будучи от роду лет пяти или, может, шести. Мы с бабушкой возвращались тогда с базара. Она шла, неся в одной руке тяжелую сумку с покупками, а другой удерживая меня. Я же при этом представил себе вернувшегося с фронта отца, которого никогда в жизни

не видел. Разве что на фотографиях, хранящихся в бабушкиных и маминых альбомах. Вообразил, будто отец распаковывает чемоданы и достает подарки всем по очереди: мне, маме и, конечно же, бабушке. Он весело смеется, берет меня на руки, подкидывает до потолка и ловит у самого пола. Я чувствую себя необыкновенно счастливым, хохочу и визжу от радости. Так делал отец Юрки Нестерова из соседнего дома. Глядя на эти сцены, я умирал от зависти. Ведь со мной так не играл никто... Я был уверен, что когда вживую увижу отца, вернувшегося с фронта, счастливее меня не будет никого в мире.

– Ты что, снова мечтаешь? – вернул меня к действительности мягкий голос бабушки.

– Нет, бабушка. Я думаю.

Она беззвучно засмеялась.

– О чем, деточка моя?

– Как папа к нам с войны приехал, подарки привез, играет со мной... – начал было я захлеб рассказывать о своих грезах.

Она, как всегда, прервала меня на самом интересном. Отец, подарки и моя беспечная радость внезапно исчезли. Я снова ощутил себя идущим с базара и в смущении надул губки. Бабушка остановилась и тихо смахнула со щеки невольно накатившуюся слезу.

– Не надо отрываться от жизни, детка. Живи тем, что есть вокруг нас. Выдуманного мира нет, – сказала она, вытирая

мне нос белоснежным платочком, едва ощутимо пахнущим тонкими духами. – А папа скоро и вправду вернется – вот увидишь. Все мечты рано или поздно сбываются. Запомни мои слова, дорогой мой. Но ты старайся не думать об этом. Чем меньше ты будешь об этом думать, тем раньше это случится...

Я с детства любил мечтать и создал себе другой, воображаемый мир, совсем не похожий на этот, жестокий, скучный и противный, как касторка, которой меня щедро потчевали при болях в животе, тошноте или рвоте. В том мире у меня был жив отец, там я никогда не болел, никто меня не наказывал, все только любили и хвалили. И там всегда у меня были самые лучшие игрушки, самые вкусные лакомства и хорошие друзья, которые не дрались и не дразнились. А самая красивая на свете девочка – Лелечка Рождественская, дочка нашей участковой врачихи – никогда со мной не ссорилась, всегда меня любила и так же целовала под столом, как и в этом, взаправдашнем мире в ту памятную для меня новогоднюю ночь. Тогда все взрослые, подвыпив, увлеченно и громко беседовали о недавней победе, о своих насущных проблемах, пели «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», «Чилиту», «Эх, Андрюша» и были рады, что мы с Лелечкой где-то уединились и никого не беспокоим. Мы же тайком от них целовались под столом и весело, по-праздничному беззаботно хохотали. От этого мне было неопишимо приятно, и Лелечке, надеюсь, тоже.

Путешествие в этот придуманный мир стало моей тайной страстью, которая, мне кажется, не оставит меня до конца жизни. И когда я покину этот бранный мир, то вовсе не умру, а переселюсь в ту, созданную мной, лучшую действительность. И там я буду жить вместе со своими близкими – и теми, кто сейчас со мной, и теми, что уже ушли от меня и ждут, когда я переселюсь к ним навсегда. И в их числе кот Мурза – друг моего детства, проживший у нас с мамой целых четырнадцать лет.

Скользя рукой по стенке шкафа, я, как в те далекие времена, углубился в мечтания и вообразил, что передо мной огромный сенсорный экран монитора сверхмощного компьютера, и этот суперкомпьютер способен управлять не только подключенными к нему объектами, но и самой структурой этого экрана. Вот сейчас я коснусь на нем воображаемого изображения клавиши, и мне откроется вход в тот самый волшебный мир. Я живо представил себе такую картину и легонько стукнул пальцем по месту, где должна была быть эта самая клавиша.

Мой палец неожиданно обдало волной легкого тепла, вернув меня тем самым к реальности. Я с удивлением увидел, что вся задняя стенка шкафа сделалась серебристой, потом дрогнула, и по ней пробежала зыбкая рябь. Как будто она была соткана из тонкого шелка, колеблемого легким ветерком. В ее центре появилось темное расплывчатое пятно. Оно быстро расширялось и через несколько секунд заняло собой

всю стенку. Я онемел от неожиданности и стоял, не веря собственным глазам. Что за чертовщина? Уж не сошел ли я с ума? Я зажмурился, ожидая, что когда вновь посмотрю внутрь этого странного шкафа, все опять будет по-прежнему.

С минуту я так и стоял с закрытыми глазами, а когда открыл их, то увидел, что передо мной вовсе не стенка шкафа, а зияющий темнотой вход в пустое пространство. Внезапно кто-то тихо коснулся моей голени. Я вздрогнул и с перепугу едва не лишился чувств. Резко оглянувшись, увидел, что это Барсик, кот покойной тети Серафимы. Он заискивающе посмотрел на меня огромными глазами и громко мяукнул, прося чего-нибудь съестного. На это мяуканье открытый вход отозвался гулким эхом, словно передо мной была каменная пещера или пустая комната.

– Подожди, Барсик, – сказал я проголодавшемуся коту, – сейчас пойдем ужинать. Вот только разберусь, что тут за чудеса в решетке творятся.

Черт возьми, а может это и в самом деле вход в тот фантастический, придуманный мною мир?

Мурлыча, кот потерял о мою ногу и, будто поняв сказанные мной слова, задрал хвост трубой и чинно пошел к выходу дожидаться обещанного ужина.

Напрягая зрение, я вглядывался в таинственную темноту, напрасно стараясь хоть что-то разглядеть за ее завесой. Она завораживала меня, притягивала, как магнит железо. Я не

мог оторвать от нее взгляда. Наконец, я вспомнил, что в руках у меня мощная галогеновая лампа, и осветил в открывшийся проем. Яркий свет вырвал из черного мрака очертания помещения округлой формы со сводчатым потолком и плоским полом, посреди которого одиноко стоял на толстой ноге большой круглый стол с возвышением посередине. Широченное кресло полукругом охватывало стол. Пожалуй, это был скорее диван, чем кресло. Больше там не было ничего: ни мебели, ни каких-либо других вещей.

Я попытался было войти в обнаруженное помещение, но электрический провод лампы был слишком коротким, а делать это без света не было смысла. Внимательно осматривая бабушкин шкаф с исчезнувшей задней стенкой, я ломал голову над тем, куда же она все-таки девалась. Ведь несколько минут назад здесь была твердая поверхность, а теперь от нее не осталось и следа. При этом она никуда не спряталась, да и щели там никакой не было, куда она могла бы убираться. Воистину чудеса...

Будучи в полном недоумении, я все же подумал, что если она куда-то убралась, чтобы открыть вход в это странное помещение, то должен, по идее, существовать какой-то способ и вернуть ее на прежнее место. Но передо мной были только гладкие боковые стенки, передняя дверца и впереди открытый темный проем. Никаких видимых признаков каких бы то ни было датчиков, ничего похожего на кнопки, тумблеры и тому подобное. Но ведь открылся же этот чертов вход

по какой-то команде. И, как легко было догадаться, подал ее я всего-навсего легким прикосновением пальца к самой поверхности стенки. Логика подсказывала, что подобным же образом этот вход должен и закрываться. Но кто знает? Кроме того, сама поверхность-то исчезла! Значит, датчик следует искать где-то в другом месте.

Я ощупал весь шкаф изнутри, но безрезультатно – исчезнувшая стенка не появлялась. Я еще раз восстановил в памяти обстоятельства, при которых пропала пресловутая стенка, и предположил, что эта чертова система управляется не самим прикосновением, а еще и тем, что я при этом вообразил. То есть мыслью! Да, именно мыслью! А прикосновение всего-навсего обеспечивало контакт с сенсорным датчиком моих биотоков! Стоит лишь прикоснуться к нужному датчику, дав соответствующую мысленную команду!

Окрыленный новой идеей, я точно так же, как при открытии, стал касаться пальцем поочередно разных мест внутренней поверхности боковых стенок шкафа, представляя себе, что вход закрывается и стенка возвращается на место. Но тщетно.

Терпеть не могу, когда не осуществляются мои планы или не оправдываются предположения. В таких случаях я обычно стремлюсь работать до тех пор, пока не добьюсь желаемого. Но за день я основательно устал физически и решил сегодня на этом закончить, хоть и не хотелось уходить побежденным.

С чувством досады я закрыл дверцу странного шкафа, разложил по ящикам верстака все инструменты, выключил освещение и вышел из подвала во двор. Черное вечернее небо было затянуто облаками. Дул холодный пронизывающий ветер и моросил мелкий ледяной дождь. Осень давно уже вступила в свои права.

У порога меня поджидал Барсик, голодный и замерзший. Стоя на задних лапах, он нервно царапал когтями лутку двери и, глядя на меня сквозь вечернюю мглу, нетерпеливо мяукал. У сарая, гремя цепью, лениво прохаживался дворовый пес Джек. Я чувствовал себя бесконечно виноватым перед этими животными, доставшимися мне в наследство, потому что не удосужился покормить их с самого утра.

Накормив тем, что у меня было, своих питомцев, я теперь тоже мог поужинать со спокойной совестью. Так как было начало одиннадцатого вечера, я решил ограничиться горячей сарделькой, ломтем черствого хлеба и чашкой ароматного чая Earl Grey. Пережевывая аппетитную сардельку, я включил телевизор и просмотрел несколько каналов. Ничего, кроме осточертевшей рекламы, каких-то политических дебатов да фильмов с бесконечной стрельбой и площадной бранью, которая раньше считалась нецензурной, а теперь почему-то стала повседневной лексической нормой. Так много каналов, а смотреть нечего. Пришлось выключить.

Отложив пульт, я приступил к чаепитию, и мои мысли сами по себе вернулись к сегодняшнему открытию. Все же ин-

интересно, что это за странный шкаф? Ведь я помню его с раннего детства и всегда считал его старьем, которому место на свалке. А что представляет собой помещение, которое я обнаружил за его задней стенкой? Какой-то тайник? Возможно. Но кому он понадобился? Кто его соорудил и для чего? И почему вход в него такой необычный? Можно было, например, сделать замаскированную дверцу. Самую обыкновенную потайную дверцу – на петлях, раздвижную на роликах или просто вынимающуюся. Так нет же, что-то «навороченное» и – поди ж ты – с сенсорным управлением биотоками человеческой мысли! Насколько мне известно, это до сих пор еще остается мечтой витающих в облаках фантазеров вроде меня. Все, что я сегодня наблюдал, как-то не вязалось одно с другим. Ну кто, кто мог соорудить этот странный тайник? Не бабушка и не тетя Серафима – это точно. Мой дед? Не может быть. Он ведь был профессиональным металлургом, знал также толк в механике, слесарном, столярном и плотницком деле. Но в таких делах как сенсорное управление, тем более с помощью биотоков мысли, он и понятия не имел – сами понимаете. К тому же, тетя рассказывала, что до войны, то есть при жизни деда, шкаф был собственностью какой-то соседки и стоял у нее в сарае. Вот уж не думал, что на старости лет придется ломать голову над подобной проблемой. Просто голова кругом идет. Ну да Бог с ним. Сейчас надо отвязать на ночь Джека и выспаться как следует, а завтра уж буду думать, что там в подвале, как и почему.

Ш

Всю ночь я промучился в кошмарах. Снился подвал, старый бабушкин шкаф, вход в темное пустое пространство. Я неоднократно пытался проникнуть в него, но что-нибудь непременно мешало. Потом, наконец, проник, а выйти никак не мог. Я метался в поисках выхода, но его нигде не было. Измучившись, я проснулся в ужасном волнении, и с превеликим облегчением осознал ненужность каких-либо поисков, ибо это был всего лишь неприятный сон.

На часах было десять минут восьмого. Я встал, и ко мне тут же подбежал Барсик. Громко мяукая, он направился к двери, прося выпустить его во двор. Что я и сделал.

Наскоро позавтракав яичницей и чашкой дрянного кофе с печеньем, я отправился на базар. Походив по рядам, купил пару килограммов яблок, несколько гроздей отменного винограда, а также говяжьей грудинки, капусты и всего остального, что требуется для борща, свежайшего судака, коробку бразильского кофе в зернах да мелкой плотвы для Барсика. Потом направился в хозяйственные ряды, где подобрал себе мощный светодиодный фонарь, электросетевой удлинитель и кое-какой инструмент.

Я с трудом дотащил до дома тяжеленные сумки и, даже не отдохнув, поспешил накормить животных. Теперь можно было заняться приготовлением еды. Когда я, наконец, приготовил все, что планировал, и завершил обеденную трапезу, старые стенные часы, оставшиеся еще от моей прабабушки,

показывали двадцать минут шестого пополудни.

В доме было тепло и комфортно. Не хотелось и носа высунуть на улицу, где дул резкий холодный ветер и чесал мелкий колючий дождь. В Елизарово осенью такая погода может держаться несколько суток кряду. Спать было еще рано, и я, движимый вновь разгоревшимся любопытством, взял новоприобретенные удлинитель, инструменты, фонарик, а также электроплитку, кофеварку, чашку с блюдцем, коробку с кофе и направился в подвал.

Весь день меня не покидали навязчивые мысли о вчерашнем открытии, а особенно о том, как можно закрыть вход в этот окаянный тайник. Собственно говоря, ничего в моей жизни от этого не зависело, но я не выношу, когда у меня что-то не получается. Да, нужно продолжать дотошно искать соответствующий датчик на всей поверхности шкафа, причем, как с внутренней стороны, так и с внешней. Кроме того, мне не давало покоя желание войти внутрь этого помещения и тщательно осмотреть его. Быть может, там удастся найти что-нибудь такое, что сможет пролить свет на странный тайник или таинственный старый шкаф.

Подготовив осветительные средства, я распахнул дверцу шкафа и включил фонарь. К моему удивлению, мощный голубой луч уперся в глухую стенку. Вот это да! Я же ясно помню, что вчера после моих манипуляций она исчезла, открыв передо мной вход в темное помещение, который так и остался открытым. Ошарашенный, я стоял и не верил своим гла-

зам. Выходит, что все вчерашние чудеса всего-навсего померещились мне от усталости? Сел на полку шкафа, чтобы перевести дух и поразмыслить над случившимся. Нет, со мной определенно что-то неладно.

Чтобы прояснить мысли, нужно было выпить чашку горячего кофе. Я включил электроплитку, смолол порцию ароматных зерен, поставил кофеварку и стал ждать, когда закипит вода. Интересно, случившееся здесь вчера было на самом деле или это плод моего гипертрофированного воображения? Да... происшедшее само по себе чрезвычайно маловероятно, чтобы быть действительностью. Отсутствие входа в тот странный тайник, оставленного вчера открытым, свидетельствует о том, что ничего такого НЕ БЫЛО. Нет никаких свидетельств о достоверности случившегося вчера. Никаких материальных следов. Но я отчетливо помню всю хронологию событий, вплоть до ничтожных подробностей. Неужели такое могло присниться или померещиться? Как можно проверить истинность происшедшего? Можно ли мне после этого доверять своим чувствам?

Тем временем в кофеварке закипела вода. Заваривание крепкого кофе – это для меня целый ритуал. После привычных манипуляций порция была готова. Аромат благородного напитка приятно щекотал ноздри. Прихлебывая высоко-сортный кофе маленькими глотками, чтобы не обжечься и одновременно растянуть удовольствие, я продолжал напряженно обдумывать происходящее. Внезапно меня осенила

удивительная мысль, настолько простая и ясная, что я даже отставил чашку с кофе. Да что тут, собственно, думать? Критерием истины всегда была, есть и будет практика и только практика. Достаточно подойти сейчас к шкафу и повторить вчерашние манипуляции!

Залпом допив остаток успевшего остыть кофе, я поставил чашку на верстак, подошел к шкафу, ставшему со вчерашнего дня предметом моих треволнений, и остановился в нерешительности. Что если не получится? При этой мысли меня охватила паника. Ведь из этого будет следовать, что все вчерашние события были плодом моего болезненного воображения, и мне необходимо срочно обратиться за помощью к психиатру.

Положив на полку новенький фонарь, я в точности повторил свои вчерашние действия. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем задняя стенка шкафа обдала мою руку легкой волной тепла. С замиранием сердца я наблюдал, как ее поверхность приобретает серебристый цвет, дрожит, колеблется и растворяется, словно дымка тумана. Ага! Значит, все было на самом деле, и я еще не чокнулся! Но... вместо ожидаемой темноты передо мной предстало знакомое округлое помещение, залитое ярким солнечным светом...

У меня застучало в висках. В ушах зашумело. Новый сюрприз. Откуда здесь, в подвале, солнечный свет? Ведь на дворе сейчас темень! Ну и чудеса! Может быть, я все же того – умом тронулся? Позади меня что-то звякнуло, от чего я

невольно вздрогнул. Оглянувшись на звук, я увидел, что это Барсик, хозяйничая на верстаке, опрокинул мою кофейную чашку.

– Барсик! Ты что это снова меня пугаешь? Брысь на пол! Кошки и собаки должны ходить по полу, а не по столам шагать.

Барсик поднял голову и, удивленно посмотрев на меня круглыми глазищами, прыгнул на пол, подошел ко мне и, ласково мурлыча, стал тереться о мою ногу. Я наклонился и погладил его по голове. Добродушно мурлыкнув, он стал передними лапами на полку шкафа и заглянул в тайник. Потом снова посмотрел на меня, взобрался на полку и, задрвав по обыкновению хвост трубой, важно двинулся в это странное помещение. Он подошел к столу, обнюхал со всех сторон его, потом кресло, пол и стены. Ознакомившись с новым для него помещением, он вернулся к столу, вскочил на него и принялся умащиваться, готовясь подремать на новом месте.

Я последовал за котом и, остановившись у стола, стал изучать окружающую обстановку. Стол, кресло, стены, пол и потолок отсвечивали матово-серебристым блеском, словно были покрашены краской «под серебро», какую обычно используют для могильных оградок. Свет проникал в помещение через овальные окна, которые – их было восемь – располагались по периметру. Стол был освещен прямыми солнечными лучами, падающими сверху сквозь круглое окно в центре сводчатого потолка, расположенного на высоте около

трех метров над полом.

Окна не были четко оконтурены и имели размытые границы – плавно переходили в серебристые стены. Словно были это вовсе и не окна, а участки прозрачных стен, окрашенных «под серебро», с которых стерли краску. Я подошел к окну слева от входа и посмотрел наружу. Там, залитое ярким солнцем, буйствовало царство растений, колеблемых слабым ветром. Такая сочная и яркая зелень? Сейчас, когда на дворе осень, и все зеленое пожухло? Странно. А может, это и никакие не окна, а что-то вроде телевизионных стереоэкранов? Тогда все ясно. Нет, оно, разумеется, ясно не было ни в коей мере, но вполне объясняло наблюдаемое.

Немного привыкнув к новизне, я сел в кресло и положил руки на стол, где беззаботно дремал Барсик. Стол, кресло, стены и пол, как мне показалось, состояли из одного и того же материала и представляли собой единый монолит. Материал этот больше всего напоминал керамику. Возвышение на середине стола походило на приборную панель какой-нибудь операторской кабины или пульт управления автоматизированным промышленным объектом. Но ни шкал, ни экранов, ни кнопок, ни ручек, ни индикаторных лампочек, ни мнемосхем, ни надписей, ни знаков, и вообще ничего, кроме сплошной серебристой поверхности, гладкой и выпуклой, там не было. Но все же, как мне интуитивно представлялось, это был какой-то пульт. Кресло было для меня непривычно высоким, так что мои ноги не доставали до по-

ла. И от стола оно отстояло довольно далеко. Держась за столешницу, я подумал, что если это кресло оператора, то он, вероятно, должен быть значительно крупнее меня. Мне было бы куда комфортнее на более низком кресле, расположенном поближе к столу.

И тут я ощутил, что ноги мои коснулись пола, и одновременно то ли стол придвинулся к креслу, то ли кресло приблизилось к столу. Точь-в-точь как я того пожелал пару секунд назад. Как в волшебной сказке. Я вскочил с места, присел и ощупал основания стола и кресла. Невероятно! Они по-прежнему составляли с полом единое целое!

Я снова уселся в кресло и попытался связать все происходящее в единый узел. Но нервы мои были настолько напряжены, что мысли беспорядочно наползали одна на другую. У моей левой руки безмятежно спал Барсик, положив голову на лапы. Глядя на него, мне тоже захотелось расслабиться, и я, опираясь ладонями на столешницу, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Сидеть было удобно, но жестко. «Помягче бы», – подумал я, – и тут же ощутил, что сиденье подомной медленно размягчилось и немного просело под тяжестью моего тела. Ну и ну... А может быть, у меня все-таки что-то не то с рассудком? Сюда бы свидетеля какого-нибудь, а то так и до психушки недалеко.

Чтобы не спятить окончательно, я решил отправиться спать, несмотря на то, что было еще не поздно. Подхватив на руки сонного Барсика, вышел обратно в подвал и закрыл

дверцу шкафа. Подойдя к выходу, я вспомнил, что в шкафу забыл свой фонарик, без которого в темном дворе рисковал обо что-нибудь споткнуться или вступить в лужу. Опустив Барсика на пол, я подошел к шкафу и распахнул дверцу. Фонарик лежал на прежнем месте, а вход в тайник был закрыт, словно никогда и не открывался. Так вон оно что! Задняя стенка шкафа восстанавливается сама собой, как только закроешь дверцу!

Я тут же поспешно снова открыл вход, и все прошло по прежнему сценарию. Захлопнув дверцу шкафа, я незамедлительно попытался открыть ее, но она не поддалась. Через минуту я снова дернул за ручку. На этот раз она легко отворилась, и я убедился, что мое предположение оказалось верным: задняя стенка снова была на прежнем месте. Великолечно! Теперь я могу сколько угодно открывать и закрывать тайник, когда мне это заблагорассудится! Я не представлял себе, зачем мне это может понадобиться, но все равно было приятно сознавать, что сегодня мне удалось разгадать одну из удивительных тайн этого загадочного шкафа. Так что из подвала я вернулся со сладким ощущением победы и лег спать, даже не поужинав.

IV

Проснулся я около семи утра. Воспоминания о результатах вчерашних исследований приятно тешили мое разыгравшееся самолюбие. Хотелось бросить все печеное-вареное и стремглав кинуться в подвал, чтобы продолжить изучение

старого шкафа и всего с ним связанного. Но я решил не пороть горячку, а плотно позавтракать, затем накормить как следует Барсика и Джека, подробно обдумать последовательность предстоящих действий и лишь после этого идти в подвал, чтобы работать не впопыхах, а по четко намеченному плану.

План получился чрезвычайно простой, всего из двух пунктов. Первым делом я решил узнать все, что только можно, о пульте и кресле. Далее следовало внимательно изучить то, что я сначала принял за окна, а потом решил, что это, скорее всего, телевизионные стереоэкраны, имитирующие окна.

Настенные часы показывали начало десятого, когда я, преисполненный энтузиазма, направился в подвал. Включив полное освещение, я открыл дверцу шкафа и, легонько стукнув пальцем по его задней стенке, дал таинственному «сезаму» мысленную команду открыться. Ожидая увидеть перед собой знакомое помещение, залитое, как в прошлый раз, солнечным светом, я был шокирован, увидев перед собой непроглядную темень, как в самый первый раз. Что за хрень?! Почему сегодня опять не так, как вчера?

Теряясь во всевозможных предположениях, я включил фонарик и решительно вошел в помещение. Но тут меня словно электрическим током ударило. Я содрогнулся от ужаса, представив себе на мгновение, что будет, если во время моего пребывания в тайнике кто-то войдет в подвал и вздумает закрыть дверцу шкафа. Ведь тогда я на веки вечные

останусь запертым в этом чертовом тайнике! И никто, НИКТО не сможет прийти мне на помощь! Я выскочил назад как ужаленный и принялся на всякий случай баррикадировать открытую дверцу шкафа, ставя на пути ее закрывания старую бочку для солений, скамейку и все, что попадало под руку.

Застраховавшись таким образом, я снова вошел в тайник. Темнота действовала угнетающе, и я, ощущая душевный дискомфорт, уселся на сиденье, которое в прошлый раз, повинуясь моей произвольной команде, словно по волшебству придвинулось к столу с пультом и сделалось мягким, как пуховик. Таким оно было и сейчас.

Утопая в просевшем кресле, я сидел, положив руки на столешницу, и думал о происходящем. Что все-таки это за помещение? Кто и для чего включает в нем и выключает те самые стереоэкраны, так естественно имитирующие окна? Как в авиатренажере, который недавно показывали по телевидению. Но там изображение было не стереоскопическим, а обыкновенным, плоским. Я погасил фонарь и сидел в вальяжной позе, блуждая взглядом по густой темени. Вскоре мои глаза адаптировались к ней, и я заметил, что меня окружает не такой уж густой мрак. Рассеянный свет, проникающий из подвала через открытый проем, тускло освещал помещение. На фоне матового блеска стен так называемые «окна» казались абсолютно черными. «Да, это, несомненно, телеэкраны, – подумал я, – потому что будь на их месте настоя-

щие окна, так вчера вечером они были бы черными, а сейчас, когда на дворе светло – светлыми. Да и куда могут выходить окна помещения, расположенного ниже уровня горизонта, кроме каких-нибудь полутемных приямков? Но откуда здесь взялась техника столь высокого уровня? Кому и зачем могло понадобиться устраивать этот эффектный аттракцион?»

Я откинулся на спинку кресла, и мой взгляд упал на черный круг на сводчатом потолке, который вчера принял было за окно, сквозь которое струились яркие солнечные лучи. Я остолбенел: внутри этого круга был явственно виден кусок звездного неба. Да, да! Там отчетливо виднелись звезды, мерцавшие на фоне черной бездны. Я закрыл глаза и несколько минут полулежал в кресле, будучи в полной прострации. Долго не мог решиться снова посмотреть вверх. Но любопытство, в конце концов, все-таки победило. И вновь я увидел звезды, причем такие яркие и крупные, какие можно наблюдать только где-нибудь на поляне посреди глухой тайги или высоко в горах – вдали от цивилизации.

В каком-то научно-популярном журнале я недавно читал, что когда в СССР планировалась колонизация Луны, то чтобы ослабить психологическое напряжение космонавтов, предлагалось в иллюминаторах лунных помещений монтировать телеэкраны, на которых представлять изображения земных пейзажей, имитировать земные день и ночь в соответствии с московским временем, а также времена года. Были даже созданы лаборатории, где проверялась эффектив-

ность такого решения. Быть может, это и есть подобная лаборатория?

Что ж, вполне возможно, что потолочный стереоэкран по-прежнему включен, но имитирует ночное небо. А те, что по периметру, быть может, тоже имитируют окружающий ландшафт, но только ночной? Мне захотелось тут же проверить свое предположение и, чтобы четче видеть этот ландшафт, я решил выключить освещение в подвале. Протянув руку, чтобы взять со стола фонарик, я нечаянно толкнул его, и он с грохотом покатился по полу. О, черт! Теперь попробуй найди его в такой темени. «Включить бы свет!» – подумал я, опираясь на столешницу, чтобы подняться с кресла.

Выйдя из-за стола, я вдруг отчётливо различил его очертания и, окинув мимолетным взглядом помещение, увидел, что все оно равномерно освещено тусклым пепельным светом, исходящим непонятно откуда. Интенсивность освещения медленно нарастала, как бывало в кинотеатрах по окончании сеанса – чтобы не ослепить зрителей, проведших полтора часа в темном зрительном зале. Фонарик лежал на полу в двух метрах от моих ног. Когда я поднял его, в помещении было уже совершенно светло.

Я осмотрелся и понял, что свет исходит от стен и потолка, причем светились они всей своей поверхностью. Яркость их свечения была максимальной на потолке и постепенно ослабевала по мере приближения к полу. Там, где были «окна», чернели округлые участки стен с размытыми краями. Я по-

дошел к одному из них и, прислонившись лбом к гладкой прохладной поверхности, стал всматриваться в черноту. На мгновение мне показалось, что там заметно какое-то движение. Но мешало яркое освещение помещения. Я отошел от «окна» и стал думать, медленно шагая вокруг стола. Кто и как заставил светиться эти стены и потолок? Я всего лишь подумал о включении света, и они начали испускать свет, постепенно наращивая яркость. Попробую точно так же заставить их погаснуть. Не переставая ходить вокруг стола, я представлял себе, что в помещении темнеет, свет постепенно гаснет и в конце концов становится совсем темно, как было до этого. Безрезультатно. Свет продолжал гореть с прежней яркостью.

Проклятие! Опять мое предположение не оправдалось. Раздосадованный этим, я остановился, оперся рукой на стол и еще раз пожелал, чтобы свет погас. Реакция последовала незамедлительно. Стены постепенно потускнели и перестали светиться. Последним потемнел потолок. Так вот в чем здесь дело! Чтобы моя мысленная команда была воспринята и исполнена этой дьявольской системой, нужно коснуться столешницы! Там расположен датчик биотоков мозга! Так! Проверим. «Включить свет!» – скомандовал я про себя, не отрывая руки от стола. И тут же волна тусклого света медленно поползла от потолка к полу по всей окружности помещения. В помещении начало светлеть и в конце концов стало светло, как днем.

Коснувшись серебристой столешницы, я мысленно командовал уменьшить яркость, и моя команда тут же была исполнена. Победа! Я разгадал еще один секрет этой загадочной системы! Из всего следовало, что странный стол в центре помещения – это не что иное, как сенсорный пульт управления, по меньшей мере, креслом и освещением.

Взволнованный удачей, я решил немедленно продолжить изучение свойств «окон». Выйдя из тайника в подвал, выключил там свет и, вернувшись назад, командовал освещению погаснуть. Подойдя к ближайшему «окну» при свете фонарика, я выключил его и оказался в крошечной тьме. Сначала все было черным-черно, но когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел за окном смутные очертания кустов и деревьев, а вверху над ними – участок звездного неба. «Если это не окно, а экран, – подумал я, – то луч моего фонаря только затмит изображение и не осветит того, что мне представляется законным ландшафтом». Чтобы убедиться в этом, я поднес фонарь к «окну» и нажал на кнопку. Вспыхнувший луч высветил передо мной ветки кустарника, тихо покачиваемые ветром. Ага! Значит, это никакой не экран, а самое настоящее окно! Становится занятно. Так, а если попытаться выйти из этой штуки, чтобы то, что я сейчас вижу, пощупать руками? С трудом переводя дух, я ходил от окна к окну и, освещая ландшафт по ту сторону прозрачной поверхности, напряженно всматривался в него, стараясь узнать о нем как можно больше.

Не знаю, сколько бы еще продолжалось это занятие, если бы до моего слуха не донесся истошный собачий лай. Выйдя из тайника, я спешно разбаррикадировал и закрыл дверцу шкафа и, поднявшись по ступенькам лестницы, вышел из подвала во двор. Увидев меня, Джек надрывно заскулил, а потом залаял яростнее прежнего. У калитки, улыбаясь, стояла миловидная женщина лет сорока пяти, держа перед собой глиняную крынку, повязанную сверху белым платочком. «А она ничего – аппетитненькая, – отметил я про себя. – Пухленькая, но не бесформенная. Фигурка пока не утратила изящности».

– Замолчи, Джек! А ну, в будку! В будку, я сказал! – цыкнул я на собаку. Джек замолк и, сердито ворча, позвякивая цепью, нехотя поплелся в будку.

– Здравствуйте, сосед, – сказала женщина мягким мелодичным голосом.

– Здравствуйте, – ответил я, стараясь выглядеть приветливым и доброжелательным.

– Хозяйничаете? Вот – зашла к Вам познакомиться. Мария Юрьевна меня зовут. Я живу вон за тем забором, – она кивнула в сторону соседнего дома.

– Очень приятно. Слободянюк Артем Тимофеич, – представился я. – Входите, пожалуйста, Мария Юрьевна. Ради Бога, не стойте за калиткой.

– А собачка Ваша? – спросила она, игриво вздернув брови.

– Джек на цепи. Не достанет. Проходите в дом – там и познакомимся.

Я распахнул калитку. Мария Юрьевна вошла и остановилась в двух шагах от ворот.

– Нет, спасибо. Я на минутку. Знаю, что Вы здесь один, как перст. Вижу, как трудитесь по хозяйству с утра до ночи. Напекла вот пирожков по случаю дня рождения сына. Не откажитесь – кушайте на здоровье, – она протянула крынку. – Берите, не стесняйтесь. За крыночкой как-нибудь потом зайду.

– Спасибо, не откажусь, – я посмотрел на часы. – Съем с удовольствием. Уже три часа скоро. Как раз обедать пора. А может, все же зайдете? Вместе и пообедаем.

– Извините. Не в этот раз. Меня ждут, – сказала она и быстрым шагом вышла за калитку. Пройдя несколько метров, она оглянулась и на прощанье одарила меня очаровательной улыбкой.

V

Пирожки были изумительные. Пышные, с мясной начинкой, сочной и ароматной. За обедом я ел их вместо хлеба, но все равно осталась еще добрая половина. Уплетая пирожки за обе щеки, я думал, что мужу Марии Юрьевны, наверное, очень повезло. И красивая, и добрая, и внимательная, и пирожки печет, что надо, и скромная, и голос такой приятный, мелодичный. Как музыка. Ей бы в дикторы на радио или телевидение. Во всяком случае, такое она произвела на меня

впечатление. А первое впечатление, как правило, оправдывается.

Было около шести вечера, когда я снова направился в подвал, чтобы продолжить исследования, успевшие уже стать частью моей жизни в этом маленьком индустриальном городке. Прицепив фонарик к пуговице куртки, я отворил дверцу шкафа и уверенно скомандовал входу открыться. Задняя стенка шкафа привычно растворилась в воздухе, но вместо ожидаемой темноты моему взору открылось знакомое помещение, освещенное синеватым сумеречным светом.

Войдя в него, я увидел, что свет этот проникает через окна, за которыми буйствует густая растительность. Звезды в потолочном окне исчезли, и теперь на фоне темно-синего неба плыли белые облака. Я уже настолько привык к чудесам, что этому никак не удивился. Но некоторые логические неувязки не давали покоя. В самом деле, если это окна, то куда они выходят и почему там день и ночь наступают не в то время, что здесь, в Елизарово? Быть может, они каким-то образом, необъяснимым с точки зрения классической физики, выходят на территорию, далеко отстоящую от Елизарова по долготе? Но тогда не обойтись без техники. То есть, это может быть только что-то вроде стереоэкранов. Однако из всех моих наблюдений и элементарной логики следует, что это все же окна.

Порядковый номер дня моих наблюдений
Время в Елизарово

Освещенность за окнами

Первый

21:30

темно

Второй

17:30

светло (примерно полдень?)

Третий

9:30

темно

Тот же (III-й) день

17:45

сумеречно (рассвет?)

Чтобы яснее представить себе картину наблюдений, я сел в кресло, которое было все таким же мягким, как и в предыдущие разы, достал блокнот, начертил таблицу и вписал в нее результаты. Вот что у меня получилось.

Размышления над этой сводкой повергли меня в шок. Получалось, что суточная освещенность за окнами никак не привязана ко времени в нашем часовом поясе. Например, во второй день около половины шестого вечера было светло что-то около полудня, а через сутки, то есть в третий день, примерно в такое же время – только начало рассвета. Как это может быть? Ведь за окнами, по идее, в это время должно быть тоже около полудня. Ну и ну! Сплошь одни загадки, сюрпризы, ребусы да шарады! Шарики за ролики заходят!

Опять мои предположения не оправдываются.

Оказавшись в логическом тупике, я ломал голову над тем, как из него выбраться. Вот только бы разобраться, с чем я имею дело – с какой-то сногшибательной видеотехникой или действительно с окнами? Я снова вернулся к мысли о том, что если попытаться выйти из этого помещения в тот самый мир за окнами, то все бы сразу же прояснилось. Только как это сделать? Дверей-то наружу нет, так что придется довольствоваться одними рассуждениями. Но если создатели этой штуки действительно сделали окна, то должны были, по идее, сделать и выход наружу. Иначе зачем, черт возьми, было весь этот огород городить? Нужно поискать потайную дверь.

Окрыленный этой мыслью, я включил яркий свет и принялся тщательно осматривать стены. Но каких-либо признаков дверей или люков обнаружить не удалось. Я вспомнил, что в том дьявольском шкафу, через который я сюда проникаю, тоже нет признаков входа, но он все же существует. И я, как ни странно, научился его открывать и закрывать. Возможно, где-то существуют сенсорные датчики и для открытия выхода наружу. Так-так... это идея. Стоп! Ведь столешница, на которой лежит сейчас мой блокнот, способна воспринимать мысленные команды изменения мягкости этого сиденья, его высоты и расстояния до стола, а также регулировки освещения. Быть может, с ее помощью можно и выход наружу отрыть? Эта идея меня буквально ошеломила, и

я решил незамедлительно провести эксперимент.

Усевшись в кресло, я положил обе ладони на стол и, закрыв глаза, представил, как в стене напротив меня открывается выход наружу. Неожиданно ладони мои обдало легкой волной тепла, как было при открывании прохода в это помещение из бабушкиного шкафа.

Открыв глаза, я увидел, как участок поверхности стены размером с самолетный люк полыхнул тусклым голубоватым сиянием. По нему пробежала мелкая зыбь, и он на глазах стал прозрачным и тонким, как пищевой полиэтилен, потом исчез совсем. Из открывшегося проема повеял свежий ветерок, напоенный сказочным благоуханием. Помещение наполнилось прохладой и ароматом утренней свежести. Из забортного пространства доносились шелест листвы, чьи-то пронзительные крики – вероятно, птиц, и какой-то неумолкающий рокот.

Вскочив с кресла, я опрометью кинулся к проему и выглянул наружу. Мое лицо приятно обдало прохладным ветерком, и я с наслаждением вдохнул пряный аромат цветов вперемешку с запахом прелой листвы, лесной сырости и чего-то еще, до боли знакомого, но чего именно, сразу не мог понять. В полумраке мне показалось, что снаружи земля всего на полметра ниже порога. Ничуть не колеблясь, я спрыгнул вниз и, едва не вывихнув ногу, оказался по грудь в траве, мокрой от обильной росы.

Я выпрямился в полный рост и осмотрелся по сторонам.

Впереди простиралась живописная поляна, заросшая высокой густой травой. За поляной вздымался небольшой холм, на котором там и сям дыбились редкие островки кудрявого кустарника, а дальше сплошной полосой темнел лес.

Мне захотелось подняться на холм – посмотреть, что находится дальше. И я двинулся к нему, оставив позади свое обиталище. Бредя в высокой и мокрой траве, я то и дело спотыкался о камни, корни, сухие сучья, кочки и выбоины, скрытые от моего взгляда. Через несколько шагов мои брюки и обувь намокли так, что с них ручьями стекала вода. Было довольно холодно, но вполне терпимо, и я, ступая с особой осторожностью, в конце-концов, добрал до холма и взошел на его вершину. При моем приближении с ближайших кустов с громкими криками слетала стая птиц, черных, как уголь. Я принял их было за ворон, но тут же понял, что это другие птицы, так как их пронзительные надтреснутые голоса звучали совсем не по-вороньи. Да и были они значительно крупнее ворон. Покружив над моей головой, птицы опустились на деревья в нескольких десятках метров от холма и крики их постепенно затихли.

Стоя на вершине холма, я осмотрелся по сторонам. К тому времени уже почти совсем рассвело, но солнце еще не взошло. Утренний ветерок волнами ходил по высокой ярко-зеленой шелковистой траве. А там, где я недавно прошел, в ней осталась извилистая траншея. Она вилась по склону холма и по всей поляне вплоть до самого выхода, через ко-

торый я только что неожиданно проник в этот удивительный мир. Взглянув чуть повыше входа, я онемел от удивления и замер, поверженный в ступор. На небольшой бархатно-зеленой возвышенности в дымке утреннего тумана, сверкая матово-серебристым блеском, прямо на земле лежал, утопая в траве, аппарат чечевицеобразной формы с темными эллиптическими пятнами иллюминаторов по периметру и зияющим проемом выхода, обращенным в мою сторону. Подобным образом выглядело какое-то кафе в Росуэле, которое я не так давно видел по телевидению в программе «Дискавери». Там, чтобы привлечь туристов, местные жители любят рассказывать легенды об НЛО, якобы потерпевшем аварию в окрестностях этого американского города в 1947 году. Меня обдало жаром. Силы небесные! Так это же НЛО! Настоящий НЛО! Я смотрел на диковинный аппарат, не веря в реальность происходящего. Черт побери! Так вот откуда такая чудо-техника! Неужели эти штуки в самом деле существуют? Ведь до сих пор к рассказам о подобных объектах и всякого рода историям об инопланетянах я относился в высшей степени скептически, считал их выдумками от начала до конца. Вот, оказывается, как бывает в нашей брэнной жизни! В том, что говорят люди, непременно есть доля истины. Да, не зря моя ныне покойная бабушка любила повторять, что нет дыма без огня. Но как этот аппарат здесь оказался? И как он связан с моим подвалом?

Интересно, что все-таки здесь происходит? Что ж это по-

лучается? Окружающая меня местность совсем не похожа ни на само Елизарово, ни на его окрестности. От Елизарова до ближайшего леса более пятисот километров на север, а здесь все вокруг заросло густым диким лесом. Странно. Все чудеса и несуразности, с которыми я неожиданно столкнулся, несомненно, как-то связаны с этим странным НЛО. Но как? Сразу столько невероятных, совершенно фантастических новостей! Голова пухнет от удивления – вот-вот лопнет!

Тем временем окружающая меня природа продолжала просыпаться. В лесу спросонок крикнул какой-то одинокий зверек. Ему ответил другой, потом третий... И вот уж их перекличка переросла в сплошной гомон, причем такой громкий, какого я в своей довольно долгой жизни никогда еще не слышал. Птицы с криком носились над землей, садились на кусты и деревья, ныряли в траву, взмывали высоко в небо, кружили над головой. В воздух поднялись тысячи и тысячи бабочек, жуков, мух, стрекоз и других насекомых. Они стрекотали, жужжали, скрипели, тархтели и щелкали на разные лады, и эти звуки сливались с криками животных, щебетом и чириканьем птиц, уханьем, взвизгиваниями и стонами прячущихся в кустах и траве зверушек, создавая невообразимую какофонию – буйное проявление неукротимой, бьющей ключом жизни. И на фоне всей этой какофонии откуда-то сзади, из-за моей спины слышался все тот же до боли знакомый рокот, происхождения которого я никак не мог уяснить.

Повернувшись спиной к НЛО (буду его условно имено-

вать пока так), я двинулся дальше по направлению к этому рокоту, чтобы выяснить, наконец, откуда он исходит. Спустившись с холма, я побрел, с трудом продираясь сквозь кусты и деревья, опутанные вьющимися растениями. Вскоре я вышел на тропу и побрел по ней, временами низко наклоняясь, чтобы пройти под нависающими ветвями. Докучала мошкара, и я уже подумал было вернуться назад, как вдруг непролазные дебри неожиданно поредели и вскоре кончились. Тропа, по которой я вышел на открытую местность, здесь раздваивалась. Одна ее ветвь вела вперед и по уступам спускалась вниз по крутому скальному склону, а другая сворачивала влево и исчезала из виду, углубляясь в густые заросли.

Я пошел вперед и, дойдя до самого склона, который правильнее было бы назвать обрывом, осмотрелся. Моему взору открылось широкое, необъятное пространство. Сначала мне показалось, что это равнина, на которой до самого горизонта белеют хатки на фоне темно-зеленой растительности. Но присмотревшись, я понял, что это никакие не хатки, а белые барашки, вскипающие на гребнях волн, катящихся по бирюзовой водной поверхности, простирающейся до самого горизонта. Внизу вдоль береговой линии белела пенная полоса прибоя. И тут, наконец-то, до меня дошло, что тот самый загадочный рокот есть не что иное, как звук морского прибоя! Я недоумевал, как может такое случиться? Откуда здесь, в этом убогом городке, отстоящем от морского берега

километров на триста, взялось море? Кроме того, почему это вдруг сейчас, когда на моих часах уже почти восемь вечера, здесь над горизонтом поднимается солнце?

Да, не удивительно, что я не верил историям об НЛО. Кто же может поверить в подобную невероятицу? Расскажи кому – тут же тебя в психи запишут.

Постояв у обрыва, я решил вернуться в свой дом, чтобы отойти от шока и спокойно поразмыслить над увиденным.

Повернув назад, я пошел по уже знакомой тропе, легко нашел то место, где на нее вышел, – там были поломаны ветки кустарника, – и, идя по своим следам, вскоре взошел на знакомый холм. Тем временем солнце успело выглянуть из-за горизонта и осветить верхушки деревьев по левую от меня сторону. Но подняться над лесом оно еще не успело.

В ярком утреннем свете дальше, за НЛО ввысь уходил лесистый склон горы с вершиной, увенчанной вдалеке снежной шапкой, окутанной облаками. Вот это да! Еще и горы в нашем Елизарово!

Не переставая удивляться, я шел к НЛО, и мои ноги, успевшие уже высохнуть, снова намокли, и в ботинках чвакала вода. Дойдя до входа в НЛО, я вознамерился в него войти, но не тут-то было – его порог был на уровне моего лба. После первой попытки подтянуться, ухватившись за края проема, я понял, что это упражнение уже не для меня.

Ах, ты черт! Что же делать? Тут без подставки не обойтись. А подставить-то и нечего. Поблизости вокруг ни брев-

нышка, ни камня и ничего, чем можно было бы нарыть горку земли. И никакой жерди, которую я мог бы положить наклонно на порог и взойти по ней, как по трапу. Я вспомнил, что идя по траве, я спотыкался о камни. Можно насобирать этих камней и сложить из них горку. Сначала эта идея показалась мне наивной, но так как ничего другого придумать пока не удалось, пришлось действовать в этом направлении.

Я стал ходить по траве, нащупывая ногами камни, и небезуспешно. Многие из них настолько вросли в землю, что выворотить их было невозможно. Другие были слишком тяжелы, а третьи – наоборот, слишком малы, чтобы дать скорый положительный результат. Но боязнь остаться навсегда одному в этой странной неизвестной местности заставляла использовать то, что было доступно. В конце концов мне повезло найти в траве ветку, как видно, принесенную сюда ветром из лесу. Подобрал камень с острым краем, я с его помощью удалил с нее боковые побеги и обрубил конец. Получилась довольно прочная дубинка. Теперь у меня был рычаг, которым можно попытаться выворачивать из земли камни покрупнее, что я и начал делать, используя как опору небольшой валун.

Дело пошло быстрее, но все равно для сооружения подставки предстояло еще долго трудиться. Натаскав камней, я сложил из них пирамиду и попытался на нее взобраться. Но под моей тяжестью она тут же разъехалась во все стороны, и я едва не травмировал ногу.

Немного подумав, я снова принялся за работу. Теперь уже по заранее продуманному плану. Снизу я уложил четыре крупных валуна, в промежутки положил камни помельче, сверху стал накладывать валуны средних размеров, каждый раз испытывая свою конструкцию на прочность и устойчивость. В конце концов, мне кое-как удалось соорудить шаткую пирамиду, на которую можно было взобраться, чтобы влезть во входной проем, что я тут же и решил сделать. Вскрабавшись на верхний валун, я выпрямился. Порог оказался чуть ниже моих плеч. Высота пирамиды была явно недостаточной, а пирамида – довольно-таки шаткой. Однако для ее наращивания у меня уже не было сил. Положив на порог локти, попытался подтянуться, но не смог. И я решил предпринять отчаянную попытку. Сделав отчаянный рывок – резко оттолкнувшись ногами, я подпрыгнул и завис, опершись на порог выпрямленными руками. При этом я слышал, как от толчка рухнула моя хлипкая пирамида. Ценой невероятных усилий мне кое-как удалось дотянуться коленом до бокового края проема и, наконец, втащить корпус внутрь помещения. Не веря в одержанную победу, я лежал на полу, совершенно обессиленный, но преисполненный блаженства и гордости. Вот так, по глупости, из-за наивной беспечности, я едва не стал пленником неизвестного, совершенно незнакомого мне мира. Впредь, конечно, надо быть осмотрительным.

Торжествуя победу и при этом коря себя за беспечность, я

решил вернуться домой и обдумать, как в следующий раз обследовать открытый мною мир, обеспечив себе полную безопасность.

Но тут меня ждал новый ошеломительный сюрприз. Я не обнаружил знакомого выхода в подвал. На его месте была сплошная серебристая стена. Бешено заколотилось сердце. Ну вот! Доэкспериментировался! Как школьник! Что теперь делать, черт побери?! Подойдя к месту, на котором раньше был проход в бабушкин шкаф, я тщетно шарил по стене, отдавая мысленные команды открыться. Устав, я бросил это бесполезное занятие и стал ходить кругами по периметру помещения в надежде, что выход появится сам по себе точно так же, как и исчез. Должен ведь он был куда-то деваться? В конце концов, по закону Мерфи, что само ушло, то непременно само и вернется. Правда, это относят в основном к вредным явлениям, но ведь логично предположить, что-то же должно выполняться и для полезных. Хотя законы Мерфи утверждают обратное. Однако время шло, я валился с ног от усталости, а выход все не появлялся. Нужно было предпринимать активные действия, но попробуй додуматься, какие именно.

Устав от бесполезной ходьбы, я присел у стола немного отдохнуть и собраться с мыслями. Все вокруг было точно таким же, как несколько часов тому назад: настезь открытый выход наружу, но теперь за ним сияло ослепительное солнце, сквозь иллюминаторы видна была яркая зелень ближай-

ших кустов, деревьев и густой шелковистой травы, колеблемой порывами горячего ветра, а выхода в подвал не было и признака. Да, рановато я стал торжествовать победу. Но если и дальше так сидеть, сложа руки, то домой мне точно не вернуться.

Неожиданно на меня нашло озарение. А что, если попробовать использовать датчики на этом столе? Ведь именно отсюда была воспринята отданная мной команда открыть выход наружу! Да, как я до этого сразу не додумался! Я положил ладони на столешницу, закрыл глаза, сосредоточился и скомандовал: открыться выходу в шкаф! Эту команду я повторял еще и еще, так что ум заходил за разум. Открывая глаза, я с сожалением видел, что ничего не изменилось. После многократного повторения этих бесполезных действий я, наконец, прекратил их и окончательно пал духом. «А, может, я только вообразил, что этот стол воспринимает мои команды?» – подумал я и решил проверить, закроется ли по моей команде выход в забортное пространство, который недавно так успешно открылся.

Я вновь положил на стол ладони и, посмотрев на открытый проем выхода, мысленно скомандовал: закрыться выходу наружу! Спустя несколько секунд округлый проем подернулся легкой дымкой. Она тут же застыла, превратившись в мутноватую пелену, потом начала темнеть от периферии к центру, обрела цвет прилежащей стены и полностью слилась с нею. Через минуту на месте проема ничего не осталось

– была лишь совершенно гладкая и сплошная поверхность стены. «Да... кое-что у меня все же здесь получается», – с волнением констатировал я. Однако это было слабым утешением: выход-то в шкаф по-прежнему оставался закрытым.

Внезапно у меня в душе затеплился огонек слабой надежды. Я вспомнил: задняя стенка шкафа восстанавливалась сама собой при закрывании его дверцы. А что если и здесь происходит нечто подобное? Я оглянулся, уже представив себе на прежнем месте гостеприимно открытый выход. Но там по-прежнему была гладкая стена. Я готов был плакать и вопить от отчаяния, но по опыту знал, что ни криком, ни слезами горю не поможешь. Отчаяние повергло меня в прострацию, и я сидел, тупо уставившись в никуда, ничего не видя и не слыша.

Выйдя, наконец, из оцепенения, я стал лихорадочно думать, но ничего нового придумать не мог. Всю жизнь, когда мои действия не давали результатов, я, чтобы как-то поддержать в себе активность, повторял их снова и снова, пока мне не являлась новая идея, порой очень даже плодотворная. Так же и в этот раз – предприняв все возможные действия в поисках желаемого результата, но не достигнув цели, я начал все сначала.

Усевшись поудобнее, я уже в который раз положил ладони на столешницу и сосредоточился, вообразив, как открывается проем выхода в мой подвал. Через несколько минут я без тени надежды боязливо оглянулся и не поверил своим

глазам. К моему великому удивлению, проем был открыт. Не помня себя от радости, я опрометью кинулся к нему и мигом очутился в бабушкином подвале, который теперь показался мне таким милым, уютным и гостеприимным, как никакой другой уголок на свете.

Я вышел из подвала, торжествуя победу в серьезной борьбе за жизнь. Как сейчас модно говорить в подобных случаях, с большой дозой адреналина в крови. Но я не люблю этого выражения, тем более, что дело здесь, по-моему, совсем не в адреналине. Ибо недавно я прочел в научно-популярной статье, что непосредственная инъекция адреналина в кровь подобных ощущений у человека отнюдь не вызывает.

Я так долго провозился, обследуя местность за пределами загадочного помещения, похожего на НЛО, а потом в борьбе за возвращение в родной подвал, что совершенно дезориентировался во времени. Поэтому меня несколько удивило, что уже светает, и мои часы показывают половину седьмого утра.

VI

После столь смелой вылазки я понял, что был по-мальчишески самоуверен и не по возрасту опрометчиво подвергал себя огромному риску. Ведь я располагал слишком скудной информацией об этом треклятом шкафе, тем более о том помещении, которое я теперь условно именовал НЛО. А о пространстве за его пределами я не знал вообще ничего.

Для систематизации результатов наблюдений мне захоте-

лось все их немедленно занести в ноутбук. Кроме того, я решил теперь не расставаться со своим коммуникатором и заносить в него новые сведения прямо на месте, «по горячему следу». Только сейчас я по-настоящему оценил эту вещь, ибо она позволяла оперативно фиксировать текстовую и речевую информацию, а также фотоснимки и видеоизображения.

Я включил ноутбук и начал с того, что создал в нем директорию под названием «Шкаф». В нее я намеревался помещать все, что касалось пресловутого шкафа. Прежде всего, я организовал в ней текстовый файл с таким же названием. В пункте под номером один, озаглавленном «Факты», я в хронологическом порядке записал все события, произошедшие, начиная с момента обнаружения удивительных свойств шкафа тети Серафимы, вернее, моей покойной бабушки.

По моему замыслу, каждая запись должна была состоять из следующих пунктов:

1. Факты.
2. Выводы.
3. Проблемы.
4. Планы на ближайшее будущее.
5. Разное.

Такая форма записи мне представлялась наиболее логичной, и в ней можно было легко сориентироваться.

После того как все наблюдаемые мною факты были изложены, я сделал следующие выводы:

1. Задняя стенка шкафа представляет собой дверь в НЛО.
2. Вход из шкафа в НЛО открывается с помощью сенсорного датчика биотоков мозга и автоматически закрывается, когда затворяется дверца шкафа.

3. В самом НЛО все (по меньшей мере – открытие и закрытие обоих выходов, расположение и мягкость сиденья перед пультом) управляется с пульта, и сенсорные датчики управления расположены на его столешнице.

4. Грунт за порогом выхода в «забортное пространство» лежит ниже самого порога более чем на полтора метра.

5. Снаружи (за бортом) НЛО имеется поляна, лес, море и гора со снежной вершиной.

6. Смена дня и ночи за бортом НЛО не зависит от времени суток в Елизарово.

7. НЛО лежит на краю зеленой поляны на холме с пологими склонами.

8. НЛО представляет собой что-то вроде шлюза для перехода в пространство за его пределами (забортное пространство).

9. Два выхода из НЛО (в подвал и наружу) не могут быть открыты одновременно.

Теперь можно было изложить озадачившие меня проблемы.

1. Каково происхождение шкафа?
2. Как так получается, что помещение НЛО сообщается одновременно со шкафом и «забортным пространством»,

которое, судя по всему, никак не связано с Елизарово?

3. Где хозяева шкафа, НЛО и всего, что с ними связано? Что они со мной сделают, если вернуться?

4. Стоит ли уведомить местные власти или научные круги о моем открытии шкафа, НЛО и «забортного пространства»? Если стоит, то когда и каким образом это сделать, чтобы меня не сочли сумасшедшим?

В самом деле, если бы я обратился к городским властям, в какой-нибудь научно-исследовательский институт или другое заведение и заявил, что открыл выход в НЛО, а из него – «дверь в иную точку пространства», которая находится у меня в подвале в старом шкафу моей покойной бабушки, то дальше никто бы меня слушать уже не стал. Меня бы тут же упекли в больницу для умалишенных, и все бы на этом закончилось. До конца жизни я остался бы с клеймом психа, а смыть его невозможно, даже если потом будет официально подтверждено все то, из-за чего меня сочли сумасшедшим. Слишком уж невероятно все случившееся, и поверить в это здравомыслящий человек не может, ибо оно противоречит всему его жизненному опыту. Такое обращение нужно было тщательно продумать, логично спланировать и предъявить весомые доказательства в большом количестве – прежде всего вещественные, а кроме того – фото- и видеодокументы, а также тщательно систематизированные результаты наблюдений. А их-то у меня как раз и не было, даже самых пустячных. Все это нужно было сначала собрать. Так что я решил

пока никому ни о чем не заявлять, а предпринять серию целенаправленных вылазок в «забортное пространство».

Кроме того, я и сам по себе сгорал от любопытства и вот что включил в свои планы на ближайшее будущее.

1. Спуститься к морскому берегу и как можно дальше пройти по нему в обе стороны, чтобы найти ближайшее поселение людей и узнать, где я нахожусь – как далеко это место от Елизарова.

2. Углубиться в заросли сначала слева от выхода, а потом справа. Быть может, люди обитают именно там.

3. Подняться как можно выше на склон горы, чтобы осмотреть окружающую местность.

4. Позже предпринять вылазку с ночевкой.

5. Если не доберусь до людей, нужно попытаться хотя бы примерно определить географические координаты того места, куда выводит выход из НЛО в «забортное пространство».

В «разном» я записал:

1. Для облегчения входа-выхода из НЛО в «забортное пространство» пользоваться алюминиевой стремянкой, которая стоит в сарае.

2. С собой необходимо взять:

- туристский топорик для прорубания прохода в кустарнике, а также для самозащиты на случай нападения диких животных;

- фонарик – на случай, если меня застанет темнота;

- удочку с катушкой, рыболовный сачок и наживку – попробовать поудить рыбу в море;
- ласты и маску с дыхательной трубкой;
- ружье для подводной охоты;
- спички и зажигалку для разведения костра;
- компас и артиллерийский бинокль, оставшийся от покойного дядьки – мужа тети Серафимы;
- запас еды.

Когда работа над планом была закончена, мои часы показывали полшестого вечера. Я выключил ноутбук и вышел во двор. Сумерки уже сгустились, и на улице зажглись редкие фонари. Раньше эта улица в темное время суток великолепно освещалась, и даже в тетином дворе по ночам было светло от уличных фонарей, которые горели на каждом столбе. Но сейчас местные власти сэкономили электроэнергию, и освещение стало чрезвычайно скудным. «Надо будет повесить светильники во дворе и возле сарая», – подумал я, направляясь в сарай за стремянкой.

Через полчаса я стоял у открытой дверцы шкафа, полностью, как мне представлялось, экипированный для выхода в «забортное пространство». Очень кстати оказались вещи покойного дядьки: штормовка, офицерский ремень с портупеей, охотничий нож в кожаных ножнах и солдатская фляга, обшитая толстым войлоком. Прикрепив нож и топорик, как и положено, к портупее, я без проблем открыл вход в НЛО и внес в него стремянку.

За иллюминаторами было сумеречно. «Утро или вечер?» – думал я, открывая выход наружу. Когда он открылся, я оглянулся назад и увидел, что вход, через который я только что вошел, как и следовало ожидать, исчез. Хоть я уже и знал, что запросто смогу его открыть, когда задраю выход в «забортное пространство», меня не оставляло подсознательное чувство беспокойства. Чтобы как-то его унять, мне захотелось еще раз проверить надежность этой системы. Прикоснувшись к столешнице пульта, я дал команду закрыться выходу, а когда она была выполнена, скомандовал открыться входу. Убедившись в том, что все срабатывает, я снова открыл выход наружу и выставил стремянку. Ее установке внизу мешало нагромождение камней, принесенных мною накануне. Все же мне кое-как удалось раздвинуть их стремянкой. Придав ей устойчивое положение, я спустился на землю при полной амуниции и, как и раньше, оказался по грудь в мягкой шелковистой траве.

Я хорошо помнил, что в прошлый раз, когда снаружи было утро, солнце всходило слева от выхода. Сейчас солнца на небе не было. Только справа горело золотисто-оранжевое зарево. Понятно. Это закат, вечер. Перед наступлением местной ночи идти к морю было бы в высшей степени безрассудно. Поэтому я отнес назад в НЛО рыболовные снасти и решил немного побродить по ближним окрестностям, пока не станет совсем темно.

Трава, примятая при последней моей вылазке, до сих пор

не выпрямилась. Больше никаких следов, указывающих на пребывание здесь человека, я не обнаружил. А сколько нужно времени, чтобы следы совершенно исчезли, я оценить не мог. Это зависело как от характера самих следов, так и от особенностей природы данной местности. У меня сложилось субъективное впечатление, что если здесь когда-либо были люди, то время, прошедшее со дня их ухода, должно исчисляться годами, если не десятилетиями. А то и того больше.

В высокой траве насекомые еще выводили свои забористые дневные трели, и некоторые из них, жужжа, вились передо мной, бесцеремонно садясь на лицо, руки, одежду. Над головой то и дело проносились птицы. Их предвечерние крики казались усталыми и навевали сонливость. Я медленно двинулся по направлению к холму, с наслаждением вдыхая пьянящий аромат свежего воздуха с терпким запахом подопревших водорослей, соли и моря. Неожиданно переключка голосов местных обитателей начала утихать. Птицы и насекомые куда-то вдруг исчезли, как по команде. Стало необычайно тихо. Молчало все, кроме моря.

Из-за горы, клубясь, выплывали плотные кучевые облака. Сливаясь, они низко нависали над землей и буквально на глазах заволокли недавно чистое небо. Вскоре они сплошь закрыли его настолько плотно, что стало почти совсем темно. Слышно было, как порывистый ветер шелестит в высокой траве и листьях ближайших кустов и деревьев. На этот шелест накладывался только мощный низкий рокот морско-

го прибора, доносившийся из-за холма.

Внезапно густая туча, нависавшая над холмом, осветилась изнутри ярко-голубым светом, словно в ней вспыхнула сверхмощная неоновая лампа. Вслед за вспышкой раздался яростный раскат грома, оглушительный и продолжительный, от которого, казалось, сотряслась земля. Я вздрогнул от неожиданности, но тут меня ослепила другая вспышка, и я остановился, ничего вокруг себя не видя и не слыша, в ожидании, когда ко мне снова вернутся зрение и слух. Наконец я с трудом различил контрастную линию горизонта и в полутьме нечеткие очертания окружающей растительности. Осветив все вокруг, ослепительная зелено-голубая змея молнии с оглушительным треском ударила в холм, с которого я вчера осматривал окружающую местность. Запахло озоном и гарью. Мне на руку упала крупная капля дождя. Следующая с силой ударила по лицу. За нею последовала еще одна. Потом, все учащаясь, еще и еще, и, в конце концов, с неба мощной лавиной обрушился теплый неистовый ливень, какого я до сих пор не видывал в своей жизни. Его было бы уместно назвать скорее водопадом, чем дождем. Во мгновение ока он промочил меня до нитки, и я опрометью кинулся к стремянке.

Молнии, сопровождаемые оглушительными раскатами грома, сверкали со всех сторон, освещая мне дорогу к желанному убежищу. Ступая по чвакающей траве, хлопая по невидимым лужам, я наконец добрался до стремянки и,

несмотря на излишний вес, быстро вскарабкался по ней и очутился в сухом помещении. С меня ручьями стекала вода, и на полу образовалась темная лужа. Я обеими руками схватил стремянку и стал втаскивать в помещение, пятясь спиной к пульту. Когда мне удалось ее наполовину втащить, помещение осветила яркая вспышка. В двадцати метрах от входа с невероятным грохотом в землю вонзилась молния, и мощный электрический разряд ударил меня через металлическую стремянку. Я рефлекторно бросил ее, отлетев к самому пульту и ударился о него спиной. Вероятно, я на какое-то время потерял сознание, но, как видно, быстро пришел в себя. Оглушенный и ослепленный, я лежал на полу, не в силах пошевелиться. А снаружи, грохоча, неистовствовала невиданная гроза, и ослепительные зелено-голубые змеи молний время от времени на несколько мгновений озаряли помещение, и потом снова все поглощала черная темнота ночи.

Наконец я обрел достаточно сил, чтобы встать, подойти к пульту и задрать вход. В темном помещении воцарилась мертвенная тишина. И только яркий блеск молний, проникающий через иллюминаторы, порой разрушал тьму, напоминая о том, что там, за бортом неистовствует гроза непостижимой мощи. Я дал команду зажечься свету. Сидя у пульта и опираясь на столешницу, я постепенно вернулся к реальности и почувствовал, что основательно продрог. Мокрая одежда ничуть не согревала – только отбирала тепло. В ботинках хлопала вода, и ноги замерзли так, что их было бы

впору сунуть в раскаленную печь. Хотелось, чтобы в помещении стало жарко, как в сауне. Наклонившись, чтобы снять ботинки, я явственно ощутил, что мне в лицо пахнуло горячим воздухом. Это меня ничуть не удивило, ибо я понял, что пульт воспринял мое желание как команду и каким-то образом включил обогрев. Горячий воздух исходил отовсюду: от стен, пульта, дивана и пола.

Через несколько минут в помещении стало жарко. Разомлев от жары, я дал команду стабилизировать температуру воздуха, сбросил с себя одежду и прилег на диван. Хотелось вытянуться в полный рост. Голова моя лежала на подлокотнике, как на подушке. Я вытянул ноги и положил их на другой подлокотник, досадуя, что диван несколько коротковат для моего роста. Тут же второй подлокотник размягчился и опустился, став вровень с поверхностью дивана. Подняв голову, я увидел, что диван удлинился в соответствии с моим желанием. Вот это да! Здесь, видимо, абсолютно все управляется то ли биотоками мозга, то ли каким-то биополем, то ли еще черт знает чем, но, несомненно, жестко и однозначно связанным с моим мышлением!

Я встал, собрал одежду, беспорядочно валявшуюся на полу, аккуратно разложил ее вместе с нехитрой амуницией на столешнице и послал пульту команду высушить вещи. В ответ поверхность столешницы под одеждой потеплела, и от нее пошел поток теплого воздуха. Я снова прилег и задремал.

Проснувшись, я подумал было, что прошло не более пят-

надцати минут, но, посмотрев на часы, понял, что проспал около четырех часов. Они показывали без пяти четыре утра. Моя одежда совсем просохла и была теплой на ощупь. Только ботинки, стоявшие у дивана, оставались сырыми. Я спокойно оделся и с трудом натянул на ноги ботинки, досадуя на себя за то, что не позаботился о них накануне. Собрав свои нехитрые пожитки, я пошел досыпать остаток ночи в условиях домашнего комфорта.

VI

После того как я поселился в бабушкином доме, мне пока ни разу не приходилось заглядывать в почтовый ящик, прикрепленный к воротам еще покойным мужем тети Серафимы. Да и зачем? Ни журналов, ни газет я не выписывал, а писем ждать было не от кого. Разве что какое-нибудь официальное сообщение могло прийти – от местных властей или из пенсионного фонда. Кроме того, я уже лет пятнадцать не писал и, естественно, не получал «бумажных» писем – только электронные. Поэтому я удивился, когда, идя рано утром в магазин купить чего-нибудь съестного для Джека и Барсика, случайно увидел сквозь отверстия в почтовом ящике белый листок бумаги. На ящике висел амбарный замок, ключ от которого с картонной биркой с надписью корявым старческим почерком «Почта», как и при тете Серафиме, лежал на кухонной полке. Не знаю, для чего тетя вешала на ящик замок, притом столь массивный. Висел-то он со стороны двора, по которому к тому же бегал Джек и грозно лаял на каж-

дого, кто приближался к воротам.

Я не стал возвращаться за ключом и продолжил намеченный путь в магазин за углом. Было ветрено, в лицо отчаянно хлестал холодный дождь с мокрым колючим снегом, но после посещения магазина я все-таки забежал на базар, купил продуктов да кое-чего для хозяйственных нужд и предстоящей вылазки. Все-таки жизнь в маленьком городе имеет свои преимущества. Здесь все рядом: магазины разных профилей, базар, почта и прочие государственные учреждения. И человек становится независим от транспорта. Даже в самый дальний конец города можно запросто дойти пешком, в особенности, когда располагаешь временем. А местный транспорт везет из конца в конец от силы минут пятнадцать, не более.

По возвращении домой я накормил своих четвероногих питомцев, приготовил себе нехитрый завтрак и кое-как утолил голод. Помыв посуду и подметя пол, я собрался уж было идти в подвал продолжать исследования, как вдруг вспомнил о бумаге в почтовом ящике.

Ключ с трудом вошел в скважину ржавого замка и долго не хотел проворачиваться. Ведь замок никто не открывал, почитай, с прошлого года. А любой механизм, чтобы сохранять работоспособность, должен регулярно работать. После многочисленных попыток, сопровождаемых постукиваниями, подергиваниями и потоком ругательств, мне, наконец, удалось открыть почтовый ящик. Там лежал вдвое сложен-

ный листок отсыревшей бумаги, исписанный ровным каллиграфическим женским почерком.

«Уважаемый Артем Тимофеевич!

Заходила забрать крыночку, но дома Вас не застала. Звонила по телефону покойной Серафимы Гавриловны, но мне никто не ответил. То ли Вы в это время отсутствовали, то ли за Вами не сохранили ее номер. Или Вы вообще отказались от услуг нашей городской АТС. Номера Вашего мобильного я, к сожалению, не знаю. Поэтому, если будет у Вас возможность, позвоните мне, пожалуйста, домой: 3-47-34 и скажите, как забрать мою посудину.

С уважением, Мария Юрьевна.

1 ноября 200... г.»

Телефон Марии Юрьевны не отвечал. Я нажал клавишу отбоя и позвонил еще раз. Эффект тот же. Быть может, она прилегла отдохнуть? Я снова набрал ее номер и терпеливо ждал, считая вызывные гудки. Один... другой... третий... После седьмого в трубке раздался щелчок, а за ним – сладкий женский голос: «Здравствуйте! С Вами говорит автоответчик...» Я положил трубку. Что толку разговаривать с автоматом? Терпеть не могу автоответчиков и автоматических определителей номера. Всякий раз, когда я слышу, что «трубку снял» автоопределитель, я чувствую себя униженным, воображая, что там, на другом конце линии, кто-то, глядя на индикатор, интересуется, кто ж это звонит. И потом прикидывает, стоит ли тебе отвечать. Если ты нужен и

пришелся кстати – охотно ответит, а если нет – пошлет тебя заочно ко всем чертям, а то и еще куда подальше.

Но вернуть женщине посудину все же нужно. И как можно скорее, притом не пустую. Но что ей преподнести в качестве благодарности за такие вкусные пирожки? Знать бы, в чем она испытывает нужду. Однако это мне, к сожалению, пока не ведомо. Что ж, придется отблагодарить ее коробкой хороших конфет. Решение банальное, но универсальное. Другого выхода у меня нет.

Долг есть долг, который всегда, как говорится, платежом красен. Погода была прескверной, но деваться некуда. Чтобы выглядеть джентльменом, нужно выйти купить хороших конфет. *Noublesse oblige*, как говорят французы.

Вскоре я вернулся с солидной коробкой пижонских шоколадных конфет, наполненных ромом. Причем, свежайших, уложенных не в современном стиле – «квадратно-гнездовым способом», а плотно, одна к одной, как в добрые старые времена. Сунув для лучшей сохранности коробку в холодильник, я еще раз попробовал созвониться с Марией Юрьевой. Безуспешно. Что ж, попробуем завтра. Облачившись в штормовку и прочее туристское снаряжение, я уложил в чехол купленную накануне удочку и направился в подвал.

Открыв вход в НЛЮ, принялся переносить в него вещи, необходимые для запланированной вылазки. Все было уже перенесено, когда я вспомнил о компасе и стал искать его среди всякого барахла на старом хлипком стеллаже. Когда

мои поиски увенчались, наконец, успехом, я, надевая компас на запястье, случайно толкнул стеллаж плечом. От этого толчка шест, которым раньше во дворе подпирали бельевую веревку, с грохотом рухнул за бабушкин шкаф. Я поднял его и снова поставил вертикально у стеллажа. При этом мне показалось, будто за шкафом что-то не так. Там на полу было полно всякого мусора, но я увидел свет от лампы, которую несколько минут назад поставил на ящик с противоположной стороны. Между задней стенкой шкафа и стеной подвала было... пустое пространство! Как это может быть? Я же через шкаф только что попадал в просторное помещение НЛО!

Я подскочил к открытой дверце шкафа и заглянул внутрь. Там был по-прежнему открыт вход в помещение НЛО, освещенное яркими лучами солнца, проникающими сквозь иллюминаторы. Я вошел в него, несколько раз обошел по периметру и осмотрелся. В помещении ничто не изменилось, и я снова вышел в бабушкин подвал. В подвале также ничего не изменилось. Решив, что мне все это померещилось, снова заглянул за шкаф. Между шкафом и стенкой по-прежнему был промежуток шириной с ладонь. Я взял тот самый шест и сунул его в шкаф, так, что один его конец торчал из двери наружу, а другой находился в помещении НЛО, из которого я только что вышел.

Во дворе у сарая лежал другой такой же шест. Я незамедлительно притащил его в подвал и тут же сунул за шкаф. Шест лег на пол, не задев ни за какое препятствие, а конец

шеста, проходящего через шкаф из подвала в НЛО, даже не дрогнул! Как это может быть? Один шест прошел поперек другого, как через свободное пространство! При этом оба они остались целехоньки! Куда на самом деле уходил конец шеста, лежащего горизонтально на нижней полке шкафа? Такого не может быть! Я проверял еще и еще, действительно ли из этого странного шкафа открывается вход в то самое загадочное помещение НЛО, и это подтверждалось вопреки всем законам физики и здравому смыслу. Быть может, я помешался? Я не верил своим чувствам, хотелось пригласить кого-нибудь, кто мог бы подтвердить истинность увиденного, но страх перед неопределенностью человеческой реакции удерживал меня от этого. Этот шкаф, как его ни изучай, все время преподносит сногшибательные сюрпризы.

Отложив размышления на будущее, я вошел в НЛО, открыл выход во внешнее пространство и выглянул наружу. За бортом жег невыносимый зной. Солнце приближалось к зениту. «Странно, – подумал я, – Елизарово, как и вся наша страна, расположено в умеренной климатической зоне, где солнце никогда не достигает зенита. Почему же здесь оно жарит сейчас в самое темя?»

Время от времени с моря налетал легкий ветер, принося некоторую прохладу. Но как только он стихал, солнце снова начинало печь нестерпимым зноем.

Спустившись по стремянке, я знакомым уже путем двинулся к зарослям, чтобы спуститься к плещущему морю с

его животворной прохладой. Через несколько шагов я взмок от жары, но из-за палящих солнечных лучей не мог сбросить одежду. Кроме того, я по неосмотрительности не надел головного убора и для защиты от солнца пришлось накинуть на голову капюшон штормовки. Обильный пот, стекая по лбу, заливал глаза, и мне поминутно приходилось вытирать лицо рукавом. Дойдя до зарослей, мне под их сенью пришлось сделать небольшой привал. Очень хотелось пить. Отхлебнув из пластиковой бутылки, я утолил жажду. Достав из рюкзака полотенце, я вытер лицо, шею, а также волосы, изрядно поредевшие от возраста, и повязал его на голову как бандану.

Переведя дух, я снова взвалил на спину рюкзак и продолжил намеченный путь, прорубая дорогу в зарослях туристским топориком. Я накануне отточил его до остроты бритвы. И сделать это было очень нелегко: сталь была исключительно твердая. Все же не зря мужик, у которого я его купил, так навязчиво убеждал меня: «Да я недорого отдаю, ей-Богу. Больше нигде такого не купишь, даже на заказ – клянусь. Сам отковал. И закалил тоже сам. Я в термичке с детства работаю – металл шкурой чувствую. Раз наточишь – и на всю жизнь. Тут сталюга сумасшедшая. Смотри – напильник не берет. Для себя делал. Ни за что бы не продал, но сейчас деньги во как понадобились. Бери, не прогадаешь». И я взял.

Идти с топором было значительно легче, чем с пустыми руками, но я тут же убедился на опыте, что удобнее было бы пользоваться саблей или мачете – у них длиннее рубя-

щая кромка. Вскоре я вышел на тропу, знакомую по прошлой вылазке. Идти стало проще. В зарослях было прохладно, но душно из-за сырости. С мокрой травы, с кустов и деревьев слетали тысячи надоедливых мошек и вились вокруг меня, забиваясь в нос, рот, глаза и уши. Пришлось укутать полотенцем все лицо, но глаза все же оставались незащищенными. Вскоре тропа вывела меня на открытое пространство. Мошки отстали, однако на смену им снова пришло жестокое солнце, от которого теперь не было спасения.

Наконец я добрал до развилки троп, пошел по правому ответвлению и достиг края обрыва, откуда открывался вид на морскую ширь во всем величии и красоте. Здесь я снова сделал короткий привал. Сбросив рюкзак, достал компас, чтобы определить ориентацию береговой линии. Мысленно проведя прямую между краями правого и левого мысов, я увидел, что стрелка компаса установилась к ней почти перпендикулярно. То есть, береговая линия проходила приблизительно с запада на восток. При этом я констатировал, что магнитная стрелка здесь устанавливается очень быстро, почти не совершая колебаний.

Попив воды, я продолжил намеченный путь к морю, спускаясь по каменистым уступам, разогретым яростным полуденным солнцем. На камнях, на ветвях кустов и деревьев и в траве неподвижно сидели не известные мне пресмыкающиеся. Многие из них были по расцветке неотличимы от камня, сухих веток и пожухлой травы. Часто я замечал их только

тогда, когда они, спугнутые моим приближением, с невероятной прыткостью срывались с места и с быстротой молнии исчезали среди камней, в щелях, островках жесткой колючей травы или редком кустарнике. Другие имели пеструю раскраску и сидели, как бы с гордостью демонстрируя свой наряд. Некоторые были размером с мизинец, а иные достигали метра в длину. Хотелось рассмотреть их повнимательнее, но солнце жгло с таким остервенением, что я, опасаясь теплового удара, спешил спуститься вниз, чтобы поскорее укрыться в тени и, передохнув от солнца, окунуться в прохладу прозрачных морских волн.

В конце концов, я спустился на песчаный пляж, испещренный замысловатыми узорами, начертанными следами птиц, зверей, рептилий, крабов и прочих обитателей здешнего края, которые повсюду метались по песку в поисках пропитания. Но следов человека среди них я, как ни искал, не обнаружил нигде. «Интересно, – подумал я, – если люди здесь появляются редко или не появляются вообще, то кто тогда протоптал тропу, выведшую меня к этому пляжу? Неужто животные? Я слышал о таком, но никогда не сталкивался вживую.»

Еще спускаясь по уступам, я под самым обрывом заметил высокий куст, густой и раскидистый, отбрасывающий плотную тень. Едва ступив на пляж, я повернул налево и по крупному чистому песку зашагал к этому кусту, чтобы расположиться в его тени. Дойдя до спасительной тени, я сбро-

сил рюкзак и стал жадно пить воду. Напившись, заметил, что выпил уже половину трехлитровой баклажки, и решил экономить живительную влагу, дабы ее хватило до возвращения домой.

Желтая полоса песчаного пляжа дугой окаймляла зыбкую синюю гладь небольшого залива. По правую сторону несколько невысоких утесов вдавались в море, образуя острый мыс. Волны с шумом разбивались о них и, бурля и пенясь, откатывались назад в морскую синь. Левый мыс оканчивался грядой черных шхер, вдали уходящей влево параллельно берегу.

До воды было не менее пятидесяти метров. Сбросив намокшую от пота одежду и полную песка обувь, я остался в одних плавках и побрел к воде. Раскаленный песок так обжигал ноги, что волей-неволей пришлось перейти на бег, дабы не обжечь стоп. Оказавшись в полосе прибоя, я, не обращая внимания на копошащихся повсюду крабов, с наслаждением плюхнулся в воду. Дно круто уходило вниз, а вода была изумительно теплой. Подхваченный волной, я энергичным брассом поплыл на глубину. Волны достигали не менее полутора метров в высоту, и, качаясь на них, я чувствовал себя на вершине блаженства. Отплыв от берега метров на пятьдесят, я барахтался, нырял, кувыркался и фыркал. Ныряя в хрустально прозрачную воду, я видел снующие вокруг меня косяки рыб, но каких именно, разглядеть было невозможно, так как мои принадлежности для ныряния остались в рюк-

заке на берегу.

Наплескавшись всласть, я поплыл к берегу. Однако выйти оказалось не так просто. Волны то и дело сбивали меня с ног. Падая, чертыхаясь и снова вскакивая в полосе прибоя, я с трудом преодолел ее, выбрался на влажный песок и остановился, подставляя спину солнцу, чтобы поскорее согреться. Хорошо! Надо же, поздней холодной осенью я, при нынешних условиях жизни, не выезжая из мрачного Елизарова, имею возможность наслаждаться морем и греться в жарких лучах летнего солнца. Какая прелесть! Интересно, почему человека всегда тянет к морю? Не знаю, как для кого, а для меня даже худшие дни, проведенные у моря, несравненно лучше самых хороших дней, проведенных вдали от него.

Бредя вдоль берега по полосе мокрого песка, омываемого прибоем, я видел, как на нем суетятся крабы самых разных размеров – от крошечных, величиной не больше вишни, до крупных – с моего Джека. Они рылись в выброшенных прибоем водорослях, покрытых белой пеной, выискивая запутавшихся в них рыбешек, ракообразных и Бог весть чего еще.

Словно замороженный, я смотрел, как прибой мерно накатывает на песчаный берег, оставляя на нем пучки водорослей, причудливые раковины и хлопья белой пены. От прозрачных волн трудно было оторвать взгляд. Удивительное ощущение! У самого берега на мелководье среди уединенной группы редких валунов, быстро перебирая многочислен-

ными лапками, плавали на боку огромные прозрачные креветки. Некоторые из них были настолько велики, что вряд ли поместились бы на тарелке. Изловчившись, я схватил одну за спинку и вынул из воды. Она отчаянно затрепетала лапками и мощным хвостом, обдав меня тучей мелких брызг. А я принялся рассматривать ее в лучах яркого солнца.

Удивительная креветка. Никогда таких не видел, даже в телепередачах о путешествиях в тропики. Боковые пластины ее панциря двигались из стороны в сторону, с тихим шипением испуская пену, а на нижней части брюшка мелкие отростки прижимали к нему приличную порцию темно-красной икры. Икринки, похожие на мелкие ягодки красной смородины, отсвечивали рубиновым блеском.

Мне казалось, что такие креветки должны быть непременно съедобными, притом очень вкусными. И я воспринял эту ни на чем не основанную мысль, как непреложную истину. Не мешало бы их наловить, да побольше, чтобы, вернувшись домой, приготовить и угостить Марию Юрьевну. То-то удивится, когда в своей кринке увидит таких монстров!

Креветки по-прежнему стаями плавали среди валунов, ныряли под них, снова выскакивали на свет божий, рылись в песке, уходили на глубину, а на их место приплывали другие.

Поймать голыми руками вторую оказалось сложнее, чем я думал, но после нескольких попыток я все же достиг своей цели. Выйдя на песок и, обжигая стопы, побежал к лагерю. Бросив под куст добычу, накрыл ее штормовкой и принялся

рыться в рюкзаке в поисках рыболовного сачка. От охотничьего азарта дрожали руки, но я все же достал телескопическое древко и прикрепил к нему ободок с сеткой. Теперь у меня было чем ловить креветок, но следовало еще подумать, куда их складывать. Для этого я решил использовать болоньевую сумку, набитую едой, которую аккуратно переложил в рюкзак. Чтобы защитит от горячего песка ноги, пришлось обуться в кроссовки. Но нужно было защитит и кожу от агрессивного солнца. Поэтому я надел рубашку и брюки, а голову повязал полотенцем.

Будучи теперь при полной экипировке, я отправился на промысел креветок. Наловить их сачком особого труда не составило. Они были настолько крупными, что сумка заполнилась за несколько минут. Я отнес ее под свой куст, накрыл зелеными ветками и пошел к левому мысу, чтобы посмотреть, нет ли за ним каких-либо сооружений или иных признаков присутствия людей.

У мыса песчаный пляж заканчивался, а приборой гасили многочисленные валуны, вдающиеся далеко в море. Дальше мне пришлось карабкаться по камням среди армии крабов. Шурша, они бегали во все стороны, рылись в гальке, взбирались на камни, спрыгивали в воду, бродили по мелководью. Я едва не наскочил на краба с сине-зеленым панцирем, который был настолько велик, что не влез бы в семилитровую кастрюлю из моего нынешнего хозяйства. Такой, подумал я, в два счета отхватит своей клешней не то, что палец,

а и всю руку, пожалуй! Держа наизготовку мощные клешни, краб неподвижно сидел на плоском камне и пристально разглядывал меня черными глазами, отливающими радужным блеском. Каждый глаз двигался независимо от другого и, казалось, едва удерживался в орбите на тонкой жилке, словно бусина. Меня охватил животный страх при мысли, что если он вздумает напасть, то целым мне не уйти... Ведь под рукой у меня не было ничего, что можно было бы использовать как оружие. Однако краб, видимо, решил, что со мной ему нет смысла связываться, и с громким плеском тяжело плюхнулся в воду.

Дойдя до мыса, я вскарабкался на небольшой утес и посмотрел дальше вдоль берега. За мысом открывалась широкая лагуна, окаймленная светло-желтой полосой песчаного пляжа и вдали отгороженная от открытого моря густой грядой черных шхер. Волны, набегающие из-за самого горизонта, разбивались о них, образуя пенистые буруны, а в лагуне водная поверхность оставалась гладкой, почти зеркальной. Очевидно, только при чрезвычайно высоких волнах прибой мог достигать берега. В этом месте море глубоко вдавалось в сушу на участке береговой линии длиной более километра. Как видно, скальные породы здесь были довольно мягкими, и штормовой прибой, размывая их, со временем образовал широкую гряду причудливых скал в виде столбов, арок, башен, грибов, неправильных конусов и круглых валунов. С высоты утеса я любовался захватывающей красо-

той этих диковинных скал, до блеска отполированных прибоем, и невольно думал, что если среди них застигнет человека шторм, ему несдобровать.

Далее песчаный пляж постепенно расширялся – скалы вдоль береговой линии все дальше отступали от воды, их склоны становились все более пологими, сплошь укутанными кудрявой зеленью, а водная гладь выблискивала густой мелкой рябью. Было похоже, что еще дальше в лагуну впадает река. Вода в лагуне была необыкновенно синего цвета. Такой яркой водной синевы я никогда еще не видел.

Распугивая великое множество крабов, ящериц, черепах, крикливых птиц и еще каких-то созданий, я двинулся далее вдоль берега. В нескольких метрах от береговой кромки, почти рядом со мной плескались крупные рыбы. Порой они выпрыгивали из воды и с тяжелым плеском опадали обратно.

Мои предположения оправдались. Вдали за отрогом, бурля среди округленных течением валунов, несла в море свои пенные воды мощная горная река. Собственно, ее устье и образовывало эту живописную лагуну. Если бы здесь побывал Айвазовский, то человечество, несомненно, обогатилось бы еще как минимум одним великолепным шедевром маринистской живописи.

По сравнению с прибоем, обрушивающимся на плотный песок у моего лагеря, вода в лагуне была спокойной и ласковой. Мне вспомнились слова знакомой с детства песни: «И берег морской целует волна...» Волны здесь действитель-

но целовали мягкий песчаный пляж метров семьдесят шириной. А вдоль верхнего края пляжа простиралась широкая гряда уже описанных причудливых скал и крупных валунов, самый маленький из которых был размером с грузовик.

Я вошел в узкий проход между огромными валунами и оказался внутри гряды – в совершенно иной среде, где микроклимат заметно отличался от того, в котором я пребывал минуту назад. Некоторые из валунов наполовину вросли в песок, а другие, казалось, лежали на самой его поверхности. Валуны и скалы в виде столбов, конусов, пирамид и арок образовывали высокие крутые стены извилистых коридоров. Местами они были настолько тесными, что прямые солнечные лучи могли осветить их полы, устланные ровным слоем чистого песка и мелкой гальки, только с зенита. Здесь царили прохлада и свежесть, легко дышалось после палящего зноя и хотелось прилечь, чтобы прохладить перегретое на солнце тело. Но я не стал этого делать, опасаясь змей, так как одну из них увидел в нескольких шагах от себя. Эта пестрая двухметровая бестия тоже, видимо, приползла сюда прохладиться и лежала у самой стены, не обращая на меня никакого внимания. На всякий случай я подхватил круглый увесистый камень и, лавируя среди тенистых коридоров, пошел дальше по замысловатому лабиринту. Наслаждаясь прохладой, я все более и более углублялся в него.

С интересом разглядывая причудливые стены лабиринта, я невольно обратил внимание на свисающие с них многочис-

ленные ключья водорослей. Очевидно, при сильном волнении прибой действительно захлестывает эту гряду. И такое, по всей вероятности, в последний раз происходило совсем недавно, ибо водоросли еще не утратили своего естественного цвета и даже кое-где оставались влажными. Как видно, сильные шторма здесь не редкость.

Я никогда не страдал клаустрофобией, но в тот момент у меня от ужаса перехватило дыхание, заныло под ложечкой и захотелось поскорее выйти на открытый простор. Я повернул назад и спешно пошел, как мне казалось, в сторону моря.

Пройдя с полчаса, я засомневался в правильности выбранного направления, так как море все не показывалось. Я остановился и прислушался в надежде уловить шум прибоя. Но ничего, кроме многоголосого птичьего гомона да стрекотания насекомых, до моего слуха не доносилось. Я повернул влево, однако через некоторое время снова разуверился в верности своего решения. От волнения мое сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вдребезги разнесет грудную клетку. Я понял, что заблудился и безуспешно метался из стороны в сторону в поисках выхода. Стены были высокими и крутыми и влезть на какой-либо из валунов или столбов, чтобы осмотреться вокруг, было невозможно.

Вспомнив известное мне с детства правило выхода из коридорного, то бишь пещерного лабиринта, я воспрянул было духом. Согласно ему нужно все время идти, непрерывно касаясь одной рукой стены. Но логика тут же подсказала, что

здесь это правило не сработает. В этом лабиринте, следуя такому правилу, можно заиклиться: непрерывно кружить вокруг одного и того же валуна.

Я сел на прохладный песок, стараясь успокоиться, и напряженно думал, возложив все надежды на логику и пространственное воображение. Если бы я с самого начала пошел назад по своим следам, то мог бы спокойно выйти. Но мой путь по лабиринту устлал то песок, то галька, на которой отчетливых следов не оставалось. Кроме того, я давно уже блуждал по лабиринту и оставил на песке так много следов, что теперь они могли только запутать. Нужно было придумать что-то иное.

Не знаю, сколько времени я просидел в прострации, но в конце концов меня осенила простая мысль. Я вспомнил, что когда я стоял наверху лицом к морю перед тем, как спуститься на пляж, то солнце всходило слева от меня, а заходило справа. Значит, если сейчас здесь послеполуденное время, то по освещенным солнцем верхним краям стен можно легко сориентироваться, где восток, а где запад! Следовательно, чтобы выйти к морю, нужно идти так, чтоб освещенные солнцем стены были слева! Я посмотрел вверх и, повернувшись надлежащим образом, опрометью кинулся бежать к выходу, к свободе, к прибою...

Минут через пятнадцать-двадцать в конце извилистого коридора заиграла синева лагуны. Боже, какое это было счастье!

Я вышел к морю у просторной скальной площадки. Она была усеяна осколками раковин, и по ее плоской как озерная гладь поверхности ветер перекатывал редкие клочья сухих водорослей. За площадкой берег резко уходил влево. Пройдя вдоль него еще шагов двести, я понял, что нахожусь у самого устья быстрой реки, и решил немного подняться вдоль берега вверх – против течения.

И дно, и берег реки изобиловали округлыми обточенными водой камнями. Поэтому, чтобы следовать вверх относительно течения, я вынужден был карабкаться по валунам. Довольно утомительно для моего возраста и комплекции. Нужно было двинуться обратно, чтобы успеть вернуться домой до захода солнца. С таким намерением я спрыгнул с валуна в реку и тут же, как ужаленный, выскочил на ближайший камень. Вода была настолько холодной, что обжигала, словно расплавленный металл.

Когда ноги отошли от холода, я снова подошел к воде, зачерпнул пригоршню живительной влаги и осторожно попробовал. Она была чистой как слеза, пресной и, так как я давно уже изнывал от жажды, показалась мне удивительно вкусной. Я жадно пил, не думая о том, что вместе с речной водой можно проглотить какую-нибудь заразу или паразита. Утолив, наконец, жажду, я двинулся назад, к лагерю. По дороге я не без радости думал о том, что теперь можно будет ходить на пляж, не отягощая себя излишним запасом воды, а пополнять его здесь – прямо из реки.

Дойдя до лагеря, я валился с ног от усталости. Солнце уже клонилось к горизонту, а нужно было успеть добраться до дома, прежде чем наступят сумерки. Не ночевать же здесь – прямо на пляже. Превозмогая усталость, я подошел к рюкзаку, намереваясь собраться, и увидел, что он лежит не под кустом, где я его оставил, пряча от солнца, а рядом – между кустом и стеной обрыва. Вещи, которые я в него аккуратно укладывал, были в беспорядке разбросаны поблизости. Штормовка тоже лежала не там, где я ее оставил. А кроветок, которых я накануне добыл с таким азартом и тщательно под нее спрятал, доедали проворные грызуны и крупные коричневые жуки. Хлеб, яйца, сваренные вкрутую, и прочее продовольствие было также кем-то съедено. Даже яичную скорлупу сожрали. Остались только обрывки бумажных оберток да полиэтиленовых пакетов. Вокруг в изобилии, неприятно жужжа, роились мухи всевозможных размеров, мастей и оттенков: крупные, мелкие, круглые, длинные, черные, серые, синие, зеленые и еще Бог весть какие. Я поднял штормовку и отпрянул от неожиданности. Из-под нее с шипением выскочила полуметровая ящерица и стремглав кинулась наутек. Таких красивых ящериц я еще не видел даже по телевидению или на картинках. Серо-зеленая, с двумя рядами причудливых желтых пятен вдоль спины, она, отбежав от меня на несколько метров, остановилась и, вибрируя, с головой ушла в горячий песок. После бесплатного пиршества местные «пираты» оставили вокруг великое множество всевоз-

можных следов и помета. В основном, как мне казалось, помет был птичьим.

«Что ж, – подумал я, – ничего не поделаешь. В конце-то концов, этого и следовало ожидать. Кроме того, даже если бы креветок никто не тронул, они бы все равно испортились на этой ужасной жаре». А бутерброды и яйца были бы сейчас очень даже кстати – я ужасно проголодался. Судя по высоте солнца, до заката еще можно успеть наловить сумку креветок и засветло вернуться домой.

Вооружившись сачком, я пошел на прежнее «креветочное» место и с удивлением увидел, что камни, среди которых я несколько часов назад ловил этих диковинных монстров, были глубоко под водой, а полоса пляжа стала заметно уже. Теперь креветки плавали около камней, которые раньше были далеко на суше. Уровень воды в море стал значительно выше, чем прежде. Что это, прилив? Но ведь и в Черном, и, тем более, в Азовском морях приливы и отливы совсем незаметны. А других морей в нашей стране нет. Опять загадка.

Отставив ее на потом, я принялся ловить креветок и вскоре снова наполнил ими болоньевую сумку. Положив ее в тень, начал собирать рюкзак. Вынув из полиэтиленового пакета часы, посмотрел на циферблат и не поверил своим глазам. В Елизарово было уже начало десятого вечера! Со времени моего выхода из НЛЮ прошло более двенадцати часов, а здешнее солнце прошло по небу всего лишь чуть больше половины дневного пути. Что тут за фокусы со временем?

Или с солнцем? Связаны ли они как-то с принципом работы самого НЛО? Бог весть, что это за техника.

Удочку, которую я сегодня так и не использовал, а также рыболовный сачок, ласты, маску с трубкой и подводное ружье я завернул в старенькую пляжную подстилку, уложил за кустом, у самой стены обрыва, и сверху придавил несколькими увесистыми камнями, чтобы не унесло ветром. Зачем тащить обратно то, что в ближайшее время в Елизарово мне наверняка не понадобится? Упаковав рюкзак и с трудом взвалив его на спину, я двинулся в обратный путь.

Подъем наверх оказался значительно труднее, нежели спуск. Заметно сказывалась усталость. Подкашивались ноги. Приходилось отдыхать чуть не на каждом уступе. Скалы быстро остывали. Когда я достиг самого верха, солнце уже спряталось за горизонт. Начало смеркаться. Повеял легкий прохладный бриз, и я ускорил шаг, опасаясь, что меня в зарослях застанет темнота.

Быстро смеркалось, и я с трудом различал тропу. Чтобы остановиться и достать из рюкзака фонарик, требовалось какое-то время, но я дорожил каждой минутой и продолжал идти в сумерках, сгущавшихся с каждой минутой. В конце пути я на ощупь продирался сквозь кустарник, боясь потерять направление. Меня преследовал животный страх. Казалось, будто кто-то ужасный наблюдает за мной из темноты зарослей, выискивая удобную минуту, чтобы схватить и беспощадно растерзать.

В конце концов, я выбрался из зарослей и вздохнул с облегчением, увидав впереди темные контуры холма, а дальше, на фоне тускнеющего неба – знакомый силуэт НЛО. Забыв об усталости, я пошел к нему напрямик, не разбирая пути и спотыкаясь на ухабинах, кочках и камнях, скрытых под высокой густой травой.

Стремянка стояла на прежнем месте, белея при матовом лунном свете на фоне темной травы. Счастливый оттого, что в конце концов добрался до входа в свой дом, представлявшийся мне в ту минуту таким гостеприимным, я остановился у стремянки немного передохнуть. Усталость сковала мое тело. Казалось, у меня не хватит сил по ней взобраться. Я повернулся спиной к стремянке и, положив рюкзак на перекладину, ослабил натяжение шлей. Стоя таким образом, я отдыхал перед последним шагом к дому, уюту и комфорту. Без отдыха у меня на этот шаг, пожалуй, действительно не хватило бы сил.

Безоблачное небо успело уже стать черным, и его густо усеяли мириады звезд. Да-а-а, таких больших, ярких и многочисленных звезд в городе не увидишь даже в самую темную ночь. Необыкновенно крупная звезда горела высоко над морем. Она сияла голубым мерцающим светом, словно галогеновая лампа на столбе у моего двора. Прямо над нею, почти в зените, висела луна в фазе «первая четверть». Она тоже была необычайно яркой и будто бы крупнее, чем обычно. Мне даже показалось, что темноватые пятна на ее поверхно-

сти были совсем не такими, как я привык видеть. Но этому факту я не придал существенного значения и только пожалел, что совершенно не знаю звездного неба. Ибо по нему можно было бы однозначно определить координаты моего местонахождения.

Воздух был наполнен вечерней прохладой, ароматом цветов, стрекотом насекомых, криками птиц и других ночных созданий, сокрытых в темноте. Дышалось так легко, что вскоре моя усталость начала проходить, и я уже спокойно мог подниматься по стремянке с рюкзаком за плечами. Я чуть присел перед стремянкой, чтобы поддать повыше рюкзак, разогнул колени и, когда поворачивался лицом к стремянке, с восточной стороны над зубчатой кромкой леса моему взору предстала во всей своей красе полная луна.

Сначала я в этом не усмотрел ничего необычного, но потом вдруг вспомнил, что несколько минут назад луна была высоко в небе со стороны моря, притом в форме полукруга. Как она могла за такое короткое время поменять фазу и переместиться к самому горизонту, притом на восток? Что за нонсенс? Я снова посмотрел на то место, где видел луну в первый раз, и не поверил своим глазам: она все так же висела на прежнем месте – рядом с той самой ярко-голубой звездой. Я тут же снова взглянул на восток – там по-прежнему матово-белесым светом сияла полная луна. Уж не сошел ли я с ума? Что ж это получается? Две луны в небе! Невероятно!

Я снова и снова поочередно смотрел то на одну луну, то

на другую, не доверяя собственным чувствам. Анатолий Кашпировский в одном из недавних телевизионных выступлений сказал, что однажды наблюдал на небосводе четыре солнца и объяснил это явление как своеобразный мираж. Вероятно, две луны над моей головой – это тоже какой-то мираж. От волнения стучало в висках и путались мысли. Я присел на перекладину стремянки и попытался успокоиться. Прошло не менее четверти часа, прежде чем мне удалось справиться со стрессом.

Наконец, я снова обрел способность трезво мыслить и стал внимательно рассматривать небо. Сомнений не было: на небосводе светило две луны, причем та, что возле яркой звезды, была заметно крупнее недавно взошедшей. Очертания пятен на них были разными, а также совсем не такими, какие я с детства привык видеть на луне. Только теперь я понял, что и звезд на небе было много больше, чем я когда-либо наблюдал в своей жизни. Многие из них были непривычно крупными и яркими. К тому же сама картина звездного неба была совершенно незнакомой. Все это могло означать только одно... Мне было жутко это признать... Это означало... что я, как это ни парадоксально, находился не на Земле, а на какой-то другой, неведомой планете... Да, да, именно так и никак не иначе. Теперь результаты моих наблюдений, ранее представлявшие собой набор отдельных, порой не стыкующихся между собой фрагментов, слились в единый конгломерат с многочисленными связями. Как в детской го-

ловоломке – из разрозненных кусочков складывается некая единая целостная картина. Все выстраивалось в логичную смысловую цепочку: различия во времени и продолжительности суток, буйная незнакомая природа и необычное звездное небо с двумя лунами. А шкаф и пресловутый НЛО – это соответственно терминал и шлюз для перехода из одного мира в другой. «Звездные врата», так сказать. Как в фантастическом фильме. Так вот почему выход из НЛО может быть открыт лишь в одну сторону – либо в шкаф, либо в забортное пространство, на эту чужую планету: если открыть оба выхода одновременно, то в случае разницы атмосферных давлений, силы тяжести и чего-то там еще могут возникнуть серьезные проблемы.

Техника, конечно, для нынешнего человека немыслимая: сделал всего лишь один-единственный шаг и оказался в десятках, а возможно и куда больше – в миллиардах световых лет от Земли и Солнца! Просто дух захватывает! Но кто все это построил и для чего? Кто, для каких целей и как давно пользовался этой невиданной техникой? Живы ли до сих пор ее хозяева и наблюдают ли за мной сейчас? А вдруг они вернутся? Что они тогда со мной сделают? Ведь я прикоснулся к их тайне, а тех, кто знает недозволенное, обычно убирают... Осознав это, я содрогнулся.

Я понял, что совершал невероятно глупые и опасные поступки, путешествуя в этот совершенно неизвестный мне мир, отстоящий от нашей старушки-Земли на расстояние,

исчисляемое Бог знает каким числом парсек. Я распространил на него опыт, полученный в своей родной стихии, а здесь он, видимо, малопригоден.

Простирающаяся передо мной обширная поляна, несмотря на то, что здешнее солнце давно зашло за горизонт, была освещена серебристым светом двух лун и множества ярких звезд, безмолвно мерцающих на черном небе. Было видно, как ночной бриз волнует высокую шелковистую траву, переливающуюся таинственным отблеском сияния незнакомых небесных светил. Меня охватил животный ужас перед неизвестностью, и я ощутил острую необходимость немедленно обратиться восвояси.

VIII

– Ешь, ешь, дружище. Изголодался, бедняга. Ну прости, прости, старина, своего нерадивого хозяина, – извинялся я перед изголодавшимся Джеком, подавая ему миску с едой. Тот, прыгая вокруг меня и отчаянно скуля, радостно вилял хвостом и едва не выбил носом из моих рук посудину. В это время Барсик, сидя на кухне у порога и сунув мордочку в жестяную банку, уплетал за обе щеки кошачьи консервы.

Когда мои четвероногие питомцы, наконец, насытились, было уже далеко за полночь. Вернувшись домой, я первым делом накормил их, несмотря на смертельную усталость. Нет, нельзя так издеваться над животными. В следующий раз, если таковой, конечно, будет, я оставлю в сарае достаточно еды для Барсика, а Джека можно будет взять с собой.

Правда, оставлять хозяйство без сторожа нежелательно, однако морить животных голодом тоже недопустимо.

Изнемогая от пережитого за минувший день, я рухнул в постель, как подкошенный. Но мои нервы были напряжены до предела, и я долго ворочался, не в силах уснуть. Стоило зажмурить глаза, как мне тут же начинали мерещиться две луны на черном небе, усеянном крупными звездами, огромные креветки, беспорядочно шевелящие лапками, высокие волны, набегающие на отлогий песчаный берег, полчища крабов, черепах, ящериц, птиц и змей, а также горная река, пороги, буруны, водовороты, утесы, шхеры, валуны и замысловатый лабиринт. До недавнего времени я не ощущал своего довольно-таки почтенного возраста, а теперь вот ощутил. Слишком уж много впечатлений свалилось на меня в один день. Кроме того, мои лицо, шея и руки огнем горели от солнечных ожогов и укусов насекомых. К ним было больно прикоснуться. В холодильнике лежал пакет кефира, а моя мама когда-то говорила, что при солнечных ожогах лучше всего помогает кислое молоко.

Кефир помог. Стало заметно легче. Немного успокоившись, я лег в постель и вскоре уснул.

Разбудил меня уличный шум, доносившийся через открытую форточку. Спальня была залита ярким солнечным светом. Ложась спать после столь насыщенной событиями вылазки, я даже забыл задернуть шторы. Оно и к лучшему. Не то проснулся бы часа в три дня, а у меня, если я пересплю,

болит потом голова до самого вечера. На подоконнике, щурясь от солнца, сидел Барсик и старательно умывался.

Я встал в отличном настроении, но при мысли о том, что мои путешествия в столь необычный мир могут быть чреватые самыми непредсказуемыми последствиями, мне стало не по себе. Ведь этот мир – чужая, неизвестная планета, о которой я не знаю ровным счетом ничего. Поэтому теперь, внезапно осознав степень риска, я в своем захолустном Елизарово, несмотря на убогость здешнего существования, не мог не ощущать себя исключительно комфортно и в полной безопасности.

После утреннего туалета я, чувствуя за собой вину за вчерашнее, прежде всего, накормил животных и занялся приготовлением завтрака. Креветки в холодильнике за ночь не испортились, а одна еще даже подавала признаки жизни. Почти все они были с икрой под брюшком. Столовой ложкой я выгреб у них икру и засолил, как когда-то моя бабушка засаливала икру семги. А пару самых крупных креветок я решил сварить себе на завтрак.

Их мясо оказалось нежным, ароматным и на диво вкусным. Его мне вполне хватило, чтобы насытиться, и даже немного осталось Барсику. Джек с удовольствием сжевал панцири и тоже, видимо, остался доволен.

После завтрака я уселся в кресло у телефона и набрал номер Марии Юрьевны. «Ту-у-ут... ту-у-ут... ту-у-ут...» – звучало в наушнике. Никто не отвечал. Я уже собрался было

положить трубку, как вдруг в ней щелкнуло и послышался певучий женский голос:

– Алло, слушаю.

– Мария Юрьевна, доброе утро. Ваш сосед – Артем – беспокоит. Спасибо за вкусные пирожки. Хочу Вам теперь посудину вернуть.

Мария Юрьевна несколько секунд молчала, но потом, сообразив кто да что, ответила:

– Ммм... Артем? Это... простите, Артем Тимофеич... племянник ныне покойной Серафимы Гавриловны, что ли?

– Вот именно, он самый.

– Ой, здравствуйте! Здравствуйте, Артем Тимофеич. Сколько лет – сколько зим! Наконец-то! Мою записку прочитали?

– Прочитал, конечно же. Иначе как бы я узнал номер Вашего телефона? – ответил я, стараясь держать непринужденный тон. – Так где и когда можно Вас увидеть, чтобы посудинку вернуть?

– Да хоть сейчас, – весело ответила она. – Вы из дому звоните?

– Из дому, Мария Юрьевна. Занесу сию минуту. Вот только курточку накину.

– Ну и отлично. Я как раз собралась выйти во двор. Там у меня белье сушится. Хочу проверить, не пора ли снимать. Так что шагайте к моей калитке – буду ждать.

Мария Юрьевна стояла у калитки и смотрела в мою сто-

рону. Я заметил ее сразу, едва вышел со двора. Она была в аккуратно подогнанной куртке из тонкой коричневой кожи с белой меховой оторочкой и в белом пуховом берете, кокетливо сдвинутом набекрень. Ее чистое женственное лицо сияло открытой лучезарной улыбкой.

– Здравствуйте, Артем Тимофеевич, – пропела она, идя мне навстречу и выпятив аппетитные груди. – Рада видеть Вас в полном здравии.

– Доброго здоровьица, Мария Юрьевна. Извините, что заставил напомнить о крыночке. Это я по своей неорганизованности. Не подумайте только, что замотать хотел, – оправдывался я, стараясь быть как можно приветливее.

– Ради Бога! Ради Бога! Простите за напоминание. Это я так... чтоб лишний раз увидеться, – кокетничала она.

Я протянул ей крынку и цветастый полиэтиленовый пакет с креветками. Решил ей отдать их все. Если понадобятся, то наловлю еще, чтобы свежими были.

– Вот, попробуйте теперь Вы моего угощения. Готов поспорить, что таких Вам еще не приходилось видеть, – я лукаво подмигнул, а она с неподдельным удивлением спросила, взвешивая пакет в руке:

– Ой, что это? Такое тяжелое!

– Креветки, – как бы невзначай ответил я. – Свежайшие, смею Вас заверить.

Она заглянула в пакет и искренне удивилась:

– О-хо-хо! И в самом деле, похоже на креветки. Огром-

ные-то какие! Я и не знала, что они такими вырастают.

– Ну! – я сделал жест рукой. – Говорю же, что Вы таких не видели.

– Спасибо, Артем Тимофеич. Сколько я Вам за них должна? – спросила она, изображая деловитую серьезность.

– Должны? Что за чепуха! Я же сказал, это мое ответное угощение.

– Артем Тимофеич, даже самые обычные, банальные креветки стоят у нас недешево. Тем более – столь экзотические. Я не могу злоупотреблять Вашей добротой.

– Мария Юрьевна, Вы что, хотите меня обидеть? Или желаете, чтобы я заплатил Вам за пирожки? – искренне возмутился я.

– Нет, но...

– Никаких «но»! Это лошадей так погоняют, – неуклюже сострил я, как когда-то в школе.

– Хорошо. Спасибо, – согласилась, наконец, Мария Юрьевна. – Скажите, а где Вы достали этих гигантов? В Елизарово я отродясь не видела в продаже ничего подобного.

– Секрет, – ответил я, скроив, как полагал, загадочную физиономию.

– Какой Вы скрытный. Что ж, не хотите говорить – не надо. Будь по-вашему. А что с ними делать? Я-то местная, блюд из морепродуктов готовить не умею, – сказала она, глядя на меня серыми пронизательными глазами. В них светились недюжинный ум, женственность, загадочность и непод-

дельная доброта. – Да, чуть не забыла. А телефон у Вас какой теперь?

– Все тот же.

– Что у покойной Серафимы Гавриловны? – спросила она, удивленно вздернув брови.

Я кивнул.

– Тогда почему Вы по нему не отвечали?

– Знаете... – несколько замялся я, – хозяйство восстанавливаю, работаю то во дворе, то в сарае, то в подвале... То выхожу за покупками...

Мария Юрьевна улыбнулась, насмешливо посмотрев мне в глаза. Мол, знаем мы Вашу занятость. А вслух спросила:

– Вы солярий посещаете? Или кварцевое облучение на дому принимаете? А может на юг мотнулись на недельку?

Я оторопел от неожиданности и по-детски ответил вопросом на вопрос:

– Почему Вы так думаете?

– Загар у Вас совсем свежий. Обгорели чуток на солнышке. Как будто только с пляжа пришли. Так лишь на море загорают.

Мария Юрьевна лукаво усмехнулась и кокетливо поправила пышные светло-каштановые волосы, ниспадающие из-под берета на пушистый воротник из белого меха ламы. В растерянности я топтался на месте, не зная, что сказать. Наконец, мне удалось придумать ответ:

– Да это... от электросварки. Я трубы варил в подвале, –

брякнул я первое, что взбрело на ум и, чтобы окончательно не завратиться, решил перевести разговор на другую тему. – А что касается приготовления креветок, то я в этом консультант неважнецкий. Я их готовил, как самые обычные, как Вы только что выразились, банальные креветки. Вскипятил воду, посолил, положил креветки. Потом проварил минут пять-семь. Вот и все. Мне показалось, что было вкусно.

– А специи?

– Не знаю. Я не использовал никаких специй. В них и так достаточно вкуса и аромата. А Вы, мне кажется, в вопросах кухни все же опытнее меня. Могу только добавить, что если Ваш муж любит дернуть бокальчик-другой пива, то для него отдельно покрепче посолите.

Как бы невзначай, Мария Юрьевна еле слышно заметила:

– Мужа у меня нет... – но тут она осеклась и смущенно опустила глаза, словно неожиданно проговорилась о чем-то запретном. – Загадочный Вы человек, Артем Тимофеич, – добавила она неожиданно. – Что ж, спасибо за экзотические креветки. Ну, я пошла. Всего хорошего.

– В наших краях любые креветки – экзотика. Всего Вам доброго, – попрощался я вслед поспешно уходящей соседке и повернул к своей калитке.

Я чувствовал себя школьником, которого уличили в исправлении оценки в дневнике. Чтобы прогнать это неловкое чувство, я стал думать о развитии дальнейших отношений с Марией Юрьевной.

«Теперь кое-что ясно. Мужа у нее нет, – размышлял я, пытаясь осмыслить ситуацию. – Отсюда, видимо, и произрастает корень ее инициативы нашего знакомства. Возможно, даже и подсознательной. Если и в самом деле так, то хорошо. Это значит, что и она, и я испытываем нужду в тесном общении с противоположным полом, так сказать. А женщина она, по-моему, великолепная: относительно молода и красива, добра, умна и приятна в общении. Очень к себе располагает. Меня, во всяком случае. Правда, полновата немного, но от этого она только выигрывает – выглядит очень даже аппетитно. Правда, я староват для нее, но в ее возрасте это уже не столь существенно».

Хоть Елизарово и мой родной город, но я в нем никого не знал. С недавнего времени меня здесь начало угнетать одиночество. Вокруг столько людей, а я сам по себе – один, как в пустыне. Ни единого близкого человека. Даже позвонить некому. Жена далеко и не известно, вернется ли когда-нибудь. Скорее всего – нет. Письма от нее приходят все реже и становятся все короче и суше. Как от чужого человека. Не зря говорят, что время и расстояние ведут к полному отчуждению супругов, да и не только супругов. Я давно уже окончательно решил, что за границей жить не буду. У детей ведь своя жизнь, и мне приходится мыкаться тут одному. По нескольку дней некому бывает слова сказать. Хоть волком вой. Так мужики и начинают пить на старости лет. В поисках собеседника в конце концов пойдешь в пивную –

там каждого пьяницу к беседе тянет. А человек – существо стадное, общение в самой его природе заложено. Что такое одиночество, не поймешь до тех пор, пока сам его не почувствуешь. Только близкий человек способен помочь его пережить. Особенно в моем возрасте. Ведь в молодости каждый встречный – приятель, товарищ и друг, каждая женщина – потенциальная любовница. А когда тебе уже за шестьдесят, вокруг тебя вырастает стена, которая с каждым годом становится все выше и глуше, все сильнее отделяет от окружающего мира. Верно говорят, что человек рождается и умирает в одиночестве.

Недавно я поймал себя на том, что начинаю думать вслух – разговариваю сам с собой. Притом все чаще и чаще. Порой мне чудится, что кто-то меня зовет. Особенно ночью. Одни раз я даже готов был поклясться, что из кухни слышал голос жены. Быть может, более уместно было бы сказать «бывшей жены»?

Да, неплохо было бы завязать с Марией Юрьевной отношения потеснее. Куда б это ее пригласить? В ресторан – на денежки, которые удалось скопить за последние годы? Нет, такую женщину подобное предложение может только отпугнуть. Слишком уж скоропалительно, прямолинейно, даже грубо. С нею можно только постепенно сблизиться. Спешить нельзя ни в коем случае. Хорошо было бы в театр, но здесь нет театров. Только заводской клуб, да и тот давно уже не используется по назначению. Все развалено. Кинотеатры то-

же нынче не в моде. Попросить ее показать мне город, что ли? Тоже как-то угловато получится. Города-то всего – два шага туда-сюда. Попросить помочь в выборе какой-нибудь покупки? Но какой? Нужно, чтобы при этом хотя бы для видимости женский глаз требовался. Нет, не годится. Что бы еще такое придумать? Тупиковая ситуация. Был бы жив мой школьный друг Виталий Белаш, царствие ему небесное, так тот бы непременно что-то придумал. Большой талант имел по этой части. Нюхом чуял, что какой женщине нужно.

Когда-то, в доперестроечные времена, можно было бы купить две полноплатные путевки в какой-нибудь местный дом отдыха на субботу и воскресенье. Сервис там, конечно, был убогий, но какая разница? Зато развлечения – простые и доступные. С людьми работали массовики-затейники, организовывались танцы, демонстрировались какие-никакие кинофильмы, работали библиотеки, игровые залы и тому подобное. Вечером – прогулки, задушевные беседы. А летом еще и пляжи. Условия для тесного знакомства – на все сто.

Стоп! Какая-то полезная мысль мелькнула в голове... и тут же улетучилась. Да... все чаще случается со мной нечто подобное. Как ни крути, как ни верти, а возраст сказывается. Так. Нужно вспомнить. Моя бабушка говорила, что в таких случаях следует вернуться на прежнее место, туда, где эта мысль возникла. Но я все время сидел в кресле, с места не сходил. Тогда необходимо восстановить прежний ход рассуждений. О чем же я тогда думал? Да, о домах отдыха, о

массовиках-затейниках, танцах, играх, пляжах... Ага! Вот! Вспомнил! Вспомнил, наконец! Зачем мне дом отдыха, если я хоть сейчас могу пригласить Марию Юрьевну на активный отдых у теплого моря. Пляж на чистейшем золотом песке, горячем, как в пустыне Сахара. Вот уж где можно все кости прогреть! Открытый мною мир сослужит мне службу.

Но этот мир – чужая планета, и ни мне, ни Марии Юрьевне, да, как видно, и никому другому на Земле совершенно не известен. Я не знаю, какие таит он в себе опасности, не знаю его флоры и фауны, географической карты, даже продолжительности суток и места в наблюдаемой с Земли части Вселенной. И если что с нами там случится, то никто не придет на помощь. Там любое несчастье – верная смерть. Умереть в одиночестве, как животное, вне человеческого общества, без погребения – это ужасно. Я отдавал себе отчет в том, что этот мир – опасное место, но всякий раз по возвращении из него в Елизарово меня переполняло ощущение торжества, победы над смертельной опасностью и снова неизменно влекло туда, через какое бы тяжкое испытание я там не прошел.

Я тут же прогнал от себя прочь негативные мысли. В конце концов, за то время, что я провел в этом мире, он мне враждебным не показался. Скорее наоборот – очень даже гостеприимным и комфортным. Море, пляж, рыба, крабы... Эти суперкреветки, наконец. Какая красота! Этим не может не восхититься никакая женщина, а такая, как Мария Юрьевна – тем более, ибо она мне показалась очень интел-

лектуальной, духовной и эмоциональной. А если осознать, что кроме нас с нею там нет ни единого человека... О! Таким образом, она – королева целой планеты! Но это надо будет приберечь на потом. Сначала нужно как-то уговорить ее на вылазку в мой таинственный мир. А потом – выждать, пока у нее пройдет шок от неожиданного посещения пляжа на теплом море. Тем более, в то время, когда в Боге забытом Елизарово стоит глубокая осень – холодная, ветреная, дождливая и скучная.

А почему это я вдруг решил, что там нет людей? Быть может, их там очень даже много, но они редко появляются около шлюза, который я из-за сходства по внешнему виду с часто публикуемыми рисунками назвал НЛЮ. Если бы на Земле такой шлюз оказался где-нибудь в джунглях Амазонки, посреди Сахары или на одном из необитаемых островов Тихого океана, то выйдя из него, точно так же можно было бы заключить, что наша старушка-Земля необитаема. Правда, на Земле повсюду можно найти мусор вроде полиэтиленовых пакетов, спичечных коробков, сигаретных и прочих упаковок, обрывков газет, бумажек, тряпок, окурков, банок, бутылок, черепков, досок и прочих «плодов» цивилизации. Но вполне возможно, что открытая мной планета еще не так обильно населена, как наша матушка-Земля, а признаки присутствия на ней человека я замечу позже. Ведь Робинзон Крузо обнаружил на своем острове человеческие следы тоже не сразу.

Когда я спустился к морю, солнце уже поднялось над скалистым отрогом и успело нагреть песок, по которому проворно сновали крабы, какие-то птицы, рептилии и жуки, озабоченные поисками дневного пропитания. «И как они не спекаются в нем заживо?» – думал я, удивляясь их выносливости. День обещал быть необычайно знойным, и насекомые докучали сильнее, чем в прошлый раз.

Я предпринял очередную вылазку, чтобы начать, наконец, намеченные исследования. Для этого я задумал создать стационарный базовый лагерь, надежный, насколько это возможно на берегу моря вдали от цивилизации. Сначала я хотел разбить его на том месте, где накануне оставил часть вещей – в густой тени куста под скалистым обрывом. Но море в этот день бушевало необычайно сильно, и я понял, что выбранное мною место не надежно. Если волнение усилится, палатку смоеет в два счета. Кроме того, отсюда довольно далеко до пресной воды, что при здешней жаре будет весьма неудобно.

Собрав пожитки, я направился к устью реки, которую обнаружил в прошлый раз. Я шел вдоль берега, с наслаждением вдыхая морской воздух, пахнувший йодом, прелыми водорослями, выброшенными на берег ветками деревьев, щепками, солью, разлагающимися останками рыб и панцирей погибших крабов. Над водой с криком носились птицы, то и дело ныряя с высоты в пенистые волны, снова выныривая и стремительно взмывая ввысь с добычей в клювах или когтях.

Шагая вдоль морского берега, можно было бесконечно долго смотреть на эту завораживающую картину, если бы не всепроникающая жара. Я взмок от пота, и вся моя одежда насквозь им пропиталась. На моей голове была широкополая шляпа из тонкого белого войлока, какие носят то ли в Средней Азии, то ли в Индокитае. Я купил ее накануне в магазине экспедиционного и туристского снаряжения, на который случайно набрел, гуляя по Елизарово с целью получше изучить город. Там же я обзавелся магниевым кремнем, жидкостным компасом, нейлоновой палаткой и походной газовой плитой с баллоном. Весь этот груз камнем давил на мои плечи, и мне все время хотелось сбросить его к чертовой матери на песок, забыть о нем навсегда и двинуться дальше налегке, как в прошлый раз. Но разум заставлял терпеть эту пытку на пределе сил – ведь так хорошо будет иметь эти вещи при себе в условиях базового лагеря. Шляпа, как и говорил продавец, отлично защищала голову от солнца, но не защищала глаза от пота, обильно стекающего со лба. Пришлось повязать на голову бандану, а шляпу прикрепить к рюкзаку.

Солнце с яростью накинлось на мое темя, словно хищник на жертву, и стало жечь сквозь бандану. Время от времени я ополаскивал ее в морской воде и, слегка отжав, чтобы с нее не текло, снова водружал на голову. Но она очень быстро высыхала, и палящее солнце вновь начинало немилосердно печь мою голову. Я надел поверх банданы шляпу, но она ограничивала поле зрения спереди. Приподнять вверх ее

передний край мешал узел банданы на затылке.

Дойдя до гряды валунов – каменного лабиринта, в котором я недавно заблудился, сделал привал. В полиэтиленовой фляге осталось совсем немного воды, и я с жадностью допил ее всю до последней капли, хоть она была теплой, как моча, и отдавала пластмассой. Положив вещи в тени большого валуна, я сбросил одежду и, надев маску с ластами и дыхательной трубкой, нырнул под первую накатившую волну.

В мутной воде у берега было видно не далее, чем на расстояние вытянутой руки, но уже в десяти метрах от полосы прибоя море было исключительно прозрачным. Меня восхитила красота здешнего подводного мира. Повсюду, насколько хватало видимости, грудились причудливые нагромождения кораллов. В десяти метрах подо мной огромные водоросли – зеленые, рыжие, бурые, темно-лиловые, коричневые – шевелили длинными стеблями и широкими листьями. Дружными стайками мелькали живописные рыбешки, удивительные по своей расцветке. На камнях, мохнатых от водорослей, там и сям гроздьями громоздились колонии раковин моллюсков, среди которых, извиваясь, проворно шныряли змееподобные твари. Вверху, у волнующейся поверхности воды, грациозно скользили двухметровые существа, по внешнему виду напоминающие дельфинов или акул.

Набрав воздуха в легкие, я нырнул и, подплыв к скоплению крупных моллюсков, попытался оторвать от камня одну из двустворчатых раковин. Она тут же закрылась, и соседние

последовали ее примеру. Раковина была крепко прикреплена к скале, но я с помощью лежавшего неподалеку камня кое-как отодрал ее от насиженного места и всплыл на поверхность.

Раковина была увесистой, размером больше моей ладони. Она крепко сомкнула рубчатые створки, и их длиннозубые края переплетались, словно пальцы рук. Хотелось поскорее выйти на берег и повнимательнее рассмотреть свой охотничий трофей. Чтобы сориентироваться, в какой стороне берег, я поднял над водой голову и едва не лишился чувств. В пяти метрах от меня из воды выступал высокий треугольный плавник зелено-голубого цвета. Акула! – в испуге подумал я и замер в оцепенении. Судя по ориентации плавника, его обладатель был повернут ко мне боком и неподвижно висел у поверхности, мерно покачиваясь на волнах. Я решил, что враг рассматривает меня, выбирая момент для нападения, и смотрел на плавник, как загипнотизированный, не зная, что предпринять, чтобы выжить в этой доселе неведомой мне ситуации, будучи совершенно безоружным. Плавник медленно погрузился в воду, и я напрягся, ожидая атаки из-под воды. Первым желанием было бросить раковину и как можно быстрее плыть к берегу. Но состязаться в скорости с хищником в его родной стихии, да еще в моем возрасте – это обречь себя на верную гибель. Остается единственный выход – попытаться отразить нападение. И я решил бороться за свою жизнь до конца, используя как оружие только что добытую

раковину. Держа ее за «спинку» и намереваясь ударить атакующего хищника острым зубчатым краем, я ждал предстоящего смертельного боя. Понимая, что хищник меня видит, оставаясь невидимым для меня, я вспомнил, что на мне маска, и я тоже буду его видеть, если опущу лицо в воду. Однако мне было жутко на это решиться из страха узреть перед собой разинутую пасть, сплошь утыканную острыми зубами, и впасть от этого в шок. Невероятным усилием воли я все же заставил себя посмотреть в воду, и это принесло мне колоссальное облегчение. Так напугавшая меня рыба, длиной не менее трех метров, величественно удалялась в открытое море.

Я осмотрелся по сторонам и, удостоверившись, что моей персоной больше никто из представителей местной фауны не интересуется, поплыл к берегу, энергично работая ластами.

Выйдя на берег, я поспешил одеться, чтобы не обгореть, и мысленно возблагодарил Господа за то, что уберег меня от смертельной опасности. От волнения, пережитого за несколько минут угрозы нападения, на мне дрожала каждая мышца, каждая жилочка. Какой я все же неосмотрительный! Ведь здесь не Крым и не черноморское побережье Кавказа. Здесь и море, и лес, и камни, и песок таят неведомые опасности. Нужно все время быть начеку. Особенно в море. И так беспечно в нем плескаться – непозволительное легкомыслие. У меня есть ружье для подводной охоты и, входя в море, нельзя ни в коем случае оставлять его на берегу. Правда,

против такой громадины, как та акула, с моим ружьем вряд ли выстоишь. А может быть, это была и не акула, а дельфин, кит или какое другое животное? Вполне возможно, что это был никакой не хищник, а самое что ни на есть мирное существо, питающееся водорослями или планктоном, и нападать на меня оно совсем не думало. Да какая, собственно, разница. Все же риск был огромный. С ружьем куда спокойнее – как-никак, не с пустыми руками. А нож на поясе вообще необходим как воздух. Здесь с ним никак нельзя расставаться. Нужно извлечь урок из этого случая: никогда не заходить в воду без ружья, не отплывать далеко от берега и не расставаться с ножом.

Немного успокоившись, я принялся изучать раковину. Ее створки были довольно гладкими, толстыми и прочными, как кремль. Немного очистив поверхность от налипшей гины, я попытался просунуть между ними нож, чтобы раскрыть. Но моллюск, издав легкое шипение, выпустил немного пены из узкой щели и еще плотнее сжал створки. В студенческие годы мне на Черном море приходилось ловить и готовить мидий. Я помнил, что когда мы с друзьями клали мидию на раскаленный на костре лист железа, то через несколько минут она раскрывалась сама собой от высокой температуры. Я подумал, что если раковину зарыть в горячий береговой песок, то моллюск в ней испечется заживо, как мидия на костре, и створки раскроются сами. Бросив ее в песок, я присел на камень немного отдохнуть в тени валуна.

Отливая зелено-золотым блеском, раковина лежала на солнцепеке, плотно стиснув створки, и при виде ее мне вспомнились великолепные строки хокку непревзойденного Басё:

«Плотно закрыла рот
раковина морская.
Невыносимый зной!»

«Как сейчас», – подумал я. Вот когда я ощутил эмоциональную силу этих стихов каждой клеткой своего организма! Всего три строчки, а какая красочная, какая выразительная картина...

Внезапно над головой бесшумно пронеслась какая-то тень и, вздымая горячий песок, передо мной опустилась птица раза в полтора больше лебедя. Она попыталась было бесцеремонно схватить мою раковину, но я вскочил на ноги и понесся на нее, размахивая шляпой, с криком:

– Киш! Киш, проклятая! Убирайся! Это моя добыча!

Взмахнув широкими крыльями, птица отскочила в сторону, но не улетела, а принялась ходить взад-вперед, стараясь не терять раковину из виду. Она топорщила светло-серые перья и сердито поглядывала то на меня, то на раковину, явно надеясь улучшить момент, чтобы утащить мой трофей. Но я зорко следил за этой нахалкой и, как только она направлялась к моей добыче, швырял в нее небольшими камнями.

В конце концов, мне надоело быть сторожем при этой раковине. Я извлек ее из песка и вернулся в тень валуна, чтобы

там вновь попытаться открыть. Она была горячей, как кипяток, и мне пришлось ждать, пока она немного остынет. Как и следовало ожидать, створки были немного раздвинуты, и мне, хоть и не без труда, удалось просунуть между ними лезвие ножа и после непродолжительных манипуляций вскрыть раковину. Слизкое содержимое по виду напоминало яичницу – желтый комок, окруженный белой массой – и источало аппетитный аромат крабового мяса.

Если птица охотилась на этого моллюска, то он должен быть съедобным, – подумал я и решился его попробовать. Сначала выгрыз желтый комок. Он оказался нежным и приятным на вкус. Потом принялся за остальное, но выгрызать его из раковины было неудобно. Пришлось воспользоваться ножом. Было тоже вкусно, но не так, как в начале. Нож, погруженный в слизистую мякоть, неожиданно цокнул обо что-то твердое, и из-под белой мясистой пленки выглянул голубоватый шарик величиной с крупную черешню. Жемчуг! – догадался я и, положив раковину на камень, побежал к воде, чтобы обмыть неожиданную находку.

Стоя у воды, я вытер о куртку отмытую от слизи жемчужину и стал внимательно рассматривать. Она была бело-голубого цвета, имела идеально круглую форму, и солнечные лучи играли на ее гладкой поверхности радужными переливами.

Вернувшись к своим вещам, я увидел, что знакомая птица жадно выклеывает из моей раковины то, что осталось от

моллюска. Эта серая бестия все же добилась, чего хотела. На радостях я не стал ей мешать и, поигрывая жемчужиной, наблюдал за трапезой пернатой воровки. Интересно, а как она добралась бы до моллюска, если бы я не раскрыл раковину? Клюв у нее, конечно, мощный, но даже таким клювом не сокрушить столь прочных створок. Разве что с размаху разбить о камень. Но для этого потребуются усилия, на которые она, как мне казалось, едва ли способна.

Птица доела все, что могла, и гордой походкой отошла в сторону. Взмахнув крыльями, она поднялась в воздух и, широко раскинув крылья, полетела вдоль берега по направлению к устью реки. А я, взвалив на плечи тяжелый рюкзак, продолжил путь в прежнем направлении. Очень хотелось пить. Пришлось ускорить шаг, чтобы поскорее дойти до реки. Но от этого я стал сильнее потеть, что обостряло жажду.

Над волнами носились разноголосые птицы. Многие из них были похожи на мою недавнюю знакомую. Заметив в море добычу, они с лету, почти не поднимая брызг, стремительно вонзались в воду в нескольких десятках метров от пенной полосы прибоя. Некоторые садились на воду и, погрузив голову, что-то там высматривали, а потом опрокидывались хвостом вверх и круто уходили в глубину. Вынырнув, они качались на волнах, растопырив крылья, а потом снова опускали голову в воду, чтобы отыскать желанную добычу. Более удачливые стрелой вылетали из-под воды, взмывали в небо

и мчались в сторону суши, где добыча, которую они держали в когтях, уже не могла от них ускользнуть.

Моя ноша оказалась мне явно не по силам. Рюкзак был тяжелым и громоздким, а тут еще топор, подводное ружье и прочие тяжести. Жара и жажда изнуряли. Я вынужден был передвигаться короткими перебежками и отдыхать через каждые тридцать-сорок шагов. Но все равно идти до лагуны оставалось все меньше и меньше. В конце концов, я миновал прибрежный лабиринт, и взору моему предстала просторная площадка, образованная плоским, почти горизонтальным скальным грунтом. Отшлифованная прибоем, ее поверхность напоминала окаменевшую волнистую водную гладь. Как видно, она часто омывалась волнами, и на ней не было почвы. На сером фоне каменистой глади темнели редкие клочья морской травы, высушенной палящим солнцем и горячим ветром, белели пятна птичьего помета да сверкали многочисленные осколки раковин.

Я обратил внимание на птиц, которые носились над этой площадкой, издавая резкие трубные звуки. Одна из них, войдя в крутое пике, что-то выронила из когтей, и неподалеку от меня о скальную поверхность ударился темный предмет и с треском раскололся. Несмотря на крайнюю усталость, мне все же хотелось увидеть, что там уронила эта бестия, и я направился к месту падения. Описав в воздухе круг, птица опустилась около выроненной ноши и принялась ее энергично расклевывать. Подойдя поближе, я увидел, что она потрошит

содержимое какой-то раковины.

Ну и ну! Эти птицы выискивают на морском дне раковины, а потом бросают их на скальную площадку, чтобы разбить и легко добраться до моллюска. Ничего не скажешь – голь на выдумки хитра. Я приблизился к птице, и она предусмотрительно отскочила на несколько шагов, держа в клюве осколок разбитой раковины, с которого свисали ошметки растерзанного моллюска. Внезапно из них вывалилось что-то круглое и, подпрыгивая, покатило в мою сторону. Это была жемчужина, похожая на ту, которую я все еще держал в руках, только чуточку большего диаметра и слегка сплюснутая с двух сторон.

Я ополоснул ее в море и положил на ладонь рядом с предшественницей. Если первая имела голубоватый оттенок, то вторая рядом с нею казалась чуть розовой и немного превосходила ее в диаметре. «Должно быть, они обе представляют ювелирную ценность... – подумал я, загораясь страстью искателя драгоценностей. – Птицы, видимо, жемчужин не едят – они для них так же несъедобны, как и створки раковин, поскольку и те, и другие состоят из одного и того же материала. А коль скоро так, есть смысл поискать жемчуг среди осколков». От волнения я даже забыл о жаре, усталости и мучительной жажде и принялся рыскать по каменной площадке, разгребая топориком нагромождения перламутровых осколков, над которыми, жужжа, роились вездесущие мухи.

Удача не заставила себя долго ждать. Не более чем че-

рез минуту среди осколков, выбеленных солнцем и ветром, я заметил жемчужинку размером с горошину. Спрятав ее в карман, я вновь принялся тщательно перебирать пересохшие осколки, отдающие легким запахом протухшей рыбы. Вскоре в кармане моих джинсов приятно шуршало десятка два крупных жемчужин и штук тридцать помельче.

Столь неожиданная и неслыханная удача распалила во мне охотничий азарт. Но солнце так пекло спину, что я, опасаясь перегрева, вскоре прекратил охоту на даровой жемчуг. Ужасно хотелось продолжить поиски, но благоразумие взяло верх над страстью. Голос разума отрезвлял: здесь каждый необдуманный шаг, каждое резкое движение может привести к роковым последствиям. Тут и помыслить нельзя о помощи – ее ждать неоткуда. К тому же, кроме меня, никто этого жемчуга не возьмет. На этой площадке его предостаточно, и он может спокойно подождать до лучшего времени, когда я приду сюда соответственно подготовленным. Теперь мне, кажется, стало понятно, что такое жемчужные россыпи.

Прохладившись в море, я взвалил на плечи рюкзак, казавшийся сейчас непомерно тяжелым, и продолжил путь к реке, осторожно ступая по песку среди мечущихся по нему местных береговых обитателей и отмахиваясь от назойливых мух и прочих докучливых насекомых.

Х

На берегу реки микроклимат особый – значительно мягче и прохладнее, чем на пляже, открытом злему солнцу. Ре-

ка несет прохладу, кусты и деревья ее аккумулируют. Вода в реке бурная и чистая, как слеза. На вкус, по-моему, изумительная. Я почему-то интуитивно был уверен в том, что она чистая, и преспокойно пил ее, не кипятя. Правда, я осознал, что в ней могут быть вредные бактерии, вирусы или паразиты, но верить в это не хотелось. Это казалось маловероятным, и я подавлял в себе подобные опасения, не давая им развиться и закрепиться в сознании. Было очевидно, что река питалась от тающего ледника, громоздящегося на вершине горы. Скорость ее течения была настолько велика, что вода в ней, проходя путь от истока до устья, по идее, не должна была успевать инфицироваться и загрязниться. Да и загрязняться ей, как мне казалось, было нечем. Кроме того, эту воду я в прошлый раз проверил на себе – тогда я напился ее от пуза и до сих пор еще был жив и здоров.

Я черпал воду шляпой и жадно пил. Казалось, что никогда не напьюсь. Но, в конце концов, утолил жгучую жажду и расположился в прохладной тени, намереваясь немного отдохнуть. У моих ног река мчала к морю свои бурно вскипающие воды с неистовым ревом и клочкотанием, сквозь которые время от времени слышался глухой стук, треск и скрежет соударяющихся валунов, перекатываемых стремительным течением. Уступчатые склоны ущелья, по дну которого текла река, местами были покрыты кудрявым кустарником, среди которого там и сям возвышались могучие деревья высотой метров по семьдесят. Мне почему-то казалось, что им бы-

ло лет по тысяче, а то и больше. Выше по течению уступы становились все уже, склоны все круче, а дальше, за излучиной, склоны сменялись вертикальными стенами, образуя узкий каньон. Казалось, в такой бурной кипучей воде никакой жизни быть не может в принципе. И я был крайне удивлен, увидев, как среди порогов и бурунов с быстротой молнии мелькают метровые рыбы. Проворно обходя многочисленные препятствия, они неслись против течения, порой выскакивая из воды и перепрыгивая небольшие пороги. Даже взбирались вверх по водопадам. Все здесь вызывало удивление и восхищение одновременно.

Не более чем через пятнадцать-двадцать минут отдыха в прохладе плотной тени моя усталость полностью улетучилась. Я почувствовал прилив сил и бодрости и не без удивления отметил, что усталость здесь медленно наступает и очень быстро проходит. Я с новыми силами принялся искать место для долговременного лагеря. Было соблазнительно поставить палатку между двумя раскидистыми деревьями недалеко от воды. Но мне тут же пришлось отказаться от этой идеи, ибо если по какой-либо причине уровень воды в реке поднимется на метр-полтора, то палатку вместе со всем ее содержимым бурный поток унесет, как осенний лист. В детстве один сибиряк наставлял меня: «Никогда нельзя недооценивать силу воды». Нужно было искать другое место — повыше.

Оставив под скалой вещи и на всякий случай держа наго-

тове подводное ружье, я прошел немного вверх по течению и вскоре за отрогом увидел тропу, взбирающуюся вверх по склону. Как видно, ее протоптали животные, спускаясь к водою. По этой тропе я вышел на просторную террасу, расположенную на высоте семи метров над водой. У края террасы теснились над обрывом ярко-зеленые кусты, усеянные оранжевыми плодами, по форме похожими на сливы. Длинноклювые птицы причудливой расцветки ссорились друг с другом и, оглушительно крича, спешили ими полакомиться.

Дальше простиралась поляна, поросшая тонкой шелковистой травой. Среди ее буйной зелени особо выделялись пышные голубые цветы, источающие нежный аромат. Остальные вместе с травяным ковром создавали для них красочный фон. Еще дальше росли трехметровые деревья с гладкими белесыми стволами. Их ветви, смыкаясь между собой, образовывали сплошную крону, единую на всю рощу и плоскую наверху. С ветвей, густо усаженных узкими длинными листьями и сросшихся в местах соприкосновения, книзу тянулись воздушные корни, которые сначала я принял было за лианы. Те из них, что достигали почвы, внедрялись в нее, образуя вертикальные опоры и, как видно, со временем превращались в новые стволы. Таким образом, роща представляла собой как бы единое дерево с общей кроной и множеством стволов, отстоящих друг от друга на три-четыре метра, между которыми, чуть заметно покачиваясь, висели воздушные корни. Почва сплошь была устлана опавшими листьями

и сухими ветвями, и сквозь них пробивалась мягкая бархатистая трава, по виду напоминающая северный мох. Подлесок отсутствовал, все пространство внизу продувалось ветром и, хоть прямые солнечные лучи не пробивались сквозь плотную крону, внизу не было сырости. Мест, удобных для установки палатки, там оказалось достаточно. Я подумал, что позже несколько соседних стволов можно будет использовать как готовые опоры для будущей хижины. Решено. В этой роще я разобью базовый лагерь.

Нарезав тонких обильно облиственных веток, я уложил ими место, где вознамерился поставить палатку. Установив ее, я внимательно осмотрел окрестности и еще раз убедился, что в выборе места для лагеря не ошибся.

Вот я и выполнил все, что намечал на сегодня: с грузом дошел до реки, разбил неподалеку от берега лагерь и сложил в палатку вещи, которые следовало оставить на месте. При этом нежданно-негаданно добыл полные карманы жемчуга. Нужно будет поинтересоваться у какого-нибудь специалиста, имеет ли он ювелирную ценность. Если окажется, что имеет, то в моем распоряжении целая россыпь. Подумать только!

Перекусив тем, что взял с собой, я, окрыленный удачей, решил посмотреть, что находится по другую сторону рощи. Прихватив с собой только подводное ружье и топор, пошел через рощу перпендикулярно берегу реки. Вскоре экзотическая роща кончилась, и я очутился у скалистого склона

ущелья. Склон шел вдоль речного берега и впереди переходил в отвесную стену каньона. Когда я уже намерился было возвращаться в лагерь, мое внимание привлекла широкая тропинка, полого поднимающаяся до самого верха. Взглянув снова на солнце и удостоверившись, что до заката далеко, решил подняться по ней, чтобы разведать местность наверху. Тем более что тропа поднималась наискось по каменистому склону, и по обе стороны от нее росли только редкие кусты, и зеленым ковром стлалась низкая кудрявая трава.

Подъем оказался сложнее, чем казалось вначале, но я решил не отступать и, отдыхая через каждые пять-десять минут, продолжал идти вверх. Слева от меня возвышалась отвесная стена высотой метров двадцать, вдоль которой там и сям росли кусты с уже знакомыми оранжевыми плодами. Птицы, облаченные в пышное желто-зеленое оперение, в изобилии вились около них, издавая пронзительные крики, словно стремились перекричать друг друга, доказывая свое приоритетное право на оранжевые плоды. Я сорвал один из них и, вооружившись очками, стал внимательно изучать. Плод источал приятный аромат, а его оранжевая шкурка была жесткой, как у граната. Я сдвинул его с боков, и он лопнул со стороны отсохшего цветка, обнажив сочную розово-желтую мякоть. Сведущие люди строжайше предупреждают, что незнакомые плоды есть опасно, и я долго не решался его попробовать. Но, видя с каким аппетитом их расклевывают и пожирают птицы, решил рискнуть и откусил кусочек соч-

ной мякоти. На вкус она оказалась кисло-сладкой, немного пряной и отдаленно напоминала ананас. Только запах у плода был совершенно иной, притом исключительно приятный. Хотелось съесть его весь, а потом поглощать их еще и еще один за другим. Чтобы не рисковать в большей мере, следовало ограничиться этой маленькой пробой, и я отшвырнул остаток плода в сторону стены обрыва, к которому плотно прижимался пышный кустарник. В месте его падения сквозь просветы между кустами я неожиданно увидел в скале зияющий темнотой проем высотой около двух метров, из которого, журча, выбегал ручей, пересекая тропу. Вода обтекала лежащие на пути камни и, образуя узкий водопад, с каменистого обрыва ниспадала в реку.

Подойдя к проему вплотную, я заглянул внутрь, но не смог разглядеть ничего, кроме непроглядной темени. На звуки моих шагов жуткая темнота отзывалась гулким эхом.

По моей спине пробежал неприятный холодок ужаса. Однако неудержимое любопытство все же взяло верх. Мне ужасно захотелось узнать, насколько велика эта пещера и пригодна ли она для укрытия, а возможно, и базового лагеря. Фонаря при мне не было, поэтому нужно было сделать какое-то подобие факела. Вырезав метровую палку, я гибким стеблем плюща привязал к ее концу солидный пук сухой травы и остановился у входа в темный тоннель, не решаясь в него войти. Откуда мне знать, свободна ли эта пещера? Быть может, там живет какой-нибудь опасный монстр, ко-

торому не понравится мое вторжение, и он будет защищать свое обиталище?

Я взвел тяжи подводного ружья, взял его наизготовку и, став сбоку от входа, прокричал:

– Э-э-эй!

«Э-э-эй... эй... эй!» – ответила темнота, и снова в ней воцарилась мертвенная тишина, нарушаемая только тихим журчанием ручья да едва уловимым звоном капающей в темноте воды.

– Эй! Есть тут кто-нибудь?! – прокричал я, что было сил.

Никакого ответа, кроме гулкого эха.

– Эй, ты! Убирайся отсюда к едрене матери!

По-прежнему ничего, кроме эха. С минуту постояв, я снова прокричал те же слова. Никаких признаков живого. Наконец, я решился достать зажигалку, поджечь траву и, подняв над головой импровизированный факел, осторожно, готовый в любой момент к выстрелу и бегству, побрел вперед по щиколотку в ледяной воде.

Свет пламени факела озарил узкий коридор, который через несколько шагов привел меня в просторный зал. Пол устилала галька. Там и сям лежали округлые камни величинной от страусинового яйца до солидной тумбы, а чуть дальше от входа блестело озерцо шириной не более десяти метров. Оно питалось от родника, вытекавшего из узкой расщелины в стене слева, и само, в свою очередь, питало тот самый говорливый ручей, который, змеясь между камнями, вытекал

наружу. Впереди громоздились валуны, покрытые белой глазурью, словно пасхальные куличики. Глазурь отсвечивала множеством ярких блесток.

Стены, усеянные прозрачными кристаллами, искрились в свете факела, переливаясь всеми цветами радуги. Сверху, с самого свода, срывались капли воды. С удивительной периодичностью они со звоном падали на зеркальную поверхность озерца, и пещера отзывалась звонким эхом. Во фронтальной стене зала черной тьмой зиял туннель, который, как я потом выяснил, быстро сужаясь, переходил в тесный наклонный лаз или, вернее, нору шириной меньше полуметра. Казалось, он был бесконечным и круто уходил вниз, вглубь планеты, в адскую бездну – до самой Преисподней. Интересно, здесь тоже есть Преисподняя? Похоже, что да. И там наверняка правит бал тот же Сатана, что и на нашей грешной Земле.

Справа зиял еще один проем. Подойдя к нему, я прошел несколько шагов по узкому коридорчику и очутился в небольшом гроте со сводом на высоте не более трех-четырёх метров. Здесь мог бы поместиться мой сарай. В отличие от предшествующего зала, здесь было совершенно сухо. В конце левой стены громоздились огромные гранитные глыбы. Судя по колебанию пламени факела, из щелей между ними тянул слабенький сквознячок, и потому воздух в гроте был свеж и прохладен. Ни затхлости, ни плесени, ни летучих мышей, ни улиток, ни слизней и никаких других нежелательных

обитателей пещер я не заметил.

Исследовав грот, я вернулся в зал и продолжил его осматривать. Из озера, тихо журча, вытекал еще один ручеек, сбегаящий в отверстие в полу диаметром не больше футбольного мяча. Его стенки почти вертикально углублялись вниз.

Судя по легкому сквозняку, за крупными валунами все же существовал какой-то проход, но он был напрочь ими завален. Да, великолепное, надежное помещение для лагеря. Здесь можно укрыться от непогоды и развести костер, а в сухом гроте – оборудовать спальню.

Трава на конце палки горела ярким пламенем, словно порошок, и мой факел вскоре погас. Ориентируясь в тусклом свете пламени зажигалки, я, спотыкаясь о камни, вскоре выбрался наружу. После пещерной темноты солнце на какое-то время ослепило меня. Но я быстро адаптировался к яркому дневному свету, перешел через ручей и двинулся дальше по широкой тропе, ведущей наискось вверх по склону.

Да, с установкой палатки в роще я явно поспешил. Было рационально перебазировать мой лагерь в сухой грот, который мне, как видно, послал сам Господь Бог. И чем скорее я это сделаю, тем лучше.

В конце концов, звериная тропа вывела меня на самый верх – на край обрыва, где скрылась из виду, нырнув под густой кустарник. Пытаясь ее отыскать, я прошел еще с десятков метров, прорубая путь в непролазной чащобе. Но тут за-

росли неожиданно расступились, и я увидел, что нахожусь у нисходящего склона, а впереди простирается широкая безлесная долина, поросшая высокой травой с островками кустарника. Я не поверил своим глазам, когда вдали справа на холме увидел знакомый силуэт шлюза. До него, казалось, было рукой подать. Как я обрадовался, что нашел новую, более короткую к нему дорогу от лагеря!

Чтобы легче было найти спуск, на пути от шлюза к лагерю, я, несмотря на изнуряющую жару, весь обливаясь потом, срубил пару кустов и уложил их друг на друга на опушке у того места, откуда только что вышел. Сняв с себя рубаху, я привязал ее как можно выше к ближайшему от выхода кусту и в штормовке на голое тело побрел по пояс в траве напрямик к шлюзу, решив сегодня уже не возвращаться к лагерю, оставив его на произвол судьбы.

Почва под травой была каменистой и ухабистой, поэтому путь к шлюзу оказался гораздо труднее, чем я рассчитывал. Приходилось ступать с осторожностью, простукивая впереди дорогу наскоро вырубленным посохом, чтобы ненароком не травмировать ногу. К тому же, я опасался наступить на змею или другую тварь, от которой потом, в лучшем случае, будешь иметь «хлопот полон рот». Тени на пути нигде не было, и солнце, уже клонившееся к горизонту, без жалости и милосердия палило мне голову, плечи и грудь даже сквозь грубую штормовку, отяжелевшую от пота. С потом я потерял много влаги и был близок к тепловому удару. Но мест-

ный день заканчивался, и возвращаться в лагерь было поздно. Нужно было засветло успеть добраться до шлюза.

От усталости каждый шаг давался с превеликим трудом. Однако я ни на минуту не забывал о том, что здесь повсюду может таиться непредвиденная опасность, и зорко следил за окружающей обстановкой. Клонящееся к горизонту солнце светило прямо в глаза, мешая смотреть вперед, но мое обостренное внимание неожиданно уловило какое-то движение на пригорке в десяти метрах от меня. Там из высокой травы то и дело выныривали темные силуэты и потом снова исчезали в ее густой зелени. Слышались звуки возни и приглушенные голоса. Я обомлел от страха и замер в оцепенении. Это могли быть хищники, о повадках которых я не имел ни малейшего представления. Тем более что их было несколько, и если они кинутся на меня стаей, мне несдобровать. Я поспешно взвел подводное ружье и замер в ожидании нападения. Толстые резиновые тяжи были натянуты с такой силой, что посланный ими гарпун, как мне представлялось, пронзил бы человека насквозь. «Нападут – хоть одного угроблю, – думал я, всматриваясь в сторону ожидаемой опасности. – Какой я все же беспечный! Снова забыл об опасности и вконец расслабился! Все! Если вернусь домой, больше ни за что не сунусь в этот чужой мир, где за каждой кочкой, в каждой норе таится потенциальная смерть!»

Постояв минут пять с затаенным дыханием, я понял, что эти твари меня не заметили. Иначе они бы уже встревожи-

лись и напали или как-то выразили угрозу. Значит, надо постараться обойти их, держась как можно дальше. С ружьем наготове я сделал пару осторожных шагов вправо, не спуская глаз с подозрительного места. И тут у меня под ногой предательски хрустнул сучок. Его треск показался мне громче пушечного выстрела, и я весь напрягся, приготовившись к неотвратимой атаке. Но вместо атаки над травой с криками возмущения, тяжело взмахивая крыльями, взлетели три крупных птицы, каждая из которых была не меньше пеликана. От взмахов крыльев по траве, как по воде, кругами покатились волны. Но птицы не улетели, а сели на большой голый камень неподалеку и стали топтаться по нему, беспокойно вскрикивая и взмахивая при этом широкими серо-зелеными крыльями, с нетерпением дожидаясь моего ухода.

Увидав, что это всего-навсего птицы, я осмелел и спокойно пошел к месту, с которого они улетели. В траве лежало мертвое травоядное животное со вспоротым брюхом. Вокруг, облепленные муравьями, многоножками, мелкими жучками и разноцветными мухами, были разметаны окровавленные ошметки внутренностей, которые, судя по всему, только что терзали птицы. Животное было покрыто густой коричневой шерстью, мягкой, как у ламы. Его голову венчали тонкие острые рога, чуть расходящиеся в стороны, а лапы заканчивались копытами, раздвоенными, как у козы, антилопы или овцы. Судя по запаху, животное погибло совсем недавно. Глубокие кровавые следы длинных когтей на его

шее и спине навели меня на мысль о том, что оно было убито крупной кошкой, которая, возможно, затаилась где-нибудь поблизости и наблюдает сейчас за мной из своего укрытия. Значит, нужно быть предельно осторожным, чтобы не стать ее очередной жертвой. Поспешно оглядевшись, я не заметил ничего подозрительного. Только знакомые серо-зеленые птицы нервно топтались на валуне, время от времени раскрывая могучие крылья и хрипло вскрикивая.

Животное еще не успело остыть, и запах его свежей плоти напоминал козлятину или баранину. Я поставил ружье на предохранитель и положил на видном месте, чтобы в случае необходимости можно было им воспользоваться без промедлений. Вынув нож, я принялся отрезать от туши окорок. Это оказалось не так легко, как я полагал. Пришлось воспользоваться топором. Отделив, наконец, окорок от туши и отрубив ненужную мне голень, я взвалил его на плечо и, подхватив ружье, продолжил путь.

Птицы, видимо, смекнули, что я получил свою долю их добычи и, наконец, убираюсь прочь. Спрыгнув с камня, они пешком приближались к туше, искоса поглядывая в мою сторону. Я видел, как они ее оседлали и принялись остервенело терзать, отхватывая большие куски мяса и заглатывая их целиком, порой вместе с костями. Меня поразили их широкие крючковатые клювы и мощные толстенные лапы с длинными, как у тигров, когтями. Ага! Так это никакая не кошка, а сами птицы убили несчастное животное и теперь с ним

бесцеремонно расправляются! Если эти пташки на меня накинутся, они сделают со мной то же, что с этой несчастной козой. Странно, что они так легко поделились со мной добычей. Как видно, они никогда раньше не видели людей и из осторожности решили меня поостеречься.

Когда я, наконец, совсем изнемогая, дотащился до стремянки, солнце уже коснулось верхушек деревьев на западе. Зной заметно стух. На лес, долину и море опускался душный летний вечер.

XI

– Алло! Слушаю вас.

– Артем Тимофеевич, доброе утречко.

– О, Мария Юрьевна! Доброе утро. Сколько лет, сколько зим! Простите, что все это время не удосужился позвонить – завозился с текущими делами. Вы угадали мои намерения. Хотите верьте, хотите нет, но я как раз собирался Вам звонить.

– Отчего ж не поверить? Многие так говорят. Это Вы меня простите, что вовремя не позвонила – за кровати поблагодарить. Спасибо Вам за них огромное. Всех гостей удивила такой экзотикой. Необыкновенно вкусные. Все интересовались, где я их раздобыла. А я давала уклончивые ответы, шутила, смеялась, но в тайне мечтала попросить Вас когда-нибудь раздобыть таких еще. За деньги, конечно же.

– Непременно раздобудем, притом в любое время и в нужном Вам количестве. Только срок назовите заранее.

– Вы обещаете с такой готовностью, будто у Вас они – руку протяни, и возьмешь, сколько нужно, – насмешливо сказала она.

– Гм... Да так оно, собственно, и есть, – спокойно ответил я. – Когда Вы хотели бы их получить?

– Ну ладно, ладно уж. Шучу. Верю Вам на слово. Понадобятся – попрошу заранее, – попыталась она охладить мой пыл. Но в ее голосе я все же уловил нотки скепсиса.

– Всегда рад помочь по-соседски.

Мы молчали, не зная, как продолжить разговор. Я лихорадочно думал, тщетно пытаясь вспомнить, о чем хотел с нею поговорить.

– Как живете-можете, Артем Тимофеич? – разрядила, наконец, неловкое молчание Мария Юрьевна. – Чем заняты?

– Да так... занимаюсь кое-какими исследованиями, – ответил я первое, что пришло в голову.

– Интересно, какими такими исследованиями можно заниматься пенсионеру в нашем убогом Елизарове? У Вас есть для этого своя лаборатория? – насмешливо спросила она.

– Да, представьте себе. Еще какая!

– Интересный Вы человек, Артем Тимофеич. Отвечаете на мои вопросы какими-то туманными загадками, – сказала Мария Юрьевна после небольшой паузы.

– Ну почему загадками? Вы спрашиваете – я отвечаю. Говорю то, что есть – уж извините.

– А посмотреть Вашу лабораторию можно? – с едкостью

спросила она.

– Гм... Конечно. Об этом я давно уже хочу с Вами поговорить, только все никак не могу решиться. Как в юности, – сказал я полушутя. – Кстати, тут у меня для Вас кое-что есть.

– Любопытно, и что ж там такое у Вас для меня может быть?

Чувствовалось, что при этих словах она саркастически улыбается. Я немного смутился, но не подал вида.

– Если можете, зайдите сейчас на минутку, – ответил я, стараясь казаться непринужденным, и после небольшой заминки добавил: – пожалуйста.

– Ну вот, опять загадка.

– Это не загадка, – возразил я.

– Да? А что, ребус? Почему не сказать ясно и прямо, чем именно Вы меня хотите удивить. А то – поди ж ты, «кое-что есть». В каждой строчке только точки – догадайся, мол, сама.

– Вот я и говорю ясно и прямо: зайдите ко мне, пожалуйста, на минуту прямо сейчас. Можете сделать мне такое одолжение? – сказал я, теряя терпение.

Она помолчала, потом как-то робко произнесла:

– Ну... разве что на минутку... из праздного любопытства, так сказать.

– Отлично. Тогда, Мария Юрьевна, вперед! Иду встречать Вас у калитки.

Она по-хозяйски вошла в прихожую, ловким движением расстегнула на куртке «молнию» и, не обнаружив на привыч-

ном месте стеной вешалки, растерянно спросила:

– А куда теперь курточку вешать?

– Вот сюда.

Я распахнул перед нею дверцу платяного шкафа, встроенного в стену, где еще недавно была пустая ниша.

– Вот это да! – восхитилась Мария Юрьевна, легонько погладив лакированную поверхность дверцы. – Сразу видно, что в этом доме появился настоящий мужчина.

– Настоящий или бутафорический – судить не мне. А вот присутствия женщины здесь явно недостает, – признался я, вешая куртку в шкаф.

– А здесь после Серафимы Гавриловны совсем ничего не изменилось, – сказала она, войдя в гостиную. – Все на прежних местах, всюду идеальная чистота и безукоризненный порядок. Точь-в-точь как было у Вашей покойной тети. Так и кажется, что она сейчас выйдет вон из-за той двери и скажет: «Мурочка! Как я рада тебя видеть, деточка ты моя!»

– Мурочка? – удивился я. – Скажите честно, ведь Вы на нее обижались за такую, так сказать, кошачью интерпретацию Вашего имени?

– За что ж обижаться? – кокетливо ответила Мария Юрьевна. – Меня так с детства все мои близкие величали.

– Ну, домашнее имя – это совсем другое дело. Меня дома в детстве Артюшком называли, потом Артюшей. Но я терпеть не мог, когда кто-нибудь называл меня Тёмой. Как не ко мне.

Я распахнул перед нею дверь в мой личный кабинет, который тетя Серафима использовала как спальню для гостей. Часто она подрабатывала себе на жизнь, сдавая эту комнату командировочным, которых завод не мог поселить в ведомственной гостинице из-за нехватки мест.

– О! Да у Вас здесь и вправду целая лаборатория, – с восхищением сказала она, подойдя к компьютерному столу. – Сколько тут всяких аппаратов, мама родная! Зачем они Вам?

– Нет, дорогая Мария Юрьевна, это никакая не лаборатория. Это всего лишь компьютерное оборудование самой первой необходимости. Здесь только то, без чего современный человек просто не может обходиться: стационарный компьютер, сканер, принтер, блок бесперебойного питания, роутер, ноутбук, флэшки, диски, внешние винчестеры.

– Я, видимо, человек сосем не современный – прекрасно обхожусь без всего этого и даже не знаю, что тут к чему и зачем.

Она погладила принтер, подняла крышку сканера, бесцельно осмотрела планшетку и снова опустила крышку. Потрогав ноутбук, она с неподдельным удивлением добавила:

– И что Вы со всем этим делаете?

– Ну... общаюсь с внешним миром, заношу в память нужную мне информацию, формирую документы, скачиваю книги и фильмы, смотрю онлайн-видео, узнаю новости, прогноз погоды, курсы валют, произвожу нужные мне вычисления и тому подобное, – постарался я пояснить ей как можно до-

ходчивее.

– Как интересно! Я бы всему этому никогда не смогла научиться, – сказала она с такой грустью, что мне захотелось ее утешить.

– Да в этом нет ничего хитрого. Хотите, я обучу Вас азам работы на компьютере – дам Вам ключевые понятия и навыки, а потом Вы сможете сами совершенствоваться, – искренне предложил я.

– Спасибо. Подумаю над Вашим предложением, – игриво ответила Мария Юрьевна. – Это было бы для меня очень даже кстати. Сейчас в бухгалтерии без компьютера не поработаешь. А ведь я по своей профессии бухгалтер. До перестройки работала в заводской бухгалтерии. Потом моя работа перестала меня кормить. Пришлось заняться всяким там «купи-продай». Теперь моя стихия – это елизаровский базар. Но я надеюсь, что однажды снова смогу вернуться к своей бухгалтерии. Я любила эту работу.

– Так что же тут думать? Можно хоть сейчас начать. Зачем откладывать на «потом»? Тем более что я даже немного знаком с основными бухгалтерскими программами, такими как «БЭС», «Парус», «1С Предприятие», «Компас» и кое-какими еще, – сказал я, надеясь, что таким образом смогу лучше и скорее сблизиться с этой замечательной женщиной.

– Еще раз спасибо. Но ведь я вынуждена зарабатывать на хлеб насущный, поэтому свободного времени у меня не так уж много.

– Ну и что же? Я подстроюсь под Ваш режим. Скажите лишь, когда Вы сможете ко мне приходить, и я буду ждать Вас в указанное Вами время.

– Ладно уж. Там видно будет, – сказала она, и на ее лице засияла колдовская улыбка. – А где же тогда Ваша, Артем Тимофеич, настоящая лаборатория, позвольте узнать?

– Ну... это нужно вниз... в подвал идти, – ответил я растерянно, недовольный тем, что моя собеседница соскользнула с интересующей меня темы.

– Так поведите меня туда. Я страсть как заинтригована. В ее глазах заиграли веселые искорки, и она направилась было к выходу. Но я удержал ее за руку.

– Нет-нет. Моя, так сказать, лаборатория сейчас не готова к демонстрации. Да и Вы, собственно, тоже не готовы к этому, – сказал я, ведя ее в кухню.

– Это я не готова? Почему Вы так думаете? Как раз наоборот – я охотно посмотрю на Вашу лабораторию. Для меня ее не нужно специально готовить. Я ведь не комиссия из министерства. Просто посмотрю, что там у Вас и как – и все. Только из любопытства, – стояла она на своем.

– Поймите, Мария Юрьевна, я очень даже хочу показать Вам ее, но для этого мне все же нужно кое-что подготовить. Давайте с этим немного повременим. А пока я хочу вручить Вам обещанный презент.

– Опять у Вас все в каких-то загадках, Артем Тимофеич. Что ж, презент, так презент. Это здесь или где-нибудь еще?

На чердаке, например? – спросила она, не скрывая насмешки.

– Здесь. Конечно же, здесь.

Я открыл дверцу новенького роскошного холодильника и вынул завернутый в полиэтилен окорок, который накануне отрезал от туши животного, убитого хищными птицами. Вчера я содрал с него шкуру и приготовил из его части бульон и жаркое.

– Ничего себе, презент! – опешила Мария Юрьевна. – Такой кусище мяса! Зачем он мне?

– Вы что, вегетарианка? Не едите мясного? – задал я вопрос, который она, несомненно, сочла риторическим, ибо ответом не удостоила.

– Что это за мясо? – спросила она, неожиданно став очень серьезной. – Не похоже ни на свинину, ни на говядину.

– Успокойтесь – не человечина, – неудачно сострил я. – Это окорок горного барана. Очень нежное и вкусное мясо. Из него выходит отличный бульон. Жаркое тоже. Думаю, получится и шашлык. Хотите попробовать?

– С удовольствием. Но только попробовать. Я не голодна, к тому же вообще стараюсь есть как можно меньше, – согласилась Мария Юрьевна. – Но принять Ваш презент никак не могу. Столько мяса мне не съесть.

– Так отдадите кому-нибудь из родственников или знакомых. Мне его также не съесть в таком количестве. А знакомых у меня в Елизарово, – кроме Вас, никого.

Я поставил в микроволновку небольшую порцию бульона и жаркого. Через минуту аромат свежеприготовленного мяса распространился по кухне, возбуждая аппетит. Она отхлебнула из пиалушки глоток бульона и улыбнулась своей неотразимой улыбкой.

– Гм... очень даже недурно, – прокомментировала она, допивая остальное.

– Я же Вам говорил, что мясо великолепно. Теперь снимите пробу с жаркого. Ну как? – спросил я, глядя, как она тщательно пережевывает кусочки мяса.

– Вкусно. Так Вы еще и кулинар отменный.

– Нет. Кулинар из меня никудышный. Просто мясо свежее и вкусное само по себе, – возразил я, пытаюсь выглядеть поскромнее.

– Ну, не нужно излишней скромности. Все, что я попробовала, приготовлено великолепно. Не понимаю только, откуда оно у Вас и почему Вы берете мясо в излишнем количестве?

Она заставила меня задуматься над ответом, и я сказал первое, что пришло на ум:

– Просто нельзя было взять меньше, да и о Вас я тоже подумал. Вы же нашли применение тем креветкам, верно?

Она вынула из кармана белоснежный носовой платочек, старательно вытерла губы, потом неожиданно спросила:

– Это как-то связано с Вашей секретной лабораторией?

Ее вопрос меня обескуражил. Я стоял, держа в руке пиа-

лушку из-под бульона, не зная, что ответить. Она посмотрела мне в глаза и одарила чарующей улыбкой, которая меня немедленно успокоила.

– Вы угадали. Связано. Только не подумайте, что это все ненатуральное. Это природные, притом экологически абсолютно чистые продукты. И далеко еще не все, что дает, вернее, может дать эта лаборатория.

– Но тогда как именно связаны они с Вашей таинственной лабораторией?

Она проницательно посмотрела мне в глаза.

– Поймите меня правильно – если я Вам сейчас начну объяснять, Вы сочтете меня сумасшедшим. Вас нужно сначала как следует подготовить. Я постараюсь это сделать в ближайшее время. Но только Вы, пожалуйста, пообещайте мне не торопить события и делать все, что я Вам скажу.

– Гм... опять загадки. Я могу Вам дать такое обещание, но с оговорками. Все должно быть в рамках допустимого, – пообещала она, лукаво улыбаясь.

– Ну, разумеется – в рамках допустимого и приличного, – сказал я, пытаясь упредить ее подозрения. – Первое, о чем я Вас прошу – возьмите мясо и найдите ему любое применение, которое сочтете разумным.

– Хорошо. Возьму, но при условии, что отрежу для себя, сколько найду нужным, а остальное продам на базаре и верну Вам деньги.

– Какие еще деньги? Ведь я с самого начала просил Вас

принять это как подарок, – возразил я спокойно, но, как мне представлялось, достаточно твердо.

– Тогда вот что. Если Вы так настаиваете, то в последний раз. А впредь предлагаю сделку. Если Вы соберетесь доставать что-нибудь подобное еще, заранее оповестите меня. Я подумаю, где и как это можно будет реализовать, а вырученные деньги поделим на взаимовыгодных условиях. Идет?

– Идет, – протянул я руку в знак согласия, и она ее мягко пожала.

ХП

Большинство жителей Елизарова – это работники огромного горно-металлургического комбината, а также шахт, которыми изобилуют окрестности. Поэтому не удивительно, что главная улица, с которой началась закладка города, была названа Шахтерской, а пересекающая ее в самом центре – Блюминговой. От центральной площади радиально расходятся Стволовая, Присадочная и Штоленная. А дальше – Литейная, Формовочная и так далее, все в том же духе.

После революции в эту систему названий внесла диссонанс советская топонимика, впоследствии ставшая притчей во языцех во всех городах и весях огромного Советского Союза. Многие колоритные урбанонимы, отображавшие промышленный профиль города, были заменены шаблонной дешевкой. Так, главная улица – Шахтерская – стала называться Советской, Присадочную переименовали в Ленинскую, Штоленную назвали улицей Первой пятилетки. А уж в рай-

онах советских новостроек, в так называемом соц-городе, все объекты нарекали только именами всяких там партийных съездов, конференций, пленумов, пятилеток и «ударных строек века», а также всевозможных коммунистических деятелей. Этих деятелей нередко потом снимали и репрессировали, а улицы, площади и скверы, названные их именами, снова неоднократно переименовывали. Но, несмотря на такую линию партийных руководителей, в городе все же сохранились до нашего времени и такие улицы, как: Железородная, Листопрокатная, Мартеновская, Бессемеровская, Штрековая, Забойная. Горно-металлургическую терминологию изучать можно. К тому же многие названия повторяются и снабжены добавками типа «первая», «вторая», «старая», «новая», «большая», «малая» и тому подобными. В общем, черт ногу сломит.

В этой неразберихе мне предстояло найти Старую Доменную. Карты города здесь не продаются – покупать некому. Приезжих теперь мало, а местные и так чувствуют себя среди этих названий, как рыба в воде. Пришлось спрашивать, но мало кто толком мог объяснить, как туда добраться. Люди, как правило, отвечали скороговоркой, притом путано, сбивчиво, сумбурно. В конце концов, мне удалось остановить участливого прохожего, который на странице моего блокнота проворно начертил план с указанием четких ориентиров.

Погода была премерзкая – дул холодный порывистый ветер, залепляя лицо крупными хлопьями мокрого снега. Хо-

телось домой, где меня ждали тепло, уют, ленивый Барсик и верный служака Джек. Но я решил не отступать от намеченной цели и добратся, наконец, до старика Ольшевского, которого мне порекомендовала продавщица супермаркета, где я регулярно отоваривался.

Руководствуясь планом, я быстро вышел на Слябинговую, прошел по ней два квартала, свернул на Первую Антрацитовую и вскоре уперся в Старую Доменную.

Двенадцатый дом отличался от остальных строений добротностью и ухоженностью. На тротуар, вымощенный керамической плиткой, выходило изящное крыльцо с перилами, свитыми из толстых латунных труб, отполированных до зеркального блеска. Над крыльцом нависал крытый медными листами козырек, а слева красовалась строгая вывеска:

«С. Б. Ольшевский
РЕМОНТ, РЕСТАВРАЦИЯ
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ОЦЕКА
ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Работа с 9:00 до 18:00

Обед с 13:00 до 14:00

Выходные – суббота и воскресенье»

Неискушенный человек, наверное, подумал бы, что она отлита из бронзы, однако я сразу понял, что это твердый пластик с бронзовым напылением. Но все равно выглядела она весьма солидно.

На двери из толстого стекла с внутренней стороны висе-

ла табличка с надписью «ОТКРЫТО». Повернув массивную латунную ручку, я потянул на себя дверь, и она мягко подалась. Пройдя через маленькую прихожую, я отворил еще такую же дверь и оказался в просторной комнате, где у окна, склонившись над рабочим столом, огороженным дубовым барьером, стилизованным под старину, сидел седобородый мужчина лет семидесяти пяти и манипулировал миниатюрной автогенной горелкой.

Я поздоровался, но бородач никак не отреагировал на мое приветствие и продолжал водить тонкой струйкой голубого пламени по блестящему предмету, зажатому в крохотные тисочки. Наконец он положил работающую горелку на мраморную подставочку, убрал со лба черный козырек с толстенькими увеличительными стеклами и, сурово посмотрев на меня утомленными потускневшими глазами, сказал:

– Здравствуйте. С чем пожаловали, милейший?

– Насколько я понимаю, Вы и есть Семен Борисович Ольшевский, – осведомился я для приличия.

– Он самый. Что Вам угодно, дорогой? – произнес он недовольным тоном, всем своим видом давая понять, что он человек занятой и ему не нравится, когда его отвлекают по пустякам.

– Семен Борисович, мне рекомендовали Вас как великолепного эксперта по оценке ювелирных изделий, а также драгоценных и полудрагоценных камней. Вы не могли бы ориентировочно оценить стоимость одной штуквинки?

– Интересно, и кто же Вам меня так отрекомендовал? – поинтересовался ювелир.

– Продавщица из супермаркета...

– Анна Вячеславна? – спросил он, не дав мне закончить фразу.

– Она самая, – ответил я, хотя понятия не имел, как ее зовут.

– Что ж, спасибо ей. Верно она меня представила. Но любая оценка эксперта, дорогой мой, денег стоит, – ответил он, не скрывая раздражения.

– Ну, разумеется, Семен Борисович, разумеется, – поспешил я успокоить старого ювелира, вынимая из нагрудного кармана завернутую в папиросную бумагу жемчужину, не так давно добытую мною из раковины. – Сколько, по-вашему, может стоить эта жемчужина?

– Вы уверены, что это жемчужина? – пренебрежительно спросил ювелир.

– По-моему, да, – робко ответил я на его, как мне показалось, риторический вопрос. – Это натуральный жемчуг, я в этом уверен. Вы мне только скажите, сколько он стоит.

Ювелир криво усмехнулся, чуть прихрамывая, подошел к барьеру и протянул свою узловатую руку. Я положил в нее жемчужину вместе с оберткой. Вернувшись на рабочее место, он надел снятый минуту назад козырек с линзами и принялся внимательно разглядывать мой трофей в ярком свете настольной лампы. С минуту он, ссутулившись, сидел, вертя

перед носом жемчужину, потом протер ее кусочком замши и словно окаменел на месте. Он положил ее в чашку Петри и, взяв желтый листок бумаги из лежащей на столе аккуратной стопки, сделал на нем несколько росчерков и крикнул хрипловатым, но громким голосом:

– Софочка! Софочка-а-а!

Из боковой двери в комнату всплыла полнотелая женщина лет семидесяти. Приветливо кивнув в мою сторону, она взяла у ювелира бумажку и подошла к кассовому аппарату в противоположном углу комнаты. Семен Борисович указал на нее взглядом и сухо сказал:

– Оплатите услугу в кассу.

Я подошел к Софочке, которая еще окончательно не утратила признаков былой привлекательности. Она подняла на меня на удивление черные, как угли, глаза и попросила назвать личные данные: фамилию, инициалы, место проживания и прописки. Занеся их в толстую тетрадь, она вручила мне квитанцию об оплате, и я вернулся к барьеру, за которым в нетерпеливом ожидании стоял мрачный ювелир.

– К Вашему сведению, милейший, ненатурального жемчуга не бывает. Бижутерия, выполненная под жемчуг, таковым не называется. Жемчуг бывает природный и культивированный, то есть выращенный в искусственных условиях, – хрипло чеканил он менторским тоном как по книге. – То, что Вы мне принесли, – это великолепный экземпляр природного, то бишь не культивированного жемчуга. Ценится как драго-

ценный камень и используется для производства ювелирных изделий.

Стоя за барьером, старый ювелир, видимо, воображал, что стоит за кафедрой в большой аудитории или позирует перед телекамерой и, темпераментно жестикулируя, увлеченно ораторствовал, глядя не на меня, а куда-то вдаль, словно перед ним и вправду была многочисленная аудитория, а он – маститый лектор с докторской степенью. Думаю, он прекрасно понимал, что мне эти подробности ни к чему, но начав, уже не мог остановиться.

– Название «жемчуг» пришло к нам из китайского языка, в котором оно звучит примерно как «чжэнь чжу». Жемчужины образуются внутри раковин некоторых моллюсков в результате попадания туда постороннего предмета – песчинки или какого-нибудь паразита. Далее вокруг предмета-затравки происходит отложение перламутровых слоёв последовательно одного за другим. В результате часто искажается и форма раковины. Но это не всегда. В отличие от минеральных сферолитов в строении жемчуга участвует не только минеральное, но и органическое вещество. Минеральные составляющие жемчуга нигде не соприкасаются друг с другом и всегда разделены органикой. Блеск и игра света на жемчуге обусловлены интерференцией световых волн на волнистой поверхности слоёв перламутра...

Его речь лилась сплошным потоком. Он не делал пауз между словами и предложениями, словно стремился выдать

в ограниченное время как можно больше информации. Мне хотелось остановить его, сказать, что я пришел к нему совсем не для того, чтобы слушать лекцию о жемчуге, и что меня интересует только ориентировочная цена этой штуковины. Попросить его назвать эту цену. И тогда я сразу же уйду и оставлю, наконец, его, столь занятого мастера, в покое. Но он явно гордился своими профессиональными знаниями, высокой квалификацией эксперта-геммолога и упивался неожиданно подвернувшейся возможностью показать их во всей полноте, поразить меня ими.

Внезапно он запнулся и пристально уставился на меня, пронизывая насквозь колючими глазами, словно прочитав мои мысли.

– Впрочем, это Вас мало интересует, – сказал он безнадежным тоном, не сомневаясь в собственной правоте. – Скажите, уважаемый, Вы хотите ее поскорее продать?

Его вопрос застал меня врасплох. Я молчал, перебирая в уме возможные варианты ответа на столь, казалось бы, элементарный вопрос, но нужного никак не мог подобрать. Вероятно, мое затянувшееся молчание спровоцировало ювелира спросить:

– Позвольте полюбопытствовать, а где Вы взяли этот перл?

Возможность такого вопроса я предусмотрел и потому незамедлительно ответил:

– Он достался мне в наследство от недавно скончавшейся

старенькой тети, унаследовавшей его от своей покойной матери, то есть от моей бабушки.

Ювелир изучающе смотрел на меня с полминуты, а потом неожиданно саркастически расхохотался.

– Ха-ха-ха-ха... Только не морочьте мне, милейший, голову. Скажите правду, откуда у Вас эта драгоценная жемчужина?

Решив, что ювелир берет меня «на Бога», я продолжал упорствовать в своем утверждении.

– С чего это Вы взяли, что я Вам морочу голову? Жемчужина досталась мне по наследству, и это непреложная истина. Поймите, перед Вами не мальчик. Я пришел к Вам по делу и оплатил услугу сполна, даже не поторговавшись. Будьте любезны выдать письменное заключение о цене представленной Вам жемчужины, – сказал я, перейдя на официальный тон.

Ювелир оперся руками на барьер и, приблизив ко мне свое морщинистое, как сухое яблоко, лицо, насмешливо процедил:

– А перед Вами, дорогой мой, не колхозный сторож Иван Кузьмич, а профессиональный геммолог, классный эксперт по жемчугу!

Ольшевский сделал паузу, взял со стола сигарету, ловко прикурил от газовой горелки и тут же ее загасил. Глубоко затянувшись, пыхнул дымом в сторону окна. Потом продолжил:

– В том-то и дело, что Вы не мальчик. Вам, по-моему, где-то около семидесяти. Будьте добры сказать, а сколько было Вашей тете на день ее смерти, и как давно она умерла?

– Вы правы, мне шестьдесят пять. А моя тетя умерла чуть больше двух лет тому назад, когда ей было полных девяносто три, – ответил я, не задумываясь. – Но что Вам за дело до моей покойной тети?

– Ага! – воскликнул Семен Борисович, хлопнув в ладоши и энергично потеряв их одна о другую. – А Ваша бабушка была старше нее лет на двадцать, не меньше. Так ведь?

– Так, – подтвердил я. – Бабушка родила ее в тридцать пять. Тетя была у нее поздним ребенком. Ну и что?

– А то, дорогой мой, что если Ваша бабушка умерла в таком же возрасте, то случилось это лет тридцать пять тому назад. Верно?

– Не совсем. Бабушка умерла в семьдесят четыре, – простодушно поправил я.

– Вот-вот, милейший! Добавляем к тридцати пяти еще девятнадцать и получаем пятьдесят четыре. Прибавим еще два года, которые прошли после тетушкиной смерти. Итого – пятьдесят шесть. Верно?

– Абсолютно верно, – подтвердил я. – Не пойму, к чему эта арифметика.

– А к тому, что в таком случае этой жемчужине должно быть не меньше пятидесяти шести лет. Вы согласны?

Широкие оконные стекла ювелирной мастерской порыви-

стый ветер почти сплошь залепил мокрым снегом, который местами сползал потеками, образуя узкие просветы, усеянные крупными каплями. Сквозь них был виден небольшой участок пустынной улицы и мириады кружащих в воздухе крупных хлопьев снега, уже успевшего устлать крыши домов, дорогу и тротуары белым покрывалом. В комнате заметно потемнело, и Софочка, которая до сих пор сидела у кассы, не подавая признаков своего присутствия, встала с кресла, тихо подошла к боковой двери и щелкнула выключателем. Комната осветилась ярким светом висящей под потолком люстры с ажурными хрустальными подвесками, отсвечивающими радужными огоньками. Как инженер-электрик с многолетним стажем, я сразу же заметил, что светились в ней не накальные и не газоразрядные лампы, а мощные экономичные светодиоды. Рациональный старик, прогрессист, – отметил я про себя.

– Как же тут не согласиться? Факты – упрямая вещь, – сказал я, щурясь от яркого света. – И что из этого, по-вашему, следует?

– А то, любезнейший, что Ваши слова о том, будто эту жемчужину Вы получили в наследство от покойной бабушки – ничем не прикрытая и отнюдь не оригинальная ложь.

– Да как Вы можете! На каком основании, Семен Борисович, Вы обвиняете меня во лжи? – ответил я, разыгрывая обиженного.

– Да на том, что эта Ваша жемчужина очень молодая! Она

совсем недавно была в живой раковине моллюска. На ней сохранились высохшие остатки слизи, еще даже не утратившей вязкости. Ей не больше двух недель, а то и двух дней! – веско сказал ювелир, любуясь эффектом, произведенным на меня этими словами. – Анна Вячеславна Вас не обманула. Я по жемчугу эксперт высокого класса. Смею Вас заверить – по меньшей мере, лучший в области. И на мякине меня не проведешь. Я думаю, что эта жемчужина либо краденная, либо контрабандная. А я с криминалом дела не имею, ибо остаток жизни хочу провести на свободе. Вы меня поняли?

Я опешил от неожиданности. Ну и ну же! Этот старый сквалыга обвиняет меня и в криминале! Наверняка хочет цену сбить.

– Ддда Вы ссс... ума сошли! – вскричал я, заикаясь от негодования.

– Тогда откуда у Вас эта жемчужина? Где Вы ее выловили? Сейчас такую можно добыть разве что у берегов Австралии или южной Бирмы, в море Суду, у Борнео или Новой Гвинеи. По-вашему, Елизарово находится где-то в тропических широтах на берегу Тихого океана?

– Где я ее выловил – мое личное дело. Но смею Вас заверить, что она отнюдь не ворованная и не контрабандная. Да, она действительно молодая. Но достал я ее честно, – сказал я, открыто глядя ему в глаза.

– Вы хотите, чтобы я вызвал милицию? – проскрипел ювелир и зашелся приступом сухого нервного кашля.

Софочка поднесла ему стакан воды. Он отхлебнул пару глотков, и кашель постепенно отступил.

– Так Вы хотите, чтобы я вызвал милицию? – спросил он, сверля меня колючим взглядом.

Объясняться с милицией в мои планы никак не входило. Но что мне сделают, если арестуют? Да ничего. В крайнем случае, из меня выбьют мой секрет – заставят показать свой подвал, старый шкаф и выход в новый мир. Не хотелось бы этого. Но, во всяком случае, не расстреляют и не посадят. Что ж, буду блефовать до конца.

– Валяйте, – сказал я, разыгрывая полное безразличие.

Я медленно подошел к банкетке для ожидающих клиентов, сел и взял с журнального столика потрепанную газету, словно вознамерившись ее читать.

– Что Вы собираетесь делать? – озабоченно спросил ювелир.

– Ждать милицию, – бросил я через плечо, даже не посмотрев в его сторону.

Минуту помолчав, он сказал:

– Так. Вижу. Милиции Вы не испугались, да и не похожи Вы на вора или прощелыгу, имеющего дело с контрабандой. Маловероятно также, что Вы какой-нибудь провокатор. Думаю, что криминала за Вами, скорее всего, нет.

Я старался выглядеть спокойным, поэтому решил никак не реагировать на эти слова. Пару минут мы оба молчали. Первым заговорил ювелир:

– Но все же любопытно было бы узнать, откуда у Вас эта замечательная жемчужина?

– Мы с Вами вернулись на круги своя, Семен Борисович, – сказал я, с трудом выжимая из себя улыбку. – Так Вы мне скажете, какова цена этой жемчужины?

– Цена будет зависеть от того, когда и как Вы ее хотите сбыть.

Немного подумав, он добавил:

– Если хотите этого вообще.

– Хочу, – честно ответил я. – И чем скорее, тем лучше. Но не потому, что мне нужно срочно от нее избавиться, а потому, что нуждаюсь в деньгах.

Семен Борисович засуетился. Он снова сел за рабочий стол, надел очки в прозрачной оправе, взял своими узловатыми пальцами перламутровый шарик и стал опять внимательно рассматривать через большую лупу, поворачивая во все стороны. Не переставая изучать жемчужину, он тихо спросил вкрадчивым голосом:

– Скажите, уважаемый, а нет ли у Вас еще?

Я чуть не вскрикнул от удивления. Вот это да! Такой крутой поворот! Интересно, как этот старый хитрец унюхал запах приличного «навара»?

– Поясните, пожалуйста, что Вы имеете в виду? – попросил я уточнить для верности.

– Как это что? Есть ли у Вас еще жемчужины, подобные этой? Мне кажется, что должны бы быть.

Заискиваяще улыбаясь, он устался на меня поверх очков в ожидании ответа.

– Минуточку, – сказал я и протянул ему два полиэтиленовых пакетика с жемчугом, которые давно уже невольно ощупывал в кармане куртки.

В глазах старого ювелира заиграл юношеский азарт. Дрожащими руками он не взял, а выхватил из моих рук оба пакета и быстро засеменял к своему столу.

– Да Вы пройдите сюда, пожалуйста. Не стойте там. Вам ведь не пятнадцать лет. Садитесь вот здесь, – сказал он, поддвигая массивный стул с мягкой обивкой из искусственной кожи.

Семен Борисович внимательно изучал каждую жемчужину, после чего осторожно клал ее в чашку Петри и принимался за следующую. Он так сосредоточился на этом занятии, что, начисто забыв о моем присутствии, хмыкал, шмыгал носом, кряхтел, цокал языком и сопел, как паровоз.

Покончив с крупными жемчужинами, он принялся за более мелкие и, чтобы не нарушить моей сортировки, складывал их в другую чашку. Наконец он снял очки и поднял на меня утомленные глаза, преисполненные тепла и удовольствия. Доброжелательно улыбнувшись, он сказал:

– Чудные экземпляры. Ценные, не скрою. Самая меньшая – диаметром...

Он ткнул в чашку Петри штангенциркулем и, сдвинув очки на кончик носа, посмотрел на деления и прогундосил:

– Семнадцать миллиметров. Неплохо. Очень даже неплохо.

Я продолжал молчать, ожидая, когда, наконец, он назовет их цену. После короткой паузы Семен Борисович снова заговорил:

– Странно. Ей-Богу, странно. Ума не приложу, где Вы могли раздобыть сии прелестные перлы, да еще в таком количестве. Но коль скоро не хотите открыть мне этот секрет, который, не скрою, будет теперь мучить меня днем и ночью, то и не надо. Бог с Вами, на то он и секрет. В конце концов, не все ли мне равно, где Вы их взяли? Лишь бы на них криминала не было. Повторюсь. Вижу: Вы – человек весьма приличный и от криминала, мне кажется, далеки как от острова Пасхи. Почему-то я Вам верю. Не скрою – прежде всего, конечно, я хочу на них заработать. Мне, в отличие от Вас, деньги уже не нужны. Но у меня еще есть дети и внуки, понимаете?

– И правнучка, – пропела из-за кассового аппарата Софочка лирическим сопрано.

– Да-да, и прелестная правнучка, – подтвердил старик, широко улыбнувшись. – Чтобы купить все, что Вы принесли, у меня не хватит средств. Здесь целое состояние. Вы понимаете? Но мои знакомые коллеги охотно купят их у меня, если Вы, конечно, подождете три дня, не больше. А я возьму с этой выручки свои комиссионные. Вы меня понимаете?

– По-моему, прекрасно понимаю, – согласился я со стариком.

– Ну, тогда оставьте мне Ваши перлы под расписку. Я положу их в сейф и позвоню Вам, как только завершу сделку, вернее, сдел-ки с моими знакомыми ювелирами. Согласны?

– Не вижу альтернативы Вашему предложению. Что ж, оно меня устраивает, – ответил я, пожав плечами.

– Вот и прекрасно. У Вас паспорт с собой? – спросил Семен Борисович.

– Да, разумеется, – ответил я, протянув ему паспорт, недоумевая, зачем он ему понадобился.

Ювелир принялся взвешивать каждую жемчужину на аналитических весах, аккуратно занося в список результаты взвешивания. Покончив с этой процедурой, он быстро написал расписку и обернулся в сторону кассового аппарата, где скромно сидела безропотная Софочка.

– Софочка, радость моя, – сказал он, помахав бумагами, словно веером, – оформи, как положено.

Софочка взяла из его рук бумаги и заколдовала над ними на своем столе. Сделав какие-то записи в тетради, она аккуратно поставила печати на расписку и на список, составленный в двух экземплярах, после чего вернула их мужу. Он протянул мне документы вместе с двумя паспортами – моим и своим.

– Вот, – сказал он, – внимательно прочтите и проверьте данные наших с Вами паспортов, а также список жемчужин с указанием веса каждой. В гранах. Если у Вас есть хоть малейшее сомнение в точности результатов взвешивания, мо-

жете перевесить все сами. К Вашим услугам мои аналитические весы и разновески непосредственно в гранах. Я регулярно провожу их поверку в институте мер и весов – готов предъявить все акты.

– Извините, Семен Борисович, не надо. Я, признаться, далек от представления о гранах, каратах и тому подобных единицах, – честно признался я.

– На это есть справочники и каталоги, – сказал ювелир, указав на стоящий поодаль книжный шкаф. – Можете посмотреть. Один гран равен четверти карата, что составляет около шестидесяти пяти миллиграммов, – с важностью отчеканил он как по писаному.

– Спасибо. Теперь буду знать. А в Вашей честности, Семен Борисович, я не сомневаюсь точно так же, как и в Вашей квалификации, – сказал я, принимаясь за чтение документов.

Меня удивил отнюдь не стариковский аккуратный бисерный почерк высокой степени выработки.

– Позвольте, – удивленно сказал я. – Вы неверно указали количество...

– Не волнуйтесь, все верно, – не дослушав, поспешил успокоить меня старый эксперт, – я Вам не успел еще разъяснить. Вот эти экземплярики я у Вас покупаю сейчас, – он указал на пластиковый стаканчик, в котором лежало несколько крупных жемчужин. – Сейчас я с Вами за них расплачусь, и они станут моими. Поэтому в список я их не вклю-

чил. Теперь понятно? А на остальные у меня не хватает денег. Вот их-то я у Вас и беру под эту самую расписочку. Если Вы согласны, разумеется.

– Согласен. Но сколько Вы собираетесь мне предложить?

– Цена, я думаю, устроит нас обоих. Я джентльмен. И не обижу ни Вас и ни себя, конечно же. Поэтому давайте не торговаться. В народе говорят: не торгуйся с попом, портным да лекарем. От себя добавлю: и с ювелиром тоже. Если Вам покажется мало, то нет проблем – поищите себе другого покупателя, – сказал Семен Борисович, небрежным жестом указав в сторону двери.

Пожав плечами, я согласно махнул рукой. Ювелир с трудом встал из-за стола и, заметно прихрамывая, поковылял к боковой двери, унося с собой жемчужины. Когда дверь за ним затворилась, Софочка сказала полусшепотом:

– Вы не волнуйтесь. Мой муж – человек кристальной честности. Он дорожит своей репутацией больше всего на свете и заплатит Вам подлинную рыночную цену. Поверьте мне, дороже у Вас не купит никто. Вы меня понимаете?

– Понимаю, но не волноваться не могу. Как-никак, речь ведь идет о солидных ценностях, – сказал я, пытаюсь казаться искусственным в подобных делах человеком.

На самом же деле меня мало волновало, обманет меня старый ювелир или заплатит по совести. Были бы хоть какие-то деньги на текущие расходы. Я бы даже не очень расстроился, отбери он у меня все до последней жемчужинки, не запла-

тив при этом ни гроша. Достался-то мне этот жемчуг, можно сказать, без труда, да и в любое время я мог добыть его сколь угодно много. Притом, как мне представлялось, ценой совсем незначительных усилий.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Семен Борисович снова появился в комнате с небольшим кожаным чемоданчиком, какие раньше почему-то называли балетными или просто «балетками».

– Софочка, опусти, пожалуйста, шторы и запри двери, – сказал он, усаживаясь на свое место.

Она встала, неслышными шагами подошла к двери, дважды повернула ручку и осторожно задернула портьеру. Так же тихо продефилировала к окну и щелкнула кнопкой у подоконника. Сидя напротив меня, старый ювелир молча наблюдал, как на окна медленно опускаются плотные темные шторы. Потом он открыл на коленях свой старомодный чемоданчик, извлек тугую пачку сто долларовых купюр, переваченных поперек черной резинкой, и протянул мне.

– Вот, уважаемый Артем Тимофеевич. Это за жемчужины, что я отобрал для себя. А через три дня, если Вы оставите телефончик, я Вам позвоню насчет остальных. Ибо на их покупку у меня, как говорится, пока что пороху не хватает.

XIII

Мой любимый праздник – это, конечно же, Новый год. Ну и, разумеется, Рождество Христово. Моя бабушка была католичкой, но всю свою сознательную жизнь прожила в Ели-

зарово, где католического храма не было. От «некуда деваться» ходила в православный храм, а все религиозные праздники отмечала по обоим календарям: и по католическому, и по православному. «Кто знает, какие из них правильные? Этого даже отцы церкви Христовой сами понять не могут», – говорила она своим родным и знакомым. Я был крещен в младенчестве в православную веру, но католическое Рождество считаю более удобным. Православные христиане отмечают Рождество двадцать пятого декабря по старому стилю, то есть седьмого января по новому, поэтому Новый год получается постным, что для людей очень даже некстати. Католическое Рождество приходится на двадцать пятое декабря по-новому, и на Новый год они могут есть и пить все, что пожелают. Я часто думаю, а не пора ли, наконец, и православной церкви перейти на новый стиль? Ведь григорианский календарь астрономически более обоснован и точен, чем юлианский. В конце-то концов, весь цивилизованный мир давно живет по григорианскому. Почему бы и православной церкви к нему не приспособиться? Ведь когда-то наши предки привязали христианские праздники к датам языческих торжеств, и никто из тогдашних отцов церкви ничего дурного в этом не усматривал. Это, конечно, решать не мне, но я считаю, что имею полное право высказывать свое мнение на этот счет.

С такими мыслями я сидел в праздничном настроении у стола, сервированного по-холостяцки, и, время от време-

ни поглядывая на старинные стенные часы, ожидал прихода Марии Юрьевны. От бабушки я знал, что эти часы марки «Павел Буре» мой дед покупал к годовщине их свадьбы. С тех пор уже прошло больше ста лет, а они все идут и идут, мерно отсчитывая отмеренные нам Богом часы, минуты, секунды: «тик-так, тик-так, тик-так...» Да, надежно делали старые мастера.

Время в ожидании словно остановилось. Я ходил взад-вперед по комнате, не зная, чем заняться. Телевизор включать не хотелось. Столько программ, а смотреть нечего. Мелькают одни и те же намозолившие глаза физиономии артистов, неизвестно каким образом заполонивших эфир, звучат однообразные скабрзные юморески, от которых мне почему-то смеяться совсем не хочется. А мелодии все на один лад. Только «бум! бум! бум!» Выйдет какая-нибудь полуголая напмаженная певичка или певец, которого и певцом-то не назовешь, и, гримасничая, повторяет искусственным надрыльным голосом три-четыре слова – вот и вся песня. Мигает подсветка, так что в глазах рябит, вихляются «подтанцовщики», гремит оркестр – в основном ударными инструментами. И все вперемешку с глупейшей назойливой рекламой, от которой спасу нет. В последнее время я регулярно смотрю только новости. Да и в них, как правило, интересного мало. Иногда меня по-настоящему увлекают естественнонаучные программы, но они часто повторяются и тоже надоедают. Да-а-а, не воспринимаю я многих новинок нынешней

эпохи. Старее, наверное.

«Баммм! Баммм! Баммм!..» – семь раз пробили часы. «Тик-так, тик-так, тик-так...» – бесстрастно цокает маятник. Бесконечно медленно минутная стрелка переползла с двенадцати на единицу, потом на двойку, тройку. Прошло еще пять минут. В комнате, освещенной желтым светом торшера, царит мертвенная тишина, и ее нарушает только размеренный стук маятника.

До чего же томительно ожидание! Мария Юрьевна обещала прийти в семь, но до сих пор никак не дает о себе знать. Само по себе опоздание – ерунда. Женщинам свойственно опаздывать. Да и причин для задержки может быть сколько угодно, а для женщины все причины уважительные. Но томить человека неизвестностью – это, мне кажется, проявление неуважения, тем более – в этом возрасте. Можно ведь позвонить и сказать, что задерживается. Или что не придет – обстоятельства изменились, передумала, просто так захотелось, в конце концов. Связь-то теперь не проблема. Позвонить, что ли, самому? Нет, ни за что. Не дети ведь. Но вдруг с нею что-то случилось, а я тут ударился в свои амбиции и ничего не предпринимаю?

«Бам-балам!» – пробили часы половину восьмого. Я подошел к телефону и снял трубку, чтобы набрать номер. В это время залаял Джек, и мое сердце по-юношески затрепетало.

Я выбежал в морозную темноту двора, даже не накинув куртки.

– Иду, иду! – крикнул я издалека.

Я был настолько разволнован, что никак не мог отодвинуть засов на калитке. Но потом, вспомнив, что нужно приподнять фиксатор, справился с этой задачей и отворил калитку во всю ширь. Она стояла посреди калиточного проема, как в кадре фотокамеры, и приветливо улыбалась.

– Добрый вечер! Со Свят-вечером! Входите, входите скорее! – пригласил я ее, не в силах скрыть своих эмоций.

– Добрый вечер, Артем Тимофеич! – игриво ответила она, переступая порог калитки. – А до Свят-вечера, мне кажется, еще добрых две недели.

Джек, видя, что я с соседкой разговариваю доброжелательно, тут же перестал лаять и спрятался в будку. Смышленный пес, ничего не скажешь. Я как чувствовал, что зима в этом году будет такой морозной, – основательно утеплил его будку. Сделал двойной пол, подстелил снизу слоем опилок, крышу покрыл рубероидом, а стены изнутри обил старым одеялом.

Мы вошли в ярко освещенные сени и, пока я закрывал и запирал на все запоры наружную дверь, Мария Юрьевна успела пройти в прихожую, снять куртку, повесить в шкаф и даже переобуться в вечерние туфли, принесенные в красочном полиэтиленовом пакете.

– Почему это у Вас все двери открыты настежь? Тепло надо беречь. Оно теперь дорогое, – сказала она, причесываясь перед большим новым зеркалом, которое я всего неделю то-

му назад повесил в прихожей.

– Услышал, как лает Джек и поспешил Вам навстречу, – признался я. – Да и открыто было не больше пяти минут.

– А на дворе – ух, какой морозина! Я до костей промерзла, пока к Вам добиралась.

– Добирались? Ах, да, ведь от Вашего дома до моего так далеко... – неуклюже попытался я над нею подшутить.

– О, да Вы обидчивы, дорогой Артем Тимофеич. Прошу прощения за опоздание, но у меня была уважительная причина – честное слово. Я добиралась из другого конца города. Маршрутки не было из-за непогоды. Сами видите, какая метель метет. С трудом попутку поймала. Водитель такой вредный попался – еле с ним сторговалась. Да и то квартал не довез – не хотел делать крюк, торопился куда-то.

– Но позвонить из той же попутки можно было? Вы же знаете, я так долго ждал Вашего визита, – сказал я как можно мягче и доброжелательнее.

– Хотела, но в моей мобилке, как назло, аккумулятор сдох. Все объяснилось, оказывается, так просто. Я понял, что был неправ и попытался извиниться:

– Понимаю. Теперь я? прошу у Вас прощения за поспешное нареkanie.

Мария Юрьевна весело на меня посмотрела и обворожительно улыбнулась. На ней был мягкий темно-синий свитер с глубоким вырезом и модные джинсы в обтяжку. Все ей исключительно шло, все подчеркивало ее женственную фигуру.

ру и было подобрано с незаурядным вкусом. Она выглядела так соблазнительно, что мне в порыве нахлынувшей страсти ужасно захотелось схватить ее, притиснуть к себе изо всех сил и впиться в ее губы поцелуем. Но я постарался не подать вида. Такая вольность в первый вечер нашей встречи наедине отпугнула бы эту чудесную женщину навсегда.

– Да будет Вам! Так можно бесконечно друг перед другом извиняться, если вовремя не остановиться. О, да у Вас уже елка убрана, и стол накрыт по-праздничному. С чего бы это так рано? – искренне удивилась она, войдя в гостиную.

– Я же сказал: сегодня Свят-вечер.

– Разве завтра Рождество? – кокетливо спросила она.

– Вот именно. По католическому календарю завтра Рождество, а сегодня – Свят-вечер. Сочельник.

– Артем Тимофеич – ревностный католик? – спросила она, удивленно подняв брови. Вот уж, никогда бы не подумала.

– Нет, меня еще в младенчестве окрестили в православном храме. Но моя покойная бабушка была католичкой.

Она посерьезнела и на минуту задумалась.

– Да, в самом деле, Серафима Гавриловна говорила как-то, что ее мама была католичкой.

– Вот видите, а я думал, Вы мне не поверите. Предлагаю отпраздновать сначала католическое Рождество, как мой праздник, а через тринадцать дней – Ваше православное. Разве грешно праздновать рождение Христа дважды? – ска-

зал я, жестом предлагая ей сесть за стол.

Она села.

– Праздновать, может быть, и не грешно. Но сейчас рождественский пост и нарушать его очень даже грешно, – аргументировано возразила Мария Юрьевна.

– Не думал, что Вы столь ортодоксальны, дорогая Мария Юрьевна. Ничего, что грешно. Бог простит – он милосерд, – сказал я, открывая бутылку шампанского. – Мы потом покаемся.

– Злоупотреблять милосердием Божиим грешно вдвойне, – сказала она без тени юмора. – Господь за это сурово карает.

– Уверяю Вас, нарушение поста не смертный грех и вполне искупаемый. Кроме того, у католиков сегодня пост заканчивается. У них Рождество. Что ж это получается – все католики грешники? – сказал я, наполняя бокалы.

– Да, именно так. Католики грешники уже потому, что они католики, – с уверенностью ответила Мария Юрьевна.

– Не могу с Вами согласиться. Даже высоких рангов православные священники не отрицают, что католическая церковь тоже благодатная, потому что ведет свое начало от самого Христа. Раньше христианская церковь была единой, а в тысяча пятьдесят четвертом году разногласия между первоиерархами привели к ее расколу на православную и католическую. Лично я отношусь с одинаковым почтением к обеим ветвям христианства. И коль уж сами первосвященники не

находят в этом плане общего языка, то мы вправе свободно выбирать, когда поститься и когда праздновать. Предлагаю тост за свободу выбора.

Я поднял бокал в расчете на то, что Мария Юрьевна сделает то же самое, но она свой бокал отодвинула и укоризненно посмотрела мне в глаза.

– Артем Тимофеич, – мягко сказала она, – Вы вообще-то когда-нибудь поститесь?

– Конечно, – солгал я без колебаний.

– Тогда зачем преждевременно прекращать пост? Вам что, трудно выдержать еще тринадцать дней? Вот тогда можно будет и Сочельник отпраздновать. Кстати, ведь Вы меня сегодня приглашали не на католический Сочельник и вообще не к столу. Мы договорились посидеть вдвоем, поговорить о жизни, рассказать друг другу о себе. Я не голодна, а спиртного не употребляю вообще. Так что и впредь не намеревайтесь меня спойть.

Любой на моем месте ожидал бы какой угодно реакции, но только не такой. Я ошалело смотрел на нее, надеясь, что она вот-вот кокетливо расхохочется и скажет, что пошутила. Но ее лицо оставалось совершенно серьезным и абсолютно бесстрастным. Чувствовалось, что в своем решении она останется непреклонной. Хотелось резко ответить, что спивать ее, да и вообще кого бы то ни было, я не намеревался никогда, а слова «посидим» и «поговорим» подразумевают какое-то застолье, хотя бы и скромное. Но из многолет-

него опыта общения с женщинами я знал, что ни к чему хорошему такое высказывание не приведет, поэтому постарался взять себя в руки и, стремясь быть предельно вежливым, сказал:

– Что Вы, Мария Юрьевна, я Вас никак не неволю. Просто мне не хотелось вести разговор насухо, без совместного ужина. Моя бабушка в таких случаях говорила: «Без соли, без хлеба – плохая беседа». Хотите, я растоплю камин – посидим в непринужденной обстановке.

Сердце Марии Юрьевны немного смягчилось, ибо на ее лице засияла обезоруживающая улыбка.

– Да зачем нам камин? У Вас в доме и так тепло, – она снова улыбнулась, – хоть Вы и оставляете двери открытыми настежь.

– Ну, хотя бы чайку или кофе, – предложил я.

Она сидела в замешательстве.

– Вы знаете, Артем Тимофеич, я не такая уж аристократка, чтобы фасона ради цедить мелкими глоточками кофе из маленькой чашечки, тем более на ночь глядя. Вкуса кофе я, видимо, не понимаю. А вот от чашки крепкого чая с лимончиком не откажусь.

Я включил телевизор, положил перед нею пульт и отправился на кухню готовить чай. Когда я вернулся с подносом в руках, телевизор был выключен. Мария Юрьевна сидела в мягком кожаном кресле и гладила на коленях мурлычущего Барсика.

– Чай готов – извольте кушать, – процитировал я из старинной шуточной песенки.

Она молча наблюдала, как я ставлю на стол горячий чайник, хрустальную вазочку с миндальным печеньем, тарелочку с лимоном, нарезанным тонкими кружочками, сахарницу, легкие чашки с блюдцами из тонкого китайского фарфора и кладу в них серебряные чайные ложки с ажурными ручками.

– Прошу к столу, – пригласил я ее.

– Спасибо. Сейчас. Только руки помою. На кухне можно?

– Конечно. Там и чистое полотенце есть.

Она осторожно опустила Барсика на пол и пошла мыть руки.

Я всю жизнь пытался понять, почему один и тот же чай, заваренный одинаковым способом, иногда получается вкусный, а иногда – не очень. Но напрасно. И никто ни разу не смог мне этого объяснить, даже очень, на мой взгляд, искусные повара. Хотя сам этот факт мало кто отрицал. В этот раз чай заварился исключительно удачно, и Мария Юрьевна не преминула это подчеркнуть.

– Артем Тимофеич, как Вы завариваете чай, что он у Вас такой вкусный и ароматный? Вы в него что-то добавляете? – спросила она, допивая последний глоток. – Вкуснее Вашего чая я не пила.

– Секрет простой: побольше кладите чая, причем хорошего, – ответил я словами из известного еврейского анекдота.

– И какой же чай Вы покупаете? – поинтересовалась она. –

Цейлонский, наверное?

– Совершенно верно, цейлонский. Притом непременно «Earl Grey».

– Странно. Я тоже люблю этот чай, но такой вкусный у меня не получается. Вы, наверное, какое-то магическое слово знаете?

– К сожалению, не знаю. И не верю ни в какие волшебные слова.

– Тогда подскажите, почему это мне не удастся?

– Заваривать надо с душой. С душой все получается лучше, – сказал я, любуясь ее соблазнительными формами.

– Это верно. Как видно, я малодушная. Еще чашечку можно?

– Как приятно, когда тебя ценят, – сказал я, наполняя ее чашку до краев. – А насчет Вашего малодушия – тут уж Вы неправы. Душа у Вас, по-моему, исключительно большая, широкая и чистая. Берите миндальное печенье – свежайшее.

– Спасибо. Все у Вас очень вкусное, притом «с душой», как Вы выразились. Но сейчас пост. Я и так его нарушила по Вашей вине, – игриво сказала она.

– Помилуйте! – искренне изумился я. – На этом столе нет ничего скоромного. Даже это печенье...

– В пост, Артем Тимофеич, мало не потреблять скоромных блюд. Нельзя еще предаваться каким бы то ни было удовольствиям. А я вот смалодушничала и предалась – напилась обалденного чая, да еще вторую чашку попросила, – ответи-

ла она без намека на шутку.

– Ну, это уж слишком строго. Такие жесткие посты соблюдают только в монастырях, да и то не во всех. А Вы на монашку ну никак не походите, – заключил я, украдкой окинув взглядом ее декольте и полные белые руки.

– Верно, не похожу. Тем более что в Библии ни о каких монастырях, ни о каких монахах не говорится ни слова. Ну, так. Чайку вроде попили. Расскажите теперь о себе, как намеревались, – попросила она, обдав меня теплом нежного взгляда.

– Охотно. Мне шестьдесят пять лет. Имею трехкомнатную квартиру в Киеве. По профессии инженер-электрик. Всю жизнь работал в научно-исследовательском институте. Официально женат. Имею взрослую дочь, внучку и внука. Дочь с зятем и детьми живет в Сан-Франциско. Жена уже пять лет как к ним уехала. Когда родился внук, дочь вызвала ее нянчить малыша, чтобы не потерять работу.

Я на минуту умолк, наблюдая за тем, как к Марии Юрьевне подошел Барсик и бесцеремонно взобрался на колени. Она ласково погладила кота, и он, громко мурлыча, улегся и от удовольствия сладко зажмурил глаза. Мария Юрьевна снова посмотрела на меня, и я продолжил:

– Теперь она там привыкла и возвращаться домой не собирается. Ехать к ним я наотрез отказался. Я бывал за границей и всегда чувствовал там себя дискомфортно. После смерти тети Серафимы мне по наследству достался этот дом, и я ре-

шил в нем поселиться. Здесь я родился, здесь хочу и умереть. Квартиру в Киеве сдал надежным людям. Жена раньше иногда звонила, изредка писала по электронной почте. Часто писать не могла по причине занятости внуком. Так, по крайней мере, она говорила. Потом письма и звонки стали все реже и реже, несмотря на мои чуть ли не ежедневные попытки общения. В основном по электронке, конечно. Звонить я туда не могу – дорого. Скайпом там дети почему-то не пользуются. Говорят, что некогда. Этой весной я предложил развод. Жена долго молчала, а недавно по телефону сказала, что давно пора это сделать. Потому что для него нам только бумажки не хватает. Короче говоря, им там не до меня. Я для них стал чужим, ненужным, лишним. Теперь я, как видите, занимаюсь домом: недавно сделал ремонт, даже дедов камин реанимировал. Вот, собственно, и все, если не вдаваться в излишние подробности.

В течение всего моего рассказа Мария Юрьевна внимательно смотрела на меня и слушала, не перебивая.

– Вы любите свою жену? – спросила она напрямик после продолжительной паузы.

Ее вопрос застал меня врасплох. Я задумался и честно ответил:

– Никогда об этом не думал. Но мне кажется, что до нашего расставания искренне любил. Потом она уехала, даже не спросив моего на то согласия. Поставила перед фактом и больше ничего. Она никогда меня ни о чем не спрашива-

ла. А время и расстояние свое дело делают. Мы научились обходиться один без другого, стали друг другу не нужны. За нее говорить не буду, а я все это время был занят тем, что пытался найти себе место под солнцем. Случилось так, что с ее отъездом совпал мой выход на пенсию. Я занялся поиском новых условий существования, продолжая работать на старом месте. Но моя работа перестала быть востребованной. Решил ее оставить. Любви к себе со стороны жены я давно уже не чувствовал. Думаю, потому и мое к ней чувство постепенно сошло на нет. В сердце осталась пустота, полный вакуум.

Я снова замолчал. Мария Юрьевна сидела откинувшись, тихонько почесывая Барсика за ушами.

– Грустная история, – сказала она, чтобы как-то прервать затянувшуюся паузу.

– Обычная история. Самая что ни на есть банальная, – высказал я свое мнение. – Теперь расскажите свою. Если Вы не против, разумеется. Я весь – внимание.

– Это, конечно, странно, но моя история немного похожа на Вашу. Как-то я Вам уже говорила, что моя специальность – бухгалтер, но сейчас приходится торговать на базаре всем, чем придется. Что у меня есть сын. Ему двадцать пять лет. И живет он в Америке, в Сиэтле. Женат, но детей у них с невесткой пока, к сожалению, нет. Пять лет тому назад мы с мужем развелись. Он пил и шлялся по бабам. Я его любила и потому прощала. В конце концов, он нашел другую и ушел

к ней окончательно. Хотел даже отсудить у меня полдома, но ничего у него не вышло, потому что этот дом построили мои родители задолго до нашей свадьбы. Сейчас я живу одна. У меня много друзей, со всеми прекрасные отношения. Я часто устраиваю с ними застолья. Но когда они уходят, и я остаюсь одна, меня гложет тоска. Тогда я готова выть от одиночества. Вот, в основном, и все.

Она умолкла и откинулась на спинку кресла. Я искоса посмотрел на ее соблазнительные формы и спросил:

– У меня в голове не укладывается, как можно флиртовать с другими женщинами, имея такую обворожительную жену, как вы. Да в довершение еще и уйти к другой.

Она улыбнулась и, глядя на меня наполовину прикрытыми глазами, тихо, почти шепотом, сказала:

– Моя соперница на двенадцать лет моложе меня. Тонкая, стройная блондинка, девяносто-шестьдесят-девяносто. Воистину красавица. Куда там до нее мне грешной...

– Напрасно Вы так. Красавица, ну так что? Ведь Вы тоже очень даже красивы. И душа у Вас прекрасная, – высказал я свое чистосердечное мнение.

– Не знаю. Во всяком случае, он счел иначе. Ну да Бог с ним.

– Вы его до сих пор любите? – поинтересовался я.

Она саркастически улыбнулась.

– Любила. До одури любила. Развод для меня был очень и очень болезненным. Как по живому без наркоза разрезали.

Первое время я плакала каждый божий день. Только в молитве находила утешение. А потом Господь внял моим мольбам: однажды что-то словно перевернулось у меня внутри. Неожиданно я увидела своего бывшего мужа в совершенно ином ракурсе. В одно мгновение он потускнел в моих глазах и уменьшился до размера бактерии, стал мне совершенно безразличен. Я перестала волноваться, когда он мне звонил, спокойно здоровалась, когда встречала их вдвоем с новой женой.

Она налила себе в чашку полуостывшего чая и выпила одним глотком, после чего продолжила:

– Мне это нравилось, я упивалась таким к нему безразличием. Стала воспринимать его, как случайного знакомого, с которым меня ничто не связывает, кроме мимолетных нейтральных встреч. Увижу его где-нибудь на улице, встречаюсь с ним взглядом, а мне все равно. Как камень при дороге – лежит себе, ну и пусть лежит, мне от этого ни холодно, ни жарко. Он это почувствовал, и его, по-моему, задело такое отношение с моей стороны. Ему, видимо, хотелось, чтобы я мучилась, страдала по нему. Несколько раз напрашивался ко мне в гости, но я спокойно отказывала и тут же вежливо прекращала разговор. В конце концов, он утомился. Конечно, живя в одном городе, да еще и таком как Елизарово, мы волей-неволей иногда встречаемся, скажем, на почте, в магазине или на базаре, учтиво раскланиваемся и спокойно расходимся, как в море корабли. И если когда-никогда пе-

рекинемся парой слов, то всего лишь формально. Как мало-знакомые люди. Всех своих близких я попросила не давать ему обо мне никаких сведений и пресекала всякие попытки рассказывать что-либо о нем мне. Теперь я от него так отдалилась, что при встрече нам совершенно не о чем говорить. У меня такое ощущение, словно он умер после тяжелой, продолжительной и чрезвычайно обременительной для меня болезни.

В комнате было тепло и уютно. За окнами, виртуозно расписанными морозом, буйствовал пронизывающий ветер, и от этого моя теплая квартира казалась еще уютнее. Я подошел к регулятору батареи отопления и чуть уменьшил подачу воды, чтобы стало не так жарко.

– Давайте еще чайку заварим. Или чего-нибудь перекусим, – предложил я, чтобы разрядить обстановку.

– Нет, спасибо. Но Вы, если хотите – не стесняйтесь, – тихо ответила она.

Барсик спрыгнул с ее колен и перешел на диван. Умопившись, он свернулся калачиком и задремал, обхватив лапкой нос. Мария Юрьевна посмотрела на него и, обдав меня сиянием искристых глаз, сказала:

– Смотрите, кот нос прячет. Моя бабушка говорила, что это к холоду. Значит, будет еще холоднее.

– Куда уж еще. Холоднее в этих краях просто-напросто не бывает.

– Не люблю зиму. Снег, мороз, вьюга, скользотина. Тем-

нота непроглядная. Сейчас бы куда-нибудь на юг, к теплому морю – на горячем песочке поваляться, на жарком солнышке погреться...

В ее голосе прозвучала неподдельная тоска. «Да вот же он, подходящий момент! – лихорадочно пронеслось у меня в голове. – Его нельзя упустить ни в коем случае!»

XIV

Я подошел к Марии Юрьевне и взял за руку. Ее белоснежная рука была мягкой, теплой и какой-то бархатной. Она ее не высвободила, а наоборот, легонько стиснула мои пальцы и, взглянув мне в глаза, чуть заметно улыбнулась.

– Скажите, Вы действительно сейчас хотите к теплому морю, на горячий песок под тропическим солнцем? – спросил я с волнением.

– Ой, как хочу! – ответила она, закрыв глаза. – Просто вижу его перед собой. Лазурная ширь, высокие волны, круизные лайнеры, омары, крабы, пальмы, бананы, мартышки, попугаи...

– Сегодня Сочельник, а желания, загаданные в канун Рождества, сбываются. Сбудется и Ваше. Уверю Вас, непременно сбудется.

– Интересно, когда? – едко спросила она.

– Если очень захотите, то хоть сию минуту.

– Очень хочу. Вы мне сейчас вручите билет в Акапулько вместе с визой в загранпаспорте? Или на Канары? – спросила она с издевкой.

– Нет, не в Акапулько и не на Канары.

– А что, в Сингапур? Или хотя бы на Кубу?

– Не гадайте понапрасну, все равно не угадаете. Волны там огромные, крабы в избытке. Правда, лайнеров, попугаев, пальм и бананов пока не видел. Но зато там есть много чего другого, не менее великолепного.

Она приняла кокетливую позу и задорно спросила:

– Итак, когда вылетаем?

– Туда лететь, слава Богу, не нужно.

– Мы что, поедем поездом или поплывем на корабле? – продолжала свою игру Мария Юрьевна.

– Не то и не другое. Мы пойдем пешком, – сказал я совершенно серьезно, ведя ее за руку в прихожую.

Она пошла, покачивая полноватыми бедрами в тугих джинсах, и остановилась у вешалки. Я снял с плечиков ее куртку и накинул ей на плечи.

– Лучше, если Вы переобуетесь в свои сапожки. А то на высоких каблучках будет не очень удобно, – сказал я, ставя перед нею маленький стул для обувания.

Она начала было просовывать руки в рукава куртки, но я остановил ее:

– Не стоит. Через пять минут ее придется снимать. А вот сапожки – наденьте. Молнии можете не застегивать. Это рядом.

– Я поняла, что наскучила Вам своими рассказами, – сказала она с оттенком обиды.

– Боже сохрани! Наоборот, – поспешил я ее успокоить.

– Но Вы меня явно выпроваживаете. Читай: иди домой – это рядом.

Ее слова меня немного смутили. Мы вышли в сени. Я отворил новенькую дверь недавно оборудованного входа в подвал и щелкнул выключателем, осветив бетонные ступени.

– Ни в коем разе! Я веду Вас навстречу Вашему желанию, – сделал я попытку оправдаться, жестом предлагая спуститься вниз по ступенькам. – Итак, рождественский вечер чудес начинается! Прошу!

– Какая патетика! Но суть-то одна и та же, – сказала она, недоуменно скользнув взглядом вниз по ступеням. – В погреб? Да Вы что! Чего это вдруг? Что я там не видела?

– Пойдем, – сказал я, слегка потянув ее за руку. – К морю! К солнцу! К Вашей рождественской мечте.

Мария Юрьевна резким движением высвободила руку. На ее лице отобразился неподдельный испуг. Она подбежала к выходной двери, но я остался стоять на прежнем месте, не пытаясь ей как-либо воспрепятствовать.

– Боже мой! Ведь я Вас совсем не знаю! Чего Вы хотите? Я Вас боюсь! Я не пойду в погреб! Среди ночи! Пустите, я хочу домой! – кричала она в испуге.

– Помилуйте, я же Вас не держу и никак не неволю, – сказал я, стремясь быть как можно спокойнее, доброжелательнее и увереннее. – Вы вольны в любое время отодвинуть на двери задвижку и уйти. Джек, как Вы знаете, привязан. Уве-

рю Вас, в подвале моя мастерская, кое-какое оборудование и та самая лаборатория. Помните? Но страшного там нет ничего. Я не собираюсь причинить Вам какое-либо зло. Наоборот.

Она тут же отодвинула задвижку и взялась за ручку. Мы замерли у дверей – я у входа в подвал, а она – у выхода во двор. Воцарилось неопределенное молчание. Постояв пару минут, Мария Юрьевна немного успокоилась. Видя, что она заколебалась, я спросил:

– Помните, Вы просили меня показать Вам мою лабораторию?

Она согласно кивнула.

– Тогда Вы моего подвала не испугались. Но если я кажусь Вам таким уж страшным, что совершенно абсурдно, то давайте сделаем так. Я спущусь первым, а Вы, если хотите, можете идти следом. В подвале у меня горит свет. Вам все будет прекрасно видно. Если Вы решите, что там что-то не так, то сможете тут же выйти, а дальше – делать все, что Вам заблагорассудится.

Не дожидаясь ответа, я стал спускаться по бетонным ступенькам. Звук моих шагов отдавался в помещении эхом, и это усугубляло таинственность обстановки. Я слышал, как Мария Юрьевна, крадучись, приблизилась ко входу и в нерешительности остановилась. Не оборачиваясь, я подошел к старому шкафу, открыл шлюз и отошел в дальний угол помещения, чтобы видеть одновременно и лестницу, и вход в

шлюз.

Мария Юрьевна осторожно спускалась по лестнице, с опаской поглядывая то на меня, то на этот вход. Судя по смущенной улыбке, игравшей на ее моложавом лице, я понял, что она уже окончательно оправилась от первоначального испуга и что сейчас ею движет исключительно любопытство. Да, любопытство, в особенности женское, побеждает любой страх и ведет человечество к прогрессу.

– Загадочный Вы человек, Артем Тимофеич, – смущенно заговорила Мария Юрьевна, бесшумно спускаясь вниз, – всюду у Вас какие-то тайны и загадки.

– Какие там загадки, – сказал я, скептически махнув рукой.

Она подошла к верстаку, нервно потрогала тиски, настольную лампу, заглянула в наполовину выдвинутый ящик с инструментами и, недоумевая, спросила:

– А где же Ваша лаборатория?

– Ну, это уже деловой разговор, – ободряюще сказал я, стараясь поддержать ее намерение продолжить начатое, и подошел к дверце старого шкафа. – Вот. Взгляните-ка сюда.

Она продолжала стоять на месте, бессознательно теребя прядь сухих волос, спадавшую на упругую грудь.

– Да подойдите Вы, наконец, поближе! Я же не маньяк, не преступник и не какой-нибудь монстр из фильма ужасов.

– Да кто Вас знает, – сказала она примирительным тоном. – Все, что у меня с Вами связано, окружено какой-то

неведомой тайной и вызывает полное недоумение.

– Ну и зря. Теперь-то Вы видите, что никаких загадок здесь нет? Все исключительно просто, – попытался я ее разубедить.

– Как же просто? То Вы угощаете меня какими-то невиданными креветками, то мясом горного барана, таким нежным и ароматным, которого ни я, ни мои знакомые здесь отродясь не видывали. Потом морочите мне голову с научной лабораторией, которой я, кстати, и признака пока не вижу, – сказала она смущенно.

Я поспешил развеять ее подозрения:

– Да не морочил я Вам голову. Сейчас все разьясню...

– А сегодня вообще – предел всему! – перебила она меня. – Надо же – пообещали устроить мне путешествие к морю, а привели в этот злосчастный погреб! Тут я и подумала, что Вы, так сказать, немного того... не в себе, дескать. Да и сейчас я в этом все еще не разуверилась.

– А креветки и мясо были что, плодом моего сумасшествия? – начал было я выходить из терпения.

Мне хотелось плюнуть на ее придурь и сказать: «Знаешь что, дорогая, если ты считаешь меня психом, то катись отсюда к растакой матери!» Подавив в себе зародившийся было гнев, я решил дать ей выговориться, чтобы она полностью раскрыла передо мной карты. Она неопределенно пожала плечами:

– Да Господь его святой ведает, что тут думать. Право, не

знаю, что и сказать...

– А Вы поменьше думайте и говорите, побольше доверяйте своим собственным чувствам и памяти.

Я говорил сдержанно и совершенно серьезно.

– Так Вы подойдете, наконец, к этому шкафу или мы на этом все закончим и разойдемся – каждый при своем мнении?

Мария Юрьевна явно колебалась, а я терпеливо ждал, когда же в ней вновь возьмет верх женское любопытство. И оно победило. Подойдя к шкафу, она заглянула внутрь и, не заметив ничего подозрительного, спросила:

– Это и есть Ваша лаборатория?

– Да! – ухватился я за эту идею. – И сейчас Вы убедитесь, что все, о чем я Вам говорил – святая истина. Проходите дальше.

Я вошел в помещение шлюза, и Мария Юрьевна робко последовала за мной.

За иллюминаторами светало. Мария Юрьевна подошла к одному из них, и ее взору предстала зеленая поляна, залитая белесым светом раннего утра. Ветер беззвучно волновал траву и шевелил листья кустов и деревьев.

– Странно, – сказала она, посмотрев на свои наручные часы. – Как это может быть – на улице зимняя ночь, а тут буйство зелени и светло, почти как днем. Как Вы это делаете?

– Сейчас поясню. Вернее, Вы все сами увидите и поймете. Снимите куртку, она здесь не нужна.

Послушно сняв куртку, она стала искать глазами, куда бы ее повесить и, не увидев нигде вешалки, протянула мне. Я положил ее на столешницу и пригласил Марию Юрьевну сесть рядом с собой у пульта. Она села, отодвинувшись от меня к краю дивана.

– Вам удобно сидеть? – поинтересовался я.

– Да так, ничего. Вот только жестковато немножко и поближе бы к столу, чтобы удобно руки положить.

– Сейчас все будет, как Вы пожелаете, – сказал я и, положив руку на столешницу, мысленно дал соответствующую команду.

– Ай! Ха-ха-ха! – кокетливо взвизгнула она со смехом, почувствовав, что сиденье под нею внезапно придвинулось к столешнице, размягчилось и просело под тяжестью ее тела. – Что это, землетрясение, что ли?

Я тоже засмеялся и пояснил:

– Какое там землетрясение, это диван под Вас подстраивается.

– Да перестаньте Вы надо мной насмеяться! Как может он под меня подстраиваться? – сказала она, кокетливо поведя плечом, и ее пышная грудка соблазнительно подпрыгнула.

– Как видите – может. А теперь смотрите вон туда, – указал я кивком на стенку между окнами.

– Ну, смотрю. Оттуда что, птичка вылетит?

– Не исключено, что и такое случится, – сказал я вполне серьезно и отдал команду на открытие выхода. – Да Вы смот-

рите, не отвлекайтесь. А то самое интересное пропустите.

В этот момент на стене образовался туманный овал. Потом он дрогнул, стенка в этом месте постепенно сделалась прозрачной, истончилась и в конце концов исчезла. На ее месте остался открытый овальный проем, из-за которого повеял легкий ветерок, доносились резкие крики птиц, стрекот и скрежет насекомых, шелест листвы, рокот отдаленного морского прибоя и благоухание утренних цветов.

– Вот это да! – восхитилась она. – Я думала, что это глухая стенка, а там открытое окно наружу. Как Вы это делаете?

– Потом объясню, – сказал я, опуская из выходного проема стремянку. – Теперь я Вам предлагаю переодеться вот в это и переобуться в кроссовки. Надеюсь, это Вам подойдет. Вы переодевайтесь здесь, а я это сделаю на свежем воздухе. Учтите – там экваториальная жара.

Она непринужденно хихикнула. Я положил на столешницу пульта штормовой костюм и пару новеньких кроссовок, которые накануне специально приобрел в спортивном магазине. Она удивленно смотрела на предложенную мной одежду и обувь и недоуменно молчала. Потом спросила:

– А зачем этот фокус с переодеваниями? Зачем мне чужая одежда? Я так выйду.

– Мария Юрьевна, доверьтесь мне. Вы же теперь понимаете, что я не псих и Вас не обманываю. Это совершенно новая одежда, и она теперь Ваша. Я специально оставил ее в магазинной упаковке. Посмотрите сами – там чеки и фир-

менные ярлыки. Переодевайтесь, пожалуйста, – постарался я сказать так, чтобы это звучало как можно мягче, и спустился по стремянке вниз.

Я спокойно переоделся, переобулся в кроссовки и уже завязывал на голове бандану, когда сверху услышал непривычно громкий голос Марии Юрьевны.

– Артем Тимофеич! Арте-о-ом Тимофе-е-и-и-ич! – кричала она панически.

– Что?! Что такое?! В чем дело?! Я сейчас! – ответил я в испуге и поспешил подняться по стремянке, забыв о своем возрасте.

Одетая в джинсы и штормовку, она стояла, опершись на стенку у самого выхода, и смотрела на меня округленными от страха глазами, словно затравленная дикая кошка. Зрачки были настолько расширены, что ее обычно спокойные серые глаза казались черными, как угли.

– Вход, по которому мы вошли, пропал! Там теперь просто стенка! Я все ощупала – даже малейшего намека и на щелочку нет!

Фу, ты! Я рассмеялся.

– Не паникуйте, Мария Юрьевна. Вы же недавно удивлялись, когда выход наружу открылся на месте сплошной стенки. Так что все будет в порядке – точно так же мы откроем вход в мой подвал, когда будет нужно.

– Когда будет нужно?! Вы же сказали, что я могу вернуться в любое время, а сами отрезали мне обратный путь! Что

это значит?! Откройте сейчас же! Я хочу домой!

– Да успокойтесь Вы, наконец. Никто Вас здесь насильно не удерживает. Это Вы сами себе внушили. Я могу открыть вход в подвал, но тогда закроется выход наружу. Смотрите, – сказал я и с досадой втащил стремянку в помещение шлюза.

Мария Юрьевна стояла в оцепенении, ошалело блуждая взглядом вокруг. Когда я открыл, наконец, вождеденный выход в подвал, она вздохнула с явным облегчением и тут же проворно в него юркнула словно мышка. Я вышел вслед за нею, кляня себя за непродуманные действия. Она остановилась у верстака, механически включила привинченную к нему рабочую лампу и осмотрелась. Осознав, что мы снова находимся в подвале, немного успокоилась. На ее женственном лице снова заиграла теплая улыбка. Тихим, слабым голосом она промолвила, виновато опустив глаза:

– Простите меня ради Бога, Артем Тимофеич. Сегодня я как во сне. Сначала мы с Вами пьем необыкновенно вкусный чай, беседуя на темы христианских праздников. Потом Вы необычно шутите, предлагая загадочное путешествие к морю, приглашаете среди ночи в погреб, затем мы входим в странное помещение, откуда в глухой стене сам собой открывается выход в таинственную утреннюю мглу. Неожиданно Вы предлагаете мне переодеться в туристскую одежду, чтобы куда-то идти. А я, как под гипнозом, слепо, бездумно выполняю все Ваши непонятные приказания. Как полоумная. Ведь я, собственно, Вас совершенно не знаю... И вдруг я об-

наруживаю, что отрезана от дома глухой стеной. Ужас! Паника! Так много странного в один вечер.

– Но ведь вечер сегодня не обычный, а рождественский, – попытался я развеселить ее шуткой. – Сегодня происходят чудеса.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Поистине, столько чудес может случиться только в рождественский вечер. Словно в какой-нибудь таинственной сказке Эрнста Гофмана. Вы для меня вообще загадочный человек, и я не знаю, восхищаться Вами или бояться Вас, – призналась она.

– Не нужно ни того, ни другого. Давайте, наконец, осуществим то, что вознамерились.

При этих словах я указал на открытый выход в шлюз. Мария Юрьевна задумалась. Потом выставила категорическое условие:

– Хорошо, но пусть выход домой остается все время открытым.

– Это невозможно, – возразил я, опасаясь, что она не поймет. – Программа обслуживания входов такова, что при открывании одного из них другой закрывается и блокируется. Иначе возникали бы специфические проблемы.

– Что за чепуха! Какие еще такие специфические проблемы?

– Разность давлений воздуха, например. Если она окажется существенной, возникнет такой ветер, что сметет тут все

вместе с нами, – пояснил я без надежды на успех. – Как в аэродинамической трубе.

– Опять у Вас загадки. Мистика какая-то. Откуда тут разность давлений...

Она начала бессмысленно крутить ручку тисков. Докрутив до упора, оперлась на нее и скорее прошептала, чем сказала:

– Странно. Однако при всей этой несуразице мне почему-то вопреки всякой логике хочется Вам верить. Хочется узнать, что же кроется за всеми этими загадками, ребусами да шарадами. Будь что будет – ведите меня, куда задумали.

Она шлепнула ладошкой по тискам и решительно направилась к шкафу. С легким трепетом сердца, как это бывало в юности, я последовал за нею.

XV

Я вел Марию Юрьевну к морю кратчайшей дорогой – через холм и заросли, затем по звериной тропе к обрыву, чтобы потом спуститься по уступам к пляжу. Слева из-за верхушек деревьев показался краешек ослепительно яркого солнца, пробуждая буйную природу. Утренняя прохлада постепенно сменялась все усиливающимся зноем. Остатки мгlistого тумана уползали в низины, словно прячась от первых лучей восходящего солнца, и там растворялись без остатка. Как всегда, в это время воздух наполняли громкий многоголосый птичий гомон, резкие крики зверушек, прячущихся в траве и зарослях, скрип, скрежет, стрекот и жужжание на-

секомах. Нас атаковали многочисленные нахальные мошки и докучливые мухи, которые вились перед самыми глазами, мешая смотреть и дышать.

Мария Юрьевна шла в двух шагах позади меня, держа в руках пеструю шелковую сумочку. Кажется, женщины именуют такие косметичками. Еще в самом начале похода я предложил ей повязать на лоб хлопчатобумажную косынку, но она предпочла войлочную шляпу-вьетнамку. Кое-как согласилась надеть штормовую куртку, но от штормовых брюк наотрез отказалась. Осталась в своих фирменных джинсах в обтяжку, расшитых темно-лиловыми цветами. Ей и здесь хотелось выглядеть красиво. Купальник она тоже не надела, так как все еще не верила, что скоро окажется на морском берегу. Кроссовки оказались ей чуточку велики, но я все же убедил ее в них обуться, дабы не шагать по бездорожью в модных сапожках на высоких каблучках.

Когда мы поднялись на холм, она оглянулась и замерла в изумлении. Ее взору предстала широкая поляна, заросшая высокой густой травой, в конце которой на пригорке лежал серебристый шлюз, зияющий входным проемом, а дальше стоял густой лес и возвышалась гора, увенчанная снежной шапкой, вокруг которой клубились белые облака. Все было дико, безлюдно и никаких признаков цивилизации.

– Артем Тимофеич... – произнесла она с хрипотцой и облизала пересохшие губы, – а где же наши дома? Елизарово где?

– Далеко. Дальше, чем Вы можете себе вообразить, – спокойно ответил я.

– Пусть так, но все же, куда это вдруг девалось Елизарово?

– Потом объясню, когда Вы немного обвыкнетесь, – успокаивал я ее, как мог. – Так сразу этого не понять.

– Вы волшебник, не иначе. Я верующая, и Вы мне внушаете мистический страх, – сказала она, посмотрев на меня с опаской. – Недавно по телику была передача, где такой солидный дядечка говорил, будто волшебники и колдуны вообще не выдумка. Тогда я к этому отнеслась скептически, а теперь вот убеждаюсь, что была неправа.

– Вы это серьезно?

– Вполне, – ответила она настолько тихо, что я едва слышал.

– Какая ерунда! Вы что, все еще не вышли из детского возраста, что до сих пор верите в волшебников?! – возмутился я.

– А как я еще могу объяснить это магическое исчезновение Елизарова? Вот где оно, скажите, где? Я вижу только дикую местность: поляну, лес, горы. Откуда они взялись? Или то, что сейчас, – она отдернула рукав штормовки и посмотрела на часы, – без двадцати одиннадцать ночи, а над нами встает солнце? Как я могу логически объяснить то, что сейчас, в конце декабря, никуда не уезжая, мы попали в самое настоящее лето? Как у Маршака в «Двенадцати месяцах». И что это за круглая машина, из которой мы только что вышли?

– В этом нет ничего мистического. А вон та штука, что Вы назвали круглой машиной, это шлюз, через который мы перешли сюда из Елизарова.

– Опять Вы говорите загадками. Я в шоке от всего происходящего.

– Следуйте моим советам, и все будет нормально. Вот я Вам предлагал надеть штормовые брюки, а Вы не послушались, остались в своих пижонских джинсах. И что теперь? Ваши ноги мокры от росы выше колен. Новенькие джинсы забрѣханы вконец, – пожурил я ее.

– Это мелочи, – сказала она, мимоходом взглянув на мокрые джинсы. – Постираю, если вернусь домой.

– Если вернетесь? А куда же Вы, миленькая, денетесь? – пошутил я.

Она сняла «вьетнамку», белоснежным носовым платком протерла глаза и стала промокать пот, обильно выступивший на покрасневшемся от жары лбу, на щеках и шее.

– Послушайтесь хоть на этот раз, не пижоньтесь – повяжите на лоб косынку. Тогда пот не будет заливать глаза, – посоветовал я.

Она не сопротивилась, послушно взяла из моих рук мягкую хлопчатобумажную косынку и привычным движением повязала вокруг головы.

– Ну как? – спросила она, кокетливо подбоченясь. – Похожа на тетю Мотю из подворотни?

– Поверьте, Вам очень к лицу, – сказал я вполне искренне.

– А Вы в своей портупее с кинжалом, топором и этим ружьем – ни дать, ни взять, Верная Рука – друг индейцев от Карла Мэя.

Наконец, мы вошли в заросли и двинулись по тропинке, иногда нагибаясь под нависающими ветками деревьев. Время от времени мне приходилось взмахивать топориком, чтобы срубить мешающий побег или лиану. Я теперь не был столь беспечным, как раньше. Охотничий нож и гарпунное ружье были при мне, и я в любую минуту готов был пустить их в ход, чтобы защитить себя и свою спутницу.

Мария Юрьевна вроде перестала нервничать и начала обращать внимание на невиданную растительность и местную фауну. Особенно ее удивляли лианы, опутавшие, казалось, все деревья и свисавшие над нашими головами.

– А что это за гул стоит все время? – неожиданно спросила Мария Юрьевна.

– Морской прибой. Здесь море всегда шумит.

– Да будет Вам меня разыгрывать! Не думайте, что я совсем уж бестолковая. Прибой шумит не равномерно, а накатами, – возразила она.

– Это когда находишься у самого берега. А издали шум всех волн сливается в единый рокот.

Мы вышли к краю обрыва, и я обратил ее внимание на открывшийся вид морского простора:

– А вот и море. Пойдемте вниз, к прибою. Там изумительный пляж. Только осторожно. Держитесь подальше от края

и следите, чтобы не поскользнуться.

– Ой... и вправду море! Настоящее море! Ну и чудеса! А я было подумала, что это такая широкая долина, и по ней туман стелется. И пахнет тут морем! Как в Батуми или в Потти.

Мы не спеша спускались, сходя с уступа на уступ.

– Не становитесь на наклонные камни – с них можно соскользнуть вниз, – предостерег я ее.

– Что же я, по-вашему, совсем дурочка из переулочка? Не понимаю таких простых вещей? – возмутилась Мария Юрьевна.

– Не обижайтесь. В таких делах лучше перестраховаться. Если почувствуете, что съезжаете вниз, хватайтесь за траву, кусты, за что сможете, – добавил я.

– Ой! Смотрите, какая ящерка большущая! Вся разноцветная, радужная. И гребешок вдоль хребта! – по-детски восторженно воскликнула она, увидев диковинную представительницу местной фауны, неподвижно застывшую на уступе.

Мария Юрьевна протянула было к ней руку, чтобы погладить, но ящерица приподнялась на лапах, раздула на щеках голубые мешки, ошетинила на спине бахромчатые отростки, раскрыла рот и злобно зашипела. Мария Юрьевна в испуге отдернула руку и резко отпрянула, едва не сорвавшись вниз. Но я вовремя подхватил ее под руку.

– А-яй! Какая злющая! Такая если схватит, то и палец оттяпает, – заключила Мария Юрьевна.

– В два счета оттяпает. Ради Бога, не трогайте здесь никаких животных. Кто знает, чего от них можно ожидать?

– А эта ящерка ядовитая?

– Вполне возможно, что и ядовитая.

Мы, наконец, спустились на песчаный пляж, испещренный следами местных обитателей. В тени знакомого раскидистого куста я с облегчением сбросил рюкзак. Расстелив подстилку, разделся и пошел доставать маски для ныряния с дыхательными трубками и ластами, спрятанные заблаговременно под кустом. Мария Юрьевна села в тени на песок и словно замороженная стала смотреть, как полутораметровые волны с шумом обрушиваются на берег и стремительно откатываются обратно в море. Я протянул ей комплект подводного снаряжения.

– Вот Ваш комплект номер один. Подгоняйте под себя крепления. Сейчас пойдем нырять.

Она приняла его из моих рук и положила на разостланную подстилку.

– Так пить хочется... – сказала она, с трудом проглотив слюну.

Я достал из рюкзака трехлитровую полиэтиленовую баклажку и пластиковый стакан.

– Держите. Сейчас налью.

Она единым духом осушила полный стакан.

– А можно еще?

– Отчего же нельзя? Пейте на здоровье, да пойдем в воду.

Вы хотели к теплому морю на горячий песочек? Пожалуйста, милости просим. Вот что значит загадать желание в рождественский вечер, – сказал я, вторично наполнив стакан.

Она с наслаждением выпила все до капли, поставила стакан на подстилку и достала из косметички носовой платочек.

– До чего же вода вкусная, когда жажда мучит! И нет ей никакой замены. А когда пить не хочется, то ничего особенного – вода как вода, она и есть вода, – сказала Мария Юрьевна, промокая губы платочком. – Вы идите, купайтесь, а я посижу в тени на подстилочке.

– Как?! Вы же так мечтали о море! Собственно, ради этого я Вас сюда и привел, – удивился я.

– Понимаете... м-м-м... я не одета соответственно... – растерянно сказала она. – Если бы я знала, что все это и вправду...

– Да я захватил с собой для Вас купальник! Ведь я, в отличие от Вас, не сомневался, что мы придем к морю.

Я порылся в рюкзаке и протянул ей закрытый купальник, запечатанный полиэтиленовый пакет.

– Надевайте. Новенький, прямо из магазина. Безразмерный. Надеюсь, Вам понравится. Ну, хотя бы в первом приближении. А если Вы его сочтете не очень красивым, то это не беда – здесь Вас в нем все равно никто не увидит. Кроме меня, конечно. Но я не в счет. Для меня Вы всегда будете красавицей. Идите за куст, переодевайтесь. Обещаю не подглядывать. Буду сидеть к Вам спиной.

Она благодарно улыбнулась.

– Спасибо огромное. Признаюсь честно: я про себя уже сожалею, что не послушала Вас и отказалась от купальника там, в этой Вашей круглой машине. Была убеждена, что Вы меня разыгрываете как какую-нибудь глупенькую девчонку.

Она распечатала пакет, вынула купальник, подняла за плечики, повертела перед собой так и сяк во все стороны, неопределенно хмыкнула и пошла переодеваться.

От маски ныряльщика с трубкой она отказалась, поскольку никогда ими не пользовалась. А вот ласты надела с удовольствием. Я же облачился в полный комплект, ибо знал, что здешнее море преподносит иногда сюрпризы, и в целях безопасности нужно постоянно быть начеку, видеть обстановку как над, так и под водой. Нож и подводное ружье я тоже прихватил с собой в воду с той же целью, что вызвало недоумение моей спутницы.

– Вы намереваетесь охотиться? А я думала, Вы поплаваете со мной, – сказала она, недовольно сдвинув брови.

– Поплавать с Вами – это главное, ради чего я иду в воду. Не скрою: все, что с Вами связано, мне очень приятно. Однако чем черт не шутит? Вдруг какая приличная рыба рядом окажется? – солгал я из опасения ее напугать.

Несмотря на мощный прибой, вода была теплой и прозрачной, как слеза. Мария Юрьевна оказалась классной пловчихой, и мне пришлось напрячься, чтобы плыть вровень с ней, не отставая ни на метр. Правда, мне мешало, болта-

ющеся за спиной, подводное ружье, но оставлять его на берегу было бы с моей стороны безрассудно. Отплыв от берега метров на пятьдесят, я повернул налево. Но Мария Юрьевна продолжала плыть в прежнем направлении.

– Мария Юрьевна! Дальше не нужно! Поплывем вдоль берега! – выкрикнул я, подброшенный волной.

Она оглянулась и помахала рукой, улыбаясь. Мне казалось, что я не вижу ничего, кроме ее ослепительной улыбки. Хотелось плыть вслед за нею, резвиться, нырять и кувыркаться в страстной игре, как когда-то в юности. Но голос разума вынуждал меня оставаться серьезным.

– Дальше не отплывайте! Этот пляж дикий. Службы спасения здесь нет. В случае чего, помочь никому! – кричал я.

– А я люблю заплыть подальше! Всю жизнь плаваю, и никогда еще не прибегала к услугам спасателей. Поплыли, мы же вдвоем! – звала она, обуреваемая спортивной страстью.

– Поплыли, но только вдоль берега.

Она неохотно подчинилась. Мы плыли молча, время от времени встречаясь взглядами. При этом она улыбалась, а я не уставал любоваться ее обворожительной улыбкой и по-мальчишески млея. Проплыв пару сотен метров, мы повернули обратно. Доплыв до нашего лагеря, мы, не сговариваясь, направились к берегу. Был прилив, и течение само принесло нас к полосе прибоя. Перебравшись через нее, мы вышли на берег и остановились на мокром песке, куда изредка докатывались ослабевшие волны. Крабы, возившиеся непо-

далеку, завидев нас, разбегались в разные стороны. Мария Юрьевна стояла, отогреваясь на солнце, и отжимала волосы.

– Ха-ха, – засмеялась она, – конец моей укладке, ради которой я сидела в нашей парикмахерской.

– Не беда. Пляж на теплом море и жаркое солнце посреди зимы стоят того.

Словно не услышав моих слов, она сказала:

– Сколько крабов! И все такие разные: черные, красные, серо-зеленые. Вон даже синий бежит. Вот это да! В жизни таких не видела! Смотрите, какой большущий из воды вылез! Такого и не сварить – ни в какую кастрюлю не влезет!

Я направился к группе валунов, уже наполовину затопленных приливом, и жестом пригласил ее следовать за мной.

– Смотрите сюда, – указал я на узкую протоку между валунами. – Видите?

– Вижу. Что это за каракатицы? Такие огромные, и лапками перебирают, как будто пешком ходят! А вон еще! Да их тут видимо-невидимо! – восторженно воскликнула она. – Прозрачные, как из бирюзового хрусталя!

– Помните креветок, которыми я Вас угощал? – напомнил я, смеясь.

– Ой! Конечно же! А я думаю, где я видела нечто подобное? Так вот откуда Вы их таскаете! Да если их здесь промыслить, можно неплохие деньги заработать. Что если попробовать? – предложила Мария Юрьевна.

– В принципе, можно и попробовать, – согласился я без

особой заинтересованности.

– Они кусаются?

– По-моему, кусается все, когда речь идет о жизни и смерти.

Она снова вышла на мокрый песок и остановилась, повернувшись спиной к солнцу, чтобы поскорее отогреться. Крупные капли воды дрожали на ее белом, несколько полноватом теле, искрясь как бриллианты всевозможными цветами. Я стоял в двух шагах от нее, наблюдая за волнами прибоя, и время от времени оборачивался, чтобы украдкой полюбоваться ею.

Вскоре я обсох, и солнце снова начало жечь мне спину. А Мария Юрьевна вообще впервые оказалась на солнце через четыре месяца после окончания лета.

– Пойдемте в тень, а то обгорите, – предложил я.

– Я не обгораю, – возразила она. – У меня кожа смуглая.

– Здесь Вам не Елизарово, даже не Крым и не Кавказ. Тут солнце злое, экваториальное, – разъярил я.

Войдя в тень, я на всякий случай поднял и встряхнул подстилку: Бог его знает, что под нее могло заползти. К счастью, там ничего опасного не оказалось. Я снова расстелил подстилку на песке и полез в рюкзак за съестным.

– Давайте чего-нибудь перекусим, – предложил я.

– Интересно, который сейчас час? – поинтересовалась Мария Юрьевна. – Есть и вправду хочется.

Я вынул из рюкзака часы и посмотрел на циферблат.

– В Елизарово тридцать пять третьего ночи. Подкрепимся, чем Бог послал.

Я положил на подстилку пачку бумажных салфеток и продукты: несколько яиц, сваренных вкрутую, бутерброды с сыром и копченой колбасой, четыре куска жареной рыбы, банку шпрот, пару соленых огурцов, нарезанный батон, баночку с солью и два апельсина. Пока я открывал шпроты, Мария Юрьевна, разрежала надвое огурцы и разложила колбасные кружки на ломтики батона. Я расколотил о камень яйцо, очистил от скорлупы и положил на салфетку перед Марией Юрьевной. Она укоризненно посмотрела на меня и вежливо отодвинула предложенное угощение.

– Сейчас рождественский пост, Артем Тимофеевич.

Она взяла половинку огурца, с хрустом откусила кончик и принялась за рыбу. Мы быстро умяли все, что лежало на подстилке, и запили водой. Вода была теплой и отдавала пластиком, но все равно мы пили ее с превеликим удовольствием.

Все, что осталось после трапезы, я завернул в бумагу, чтобы сжечь перед уходом. Органически ненавижу мусор, остающийся после вылазок, и всегда тщательно убираю за собой.

Мы еще раз окунулись в море, обсохли и, когда я передвинул подстилку дальше в тень, Мария Юрьевна без лишних церемоний прилегла на нее, подложив руки под голову.

– Ложитесь рядышком, я немного потеснюсь. Ваша подстилка широкая. Места на двоих вполне достаточно, – ска-

зала она, сладко зевнув.

Немного удивленный такой непосредственностью, я последовал ее предложению и лег рядом на спину. Чтобы защититься от нахальных насекомых, мы накрылись общей простыней, поскольку второй у меня не было. Над нами шумел листвою пышный куст, а дальше синело безоблачное небо, в котором носились крикливые птицы самых разных мастей. Меня убаюкивал плеск волн, мерно набегающих на песчаный берег и, журча, сбегаящих обратно в море. А у моего бока тихо посапывала Мария Юрьевна. Ее соседство будоражило мое воображение и учащало сердцебиение – так давно я не был столь близко от женщины. Но я не хотел позволять себе чего-то лишнего, чтобы не испортить наших отношений. Захотелось закрыть глаза. Я не стал противиться этому желанию, ибо лежать с закрытыми глазами мне было гораздо комфортнее, нежели с открытыми. В самом деле, почему бы немного не прикорнуть?

Рядом что-то стучало – ритмично и глухо. Я почему-то решил, что это откуда-то доносится стук топора дровосека. Время от времени стук сменялся коротким треском, потом следовала небольшая пауза, а затем звуки повторялись все в той же последовательности. Тук! Тук! Тук! Трррр! Пауза. Тук! Тук! Тук! Трррр! Пауза. Мне было бы совершенно наплевать на эти звуки, если бы они не мешали спать. Я хотел абстрагироваться от них, но они все навязчивее вламывались в мое сознание, все дальше отгоняя крепкий и сладкий сон.

Тук! Тук! Тук! Тук! Тррр!

Я с трудом открыл глаза и тут же в испуге вскочил на ноги. Сон отлетел, как по волшебству. В нескольких метрах от меня огромная птица, сидя на спине краба, размером с таз, терзала его плоть. Тук! Тук! Тук! Мощные удары крепкого клюва, словно топор, рассекали крепкий панцирь. Тррр! Птица оторвала кусок панциря и, задрав кверху клюв, проглотила его целиком вместе с приросшим мясом. Опустив клюв в дыру, проклеванную в панцире, птица выклевала белую студенистую мякоть и снова принялась долбить панцирь. Тук! Тук! Тук! Тррр!

Я инстинктивно схватил лежавшее неподалеку подводное ружье и снял с предохранителя. Птица подозрительно посмотрела на меня и на несколько секунд замерла. Но, видимо, решив, что я для нее не представляю серьезной опасности, продолжила потрошить свою добычу. Птица как близнец походила на тех, что два месяца тому назад там, наверху убили горного барана. Быть может, это как раз и была одна из них. Глядя на толстые когтистые лапищи, я представил себе на мгновение, что могло бы случиться, если бы эта птица напала не на краба, а на беспечно уснувших нас с Марией Юрьевной. Ведь на мне лежала ответственность еще и за ее безопасность. Несмотря на убийственную жару, по моей спине пробежал озноб. Стоило такой птице вцепиться когтями в шею человека, тем более беззаботно спящего, и жертве наверняка не выжить. Глядя на ружье, я внезапно осознал всю

свою беспомощность перед этой могучей птицей, тем более, если их будет несколько. Ведь из него можно было выстрелить всего один единственный раз. А что потом? Топор и нож тоже мало помогут при нападении подобных хищниц и других крупных тварей. Мне бы хорошим ружьем обзавестись, но процедура его официального приобретения казалась мне безумно сложной. Все же в этих необжитых местах надо более серьезно подумать о средствах самозащиты. Было бы неплохо иметь при себе мощное копьё. Оно мне представлялось гораздо эффективнее моего нынешнего арсенала. Даже против крупных хищников. Ходят ведь на медведя с рогатиной.

Да, черт возьми, опять я преступно забыл об осторожности! Как видно, присутствие столь соблазнительной женщины вконец расслабило меня и непозволительно усыпило мою бдительность.

Мария Юрьевна безмятежно спала, подложив ладони под щеку. Ее всю атаковали мухи, москиты и другие насекомые, но спала она так крепко, что никак на них не реагировала.

Мои часы показывали полдесятого утра. Ничего себе прикорнул!

Тень от куста сместилась к востоку, и солнце подобралось к нашей подстилке. Но Мария Юрьевна могла еще некоторое время поспать в тени, и я хотел обеспечить ей такую возможность. От раскаленного песка пышело жаром как от марте-

новской печи. Тем не менее, дышалось на удивление легко. Я истекал потом и залпом выпил половину оставшегося запаса воды. Хотелось окунуться в море, но оставить без присмотра свою спутницу, пока рядом кормится эта хищная птица, было бы рискованно.

Солнце уже миновало на небосводе верхнюю кульминацию и пошло на снижение. Прилив закончился. Отлив был в полном разгаре. Море отодвинулось к горизонту, обнажив широкую полосу мокрого песка и камней, отороченных темно-бурой прерывистой линией, образованной ворохами выброшенных волнами водорослей, источающих своеобразный терпкий запах. Среди них копошились разномастные птицы, крупные и мелкие ящерицы, крабы и еще какие-то животные, выискивая запутавшихся рыбок, креветок, червей и моллюсков.

От сильной жары Мария Юрьевна инстинктивно сбросила с себя махровую простыню, которую я взял для нее, чтобы вытираться после купания, а потом использовал как покрывало.

Я смотрел на спящую Марию Юрьевну с диким вождением и изнывал от истомы. Хотелось на нее накинуться, сорвать купальник и овладеть ею, несмотря ни на какие последствия.

Ценой невероятных волевых усилий мне удалось подавить это желание. Но я знал, что с постоянным столь назойливым искушением бороться бесполезно. Так или иначе, оно

все равно когда-нибудь возьмет верх, улучив удобный момент. Я в этом неоднократно убеждался. Да... нужно как следует подумать, что делать дальше. Если она не согласится на близкие отношения, я вынужден буду прекратить наше общение, пока это возможно без скандальных последствий. Впрочем, есть одно «но» – ей известна тайна открытого мной мира. Правда, поверить в это очень даже непросто.

Я снова накрыл свою спутницу, чтобы защитить от насекомых.

Тем временем птица, с которой я не сводил глаз, закончила трапезу и, взмахнув могучими крыльями, поднялась в воздух, оставив на песке расклеванного краба, вернее, то, что от него осталось. На него тут же жадно набросились неприхотливые мухи, ящерицы, черепахи и прочие любители падали. Сделав над нами круг, птица несколько раз издала пронзительный звук, похожий на милицейский «сверчок», и на широко раскинутых крыльях поплыла в сторону лагуны. Было удивительно, что такая огромная и грозная птица издает столь высокие переливчатые трели и грациозно парит в воздухе.

Мария Юрьевна вздрогнула во сне и, рефлекторно смахнув со щеки муху, неожиданно подхватилась. Сидя на подстилке, она спросонок терла глаза и тревожно озиралась по сторонам. Придя, наконец, в себя, она в испуге спросила:
– Что случилось? Почему свистела милиция?
Я улыбнулся.

– Да здесь и духу нет никакой милиции. Это вон та птица, что летит вдоль берега, кричала как милицейский свисток, когда пролетала над нашими головами.

Она посмотрела вслед удаляющейся птице.

– Вот это птичка! С меня ростом, наверное.

– Да нет, чуточку поменьше, – успокоил я ее.

Она промокнула простыней выступивший на лице пот.

– Ну и жарища! А который час?

Я вынул из кармашка рюкзака часы и посмотрел на циферблат.

– В Елизарово пять минут одиннадцатого утра.

– Вот это да! – всполошилась она. – Мне же в десять должны были звонить, а меня дома нет. Как я теперь оправдаюсь?

– Да успокойтесь Вы, Мария Юрьевна. Вы же не напроказившая школьница, в конце концов, и не на службу Вам, – попытался я ее успокоить. – Скажете, что так обстоятельства сложились – вот и все.

– Понимаете, это серьезно и строго.

– Вас контролирует ревнивый мужчина? – неудачно пошутил я.

Она с досадой махнула рукой.

– Да нет у меня никакого мужчины!

– Тогда кто вправе требовать от Вас каких-либо оправданий?

Она внезапно изменила тему разговора.

– Ужасно пить хочется... У нас вода есть еще?

Я достал баклажку с остатками воды и протянул ей. Сидя на подстилке, она жадно глотала теплую, отдающую синтетикой воду, а я любовался женственными линиями ее тела, еще не утратившего привлекательности.

– Ой, я почти все выпила... – спохватилась она.

– Вот и отлично. Спокойно допивайте до конца.

– А как же вы?

– Обо мне не беспокойтесь. Во-первых, я только что попил. Как раз перед Вашим пробуждением. А во-вторых, сейчас мы окунемся в море, и я отведу Вас к холодной и вкусной воде, – пообещал я и протянул ей кроссовки.

– Зачем они мне? – искренне удивилась она. – Мы же в море идем.

– Обувайтесь. Песок сейчас очень горячий. Как в пустыне Сахара, а то и того более. Пока мы дойдем до воды, Вы ноги до пузырей обожжете.

Оставив обувь у кромки мокрого песка, мы пошли к отступившей полосе прибоя босиком по разогретому на солнце тонкому слою осклизлого ила, подернутого светло-зеленой тиной. Ил шевелился от копошащегося в нем великого множества мелких крабов, многоножек и прочей живности. Море было теплым и на удивление спокойным.

Поплавав с полчаса, мы вернулись к лагерю. Я бросил ружье на подстилку и перетащил ее в сместившуюся тень. Мария Юрьевна остановилась на солнцепеке, подставляя спину горячим лучам.

– Оденьтесь, обгорите ведь.

– Да я ненадолго. Только отогреюсь немножко, – оправдывалась она.

Я протянул ей штормовку.

– Наденьте. Вы уже и так покраснели, как рак. Соберайтесь. Пойдем к холодной пресной воде.

Она отрицательно покачала головой.

– Нет. Это в другой раз. А сейчас пойдете домой. Я очень волнуюсь, что там без меня творится.

– Куда Вам спешить? Вам же не на службу. Вы, к тому же, говорили, что живете совсем одна.

Несколько минут Мария Юрьевна сидела молча. Потом сказала:

– Ну, знаете... Может, например, позвонить сын.

Она достала из косметички мобильный телефон, нажала кнопку вызова и приложила к уху. Я отвел ее руку и ткнул пальцем в экран мобильного.

– Видите – сигнал базовой станции отсутствует. Так что звонить бесполезно.

– Интересно, почему? Сейчас ведь откуда угодно позвонить можно.

– А отсюда нельзя. И неизвестно, будет ли это вообще когда-нибудь возможно.

– Опять загадка.

Я предпочел промолчать, хотя понимал, что это немного нетактично.

– Тогда тем более нужно идти домой, – сказала она без намека на сомнение. – Только... перекусить бы чего-нибудь.

– К сожалению, у нас все съедено и выпито. Если бы мы пошли к пресной воде, – я указал в сторону лагуны, – я бы Вас накормил через полчаса после прихода. Там, в просторной пещере, у меня есть походная газовая печка, кое-какая посуда, инструменты. Ну, там... еще кое-что. Предлагаю сейчас же туда отправиться.

– Нет-нет! – запротестовала она. – Как-нибудь потом. Мне нужно домой. Вы говорили, что я могу уйти, когда захочу. Помните?

– Конечно. Вы в любое время вправе это сделать.

– Тогда собираемся. Пожалуйста, отведите меня домой – сказала она тоном, не терпящим возражений. И после небольшой паузы, улыбнувшись, добавила: – Ничего не поделаешь – придется возвращаться натошак.

XVI

Мы с Марией Юрьевной общались от случая к случаю. Так уж повелось с самого начала. Как правило, после каждого контакта ее телефон не отвечал по несколько дней кряду. Номера своей мобилки она мне почему-то не давала. То ли случайно, то ли намеренно – до сих пор не пойму. Обещала, но всякий раз в силу каких-либо причин это обещание не выполнялось. По ее словам, на память она его не помнила, а позвонить с него на мой мобильный как-то не получалось. То в ее мобилнике аккумулятор разрядился, то за conversa-

ми просто забывала продиктовать его из записной книжки, то возникало еще что-нибудь непредвиденное. После некоторой паузы в общении она, как правило, вдруг объявлялась – могла запросто позвонить на мой домашний по собственной инициативе и, как ни в чем не бывало, весело болтать минут сорок кряду просто так, ни о чем.

Так же и в этот раз. Вернувшись с нашей вылазки к морю, она исчезла до кануна Нового года. Я неоднократно звонил ей, в дозволенное время, разумеется. Но к телефону никто не подходил. И только тридцать первого декабря она ответила. Ее голос звучал задорно, по-праздничному. Она терпеливо выслушала мое новогоднее поздравление с наилучшими пожеланиями, с радостью ответила взаимным приветствием, доброжелательно поддержала разговор и охотно приняла мой подарок. Подарком была десятикилограммовая рыба, выловленная в этот день на удочку в бурной реке, впадающей в лагуну. По опыту я уже знал, что у этой рыбы нежное, вкусное и ароматное мясо. Костей нет, только хрящи. Кроме того, ее брюхо было полным-полно набито оранжевой икрой, и каждая икринка – размером с вишневую косточку. Мария Юрьевна, в свою очередь, подарила мне бутылку армянского коньяка и баночку малинового варенья. Весело шутила, звонко смеялась и говорила, что до сих пор ее не покидает ощущение, будто все, что случилось в католический Сочельник, произошло в ее чудесном сказочном сне. Словно она, подобно кэрролловской Алисе, побывала в Стране Чудес или

в Зазеркалье.

На мое предложение встретить Новый год вдвоем у моря Мария Юрьевна ответила тактичным отказом. Сказала, что к ней должны прийти какие-то знакомые и родственники. Я намекнул, что был бы не прочь принять участие в их застолье, но она то ли не поняла моего намека, то ли просто игнорировала его как бестактность. Так что я в свой любимый праздник был обречен на тоскливое одиночество.

Мы распрощались у ее калитки сразу после обмена новогодними подарками. Было морозно. Сыпал снег, мелкий и частый. Откуда-то слышалась веселая музыка. Там и сям мелькали радостные лица прохожих. Они щедро осыпали друг друга веселыми шутками и новогодними приветствиями, а у меня на праздничный настрой и намека не было. Только гнетущая тоска и раздражающее душу чувство, похожее на обиду.

Я пытался подавить негативные эмоции и, как обычно в подобных случаях, поставить себя на место Марии Юрьевны. В самом деле, почему это я вообразил, что она должна меня приглашать? Быть может, у них своя, давно сложившаяся компания, в которой все друг друга отлично знают, и никто никого не стесняется. А в моем присутствии кто-то из них, возможно, будет себя чувствовать скованно, дискомфортно. Да и как она, воспитанная женщина, посмела бы навязать своим близким общество совершенно незнакомого человека без необходимости? Ведь и сама-то она знала меня,

как говорится, без году неделю. И как бы она им меня представила, не вызвав ненужных домыслов?

Будто бы все логично, однако от этих рассуждений щемящее чувство не развеялось. Чтоб от него отвлечься, я решил заняться своими исследованиями.

Открытая мной пещера оказалась исключительно удобной для лагеря. О таком месте я и мечтать не смел. Правда, ее минусом была некоторая сырость. Но я не сомневался, что это суший пустяк по сравнению с недостатками, присущими палатке, разбитой где-нибудь в лесу, в каньоне или на открытой поляне. Пещера надежно защищает от ветра, дождя, грозы, жары и нападения диких животных. Это надежная крыша над головой. В ней можно развести костер, чтобы обогреться или приготовить пищу. А со временем там можно будет также сложить из камней удобную печь.

При каждом посещении лагеря я приносил туда что-нибудь из предметов жизненной необходимости: топор, лопату, ломик, пилу, молоток, кувалду, запасные баллоны с газом для походной газовой плиты, ведра и тому подобное. Кроме того, на всякий случай я отнес туда все консервы: и те, что купил недавно, и те, что оставались от моих прежних холодацких запасов.

К пещере я ходил в основном напрямик, то есть на восток по выходе из шлюза. За истекшее время я, по логике вещей, должен был протоптать туда тропу, но приминаемая мной трава обладала такой жизненной силой, что за сутки-другие

успевала выпрямиться, скрывая все мои следы, оставленные накануне. В еще большей мере этому способствовали дожди, которые там весьма и весьма часты. Так что каждый раз мне приходилось снова испытывать все трудности пути по целине.

Чтобы повторно не спотыкаться об одни и те же камни и не проваливаться в одни и те же рытвины, я решил проवेशить дорогу к лагерю. Это дело оказалось весьма хлопотным. Нужно было нарубить полутораметровых кольев, забить их в грунт на расстоянии примерно двадцати метров друг от друга, привязать на конце каждого по флажку, желателю оранжевому, чтобы четко различать свои вехи среди яркой зелени густой травы. Так как путь до спуска к лагерю составлял не менее полутора километра, мне требовалось около восьмидесяти кольев. На то, чтобы подыскать первую подходящую для вехи ветку, спилить ее и обтесать, у меня ушло полчаса. В процессе работы я, конечно же, приобрел бы необходимый опыт и навыки, и дело бы пошло быстрее. Но находить в зарослях нужный материал с каждым разом становилось бы все труднее. Поняв, что с этой работой мне одному не справиться, я после некоторых раздумий заказал колья в плотницкой фирме, которую нашел по объявлению в местной газете. Сделать это хотелось поскорее, поэтому пришлось уплатить еще за срочность и доставку к самой дверце шкафа-шлюза.

Денег-то теперь у меня, слава Богу, на это хватало. Старый

ювелир тогда не обманул – продал все до единой жемчужины с выгодой для нас обоих.

Конечно, мне было бы очень удобно нанять людей и для провешивания дороги. Но это, несомненно, привело бы к скорой потере моей монополии на новый мир, где я считал себя владыкой целой планеты и был реальным обладателем несметных сокровищ. Разглашения тайны Марией Юрьевой я не опасался. Она пока что и предположить не могла, что мы имеем дело с иной планетой. Да и Расскажи она кому-то о нашей рождественской вылазке, ей бы все равно никто не поверил. Я был убежден, что и сама она прекрасно понимала, что в таком случае ее сочли бы сумасшедшей или наркоманкой, принимающей галлюциногены большими дозами. Кроме того, в скором будущем я надеялся разделить с нею свое владычество на равных.

Грунт по дороге к лагерю почти везде был податливый, и вбивать в него колья особого труда не составляло. Труднее было перемещать весь их запас по мере продвижения к лагерю. Здесь мне пригодилась старая тетина коляска, которая невесть сколько лет простояла в сарае, заваленная поломанной мебелью и прочим хламом. Летом я совсем уж было собрался ее выбросить, но руки так и не дошли. И слава Богу. Я вспомнил о ней, когда пришлось доставлять в лагерь вещи первой необходимости. Выволок ее из сарая, смазал колеса и заменил некоторые трухлявые доски кузова, а вернее – ящичка, привинченного болтами к двухколесному шасси.

Коляска стояла у выхода из шлюза, накрытая полиэтиленовой пленкой и готовая к немедленному использованию. Погрузив в кузов колья с оранжевыми вымпелами, закрепленными по моему заказу исполнителями, я покатил ее по направлению к лагерю.

Первую вежу я вбил в двадцати метрах от шлюза, едва забрезжил рассвет. Было холодно, пришлось надеть неоднократно испытанный штормовой костюм. Но утренний холод вскоре сменился нестерпимым зноем, и пот начал заливать глаза. Повязав бандану, я упорно продолжал работу. Ужасно хотелось сбросить штормовку, но во избежание солнечных ожогов этого нельзя было делать. Солнце пекло нещадно. Я весь истекал потом и поминутно пил воду. Тут моя коляска сослужила еще одну службу. Как все же хорошо, что я ее в свое время не выбросил. Вместе с кольями и тяжелым молотком я погрузил в нее пятилитровую пластиковую баклажку, наполненную по самое горлышко холодной газированной водой. Баклажку я предусмотрительно обшил толстым слоем войлока и обильно смочил, чтобы вода в ней оставалась холодной дольше обычного.

Несмотря на палящую жару, работа продвигалась успешно. Для дороги я выбирал участки, по возможности ровные и без камней.

Солнце еще не достигло верхней кульминации, а за мной на фоне ярко-зеленой травы уже четко просматривался протяженный след из оранжевых флажков, извивающийся среди

небольших холмиков и выбеленных экваториальным солнцем валунов.

Я в очередной раз прервал работу, чтобы передохнуть, чего-нибудь пожевать и утолить жажду. Выпив солидную порцию воды и проглотив последний запас съестного, я забрался под коляску, ибо поблизости не было никакой другой тени. Мои часы показывали без четверти четыре утра. Я про себя констатировал, что Новый год в Елизарово наступил почти четыре часа тому назад, и я его встретил здесь, в работе. В нашей семье бытовало поверье, что как встретишь новый год, так его и проведешь. Получалось, что весь будущий год мне предстоит провести в работе. Для кого как, а для меня это неплохо. Все это время я работал с энтузиазмом, отвлекаясь лишь на то, чтобы попить. От жары есть не хотелось совсем.

Только сейчас я понял, что такое работать в экваториальную жару. Воздух был прогрет не меньше, чем до сорока–сорока пяти градусов. Смертельная усталость внезапно сморила меня. Несмотря на ужасающий зной и прочий дискомфорт, меня стал одолевать сон. Но я не хотел засыпать здесь, в незащищенном месте, опасаясь змей, хищников и неизвестности вообще.

Мучительно преодолевая желание лежать, я вылез из тени, выпил с поллитра воды и, оставив на произвол судьбы коляску с кольями, увенчанными оранжевыми вымпелами, двинулся в обратном направлении, прихватив с собой ору-

жие и баклажку с остатками воды. Идти по вехам было намного легче, чем просто брести по пояс в траве. Ведь проведшая дорогу, я обходил крупные камни и рытвины, а также увесистые сучья, принесенные из леса на открытую местность бурями и ураганами, по-видимому, весьма нередкими в этой местности. Кроме того, мне удалось немного расчистить дорогу, оттаскивая в сторону камни и сучья поменьше.

С трудом переставляя ноги, я шел, гордый тем, что успел сделать для освоения здешнего мира. В самом деле, результат сегодняшней работы был налицо. Ранее, еще до посещения пляжа Марией Юрьевной, я многое сделал по обустройству лагеря и попутно измерил продолжительность местных суток. Неподалеку от своей стоянки расчистил ровную горизонтальную площадку, воткнул в ее центре вертикальный двухметровый кол и вознамерился через каждые десять или пятнадцать минут отмечать колышками положение конца отбрасываемой им тени. Но вскоре до меня дошло, что это будет неоправданно часто и существенно отвлечет меня от работы по обустройству лагеря. Поэтому я делал отметки с интервалами около часа и фиксировал по своим кварцевым часам соответствующее время, занося результаты в память наладонного компьютера. Погода в тот день стояла ясная, и к местному вечеру я построил траекторию движения конца тени, проведя через полученные отметки кривую линию. Она представляла собой дугу, сильно вытянутую с запада на восток. Таким образом, точка на этой кривой, ближайшая к ко-

лу, соответствовала местному астрономическому полудню. Она отстояла от его основания не более чем на ладонь, а это значило, что я нахожусь где-то вблизи экватора. В течение следующего местного дня я фиксировал время прохождения тени через те же метки. Разность последнего и предыдущего значений времени, когда конец тени совпадал с определенной отметкой, давала продолжительность местных суток. По моим подсчетам, в среднем она составила тридцать пять часов и пятьдесят семь минут.

Этот результат меня ошеломил. Когда-то я вычитал в научно-популярной литературе, что человек, изолированный от внешней среды и не получающий никакой информации о ходе времени, вскоре начинает жить по тридцатишестичасовому циклу. Причем, с двадцатичетырехчасового цикла на тридцатишестичасовой организм перестраивается в течение всего одной недели. Уж не с этой ли планеты пришли на Землю наши предки?

Жара стала нестерпимой. Я чувствовал, что вот-вот рухну на землю от солнечного удара. Сердце ухало, как пневматический молот. В висках пульсировала закипающая кровь, а мозг, казалось, был в полужидком состоянии. Сил у меня почти не осталось. Как видно, сказывался возраст, которого я до недавнего времени почти не ощущал. А нужно было еще как-то дойти до шлюза. Мысль о том, что когда я до него доберусь, то смогу выйти во двор и сколько угодно дышать морозным воздухом, придала мне бодрости. Я с жадностью вы-

пил солидную порцию воды, а ее остатками смочил бандану и капюшон штормовки. Мокрую бандану я повязал вокруг шеи – охладить сонные артерии, а капюшон накинул на голову. Идти стало чуточку легче, но пот из меня лил ручьем. Вся одежда намокла и отяжелела. Адский зной замедлял мое мышление, сковывал движения, высасывал из меня остатки энергии.

У входа в шлюз я был близок к обмороку. Кое-как взобравшись по стремянке, я отчаянно напряг последние силы, втащил ее вовнутрь и поспешил в свой подвал. Из открывшегося проема на меня хлынула вожделенная прохлада, и я с наслаждением окунулся в нее, жадно хватая холодный воздух. Не мешкая ни минуты, я переделся в сухую одежду и вышел во двор, обильно заваленный снегом. Я наслаждался морозным воздухом, глотал, просто пил его. Хотелось раздеться и вывалиться в сугробе, как это делают сибиряки в лютый мороз, напарившись у себя в бане. Экваториальная жара проникла в мое тело настолько глубоко, что я никак не мог охладиться. Она продолжала жечь меня изнутри, несмотря на двадцатиградусный мороз на улице.

Ко двору, что через дорогу напротив, тихо подкатило такси. Спустя минуту – второе. Из калитки, пошатываясь и громко галдя, вышла подвыпившая компания и направилась к машинам. Кто-то попытался затянуть песню, но его не поддержали, и он замолк. Усталые хозяева провожали захмелевших гостей. Завязался было громкий спор: куда кому садить-

ся. Оживленно поспорив с полминуты, гости, в конце концов, кое-как расселись. Голоса утихли. Машины укатили одна за другой так же бесшумно, как и приехали. Хозяева вернулись в дом. А я все стоял, вдыхая освежающий морозный воздух, пока не почувствовал, что мои наполовину сварившиеся внутренности, до предела размягченные кости и раскаленная душа охладились, наконец, до комфортной температуры. Да, после работы в условиях экстремальной жары достаточно лишь охладиться, и жизнь снова покажется прекрасной.

XVII

К православному Сочельнику я доставил в лагерь такой запас продуктов, которого, по моим прикидкам, должно было хватить на двоих не меньше, чем на месяц. Кроме того, привез туда на коляске печку «буржуйку». Правда, поначалу возникли проблемы с ее транспортировкой. Она была тяжела для одного человека. Пришлось ее разобрать и по частям худо-бедно втащить в шлюз, а потом перевезти в лагерь и без особого труда собрать на месте. Мой грот имел высокий свод, но я все же сделал из гофрированной трубы, купленной в хозяйственных рядах елизаровского базара, дымоход и вывел наружу, увенчав сверху жестяным колпаком в форме конуса.

Очень кстати пригласил старенькая полуторная кровать, оставшаяся от покойной тети. Переселившись в елизаровское жилище, я хотел было выставить ее за калитку, чтобы

какой-нибудь несчастный бомж сдал в металлолом, но завертелся в текущих делах и совсем о ней забыл. Теперь для обустройства двух относительно комфортных спальных мест в лагере я использовал и ее, и новенькую раскладушку, приобретенную в магазине экспедиционного и туристского снаряжения. Так что к Рождеству мой грот вполне мог, на мой взгляд, служить базой для отдыха и исследования нового загадочного мира.

В тот день я с утра не находил себе места от волнения. Придет или опять найдет уважительную причину? Позвонить? Пожалуй, не стоит. Мария Юрьевна – человек эмоциональный, может воспринять мое беспокойство как назойливость и отказаться от дальнейшего сближения. Нужно проявить терпение и выдержку. Ждать.

Она обещала позвонить к вечеру. Да. Растяжимое понятие. Нужно как-то убить время, чего я никогда не умел. Мне всегда не хватало времени, и я привык его ценить, как ничто другое. Любую потерю можно восполнить, только не время. Особенно в моем возрасте, когда его уже так мало остается на жизнь. Я пытался занять себя каким-нибудь делом, но не мог ни на чем сосредоточиться. Никакая работа не клеилась. Все валилось из рук. Смотреть телевизор не хотелось. Больше сотни каналов, но никакой из них меня не интересовал. Попытался читать книгу – не получилось. Механически пробежал глазами строки, читал текст, но смысла не воспринимал.

Накормил Джека. Барсик куда-то запропастился, несмотря на морозную погоду. На мое «кис-кис» не прибежал. И где его нелегкая носит?

Занялся уборкой квартиры. Подмел и вымыл пол. До обеда далеко. Наполнил ванну. Начал мыться, хоть только вчера вечером основательно выкупался. Воду сделал горячей, насколько можно было терпеть. Разомлел. Еле потом отдышался. Без аппетита пообедал. Прилег на диван – может, усну. Задремал, но через полчаса проснулся.

Оделся и вышел на улицу. Подался бесцельно бродить по магазинам. Ничего, конечно же, не купил. Вернулся затемно. Проверил автоответчик. Как и следовало ожидать, никто не звонил.

В темноте уселся в кресло, чтоб подремать. Но мои нервы были настолько взвинчены, что ни о какой дреме не могло быть и речи. Пытался думать о том, как мы с Марией Юрьевной будем вместе праздновать Рождество. Воображение рисовало множество картин – одна краше другой. Опять «воздушные замки»...

Пронзительная мелодия телефона прервала мои размышления.

– Слушаю! – тихо ответил я, изображая абсолютное спокойствие.

– Со Свят-вечером, Артем Тимофеич!

Мария Юрьевна сказала это настолько нежным и мягким голосом, что я тут же обрел полный душевный комфорт. От

недавнего волнения не осталось и следа.

– Христос рождается, дорогая Мария Юрьевна! Я весь в ожидании Вашего прихода.

– Уже выхожу.

Медленно, неспешно шли мы по недавно провешенной дороге навстречу экваториальному солнцу, еще не показавшемуся из-за кудрявых верхушек деревьев. Утренние сумерки до конца не рассеялись, и было сыро. В этот раз Мария Юрьевна нисколько не сомневалась, что мы придем к морю, и оделась, что называется, по форме. На ней были поношенные джинсы в обтяжку, светло-голубая футболка, джинсовая куртка и широкополая пляжная шляпа из белого фетра. На ногах – черно-белые кроссовки поверх толстых серых носков. Одежда, обувь, походка, жесты – все подчеркивало ее женственность и притягательность. Стесняясь своего возраста, я украдкой любовался ею и, как в молодости, в мыслях строил насчет нее «воздушные замки».

Холодный белый туман стелился по низинам, чернеющим в утренней мгле, и буквально на глазах тяжелой обильной росой оседал на траву, листву, камни и почву. Мои ноги, мокрые выше колен, заледенели от холода. Мы основательно продрогли, и я опасался, что Мария Юрьевна, не желая терпеть этот дискомфорт, повернет домой. Но она, полностью доверившись мне, мужественно шла вперед. Когда мы приблизились к спуску в каньон, почти совсем рассвело, но солнце еще не начало прогревать воздух.

В основном, мы молчали, думая каждый о своем, и лишь изредка перекидывались короткими фразами. Она с нескрываемым любопытством смотрела по сторонам, восхищаясь непривычным ландшафтом, подернутым легкой дымкой утреннего тумана. Временами она останавливалась, чтобы сорвать яркий цветок или травинку, и аккуратно складывала их в живописный букет.

– Удивительно красивые цветы. Впрочем, как и все здешние растения. Как жаль, что я не художница! Я бы запечатлела всю эту красоту. Здесь такие великолепные пейзажи. Сами на холст так и просятся.

– А по-моему, то, что мы с Вами видим, это само по себе – наивысшее искусство, и никакая живопись, никакое описание не может и приближенно сравниться с величием, мощью и красотой дикой природы.

– А музыка?

– Ну, музыка – это, по-моему, особ-статья.

Мария Юрьевна кивнула в знак согласия и широко улыбнулась.

– Далеко еще идти? – поинтересовалась она, пробираясь вслед за мной к спуску сквозь густые заросли кустарника.

– Мы почти у цели. Осталось лишь немного спуститься, и будем в лагере.

– В лагере? – она взглянула на меня с удивлением, словно впервые услышала это слово. – В пионерском, что ли?

– Нет, скорее в экспедиционном.

– Вы участник экспедиции? Опять загадка. То Вы говорите о какой-то там лаборатории, теперь об экспедиции, о лагере. Чем больше я Вас узнаю, тем загадочнее Вы мне представляетесь.

– В который раз повторяю: никаких загадок. Лабораторией я, наверное, неудачно назвал все, что Вы видите здесь – вокруг нас. Экспедиция – это моя работа в этих местах с целью изучения всего окружающего. Ну, а лагерь – он и есть лагерь. Там я базируюсь, храню все необходимое для экспедиции.

Она остановилась и, небрежно сдвинув набекрень шикарную шляпу, внимательно посмотрела мне в глаза.

– Один базируетесь, что ли? Сколько человек в Вашей экспедиции?

– Пока один. Но хочу расширить ее состав. Приглашаю Вас к сотрудничеству.

Она посмотрела на меня с удивлением.

– Никак не могу понять, Артем Тимофеич, когда Вы шутите, а когда нет. Где мы все же сейчас находимся? Можете показать это место на карте, хотя бы приблизительно?

– Нет, не могу. Такой карты пока не существует.

– Как это, не существует? Ну вот – снова загадка.

Я не ответил, так как сосредоточил внимание на спуске по уступам. Идя впереди, я поддерживал ее, и она охотно принимала мою помощь. Наконец, мы спустились на широкую террасу и вскоре оказались у входа в пещеру.

– Вот мы и дома, – сказал я, ступая в направлении темного проема по камням, омываемым журчащим ручьем. – Здесь наш лагерь.

– В пещере, что ли? – удивилась она.

– Да, в пещере. Лучшего места для лагеря не найти. Здесь ни ветра, ни ненастья. И обогреться можно в холодное время. – Я указал на гофрированную трубу дымохода.

Она, как мне казалось, не поняла ее назначения и автоматически последовала за мной. Войдя в пещеру, я включил светодиодный фонарь. Свод и стены ярко заискрились в плотном потоке света, и Мария Юрьевна замерла, как зачарованная.

– Ух, ты! Красотища какая! Что там за кристаллы? Как бриллианты сверкают!

– Думаю, это горный хрусталь или какая-то соль, выступившая из горных пород под действием влаги, – ответил я, направляясь к боковому гроту, в котором, собственно, и был разбит лагерь. – Уточним, когда возьмем образцы и отнесем на анализ.

Я сбросил рюкзак на камни, и Мария Юрьевна сделала то же самое.

– Да здесь у Вас все капитально обустроено. Даже печка и посуда есть! Как у заправского хозяина на даче.

Я не отреагировал на ее реплику и спросил, как бы невзначай:

– Вам нужно переодеться, чтобы идти на пляж?

– Куда так спешить? Давайте немножко отдохнем после нашего перехода.

– Как хотите. Но разве не отдых на пляже? Там и Рождество отметим, как можем. Но как пожелаете. Я согласен делать так, как удобнее Вам. Это мой долг гостеприимства. Ведь Вы у меня в гостях. Можете прилечь, если хотите.

Я указал на кровать, и Мария Юрьевна тут же повалилась на нее. Она лежала, смежив глаза, едва заметно улыбаясь, и не отвечала на мои вопросы. Я осторожно прикрыл ее теплым шерстяным одеялом и по ее дыханию понял, что она уже спит. Я прилег на раскладушке, накрывшись плотным ковриком. Как-никак, усталость после пешего перехода все же сказывалась, да и время по земным часам было уже позднее. Я выключил фонарь и не заметил, как тоже уснул.

Проснувшись, я поначалу никак не мог понять, где нахожусь. Но через минуту сориентировался, включил фонарь и посмотрел на часы. Они показывали четверть восьмого утра. От яркого света проснулась и Мария Юрьевна. Она села и сладко зевнула. На мое предложение завтракать на пляже ответила утвердительным кивком.

После утреннего туалета мы отправились к морю. Солнце к тому времени успело основательно прогреть воздух и пробудить природу, уже ставшую мне знакомой. Вокруг нас, жужжа, носились неисчислимые рои насекомых. В зарослях на все голоса кричали их дневные обитатели. Из-под ног, шурша, выскакивали причудливые рептилии, юркие грызу-

ны и прочая живность и тут же исчезали в траве, под камнями, в расщелинах скал – где только можно было укрыться.

Река, с грохотом, стуком и скрежетом ворочая на дне камни, несла свои шумные ледяные воды к морю, образуя на поверхности бурные водовороты и пенистые буруны. Стаи рыб, блестя чешуей, стремительно неслись против течения, порой выпрыгивая из воды и снова в ней исчезая. Было забавно видеть, как при нашем приближении с каменистого берега плюхались в клокочущую воду амфибии, ящерицы и небольшие змеи. Всюду кипела жизнь, все было наполнено буйством живой природы.

По правому берегу мы спустились к лагуне и, немного пройдя вдоль полосы прибоя, расположились в плотной тени раскидистого дерева с широкими глянцевитыми листьями. Освежившись в прозрачных волнах, мы стали готовиться к праздничному завтраку. Я разостлал подстилку, поставил на нее бутылку шампанского, пластиковые стаканы и фляжку с коньяком. Мария Юрьевна разложила сыр, колбасу и вареные яйца. Потом яблоки, груши, апельсины, овощи, соленья и специи. Наскоро приготовив несколько бутербродов, я спросил:

– С чего начнем? С шампанского или коньяка?

Она ответила мягкой солнечной улыбкой и мелодично пропела:

– Мне шампанского. Совсем немножко. Кстати, я не люблю, когда его открывают с выстрелом.

– Я тоже, – сказал я в поддержку, хотя мне было от этого ни холодно, ни жарко.

Накрыв бутылку полотенцем, я бесшумно освободил под ним пробку. Пенной янтарной струей полилось в стаканы искристое шампанское. Мария Юрьевна произнесла короткий тост:

– С Рождеством!

– Христос рождается!

Осушив стаканчик, я принялся с аппетитом уплетать бутерброд, то и дело отгоняя надоедливых мух. От второй порции шампанского моя компаньонка вежливо отказалась. Мне хотелось дернуть еще и коньячка, но, чтобы она не сочла меня алкоголиком, пришлось воздержаться.

Как и в прошлый раз, по раскаленному песку приходилось идти к воде в кроссовках и оставлять их у самого берега, придавив на всякий случай увесистыми камнями. Марию Юрьевну тянуло подальше от берега, но я поставил условие: либо она будет плавать там, где я, либо я буду вынужден покинуть пляж. Она недоумевала, почему я противлюсь ее желанию поплавать вдали от берега, требовала объяснений. Но я, боясь ее напугать, от объяснений уклонялся. Она нехотя согласилась, обозвав меня тираном и шантажистом, не желающим считаться с женщиной. Я плавал с подводным ружьем за спиной, а у моего пояса неизменно висел тяжелый нож, дополнительно сковывающий движения. Я мучился, но терпел во имя безопасности.

Мария Юрьевна резвилась, как девчонка. Она упорно не хотела нырять с маской и трубкой, пользовалась только ластами, причем умело и эффективно. Я доставал со дна раковины и выбрасывал на берег, а она относила их к нашему дереву и прятала среди камней, чтобы не утащили охочие до них многочисленные птицы. В юности мне в спортлагере неоднократно приходилось лакомиться мидиями. Теперь хотелось порадовать Марию Юрьевну местными моллюсками.

– Должно быть, они вкусны, раз их так жадно хватают здешние птицы, – заключила она, наблюдая за охотящимися на них пернатыми.

Кроме того, я пытался охотиться на рыб, сновавших вокруг многочисленными стаями. Однако они никак не подпускали меня на расстояние выстрела. Я понял, что даже при таком обилии рыбы охота на нее – дело отнюдь не простое.

В конце концов, мне все же удалось загарпунить рыбину длиной более метра. Прежде чем вытащить ее на берег, довелось основательно помучиться. Мария Юрьевна была в восторге:

– Какая огромная! Прямо-таки акула! Да... отдых у нас с Вами воистину активный!

С ближайших кустов мы наломали пышных веток и обложили ими мой трофей со всех сторон. Стояла испепеляющая жара. Над нами нависало горячее небо, словно огромный купол, раскаленный до голубого свечения. Чтобы не перегреться, каждые пятнадцать-двадцать минут приходилось

окупаться в море. И мы после укрытия рыбы тотчас побежали к спасительной лагуне.

Вода была настолько теплой, что в ней невозможно было замерзнуть. Мы плескались минут сорок и, наконец, вышли на берег немного отдышаться. Только теперь я заметил, что солнце начали заволакивать густые кучевые облака. Вода в лагуне, еще недавно такая голубая, стала свинцово-серой. Вдали на верхушках волн там и сям вскипали белые гребешки, словно вспархивали белокрылые бабочки.

Но по-прежнему было душно, как в сауне. С моря повеял ощутимый ветерок. Он вынудил нас поскорее одеться и двинуться в лагерь. Темно-серые облака опустились над морем настолько низко, что до них едва не доставали гребни волн, пляшущих за грядой черных шхер.

– Похоже, сейчас хлынет дождь, – сказала Мария Юрьевна и, словно в подтверждение ее слов, со стороны моря до нас докатилось отдаленное бормотание грома.

– Да, похоже. Скорее, Мария Юрьевна. Нужно успеть в лагерь до того, как разразится гроза.

Я быстро вырезал добротную палку и продел через пасть и жаберную крышку нашей рыбы. Затем взвалил на спину рюкзак с пожитками, и мы двинулись к лагерю, неся рыбу вдвоем на палке.

– Куда мы торопимся? Чего бояться теплого летнего дождя? Мы же не сахарные – не раскиснем. К тому же я немного сумасшедшая – люблю бродить по лужам под проливным

дождем.

– Как видите, собирается не просто летний дождичек. Грядет гроза! А грозы здесь совсем не такие, как в нашем Елизарово, а чуточку посерьезнее.

Не прошли мы и пяти шагов, как над нашими головами ярко свернула молния. Раздался громовой раскат такой силы, что Мария Юрьевна чуть присела от неожиданности.

– Господи Иисусе! Да здесь действительно грозы страшные!

– Спокойно, дорогая, спокойно. Мы уже почти дома. Осталось только подняться на кручу.

Облака так сгустились, что стало сумеречно, почти темно. Мы преодолели последний уступ, когда прямо перед нами на камень шлепнулась крупная дождевая капля. Вторая упала мне на плечо. За нею еще и еще. И тут хлынул сплошной ливень. Скалы стали скользкими, как стекло, и последние метры пришлось по ним карабкаться с особой осторожностью, чтобы не соскользнуть вниз, где зловеще ревела горная река.

Наконец, мы выбрались на террасу и побежали к спасительной пещере.

– Оставьте рыбу! Я сам ее понесу! – кричал я сквозь гул ливня и раскаты грома.

Но Мария Юрьевна, ни слова не говоря в ответ, бежала вперед, крепко держа на плече конец палки. В пещеру мы ворвались как ураган, мокрые насквозь. Там было темно и только вспышки молний время от времени на миг освещали

каменистый коридор таинственным зелено-голубым светом. Звуки грома гулко отдавались в пустом пространстве пещеры.

– Теперь можно положить рыбу, и я попробую включить фонарь. Если он, конечно, не промок настолько, что не будет работать.

К счастью, фонарь не пострадал, и его свет оживил наше темное убежище. Войдя в сухой грот и сбросив мокрую одежду, мы наскоро вытерлись и, не сговариваясь, повалились в постели, чтобы поскорее согреться. Меня одолевал сон, и я выключил фонарь.

Сидя на постелях и используя как стол валун, мы обедали жареной рыбой, которую Мария Юрьевна мастерски приготовила на походной газовой плите.

– Такой вкусной рыбки я еще в жизни не ела. Интересно, как она называется? – спросила Мария Юрьевна, дожевывая ароматный кусочек.

– Пока никак. И Вы сами можете придумать ей название.

– Как это, никак? Если Вы этого не знаете, это еще не значит, что это не ведомо никому. Кто-то ведь должен был как-то ее назвать.

– Возможно, Вы и правы. Но дело в том, что мы пока достоверно не знаем, есть ли здесь люди. Кроме нас с Вами, конечно же. Если нет, то называть ее было некому.

– Что Вы такое говорите, Артем Тимофеич! Все океаны соединены и образуют единый Мировой океан. Так что лю-

ди, несомненно, уже знают эту рыбу. Или родственные ей виды.

– Оно-то так, но я Вам ручаюсь, что ни в одном из океанов, которые Вам известны, такой рыбы нет.

– И снова Вы говорите что-то непонятное. Хватит меня интриговать. Откройте, наконец, карты, Артем Тимофеич!

Мария Юрьевна кокетливо расхохоталась. Я подошел к ней и впервые решился обнять ее за плечи. Она продолжала сидеть, не отстраняясь. С минуту мы молчали.

– Рано, дорогая Мария Юрьевна. Вы пока не готовы к этому.

– Что значит, не готова? Как я должна подготовиться, по-вашему?

– Вас время подготовит. Для такой информации созреть надо. Потерпите, прошу вас. Скоро сами все поймете. Пойдем-ка лучше посмотрим, что там творится снаружи.

Мы стояли у самого выхода из пещеры, слушая непрерывный шум проливного дождя и яростный рев разнудавшейся реки. Время от времени ветвистые фиолетово-зеленые молнии, сопровождаемые оглушительными раскатами грома, озаряли мокрые деревья, кусты и скалы. При этом дождевые струи вспыхивали хрустальным сиянием и тут же гасли в мгновенно сгущавшейся темноте. Луч фонаря выхватывал из нее кусок сплошной стены дождя, за которой не было видно ни зги до очередной вспышки молнии. Мария Юрьевна попыталась выглянуть наружу, но я удержал ее за руку.

– Не подходите близко к выходу – может зацепить молния. Она послушно отступила назад.

– Ну и грозища! Обычно грозы быстро заканчиваются, а эта уже несколько часов не прекращается.

– Я, помнится, говорил Вам, что здесь не Елизарово. И сколько продлится гроза, один Бог ведает.

– Похоже, мы влипли. А вдруг это на сутки или больше? Я ведь никого не предупредила, что буду отсутствовать. Меня могут начать разыскивать.

– Кто? Кто Вас начнет разыскивать? Кого Вы так боитесь? Она задумалась. Потом посмотрела на меня, грустно улыбнулась и опустила взгляд. На ее лбу и щеках в голубоватом свете фонаря блестели дождевые капли.

– Да мало ли кто? – сказала она полушепотом. – Сын может позвонить, люди из ближайшего окружения. А меня нет. И мобильник не отвечает. Начнут друг друга спрашивать, беспокоиться. Переполошатся. Еще, не приведи Господь, в милицию заявят – пропала, мол, без следа.

– А Вы потом возьмете, да и найдете. Так что ничего страшного. Ведь у нас нет никакого выхода, кроме как сидеть и ждать, когда эта гроза кончится. Идти домой сейчас опасно. Сами видите, какие тут молнии сверкают.

– Что же нам делать?

В ее голосе прозвучали тоска и безнадежность, как у осужденной на пожизненное заключение.

– Набраться терпения, сидеть в нашем лагере и ждать, ко-

гда распогодится, – сказал я самым оптимистичным тоном, на который только был способен.

– Здесь тоскливо переждать непогоду. Ни тебе телевизора, ни радио, ни чтыва какого-нибудь. Света, и то нет. Как первобытные.

– Теперь мы, Мария Юрьевна, троглодиты, – попробовал я отшутиться.

Скрестив на груди руки, она поежилась.

– Что-то холодно. Просто не верится, что несколько часов тому назад было нестерпимо жарко. Как в топке.

– Ничего, это поправимо. Сейчас мы в нашей спальне разведем костер. Дров здесь предостаточно. Я предвидел подобную ситуацию и собирал их по дороге всякий раз, когда навывался в лагерь.

– Не угорим?

– Нет, не беспокойтесь. Здесь все продувается легким сквознячком.

Я направился было к куче хвороста, но Мария Юрьевна удержала меня за руку.

– Не нужно костер. Я не люблю, когда один бок поджаривается, а другой леденеет. Так скорее простудишься, чем обогреешься. Лучше под одеялом.

– Воля Ваша. Только одеял у меня недостаточно – по одному на каждого. Так или иначе, придется либо костер разжечь, либо «буржуйку» растопить.

Мы слышали, как за пределами нашего укрытия остер-

венело хлестал проливной дождь. Раскаты грома были настолько сильны, что казалось, сотрясали не только основания скал, но и сами основы мироздания. Пахло озоном. В полутьме ее глаза сверкали бриллиантовым блеском и будоражили во мне уснувшие было желания. Внезапно она повернулась ко мне лицом, осторожно положила руки на мои плечи и прильнула всеми точками тела. Я притиснул ее к себе и замер в нерешительности, как юноша, парализованный ее возбужденным дыханием. Глядя мне в глаза, она выдохнула в самое мое лицо:

– Ляжем вместе... тогда одеял нам, надеюсь, хватит...

17 декабря 2014 года, среда.

Харьков, Украина.

Конец первой части

Шлюз II

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

I

Разбудило меня дыхание спящей Марии. Нет, ни в коем случае не храп, а тихое, мерное, глубокое дыхание. Я понял, что выспался, и открыл глаза. Но непроглядная темень не исчезла, а продолжала окутывать все вокруг, как черное покрывало. И тут я вспомнил, что мы находимся в гроте – в моем базовом лагере. Интересно, который сейчас час? Нашупать под боком миниатюрный фонарик труда не составило, и я, заслонив собой Марию, щелкнул кнопкой. Вспыхнул голубоватый свет, казавшийся в густой тьме ослепительно ярким. На часах половина одиннадцатого. Дня или ночи? Припомнив события накануне, я догадался, что по-елизаровски сейчас день. Пора вставать. Осторожно откинув край одеяла, я вознамерился было подняться, но Мария неожиданно обняла меня за плечо и прильнула всем телом.

– Куда ты?.. – сказала она шепотом, словно здесь кто-то мог нас подслушать.

– В Елизарово пол-одиннадцатого. Вставать пора, – ответил я, нежно притиснув ее к себе.

– Зачем?.. Полежи со мной...

– Прости, не могу – по нужде...

– У-у-у... – простонала она, легонько оттолкнув меня.

Освещая дорогу фонариком и обходя лежащие на пути камни, я побрел к выходу. Судя по звонкому птичьему гомону, доносившемуся снаружи, грозы уже и в помине не было.

Я вышел из пещеры на божий свет, где разгоралось мокрое утро. Привыкшие к темноте глаза рефлекторно жмурились от слепящего солнца, и едва они адаптировались, меня поразило великолепие увиденного ландшафта. Под ярко-голубым небесным куполом сияло, обмытое дождем, многоцветное коромысло радуги. Буйствовали травы, кусты и деревья, сочные и влажные после лавинно-проливного дождя. Не успевшие высохнуть, дождевые капли блестели на них, как самоцветы. Многочасовой ливень щедро напоил и омыл растительность. Теперь она сверкала фантастически яркой зеленью. Там и сям из влажной изумрудной травы выглядывали разноцветные шляпки грибов: фарфорово-белые, кроваво-красные, темно-каштановые... Благоухали утренние цветы удивительных колеров, форм и размеров, и их красота буквально завораживала. Некоторые были не больше вишневой косточки, другие в раскрытие превосходили чайные блюда. Вокруг них роями вились многочисленные пчелы, тяжелые шмели, мелкие птички и еще какие-то создания, напоминающие разномастных летучих мышей. Подобной красоты я за всю жизнь не видывал.

Под обрывом грозно клокотали мутные воды вышедшей из берегов реки, неся к морю с бешеной скоростью множество щепок, спутанной в клубки травы, поломанных веток, черные коряги и даже целые деревья, вывороченные с корнями. Одно из них зацепилось кроной за камень и на какое-то время застряло на месте, но страшное течение с шумом развернуло его и понесло дальше – вниз, в лагуну.

С мокрых и скользких скал кое-где сбегали ручьи, образуя у края каньона мелкие водопадики. Уровень воды в реке поднялся настолько, что тропа, ведущая к нашему пляжу, лежала теперь глубоко под бурлящей стремниной. Над ее вскипающей поверхностью носились крикливые птицы, подбирая оглушенную и мертвую рыбу. Среди пенных бурунов и многочисленных водоворотов, где выжить, казалось, в принципе, невозможно, там и сям проворно скользили юркие зверьки, похожие на бобров или выдр, ловко хватая зазевавшихся рыбешек, лягушек, рептилий и прочую мелкую живность.

Пройдя немного вдоль берега вниз по краю обрыва, я повернул назад и у ручья, вытекающего из нашей пещеры, увидел Марию, перескакивающую с камешка на камешек. Прикрывшись от солнца ладонью, она помахала мне рукой.

– Доброе утро! А я думала, ты меня бросил здесь одну.

– Разве можно бросить такую женщину?! Что ты! Тебе известно, что ты очень красива?

– Думаю, ты мне льстишь. Или сугубо субъективно оцениваешь. Где-то я читала, что красота – в глазах смотрящего.

На ее лице ослепительно полыхнула солнечная улыбка.

– Давай подумаем, что нам позавтракать, а потом двинем, наконец, домой.

– Домой? Вынужден тебя разочаровать. В ближайшие три-пять часов это невозможно.

– Почему еще? Гроза кончилась, солнышко... А красотища какая! Ты только посмотри вокруг... Мне это напоминает юность, когда я в группе горных туристов по Кавказу ходила. Только здесь все много красочнее и ярче – как в райских куцах...

Я прервал ее поэтические разглагольствования:

– Путь через верх еще не просох. Там все раскисло, невероятная грязь и мокрющая трава по пояс, если не по грудь. Низом тоже не пройти – река разлилась и затопила дорогу к пляжу и, следовательно, второй путь к нашему дому. Слышишь, как бурлит? До завтра, думаю, не спадет.

– Не может быть! Дорога проходит высоко над водой.

– Сама посмотри, если не веришь. А юность, к сожалению, не возвращается, как по ней ни ностальгируй.

Ответом было молчание. Потом она нежно взяла меня за руку, и мы подошли к обрыву. Увидев, что творится внизу, Мария отшатнулась от края и молча повернула назад. Обнявшись, мы направились в свое убежище готовить импровизированный завтрак.

Миновав зенит, солнце успело высушить кусты и деревья, но почва все еще оставалась сырой. Марии Юрьевне не тер-

пелось отправиться домой, и я, наконец, согласился на это.

Мы брели по пояс в траве, увязая в непролазной грязи. Кое-где все еще блестели горячие лужи, и наши ноги были по колено перепачканы липкой грязью. Солнце жгло, как пальная лампа, и над травой поднимался пар. Было душно и влажно, словно в сауне.

Мои вехи оказались надежными – выстояли неистовую грозу и бурю, ломавшую деревья. Наши прежние следы полностью исчезли в восставшей буйной траве. Мария держалась за мою руку, и мне было неопишимо приятно, несмотря на висевший за спиной рюкзак и подводное ружье у пояса.

– Артем, – сказала она, повернувшись ко мне вполоборота.

– Да, милая, – я легонько стиснул и прижал к себе ее мягкую ладонь.

– Теперь ты должен меня очень сильно любить. Крушения наших отношений я просто-напросто не переживу. Любовь легко входит в мое сердце, но выходит очень трудно и болезненно.

– Я ведь тоже не бесчувственный чурбан. Скажу честно: опасюсь одного – это со временем тебе наскучить. Ты моя лебединая песнь. Если я тебя потеряю, то иссякну до конца. От меня и оболочки не останется.

В знак благодарности она крепко сжала мои пальцы и спросила, как бы невзначай:

– Что будем дальше делать?

Мы непроизвольно остановились. Я привлек ее к себе и нежно поцеловал. Мария мягко отстранилась.

– Жарко, а ты – обниматься-целоваться. Лучше дай воды.

Она несколько раз жадно глотнула из пластиковой бутылки и протянула ее мне. Сделав то же самое, я надежно закрутил крышку и, не глядя, сунул баклажку в рюкзак. Мария заговорила снова:

– Итак, давай поразмыслим о наших дальнейших отношениях.

– Думаю, размышлять тут особо не о чем. Перебирайся ко мне, я только-только капитальный ремонт закончил, порядок в доме навел. А свой – в наем сдашь. Введешь меня в круг своих родственников, друзей и знакомых. Поможешь в городе освоиться.

– Подумать только... Мы же так мало знаем друг друга, а нам не по двадцать лет, как-никак.

– Верно, не по двадцать. Особенно мне. Но в этом есть и свои плюсы. Что мы потеряем, если у нас что-нибудь не заладится? А спустя некоторое время, которое ты сама назначишь, оформим наши отношения. Если, конечно, до этого не разочаруешься во мне. Идет?

– Не знаю... Но терять нам, как мы только что говорили, все же есть что. Это остатки чувств, надежду, веру в себя и друг в друга...

Я согласно кивнул, а Мария продолжила:

– Надеюсь, ты меня, наконец, посветишь в свои тайны?

Ведь между нами теперь не должно быть никаких тайн, верно?

– Верно, не должно. Да у меня, собственно, и нет от тебя тайн.

– Тогда скажи, пожалуйста, как это все получается?

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, догадываясь, к чему она клонит.

– Вот это, – она обвела рукой окружающий ландшафт. – Как мы из Елизарова попадаем сюда, к теплому морю? И куда при этом наш любимый город девается?

Нестерпимо горячее солнце яростно жгло мне голову, грудь и плечи, несмотря на защитную бандану и грубую штормовку с широким капюшоном. Вся моя одежда насквозь пропиталась потом и неприятно прилипла к телу. Я обнял Марию за круглые плечи и тихо сказал:

– Честно говоря, я этого и сам не знаю. Могу тебе только известные мне факты изложить. Теперь-то ты убедилась, что я не сумасброд какой-нибудь?

Она деликатно высвободилась из моих объятий.

– Не совсем. Но с превеликим интересом тебя выслушаю. Я вся – внимание.

– Погоди. Вернемся домой, смоем с себя пот, соль, грязь, а потом за ужином я поведаю тебе все, что знаю. Согласна?

– Годится. Дай еще водички.

II

Мы долго стояли в обнимку под прохладным душем, пока

не остыли после изнурительной экваториальной жары. Кажалось, ни я, ни она целую вечность не испытывали такого блаженства.

Выйдя, наконец, из ванной, Мария разогрела борщ и жаркое, приготовленные мною три дня назад, и мы приступили к нашему первому совместному то ли обеду, то ли ужину – сказать трудно. Я так соскучился по семейной обстановке, по домашнему уюту, что чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

За окнами, испещренными замысловатыми морозными узорами, стояла сине-черная ночь и сыпал обильный мелкий снег. Во дворе, на тротуарах и проезжей части нашей улицы метель настилала сугробы, высокие, как барханы в пустыне, которые, казалось, никогда не растают.

А рядом с нами пылал камин. Разомлевшая Мария сидела наискосок от меня, опершись локтями на стол и положив на ладонь подбородок. Затаив дыхание, она жадно внимала моему повествованию, стараясь не пропустить ни одной мысли.

Ее ненавязчивая красота освещала меня неопишваемым колдовским сиянием, и я ощущал, что также сияю перед нею. Она, видимо, тоже это чувствовала. Мы наслаждались обществом друг друга. Кажалось, будто рядом с нею я стал выглядеть мужественнее, моложе, умнее, и надежнее, чем был на самом деле. Мария невероятно вскружила мне голову, словно юнцу, и вызывала у меня учащение пульса. Я чувствовал в себе необыкновенные силы и способности. Мне

даже казалось, что я умею летать. Она распространяла атмосферу таинственности, нежности, необычности, неопи-сываемой женственности и выглядела по-рождественски сказочно. В комнате витало что-то волшебное. Я просто млел от удовольствия быть рядом с нею, любовался ею и думал: «Какая роскошная женщина! Надо же – встретить ее в этом возрасте. Почему не тридцать или хотя бы двадцать лет назад?»

Я сознавал, что одержим Марией, как студент-первокурсник. Опыт зрелого мужчины, насильно загнанный мною в глубокие недра сознания, дьявольски нашептывал исподтишка: «Мы же почти не знакомы, нужно трезво разобраться в наших отношениях. Ведь любить женщину только за красоту – это приятно, но примитивно, тем более в моем возрасте. Так ведь можно и в подзаборную шалаву влюбиться». Я ужаснулся от этого кощунственного сравнения и тут же в нем раскаялся, искренне и болезненно.

– Ну вот, теперь ты, наконец, поняла, что ни во мне, ни в моих действиях нет никакой мистики.

– Как это нет? Да все здесь – одна только мистика, сплошные чудеса! – мелодично произнесла Мария, чуточку прижмуривав глаза.

– Нет-нет, никакой мистики! – решительно запротестовал я. – Никаких чудес. Только высочайшего уровня техника. А в чудеса я, как бывший человек науки, не верю ни на йоту. Это в корне противоречит моим представлениям о мироздании. Точнее, я верю только в чудеса техники, созданной на основе

глубокого знания законов и явлений природы.

Мария тепло улыбнулась и, взяв мою руку в свою, тихо спросила:

– Но чья, чья же это техника? Кто ее создатели и почему они допустили к ней тебя?

– Не знаю, милая. Я к ней приобщился совершенно случайно и вот – постепенно познаю и ее, и то, что с нею связано.

– Случайно? Ты уверен, что это не было кем-то специально подстроено?

– По-моему, здесь можно быть уверенным на все сто. Никто меня ни к чему не подталкивал, никак и ничем не стимулировал. А шкаф в подвале бабушкиного дома стоит еще со времен немецкой оккупации. Бабушка говорила, что раньше он принадлежал погибшей при бомбежке соседке – Брониславе Яновне Лубенецкой.

– Но кто его изготовил и для чего? Кто и когда им пользовался? С какой целью? Бронислава Яновна, что ли? И когда, в довоенные годы?

Я задумался, потому что этот вопрос задавал себе неоднократно и всякий раз заходил в тупик.

– А вот этих сведений у меня нет. Нужно будет старожилов расспросить, что им известно о бывшей хозяйке шкафа и иже с нею.

– Если хотя бы некоторые из них до сих пор еще живы, что, впрочем, очень маловероятно, – многозначительно добавила Мария.

– Можно с их потомками побеседовать. Быть может, они что-то от старших слышали: необычные случаи какие-нибудь, сплетни и тому подобное.

Ни слова не говоря, Мария встала, по-хозяйски закрыла ставни и задернула шторы. Потом подбросила в камин дров, налила в электрочайник воды и включила в розетку. Через две минуты он зашумел, задрезжал, заклокотал и выключился. А спустя еще пять минут она уже разливала по чашкам ароматный красно-коричневый чай.

– В кухне на полке лимон есть... – сказал я, поднимаясь со стула.

– Сиди, я сама принесу. Кстати, лимон следует в холодильнике держать – сохраняется дольше.

– Не успеет испортиться, тем более что нас теперь двое.

Мария вернулась с лимоном в фарфоровой розетке, аккуратно отрезала два кружочка – прозрачных, аппетитных, как в рекламе, и положила в чашки.

– Ты бы Джека в сени впустил – пусть песик погрееется. А если кто чужой во двор заберется, он и отсюда услышит, голос подаст. Мороз ведь градусов пятнадцать, а то и больше.

– Думаю, он не очень замерз – будка утеплена на совесть, я осенью позаботился. Но все равно сейчас приведу – пусть и у него будет праздник.

Увлеченно беседуя, мы выпили по две чашки чая. Мария откинулась на спинку старинного стула и, прикрыв наполовину глаза, сказала:

– Я просто в шоке. Этот шкаф... выход на иную планету... нонсенс какой-то. А ты уверен, что это действительно так?

– Теперь-то уж уверен. А поначалу сомневался, притом еще в большей степени, чем ты сейчас. Даже тридцатишестичасовые сутки не натолкнули меня на истину. Только две луны на небе поставили все на свои места.

– Две луны – представить не могу! Увидеть бы.

– Увидишь еще не раз. Необыкновенное зрелище! Думал, я помешался, и мне это мерещится.

– А я и сейчас так думаю. Мой рассудок отказывается признавать и то, что ты рассказываешь, и даже то, что я уже сама видела.

Мы замолкли и сидели, глядя, как в камине прогорают дрова, превращаясь в тускнеющие угли, подернутые сизой золой. У меня начали стынуть ноги, и я подбросил несколько поленьев. Дотлевающие угли рассыпались каскадом искр, осветив мебель, стены, лицо Марии и отразившись в стеклах буфета и хрустальной посуде. Поленья охватило оранжевое пламя, и на душе посветлело.

Мария заговорила так же внезапно, как и умолкла:

– Понимаешь, Артем... Как-то не понятно... Если это другая планета, то почему там все так же, как здесь, на Земле?

– Ну, уж нет. Там все по-иному. И две луны, и сутки значительно длиннее, да и все остальное тоже не по-нашему.

– По-иному, говоришь? Нет, не скажи. В море там, как и

у нас, водятся рыбы. И крабы, и креветки, и раковины. А по воздуху птицы летают, полно мух, комаров, бабочек, цикад и всяких других насекомых. И кусты там, и деревья, и цветы тоже цветут, и грибы после дождя лезут. На камнях я и ящерок видела, а ты говоришь, там и змеи есть. Как же это может быть? Наша Земля и этот мир изолированы друг от друга, и все в них должно быть по-разному. На Земле вон – в Европе живут белые люди, в Африке – чернокожие, в Азии – монголоидные. И звери везде разные.

– Ты, Мария, смешиваешь то, что не смешивается. Как вода и масло. Да, белокожие, чернокожие, краснокожие и прочие, но все они ЛЮДИ. Совершенно одинаковые люди во всем остальном. Так и здесь: рыбы, птицы, крабы, мухи. Но посмотри, как они разительно отличаются от наших, земных. Вспомни хотя бы о монстрах-креветках.

Дрова в камине разгорелись и затрещали. Загудело мощное пламя, и в комнате стало жарко. Мария отодвинулась от огня и повернулась ко мне лицом. В ее глазах мерцали огоньки – отражения каминного пламени, а по лицу и полноватым, оголенным до локтя рукам, бегали золотистые блики.

– Но как это могло случиться – и там, и здесь сформировались подобные виды живых существ? – спросила она, ожидая исчерпывающего ответа.

– Не знаю, милая. Думаю, что тут весь секрет в законах природы, одинаковых во всей Вселенной. В ней всего сто с небольшим элементов таблицы Менделеева. Из них состоят

и Солнце, и Луна, и Земля, и падающие на нее метеориты, и звезды, и все галактики, даже самые удаленные. И везде эти элементы образуют одни и те же соединения. Возьми, к примеру, детский «конструктор» – где ни собирай из него машины или другие сооружения, везде они будут очень похожи друг на друга. Как может быть иначе?

– Я говорю не об этих... элементах и их соединениях и не о детских «конструкторах», а о живых существах, – горячо возразила она.

– На здоровье, Мария. Но ведь кристаллы образуются тоже всюду по одним и тем же законам. Возьми, к примеру, поваренную соль, кварц, алмаз. Их кристаллы везде одинаковы. А молекулы органических соединений, включая ДНК, объединяются по тому же принципу, что и в кристаллах. Во всяком случае, подобным образом. Но живые организмы образуются из органических соединений. Кроме того, все организмы построены по принципу золотой пропорции или золотого сечения, что то же самое. Следовательно, жизнь во всех уголках Вселенной должна развиваться по единым законам. И при сходных условиях обитания живые существа должны быть похожи друг на друга. Так и рыбы, и киты, и дельфины, и древние ихтиозавры, обитавшие в воде, обрели рыбообразную форму. Иного не дано – это следствие единых свойств Материи. Так уж Бог создал.

– Ты хочешь сказать, что если бы мы там встретили людей, то они оказались бы точь в точь такими же, как мы? – она с

удивлением подняла брови.

– Нет, почему же? Думаю, они бы непременно отличались от землян, но не более, чем африканцы или китайцы – от нас с тобой. Я, конечно, в этом деле не специалист. Это всего лишь результаты моих личных рассуждений – домыслы, версии. А как обстоят дела на самом деле, только Богу известно.

Минуту помолчав, Мария посмотрела на меня усталыми глазами.

– Артем, а это... место, где мы были – остров или материк?

– Не знаю. Скорее всего – континент. А если остров, то большой, я думаю...

– Ладно, Артем. На сегодня достаточно. Я очень устала, просто с ног валюсь. Пойдем спать.

III

Мария вышла из ванной в махровом банном халате покойной тети Серафимы и с полотенцем на голове, намотанным в виде пышной чалмы.

– Отличная вещь этот халат-простыня. Как удобно – наденешь, и вытираться не надо. Спасибо Серафиме Гавриловне.

Одетая по-банному, она пошла на кухню готовить завтрак, а я – в гостиную, посмотреть выпуск теленовостей. Через несколько минут из кухни донеслась волна аромата высочайшего кофе, и я услышал, как на сковородке шипит, скворчит и стреляет яичница, что заставило меня проглотить слюну.

– Артем!

– Да, Марийка, – ответил я, перекрикивая телевизор.

– Выключай свой телик – завтракать иди.

Ощущая себя «в доску» семейным человеком, я с удовольствием выполнил ее распоряжение: сел рядышком за кухонный стол и принялся за яичницу-глазунью с ломтиками ароматной ветчины. В углу, склонившись над миской и оставив пушистый хвост, завтракал Барсик. Джека я накормил, еще когда Мария принимала душ, и теперь он спокойно отдыхал в сенях на подстилке.

Бог мой! Телевизор... На тарелочке – горячий завтрак... В сверкающих чашках – пахучий кофе, к нему – печенье в вазочке... Настоящий семейный уют, притом при такой роскошной женщине. Мечта холостяка. Рай земной! Казалось, я грежу. И как я этого раньше не понимал и не умел ценить?

Мы позавтракали, оживленно продолжая вчерашнюю беседу. Я хотел было помыть посуду, но Мария с улыбкой отстранила меня от мойки.

– Отдохни немножко. Теперь это не твоя епархия.

– Но я хочу помогать тебе... – попытался я возразить, однако Мария меня остановила.

– Оставь, пожалуйста, кухню. Сейчас это будет самая лучшая твоя помощь.

Завершив утренние дела на кухне, Мария причесалась и надела куртку.

– Я пошла, Артем.

– Далеко ли собрались, мадам? – спросил я, намереваясь составить ей компанию.

– Я к себе. Хочу кое-что сделать до обеда.

– А как же я, Марийка?

– Побудь пока здесь. Я позвоню тебе.

– Не понятно, почему бы мне не пойти с тобой?

– Понимаешь, Артем, я не рассчитывала на твой визит именно сегодня. У меня беспорядок, обед не готов, ну... в общем, я должна подготовиться.

– Какая еще подготовка? Я хочу быть рядом с тобой, помогать убирать, готовить, наводить порядок и все остальное.

– Нет, Артем. К твоему визиту я должна предстать так, как мне того хочется. Твое первое впечатление для меня будет очень важно. Займись пока чем-нибудь полезным. А с обеда уже попробуем начать нашу полноценную совместную жизнь.

Проводив ее за калитку, я вернулся в дом. Без Марии он казался теперь пустынным и неуютным. Я ходил из комнаты в комнату, не находя себе места. Хотелось спуститься в подвал, заняться инструментами или дальнейшим изучением нового мира, но не посмел. Мария могла позвонить в любую минуту, и пропустить ее звонок было бы крайне нежелательно. Нужно будет в подвале параллельный телефон установить. Хорошая идея, но это позже.

Чтобы не терять время попусту, я принялся заносить в ноутбук новую информацию: о животных и растениях, о по-

следней грозе, буре и наводнении, а также электронные фотографии образцов флоры и фауны открытого мною мира. Увлечшись работой, я перестал замечать ход времени и, когда зазвучала телефонная трель, вздрогнул от неожиданности. Звонила Мария, да и вообще здесь мне больше не от кого было ждать звонка.

– Артем, ты готов? – спросила она, прежде чем я отозвался.

– Всегда готов. Как пионер СССР.

– Тогда одевайся и шагай ко мне – обедать будем.

На улице было пасмурно и холодно. Продолжал сыпать мелкий снег, но уже не так обильно, как вчера вечером. Судя по его скрипу под ногами, мороз был градусов десять. Порывы ветра, срывающие с сугробов морозную пыль, иногда проникали за пазуху и за шиворот, продували насквозь брюки. Пришлось поднять воротник и повыше застегнуть на куртке молнию. Стало теплее и радостнее на душе.

Из цветочного магазина на противоположной стороне улицы вышел парень с завернутым в целлофан букетом красных гвоздик и, взглянув на меня, тоже поднял воротник. Встреча с ним неожиданно изменила мой прямой маршрут – я тут же свернул в магазин и осмотрелся. В красивых вазах стояли букеты гвоздик, хризантем, тюльпанов, нарциссов и прочих прекрасных цветов. Но я искал розы, а их-то как раз и не было. Эх, собрать бы сейчас букет из тех цветов, которые растут там, на пути в наш лагерь! Поздно я вспомнил. В

следующий раз постараюсь быть повнимательнее.

– Холодно? – спросила пожилая продавщица.

– Да, не тепло. Девять красных гвоздик, пожалуйста.

Я достал портмоне и отсчитал положенную сумму.

– А у меня и не найдется девять красных. Только пять штук осталось. Возьмете?

– Придется. Маловато, конечно. Бедновато, но деваться некуда.

– Возьмите еще беленьких или розовых. Смотрите, какие пышненькие.

– Что ж, добавьте три белых и одну розовую. Быть может, так даже лучше.

– Конечно лучше. Зелени тоже?

– Да. С нею, мне кажется, веселее.

Я остановился у Марииной калитки и стал искать кнопку звонка. С трудом нашел – на опорном столбе вверху под козырьком – и решительно нажал. Залаяла дворовая собака. Ожидая выхода хозяйки, я думал: «Удивительный народ эти женщины. Ну почему они так любят цветы? Уж лучше бы на ту сумму, которую пришлось заплатить за букет, купить что-нибудь для нее полезное. А цветы немного постоят и завянут, придется выбросить. Зачем же покупать то, что через день-два окажется на помойке? По логике вещей получается, что на мусорник выбрасываются деньги, которые могли бы сослужить лучшую службу».

Мария вышла в голубой куртке-пуховке с белым шарфом

ажурной вязки на голове. Я протянул ей букет и поцеловал в щечку.

– Наконец-то. Почему так долго? Хотя, – она взглянула на букет и понимающе улыбнулась, – понятно. Спасибо. Я люблю цветы. Очень.

К нам неслась крупная короткошерстая собака, белая в больших черных пятнах. Я невольно остановился.

– Дамка, не тронь! Это свой, свой! – строго сказала Мария.

Собака остановилась и стала ластиться к хозяйке, недоверчиво поглядывая в мою сторону. Мария погладила Дамку, спокойно повторяя:

– Дамочка, это Артем. Свой, свой, свой... Артем, погладь ее. Нежно, ласково, как будто гладишь меня.

Я наклонился к собаке и погладил по голове. Она смотрела на меня спокойно, но напряженно, готовая в любую минуту схватить за руку.

– Хорошая собачка, хорошая. Будем дружить, Дамочка.

– Ну, все. Познакомились, теперь пошли в дом, – пригласила Мария.

Я выпрямился и направился вслед за хозяйкой.

– Интересно, кто кормил Дамку, когда мы сидели в лагере? Я своим питомцам оставлял еду впрок. Но они у меня недисциплинированные – стремятся съесть все сразу, а потом голодают.

– Дамка такая же, и я попросила приятельницу Лену еже-

дневно кормить утром и вечером и Дамку, и Мумку.

Мария распахнула передо мной сени и остановилась, пропуская меня вперед.

– А кто это, Мумка? – недоумевал я.

– Мумка – это кошечка, моя любимица.

Я вошел в сени, и Мария тут же последовала за мной. Переобуываясь в мягкие тапочки, я ощутил доносившиеся из кухни дразнящие аппетит ароматы свежего борща, пюре, жареного мяса и прочей вкуснятины.

Всюду, начиная с сеней и прихожей, царили строжайшая аккуратность и неукоснительный порядок. Большой массивный стол, антикварный буфет, внутри которого сверкала расставленная со вкусом посуда, тахта и прочные старомодные стулья, создавали обстановку неопишуемого уюта и душевного комфорта. Везде чувствовалась единая система, единый подход ко всему. В гостиной на полу лежал ковер восточной работы, а в остальных комнатах – элегантные ковровые дорожки. Под потолком, довольно высоким по нынешним меркам, висела люстра с розоватыми плафонами в виде лилий с филигранными краями. При этом потолок был оклеен обоями кремового цвета с розовым оттенком.

Если вещи действительно имеют свои места, predeterminedенные свыше или облюбованные ими самими, то именно там они и стояли. Здесь в каждом уголке господствовала гармония, не было ни одного чужеродного предмета, ничто не раздражало взгляд. Повсюду царил корабельный порядок.

Все гармонировало одно с другим, абсолютно все идеально вписывалось в общую обстановку.

На стенах красовались аккуратные эстампы с изображениями птиц, зверей, рыб, стрекоз, бабочек и экзотических пейзажей. Буфет и подвесные полки сверху были уставлены фарфоровыми и мраморными статуэтками, фигурками из бронзы и чугуна, тропическими раковинами и колониями кораллов. На полке над тахтой красовались фотографии. Нетрудно было догадаться, что на них были запечатлены Мариинны родители, сын в разные возрастные периоды, сама Мария в пять или шесть лет и постарше. Особенно броской была фотография ее двадцатилетней с букетом полевых цветов. На переднем плане в лакированной рамке стоял фотоснимок сына с невесткой в белой короткой фате и еще несколько свадебных. Портрет молодого мужчины в черном пиджаке с ослепительно белым платочком в нагрудном кармашке, стоящий на журнальном столике, привлек мое особое внимание.

– Муж? – поинтересовался я.

– Нет. Это мой двоюродный брат. Старший. В день защиты диплома. Я его люблю, как родного. Знал бы ты, какой он умница! Журналист, сейчас аккредитован в Риме. У меня есть газеты и журналы с его статьями.

– А где же муж?

Мария несколько смутилась.

– Я же говорила, что мужа у меня нет... – она сделала паузу и добавила: – Пока что.

Я засмеялся.

– Ничего. Очень надеюсь, скоро будет. А как насчет бывшего мужа? Его можешь показать?

– К сожалению, нет. После развода я на него была очень обижена, ужасно зла и в порыве гнева уничтожила все его фотографии. Теперь, когда он стал мне совершенно безразличен, сожалею о содеянном. Сейчас образ бывшего мужа настолько потускнел в моей памяти, что я с трудом его себе представляю. А иногда хотелось бы взглянуть на человека, с которым столько лет прожито... Впустую...

– Почему же впустую? Ты ведь от него чудесного сына родила. Загляденье-парень. Да и общих воспоминаний должно быть много. Не всегда же и не все между Вами было плохо. Было, думаю, и хорошего немало. Ты ведь любила его, даже очень.

– Насчет сына согласна. Он у меня золото, а не ребенок. А все остальное мне теперь видится совсем по-иному, с совершенно иных позиций, – она глубоко вздохнула. – В нем, как я теперь понимаю, было столько откровенно негативно-го, даже мерзкого. Но любовь, как говорится, зла. Застлала мне глаза... Ну да Бог с ним. Что было, то быльем поросло. Садись за стол – обедать будем.

Она ласково улыбнулась и указала на место за большим столом, где давно уже стояли обеденные приборы, бокалы, рюмки, бутылка шампанского и пятизвездочного коньяка.

– Марийка, а зачем здесь обедать? Удобнее было бы на

кухне. Еда та же, зато возни куда меньше.

– Нет, я хочу, чтобы наш первый обед прошел в торжественной обстановке.

– Зря ты это...

Она не дала мне договорить:

– Здесь я командирша. Так что слушайся. Садись и жди.

На ее лице заиграла обезоруживающая улыбка, и я сдался без боя.

Посуда у Марии была самая современная, ресторанная. Не то, что у меня – бабушкины сервизы фирмы «Кузнецов», все в стиле «ретро». Как и следовало ожидать, обед оказался лучше любого ресторанного. И холодные закуски, и борщ, и отбивные с ароматным пюре, и даже компот из сухофруктов я оценил на пять с плюсом. Она выпила глоток шампанского, а я – рюмочку коньяка. Мне хотелось дербалызнуть еще парочку – для поднятия настроения, но после недолгих колебаний я решил воздержаться.

Мы сидели на тахте в обнимку. Уже в который раз я пересказывал все, что знал о мире за бортом шлюза, и Мария продолжала задавать многочисленные вопросы. Иногда они были по-детски наивны и немного раздражали меня, а порой носили глубокий философский характер, и мне требовалось время, чтобы сконцентрироваться и дать на них удовлетворительные ответы.

– Артем, а что дальше?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты так и собираешься быть единственным обитателем открытого тобой мира?

– Конечно же, нет. Ты будешь со мной рядом. Я объявляю тебя королевой всей планеты. Кстати, ты должна придумать ей название.

– Артем, я серьезно. Ведь это не может долго продолжаться. Не кажется ли тебе, что если мы будем и дальше оставаться единственными обитателями этой планеты, то для нас такое положение потеряет всякий смысл. Зачем и кому нужен король целой планеты без подданных? Как в «Маленьком принце» Экзюпери.

– Да, ты права. Думаю, что рано или поздно мы сможем извлечь из нее определенную для себя пользу, а потом деваться некуда – придется открыться властям и ученым. Пусть изучают и распоряжаются всеми богатствами в интересах страны и всего, я думаю, человечества. При этом мы с тобой навечно войдем в историю.

– Зачем нам история? Какой от нее прок? Потом ее все равно переделают, извратят в пользу власть имущих. Но дело совсем не в этом.

– Тогда в чем? – недоумевал я.

– Какие перспективы ты здесь усматриваешь? Об этом ты думал?

– Да что тут думать? Ну, придут ученые, организуют квалифицированные экспедиции. А власти позаботятся об их подготовке, оснащении, безопасности. Подумают, как коло-

низовать новооткрытый мир, какую пользу можно из него извлечь для нашей страны.

– То, что ты предлагаешь, конечно, хорошо. А тебе не жаль первозданных лесов, золотых пляжей, непуганых зверей, птиц, рыб? Их же хищнически уничтожат, как это сделали на нашей родной Земле.

На ее лице изобразилась гримаса возмущения, и я про себя отметил, что ей она не идет.

– И что же посоветуешь ты? – поинтересовался я.

– Хочу, чтобы эта прекрасная планета с ее чудесной флорой и фауной осталась заповедной.

– Ну и будет она существовать сама по себе, никому не известная, никому не доступная. Какой толк для человечества? В бесконечной Вселенной таких миров бесчисленное множество, и никто из людей Земли не имеет к ним доступа, не подозревает об их существовании. Нам-то что от этого? – искренне недоумевал я.

– И то верно. Нужно подумать. Здесь требуется какое-то Соломоново решение.

– Да... пожалуй, – согласился я, ибо с такой мыслью трудно было не согласиться.

В гостиную вошла белоснежная кошка, подошла к хозяйке и вспрыгнула на колени.

– Это и есть твоя Мумка?

– Она самая, – ответила Мария, поглаживая кошку.

Та попыталась было заглянуть на стол, но Мария легким

движением отвела ее мордочку.

– Мумочка, это нельзя. На стол нельзя. Кушать хочешь, моя хорошая? Сейчас дам. Полежи пока у меня на коленках.

– Красивая кошка, крупная. И такая белоснежная.

– Да, абсолютная блондинка – ни единой небелой шерстинки. И глазищи лазурно-зеленые. Большущие и круглые, как у совы. Люблю животных. А ты?

– Ну, как сказать. Мне нравится, как они ко мне ластятся, люблю их ласкать, кормить, ухаживать за ними. Иногда. Но так, чтобы безумно, души в них не чаять, есть с ними из одной посуды... – я пожал плечами, – это не про меня.

IV

Нежная плоть гвоздик на глазах тускнела и увядала. Зачем, зачем дарить цветы, если этим все равно кончается? Лучше бы они продолжали расти в своем питомнике. Но и там бы они, к сожалению, со временем отцвели и пожухли – ничего нет вечного. А зачем тогда были бы нужны эти питомники?.. Фу, ты! Я вконец запутался в рассуждениях. Но все же странный народ эти женщины: почему они так любят то, что уже через несколько суток превращается в ничто? Но и мы сами в конце концов тоже превратимся в ничто. Пожалуй, цветы просто быстрее нас выполняют свое предназначение.

Мария, в домашнем халате и чистейшем светло-голубом переднике в темно-синюю клетку, внесла тяжелую вазу цветного стекла с букетом красных тюльпанов и водрузила на се-

редину стола. Отойдя на несколько шагов, она пристально осмотрела свою незамысловатую икебану, что-то в ней поправила и, видимо, оставшись довольной, унесла увядшие гвоздики, которые недавно были такими яркими и свежими.

Через минуту она вернулась с посудным полотенцем через плечо.

– Марийка, я изнываю от безделья. Скажи, чем тебе помочь, не то я проявлю собственную инициативу.

– Ну, нет. Только не это. Если мужчина вмешивается в женские дела по своему усмотрению, толку не жди. – Она ловко расставила на столе четыре обеденных прибора, улыбнулась и снисходительно разрешила. – Хочешь, возьми это полотенце и протри посуду.

Мария убежала хлопотать дальше на кухне. Послышались веселое постукивание кастрюль, хлопанье дверцы духовки и шум льющейся из крана воды. А я принялся старательно протирать и без того сверкающие тарелки, рюмки и бокалы, тяжелые мельхиоровые вилки и ложки – все, как ресторанное. Протерев на совесть посуду, я пришел на кухню.

– Чем еще помочь?

– Пока ничем. Главное – не мешать мне дело делать.

– Если я здесь посижу – не помешаю?

– Думаю, нет. Сиди, если тебе так хочется.

Мария подошла к плите и стала переворачивать что-то шипящее на сковородке. Я включил было кухонный телевизор, но Мария запротестовала:

– Нет-нет, выключи, пожалуйста. Это мешает мне сосредоточиться. Можешь в спальне себе включить.

– Вон ты как строго к кухонным делам подходишь. Тогда скажи хотя бы, кого ты пригласила в гости.

– Придет одна степенная супружеская пара.

– И кто же они такие, что ты решила начать с них?

– Что начать?

– Как что? Знакомить меня со своими близкими. Так кто они такие и чем с тобой связаны?

– Это наш священник – отец Кирилл. С супругой.

– Не знаю, право же...

– Что ты не знаешь?

– Не знаю, как себя вести в обществе священника, да еще и с матушкой.

– Очень просто. Я ему много о тебе рассказывала. Вот он и попросил Вас познакомиться. В прошлом он военный – то ли полковник, то ли подполковник. Не знаю точно. В Афганистане воевал, десантником был. Супруга его вместе с ним в боях участвовала, связистка по профессии.

– Вон, значит, как. И что ты ему обо мне рассказала?

– Что ты очень умный и воспитанный человек, по профессии инженер-электрик. Рассказала о твоём нынешнем семейном положении, о том, что у нас начали складываться близкие отношения. В общем, как ты и заслуживаешь, только хорошее. Ведь я о тебе ничего плохого не знаю и даже в мыслях не допускаю.

– Больше ничего?

– Ничего. А что?

– Да так... И как же так случилось, что он, боевой офицер, вдруг священником стал?

– Ну, об этом, я думаю, он тебе сам расскажет.

– Становится интересно. И сколько ему лет?

– Пятьдесят недавно исполнилось. Супруге его – сорок шесть. Думаю, Вы все друг другу понравитесь.

– Будем надеяться.

Мария посмотрела на часы.

– Я на три назначила, а уже без пяти. Приедут с минуты на минуту. Он скрупулезно точный, как все военные.

Вскоре за воротами послышалась протяжная автомобильная сирена. Надрывно залаяла Дамка, и Мария выглянула в окно.

– Ну вот, уже приехали!

Накинув на плечи куртку, она выбежала во двор.

Я видел из кухни, как Мария, спешно привязав Дамку, распахнула ворота. На подворье, глухо пыхтя, въехал огромный черный внедорожник и остановился под самым окном, из которого я с любопытством наблюдал за происходящим. Из машины вышел крупный спортивного вида мужчина с мужественным лицом, а вслед за ним – стройная женщина в пышной шапке из лисьего меха. Мария подбежала к ней, и дамы обнялись и расцеловались, как давние подруги. Затем она подошла к мужчине и, скрестив на груди руки, покор-

но склонила перед ним голову, как я понял, прося благословения. Мужчина возложил ей ладонь на темя, что-то произнес, а потом галантно раскланялся, поцеловал ручку и, взяв из рук вовремя подошедшей матушки роскошный букет чайных роз, с поклоном протянул Марии. Вынув из багажника две пузатые сумки, все трое направились в сени, а я поспешил им навстречу.

– Знакомьтесь. Это наш священник, отец Кирилл, и его очаровательная супруга – Алла Ивановна, – представила гостей Мария. – А это Артем Тимофеич, мой сосед, о котором я Вам рассказывала.

– Очень приятно, – сказал я и, как старший по возрасту, первым протянул Кириллу руку.

Тот вяло, как бы нехотя, пожал ее и отошел в сторону, расстегивая змейку на добротной кожаной куртке. Он сдернул с головы спортивную шапку-вязанку и, небрежно скомкав, сунул в карман. Мария попыталась было стянуть с него куртку, но он вежливо отказался от помощи. Тем временем я снял с Аллы Ивановны дубленку с прекрасной вышивкой в чукотском стиле и повесил в шкаф.

Женщины унесли в кухню сумки, а мы с Кириллом, помыв руки, уселись за стол. Он сидел напротив меня с угрюмым видом и молчал. Я тоже молчал, напряженно думая, о чем бы с ним заговорить, на какую бы тему завязать беседу.

Он бесцеремонно рассматривал меня, стремясь внедриться взглядом в самые сокровенные глубины моей души. И мне

казалось, что небезуспешно. У него были не глаза, а сверла – острые, сверкающие, всепроникающие, способные продырявить человека, как раскаленная игла – масло. Его колючий взгляд, казалось, пронизывал меня насквозь, до самого основания спинного мозга. Левая щека Кирилла была обезображена темным шрамом в виде скрюченной птичьей лапы. Рубец от ужасной рваной раны, стягивая щеку, чуть перекашивал глаз. Поэтому Кирилл держал голову с небольшим наклоном вниз и влево. Мужественное, чуть вытянутое прямоугольное лицо с крупными чертами казалось суровым и даже жестоким.

Есть люди, в обществе которых я всегда чувствую себя неуютно, даже если они настроены ко мне исключительно дружелюбно. Именно таким человеком оказался отец Кирилл. Его облик никак не вязался с усвоенным мною с детства образом священника: ясным, искренним, добрым, непременно с бородой и длинными волосами. А суровый отец Кирилл был без бороды и усов, к тому же по-военному коротко подстрижен.

Возникшее было между нами напряжение разрядила Мария, внеся в гостиную пузатый фаянсовый супник, над которым поднималась струйка ароматного пара. Поставив его на стол, она кокетливо спросила:

– Ну как, мужчины, познакомились?

– Знакомимся, – ответил я охрипшим от напряжения голосом и замолк, не зная, что сказать еще.

Алла Ивановна внесла большой поднос с холодными закусками и графином темно-вишневого компота. Они с Марией ловко выставили на стол салаты, селедку, украшенную колечками репчатого лука, бутерброды с красной икрой и лимоны, нарезанные аккуратными кружочками. Потом Мария принесла блюдо с возвышающейся на нем горой золотистой жареной рыбы и судочек прозрачного холодца с кружочками вареной моркови и веточками свежей зелени, художественно уложенными на поверхности. Затем на столе появилась продолговатая тарелка с солеными огурцами и квашеными помидорами.

– Мария, никак Вы с Артемом Тимофеичем собираетесь все эти яства вдвоем умять? – спросил Кирилл зычным басом. – Имей в виду, мы с Аллой Ивановной противники чревоугодия и объедаться не намерены.

В металлическом голосе Кирилла звучала непререкаемая категоричность.

– Да это... отец Кирилл, чтобы... было из чего выбирать, – смущенно оправдывалась Мария. – Не ставить же мне на рождественский стол простой обед из трех блюд...

– Так я ж говорила ей, отче, но Мария все свое да свое, – встала матушка тихим голосом, преисполненным раболепия.

– Из трех блюд – это было бы, пожалуй, то, что доктор прописал, – пробасил отец Кирилл, помогая женщинам расставлять блюда. – «Ничего лишнего» – один из столпов до-

стойного жития человека и общества. Еще древние греки поняли, что это правило дает возможность за счет излишеств освободить место для чего-то нужного, полезного.

– С этим нельзя не согласиться. Изречение «ничего лишнего» было девизом древних дельфийцев. Теперь его взяли на вооружение нынешние минималисты, – сказал я, откупоривая бутылку коньяка.

– Какие дельфийцы! – прогремел отец Кирилл. – Я точно знаю, что так говорили древние греки.

Я несколько смутился, но через пару секунд снова овладел собой и спокойно пояснил:

– Дельфийцы – жители древнегреческого города Дельфы, в те времена религиозного центра с храмом и оракулом Аполлона. Так что все дельфийцы были греками, но не все греки – дельфийцами. Кстати, этот город и поныне существует.

Отец Кирилл метнул в меня гневный взгляд и, не найдя чем парировать, нервно заерзал на стуле. Женщины замерли в ожидании его непредсказуемой реакции. Мария втихомолку больно наступила мне на ногу, требуя немедленно прекратить дискуссию.

С букета тюльпанов на белоснежную скатерть мягко упали два рубиново-красных лепестка. Все невольно посмотрели на них и затихли. Установилось напряженное, неловкое молчание.

Ясно. Батюшка возражений не терпит. Я стал разли-

вать коньяк, надеясь, что это поможет смягчить обстановку. Плеснув, как положено по этикету, несколько капель себе, я наполнил рюмки женщин. Упредив мое намерение налить отцу Кириллу, матушка сказала:

– Отец Кирилл пьет всего один раз.

Священник добавил:

– То ли из наперстка, то ли из ведра, но лишь один раз. В силу армейской привычки.

Алла Ивановна подставила батюшкин бокал для шампанского. Я наполнил его до краев, а Мария тут же принесла для него еще один.

Кирилл встал, женщины тоже. Подчиняясь стадному инстинкту, я последовал их примеру. Священник сложил перед собой руки: ладонь к ладони, касаясь груди большими пальцами, и все сделали то же самое.

– Очи всех на тя, Господи, уповают, и ты даеши им пищу во благовремени, отверзаеши ты щедрюю руку твою и исполняеши всякое животнo благоволения, – отрешенно произнес он, возведя к небу полузакрытые очи. – Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам ястие и питие молитвами Пречистыя твоя Матере и всех святых твоих, яко благословен во веки веков. Аминь.

Я ожидал, что теперь он, в соответствии с православными канонами, перекрестит все стоящее на столе, но Кирилл, к моему удивлению, магически поводит над столом ладонью и, приложив ее к груди, поклонился. Женщины повторили эти

жесты, и только я осенил себя крестным знамением, чем вызвал явно недовольный взгляд священника. «А батюшка-то наш, не православный. Баптист, что ли», – подумал я, кладя в тарелку салат.

– Артем, открой для дам шампанское, – попросила Мария.

Бесшумно откупорив бутылку, я разлил по бокалам искристое вино. Мария подняла праздничный тост:

– Ну... хоть сегодня и не первый день праздника, все равно – за Рождество Христово!

Все чокнулись. Кирилл единым духом осушил свой бокал и, по-молодецки крикнув, поставил на стол. Остальные отпили по глотку и принялись за еду. Ели молча. Слышались только тихое постукивание вилок да чавканье отца Кирилла. Искоса поглядывая на него, я подумал: «Как-то странно: мудрый отец Кирилл выпил. Он же за рулем!»

Через несколько минут тепло от коньяка, приятно разогрев мои внутренности, разлилось по всему телу. Все захмелели, и общая обстановка потеплела. Я предложил тост за знакомство, и женщины активно его поддержали. Потом слово взяла Алла Ивановна. Она долго говорила о Марии, о том, какая она искусная, аккуратная и чистоплотная хозяйка, любящая мать и одна из немногих свекровей, которую обожает невестка, что в ней самим Господом заложены качества верной и преданной жены, что мы с нею великолепная пара, и наши судьбы соприкоснулись по предназначению свыше.

Отец Кирилл при этом, взяв из стоящей на столе коробочки зубочистку, ковырял в зубах и, откинувшись на спинку стула, согласно кивал и поддакивал. Поддерживая наши тосты, он поднимал рюмку с компотом, пригубливал одновременно со всеми и тихо ставил на стол.

Раскрасневшаяся Мария принесла на большущем блюде румяного гуся с пылу с жару, художественно обложенного жареной картошкой, петрушкой и зеленым горошком. Интересно, как она добывается столь аппетитного аромата этого типично рождественского блюда? Я с восхищением наблюдал за действиями Марии. Ловко орудуя ножом и вилкой, она аккуратно отрезала от гуся порционные куски и раскладывала по тарелкам.

– Мария, мне больше не клади – я уже сыт. Вот компота хлебну, пожалуй, – пробасил отец Кирилл, отодвинув тарелку, и наполнил свой бокал компотом.

– Ну, под такую закуску просто грех не выпить, – сказал я, подняв рюмку с остатком коньяка на донце. – Отец Кирилл, Вы один тоста не поднимали. Скажите пару слов, что ли.

Священник отрицательно покачал головой. Поднялась Алла Ивановна.

– Тогда я к уже сказанному кое-что добавлю с Вашего позволения. Мне всегда было приятно посещать Мариин дом. Здесь постоянно поддерживается образцовый порядок, тепло, уют, и рады всякому гостю. В этом доме навечно поселились добро, отзывчивость, искренность, радушие и божья

благодать. Появление в этом доме Артема Тимофеича приумножило все эти качества. Предлагаю тост за прочный и вечный союз этих прекрасных людей. Аминь!

Сладкий стол был так же богат и вкусен. Пили кто чай, кто кофе. Увлеченно беседовали о росте цен на базаре, о вздорожании жизни вообще, о деградации нравов и духовном оскудении молодежи. Отец Кирилл говорил мало, в основном слушал, иногда вставляя свое веское слово. При этом его опаленное войной лицо, по-солдафонски суровое и строгое, оставалось непроницаемым, не выражало ни малейшего признака каких-либо эмоций. Я никак не мог понять, то ли его эмоциональная сфера была исключительно бедной, то ли за годы нелегкой армейской службы он научился так искусно скрывать свои чувства.

Когда праздничный обед был окончен, отец Кирилл встал, сложив перед грудью ладони, и замер, воздев очи горе. Женщины тут же поспешно приняли эту моленную позу, и когда я, глядя на них, сделал то же самое, отец Кирилл, отчеканивая каждое слово, прогремел:

– Благодарим тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных твоих благ; не лиши нас и небесного твоего царствия, но яко посреде учеников твоих пришел еси, Спасе, мир дай им, прииди к нам и спаси нас. Аминь.

Его зычный металлический голос действовал на меня угнетающе. Казалось, что я слушаю не слова благодарственной молитвы, а какое-то положение воинского устава или бо-

своей приказ полкового командира.

После слова «аминь» я перекрестился, и священник, как и накануне, стрельнул в меня уничтожающим взглядом и молча сел.

Женщины принялись убирать и мыть посуду, а мы с Кириллом расположились в креслах наискосок друг от друга. Глядя на меня в упор, он бесцеремонно ковырял в зубах, сплевывая на пол извлеченные остатки пищи. Я первым нарушил молчание.

– Мария мне сказала, что Вы, отче, были боевым офицером. – Он недовольно хмыкнул, но меня не перебил. – Скажите, пожалуйста, как Вы преодолели столь длинную дистанцию с перпятствиями: от военнослужащего до священника?

Кирилл ответил не сразу. Он выдержал паузу, посмотрел мне в глаза немигающим взглядом, потом заговорил:

– Сразу видно, что Вы никогда не служили в армии, тем более не были в бою. В сражении, как нигде, ощущаешь близость присутствия Господа, его защиту и воздаяние по делам твоим. Еще раньше, будучи воинствующим атеистом, я много раз оказывался в таких переделках, что наверняка должен был погибнуть. Но всякий раз выходил из боя живым и почти невредимым. Сначала я думал, что это просто совпадения. Но когда подобных случаев накопилось много-премного, до меня вдруг дошло, что столько благоприятных стечений обстоятельств, тем более подряд, ни в какую статистику

не укладывается. Стало ясно, что какая-то высшая сила меня охраняет, бережет для чего-то.

– Но ведь не Вы один пережили такое. Я, например, знаю нескольких людей, испытавших на себе нечто подобное. Однако после этого они не пошли в священники, а так же, как и раньше, трудятся на мирском поприще.

– Дорогой Артем Тимофеич, вряд ли кто-нибудь из тех людей, которых Вы имеете в виду, прошел через то же горнило, что и я, и при этом остался жив. Мой последний бой был подобен аду. Нас окружили «духи» – и давай!.. И давай садить! – в такт этим словам он взмахивал кулаком, словно бил кого-то изо всех сил. – Лупили из минометов, гранатометов, крупнокалиберных пулеметов... Воздух вокруг горел! Мой друг Володя Чупров упал возле меня на дно окопа в голову раненый. Я бросил автомат, чтоб ему первую помощь оказать, а тут «дух», сволочь!.. На бруствере появился... Стоит, улыбается в свою косматую бороду и держит, падла, гранату над головой... Вижу – до автомата не дотянуться... не успею... Ну, думаю, все! Все, б....! Закрыв глаза и слышу: «Аллаху акба-а-ар!», и – взрыв, как гром! Граната рванула.

Он достал из кармана белоснежный носовой платок и промокнул лоб, щеки, шею.

– Хорошо, что возле места взрыва ящик из-под боеприпасов стоймя стоял – прикрыл меня. А то бы всего в куски разнесло. Меня как самосвал сшиб. Контузило. Оглушило... Левым ухом с тех пор совсем не слышу. Осколком по щеке

резануло... Поднял я голову – никого. Тронул щеку – одни тряпки болтаются, – он коснулся шрама на лице и зашелся нервным кашлем. Щека непроизвольно задергалась в нервном тике, потом успокоилась. – Кровищи кругом – лужи стоят. Хотел автомат схватить, да отключился... от боли, наверное. Прихожу в себя – меня в вертушку несут... А там сразу медики заработали, и я опять сознание потерял. Уже в госпитале оклемался. Откуда, думаю, вдруг вертушка взялась?

Он замолк, тяжело дыша и устремив взгляд в никуда. На его перекошенном лице двигались желваки. Немного отдышавшись, он снова заговорил.

– Как мне потом рассказали, неожиданно прилетели наши вертушки. Без вызова. И атаковали позиции «духов». Всс-сё, говорят, выжгли. Н-ни один гад не ушел... Собрались уж они было улетать, как вдруг какой-то солдатик сказал: «Вон, в окопе кто-то шевелится». Это я в конвульсиях бился. Остальные все до единого погибли. Медики не сомневались, что и я не выживу. Всего иссеченного вдоль и поперек, меня сто раз разрезали и заштопали. И вот, будучи уже почти на том свете, я пораскинул кое-как уцелевшими мозгами и понял, что все это неспроста. Значит, я зачем-то кому-то нужен еще на этой земле. Зачем же, думаю? И тут мне стало как день ясно – чтобы заблудшие души спасти, на путь праведный наставлять. Поднимусь, мыслю, – буду только Господу служить. И сразу облегчение почувствовал. Как по волшебству. С того мгновения не по дням, а по часам на поправку

пошел.

Умолкнув на несколько секунд, он мельком взглянул на часы и продолжил:

– А тут и Горбачев к власти пришел, перестройку затеял. Мы из Афгана ушли, Союз рассыпался, и я рапорт об увольнении из вооруженных сил подал. Сразу после дембеля в семинарию поступил. Не без проблем, конечно. Окончил с успехом, приходец получил. Вот так, дорогой Артем, я и стал священником. Притом, как видите, не по своей воле, а по божией, – подняв указательный палец, он потряс им. – По повелению свыше! У каждого свой путь к Господу.

– Скажите, отче, а какой Вы конфессии? – задал я, давно меня мучивший, вопрос.

Сверкнув глазами, он резко ответил:

– Хри-сти-ан-ской!

– Ну, знаете ли... И православные, и католики, и баптисты, и мормоны, и многие другие церкви суть тоже христианские.

– У нас истинно христианская церковь!

– Гм... Какая же конфессия не считает себя истинной, единственно правильной? Скажите, а кто возглавляет Вашу церковь?

– Я! Лично я! Вас устраивает?

– Как сказать... Какую же Вы семинарию закончили, и кто Вас рукополагал, позвольте спросить?

– Вы что, меня допрашиваете или как? – Он снова в ко-

торый раз окинул меня уничтожающим взглядом. – Это не секрет, семинария была православная. И рукополагал меня владыка Феофил. Но я, увидев, что творится в нашей и других епархиях, отрекся от их церкви.

– Интересно, отчего же? – искренне удивился я.

– А оттого, что там больше не пребывает благодать Духа Святаго!

– Почему? На основании каких фактов Вы так думаете? Это, знаете ли, слишком серьезное заявление.

– Да уж серьезнее некуда. Потому что убедился в этом воочию. Увидел среди клира священно-монашеского стяжательство, чудовищную алчность, эгоизм, зависть, потрясающую распущенность, карьеризм, кляузничество, клеветничество, навязчивое кликушество, безудержное пьянство, чревоугодие, воровство и еще множество пороков. В миру, пожалуй, этого меньше. Есть, конечно, среди православных священнослужителей люди благочестивые, искренние, самоотверженные, но их так мало! Таких унижают, оскорбляют, ноги о них вытирают.

– Да что здесь удивительного? – сказал я. – Истинных приверженцев своего дела, мне кажется, всегда было мало во всех сферах человеческой деятельности. Тем не менее, только на этих людях все и держится. Именно на них паразитируют многочисленные дутые, чванливые авторитеты и, в первую очередь, начальство. Люди, наделенные полномочиями власти и пробивной силой, присваивают себе результа-

ты трудов истинных приверженцев своего дела, энтузиастов, которых держат «под лавкой», время от времени подкармливая мелочными подачками. Как видно, и церковь – любая – тоже в этом плане не исключение.

– Верно! А ведь она должна быть образцом, примером человеческих взаимоотношений в нашем обществе, – поспешил возразить отец Кирилл. – В этом ее истинное предназначение.

– Мне кажется, люди есть люди, и где бы они ни оказались, всюду будут проявляться их определенные слабости и пороки.

– Слушайте, Артем, мне приходилось быть свидетелем того, во что превращаются массы неуправляемых людей, лишенных контроля и ответственности за свои поступки. Общественный опыт свидетельствует о необходимости строгой регламентации действий каждой личности законами, которые обязана блюсти честная и авторитетная власть. А эти законы должна разрабатывать церковь на базе библии. Ибо только библия учитывает природу человека со всеми его наклонностями: благими и порочными, унаследованными от Адама и Евы. И сами священнослужители обязаны в первую очередь неукоснительно соблюдать эти законы. Но если священники поддаются низменным соблазнам и нарушают эти законы, они подлежат немедленному отлучению от христианской церкви и причислению к изгоям общества. К сожалению, таких священников большинство и в официально при-

знанной православной, и в католической, и во всех других нынешних церквях, именующих себя христианскими.

– По идее так. Но ведь они тоже люди со всеми присущими им достоинствами и недостатками. И церковь, как модель общества в миниатюре, по законам диалектики будет оставаться ею в любом случае, как бы кто ни старался ее очистить.

– Только не морочьте мне голову диалектикой. Я в свое время досыта наелся этой тюльки в училище, потом на политзанятиях и всяких там семинарах да конференциях. И в академии в том числе. Церковь должна располагать методами жесткого контроля своих иерархов и надежной возможностью очищения их рядов.

Кирилл прижал пальцы к щеке со шрамом, так как ее снова охватил тик.

– А по-моему, отец Кирилл, это невозможно. Все равно природа свое возьмет.

– Да, да! Она будет брать свое, но церковная общественность должна иметь незыблемый механизм самоочищения и самообновления. А современные церкви, все без исключения, давно его утратили и часто все гнусности собственных деяний преподносят как нечто само собой разумеющееся. Многие высшие духовные чины стали бизнесменами и, забыв о своей божественной миссии, одержимы ненасытной жаждой прибыли. Они забыли, что такое бескорыстие, человеколюбие и самоотверженность. Приведу простой пример.

Был у меня разговор с одним архиереем. Имени его называть не буду, но если понадобится, назову без раздумий. Узнал я, что он спиртным торгует в огромном масштабе, да еще и за рекламу колоссальные деньжищи отваливает. «Как же так, – говорю, – владыко, ведь это грех». Он возмутился: «Какой там грех! Это легальный, вполне законный бизнес! Я же не наркотики распространяю!» А я ему: «Ну а ежели у нас, как, скажем, в Голландии, наркотики легализуют? Вы тогда что, наркодилером станете и заявите, что это не грех, а легальный бизнес?» Так он в ответ – представляете – матом выругался и ушел, не закончив разговора. И таких примеров, живых и наглядных, тысячи! Как же после этого я, прошедший испытание смертью, могу оставаться в их рядах, а? Так вот, через неделю после этого неудавшегося разговора мне во сне сам Спаситель явился и благословил на создание новой, истинно христианской церкви, призванной построить новое общество, живущее по законам Божиим.

Я посмотрел на Кирилла и, встретившись с его самоуверенным и агрессивным взглядом, саркастически улыбнулся.

– Вы можете сколько угодно насмеяться надо мной, – едко сказал священник. – Но я глаголю святую истину, и поручкой в том – пошедший за мной народ.

– А я считаю, что человеку нельзя быть столь самоуверенным. Ведь человек – это всего лишь человек, и ему всегда, даже, казалось бы, в самых элементарных случаях, свойственно ошибаться. Всякий, кто убежден в собственной

правоте, рано или поздно наломает дров. И примеров тому тысячи. Вспомните завоевателей, революционеров, их государственные перевороты. Вспомните завязтых «прогрессистов» – разве не все они в конечном итоге потерпели разгромное фиаско?

Кирилл смотрел на меня с нескрываемой враждебностью. Как видно, он не привык к тому, чтобы с ним не соглашались, и не мог спокойно выслушивать аргументированные возражения. Но он великолепно собой владел и сдержанно ответил:

– Да, я могу ошибаться, но Сын Божий – никогда.

– Простите, но Вы беседовали не лично с Христом. Это было всего лишь сновидение, а во сне может что угодно пригрезиться.

– Дорогой Артем Тимофеич, Иисус не мог допустить, чтобы в его образе явился кто-то иной.

– А в евангелии от Матфея говорится: «...берегитесь, чтобы кто не прельстил Вас, ибо многие придут под именем моим». Не тот ли это случай?

Кирилл удивленно вздернул брови.

– Вон как! Вы словно по писанному Матфея цитируете. Честно говоря, не ожидал. Ладно, допустим, и вправду бы так случилось, что не Иисус это был. Тогда бы Спаситель наверняка какой-нибудь знак подал – не верь, мол, ему, не я это был. А тут Христос только подкрепляет веру мою. Ведь он не единожды мне являлся и открыто наставления давал

– вот что!

– Вы же имеете высшее образование и наверняка знаете, что любое утверждение не может быть абсолютно достоверным. Его справедливость возможна лишь с определенной долей вероятности, меньшей ста процентов. То есть всегда возможна ошибочность какого бы то ни было утверждения.

– Религия, дорогой Артем Тимофеич, основана не на теории вероятностей, а на вере. Без веры человек не может и шагу ступить, Вы сами это знаете. Не будем на эту тему спорить – в этом мои прихожане и без Вас разберутся. Уж будьте покойны.

– Я по-прежнему не могу согласиться с Вами, но спорить больше не буду. Единственно, что мне представляется рациональным – это перейти православной церкви на принятый во всем цивилизованном мире григорианский календарь. Как на более точный и рациональный. Тогда и новогодние праздники перестанут быть постными. Чем плохо?

Кирилл высокомерно улыбнулся.

– Это не принципиально, да и не нужно. К тому же Новый год – это языческий праздник, и нечего нам под него подстраиваться. Наши люди привыкли праздновать по старому стилю, так зачем их лишний раз переучивать? Главное – нужно переориентировать людей на отделение в христианстве божественного от привнесенного людьми.

– А это мне представляется чисто субъективным. Вы можете разделить эти понятия так, другой – иначе. Третий ска-

жет, что в христианстве все божественное, а четвертый – наоборот, сочтет все надуманным.

Кирилл оживился и нетерпеливо заерзал в кресле. Чувствовалось, что он сел на своего любимого конька, ибо затараторил быстро, как по накатанному:

– Все – как хотят, а мне явилось откровение свыше. Подлинные события излагают Евангелия, свидетелями которых были их авторы. Эти книги прошли испытания тысячелетиями и остались незаблему. А вот то, что было написано позже, придумано людьми. Скажите, где в Евангелиях или в Ветхом Завете сказано о почитании икон или креста? Крест – это виселица, инструмент казни и мук Христовых. И почитать его как святыню – вопиющее кощунственно. А монастыри? Кто сказал, что истязать себя изнурительными постами или молитвами – богоугодное дело? Господь создал человека, чтобы он пользовался дарованным ему телом, а не издевался над ним. Безбрачие – примерно тот же вариант. Все в меру хорошо, в предписанных свыше рамках сдержанности. А кто дал право молиться святым? Почитать старцев следует за благочестивый образ жизни, помощь людям и служение Богу. Но молиться мы вправе только Пресвятой Троице и Пречистой Богородице. Кому известна тайная сторона жизни так называемых святых? Грешны они, как и все мы, – вот что. Мы, разумеется, должны молиться за души их, чтобы Бог даровал им вечный покой и высокое благословение.

Он умолк, уверенный в том, что разложил меня на обе

лопатки. Я отчетливо видел все слабости его доводов, но понимал всю бессмысленность дальнейшего продолжения дискуссии. Кирилл не остановится до тех пор, пока окончательно не измотает мои силы, и я прямо или косвенно не признаю его правоту. Классический боевой прием, но я не мог ничего ему противопоставить и тоже молчал, ломая голову над тем, как мирно выйти из затянувшегося спора. Но священник не утомился.

– Я не могу видеть эти толстенные молитвословы, где приводятся молитвенные тексты на все случаи жизни. Это же самые настоящие языческие заклинания, сочиненные досужими необразованными людьми! Неужели Господу не все равно, какими словами молящийся выражает свои чаяния и просьбы к нему? Есть только одна каноническая молитва – это «Отче наш», поведенная нам Иисусом. Остальные составлены людьми, притом далеко не всегда безгрешными. Пресловутое крестное знамение – тоже чистейшей воды языческий ритуал. На каких-нибудь тихоокеанских островах язычники, обращаясь к своим идолам, поглаживают бревно, в Японии – вращают какой-то барабан, в Индии – сжигают сандаловые палочки, а у нас – крестятся.

– Но Вы ведь тоже во время сегодняшних молитв принимали свою моленную позу – складывали руки перед грудью. И молитвы Ваши были заимствованы из православного молитвослова, – съязвил я в ответ.

– Нет, дорогой Артем Тимофеич! Это не обязательно. Ру-

ки можно держать как угодно, но лучше, чтобы они не болтались и не совершали каких-либо отвлекающих движений. А слова я беру по привычке из молитвослова, чтобы неофитам легче было осваиваться в нашей новоявленной церкви. И постимся мы в те же дни, что и православные, но посты у нас посильные. Тучные люди ограничивают себя в большей мере, чем остальные, а больные и слабые вовсе освобождаются от ограничений в ястии и питие. Мы, так сказать, демократичны, но наложенных нами самими ограничений придерживаемся жестко. Их нарушение так же чревато негативными последствиями, как неподчинение правовым нормам. Вы понимаете идею?

– Идею-то понимаю, но это чрезвычайно сложно и всего не предусмотреть. А существующие церковные нормы «обкатаны» в течение веков, и их изменение повлечет за собой множество негативных последствий.

Отец Кирилл сочувственно вздохнул и ответил снисходительным тоном:

– Дорогой мой Артем! Человеческому уму все это, конечно, охватить не по силам. Но Господь ведет меня и помогает во всем. Бог является главным строителем обновленной церкви Христовой, понимаете? Вспомните сто двадцать шестой псалом: «Если не Господь строит дом, то напрасно трудятся его строители. Если не Господь охраняет город, то напрасно бодрствует страж».

Он снова схватился за подергивающуюся щеку, а я тем

временем воспользовался вынужденной паузой, чтобы возразить:

– Не постесняюсь повториться. Никто не может достоверно утверждать, что именно Христос повелел Вам реформировать церковь.

Кирилл продолжил, словно не услышав моих слов:

– Их службы – не что иное, как безумно длинные театрализованные представления, притом люди должны почему-то на них стоять. И к чему эти рясы, епитрахили и прочее? А чего стоят пресловутые рукоцелования? Где в Писании говорится об этом? Зачем это нужно? Такое унижение человеческого достоинства! Лицемерие.

Его лицо исказила гримаса брезгливости. Покачав головой, он продолжил:

– А кликушество? Эти твари задерживают прихожан, особенно молодых, впервые пришедших к Господу. У многих они на всю жизнь отбивают желание молиться. И им потворствуют именующие себя священниками! Они делают не то, что велят Писание и совесть, а то, что нужно лично для них и для власти – мирской и церковной. Короче говоря, к нам пришел православный Талибан. Воинствующий, человеконенавистнический, непримиримый, готовый рвать, рушить, уничтожать всех тех, кто не с ними. По принципу «кто не с нами, тот против нас». В моем понимании это не христианство. Религия, которую они нам преподносят под видом православия, носит сугубо декоративный характер! Я всегда

говорил, говорю и буду на любом уровне отстаивать утверждение, что нынешнее официальное православие – это антихристианская секта, антинародная, античеловеческая. Каждое свое утверждение я готов обсуждать, готов спорить и дискутировать на любом уровне, вплоть до самого высокого.

– Насколько я понял, Вас все тянет воевать. Вы намереваетесь объявить войну всем нынешним христианским конфессиям? – спросил я, посмотрев на часы.

– Не надо ничего усложнять, дорогой мой Артем Тимофеевич. Жить нужно, как можно проще. Наоборот, я уверен, что церкви должны дружить между собой и корректировать друг друга. При этом конкуренция, здоровая и свободная, никак не должна исключаться.

– Все равно конкуренция неизбежно приведет к такому соперничеству, при котором возникнут кровавые столкновения и, вполне возможно, даже войны. Возьмите спорт или конкурсы красоты. На что только там не идут! Тут и подсушивание, и клевета, и драки, и обливание кислотой, и даже убийства. А ведь задумано все идеально, вроде бы продумано до мельчайших деталей. Природа человека такова, что не позволит ничего такого, о чем Вы мечтаете.

– Но на моей стороне Бог, а он непобедим.

Понимая, что Кирилл не остановится, я решил замолчать, чтобы на этом вежливо прекратить столь затянувшийся и далеко зашедший разговор. Как видно, священнику тоже надоело пререкаться со мной, и он сам нашел выход из создавше-

гося положения. Тем более что последнее слово осталось за ним. Сунув руку во внутренний карман пиджака, он достал дорогой смартфон и беззвучно набрал номер.

– Добрый вечер, Павел. Узнал? Да, это я. Ты как там, готов? А сын? Как договорились? Тогда быстренько заводи свою машину и катите вдвоем к Марии. Ни в коем случае не торопись. Сейчас снежно, торможение хреновое. Да. Все. Жду. До встречи.

Услышав разговор Кирилла по телефону, из кухни пришла матушка.

– Что, отче, домой?

– Минут через двадцать Павлик приедет вместе с Лёньюкой.

– С каким таким Лёньюкой?

– Да с сынком своим, не помнишь, что ли?

– Да-да, помню, помню.

– Ну вот. Он и поведет наш вездеход. Не мне же за руль садиться после коньяка. А Лёньюка пригонит свой, то бишь отцовский автомобиль.

– Вот и слава Богу. Ну как, наговорились тут с Артемом Тимофеичем?

– Да уж наговорились. Такую кучу добра перелопатили, что и за сутки не разгребешь.

Вошла Мария, розовощекая, радостная.

– Что, может еще чайку по чашечке, пока Павел приедет, а?

– Нет-нет, не надо, – возразил священник.

Матушка отрицательно помотала головой.

– А что, кофейку? У меня классный, высокосортный, не какая-нибудь бурда.

– Остановись, Мария. Все в меру хорошо. Нам с матушкой уже собираться пора, чтобы водителя ждать не заставлять.

Пока гости обувались и одевались, Мария упаковала для них сумку с праздничными гостинцами и унесла в прихожую.

– Ну что это ты, Мария, придумала? Зачем это? – пробасил Кирилл, застегивая «молнию» на куртке.

– Это Вам к ужину, чтобы матушке на кухне поменьше стоять.

В кармане отца Кирилла громко заиграла мелодия смартфона.

– Да! Слушаю! Сейчас.

Священник обратился к Марии:

– Открывай ворота, хозяйка. Наши водители приехали.

Он небрежно пожал мне руку, Алла Ивановна на прощанье обняла и расцеловала Марию, потом тихонько чмокнула меня в щечку. Неистово лаяла Дамка.

– Дамка, замолчи! – крикнула Мария, открывая ворота.

Во двор вошел стройный мужчина лет сорока пяти, одетый в коричневую замшевую куртку, и, вежливо поздоровавшись, по-хозяйски открыл дверь внедорожника со стороны водительского сиденья. Кирилл протянул ему связку клю-

чей. За воротами, ворча и фыркая, развернулась и тут же уехала старенькая машина – то ли «москвич», то ли «жигуленок» – в сумерках я не разглядел. Павел тут же завел мотор для прогрева, а благочестивая чета, послав нам на прощанье воздушный поцелуй, села в свой огромный «мерседес-бенц». Мягко захлопнулась дверца. С минуту попыхтев, внедорожник, сияя многочисленными огнями, медленно выехал со двора и, повернув налево, мягко покатил вслед за недавно уехавшим Лёнкой. Только теперь умолкла Дамка, и Мария поспешила отцепить от ее ошейника карабин цепи.

V

– А твоего священника Дамка не шибко жалует. С чего бы это? – спросил я по возвращении в дом.

– Посторонний для нее человек, что ж ты хочешь?

– На меня она так надрывно никогда не лаяла.

– Как видно, твой запах давно ей знаком – с тех пор, как ты поселился в своем доме. Кроме того, от тебя Джеком пахнет. Собачий нюх тонкий.

Утомленная приемом гостей, Мария прилегла на диван. Я погасил общий свет и включил торшер у ее изголовья. Потом принес из спальни толстый шерстяной плед, улегся рядом, и мы, прижавшись друг к другу, укрылись им до пояса. От нее едва заметно пахло шампанским и нежными духами. До чего же приятно! Как в молодые годы.

– Ну и как тебе наш священник? – полузакрыв глаза, спросила Мария, и в ее голосе я услышал неподдельное восхище-

ние.

– Да как тебе сказать? Понимаешь, этот солдафон слишком много на себя берет и абсолютно уверен в собственном превосходстве. Считает себя непогрешимым и всегда абсолютно правым. Такие рано или поздно дров наламывают. Ох, как наламывают!

– Что ты! – возмутилась Мария. – Он такой умница, так душевно к людям относится! Видел смерть в лицо, знает не понаслышке подлинную цену жизни, исключительно скромный и отзывчивый. Сам от всего лишнего отказывается – почти аскет. В трудную минуту поможет каждому, ничего не пожалеет даже для самого простого человека – последнее отдаст. Его вся паства обожает и готова за него в огонь и в воду.

– Тем не менее, этот скромняга ездит не на каком-нибудь задрипанном «жигуленке», как этот Павлик, а на суперкомфортном внедорожнике «мерседес-бенц» G-класса! Ты знаешь, сколько такой стоит? Не меньше двухсот тысяч долларов! А смартфон его катит долларов на семьсот как минимум. И при этом он утверждает, что руководствуется древнедельфийским принципом «ничего лишнего».

– Артем, да эти вещи ему для работы необходимы! Он ведь исключительно для людей старается, живет для них.

– При этом и себя не забывает.

– Не злословь, пожалуйста. Ты мне не таким больше нравишься. И зачем было с ним все время заедаться? Ведь я дала понять, чтобы ты не дразнил его как собаку.

– А почему он мне, словно какому-то лоху, пытался на уши макаронных изделий навешать? Начал было говорить со мной, как с малограмотным. Априори был убежден, что я Библии в глаза не видел.

– Все равно нужно было промолчать. Он бы потом и сам понял, что ты человек образованный, начитанный. Твой ум и так в тебе светится и специальной демонстрации не требует. Зря ты его так посрамил. Он уже за седины свои да за то, что жизнью рисковал, уважения достоин.

– Какие седины?! Он на пятнадцать лет моложе меня и пытался читать мне наставления, как школьнику. И за то, что я его поправил, должен только благодарным быть. Дискуссия, так дискуссия, а не урок морали, как в школе на воспитательном часе. Впрочем, за исполнение боевого долга отец Кирилл, безусловно, заслуживает только уважения. Но в священники он подался рановато. Не по Сеньке шапка.

– Ну... не тебе судить. Включи телевизор, посмотрим, что в мире делается. Вздремну – не буди, я так устала...

Взяв с торшерной полки пульт, я включил телевизор. Комнату наполнили звуки ритмической музыки. Экран мигал яркими разноцветными вспышками. Вихляющаяся певичка, вокруг которой скакали подтанцовщики, искаженным голосом исполняла песню из одной-единственной фразы, бесконечно повторяющейся на разные лады.

– Нет-нет, только не это, а то я свихнусь.

Щелкая пультом, я дошел до канала «Виасат нейче», где

показывали ландшафты и представителей фауны какого-то экзотического края.

– Пусть остается, – устало сказала Мария. – Здесь такая ласковая природа... Как там... за этим... шлюзом.

Через несколько минут она уснула, а я лежал, нежно прижавшись к ее теплому боку, и, вдыхая нежный аромат ее духов, мысленно продолжал навязчивую дискуссию с Кириллом. Вскоре уснул и я.

VI

По окончании рождественских праздников мы с Марией занялись интенсивным исследованием нашего нового или, как назвала его Мария, «зашлюзового» мира. По несколько дней кряду живя в лагере, мы целенаправленно собирали гербарии, по всем правилам энтомологии, вычитанным в Интернете, коллекционировали бабочек, жуков и прочих насекомых. Цифровой камерой снимали красочные цветы, растения, птиц, животных, рыб и крабов, фотографировались на фоне местных пейзажей. Мария любила запечатлевать нас на видео: на пляже, среди скал, в лесной чащобе и на цветистых полянах с пышными букетами красочных цветов. А я – в процессе рыбной ловли в лагуне и на реке, при охотничьих трофеях: горных баранах, птицах, рыбах, крабах, гигантских креветках, огромных раковинах причудливых форм и расцветок, а также с корзинами диковинных плодов или грибов.

Через близких знакомых Мария установила контакт с какой-то местной биологической лабораторией, где за умерен-

ную плату исследовали приносимые нами дары леса и моря на предмет съедобности. Признанные съедобными фрукты, орехи, корнеплоды, зерна, грибы и ягоды, а также моллюсков, рыб, зверей и птиц мы фотографировали и заносили в отдельный каталог, который разрастался с каждым днем. Но поле для исследований было столь широким, что казалось, этой каталогизации конца-края не будет.

Мы с Марией стремились как можно больше узнать о «за-шлюзовом» мире, так что наши проблемы наползали одна на другую. Не завершив одного направления исследований, уже хотелось перейти к следующему. И так до бесконечности. Понимая, что любым из них можно заниматься сколь угодно долго, мы решили как-то «обрубить концы». Для этого следовало либо очертить четкий круг задач на ближайшее время, либо на каждое из выбранных направлений наложить временные ограничения.

К Пасхе нам удалось существенно продвинуться в изучении флоры и фауны ближайших окрестностей шлюза и лагеря. Но главное, что мы хотели сделать – это выяснить, где находится шлюз: на острове или на континенте. С этой целью мы решили предпринять морское путешествие вдоль берега и нанести на карту, пусть даже заведомо неточную, очертания исследуемой береговой линии. Для этого требовалась лодка.

С целью ускорения исследований пришлось разделить обязанности. Мария продолжала изучение и занесение в ка-

талогии растений и животных, а я занялся покупкой лодки и организацией самого путешествия. Иногда по мере необходимости я помогал Марии в ее делах. Но такое случалось редко, поскольку она оказалась очень способной и трудолюбивой ученицей – в течение короткого времени освоила компьютер и поиск в Интернете. Работа явно доставляла ей удовольствие. А в деньгах мы пока что нужды не испытывали.

Пользуясь Интернетом, я подобрал великолепную надувную лодку, вернее будет сказать, катер, грузоподъемностью тысяча триста килограммов и к ней – мощный мотор. Столь внушительную грузоподъемность я выбрал из соображений устойчивости катера на волнах и возможности брать на борт как можно больше горючего. Вес лодки в сборе был пугающе велик – более полутонны, но агенты по продаже мне разъяснили, что по частям ее можно спокойно переносить на руках или перевозить на ручной тележке. Я оплатил доставку комплекта ко мне во двор, а также его сборку и разборку с попутными пояснениями.

Агенты мастерски управились с моим заданием, а я весь процесс отснял на видео. Затем за отдельную плату они по частям отнесли катер непосредственно в шлюзовую камеру.

Потом я постепенно перевез весь комплект на тележке на пляж около лагеря, где успешно его собрал, руководствуясь материалами видеосъемки и консультациями по телефону.

Наконец надувной катер закачался на волнах, и меня охватили восторг и нетерпение, как это бывало в юности.

Заправив бак горючим, я захотел незамедлительно совершить пробный выход в море. Еще будучи школьником, я с завистью смотрел на катера, мчавшиеся по Днепру, и страстно мечтал когда-нибудь обзавестись собственным моторным водным транспортом. И вот мечта моей юности, хоть и несколько поздно, наконец-таки осуществилась. Воистину мечты материальны и, если их все время лелеять, непременно сбываются.

Будучи в приподнятом настроении, я снял с себя оранжевую футболку и закрепил на ветвях куста на берегу лагуны, пометив таким образом место отплытия. Штормовку пришлось надеть на голое тело. Сев на водительское сиденье, я с трепетом сердца нажал кнопку стартера. Стапятидесяти сильный мотор отозвался мощным урчанием. Выждав не больше минуты, я включил переднюю передачу, дал для начала небольшой газ, развернул шестиметровый надувной катер в направлении горизонта, и, прибавив обороты, помчался вдаль от берега к туманному горизонту. Обдуваемый встречным ветром, я смотрел вдаль, наслаждаясь скоростью. Бандана защищала от горячего солнца мою голову, а на плечах лихо развевалась старенькая штормовка. Катер прыгал с волны на волну, ухая и обдавая меня дождем соленых брызг. Несколько раз меня едва не опрокинула боковая волна, но мне это показалось скорее забавным, чем опасным.

Наконец я сбавил скорость и развернулся в обратном направлении. Берег виднелся в синей дымке, почти сливаясь

с горизонтом. Я с удивлением обнаружил, что мощное течение значительно снесло меня к западу. Моя футболка была видна только в бинокль в виде небольшого оранжевого пятнышка. Взяв на нее курс, я дал полный газ. Катер рванулся вперед и едва не опрокинулся, подброшенный двухметровой волной.

Внезапно я осознал, что несмотря на заверения торговых агентов в абсолютной устойчивости катера на волнах, он в любую минуту может опрокинуться, и я, абсолютно беспомощный, окажусь в воде вдалеке от спасительного берега, уносимый стремительным течением в открытое море, не имея ни малейшего шанса на спасение. Меня охватил ужас неотвратимой смерти, ведь помощи ждать здесь было некуда. Сбавив газ и взяв поправку на течение, я повел судно к месту старта, пребывая в ужасном волнении.

Прошло уже минут двадцать, а катер, казалось, ни на йоту не приблизился к берегу. Чуть прибавив газу, я тут же сбросил его, почувствовав, что вот-вот опрокинусь. Балансируя на пределе допустимой скорости и по возможности уклоняясь от бортовых волн, я упорно продолжал править на спасительный пляж. Вскоре береговые кусты и скалы стали видны значительно четче. Это придало мне сил и уверенности.

Течение было настолько быстрым, что катер приходилось вести под острым углом к берегу, почти параллельно линии прибоя. Я подсознательно отметил, что участок суши, с которого стартовал, тянется с запада на восток километров на

двадцать пять-тридцать, а потом с обеих сторон его охватывает море, уходящее до самого горизонта и, наверняка, за него. Скорее всего, это остров.

Солнце уже клонилось к западу, когда я приблизился к берегу. Нужно было успеть добраться до шлюза засветло. Наконец катер мягко уткнулся носом в песчаный берег. Я заглушил усталый мотор. Меня перестал обдувать встречный ветер, и я внезапно словно оказался в сауне – такая стояла жара. Не снимая мотор с транца, я поднял его, обнажив винт, и закрепил в таком положении.

Подведя под катер тележку для спуска на воду, я кое-как вытащил его на берег и надежно привязал к ближайшему кусту. Можно было отправляться домой.

VII

– Мария, сегодня я не только спустил наш катер на воду, но еще и сделал пробный выход в море, – сказал я за обедом.

– Ну и как? – игриво спросила она.

– Да так, ничего. Меня подхватило течение и чуть не унесло в открытый океан.

– Да ты что! – с волнением воскликнула она. – И как же тебя угораздило?

– Увлекся, отошел от берега на почтительное расстояние, а когда оглянулся, меня уже отнесло на запад. А тут волнение, бортовая качка. Пришлось сбавить скорость, чтоб не перевернуться. И при этом бороться со встречным течением. Хоть и с трудом, но победил.

– Вот это да! Ты же меня сколько раз предостерегал: нельзя далеко отплывать от берега. А тут сам...

– Я же не знал, что здесь такое течение, всецело доверял судну, мощному мотору. А при таком волнении мощность оказалась помехой. Ну, ничего. Выплыл – и хорошо. Будет наука на будущее.

Мария принесла второе, и я с аппетитом стал его уплетать.

– Когда поплывем берег обследовать? А то не знаем, на острове мы обретаемся или на континенте, – спросил я, отрезая кусочек сочной котлеты. На них она была искусной мастерицей. Лучших котлет я в жизни не ел, даже в ресторанах.

Мария помедлила с ответом, потом сказала:

– А не страшно? Течение ведь. Ну, неожиданности всякие. Мы же ничего не знаем, что там, за пределами обследованного нами участка.

– Вот за этим мы и отправимся. Чтобы узнать, что там и как. Первопроходцам всегда было нелегко. Для большей уверенности будем держаться как можно ближе к берегу.

– Ты знаешь, я боюсь... – тихо сказала она.

– Что ж, тогда я поеду один.

– Нет-нет! Только не это. Я тоже пойду с тобой. А то пока ты вернешься, я в сумасшедший дом попаду. Да и мне самой интересно увидеть, что там, за пределами разведанного.

Я обнял ее и ласково поцеловал в висок. Как много значит поддержка женщины! Она удесятяряет силы, побуждает к деятельности, творчеству и труду, каким бы тяжким он по-

началу не представлялся. А поддержка Марии имела для меня особое значение. Думаю, значительно большее, чем для кого-либо другого поддержка его жены или близкой подруги.

На следующий день я начал подготовку к морскому походу, стараясь продумать все до мелочей. Судя по результатам наблюдения во время пробного выхода, исследуемый участок суши мне представлялся островом. Не зная, какова общая протяженность его береговой линии, я решил взять на борт достаточный запас горючего. Для этого пришлось снять с катера лишние сиденья и на их месте разместить и закрепить дополнительные канистры, хотя основной бак вмещал, не много не мало, девяносто шесть литров. Для предотвращения опасного нагревания емкостей с горючим экваториальным солнцем мы приобрели брезент, чтобы в пути накрывать их. Кроме того, я намеревался время от времени поливать его водой.

Месяц тому назад один из соседей изготовил по моему заказу острый наконечник из закаленной стали. Его я насадил на двухметровую жердь, как лопату на черенок. Получилось неплохое копьё, которое могло пригодиться для самозащиты на случай возможного нападения диких зверей. Оно представлялось мне значительно надежнее ружья для подводной охоты.

Через неделю я, как мне казалось, полностью закончил подготовку к походу. Вернувшись домой после трудового дня на берегу лагуны, я с гордостью сообщил:

– Марийка, катер полностью снаряжен. Завтра с рассветом можно уходить. Ты как, готова?

– Даже более чем готова.

– Не понял, что значит «более чем»?

– После обеда поймешь.

– Ты можешь ответить конкретнее?

– Отвечаю, как Бог на душу полагает.

– Почему так неопределенно?

– В отместку за то, что ты мне в свое время загадками голову морочил. Помнишь? – игриво сказала Мария.

– Вон какая ты мстительная.

– Расценивай, как хочешь. Лучше ешь поскорее.

После обеда меня ждал потрясающий сюрприз. Мария принесла и поставила у моих ног длинную картонную коробку. Открыв ее, я был шокирован. Там лежало охотничье ружье «Сайга-20С «Тактика»» в заводской упаковке. Вот это да! Предел моих мечтаний. Там, за шлюзом, оно было необходимо, как воздух.

Я никогда не имел собственного ружья и с увлечением принялся за изучение инструкции. Полуавтоматический карабин калибром двадцать миллиметров с оптическим прицелом, с магазином на восемь патронов буквально околдовал меня. Я не знал, существуют ли лучшие ружья, и этот карабин, похожий по конструкции на автомат Калашникова, мне показался верхом совершенства.

– Карабин, конечно, – сказка, – сказал я с благодарно-

стью. – Но к нему нужны еще и патроны.

Ни слова не говоря, Мария вышла в коридор и внесла незнакомую мне хозяйственную сумку.

– Посмотри здесь, – сказала она.

В сумке лежал полностью снаряженный поясной патронташ, три пропарафиненные коробки с патронами и два запасных магазина.

– Прекрасно, Марийка. И где же ты все это взяла?

– Бог дал.

– Нет, правда.

– Правда, Бог дал.

– Что ты все ребусы да шарady загадываешь? Скажи толком, откуда это?

– Придет время – скажу.

– А почему сейчас не сказать?

– Ты для этого не созрел еще. Так, кажется, ты отвечал мне когда-то?

– Да, так. Но ты бы тогда не поняла меня или сочла сумасшедшим.

– Ты тоже не поймешь меня без определенной подготовки.

– Я готов ее пройти. Давай, начинай.

– Не будь любопытным как женщина. Потерпи. Так надо. Я же тогда терпела.

– Понимаешь, какое дело. Я ведь не имею прав на владение оружием...

– Это здесь, – сказала она, не дав мне закончить предло-

жение. А там, за шлюзом, права определяются тобой самим. Или ты считаешь, что ружье нам ни к чему?

– Очень даже к чему. И все же я должен знать, откуда у тебя полуавтоматическое оружие.

– Я не думала, что ты такой нетерпеливый. В общем, поступай, как сочтешь нужным. Только, пожалуйста, не приставай с расспросами. Скажу со временем.

«Впрочем, какая мне разница? Что ж, пусть будет так», – подумал я, принимаясь за удаление заводской смазки.

В кармашке патронташа я обнаружил записку, написанную твердым мужским почерком: «Патроны, помеченные красным лаком, заряжены жаканом, зеленым – волчьей картечью, синим – утиной дробью». Первых было десять штук, вторых – чуть больше. Все остальные – для утиной охоты. Задумавшись над таким раскладом, я вспомнил слова своего киевского соседа по лестничной площадке, страстного охотника: «Лучшие патроны – это какие есть».

VIII

Готовя экспедицию, мы планировали два ее возможных варианта. Первый и, как нам представлялось, наиболее вероятный, – выйдя из лагуны в восточном направлении, обойти вокруг острова за сутки или двое. И второй. Если в ходе самой экспедиции выяснится, что шлюз находится на континенте или полуострове, вернуться назад, как только этот факт будет установлен. Затем, спустя несколько дней, выйти с рассветом и пройти вдоль берега, сколько сможем, на запад

от лагуны с таким расчетом, чтобы вернуться опять-таки в течение местного дня. При этом я намеревался картографировать очертания пройденного участка берега. Конечно, мы могли составить только весьма и весьма приближенную карту, но на первых порах ее было бы достаточно для получения хоть какого-то представления об исследуемой местности.

Прилив уже кончился, а отлив еще не успел начаться. Утреннее море было спокойным, и катер скользил по его поверхности, как по гигантскому зеркалу, оставляя за транцем длинную полосу пенного следа. Прозрачный утренний туман, медленно сползая со скал на воду, стелился над зеркальной гладью и окутывал голубой дымкой золотистые пляжи, береговые утесы, взбирающийся на них кудрявый кустарник и тянущиеся к небу деревья с раскидистыми кронами. Солнце еще не показалось из-за горизонта, но снежную вершину величавой горы, верхушки самых высоких скал и возвышающиеся над ними деревья уже успело позолотить.

Пройдя гряду шхер, я вывел катер из лагуны на открытый морской простор и по компасу взял курс на восток вдоль берега. Отсутствие волн позволило увеличить скорость до максимума. Обдуваемые прохладным ветром, мы неслись так быстро, что совершенно не замечали встречного течения, которое недавно чуть было не сыграло со мной злую шутку.

За ближайшим отрогом открылся плоский каменистый участок берега, полого нисходящий к воде. На нем устроили лежбище ластоногие, по виду напоминавшие морских

котиков. Разбуженные после холодной ночи звуком мотора, они поднимали головы и тревожно перекликались низким ревом. На каменистой равнине, отшлифованной прибоем, лежище растянулось более чем на километр, и животных на нем было видимо-невидимо.

– Артем, подойди к ним поближе, я пофотографирую, – азартно сказала Мария, готовя фотокамеру. – Только тихо, чтоб не распугать.

Я круто повернул к берегу и в пятидесяти метрах от него, сбавив газ, пошел параллельно береговой линии. На столь малых оборотах двигатель работал почти беззвучно, и звери вели себя довольно спокойно. Несколько минут Мария снимала в репортажном режиме и когда она опустила камеру, я снова дал полный газ. Мотор взревел, и перепуганные животные шарахнулись от нас врассыпную.

Чтобы не наскочить на прибрежные подводные камни, я шел метрах в двухстах от берега. Там это было менее вероятно. За лежищем ластоногих начинались отвесные скалы, где с заросших травой, уступов свисали длинные зеленые плети вьющихся растений. Среди них гнездились многочисленные пернатые, уже успевшие проснуться и поднять несусветный галдеж. С громкими криками они перелетали с камня на камень, металась у скалистой стены, взмывая ввысь и на дикой скорости вертикально падая в море, поверхность которого была сплошь усеяна их собратьями. Вспугнутые рыбы разбегались в разные стороны, порой выскакивая из

воды и, пролетев над поверхностью несколько метров, исчезали в пучине. Самые проворные из птиц подхватывали беглянок в воздухе и неслись к гнездам, где их с нетерпением ждали прожорливые птенцы.

Мало-помалу в днище катера начали ударять незаметно появившиеся волны. Чтобы не опрокинуться, пришлось сбавить скорость. Нанося на карту очертания береговой линии, я отметил, что она начала поворачивать к северу. Солнце уже вышло из-за горизонта и поглотило остатки утреннего тумана. Отлив сносил катер вправо, и приходилось непрерывно следить за стрелкой компаса, чтобы удерживаться на курсе. Волнение усилилось, и мы вынуждены были сидеть, ухватившись за скобу приборной панели, чтобы не свалиться с сидений.

Так шли мы минут двадцать. Неожиданно Мария соскочила с сиденья и, удерживаясь за арматуру спинки, перегнулась через борт и наклонила голову. Волны почти касались кончика ее носа. Сбавив ход, я увидел, как она корчится в рвотных спазмах. Ее настолько сильно тошнило, что она не могла поднять голову.

– Марийка... тебе плохо?

– Плохо... Артем...

– Успокойся, я поворачиваю обратно! – сказал я, закладывая крутой вираж.

– Не-е-ет! – простонала она, сцепив зубы. – Не поворачивай! Подойди лучше к берегу... передохнем и пойдем даль-

ше...

Я подсознательно повиновался ее мужественному требованию. Но к отвесным скалам подойти было невозможно. А Мария продолжала страдать от ужасного приступа морской болезни. Казалось, вот-вот она потеряет сознание. Меня самого начало поташнивать, и с каждой минутой все сильнее. Один из моих родственников, летчик по профессии, когда-то дал мне мудрый совет: при укачивании глубоко дышать. Я попробовал, и тошнота отступила.

– Марийка, ты глубоко дыши, слышишь? Вот так: раз-два... раз-два... раз-два...

Она послушалась, и через несколько минут бледность начала уходить с ее лица. Она улыбнулась.

– Что смотришь? Давай вперед! No pasaran! – сказала Мария, едва шевеля губами. На них засветилась теплая улыбка, и все вокруг озарилось ее лучезарным сиянием.

– Venceremos! – поддержал я ее и чуть прибавил скорость. За ближайшим отрогом показалась желтая полоса пляжа, и я, ничуть не колеблясь, взял на нее курс.

Нос катера мягко вышел на песок, влажный после прилива. Я поднял винт и принялся вытаскивать груженный катер, как мог, на пологий берег, не обращая внимания на суесящихся вокруг нас птиц, крабов и проворных зверьков, которых я из-за схожести назвал выдрами. Мария с трудом выбралась на берег и бессильно рухнула на голый песок в густой тени раскидистого дерева, к стволу которого я привязал

нейлоновый канат, прикрепленный другим концом к рыму нашего катера.

Солнце уже успело горячо нагреть песок, и я обулся в кроссовки.

– Пить... пить хочу, – сказала Мария.

Из-под брезента, которым мы не так давно накрыли нашу походную поклажу, я достал двухлитровую полиэтиленовую бутылку и протянул ей. Вода еще хранила прохладу нашей бурной реки, и Мария с жадностью поглотила более четверти содержимого баклаги, после чего я также сделал несколько глотков.

Время было подумать о еде, так как мы вышли около четырех утра по елизаровскому времени. В такую рань есть не хотелось, и мы ограничились лишь парой стаканов крепкого чая из термоса да бутербродами с сыром.

– Марийка, время завтракать. Как ты смотришь на такое предложение?

– Что ты, упаси Бог! Меня так мутит, что о еде и подумать страшно. Да, совсем забыла! Я же взяла с собой белласпон, средство от укачивания! В аптеке мне сказали, что он действует быстрее, чем другие подобные лекарства.

Пошарив по карманам куртки, она достала таблетки и проглотила сразу две, запив изрядной порцией воды.

– Почему ты его перед выходом не приняла?

– Понадеялась на то, что все будет в порядке. Да и забыла, если честно сказать. Теперь немного полежу.

Она повалилась на песок и закрыла глаза.

– Полежишь, отойдешь немножко, и аппетит появится, – сказал я, в то время как сам и мысли о еде не допускал.

– Нет, Артем. Особо разлеживаться я не буду. Нам нужно дальше двигаться, чтобы засветло в лагерь вернуться. И спасибо тебе за совет – глубокое дыхание помогает.

– Вернемся ли мы в лагерь засветло – это большой вопрос. Ведь нам по-прежнему не известно, остров это или континент. А если остров, то как далеко он простирается на север. Если станет ясно, что до захода солнца нам не дойти до лагуны, придется устраиваться на ночлег.

– А если мы к тому времени не найдем подходящего места, чтобы причалить, тогда как? Возвращаться назад? К этому пляжу, скажем?

– Не исключено. Эту часть берега мы кое-как обследовали и на карту нанесли. Не ночевать же в океане.

Мария молчала. Я сидел, чертя на песке палочкой геометрические фигуры. Жара все усиливалась, и мне захотелось окунуться в море. Подойдя к катеру, я увидел, что вода несколько отступила от берега. Катер на две трети оказался на суше, и сдвинуть его обратно в воду мне оказалось не под силу. Вот это да! Надо же быть таким олухом – забыть об отливе! Отвязав от дерева причальный канат, я пытался приподнять нос катера, но тяжесть более полутонны была мне явно не по силам.

Увидев мои потуги, Мария, забыв о недавнем приступе

морской болезни, подбежала ко мне и принялась изо всех сил помогать, но тщетно.

– Да-а-а, застряли мы, Марийка, из-за моей неосмотрительности. А до следующего прилива около половины местных суток – часов пятнадцать, наверное.

– Ну, придется ждать, – неунывающим тоном сказала она.

– А там вечер, выходить в океан опасно, придется ночевать. Автоматически застреваем еще на восемнадцать часов... Всего на целые сутки...

Мария отерла с лица обильный пот и грустно улыбнулась.

– Значит, так было зачем-то Богу угодно. Ничего, еда есть, палатка тоже. Разведем костры и сяк-так переночуем. Лишь бы гроза не случилась.

В безнадежности я побрел было в тень, но Мария внезапно окликнула меня:

– Артем! По-моему, волнение усилилось!

– Ну и что?

– А то, что мы можем попытаться столкнуть катер на гребне волны.

– Попробуем. Давай! – обрадовался я хоть какой-то мизерной надежде.

Набежала волна, но наших усилий оказалось недостаточно.

– Ничего не выходит, – сказал я.

– Погоди, будем пытаться еще. Ну, давай!

Подхваченный волной, катер немного приподнялся и сно-

ва осел на песок.

– Смотри, какая высокая катит. Возможно, это наш шанс. Ну, приготовились! Раз-два, взяли! – скомандовала Мария.

Мы натужились изо всех сил и немного сдвинули засевший катер.

– Уже легче, – приободрил я не столько Марию, сколько себя. – Ну, еще разок! Давай! – крикнул я, когда накатила новая волна.

На волне катер чуть приподнялся, и мы, надрываясь, подтолкнули его. Волна отхлынула, и наше судно закачалось на воде.

– Ура-а-а! – закричал я, радуясь, как ребенок. – Победа!

Мы оттолкнули катер подальше от берега. Вскочив в него, я втащил Марию и, опустив винт, нажал кнопку стартера. Мотор отозвался глухим бормотанием, и оно показалось мне благозвучнее любой музыки, даже самой гениальной. Я включил передачу, и винт с ревом вгрызся в воду.

Отойдя на несколько десятков метров, мы пошли дальше вдоль берега.

– Марийка, ты не только красавица, но еще и умница. Гениальная женщина.

– Да будет тебе издеваться. Сейчас эта гениальная женщина как начнет наизнанку выворачиваться...

Но Мариин прогноз не оправдался, хотя волнение было значительно сильнее, чем до подхода к берегу. Не знаю, что на нее подействовало столь благоприятно: то ли таблетки, то

ли недавний стресс и большая физическая нагрузка.

– Останови, Артем, я очки достану.

Я перешел на нейтральную передачу, а Мария, удерживаясь одной рукой за спинку сиденья, достала из-под брезента две пары солнцезащитных очков.

– Давай наденем, а то тут такое яркое солнце, что и ослепнуть недолго.

Пройдя еще полтора часа, я нанес очередной раз на карту продолжение береговой линии и отметил, что она постепенно поворачивает к северу. К сожалению, мне все время приходилось лавировать среди волн, чтоб избежать бортовой качки. Это существенно замедляло продвижение вперед. Кроме того, я не мог увеличить скорость из-за довольно сильного волнения.

Вскоре мы миновали пляж и пошли вдоль скалистого берега, вблизи которого над морской поверхностью вздымались отшлифованные волнами многочисленные утесы, белые от птичьего помета. На них, подставляя спины утреннему солнцу, неподвижно лежали крупные зелено-голубые ящерицы и копошились вездесущие крабы. Величавые скалы, высоко взметнувшиеся над морем, почти сплошь были покрыты кудрявым ковром выющихся темно-зеленых растений, крепко вцепившихся мощными корнями в отвесные стены. Рядом с ними носились крикливые стаи пестрых птиц, привлеченных многочисленными гроздьями плодов, свисавших над морской пучиной.

Отлив относил нас от берега. Постоянно приходилось брать поправку на течение. Несмотря на непрерывную качку, я ощутил голод.

– Марийка, как ты насчет того, чтобы позавтракать?

– Я не против. Кончатся скалы – сойдем на берег и поедим, если сможем.

– А если они не кончатся до вечера?

– Думаю, возможно и такое. Тогда придется немного поголодать. Не завтракать же нам в море.

Я невольно обратил внимание на закономерность расположения прибрежных утесов. Казалось, будто какой-то великан швырнул их с берега, словно щебень, и самые большие упали вблизи от обрыва, а далее – те, что поменьше. И чем они были меньше, тем дальше отлетели от скалы, и тем больше их было. А далее, по мере удаления в сторону моря, гряда быстро редела, постепенно сходя на нет.

Держась за скобу, чтобы не выпасть из катера, Мария с интересом наблюдала за стайей дельфинов, резвящихся у самого борта.

– Артем, а может им чего-нибудь съестного бросить? Смотри, как они возле нас плещутся. Наверняка ждут, чтобы мы их чем-нибудь угостили.

– Да они плещутся вовсе не потому, что голодные. В океане рыбы – пруд пруди. Впервые людей видят – вот и носятся возле катера, как угорелые. Любопытные, бестии.

Не сказав ни слова в ответ, Мария посмотрела на ме-

ня, нежно улыбаясь, и мое сердце облилось непередаваемым теплом. Оглядывая прибрежные утесы, она сказала:

– Интересно как-то эти глыбы лежат – у берега огромные, потом все меньше и совсем исчезают. Как ты думаешь, почему?

– Как видно, эта гора со снежной вершиной – потухший вулкан. Когда-то он извергался и выбросил множество камней. Те, что потяжелее, упали ближе, а более легкие отлетели подальше.

– А вытекшая лава где? Почему нигде не видно ее застывших потоков?

– Ну... разные бывают извержения. Вполне возможно, что под ледником и застывшая лава есть. Или вулканический пепел. А может быть, это было так давно, что все следы извержения лесом заросли.

– Не похоже, что это очень давно случилось. Тогда бы волны скруглили поверхность этих камней, а у них только углы чуть притупились.

– Сюда бы геолога – он бы все тут по полочкам разложил. А мы можем только предполагать да гадать по-дилетантски.

Вскоре мы дошли до острого мыса, и за ним скалистый берег постепенно повернул к западу.

– Это остров, – констатировал я. – На западе земли не видно – сплошь океан.

– А дальше, прямо по ходу, может быть и есть.

– Нет. Там тоже океан.

– Откуда ты знаешь?

– Да я же говорил тебе: во время пробного выхода в море видел, когда меня чуть не унесло течением в открытый океан.

– Возможно, говорил. Но я не помню.

Некоторое время мы шли молча. Дельфины все ближе подходили к борту катера и следовали параллельным курсом. Потом начали озорничать. Выскакивая из воды, дельфины рассматривали нас с воздуха, и нам казалось, будто при этом они нам улыбаются. Они все чаще подходили вплотную к катеру и, оттолкнувшись от баллона, отпрыгивали в сторону.

– Играют с нами, – весело сказала Мария.

– Не повредили бы нам баллон!

– Да что ты! Они легонько – забавляются, а не атакуют.

– Дай-то Бог!

Неожиданно один из дельфинов, выскочил из воды возле левого борта у самого носа и, перелетев через бак, плюхнулся в море справа, обдав нас дождем соленых брызг.

– Фу! Будь ты неладен! – смеясь, выкрикнула Мария, стряхивая с себя брызги. – Перепугал вусмерть.

Вскоре из-за каменистого отрога показался золотисто-оранжевый пляж, охватывающий темную синь подковообразного залива, глубоко вдающегося в берег, открытый всем волнам океана. Высоко над пляжем располагался огромный кратер. Но, как мне представлялось, не вулкани-

ческий, ибо выше, над его южным краем, вздымался знакомый пик со снежной вершиной, вокруг которого клубились тяжелые белые облака. Больше всего кратер походил на астроблему, образованную падением крупного метеорита, но окаймляющий его вал был почти незаметен. Казалось, будто кто-то огромный вычерпал в этом месте скальный грунт гигантской ложкой и выбросил далеко-далеко в океан, поглотивший его без остатка. Я вспомнил глыбы, разбросанные у восточного берега, характер их распределения и сделал вывод, что именно падение этого метеорита вызвало чудовищной силы взрыв, снесший верхушки скал и разбросавший их у побережья. Оставалось по-прежнему неясным, куда девался выброшенный им скальный грунт.

Омываемый мощным прибоем берег оказался неудобным для высадки, так как океанские волны могли разбить катер, да и пришвартоваться было не к чему. На малых газах мы дошли почти до конца пляжа, прежде чем нашли место, подходящее для причаливания. У западного края залива в пятидесяти метрах от берега над водой возвышался небольшой песчаный островок, на котором росло несколько пальм. Мы вошли в узкий проливчик между островком и пляжем. Море в этом месте было спокойным, так как островок принимал на себя удары океанских волн.

Спрыгнув в воду, я подтянул нос судна к берегу и привязал швартовочный канат к растущей неподалеку пальме.

– Смотри, чтобы снова не сесть на мель, – предупредила

Мария.

– Да ведь катер наш на плаву. Видишь, на волнах покачивается. К тому же, отлив на убыль пошел.

В тени пальмы мы простелили на песок плотную подстилку, разложили на ней продукты и поставили баклажку с водой, теплой, словно ее только что сняли с печки. Жара стояла, как в Преисподней, и мы, обливаясь потом, кое-как съели по паре яиц с хлебом и помидорами да выпили по доброй порции воды. Потом, не сговариваясь, окунулись в море и прилегли на подстилке.

– Чуть отдохнем – и в путь, – предупредил я.

– Разумеется. Не лежать же здесь до вечера.

Через четверть часа я встал с подстилки, и Мария собралась было последовать моему примеру. Но я остановил ее.

– Ты пока полежи немного, а я пройдуь чуть-чуть, разомну ноги и заодно разведу, что тут да как. Здесь вроде нет опасности, но чуть что – кричи во все горло, я далеко не отойду.

Она послушалась, а я, окунувшись в море и надев на мокрое тело штормовку, побрел по берегу в западном направлении с карабином на плече.

Пляж в этом месте был довольно широкий – метров пятьдесят-семьдесят. Чуть дальше от воды среди густой травы и низкорослого кустарника росли пальмы. Одна из них, низко пригнутая к земле вековыми ветрами, почти касалась кроной песка. Среди ее колючих ветвей красовались огромные

грозди желто-оранжевых полупрозрачных плодов, словно вылепленных из воска. Их клевали многочисленные птицы, похожие на попугаев, и надкусывали мелкие крабы, крабающиеся по ветвям, словно пауки. Я протянул руку, чтобы сорвать один из них, и птицы, галдя на множество голосов, метнулись от нее в разные стороны, а крабы попадали на песок и тут же в него зарылись.

Плод был величиной с крупную сливу, только несколько уже и длиннее. Покрытый воскоподобным веществом, он издавал приятный, ни с чем не сравнимый аромат. На месте, где была плодоножка, выступила крупная капля золотистого сока, и я рискнул ее лизнуть. Сок был приятен на вкус, кисло-сладкий, чуточку терпкий. Подождав несколько минут, убедился, что во рту он не вызвал ни онемения, ни дурноты и решил попробовать. Сочный плод внутри был прохладен и имел несколько косточек, похожих на виноградные. Сорвав еще с десятков плодов для Марии, я двинулся дальше.

Мои ноги, обутые в кроссовки, почему-то скользили по песку, словно по графитовой крошке. Набрав горсть песка, я стал рассматривать его и очень удивился, так как он состоял из стеклоподобных шариков, похожих на мелкий бисер. В основном они были не крупнее просяных зернышек, а некоторые – размером с небольшую горошину и имели каплевидную форму. Словно дождевые капли, замерзшие на лету. Отдельные капельки имели хвостики, длиной до полутора сантиметра и толщиной с человеческий волос. Просто так,

для забавы, надломил на одной из них волосяной хвостик. Последовало чудо: стеклянная капелька рассыпалась в порошок. Я повторил опыт – результат был таким же. «Боже мой, да это же самые настоящие батавские слезки!» – подумал я, едва не вскрикнув. Набрав горсточку «слезок», я положил их в карман, чтобы показать Марии по возвращении к месту причала, и двинулся дальше.

За небольшой косой в океан впадала небольшая речушка, извинаясь среди береговой зелени. Вода в ней была прозрачной, как слеза, и холодной, как лед. Сняв с головы и основательно прополоснув в речке пропитанную потом бандану, я сделал из нее подобие сачка, зачерпнул воды и утолил мучившую меня жажду. Вода была изумительно вкусной и настолько холодной, что я всерьез опасался получить ангины. «Так, здесь перед выходом нужно пополнить запасы питьевой воды» – подумал я и двинулся дальше.

За пляжем начинались кварцевые скалы, похожие на отекавшие парафиновые глыбы. Как видно, их поверхность была оплавлена чудовищной температурой взрыва метеорита и застыла, образовав стекло.

Хотелось пройти еще дальше, но я повернул назад, опасаясь, что начнет волноваться Мария, да и я за нее начал беспокоиться. Правда, рядом с нею на подстилке лежало копье, но она не имела понятия, как им воспользоваться в случае опасности.

Я застал ее у катера, собиравшую в дорогу вещи.

– Ты где там бродишь? Я уж было хотела идти тебя разыскивать. Пора отправляться, а то и до завтра не успеем.

– Погоди немного, я свежей воды принесу.

– Откуда? – удивилась она.

– Там дальше небольшая речка. Вода – изумительная. Я весь налил ее.

– Чистая? – опасливо спросила она.

– А как может быть иначе? Кому ее здесь загрязнять?

Мы взяли по пятилитровой емкости, вылили из них воду и двинулись за новым запасом. На всякий случай я прихватил карабин, хоть он ощутимо мешал мне идти.

– Марийка, обрати внимание на этот песок, – сказал я, протягивая на ладони небольшую горсточку.

– Песок как песок. Очень чистый, не то, что на наших пляжах.

– Чистый – это верно. Обрати внимание на сами песчинки.

– Ой, крупные какие! И круглые, как шарики. А вот эта, – как пшеничное зернышко.

Я достал из кармана несколько батавских слезок.

– Теперь вот на это посмотри.

– Интересно. Где ты взял их?

– В песке нашел. Могу еще поискать, если хочешь.

Она с удивлением разглядывала их, вертя между пальцами.

– Как застывшие капельки, только хвостики длинные.

– Попробуй отломить один, только осторожно, чтобы пальцы не поранить.

Она послушалась, воспользовалась полами куртки, как двумя салфетками, и надломил волосоподобный хвостик.

– Ой! Вся капелька в порошок рассыпалась! Почему так?

– Это значит, что капля расплавленного стекла упала в воду и быстро охладилась. Произошла закалка стекла. А надлом хвостика вызвал разрушение структуры всей капельки подобно тому, как рассыпается в песок автомобильное стекло, если в него с силой ударяет маленький камешек.

– Да, я видела такое, едучи в автобусе. Из-под колеса впереди идущей легковушки выскочил камешек, ударил в лобовое стекло автобуса, и оно на мелкие кусочки рассыпалось.

– О чем я и говорю. Эти капельки химики именуют «бавскими слезками». Нам в школе учительница это вживую продемонстрировала. Плавил стеклянную палочку и капала в банку с водой. Вот мы удивлялись!

– Как я сейчас. Но откуда эти слезки здесь взялись?

– Очевидно, сюда когда-то угодила большой метеорит и взорвался где-то вон там, образовав вот эту котловину.

С полминуты она внимательно смотрела в сторону котловины. Потом спросила:

– Ну а слезки все же откуда?

– Порода, слагающая эту гору, а это в основном кварц, от высокой температуры взрыва испарилась и выпала в виде капель. Пошел, так сказать, дождь из расплавленного стекла.

Одни капли упали на берег в виде шариков, другие – в море и образовали эти слезки. Вот и все.

– Как у тебя все просто! Если они падали расплавленными, то почему не сплавились?

– Думаю, что первые сплавились, образовав корку, подобную насту на снегу. А сверху упали те, которые улетели выше остальных, и образовали этот песок. Ты такая дотошная! В тебе человечество потеряло великого ученого.

Мария рассмеялась.

– Возможно, – ответила она. – Я с детства была дотошной.

Дойдя до устья речки, мы немного поднялись вверх по ее берегу и, наскоро ополоснувшись ледяной водой, наполнили наши емкости. На обратном пути я угостил Марию плодами пальмы, от которых она пришла в восторг.

– Это что, финики?

– Пусть будут финики, они ведь еще не имеют официального названия.

– Не отравимся?

– Не должны. Птицы их всюю клюют, значит и нам можно.

– Для здешних птиц они, наверное, питательные, а для нас могут и отравой быть. Я читала, что в наших лесах растут грибы, ядовитые для человека, но питательные для оленей. Почему здесь так не может быть?

– Может. Все может быть, но я их уже ел и, как видишь, жив-здоров.

– Цыплят по осени считают. Не буду больше есть, пока не отдам на анализ. Ведь если ты отравишься, то должен же кто-то тебя похоронить.

– Да ты ведь тоже попробовала, так что вместе померем, если что.

– Подумаешь, пару штук съела.

– Если они в самом деле ядовиты, этого может быть вполне достаточно, чтоб на тот свет отправиться.

Смеясь и подшучивая друг над другом, мы вскоре дошли до катера и погрузили емкости со свежей водой.

Отойдя от берега, я оценивающе осмотрел кратер со стороны моря.

– Видишь этот кратер? Здесь наверняка взорвался метеорит, врезавшийся в гору с чудовищной скоростью, – сказал я, будучи абсолютно уверен в верности своего предположения.

– Но он должен был поднять в воздух горы грунта и разбросать по сторонам. Но где они? Куда девались?

– Пожалуй, ты права. Я уже думал над этим. Действительно, с этой идеей что-то не так... Тем не менее, взрыв несомненно был и сопровождался температурой звездного уровня.

– Кажется, так. А на Земле есть что-либо подобное, не знаешь?

– Не знаю. Стой-стой... мелькнула мыслишка... А что если это был сверхмощный ядерный взрыв?.. Быть может, здесь когда-то бушевала разрушительная ядерная война?..

– Кто знает? Но, если ты говоришь, взрыв был огромной силы, то кому могло прийти в голову сбрасывать такую страшную бомбу сюда, на небольшой остров?

– Быть может, это был испытательный взрыв? Как на атолле Бикини, скажем?

Мария задумалась, еще раз внимательно посмотрела на кратер и сказала:

– Насколько я знаю из литературы, на Бикини не было населения. Вернее, оно было. Немногочисленное. Но все люди до единого были оттуда эвакуированы. Водородную бомбу взрывали на абсолютно безлюдном острове.

– Этот остров тоже безлюдный.

– Это сейчас. Но кто-то же здесь был, если на нем остался шлюз, через который мы попадаем сюда.

Я раскрыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент катер подбросила мощная волна с гребешком, и мы едва не перевернулись. Я так был увлечен разговором, что вовремя не развернул лодку носом к фронту волны. Вода залила лодку, и пришлось включить помпу, чтобы откачать ее. Выровняв судно, я продолжил:

– Ну и ну... Мне кажется, что это была никакая не бомба.

– А что? Что же тогда, по-твоему?

– Здесь для каких-то неизвестных нам целей стоял ядерный реактор! Или что-то в этом роде, причем с невероятно огромным энергетическим потенциалом! И он почему-то взорвался, как четвертый энергоблок в Чернобыле!

– А люди?

– Да какие же люди могли бы выжить при таком взрыве? Быть может, там велись какие-то авральные работы, на которых был задействован весь персонал. При взрыве все они превратились в пар, как часть скальной породы в этом месте, которая осела на берег в виде раскаленных капель стекла.

– А шлюз?

– Разрушительная сила взрыва его не затронула. Вот эта гора со снежной вершиной защитила его от ударной волны и высокой температуры. Благодаря ей взрыв получился направленным на север! Он только снес и отбросил в океан вершины окружающих скал!

Я так разволновался, что с трудом удерживал руль.

– Ну... это все вилами по воде писано. Доказательств-то никаких, – возразила Мария.

– Да, никаких. Но какую еще версию ты можешь построить на тех фактах, которыми мы располагаем? Я имею в виду правдоподобную.

– Я никакой. Предоставляю это право тебе. Это ты был ученым, а я всего лишь скромный бухгалтер.

– Вот и я больше никакой. А пока примем последнюю версию, как наиболее вероятную.

– Так оно и было, будем считать. Правда, что это нам даст? Ведь еще час тому назад мы обходились вообще без никакой версии.

Внезапно вспыхнувшая мысль обожгла мне мозг.

– Радиоактивность! Марийка, здесь, наверное, все радиоактивно! И песок, и батавские слезки, и эти финики, и даже ледяная вода в речке! Это же инопланетный Чернобыль!

Я сбросил скорость до нуля и сидел, судорожно вцепившись в рулевое колесо. Волны швыряли катер, как щепку, но мне было все равно.

– Артем, чего ты паникуешь? – ласково пропела Мария. – Это еще, как и все наши домыслы, бабушка надвое сказала. Да здесь, может, никакой радиоактивности и близко нет. Вот вернемся домой, я отнесу все эти вещи в углехимический техникум и проверю. Там дозиметры есть. Так что не дрейфь, поехали. А то к вечеру не успеем.

Я посмотрел на нее и изобразил улыбку. Солнце отчаянно жгло темя. Сняв бандану, я ополоснул ее в море и, немного отжав, повязал на голову. Мария также смочила косынку и выжидающе посмотрела на меня.

– Умница. Ты права, как всегда. Поехали!

Катер рванулся с места, и мы понеслись на запад, увлекаемые попутным течением.

Дальше берег был завален гигантскими каменными глыбами величиной с трехэтажный дом, разбросанными словно спичечные коробки. Беспорядочно громоздясь одна на другую, они образовывали причудливые формы, и из расщелин между ними там и сям с невероятной силой тянулись к солнцу зеленые кусты и мощные деревья. Местами из-под прибрежных каменных нагромождений вытекали в океан ручьи

и даже бурлящие потоки, питаемые, очевидно, все тем же ледником на вершине. Эта величественная картина сменилась скалистым хребтом, образующим длинный черный отрог, глубоко вдающийся в океанскую синь. Мы обогнули его и, нанеся на карту, продолжили путь на запад.

С западной стороны хребет был покрыт густым кустарником и огромными деревьями, которые с успехом могли бы соперничать с самыми высокими деревьями нашей планеты. С секвойями, например. Кустарник постепенно переходил в густой лес, тянувшийся вдоль берега, высоко взбираясь на гору, почти до кромки ледника. Этот пейзаж мы наблюдали над каменистым берегом в течение двух часов, прежде чем увидели небольшой песчаный пляжик, защищенный от прибоя грядой белых от пены шхер. В этом тихом месте можно было перекусить и немного отдохнуть от продолжительной качки.

Начинался прилив, и я без малейших опасений привязал катер к тяжелому валуну, омываемому ослабленными волнами. Разогнав вездесущих крабов и прочую живность, ищущую пропитание в прибрежной полосе, мы расположились в плотной тени дерева с густой кроной, с которой свисали полуметровые плоские стручки шириной в три пальца. Едва мы успели выложить на подстилку продукты, как нас атаковали многочисленные насекомые. В большинстве своем это были разномастные мухи и осы. Отгоняя их туго свернутым листом бумаги, мы кое-как съели по бутерброду с сыром, по

соленому огурцу и запили водой, уже успевшей немного нагреться под брезентом, хотя весь путь Мария неустанно поливала его водой.

Мария собрала в единый комок оставшиеся после обеда бумажки и полиэтиленовые кульки и подождала, чтобы не оставлять после себя мусора. Окунувшись в море, мы сразу же двинулись дальше, хотя изрядно устали. Лицо и руки Марии, да и мои тоже, заметно обгорели на солнце, но укрыться было негде, нужно было двигаться вперед, чтобы успеть до вечера вернуться в знакомую лагуну.

– Марийка, прикрой чем-нибудь руки и отвернись от солнца. Ты обгорела.

– Да, я чувствую. Сбавь ход на минуточку – возьму солнцезащитный крем.

Я сбросил газ. Приподняв брезент, Мария достала из рюкзака тюбик крема, смазала лицо и руки и протянула мне.

– Ты тоже намажься, легче будет. Каюсь – забыла приобрести противосолнечные перчатки и специальные наносники. Они к очкам крепятся, чтобы нос не обгорал. Такие в магазине туристического снаряжения продаются.

Крем немного уменьшил жжение, но все равно руки и лицо, особенно нос, горели, как в огне. Я подумывал о длительном привале, с ночевкой, однако, глядя, как мужественно переносит все невзгоды Мария, постеснялся высказать такое предложение. Но если бы это сделала она, согласился бы незамедлительно, якобы делая уступку женщине.

Прилив гнал катер к берегу, с которого на нас угрюмо смотрели крутые скалы, среди которых кое-где желтели небольшие пляжики. На уступах сидели серые птицы, зорко высматривая в воде рыбу, моллюсков и ракообразных. Обнаружив добычу, они срывались со скал и стремительно пикировали в синеву океана. Те из них, которым сопутствовала удача, выскакивали из воды и, тяжело маша крыльями, поднимались и, усевшись на скалу, тут же расправлялись с охотничьими трофеями.

По мере продвижения на запад береговые скалы становились все ниже и все более полого уходили в море. Прибрежные утесы встречались все реже, и я решил идти ближе к берегу, где течение было менее стремительным.

Внезапно послышался резкий звук удара. Катер потерял ход и закачался на волнах, как щепка. Я прибавил газ, но мотор только беспомощно зажужжал. Выключив зажигание, я замер в каком-то ступоре.

– В чем дело? – удивленно спросила Мария.

– У нас, Марийка, проблемы... Мотор не работает, – угрюмо ответил я.

– Боже! Что же делать? Что теперь будет, Артем?!

На ее лице я увидел страх, животный ужас. Схватив меня за руку, она пролепетала:

– Что будем делать?.. Неужели нет выхода?

– Подожди, не паникуй. Безвыходных ситуаций не бывает. Сейчас подойдем к берегу на веслах – там посмотрим.

Выпрыгнув на берег, я пришвартовал катер к островер- хому камню. Мария последовала за мной. Подтянув к бере- гу корму, я поднял и осмотрел винт. Одна из лопастей бы- ла слегка выщерблена вследствие удара о камень. Он легко проворачивался на валу, никак не фиксируясь. Как видно, была срезана шпонка. «Если сам вал и втулка не поврежде- ны, то не беда, – подумал я. – Запасные шпонки я прихва- тил. Даже запасной винт у нас есть. Так что лишь бы вал не пришел в негодность.»

Было жарко, как в доменной печи. От яростного зноя, ка- залось, трескались камни. И мне пришлось работать на са- мом солнцепеке, когда огненное светило жгло в самое темя.

Освободив винт, я легко снял его с вала и осмотрел шпо- ночные пазы. Шпонка, изготовленная из более мягкого ме- талла, чем вал и винт, была как бритвой срезана. Слава Богу, пазы не пострадали, но из них нужно было выбить остатки шпонки.

Мария отчаянно волновалась и беспорядочно суетилась около меня.

– Артем, а ты сможешь починить?! – спросила она, ломая руки.

– Надеюсь! Если ты не будешь мне досаждать идиотскими вопросами! – рявкнул я в ответ, о чем тут же пожалел.

До этого я никогда на нее не кричал, и сейчас мы испу- ганно смотрели друг на друга.

– Прости, Марийка, ради Бога. Просто я, как и ты, ужас-

но нервничаю, и меня раздражает абсолютно все, даже краб, который вертится вон у того жмута водорослей. А тут еще эта несносная жара. Пожалуйста, успокойся. Посиди в тени этого куста.

Ни слова не сказав в ответ, она послушно ушла в тень, но по ее походке чувствовалось, что ее угнетала горькая обида.

Переведя дыхание, я принялся за работу. В сумке с инструментами нашелся подходящий бородок. Вооружившись молотком, я занялся освобождением пазов. Работа сама по себе была не трудной, но адская жара осложняла ее до предела. Пот с меня лил в три ручья, и вся одежда отяжелела от него. Окувание в море ненадолго прохлаждало, но потом снова приходилось окушаться.

Освободив шпоночные пазы, я сделал пятнадцатиминутный перерыв. Потом принялся прилаживать винт. Мне никак не удавалось совместить пазы на валу и винте, но упорство, в конце концов, дало результат. Пазы были совмещены, и я вогнал в них новую шпонку. Винт надежно сидел на валу, и я спокойно завершил сборку.

Отвязав катер, я впрыгнул в него, опустил винт в воду и дрожащей рукой нажал кнопку стартера. Мотор ожил, и я попробовал включить передачу на малых оборотах. Винт вспенил воду за кормой, и катер двинулся вдоль пляжа. Я тут же подошел к берегу и заглушил мотор, чтобы подобрать Марию, которая уже стояла у самой полосы прибоя.

– Артем, ты просто гений! Золотые руки! – выкрикнула

она, взобравшись на борт, и крепко меня поцеловала. – Честно говоря, я думала, что ты не справишься, и нам придется добираться до шлюза пешком через этот лес и горы.

– Спасибо, Марийка, что оценила меня так высоко. Бога ради, прости меня за несдержанность, – сказал я в ответ и дал газ, максимально позволительный в условиях столь высоких волн. – Обещаю, что впредь это не повторится.

Мария улыбнулась.

– Я все понимаю. Мы были в состоянии стресса, вот и вели себя бездумно. Только не давай опрометчивых обещаний – всякое может случиться. Мы же люди, а не механизмы.

– Вон какая ты буквоедка. Согласен. Скажу иначе: постараюсь впредь быть более сдержанным.

Встречный ветер охлаждал, но солнце обжигало открытые части тела. Это было даже опаснее, чем в отсутствие ветра – кожа не так остро чувствовала ожоги.

Из-за скалы, покрытой лесом, показалась синева устья впадающей в океан спокойной реки. Я предложил войти в нее и немного подняться против течения, чтобы обновить запас пресной воды, уже успевшей нагреться почти до температуры чая.

– А ты не боишься снова наскочить на камень? Да и времени у нас в обрез, – предостерегла Мария.

– Да здесь, кажется, глубоко и камней вроде бы не видно. Но все равно я постараюсь идти осторожно. На малой скорости. Мы тут надолго не задержимся – наберем воды, сразу

же вернемся и двинемся дальше.

– Ой, смотри, соколик! Смелость и риск здесь вряд ли оправданы.

– Ничего, мы уже метров на двести углубились. Попробуй воду за бортом.

Мария зачерпнула из-за борта пригоршней воду и попробовала.

– Соленючая, как рапа.

– Сейчас прилив, и вода течет из океана в реку, а не наоборот, – вот и соленая до сих пор. Придется подняться еще выше.

Дальше излучина постепенно поворачивала к западу и берега сближались. Пройдя еще немного, Мария снова попробовала воду и с отвращением сплюнула.

– По-прежнему соленая. Быть может, и вся река соленая?

– Что ты, Марийка, соленых рек не бывает, тем более здесь. Как она может быть соленой, если питается от ледника?

– Но ведь соленая, и пресной не становится, хоть мы прошли уже около километра.

После очередного крутого изгиба река снова повернула на юг. Еще через сто-двести метров берега расступились, и мы оказались на живописном озере, окруженном густой растительностью. Переплетясь кронами, деревья росли прямо в воде, и среди их ветвей, пронзительно крича, порхали многочисленные птицы. Самые крупные из них были размером с

голубя, а мелкие – меньше воробья. Некоторые имели пестрое оперение, другие – зелено-голубой окрас.

Мы пошли вдоль берега в поисках питающей озеро реки, но безуспешно. Мария еще несколько раз пробовала воду, и везде она была соленой, как в океане.

– Поворачивай назад, – предложила Мария. – Обойдемся водой, какая есть. Пить можно – и ладно.

– Мы пролетели. Только время потеряли. Это просто залив, бухта. Если в него и впадает какая-нибудь река, то ее, видимо, скрывают растущие в воде деревья.

– Просто удивительно. Ума не приложу, как могут деревья расти в соленой воде?

– Я читал, что на Земле тоже есть такие. Манграми называются. Их плоды для человека большей частью ядовиты, но некоторые птицы и обезьяны трескают их с большим аппетитом.

– Видишь, нельзя думать, что плоды не ядовиты, если их едят местные звери или птицы.

Сделав полный круг вдоль берега бухты и нанеся его контуры на карту, мы снова вошли в пролив. Волнения здесь не было, фарватер был уже знаком, и я шел на максимальной скорости, хоть Мария и опасалась подводных камней.

До открытого океана мы добрались быстро, и я снова сбавил скорость из-за волнения. Далее к западу берег был пологим, но каменистым. Волны с ревом разбивались о камни, оставляя на них клочья пены, белой как снег. Среди кам-

ней бродили длинноногие птицы, вылавливая из пены что-то съестное. Мария посмотрела на них в бинокль.

– Они раков хватают, – констатировала она.

– А может это крабы? – спросил я, не сводя глаз с воды впереди судна.

– Нет, это раки или креветки. У них хвосты длинные.

– Возможно и раки. Впрочем, какая разница. Посмотри-ка вперед по курсу, не видно ли там камней или утесов?

Она повернулась направо и после некоторой паузы сказала:

– Камней не вижу, а вот землю вижу четко.

– Какую землю! Там сплошной океан, сколько взгляд охватывает.

– Посмотри сам.

Я сбавил скорость до минимума и, взяв из ее рук мощный бинокль, навел его на линию горизонта на западе. Там за синевой морской дымки четко была видна суша с растущими на берегу пальмами, за которыми синели пики далеких гор. Эта полоса земли была хорошо видна и невооруженным глазом.

– Я готов поклясться, что несколько минут тому назад ее там не было.

– Ничего удивительного, видимость улучшилась – вот мы ее и увидели, – объяснила она.

– Возможно. Что ж, по крайней мере, у нас есть куда направиться в следующий раз. Теперь мы будем умнее и сна-

рядим экспедицию более основательно.

– Наша нынешняя экспедиция тоже неплохо оснащена. В конце концов, как ее ни снаряди, всегда можно это сделать еще лучше. Верно?

– Ты права, этот процесс бесконечен, как и вся вселенная. Кстати, справедливо и обратное утверждение. Закон природы.

Она забрала бинокль, и мы двинулись дальше на прежней скорости.

– Смотри вперед на воду, чтобы снова на камень не наскочить.

Она приложила бинокль к глазам, и удивленно сказала:

– Вот это да! Теперь эта земля, что впереди, словно в воздухе висит.

Взглянув вперед по курсу, я увидел картину далекой суши, приподнятую над водой и, как мне показалось, колеблющуюся относительно линии горизонта. Так продолжалось еще минут пятнадцать, потом земля исчезла, и до самого горизонта снова простиралась пустынная синева океана.

– Кажется, я понял, в чем дело, Марийка. Это был всего-навсего мираж.

– Ты уверен?

– Иначе куда бы вся эта картина делась? Несомненно, где-то она реально существует, но далеко. Быть может, очень даже далеко. И мы ее видели за счет каких-то оптических явлений в атмосфере. Скорее всего – рефракции.

Мария восприняла это молча. Я тоже молчал, так как был сосредоточен на управлении судном. Мы устали: и я, и она. Нужно было сделать привал, но солнце уже миновало зенит и начало склоняться к западу. Океан немного успокоился, можно было прибавить ход.

Слева тянулся пологий берег, в основном каменистый, и только изредка вдоль пенной полосы прибоя желтели узкие полоски пляжей с растущими на них раскидистыми пальмами, а выше произрастал густой кудрявый лес. Наконец береговая линия стала понемногу уклоняться к югу, и вскоре мы достигли западной оконечности острова, сплошь покрытой мангровым лесом. Подойти в этом месте к берегу было невозможно, и наш обеденный привал волей-неволей пришлось отложить.

Тем временем в небе появились облака. Порой они заволакивали солнце. На какое-то время становилось пасмурно и дышалось легче. Мария фотографировала берег, а я в соответствующих местах на карте проставлял номера отснятых кадров.

Постепенно сгущаясь, облачность вскоре обложила все небо. Я поминутно поглядывал на него, опасаясь, как бы не разразилась гроза. Ведь в океане мы были хорошей мишенью для здешних молний. Начался дождь, но, слава Богу, без молний и грома. Ветер дул нам в спину, и катер, перепрыгивая с волны на волну, спокойно шел вдоль берега курсом на юг-юго-восток. Здесь, у западного берега, сталкивались по-

токи течения, охватывающего остров с севера и с юга, образуя мощные водовороты. Я старался по возможности обходить их, опасаясь непредвиденных проблем.

Примерно час спустя мангровые заросли кончились, и за острым каменистым мысом открылся, наконец, южный берег острова с песчаными пляжами у подножья каменной стены, прикрывавшей прибрежные воды от северного ветра. Местами из-под воды выглядывали отшлифованные океанскими волнами черные шхеры, от которых я старался держаться подале.

– Мария, внимательно следи за берегом, чтобы не проскочить нашу лагуну, – сказал я, не отрывая глаз от воды впереди по курсу.

– Да, нужно быть повнимательнее. Здесь все пляжи похожи друг на друга, как близнецы.

После небольшой паузы она добавила:

– Но до места нашего отплытия еще километров пятнадцать, не меньше. Так что рано ты беспокоишься.

– Ну, здесь лучше перебдеть, чем недобдеть.

Мария засмеялась и посмотрела на часы.

– Ты знаешь, Артем, мы уже почти пятнадцать часов в пути. Я ужасно устала, и меня снова начинает поташнивать.

– Меня тоже. У тебя есть еще таблетки белласпона?

Пошарив по карманам штормовки, она достала конвалюту с таблетками, извлекла одну и, проглотив, остальные протянула мне.

Тем временем дождь настолько усилился, что днище нашего катера покрылось водой по щиколотку. Я включил помпу, и вода понемногу начала убывать. Тучи низко нависли над нашими головами. Казалось, до них доставали белые гребешки волн. Потемнело так, будто наступил вечер, хотя по времени до сумерек было еще часа три. Подул холодный ветер, и мы плотно застегнули штормовки.

– Не догадался я соорудить хоть какое-то подобие маяка. Можно было бы, например, фонарь на скале пристроить, – посетовал я на свою непредусмотрительность. – В такой темени проскочить лагуну – раз плюнуть.

– Всего не предусмотритишь. Держи ближе к берегу, а то и вправду проскочим.

– Не боишься, что снова на камни напоремся?

– Боюсь. Но здесь это уже не так страшно. В случае чего, до лагуны можно и пешком дотопать.

– Да это как сказать. Дальше к востоку я видел скальные отроги, через которые можно и не перебраться.

Я внял совету Марии и пошел ближе к берегу. Несмотря на усталость, Мария скрупулезно отмечала на карте каждый мыс, каждый пляж, каждую гряду прибрежных утесов.

Через два часа мы вошли, наконец, в лагуну, и нашему ликованию не было предела.

IX

На другой день по возвращении из экспедиции Мария отнесла образцы песка и воды, а также «батавские слезки» и

«финики» в углехимический техникум, чтобы проверить на радиоактивность. К моему немалому удивлению, уровень ее не превышал нормы. Мы воспрянули духом, ибо в результате этого анализа точно знали, что при дальнейшем исследовании острова облучение нам не грозит. К тому же теперь мы располагали картой, на которой отмечены все мысы, пляжи, скалы, утесы, заливы и удобная бухта, в которой, если понадобится, можно будет укрыть наше судно от шторма. Конечно, карта еще нуждается в серьезных уточнениях, но все же очертания острова нам известны и можно попытаться начать исследование близлежащей местности, пока мы еще не утратили к этому интерес.

Приведя в порядок информацию, полученную за все предыдущее время, я начал тщательно продумывать план новой экспедиции – теперь уже вглубь острова. Проложить маршрут по неизвестной местности трудно и не всегда возможно. Мне представлялось наиболее рациональным подняться вверх по берегу реки, впадающей в лагуну.

Сидя за ноутбуком, я слышал, как Мария хлопчет на кухне, и доносящиеся оттуда звуки и запахи вызывали у меня ощущение уюта и семейной идиллии. Она вошла в комнату, где я работал, и, обняв меня за плечи, припала своим нежным лицом к моей небритой щеке.

– Артем, пойдя, пожалуйста, побрейся.

Она поцеловала меня в висок и снова прижалась к моему лицу. В ответ я обнял ее за талию и ласково чмокнул в шею.

– Марийка, прости, но я увлечен работой и мне жаль тратить время на бритье, тем более что в этом нет особой необходимости. Когда я ходил на работу, приходилось бриться каждый день, а сейчас могу позволить себе роскошь делать это реже. Нам же не в театр идти и не в гости.

– Верно, в гости не идти. Они сами к нам придут.

Я вопросительно посмотрел на Марию, и она почему-то опустила глаза. Словно в чем-то передо мной провинилась.

– Что еще за гости?

– Отец Кирилл с матушкой, – ответила она с явным смущением.

– Можно узнать, по какому поводу? – спросил я с нескрываемым неудовольствием.

Мария замялась и почему-то начала теревить уголок воротника моей рубашки.

– Ну... видишь ли... Отец Кирилл хочет с тобой серьезно поговорить.

Я удивился.

– О чем?

– Понимаешь... я на исповеди... рассказала ему...

Я насторожился.

– И что же ты ему рассказала?

– Ну, про этот... про шлюз, – сказала она полушепотом, но для меня это прозвучало как выстрел.

Она погладила меня по плечу, по щеке, потом прижалась ко мне всем телом и снова поцеловала. Я резко отстранил

ее, встал и начал ходить взад-вперед по комнате. Она стояла, опершись на стол, и виновато смотрела на меня, как нашкодившая собачонка.

– Как ты могла?! Даже не посоветовавшись со мной! Я что, по-твоему, последнее ничтожество, с которым и считаться не стоит?! Не ожидал от тебя этого.

Мария села в кресло и откинулась на спинку. К ней на колени прыгнула кошка и, мурлыча, стала укладываться.

– Это была исповедь, – угрюмо произнесла она, опустив глаза. – Он застал меня врасплох неожиданным вопросом. А лгать ему я не могла, понимаешь?

– Понимаю! Ты только мне могла лгать! – в сердцах выкрикнул я неожиданно для самого себя. И для нее, видимо, тоже.

Кошка на ее коленях подняла голову, посмотрела на меня круглыми глазищами и прижалась к хозяйке, в испуге прищурив уши.

– Тише, Артем. Видишь – Мумку напугал. Животное ведь не виновато.

– Не прикрывайся Мумкой! Ты предала меня – ранила в самое сердце! Я же доверял тебе, как самому себе, а ты... Воистину тайну могут хранить двое, если один из них мертв!

Оставаясь невозмутимой, она тихо сказала, глядя на меня ангельски невинным взглядом:

– Артем, не гневись, пожалуйста. Грех это. Ведь ты не запрещал мне рассказывать кому-либо о шлюзе – вспомни.

– Верно, не запрещал. Но по неписаному закону порядочности, прежде чем поделиться с этим... как его... отцом Кириллом, следовало со мной поговорить, а не ставить меня перед свершившимся фактом, так?

– Да, так. Но я не успела. Он спросил неожиданно. Помнишь, как я торопилась домой при нашем первом посещении пляжа? Тогда я, никого не предупредив, наше собрание пропустила. А потом он меня к исповеди пригласил и спросил о причине пропуска. И я сказала, как есть, – солгать язык не повернулся.

– И он поверил? – спросил я, чувствуя, как внезапно вспыхнувшие обида и гнев столь же быстро покидают меня.

– Сначала нет. Подумал, что я спятила. Но позже, когда я показала ему фотографии и прочее, вынужден был поверить. Он даже благословил меня на экспедицию вокруг острова и дал то самое ружье. Я не хотела тебя обидеть. Прости меня, дорогой. Пожалуйста...

– А что мне еще остается? Дело сделано.

Обед проходил в какой-то угрюмой обстановке. Кирилл выпил, как и я, одну рюмку коньяка, а женщины едва пригубили шампанское. Обмениваясь шутками, они подавали на стол и старались вовремя заменять посуду. Между мной и Кириллом разговор не клеился – я был явно не в своей тарелке, а он, как мне казалось, не знал, как ко мне подступиться. По окончании трапезы Кирилл вяло прочитал благодарственную молитву, и женщины тут же ушли на кухню

мыть посуду.

Мы со священником пересели в кресла. Вынув из портмоне зубочистку, он сорвал с нее целлофановую обертку и принялся ковырять в зубах, выплевывая на пол извлеченные остатки пищи. Я брезгливо отвернулся и стал наблюдать за движением секундной стрелки на циферблате настенных часов.

Очистив зубы, Кирилл небрежно положил зубочистку в пепельницу на журнальном столике. Наконец он нарушил напряженное молчание.

– Артем Тимофеич, неужели все то, что мне рассказала Мария, правда?

– Простите, но я не знаю, что конкретно она Вам рассказала.

– Ну, что Вы обнаружили выход в никому не ведомый новый мир.

– Да, правда. И Вы сами это прекрасно знаете.

– Ну и как Вы это объясняете?

– Что именно?

– Ну, хотя бы то, как такое возможно?

– Да никак. Я понятия не имею о физике этого процесса. Просто пользуюсь чудо-техникой, на которую набрел по чистой случайности – вот и все.

– А как Вы думаете, кто изготовил эту технику и для чего?

– Не знаю. Факт тот, что кто-то зачем-то ее изготовил. И следов никаких, если не считать того, что мы с Марией об-

наружили во время последней экспедиции.

– Что Вы имеете в виду?

Его обезображенная шрамом щека задергалась в нервном тике, и он прикрыл ее ладонью.

– Я имею в виду последствия чудовищного взрыва – кратер, конденсированные остатки испарившейся горной породы. По всей вероятности, преимущественно кварца. И оплавленные, остеклованные камни и утесы.

– Мария говорила. Какую же мощность должен был иметь этот взрыв, чтобы выворотить тысячи тонн скальной породы и разбросать по сторонам!

– Хочу Вас поправить, уважаемый отец Кирилл. Этот взрыв не столько этой породы разбросал, сколько испарил, и ее пары осели в виде раскаленных капель на поверхность острова и в океан. Львиная доля его энергии была сосредоточена не в ударной волне, а в температуре звездного уровня! Думаю, это была авария какой-то технической установки с чудовищным энергетическим потенциалом, и в ней погибли все люди, работавшие с этой техникой.

– Ядерная катастрофа, вроде чернобыльской, только большая по масштабам?

– Нет-нет, никак не ядерная, ибо радиоактивность на месте взрыва не превышает нормы. Скорее всего, это был аннигиляционный взрыв. Или другой, природа которого современной науке не известна. Кстати, я не физик, а простой инженер.

– Ясно. Вернее, ничего не ясно. И Вы думаете, хозяйева этой техники никогда за нею не придут?

– Не знаю, но похоже на то. Иначе они давно дали бы о себе знать, – ответил я, надеясь на скорое завершение абсолютно ненужного мне разговора.

Но я ошибся. Кирилл незамедлительно перешел от слов к делу.

– Артем Тимофеич, покажите, пожалуйста, все это хозяйство нам с матушкой, а?

«Так вон оно что – он уже хочет туда проникнуть. Интересно, для чего? Чтобы извлекать материальную выгоду? Ну, нет! Уж лучше я приведу туда представителей властей и науки», – подумал я.

– Зачем Вам это нужно? Это не туристический объект. Ваше дело, уважаемый отец Кирилл, молиться, а не исследовать, тем более, не эксплуатировать этот мир. Кроме того, он таит в себе много неизвестного и далеко не безопасен.

Священник взял из салфетницы бумажную салфетку, промокнул ею выступившие на лбу крупные капли пота, смял ее в комок и стал катать между ладонями.

– Я не из тех, кого страшат опасности. Я, знаете ли, бывал в таких переделках, где живые мертвым завидовали! Просто хочется воочию увидеть то, о чем мне рассказывала Мария, а Вы только что подтвердили. Вы что, опасаетесь, что я что-то там испорчу? Или другой какой вред причиню? Ведь я священник, а не бандит с большой дороги, и Мария знает меня

еще с тех пор, как я служил в местном храме. Она подтвердит, что я делал людям только добро.

– Отец Кирилл, я намерен в самое ближайшее время заявить об обнаруженном мною шлюзе властям и ученым нашего государства.

– Помилуйте, куда спешить? Вы можете это сделать в любое время. Но тогда мне этого мира уже не увидеть. А интересно-то как! Очень даже интересно.

«Да что я, в конце концов, потеряю, если пообещаю на будущее? Потом начну затягивать, откладывая на все более поздние сроки. А пока он будет ждать, я откроюсь властям. Все равно ведь этим кончится. Вот и вся хитрость», – подумал я, оправдывая таким образом собственное малодушие.

– Хорошо, я подумаю, как это сделать, – пообещал я, уверенный, что на этом сегодняшней разговор закончится.

Но священник встал и, положив на плечо мне руку, сказал:

– А зачем ждать? Давайте прямо сейчас это сделаем.

– К такой вылазке нужно подготовиться, отец Кирилл. Соответственно одеться, обуться, морально настроиться и тому подобное.

– У нас с матушкой в машине есть все: и штормовые костюмы, и шляпы, и противосолнечные очки, и емкости для воды, и даже запас продовольствия дня на три, не меньше. А что до настроения, то аппетит приходит во время еды. Так что давайте, Артем Тимофеич. Вперед и с песней!

Меня ошеломила такой натиск отца Кирилла. Я ошалело смотрел на него снизу вверх, будучи не в состоянии как-либо возразить.

В гостиную вошли Мария с Аллой Ивановной и замерли у стола, как статуи, ожидая моего ответа. Будучи в кухне, они, видимо, внимательно слушали весь наш разговор. Как видно, вся эта троица заранее продумала план психологической атаки и теперь они все вместе слаженно действовали в соответствии с ним. На меня накатила волна гнева, и я едва сдержался, чтобы не вспылить.

– Не могу! Я должен привыкнуть к этой мысли! Дайте мне покой хотя бы на неделю! – выкрикнул я в волнении, вскочив с кресла.

Вмешалась Мария:

– Артем, успокойся, прошу тебя. Пойдем, пройдемся все вместе до лагеря и тут же вернемся. Привыкнуть можно по ходу дела.

– Не давите на меня все скопом! Мне тяжело психологически! Все! Закончим на этом!

– Артем Тимофеич, миленький, – вмешалась Алла Ивановна, – ну, смотрите, Вас так просят. И кто? Священник и две женщины. «Если женщина про-о-осит...» – пропела она на удивление красивым и мелодичным голосом.

Кирилл, Мария и Алла Ивановна засмеялись. Я тоже невольно улыбнулся и почувствовал, что начинаю сдаваться, размягчившись, как воск на солнце. Действительно, почему

бы мне не уступить? Пусть разочек посмотрят, что там и как, а потом я никого больше туда не пущу. В конце-то концов, без меня все равно никто в шлюз не проникнет. Да и ученых пригласить рано или поздно придется. Ладно, пусть потешатся, Бог с ними.

– Ей-Богу, не ко времени этот выход. Но устоять против женщин, к сожалению, не могу. Ладно, будь по-вашему. Готовьтесь, пойдем.

– Вот и отлично. Давно бы так! – воскликнула Алла Ивановна. Широко улыбаясь, она подбежала ко мне, привлекла к себе и трижды поцеловала. – Во имя отца... и сына... и святого духа... – сказала она, как выпалила.

Солнце висело у самого зенита и немилосердно жгло.

Священник вышел из шлюза последним. Сойдя со стремянки, он опустил на колени и, раздвинув траву, поцеловал землю. Воздев руки к небу, он надрывно произнес:

– Великий Боже, благодарим тебя за щедрые дары твои! Благослови эту гостеприимную землю и все, что есть на ней, а также всех нас, многогрешных рабов твоих: Артема, Кирилла, Марию и Аллу во имя отца и сына, и святого духа. Аминь.

Матушка прижала к груди ладони, посмотрела на небо и отвесила поясной поклон. Мария сделала то же самое. Дождавшись окончания ритуала, я скомандовал:

– Грузите вещи на коляску! Поедем в лагерь. Ждать некогда – сейчас Вас так припечет солнышко, что мало не пока-

жется.

– Ничего, мы с матушкой в Афгане к жаре привыкли. А Вы с Марией успели освоиться здесь, так что как-нибудь не пропадем. Дайте-ка мне тележку, Артем Тимофеич, я сам ее повезу. Мне будет сподручнее, если Вы впереди пойдете – будете нам путь указывать.

– Тут и указывать не нужно – дорога провешена. Видите эти флажки? Они и приведут нас прямехонько к лагерю.

Опираясь на копьё, я молча шагал к лагерю, проклиная себя за мягкотелость, и думал, как бы поделикатнее да поскорее избавиться от навязчивого общества Кирилла и его блаженной Аллы Ивановны. Никаких плодотворных идей на этот счет у меня не было, желания говорить – тоже. Меня не покидало возмущение тем, что Мария, никак меня не уведомив, посвятила эту «божественную» парочку во все тайны шлюза и всего, что с ним связано, предав меня таким образом. Да, я был настолько ею очарован, что повел себя как мальчишка и абсолютно во всем раскрылся перед нею, начисто забыв аксиому о том, что нельзя доверяться малознакомому человеку, каким бы хорошим он ни казался. А ведь я ее практически совсем не знал. Как теперь быть? Как строить с нею дальнейшие отношения?

Сразу за мной шли Мария с матушкой. Отмахиваясь от надоедливых насекомых и изнемогая от экваториальной жары, они иногда тихо обменивались короткими фразами и снова замолкали. Кирилл замыкал шествие, катя впереди се-

бя мою коляску и время от времени утирая с лица обильный пот заранее приготовленным большим белым лоскутом. Коляска с нашими вещами казалась в его руках легкой игрушкой, хотя я знал, что это далеко не так. Энергия этого человека невольно возбуждала во мне чувство зависти, хоть я и понимал, что он моложе меня на целых пятнадцать лет и прошел жесткую закалку в Афганистане.

Первыми на террасу спускались женщины. За ними тащились мы с Кириллом. Помогая ему удерживать коляску, я оценил физическую силу и нечеловеческую выносливость этого человека.

Перепрыгивая с камня на камень, Мария подвела нас к черной пасти пещеры, источавшей желанную прохладу и терпкий запах сырости.

– Вот и наш лагерь, – торжественно сказала она. – Входите, почувствуйте себя как дома.

Изнемогавшая от адского зноя Алла Ивановна в нерешительности остановилась у входа. По ее раскрасневшемуся лицу струями сбегал пот. Робко заглянув в темноту, она спросила:

– А там никто не живет?

– Кроме нас с Артемом, никто, уверяю вас.

– А вдруг за то время, пока Вы были дома, кто-нибудь туда забрался и, как только мы войдем, нападет на нас из темноты?

– Нас защитят наши мужчины, – отшутилась Мария и,

взяв из телеги свой рюкзак, решительно шагнула в пещерную темень.

Алла Ивановна двинулась было вслед за нею, но у самого входа остановилась.

– Там же темно, – сказала она, испуганно посмотрев на нас с Кириллом.

– Да у меня фонарь есть, – отозвалась из темноты Мария. – Идите смелее, не бойтесь!

Пещера встретила нас желанной прохладой, озерной ледяной водой и мириадами растущих на стенах и уступах кристаллов, сверкающих в свете наших фонарей причудливыми переливами всевозможных цветов. Пораженный красотой пещеры, Кирилл стоял, жадно вдыхая холодный воздух, и озирался по сторонам, не скрывая удивления. Он не решился оторвать взгляда от волшебного блеска камней, словно эта чарующая картина могла в любое мгновение таинственным образом исчезнуть.

– Матушка, ты посмотри, красотища какая! Ни дать ни взять пещера Алла-ад-дина!

Переведя дух, он обратился ко мне:

– Это что, горный хрусталь? Или может алмазы?

– Скорее всего, хрусталь. Или гипс. Но никак не алмазы, – ответил я, направляясь в грот, который мы с Марией успели к тому времени сляк-так оборудовать.

– Гипс? – удивился Кирилл. – Он, насколько я знаю, совсем не такой.

– Бывает и такой. Гипс – это не только строительный материал или то, что накладывают при переломах конечностей. В горах и пещерах он встречается в виде бесцветных или белых кристаллов, иногда окрашенных захваченными ими при росте включениями и примесями в бурые, голубые, жёлтые или красные тона.

– Впервые слышу. Вы в этом уверены, Артем Тимофеич?

– Геологи утверждают, что это именно так. Кстати, существует две разновидности гипса – волокнистая, именуемая селенитом, и зернистая, называемая алебастром.

– А почему Вы знаете, что это не алмазы? – не успокаивался Кирилл.

– Кристаллы алмаза имеют совсем другую форму. А это либо горный хрусталь, либо гипс, либо какая-нибудь соль.

– Но я все же грешным делом отколю парочку – специалистам показать.

Подняв с пола небольшой округлый камень, он подошел к увенчанному сверкающей друзой уступу и легким ударом отколол несколько кристаллов. Потом проделал то же самое в другом месте. Мне почему-то стало жаль этой первозданной красоты.

– Зачем же так варварски обходиться с тем, что создано природой за миллионы лет? Следующий, кто зайдет сюда после нас, уже не увидит прекрасных друз, которые Вы только что бесцеремонно разрушили, – сказал я с возмущением.

– Все, что создано Господом, создано для людей, то есть

для нас с Вами. Большого урона красоте этого зала я не нанес, а вот если растущие здесь кристаллы окажутся драгоценными, они сослужат нам важную службу.

Тем временем Алла Ивановна подошла к пещерному озерцу, окунула в него руки и омыла лицо.

– Как приятно ощутить ледяную прохладу после такой кошмарной жары, – сказала она. – Артем Тимофеич, а пить эту воду можно?

– Можно, – опередила меня Мария. – Мы с Артемом давно ее пьем и с нами, как видите, ничего пока не случилось.

Матушка зачерпнула пригоршней воду и с шумом жадно втянула в себя. Потом еще, еще... Мария освещала перед ней фонариком небольшой участок зеркальной глади воды и устланного галькой берега. Капли, стекавшие с рук Аллы Ивановны, мягко падали в озеро, и его поверхность на какое-то время морщилась в этом месте, но потом снова становилась идеально гладкой.

Когда мы вошли в грот, где располагался наш лагерь, Кирилл положил на пол рюкзак и, сделав несколько разминочных упражнений, пробасил:

– Да здесь обжитое жилье, надежное и уютное! Весь век можно провековать, укрываясь в нем от солнца и всяких невзгод. И печка тут у Вас, и спальные места. Можно и еще добавить. Ну и ну, друзья мои! Не знаю кому как, а мне тут положительно нравится.

Кирилл опустился на колени, отвесил земной поклон и,

воздев руки горе, произнес:

– Господи Боже наш, благослови кров сей и ниспошли благодать твою небесную всем живущим и укрывающимся под ним. Аминь.

Как всегда при его молитвах, женщины стояли молча, сложив перед собой руки ладонь к ладони и обратив очи к воображаемым небесам. Мне стало не по себе от этого примитивного спектакля, и по окончании его я предложил пойти искупаться в море. Меня поддержала Мария, и блаженное семейство тут же с нами согласилось.

Мы с Кириллом вышли из грота, давая женщинам переодеться по-пляжному.

– Хочу Вас предупредить, – сказал я достаточно тихо, чтобы не слышали женщины. – Здесь отплывать далеко от берега довольно рискованно. Можно достаться на обед акуле или иному морскому хищнику. Я без охотничьего ножа и подводного ружья не плаваю – как-никак защита, хоть и не очень надежная.

– Спасибо, что предупредили. У меня есть десантный нож – мой старый боевой друг. Он не раз меня выручал в трудную минуту.

Мария и Алла Ивановна долго переодевались, и Кирилл уже начал нервничать в ожидании. Наконец они вышли с включенными фонариками.

– Теперь Вы переодевайтесь, – сказала Мария, – а мы подождем Вас у входа.

Море было на удивление спокойным. Как всегда, по раскаленному песку важно расхаживали птицы, шныряли вездесущие крабы, ящерицы и грызуны. Матушка сначала шарахалась от них, но потом, удостоверившись, что до нас им нет никакого дела, привыкла и перестала обращать на них внимание. Птицы самых разных мастей с криком носились над волнами, высматривая рыб, оказавшихся недалеко от поверхности. Пернатые причудливых форм и расцветок рылись в прибрежной тине, выискивая пропитание, другие хватали с берега крабов, рептилий и моллюсков, взмывали ввысь и улетали прочь к своим гнездам. Остро пахло гниющими водорослями, остатками панцирей ракообразных и прочих даров первозданного моря, выброшенных на песок прибоем и высушенных свирепым солнцем. Экваториальная жара обжигала дыхание.

В тени раскидистого дерева мы разостлали подстилки и, придавив их камнями, кинулись к дышащему прохладой морю. Не умеющая плавать Алла Ивановна, хохоча, барахталась у самого берега, и Кирилл заботливо ее опекал. Затем его сменила Мария и попыталась научить матушку хоть как-то держаться на воде.

Когда женщины, вдоволь наплескавшись, вышли на берег и убежали от беспощадного солнца в спасительную тень, мы с Кириллом совершили небольшой заплыв. Он оказался отличным пловцом. Плывая рядом с ним, я чувствовал себя в большей безопасности, чем когда-либо ранее, ибо мы всегда

могли прийти друг другу на помощь, что было значительно надежнее одиночной самообороны.

Кирилл плыл спортивным кролем, и я заметно отставал от него. Он явно превосходил меня как в технике плавания, так и в общефизической подготовке. Разница в возрасте также была не в мою пользу. Каждый раз, оторвавшись от меня метров на десять-пятнадцать, он останавливался и снисходительно ждал, пока я его догоню.

Плывя за ним, я про себя отметил, как хорошо он подготовился к этой вылазке, спланировав заранее все до мелочей. Даже современную маску с трубкой и дорогими ластами прихватил. Я не сомневался, что Мария принимала в этом самое непосредственное участие.

Меня вновь охватило щемящее чувство, похожее на ревность, и как я ни старался его игнорировать, оно не угасало, а наоборот, все больше жгло сердце, повергая меня в глубокое душевное одиночество. Ведь с первого дня нашего знакомства я видел в Марии воплощение давней мечты и надежды, считал ее последним светлым лучиком в сумерках остатка жизни. И вдруг такое крушение... До чего же я был наивен, приняв наши отношения за наступление так называемой второй молодости! Увы, второй молодости не существует. Есть только иллюзии в виде последних оттепелей пожилого возраста. Все теперь виделось в совершенно ином ракурсе.

Неожиданно в трех метрах под собой я увидел крупную рыбу. Беззвучно глотая воду, она медленно скользила впе-

реди меня, окруженная стайкой мелких рыбешек. У меня застучало в висках, и внезапно вспыхнувший охотничий азарт напрочь заглушил все мрачные мысли. Сделав глубокий вдох, я ринулся вниз, держа наготове пружинное ружье. Рыба медленно отплыла в сторону и, повернувшись ко мне боком, замерла на расстоянии выстрела. Осторожно, чтобы не испугнуть ее, я поднял ружье и выстрелил, почти не целясь. Гарпун угодил ей в загривок, и вокруг него тут же возникло быстро расплывающееся облако кровавой мути. Пытаясь освободиться от гарпуна, рыба рванулась, что было сил, увлекая меня в глубину. С трудом преодолев ее отчаянное сопротивление, я вынырнул на поверхность, жадно хватая воздух.

Наблюдавший эту сцену, Кирилл немедленно пришел мне на помощь. Вдвоем было значительно легче удерживать на лине рыбу, яростно борющуюся за жизнь. Не сговариваясь, мы поплыли к берегу, с трудом преодолевая сопротивление нашей жертвы и отливное течение. Когда мои ноги коснулись песчаного дна, рыба уже обессилела, и ее можно было вытаскивать на берег.

– Что, что там у вас?! – кричала из-за полосы прибоя Алла Ивановна, у которой все здесь происходящее вызывало эйфорию.

– Рыба, – ответил Кирилл, отплевываясь от воды, натекшей на лицо с редющей шевелюры. – Артем подстрелил рыбу! Здо-о-оровенная!

Вытащенная на песок рыба неистово билась, подскакивала не ниже чем на полметра, стремясь добраться до воды. Я наваливался на нее всем телом, но она, измазывая меня слизью, всякий раз выскользывала и продолжала прыгать. Кирилл схватил округлый камень и, улучив удобный момент, ударил ее по темени. Рыба рванулась еще раз, потом другой и, наконец, затихла.

– Вот это рыбка! – восторгалась Алла Ивановна. – Так швыряла бедного Артема Тимофеича! А как мы унесем ее домой?

– Послушаем, что Артем Тимофеич посоветует. Они с Марией уже все здесь знают. Верно?

– Не совсем. Таких монстров мы с ним еще не ловили.

Пока они дискутировали, я смыл с себя белесую слизь и, орудуя ножом, извлек из рыбьей плоти гарпун. Наш трофей тут же облепили неизвестно откуда взявшиеся многочисленные мухи. Непрерывно отгоняя нахальных насекомых, матушка, с трудом перекатывая рыбью тушу, завернула ее в пляжную подстилку.

Тем временем отлив обнажил прибрежные камни и на мокром песке оставил рыхлые горки буро-коричневых водорослей, распространяющих резкий запах йода. В них копошились небольшие рыбешки, ракообразные и еще Бог весть какие мелкие твари, отчего водоросли непрерывно шевелились.

– Дорогие мои, тут Вам не Крым и не черноморское побе-

режье Кавказа. Здесь солнце злое, горячее. Наденьте срочно куртки, иначе обгорите так, что придется потом лежать в ожоговом отделении, – сказал я, помогая Кириллу оттащить рыбу в тень.

Кирилл тут же внял моему совету и накинул штормовку. Женщины также не заставили себя упрашивать.

– Интересно, который сейчас час? – неожиданно спохватилась Алла Ивановна.

Священник достал из кармана командирские часы и, взглянув на циферблат, присвистнул от удивления.

– Ничего себе! Четверть десятого вечера! А солнце еще так высоко.

– Здесь сутки на двенадцать часов длиннее земных... – начал было я пояснять, но Кирилл остановил меня.

– Да знаю, знаю, но все равно... непривычно как-то.

– А я-то думаю, отчего мне так есть захотелось? – сказала матушка, погладив себя по плоскому животу с глубоко втянутым пупком, и я невольно про себя отметил, что брюшной пресс у нее, как у молоденькой девушки. Как видно, в юности она серьезно занималась спортом.

Мария предложила собираться домой, и я одобрил ее инициативу.

– А не поужинать ли сначала? – предложила Алла Ивановна.

– Вот вернемся в Елизарово – там и поужинаем, – сказал отец Кирилл тоном, не терпящим возражений.

Рыбу, завернутую в подстилку, мы полили водой из пещерного озера и положили на дно коляски, предварительно устланное мокрой травой. Сверху также прикрыли слоем травы и отправились в обратный путь. К тому времени зной существенно ослаб. Повеял вечерний бриз. Идти было много легче, чем в полдень, но все устали и шли в основном молча.

На середине пути среди яркой зелени высокой травы паслось небольшое стадо коз.

– Эх, досада какая! Карабина не взял! – сказал я с сожалением.

– Не стоит сокрушаться, Артем Тимофеич. Успеете еще вдоволь наохотиться. В мясе у нас нужды сейчас нет, да и, насколько я понял, у Вас с Марией тоже. А просто так стрелять дичь совершенно ни к чему, – успокоил меня Кирилл.

Устыдившись своих слов, я замолчал. Ведь этот поп был абсолютно прав – нельзя без необходимости варварски расходовать какие бы то ни было ресурсы.

Местные сумерки застали нас у самого шлюза. Оглянувшись назад, я увидел две полные луны, висящие на востоке над пильчатым краем леса. Небо было уже сплошь усеяно мириадами звезд, ярких и крупных, как серебряные монеты.

– До чего удивительно – две луны сразу. И звезд много-премного... Как будто кто бриллианты по небу рассыпал... Только теперь я, наконец, поверила, что мы не на Земле, – усталым голосом сказала Алла Ивановна. – Аж оторопь берет...

В двенадцатом часу ночи мы вышли из подвала и сбросили, наконец, одежды, насквозь просоленные потом. Казалось, мы попали в рай. Кирилл пришлось облачить в мой банный халат, а матушку – в сарафан покойной тети Серафимы. Кое-как ополоснувшись, мы наспех поужинали и тут же отправились спать. Священнической чете я постелил в зале на широком раскладном диване, а мы с Марией легли в спальне. Для нас двоих кровать была узковатой, но все равно я уснул, едва коснувшись головой подушки.

Я стою в своем подвале спиной к шкафу покойной бабушки. Напротив меня у стеллажа с инструментами, опершись на верстак, стоит Кирилл. Рядом с ним – Алла Ивановна и Мария. Обе женщины улыбаются. Улыбка Марии, как всегда, обворожительна. Вокруг ходят незнакомые люди, заглядывая во все углы, осматривают стеллажи, верстак, шарят по ящикам. Моему возмущению нет предела. Я пытаюсь спросить, как они здесь оказались и кто им позволил нышпорить в моем подвале, но слова застревают в горле, и я всего лишь с трудом бормочу что-то невнятное. Слыша мой лепет, все дружно смеются. Меня трясет от гнева, но я не в силах даже пошевелиться.

– А рыба, которую Артем подстрелил, великолепная. Верно, отец Кирилл? – спрашивает кто-то из дальнего угла.

– Что верно, то верно, – отвечает он, – рыбина, что надо. Но это не его, а моя добыча. Так, Артем?

Меня захлестывает волна возмущения. Подумать только,

каков нахал! Так бесстыдно и нагло лжет!

– Ваша, отец Кирилл, потому что я Вам любезно уступил ее.

– Да-да, так оно, кажется, и было, – ничтоже сумняшеся отвечает он. – Прости, что не успел поблагодарить за оказанную любезность. Сейчас исправлю свою ошибку и воздам тебе должное.

Воистину нет предела его наглости! Да он мальчишка против меня и еще смеет так со мной разговаривать, к тому же на «ты». Цинично улыбаясь, он подходит и единым толчком беспардонно усаживает меня на грязный колченогий стул. Я пытаюсь подхватиться, но он придерживает меня за плечи и плюет сверху на голову. Тяжелый обильный плевок шлепается мне на темя. Вязкая зловонная слюна стекает на мое лицо, затекает в глаза. Все развязно смеются, Мария тоже.

Ценой невероятных усилий мне удается встать и схватить со стеллажной полки баллончик с краской. Все присутствующие смеются громче прежнего, дуреют от смеха. Понимая, что соотношение физических сил явно не в мою пользу, я все же решаю наказать зарвавшегося негодяя и прыскаю ему в лицо из баллончика. На его губы, растянутые в наглой улыбке, нос, щеки и белоснежную сорочку ложится рваное пятно краски, черной-пречерной. Даже сажа не бывает такой чернющей. Смех мгновенно смолкает. В подвале воцаряется мертвенная тишина. Кирилл жмурится, закрывает лицо руками и, опустив голову, заходится резким и громким

кашлем. Мария с Аллой Ивановной подбегают к нему и что-то кричат в ужасе. Я поднимаюсь по ступенькам лестницы, выхожу в прихожую. Видя незнакомую обстановку, в недоумении озираюсь по сторонам. Где я? Это не моя прихожая. Почему? Из подвала доносится свистящий кашель Кирилла и панические крики женщин.

– Убийца! Что ты наделал? – истерически визжит Алла Ивановна.

– Как ты мог?! У него же аллергия! – верещит Мария.

«Ну и Бог с ним. Даже если он копыта откинет от анафилактического шока, туда ему и дорога!» – думаю я, испытывая неопишуемое удовлетворение, и, захлопнув дверь, просыпаюсь.

Из кухни доносится все тот же свистящий кашель Кирилла, звуки суеты и растерянные голоса женщин.

– Вот твой ингалятор! Держись, сейчас полегчает!

На кухне я увидел сидящего на стуле Кирилла. Откинув голову и судорожно вцепившись в край стола, он сотрясался от кашлевых толчков, вдыхая спрей, который матушка прискала ему в нос.

– Ну, еще! Еще разочек! Так! Так! – заботливо приговаривала она.

Через несколько минут его кашель ослабел, стал реже и, наконец, прекратился. Все напряженно молчали. От вчерашнего бравого вида священника не осталось и следа. Передо мной сидел скрюченный старик с красными слезящими-

ся глазами и тяжело, с присвистом, дышал. Кое-как переведя дух, он сказал едва различимым шепотом:

– Звони Павлу, мать... Я не в силах машину вести...

– А позавтракать? – растерянно спросила Мария.

– Какой там завтрак, он еле губами шевелит, – остановила ее Алла Ивановна.

– Тогда собирайтесь, а мы с Артемом отнесем в Вашу машину рыбину.

– Артем Тимофеич, разрубите ее, как нужным сочтете, – попросила матушка, прикладывая к уху мобильник.

– Да забирайте ее целиком. Нам с Марией она не в новинку.

– Ну, неудобно как-то... Это же вы... ее подстрелили, – тихо прохрипел Кирилл. – Да мы с матушкой... и не управимся с такой... громадиной... И вообще... Вы же знаете – мы... противники чревоугодия.

– Ничего, поделитесь с кем-нибудь из нашей паствы, – сказала Мария. – Мало ли в ней нуждающихся? Да и рыба это вкусная, таких в Елизарово днем с огнем не сыщешь.

Х

С того самого дня характер наших с Марией отношений несколько изменился. Нарушилась та удивительная гармония, которой я так дорожил, ибо мне ее не хватало всю жизнь. Наши вечерние «сияния» потускнели, а потом погасли совсем. И я не мог их возродить, как ни пытался.

Видимо, осознавая неблаговидность своего поступка, Ма-

рия старалась быть со мной особенно хорошей. При каждом удобном случае она обнимала меня, целовала, одаривала ласковыми словами, готовила вычурные и вкусные блюда, предлагала пойти вместе на море. Но все получалось как-то сухо и неуклюже. Всеми силами я старался подавить в себе малейшие признаки обиды и недоверия, но память никак не позволяла это сделать.

После предательства Марии во мне словно червь завелся, который изнутри тихо подтачивал мое сознание и наши отношения. Временами он замирал, но при очередной мелочной размолвке снова начинал шевелиться, продолжая делать свое разрушительное дело. Я чувствовал, что этот червь поселился во мне на всю жизнь, до конца дней моих, и избавиться от него уже невозможно.

Я много печатал на ноутбуке, заносил в него фотографии, кое-какие видеосфрагменты и многочисленные комментарии к ним. Мария предлагала свою помощь, но это меня отягощало, и я подсознательно избегал ее, как мог. Меня стало тянуть к уединению. Иногда удавалось незаметно улизнуть в свой лагерь, чтобы побыть наедине с самим собой, повалиться в одиночку на пляже, добыть морепродуктов и почти без эмоций вручить их Марии.

Как мне хотелось вернуть все к прежнему! Но над собой я оказался не властен. Упрекал себя в патологической обидчивости, мелочности и неспособности взвешенно оценивать человеческие качества. Однако воспоминания болез-

ненно разъедали мою душу, как шашель точит дерево. Ну что, что плохого она сделала? Мне на старости лет досталась великолепная женщина, а я никак не могу снисходительно отнестись к ее чисто женской слабости. Да какая женщина сможет сдержать столь мощные эмоции? Я слишком многого от нее хочу. Хочу того, на что человек не способен в принципе, тем более женщина. Ведь по природе своей они значительно эмоциональнее нас, мужчин. Разве могла она сохранить такую экстраординарную тайну, тем более при таком давлении со стороны Кирилла на исповеди? Нет-нет, я сам во всем виноват. По крайней мере, надо было предупредить ее о том, что сам факт существования шлюза и мира за его бортом – моя сокровенная тайна.

Я заставил себя смириться с действительностью, и на этом этапе наши взаимоотношения, казалось, стабилизировались. В конце концов, пусть лучше будет так, как есть, нежели снова жить бобылем, когда не с кем и слова сказать. Я надеялся, что рано или поздно червячок в моей душе замрет, и наша семейная жизнь постепенно устаканится. В конце концов, как в сказке не проживешь. Реальность – штука сложная. Все в ней идет не по плану, каким бы совершенным он ни казался.

Так миновало лето, потом осень и холодное время года. Наступила весна, и Елизарово утонуло в цвету фруктовых деревьев, что предвещало в текущем году обильный урожай абрикосов, вишен, слив, яблок и груш. Мария постоянно

уговаривала меня посетить собрание прихожан церкви отца Кирилла, но я категорически отказывался.

– Мария, не насилуй меня. Прошу тебя.

– Не понимаю твоего упрямства. Тебя так просят прийти и отец Кирилл, и матушка, да и я, в конце концов. Ну, что тебе стоит хоть раз уважить нашу просьбу?

– Нет, нет и еще раз нет. Я крещен в православную веру в давнем младенчестве и отречься от нее не вправе. Сектанство считаю отступничеством. При этом я веротерпим и, как ты знаешь, отнюдь не отношу себя к ортодоксальным верующим.

– Артем, дорогой мой, наша церковь – никакая не секта, а подлинно православная. Мы никого к ней не приобщаем против воли, в том числе и тебя, как сам понимаешь. Кстати, повторно у нас не крестят. А отец Кирилл очень тебе симпатизирует, немало хорошего рассказывал о тебе своему ближайшему окружению. Многие из нашей паствы хотят с тобой познакомиться. Не дичись, приди хоть разочек – не пожалеешь. Ну, пожалуйста.

– Я сказал твердое «нет». Отстань, прошу тебя.

Мария вышла из комнаты, обиженно надув губы, а я углубился в работу по систематизации проведенных наблюдений и планированию предстоящей экспедиции вглубь острова. Но сосредоточиться уже не смог и, выругавшись про себя, лег на кушетку и задремал.

Пронзительный сигнал мобильного вырвал меня из объ-

ятий сна. Мне не хотелось отвечать, но мобильник упорно продолжал тельнякаться, и я, наконец, отозвался:

– Да?

– Артем Тимофеич? – спросил твердый мужской голос.

– Он самый...

Я узнал Кирилла и хотел об этом сказать, но он перебил меня на полуслове.

– Здравствуйте. Отец Кирилл говорит. Мы с матушкой приглашаем Вас с Марией отобедать нынче с нами.

– Добрый день. Спасибо, конечно, за приглашение, но у меня на сегодня другие планы, – сказал я, преодолевая зевоту. – Кроме того, мне надоели застолья. Тяжело. Возраст уже не тот. Да я, собственно, и раньше не был до них охоч.

– Понимаю. Но дело не в застолье. Хочу пообщаться с Вами. Лично. В непринужденной обстановке. А без соли-хлеба, как говорится, плохая беседа.

– Да я и морально не готов к такого рода общению. Хочу поработать в одиночестве, а то вдохновение пропадет.

– Ну какие у нас, пенсионеров, могут быть неотложные дела? Мы, слава Богу, заслужили право распоряжаться собственным временем по своему усмотрению. Так что отложите пока все планы и готовьтесь – минут через сорок я за Вами с Марией самолично заеду.

– Вот именно – заслужили. Кстати, и я, в том числе. Скажу Вам откровенно: без настроения собеседник из меня никдышный. Только день Вам испорчу, отнюдь того не желая.

Так что не обессудьте.

Сближаться с Кириллом никак не входило в мои намерения. Наоборот, я стремился как можно дальше дистанцироваться, отчуждаться от него. Мне всегда испытывал трудности в общении с людьми, если они были мне несимпатичны или им был несимпатичен я. Из-за этого и работа моя часто страдала. Но сейчас, будучи на пенсии, я мог позволить себе общаться только с теми, в чьем обществе не испытывал дискомфорта. А в присутствии Кирилла мне всегда было неудобно. Притом с первого дня нашего знакомства. Никак не могу понять почему. Ведь он не сделал мне ничего плохого. К тому же о нем я не имел абсолютно никакой предварительной информации, никаких предубеждений. Аналогичные чувства к нему испытывает, наверное, и Мариина Дамка – всегда лютует на него и лает до хрипоты.

Вошла Мария. Глядя на меня, она стояла, вытирая руки кухонным полотенцем.

– Отец Кирилл? – деловито спросила она.

– Да.

Мария молчала, ожидая от меня разъяснений. Услышав ее голос, Кирилл тоже умолк в ожидании дальнейшего развития нашего диалога. Через полминуты он снова заговорил:

– Там, я слышу, Мария рядом?

– Верно. Только вошла.

– Понимаю. Можно ее на минутку?

Я протянул ей мобильник.

– Здравствуйте, отче. Благословите, – как всегда ласково пропела она.

– Доброго здравия, Мария. Бог благословит. Тут мы с ма-тушкой хотим Вас от чистого сердца на обед пригласить, а вот Артем Тимофеич почему-то упорно отказывается. Я сам за Вами приеду. И потом обратно отвезу, – четко донеслось из трубки.

– Спасибо, отче. Я поговорю с ним.

– А я пошел машину готовить. Так что до звонка.

– Пока, отче Кирилл.

Мария вернула мне мобильник.

– Ты что, всерьез отказываешься?

– Конечно.

– Но почему? Скоро обед, и я с удовольствием отдохну сегодня от кухни.

– Да отдыхай себе на здоровье. А я с радостью устрою раз-грузочный день – попью чайку с бутербродом.

– Артем, зачем ты все переворачиваешь с ног на голову? Они ведь от души нас позвали. Нельзя обижать людей, тем более таких благочестивых, искренних и радушных.

– Я никого не обижаю. Ну нет, нет у меня настроения на застолье, ты это понимаешь? Имею я право поступать по собственному усмотрению? Хочешь с ними общаться – иди без меня. Тебя ведь отвезут и привезут, так почему бы нет?

– Твой отказ смахивает на плевков в лицо. Они не навяз-чивые, только первый раз нас пригласили. Брейся, пойдем.

– Не пойду. Мария, пожалуйста, оставь меня в покое.

Ее губы задрожали и глаза наполнились слезами.

– За что ты меня так унижаешь?.. Все думают, что мы идеальная пара...

Мария села в кресло и тихо заплакала. Этого я не ожидал. Я смолodu не переносил женских слез, и мне стало ее неопи-суемо жалко. Невольно вспомнились наши «сияния» и больно защемило сердце. Даже показалось, что мое прежнее чувство к ней снова начало возрождаться. Я подошел к креслу и нежно обнял ее за плечи, такую теплую и нежную, как тогда в лагере, когда мы были отрезаны от мира грозой, дождем и холодом. Она прижалась ко мне, не переставая плакать.

– Марийка... не плачь, умоляю тебя. Успокойся. Это приглашение не стоит твоих слез.

– Артем, я тебя впервые в жизни прошу – уважь меня, родной мой... Пойдем. Пожалуйста, сделай это для меня. Ну, что тебе стоит?

Она подняла голову и посмотрела на меня красными от слез глазами.

– Ладно... – сдался я. – Но помни, нельзя так. Знаешь, как я тебя люблю, и откровенно использую твои чувства, манипулирую тобой, как хочешь.

Припав щекой к моей руке, Мария, не вытирая слез, одарила меня ласковым взглядом и сияющей улыбкой. Она снова была божественно прекрасной, и в душе у меня внезапно забил теплый, чистый родник. Возникло ощущение, будто я

воскрес из мертвых.

XI

– Это что, коньяк или вино такое импортное? – спросила Мария, указав на красиво оформленную бутылку с напитком чайного цвета.

– Коньяк, конечно, – поспешила ответить Алла Ивановна, ставя на середину красиво сервированного стола двухлитровую бытыль с водой «София Киевская». – Заграничный: то ли английский, то ли немецкий, то ли какой там еще. Это отцу Кириллу один наш сослуживец по Афгану подарил – коммерсант теперь. А был таким боевым офицером – зягладень.

Кирилл благословил ястие-питие. Все сели, и я, вооружившись очками, взял бутылку, чтобы прочесть этикетку.

– Что там читать? Все равно не поймете. Лучше открывайте да наливайте, – пробасил Кирилл.

– Авось что-нибудь разберу. Французский коньяк «Фрапен». Дорогой напиток по нашим временам. Очень.

– Вы, отче, Артема недооцениваете. Он знает французский, – скромно заметила Мария.

– Даже так? Ну, тогда пусть переведет, – снисходительно сказал он, едва заметно улыбнувшись.

– Попробую. Коньяк «Фрапен». Сокровище замка «Фонпино». Гранд Шампань.

Кирилл удивленно вздернул бровь.

– Это где же такой замок?

– Семейный замок «Фонпино» древней винодельческой семьи Фрапен находится на Юго-западе Франции, в регионе Гранд Шампань, – пояснил я.

– Ну, тогда открывайте – попробуем, что оно за хитрый такой коньяк.

Мария отказалась от предложенного шампанского и налила в свою рюмку компота, а матушка – воды.

Коньяк был великолепен, и я смаковал его маленькими глоточками, наслаждаясь изысканным вкусом и ароматом. Кирилл единым духом осушил бокал и принялся за закуски. Настроение у него, подогретое приличной порцией коньяка, было развеселое.

Мария расхваливала кулинарное искусство Аллы Ивановны, а я, приличия ради, вежливо ей поддакивал. Женщины болтали о ценах, о нарядах, украшениях и прочей дребдедне. Сидевший напротив меня Кирилл иногда отпускал солдафонские шуточки, исподтишка наблюдая за моей реакцией. Матушка тихонько его одергивала, а я делал вид, что не понимаю их смысла.

Несмотря на коньяк, меня на разговор не тянуло. Я только слушал, притом с неохотой. Когда подали сладкое, от которого я, сославшись на диабет, отказался, Кирилл, наконец, обратился ко мне с давно томившим его вопросом:

– Артем Тимофеич, а как Вы думаете, что будет с открытым Вами миром после передачи его нашим властям?

– Как что? Начнут исследовать планету. Попробуют, я на-

деюсь, изучить и воспроизвести случайно доставшуюся нам чудо-технику, чтобы потом использовать во благо человечества.

– А Вам не жаль тамошнюю первозданную природу? Я, например, после посещения того заповедного морского берега в шоке от потрясающей чистоты моря, песка, гальки, утесов, питьевой воды. Какие там крабы, водоросли, птицы, рыбы, растительность и все прочее! Красота райская.

– Согласен. Помимо всего, там я отдыхаю душой.

– Вот именно, душой, Артем Тимофеич. Ну, а если туда придут эти... исследователи? За ними непременно последуют промышленники... И начнется – все как на нашей старенькой грешной Земле: поиск полезных ископаемых, хищнический промысел рыбы, дичи, леса и прочего, так нужно-го сейчас нашему ненасытному государству. Потом настроят заводов, химкомбинатов, плотин, атомных электростанций, портов, аэродромов... Мама родная! Мы же с Вами знаем, к чему это приводит. Ведь так, уважаемый Артем Тимофеич?

– Трудно сказать... – пробормотал я.

У меня совсем не было желания продолжать дискуссию, захотелось поскорее покинуть этот не в меру гостеприимный дом. Деликатно отшучиваясь от вопросов назойливого священника, я напряженно выжидал удобного момента.

Кирилл, наконец, прочел благодарственную молитву, и я спросил:

– Мария, не пора ли нам и честь знать? Скажем радушным

хозяевам спасибо за хлеб-соль – и домой, пока светло?

– Ну вот! – вклинилась хлопотливая матушка. – Куда Вам спешить? Мы отвезем Вас на машине, так что темноты бояться нечего. Вы ж с отцом Кириллом еще беседы не закончили, а он ее так долго ждал! И мы с Марией тоже не наговорились – верно, миленькая моя? Пойдем, я тебе кое-что из своих обнов покажу.

– Вы были когда-нибудь в тайге, Артем Тимофеич? – спросил Кирилл, поглубже усаживаясь в кожаное кресло. – Сядьте, пожалуйста, рядом. Вот это – мягче и удобнее.

Опустившись на предложенное мне кресло, я неожиданно утонул в нем.

– Правда, удобно? Полулежишь... Каждый мускул расслабляется и отдыхает. Я даже сплю в нем временами. Когда сердечко прижмет, и лежать становится неважно, – он расстегнул ворот рубахи и тяжело вздохнул, как будто ему и сейчас стало плохо с сердцем. – Так Вы бывали в тайге?

– Да, один раз, в командировке под Томском. А что?

– Вы обратили внимание, что там мусор на каждом шагу: банки, склянки, железки, кирпичи и прочая гадость?

– Да, было. Но мне не приходилось углубляться в дебри – только у края бродил, грибы собирал.

– Уверяю Вас, в самой глубине картина та же. Я очевидец. Частенько приходилось выезжать на ученья в края таежные. И это было довольно-таки давно. Можно представить себе, что там сейчас творится! – он сделал паузу. – А в океане Вам

доводилось плавать?

– Нет, не пришлось как-то. Разве что там, в зашлюзовом мире.

– Ну, речь пока что не о нем. О нашей грешной Земле-матушке. Так вот, мои знакомые моряки, которые все моря-океаны вдоль и поперек исходили, рассказывают, что и там все загажено. Повсюду, даже далеко в открытом океане, плавают полиэтиленовые пакеты, пластиковые емкости из-под напитков, бутылки, окурки, коробки, доски, куски пенопласта, туалетной бумаги и невесть что еще. А уж о реках да озерах и говорить нечего.

– Мне, разумеется, известно об этом – живем ведь не на Марсе, одно и то же телевидение смотрим.

– Вот-вот, дорогой Артем Тимофеич. Я к тому, что если в этом, как Вы его назвали, зашлюзном мире появятся наши государственные люди, они и там загадят все на свете.

– Со временем, наверное, так и будет. Такова уж природа человека. Но зачем эти бессмысленные вопросы? Скажите напрямик, к чему Вы клоните?

– Скажу. Мне жаль, что человечество в конечном итоге загубит еще одну планету. А Вам?

– Мне тоже. Но какое можно предложить иное решение?

– Вот-вот! Мы наконец подошли к самому ответственному, самому главному вопросу. Я предлагаю заселить новый, – он поднял указательный палец, – Богом нам данный мир, не по усмотрению государства, а по божьему повеле-

нию.

В гостиную вошли Алла Ивановна и Мария.

– А наши мужчины отводят душу в вольной беседе. Быть может, Вам кофейку по чашечке? – спросила матушка.

– Да, пожалуй, – согласился Кирилл.

– С коньячком? Как Вам, Артем Тимофеич?

Будучи не в силах удержаться от такого соблазна, я согласен кивнул, чем вызвал добродушную улыбку Аллы Ивановны.

– Вот и хорошо. Мария, пойдем кофе готовить.

– Мне без коньяка! – зычно рыкнул им вслед Кирилл. – Так о чем бишь я? Да, о заселении. Ваше мнение, Артем Тимофеич?

– И откуда же Вам известно это самое божье повеление, отец Кирилл?

– Как откуда? Из библии, конечно, откуда же еще? Думаете, Вы открыли эту технику и дорогу в новый мир просто так? Нет, дорогой Артем Тимофеич, по Божьей воле. Только по Божьей воле. Я давно молил Господа ниспослать нашей пастве землю обетованную, чтобы создать на ней общество, по Библейским законам живущее.

– Многие страны уже не одно тысячелетие живут по библии, а результат, к сожалению, тот, который мы только что обсуждали. И никакого прогресса. Со времен Моисея люди к лучшему не изменились.

– В том-то и дело, что не по библии! Люди отошли от свя-

ценных заповедей божьих и пришли к плачевному результату. А то ли еще будет? Разве Вы не видите, что мир наш катится в тартарары?

Моего обоняния нежно коснулся аромат превосходного кофе. Из кухни донесся звон кофейной посуды, и в гостиную вплыла Алла Ивановна, неся перед собой на подносе две дымящиеся чашки, сахарницу, тарелочку с печеньем и двумя небольшими плитками шоколада. Кирилл поспешил придвинуть к нашим креслам журнальный столик, и матушка поставила на него поднос.

– Вот это – с коньячком. Для Вас, Артем Тимофеич. Быть может, захотите добавить? Так я сейчас бутылочку принесу.

– Спасибо, Алла Ивановна. Не надо. В кофе коньяк, я считаю, должен быть только для запаха.

– Спасибо, мать. Божественный запах, – констатировал Кирилл, с шумом втянув порцию напитка из серебряной ложечки.

Я тоже отхлебнул и, откусив кусочек печенья, продолжил:

– Люди есть люди, отец Кирилл, и другими они не будут нигде и никогда. Какие законы ни устанавливай, нарушители непременно найдутся. Человеку всегда кажется, что он, втихомолку нарушив закон, получит большое преимущество перед остальными. И нарушает, хотя в конечном итоге преступление приносит вред не только другим, но и ему самому. Большинство это понимает и худо-бедно живет, не конфликтуя с законом. Но как соблазнительно получить боль-

ше за счет других! Преступное меньшинство никогда не перестанет отравлять существование всему обществу. Так что все беды человечества заложены глубоко в природе людей на генном уровне.

– Ну, это давно известно – в самих людях. А если точнее – в этом самом преступном меньшинстве, которое не в силах совладать с животным соблазном, распляемым самим Сатаной. Но с этой частью населения нужно бороться, дорогой Артем Тимофеич, в корне лишая его возможности творить зло.

– Допустим, Вам каким-то хитрым образом удастся нейтрализовать абсолютно всех нарушителей. Но возникнут новые, которые решат, что смогут учесть ошибки предшественников, и тоже соблазнятся. Да что мы пережевываем известные истины? Человечество рассмотрело этот вопрос во всех ракурсах еще в античные времена и пришло к выводу, что нужно жить и развиваться в условиях, предопределенных природой, Богом самим. И нечего строить на этот счет иллюзии да утопии – они принципиально неосуществимы. Так что давайте на этом завершим бесплодную дискуссию.

– Как же так, бесплодную? Заповеди Божьи учитывают всё. Это знает весь мир. Нужно только продумать механизм контроля за их соблюдением, а также надежного препятствования нарушениям. Когда людей немного, это не очень сложно, Артем Тимофеич. Уж поверьте мне, как бывшему военному командиру. Так что есть смысл попробовать. Что тут

разглагольствовать? Не получится – вернуться к прошлому никогда не поздно. Вы всегда вольны передать властям контроль над шлюзом. Так в чем, собственно, загвоздка?

– Но группа людей, которых Вы первоначально внедрите на девственную планету, со временем разрастется и также станет неуправляемой.

– Если всех с самого начала приучить жить строго по заповедям, то дальше эти законы будут соблюдаться по инерции. Недавно мне пришлось посмотреть телепередачу о жителях амазонских джунглей. Показывали не знающее цивилизации племя, в котором нет ни убийств, ни воровства, ни прелюбодеяний. И все потому, что они на протяжении многих поколений свято верят, что совершивший убийство или другой непростительный проступок непременно умрет в жутких мучениях. И очень боятся этого.

– Отец Кирилл, согласно теории управления один объект может эффективно управлять не более чем семью-десятью подчиненными объектами. Возникает необходимость введения иерархии. С разрастанием системы эта иерархия усложняется, и связь между высшими и низшими объектами постепенно ослабевает или теряется вообще. Вы далеко не первый, кто думал над этим. В этой области уже не одно десятилетие трудятся специалисты, которые, в отличие от Вас, исследовали эти задачи исключительно глубоко и многосторонне. Можете почитать соответствующую литературу, если не верите.

– К чему Вы мне этот огород городите? Все нормы жизни – в заповедях, самим Богом сформулированных. Люди пишут тома законов, которые всего учесть никак не могут. А тут все сконцентрировано в каких-то десяти заповедях. Если уж быть точным, то всего в одной: не делай другому того, чего не желаешь себе. Все остальные – разъяснения. Согласитесь, человеку не под силу свести к десяти базовым положениям основную суть благого существования сложнейшей в мире системы – человеческого общества.

– Интересно, как Вы себе представляете процесс этого самого заселения? Человек – существо общественное. Чтобы жить и выжить, человеческая популяция должна быть численностью не меньше чем в двести особей. Где они будут жить, как пищу добывать, орудия труда производить, детей обучать? И это в совершенно необжитом мире, в никому не известных условиях, где ничего не построено и может случиться что угодно. Вы представляете, за что беретесь?

– Артем Тимофеич, неужели Вы думаете, что я этого не продумал?

– Интересно, и когда же Вы успели это сделать? Такое не под силу одиночке, даже самому гениальному.

– Человечество когда-то уже прошло эту стадию и накопило громадный опыт, который записан в наследственной памяти. Оказавшись один на один с природой, люди сами по себе вспомнят его, воспользуются им и разовьют. Они что, не сумеют построить хижину? Или дома из камней, кото-

рых там невесть сколько? В моей пастве есть специалисты по этой части. А поначалу поживут немного в Вашей пещере. Сохранность всего Вашего имущества гарантирую. Наши люди честны и богобоязненны – ничего не украдут, ничего не испортят. Жить будут в труде, молитве, любви и уважении к ближнему. Вы, надеюсь, позволите, а?

– Понятно. Вы намерены создать там монастырь?

– Ни в коем разе. Мы не признаем никаких монастырей – о них ничего не сказано в Писании. Это выдумка не в меру ретивых служителей церкви. Так сказать, «католиков больше папы римского». Господь создал человека для жизни в браке, велел плодиться и размножаться. И плоть дал не для истязания. Вредны излишества, жадность и чрезмерная скупость. По всевышнему повелению каждый должен служить Господу и обществу, в котором живет. И никакого насилия над ближним! Ну так что, попробуем?

Молча допив остывший кофе, я поставил чашку на поднос, дожевывая последний осколок шоколадной плитки.

– Еще кофейку, Артем свет Тимофеич? – словно спохватился Кирилл. – Матушка приготовит. Горяченького.

Я посмотрел на Кирилла, не зная, что ответить, но он уже кликнул Аллу Ивановну:

– Мать! Еще кофе не мешало бы. И коньячка к нему отдельно, в бутылочке.

– Сейчас-сейчас, – отозвалась она из кухни, и тут же слышались позвякивание чашек и хлопотливые голоса жен-

щин.

Священник откинул голову на спинку кресла и в ожидании замер с полузакрытыми глазами, прикрыв ладонью щеку с обезображивающим шрамом. Он деликатно молчал, как видно, давая мне время подумать над ответом на поставленный ребром вопрос. Не желая что-либо отвечать, я принялся рассматривать интерьер гостиной.

Только сейчас я заметил, что обстановка здесь далека от аскетичной. Пол был покрыт дорогим ковролином, подобранным под добротную импортную мебель. За стеклом серванта выблискивали бокалы, стопки, рюмки, вазы, конфетницы, чашки и прочие изделия из хрусталя, фарфора и тяжелого цветного стекла, некоторые из которых были ажурно отделаны серебром. На верхней стеклянной полке, играя в лучах закатного солнца, красовались бутылки с коллекционными винами, коньяками и вычурной водкой. Кресла и тахта, обшитые тонкой кожей, подчеркивали роскошь обстановки. В углу, наискосок от тахты, висела плазменная панель. Массивный дубовый стол, за которым мы недавно трапезничали, был покрыт толстой скатертью с китайским орнаментом, удачно гармонирующим с ковролином. На стенах висели два аккуратных эстампа, также в китайском стиле, портрет Кириллы, молодого широкоплечего военного с погонами капитана, и большая фотография счастливо улыбающейся Аллы Ивановны в обнимку с мужественным супругом. На серванте мягко тикали большие механические часы, как видно, с

боем. По обе стороны от них стояли две мохнатые когтистые лапы – то ли орлиные, то ли совы. Все это никак не соответствовало древнедельфийскому девизу «ничего лишнего».

Вошла матушка и поставила на журнальный столик поднос с фаянсовым кофейником, источавшим дразнящий обоняние аромат дорогого кофе, двумя полупрозрачными фарфоровыми чашками на блюдечках, серебряной сахарницей, тарелочкой с печеньем и шоколадками.

– Коньяк сейчас принесу – боялась, не устоит на подносе, – проворковала Алла Ивановна.

Она выбежала на несколько секунд и тут же вернулась со знакомой бутылкой «Фрапена».

Наполнив чашки горячим напитком, она поспешила вернуться в кухню.

Кофе мне показался еще лучше, чем ранее. Я плеснул в него коньяка и размешал маленькой серебряной ложечкой.

– Вам подлить коньячка, отец Кирилл?

– Нет. Не люблю. Получается так: ни коньяк, ни кофе. Предпочитаю черный без ничего. Слышал, так немцы пьют, а уж они в кофе толк знают.

Мы не спеша смаковали кофе, и я старался не смотреть на Кирилла, чтобы не провоцировать продолжения прерванной беседы. Тем не менее он прервал нашу кофейную паузу:

– Ну так что, Артем Тимофеич, попробуем?

Я не намеревался передавать ему хотя бы частично контроль над шлюзом и зашлюзовым миром, но в то же время

мне не хотелось накалять и без того напряженную обстановку. Тем более что мой категоричный отказ непременно вызвал бы нежелательные трения в отношениях с Марией. В этот момент мне казалось, что соломоновым решением будет «тянуть резину» – отложить решение «на потом», а тем временем, в тайне от Марии, сообщить о своем открытии властям.

– Сейчас я не готов принять какое-либо решение, уважаемый отец Кирилл.

– А когда Вы сможете быть готовым?

– Посмотрим. Я должен все тщательно обдумать.

– Что ж, думайте. Хотя, честно сказать, тут думать нечего. Вам нужно только пересилить свое упрямство, смирить гордыню.

– Расценивайте как угодно. Сейчас я ничего другого ответить не могу.

ХII

Дверь в приемную мэра была приоткрыта. Постучав для приличия по мягкой обивке и не получив ответа, я вошел и поздоровался. Сидевшая за ноутбуком супермодная секретарша подняла голову и, видимо, вспомнив меня по предварительной записи, изобразила дежурную улыбку.

– Присядьте, пожалуйста. Николай Фомич у себя. Зайдёте после этого мужчины, – кивнула она в сторону ожидавшего приглашения поджарого человека с седыми висками, который безразлично посмотрел на меня и снова вперил взгляд

В пол.

– Спасибо, – ответил я, не в силах подавить волнения. Как-никак, мне предстояло сделать очень ответственный шаг. Да и говорить со столь высоким представителем руководства приходилось нечасто.

Девушка бойко застучала по клавиатуре, сосредоточенно глядя на монитор. Солнце по-весеннему ярко светило в открытое окно, и секретарша деловито задернула шторы.

– В этом году такое раннее лето, – сказала она, мельком взглянув на меня, и ее изящные пальчики вновь виртуозно забегали по клавишам.

Из кабинета мэра вышла дородная женщина и, встретившись взглядом с секретаршей, расплылась в благодарной улыбке. Улыбнувшись в ответ, та взяла лежавшую на столе бумажку и, бегло взглянув на нее, пригласила посетителя:

– Дмитрий Кузьмич, входите, пожалуйста.

Мужчина с седыми висками встал и поспешно вошел в кабинет, плотно затворив за собой дверь. Так. Следующим иду я. Мое волнение усилилось. Я не представлял, с чего начну разговор, и стал обдумывать первую фразу. Но ничего путного на ум не приходило. Что ж, пусть все идет экспромтом – так у меня лучше получается. Что я, в конце-то концов, от этого разговора теряю?

Через несколько минут мое волнение улеглось, и я, чтобы убить время, начал осматривать приемную. Подоконник, до которого с секретарского рабочего места можно было сво-

бодно дотянуться рукой, был уставлен заботливо ухоженными цветочниками в красивых кашпо, и в них цвели розовые орхидеи. Как видно, секретарша любила цветы и пестовала их, словно маленьких детей.

Рабочий стол украшал букет чайных роз в изящном хрустальном вазоне, и их нежный аромат, распространяющийся по помещению, создавал в нем атмосферу уюта и особой приподнятости. Рядом лежал модный смартфон, а чуть поодаль теснились переговорное устройство, факс и несколько телефонных аппаратов. У окна на специальном столике располагалась великолепная комнатная роза, а стена, против которой сидела секретарша, и стояли кресла для посетителей, была увита ярко-зеленой традесканцией и со вкусом украшена государственной символикой. Внизу стоял аппарат для ксерокопирования. В импортном шкафчике за стеклянной дверцей – чайники, чашки и сахарница, расписанные голубой эмалью, а ниже – стакан с ложечками, чеканный поднос и все остальное, что требуется для приготовления и подачи кофе и чая. В углу у окна красовался высокий холодильник, и его дверцы были сплошь увешаны модными картинками с магнитиками. Между секретарским рабочим столом и креслами для посетителей располагалась огромная дверь с художественной обивкой под натуральную кожу, увенчанная бронзовой табличкой с надписью «Елизаровский городской голова Николай Фомич Супрунов».

– Регина, там много еще людей? – неожиданно прозвучал

из переговорного устройства надменный мужской голос.

– Всего один, Николай Фомич.

– А по записи?

– Тоже он один – по личному вопросу.

– Больше никого?

– Никого.

– Спасибо, Регина. Меня нет. Даже для самого президента страны.

– Ясно, Николай Фомич.

Динамик замолчал, и мои нервы снова напряглись как струны. Чтобы успокоиться, я раскрыл папку с фотографиями и начал перебирать их, якобы готовясь к предстоящей беседе. Вот шлюз крупным планом, а это – я около шлюза, потом – Мария. И пейзажи: гора со снежной вершиной, бурная река, несущаяся в лагуну по узкому каньону, буйные пальмы, море, скалы, утесы, шхеры. А на этих снимках – испанские крабы, диковинные бабочки, птицы, ящерицы, горные козы, невиданные цветы, лианы и я в штормовом костюме и с мачете в руке, прорубающий дорогу среди лиан. Вот вход в нашу пещеру и около него – я, а здесь – Мария. Очень хорошо получились оранжевые плоды дерева неподалеку от пещеры и клюющие их птицы.

Мои любования фотографиями прервал звук резко пахнувшей двери кабинета, откуда пулей вылетел человек с седыми висками.

– Ничего! И на Вас управа найдется! Бюрократ! – крикнул

он, покидая приемную.

Собрав впопыхах фотоснимки в папку, я подхватился.

– Минуточку, – сказала Регина и, войдя в кабинет, закрыла за собой дверь.

Опять ожидание, но продолжалось оно не более двух минут.

– Входите, Артем Тимофеич. Только побыстрее, пожалуйста. Николай Фомич устал. И расстроился. Я успокоила его, насколько это возможно, но все равно – постарайтесь недолго.

Войдя в кабинет, я робко поздоровался и остановился у края длинного стола, в конце которого величественно восседал моложавый, но уже начавший лысеть, человек лет сорока пяти, черноглазый, с красивым овалом лица. Женщины обычно млеют в присутствии таких красавчиков. Его поза, взгляд и каждое движение были преисполнены высокомерия, чувства собственного превосходства и презрения ко всему окружающему. Напыщенность сквозила в обстановке кабинета, в его позе и манере держаться. Меня всегда раздражали напыщенность, самоуверенность и высокомерие. Я по возможности избегал общения с подобными людьми, но Рубикон был перейден, пути назад не было.

– Добрый день, Николай Фомич, – тихо пролепетал я.

– Здравствуйте. Проходите, садитесь, пожалуйста, поближе, – что я и сделал. – Вот так. Что там у Вас, – он посмотрел на лежащий перед ним листок, – уважаемый Артем Ти-

мофеич?

У него дурно пахло изо рта, и я рефлекторно отпрянул. Стараясь держаться от него на расстоянии, я попытался изложить цель своего визита:

– Понимаете, Николай Фомич, у меня дело не совсем обычное. Вернее, совсем необычное...

– Короче, пожалуйста! В двух словах изложите суть! – бесцеремонно оборвал он мою преамбулу.

– Тогда скажу сразу все как есть. Только не сочтите меня сумасшедшим и не падайте в обморок...

– Я же сказал – короче! По сути! – выпалил мэр, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик.

– Да я по сути. Видите ли, я обнаружил портал... точнее, шлюз с выходом... на другую планету...

Ошарашенный мэр презрительно посмотрел на меня и с нескрываемым сарказмом спросил:

– Да-а-а? И где же он находится?

От этих слов я угодил в глубокий ступор. Несомненно, он счел меня умалишенным. Какой ужас! Но отступить было некуда, и я пролепетал, как оправдывающийся школьник, которого уличили в подделке оценки в дневнике:

– В подвале моего дома... У меня дом... Собственный... По наследству достался. Вот фотографии – посмотрите. А лучше, если Вы самолично ко мне приедете. Там я все покажу, и Вы воочию убедитесь, что это чистая правда, хоть и звучит, конечно, весьма и весьма фантастично. Сами по-

смотрите... вот...

Я протянул мэру пачку фотографий. Он взял их с таким видом, словно сделал мне величайшее одолжение, и небрежно перебрал несколько штук, поверхностно скользнув по ним равнодушным взглядом.

– И этим Вы хотите меня удивить? – спросил он, отодвинув в мою сторону фотографии.

Нервно перебирая снимки, я наконец нашел тот, на котором во всем величии был запечатлен шлюз и я, стоящий у выходного проема, держащийся за стремянку.

– Вот, Николай Фомич, взгляните, пожалуйста.

Мэр нехотя взял фотографию, лениво повертел в руках, несколько раз посмотрел на меня, сверяя мое лицо с заснятым, криво усмехнулся и тут же вернул.

– Кажется, это вы. Ну и что?

– А то, что я стою у выхода из шлюза, причем на поверхности другой планеты! У нее два спутника и сутки – тридцать шесть часов. Это место, – я постучал пальцем по фотоснимку, – вблизи экватора, на большом острове. Он покрыт непроходимым лесом, где изобилие дичи, растут плодовые деревья, текут горные реки с чистой водой, которую можно пить, не опасаясь никакой заразы. В океане полно изумительной рыбы, моллюсков с жемчугом редчайшей красоты, креветок. На берег выходят крабы, некоторые из которых размером с большущий тазик, и бегают по девственным песчаным пляжам.

– Все, достаточно. Убедили. Посидите, пожалуйста, пару минут в приемной. Я поговорю кое с кем, и мы, думаю, решим Ваш вопрос.

Преисполненный оптимизма, я встал и направился было к двери, но мэр остановил меня повелительным окриком:

– Минуточку! Вернитесь! Фотокарточки заберите – пусть будут у вас.

Солнце спряталось за облако. В приемной стало прохладно. К тому же окно было распахнуто во всю ширь, и легкий весенний ветерок чуть заметно колебал шторы и беззвучно гулял по помещению. Регинин ноутбук был уже выключен, и она в ожидании разрешения откланяться ловко подпиливала себе ногти.

– Все? – спросила она, откладывая пилочку.

– По-моему, нет. Мне велено подождать несколько минут здесь, пока Николай Фомич как-то там подготовит решение моего вопроса.

В это время громко зазвучали аккорды сороковой симфонии Моцарта, и Регина поспешно вынула из косметички смартфон.

– Да? Сейчас заканчиваю. Я тогда позвоню. Что-что? Понимаешь, я не одна здесь. Минутку. Сейчас выйду.

Она вышла в коридор, и порыв сквозняка приоткрыл дверь кабинета Супрунова. Как видно, мэр этого не заметил, и я невольно подслушал его телефонную беседу.

«...да у меня лично все путем. Тут небольшая помощь

требуется. Нет, именно по твоей части».

Последовала пауза. Как видно, говорили на противоположном конце линии, не давая нашему мэру слова вставить. Наконец он снова заговорил:

– Тут у меня посетитель сидит, с которым явно что-то не так. То ли какой ненормальный, то ли кем-то подослан с неизвестной целью. Скорее всего, очередной шизофреник. Помнишь того, что с пирамидами голову мне морочил? Оказался на учете в психушке. А этот очень похож на него. Нет, поведением. Говорит, у себя в подвале нашел выход на другую планету! Представляешь?

Николай Фомич противно захихикал, потом продолжил:

– Ты по своим каналам можешь по нему скоренько данные пробить? Готов? Слободянюк Артем Тимофеевич. Номер паспорта? Сейчас скажу. Где ж он у меня? Моя секретарша – девушка пунктуальная, все по форме регистрирует. Ага, вот! Набирай. Серия по буквам: Михаил – Роман. Номер: пять-два-шесть-восемь-четыре-восемь. Повтори. Все верно. Давай, я жду. Остаюсь на связи.

Так вон оно что! Он действительно счел мое сообщение бредом тихо помешанного и теперь еще, чего доброго, в психушку упечет. А туда только попади – до конца жизни потом не отмоешься. Надо сматываться отсюда подобру-поздорову, пока не увели под белы ручки. Я подхватился и опрорметью бросился к выходу.

На улице похолодало. Небо заволокло тучами и казалось,

вот-вот хлынет дождь. Ветер усилился, но дул мне, слава Богу, в спину. Я медленно брел по елизаровским улицам и переулкам, осмысливая сложившуюся ситуацию.

Услышав откуда-то звонок, я поднял голову и только теперь заметил, что подошел к железнодорожному переезду. Поперек дороги опустился шлагбаум, и со стороны вокзала послышались прерывистые гудки тепловоза. К переезду шел товарный поезд, звякая буферами и гроыхая пустыми вагонами. Черт! И здесь препятствие! Куда ни кинь – всюду клин. Все у меня идет шкеребертом, не по задуманному. Этот мэр в силу своей чванливости и скудоумия счел меня сумасшедшим. Скотина! А чего, собственно, можно было ожидать от подобного типа? Кто стремится к власти? Это в большинстве своем недоумки, не видящие дальше своего носа. И чем выше должность, тем более напористые, корыстолюбивые и алчные люди к ней прорываются. Такие ни перед чем не остановятся во имя достижения своей меркантильной цели. Стыд, честь и совесть для них только помехи. Так на что я, собственно, надеялся? Разве может такой человек поверить во что-то экстраординарное? Он, небось, за всю свою удачливую жизнь, преисполненную только карьеристских устремлений, ни одной художественной книги не прочитал, ни разу не был в опере, на балете или на концерте классической музыки.

А будь этот Супрунов хоть чуточку умнее и развитее, то мог бы поехать ко мне домой хотя бы из чистого любопыт-

ства. И уж тогда его болезненное честолюбие было бы удовлетворено сполна. Знал бы он, какую славу и богатство бестолково выронил из рук! Интересно, почему люди в большинстве своем скорее поверят какому-нибудь уголовному преступнику, нежели порядочному человеку? Что ж, не судьба, видать. Думаю, что Кирилл, который мне тоже никак не симпатичен, распорядится зашлюзовым миром намного разумнее, притом исключительно в интересах своей паствы. Хрен с ним, пусть съест волк, а не собака. Решено. Приду домой – сразу ему позвоню. Да почему, собственно, домой? Зачем откладывать? Вот пройдет товарняк – тут же позвоню по мобилке.

ХIII

Кирилл готовился более полугода. Я было уже решил, что он передумал или что-то у него не состоялось, а гордость не позволяет открыто признаться. Но я ошибся. Все, что требовалось сделать для организации переселения своей паствы, он продумал до мелочей.

Первые поселенцы прибыли ночью в автобусе, зафрахтованном Кириллом в маленьком городке неподалеку от Елизарова. Их было не больше десятка: мужчин и женщин. Кирилл заранее попросил меня быть готовым пропустить новоприбывших через шлюз, и я, как мне кажется, четко выполнил эту просьбу.

Кирилл бойко отдавал команды при выгрузке вещей, умело подбадривал уставших людей. Только к пяти утра ново-

прибывшие смогли перенести в шлюз привезенные мешки, огромные сумки, чемоданы, ящики и коробки, после чего он отпустил водителя со щедрым вознаграждением.

По отправлении автобуса священник пригласил всех в шлюз, в том числе нас с Марией, и попросил меня открыть выход в зашлюзовое пространство. Он первый вышел на поляну и, пересчитав прибывших, обратился к ним с краткой речью.

– Дорогие братья и сестры! Во имя отца и сына, и святого духа поздравляю Вас с прибытием на благословенную землю. Нам с Вами выпала великая честь первыми войти в мир, который всемилостивейший Господь даровал нашей пастве для создания в нем общества, неукоснительно соблюдающего его мудрые заповеди. Нам, как и всем первопроходцам, будет нелегко, придется привыкнуть пользоваться подручным материалом в качестве бытовых инструментов. Мы научимся использовать раковины и горные породы вместо ножей и пил, изготавливать луки и стрелы для охоты, плести веревки и сети из волокон, добываемых из местных растений. Всеми местными ресурсами будем пользоваться так, чтобы не нарушать гармонии природы, такой прекрасной и щедрой. Мы должны органически в нее вписаться, беречь и охранять, стать ее неотъемлемой частью. Здесь океан несказанно богат рыбой, крабами, моллюсками и прочими дарами, в лесу полно дичи, на скалах гнездятся птицы, яйца которых пригодны в пищу и обладают великолепным вкусом.

Вода в реке чиста и прозрачна, ее можно пить, не опасаясь за свое здоровье. Этот остров – не единственная суша на дарованной нам Богом планете. Там, за горизонтом, есть континенты, которые предстоит освоить, но уже не нам, а нашим потомкам. При этом никто из нас ни на минуту не должен забывать о том, к чему приводит нарушение божьих заповедей. И оставленный нами греховный мир – тому наглядное подтверждение. Всеобщая и безоговорочная вера в божьи истины должна доминировать надо всем в нашем новом братском обществе. Аминь.

Дневная жара уже спала, подул вечерний бриз, принесший ласковую прохладу и благоухание цветов. Волнуя высокую шелковистую траву, он веял в сторону океана и шевелил за спиной Кирилла свободно свисавшие концы банданы. Священник был явно в ударе. Взяв меня за руку, он продолжил:

– Перед Вами супруг нашей благочестивой прихожанки Марии – уважаемый Артем Тимофеич. Волею всемилостивейшего Господа он привел нас в этот благодатный и щедрый мир. Прошу любить и благодарить его за этот подвиг.

Кивком головы я приветствовал новоприбывших, и они ответили мне почтительным поклоном со словами «во имя отца и сына, и святого духа».

– Все мы очень устали, проделав нелегкий путь на истинно святую землю, – сказал священник, когда все умолкли. – Однако сегодня нам все же придется еще немного потрудиться – у самого шлюза раскинуть палатки и подготовить места

для временного ночлега. Ночи и дни здесь долгие – в полтора раза продолжительнее привычных нам земных. В Елиза-
рово сейчас начнется новый день, а здесь солнышко клонит-
ся к закату. За долгую местную ночь мы успеем как следует
выспаться и восстановить силы, так нужные для осуществ-
ления предстоящей миссии. Встать нам доведется на рассвете,
чтобы до наступления изнурительной жары перенести ве-
щи во временный лагерь, с любовью построенный Артемом
Тимофеичем. Я буду молиться, чтобы Господь послал нам
благоприятную погоду для скорейшего обустройства и нача-
ла работ по строительству нашей будущей деревни. Сейчас
Мария покормит нас, чем Бог послал, в тени вон того раски-
дистого куста. Так что берем свои подстилки, у кого какая
есть, и располагаемся. Мария, все новоприбывшие в полном
твоем распоряжении. Помогут, где скажешь. Действуй.

Месяц спустя автобус доставил еще десятка три поселен-
цев, имевших при себе только рюкзаки да еще кое-какие ве-
щи первой необходимости. Но через несколько дней начали
прибывать фуры с оборудованием, необходимым на первых
порах для обустройства на новом месте. Новоприбывшие в
ускоренном порядке освобождали их и постепенно перетас-
кивали весь груз в лагерь.

Следующие партии колонистов прибывали в автобусах по
сорок-пятьдесят человек – с детьми и вещами, кое-кто с со-
баками и кошками. Кирилл с моей помощью проводил их
через шлюз, строил в шеренгу и, стоя со списком в руках,

зычным командирским голосом делал переклички. Экипирован он был как заправский горный проводник: в альпинистской обуви, с банданой на голове и в штормовом костюме камуфляжной расцветки. Из-за его широкой спины торчал ствол многозарядного охотничьего карабина. Вместо посоха он опирался на длинное копьё с острым наконечником из высоколегированной стали.

После переклички члены секты Кирилла грузили наиболее тяжелые вещи на коляску тети Серафимы, а остальные несли сами. Почти у каждого за плечами был туристский рюкзак. Как видно, они были закуплены оптом из расчета на весь контингент. По провешенной мною дороге шумная многоголосая толпа двигалась к лагерю, иногда останавливаясь на короткие привалы.

Во время поселения новоприбывших я от шлюза не отходил, если не считать коротких визитов после утомительного дня к морю под обрывом и к тому месту, где птицы бросали на камни раковины с жемчугом. Пока Кириллова орда не назнала это место, я старался собрать побольше перлов, которые планировал в будущем использовать как личный капитал.

Автобусы заезжали во двор, выпускали пассажиров, и Кирилл спускался с ними в подвал через дворовой вход. Он предусмотрительно назначал такое время прибытия, когда за бортом шлюза едва начинало светать, чтобы люди не шли по экваториальной жаре.

По прибытии последнего автобуса в забортном мире разразилась мощная гроза, и на ее пережидание ушло более суток. Прибывшие ютились в моем дворе, в сарае, в подвале и в самом шлюзе. Наконец гроза кончилась, и Кирилл повел людей, не дожидаясь, когда просохнут трава и почва. В лагере их встречала Мария, успевшая обзавестись несколькими помощниками. Судя по всему, они были назначены Кириллом задолго до начала процедуры переселения.

Прибыло еще несколько тяжелых фур, и Кирилл, как и раньше, организовывал их разгрузку в темное время суток, не желая привлекать ненужного внимания соседей. При разгрузке последней он тщательно следил, чтобы поселенцы обращались с грузом с особой осторожностью и вплоть до доставки в лагерь лично контролировал весь этот процесс.

– Что там за груз, отец Кирилл, что Вы о нем так печетесь? – поинтересовался я.

– Тротилловые шашки. Знаете, что это такое?

– Конечно. Взрывчатка. Но зачем она колонистам? Что Вы собираетесь взрывать?

– Ну, мало ли какие работы придется выполнять при освоении территории? Например, разровнять площадку для строительства храма в условиях скалистой местности, расчистить вход в бухту, построить туннель в скале, произвести взрывные работы по добыче строительного камня. Тут без тротила трудно будет. Мы ведь сюда не на экскурсию – на постоянное проживание прибыли.

– Вы ведь изначально обещали не вредить первозданной природе, а гармонично вписаться в нее со всей своей паствой.

– Какой же тут вред? Мы только немного улучшим, что Бог дал. Так, чтоб экологию не нарушить. Портить не будем ничего – я сам категорически против этого.

Неделю спустя прибыли скотовозы – привезли несколько телят, поросят, коз, овец, гусей, уток, кур и еще кое-какой живности. Как у Ноя в ковчеге. На грузовике привезли несколько мешков пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы, риса и еще какого-то зерна. Семенной фонд, как сказал Кирилл. А ведь уговаривая меня, он утверждал, что скотоводство и земледелие здесь ни к чему, собирался обеспечить проживание местного общества исключительно за счет охоты и собирательства.

– Кажется, для начала все, – сказал Кирилл, приняв партию скота, семян и саженцев фруктовых деревьев. – Теперь в ускоренном порядке обследуем местность, закончим строительство деревни и храма. Обживемся, а дальше увидим, чего еще недостает.

– Вижу, Вы все до мелочей продумали. Чувствуется военный опыт.

– Здесь, Артем Тимофеич, продумывай – не продумывай, а всего не учтешь. По-моему, организовывать нашу колонию – это как приключенческий роман писать. Если веришь в то, что пишешь, корректируешь по ходу дела, то со временем он

станет совершенством, классикой.

Глядя, как Кирилл и его люди хозяйничают на зашлюзованной территории, я испытывал щемящее чувство хозяина, лишённого собственности, которой посторонние распоряжаются по своему усмотрению, игнорируя сам факт его существования. Но с другой стороны, зачем это мне одному? Владеть в одиночку целой планетой, притом без населения – полная бессмыслица. Нет, делиться с ближним – святая обязанность каждого. В этом вся философия существования человеческого общества. Не зря говорят арабы, что скупой богач беднее нищего.

Кирилл мастерски командовал и приемом грузов, и расселением. Его паства четко и гармонично двигалась к намеченной цели, а действия всех поселенцев с каждым днем становились все более слаженными и уверенными. Но делать Кирилла капитаном всея планеты в мои намерения не входило. «Еще никто не управлял планетой...» Это Есенин о Земле писал. А чем эта планета хуже?

Какой-то академик, не помню, какой именно, однажды сказал по телевидению, что космос непостижимо велик, и мы не знаем и тысячной доли его возможностей. А они невообразимы, ведь он содержит всю, абсолютно всю информацию. Его нужно уважать и ни в коем случае не соваться в него с какими-либо алчными намерениями или со своими земными проблемами – ему это может не понравиться, и он сурово накажет.

Моей тайной целью было все же найти способ убедить представителей органов власти прийти ко мне домой и лично убедиться в существовании и функционировании шлюза. Я поздно понял свою ошибку. Нужно было начинать не сверху, а снизу – под каким-нибудь предлогом вызвать к себе милицию и показать рядовым служителям правопорядка шлюз и вывести их к морю. И пусть уж они потом сами убеждают свое высокопоставленное начальство и городские власти. А я буду ходить себе руки в брюки. Именно так я и планировал поступить в ближайшее время.

Но этот шаг я откладывал на крайний случай – если я расценю действия Кирилла как злоупотребление своей абсолютной властью. Как мне представлялось, рано или поздно это непременно случится. И я сознательно не раскрывал перед Кириллом и его братией секрета управления шлюзом. Он неоднократно намекал, что было бы намного удобнее, если бы и он и его доверенные люди умели без моей помощи переходить из моего подвала в зашлюзовый мир и обратно. Однако я делал вид, что не понимаю его намеков и лишь безоговорочно переправлял людей через шлюз, когда он об этом просил. Но Кирилл умел выжидать удобного случая и незамедлительно его использовать, как только он предоставлялся. С ним следовало постоянно быть начеку и не выдавать каких-либо векселей, по которым потом волей-неволей придется платить. Мы с Кириллом встречались у шлюза в заранее определенное время, когда он возвращался в Елиза-

рово в силу какой-либо необходимости. А перед выходом в зашлюзовый мир из Елизарова он звонил мне по телефону, чтобы я встретил его и пропустил через свои «звездные врата».

Я опасался, что Мария знает секрет обращения со шлюзом и со временем выдаст его Кириллу. И, несомненно, выдала бы. Но, как выяснилось позже, она отлично понимала, что шлюз воспринимает мысленные команды, но тот факт, что они передаются при непосредственном прикосновении к столешнице пульта, от ее внимания в свое время ускользнул. Я тщательно маскировал его, чтобы чувствовать себя хозяином положения.

Мария добросовестно помогала Кириллу в расселении колонистов, готовила для них еду, знакомила с местностью. В отличие от меня, дома ночевала редко, только когда Кирилл отпускал ее на сутки-другие, видя, что она утомлена и нуждается в отдыхе.

XIV

Мы шли к лагерю по провешенной мной дороге.

– Как быстро обживается территория. Теперь здесь вместо едва заметной тропинки настоящая грунтовая дорога.

– Да, действительно. Наши люди успели хорошенько протоптать ее, – сказала Мария, поправляя на спине рюкзак. – Однако она раскисает во время дождя. Отец Кирилл, хочет вымостить ее камнями, но не хватает рабочих рук. Люди заняты сейчас более срочными делами.

Она с сожалением вздохнула.

– Первым делом нужно построить для всех жилье, медпункт, школу и, конечно же, храм, – добавила она.

Солнце на востоке уже поднялось над синей кромкой леса и начало припекать грудь, темя и плечи. Было тягостно видеть, как незнакомые мне люди вторгаются в первозданную природу, словно нож в живую плоть. Не знаю, зачем было соглашаться идти с Марией в лагерь, но решение принято – возвращаться как-то неудобно.

Легкий ветерок, поднимая облачка пыли, шелестел в высокой траве, которая совсем недавно была зеленой, шелковистой и сочной, а теперь совершенно высохла и пожелтела под горячим экваториальным солнцем. Дождя не было около месяца. Стоило лишь чиркнуть спичкой, и она вспыхнула бы, как порох. Ночной бриз уже стих, дневной не успел подуть, и ветер налетал едва заметными порывами, постоянно меняя направление, покачивая над пересохшей травой пушистые головки, колючие шишки и большие ветвистые колосья, подхватывая и разнося разномастные семена в виде белых парашютиков, рыжеватых бабочек и светло-коричневых зернышек с белесыми распушенными хвостиками. Местами из желтой травы вызирали редкие лиловые и ярко-желтые цветы, такие же сухие и колючие, как наши бессмертники. Докучали всевозможные насекомые, налетая то спереди, то сзади, иногда зависая перед самым лицом.

Мария остановилась и ласково посмотрела мне в глаза.

– Дай воды глоток, а то в горле першит от жары и пыли.
Я повернулся к ней спиной.

– Вынь из рюкзака баклажку. Увидела?

– Да. Вот она.

Мария попыталась отвинтить крышку, но потные пальцы беспомощно скользили по ее поверхности. Наконец она поддалась, и полиэтиленовая бутылка чмыкнула выпущенным газом. Сделав несколько жадных глотков, Мария, со вкусом ухнув, протянула ее мне. Утолив жажду, я вернул ей оставшуюся воду.

– На, сунь на место.

В траве что-то зашелестело, и на дорогу выскользнула полутораметровая змея. Мария в ужасе кинулась ко мне и тесно прижалась к груди, но рептилия не обратила на нас никакого внимания и, блеснув серебристо-серой чешуей, со скоростью молнии пересекла дорогу и скрылась в траве на противоположной стороне.

– Ужас! Такая длиннющая. У меня сердце в пятки ушло, и мурашки по коже поползли. Клянусь, чуть не уписялась со страху.

– Конечно, страшно. Но лучше в таких случаях не шараться. Кто знает, как она расценит твоё шарханье. Может подумать, что ты ей угрожаешь, и напасть.

– Все здесь хорошо, но всякие змеи, пауки, скорпионы... Как подумаю, так и млею от страха.

До спуска в лагерь шли молча. В ломкой траве стрекотали,

щелкали и скрежетали насекомые, щебетали и насвистывали птицы, шелестели рептилии и грызуны. Мария время от времени оглядывалась и озаряла меня своей нежной улыбкой.

Вскоре мы подошли к спуску, ведущему в лагерь, откуда были слышны человеческие голоса, столь непривычные для меня в этой необжитой местности, а также звуки молотков, топоров и пил. Где-то внизу работали люди.

– Интересно, что они там рубят и пилят?

– Артем, дорогой, ты так давно сюда не приходил... Никогда не мог смириться с тем, что уступил нашей пастве монополию на этот мир. И напрасно. Тут все преобразилось до неузнаваемости – увидишь.

В правдивости этих слов я убедился, как только мы спустились на террасу у лагеря и оставили в тени рюкзаки. Немного ниже, в роще, где я когда-то впервые раскинул палатку, стояло несколько мазанок с каменными дымоходами, крытых пальмовыми листьями. Четверо мужчин трудились над сооружением еще одной, тщательно укладывая саман, а немного ближе ко мне женщина ногами месила для самана глину, время от времени добавляя в нее пальмовых листьев и навозной жижи. Другая в это время лопатой загружала готовую смесь в деревянные формы, немного утрамбовывала и ставила на солнце для просушки.

Увидев нас, все на минуту приостановили работу и с поклоном поздоровались:

– Здравствуйте! Добро пожаловать!

– Здравствуйте! Бог на помощь! – ответил я, а Мария молча помахала им рукой. – Откуда Вы тут среди камней глину берете?

– Там, наверху, есть озеро с глинистыми берегами, – ответила женщина, которая заполняла формы. – А рядом на лугу козьего навоза полно. Добавляем в глину для крепости.

– Но лучше – птичий помет, – дополнила месильщица глины. – С ним лампач как бетон затвердевает. У моря на скалах его залежи. Только отковыривать трудно, да потом еще размачивать.

– Лампач? А что это?

– Да вот эти глиноблоки, Артем Тимофеич. Саманом их еще называют.

Между мазанками сновало несколько детей. Стесняясь меня, они спрятались в кустах и с любопытством из-за них выглядывали. Как жаль, что я не догадался прихватить для них хотя бы по конфетке!

Кивком головы Мария пригласила меня пройти вниз, к реке. Пройдя сквозь заросли, я увидел перекинутый на другой берег деревянный мостик. По сути это была кладка из бревен, устланная поперечными досками, по обе стороны которой возвышались бамбуковые перила. И перила, и настил еще не успевшие обветриться, белели на фоне серых береговых скал и шумящей синевы воды.

– Даже мостик соорудили! – удивился я. – И такой прочный. Ну, молодцы.

– На прошлой неделе закончили. Теперь можно спокойно ходить на тот берег. Наши женщины оттуда птичий помет на тачках возят. Для стройки. А мужчины в свободное от работы время рыбку ловят. Одного улова обычно на всю деревню хватает.

– Интересно, Кирилл привез сюда сотни три народу, а я сейчас видел не больше десятка. Где же остальные?

Мария махнула рукой вглубь леса.

– В основном, на той стороне острова. Там и пещера есть, еще более удобная, чем здесь, и огороды, и приличную деревню строят. Скоро храм возведут, потом школу и медпункт. Так что жизнь нашей паствы здесь, как видишь, всю кипит.

– Пойдем на ту сторону реки, – предложил я. – Хочу Ваш мост обновить.

– Иди, наверное, один, а я схожу в лагерь. Там наши женщины еду готовят – помогу, если надо. Долго не загуливайся. Часа через два обедать будем.

– Вольному воля. В лагерь, так в лагерь. А я немного поброжу среди скал.

– В лес, смотри, не углубляйся – опасно в одиночку. Говорят, на том берегу опасные звери есть.

– Это ты-то меня предостерегаешь? – я засмеялся. – Да при мне всегда мои верные друзья: боевой нож и топорик.

– Все равно опасно одному там ходить. Тут уже бывали неприятности. Слава Богу, особо никто не пострадал.

– Не переживай. Со мной ничего не случится.

Мария повернула обратно, а я пошел по мосту на противоположный берег речки. Кладка была сделана профессионально. Со стороны правого берега бревна лежали на широкой площадке и были прочно закреплены в скальном грунте кольями. На левом берегу естественной площадки не было, и люди Кирилла то ли кирками ее выдолбили, то ли взрывами. Во всяком случае, там тоже все было сделано прочно и надежно. До воды было метров пять-семь, и река даже при самой полной воде вряд ли его снесет. Как бы там ни было, а кладку, несомненно, сооружали профессионалы.

Идя вдоль берега реки, я вышел к морю и двинулся дальше к востоку. Скалистый берег круто обрывался, и вода внизу была спокойна, поскольку океанские волны в полусотне метров от берега, обрушиваясь на широкую гряду черных шхер и разбиваясь в брызги и пыль, оставили на них лишь хлопья белой пены.

Уровень воды в океане был максимально высоким. Вообще, было время самых высоких приливов, так как обе луны и солнце выстроились тогда в одну линию. За ближайшим отрогом скалы, свесив над водой ноги, в плотной тени раскидистого куста сидел блондинистый парень, лет тридцати, с удочкой в руках. Под кустом стояли добротные кроссовки, а справа от него – жестяная банка, в которой шевелились белые жирные черви. Насадив на крючок наживку, он оценивающе посмотрел на воду, раздумывая, куда бы ее закинуть.

– Привет, рыбак. Ну как, клюет?

Парень от неожиданности чуть не выронил удочку. Увидев меня, он заулыбался, и его чистые серые глаза засияли искренней добротой. Отложив удочку, он проворно вскочил на ноги, едва не опрокинув банку с червями. Несколько секунд он неподвижно стоял передо мной босиком, в коротких шортах, продолжая улыбаться. Наконец, переведя дыхание, ответил на мое приветствие:

– Здравствуйте, Артем Тимофеич. Вы все же пришли к нам в деревню?..

– Пришел, как видишь. Откуда ты меня знаешь?

– Как откуда? Вас же вся наша паства знает. Владыка Кирилл много рассказывает о Вас, Ваши фотки показывает. Говорит, что Вы богоизбранный человек. Что это Вас, услышав его молитвы, исподобил Бог открыть ворота в этот обетованный мир.

– Да никакой я не избранный. Просто случайно в подвале своего дома обнаружил шлюз для перехода сюда из Елизарова. Кстати, задолго до знакомства с отцом Кириллом. Так что его молитвы вряд ли имеют к этому какое-то отношение.

– Ну, не скажите. Владыка говорит, что ничего просто так не происходит, все по воле божьей.

– Не знаю. Может быть. Кстати, тебя как зовут?

– Леонид. Простите... просто Лёня.

– Ну и как здесь, «просто Лёня», рыба ловится?

– Не успел еще ничего вытащить. Только-только пришел.

Личинок вот набрал в трухлявой колоде. Говорят, они потом в жуков превращаются, крупных таких. А так – неплохо. Эти личинки здешняя рыба очень любит.

Немного подумав, он добавил:

– Да уж получше, чем на нашей елизаровской «переплю-
нихе».

– У тебя что, отгул или тарифный отпуск? Все, я смотрю, работают на заре, пока жара не припекла, а ты сидишь тут с удочкой, забавляешься.

Леня явно смутился.

– Да нет... Понимаете, как раз в самую жару, когда все будут в тени отсиживаться, мне предстоит владыку и его людей во вторую деревню везти на катере, на ту сторону острова. Я механик, ну... и катера вожу при любых условиях. А до отъезда он меня отдыхать милостиво отпустил.

– Понял. Извини. А отец Кирилл, он что, здесь сейчас?

– Да, здесь. Инструменты какие-то забрать приехал с мастером нашим, Олегом. Он знает, где я, и пришлет за мной, когда понадобится.

Лёня снова опустился на скалу и, свесив над водой ноги с крутого склона, принялся насаживать на крючок крупную личинку.

– Тогда не стану мешать. Крупного тебе улова, Лёня. Будь здоров.

– Спасибо, Артем Тимофеич. Вам также удачи и божьего благословения.

Я пошел обратной дорогой, оставив Леню рыбачить в одиночестве. Свирепое солнце поднималось все выше, опалая листву кустов и деревьев, беспощадно иссушая траву и раскаляя скалы, покрытые белесыми корками птичьего помета. Казалось, что волны, лижущие их подножья, вот-вот зашипят. Над океаном ярко синело утреннее небо, и океан был того же цвета. Могучие валы с ревом обрушивались на шхеры, вздымая ввысь белые как снег пенные горы, принимающие эфемерные очертания и грациозно оседающие на камнях и заплывая в лазурную рябь лагуны. Воздух, обильно населенный всевозможными птицами и причудливыми насекомыми, был наполнен какофонией криков, щелбета, свиста, визга, скрипа, скрежета, щелкания и стрекота. Над океаном и его берегами мощно пульсировала жизнь.

Внезапно эту какофонию пререзал душераздирающий человеческий вопль, прервав мои любования красотами природы. То был крик, преисполненный животного ужаса смерти. На несколько секунд установилась относительная тишина, и я было решил, что это мне послышалось, но крик повторился снова:

– Помоги-и-и-те-э-э-э! Помоги-и-и-и-те-э-э-э-э!

Кричал, несомненно, Лёня. Больше некому. Я развернулся, едва не сорвавшись в воду, и, выхватив из-за пояса топорик, что было духу помчался к тому месту, где несколько минут назад оставил парня.

Держась за ветку куста, Лёня висел над уступом, который

несколько минут назад служил ему сиденьем. Ветка гнулась и раскачивалась, а Лёнина голень, опутанная серо-зелеными змееподобными петлями, была прижата к крутому склону скалы и дергалась по направлению к воде.

– Арте-о-о-м Тимофеи-и-ч! Помогите! Сделайте же что-нибудь-у-у-дь! – в испуге кричал парень. – У меня силы кончаются-а-а-а!

– Лёничка, держись! Держись, дорогой! Я сейчас! Сейчас помогу!

Подскочив к краю уступа, я схватил Лёню за бедро и ощутил мощный рывок вниз, к воде. Занеся топор, я целился в напряженное щупальце скрытой под водой неведомой твари, не решаясь нанести удар.

– Скорее, Артем Тимофеич... Скорее... пожалуйста, – еле шевеля побелевшими губами умолял Лёня и скрипел зубами так, что мне казалось, он перетрет их в муку.

«Только бы не промахнуться... Только б не промазать...» – звучало в голове в такт бешеному пульсу. Наконец я решился. Лезвие топора со звоном ухнуло по конвульсивно подергивающемуся щупальцу, высекая из камня фонтан желтых искр, отчетливо различимых даже при ярком солнце. Серо-зеленый обрубок, брызнув синеватой слизью, мгновенно скрылся в пучине.

Ощувив свободу, Лёня бросил ветку и бессильно опустился на камень. Он несколько раз потрянул ногой, стараясь освободиться от остатка щупальца, упорно не желавшего отпус-

кать его голень.

– Спокойно. Спокойно, Лёня. Самое страшное уже позади. Подними ногу, чтобы я помог тебе освободиться.

Подцепив ножом край пульсирующей плоти, я не без усилий размотал уродливые кольца и освободил Лёнину голень, липкую от синеватой слизи, перемешанной с кровью жертвы. Серо-зеленый обрубок, брошенный на уступ, продолжал извиваться и выворачиваться, то сокращаясь, то выпрямляясь, то свиваясь в замысловатые узлы и петли.

– Подвигай, Лёня, ногой, помассируй ее. А я сейчас...

Преодолевая омерзение, я взял в руки обильно ослизненный обрубок, чтобы рассмотреть при ярком солнечном свете. Его наружная поверхность, бугристая и клейкая, была облеплена пылью и мелкими камешками, а вдоль бахромчатых краев внутренней шли два ряда присосков светло-серого цвета, похожих на шляпки грибов-поганок. По мере приближения к концу щупальца присоски становились все меньше. Каждый из них был окружен кольцом тонких роговых отростков, похожих на мелкие коготки.

Бросив конвульсивно подергивающееся щупальце, я осмотрел Лёнину голень. Присоски оставили на ней два ряда багровых кружков. Некоторые из них были с язвами в центре, а вокруг краснели мелкие следы от коготков.

– Ты как, идти сможешь?

– Думаю, да... Хоть и ноги почти не чувствую. Замлела...

– Это от сдавливания. Она же как в тисках побывала.

Вставай, походи немного, кровь разгони.

Лёня встал и, подойдя к обрубку, ногой спихнул его в воду. Банка с наживкой валялась на уступе, и личинки расплзались в разные стороны.

– Хорошая удочка – надо бы достать как-то, – сказал я, глядя как она спокойно покачивается на волнах.

– Да Бог с ней, Артем Тимофеич, пусть океану достанется.

– Как нога? Болит?

– Немного. Замлелая еще. Вот только раны саднят.

– Сейчас спустимся к реке, промою твои раны. Потом я тебя в елизаровскую больницу отведу, в травматологию. Пусть обработают как следует.

– Нет, Артем Тимофеич. Промою – и все. Мне еще владыку в деревню везти.

– Ах ты, Боже мой! Он поймет, человек ведь.

– Артем Тимофеич, я вообще не хотел бы, чтобы он узнал о случившемся. От него чего угодно ожидать можно...

Леня осекся на полуслове, и я не стал у него ничего спрашивать. Как-нибудь потом по охотке расскажет.

Перейдя кладку, мы спустились к реке. Лёня промыл раны, и мы пошли по тропинке вверх, к лагерю.

– Как хорошо после промывки. Просто чувствую, как заживает, – сказал Леня и посмотрел на меня с благодарностью. Спасибо Вам, Артем Тимофеич. Если бы не Вы...

– Ладно, ладно. Хватит. Ты бы поступил точно так же на моем месте.

– Артем Тимофеич, Вы все-таки божий человек. Не зря ведь оказались рядом, когда я в такую беду попал. Это Господь прислал Вас ко мне в час испытания смертным страхом. Я должник Ваш...

– Хватит, я сказал! Не хочу больше слушать!

Лёня послушно замолчал. А когда мы подошли к ближайшей мазанке, сказал:

– Еще раз Вам спасибо великое. До встречи. Пока вокруг людей нет, я джинсы надену. Чтобы мне ненужных вопросов не задавали, о ранах не спрашивали.

Леня ушел переодеваться, а я поднялся ко входу в пещеру. Не успел я к ней приблизиться, как мне навстречу вышел Кирилл в сопровождении Марии.

– Артем Тимофеич, наконец-то! Искренне рад Вас видеть у порога построенного Вами лагеря. Дай Вам Бог за это здоровица и удачи.

– Ты как, проголодался? – поинтересовалась Мария.

– Нет пока. Я, наверное, пойду. Дойду до дома, к тому времени и проголодаюсь. Так что не беспокойся, ты же знаешь, там есть что покушать.

В наш диалог вмешался Кирилл:

– Вы что, серьезно домой? В Елизарово? Вот те на! А я собираюсь повезти Вас в нашу вторую деревню. Там строительство полным ходом идет – увидите. В кои-то веки Вы к нам выбрались, и сразу домой! Нет уж, поедемте с нами. Думаю, там все обрадуются.

– Ну, тут у людей работа кипит, а я без дела слоняюсь. Неудобно как-то время у Вас отнимать.

– Еще чего! Вы для нашей паствы свою работу давно уже сделали. Да какую работу! Благодаря Вам мы живем в этом щедром краю и Господа славим. Пойдемте-пойдемте, домой успеете.

– Поедем, Артем. Катер уже готов к отплытию. Вот найду сейчас нашего механика, и сразу отчаливаем, – вмешалась Мария. – Кстати, ты не видел тут его: высокий блондин, сероглазый, лет тридцати на вид?

– По-моему, видел. Вон к той мазанке только что прошел такой парень.

XV

Как всегда в это время суток, стояла палящая жара. Но на катере, лихо несущемся по волнам, она не ощущалась, и только когда по какой-либо причине Лёня сбавлял скорость, солнце тут же начинало жечь, как в аду.

Я сразу узнал свой катер, едва увидев его издали. Но он уже не блистал новизной, как раньше. Баллоны сверху посветлели от солнца, краска на моторе потрескалась и кое-где облупилась, обнажив блестящий металл. Ветровое стекло было во многих местах поцарапано, а сиденья – не так давно заново выкрашены свежей краской. Но мотор работал безукоризненно, чувствовалось, что за его состоянием следит опытный профессионал.

Начался отлив, и Лёне приходилось все время брать по-

правку на течение. Хочу честно сказать: он мастерски справлялся со своими обязанностями. Не то, что когда-то я.

Рядом с Лёней сидел Олег – коренастый брюнет среднего роста с пышной шевелюрой. Как видно, он очень рано сегодня встал, потому что все время дремал и в разговорах почти не участвовал. На второй скамье сидели мы с Марией и, перекрикивая рев мотора, комментировали все, что видели: проносящиеся слева громады скал, ярко-желтые пляжи, пальмы, кусты, деревья, каменистые утесы, лежащих на них ластоногих и тучи разноголосых птиц. Вспоминали нашу разведывательную экспедицию. Как и в прошлый раз, к нам пристроились дельфины и весело играли у самого борта.

Через пару часов после отплытия Кирилл, пошатываясь на затекших ногах, встал и, хватаясь за спинки сидений, добрался до водителя. Тот, сбавив обороты мотора, чтобы священнику не пришлось надрывать голос, вопросительно посмотрел на него.

– Теперь не худо бы перекусить и заодно кости замлевшие размять, – сказал Кирилл. – Да и по естественным надобностям, думаю, всем нужно.

Идя на малой скорости, Лёня повернул к берегу. Это было то самое место, где, возможно, произошла предполагаемая катастрофа, погубившая когда-то весь экипаж неведомой нам экспедиции. Чтобы укрыть катер от океанских волн, Лёня вошел в небольшой залив и пришвартовал его к массивному камню на крутом утесе.

– Не понял, – сказал Кирилл. – Здесь трудно по уступам карабкаться. Давай к пляжу – вон за тем островком.

– Нет, отче, там нельзя.

– Это еще почему?

– Сейчас в самом разгаре отлив – можем надолго на песок сесть. А катер груженный, тяжелый – впятером не спихнуть. Уж лучше на утес взобраться. Он и судно от волн прикроет, пока мы обедать будем, и на плаву оно все время останется.

– Верно, – поддержал я. – Когда-то мы с Марией чуть не застряли по этой причине. Леня, я вижу, моряк опытный, знает, что к чему.

– Да, да, – подтвердила Мария. – Был такой случай. Лучше по камню взлезть, чем потом сутки тут кукарекать. Следующий прилив только к вечеру начнется, а ночью плыть небезопасно.

Выйдя на берег, мы размяли суставы и собрались в тени дерева с большими глянцевыми листьями и колючими бордовыми плодами величиной с грецкий орех. Олег принес с катера рюкзак с продуктами, и мы сели на подстилку, чтобы поесть.

Мария разложила еду. Я потянулся было за своей порцией, но она деликатно удержала мою руку. Кирилл благословил ястие-питие, и все принялись жевать.

– Изумительный хлеб, – сказал я, с удовольствием откусывая кусок ароматной лепешки.

– Это наши женщины испекли. На дровах из розового де-

рева, как мы его назвать успели. В тандыре. Его недавно печники паствы построили, – пояснила Мария. – Пахнет?

– Великолепно пахнет. Думаю, мне вредно такие есть – объесться можно.

– А ты следи за собой, не ешь досыта. Минут через десять-пятнадцать голод пройдет.

– Я знаю, Марийка. Лучше скажи, что это за мясо, такое нежное и сочное?

– Местная козлятина, – вмешался Кирилл. – Экологически чистая. Безукоризненно.

По окончании пиршества Мария занялась уборкой. Олег ей помогал, а мне Кирилл предложил сходить за свежей водой, так как Мария успела ему сказать, что здесь неподалеку протекает небольшая речушка. Лёня пожелал составить нам компанию, и мы охотно согласились.

Он принес с катера две полиэтиленовые канистры и собрался было вылить из них воду, но Кирилл остановил его.

– Не понимаю, зачем тащить воду к воде? Чтобы набрать свежей, все равно придется освободить емкости.

– Нет, Лёня. Всяко может быть. Не забывай, что мы находимся в незнакомом и диком месте. А если там вода окажется грязной или, скажем, соленой? Непригодной для питья, одним словом? Что тогда? До самой деревни от жажды мучиться? А жара – сам видишь какая. Никогда нельзя выбрасывать старое, пока не обретишь нового. Это армейское у меня.

Но вода в реке оказалась, как и в прошлый раз, чистой и удивительно холодной. Мы поднялись немного вдоль берега вверх от устья. Кирилл снял бандану и, прополоснув в воде, сложил ее в виде кульки. Зачерпнув им порцию воды, сделал несколько глотков.

– Отличная вода. Лучше, чем на любом земном курорте. Освобождай, Лёня, канистры – наберем здесь.

Кирилл и Лёня взяли по запотевшей канистре, и мы пошли обратно вдоль пляжа. Солнце пекло нам спины, плечи и головы, пот насквозь пропитал одежду и выцветшие банданы.

– Давайте нести по очереди, что ли, – предложил я. – Мне неудобно идти с пустыми руками, когда у Вас по десять килограмм воды. Я подменять Вас буду, когда устанете.

– Нет, Артем Тимофеич. Вы значительно старше меня. А Лёня совсем молодой. По законам нашей паствы к старшим нужно относиться с почтением, с уважением. Да и нести тут, собственно, всего ничего.

Пройдя полдороги, мы остановились передохнуть в тени одинокой пальмы. С моря дул дневной бриз. Лёня сбросил штормовку, подставляя потное тело легкому прохладному ветру.

– Окунемся, что ли? – предложил Кирилл, раздеваясь.

Я согласился и тоже разделся. А Лёня плюхнулся в океан прямо в джинсах, проплыл немного и, выйдя на песок, сунул мокрые ноги в кроссовки и побежал в тень. Мы с Кириллом

отплыли от берега на несколько метров и начали барахтаться, наслаждаясь прохладой.

– Что-то Лёня сегодня не в духе, – сказал Кирилл, отфыркиваясь. – И джинсы почему-то не снял.

– Думаю, чтоб жара не так досаждала. В мокром оно прохладнее.

Но я-то знал – он не хочет, чтобы Кирилл заметил следы нападения спрута, и прячет их под брюками. Воспоминание об этом инциденте заставило меня содрогнуться. Ведь подобная тварь может напасть на нас прямо сейчас, в воде, а здесь от нее защиты практически никакой.

Выйдя из океана, мы поспешили в тень и, не обсохнув начали одеваться. Наклонившись, чтобы зашнуровать кроссовки, я увидел в песке батавскую слезку, потом другую, за ней еще и еще.

– Что Вы там собираете, Артем Тимофеич, – поинтересовался Кирилл.

– Батавские слезки. Помните, я Вам показывал?

– Помню. Дойдем до катера – молодежи покажите и расскажите о них, что знаете. Для общего развития.

Готовый к отплытию катер спокойно покачивался на воде, а Олег и Мария, сидя в тени, о чем-то беседовали.

– Наконец-то, – сказала Мария. – Мы с Олегом уже волноваться начали. Думали, с Вами случилось что.

– Типун тебе на язык, – сказал я. – Пусть Лёня с Олегом погрузят канистры, а потом я кое-что покажу.

– Сначала водички дайте, – попросил Олег.

Лёня молча протянул ему канистру.

– На, пей.

Мария взяла из рук Кирилла вторую и, отвинтив крышку, начала жадно хлебать большими глотками.

– Вода – что надо, – сказал Олег, вытирая губы тыльной стороной ладони.

– Теперь покажите, Артем Тимофеич, молодежи Ваш опыт с этими, батавскими слезками, – попросил Кирилл.

Оба молодых человека с удивлением наблюдали, как сверхтвердые «слезки», выдерживающие тяжелые удары камня, с легкостью рассыпались в пыль при обламывании тонкого как волосинка хвостика, и сами проделывали этот опыт, пока не закончился запас набранных мной «слезок». Мария с удовольствием разъяснила им физические основы этого явления и высказала возможное происхождение «слезок» на этом пляже.

XVI

Мы вошли в узкий пролив и, обойдя открывшуюся перед нами скалу, неожиданно оказались в тихой просторной гавани, отгороженной от океана густо оплетенными плющом высокими утесами с пальмами на вершинах. Вдоль правого берега, впадающей в гавань, небольшой речки стояли крытые пальмовыми листьями новенькие мазанки, к которым примыкали аккуратные огородные участки. Оттуда, со стороны деревни, ветер доносил запахи человеческого жилья: дыма,

свежеиспеченного хлеба, вареного мяса, жареной рыбы и домашнего скота. Изредка слышались отдаленное мычание коров, блеяние овец и лай собак.

Двое молодых парней спустились к месту, где мы причалили, в сопровождении большого короткошерстного пса и помогли Лёне закрепить швартовочный канат. С трудом разминая заостреневшие суставы, мы с Марией оставили катер. Увидев меня, пес незлобно залаял. Олег раздраженно цыкнул на него, и он, виновато опустив голову, улегся в тени большого камня, откуда, положив голову на лапы, стал пристально наблюдать за мной.

Мария повела меня на широкую террасу в тень могучих деревьев, где было сооружено несколько беседок для отдыха и работы в условиях экваториального зноя. Кирилл остался с мужчинами, отдавая какие-то распоряжения.

– Пойдем, я заодно покажу тебе здешний туалет, – сказала она.

Туалет представлял собой дощатое сооружение, разделенное на две половины: женскую и мужскую. От текущего неподалеку ручья по канавке в туалет поступала вода, непрерывно смывающая нечистоты и уносящая их вниз, в естественный колодец, промытый водой за многие годы. Над канавкой было сооружено несколько чисто вымытых деревянных сидений, а под потолком – подвешены снопы ароматных трав, так что никаких неприятных запахов в туалете не было. Для мытья рук в углу на полке стоял бочонок с водой, в который

был вмонтирован бамбуковый краник с деревянной пробкой. Использованная вода отводилась от раковины по канавке в общий колодец.

Вымыв руки и освежив лицо, я вышел наружу к ожидавшей меня Марии.

– Скажи, Марийка, а на кой черт Кириллу понадобилось везти меня в эту деревню?

– Артем, я тебя уже много раз просила: не поминай нечистого. Это грех. Ведь этим ты всякий раз призываешь его! – перебила меня Мария. Последовала короткая пауза. – А в этой деревне владыка хочет показать тебе плоды благих дел, на которые исподобил нас Господь.

– Я и возле первого лагеря увидел, как организованно идет строительство, какие чудесные домики из местных материалов соорудили Ваши люди, и по достоинству оценил их мастерство и трудолюбие. А здесь еще и огороды, и скотные помещения, и где-то, наверное, выпас есть. И сети для рыбной ловли, я успел заметить, у берега разостланы. Об этом можно было и просто рассказать – я бы и на слово поверил.

– Пойми, владыка хочет самолично показать тебе здешние преобразования. Он очень гордится плодами труда нашей паствы. Скажу по секрету: дальше, за тем вон отрогом, мы строим храм. Каменный. Он будет непосредственно к скале примыкать. Там уже владыка служит службы божьи – сегодня как раз богослужебный день у нас. В хоре поют талантливые вокалисты – сам посмотришь и послушаешь. А вот и

владыка.

Мария встала и слегка поклонилась, и я рефлекторно сделал то же самое. Кирилл ответил таким же поклоном и жестом предложил нам сесть.

– Ну, как Вам, Артем Тимофеич, наша новая деревня? Успели окинуть взглядом?

– Восхищен Вашими успехами и надеюсь, что и дальше все будет не хуже, – ответил я.

– Вот и отлично. Сейчас пообедаем, потом отдохнем с дороги, и, если захотите, я покажу Вам недавно заложенный храм Христа Спасителя – первый храм в этом мире обетованном. Я уверен, для наших потомков он будет самым святым и почитаемым местом.

– Что ж, дай-то Бог, – равнодушно сказал я, срывая из любопытства с дерева коричневый стручок длиной сантиметров семьдесят.

– Тогда прохладитесь в душе, а потом немедленно к столу, дорогие мои! С Богом! Кстати, плод, который Вы сейчас сорвали, – великолепная пряность. Ей на Земле цены бы не сложили. Здесь вообще природа щедрая.

Мы с Марией пошли в душевую, устроенную в тени по дачному принципу. Освежающе прохладная вода самотеком по бамбуковому желобу подавалась в резервуар непосредственно из ручья, стекающего со скалы.

Мое тело еще хранило прохладу душа, когда мы вошли в трапезную, устроенную в просторной и светлой мазанке, где

был накрыт стол на четверых. Около него хлопотали Алла Ивановна и какая-то женщина, лет под тридцать. На столе красовалась бутылка дорогого коньяка, а рядом с нею стояло блюдо с вареной картошкой и тушеным мясом, миска с салатом из огурцов с помидорами и большая тарелка жареной рыбы.

– Здравствуйте, дорогие мои! Наконец-то, Артем Тимофеич, Вы осчастливили нас своим посещением! Благослови Вас, Господи! – прощebetала матушка и принялась наливать ароматную уху в бамбуковые посудыны.

Ее помощница принесла на тарелочке мелко насаеченную зелень и положила в уху каждому по пряно пахнущей щепоти. Мария распечатала коньяк и разлила по новеньким бамбуковым стопкам.

– Садитесь, где кому нравится, – пригласила Алла Ивановна. – Еда у нас простая, крестьянская, но приготовлена с молитвой и любовью. Владыка придет с минуты на минуту, как только отдаст распоряжения на завтра.

После обеда Кирилл, как обещал, повел меня к строящемуся храму, показал прочно сложенный фундамент и обещал ознакомить с рабочим проектом. С особой гордостью показал он также тщательно ухоженные огороды, в которых росли и зрели земные овощи. Потом мы осмотрели медпункт, детский сад, мастерскую и, как он назвал его, помещение для гостей. Я не мог не восхититься организационной работой этого незаурядного человека.

– Вы талантливый организатор, отец Кирилл. Такую работу за короткий срок проделали!

– Все в руках Господа, дорогой Артем Тимофеич. И все, что сделано для паствы, – подвиг его и только его. Пожалуй-ста, не нужно его заслуги приписывать ни мне, ни кому-либо другому. За все мы должны благодарить нашего Господа, и об этом никогда нельзя забывать.

Он посмотрел на меня и скромно улыбнулся.

– Тем не менее, спасибо за поддержку, Артем Тимофеич, – он сделал небольшую паузу. – Нам еще школу предстоит оборудовать и клуб. В срочном порядке. Школу, конечно же, в первую очередь. Край нужны также больница и роддом. Молодые люди жениться будут, потом рожать, учить и воспитывать детей. И в жилье острую потребность испытываем. Все нужно ускоренными темпами создавать, все процессы созидания форсировать. А они самые трудные, особенно вначале. Поэтому на первых порах без связи с Землей никак не обойтись, – пояснял Кирилл, когда мы с ним возвращались к месту ночлега, подготовленному для нас с Марией матушкой и все той же помощницей.

– Отец Кирилл, Вы же когда-то говорили, что собираетесь перейти на полную самостоятельность и отрешиться от земного общества. Жить планировали охотой и собирательством. А теперь говорите совсем иное, – съязвил я. – И если Вы и дальше будете внедрять сюда плоды земной цивилизации и поддерживать тенденцию ее развития, то рано или

поздно получите здесь такую же экологическую обстановку и такие же моральные проблемы, как сейчас на Земле.

– Условия диктует нам Господь, и мы будем им подчиняться, как бы трудно нам ни было, особенно на первых порах. Чтобы поскорее решить вопрос полной автономизации паствы, нам сейчас нужны инструменты, металл, стройматериалы, оружие, взрывчатка, электроэнергия и кое-какие машины и устройства. Наши энергетики предложили установить на реках гилянские гидроэлектростанции, и мы уже заказали несколько промышленных образцов мощностью по двадцать киловатт. А для разведки окрестностей приютившего нас острова мои специалисты сооружают два дельтаплана. Думаю, через месяц они смогут поднять их в воздух и посмотреть, есть ли тут поблизости еще острова и континенты. Потом мы постепенно научимся сами производить все необходимое для автономного существования.

Солнце приблизилось к горизонту, и мы с облегчением ощутили первое дыхание долгожданной прохлады. Скалы, песок и почва быстро остывали. Ласково повеял вечерний бриз. Кирилл замолчал, и я радовался этому молчанию. Мне было гораздо приятнее слушать крики лесных и береговых птиц, скрип и стрекот насекомых, чем разглагольствования Кирилла. Но через несколько минут он продолжил:

– Я это, Артем Тимофеич, вот к чему, – он сделал многозначительную паузу. – Для того, чтобы наша паства поскорее пустила здесь крепкие корни, мы остро нуждаемся в суще-

ственном увеличении поставок товаров с Земли, и нам очень неудобно загружать Вас, образованного человека, работой, по сути дела, привратника. Вам будет трудно открывать и закрывать шлюз так часто, как это нужно, чтобы пропускать туда-сюда наших людей и грузы. Вам когда-то и отдых необходим. А прерывать поток поставок никак нельзя. Понимаете, да?

– Ничего, меня это не отягощает, и я постараюсь справиться.

Я не понимал, к чему этот хитрец клонит. Словно прочтя мои мысли, он решил тут же расставить все точки над «i».

– Видите ли, дорогой Артем Тимофеич, я хочу, чтобы Вы сообщили мне код. Понятно?

– Какой код? – удивленно спросил я, совершенно сбитый с толку.

– Да не делайте только вид, будто не понимаете, о чем речь. Мне нужен код доступа к шлюзу, чтобы Вы могли спокойно вести свою привычную жизнь в то время, как миссию пропуска поселенцев и грузов возьмут на себя наши люди. Надеюсь, теперь все ясно?

Так вот оно что! Вот зачем ему понадобилась эта дипломатическая тягомотина и доставка меня в деревню, откуда до дома просто так не доберешься. Ему нужен полный контроль надо всем, что связано с этим злополучным шлюзом, и он решил использовать все средства давления на меня. Как хорошо, что ни он и никто другой не знает, что никакого кода

не существует. Достаточно отдать мысленную команду, касаясь столешницы пульта или стенки шлюза. Ну, нет! Только не это, голубь ты мой сизокрылый. Что ж, придется всячески поддерживать версию существования этого «кода». Интересно, откуда он ее взял? Не иначе как Мария придумала. Ну, спасибо ей за это, не то все могло бы быть намного хуже.

– До сих пор нынешнее положение устраивало всех, а теперь Вы зачем-то торопите события, – сказал я, стараясь казаться абсолютно спокойным. – Куда нам спешить? Для чего? Поспешишь – людей насмешишь.

Внезапно налетевший порыв ветра чуть не сорвал с Кирилла широкополую соломенную шляпу. Прижав ее рукой, он повернулся спиной к ветру и, оказавшись со мной лицом к лицу, преградил мне дорогу. Я видел, как он побагровел. Его щека со шрамом внезапно задергалась, и он рефлекторно прикрыл ее ладонью.

– А сейчас это нас не устраивает! Поясняю почему. Почти половина паствы еще не имеет собственного жилья, и люди нуждаются не только в нем, но еще и в элементарном комфорте, квалифицированной медпомощи и сносном досуге. Нужен круглосуточный режим работы шлюза, но обеспечить его Вы не сможете при всем желании. Нам же, как я объяснил, никак без него не обойтись. Так что сделайте, пожалуйста, богоугодное дело – сообщите код, и всем будет хорошо: и нам, и Вам.

В голосе священника прозвучали нотки раздражения. Но

я сделал вид, будто не замечаю этого. Наши взгляды встретились, и его глаза сверкнули сатанинским блеском, от которого у меня по спине пробежала волна холода, несмотря на теплый и душный вечер. Захотелось съежиться и забиться в какую-нибудь щелку, глубокую и тесную.

До места, отведенного мне под ночлег, мы шли молча и думали каждый о своем.

У порога нас встретили Алла Ивановна, ее помощница и Мария. Оживленно беседуя, женщины весело хохотали. Как школьницы. Увидев мрачное лицо Кирилла, они посерьезнели и замолчали. Я почувствовал, что они ожидают нового поворота событий.

– Где Олег и Леонид? – сурово спросил Кирилл.

– На берегу. Вместе с Алексеем мотор перебирают, – поспешно ответила матушка.

– Приведите-ка их сюда. Обоих. Пусть Алексей пока один поработает.

Посреди комнаты стоял выдавший виды стол, покрытый полотняной скатертью, и четыре грубо сработанных табуретки, а у стены – широкая двуспальная кровать, сплетенная из лозы. Низкий потолок подпирали две железные трубы. На окнах с полотняными занавесками висели толстые шторы, расшитые народным орнаментом. В углу стояла жесткая ширма, изготовленная из бамбука по китайской или японской технологии.

Кирилл сел за стол и кивком головы пригласил меня. Я

тоже сел. Кирилл уставился на меня сверлящим взглядом и, барабанив по столу пальцами, продолжил прерванный было разговор:

– Мне нужен код, Артем Тимофеич. Я долго ждал, что Вы сообщите мне его по собственной инициативе, но Вы почему-то этого не сделали. А пастве он, как я Вам только что разъяснил, крайне необходим.

Что же делать? Преимущество сейчас на его стороне, я полностью в его руках. И деваться мне некуда. Он непременно этим воспользуется. Надо как-то, любой ценой, вернуться в Елизарово и попросить защиты у властей.

– Хорошо, я подумаю.

Кирилл аж подскочил на табуретке.

– Что за чушь! Было время, думали. Хватит водить меня за нос. Выкладывайте код.

– Я не могу так сразу. Морально не готов. Дайте время.

– Времени нет. Вы и так слишком много его у меня отняли, бессовестно злоупотребляя моим терпением. Мне нужно сейчас. Итак – код!

– Позже. Утро вечера мудренее.

– Хватит морочить мне голову! Мое терпение не беспредельно!

– Больше ждали, меньше осталось. Подождете еще сутки-другие.

У Кирилла снова задергалась раненая щека. Прикрыв ее пальцами, он смотрел на меня глазами палача, убийцы.

– Сколько можно надо мной издеваться?! Ты скажешь мне код! Скажешь сегодня! Прекрати препираться! Ты – агнец по сравнению с теми волками, которым я развязывал языки! Я не остановлюсь ни перед чем! Понял?

Меня охватила дрожь. Я понимал, что он способен прибегнуть к физическому насилию и пыткам, а их я опасался больше всего. Мобилизовав остатки мужества, я, стараясь казаться спокойным, воззвал к его преданности Христу, которую он постоянно подчеркивал:

– Отец Кирилл, Вы же служитель и последователь человеколюбца Христа, а угрожаете мне расправой. Как же так?

– Не трогай светлого имени Спасителя! Я все делаю во имя его. И если за него должна пролиться кровь, то пусть она прольется! Код!!! – взревел он, как медведь.

Он вскочил с места и, схватив меня за грудки, встряхнул так, что у меня потемнело в глазах, и, швырнув обратно на табуретку, заорал не своим голосом:

– Либо ты скажешь мне код, либо я пришибу тебя, как паршивого котенка!

– Убьешь – так и останешься здесь навечно. Будешь огонь трением добывать, каменными топорами деревья рубить...

Во рту у меня пересохло. Я с трудом ворочал языком. Разумеется, меня он не убьет, потому что я ему нужен, но избить до полусмерти может вполне. Главное – выиграть время, чтобы попытаться что-то придумать, найти какое-то Соломоново решение.

– Не страшай, это не тот случай, друг любезный! – выпалил он.

В дверь тихонько постучали.

– Да! – крикнул Кирилл, утирая носовым платком пот со лба.

Вошли Лёня с Олегом и скромно остановились у двери.

– Звали, владыко? – робко спросил Лёня.

– Звал, – ответил Кирилл блаженным голосом. – Беда у нас, дети мои. Сатана завладел разумом Артема.

– Что?! – вскричал я, вскакивая с табуретки.

– Взять его! Обезоружить!

Парни ловко заломили мне руки. Как видно, им уже приходилось исполнять аналогичные приказы этого солдафона, ибо действовали они не сговариваясь и слаженно. Из-под куртки Кирилл выхватил пару наручников и протянул Олегу.

– Снять с него штормовку! Пристегнуть к трубе!

В мгновение ока моя выдавшая виды штормовка оказалась на полу, один «браслет» охватил мою левую руку, а другой – одну из труб, подпирающих потолок.

Тщательно, со знанием дела, Олег обшарил мои карманы и выложил на стол их скудное содержимое: носовой платок, зажигалку, перочинный нож, небольшой блокнот и авторучку. Леонид поднял с пола отнятые у меня нож и топорик и положил рядом. Олег бесцеремонно снял с меня часы и бросил на стол.

– Что Вы себе позволяете! – хрипло крикнул я, беспомощ-

но дергая прикованной рукой.

От унижения хотелось бесноваться, сквернословить и выть. Но я нашел в себе силы сдержаться и беспомощно опустился на дощатый пол. Кирилл, воздев руки к небу, патетически изрек:

– Да свершится воля Божья!

Он потрепал по плечу Лёню, затем Олега.

– Спасибо, дети мои, за помощь заблудшей душе. Теперь придвиньте это ложе к трубе и ведро для нужд принесите. Пусть несчастный раб Божий Артем, когда вселившийся в него бес уgomонится, полежит по-человечески в молитве об изгнании из сердца Сатаны нечестивого. А мы пойдем ко храму молить всемогущего Господа нашего о помощи несчастному. Олег, иди вперед, звони к молитве.

Парни придвинули к трубе кровать и вышли. Теперь я имел возможность хотя бы сесть по-человечески или лечь. Через пять минут вернулся Лёня с деревянным ведром, накрытым крышкой, и поставил около меня.

– Спасибо, Леонид. Иди, сын мой, на молитву Господню, а я сейчас.

Когда за Лёней закрылась дверь, лицо Кирилла снова исказила гримаса злобы, и он впился в меня черными как угли глазами. Наклонившись надо мной, словно кобра над жертвой, прошипел:

– Полежи-ка здесь до утра да поразмысли над собственной судьбой. Она вся в твоих руках. Ты меня понял?

Кирилл прожигал меня насквозь раскаленным взглядом, и его глаза сверкали безумным блеском.

Он вышел, и еще некоторое время был слышен звук его удаляющихся чеканных шагов, а я лежал и ломал голову над тем, как вырваться из лап этого негодяя и вернуться в далекое Елизарово, которое казалось теперь таким родным и дорогим моему сердцу. Однако ничего реального придумать не мог. Говорят, в подобных случаях решение со временем является само. Но сидеть у моря и ждать погоды было глупо. Эмоции требовали неотложных действий.

Издали донесся дребезжащий звон металла. Били железом по железу. Баммм! Баммм! Баммм! Это мне напомнило студенческую юность, третий курс. В колхозе на сельхозработах рядом с импровизированной кухней на дереве висел кусок старого рельса, и когда был готов обед, кухарка колотила по нему молотком, приглашая шумное студенческое племя к столу. Очевидно, Кирилл вместо колокола использовал кусок привезенного сюда рельса.

Полчаса спустя послышалось далекое хоровое пение. Пели красиво, голоса были подобраны со знанием дела. Надо всеми доминировало колоратурное сопрано – женщина вкладывала в молитву открытую душу и эмоции высшей чистоты и благородства. Слушая ее, я все больше проникался к Кириллу неприязнью, даже отвращением. Подумать только: сознательно обманывать такую возвышенную душу. Ведь они, судя по его намерению, молились за то, чтобы меня по-

кинуло сатанинское наваждение!

Потом пение стихло. Слышались оживленные голоса людей, расходящихся по домам. Минут через двадцать за дверью моей спальни или, скорее, тюрьмы послышался легкий шорох шагов. Я узнал походку Марии. Бесшумно открыв дверь, она вошла в комнату и тихо села ко мне на кровать. Взяв меня за руку, озабоченно спросила:

– Артемушка, что случилось? Владыка очень расстроен.

Ее голос проникал глубоко в мою травмированную душу, в мое раненое сердце. Хотелось ее обнять, припасть к ее груди и поделиться выпавшими на мою долю испытаниями и горестями. Тем не менее, я решительно высвободил руку.

– Твой владыка – лицемер и негодяй. Обнаглел до такой степени, что хочет вообще схватить меня за глотку. Но я сыт по горло его лицемерием и уступать не намерен, о чем сказал ему открыто, в глазки.

– Свят! Свят! Свят! Вот чем ты расстроил его! Бойся Бога, милый. Откажись от этих хулительных слов – владыка ведь святой. Не то тебя Бог накажет. А этого не хочет ни он, ни я, ни ты сам. И, поверь мне, пастырь наш плохого не желает никому, тем более тебе. Ты в его глазах – образец, пример для подражания. Ведь это тебе, а не кому-то другому Господь, вняв многократным молитвам владыки, ниспослал этот шлюз. Но не для личных твоих устремлений, а для всей нашей паствы ради спасения рода человеческого от греха и мерзости, в которых погрязло земное общество. Доверь-

ся владыке. Он очень добр и человеколюбив, уж поверь мне, дорогой.

– Добрый, говоришь? Смотри с кем сравнивать. Если с разъяренным волком, то пожалуй да.

За дверью послышался шорох и постучали.

– Да! Войдите, – крикнул я и не узнал своего голоса. Как видно, из-за перенесенного стресса он стал необычно сухим и сильным.

Вошел Лёня с ведром воды и стаканом из бамбука.

– Я – водички для Артема Тимофеича. Владыка велел.

Он поставил ведро у кровати, стакан – на стол и направился к выходу. У самой двери оглянулся и, видя, что Мария обращена к нему затылком, сцепил руки ладонь к ладони и потряс ими перед собой в знак поддержки. Это вызвало во мне бурю гнев, ведь я недавно вырвал его из объятий верной смерти, и теперь все забыто – сначала он вместе с Олегом пристегнул меня наручниками к трубе, а теперь призывает крепиться и покориться судьбе! Какой цинизм! Присутствие Марии не позволило мне обрушиться на него клокочущий у меня внутри поток самых грязных ругательств.

– Артем, милый... – начала было Мария, но я оборвал ее.

– Не называй меня милым! Это с твоей стороны надругательство над самым сокровенным, самым нежным моим чувством!

– Ну почему ты такой вспыльчивый? Давай спокойно поговорим, как раньше. Ведь мы с тобой находили общий язык.

Всегда. Найдем и сейчас.

– Мария, прекрати, прошу тебя! Не оскверняй хотя бы наше прошлое. Оно было святым. У нас так хорошо, так удачно складывались отношения, пока ты не предала меня. Ты все делала так, как мне нравилось: и улыбалась, и целовала, и даже руку клала на плечо. Все между нами было слаженно, вдвоем мы составляли нечто единое, нечто гармоничное. Мы без слов обменивались эмоциями и даже мыслями, сияли, как я называл это состояние близости. И вдруг ты предала меня...

Я опустил голову на грудь и замолчал. Меня душили слезы, и я не хотел показать свою слабость: разрыдаться перед нею.

– Я? Тебя предала? Артемушка, мне обидно. Ведь я всю себя подчинила тебе, жила это время исключительно для тебя, а ты...

– Ты за моей спиной посвятила в нашу тайну этого жестокого человека! Он теперь жаждет абсолютной власти и надо мной, и над тобой, и надо всем этим щедрым, гостеприимным миром. Думает, что уже сорвал самый крупный куш в истории. Ему теперь мало здесь жить со своей сектой, как он говорит, по заповедям, так он и связь с Землей хочет под контроль заполучить! Нет уж! Если я выберусь отсюда живым, здесь будут править бал ученые и наши власти.

– Артем, успокойся, прошу тебя. Пойми, владыка заботится не о себе, а о всей пастве. О детях и стариках. Хочет,

чтобы здесь как можно скорее заработали школа, больница и все остальное. Ты не сможешь обеспечить пропуск нужного количества людей и грузов. Скажи уж ему код, и он оставит тебя в покое – ведь ты у него самый почитаемый человек.

– Нет, не оставит. Как только он получит контроль над шлюзом, он тут же убьет меня.

На ее лице отобразился явный испуг, и она отпрянула.

– Господи милосердный! Что ты такое говоришь, Артем?! Страхись Господа. Это владыка-то тебя убьет? Подумай, зачем ему это?

– А чтобы я не привел сюда представителей властей и ученых, чтобы остаться монополистом на шлюз и все, что с ним связано! Теперь до тебя дошло, наконец?

– Никогда! Слышишь, никогда владыка не сделает ничего подобного! Он святой человек и живет по заповедям. А там сказано «не убей».

– Для такой личности это не аргумент. Он найдет оправдание любому преступлению. За время войны в Афганистане его психика была многократно травмирована и претерпела необратимые изменения. Ему нельзя доверять.

Мария кинулась ко мне на шею, и ее тело затряслось от рыданий. Я млел от близости ее тела и нежно гладил ее роскошные волосы. Ощувив под рукой металлическую шпильку, я вдруг онемел от неожиданно вспыхнувшей в моем мозгу идеи. Меня словно электрическим током ударило. Ага! Да этой шпилькой можно попытаться открыть замок наручни-

ков! Я читал об этом в книгах, видел такое в фильмах, но сам не пробовал. Да я и наручников-то вблизи не видел, только в кино. Смогу ли, нет ли, но попробовать нужно. Надо использовать все шансы. Тихо, чтобы Мария ничего не почувствовала, я вытащил длинную шпильку и зажал в кулак.

– Марийка, помоги мне сбежать отсюда... Пожалуйста, моя родная.

Мария отстранилась.

– Артемушка, милый... – она было осеклась, но видя, что я не обратил на это слово внимания, продолжила. – Я не смогу тебе помочь в этом при всем желании. Утром придет владыка, и я, будучи между Вами посредницей, постараюсь найти какой-то компромисс. Обещаю.

Она встала и пошла к выходу. У двери ее прическа распалась, и темные тяжелые волосы беззвучно упали ей на плечи. Она остановилась, посмотрела на меня, и на ее лице полыхнула нежная, такая женственная прощальная улыбка. Казалось, от нее даже в комнате посветлело. Постояв несколько секунд, Мария вышла, и мне было неопределимо приятно слышать мягкий звук ее удаляющихся шагов.

Вошел Олег и, внимательно осмотрев мою спальню, уменьшил огонь керосиновой лампы до минимума. Щупая в кармане Мариину шпильку, я со страхом думал: «Только бы этот тип не вздумал меня обыскивать! Поскорее бы ушел!» Окинув меня напоследок волчьим взглядом, он наконец удался.

За дверью послышались приглушенные голоса. Говорили Олег и Леонид, но о чем, разобрать было невозможно. Потом все стихло. Слышны были только редкие крики ночных птиц да забористые трели еще не уснувших насекомых.

XVII

Чтобы внезапно вошедший в комнату не мог видеть, чем я занимаюсь, я уселся на кровать спиной ко входу и, достав шпильку, попытался открыть замок наручника. Но тщетно. Кончик беспомощно царапал по твердому металлу. Только один раз мне удалось задеть какой-то механизм, что также не дало желаемого результата. Я чувствовал, что устал и не способен довести дело до конца. Нужно хоть немного поспать, а потом продолжить попытки освободиться от проклятого браслета. Повалившись на кровать, я тут же уснул, несмотря на тревожное состояние.

Проснулся я оттого, что кто-то мне зажал рот. Открыв глаза, я увидел перед собой в полумраке лицо Леонида. Зажимая мне рот, он одновременно приставил к губам указательный палец.

– Артем Тимофеич... тихо... Тихо, пожалуйста. Я пришел помочь Вам, – произнес он еле слышным шепотом.

Он убрал руку с моего рта, чтобы я мог говорить.

– Чем? Чем ты можешь мне помочь? – спросил я, не веря в собственную удачу.

– Тихо, пожалуйста. Шепотком говорите. Я помогу Вам уйти отсюда.

– Каким образом? Куда? – спросил я, безнадежно махнув рукой.

– Минутку. Сейчас я попытаюсь расстегнуть Ваш браслет.

Он достал из кармана женскую приколку для волос, сунул ее кончик в отверстие для ключа, сделал несколько движений и надавил на что-то внутри. Неожиданно приколка, треснув, разломилась надвое.

– Твою мать! – выругался он, ища в постели обломки. – Но ничего, этим обломком тоже можно попытаться открыть.

Однако обломок был слишком короток, и у Лёни ничего не получалось. Он с остервенением ковырял в замке, но безуспешно.

– Нет, зараза, короткий. Что бы такое придумать? – нервно сказал он, отчаянно пытаясь найти выход из создавшегося положения. – Посмотрим на столе, быть может, там ненароком что-нибудь такое завалялось.

– Лёня, а вот это не подойдет?

Я протянул ему Мариину шпильку. Он тут же схватил ее и, рассмотрев в тусклом свете керосиновой лампы, прошептал:

– Артем Тимофеич, да это же то, что доктор прописал!

– Я уже пробовал ею открыть – ничего не получилось.

– А у меня сейчас получится. Я же механик и знаю, как этот замок устроен. Вот, смотрите.

Леонид сдавил кончик шпильки зубами и чуточку изогнул, потом еще немного.

– Пожалуй, годится.

Сунув импровизированный крючок в отверстие, он ковырнул им раз, другой, потом еще и еще. Я уж было подумал, что у него, как недавно у меня, тоже ничего не получится, но в это время замок щелкнул, и дужка наручника мягко отошла. Освободив затекшую руку, я покрутил кистью, чтобы немного размять.

– Так. Полдела сделано, – удовлетворенно сказал Леонид. – Пускай эта шпилька валяется здесь, чтобы владыка подумал, будто Вы самостоятельно освободились. Правда, он дотошный, настойчивый и беспощадный. Страшный человек.

Я кивнул в знак согласия и уже раскрыл рот, чтобы спросить, почему он служит такому негодяю. Но Лёня перебил меня.

– Артем Тимофеич, у нас очень мало времени. Пожалуйста, возьмите свои вещи со стола. И шляпу мою широкополую, думаю, она Вам лишней не будет. Теперь выслушайте меня, не перебивая. Дальше будете действовать самостоятельно.

– Я готов, Лёничка, – сказал я, пристегнув к поясу топорик и нож.

– Часы и зажигалку не забудьте. Возьмите и мою в придачу – огонь всегда может понадобиться. Теперь слушайте мое напутствие.

Сосредоточенно глядя ему в глаза, я старался быть пре-

дельно внимательным, чтобы не упустить ни единого слова.

– Так вот, помните тропинку, по которой Вы с Марией поднялись сюда, когда сошли с катера по прибытии?

– Помню, что вела она прямо к порогу...

– Вот-вот, – скороговоркой затараторил Леня. – Сойдете по ней к воде. Справа в зарослях привязана небольшая лодчонка. Надувная. С мотором. Правда, в баке маловато горючего. Я незаметно пронес, сколько смог. В пивной баклаге. В носовой части найдете немного еды и бутылку с пресной водой. Если все пойдет по плану, Вам этого хватит, чтобы добраться до шлюза. Швартовочный линь просто дернете за конец, и узел развяжется. Как можно тише, на веслах, выйдете в открытый океан и возьмете курс направо, на восток. Мотор запустите, когда пройдете второй отрог. Оттуда его в деревне не услышат. Океан не очень спокоен – дует северный ветер, будет гнать Вас к берегу. Держитесь от него на расстоянии метров сто или двести. Рифов и шхер на этом участке нет. Горючего Вам до шлюза не хватит, но постарайтесь дотянуть до восточной оконечности острова. Дальше, когда повернете к западу, океанское течение бесплатно донесет Вас до подъема к шлюзу. Берег Вы в том месте знаете.

– А если погоня?

– До утра вряд ли обнаружат Ваше исчезновение, а лодки хватятся еще позже. За это время Вы должны успеть добраться до шлюза. А погоню могут выслать только по морю – Вам вслед. Через остров не пройдут. Прислушивайтесь – услы-

шите за кормой мотор, постарайтесь где-нибудь укрыться в скалах или зарослях. Таких мест на южном берегу предостаточно. Вы все поняли? Вопросы имеются?

– Конечно. Почему ты не уйдешь со мной? Вдвоем это легче. Зачем тебе этот мерзавец Кирилл?

– А жена? А дочь? Он же тогда угробит их!

Снаружи донесся собачий лай.

– Тсс... – Леонид приложил палец к губам. – Я выйду – посмотрю, что там побеспокоило пса. Если что, притворитесь, будто Вы спите. Только бы не Олег вернулся...

Он вышел, а я улегся на кровать, прикрылся курткой и, прищурив глаза, напряженно наблюдал за дверью. Обойдя ближайшие окрестности, Леонид вскоре вернулся.

– Там все спокойно. Очевидно, пес услышал какого-то зверя в кустах. Поднимайтесь, пойдем тихонько.

Леонид говорил спокойно, но в его голосе и в каждом жесте чувствовалось огромное напряжение. Мое сердце колотилось так, словно готово было выпрыгнуть наружу. Мы вышли из помещения, и я в нерешительности остановился.

– А собака эта не нападет?

– Нет. Успокойтесь. Она надежно привязана.

Я не мог удержаться, чтобы не спросить:

– Почему ты так Олега испугался?

– Потому что он тоже страшный человек. У владыки от закона скрывается, тяжкое преступление совершил.

– А ты как в их компании оказался?

– На бизнесе прогорел, без жилья остался. Владыка приютил меня с семьей, работу и хату дал. Этим и купил.

– А как с ним Мария связалась? – полюбопытствовал я напоследок.

– Вы что, сами не знаете? Она в депрессию впала – муж оставил. Стала брошенкой, отчаялась. Владыка помог ей почувствовать себя кому-то нужной, работу дал, – он замолчал и вернулся к делу первостепенной важности. – Все, Артем Тимофеич. Времени больше нет. Идите осторожно, ступайте как можно тише. С Богом!

– Ну, спасибо, Лёничка. Удачи тебе и благополучия.

– Вы вернетесь, Артем Тимофеич? – спросил он дрожащим голосом.

– Непременно. С представителями властей, учеными и милицией. Пока, дорогой мой спаситель. До встречи!

Леонид удержал меня за плечо.

– Погодите минутку. Пожалуйста, огрейте меня на прощанье вот этой дубинкой по голове, да посильнее, не бойтесь.

– Зачем? – искренне удивился я.

– Чтоб отвести от меня подозрение.

Он сунул мне в руки увесистую палку и повернулся затылком.

– Ну, смелее! Да со всей силы!

– Убью ведь...

– Нет, я выдержу. Давайте, на счет три. Раз! Два! Три!

Я ударил его дубинкой наотмашь, и Лёня со стоном пова-

лился на землю. На лице я ощутил капли какой-то жидкости и, вытерев их рукой, при свете звезд увидел, что это Лёнина кровь.

– Отлично... – прошептал он, зажимая рану пальцами. – Теперь идите... прошу вас... скорее...

Спускаясь по тропинке, я слышал позади себя лай собаки, но когда я оказался у берега, он стих. Как и говорил Лёня, справа росло кудрявое дерево, наклонившееся к самой воде. Среди опущенных в нее ветвей к стволу была привязана одностная надувная лодочка с довольно-таки мощным мотором на корме. Усевшись на банку, я дернул за конец швартова и, подобрав его, оттолкнулся веслом от берега.

В гавани царила полная тишина. Слышался только ласковый плеск волн да шум ночного бриза в листве прибрежной растительности. Казалось, стук моего сердца слышен не только на берегу, но и наверху, в деревне. Был отлив, и течение само выносило меня в океан. Я только иногда работал веслами, чтобы не наскочить на прибрежные камни.

Из-за утеса донесся мерный шум прибоя, и я понял, что доплыл до океана. Пройдя мимо черного утеса, оказался в открытом океане. Ночь была безлунной, но небо было сплошь усеяно звездами, яркими и крупными, словно кто-то щедрой рукой разбросал по нему тлеющие угли и серебряные монеты. При свете звезд я отчетливо видел очертания берега и торчащие из воды одинокие громады скал. Днем все это выглядело совершенно иначе.

Я налег на весла, чтобы поскорее уйти от деревни и запустить мотор. Дул свежий ветер, прижимавший меня к берегу, и я все время вынужден был ему противодействовать, загребая правым веслом. Вокруг беспорядочно ходили гривастые волны, швыряя мое суденышко, как игрушку. Несколько раз мне казалось, что лодка опрокинется, но она упрямо держалась на плаву.

Казалось, что прошло не меньше часа, как я вышел в океан. Но двигался я очень медленно – только-только миновал первый отрог. До второго еще грести да грести, а я уже изнемогал от усталости. Как видно, сказывался возраст. Подмывало запустить мотор, чтобы отдохнуть, наконец. Но страх быть обнаруженным переборол усталость, и я с удвоенной силой налег на весла.

Казалось, мне никогда не дойти до второго отрога. Я греб и греб, а он словно удалялся, испытывая мою выносливость. Наконец он оказался у меня на траверзе. Пройдя для верности еще метров пятьдесят, я оставил весла и дернул ручку стартера. Мотор завелся с полуоборота, и я, возблагодарив про себя Бога и Леонида, смог, наконец, расслабиться. Все было бы отлично, если бы не волны и не встречное течение. Интересно, как далеко еще до восточной оконечности острова? Далековато. Но я был преисполнен оптимизма и верил в собственную удачу. Я оглянулся назад. На берегу не было никаких признаков беспокойства, а значит, погони тоже.

Держась в сотне метров от берега, я уверенно шел курсом

на восток. Только бы добраться до шлюза раньше, чем вышлют за мной преследователей! Казалось, спасение совсем близко, и преследователи никогда не появятся за моей спиной. Только бы горячего хватило до выхода на попутное течение. Но до восточного мыса, насколько я помнил из опыта нашей с Марией экспедиции, было еще далеко.

Вообразая себя уже рядом со шлюзом, я представлял, как будет неистовствовать Кирилл, узнав о моем возвращении в Елизарово. Думал о том, как наши власти положат конец его царствованию на острове, и ученые активно займутся изучением зашлюзового мира и самого шлюза. Внезапно, в самый разгар моих фантастических размышлений, мой мотор чихнул раз, другой, потом еще, еще и окончательно заглох. Я постучал по баку для горячего, и он отозвался пустым коробочным звуком. Все! Конец моим планам и надеждам. Теперь я могу перемещаться только на веслах.

Мои силы были на исходе, и двигаться к спасительному шлюзу я мог только черепашьими темпами. Меня непременно вскоре настигнут, нужно подумать об убежище хотя бы на светлое время суток. Пройдя на веслах не больше часа, до меня, наконец, дошло, что нужно срочно избавиться от мотора. Зачем же надрываться, тянуть бесполезные теперь килограммы металла?

Подойдя ближе к берегу, где встречное течение было послабее, я принялся отвинчивать мотор. Мешало волнение, но мне все же кое-как удалось ослабить крепление и сбро-

свить мотор с транца. Да, жаль было собственными руками топить такой чудесный мотор, притом полностью исправный и отлаженный, как часики. Но сейчас на первом плане было спасение собственной жизни.

Грести стало легче, однако суденышко мое стало менее устойчивым на волнах и в любую минуту грозило перевернуться. Я греб, напрягая последние силы, но их оставалось так мало, что движение вперед было едва заметным. Однако другого выхода не было.

Окончательно обессилев, я решил немного отдохнуть. Чтобы лодку не относило течением назад, подошел вплотную к берегу и стал искать в темноте место для причаливания. Взошли луны, ярко осветив океанский простор и берег, что существенно облегчило поиски.

Обойдя покрытую лесом скалу, я увидел за нею зеркальную гладь залива, блестящую в лунном свете, и без колебаний вошел в него. Волнения здесь не было, и можно было спокойно подыскать место для причаливания. Но причалить не удалось – все подходы к берегу были густо заросшими высокой водяной травой и манграми, населенными миллиардами насекомых. Потревоженные моим вторжением, они сплошь облепили меня, стали лезть под одежду, в глаза, нос и уши. Пришлось отойти на середину залива и завязать рот и нос просоленной потом рубахой. Только глаза оставались незащищенными, но все равно дышать и передвигаться стало легче.

Я вспомнил этот залив. Мы с Марией во время нашей экспедиции вокруг острова приняли было его за устье впадающей в океан реки, но потом решили, что это всего лишь укромная бухта.

Остатки сил покидали меня. Нужно было срочно отдохнуть – вздремнуть хоть на часок. Выйти для этого на сушу было нереально, тем более в темноте – луны еще поднялись недостаточно высоко над горизонтом. Можно было бы прилечь на дно лодки, но у меня не было якоря, чтобы воспрепятствовать течению, которое могло вынести меня в океан. Впрочем, течение здесь не ощущалось, и можно было спать без опасения проснуться в открытом океане. Я решил поглубже войти в залив и рискнуть прилечь, ибо глаза мои слипались, и я готов был уснуть где угодно, хоть в самой воде.

Пройдя по излучинам до тупика, я, наконец, лег на дно лодки, остававшейся в свободном дрейфе. Простирающийся надо мной звездный купол завораживал мой взгляд, и мерное покачивание лодки убаюкало меня так быстро, что я уснул, даже не заметив как.

Проснулся с рассветом – солнце едва взошло, но светило ослепительно ярко. Над водой стелился белесый утренний туман. Он быстро оседал на берег в виде росы, и висящая в воздухе дымка таяла на глазах, становясь все более прозрачной и постепенно растворяясь в прохладном воздухе. Я продрог от ночного холода и сидя принялся разминать мышцы рук и шеи.

Заметив, что за остаток ночи мою лодку отнесло до самого выхода в открытый океан, я сделал вывод, что несмотря на кажущееся спокойствие, здесь все же существует некоторое течение. Это еще не было гарантией того, что где-то в залив впадает река. Вполне возможно, меня снесло начинающимся отливом.

Требовалось продумать план действий в сложившейся ситуации. Однако мешало остро нарастающее чувство голода и внезапно пробудившаяся жажда. Леонид на прощанье сказал, что в носовой части лодки оставил для меня немного еды и пресной воды. Действительно, там лежали двухлитровая пластиковая бутылка с водой и завернутые в камуфляжную бандану лепешка, несколько вареных яиц, помидор и два крупных огурца.

Позавтракав парой яиц, куском лепешки и огурцом, я завернул остатки продовольствия в ту же бандану и положил на прежнее место. С наслаждением выпил почти половину содержимого бутылки. Хотелось пить еще, но пресную воду следовало экономить. Кто знает, когда я смогу пополнить ее запас?

Утолив голод и жажду, я стал осматривать ближайшие окрестности. Водоплавающие птицы с аппетитом поедали выброшенную мной яичную скорлупу и, гогоча, плавали вокруг лодки в ожидании дополнительной порции. К сожалению, предложить им было больше нечего.

Сориентировав лодку кормой к океану, я, сидя на кор-

мовой банке, с любопытством озирался по сторонам. Слева громоздились покрытые лесом горы, справа возвышались небольшие сопки с пологими склонами, тоже сплошь покрытые густой растительностью. Впереди по левую сторону виднелся высокий пик со снежной вершиной. Его правый склон постепенно переходил в седловину и затем – в более низкий пик. По седловине вниз стекал огромный водопад, и его нижняя часть тонула в яркой зелени леса. Однако присмотревшись к тому, что я принял было за водопад, стало понятно, что это стекающий в долину молочный утренний туман.

Я четко помнил, что шлюз находится на южном берегу острова. По всей вероятности, это где-то за седловиной. Но как выбраться на берег и перевалить через эту самую седловину? Если на нее взобраться, то оттуда должен быть виден и сам шлюз. Однако повсюду зеленел лес, буйный экваториальный лес, а пройти через него – задача почти безнадежная. Но с юности я усвоил аксиому: «Безнадежных ситуаций не бывает», и такая позиция не раз выручала меня. Следует использовать каждый шанс, даже самый малый, а шанс есть всегда.

Поскольку берег залива не имел открытого места для высадки, нужно было как-то продраться сквозь заросли и любой ценой выбраться на сушу. Только бы найти место, где они наиболее редки. Взявшись за весла, я двинулся вдоль мангров. Идя все дальше по излучине, пытался высмотреть хоть какой-то просвет. Так я доплыл до места, где берега

настолько сближались, что моя лодка едва протискивалась между ними.

Я уже хотел было повернуть обратно, когда вдруг обнаружил, что впереди в воде нет ни кустарника, ни деревьев. Только густой и высокий тростник преграждал мне путь. В этом месте вода была особенно прозрачной, и было видно каменистое дно, над которым сновали мелкие рыбешки. Оставив весла, я наклонился к воде, зачерпнул ее пригоршней и осторожно попробовал. К моему удивлению она оказалась пресной, холодной и приятной на вкус. Это вселило в меня надежду, поскольку означало, что здесь в залив впадает какая-то речка или ручей.

Я решительно двинулся напролом через тростник. При погружении примерно на метр весла доставали дна, и я все больше углублялся в тростниковые дебри, отталкиваясь от него. Из тростника поднялись тучи насекомых и яростно набросились на меня, мешая нормально смотреть и дышать. Отплевываясь и отмахиваясь от этих докучливых обитателей тростниковых джунглей, я упрямо продвигался вперед.

В конце концов тростник существенно поредел, и сквозь него стали просматриваться очертания покрытых зеленою скал и равнины, устланной крупной галькой. После нескольких энергичных толчков я, наконец, выбрался на открытое место, и моя лодчонка мягко села на галечную мель. Это было устье мелкой речки. Вода в ней редко где покрывала округлые камни размером с футбольный мяч, хотя имелись

углубления, в которые можно было даже окунуться.

Галечное русло речки простиралось вдоль долины по дну ущелья, склоны которого покрывала пышная лесная растительность. Видимо, во время дождей уровень воды в реке повышался на два-три метра, о чем свидетельствовали горизонтальные полосы ила, отложенного на прибрежных утесах и скалах. Несмотря на небольшую глубину, в реке там и сям плескались рыбки величиной с ладонь. Порой они перемещались почти по суше, и я удивлялся, как ловко они ползали по журчащим протокам, где уровень воды не превышал нескольких сантиметров.

Вдали ущелье постепенно поворачивало вправо, а впереди возвышалась почти отвесная стена. Если бы я имел возможность по ней вскарабкаться, то оказался бы на самой седловине. Но это было исключено. Оставался единственный путь: добираться до нее по левому склону ущелья, что я и вознамерился сделать.

Вытащив лодчонку на сушу, я выгрузил из нее свои скудные пожитки. Жаль было просто так бросать суденышко, сослужившее мне столь неоценимую службу, и я решил спрятать его в ближайших зарослях. Кто знает, быть может, я не смогу продраться отсюда сквозь лес до седловины. Придется тогда вновь прибегнуть к его услугам: добираться до шлюза по морю. Затащив лодку в густой тростник, я надежно привязал ее к стволу ближайшего деревца. Воздух из баллонов выпускать не стал, решив, что так будет надежнее.

Простившись с лодкой, я вылил остатки пресной воды, чтобы освободить емкость для свежей. На всякий случай опустил между камнями бандану и набрал в баклажку отфильтрованной через нее воды. Между прочим, вода в речке и так была прозрачна, как слеза.

Завинчивая крышку, краем глаза я заметил, что в воде между камнями ярко блеснул какой-то металлический предмет. Не раздумывая, сунул в воду руку и достал кусок светло-желтого металла величиной с небольшую сливу, ярко сверкающий на солнце. «Золото! – с волнением подумал я. – Но кто знает, быть может, это халькопирит, так называемая золотая обманка, или еще что-нибудь?» Попробовал на зуб – металл довольно мягкий. Тяжелый. Очень похоже на золотой самородок. Но я не геолог и не ювелир, а гадать не хотелось. Решил положить в карман – если вернусь в Елизарово, покажу специалистам. Перевернув лежащий в воде ближайший обломок кварца, увидел под ним еще два самородка размером с вишню каждый. Вот это да! Прихватил и их. Поискал еще и снова нашел. Одни самородки по форме напоминали миниатюрные виноградные грозди, другие – капли, третьи – древовидные сращения, четвертые – неправильные многогранники. Меня разбирал азарт золотодобытчика, но я решил на этом остановиться. Если смогу вернуться домой, то позже приду сюда за золотом при полном снаряжении. А если нет, то зачем мне это золото вообще?

Тем временем солнце успело подняться настолько, что

осветило долину и стало припекать голову. Пришлось повязать бандану и поверх нее натянуть Лёнину шляпу. Потом я направился в тень растущих у берега деревьев, чтобы защититься от разгорающегося светила.

Напившись всласть свежей холодной воды, я снова ощутил голод. Съев остатки продовольствия, вспомнил о том, что теперь мне придется самому добывать себе пищу. Хорошо, если дойду до седловины за день, тогда можно и потерпеть. А если нет? Придется охотиться, пробовать неизвестные плоды и корни. Я плохо себе представлял, как буду это делать, но придумать иного выхода не мог. Я поднялся и, прихватив свои немногочисленные вещи, двинулся вдоль речки по направлению к седловине.

Идя по каменистому берегу реки, я тщетно пытался найти соева среди зарослей звериный спуск к водопою. Ощувив неопишущую усталость, сделал привал. Выпив солидную порцию воды, подумал о еде, но тут же прогнал эту мысль, хотя понимал, что она будет вновь и вновь возвращаться и каждый раз допекать все сильнее и сильнее. И как ни крути, как ни верти, но эту проблему так или иначе придется решать в ближайшие часы, чтобы не умереть голодной смертью в этом неведомом краю в одиночку, как животное.

Впереди, в паре сотен метров от места моего привала, возвышалась отвесная гранитная стена, с самого верха которой срывалось несколько водопадов, узких и пенных. Но ее основания достигал только один. Остальные распылялись в воз-

духе на высоте нескольких десятков метров.

Захотелось спать, причем настолько, что я прилег на траву и уснул как убитый под пологом леса, щедро давшего мне тень и прохладу.

Разбудили меня докучливые мухи. Они носились вокруг с отвратительным жужжанием и, садясь на лицо, шею и руки, больно кусали, оставляя на месте укусов горящие огнем и нестерпимо зудящие волдыри. Солнце стояло в зените и раскаляло камни, иссушало и без того пересохшую траву, а в лужах и маленьких заводях нагревало воду чуть не до кипения. Дьявольски хотелось пить и есть. Но если вода у меня была в избытке, то еды не было никакой.

Плодовых деревьев я поблизости не нашел. Можно было только попытаться подбить какую-нибудь из птиц, хлопоставшихся в воде в поисках пищи, или поймать несколько рыбешек. Рыбалка представлялась мне наиболее перспективным делом, и я направился к реке, текущей в виде множества говорливых протоков, прячущихся среди округлых камней и крупной гальки. По ним, трепеща, по-прежнему шныряли рыбки, которые представлялись легкой добычей. Взяв обточенный водой камень, величиной с апельсин, я высматривал рыбешку покрупнее. Облюбовав одну из таковых, метнул в нее камень, но рыба оказалась настолько проворной, что без труда отскочила в сторону и скрылась среди камней. То же вышло и с другой, потом с третьей. Я понял, что добыть одну из них будет непросто. В конце концов мне уда-

лось пришибить наименее проворную, и я, сунув ее в карман штормовки, с азартом продолжил охоту. Но тщетно. Эти рыбешки оказались не только ловчее, чем я думал, но и разумнее. Сразу после начала охоты они почти все попрятались и стали появляться на поверхности на таком расстоянии, на которое я не мог прицельно метнуть камень.

К тому времени я проголодался настолько, что добытой рыбешки мне на обед было явно недостаточно. Казалось более рациональным переключиться на птиц. Вырезав длинную палку, я заострил ее конец и с этим импровизированным копьём стал подкрадываться к птицам. Но те не хотели подпускать меня на расстояние прицельного броска, так что волей-неволей пришлось идти на хитрость.

Делая копьё, я заметил, что вырезанная ветка имеет прочную волокнистую кору. Надрав с таких же веток длинных ленточек коры, я наделал из них петель и, привязав к старой коряге, бросил в траву около маленькой заводи, в которой только что плескались водоплавающие птицы величиной с гуся. Однако птицы тут же перешли в другое место и никак не хотели возвращаться на прежнее. Решив прибегнуть к хитрости, я принялся чистить и потрошить недавно добытую рыбу. Выпотрошив скудный охотничий трофей, демонстративно швырнул внутренности, хвост и голову в траву, где были разложены петли. Привлеченные запахом рыбьих внутренностей, птицы слетелись на угощение как по команде и, подбирая приманку, устроили шумную драку. Некоторые

подцепляли лапками петли, но тут же их успешно стряхивали. Вскоре приманка была съедена, а я по-прежнему оставался без добычи. Пришлось отрезать от несчастной рыбки еще кусок и, разделив его на несколько частей, снова разбросать среди многочисленных петель. Картина повторилась. Нужно было жертвовать остальной частью добычи. Я понимал, что рискую остаться и без рыбы, и без птицы и лечь спать на голодный желудок. Секунду-другую поразмыслив, я все же решил, что риск – благородное дело. С болью в сердце мелко посек ножом все, что оставалось от рыбы, и бросил в то же место. Птицы моментально слетелись на очередную трапезу и принялись хватать из травы мой последний запас продовольствия.

Вдруг одна из них затрепыхалась и, отчаянно взмахнув крыльями, с тревожным гоготанием упала набок и начала биться о камни. Остальные, отскочив в сторону, продолжали доедать лакомство.

– Есть! Попалась птичка! – выкрикнул я и, сдернув с себя штормовку, накрыл ею бедную птицу.

Она оказалась очень сильной и ожесточенно боролась за жизнь, отбиваясь лапами и мощным клювом. Нашупав под штормовкой и прижав к земле птичью голову, я сунул под нее руку и крепко схватил птицу за шею. Откинув штормовку, выхватил нож и отсекал птице голову. Когда она перестала биться, я перерезал петли, опутавшие ее лапы, и, не веря в такую удачу, отнес в тень, чтобы поскорее разделать и при-

ГОТОВИТЬ.

Вырыв топориком достаточно глубокую ямку, я уложил в нее хворост и поджег. Какое счастье, что со мной была зажигалка, даже две, включая Лёнину! В любую минуту можно было развести огонь, чтобы согреться и приготовить пищу. Но сначала требовалось осмалить добытую птицу.

Я без сожаления отрезал ей крылья, красные перепончатые лапы и вместе с уже отсеченной головой отнес к воде.

– Прости, приятель, я не хотел тебя убивать, но мне надо выжить и спасти других. А когда встает вопрос о выживании, тут уж не до гуманности...

Нанизав тушку на палку, я попытался осмалить ее на весу, но это было тяжело. Пришлось в качестве опор вырезать ветки с развилками и, воткнув их в землю по обе стороны костра, положить на них палку с тушкой. Получилось нечто вроде вертела. Перья вспыхнули, словно порох, и вскоре тушка стала совершенно голой и приятно пахла смалетиной. Выпотрошив ее, я бросил внутренности в воду, потом разрубил вдоль на две части и одну из них оставил на завтра. Все равно ведь я не мог съесть за один раз столько мяса.

Чтобы мясо как следует пропеклось, его следовало закопать в тлеющие угли, предварительно завернув в какие-нибудь листья. Я много раз видел по телевидению, как представители племен Африки и Полинезии используют для этого банановые листья. Но бананов здесь не было, пришлось искать им замену. Наконец, я обратил внимание на пальму,

листья которой были не перистыми, а сплошными, при этом гладкими и жесткими. Нарезав этих листьев, я ополоснул их водой, обернул ими половинку тушки и для прочности обвязал сверху лентами коры, которые недавно использовал как силос. Вторую часть упаковал точно так же и завернул в Лёнину бандану, предварительно намочив ее в речке.

Когда дрова в костре прогорели, я разгрел палкой угли и зарыл в них мясо. Ждать пришлось не меньше двух часов, пока оно не пропечется. Наконец, изнемогая от голода, я выкатил из горки дотлевавших углей долгожданное мясо и, дав ему немного остыть, положил на ствол упавшего дерева и, развернув обгорелые листья, попробовал. Мясо показалось нежным, сочным и вкусным. Лучше, чем в любом ресторане. Правда, заметно отдавало рыбой, как от земной водоплавающей птицы, добытой на охоте. Не хватало соли. Но имея я ее при себе, мне было бы слишком хорошо, а слишком хорошо – это, как показывает опыт, тоже плохо.

Утолив голод и выпив не меньше литра воды, я почувствовал себя на седьмом небе. Только теперь до меня дошло, что даже в этом щедром мире еда просто так не раздается. Здесь ее тоже нужно заработать, причем нелегким трудом. Охваченный порывом благодушия, я даже забыл о том, что совсем рядом мне грозит смертельная опасность. Так можно было бы жить до конца дней своих, но моей целью было добраться до шлюза. За мной наверняка давно уже выслали погоню, и приспешники Кирилла рыщут по всему берегу ост-

рова. Впрочем, зачем по всему берегу? Кирилл, как человек военный, прекрасно понимает, что если я выживу, то непременно приду к шлюзу. Там он наверняка уже выставил караул, который только и ждет моего появления. Именно его мне, по идее, предстоит как-то обхитрить. Но как? Ситуация для меня была явно невыигрышной. Как бы там ни было, нужно сначала добраться до шлюза, а уж потом думать, как обойти предполагаемый караул.

Солнце клонилось к горизонту, и я, спохватившись, подумал, наконец, о ночлеге и срочно начал сооружать шалаш. Забив в землю несколько кольев, я вокруг них соорудил каркас, связывая элементы конструкции как бечевкой из коры, так и тонкими лианами. Когда каркас был готов, принялся укрывать его снопами пальмовых листьев, прочно привязывая их к каркасу. Вскоре мое укрытие было готово, и я сам удивился, насколько аккуратно оно выглядело.

Спать на земле было опасно, ибо в темноте в шалаш могла заползти змея, какая-нибудь многоножка или паук. Нужно было соорудить что-то вроде кровати. Вырезав несколько рогачиков, я надежно вбил их в землю и тонкими лианами примотал к ним продольные жерди, поперек которых крепко привязал короткие перекладыны из бамбука. Получился довольно прочный топчан. Так, я читал, делают жители лесных регионов южного Китая, и это оправдало себя на протяжении веков. Поверхность топчана я устлал пальмовыми листьями, а вместо одеяла использовал целый ворох высо-

кой шелковистой травы, которая в изобилии росла на опушке леса.

На всякий случай я обложил мое временное жильё кольцом костров. Хворост собирал уже в сумерках, но все же набрал его достаточное количество, чтобы защитный огонь можно было поддерживать до утра. Когда костры разгорелись, положил в них толстые сучья, и они тлели всю ночь вплоть до восхода солнца. Ночи на острове холодные, но я не замерз: грели жаркие костры, и травяная постель отлично сохраняла тепло моего тела.

XVIII

Ночь я не проспал, а промучился. Несмотря на кольцо костров вокруг укрытия, я все время прислушивался к ночным крикам и шорохам, постоянно доносившимся извне. Многократно вставал, выглядывал наружу, проверял костры, подбрасывал в них сучья, когда представлялось, что огонь слишком слаб. Несколько раз поднимался ветер, шевелил хлипкие стены моего обиталища, а я, принимая их за попытки проникновения ко мне кого-то живого, всякий раз хватался за топор. В те короткие промежутки времени, когда удавалось задремать, меня мучили кошмары. То снилось, что сам Кирилл обнаружил мое убежище и пытается меня схватить, то будто кто-то гонится за мной на моторной лодке, а я никак не могу уйти от преследования, то вроде бы меня окружили люди Кирилла и выкрикивают в мой адрес непристойные оскорбления. При этом каждый раз я подхватывался и,

судорожно схватив топор, в испуге озирался по сторонам.

Наконец начало светать, джунгли затихли, и я ненадолго забылся тяжелым сном. С восходом солнца встал, умылся в ручье и позавтракал остатками вчерашнего пиршества. Наполнив пластиковую емкость свежей водой, стал собираться в путь. Очень было жаль сниматься с насиженного места. Хотелось как следует выспаться, потом поохотиться и всласть поесть. Но разум мой говорил, что сидеть на месте, даже на таком уютном как этот временный лагерь, означало только одно – дожидаться смерти. А это в мои планы никак не входило.

Положив в Лёнину бандану бутылку с водой и вторую половину птичьей тушки, я связал ее в узел, надел на конец палки и с этим грузом на плече двинулся по направлению к седловине, постепенно поднимаясь вверх по склону. С первых же шагов пришлось продираться сквозь молодой подлесок и вездесущие лианы, опутавшие все: деревья, кусты, валуны и бурелом. Тогда-то я и оценил по достоинству свой туристский топорик, без которого не продрался бы сквозь девственные заросли ни на шаг.

Продвигался я чрезвычайно медленно, ветки царапали открытые части тела, в мое тело впивались длинные колючки, причиняя нестерпимую боль. Но я, собрав в кулак остаток воли, упрямо шел вперед. Будь моя одежда из менее прочной ткани, она через час-другой превратилась бы в лохмотья. Делая короткие привалы, я мечтал набрести на какую-нибудь

звериную тропу. Такие тропы непременно здесь существовали, ведь лесные звери должны были как-то спускаться к речке на водопой.

Моя бутылка быстро опустошалась, и спустя час-другой я выпил последний запас воды. А жара стояла такая, что лес, казалось, вот-вот воспламенится, и мне всерьез грозили скорое обезвоживание и перегрев. Набрести бы на родничок, хотя бы самый маленький. Но поблизости не было ничего похожего. Конечно, в крайнем случае можно было спуститься к речке, но тогда пришлось бы начинать подъем сначала. На листьях некоторых растений кое-где еще оставались капли утренней росы. Я слизывал их, как мог, но питьем это можно было назвать чисто символически.

Держаться нужного направления было относительно несложно. Поскольку шлюз находился к югу от меня, следовало идти так, чтобы до полудня солнце светило слева, а после – справа. Кроны деревьев, смыкаясь, скрывали от меня солнце, но кое-где все же встречались просветы, и тогда я корректировал свой путь.

После полудня, изнемогая от жажды и голода, еле волоча ноги от усталости, я вышел на широкую террасу и сделал привал. Лес никогда еще не казался мне таким враждебным и диким. Ноги, руки и спина гудели, во рту было сухо, как в пустыне, а желудок то и дело сводили болезненные голодные спазмы. Нужно было срочно поесть и попить. Но если какой-то запас еды у меня был, то воды не было ни капли.

Да, такие походы мне уже не по возрасту. Но что поделаешь, нужно напрячь все силы для последнего – другого выхода нет.

Облюбовав удобное место для костра, я развел огонь, чтобы приготовить остатки птичьего мяса. При столь сильной жаре оно уже начало портиться и издавало специфический «запашок». Но я на это не обращал внимания. Ведь если мясо хорошенько пропечь, живущая на нем микрофлора неизбежно погибнет, и его можно будет спокойно есть.

От костра я старался держаться подальше, так как жара стояла адская. Ожидая, когда сучья прогорят и превратятся в угли, я присел недалеко от травянистого растения, возвышавшегося над землей метра на два с половиной, по форме напоминающего кукурузу. Стебель его был толщиной сантиметров пятнадцать, не меньше. Верхушку венчал крупный колос – тоже вроде кукурузной «метелки», но початков не было. Глянцевитые сидячие листья с параллельным жилкованием были широкими и плотными.

Неожиданно на край листа кукурузоподобного растения села небольшая птичка и, задрвав узкий длинный хвостик, опустила головку в листовую пазуху. Через полминуты она тряхнула перьями, и от нее во все стороны полетели мелкие брызги. «Вода! Я спасен!» – чуть не крикнул я во весь голос и подбежал к растению. Птичка тут же вспорхнула и скрылась в кустах, а я увидел воду, скопившуюся в пазухах листьев – граммов по пятьдесят в каждой. Как видно, это были

остатки обильной устроенной росы, не успевшие испариться, несмотря на изнуряющую жару.

Пить непосредственно из пазух было чрезвычайно неудобно. Хорошо было бы иметь трубочку для коктейля. Дрожа от жажды и волнения, я принялся искать какое-нибудь растение с трубчатым стеблем. И нашел! Это был какой-то злак, высохший на солнце. Вырезав тростинку длиной с ладонь, я припал к стеблю и начал жадно сосать воду.

Наконец-то мне удалось напиться. Нужно было во что бы то ни стало набрать воды в пересохшую посудину, но это мне никак не удавалось. Что делать? Ведь я, судя по всему, не прошел еще и половины пути до седловины.

Пока я решал проблему утоления жажды, сучья в костре прогорели, и на их месте громоздилась горка тлеющих углей. Пора было зарывать в них мясо, что я тут же и сделал. Оставалось только ждать, когда оно дойдет до кондиции.

Чтобы как-то убить время ожидания, я отправился осматривать террасу и ближайшие участки окружавшего ее леса, где обнаружил еще несколько «кукурузин» с запасенной водой. «Если таковые будут встречаться и дальше по дороге до седловины, то и бутыль наполнять не нужно, – с надеждой подумал я. – Кроме того, как это ни мучительно, до седловины можно кое-как дотянуть вообще без воды, а там обстановка сама подскажет какой-нибудь выход из положения».

Наконец из-под углей стал доноситься аппетитный аромат тушеного мяса. Я аккуратно разгреб их и извлек сверток

из пальмовых листьев. Было слышно, как внутри его, кипя, клокочет ароматный сок. Двумя палочками положил мясо на ствол упавшего дерева и дал ему немного остыть. Развернув листья, с жадностью набросился на птичье мясо «с душиком». До чего вкусным оно мне показалось! Честное слово, лучше, чем свежее. Не зря, наверное, забайкальцы обожают омуль именно с таким вот «душиком!»

Плотно пообедав и запив «кукурузной» водой, я посмотрел на солнце. Давно пройдя верхнюю кульминацию, оно клонилось к западу. Это означало, что сегодня дальше идти нет смысла. Пора готовить укрытие и постель, в чем я уже успел приобрести какой-никакой опыт.

Проснувшись с рассветом и, подгоняемый желанием поскорее двинуться к седловине, я подхватился и сделал несколько физических упражнений. Ужасно болели мышцы ног, спины и шеи. Как видно, после непривычного хождения по горной местности. Наскоро разогрев последний запас мяса, доел его с волчьим аппетитом. В пазухах «кукурузных» листьев плескалась через край холодная вода, и я с жадностью выпил несколько порций.

Забросав землей остатки ночных охранных костров, собрал свое скудное имущество и со свежими силами вознамерился продолжить путь. Пить я намеревался из пазух листьев, а на обед – добыть что-нибудь, охотясь на повсеместно встречающихся в изобилии небольших птиц, грызунов, змей, сухопутных крабов, улиток или, в крайнем случае, ли-

чинок крупных насекомых. Воду тоже можно было достать относительно просто, но кто знает, растет ли местная «кукуруза» дальше по пути предстоящего следования. А вода, как известно, важнее пищи. Все же нужно было найти способ наполнить пластиковую емкость. Проще всего это можно было сделать, засасывая в рот воду из пазух через тростинку, а потом выливать в сосуд. Но я тогда не томился жаждой, и такой способ представлялся мне негигиеничным. Хотелось найти какой-нибудь другой.

В результате настойчивых поисков мне все же удалось найти растение с листьями на длинных трубчатых черешках. Сорвав такой лист и срезав с черешка листовую пластину, я получил гибкую трубочку. Сливая через нее воду из листовых пазух «кукурузин» подобно тому, как шоферы сливают из бака бензин, быстро наполнил пластиковый резервуар.

Теперь можно было отправляться в поход. Но меня плотно обступали деревья, и я не мог определить точного направления на седловину. Влезть бы на какое-нибудь дерево и осмотреться, но мне это было не по силам. Можно идти, продолжая постепенно набирать высоту, а у седловины, если окажусь выше, спуститься вниз. Спускаться все же легче, чем карабкаться вверх по склону. А пока двинулся наугад.

Запасшись адским терпением, я пошел на запад, постепенно взбираясь на гору. Неожиданно вышел к каменистому обрыву, откуда моему взору открылась седловина. До нее, казалось, рукой подать – стоило лишь чуточку подняться

вверх и немного пройти вперед. Но я знал, что в горах расстояния обманчивы. Дай Бог дойти до цели хотя бы до заката.

Обходя обрыв, я увидел внизу на уступе большое птичье гнездо с кладкой из четырех яиц, размером с куриные. Как видно, его хозяйка отлучилась в поисках пропитания. Мне тут же захотелось их достать, чтобы как-то разнообразить обеденное меню. Цепко хватаясь за кусты, лианы, траву и надежные камни, я добрался до гнезда, рассовал яйца по карманам штормовки и, преисполненный гордости за свою охотничью смекалку, уже готов был возвращаться с богатой добычей. Подняв голову, я внезапно увидел несущуюся на меня крупную птицу и вовремя прикрылся рукавом. Она хлестнула меня по лицу могучими крыльями, больно ударила по руке когтями и с криком описала в воздухе круг, намереваясь атаковать вторично. Откуда-то появилась вторая и понеслась вслед за первой. Я выхватил нож и взмахнул им, когда птицы дружно на меня накнулись. Нож угодил во что-то мягкое, и одна из птиц громко вскрикнула. Вниз дождем полетели пух и серые перья. Раскинув широкие крылья, раненая птица, как на парашюте, беспомощно опустилась на уступ пятью метрами ниже. Другая кружила надо мной с угрожающими криками, но вторично атаковать так и не решилась. Пользуясь моментом, я быстро взобрался наверх и укрылся в кустах.

Не знаю, как мне удалось не разбить яйца. Я завернул их

каждое в отдельности в мягкие лопухи и сложил в ленину бандану. Класть рядом с ними бутылку с водой не рискнул, дабы не разбить яиц. Пришлось для нее из тонких лиан сплести оправу, привязать ее к бечевке, чтобы нести, перекинув, словно ранец, через плечо.

Дальше я пошел с небольшим набором высоты. Идти было труднее, чем до сих пор, так как на этом участке на каждом шагу встречались бурелом, кочки и глубокие рытвины. Мои кроссовки были готовы вот-вот развалиться, и я, желая сохранить их хотя бы в относительной целостности до конца пути, старался ступать как можно осторожнее.

На этом этапе подлесок был особенно густым, а с ветвей вековых деревьев свисали лианы, гибкие и прочные, как стальная проволока. Корни деревьев, переплетаясь, образовывали узкие щели, между которыми хлопала темно-зеленая жижа, зловонная и вязкая, как кисель. Тридцатиметровые деревья медленно покачивались, и их корни, наползая друг на друга, зловеще скрипели. Если нога застрянет в такой щели между корнями, они в два счета превратят ее в кровавое месиво.

Выйдя на небольшую полянку, я присел отдохнуть на поваленный ствол и почувствовал жуткую усталость. Ноги болели так, словно их кто-то выкручивал во все стороны. Мышцы не просто ныли, а стонали от усталости. Пот пропитал одежду до такой степени, словно я не меньше часа брел под проливным дождем. Вокруг, мягко хлопая крылышка-

ми, вились огромные бабочки. Они садились на мои руки, лицо, шею, и длинными хоботками спивали капли пота, выступавшего на коже. Я с интересом рассматривал их перламутровые крылья с причудливыми узорами жилкования. Если когда-нибудь придется вернуться в это место, я непременно пополню ими свою и без того богатую коллекцию насекомых. Но сейчас можно было лишь немного за ними понаблюдать.

Солнце еще не миновало зенит, поэтому нужно было во что бы то ни стало продолжать движение к заветной седловине. Чудовищным усилием воли мне удалось подняться и, преодолевая нечеловеческую усталость, двинуться дальше. Я сэкономил воду, как мог, но баклажка уже почти опустела, а пополнить запас живительной влаги было негде. «Кукурузные» стебли больше не встречались, и даже между корнями деревьев в этой части леса было сухо, как в Сахаре.

Солнце, казалось, высосало из меня всю энергию до капли. Моя усталость достигла такой степени, что я перестал ощущать боль в ногах, спине и поясице. Шел, механически переставляя онемевшие ноги, словно это были деревянные протезы. Пройдя еще часа два, а может три, я заметил, что окружающий меня лес преобразился. Деревья стали более приземистыми, подлесок поредел, и лианы опутывали растения не так густо. Но иногда все же приходилось пускаться в ход топорик.

Вознамерившись было сделать привал, я вдруг услышал

на фоне ставшей уже привычной какофонии лесных криков, треска и шума новый, до боли знакомый звук. Сначала я никак не мог припомнить, что это за звук, но когда все же понял, радости моей не было предела. Где-то журчала вода. Забыв об усталости, я побежал вперед и через несколько минут оказался на берегу ручья.

Я пил и пил ледяную воду, а жажда все не утолялась. Наконец понял, что нужно вовремя остановиться, иначе возникнут проблемы. Сбросив с себя одежду, я упал в сносившую меня вниз холодную воду и стал в ней плескаться, с трудом удерживаясь за округлые камни. Наконец я охладился до такой степени, что захотелось на солнышко, которое пекло, как в Преисподней.

Встав у берега во весь рост, я увидел, что нахожусь на самом гребне хребта седловины чуть выше перевала. Ручей стекал откуда-то сверху, с востока – как видно, из-под ледника, и его воды, пенясь, белым потоком срывались вниз с уже известной мне скалистой стены. На юге вдали за перевалом синела безбрежная гладь океана, а справа, у подножья пологого склона на пригорке красовался шлюз. Вокруг него ветер волновал пожелтевшую от зноя траву, среди которой словно языки пламени длинной цепочкой выстроились оранжевые флажки, обозначающие путь к моему первому лагерю. Едва не закричав от счастья, я хотел было немедленно начать спуск, но то, что я неожиданно узрел, заставило меня тут же спрятаться за ближайший куст.

У шлюза бродили люди. Их было двое. Притаившись за кустом, я долго наблюдал за ними, не решаясь высунуть носа из-за зелени. Слава Богу, кажется, они меня не заметили. Я решил вернуться к своим вещам, чтобы пообедать, хорошо обдумать сложившуюся ситуацию и наметить план предстоящих действий.

XIX

Будучи голодным как волк, я некоторое время не решался разжечь костер, опасаясь, что дым могут увидеть люди Кирилла, дежурившие у шлюза. Но потом кое-как себя убедил, что дым от моего костра рассеется ниже гребня седловины, и дежурные не смогут его заметить. И все же сомнения никак не переставали меня тревожить.

Голод вынудил меня быть оптимистом, и я отправился собирать сухие сучья. Сложив хворост конусом, подsunул под него солидный кусок смолы хвойного дерева, росшего у перевала, а также несколько лежавших вокруг него сухих шишек величиной с крупный лимон. Из-под их чешуй выглядывали коричневые орешки. Вылущив один ножом, я попробовал его на вкус, и он мне понравился. Голод такими орешками, конечно, не утолишь, но я все же отложил несколько шишек на десерт.

Смола полыхнула, едва я поднес к ней зажженную зажигалку, и мой костер весело запылал под сенью леса. Вскоре от костра остались одни головешки, и я положил в них все четыре яйца, предварительно завернув их в жесткие колю-

чие листья.

Яйца оказались свежайшими – в них еще не успели образоваться зародыши. Лишь одно из четырех испеклось, не лопнув, и я уплел его с большим аппетитом. Лопнувшие были тоже съедобны, и я выел из листьев все, что мог.

Запив трапезу ледяной водой, я прилег под кустом на кучу прелых листьев и закрыл глаза, пытаясь уснуть хоть на полчаса. Но сон не шел. Беспокоило создавшееся положение. Чтобы не терять зря времени, решил незаметно для охранников спуститься к шлюзу и понаблюдать за ними из укрытия. Склон, по которому мне предстояло спуститься, был свободен от леса. Только кудрявый кустарник да редкие деревья зеленели в высокой пересохшей траве среди мелких оврагов и небольших обветренных валунов.

Взяв свой узел, я стал спускаться вниз короткими перебежками, пригибаясь и прячась в кустах. На пути иногда попадались «кедры», с которых обильно стекала живица. В конце концов, я спустился почти к самому пригорку, на котором лежал шлюз, и притаился под густым кустом. Сквозь его ветви можно было отчетливо рассмотреть лица двух изнывающих от безделья «мальчиков» уголовно-спортивной внешности. Одетые в камуфляжную форму, они бесцельно бродили по пересохшей траве высотой в человеческий рост и время от времени что-то в ней ковыряли длинными копьями. Когда они оказывались около шлюза, до меня долетали обрывки их речи.

– Слышь, Санёк.

– Чо те, Колян?

– А может пойдём внутрь покемарим? Встали-то сегодня чуть свет.

– А если владыка увидит или кто из прислуги его? Он за такое по головке не погладит.

– Не погладит, уж точно. Но можно ж по очереди, а?

– Да он сказал вместе эту гниду караулить. Особо предупредил насчет этого. И по такой жаре! Я вот-вот коньки отброшу от солнечного удара.

– Не стоит, Колюня. Дело-то уже к вечеру. Видишь, солнце вот-вот сядет. А владыка сказал, что как раз вечером он и может нарисоваться. Или рано по утрянке.

– Понимаешь, Санек, вряд ли он вообще появится. Он или в море утонул, или в лесу загнулся. Там ведь хрен пройдёшь, ты же сам знаешь.

– Но владыка – кент настырный, заставит караулить еще с месяц, не меньше. Или до тех пор, пока ему вещдоки не дадут, что этот говнюк ожмурился. Так что подождем до вечера, а там посмотрим. Может, пойдём в тенечек похаваем малеха? Если вдруг он появится, во что я давно уже не верю, мы его в два счета перехватим.

– Да то будем дуть, как дадут. Он хитрый, этот Артем воючий. Лёньку-то вон как отделал – чуть черепок не рсколол.

– А пусть ворон не ловит. Ладно, пойдём в тень.

Они расположились в тени куста, который рос на холме

напротив входного проема шлюза, у опушки рожицы над обрывом. Звуки их речи доносились оттуда чрезвычайно слабо, так что невозможно было разобрать ни слова.

Мое сердце отчаянно стучало, а мысли, опережая одна другую, никак не могли выстроиться в логическую цепочку. В конце концов, мне все же удалось сконцентрировать волю и начать обдумывать ситуацию, которая оказалась не такой уж безнадежной. Во-первых, я видел своих противников, а они меня – нет. Я имел возможность наблюдать за ними, выжидая удобного момента, чтобы вскочить внутрь шлюза. Во-вторых, они были почти полностью уверены, что я уже погиб, что значительно увеличивало мои шансы на спасение. Им даже в голову не приходило, что я могу быть где-то поблизости. В-третьих, они были вооружены только копьями и не могли поразить меня издали.

Но эти «быки» значительно превосходили меня в физической силе и росте. Любой из них мог одним ударом перешибить мне позвоночник. Кроме того, стремянка была предумышленно убрана с привычного места и валялась в траве неподалеку. И чтобы поставить ее на место и воспользоваться ею, нужно было время, и им ничего не стоило перехватить меня на пути внутрь спасительного шлюза. Если бы я мог как-то заставить их отойти от входа подальше! Но как? Как это сделать? Нет, это тупиковое решение. Вот бы как-нибудь преградить им путь ко входу минимум на то время, которое потребуется, чтобы поставить стремянку, вскочить

внутри шлюза и дать команду задраить входной проем. Впрочем, это тоже тупик. Что можно придумать еще?

Необыкновенно пахла сухая трава, которая совсем недавно была зеленой и шелковистой, а в ней красовались прекрасные цветы и порхали разноцветные бабочки. Налетел порыв ветра и всколыхнул ее, обдав меня волной терпкого аромата свежего сена. Внезапно вспыхнувшая в мозгу мысль обожгла мое воображение...

А что если поджечь траву, пока эти «дуболомы» прохлаждаются в тени? Отличная мысль. Но пламя может не пойти в нужную сторону, и тогда я пропал. Снова тупик? Нет уж, хрена, брат, тупик! День кончается – скоро подует вечерний бриз, притом с суши на море – на юг, значит. А это как раз то, что мне нужно. Авантюра? Да, если честно. Но другого выхода нет. Во-первых, охранники должны в это время находиться подальше от шлюза, а во-вторых, нужно выждать, чтобы бриз набрал достаточную силу и стабилизировался.

До вечернего бриза есть, как минимум, час-полтора. Очаг пожара должен быть мощным и не единственным. Одной зажигалкой тут, пожалуй, не обойтись. Нужно, как минимум, три факела. А это задача решаемая, если, конечно, все обстоятельства будут мне благоприятствовать.

Отчаянно волнуясь, я отполз назад – вверх по склону. Вырезав три надежных кийка, я примотал к ним по доброму жмуту сухой травы и закрепил бечевкой из коры. Испытав будущие факелы на прочность, ползком добрался до росше-

го неподалеку «кедра» и обильно пропитал их живицей. Наконец факелы были готовы. Оставалось подобраться поближе к шлюзу и, попросив на то у Бога благословения, дожидаться вечернего бриза, чтобы начать действовать.

Затаившись в кустах, я напряженно ждал. Солнце коснулось горизонта, но сумерки еще не настали. Все окружающие предметы: камни, почва, растения начали остывать. Постепенно набирая силу, повеял легкий бриз. Один из охранников все так же беззаботно сидел под кустом напротив входного проема, уставившись на дорогу к лагерю, а другой неподвижно лежал в траве – как видно, спал. Пора было приступить к самой ответственной части плана.

Подхватив заготовки факелов, я тихо подобрался к самому шлюзу и спрятался за куст. Положив на камень факелы, чиркнул зажигалкой, исторгнувшей струю светло-желтых искр, потом еще раз, еще. Но пламени не было. Взглянув на зажигалку, увидел, что газ в ней кончился. Где-то во внутреннем кармане штормовки лежала вторая – Лёнина. Отчаянно волнуясь, я лихорадочно ощупывал карман, но она долго не попадалась под руку. Я уж было отчаялся, но все же ее нашупал. Газ в ней был, и поджечь факелы было делом нескольких секунд. Живица вспыхнула, как в Аду. Поднявшись во весь рост, я изо всей силы швырнул один факел к самому входу, другой, насколько мог, бросил влево, а третий – вправо.

Трава полыхнула, словно порох. Возвышающиеся над нею

пушистые колосья вспыхивали, будто фейерверки, рассыпаясь мириадами быстро гаснущих искр. Высокое пламя загудело и, подхваченное бризом, полукруглым фронтом понеслось в южном направлении, где прохлаждались охранники. Сначала они не поняли, как и откуда загорелась трава, и тупо смотрели на гудящее пламя. Но когда я кинулся к стремянке и, обжигая руки, приставил ее к проему, один из них истерически закричал:

– Гляди, Кол! Вон, вон он, волчара поганый! Куда, с-сука?! А ну, стоя-а-ать! Стоять, я сказал, падла!

Второй подпрыгнул, как ужаленный и, ни слова не говоря, побежал, намереваясь обойти фронт пламени с запада. У него был реальный шанс успеть до закрытия проема.

– Стой, паскудина! Стой, говорю, пррропадлина!

С проворством кошки я взбежал по стремянке и, вскочив в помещение, оттолкнул ее ногой, что было сил. Подбежав к пульту, скомандовал: «Задраить проём!» Тем временем охранник подбежал к проёму и, сбивая на ходу огонь с одежды, кинулся к стремянке. Обжегшись, он бросил ее, но потом все же схватил и, грязно ругаясь, попытался поставить не место. Я снова оттолкнул ее ногой. Подонок упал, разрывшись новым потоком тюремного сквернословия. В это время проем уже затягивался прозрачной пленкой. Быстро затвердев, она слилась со стенкой, обеспечив мне надежное убежище.

Я видел через иллюминатор, как за бортом в дикой зло-

бе бессильно бесновались охранники. Понаблюдав за ними минут пять или десять, я дал команду на открытие выхода в мой подвал и, шатаясь от усталости, вернулся в родной елизаровский дом.

Войдя в кухню, упал на стул и почувствовал, как ноет мое тело от нервного напряжения, физической усталости и грязи, как зудит оно от укусов насекомых и царапин, оставленных неизвестными растениями.

Я вздрогнул от неожиданности – в спальне старинные бабушкины часы «Павел Буре» пробили пять вечера. Нужно было сбросить с себя грязную одежду, принять душ или ванну и поужинать, но я не мог заставить себя отклеиться от стула. Так и уснул, сидя за кухонным столом.

XX

Проснувшись около полудня, я привел наконец себя в относительный порядок, позавтракал и решил посмотреть, что делают люди Кирилла после моего благополучного возвращения в Елизарово. Нужно, конечно, обратиться в милицию, но пока что с этим можно не спешить – еще успеется.

Спустившись в подвал, я открыл шлюз и, припав к иллюминатору, заглянул в забортное пространство. Вокруг шлюза, несмотря на полуденный экваториальный зной, возились люди. Они со всех сторон обкладывали его какими-то свертками и кробками, и это меня озадачило. Что в них? Зачем они это делают?

Кирилл стоял в самом центре и, нервно жестикулируя, от-

давал какие-то распоряжения. Увидев мое лицо в иллюминаторе, он подскочил к нему и поднял заранее заготовленный щит с надписью:

«Артем! Открой сейчас же! Шлюз со всех сторон обложен тротилом. Нам терять нечего. Если ты не откроешь вход через сутки, твое убежище взлетит на воздух. Тебе некогда раздумывать, решай немедленно! Время ультиматума пошло!»

Вернувшись в дом, я задумался над ультиматумом этого негодяя. Неужели он решится подорвать шлюз? Ему ведь это в первую очередь не выгодно. Скорее всего, он придумал какую-то хитромудрую уловку и блефует. Думает, я на нее клюну. Но какую? Да стоит ли ломать голову над его комбинациями? Вот уж воистину негодяй! Что ж, время покажет, прав я был или нет. Поглядим, что оно будет.

На следующий день я пошел в банк платить за воду, электроэнергию, Интернет и прочую дребедень. Потом должна была прийти женщина по найму – убрать мои жилые помещения. Так что об ультиматуме Кирилла я и думать забыл. Еще через день сходил в банк за пенсией, на базар за продуктами. Затем приготовил себе еду на три дня и только после этого вспомнил о шлюзе.

Спустившись в подвал, я подошел к старинному бабушкиному шкафу, открыл дверцу и дал команду на открытие шлюза. Безрезультатно. Меня словно электрическим током ударило. Почему, черт возьми? Я пробовал еще и еще, но на мои команды задняя стенка отвечала только волнами тепла,

сухим треском, похожим на электростатические разряды, и расходящимися радужными кругами. «Вот, дорогой Артем, и все... *Finita la comedia...* Или, как мы говорили в детстве, аминь бабкиным пирожкам».

Меня охватило щемящее чувство тоски и нестерпимая душевная боль. Безвольно опустившись на пол, я зарыдал, как ребенок.

– Боже ты мой... Мария, дорогая... Ведь я же так тебя люблю...

Эпилог

Войдя в кабинет следователя, я остановился в нерешительности и тихо поздоровался:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Вы, насколько я понимаю, и есть Артем Тимофеевич Слободянюк. Я следователь Радченко Дмитрий Игоревич, – обратился ко мне сидящий за столом подтянутый парень, лет тридцати пяти. – Садитесь, пожалуйста. Так... Скажите, Вы не судимы?

– Нет, не судим. А что?

– Ничего. Просто небольшая формальность. Я занимаюсь делом об исчезновении господина Бычатникова Кирилла Степановича и его секты «Подлинно православные».

– Это отца Кирилла, что ли?

– Вот именно. Его самого и его сожительницы Аллы Ивановны Кутовой, в частности. Расскажите, пожалуйста, все, что Вам известно по этому делу. Еще одна маленькая фор-

мальность: я обязан Вас предупредить, что наша с Вами беседа записывается на видео. Это понятно?

– Понятно. Однако я не был членом их секты и мало что о них знаю.

– Да? Но Вас часто видели в обществе его приближенной – Марии Юрьевны Сивольневой. В том числе и у него дома. Верно?

– Верно. Один раз пришлось его посетить – никак не смог отвертеться. А с Марией мы встречались более трех лет. В ближайшее время собирались узаконить наши отношения.

Я тяжело вздохнул, но следователь не обратил на это внимания.

– Вот даже как, – сказал он с удивлением. – Вы будете официально допрошены в качестве свидетеля по названному мной делу. Поэтому вынужден Вас предупредить, о том, что Вы обязаны говорить правду. Дача заведомо ложных показаний, а также отказ от дачи показаний – уголовно наказуемые преступления. Это Вам понятно?

– Это, Дмитрий Игоревич, как говорится, и ежу понятно.

– Отлично. Итак, что же конкретно Вам известно по делу?

– Уточните только, что именно Вас интересует? Можно в общем или нужны какие-то подробности?

– Нужны. Все абсолютно, без утаивания, – он сделал небольшую паузу, потом продолжил: – Что ж, я Вас слушаю.

– Это, Дмитрий Игоревич, долгая история...

– А нам спешить некуда. Так что прошу Вас, уважаемый

Артем Тимофеевич.

Я рассказал о своей семье, о возвращении в фамильный элизаровский дом после смерти тети Серафимы. Особое внимание уделил истории обнаружения необычных свойств стоящего в подвале старого шкафа, который оказался порталом для выхода в другой, зашлюзовый мир. Поведал, как открылся Марии и как мы с нею постепенно осваивали новую планету. Пришлось рассказать и о том, как между нами влез Кирилл. Не преминул также в лицах поведать о своем визите к мэру, потом о переселении в зашлюзовый мир Кирилла и его секты.

Когда я закончил рассказ о побеге с «земли обетованной», уже стемнело, и на улице зажглись фонари. За все время моего повествования следователь ни разу меня не перебил – только слушал, делая иногда в своем блокноте короткие заметки.

– Вот, собственно, и все, что мне известно об исчезновении Кирилла и иже с ним. Быть может, что-то и пропустил, но это не умышленно. Если вспомню, непременно Вам позвоню.

– Удивительная история. Мало похожая на правду. Но я почему-то верю каждому Вашему слову. И все же мне нужны неопровержимые доказательства. Без них мы оба будем посмешищами, не более.

– За доказательствами приходите ко мне домой. Там я Вам покажу гербарии, коллекции насекомых, заспиртован-

ных представителей морской и сухопутной фауны. В моем ноутбуке и наладонном компьютере хранится много записей, касающихся зашлюзового мира, файлы с результатами наблюдений, фотографии тамошних ландшафтов и видеофайлы.

– Придем, непременно придем. Но мне нужно три-четыре дня, чтобы как-то переварить услышанное и немного прийти в себя. У меня сейчас такое ощущение, как после просмотра фантастического голливудского фильма с самым невероятным сюжетом, потрясающими видеоэффектами и неожиданным финалом.

– Я понимаю. Тем не менее, все было именно так, как я рассказал.

– Что ж, пока все, Артем Тимофеевич. На сегодня достаточно. Простите, но я вынужден взять с Вас подписку о временном невыезде.

Радченко свое слово сдержал – через три дня приехал ко мне домой с группой криминалистов и ордером на обыск. Осмотрели все: и жилые комнаты, и подвал, и бабушкин шкаф. Изъяли все мои гербарии, коллекции представителей фауны, птичьих яиц и образцы горных пород, забрали ноутбук и наладонный компьютер, цифровой фотоаппарат и видеокамеру. Самородки желтого металла я им сам отдал, но запас жемчуга на всякий случай надежно припрятал. Про черный день.

Они уезжали довольные собой и озадаченные.

– Все, что мы у Вас изъяли, завтра отправим на экспертизу. Возможно, мы еще не раз к Вам обратимся с вопросами, так что будьте готовы, уважаемый Артем Тимофеевич, – сказал на прощанье Радченко.

– Спасибо. Всегда готов с Вами сотрудничать.

Через полтора месяца меня снова вызвал Радченко. Он был в приподнятом настроении и, широко улыбаясь, протянул руку:

– Здравствуйте, Артем Тимофеевич. Приятно видеть Вас в добром здравии.

– Рад Вас приветствовать, Дмитрий Игоревич, – ответил я, пожимая протянутую руку.

В кабинете сидели еще двое, и они тоже поздоровались со мной за руку.

– Сейчас мы вернем Вам по акту временно изъятую технику. Остальное, в частности, шкаф Вашей бабушки, оставим для дальнейшего изучения по просьбе ученых из области. Экспертиза полностью подтвердила сообщенную Вами информацию. Все виды представленных растений и живых организмов имеют происхождение, до сих пор не известное земной науке.

– А как самородки? – спросил я, подогреваемый любопытством.

– Оказались золотыми. Центральная областная лаборатория спектрального анализа выдала вот какое заключение. Где же оно? Ага, здесь. Цитирую: «В результате спектраль-

ного анализа...» – Тут приводятся номера приборов и условия исследования, а ниже... «...установлено, что самородки желтого металла на восемьдесят шесть процентов состоят из золота, на двенадцать – из серебра. Содержание прочих металлов – около двух процентов». По земным меркам это очень высокий процент чистого золота в самородках. От имени наших властей и ученых сердечно благодарю Вас за сотрудничество. Ваш вклад в расследование неоценим.

– Спасибо. Но шкаф – это память о моей бабушке. Со временем Вы его, надеюсь, тоже вернете?

– Не уверен. Академик Ивашкевич считает его образцом неизвестных технологий. Быть может, вместо него Вам выплатят денежную компенсацию, но я в этом не уверен.

– Ну... нет, так нет. Буду рад, если он сослужит достойную службу отечественной науке.

После паузы Дмитрий Игоревич укоризненно спросил:

– Почему Вы о своем открытии сразу же не заявили властям и ученым?

– Видит Бог – хотел. Записался на прием к мэру Николаю Фомичу Супрунову, но он принял меня за психбольного, и я, расстроившись, решил сгоряча предоставить зашлюзовый мир в распоряжение известных Вам сектантов. Разумеется, это было ошибкой. Каюсь.

– А к ученым почему не обратились?

– В нашем Елизарово научно-исследовательских центров нет, как Вы знаете. А поедь я в областной центр, там бы тоже

меня вряд ли кто-то всерьез воспринял.

– Могли бы, в конце концов, вызвать милицию.

– Да при чем тут милиция? Закона здесь никто не нарушал. Честно говоря, и я в этом убежден, результат был бы тем же.

Юлий Гарбузов

27 августа 2016 года, суббота

Харьков, Украина

История кафедры ОРТ

В 1944 году, когда еще вовсю грохотала Отечественная война, в Харьков по ходатайству руководящих органов города из действующей армии был откомандирован бывший директор Харьковского электротехнического института (ХЭТИ) доцент Д. В. Столяров. Как фронтовик, Д. В. Столяров на собственном опыте неоднократно убеждался, что армия испытывала острую нужду в радиотехнических средствах связи и радиолокационной технике. Народное хозяйство в то время нуждалось наряду с развитием различных направлений электротехники и автоматики, также в интенсивном развитии радиопромышленности, а следовательно, и в подготовке радиоспециалистов. С помощью администрации города были подготовлены обоснования целесообразности расширения радиопромышленности в Харькове, подготовки радиоинженеров, открытия радиотехнического факультета в ХЭТИ.

В то время ХЭТИ был единственным высшим техническим учебным заведением в системе Народного комиссариата электротехнической промышленности СССР. Поэтому в Москву к наркому электропромышленности СССР И. Г. Кабанову с подготовленными материалами была направлена харьковская делегация с представителями администрации ХЭТИ и студенчества. От студентов были командирована-

ны Б. Кащеев и М. Любчик, первому из которых – Борису Леонидовичу Кащееву – впоследствии довелось возглавить кафедру основ радиотехники на радиотехническом факультете.

Встреча с наркомом И. Г. Кабановым впечатлила делегатов, а Б. Л. Кащеев запомнил ее на всю оставшуюся жизнь. К наркому они попали в ночное время (тогда так работали наркоматы). Поразила деловитость наркома, доброжелательность, желание детально ознакомиться с ходом учебного процесса, с настроением и нуждами студенчества. Нарком согласился с предложениями харьковчан о целесообразности начала подготовки инженеров по радиосвязи и радиолокации в Харькове на базе ХЭТИ и направил соответствующее письмо в создаваемое в то время Министерство высшего образования СССР (министр С. Кафтанов). Кроме того, по просьбе комиссии студентам ХЭТИ было выделено дополнительное питание (так называемые талоны ДП), так как в то время существовала карточная система, и фондами дополнительного питания распоряжался народный комиссар.

31 мая 1946 года по приказу министра высшего образования СССР в ХЭТИ открылся радиотехнический факультет со специальностью «Аппараты радиосвязи и радиолокации». Деканом факультета был назначен доцент Александр Антонович Миц, очень энергичный человек, фронтовик.

Первоначально на радиофакультете было создано три кафедры: «Основы радиотехники», «Радиолокация», «Радио-

приемные и передающие устройства». Заведующим кафедрой «Основы радиотехники» стал действительный член Академии наук Украины А. А. Слуцкий, который на протяжении ряда лет занимался физикой и техникой магнетронов. Недостаток в преподавательских кадрах решился за счет того, что ряд научных сотрудников Физико-технического института Академии наук Украины (УФТИ) согласился совмещать свою работу с преподаванием в ХЭТИ.

В первый учебный год – 1946/1947 – прием на первый курс составлял 50 человек, а на второй и третий – по 25 человек со старших курсов других факультетов ХЭТИ.

В 1946 году Б. Л. Кашеев с отличием окончил институт и получил рекомендацию Государственной экзаменационной комиссии на поступление в аспирантуру, став таким образом аспирантом по специальности «Радиофизика» (руководитель А. А. Слуцкий) с момента организации радиофакультета. Обучаясь в аспирантуре, ему приходилось одновременно вести на факультете педагогическую работу.

В 1950 году радиофакультет вошел в состав Харьковского политехнического института (ХПИ), созданного на базе электротехнического, механико-машиностроительного и химико-технологического институтов.

К этому времени кафедру «Основы радиотехники» возглавил член-корреспондент АН Украинской ССР профессор Семен Яковлевич Брауде, так как профессор А. А. Слуцкий скоропостижно скончался.

В октябре 1950 года в г. Киеве на заседании Ученого совета института электротехники АН УССР Б. Л. Кашеев блестяще защитил кандидатскую диссертацию.

В том же году на кафедре «Основы радиотехники» началась интенсивная работа по созданию ионозонда – ионосферной станции, позволяющей определить плотность электронов в различных областях ионосферы. В разработке и изготовлении ионосферной станции приняли участие инженеры Б. Г. Бондарь, Б. Л. Кашеев, аспиранты Е. Г. Прошкин, В. В. Толстов, студенты П. С. Ковтун, Н. А. Сова. На ионосферной станции впервые в Украине произведены измерения электронной плотности ионосферы во время частичного солнечного затмения (24 июня 1954 года в г. Харькове), наглядно продемонстрировавшие влияние Солнца на плотность электронов в ионосфере и, следовательно, распространение радиоволн. Отметим, что в те годы еще далеко не все радиоспециалисты четко представляли существование такой связи с солнечной активностью.

Во время зондирования атмосферы на отметчике ионосферной станции возникали кратковременные сигналы, отражающиеся от возникающих на высоте 80–100 км плазменных образований. Время существования отражений – десятые доли, единицы секунд. Объяснения такого явления в литературе не находилось. У создателей ионозонда, появилось предположение: не являются ли метеоры причиной наблюдаемого отражения сигналов? В Харькове, к сожалению,

уточнить это предположение было негде. Надо было ехать в Москву, куда был командирован Б. Л. Кащеев. В комитете по метеоритам выяснилось, что этот комитет к возникшему вопросу отношения не имел. Молодому ученому подсказали необходимость встретиться с Всеволодом Владимировичем Федынским, крупнейшим специалистом по кометам и метеорам, ответственным сотрудником Министерства геологии СССР, руководителем нефтеразведки СССР, впоследствии избранным членом-корреспондентом АН СССР по геофизике. После краткой беседы с Всеволодом Владимировичем у Б. Л. Кащеева рассеялось недоумение: какая связь между нефтеразведкой и метеорами.

Так в июне 1954 года началось многолетнее сотрудничество вплоть до 1978 года, когда В. В. Федынский скоропостижно скончался после сложной хирургической операции.

По предложению В. В. Федынского Борис Леонидович побывал в Междуведомственном геофизическом комитете и ознакомился с проектом программы Международного геофизического года (МГГ). Впервые в истории человечества комплексная программа предусматривала углубленное изучение метеорологических явлений, происходящих на планете Земля, процессов в атмосфере Земли, изучение солнечно-земных связей, всестороннее изучение физических процессов в Мировом океане и другие исследования. В подготовку и проведение беспрецедентного по масштабу научного мероприятия включились 2/3 существовавших в те годы

государств мира (67 стран).

Были определены сроки проведения МГГ: с 01 июля 1957 года по 31 декабря 1957 года, т. е. охватывался полностью очередной максимум солнечной активности. Среди разделов программы МГГ был раздел V (ионосфера, метеоры). Это научное направление наиболее соответствовало профилю кафедры «Основы радиотехники», и Борис Леонидович высказал пожелание работать в этом направлении. Профессор В. В. Федынский передал через него письмо ректору ХПИ профессору М. Ф. Семко и письмо министру высшего и среднего образования Украины Б. А. Ковалю с поддержкой участия кафедры «Основы радиотехники» в работах по программе МГГ.

По возвращении в Харьков Б. Л. Кашеев информировал своих коллег Бориса Георгиевича Бондаря, Бориса Саввича Дудника, Игоря Афанасьевича Лысенко, Михаила Федоровича Лагутина о планировании начиная с 1957 года большой комплексной программы МГГ, о возможном включении в нее научной группы кафедры «Основы радиотехники». Так было положено начало новому направлению научных исследований кафедры «Основы радиотехники».

В то время советская радиопромышленность практически никакого типового оборудования для выполнения раздела V программы МГГ не выпускала. Многое нужно было изготавливать самим – силами кафедры. Кроме того, условия электромагнитной совместимости используемых радио-

средств требовали создания экспериментальной базы, удаленной от города.

Министр высшего и среднего специального образования Украины Б. А. Коваль после ознакомления с работами по изучению ионосферы коллективом кафедры «Основы радиотехники» выделил средства на строительство лабораторного помещения (двухэтажного дома) и некоторых вспомогательных помещений в 80 км от Харькова в Савинском районе Харьковской области (в последующем – Балаклеяский район). Там же институту был выделен участок площадью в 14 га, на котором планировалось размещение антенн, строительство в 1957 году лабораторного корпуса, подстанции, прокладка подъездного пути к лабораторной базе.

В июле 1954 года на базе экспериментальной станции Джодрелл Бэнк (Великобритания) по приглашению директора станции профессора Ловелла состоялся симпозиум, на который собрались представители 10 стран. Доклады в основном касались физических проблем метеоров и их взаимодействия с земной атмосферой. От СССР в работе симпозиума приняли участие и выступили с докладами В. В. Федынский – «Изучение метеоров в Советском Союзе» и Л. А. Катасев – «Метеорные исследования в Сталинабадской астрономической обсерватории». Материалы симпозиума под редакцией Т. Р. Кайзера вскоре (1955 г.) были опубликованы издательством «Пергамон Пресс». Один экземпляр сборника докладов «Метеоры» находился в Москве. В. В.

Федынский, оценив энтузиазм молодых харьковских ученых по разработке и использованию радиоаппаратуры при исследовании процессов в верхней атмосфере, разрешил временное нахождение сборника докладов «Метеоры» в Харькове. На русском языке этот сборник был издан в 1959 году (перевод и редакция профессора И. С. Астаповича) и практически пополнил все личные библиотеки исследователей метеоров. И по настоящее время сборник используется при проведении радионаблюдений метеоров в государствах СНГ.

Метеор – явление, происходящее в средней атмосфере Земли при вхождении мелких твердых космических частиц массой не менее 10^{-9} г и не более примерно 10 г. Явление это заключается в испарении частиц и возникновении плазменного образования – метеорного следа, образующегося в результате столкновения испарившихся метеорных атомов с молекулами и атомами газов земной атмосферы чаще всего в диапазоне высот от 110–105 до 85–80 км. В среднем метеорные следы имеют протяженность около 15 км с начальным радиусом примерно 1–2 м.

В первом варианте программы МГГ основным направлением исследований метеоров радиометодом на кафедре «Основы радиотехники» планировалось измерение численности метеоров. Для этой цели член комиссии по кометам и метеорам Астросовета при АН СССР К. В. Костылев (Астрономическая обсерватория им. Энгельгардта Казанского университета) предлагал использовать типовые радиолокацион-

ные установки РУС и ПЕГМАТИТ (в мобильном варианте на ЗИС-5 и называемых «Редут»), которые были разработаны в 1940 году под руководством Ю. Б. Кобзарева и состояли на вооружении Красной армии, а затем сняты с вооружения и безвозмездно передавались заинтересованным организациям. По предложению К. В. Костылева предусматривались приставки к локаторам для фоторегистрации отражений от метеорных следов.

В октябре 1956 года руководством Харьковского политехнического института заведующим кафедрой «Основы радиотехники» был назначен тридцатишестилетний ученый – Борис Леонидович Кашеев, который руководил этой кафедрой до декабря 1983 года. В указанные годы на кафедре интенсивно развивалась научная и учебная работа (различные международные геофизические программы, использование радиометеорного канала связи для решения ряда прикладных задач). Б. Л. Кашеев подготовил 30 кандидатов и 4 докторов наук.

Вторая половина июня месяца 1957 года. На кафедре «Основы радиотехники» идет напряженная организационно-техническая подготовка исследований по программе МГГ. Завершаются строительные работы в поле вблизи села Ольховатка Савинского района: приближается к концу строительство двухэтажного лабораторного корпуса, создана система автономного централизованного водяного отопления помещений дома, подведен телефон, выкопан вблизи дома

колодец для обеспечения водоснабжения. Инженер Михаил Илларионович Гуртовой в соответствии с разрешением Министерства обороны получил документы на безвозвратную передачу из воинских частей трех комплексов радиолокаторов «Редут» и доставил их в полевую лабораторию.

К сожалению, район тогда еще не был электрифицирован; электрификация планировалась на 1958 год. До этого аппарата будет обеспечиваться электроэнергией от автономной электростанции, входящей в комплект каждой радиолокационной станции «Редут». Апробирована работа радиолокаторов. Для каждой станции изготовлена и настроена семиэлементная антенна типа «волновой канал». Выбран вариант размещения аппаратуры при исследовании численности метеоров в течение июня 1957 года, оборудована фотолаборатория для регулярной обработки фоторегистраций сигналов, отраженных от метеорных следов, на экранах отметчиков радиолокаторов. В Харькове предварительно изготовлены устройства протяжки киноплёнки. Отражения метеоров регистрируются на киноплёнке, протягиваемой непрерывно с определенной скоростью.

Приближается 01 июля 1957 года. Ректор института М. Ф. Семко уточняет готовность включения радиоаппаратуры 1 июля и начала программы МГГ. Официально открыть начало измерений поручается весьма авторитетному в ХПИ лицу – проректору института Федору Ивановичу Ахонину. Ему же поручено разобраться в финансовом обеспечении сотрудни-

ков кафедры и студентов, которые останутся обеспечивать график измерений в июле 1957 года.

И вот наступил день 01 июля 1957 года. День был теплый, солнечный. Весь преподавательский коллектив кафедры различными путями собрался утром в полевой лаборатории. Здесь и ответственные за проведение измерения численности метеоров радиометодом. Это были: аспирант Всеволод Владимирович Толстов, студенты-старшекурсники, активно участвовавшие в разработке и изготовлении радиоаппаратуры, Борис Дудник, Михаил Лагутин, активно включившийся в работу преподаватель Игорь Афанасьевич Лысенко и другие.

Здесь и активно участвующий в решении сложных организационных вопросов доцент Андрей Порфирьевич Борщов. Он единственный на кафедре владелец легкового автомобиля «Москвич-401». Как помог этот автомобиль при поиске площадки для строительства полевой лаборатории, выборе места с малым уровнем помех, при переговорах с колхозом о передаче 14 гектар земли! В это время в подготовку работ по программе МГГ в ХПИ подключился талантливый астроном, воспитанник Харьковской астрономической обсерватории преподаватель Харьковского педагогического института Владимир Никифорович Лебединец, который в последующем стал активным метеорщиком. Итак, измерения по программе МГГ начались.

При наблюдениях с июля по декабрь 1957 года коллекти-

вом кафедры были получены результаты измерений численности метеоров и опубликованы в июле 1957 года, приведены графики среднесуточных вариаций численности метеоров (часовое число зарегистрированных метеоров в различное время суток) и другие важные научные данные.

Летом в Шебелинку Балаклейского района впервые приехал в служебную командировку Всеволод Владимирович Федынский. Состоялись очень полезные встречи, детальное обсуждение перспектив развития исследований метеоров радиометодом в Харькове. В. В. Федынский поддержал развитие в полевой лаборатории изучения неоднородностей структуры ионосферы для работ по разделу V программы МГГ – исследование дрейфа неоднородностей ионизации в ионосфере (метод Д1). Создание необходимой для изучения ионосферы аппаратуры – в первую очередь аппаратуры для исследования дрейфа неоднородностей ионизации в различных областях ионосферы. Для этого необходимо было создать ионосферные станции. В качестве разработчиков такой аппаратуры были намечены сотрудники, которые планировали впоследствии готовить кандидатские диссертации по разделу V программы МГГ «Ионосфера» и кандидатские диссертации по разделу V программы МГГ «Метеоры».

По предложению Семена Яковлевича Брауде отдельно планировалась будущая исследовательская работа сотрудника Валерия Федосеевича Чепуры по исследованию особенностей распространения радиоволн телевизионного диапа-

зона в пределах города Харькова. Интенсивно под руководством С. Я. Брауде занимался подготовкой кандидатской работы по распространению радиоволн Александр Петрович Дорохов. Изъявил желание заниматься исследованиями неоднородностей ионизации ионосферы В. В. Толстов (руководитель С. Я. Брауде). Перспективы развития разработки методов и радиотехнических исследований метеоров привлекли молодых специалистов Б. С. Дудника, М. Ф. Лагутина, возвратившегося из Ростова-на-Дону нашего выпускника Ивана Акиндиновича Делова (под руководством доцента Б. Л. Кашеева). Привлекли направления исследований особенностей распространения радиоволн в каналах метеорной радиосвязи, к тому времени уже ветерана Б. Г. Бондаря. Такой вид радиоканалов привлекал в то время не только научных сотрудников в академических научных заведениях, но и в широкой мере специалистов, связанных с дальнейшей передачей информации в целях укрепления обороны Советского Союза (руководитель Б. Л. Кашеев). Изъявил желание работать в этом же направлении над смежными вопросами В. Ф. Чепура, продолжая исследовать распространение радиоволн в пределах г. Харькова.

Исследования рассеяния радиоволн метеорными следами на различных частотах, особенности «эллипсов рассеяния», оценка коэффициента заполнения канала радиометеорной связи и другие особенности передачи сигналов проводились по радиометеорному каналу связи протяженностью около

900 км (трасса Харьков–Ульяновск).

Полученные Б. Л. Кашеевым, Б. Г. Бондарем и В. Ф. Чепурой результаты имели большое научное и прикладное значение и были широко проанализированы в нескольких статьях журнала «Электросвязь» в Москве. Результаты существенно отличались от полученных по такой технике результатов за рубежом.

Основной вклад в решении актуальной задачи «Схемы защиты радиоаппаратуры от импульсных помех» в 1958 году внес Борис Саввич Дудник. Ему же принадлежит разработка схем и построение когерентно-импульсных радиопередающих устройств, ряд вариантов амплитудно-фазовых высоотомеров при исследовании метеоров. Все это вошло в кандидатскую диссертацию Бориса Саввича (научный руководитель Б. Л. Кашеев). Тогда же старшим научным сотрудником кафедры ОРТ Виталием Андреевичем Нечитайленко был разработан метод применения логических элементов в радиолокационной аппаратуре для изучения метеоров, на базе которого он защитил кандидатскую диссертацию (руководитель Б. Л. Кашеев).

30 июля 1958 года в Москве открылась пятая Ассамблея Специального комитета МГГ. Предварительно Б. Л. Кашеев получил приглашение принять участие в этой Ассамблее, выступить с докладом, в котором осветить результаты применения в СССР радиометодов при проведении наблюдений метеоров по МГГ. Геофизический комитет Украины вклю-

чил его в делегацию, заслушал тезисы доклада и единогласно по предложению члена-корреспондента АН Украины В. П. Цесевича дал установку: в докладе осветить успехи применения в СССР радиолокационной техники при исследовании метеоров, в особенности отразить достижения Харьковского политехнического института. Вместе с Борисом Леонидовичем в Москву выехал еще ряд сотрудников кафедры «Основы радиотехники», приглашенных в качестве гостей участвовать в работе симпозиума по исследованию метеоров и во втором симпозиуме по исследованию ионосферы – Е. Прошкин, В. Таран, В. Толстов, Н. Цымбал, В. Лебединец. Руководство Специального Комитета МГГ выразило пожелание, чтобы на симпозиумах большее внимание уделялось непосредственно экспериментальным исследованиям.

В работе Ассамблеи приняли участие ряд ведущих геофизиков США, Великобритании, Японии, Швеции. От Советского Союза участвовали В. В. Федынский, Л. А. Катаев, И. С. Астапович, Я. Л. Альперт, С. М. Полосков, Б. Ю. Левин, А. Г. Масевич, П. Б. Бабаджанов и другие. Большинство из указанных ученых выступили с докладами, в которых сообщали первые результаты, полученные во время МГГ, приняли активное участие в дискуссиях, возникших на Ассамблее, а также основное внимание обращали на те проблемы, которые, по их мнению, будут решены при выполнении комплексной программы МГГ. К тому же благодаря запуску первого искусственного спутника Земли в 1957

г. значительно увеличилось число методов исследования атмосферы Земли, в том числе исследование численности метеоров с помощью ИСЗ. Нам было очень приятно выслушать первую высокую оценку наших харьковских работ из уст ведущих ученых: Ф. Уиппла (США), Д. Дэвиса (Великобритания), Т. Кайзера (Великобритания), Герлофсона (Швеция) и др. И что особенно было полезно небольшому кафедральному коллективу вуза – было рекомендовано Советскому Специальному комитету (СК) МГГ направить руководителям министерств и ведомств письма, в которых в краткой форме указывались основные научные и технические заслуги ведомственно подчиненных коллективов лабораторий, обсерваторий, научно-исследовательских институтов. И Советский СК МГГ это выполнил.

Такая международная реакция на многомесячный напряженный труд привела к тому, что было резко увеличено финансирование работ кафедры «Основы радиотехники», выделены фонды на оборудование и, что особенно существенно для целого ряда сотрудников и молодых специалистов, были решены вопросы выделения жилья и штатных ресурсов, а в сентябре 1958 года – создание на кафедре научно-исследовательской лаборатории с систематическим целевым выделением финансов. Научным руководителем лаборатории был назначен Борис Леонидович Кашеев.

В том же 1958 году Б. Л. Кашеев вместе с В. Н. Лебединцом был включен в состав комиссии «Метеоры и метеориты»

Международного астрономического союза. Оба были приняты единогласно членами Международного астрономического союза (МАС).

Ряд интересных результатов был получен коллективом кафедры в конце 1958 года при проведении радионаблюдений верхней атмосферы в районе Волгограда в дни и часы, когда там велись запуски различных космических летательных аппаратов. Для обеспечения возможности осмотра на радиолокаторе левого берега Волги под различными азимутами министр Б. А. Коваль выделил кафедре микроавтобус «Латвия».

В конце 1958 года полевая лаборатория была подключена к сети электроснабжения Харьковской области, что значительно улучшило проведение радионаблюдений по графикам, получаемым из МГК. Таким образом с 1957 года на кафедре ОРТ начали проводиться регулярные измерения численности метеоров, а с 1959 – определения индивидуальных орбит метеорных тел.

Летом 1958 года полевую лабораторию посетил известный исследователь метеоров И. С. Астапович и детально ознакомился со всеми видами радионаблюдений метеоров. Договорились, что Харьков изготовит для Ашхабада комплект аппаратуры для измерения численности метеоров; аппаратура была в срок изготовлена в Харькове и установлена в Туркмении.

В 1967 году сотрудники кафедры ОРТ заинтересова-

лись сообщением американских ученых, опубликованным в «Трудах инженеров по радиотехнике и радиоэлектронике». В нем говорилось, что поскольку сигналы, отраженные от метеорных следов, имеют высокую фазовую стабильность, их можно использовать для сличения разнесенных хранителей времени. Б. Л. Кашеев обратился в Министерство обороны СССР с предложением проверить эту идею на практике. Предложение встретило поддержку и кафедре было выделено необходимое финансирование. В 1968 году был поставлен эксперимент, в котором приняли непосредственное участие Б. С. Дудник, А. Н. Смирнов, Ю. В. Гарбузов и другие научные сотрудники и преподаватели кафедры. В результате было показано на практике, что с помощью сигналов, отраженных от метеорных следов, возможна синхронизация шкал времени с точностью, значительно более высокой, чем посредством других методов. Таким образом, на кафедре было создано еще одно научное направление, получившее дальнейшее развитие в последующие годы.

В том же 1968 году произошел революционный скачок в постановке учебного процесса на кафедре ОРТ. Под руководством старшего преподавателя Камскова Владимира Федоровича силами преподавателей Вероники Всеволодовны Бавыкиной и Виктора Петровича Моисеева был создан учебно-лабораторный комплекс по курсу «Радиотехнические цепи и сигналы», охватывающий все основные темы названного курса. Позднее силами все тех же преподавателей на

этот комплекс была создана техническая документация для производства в заводских условиях. В результате 20 вузов СССР были оснащены лабораторными установками, разработанными на кафедре ОРТ.

В. В. Бавыкиной, В. П. Моисеевым и В. Ф. Камсковым было написано учебное пособие по лабораторному практикуму по курсу «Радиотехнические цепи и сигналы» и издано союзным издательством «Высшая школа» под редакцией профессора Кашеева Б. Л. пособие выдержало два всесоюзных издания.

В 1967 году выходит книга Б. Л. Кашеева, В. Н. Лебединца, М. Ф. Лагутина «Метеорные явления в атмосфере Земли», которая явилась фактически продолжением монографии 1961 г. На этой книге выросло не одно поколение ученых-исследователей радиометеоров. Монография 1967 г. не только подводит итог успешному исследованию метеоров в Харькове в 1957–1967 гг., она в ряде стран стала справочным руководством по проведению радиолокационных измерений. Впоследствии исследованию влияния начального радиуса и амбиполярной диффузии на качество измерений уделялось также много внимания в работах харьковской школы исследований метеоров.

В 1968–1970 гг. в течение двух лет коллектив лаборатории совместно с Институтом астрофизики Таджикистана с помощью многоканальной автоматической радиолокационной системы (МРЛС) «Тропик» (разработанной и изготов-

ленной в Харькове) проводил наблюдения метеоров в экваториальной зоне. Экспедиция решала две задачи: исследование циркуляции атмосферы по наблюдению дрейфа метеорных следов и притока метеорного вещества в северную и южную полусферы по данным МРЛС, работающей на экваторе. Обе задачи фактически решались впервые в мировой науке. Комплексные наблюдения метеоров в тяжелых экваториальных условиях проводились под руководством академика АН Тадж. ССР. П. Б. Бабаджанова (Душанбе) и профессора Б. Л. Кашеева (Харьков). Были получены фундаментальные материалы, астрономического и геофизического направлений. Во время проведения экспедиции по измерениям в Могадишо (Сомали) было определено базисным методом более 6000 орбит метеорных тел. Опубликовано два каталога. Одновременно проводились измерения дрейфа метеорных следов в Харькове и Душанбе на радиолокаторах с одинаковыми параметрами по одинаковой методике.

В 1971 году в связи с ликвидацией радиотехнического факультета в Харьковском политехническом институте кафедры ОРТ в полном составе вместе с полевой лабораторией была переведена в Харьковский институт радиоэлектроники (ХИРЭ), ныне Харьковский национальный университет радиоэлектроники. Преподаватели и сотрудники кафедры сразу же активно включились в учебную и научную жизнь нового для них института и стали успешно сотрудничать с другими его кафедрами. В частности, с кафедрой радиотехни-

ческих систем, которой в то время заведовал доцент Евгений Григорьевич Прошкин. Сотрудникам этой кафедры были предоставлены помещения в полевой лаборатории и созданы условия, необходимые для проведения научных работ.

Кафедра «Основы радиотехники» начала вести учебный процесс не только на радиотехническом, но и на других факультетах института. Преподаватели ведут такие курсы, как: «радиотехнические цепи и сигналы» (позднее «Сигналы и процессы в радиотехнике»), «Основы теории цепей», «Основы радиотехники и радиотехнические устройства» для студентов факультета конструирования радиоаппаратуры, «Основы радиотехники» для студентов факультета электронных приборов и другие.

Позже на радиофакультете открывается специальность «Многоканальная электросвязь», которая со временем выделяется в отдельный факультет, на базе которого ныне функционирует факультет телекоммуникаций. Кафедра ОРТ начинает вести курсы «Теория линейных электрических цепей» и «Теория нелинейных электрических цепей», для этой специальности. Позднее, когда на этом факультете открывается специальность «Метрология, стандартизация, сертификация», кафедра начинает вести для нее курс «Теория электрических сигналов и цепей» и другие курсы.

В составе ХИРЭ кафедра ОРТ продолжает выполнять важные научно-исследовательские работы для Министерства Обороны СССР, Харьковского НИИ метрологии и дру-

гих организаций в области передачи информации через метеорный канал радиосвязи, и в частности, по прецизионному сличению шкал разнесенных в пространстве хранителей времени. Благодаря усилиям сотрудников и преподавателей кафедры в этой области были достигнуты высокие результаты, имеющие важное народнохозяйственное значение. В этом направлении следует особо отметить работы Б. С. Дудника, Ю. А. Ковалья, С. Ф. Семенова, Ю. А. Лемана, В. В. Бавыкиной, В. П. Моисеева, Г. В. Нестеренко. Впоследствии на базе этих исследований Юрий Александрович Коваль защитил докторскую диссертацию, стал профессором кафедры ОРТ и подготовил *** кандидатов наук.

Одновременно продолжают работы в области исследования орбит метеорных тел и притока метеорного вещества на Землю. Это направление возглавил Юрий Иванович Волощук, защитивший по результатам своих работ сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации и возглавивший кафедру «Основы радиотехники» в период с 1987 по 1997 годы. В отечественных и зарубежных изданиях Юрием Ивановичем было опубликовано *** научных трудов и под его руководством подготовлено *** кандидатов наук.

С 1972 года в полевой лаборатории начала работать многофункциональная автоматизированная радиолокационная система МАРС, разработанная и изготовленная в Харькове, позволяющая исследовать метеор: как астрономический объект, как физическое явление, как своеобразный датчик

для исследования атмосферы, как средство связи и т. п. Тщательно проводимое регулярное определение параметров аппаратуры, учет факторов замечаемости, сравнение с публикуемыми в печати данными позволило сделать вывод, что МАРС – самая чувствительная радиолокационная система в мире, позволившая наблюдать метеоры до +14т. Каталог 5317 орбит индивидуальных метеоров до +12т (зарегистрированных в течение 1–2 суток непрерывных измерений в каждом месяце 1975 г.) Б. Л. Кашеева и А. А. Ткачука считается одним из наиболее точных и статистически однородных каталогов метеорных орбит.

В 1972–1978 гг. в Харькове на системе МАРС были проведены измерения численности метеоров, скорости метеоров, индивидуальных радиантов. На статистическом анализаторе численности метеорных отражений (САЧМО) на втором уровне чувствительности за указанные годы было зарегистрировано более 20 млн метеоров. Получено более 250 тысяч орбит метеорных тел, выявлено 2405 гиперболических орбит.

На основе длительных рядов экспериментальных наблюдений метеоров с января 1974 г. по декабрь 1978 г. в Харькове создана компьютерная база данных параметров радиометеорных регистраций, не имеющая аналогов в мире по количеству собранного материала (приблизительно 200 тыс. пакетов параметров индивидуальных метеоров).

Большие достижения на кафедре ОРТ связаны с приме-

нением современных математических моделей и новой методологии исследований, а также широкого использования ЭВМ.

Для оценки структуры и параметров модели вероятностного пространства изучаемого объекта по результатам измерительных экспериментов была создана под руководством Ю. И. Волощука автоматизированная система сбора и обработки радиометеорной информации АССОРМИ, представляющая собой комплекс МРЛС-ЭВМ. В монографиях 1981 и 1989 гг. описана параметрическая модель, позволяющая прогнозировать оценки временных рядов метеорного потока. Разработана достаточно простая процедура интерпретации численности метеоров, регистрируемая МРЛС в одном пункте. Получены распределения скоростей и плотности радиантов спорадических метеоров по небесной сфере, оценки закона распределения метеорных тел по массе. Была решена задача оперативного оценивания безопасности для космических аппаратов и одна из фундаментальных задач метеорной астрономии, которая ряд лет ставилась перед исследователями метеоров во всем мире: определение притока метеорного вещества на Землю. Методом имитационного моделирования по результатам многолетних измерений численности радиометеоров на статистическом анализаторе, являющемся подсистемой МАРС, получены распределения плотности радиантов по небесной сфере и оценки притока метеороидов с массой больше 10-5 г.

Для выяснения общих закономерностей распределения метеорного вещества в пространстве реализован новый в метеорной астрономии качественный подход, базирующийся на фундаментальных физических законах. В 1995 г. разработан алгоритм выявления скрытых «периодичностей» в распределениях элементов орбит метеорных тел, полученных косвенными методами.

Проведен статистический анализ выборок спорадических и потоковых метеороидов, позволивший выявить основные отличия в многомерных распределениях элементов орбит спорадических и потоковых метеорных тел.

Таков далеко не полный обзор трудов, выполненных на кафедре в области метеоров под руководством профессора Б. Л. Кашеева, который в продолжение без малого тридцати лет возглавлял кафедру «Основы радиотехники». Борис Леонидович являлся членом Международного астрономического союза, почетным членом Украинской астрономической ассоциации, был сопредседателем рабочей группы V-2 «Исследование метеоров» (1979–1983), возглавлял метеорную секцию Межведомственного геофизического комитета при Президиуме АН СССР (1978–1991), был научным руководителем Советской экваториальной метеорной экспедиции (1968–1970).

Юлий Гарбузов
Харьков, Украина

Достижения радиолокационных астрономических исследований метеоров в Харькове

Всемирно известными исследователями метеоров как астрономических объектов радиолокационным методом являются украинские ученые, проводящие свои исследования более сорока лет в Харькове под руководством профессора Б. Л. Кашеева.

Б. Л. Кашеев является членом Международного астрономического союза, почетным членом Украинской астрономической ассоциации, был сопредседателем рабочей группы V-2 «Исследование метеоров» (1979–1983), возглавлял метеорную секцию Межведомственного геофизического комитета при Президиуме АН СССР (1978–1991), был научным руководителем Советской экваториальной метеорной экспедиции (1968–1970).

Метеор – явление, происходящее в средней атмосфере Земли при вхождении мелких твердых космических частиц массой не менее 10^{-9} г и не более примерно 10 г. Явление это заключается в испарении частиц и возникновении плазменного образования – метеорного следа, образующегося в результате столкновения испарившихся метеорных атомов с молекулами и атомами газов земной атмосферы чаще всего

в диапазоне высот от 110–105 до 85–80 км. В среднем метеорные следы имеют протяженность около 15 км/с начальным радиусом примерно 1–2 м.

Метод радиолокационных наблюдений метеоров основан на регистрации метеорного радиоэха – радиоволны, отраженной от ионизированного следа метеора. Если регистрируется только факт отражения, говорят о наблюдениях численности метеоров. При регистрации амплитудно-временных характеристик АВХ (изменений амплитуд радиоэхо во времени вследствие дифракции радиоволн на следе), зная расстояние до следа, можно вычислить скорость метеорного тела (метеороида). Такой метод радиолокационных наблюдений метеоров называется импульсно-дифракционным. Он применяется в Харькове. Если используется несколько разнонесенных на расстояния от 5 до 50 км приемников (базисный метод определения орбит), то можно определить ориентацию наблюдаемого следа метеора – координат радианта (точки пересечения с небесной сферой траектории движения метеорного тела в атмосфере Земли). Зная скорость и координаты радианта, дату и время наблюдения метеора, можно рассчитать орбиту метеорного тела в Солнечной системе.

Радиолокационные исследования в Харькове включают разработку и техническую реализацию аппаратурных радиолокационных средств; регулярные наблюдения численности метеоров, определение скоростей, радиантов и орбит ме-

теорных тел; получение надежных и статистически обеспеченных рядов наблюдений; разработку и реализацию оптимальных методик обработки данных; широкую автоматизацию и компьютеризацию исследований; разработку и уточнение физической теории взаимодействия метеорных тел с атмосферой; интерпретацию данных о метеорах с учетом последних достижений науки.

Целью астрономических исследований кафедры является создание количественной и качественной моделей распределения метеорного вещества в космическом пространстве вблизи орбиты Земли и распределения метеорных тел в Солнечной системе.

Применение радиолокационной техники во время второй мировой войны дало начальный толчок развитию радиолокационных исследований метеоров в послевоенное время. С 1957 г. после запуска первого искусственного спутника в связи с началом интенсивного освоения космического пространства все метеорные исследования, и радиолокационные в Харькове в частности, стали проводиться по государственным и международным программам и проектам. Первым из них был проект Международного геофизического года МГГ (1957 г.). В результате по всей планете была создана сеть пунктов, где проводились исследования метеоров различными методами: визуальным, фотографическим, радиолокационным. Позже были подключены прямая регистрация метеорных тел на космических аппаратах, телевизионные на-

блюдения и другие методы.

Исследования метеоров по этим программам планировались и координировались рабочими группами, в работе которых неизменно принимал участие руководитель харьковских исследований профессор Б. Л. Кашеев. В 1958 г. он вошел вместе с В. Н. Лебединцом в состав комиссии 22 «Метеоры и метеориты» Международного астрономического союза (МАС), с декабря 1979 г. в течение шести лет был сопредседателем рабочей группы V-2 «Метеорные исследования» Международной ассоциации геомагнетизма и аэронауки (МАГА), в 1978–1991 гг. заместителем председателя метеорной секции Междуведомственного геофизического комитета при Президиуме АН СССР. Это свидетельство международного признания высокого научного уровня метеорных исследований в Харькове и их весомого вклада в метеорную науку.

С 1957 г. начали проводиться регулярные измерения численности метеоров в Харькове, а с 1959 г. проводились определения индивидуальных орбит метеорных тел.

Интерпретация наблюдаемых радиоданных с первых дней потребовала проведения тщательного анализа возникновения различных погрешностей аппаратуры, используемой радиометодом, развития физики метеоров, оценки различных факторов избирательности. Эти вопросы освещены в монографии Б. Л. Кашеева, В. Н. Лебединца (до 1961 г. работал в Харькове), 1961. Ниже приведена рецензия профессора А.

С. Астаповича на эту монографию. В 1967 году выходит книга Б. Л. Кащеева, В. Н. Лебединца, М. Ф. Лагутина «Метеорные явления в атмосфере Земли», которая явилась фактически продолжением монографии 1961 г. На этой книге выросло не одно поколение ученых-исследователей радиометеоров. Монография 1967 г. не только подводит итог успешному исследованию метеоров в Харькове в 1957–1967 гг., она в ряде стран стала справочным руководством по проведению радиолокационных измерений. Впоследствии исследованию влияния начального радиуса и амбиполярной диффузии на качество измерений уделялось также много внимания в работах харьковской школы исследований метеоров.

В 1968–1970 гг. в течение двух лет коллектив лаборатории совместно с Институтом астрофизики Таджикистана с помощью многоканальной автоматической радиолокационной системы (МРЛС) «Тропик» (разработанной и изготовленной в Харькове) проводил наблюдения метеоров в экваториальной зоне. Экспедиция решала две задачи: исследование циркуляции атмосферы по наблюдению дрейфа метеорных следов и притока метеорного вещества в северную и южную полусферы по данным МРЛС, работающей на экваторе. Обе задачи фактически решались впервые в мировой науке. Комплексные наблюдения метеоров в тяжелых экваториальных условиях проводились под руководством академика АН Тадж. ССР. П. Б. Бабаджанова (Душанбе) и профессора Б. Л. Кащеева (Харьков). Были получены фундаментальные ма-

териалы, астрономического и геофизического направлений. Во время проведения экспедиции по измерениям в Могадишо было определено базисным методом более 6000 орбит метеорных тел. Опубликовано два каталога. Одновременно проводились измерения дрейфа метеорных следов в Харькове и Душанбе на радиолокаторах с одинаковыми параметрами по одинаковой методике.

С 1972 г. в Харькове начала работать многофункциональная автоматизированная радиолокационная система МАРС, разработанная и изготовленная в Харькове, позволяющая исследовать метеор: как астрономический объект, как физическое явление, как своеобразный датчик для исследования атмосферы, как средство связи и т. п. Тщательно проводимое регулярное определение параметров аппаратуры, учет факторов замечаемости, сравнение с публикуемыми в печати данными позволило сделать вывод, что МАРС – самая чувствительная радиолокационная система в мире, позволявшая наблюдать метеоры до +14 т. Каталог 5317 орбит индивидуальных метеоров до +12т (зарегистрированных в течение 1–2 суток непрерывных измерений в каждом месяце 1975 г.) Б. Л. Кашеева и А. А. Ткачука считается одним из наиболее точных и статистически однородных каталогов метеорных орбит.

В 1972–1978 гг. в Харькове на системе МАРС были проведены измерения численности метеоров, скорости метеоров, индивидуальных радиантов. На статистическом анали-

заторе численности метеорных отражений (САЧМО) на втором уровне чувствительности за указанные годы было зарегистрировано более 20 млн метеоров. Получено более 250 тысяч орбит метеорных тел, выявлено 2405 гиперболических орбит. Детально исследовался вопрос о существовании метеорных тел с гиперболическими орбитами. Это могут быть межзвездные частицы, тела, рожденные в Солнечной системе, или ошибки наблюдений. В харьковских данных количество таких орбит составляет 1–2 % от общего числа и не может быть объяснено только ошибками измерений.

На основе длительных рядов экспериментальных наблюдений метеоров с января 1974 г. по декабрь 1978 г. в Харькове создана компьютерная база данных параметров радиометеорных регистраций, не имеющая аналогов в мире по количеству собранного материала (приблизительно 200 тыс. пакетов параметров индивидуальных метеоров).

Большие достижения на кафедре основ радиотехники связаны с применением современных математических моделей и новой методологии исследований, а также широкого использования ЭВМ. Поскольку при наблюдениях метеоров регистрируются не сами метеорные тела, а явления, которые они создают в атмосфере Земли, т. е. световое излучение при оптических наблюдениях и ионизированный след при радиолокационных, то для перехода от наблюдаемых характеристик метеоров к истинным характеристикам метеорных тел следует учесть избирательность метода наблюдения

по отношению к различным параметрам, в первую очередь к скорости метеорных тел. При этом необходимо пользоваться выбранной теоретической моделью метеорных явлений. В харьковских радиолокационных исследованиях была выбрана параметрическая модель, в основе которой лежит имитационное моделирование метеорных явлений. Сформулированы прямая и обратная задачи радиолокации метеоров. Обратная задача косвенных измерений рассмотрена как основа ряда наук, в том числе и метеорной астрономии, метеорный комплекс причислен к сложным стохастическим объектам. Решение обратной задачи в этом случае требует привлечения методов, базирующихся на математическом аппарате теории вероятностей и математической статистики, ориентированных на использование ЭВМ.

Для оценки структуры и параметров модели вероятностного пространства изучаемого объекта по результатам измерительных экспериментов была создана под руководством Ю. И. Волощука автоматизированная система сбора и обработки радиометеорной информации АССОРМИ, представляющая собой комплекс МРЛС-ЭВМ. С помощью апостериорно-модельного подхода для АССОРМИ был разработан алгоритм переработки информации, который позволяет получать статистическим методом усредненные распределения гелиоцентрических скоростей и элементов орбит метеорных тел с массой больше некоторой предельной. Компенсация избирательности производится методом нелинейных преоб-

разований (МНП) в дополнение к весовому. В монографиях 1981 и 1989 гг. описана параметрическая модель, позволяющая прогнозировать оценки временных рядов метеорного потока. Разработана достаточно простая процедура интерпретации численности метеоров, регистрируемая МРЛС в одном пункте. Получены распределения скоростей и плотности радиантов спорадических метеоров по небесной сфере, оценки закона распределения метеорных тел по массе. Для получения оценок плотности потока метеорных тел с массой выше некоторой граничной применено имитационное моделирование. Была решена задача оперативного оценивания безопасности для КА и одна из фундаментальных задач метеорной астрономии, которая ряд лет ставилась перед исследователями метеоров во всем мире: определение притока метеорного вещества на Землю. Методом имитационного моделирования по результатам многолетних измерений численности радиометеоров на статистическом анализаторе, являющемся подсистемой МАРС, получены распределения плотности радиантов по небесной сфере и оценки притока метеороидов с массой больше 10-5 г.

Для выяснения общих закономерностей распределения метеорного вещества в пространстве в Харькове реализован новый в метеорной астрономии качественный подход, базирующийся на фундаментальных физических законах. За основу были взяты только самые общие представления о метеорной материи. Общепринятую количественную модель

метеорного комплекса для мелких метеороидов, включающую в себя «сферическую» и «плоскую» составляющие, с новой точки зрения можно рассматривать как некое упрощение-предположение. Сделан вывод о системной природе метеорного комплекса. Получено, что распределение Ципфа-Парето обуславливает вероятностную структуру пятимерного пространства элементов орбит метеорных тел. Закономерности в распределении метеорных тел проверялись путем применения кластер-анализа к экспериментальным данным, полученным разными методами. Гиперболические закономерности распределений метеороидов в пространстве особенно четко проявились при анализе данных прямых регистраций на космических аппаратах. В 1995 г. разработан алгоритм выявления скрытых «периодичностей» в распределениях элементов орбит метеорных тел, полученных косвенными методами. Удалось показать, что в распределениях орбит по величине большой полуоси, полученных разными методами (фотографическим, телевизионным, радиолокационным) и разными исследователями, с высокой достоверностью наблюдаются регулярные периодические составляющие, частоты и периоды которых хорошо согласуются с теоретическим прогнозом Ю. К. Гулака о наличии закономерностей в распределении метеорного вещества в виде кольцевых структур.

Анализ многомерных распределений орбитальных характеристик метеорных тел из харьковского банка данных,

включающего результаты радиолокационных и фотографических наблюдений, показал, что существуют семейства астероидных и кометных метеоров, образующих более или менее компактные группы, проявляющие себя в статистике элементов орбит и связанные с родительскими телами. Есть четко выраженные структурные особенности, вызванные влиянием планет, гравитационных и негравитационных эффектов. Обнаружена совокупность стационарных (устойчивых) орбит, размеры которых образуют дискретные спектры. Эта часть роев и ассоциаций, выявленная в метеорном комплексе, является не результатом дробления единого для роя родительского тела, а наоборот, сформировалась из метеорных тел, не связанных родством, в процессе эволюции их орбит под воздействием неизвестных эффектов в Солнечной системе (родительское тело в этом случае отсутствует). Системная природа метеорного вещества предполагает новую модель эволюции твердой составляющей межпланетного пространства: родительское тело – его распад с образованием роя – рассеивание роя (образование спорадического фона) – перегруппировка орбит и концентрация частиц на стационарных орбитах – образование новых роев и ассоциаций.

Разработана методика и пакет прикладных программ для выделения потоков метеороидов из выборок большого объема. Методика базируется на алгоритме кластер-анализа ФОРЕЛЬ, использует в качестве меры расстояния между орби-

тами в пространстве элементов орбит D-критерий Саутворта-Хокинса и самые общие подходы анализа данных – случайный перебор центров кластеров (средних орбит гипотетических потоков), расчет на каждом этапе поиска нескольких вариантов таксономии, многошаговую процедуру отсева случайных группировок орбит. Из выборки 160000 орбит метеороидов, определенных в Харькове на системе МАРС, выделено более 5000 метеорных потоков.

Проведен статистический анализ выборок спорадических и потоковых метеороидов, позволивший выявить основные отличия в многомерных распределениях элементов орбит спорадических и потоковых метеорных тел. Показано, что хотя численность потоковых метеоров в 1,5 раза превосходит численность спорадических, плотность потока метеороидов, принадлежащих потокам, в три раза ниже плотности потока спорадических метеороидов.

На основе анализа элементов и квазипостоянных параметров орбит получены оценки вклада астероидов групп Аполлона, Амура, Атона (AAA-астероиды), пояса астероидов, коротко- и долгопериодических комет в комплекс потоковых и спорадических метеорных тел. Для этого использовались как формальные критерии, так и методы многомерной классификации при наличии обучающих выборок (дискриминантный анализ) и классификации в случае, когда распределения классов известны, базирующиеся на критерии отношения правдоподобия. Показано, что среди потоковых ме-

теороидов с массой более 10-5 г, пересекающих сферу радиусом 1 а. е. вокруг Солнца, 72 % являются продуктом дезинтеграции ААА-астероидов, 3 % произошли от астероидов пояса, 19 % являются продуктом дезинтеграции ядер короткопериодических и 6 % – долгопериодических комет. Таким образом, среди потоковых метеороидов 75 % имеют астероидное происхождение (72 % ААА-астероиды), среди спорадических 37 % астероидного происхождения (32 % ААА-астероиды).

Исследование метеоров имеет многовековую историю. Это убедительно показано в энциклопедическом труде – «Метеорные явления в атмосфере Земли» (1958). Однако только широчайшие возможности радиометода (наиболее полно реализованные в Харькове) в сочетании с развивающимися фотографическими и космическими методами, развитием физики, математики, а также развитием ЭВМ, позволили перейти в последние годы на качественно новый уровень познания метеорных явлений и метеорного вещества в Солнечной системе. Стало возможным решение прикладных задач: в радиотехнике, в системах единого времени и частоты – эффективного использования радиометеорного канала связи, в геофизике – оперативного определения скорости и направления ветра в диапазоне высот 80–110 км, в космических исследованиях – надежных оценок безопасности полетов. Результаты харьковских исследований опубликованы в девяти монографиях и двух каталогах, в более чем трех-

стах статьях, докладывались на международных и республиканских конференциях, симпозиумах, отраслевых научных советах.

Развитие метеорных исследований в Харькове во многом обязано многолетней работе на кафедре основ радиотехники Б. Л. Кашеева, В. Н. Лебединца, Ю. И. Волощука, Ю. А. Ковалю, защитивших докторские диссертации в 1961, 1967, 1984 и 1994 гг. соответственно. В 1994 г. за монографию Ю. И. Волощука, Б. Л. Кашеева, В. Г. Кручиненко «Метеоры и метеорное вещество» авторы получили премию НАН Украины им. Н. П. Барабашова. Последние результаты и перспективы дальнейших метеорных исследований в Харькове приведены в монографии «Метеоры сегодня» (1996 г.), в ряде статей Б. Л. Кашеева и Ю. И. Волощука, опубликованных в журнале «Астрономический вестник» (1997–1999 гг.).

Ряд фундаментальных работ был выполнен коллективом по исследованию параметров радиометеорного канала связи. Работы велись в течение нескольких лет на трассе Харьков—Ульяновск (длина трассы 900 км). Результаты этих исследований были опубликованы в Москве в 1963 г. в журналах «Электросвязь». Полученные экспериментальные данные позволяли сделать заключения о возможном подслушивании информации, передаваемой по метеорному каналу связи, о пропускной способности каналов такой связи. Полученные экспериментальные данные существенно отличались от данных, полученных за рубежом, и используются рядом

исследователей передачи информации по радиометеорному каналу.

Траектория движения Земли вокруг Солнца пронизывает облако астероидов и комет, орбиты которых проходят очень близко к земной. Совокупность этих объектов (NEOs) представляет опасность для жизни на Земле. Первым шагом для оценки и предотвращения опасности является создание в ближайшие годы банка данных для большинства NEOs, размеры которых достаточно велики (приблизительно больше 1 км), чтобы вызвать глобальную катастрофу. Из них известно только 5–6 %. Специальные дорогостоящие инструменты и программы, ориентированные на решение именно этой задачи (Spacewatch, LONEOS, GEODSS), могут решить эту задачу приблизительно за 10 лет.

Отметим следующее. Во-первых, все перечисленные программы ориентированы на поиск только одного важного, но не единственного и не самого опасного, как оказалось, подмножества NEOs, а именно: астероидов групп Аполлона, Атона и Амура. Объяснить это можно тем, что невозможно создать инструмент и программу, одинаково чувствительные к объектам, орбиты которых существенно отличаются. Во-вторых, все оптические методы, кроме прочего, обладают избирательностью к характеристикам объектов, в частности к их альбедо. Следовательно, неизвестными останутся в основном объекты с низким альбедо. Поскольку альбедо астероида определяется и его происхождением, это при-

ведет к избирательности и к элементам орбит NEOs. Наконец, последнее. Почему опасными приняты объекты размером больше 1 км? Очевидно, разработчики проекта The Spaceguard Survey исходили из того, что возможности оптических наземных наблюдений объектов меньших размеров не позволяют надеяться, что в обозримом будущем можно гарантировать достаточно высокое заполнение банка NEOs такими объектами. Вывод: для получения оценок реальной опасности необходимо использовать и другие методы наблюдений NEOs, к которым относится косвенный метод оценки элементов орбит NEOs по известным орбитам метеорных потоков, родительскими телами которых они являются.

Идею метода проще всего объяснить на классическом примере из метеорной астрономии. Орбита потока Геминиды была известна еще в XIX веке, однако родительское тело его открыто только в конце XX. Таким образом, орбита NEO Phaethon была известна человеку за сто лет до его обнаружения. Другой пример: двойной астероид Тоутатис был открыт в 1989 году, но орбита потока, связанного с ним, была получена в Харькове в конце 1970-х годов. К настоящему времени известны сотни потоков метеороидов, и только для нескольких десятков из них найдены родительские тела. Если предположить, а для этого есть все основания, что и у остальных, или по крайней мере у большинства метеорных роев, проявлениями которых в атмосфере Земли являются метеорные потоки, есть источники, поддерживающие попу-

ляцию метеороидов на уровне, позволяющем выявить их на фоне спорадических метеороидов, то отсюда следует, что в каталогах орбит метеорных потоков содержится ценная информация о NEOs, которые пока не обнаружены другими средствами наблюдений. Одним словом, метеорный рой, а в некоторых случаях и метеорный поток, можно рассматривать как пылевой след в межпланетном пространстве более крупного родительского тела. Поскольку метеорные потоки наблюдаются пока только с Земли, их орбиты всегда пересекаются с орбитой Земли, а орбита родительского тела и метеороидного роя, связанного с потоком, если и не пересекается с орбитой Земли, то расположена вблизи нее и в процессе эволюции может стать таковой.

Юлий Гарбузов
Харьков, Украина

Лікарка

Оповідання

I

Давненько це було... Давненько. Ще не відгриміла друга світова війна. Але незабаром мала вже скінчитися. Радянські війська вели потужний наступ на Берлін, а союзники тіснили ворога з заходу, піддаючи німецькі міста нищівним бомбардуванням.

Марія Андріївна, на той час старший лейтенант медичної служби, командувала евакопотягом, який забирав поранених воїнів з передової та розвозив по тилових шпиталях. Важко було двадцятисемирічній жінці терпіти фронтові негаразди. День і ніч мало чим відрізнялися для неї: прийом поранених та надання їм першої кваліфікованої допомоги, розподіл по вагонах для легко- і важкопоранених, надання допомоги по дорозі, якщо пацієнтам ставало гірше, заходи з протиповітряної оборони, якщо німці бомбардували потяг і таке інше. А тут ще й чотирирічний синок при ній, якого вона не хотіла залишати вдома зі старенькою свекрухою.

– Куди ж ти з дитиною, Марійко? Залиш зі мною, невже я не догляджу свого ріднесенького онука? Чи, може, я тобі

чим не догодила під час окупації? Ми ж з тобою останній кусень хліба ділили, – плачучи, казала старенька.

– Ні, мамо, ви дуже добре ставились і до мене, і до дитини. З пелюшок Івасика виходили. Кращої за Вас бабусі та свекрухи й уявити не можу.

– А чого ж ти його, дитинонько моя, під кулі везеш? Мачуха ти, а не рідна мати... – старенька присіла на стілець, витираючи очі рушником, вологим від сліз.

– Заспокойтесь, мамо, заспокойтесь. Зрозумійте мене, я не можу інакше. Батька в нього вже немає – ще у жовтні сорок першого «похоронку» отримали. А якщо й я накладу головою? Дитина залишиться і без батька, і без матері. А так – удвох загинемо, якщо доля.

– А я ж для чого? Хто в мене ближчий за Івасика?..

– Ви, пробачте, людина не молода. А ну як із Вами що? Із ким він залишиться? Із дядьками та тітками? То, пробачте, для нього чужі люди, хоч і Ваші діти. Ростиме тоді пригнічений та поневірений. Ким така дитина може вирости?! У якої ж матері серце від таких думок на шматки не розірветься?!

Ось так і опинилася Марія Андріївна разом із сином Івасиком в евакопотягу. Поки вона робила свої повсякденні справи, Івасик бігав вагонами, де його по черзі доглядали фельдшери, дбайливі медсестри та легко поранені. Переважна більшість із них залишили вдома власних діточок, тужили за ними і віддавали частку своєї батьківської турботи Івасикові.

Покличуть хлопчика до свого купе, поставлять на столик і просять:

– Івасику, розкажи віршик.

Спочатку хлопчик соромився, а потім посміливішав. Стане, мов по команді «струнко» і починає декламувати:

Отец командиром ушел на войну,

ушел на борьбу с врагами.

Я тоже люблю свою страну,

но только я мал годами...

Сидять поранені, слухають та нишком сльози витирають.

Пригощають Івасика хто чим: хто шоколадом, хто печивом, а хто цукерочкою.

– Ну як, Івасику, смачно?

– Смачно. Дуже смачно.

– А що треба сказати?

– Дякую, – каже Івасик і червоніє від сорому, що забув подякувати.

Юлий Гарбузов

Харьков, Украина

Es gibt die Dinge, die besser nicht zu haben sind; es gibt die Kräfte, mit denen es besser ist nicht zu spielen.

Существуют вещи, которых лучше не иметь; существуют силы, с которыми лучше не играть.

Умирает старуха (немецкого происхождения) и, оставляя квартирантке Леночке завещание на квартиру, все, что в квартире и наличные в ящике письменного стола, просит уничтожить стоящую на нем статуэтку кошки из цветного стекла – бросить ее в печь, где варится стекло для пивных бутылок. На вопрос «Зачем?» она отвечает на своем родном языке: «Es gibt die Dinge, die besser nicht zu haben sind; es gibt die Kräfte, mit denen es besser ist nicht zu spielen». С этими словами она умирает, оставляя Леночку в недоумении.

После оформления квартиры Леночка рассматривает статуэтку, поражаясь красоте ее исполнения. Ее не оставляет ощущение, что кошка живая. Она ставит ее в спальне на прикроватную тумбочку, любит ее и разговаривает с нею от скуки.

Работая продавцом в мебельном магазине, Леночка мечтает о повышении в должности и зарплате, но тщетно. Начальство не замечает ее стараний, не видит ее квалификации, и освободившуюся должность заводит делом мягкой ме-

бели отдают Аньке, девчонке пронырливой и авантюристичной, проработавшей в магазине всего полгода.

Леночка в отчаянии. Ложась спать, она гладит статуэтку кошки, обращаясь к ней:

– Видишь, кисонька, как несправедлива жизнь. Я так мечтала о повышении, и оно было уже практически у меня в кармане. И тут... эта Анька. Откуда она взялась на мою голову?

Юлий Гарбузов

У подъезда

Начало событий – февраль 1985 года.

Действующие лица (возраст на момент начала событий):

МАРИНА СТЕПАНОВНА, 68 лет.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА, 59 лет, падчерица Марины Сте-

пановны.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, 57 лет, муж Алисы Савельевны.

АЛИК, 26 лет, их сын.

РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ, 44 года, сын Марины Сте-

пановны.

САША, 46 лет, жена Ростислава.

АННА ПАНТЕЛЕЕВНА, 75 лет, мать Саши.

Дети Ростислава и Саши:

НИКИТА, 21 год.

ВИКТОР, 16 лет.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ, 76 лет, сосед Ростислава и Са-

ши.

ОКСАНА, 20 лет, будущая жена Никиты.

АРТЕМ, 1987 г. рождения, сын Никиты и Оксаны.

ТАМАРА, 19 лет, будущая жена Виктора.

ДИМА, 1995 г. рождения, сын Виктора и Тамары.

ГРУЗЧИКИ в синих комбинезонах с ремнями для носки мебели.

1. ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1.1. КАРТИНА ПЕРВАЯ (начало февраля)

Комната Ростислава и Саша. В кресле сидит Ростислав и смотрит телепрограмму новостей. Саша у доски гладит белье. На полке (тумбе) книжного шкафа стоит клавишный телефонный аппарат. Каждый сосредоточен на своем занятии, друг на друга не обращают внимания. Раздается электронный сигнал телефона.

САША. Ростик, подойди!

РОСТИСЛАВ. Подойди ты – это тебе.

САША. Ты же видишь – я глажу!

РОСТИСЛАВ. Все равно это тебе. И все равно ты подойдешь. Или сказать, что тебя нет?

САША. Ростик! Ты же ничего не делаешь! Тебе что, трудно задницу поднять?

РОСТИСЛАВ. Ладно, подойду. Только если тебе – скажу, что ты подойти не сможешь и положу трубку! Да! Добрый вечер, мама.

САША. Ну вот. Только нервы треплешь! Видишь – это твоя мамочка!

(пауза)

РОСТИСЛАВ. Сейчас? Уже десятый час вечера! (пауза) Да что случилось, мама? Да что ты шепчешь, громче скажи. Хорошо, сейчас перезвоню.

САША. Что там опять за проблемы?

РОСТИСЛАВ. Не знаю. Говорит шепотом, просит пере-

звонить, чтобы ей снять трубку в другой комнате.

САША. Что еще за капризы?

РОСТИСЛАВ. (Набирает номер.) Алло, мама! Что? Умер? Боже мой, так неожиданно! А почему ты боялась говорить из спальни? Может слышать? Мертвый – слышать? Мама, ты же врач! Хорошо, сейчас еду. (Кладет трубку.) Саша, Савелий Палыч умер. Я еду туда.

САША. Что за спешка? Не понимаю, чем ты можешь помочь, если он уже умер? Он что, не подождет до завтра?

РОСТИСЛАВ. Ей страшно одной ночью с покойником. Что тут непонятного?

САША. Что ж, езжай, если так. Деньги на такси есть?

РОСТИСЛАВ. Добавь десятку на всякий случай.

САША. (Дает деньги.) Приедешь – позвони, а то я волну юсь.

РОСТИСЛАВ. (Целует Сашу.) До завтра. Обязательно позвоню. (уходит)

САША. (Одна) Интересно, этот старый сквалыга что-нибудь ей оставил после себя?

Занавес.

1.2. КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Марины Степановны. За поминальным столом сидят: Марина Степановна, Ростислав, Никита, Алиса Савельевна, Николай Иванович и Алик. На серванте стоит фото-

графья покойного Савелия Палыча, повязанная черной лентой. Рядом с нею рюмка водки, на ней кусок хлеба. Саша обслуживает: убирает со стола грязную посуду, ставит чистую. Подает блюдо с жареным гусем. Ставит бутылки с напитками.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Поднимает рюмку. Плачет.) Позвольте мне сказать... Мы собрались по очень печальному поводу... Проводили в последний путь нашего дорогого... Савелия Палыча... (Плачет. Вытирает глаза носовым платком.) Мы с ним прожили... тринадцать лет. Всякое было в нашей с ним жизни – как в сказке не проживешь. Но... с ним мне было много лучше, чем теперь... без него. Господи, упокой его душу! Царство ему небесное и земля пухом. (Крестится. Все пьют.)

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. (Закусывает.) Да, папа был человеком с характером. С мамой у него тоже всяко бывало.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да, он рассказывал мне. «Я, – говорил он, – и пил в молодости, Дуся намучилась со мной».

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Верно, он и пил, и гулял, и мама мучилась с ним всю жизнь. Ни меня, ни Алика он не любил и открыто говорил об этом. Но деньги делать он умел из ничего.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Он говорил – в молодости. И при мне он иногда подрабатывал на своей «Волге».

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Он еще и теперь на автомобилях подрабатывал. Получал, как инвалид войны, и продавал

тут же. А себе покупал подержанную. Как та «Волга». Семь лет – и получал новую. Бесплатно, как инвалид.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Он и эти «Жигули» в прошлом году получил. И на Вас переоформил. Чтобы в случае чего мне не досталась.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Нет, эта машина оформлена на меня.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Какая разница! Он и на Алика собирался ее оформить – со мной советовался.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Это я его просила. Но он почему-то упорно отказывался. Еле уговорила на меня оформить.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Простите, что так говорю о покойном, но он все же очень скупым был! Каждую копейку делил. Все прогадать боялся, скрупулезно считал, кто из нас кому сколько должен. Сначала меня это очень злило, обижало. А потом я привыкла. Решила, что, может, так оно и лучше.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Э, да это началось у него с пятидесяти лет! Вдруг он стал скупиться мне на одежду, маме на базар выдавцом давать начал, расписывать, что по чем брать. Потом с нее подробный отчет спрашивать, остаток отбирать весь до копеечки! И как Вы, Марина Степановна, могли столько лет такое выдерживать? Ведь с годами это обостряется.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. И, тем не менее, с ним мне

было лучше, чем теперь – без него. Я уже говорила. Он был таким интересным собеседником! Щадил меня, помогал во всем. И внуки мои, Никита и Виктор, любили с ним общаться.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Я это знала. И даже порой ревновала. Об Алике меньше говорил, чем о Никите и Викторе!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Но Алику он все студенческие годы помогал. В общежитие ездил.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. А вот Алик жаловался, что в Ваше отсутствие он ему и стакана чая ни разу не предложил. А деньгами – только Вы могли его выручить.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Это верно. Деньги – это был его пунктик. Но Алика он очень любил. Просто любовь его, как и многое другое, выражалась довольно-таки своеобразно. А сколько он знал интересных историй!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Ни одной ни разу не слышала! Да, со своей первой семьей он не любил общаться! Только долг исполнял. И то, скрипя сердце.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Давайте сегодня вспоминать о нем только хорошее. Вот один раз мы с ним...

(Звенит звонок.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Кто-то пришел. Никита, пойдди открой.

(Никита выходит. Тут же возвращается.)

НИКИТА. Бабушка, там сосед пришел. Помянуть Савелия Палыча.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (в растерянности) Пусть войдет. По христианскому обычаю положено.

(Никита выходит и приводит полупьяного неряшливо одетого человека, лет семидесяти. Тот без приглашения усаживается за поминальный стол. Наливает полный фужер водки. Глядя на него, Марина Степановна и Алиса Савельевна понимающе переглядываются.)

СОСЕД. (к Алисе Савельевне слегка заплетающимся языком) К-кем был п-покойничек?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Полковником. Отставным полковником.

СОСЕД. (патетическим тоном) Товарищи! Ушел от нас полковник! Инвалид Отечественной Войны! В-выпьем за упокой души полковника! Мир праху твоему, дорогой Савелий Иванович!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Павлович!

СОСЕД. Чего?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Моего теперь уже, к сожалению, покойного мужа звали Савелий Павлович.

СОСЕД. А-а-а, да – Павлович! Хороший был человек! Умел ценить добро в людях! Выпьем з-за все то хорошее, что он сделал и что мог бы сделать еще! Из-звин-ните, но на поминках не чокаются... А жаль... (Глокает водку и слезы. Закусывает. Изучающе осматривает стол. Тянется к бутылке, которую только что поставила Саша.)

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. (наклонившись к Марине Сте-

пановне) Кто это?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Понятия не имею. Впервые вижу. В нашем подъезде таких нет.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Как бы его спровадить? Было так хорошо – все свои.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ростик, подойди ко мне, дело есть. (Ростислав подходит к Марине Степановне и наклоняется. Марина Степановна что-то шепчет ему на ухо.)

РОСТИСЛАВ. Ясно. Я как раз подумал об этом, но постеснялся проявить инициативу. (Встает. Берет бутылку, к которой тянется сосед и, обойдя вокруг стола, подходит к нему.) Вот, уважаемый... Как Вас по имени-отчеству?

СОСЕД. К-коля... Н-николай Петрович... А что?

РОСТИСЛАВ. Уважаемый Николай Петрович! Вот – помяните усопшего, инвалида войны, полковника, Савелия Палыча! Спасибо, что зашли. А то нам уже расходиться пора – мне на работу завтра рано – с половины восьмого. И еще домой добираться. (Заворачивает в салфетку соленый огурец и кусок колбасы. Кладет в полиэтиленовый кулек. Добавляет пару поминальных пирожков и протягивает соседу.)

СОСЕД. Понял! Спасибо! (Рассовывает угощения по карманам пиджака. Встает и, пошатываясь, идет к выходу вслед за Ростиславом. Внезапно останавливается и поворачивается к присутствующим.) Царство небесное полковнику! (Ростислав слегка подталкивает его. Оба выходят.)

РОСТИСЛАВ. (возвращаясь к столу) Слава Богу, мирно

выпроводили. Я бы его не впустил – откупился бы еще у входа бутылкой пива!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Спасибо, Ростислав... Простите, забыла Ваше отчество?

РОСТИСЛАВ. Николаевич. Но это не столь существенно. Последнее можно и опускать.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Можно? Спасибо. С папиных слов мы с Николай Ивановичем привыкли к Вам, как к Ростик-ку, а к жене Вашей, – как к Саше. (к Саше.) Можно так?

САША. Ничего. Все в порядке.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Так, нас немного перебили. Мы остановились на том, что машину и гараж Савелий Палыч завещал Алисе Савельевне.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (в недоумении) Гараж?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Да, уважаемая Марина Степановна. Гараж.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Он говорил незадолго до смерти, с неделю тому назад, что гараж он оставляет мне. «Машина будет Алисе, а гараж – тебе».

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Забыл, значит. Он еще летом оформил завещание на Алису Савельевну.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Нотариально?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Да, уважаемая Марина Степановна. Нотариально.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Мне хотелось бы взглянуть на это завещание.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Завтра мы Вам предоставим такую возможность. А сейчас давайте продолжим поминки. Ростик, как Вы насчет того, чтобы еще по коньячку? За царство небесное.

РОСТИСЛАВ. С удовольствием.

(Николай Иванович наливает коньяк. Поднимает стопку. За ним Ростислав.)

НИКИТА. Папа, тебе хватит.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да-да, не увлекайся.

САША. Ростик, достаточно.

(Ростислав явно нервничает, но стопку поднимает)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. По-моему, мы все в норме. За продолжение наших отношений! (Оба пьют.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Может, перейдем к сладкому? Или Вы еще покушаете?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Лично я – за сладкое.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А мы с Ростиком еще помянем покойного, а потом и сладкого.

САША. Нет, ему уже хватит.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Коля, не настаивай. Люди знают, что говорят. Ты – помяни, а Ростик ухватит.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. В одиночку не буду. Ростик, Вы как?

(Ростислав молчит. Демонстративно отодвигает стопку и продолжает сидеть с поникшим видом.)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Тогда сладкое.

(Саша подает сладкое.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Я никак не могу поверить, что Савелий Палыч обещал гараж мне, а оставил Вам.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. (с сарказмом) Завтра сможете убедиться воочию. И еще. Папа показал мне две сберкнижки. Одна на меньшую сумму, а другая – на большую где-то в два раза. Точно сумм не помню. И сказал: «Алиса, вот эта книжка – с большей суммой – останется тебе. А эта – Марине Степановне».

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А мне он сказал другое. Книжка с большей суммой – мне, а с меньшей пусть делит нотариус.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Зачем спорить? Завтра вместе пойдем в сберкассу и ознакомимся с завещанием. Потом к нотариусу сделать заявления о принятии наследства. Сашенька, можно еще чашечку чая?

(Саша наливает чай и подает Николаю Ивановичу.)

РОСТИСЛАВ. Как Вам поминальные пирожки?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Великолепные. Вот – еще один съем. (Берет пирожок из стоящего на столе блюда и ест.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Завтра, так завтра. А сейчас я Вам с Алисой Савельевной и Алику постелю здесь, в зале. На кровати Савелия Палыча лягу я. Саша – рядом со мной на кресле-кровати. А мои мужчины поедут домой. Возражения есть?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Нет, мы поедем в гостиницу. У

нас забронирован номер. Спите все вместе. Ростуку и Никите трудно будет добраться домой. Уже поздно. Нам легче – мы на машине.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А кто поведет?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Я, разумеется. У Алика тоже есть права.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Но Вы же оба пили коньяк. Как Вы за руль сядете?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Да сколько мы там пили? Кроме того, уже поздно, милиция отдыхает. Откупимся, если что.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (ко всем) Кому еще чайку? Кофе? Алик, пирожки бери. Николай Иванович!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Нет, нам уже пора. Сейчас я помогу Вам с Сашей убрать со стола.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Нет, что вы! Во-первых, Саша уже почти всю посуду перемыла. А во-вторых, мы все привыкли убирать сами. Спасибо, конечно, но мы управимся за полчаса.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Коля, тогда пойдем. Алик, заканчивай чаевать. Одевайся.

(Алиса Савельевна, Николай Иванович и Алик встают и выходят. Марина Степановна вслед за ними. Саша, Ростислав и Никита убирают со стола.)

ГОЛОСА ИЗ-ЗА СЦЕНЫ:

МАРИНА СТЕПАНОВНА. До свидания! Ждем Вас завтра утром.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Будем в десять.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Нет, не раньше двенадцати. Алик плохо спит. Может не выспаться. Нотариус работает до пяти вечера. Успеем.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Когда придете, тогда придете. Лучше, если Вы предварительно позвоните.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Обязательно позвоним! До свидания.

Занавес.

1.3. КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Квартира Марины Степановны. За столом сидят: Марина Степановна, Алиса Савельевна, Николай Иванович и Алик.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Как же это так могло случиться, что папа оставил Вам основную книжку, а ту, вторую, не удосужился отписать вообще никому? Он же мне четко все рассказал, что и как распределил. Вот и Коля, и Алик – живые свидетели.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Очевидно, точно так же, как и то, что гараж он обещал мне, а отписал на Вас, уважаемая Алиса Савельевна.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Ну, знаете ли! Это уж слишком! Какое в принципе отношение к гаражу имеете Вы, уважаемая Марина Степановна? И к этим сбережениям? Все это нажито им с моей мамой. Он добывал деньги, а она за ним уха-

живала, сносила его характер, пьянство, оскорбления, скудность. В этих сбережениях все ее здоровье и, если хотите, жизнь. Вы ведь тоже врач и знаете, что рак – на нервной почве. А мама умерла от рака груди.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Дорогая Алиса Савельевна. Я тоже сносила его характер тринадцать лет. А это тоже немало. И характер его с каждым годом становился все тяжелее. Вы сами об этом вчера сказали. Кроме того, я за ним ухаживала во все время его болезни. А Вы только наезжали, и не чаще, чем раз в полгода. И Вам, и мне он говорил одно, а сделал другое. На то, видимо, и тайна завещания. Кроме того, неизвестно еще, от чего предстоит умереть мне.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Так, спорить, мне кажется, не стоит. Давайте сохраним наши прежние отношения. Как при Савелии Палыче.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Полностью поддерживаю Николая Ивановича.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну и хорошо. Тогда я предлагаю сделать так. Вам, Марина Степановна, и той, второй сберкнижки хватит. Алиса откажется от нее нотариально. Завтра же. А Вы переведите на нее ту книжку, которую он обещал нам. Верно?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Искусственно улыбается.) Я отвечу так, уважаемый Николай Иванович. Воля умершего священна. Как разделил, так разделил. Останемся каждый при своем.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Вон Вы как! Эти сбережения принадлежат по праву мне и Алику. (Алик кивает в знак согласия.) Они сделаны еще при маме. Вас тогда мы и папа, в том числе, не знали.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вот тут Вы неправы, Алиса Савельевна. И та, и другая книжки заведены при мне. Извольте посмотреть сами. Вот. (Алиса Савельевна смотрит.)

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Ну и что же? Папа покупал и продавал машины. В связи с этим закрывал и открывал счета. А средства-то накоплены еще при маме.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Средства эти накоплены при мне. А то, что накоплено при Вашей маме, Савелий Палыч отдал Вам еще пять лет тому назад. Ведь он мне говорил, советовался, и я не возражала. Наоборот, я советовала ему отдать эти деньги Вам и Алику. Он даже удивлялся моему такому отношению. И Алик тому свидетель. Верно, Алик?

АЛИК. (Пожимает плечами и издает какой-то неопределенный звук, похожий на мычание.)

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Интересно, какое участие принимали именно Вы, уважаемая Марина Степановна, в накоплении этих средств?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А такое, что по предложению Савелия Палыча мы жили только на мою пенсию, а его пенсию откладывали. Кроме его машин, покупок мы почти не делали. А с этих денег, что мы откладывали, он и машины покупал-продавал, и детали к ним. Как инвалид войны по-

купал по госцене, а продать он умел, Вы сами знаете. Вот и накопили мы кое-что. А если он гаражом распорядился по своему усмотрению, то это была его воля. Я к нему не в претензии.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Еще бы! Гараж – это особстатья, и Вы к нему не имеете никакого отношения. Он построен при маме. А вот сберкнижками он просто не успел распорядиться, как обещал мне. Неужели Вы считаете, что я лгу?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Зачем же так? Я могу так же спросить насчет того, что он обещал мне гараж. Вы считаете, что это я лгу?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Это совершенно разные вещи. Вам и так, Марина Степановна, столько перепало! Квартира ведь тоже при маме получена, а я уступаю ее Вам безоговорочно. Будьте же и Вы столь благородны!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Не в благородстве дело. Он с самого начала забрал меня в эту квартиру и сказал, что она отныне моя. Драгоценности Вашей мамы он тоже мне предлагал. Я отказалась, сказала, что только Вы их законная наследница. Когда мы впервые приехали к Вам в Кременчуг, он норовил замять это дело, молчал и говорил, что надо все обдумать. А я громко, в присутствии Вас всех троих сказала: «Так! А сейчас передай Алисе драгоценности ее матери. Она единственная, кто имеет на них право!» Вы, я надеюсь, этого отрицать не станете?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Марина Степановна! По-друго-

му и быть не могло. А в случае книжек это уже иначе называется!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. И как же именно?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Стяжательство!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (голосом, срывающимся на плач) Даже так? Не ожидала от Вас этого!..

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Мы от Вас тоже не ожидали, что Вы как хищница накинётесь на чужое добро!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Плачет.) Стыдились бы... Я к Вам всей душой... всегда... А вы!

Раздается звонок. Все замирают. Звонок повторяется, потом еще.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Алик! Спроси, кого там принесло?

(Алик выходит. Возвращается с Никитой.)

НИКИТА. Здравствуйте! (С недоумением смотрит на Марину Степановну, вытирающую слезы.) Бабушка! В чем дело? (Марина Степановна молчит.) Николай Иванович! Почему бабушка плачет? Что Вы тут с нею делаете?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Здесь идет деловой разговор. Не вмешивайся. Твоей бабушке никто ничего плохого не делает и не сделает. Лучше пойдите вдвоем с Аликом погуляйте с полчасика.

НИКИТА. Оно и видно, что ничего! Вы что, накиннулись на бабушку все втроем? Нет! Никуда я не пойду! И бабушку обижать не позволю!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Мал еще так дерзить! Твой номер восемь, надо будет – попросим!

НИКИТА. Не давите на меня возрастом, Николай Иванович! И не грубите. Гражданские права у нас одинаковые!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Марина Степановна! Попросите, пожалуйста, своего внука вести себя соответственно и выйти, пока мы закончим разговор!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (преодолевая плач) Нет, это мой внук, и он будет присутствовать при всем разговоре, если того пожелает. Я же не выгоняла отсюда Алика, хотя Вы все втроем напали на меня!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, раз так, тогда разговор может пойти совсем по другому руслу! Обещаю, мы пустим в ход все свои связи и козыри!

НИКИТА. Только не надо нас страшать! Против Вас мы тоже имеем хорошие козыри!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Интересно, какие против нас могут быть у Вас козыри? Мы честные люди и нечего брать нас на Бога!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (полностью овладев собой) А те, которые нам оставил Савелий Палыч! Он знал Вас и предвидел, что после его смерти Вы начнете выкручивать мне руки.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Например!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Номера автодеталей, из гаража роддома, которым заведует Алиса Савельевна – это раз!..

(Загибает палец.)

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Так! Хватит упражняться в словоблудии! Нам пора ехать! Вечером мы заедем за вещами, которые остались от папы! Хотели оставить Вам, но дело приняло иной оборот! Коля! Алик! Идем!

(Николай Иванович, Алиса Савельевна и Алик встают, поспешно собирают сумки и направляются к выходу.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ну, что же – до вечера!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. (едко) Будьте здоровы!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. (с сарказмом) Доброго здоровья!

(Никита выпроваживает гостей и возвращается.)

НИКИТА. Скатертью дорожка!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Подходит к Никите и обнимает его.) Спасибо! Спасибо, внучек, что вовремя подоспел и выручил бабушку... (Плачет.) Я чуть уж, было, не слалась...

НИКИТА. Что ты, бабушка! Грех отказываться от того, что принадлежит тебе по праву. Мы все всегда с тобой, родная! Как говорили революционеры, наше дело правое – мы победим! Вэнсэрэмс!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (вытирая слезы, с улыбкой) Но пасаран!

Занавес.

1.4. КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вечер. Полупустая квартира Марины Степановны. За столом сидят Марина Степановна и Никита. У двери стоит Алиса Савельевна. Два грузчика в комбинезонах выносят на ремнях шифоньер.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Марина Степановна, Вы подготовили диван? Я его тоже забираю.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Забирайте – милости прошу. Конечно же, я поняла, что Вы даже с этим барахлом не расстанетесь, и вынула изнутри свои вещи.

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Дело не в этом, как Вы говорите, барахле.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Улыбается.) А в чем же?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. (Многозначительно) Алик вырос на нем!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Чепуха! Он же весь облез и отрухлявел. Я давно уговаривала Савелий Палыча выбросить его. И если бы Вы его не забрали, выбросила бы сегодня же!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Для нас это свято, а для Вас – только мусор. Как и многое другое.

(Входят грузчики.)

1-й ГРУЗЧИК. Хозяйка! Что теперь выносить?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Вот этот диван, пожалуйста.

(Грузчики поднимают диван. От него отваливается боковина и на пол высыпается трухлявая стружка. Грузчики опускают диван и останавливаются в нерешительности.)

2-й ГРУЗЧИК. (Вопросительно смотрит на Алису Савельевну.) Выносить?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Конечно! Там починим, и будет служить еще сто лет!

(Марина Степановна и Никита смеются. Грузчики выходят с диваном, подхватив боковину. Входит Алик.)

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Алик, возьми эту вазу и статуэтку. (многозначительно) Это бабушкина память.

(Алик берет со стола металлическую вазу на высокой ножке и гипсовую статуэтку, изображающую спящую вакханку или кого-то в этом роде и выходит. Алиса Савельевна обходит комнату, придирчиво осматривая оставшиеся вещи. Входят грузчики.)

1-й ГРУЗЧИК. Хозяйка, что теперь брать?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Пожалуй, все.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Как? А этот стол? А стулья, кресла, буфет, кровать в спальне Савелия Палыча? Кресло-кровать?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Нет, пусть останется Вам.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Разве Алик вырос не при этих вещах?

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Очень остроумно! Над святым смеетесь! Для нас это свято!

НИКИТА. Ах, какая патетика!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Не язви, Никита. Мы ведь тоже люди и понимаем, что и Марине Степановне также должно что-то остаться в память о покойном.

НИКИТА. Не скажите, какое благородство! Так оставьте гараж! Это же вечная память!

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. Какать маком будешь, миленький! Тебе и так больше всех перепало!

(Никита и Марина Степановна смеются. Грузчики выходят.)

АЛИСА САВЕЛЬЕВНА. (Берет в руки сумку с вещами.) Все. Заприте дверь, Марина Степановна. До встречи у нотариуса через полгода!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Теперь зачем и запирать? До встречи, Алиса Савельевна!

НИКИТА. Пока! Бог Вам на помощь!

(Алиса Савельевна выходит.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ну, что, внучок? Теперь мы одни, наконец. Помянем вдвоем Савелий Палыча.

(Марина Степановна выходит. Никита снимает со стола скатерть и стряхивает. Застилает снова. Садится за стол. Входит Марина Степановна с подносом. На подносе бутылка вина и тарелки. Никита откупоривает бутылку и разливает по бокалам.)

НИКИТА. Садись, бабушка. (Марина Степановна садится.) Ну, царствие небесное новопреставленному рабу Божию

Савелию! Пухом ему земляца!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (с грустью в голосе) Царство небесное и земля пухом!

(Надпивают и ставят бокалы. Закусывают. По-воровски озираясь, вбегает Алик. Никита и Марина Степановна смотрят на него с недоумением. Алик подбегает к стене, у которой стоял диван, и торопливо снимает старый, побитый молью ковер.)

НИКИТА. (Поднимается.) Ты что, сучонок, делаешь, не спросясь? (Марина Степановна кладет ему на плечо руку и садит на место.)

АЛИК. (трусливо озираясь) Это мама бабушке дарила! (Второпях неуклюже скомкав ковер, идет к выходу. Край ковра падает, волочится по полу.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Алик, подожди минутку! (Алик останавливается, как загипнотезированный.) Подумай, пожалуйста, может быть, еще что-нибудь возьмешь?

АЛИК. Нет, уже все.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ну, тогда с Богом!

(Алик выходит.)

Занавес.

2. ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

2.1. КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Конец апреля. Подъезд высотного дома. У подъезда на краю лавочки, опершись на палочку, сидит Антон Прокофьевич, одетый в кашемировый плащ синего цвета, и смотрит по сторонам. На голове синий берет, из-под которого видны седые волосы. Его сталинские усы тоже совершенно седые. Из подъезда со скучающим видом выходит Марина Степановна. Останавливается. Медленно подходит к лавочке и садится с другого края. Из сумки достает журнал и, надев очки, начинает читать. Так проходит минуты три. Антон Прокофьевич пододвигается к соседке и, поправив на голове берет, улыбаясь, обращается к Марине Степановне.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Здравствуйте, соседка! О чем бишь читаете?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (не отрываясь от журнала) Здравствуйте. Я не соседка. (Продолжает читать.)

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Как это – не соседка? Вы же в этом доме живете?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (не отрываясь от журнала) Нет.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А я Вас вижу здесь уже не в первый раз. К кому-то в гости?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (не отрываясь от журнала) Может быть.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Почему Вы такая неразговорчивая?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Чего Вы от меня хотите?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Просто поговорить. А что?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. У Вас манеры уличного пристава.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Мы с Вами уже не в том возрасте. Вы сели рядом. Явно чего-то ждете. Мне тоже скучно. Вот я и хочу поговорить с Вами. Что тут такого?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ничего. Просто Вы мне мешаете читать. (Продолжает читать. Пауза.)

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Жаль, что Вы такая необщительная. Хотя бы в двух словах рассказали, о чем сейчас пишут.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А сами Вы что, неграмотный?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (с сожалением) Грамотный. Может, даже слишком. Только читать не могу – катаракта.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Опускает журнал и смотрит на соседа.) Давно? Когда Вам поставили этот диагноз?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Восемь месяцев назад. А что?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Но что-нибудь Вы видите? Сколько пальцев я Вам показываю?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Три.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А сейчас?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Два.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Придвигается к соседу и протягивает журнал.) Очки у Вас при себе? (Он достает и надевает очки.) Вот этот заголовок можете прочитать? Попробуйте.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (Читает.) Мечеть Купол Скалы.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Отлично. (Листает журнал.) А вот здесь?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (Читает.) Академия успеха.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А ниже? Попробуйте ниже.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (Берет в руки журнал, приближает к глазам, потом отдаляет, наклоняет голову то вправо, то влево. Потом возвращает журнал Марине Степановне.) Нет, не могу. Все сливается в какой-то мути.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ясно. Ваша катаракта еще не созрела. Созреет, тогда можно будет прооперировать. Вы можете вернуть себе зрение.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вы врач?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Понятно. Окулист.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Почти. Дерматовенеролог.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А я думал – окулист. Вы так профессионально меня обследовали!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Просто как любой врач.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А окулист, к которому меня водила дочь, говорит, что сейчас можно оперировать в любое время. Не нужно ждать созревания. Я вот и думаю, думаю. Боюсь я операций, доктор. Вы где работаете?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Смеется.) Я на пенсии.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Да что Вы! Такая молодая! Простите за нескромность, а сколько же Вам лет?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. В феврале шестьдесят восемь исполнилось. А Вам, если не секрет?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Я же говорил – Вы молодая. Мне уже семьдесят шесть. Вот так. Меня зовут Антоном Прокофьевичем. А можно узнать, как зовут Вас?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Меня – Марина Степановна.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вот мы и познакомились. Очень приятно. Марина – значит морская.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Прожила почти семь десятков, а на улице познакомилась впервые. (Смеются вместе)

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А почему на улице? По-соседски – возле нашего подъезда.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Это не мой подъезд, я уже говорила.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. К кому же Вы пришли в гости?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. К сыну. И еще к невестке и внукам.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А говорите, что здесь не жи-

вете. Да это больше, чем из нашего дома. Где бы Вы ни были, Ваши душа и сердце все равно здесь.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Откуда Вы знаете?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Да иначе просто быть не может!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Пожалуй – да. А Вы здесь давно живете?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вот с декабря месяца.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Поменялись сюда?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Не совсем. (с сожалением) У меня была шикарная квартира в центре. Все рядом, такой ремонт! Чешская сантехника...

МАРИНА СТЕПАНОВНА. И что случилось?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Инсульт.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Что-что?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Инсульт. Со мной случился инсульт. Я был парализован. Потом отошел. Но полностью в движениях не восстановился. Хожу вот с палочкой. Левая нога – как колода. И рука тоже – как не моя.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Инсульт – дело серьезное. Но нужно все равно двигаться. Иначе двигательные функции будут все больше угнетаться.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Двигаюсь как могу. И вокруг дома хожу, и на троллейбусную остановку дочку встречать. А вот в лес ходить боюсь, хоть он и рядом – через дорогу. Людей никого не знаю, а самому опасно – вдруг плохо станет.

Первый инсульт – это первый звонок с того света.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. В одиночку ходить нельзя. Найдите компанию. Вы же человек общительный.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вот – пытаюсь. Но пока что я никак на новом месте освоиться не могу.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А квартира? Что стало с квартирой?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Теперь там живет внучка с семьей. Семейный обмен. А то случись что со мной – квартира пропадет ведь. Такая была шикарная квартира! Моя покойная жена Галина Куприяновна души в ней не чаяла, как родное чадо холила. После ее смерти я в ней порядок, как мог, поддерживал. Но было уже не то... Я горевал по ней, и квартира тоже горевала без своей хозяйшки. А эти – уже успели ее так загадить! Я как посмотрел – решил больше там не появляться, чтобы второй инсульт преждевременно не хватил! Тяжело...

Антон Прокофьевич достает носовой платок. Вытирает глаза. Сморкается. Комкает платок и кладет в карман.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да не переживайте Вы, Антон Прокофьевич! Пусть как хотят! Раз Вы не в состоянии больше обслуживать свою квартиру, радуйтесь, что есть кому ее отдать? А здесь Вы с кем живете?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. С дочерью. И зятем. (Глубоко вздыхает.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Что, не ладите с ними? Ко-

му-то не нравится Ваш переезд?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Разумеется. Зять мечтал о рабочем кабинете, а тут я занял одну комнату и потеснил его.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А раньше? В этой комнате, наверное, жили внучка со своим мужем?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Юридически – да. Но на самом деле они снимали квартиру здесь неподалеку. А дочка с зятем вдвоем жили.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ничего, пусть радуются, что Ваша внучка теперь не платит бешеные деньги за частное жилье, а живет в дедовой квартире!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Все равно, теперь я у них как прыщ на лбу. Им лучше было бы, если бы я умер.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да Вы, я вижу, пессимист! Принимайте жизнь такой, как она есть. Ведь у нас сейчас такой возраст, что каждый день мы что-то теряем, что-то становится уже не для нас. Закон природы, и мы вынуждены ему подчиняться. Выше нос, Антон Прокофьевич! Скажите лучше, кем Вы были по профессии?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Metallургом. Я заканчивал механико-металлургический институт.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А работали по специальности?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Конечно. Всю жизнь.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Интересно, а где это в нашем городе металлургические предприятия?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А зачем металлургические? Где металл, там и металлург.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. И где же Вы возились со своим, простите, металлом?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. На танковом заводе, милая моя Марина... Простите, забыл как по отчеству...

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Степановна. Марина Степановна. Но только я совсем не Ваша милая!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Простите, это я так, к слову. Устыдился, что забыл Ваше отчество.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Поняла. Всех женщин, чье отчество Вы внезапно забываете, Вы считаете своими милыми!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Ну, вот-те на! Острие, значит.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Что вы! Это я так, к слову!

Появляется Саша, согнувшаяся под тяжестью ноши. В одной руке рабочая сумочка и хозяйственная сумка, горой наполненная луком. В другой – авоська со свертками, поверх которых лежит пара ни во что не завернутых замороженных уток. Увидев беседующих, Саша останавливается и с улыбкой подходит к свекрови.

САША. Здравствуйте!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (слегка смутившись) Здравствуй, Сашенька! (к Антону Прокофьевичу) Вот моя невестка Сашенька. А это Антон Прокофьевич, Ваш сосед.

САША. Очень приятно. Антона Прокофьевича я здесь

вижу частенько. А почему Вы не идете в дом?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Сашенька, я забыла дома ключи от Вашей квартиры.

САША. (улыбаясь) Как всегда! А я по пути с работы встряла в очередь – купила лука, потом мяса, килограмм колбасы по два десять, сахара. Выхожу из троллейбуса, а на остановке очередь – синяя птица. Вот я и выстояла. Давали по одной – две штуки выпросила. Очередь меня чуть не сожрала! Все такие злые!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Да, народ сейчас злой. В магазинах пусто. Вот у меня и деньги есть, а купить ничего не можем.

САША. (Смеется.) А тут и денег нет, и в магазинах пусто, и очереди повсюду. Ну что, бабушка, пойдем Ваших внуков встречать. Скоро поприходят; и сын Ваш тоже.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да, пожалуй. До свиданья, Антон Прокофьевич. Спасибо за компанию.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. До свидания, Марина Степановна. Приятно было познакомиться. Приходите – я здесь часто сижу, буду Вас ждать.

(Саша и Марина Степановна уходят.)

Занавес.

2.2. КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Ростислава и Саши. Посредине комнаты стол,

на котором стоит букет цветов. Саша протирает шваброй пол. На диване сидят Марина Степановна и Виктор – играют в карты.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Восемь.

ВИКТОР. Десять!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Еще восемь.

ВИКТОР. Девятка.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. На тебе еще девяточку!

ВИКТОР. Опять десятка!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вот тебе козырная десяточка!

ВИКТОР. Валет!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Бито! Ходи, Витенька.

ВИКТОР. Два короля с козырным!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Взяла.

ВИКТОР. Козырный туз!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Опять взяла.

ВИКТОР. Семерка!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Дама!

ВИКТОР. Теперь ты осталась! Три-два, моя польза!

САША. Мойте руки. Будем кушать.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Не хочется идти кушать дурочкой, но что поделаешь! Пойдем, Витенька.

(Виктор и Марина Степановна выходят. Саша остается одна. Продолжает протирать пол. Поет.)

Любила очи я голубые,

Теперь люблю я черные.

Те были милые такие,

А эти непокорные.

(Входит Ростислав. Подтягивает Саше.)

РОСТИСЛАВ. Те были милья такая, а эти непокорныя!

САША. Ростик! Вечно ты появляешься внезапно, как привидение! Я каждый раз вздрагиваю!

РОСТИСЛАВ. (Целует Сашу.) Привет, Сашко!

САША. Я же тебя миллион раз просила – не называй меня Сашком! Как на конюшне!

РОСТИСЛАВ. Почему на конюшне?

САША. По телевизору фильм какой-то был. Там все время какой-то хозяин заглядывал на конюшню с криком «Сашко! Запрягай!» Или что-то подобное. Я что, конюхом у тебя служу?

РОСТИСЛАВ. А что тут страшного, конюхом? Труд не порочит человека!

САША. Но я не хочу быть конюхом! У меня другая профессия! Не хуже твоей, между прочим!

РОСТИСЛАВ. Лучше твоей – нет! И лучше тебя тоже нет!

САША. Ладно! Лучше бы помог пол протереть, а то бабушка с Витей уже пошли руки к обеду мыть.

РОСТИСЛАВ. Сочту за честь! (Пытается взять у Саши швабру.)

САША. Нет, лучше иди на кухню посуду ставь на стол. А то здесь все равно все не так сделаешь.

РОСТИСЛАВ. Вечно тебе не так! И там, в кухне, тоже будет все не так!

САША. Что же поделаешь, что ты у меня такой неудалый! Кроме своей работы ничего не умеешь. Да и как тебя еще оттуда не выгнали?

(Входит Никита. Целует Сашу, потом Ростислава.)

НИКИТА. Привет, родители! Опять дыркаетесь? Ей-Богу, женюсь!

РОСТИСЛАВ. Серьезно?

НИКИТА. Раз дома покоя нет, придется пристать к кому-то в приемы!

САША. Мы больше не будем! Только не женись. Закончи институт, потом аспирантуру, а тогда хоть каждый день женись!

НИКИТА. Нет, я хочу как Вы с папой – один раз и на всю жизнь.

РОСТИСЛАВ. Почему на всю жизнь? Может, мы отпразднуем серебряную свадьбу – и разведемся!

САША. Сделай одолжение! Хоть сейчас катись на все четыре стороны! Только квартиру мне оставь!

НИКИТА. Что за итальянская семья! Ни слова без восклицательного знака! Нет, уйду-таки в приемы!

(Входят Марина Степановна и Виктор.)

ВИКТОР. Никита, это ты здесь гандель поднял?

НИКИТА. Нет, это наши итальянские предки вздумали опять выяснять отношения.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Здравствуй, Никитушка! Родненький мой! (Целует Никиту.) Сашенька, я пойду посуду приготовлю. Скажи, что подавать, я сделаю.

НИКИТА. Только бабушка меня понимает. Она единственная, кто просто человек в этой семье. Все остальные – чистые идеалы.

САША. (Марине Степановне) Посуду расставьте, а подам я сама.

(Заканчивает протирать пол, снимает со швабры тряпку. Обе выходят.)

РОСТИСЛАВ. Не знаю как Вы, мужики, а лично я жрать хочу, как собаковод! Пошел мыть руки. Идем, Никита.

НИКИТА. Нет, я на кухне помою.

(Никита и Ростислав выходят. Виктор включает тяжелый рок. Вбегает Саша.)

САША. (Зтыкает пальцами уши.) Витя! Выключи! А то я с Вами здесь с ума сойду!

ВИКТОР. (Выключает.) Как Вы тут гандель поднимаете – я должен слушать! А послушать музыку, что, между прочим, намного приятнее, так сразу глушите! Так нечестно.

САША. (Обнимает Виктора за плечи.) Витюшок, пошли кушать. Мы с бабушкой уже все поставили. (Выходят.)

Занавес.

2.3. КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Кухня Ростислава и Саши. Саша, Ростислав, Никита, Виктор и Марина Степановна сидят за столом. Саша убирает посуду.

САША. Марина Степановна, что Вы будете пить: компот, чай или кофе?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Чай с лимончиком. Хотелось бы кофе со сгущенным молоком, но уже не могу – сердце.

НИКИТА. Бабушка, если немножко, то можно и кофе со сгущеночкой.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Нет, внучек, не могу уже. Отпила свое.

НИКИТА. Опять ты, бабушка, себя отпеваешь. Рано пока что. Ты у нас еще красавица.

САША. Что верно, то верно. За бабушкой еще кавалеры ухлестывают – только так! Правда, бабушка?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Смеется.) Вон какая ты острая на язык! (Никите) Сегодня я опять забыла от Вашей квартиры ключи. Села на лавочку у подъезда, жду кого-нибудь из вас. Кто первый придет. Подсел один старичок – недавно переехал сюда – и заговорил. Ну, поддержала я разговор этот, чтобы время побыстрее прошло. А тут мама Ваша, раз – и засекала. Теперь вот измывается!

САША. (Наливает чай.) Ой, бабушка! С Вами и не пошу-

тишь, уже обижаешься.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вот так шутки. Сегодня ты говоришь, что кавалеры, а завтра скажешь – любовники!

НИКИТА. И слава Богу! Выдадим еще раз бабушку замуж!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вот незадача! Уже и замуж! Только похоронили Савелия Палыча – всего три месяца! Совесть бы имели!

НИКИТА. Ну, немного повстречаться надо, узнать друг друга. Мы должны на него посмотреть, выяснить, что за семья. Чтобы не с бухты-барухты. Как раз и год пройдет, траур кончится.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вон ты какой завзятый! Как будто тебе семьдесят, а мне двадцать. Смотри, а то в угол поставлю!

НИКИТА. Ну, бабушка! Познакомишь меня с ним?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да теперь, после Ваших упрёков, я к нему и близко не подойду! Сплетники несчастные! А все ты, Саша!

САША. Невестка всегда во всем виновата.

РОСТИСЛАВ. (Допивает чай и ставит чашку.) Прекратите, пожалуйста. А то и вправду поругаетесь. Мама, не обращай на них внимания. Они и в меня как вцепятся, так только держись!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Спасибо, сынок! Кто бы меня еще защитил? Если что – переезжай ко мне. Всегда приму!

ВИКТОР. Вы видите, разозлите бабушку, так она еще и папу заберет у нас да женит на молоденькой. Там у нее дверь с дверью такая девочка живет, что папа точно клюнет!

НИКИТА. Тогда я маме кавалера приведу – аспиранта с большим будущим!

САША. Спасибо, сынок! За одного с большим будущим я уже выходила. Сами знаете, что из этого вышло!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. До чего же Вы все злаязыкие! Все! Прекратите! Не-то я сейчас же уйду. Обедом ведь уже накормили – можно и убежать.

НИКИТА. Кстати, о птичках! Мне ведь сегодня аспирантуру предложили.

РОСТИСЛАВ. Кто?

НИКИТА. Базилевич. Теорией распознавания образа увлечь меня хочет.

РОСТИСЛАВ. А это тебе по душе?

НИКИТА. Не знаю. Начну сотрудничать – там видно будет. Нужно еще летнюю сессию сдать да пятый курс закончить, диплом сделать и защитить. (проверить в самом начале, не о дипломе ли там речь идет?)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. С Богом, Никитушка! Я всегда в тебя верила, и ты мое доверие всегда оправдывал.

НИКИТА. Спасибо, бабушка. Твоя поддержка для меня важнее всего. Без твоего благословения я и шага не сделаю. Ты меня больше всех понимаешь и не возводишь в помпу мои огрехи. (Целует Марину Степановну.)

САША. Смотри, а то папа обидится!

РОСТИСЛАВ. Поздно уже! Как всегда, твои добрые советы – в свиной голос! Пойду программу «Время» смотреть.
(Выходит.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Встает, надевает Сашин передник.) Сашенька, я помою посуду. Отдыхай – иди с Ростиком телевизор смотреть.

САША. Спасибо, Марина Степановна. Мне как раз нужно кое-какие шмотки починить. Я же никогда не смотрю телевизор просто так. Обязательно что-нибудь делаю.

(Никита и Саша выходят. Виктор тоже направляется вслед за ними.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Витенька, ты сможешь мне посуду вытирать?

ВИКТОР. (Останавливается.) Конечно, бабушка.

(Виктор берет посудное полотенце. Марина Степановна моет посуду, Виктор вытирает и ставит на полку.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Витенька, ты умеешь хранить секреты?

ВИКТОР. Честно – не очень. Но твои секреты для меня священны. Можешь доверять, как самой себе.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Витенька, ты можешь мне подарить свое увеличительное стекло – то старое?

ВИКТОР. Конечно. У меня же есть линза, которую мне подарил папа. А что?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Только строго между нами.

Никому ни слова – согласен?

ВИКТОР. Конечно, бабушка. Зачем же тебе понадобилась моя конденсорная линза?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Наклоняется к Виктору.) Тот старичок не может читать – у него катаракта. А с этой твоей конденсаторной линзой...

ВИКТОР. Конденсорной, бабушка.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Конденсорной. Какая разница? Да, так с этой твоей линзой он сможет кое-как читать. Не возражаешь, если я ему ее подарю?

ВИКТОР. Нет, бабушка, не возражаю, раз это тебе приятно. Ведь тебе будет приятно ему помочь?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Приставляет ко рту ладонь ребром.) Еще как приятно! Только – тссс! А то они надо мной смеяться будут! Совсем затравят!

ВИКТОР. Что ты, бабушка, я тебя в обиду не дам!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вот и спасибо. Тогда пойдешь – положи ее в мою сумку. Только так, чтобы никто не видел.

ВИКТОР. Само собой, бабушка! (Выходит.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (себе) Боже мой! Что я делаю! Занавес.

2.4. КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же скамейка у подъезда Ростислава и Саши. На ней сидит Антон Прокофьевич в том же берете, но без плаща.

Входит Марина Степановна с хозяйственной сумкой. Увидев Антона Прокофьевича, она поворачивает в его сторону и садится рядом.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Здравствуйте, уважаемый Антон Прокофьевич!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (Вздрагивает.) Здравствуйте, Марина Сергеевна! Рад Вас видеть!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Степановна!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Что?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Я говорю, моего отца звали Степаном!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Простите, Марина Степановна! Виноват.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ничего. На первый раз прощается, второй раз начинается. Кажется, так говорили мои внуки, когда играли маленькими.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Мне очень нравится, что Вы своих внуков цитируете. Любите, значит.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Очень люблю. Даже больше, чем сына.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. У Вас один сын?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да, к сожалению.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А муж Ваш?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Мой первый муж – отец моего сына – погиб на фронте в самом начале войны. А за второго я вышла уже в пожилом возрасте. Тринадцать лет прожили.

Три месяца назад похоронила.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Любили его?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Какая уж любовь в этом возрасте!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Насколько я разбираюсь в арифметике, то когда Вы за него вышли, Вы были еще совсем молоды: Вам же не было и шестидесяти!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Это Вам с высоты своих семидесяти шести так кажется. А на самом деле пятьдесят пять – это уже, к сожалению, не молодость. Во всяком случае, для женщины.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Не могу с Вами согласиться. Пятьдесят пять – это еще завидная молодость.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Так можно спорить до бесконечности. Бог с ним, детство это или юность. Я хочу о другом. У меня для Вас кое-что есть.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Заинтриговали. И что же?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Достает из сумки завернутую в ветошь конденсорную линзу. Разворачивает.) Вот! Возьмите, пожалуйста.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Для чего это мне? Что я с этим буду делать?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Читать.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Читать? Как же это я сразу не сообразил? Сейчас... Попробуем. (Надевает очки.) А что читать?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Я предусмотрела и это! (До-
стает газету.) Ну-ка, попробуем сразу мелкий шрифт! Чи-
тайте-ка здесь.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (Читает.) Скоро наступит по-
ра летних отпусков. Получается! Много, конечно, не про-
чтешь, но что-нибудь интересное прочитать можно. Спаси-
бо. Сколько я Вам должен?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ну, знаете! Не думала, что Вы
это так воспримете.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Что значит «так воспримете»?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А то, что я к Вам всей душой,
помочь хотела, а Вы к этому отнеслись так, будто я ищу воз-
можность заработать на вас!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А чем плохо – заработать? И
Вы, и я всю жизнь проработали, зарабатывали, значит. Что
в этом плохого?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Не путайте грешное с правед-
ным, Антон Прокофьевич! Как будто не понимаете! Наив-
ность разыгрываете! (Встает.) Я пошла.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Сядьте, пожалуйста, Марина
Степановна. Я же не со зла. Спасибо, моя дорогая.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Садится.) Я не Ваша доро-
гая.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Уж не знаю, как к Вам и обра-
титься. Все Вам не так, все не по душе, даже сердечное об-
ращение.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. И мое, и Ваше сердечное обращение остались в прошлом. Отцвели уж давно хризантемы в саду!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Что верно, то верно. Хороший романс. (Напевает.)

Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
Но любовь все живет
В моем сердце больном...

МАРИНА СТЕПАНОВНА. О, да Вы, никак, поете! Между прочим, неплохо получается.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А я в заводском хоре лет тридцать пел. Иногда и соло выступал. У нас была такая самодеятельность! Мы даже за границу выступать ездили.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Это куда же, позвольте спросить?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. В Чехословакию, Польшу, Болгарию.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Тоже мне – заграница!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вы не считаете эти страны за границей?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Конечно!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Это почему же?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (замешкавшись) Откуда я знаю, может, Вы – нештатный сотрудник КГБ?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (С силой ударяет палкой о зем-

лю.) Да как Вы можете! Как Вы смеете на меня такое говорить?! Они мне за всю жизнь так надоели! Терпеть их не могу!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Почему?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Почему-почему! Надоели – и все!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Тогда скажу. В эти страны наши доблестные войска социализм на штыках принесли. Все там по нашему образу и подобию. Их руководители вечно подпевают нашим, своего мнения не имеют! Противно слушать по радио, смотреть по телевидению и в прессе читать! А Вы – заграница! Громко сказано!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Ошибаетесь, Марина Степановна! Руководители – это верно. Но в народе этот социализм нигде больше не прижился. В этих социалистических странах все его открыто ругают, смеются над ним.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Выходит, мы то ли глупее, то ли умнее всех?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Выходит, так!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Мне очень приятно, что Вы не боитесь говорить, что думаете.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Взаимно. Когда я работал, я терпеть не мог тех сотрудников, которые специально громко хвалили партию, Ленина и все советское. Особенно крикунов, которые драли глотку на собраниях, демонстрируя всем свою приверженность идеям коммунизма.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Хорошо, если искренне. А я вот работала и с такими, с которыми в кулуарах можно говорить, как с нормальными людьми, а выйдет на трибуну – такой идейный, просто тошнит.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Кстати, такие у меня вызывали больше уважения. Это значит, что люди все понимают, а выступают, потому что так надо.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Кому?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Им самим в первую очередь. Чтобы тех, кто следит за идеологией личности, не мучили сомнения, когда встанет вопрос о повышении, заграникомандировке и прочем. А вот те, которые искренне убеждены в праведности идей коммунизма, социализма и марксистско-ленинской идеологии, – тупые, твердолобые личности.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Если человек искренен, это уже хорошо. А вот тот, который манипулирует идеологическими понятиями, будучи себе на уме – форменный подлец.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Среди волков жить – по-волчьи выть. Иначе не бывает. Я не верю в абсолютную открытость людей.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. То-есть, Вы считаете, что любви, привязанности, дружбы и чистосердечия не существует?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. В чистом виде – нет! В чистом виде не существует ничего. Вот Вы врач. Скажите, существуют ли абсолютно здоровые люди?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Абсолютно здоровых нет...

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (Перебивает.) Вот так и абсолютно искренних тоже не существует.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Следует ли это понимать так, что Вы сейчас со мной тоже неискренни?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вот какая Вы въедливая! Играете на противоречиях, ловите меня на слове.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Не въедливая, а справедливая.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вы хотите сказать, что Вы всегда были абсолютно искренни, никогда не лгали, не лицемерили и прочее?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Именно так! Жила по совести.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Что, никогда в рабочее время своими личными делами не занимались? И ни разу в трамвае без билета не проехали?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ну, уж, Антон Прокофьевич! А говорите, что это я въедливая! Да такого зануды, как Вы, наверное, второго в мире не сыщется!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вы не ответили на мой вопрос.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да угомонитесь вы! Было. Разумеется – было. А у Вас не было?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Но я же не строю из себя святого, как Вы, Марина Степановна!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Это я, по-вашему, строю?

Знаете!..

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Ладно! Нелицемеров нет, если глубже копнуть. Одним словом, Ваша карта бита.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Достаточно, философ! Вы ко-го угодно запутаете и в ловушку заманите. В жизни не встре-чала порядочного философа! Просто уморили меня своей философией! Член партии, небось?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Конечно. А то как бы я стал главным?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вы были главным инженером Вашего завода?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Нет, главным металлургом.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Это, разумеется, тоже немало. Так Вы не отрицаете, что в партию вступили из-за рубля?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Именно так – не отрицаю. Я не из тех, кто ищет правду или справедливость. Их не суще-ствует.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Кого? Тех, кто ищет?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Нет, правды и справедливо-сти.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Перестаньте утомлять меня своей философией! Вы меня просто замучили!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А Вы, Марина Степановна, состоите в партии?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Нет. И никогда туда не стре-милась.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Ну и зря. Когда Ваш сын был маленьким, это помогло бы Вам в продвижении по службе и еще во многом.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Меня бы все равно не продвигали – я была в оккупации.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Да, тогда это было препятствием. А потом?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А потом меня уже никакая карьера не интересовала. Я потеряла к ней интерес.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А Ваш муж был в партии?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Первый – нет. Его отец был репрессирован, а он от отца никогда бы не отказался. Да и погиб-то он в первые дни войны двадцати пяти лет от роду. Его, как хирурга, сразу на передовую отправили. А вот второй рассуждал точно так же, как вы. Говорил, что вступил туда только для того, чтобы облегчить себе жизнь.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Понятно. А сын Ваш партийный?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Нет. И вступать отказывается. Успел проникнуться антипартийным духом.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. А Ваша невестка?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Тоже нет. Ее интересует только семья. Особенно дети. Она великолепная мать и жена. Хотя с нею у меня иногда бывают стычки. Но у кого их не бывает?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Конечно. А вот мой зять та-

кой матерый коммунист, что готов на любом перекрестке вести партийно-идеологическую пропаганду. И стычки у меня с ним из-за этого постоянно. Нет-нет, да и не выдержу – выскажусь в его присутствии. Так он вспыхивает, как серная спичка, орать на меня пытается. Только дочь может его поставить на место. Тяжело мне в его присутствии.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Я бы тоже не смогла жить с таким под одной крышей. Все время чувствовать себя скованной, следить за своими высказываниями – как на работе!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Вот именно. Поэтому я и не хотел к ним переезжать. Но выхода не было – жизнь вынудила.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. На веку, как на долгой ниве. Всего повидать можно. Что-то меня ждет? Боюсь немощной старости, Антон Прокофьевич. Ох, как боюсь!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Кто же ее не боится? А как Вы со вторым мужем жили, нормально? Мне вот кажется, что после моей Галины Куприяновны я бы ни с кем не ужился. Не смог бы ни к кому притереться.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. С моим вторым мужем? Тут однозначно не ответишь. Человек он был сложный, противоречивый. Самым тяжелым его качеством была патологическая скупость. Каждую копейку, каждый кусок считал. Все делил и на всем сорвать хотел!

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. С мужиками это бывает на старости лет. Кем он был по профессии?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Кадровым военным. Я его знала только отставным полковником. Очень он гордился своим званием, наградами и заслугами. И в то же время смеялся над патриотизмом, верноподданничеством, идейностью.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. У полковников скудость в девяноста девяти процентах случаев развивается. У профессоров тоже. А об академиках и генералах и говорить нечего! На старости лет становятся ужасными скупердяями. Просто плюшкины!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А мой сын говорит, что Плюшкин, по сравнению с моим покойным Савелием Палычем, – добряк и расточитель.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (Смеется.) Как же Вы с ним жили?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вы знаете, и неплохо. Он был замечательным собеседником, имел тонкое чувство юмора, искренне обо мне заботился. Короче, когда он умер, мне стало гораздо хуже, чем когда он был жив. Даже когда лежал на смертном одре.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Значит, Вы его все-таки любили.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Я Вам только-что сказала насчет любви в этом возрасте.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Но жизнь показывает, что прав все-таки я. Вспомните: (Поет.)

Любви все возрасты покорны.

Ее порывы благотворны...

(Входит Виктор. Увидев сидящих на скамейке, пытается сделать вид, что их не заметил, и проскочить в подъезд.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Витенька! Что же ты мимо проходишь?

ВИКТОР. (Подходит) Да так – не хотел мешать Вашей беседе.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Антон Прокофьевич, это мой младшенький внучок Витя. Ваш сосед, Антон Прокофьевич.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Очень рад, молодой человек. Будем знакомы.

Занавес.

2.5. КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Ростислава и Саши. Саша вяжет на спицах свитер. Никита и Виктор играют в шахматы. Входит Марина Степановна.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Вносит на блюде эклеры.) Мальчики, попробуйте, каких я напекла Вам эклерчиков!

НИКИТА. (Берет эклер и пробует.) Высокий класс, бабушка!

ВИКТОР. (Тоже пробует.) Супер-экстра! У нашей бабушки золотые руки. (Дожевывает остатки эклера и целует Марину Степановну.) Спасибо, бабушка!

НИКИТА. опередил меня! Бабушка, дай и я тебя поце-

лую! (Целует.)

ВИКТОР. Бабушка, а как ты наполняешь эклеры кремом, что оболочка остается неповрежденной?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вот! Видишь, не только папа твой научный работник. Тут тоже целая наука. Ты-то сам как думаешь?

ВИКТОР. Ума не приложу. Вроде бы вся оболочка целая, хрупкая, а внутри полно крема. Я в прошлый раз искал отверстие, через которое ты наполняла. Тщетно – все целехонько. Бабушка, ну пожалуйста, удовлетвори мое любопытство – открой секрет! Я никому не скажу, честное слово!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Много будешь знать – скоро состаришься.

ВИКТОР. Ну и пусть состарюсь. Все равно открой. (Обнимает Марину Степановну и целует.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ишь, хитрец какой. Знаешь, что я не могу устоять перед твоими поцелуями и пользуешься этим. Ты так все мои секреты выведешь. Все просто. Набираю крем в специальный шприц – ты его видел – и продырявливаю им оболочку. Запускаю внутрь крем. А потом – в этом главный секрет – заклеиваю отверстие кусочком другого эклера, который я предварительно разламываю, чтобы делать эти латки. Вот и все.

ВИКТОР. А чем ты заклеиваешь?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Глазурью, которой потом поливаю сверху все эклерчики. И клейки не видно. Понял?

ВИКТОР. Теперь-то понял! Но попробуй догадаться!
(Виктор и Никита продолжают играть в шахматы.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. То-то! Знай наших! (Подходит к Саше.) Сашенька, оцени и ты мое искусство!

САША. (не прекращая вязания) Спасибо. Я его уже давно оценила и считаю себя Вашей ученицей. За ужином попробую – с чаем.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Сними хотя бы пробу.

САША. (Кладет на колени вязание, пробует и остаток кладет назад на блюдо.) Как всегда великолепно. Это пусть Ростик доест. Он в спальне к лекции готовится.

ВИКТОР. Все, сдаюсь. (Кладет короля на доску. Никита смеется и складывает фигуры. Виктор встает. Подходит к Марине Степановне.) Бабушка, давай я доем. (Доедает. Садится в кресло и листает книгу.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Ставит блюдо на стол.) Сашенька, ты назвала себя моей ученицей?

САША. Да, а что в этом не так?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Все так. Ученик всегда должен превзойти учителя.

САША. Не обязательно. Только способный ученик хорошего учителя. Но у меня такие эклеры пока еще не получаются.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Понятно. Значит, я плохая учительница.

САША. Совсем нет. Просто я плохая ученица.

(Сигналит телефон. Подходит Марина Степановна.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да! Никиту? (Смотрит на Никиту. Он вскакивает.) Можно. Пожалуйста, Никита.

САША. (Марине Степановне) Опять все та же?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Саше) А какая же еще?

НИКИТА. (Берет трубку) Слушаю. Привет, Оксаночка! Да, конечно. Жди меня на прежнем месте. Выхожу. До встречи.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Никите) Ты опять к ней на свидание?

НИКИТА. Да, бабушка.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А сессия?

НИКИТА. Я же занимаюсь – ты знаешь.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ты можешь выйти из колеи – слишком много гуляешь! А твоя эта – Оксаночка, она что, не понимает, что тебе надо две последние сессии тоже на пятерки сдать, чтобы не утратить права идти после защиты диплома в аспирантуру?

НИКИТА. Понимает. Не волнуйся, бабушка. Все будет в порядке.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ох, чует мое сердце, добром это не кончится!

НИКИТА. (Подходит к Марине Степановне. Обнимает ее, целует.) Бабушка, ты же всегда меня понимала. Все будет в порядке – вот увидишь! (Уходит.)

САША. Узнает Ростик – опять скандал будет. Он эту Ок-

сану уже не раз по телефону отчитывал. Никита так обижается! А он свое – защити диплом, тогда с кем хочешь гуляй!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Как он узнает, если ты сама ему не скажешь?

САША. Я? Только Вы ему это можете сказать.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Или ты. Одна из нас – больше никто. Не будем пререкаяться. Все, что нужно, я уже Никитке сказала. Ты, как всегда, держишь нейтралитет. У отца своя точка зрения на это. На которую он, кстати, тоже имеет право. Но мальчику лучше лишний раз не досаждать, чтобы не возбуждать дух противоречия. Поэтому я ничего не буду говорить Ростуку.

САША. Вот и хорошо. Никита тоже имеет право сам собой распоряжаться. Двадцать один год человеку.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Так-то оно так, да опыта своего у Никитки пока еще, с позволения сказать, маловато. Пусти его на самотек – обязательно дров наломает.

САША. Но и удерживать на коротком поводке в этом возрасте тоже нельзя.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Везде нужно меру знать.

САША. Вот и я об этом.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Тогда о чем мы толкуем?

САША. Так, просто к слову пришлось. Скоро Ростуку на лекцию. Пойду обед разогреть. А Вы отдохните. Телевизор посмотрите, почитайте что-нибудь или еще что.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Отдыхать буду на том свете. А

сейчас я лучше помою в ванной раковину. Я новое моющее средство купила. Пойду испытывать.

(Входит Ростик.)

РОСТИК. Саша, что там покушать? Мне идти пора.

САША. Мой руки – иди в кухню. Сейчас покормлю.

РОСТИК. А Никита где?

САША. Ушел куда-то. Ты идешь руки мыть?

РОСТИК. Что, уже умотал к своей красотке? Ведь только с занятий пришел. Ей-Богу, он завалит сессию! Или преподнесет нам подарочек вместе с этой, красавицей своей – как ее?!

САША. Да ты идешь, наконец, руки мыть?

РОСТИК. Что ты мне зубы заговариваешь? Они у меня, слава Богу, не болят пока. Ты вот ему потакаешь, а он себе будущее портит. Потом мы себе этого не простим. Тебе что, не понятно?

САША. Да что ты за человек! Только что просил обедать, а теперь разборку затеваешь!

РОСТИК. У меня аппетит пропал. Как можно сознательно потворствовать падению собственного сына? Ему весна разум затуманила – это понятно! А тебе?

(Входит Марина Степановна.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ростик! Прекрати немедленно! Слышишь?

РОСТИК. Вы что тут, все сговорились изводить меня? Я с Вами скоро в психушку попаду!

ВИКТОР. (Вскакивает с кресла и швыряет книгу на стол.)
Да прекратите Вы тубон, наконец! Не то я сбегу отсюда! Итальянская семья!

Занавес.

3. ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

3.1. КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Середина сентября. Квартира Ростислава и Саши. На столе ваза с пожелтевшими кленовыми листьями. На серванте – ваза с хризантемами. За столом сидит Никита перед раскрытой книгой и смотрит в окно. За окном видна листва пожелтевшего клена. Входит Марина Степановна с хозяйственной сумкой.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Здравствуй, Никитушка! (Подходит к Никите. Обнимает его и целует. Никита сдержанно улыбается.)

НИКИТА. Здравствуй, бабушка! Здравствуй, дорогая моя!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Вот – посмотри, что я тебе купила. (Достает из сумки шоколадки. Одну дает Никите.) Это тебе, а другая – для Вити. Когда он из школы придет. Пусть пока полежит здесь. (Кладет шоколадку на сервант.)

НИКИТА. Бабушка, что ты все мне сладости покупаешь? Как маленькому.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Пока не женат – ты для меня будешь маленьким. Женишься – тогда другое дело.

НИКИТА. (Оживляется.) Вот! Бабушка! Ты всегда меня понимала. И сейчас, словно мысли мои прочла. Я как раз на эту тему с тобой поговорить хочу.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. На какую такую тему? Что случилось, внучек мой дорогой?

НИКИТА. На тему женитьбы, бабушка.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ты что, жениться надумал, Никитушка?

НИКИТА. Не знаю, бабушка. Вот и хочу с тобой обсудить это. Как ты на это смотришь?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Оксаночка?

НИКИТА. Вот именно!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (после паузы) Это что, по необходимости?

НИКИТА. Да, бабушка. Возникла такая необходимость.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (В изнеможении опускается на кресло.) Она что?.. Это?..

НИКИТА. Совершенно верно. Оксанка беременна.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ну и дела! Твой папа как в воду смотрел! Он знает?

НИКИТА. Пока – нет.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А мама?

НИКИТА. Тоже нет. Ты у меня доверенное лицо. Помоги мне, пожалуйста, собраться с силами. Как папе сказать? Он же меня в порошок сотрет!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ничего – его я беру на себя. Ребенок твой?

НИКИТА. Мой.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ты в этом уверен?

НИКИТА. На сто процентов.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Это лучше. Конечно, нужно, чтобы твой ребенок рос при отце, а родной внук при дедушке и бабушке. И при мне тоже, разумеется. Как все дети.

НИКИТА. С мамой я поговорю сам.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Нет, пусть с нею поговорит папа после моей артподготовки.

НИКИТА. Будет скандал.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Успокойся – скандала не будет. Уж это я гарантирую.

НИКИТА. Неужели ты сможешь успокоить папу?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Еще как смогу!

НИКИТА. Вот как с Виктором быть? Я ему стесняюсь сказать.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Напрасно. Вот ему ты скажешь все сам-на-сам. Понял?

НИКИТА. Думаешь, так будет лучше?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Уверена! Ну, с Богом! (Крестит Никиту.) Ты обедал?

НИКИТА. Не до обеда было.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Тогда мой руки. А я посмотрю, что там мама на обед приготовила.

(Никита направляется к двери. Внезапно останавливается и с улыбкой обращается к Марине Степановне.)

НИКИТА. Бабушка, а каким был папа в юности?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Откровенно?

НИКИТА. Откровенно!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Это, конечно, антипедагогично, но откровенности ради скажу. Баламут был – еще тот!

НИКИТА. (Смеется.) Спасибо, бабушка! А корчит из себя святого!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ничего. Так и должен себя вести хороший отец. Ведь верно?

НИКИТА. Ты, бабушка, как всегда права. И идеалом казаться не пытаешься, и авторитет у тебя самый высокий в моих глазах. Что бы я без тебя делал? (Выходит.)

3.2. КАРТИНА ВТОРАЯ.

Квартира Марины Степановны, обставленная скромной новой мебелью. Марина Степановна сервирует стол на две персоны. Ставит бутылку коньяка. В это время звонит звонок входной двери.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ой! Уже Ростик пришел. Не успела управиться! (Идет к двери. Звонок звенит снова.)

Иду! Иду!

(Входит Ростик, за ним Марина Степановна.)

РОСТИК. Ты кого-нибудь ждешь?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Тебя и жду. Поставь свой кейс и мой руки – обедать.

РОСТИК. (Выходя) Прямо с порога! Что за спешка?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Скорее. Ты же с работы и голодный.

(Пауза. Возвращается Ростик. Садится за стол.)

РОСТИК. А выпивка по какому поводу?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Повод есть. (Наливает Ростик рюмку. Себе тоже.) Выпьем, сынок.

РОСТИК. Я, кажется, спросил, по какому поводу?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Сначала выпьем.

РОСТИК. Ты скажешь, наконец, за что мы пьем?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. За счастье и благополучие твоих детей. (Пьет. Ростик тоже. Закусывают.)

РОСТИК. Мама, что случилось?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Твой сын женится.

РОСТИК. (Вскакивает.) Как?! А я узнаю об этом в числе последних?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Встает и, положив руку на плечо Ростик, усаживает его на место.) Сядь! Я все расскажу! Ешь борщ. (Едят оба.)

РОСТИК. (не прекращая есть) Меня ставят перед фактом! Я в нашей, с позволения сказать, семейной жизни не

принимаю никакого участия! Только когда нужно сделать то, что кроме меня не можете сделать Вы, вспоминают, что я глава семьи! Да никакой я не глава семьи! А какой-то... (пауза)прихвостень, что ли! И что за спешка? Что, нельзя подождать до того, как Никита закончит аспирантуру?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Нельзя, Ростик.

РОСТИК. Это еще почему?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А потому, что ты... (Заговорщически улыбается. Подмигивает.) скоро станешь дедушкой!

РОСТИК. Что-о-о?! (Вскакивает.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Опять усаживает его на место и говорит спокойно, но твердо.) Сядь, я сказала. Еще по рюмочке. (Наливает.)

РОСТИК. Не буду пить! Что творится вокруг меня? Почему он сам мне не скажет об этом, глядя прямо в глаза? Почему он трусливо подсылает тебя? А ты ему потворствуешь даже здесь!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Не хочешь – не пей. А я вот выпью. (Наливает рюмку и выпивает. Вслед за нею пьет Ростик. Закусывают.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Так вот. Это я попросила Никиту ничего тебе не говорить, пока с тобой не побеседую я. Чтобы скандала не было. Для чего нам скандалы? Все равно ничего не изменишь, раз уж так случилось, что предстоит родиться ребенку.

РОСТИК. Я же говорил! Я предупреждал! А он меня ни в грош не ставит! Как чужой.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. А ты меня в его возрасте во что-нибудь ставил? Забыл, как сам меня перед фактом поставил, когда Вы с Сашей пожениться решили? Ты думаешь, мне обидно не было?

РОСТИК. Так ты теперь ему потворствуешь, чтобы свести счеты со мной?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ростик, перестань молоть чушь! Смири гордыню и прими к сведению. Все не так уж плохо. Просто ты драматизируешь события, потому что считаешь, что твое самолюбие уязвлено.

РОСТИК. Мама, согласишься, что ты участвуешь в принижении меня, как отца, в глазах Никиты!

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Абсолютная чепуха! Никита не решился тебе первому обо всем рассказать, потому что ты на поверку оказался прав на все сто процентов. Теперь дошло?

РОСТИК. Это ты для того, чтобы успокоить меня? Напрасно.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ни в коем случае. Никита сам сказал мне об этом. Он очень переживает и стыдится тебя. Ты должен, обязан сделать так, чтобы он успокоился, наконец, и снова стал откровенным с тобой.

РОСТИК. (саркастически) И что же я для этого должен делать?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Да ничего! Просто веди себя по отношению к сыну доброжелательно! Сочувственно! Ни в коем случае не упрекай его при встрече. Отнесись к нему с теплотой и пониманием, как подобает родному отцу, а не постороннему. Кто же ему посочувствует, если не родители? Если отец будет по отношению к нему вести себя, как чужой, то что же тогда говорить о чужих?

РОСТИК. Но если сын не прав? Делать вид, что он поступил верно? Чтобы он и дальше продолжал идти неверной дорогой?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Какой ты все же бестолковый! Он начал с того, что ты был прав, а он – заблуждался. Его мучит чувство вины! А ты теперь обязан вывести его из этого состояния и помочь справиться с ситуацией. Чтобы мальчик не впал в депрессию. Сделай так, чтобы он почувствовал в тебе надежную опору, а не какого-то прокурора. Ни в коем случае не упрекай его ни одним словом, ни единым намеком.

РОСТИК. (Думает. Успокоившись, продолжает уже мирным тоном.) Что говорит Саша?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Ничего. Она еще не знает. Никита открылся только мне, опасаясь твоего справедливого гнева. Он хочет, чтобы матери обо всем сказал ты и только ты.

РОСТИК. Не знаю, как она к этому отнесется.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Она всегда была умницей. Кроме того, если ты и я будем к мальчику доброжелатель-

ны, то что останется делать ей, кроме как принять к сведению? Нужно перестроиться и начать подготовку к новой жизни. Вы с Сашенькой должны привыкнуть к мысли, что вскоре станете дедушкой и бабушкой, подготовиться к появлению на свет нового члена нашей семьи, который будет носить твою фамилию. Ты меня понял, сынок?

РОСТИК. (Встает, подходит к Марине Степановне, обнимает и целует ее.) Мама, спасибо, что ты такая мудрая. Если бы не ты... Мне бы твою рассудительность и...

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Перебивает.) Все придет с годами. Мудрость – спутник седины.

РОСТИК. Все. Поеду говорить с Сашей.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Правильно, сын. С Богом.

РОСТИК. (Подходит к столу и берет бутылку.) Выпью для приведения в порядок мыслей.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Отбирает у него бутылку.) Нет, Ростик. Больше не нужно. Теперь ты должен быть исключительно трезвым. Ведь ты без пяти минут дед!

РОСТИК. Ладно, будь по-твоему. Я поехал. Пока, мама.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Приедешь – сразу позвони.

РОСТИК. Всенепременно, мама. (Берет кейс и выходит. Слышно, как за ним хлопает входная дверь.)

МАРИНА СТЕПАНОВНА. (Смеется. Походит к телефону, набирает номер.) Как здорово все вышло! Какой же я молодец! (пауза) Никитушка! А мама дома? Слава богу! Можем говорить откровенно. Папа только что поехал к тебе. Как?

Как нельзя лучше! Все в порядке! (пауза) Нет! Как я и обещала, скандала не будет! Исключено! И с мамой он сам поговорит. Да нет же – он на твоей стороне. Только смотри, не разозли его! Ни в чем ему пока не перечь. Будь с ним корректен и главное – почтителен. А как Витя? Вот видишь! Он всегда был умничкой! Радуется, потому что ему это приятно. Дядей станет! Держим друг друга в курсе! Ни пуха, Никитушка! Венсеремос! (Кладет трубку и эмоционально произносит.) Ну, дала-делишки!

Занавес.

3.3. КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Комната Никиты и Виктора. Две кровати. Два письменных стола. Никита сидит за письменным столом и говорит по телефону.

НИКИТА. Не знаю. С нею должен говорить папа. Нет, так бабушка советует. Она дока в таких делах. Даже папу остудила! А как твои родители? Только с мамой? Почему в истерике? А папа? Отлично. Потом, Оксаночка! (звонок в дверь) Кто-то пришел. Пока! Еще созвонимся.

(Никита встает и выходит. Входит вместе с Ростиком.)

РОСТИК. Ну, сынок, поздравляю! Маме еще не говорил?

НИКИТА. Нет, папа. Скажи ты, а то мне неловко.

РОСТИК. Она же тебе не враг, правда?

НИКИТА. Да, папа. Но все же лучше ты ее сначала под-

ГОТОВЬ.

РОСТИК. Никита, а ты уверен, что беременность – от тебя?

НИКИТА. Папа, что за вопрос? Конечно!

РОСТИК. Не кипятись. Я для верности. Конечно, хотелось бы, чтобы ты сначала закончил аспирантуру и защитил кандидатскую. Но теперь жизнь диктует иначе. А что Оксана? Как ее родители?

НИКИТА. С мамой истерика. Папа знает только, что мы решили пожениться. О ребенке не знает ничего.

РОСТИК. Истерика – это ни к чему. Нужно с ними познакомиться. Но сначала ты приведи сюда Оксану. А то только и знаем о ней, что она есть, да что у Вас любовь с последствиями. Она в семье одна-единственная?

НИКИТА. Да.

(Входит Саша. Улыбается.)

САША. Что притихли, заговорщики? О чем шушукаетесь?

НИКИТА. Мама, как ты вошла? Даже дверь не скрипнула.

САША. Просто Вы так увлеклись своей беседой, что не видите и не слышите ничего, что творится вокруг. (Выходит.)

РОСТИК. Ну, сын, пошел я говорить. Бодрись! Все будет в порядке.

Занавес.

3.4. КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Знакомая комната в квартире Ростика и Саши. Саша вытирает пыль. Входит Ростик.

САША. Ростик, мой руки – обедать будем.

РОСТИК. Спасибо. Я обедал.

САША. Где же это тебя угощали?

РОСТИК. Какая разница. Это не важно. У меня серьезный разговор.

САША. Как это – какая разница? Я хочу знать, кто это взял моего мужа на иждивение.

РОСТИК. Я же сказал, у меня серьезный разговор.

САША. Других разговоров у тебя просто не бывает.

РОСТИК. Саша, наш сын женится.

САША. Да? Ты так думаешь? (Продолжает вытирать пыль.)

РОСТИК. Не думаю, а точно знаю.

САША. Откуда?

РОСТИК. От верблюда! Никита женится на Оксане.

САША. Почему ты так решил?

РОСТИК. Потому что минуту назад говорил с ним именно об этом.

САША. (не прерывая работы) Больше ни о чем?

РОСТИК. И еще кое о чем.

САША. (не прерывая работы) И о чем же?

РОСТИК. А о том, что через несколько месяцев ты станешь бабушкой, а я – дедом!

САША. (Продолжает вытирать, потом останавливается и удивленно смотрит на Ростика.) Что-что?

РОСТИК. Ничего! То, что слышала – Оксана беременна, вот что!

САША. (В изнеможении падает на стоящее поблизости кресло.) Никита! Никитушка, где ты, сынок? (пауза) Ростик, позови же его сюда, слышишь?

(Ростик выходит.)

САША. Не может быть. Это Ростиковы домыслы, не иначе!

(Входит Ростик, за ним Никита.)

САША. Ростик, пойди в спальню – почитай, что ли. Я хочу поговорить с сыном с глазу на глаз.

(Ростик пожимает плечами и выходит.)

САША. Никитуля, папа говорит... он сказал... ну, это...

НИКИТА. Что мне нужно жениться, потому что Оксанка беременна!

САША. Так это что, правда?

НИКИТА. Святая правда, мамочка.

САША. Вот это да! Как снег на голову! Даже не представляю, что будет, когда узнает бабушка Марина.

НИКИТА. Уже знает.

САША. Что?

НИКИТА. Уже знает, говорю!

САША. А Виктор?

НИКИТА. И он уже знает, мамочка!

САША. Так это что, я, твоя родная мать, узнаю в самую последнюю очередь? Ну, уважил, сынок! Спасибо.

НИКИТА. Мамочка, кто-то первый, кто-то последний! Что же мне, по этому поводу собрание устраивать и выступить с докладом? Уважаемые присутствующие, хочу вам сообщить...

САША. (Перебивает.) Не ерничай! (Плачет.)

НИКИТА. (Обнимает Сашу.) Мамочка, ну пожалуйста, извини. Я же сам не свой – не представляю, что делать. А ты на работе была. Так я...

САША. (Вытирает слезы. Успокаивается.) Твой ребенок?

НИКИТА. Конечно, мама.

САША. Ты уверен в этом?

НИКИТА. (Смеется.)

САША. Смешно, что мать нервничает? Или я похожа на дурочку, что ты так открыто надо мной смеешься?

НИКИТА. Да нет же, мама! Я смеюсь, потому что все спрашивают одно и то же. И ты – не исключение!

САША. А ее родители как?

НИКИТА. Маму она посвятила во все. А папа знает только то, что Оксана выходит замуж. Она решила, что так будет лучше.

САША. Ты женишься, а мы ее даже ни разу не видели. Приведи хоть познакомиться, что ли. Потом пойдем к ро-

дителям знакомиться и договариваться насчет свадьбы. Так как, а?

НИКИТА. Решайте, когда вы сможете. Мы будем приспосабливаться к вам.

САША. И на этом спасибо. А как бабушка Марина реагировала?

НИКИТА. Лучше всех! Она меня с полуслова понимает. Мудрая она женщина.

САША. Да, в этом ей не откажешь.
Занавес.

3.5. КАРТИНА ПЯТАЯ.

Все та же гостиная в квартире Ростика и Саши. За столом сидят Ростик, Никита и Оксана. Саша подает на стол.

САША. Кто еще будет кушать?

НИКИТА. По-моему, никто. (Обращается к сидящим за столом.) Верно? (Все кивают.)

САША. Выпьете еще?

РОСТИК. Мы с Никитой уже выпили.

НИКИТА. А Оксаночке нельзя. Убирай, мамочка. Будем пить чай и кушать сладкое.

(Саша вносит торт, потом чайник. Наливает чай. Садится со всеми.)

САША. Оксаночка, где вы жить думаете?

НИКИТА. Поживем у Оксаниных родителей. А потом, ко-

гда родится малыш, нас возьмет бабушка.

САША. Она так сказала?

НИКИТА. Да. И мне, и Оксане. Она нам сразу предлагала, но мы решили немного привыкнуть к новой жизни, новым отношениям. Да и вы все чтобы привыкли.

САША. Оксана, а ты как считаешь?

ОКСАНА. Как Никита сказал. Мы обсуждали это. Неудобно как-то сразу бабушку нагружать. А у вас негде. Да и Витя еще в десятый класс ходит. А ребенок спать не будет давать.

Все та же лавочка у подъезда Ростика и Саши. На лавочке сидит Антон Прокофьевич в пальто и шапке. Деревья голые. Поздняя осень. К подъезду подходит Марина Степановна. Увидев Антона Прокофьевича, она останавливается и подходит.

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Здравствуйте, Антон Прокофьевич.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. (Вздрагивает от неожиданности. Овладев собой, улыбается.) Здравствуйте, дорогая Марина-свет-Степановна! Как поживаете?

МАРИНА СТЕПАНОВНА. Бог миловал. Спасибо.

Марина Степановна гадает Антону Прокофьевичу на картах. Марьяжная дама. Ссора. Пошутил. Примирение.

Двое стариков – мужчина и женщина общаются у подъезда. Тела немощны, все более дряхлеют, а интеллекты молоды и живы. В процессе общения между ними зарождается чув-

ство, похожее на любовь. Постепенно они угасают. Умирает он, а вскоре она.

У Антона Прокофьевича зимой резко снижается зрение. Он возвращает лупу Марине Степановне. Благодарит и просит вернуть ее хозяину, так как она ему сослужила службу, а теперь уже не нужна.

Марина Степановна составляет ему протекцию на операцию в глазную клинику через сына своей приятельницы. Разыскивает его в подъезде – никто из семьи Ростика не знает ни Фамилии Антона Прокофьевича, ни телефона, ни в какой квартире они живут. Там Антону Прокофьевичу возвращают зрение. Счастливый, он приходит с коробкой конфет благодарить Марину Степановну. Они пьют чай все вместе.

Никита заканчивает университет, поступает в аспирантуру и женится. Рождается сын. И т. д.

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Интеллект, уважаемая Марина Степановна, не стареет. Душа, как видно, либо действительно бессмертна, как утверждает церковь, либо рассчитана на жизненный цикл в продолжение лет тысячи, не меньше. А значит, мы с Вами еще не вышли из детского возраста. Я бы сейчас, если б только был в состоянии, с удовольствием занялся детскими забавами. Нет, скорее юношескими! А Вы как на этот счет, Марина Степановна?

АНТОН ПРОКОФЬЕВИЧ. Когда-то... это, может быть, было и верно, а вот сейчас – никак нет, дорогая моя Марина Степановна!

Юлий Гарбузов

Чорногузиха

Хвора чорногузиха не в змозі була відлетіти у вирій. Хазяйка хати, на якій було їхнє гніздо, забрала її до хати та утримувала цілу зиму. Весною повернувся чорногуз з іншою самицею. Вони удвох почали бити хазяйку гнізда. Та за зимовою звичкою залетіла до хати і кинулася до гарячої пічки, що палала. Хазяйка хати обурилася на невірного чорногуза і розвалила гніздо, Хоча сусіди й залякували її тим, що чорногузи за це принесуть жару у дзьобі та сплять її хату.

Аморфный лед

Моему знакомому инженеру удалось, воздействуя на воду электромагнитным полем, получить аморфный лед. Он вел себя подобно гудрону, сохранял текучесть, хоть и весьма слабую, и очень даже мало расширялся в объеме при охлаждении до криогенных температур. Подобным образом ведут себя некоторые вещества, например, сера. Она может быть как кристаллически, так и пластически твердой.

Он сказал мне, что кажется, открыл новое агрегатное состояние воды и хочет это запатентовать. Я ответил, что если все это верно, то мы сможем замораживать живых существ, даже людей, хранить их сколь угодно долго, а потом, когда нужно, возвращать их к жизни путем простой разморозки. Ведь живые клетки гибнут при замораживании исключительно потому, что вода, замерзая, кристаллизуется и острые кристаллы льда разрушают клетки, рвут их, режут изнутри, если угодно.

Мы сможем, говорил я, неограниченно долго хранить эмбрионы живых существ, создавать практически вечные запасы мяса, рыбы, икры, фруктов, ягод и тому подобного в живом виде, защитить их от разложения.

Мы начали эксперименты и добились успеха.

Сmentarz

ЗАГОЛОВОК

Я поправлял могилку мамы на старом кладбище. Работая тяткой и изнемогая от летнего зноя, я почувствовал, что меня сзади обдало холодом. Создавалось впечатление, будто холод исходил от какого-то массивного предмета, расположенного прямо за моей спиной. Кроме того, тяжелый ледяной холод стелился по ногам, как это бывает зимой в квартире, если приоткрыть окно. Я отнес это на счет переменчивой погоды. Я протер могильную плиту влажной тряпкой и разогнулся, чтобы дать немного отдыха спине. И в это время на свежее вытертую плиту слева абсолютно бесшумно надуинулась густая тень в виде силуэта женщины и неподвижно замерла.

Цветы на даче

Фантастический рассказ

Юрий Петрович, молодой инженер КБ, покупает дачу. По соседству живет удивительный человек Павел Васильевич, в прошлом научный сотрудник (ФТИНТа). У него красиво убран участок. Всеобщее внимание привлекает цветник Павла Васильевича, за которым заботливо ухаживают его молодая красавица-жена Ксения и прекрасная дочь Татьяна. Они всем улыбаются, вежливо раскланиваются, но ни с кем близко не знакомятся.

Юрий влюбляется в Татьяну. Она избегает встреч с Юрием, хотя подарки от него принимает. Но дальше коротких бесед дело не идет. И чем больше Татьяна уклоняется от сближения с Юрием, тем сильнее разгорается его страсть. О Павле Васильевиче и его семействе судачат соседи, рассказывают всякие небылицы.

Однажды вечером Юрий проникает в дом Павла Васильевича в надежде поближе познакомиться с Татьяной. Он обнаруживает, что женщин в доме нет, хотя минуту назад они вошли в него.

Юрий начинает изучать все, что происходит на соседской

даче. В результате он выясняет, что и жена, и дочь Павла Васильевича – материализовавшиеся плоды мощного воображения бывшего ученого, интеллект которого после ухода на пенсию остается не востребованным. Когда Павел Васильевич это осознает, жена и дочь навсегда исчезают, а сам он умирает от шока, который является следствием осознания.

Второй вариант.

Объединить с сюжетом «Законы в нас».

Павел Васильевич доказывает Юрию Петровичу, что все в мире существует благодаря вере людей и всех живых существ. Простейший пример – люди верят в доллары. Но как только они перестанут в них верить, они тут же превратятся в никому не нужные бумажки. Все живое со дня рождения видит действие законов природы. Поэтому они и действуют. Если же они перестанут верить, все законы утратят силу. Гипнотизеры заставляют верить в иное, и оно существует (см. файл «Перешлите свое «Я» в мэоновом пакете», а также «Феномен трясунов “Свенн”», «Стигмы», «Пожары и ливни», «Титаник-1» и «Титаник-2», «Титаник–ЗИП»). Можно воздействовать и на прошлое. Одни родители похоронили ребенка, который не был крещен. Потом они мучились, что их сынишка не сможет из-за этого попасть в рай. Они молились за его спасение. Через некоторое время они нашли в книге свидетельство о его крещении, которое совершила их тетка. Спросила ее – она подтвердила. Примеры с психбольными. Кроме интеллекта в мире не существует ничего. Все

остальное – плоды его творения.

Павел Васильевич давно заинтересовался «НЛП». Над ним в свое время смеялись, поэтому он перестал делиться с коллегами своими идеями и соображениями. И вот они принесли свои плоды, когда с его близкими случилось несчастье. («Люди, программирующие разум»).

Н. Бехтерева в Питере рассказывала, как экстрасенс из США, который не боится ученых, аппаратуры, телефонных звонков, нашел ценные бумаги, получил информацию от умершего.

Болгарская пророчица Ванга как-то сказала, что в 21 веке люди будут встречать на улице своих умерших родственников, друзей, знакомых. Она могла видеть, не имея глаз. Как видно, она постигла эту истину. Некоторые колдуны Африки, будучи слепы, все прекрасно видят, как они говорят, всей поверхностью тела. Роза Кулешова также умела видеть без помощи глаз. Иные тоже, даже лучше, чем Роза. Им, видимо, частично открылась эта истина.

Один уличный гимнаст натянул над Ниагарой канат, переходил по нему через ревущий водопад, потом взял тележку, нагрузил ее камнями и также несколько раз перевез ее через водопад. Потом он посадил в тележку куклу в полный человеческий рост и весящую, по его словам, как взрослый человек, и перевез ее несколько раз через водопад. После этого он спросил у публики:

– Вы верите в то, что я могу спокойно перевезти любого

из Вас в полной безопасности?

Последовали утвердительные возгласы. Тогда гимнаст спросил:

– Есть ли среди Вас кто-нибудь, кто сомневается?

Все молчали.

– Ясно. Никто не сомневается. Я верно понял?

– Верно! Верно! – кричали заинтригованные зрители.

– Тогда я приглашаю всех желающих! Кто желает, чтобы я перевез его через водопад?

Толпа молчала. Тогда гимнаст сказал:

– Что, никто не хочет? Любому, кто согласится, я отдам всю свою сегодняшнюю дневную выручку!

Желающих не было.

– Что, нет желающих? Это же более двух тысяч долларов! Вот, посмотрите сами! – он показал публике пачку денег в прозрачном полиэтиленовом кульке.

Никто не сдвинулся с места. Гимнаст удесятирил предложенную ранее сумму. Желающих все равно не было.

– Вы же все только что сказали, что верите! Так почему не соглашаетесь?

Он выжидающе помолчал с минуту, потом констатировал:

– Простите, уважаемая публика, но вы все только что лгали! Лгали и мне, и присутствующим, и самим себе в первую очередь! Вы не верили в то, что я смогу безопасно перевезти человека! Вы только допускали это! Верить – это нечто другое! Если бы вы верили, вы бы согласились, не раздумывая!

– Вот так, уважаемый мой Юрий – свет – Петрович. Большинство людей думает, что верит во что-то, а на самом деле только допускает возможность этого. А вера делает возможности интеллекта неограниченными.

– Думайте, мечтайте, Юрий Петрович, о хорошем будущем. Мечты в конечном итоге осуществляются – воплощаются в жизнь. Это их основное свойство и, возможно, предназначение.

Сознанию подвластно такое, что не укладывается в рамки нашего представления. Мечта воплощается в жизнь последовательно: мечта → цель → действие → результат.

Она заиграла мелодию, очень страстную, эмоциональную. Закончив играть, она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Великолепное произведение. Что это? – спросил я ее.

– Эта вещь называется «Объяснение», – с улыбкой ответила она, откидывая назад волосы. – Разве Вы ее не знаете?

– Я ее впервые слышу. Почему Вы считаете, что я ее должен знать? – удивился я.

– Вы же говорили, что знаете все произведения Моцарта, – сказала она с чуть заметным укором.

– Верно, знаю. Но смею Вас заверить, что такой вещи у Моцарта нет. Стилль очень похож на моцартовский, но ни такой мелодии, ни такого названия у Моцарта нет, – твердо ответил я.

«Гарри Гудини выпутывался из кандалов и наручников, даже сидя скрючившись, в сундуке, вылезал из любых кле-

ток и камер, без отмычек отпирал любые замки. Как он это делал»?

«Ну, это был выдающийся фокусник!»

«В том-то и дело, что фокусником он не был. Он умел пользоваться силой своего интеллекта, силой своей веры! Он оставил после себя завещание в опечатанном сейфе, а у нотариуса – конверт с указанием, что там он оставил секреты всех своих трюков и требованием вскрыть только по исполнении ста лет со дня его рождения. Когда в соответствующий день сейф вскрыли, там ничего не было. Вдумайтесь – это символично. Трюков, собственно, не было, секретов тоже!»

Человек способен воздействовать волевым усилием на процессы, происходящие в окружающем мире: в присутствии одних выходят из строя электроприборы, компьютеры, часы и т. п. Другие – наоборот, способны запустить вышедшие из строя приборы, изменить химический состав вещества, создать в смеси те элементы, которых до эксперимента в них не было. Производили опыты с бросанием монеты. Подопытный заранее уведомлял экспериментатора, что он хочет, чтобы чаще выпало – орел или решка. И потом оказывается в результате опыта, что так и происходит. Но нужно много опытов. Если в 6 раз из десяти выпадет задуманное, то это еще ничего не значит со статистической точки зрения. Но если из десяти миллионов раз шесть миллионов придется на задуманное, то это уже очень существенный результат! Такой результат дает каждый. А вот некоторые люди – ода-

ренные от природы или специально натренированные, могут влиять очень существенно на все происходящее. Это прорицатели, пророки, гадалки, экстрасенсы и, представьте себе, алхимики! Пример – Алан Чумак. Сглаз и психотерапия относятся сюда же. Кстати, тренировка – здесь это явление того же рода!

К. Симонов: «Просто ты умела ждать, как никто другой».

«Мы со дня рождения знаем, что это мы можем сделать, а то – нет. А если эти положения изменить?»

«Силой своего воображения человек способен изменять не только химический состав (структуру) тел, но и управлять законами пространства-времени (мироздания)».

«Никто не знает, откуда моллюски берут кальций для строительства раковины, если в их пище кальций отсутствует, и его нет в окружающей среде. Нечто подобное можно сказать и о других животных и растениях».

«Тибетские монахи утверждают, что все окружающие нас предметы являются плодом нашего воображения. Часто актер, сыгравший покойника, вскоре умирает, потому что зрители, видя это на сцене или на экране, воображают это себе как реальность, а их мысли материализуются. Картины талантливых художников тоже навевают определенные мысли тем, кто их рассматривает, и эти мысли в конце концов реализуются. Вот такова сила воздействия картин».

«Программы задают гравитационное и электрическое взаимодействия, программы управляют миром. Вот почему в

природе царит порядок, а не хаос».

«Творец создал окружающий мир и нас в нем. А мы должны творить мир для Него. Таким образом, мы вместе с Ним участвуем в Мировом Созидании. Это как люди и роботы».

Энергия Вриль.

Коралловый замок

Мы знаем, что было со вселенной через 10-42 с после ее возникновения, а о том, что было до этого – не имеем ни малейшего понятия.

Главное – не думать, что кто-то знает, как устроен этот мир. Нужно переключить сознание на уровень пятилетнего ребенка, думать, что нет ничего невозможного.

«Человечество еще не знает, какую роль в нашей жизни играют наши фантазии, наше воображение. Но сила его иногда проявляется спонтанно самым неожиданным образом».

Человек от природы наделен мощным мыслительным аппаратом, колоссальным творческим, созидательным потенциалом. Но при этом он имеет очень низкий потенциал самоконтроля, не всегда может вовремя остановиться. Человек смог построить атомные электростанции, самолеты, космические корабли, сложнейшие предприятия, но не может ограничиться допустимым, что ведет к загрязнению и разрушению окружающей среды, мировым войнам и прочим катастрофам. Это противоречие между умом и благоразумием рано или поздно заставит человека сделать выбор: жить или погибнуть. Кто знает, а может быть, это должно послужить

стимулом к освоению Космоса?

Что-то с людьми случилось в древности, в результате чего человечество сошло с оптимального пути. Быть может, это и был тот самый «первородный грех», не знаю и судить не берусь. Например, для передвижения по планете человеку не нужен автомобиль, самолет или поезд. Он в состоянии перемещаться усилием воли. Однако для этого он должен очистить от скверны свои помыслы и чаяния, раскаяться во всем греховном и жить исключительно для человечества, а не только для себя самого. Эгоизм, зависть и прочее зло наглухо блокируют человеческие возможности, данные Богом при сотворении. Ведь Творец создал человека по своему образу и подобию, то есть во всем подобным себе самому! И это не выдумка, и самая настоящая Святая Истина. Но человек предпочитает пользоваться машинами, громоздкими, неуклюжими и неудобными, лишь бы не отказаться от наживы, удовольствий и махрового эгоизма. А ведь это все равно, что, скажем, имея ноги, пользоваться протезами.

Человечество пошло по неверному пути. Физический труд дает быстрый результат, но ограниченный физическими возможностями человека и усвоенных им законов природы – тех, которыми он пользуется, не зная неограниченных свойств Материи. Создать автомобиль проще, чем научиться перемещаться без него или, как говорят фантасты и те, кто верит в чудеса, телепортироваться. Но упорные многолетние упражнения и тренировки дают, как известно только

просвещенным, несравненно большие возможности.

Распутин не прореагировал на лошадиную дозу цианистого калия, не умер от пули Юсупова. Он ставил веру превыше всего. Он умер лишь тогда, когда поверил в то, что погибнет.

– Ученые призваны являть миру невиданное.

– Если что-то долго наблюдать, то Вы обязательно заметите изменения. А вот существовали на земле такие животные – трилобиты, которые в течение всего времени своего существования – сотни миллионов лет – совершенно не изменялись. Оставались на прежнем уровне.

– Обнародование новых научных теорий (гипотез в особенности), особенно из области социологии может повлиять на общественные взаимоотношения в масштабе страны, а то и планеты. Может привести к революциям и войнам! Как видно, древнеегипетские жрецы знали об этом и держали свои знания в строжайшем секрете. Вспомните также легенду о Прометее. Боги наказали его за то, что он подарил людям огонь. А ведь это не лишено смысла. Люди стали использовать огонь во зло.

Наш физический облик предопределен эволюцией. Поэтому разумные существа из других миров должны выглядеть так же, как и мы. Во всяком случае, должны быть похожи на нас.

Мужчины соперничают, а женщинам это не нужно. Это им незачем. Они стремятся быть привлекательными. Но каждая имеет понятие о привлекательности свое собствен-

ное. На примере взаимоотношений мужчин и женщин наблюдаются проявления социальных теорий. Заметьте, пожилые люди более организованы, более степенны и уживчивы. У них легче сотрудничество и их деятельность более эффективна, хотя энергии куда меньше.

Воздействие человеческой психики на наше будущее хорошо прослеживается на примере всякого рода ритуалов, талисманов и так называемых народных примет. Скажите человеку, что для удачного завершения какого-либо дела следует перед его началом, скажем, переломить надвое спичку и поплевать на нее. Если он в это поверит и попробует так делать, то ритуал будет ему помогать. Разумеется, статистически. Вот почему ритуалы так прочно укореняются в нашем быту

В мире возможно все. Для человека нет ничего невозможного.

Внутри черной дыры пространство и время меняются местами. Время становится пространством, а пространство – временем.

Организация общества обязательна. Силовые органы и наказания тоже. Торговля побуждает к организации общественных и международных взаимоотношений.

Коэволюция – это совместная эволюция разных, но взаимосвязанных видов. Представим себе сообщество лягушки-мухи. Если у лягушек станут длиннее языки, то мухи станут более проворны или более плодовиты, если им хватает

корма. И наоборот.

– В какой области Вы работаете?

– ...

– Вам известно, что законы взаимодействия в области квантовой механики существенно отличаются от аналогичных законов классической механики?

– Конечно же известно.

– А как Вы думаете, почему? Ведь по идее, они должны быть одними и теми же.

– Не знаю. Нам в университете эти положения преподносились на уровне постулатов.

– Вот-вот. Но явления обычной физики наблюдают все, и это подсознательно закреплено в сознании всех, кто это сознание имеет. А законы квантовой и релятивистской физики были открыты недавно путем тончайших и глубочайших исследований. Кстати, законы общей теории относительности Эйнштейна и квантовой механики **НЕСОВМЕСТИМЫ**. Просто так они не обнаруживаются. До их открытия все окружающие нас предметы все считали твердыми и сплошными. Но все они оказались почти пустыми. Следовательно, Творец не заботился о том, как эти квантовые законы отобразятся в сознании сообщества живых организмов. В частности, в сознании человека. Это значит, что человеческой психике повлиять на них легче, чем на законы классической механики.

– Но здесь Вы сами себе противоречите. Вы только что

утверждали, что все законы наблюдаемой нами природы определены нашей психикой, волей подавляющего большинства живых существ. Чем же тогда определены сокрытые от нас законы квантовой механики?

– Я ожидал этого вопроса. Ответ прост: ничем. Их не существует!

– Как это не существует? Это же доказано...

– Да, да, вот именно! Доказано косвенным путем! То есть, придумана теория, которая может их пояснить! Но таких теорий можно придумать много. Пока что наиболее удобна та, которую нам преподносит современная физика. Но кто-то может придумать более «рациональную» теорию микромира, совсем не похожую на эту, которая будет иметь меньше противоречий. И она тоже будет носить гипотетический характер. Так было с теорией теплоты. Вспомните теорию флогистона. То же касается и гипотезы о термоядерном источнике энергии звезд. Все знают, что она неверна – Солнце ведь не испускает нейтрино. Но другой пока никто не предложил. Когда медицина не знала ни бактерий, ни вирусов, тогдашние лекари считали, что причиной и переносчиками болезней являются злые духи. И эта теория, вернее, гипотеза, многое объясняла, хотя и имела противоречия, как и все современные гипотезы. Других не бывает. А появление живого вещества на Земле? Тут пока в науке вообще белое пятно. Теорий предложено много, но практика остается единственным критерием истины. До сих пор ни один физико-химиче-

ский эксперимент не позволяет получить живое из неживого. И это при наличии готовых образцов, а также современной лабораторной техники, обеспечивающей широчайшую вариабельность условий. Не исключено, что это невозможно вообще.

– Но как-то ведь оно в природе появилось!

– Как-то появилось. Но для этого потребовалось вмешательство высшего сознания!

– Однако это тоже всего лишь одна из гипотез.

– Но она подтверждена моим уникальным экспериментом. Мои жена и дочь – вот его результат!

Когда большинство людей поймет, что законами природы управляет их коллективное (общественное) сознание, мир перестанет существовать.

Придя на кладбище, я увидел надписи имен жены и дочери и слезы невольно покатались из моих глаз. У меня возникло такое ощущение, словно я вновь оказался в их объятиях, вновь живу вместе с ними единой жизнью. И другой жизни у меня нет и быть не может. Эти эмоции многократно усилили созидательную силу моего интеллекта. Придя домой, я вообразил, будто они сидят, как обычно, в кухне и сейчас выйдут в гостиную, чтобы радостно встретить меня. Так и случилось, и это меня ничуть не удивило. Я был уверен, что так и должно было быть, и в этом нет ничего необычного.

Вот. Такова история их возвращения.

Книга падает вниз. Ничего удивительного. А если вверх?

Так не бывает. Вот именно – не бывает. Когда с помощью телескопа «Хаббл» обнаружили, что Вселенная не просто разлетается, а скорость разлетания непрерывно возрастает. Так не бывает, скажете вы. Тем не менее, это так.

– Вернуть к жизни умершего человека много проще, чем воссоздать неживой предмет. Хотя, казалось бы, должно быть наоборот – человек с его интеллектом много сложнее любого неживого предмета. А все потому, что человеческое сознание не умирает, когда погибает человеческий мозг. Оно, или хотя бы часть его, существует вне нашего мозга.

– Я с ужасом замечаю, что кто-то мне постоянно мешает...

– Однажды мой знакомый ученый-кибернетик продемонстрировал мне сообщество взаимодействующих между собой роботов. Какова была цель его эксперимента, он мне не сказал. Да это меня и не интересовало, поскольку навело на собственные размышления. Так вот, сами роботы общались между собой, вырабатывали стратегию взаимоотношений, устанавливали свою иерархию и тому подобное. Все они были автономны, но центральные программы этих индивидуумов располагались не в них, а в мощном стационарном компьютере. Индивидуумы имели только программы восприятия окружающей обстановки, реакции и движения. А программы целей их действий, оптимальных стратегий, принятия решений и прочие располагались и функционировали в главном компьютере! И когда мой приятель сказал мне об

этом, меня осенило: а может быть, люди тоже всего-навсего роботы, а наши индивидуальности определяются сложными программами, которые функционируют в каком-то «тонком» мире? (профессор Колпаков?)

– Это только на первый взгляд кажется, что невозможно предугадать, как упадут игральные кости. Если знать вектор силы, с которой Вы их бросите, массу, центры масс и начальное расположение костей, а также высоту падения, то рассчитать, как они упадут. Ничего случайного в этом мире нет.

Бог в кости не играет. (А. Эйнштейн)

– Я давно задумывался над ролью человеческого сознания в формировании и существовании законов нашего мира. Никого не удивляет тот факт, что камень, выпущенный из рук, непременно упадет на землю, что пламя в темноте освещает окружающее пространство, что вода может существовать в трех агрегатных состояниях, что дерево легче воды и плавает в ней, а железо – тонет, что древесина горит. И так далее, и тому подобное. Все к этому привыкли, для всех людей, для всех животных это законы природы и иначе не может быть. Это самое обычное, что может быть вокруг нас. Вот я и подумал, а не кроется ли за этим обычным нечто очень даже необычное, особенное? И пришел к выводу, что именно так оно и есть! И что в действительности не физические явления определяют сознание живых существ, населяющих Мир, а совсем наоборот – сознание формирует эти законы. Я был потрясен этим открытием и, в конце концов, воспользовался

им. Но, мне кажется, в силу каких-то правил, я не имел на это права. И какая меня ждет за это расплата, не известно никому. Этот вопрос мучает меня днем и ночью.

Представьте себе, что несколько человек видели, как в трубу залезла мышь. Кошка тут же юркнула вслед за нею. Через 5 минут кошка вышла из этой трубы и спокойно побрела домой. На вопрос «Что произошло в трубе?» все ответят, что кошка вкусно пообедала мышкой. Каждый скажет, что только идиот будет рассматривать ситуацию, что мышка напугала и прогнала кошку или, скажем, заключила с нею перемирие. А может ли такое случиться в действительности? Нет, конечно же, – абсурд! Не всегда, однако.

Ученый мир признает только то, что видит, то, что просто, обыденно и наиболее вероятно. Это бритва или правило Оккама. В упрощенном виде оно гласит: «Не следует множить сущее без необходимости» (либо «Не следует привлекать новые сущности без самой крайней на то необходимости»). Этот принцип формирует базис методологического редуccionизма, также называемый принципом бережливости, или законом экономии. Но сколько полезных идей эта бритва «сбрила»!

Я же мыслю по-другому. Именно поэтому я и откололся от научного мира.

– Обратите внимание, люди в большинстве своем с великой охотой доверяют самое ценное, что у них есть – здоровье шарлатанам, так называемым «народным целителям», неже-

ли врачам. Казалось бы, врач, использующий при лечении передовые научные методы, результаты скрупулезных и дорогостоящих исследований, должен иметь в народе большой вес, пользоваться большим авторитетом, чем неграмотные шарлатаны, так называемые «целители». Ан-нет! Очень часто приходится слышать: «Да что они могут, эти врачи!» Человеку подсознательно кажется, что «целитель» может больше за счет «волшебства». В человеческом подсознании все еще живет ощущение могущества интеллекта, хотя в рамки формальной логики это никак не укладывается. Обобщая все эти результаты, я и пришел к выводу, что человек срочно должен заняться исследованием возможностей интеллекта.

– Неожиданное открытие заставляет изменить всеобщее мнение. Согласно всеобщему принципу Лешателье-Брауна природа этому сопротивляется, но, в конце концов, уступает. И когда все или хотя бы осязаемое большинство поймут это, наступит... конец нашего мира.

Вселенная – единая живая система с единым СОЗНАНИЕМ, которое руководит всеми происходящими в ней процессами. Человек и его сознание – модель этой системы. Человеческое коллективное сознание совокупно с сознанием всех живых существ управляет миром, в котором они живут.

Если физика чего-то не запрещает, то она это разрешает. То есть, это осуществимо. Если что-то описывается математически, то это возможно. Вспомним преобразования Лоренца. Он получил их и удивился, как это может быть? Но

Эйнштейн нашел им физическое объяснение в своей теории относительности. Значит, можно путешествовать во времени, создавать, материализовать что угодно, восстанавливать утраченное.

В определенном эмоциональном состоянии человеческий интеллект способен реализовать практически все задуманное. Эмоции в тесной связи с разумом и логикой могут творить чудеса! Ведь вдохновение художника, писателя или ученого – это и есть такой союз!

Люди умирают от тех болезней, которых больше всего боятся. Только бы не инсульт! – думают некоторые и умирают именно от инсульта. Тому масса примеров. Боятся темноты и мифических существ в ней. Но мифические существа порой оказываются реальнее некуда и нападают на них. Насыщение порчи, сглаз, исполнение гаданий и пророчеств, действие плацебо. Гнев и обида несправедливо обиженного человека («Ударная волна праведного гнева», «Суеверия в мировой истории», «Вечные лампы фараонов»).

Самые дерзкие изобретения и открытия делаются малограмотными людьми, так как они верят в то, что ищут. Квалифицированные же специалисты знают взгляды современной науки на те или иные вещи и сразу же отмечают то, что, по их мнению, заведомо невозможно или неверно («Безграмотный изобретатель», работы хирурга Илизарова).

Гоголь боялся быть похороненным заживо, Викторина Лефуркад не была в состоянии летаргии – она была мертва

(«Бойся ленивой смерти»).

Алан Чумак удалял из помещения ртуть одним лишь усилием воли.

– Информация, масса, энергия, поле, пространство и время могут переходить одно в другое. Информация! Разум! Вдумайтесь: когда не было ни времени, ни пространства, ни вещества, ни поля, была одна информация, один разум. Когда меня озарила эта идея, я стал развивать ее и, как видите, развил.

Загипнотизированному говорили, что на доске изображен квадратный круг, а потом спрашивали:

– Вы видите его?

– Вижу, конечно.

– А здесь – круглый квадрат. Видите?

– Вижу.

– Это одно и то же?

– Ну, нет, конечно!

Потом подопытного выводили из гипнотического состояния, велев запомнить все, что он видел.

– Что Вы видели? – спрашивали его потом.

– Квадратный круг и круглый квадрат.

– Какие они, можете воспроизвести?

– Ну... понимаете... Забыл! Совершенно забыл! А вот до Вашего вопроса помнил!

Стоит человеку выйти из того состояния, в котором он находился, как в его мозгу разрушаются структуры, форми-

ровавшие те категории, которыми он мыслил, будучи в гипнотическом или обычном сне.

Точно так же мы видим себя во сне летающими. Стоит лишь приложить соответствующее волевое усилие, и ты поднимаешься в воздух. При этом, не всегда это получается, но все же получается. После пробуждения никак не можешь вспомнить то самое состояние, в которое ты себя приводил, чтобы взлететь. Но остается убеждение, что если бы смог, то взлетел бы и наяву. И, поверьте мне, это действительно так. Просто у нас заблокированы некоторые наши способности и возможности. Кем? Зачем?

И лишь поэтому мы не можем представить себе пространство с количеством измерений более трех. А математически это вполне реально. Но вспомните изречение древних (Шабанов): «Что существует в математических уравнениях, то существует в реальном мире!»

А левитация? О ней много спорят, но в большинстве случаев этот спор носит лишь схоластический характер. На самом же деле она существует. Но и ее достичь можно лишь тому, кто движим исключительно любовью и полным бескорыстием. Иначе она невозможна.

За пределами разума человек имеет бесконечные возможности. Разум их ограничивает.

Индусы говорят: весь мир – это майя (иллюзия).

Британские психологи проводили такой опыт. Сорока двум подопытным, которые никогда не интересовались спор-

тивной стрельбой, говорили, что сейчас они увидят, как стреляет великий мастер стрельбы по мишеням (чемпион мира, Европы, олимпийский чемпион или что-то в этом роде). На самом же деле в тир заходил стрелок «средней руки», так сказать, и стрелял без особой подготовки. И, о чудо, показывал уникально высокие результаты.

В другом опыте – наоборот, подопытным говорили, что сейчас будет стрелять новичок, который начал стрелять всего полгода тому назад. Но выпускали стрелка высокого уровня, и он показывал исключительно низкие результаты – почти как новичок.

Широко известно, что людям свойственно делать необыкновенные вещи, когда они собираются большими группами (эффект толпы). Их психическая мощь, что ли, взаимно усиливается.

Разум может напрямую влиять на материю. Причем, это влияние не зависит от расстояния. Влияние на то, что творится в соседней комнате или на другом континенте, – одинаково.

После войны 1914 года ефрейтор Шиккельгрубер, впоследствии Адольф Гитлер, начал слепнуть после вдыхания ядовитых газов. Врач-гипнотезер сказал ему: «Ты сможешь сохранить зрение, если очень этого захочешь!» И внушил ему захотеть. Он захотел и победил болезнь. Но способность очень хотеть он сохранил и использовал, чтобы получить аб-

солютную власть в Германии.

Реинкарнация, если таковая существует, должна быть присуща всем человеческим душам. Поэтому случаи ее открытого проявления должны встречаться равномерно по всему Земному шару. На самом же деле в 99% случаев, подтвержденных документально, она зафиксирована в Индии. Не потому ли, что там люди верят в нее, притом на протяжении многих веков?

Пьяных и дураков Бог хранит.

– Деньги идут к деньгам – Вы такую поговорку слышали?

Неуловимые инопланетяне, снежный человек, легендарная «Несси», домовые, лешие, чупакабра и прочие темные сущности. Как видно, они порождаются силой интеллекта верящих в их существование людей. Человек, пребывающий в определенном то ли психическом, то ли эмоциональном состоянии, может сказать что-либо типа: «Чтоб тебя черти взяли», и... иногда происходит невероятное! Появляются неизвестно откуда какие-то монстры, хватают того, в чей адрес это было сказано, и пропадают с ним навсегда! А проклятия? Почти всегда они сбываются, хоть порой и не сразу. И свое будущее человек чаще всего творит сам. Я погадал одноклассникам. Через много лет я их встретил, и оказалось, что все сбылось! («Главная тайна Бога», «Тест Далай-ламы»).

Лучшие вещи Вы купили только у симпатичных Вам людей, верно? Вспомните.

Самовозгорание людей? Мальчика дразнили из-за излиш-

него веса, привели в ярость. На глазах у всех внезапно вспыхнул он и четыре его обидчика! Священник во время проповеди со страстью говорил о геенне огненной для грешников и на глазах у своей паствы вспыхнул, как порох и сгорел за несколько секунд. Кто-то пожелал этого «чуда» с верой или сам этот человек в сильном эмоциональном порыве пожелал этого. А, возможно, испугался этого – это то же самое. Кто не верит во что-то, тот того не испугается! Но «классическая» наука этого пока что признавать не желает. Так удобнее.

Когда человек руководим Богом, он понимает, что для Бога нет ничего невозможного.

Чудо разума и его единения с Богом (Вселенной) не вносит беспорядка, а только порядок.

Божественный принцип: любовь превозмогает и создает все, что материально.

*Мироточивые иконы, обновление, источник Моисея. Копии картин, которые не отличить от подлинника. Есть искусные подделки, но есть и полные копии на атомно-молекулярном уровне: в точности те же мазки, пометки, дефекты, характерные особенности холста. Я это лично исследовал. С этого, собственно, и начал. Как видно, еще в средние века были люди, владеющие силой сознания и веры. Есть они и в наши дни.

Человеку показывали картинки разного содержания. Он не знал о том, какую картинку и в какое время покажут. Пи-

сали энцефалограмму. Оказалось, что на страшную, шокирующую картинку мозг реагирует раньше, чем картинка появится на экране. Значит, существует связь с будущим? Или информация каким-то образом поступает из будущего, или это будущее инициируется информацией. Т. е., человек сначала должен подумать о том, какая картинка будет следующей. Но если порядок картинок записан заранее? Тогда что, человек считывает откуда-то информацию об этом? («Титаник-1» и «Титаник-2», «Титаник–ЗИП») Карта мира турецкого адмирала Пири Рейса. Там изображены Австралия, Америка и Антарктида, которые в то время открыты не были. Антарктида – 2 острова, реки на ней и т. п. Колумб имел такую карту?

Геолог, верящий в свои расчеты, свою теорию, обязательно откроет месторождение. Моисей ударил посохом – открылся источник, существующий по сей день.

Человека убивает страх, а не пуля. Пробивали ломом голову (случай с подрывником), простреливали сердце, желудок, кишечник, но оставались живы. Только когда люди сами смирились со смертью, сдавались, они умирали.

Приговоренные исчезали с эшафота, из тюремных камер и неожиданно оказывались за тысячи километров от того места, где были мгновение тому назад. На острове Пасхи в отложениях, которые восемьсот лет назад были болотом, недавно был найден труп немецкого рыцаря вместе с конем, в кармане которого были найдены немецкие монеты 13-го

века. Откуда он там взялся? Как видно, он неожиданно для самого себя телепортировался в это место, где было болото – там и утонул.

*Вот, у меня газетная статья есть. Здесь о том, как одна женщина в очереди кошелек потеряла. Его нашли, чтобы удостовериться, что он ее, спросили, что там. Там было три лотерейных билета. Так как это была сберкасса, люди тут же проверили. Все три оказались выигрышными. Притом очень крупные выигрыши на них выпали. Читали? Тем лучше. Что это, жульничество? Уверен, что нет. Она умела делать то же, что и я!

*Куда девались марсианские каналы? То их все видели, а теперь их нет. Тогда верили, теперь все скептиками стали.

Неожиданно был пойман целакант – кистеперая рыба, которую считали вымершей, если не ошибаюсь, еще двести миллионов лет тому назад. Потом еще и еще. Потом они будто снова вымерли, а недавно, вот, выловили еще одного. (Реликты мезозойской эры).

Люди читали книги и видели картины, которые были достоверно уничтожены.

Верно и то, что «рукописи не горят». Вот, посмотрите на эту стопку тетрадей. Читайте заголовок. «Мертвые души». Вот так! Да-да, те самые, которые Гоголь сжег собственноручно. А я вернул это произведение людям. Еще никто не знает – Вы первый. Пусть проводят экспертизу почерка, чернил, бумаги! Все подлинное вне всякого сомнения.

*Летание на метле и прочее колдовство – тоже власть сознания и, прежде всего, – веры над природой. В средневековье этим пользовались, но таких людей преследовали и уничтожали. Волей-неволей люди от этого отказались, а потом перестали верить. Вот и нет теперь практически ведьм да колдунов. И чертей да привидений никто практически не видит. Не верят люди в них. А ведь темные сущности существуют! И создают их сами люди. Чтобы создать такое, не нужно особых способностей. Нужно только особое состояние. Скажем, сильное эмоциональное напряжение, мощный стресс, страх, страстное желание чего-то.

– Так эти сущности могут быть только неразумными?

– Совсем нет!

– Но человек ведь не может ничего создать сложнее, чем он сам.

– Верно. А эти сущности и есть более примитивны, чем люди. У них души от Бога нет! Они повторение человеческой сущности, только ущербной, без каких-то качеств, присущих человеку от сотворения мира! Этим они и страшны! Поэтому человеку нельзя создавать их!

– А если кто создаст армию таких сущностей – погибнет, наверное, человечество!

– Совсем нет! Бог и это предусмотрел. Придут на помощь материалисты, которые в них не верят. И они победят их неверием в них! Как сейчас – не встретишь ведь в обыденной жизни чертей да вурдалаков.

– Получается, что Вы тоже создали ущербные сущности в лице жены и дочери. Они же ведь умерли!

– Вот уж нет! Я их не создавал. Я их вернул к жизни. А создал их Всевышний еще при зачатии.

Мне самому приходилось видеть, как в жестокую засуху, в самую жару шаман в присутствии большого количества народа своим ритуальным танцем вызывал дождь. Я был поражен. Уму не постижимо! В другой раз я видел, как молодая женщина-шаманка таким же способом прекращала проливной дождь, заставляла облака рассеяться и установиться солнечную погоду.

Потом я вспомнил, что эти театрализованные представления организовывались очень и очень квалифицированно. Оба раза шаманы требовали присутствия как можно большего количества людей, оповещали о предстоящем сеансе заранее и делали все, чтобы даже самые закоренелые скептики поверили в успех дела. Перед началом они заставляли тех, кто уже был свидетелем подобных мероприятий, выступить перед собравшимися с воспоминаниями о том, как это состоялось в прошлый раз или, что было для них особенно ценно, во все предыдущие несколько раз. Их рассказы они сопровождали звуковыми эффектами: ударами в бубен, игрой на местных инструментах, ритуальным пением, а также танцем. Волей-неволей, все впадали в транс и, когда их вера в успех предстоящего сеанса становилась непоколебимой, они начинали свой замысловатый танец, который заканчи-

вался осуществлением желаемого.

Откуда это известно представителям таких, казалось бы, неграмотных, безинтеллектуальных групп населения нашей планеты? Причем, на всех континентах, в разных уголках планеты, но лишь в тех сообществах, которые сохранили древние (в представлении философов XIX—второй половины XX века «первобытные») традиции. В школе нас учили, что это отголоски первобытной, самой примитивной, зачаточной культуры. Извините! Это не может идти от чего-то промежуточного между людьми и животными, ибо животным-то как раз и не свойственны ни ритуалы, ни обряды, ни суеверия! Значит, людей этому кто-то когда-то научил! Но кто и когда? Начало теряется в глубине веков.

Если человек заведомо планирует зло, то все возможные ошибки (сбои плана) обязательно случатся. А если добро, отнюдь не всегда.

Еще один пример – плацебо, «пустое лекарство», так сказать. Но оно, как оказалось, вовсе не пустое, как думали раньше. Когда больному дают плацебо, убедив его в том, что это чудодейственный препарат, оно и помогает как чудо. Порой, даже много лучше, чем настоящие, лицензионные препараты. Но настоящие чудеса происходят, когда сам врач уверен в чудодейственной эффективности препарата или метода предлагаемого им лечения, в том числе и плацебо. Описан такой случай. Тридцать с лишним лет тому назад к одному лондонскому врачу обратился юноша, все тело которого

было покрыто бородавками. Тот осмотрел больного и сказал молодому стажеру:

– Что же делать с этим юношей? Сделать пересадку кожи с живота, где она у него пока еще чистая, что ли.

– Так бородавки можно лечить гипнозом, – сказал стажер.

Врач снисходительно посмотрел на него и сказал:

– Ну, тогда сам попробуй.

Самоуверенный стажер тут же ввел юношу в транс и внушил ему, что его кожа с этой минуты начнет очищаться, все бородавки отпадут, и на их месте появится чистая, здоровая кожа, такая же, как у него на животе. Потом он вывел больного из транса и велел ему прийти через две недели. Юноша ушел, окрыленный надеждой, а через две недели пришел с совершенно чистой кожей, преисполненный чувства благодарности. Стажер, довольный собой, привел его к профессору.

– Силы небесные! – воскликнул удивленный профессор, когда счастливый юноша ушел домой. – Этого же не может быть!

– Почему же не может? – удивился стажер. – Во всех учебниках написано, что бородавки успешно лечатся гипнозом.

– В том-то и дело, что это были никакие не бородавки, а неизлечимое заболевание, так называемая «слоновья кожа»!

Случай был описан в журнале Лондонского медицинского общества, и в результате к молодому стажеру, неожиданно ставшему знаменитым, пошли больные со всей Европы. Но

ни одного больного с таким диагнозом он больше не смог вылечить.

– Почему, как Вы думаете? – спросил профессор.

– Они оказались не так хорошо внушаемы, как этот юноша.

– Нет и еще раз нет. Просто стажер уже знал, что эта болезнь неизлечима и не был уверен, как в случае с тем юношей, что его лечение даст положительный результат.

– Вы о Джозефе Меррике слышали?

– Да, – сказал я. – Его называли человек-слон из-за ужасного уродующего заболевания скелета и кожи.

– Верно. А Вы знаете причину этого заболевания?

– Да. Наследственность, дефект на генном уровне, – ответил я.

– А как он появился, этот дефект? – спросил он.

– Ну, в результате мутации, видимо. Но его родственники говорили, что на их род один человек наслал проклятие.

– Верно! Именно проклятие несправедливо обиженного человека вызвало ужасную мутацию в генах одного из предков Джозефа Меррика. Это то же, что проклятие мумий древнеегипетских фараонов. Жрецы владели тайной силы интеллекта, знали об опасности ее в руках злого человека и не выдали ее человечеству.

Я стал задумываться над эффектом плацебо все чаще и чаще и пришел к выводу, что большая часть лечебных эффектов в народном целительстве, а также в классической ме-

дицине – не что иное, как эффект плацебо. А в конечном итоге я понял, что вовсе не большая часть, а все сто процентов!

– Все знают, что рассказывать о своих замыслах, планах и текущих творческих работах – нехорошая примета. В таком случае почти наверняка ничего не получится. Так и выходит в большинстве случаев. А почему? Над этим мало кто задумывался. А ответ прост, как все гениальное. Люди в большинстве своем завистливы и лицемерны. Такому человеку они завидуют и подсознательно желают ему провала. И силой своего интеллекта разрушают этот созидательный труд. Нужно быть очень сильным интеллектуально, иметь огромную уверенность в себе, чтобы противостоять этому разрушению. Ведь завистников обычно больше, чем доброжелателей, и все они концентрируют свои усилия в едином направлении. Кроме того, разрушать проще, чем созидать. Завистниками могут оказаться даже близкие люди: друзья, любимые, жены, мужья, родители и дети. Порой они и сами этого не знают, просто когда Вы что-то, по их мнению, выдающиеся делаете, они ощущают дискомфорт.

– «Цунами в Индонезии» Айвазовского? Подлинник? Но такой картины Айвазовского я не припоминаю. Ее что, нет в каталогах? Почему?

– Нет. И никто о таковой не ведает, кроме нас с Вами, дорогой Юрий Петрович. Потому что при жизни Иван Константинович Айвазовский таковой не писал. Возможно, он

намеревался когда-нибудь ее написать, не знаю. Но если Вы предъявите эту картину экспертам, они признают ее подлинность. Никто не усомнится, что она принадлежит кисти Ивана Константиновича. И холст, и время, и краски, и подпись, и даже подрамник – все подлинное.

– Тогда объясните, как это может быть?

– Охотно, Юрий Петрович. Я задумал сюжет этой картины, вообразил, как он ее писал и прочее. Потом я отчетливо представил себе, что в этой комнате висит такая картина, вошел сюда с уверенностью, и она здесь действительно висит. Вот и все.

– Так это же нужно знать об Айвазовском все до мелочей...

– И совсем нет. Вся эта информация размещена где-то в определенной ячейке Вселенной, в которой содержится все, что касается Айвазовского.

– Вы можете неплохо жить, продавая такие картины.

– В том-то и дело, что нет. Тогда я лишусь своей уникальной способности управлять материей с помощью сознания. Господь обязал человека добывать хлеб свой в поте лица, то есть только собственным трудом праведным. Ведь даже если человек использует для наживы собственный талант, Господь его отбирает роковым образом. А тем более – чужой. По-настоящему талантливые люди всегда бедны, и Вы это не хуже меня знаете.

– Сверхъестественными способностями может обладать

тот, кто прошел сверхъестественные испытания. Вот я и овладел ими. Теперь Вы меня поняли? – сказал Юрий Петрович.

*Задумывались ли Вы над тем, почему законы природы именно таковы, как есть? Нет? Я так и думал. Возьмем, к примеру, силы взаимодействия тел на расстоянии – электрические, магнитные и гравитационные – чем они обусловлены? Вы скажете, законами Кулона, Ньютона, ... Верно. Но какова природа этих сил? Не знаете, потому что науке это не известно. Но эти силы можно промоделировать на компьютере. Это проще простого – задать телам правило действовать друг на друга именно так, как гласят известные физические законы, и все. А может быть, они и в природе точно так же кем-то заданы, и все? ЗАКОНОДАТЕЛЬ решил: пусть будет так! И внушил, внедрил это в сознание всему живому! Вот психика всего живого и заставляет природу быть именно таковой, какова она есть! А не наоборот, как нам кажется! Как в компьютере!

О назначении душ животных и человека в космическом процессе (Vsesvit_Tvorenje.docx).

– Сила интеллекта, сила воли – это то, что сейчас принято именовать биополем. На востоке его называют духом животного: деревьев, животных, людей. Индусы его именуют праной. В общем, как это ни назови, суть одна.

Сердце и душа не должны огрубеть или загрязниться корыстолюбием, эгоизмом, жадностью, что, впрочем, одно и то же. Только при чистой душе можно овладеть наукой управления окружающими предметами, людьми и всем, чем угодно. Йоги говорят: «Достичь nirваны».

Ури Геллер остановил часы на лондонской башне Биг-Бен. Говорят – случайность. А вот то, что он по ТВ заставил идти давно и безнадежно вышедшие из строя по разным причинам часы у людей, смотревших ЗАПИСЬ его сеанса во многих уголках Советского союза – это уж объясняется исключительно верой, силой интеллекта как самого Геллера, так и их самих.

Вы заметили, что с началом, скажем, календарной осени сразу же становится прохладнее? В первый же день. А когда перешли на новый стиль, эта граница заметно сдвинулась на две недели вперед. Почему, как по-вашему?

«А то обстоятельство, что когда Вы одержимы осуществлением какой-то идеи, какой-то работы вообще, Вам вдруг начинает попадаться нужная литература, Вы вдруг знакомитесь с нужными для этого людьми? Вам это знакомо? Я сначала думал, что это только со мной и носит чисто случайный характер. Но потом понял, что это явление всеобщее и отнюдь не случайно».

Мечтающий найти деньги, обязательно найдет. Мечтаю-

щий о выигрыше, выигрывает в лотерею. Нужно только уметь настроиться – поверить в то, что это случится. Особенно сильным становится интеллект человеческий, перенося страдания, и чем более тяжкие, тем выше его созидательный потенциал (в смысле власти над материей).

Больной не вылечится, если не будет ВЕРИТЬ в излечение.

Смелого пуля боится, смелого штык не берет. Пример с Валентином Громовым в отряде Тельнова.

Порча, сглаз, проклятие и т. п. Существуют, но они не действуют на того, кто ходит в церковь и искренне верует в Бога. Дурные приметы сбываются у того, кто в них верит, Церковь считает их грехом, поэтому верующий христианин не верит в них, и они на него не действуют.

В ЮАР есть полицейский, обладающий удивительными способностями («Полицейский-колдун»).

– Нестинарство – хождение босиком по углям возможно без последствий?

– Нет. Обязательно ожоги будут.

– А ходят ведь! Собственными глазами видел. И йогов видел. Один раскаленной цепью себя опоясывал. Потом предлагал желающим плюнуть на нее, поднести руку к ней. Я пробовал – горячо. А ему – хоть бы хны.

В начале XX века в США изобретатель португальского происхождения, некто Хуан Андрес умел превращать воду (водопроводную, речную и даже морскую) в горячее, на ко-

тором работал любой двигатель внутреннего сгорания. Ан-дрэс неоднократно демонстрировал этот эффект, о чем сви-детельствуют сохранившиеся доныне многочисленные про-токолы различных компетентных комиссий. Он требовал за раскрытие своего секрета 1 миллион долларов. Одна фирма выразила такое согласие и пригласила его прибыть в Нью-Йорк для оформления сделки. Он вылетел из Питтсбурга на частном самолете, который в Нью-Йорк так и не прибыл. На этом след Хуана Андреса теряется. Скорее всего, его уничтожили воротилы из нефтяных монополий.

Два начала – добро и зло. Добро – это вера в исполнение хорошего, а зло – все то, что этому мешает.

*Уверяю Вас, что при канонизации святых в Ватикане на специальной службе на площади святого Петра у всей паст-вы спрашивают, верят ли они в то, что этот человек был свя-тым, делал добро людям, верно служил Богу и сейчас нахо-дится на небесах. Не зря там присутствуют «адвокаты дья-вола», которые оппонировать священникам, пытаясь поколе-бать веру в святость этого человека. Без них нельзя провер-ить истинность этой веры!

Алхимики получали золото из олова, ртути и других ме-таллов при свидетелях – имеются документальные свиде-тельства.

Задачу алхимии живая природа решает своим путем. Ду-маю, что физика этого явления так и не будет разгадана, так как ее не существует. В цветочник высаживали растение в

песчаный грунт, где кроме кремния ничего не было. Поливали дистиллированной водой. В результате растение росло, набирало силу. Когда сделали спектральный анализ тканей этого растения, оказалось, что в них присутствуют, и в значительном количестве элементы, которых и близко не было ни в грунте (песок), ни в воде, ни в воздухе. Откуда они? Созданы самим растением. Запускали мальков в аквариум, где не было кальция и следов. Мальки росли, хоть и отставали в росте от своих ровесников, которые развивались в обычной среде. При анализе тканей рыбок оказалось, что в них присутствует кальций в нормальном количестве.

Некоторые люди способны материализовать металл и т. п. («Коллекция чудес доктора Шварца»).

– А почему, по-вашему, не следует поминать имени Господа всуе? Или проклинать кого-то? То-то! Мысль-то, она ведь материальна.

Современные ученые не верят в завещание Николая Фламелья. Но я Вам могу доказать, что Фламель в своем завещании не лгал. И само завещание отнюдь не подлог, а подлинный документ, хотя и восстановленный.

*Мысль одного человека, как доказано на многочисленных экспериментах, способна влиять на материальный мир и происходящие в нем события, изменять законы классической физики. Но при обычных условиях это влияние чрезвычайно слабо, если человек один. Но эту способность можно усилить до невероятной величины. Для этого нужен ка-

тализатор! Да! Вся проблема в нем. И я его нашел! Вернее, я нашел несколько катализаторов. Стадное чувство, массовый гипноз и групповая молитва – это первые катализаторы, на которые я обратил внимание. Вспомните слова Христа: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Евангелие от Матфея, 18:20). Но я открыл еще один – главный катализатор. О нем я пока Вам ничего не скажу – слишком уж он прост и невероятен. Это невероятно мощный катализатор, который дает человеку необыкновенную, неограниченную власть надо всем! Его знание может быть самым мощным в мире оружием! Но об этом и подумать грешно...

*Сейчас многие скептики опровергают эволюционную теорию Дарвина, мотивируя тем, что мы не наблюдаем преобразования видов. Однако родственные связи между видами налицо! От них никуда не денешься! Оно происходит, но чрезвычайно медленно. Нужен тот же катализатор! И для стимуляции вымирания динозавров, а позднее мамонтов, нужен тот же катализатор!

Он говорил страстно, отчаянно жестикулируя, порой срываясь на крик.

Под гипнозом человек видит, слышит и ощущает то, что ему внушают. А если он что-то воспринимает своими органами чувств, то это существует. Для него существует. Это для зрителей оно не существует! Какова же объективная реальность? Одни (загипнотизированные) утверждают, что то,

что они ощущают реально, а другие (зрители), что нереально. Но кто из них прав? Каждый убежден в том, что их ощущения – реальность. Скорее всего, правы обе стороны. Они пребывают в разных измерениях, в разных мирах! И эти миры пересекаются как раз там, где их ощущения совпадают. Следовательно, возможен переход из одного мира в другой. Значит, мертвых можно воскресить, переведя их из того мира, где они существуют, в другой!

И зазеркалье тоже существует! Это значит, что нет ничего невозможного для человеческого интеллекта! Для разума!

– Посвященный в великую тайну должен унести ее с собой (уйти вместе с нею).

Если Вы можете это вообразить, Вы можете это и сделать.
Уолт Дисней.

Если разум не в мозге, а где-то в Космосе в виде информационного файла, то телепатия может быть передачей мыслей, информации, короче говоря, не от мозга к мозгу через пространство, а непосредственно от одного информационного файла к другому. Поэтому нам и кажется, что скорость ее распространения так велика.

Как был создан мир?

Профессор Колпаков дошел до истины, что человеческий организм состоит из 1026 атомов. Для записи всей инфор-

мации о нем требуется значительно большее число бит информации, в то время как молекула ДНК может вместить много меньше. Следовательно, она представляет собой только строительный механизм, а информация о человеческом организме хранится где-то в другом месте во Вселенной! Но где? Следовательно, существует некий «тонкий мир», хранящий информацию обо всех человеческих интеллектах! И эта информация со смертью личности не может исчезнуть. Следовательно, умерших можно воскресить. И еще. Человек с помощью науки никогда не сможет создать живое из неживого, так как не существовавший ранее живой объект нужно сначала «прописать» в информационном центре вселенной. Но, используя силу своего интеллекта, это, кажется, возможно. Но не химически, а с помощью мысли!

«Тонкий мир» по своим свойствам существенно отличается от того мира, в котором мы существуем, вернее, в котором осознаем себя. Мне представляется, что там одна форма материи легко переходит в другую, не требуя существенных затрат энергии. В нашем мире – наоборот. Например, чтобы преобразовать один элемент в другой, требуется огромная энергия для дробления или объединения атомных ядер. А там (мы пока еще не знаем, что представляет собой «тонкая материя») для подобных превращений требуются ничтожные энергозатраты. Но переход из «нашего» мира в «тонкий» требует, как мне представляется, также небольших энергозатрат. Следовательно, переведя какое-либо фи-

зическое тело в «тонкое» состояние, мы можем его вернуть в «наш» мир уже в виде другого предмета, в виде световой или какой другой энергии. При этом в любом месте «нашего» пространства, а может быть, и времени. Таким образом, научившись управлять такими переходами, мы получаем возможность получать огромные энергии и управлять ими, а также быстро и эффективно перемещаться из одной точки вселенной в любую другую! И во времени, видимо, тоже! Нам дает такую потенциальную возможность интеллект, который в настоящее время по какой-то причине заблокирован высшими силами. И эту задачу, как мне представляется, следует пытаться разрешить в первую очередь. Интеллект человека – это наивысшая и наиопаснейшая сила нашего мира. Куда там атомной бомбе! Поэтому Высшие Силы могут кое-что позволить в этом направлении только исключительно бескорыстному, доброму и сугубо честному человеку. Вот почему Господь роковым образом отбирает любой талант у недостойного человека!

Теперь вам понятны опыты алхимиков и магов средневековья?

В нашем мире действуют свои ограничения (скорость частиц с ненулевой массой покоя – не больше световой, невозможность превращения химических элементов, преобразования вещества в энергию и энергии в вещество и другие), а в «тонком» вероятно, должны действовать какие-то свои ограничения, не представляющие никакой сложности в нашем

мире. Поэтому мне кажется, что переход из нашего мира в «тонкий» и обратно может помочь нам преодолеть их. Тогда мы сможем управлять эволюцией вселенной, нашей собственной эволюцией, достичь полного совершенства. Не то ли это совершенство, которого лишились Адам и Ева, когда согрешили?

На местах крупных былых сражений наблюдаются призраки людей того времени, кровавые сцены битв и т. п. Что это? Несомненно одно: где-то хранится информация об этом, о человеческих страданиях, о потрясающих эмоциях и т. д. Но где? Несомненно, что в каком-то «тонком мире». Но какова его природа и структура?

Природа гравитации, объясняемая существованием пи-частиц – тоже закон, существующий благодаря убеждению людей? Нет, ее можно только представить таким образом. На самом же деле она существует только благодаря вере всего человечества и вообще всего живого в то, что она есть. Больше никакого объяснения быть не может. Все знают, что так должно быть. Представьте, что этого нет, и Вы сможете левитировать. Когда хотя бы эта информация станет очевидной для большинства людей, наступит конец мира. Вот какие истины хранит Библия.

ЦРУ работало с людьми, которые проникали мысленно на сверхсекретные советские полигоны и сообщили о них абсолютно достоверную информацию.

Когда финансирование этих работ ЦРУ прекратило, экс-

трасенсы помогали научным сотрудникам заработать крупные деньги на продолжение экспериментов, предсказав цены на серебро на мировом рынке. Но для наживы они работать не пожелали. Эта способность могла бы принести огромные деньги, но такие люди обычно руководствуются только соображениями ДОБРА. Поэтому с уверенностью можно сказать, что лекари, знахари и гадалки, которые работают за деньги для себя, не кто иные, как шарлатаны. Ибо без добра Бог роковым образом эти способности отнимает.

На острове Пасхи в отложениях 15 века (в болоте) был найден рыцарь на коне, в латах, с оружием и монетами 15 века в кармане. Приговоренные к смерти исчезали из камер накануне казни и оказывались далеко от них и даже в другом времени.

Человек обладает способностью преодолевать пространство, время и законы физики, что никак нельзя назвать разумной работой мозга.

Стивен Вильям Хоукинг (Stephen William Hawking – парализованный британский физик, один из наиболее влиятельных в научном смысле и известных широкой общественности физиков-теоретиков нашего времени) пытается создать «Теорию Всего» – вывести Вселенские уравнения! Могущественный свод законов, которому подчиняется вся Вселенная от элементарных частиц до Метагалактик. Теория струн – это, по сути, Теория Всего.

Стивен Уильям Хокинг (англ. Stephen William Hawking,

род. 08 января 1942, Оксфорд, Великобритания) – один из наиболее влиятельных в научном смысле и известных широкой общественности физиков-теоретиков нашего времени.

Биография

Стивен Хокинг родился в 1942 году. В 1962 году он закончил Оксфордский университет и начал занятия теоретической физикой. Тогда же у Хокинга стали проявляться признаки бокового амиотрофического склероза, которые привели к параличу. В 1965 году женился на Джейн Уайлд, позднее у них родились дочь и два сына. В 1974 году Хокинг стал членом Лондонского Королевского общества. После операции на горле в 1985 году он потерял способность говорить. Друзья подарили ему синтезатор речи, который был установлен на его кресле-коляске и с помощью которого Хокинг может общаться с окружающими.

Несмотря на тяжёлую болезнь, он ведёт активную жизнь. В январе 2007 года он совершил полёт в невесомости (на специальном самолёте), а на 2009 год запланирован полёт в космос [1].

Мировоззрение

Стивен Хокинг называет себя агностиком [2] [3]. Некоторые его взгляды близки к трансгуманизму: Хокинг считает, что человек не является венцом эволюции и должен совершенствоваться с помощью научно-технических средств (киборгизации, генотерапия и др.) [4]

Научная деятельность.

Основная область исследований Хокинга – космология и квантовая гравитация.

Его главные достижения:

- 1) применение термодинамики к описанию чёрных дыр;
- 2) разработка, в 1975 г., теории о том, что чёрные дыры «испаряются» за счёт явления, получившего название излучение Хокинга.

21 июля 2004 года Хокинг представил доклад, в котором он изложил свою точку зрения на разрешение парадокса исчезновения информации в чёрной дыре.

В 1974 году между Стивеном Хокингом и Кипом Торном было заключено шутивное пари (годовая подписка на журнал «Пентхауз» в случае победы Торна против четырехлетней подписки на журнал «Privateeye» в случае победы Хокинга [5]) по поводу природы звезды Лебедь X-1 и природы её излучения. Хокинг, в оппозицию своей теории, основанной как раз на существовании чёрных дыр, ставил на то, что Лебедь X-1 не является чёрной дырой (как он сказал: «Даже если я окажусь неправ, то хоть выиграю подписку на журнал»). Он признал поражение в 1990 году, когда данные наблюдений укрепили уверенность в наличии гравитационной сингулярности в системе [6].

В 1997 году Хокинг уже на пару с Кипом Торном заключил пари (на полное издание Британской энциклопедии) с Джоном Прескиллом, профессором Калифорнийского технологического института и директором Института кванто-

вой информации, по вопросу сохранения информации о материи, ранее захваченной чёрной дырой и впоследствии излучённой ею. Профессор Прескилл полагал, что излучение чёрной дыры несёт информацию, но мы не можем ее расшифровать. Профессор Хокинг считал, согласно своей же теории от 1975 года, что эту информацию в принципе невозможно обнаружить, потому что она отпочковывается в параллельную Вселенную, абсолютно нам недоступную и абсолютно непознаваемую.

В августе 2004 года, на Международной конференции по общей теории относительности и космологии в Дублине, профессор Хокинг представил революционную теорию чёрных дыр и параллельно заявил, что профессор Прескилл прав, а он с Торном ошибался [7]. Из доклада следует, что чёрная дыра искажает проглоченную информацию, но все же не разрушает ее бесследно и в конце концов в процессе испарения чёрной дыры информация таки вырывается из её объятий. По своему обыкновению, пытаясь заинтриговать слушателей, не готовых к восприятию квантовых премудростей, Хокинг посоветовал любителям научной фантастики расстаться с мечтой о том, что погружение в чёрную дыру может стать броском к другой Вселенной. Впрочем, профессор Прескилл заметил, что он так до конца и не понял аргументов Хокинга, хотя, конечно, рад своему выигрышу и энциклопедию примет. Третий же участник спора, профессор Торн, заявил, что он не согласен с Хокингом.

Популяризация науки

Хокинг активно занимается популяризацией науки. В апреле 1988 года вышла книга «Краткая история времени», которая стала бестселлером. Благодаря этой книге Хокинг стал знаменит на весь мир. В предисловии он писал:

«Мне сказали, что каждая включённая в книгу формула вдвое уменьшит число покупателей. Тогда я решил вообще обходиться без формул. Правда, в конце я всё-таки написал одно уравнение – знаменитое уравнение Эйнштейна $E=mc^2$ ».

Потом появились книги «Чёрные дыры и молодые вселенные» (1993) и «Мир в ореховой скорлупке» (2001). В 2005 году вышло новое издание «Краткой истории...» – «Кратчайшая история времени», написанное в соавторстве с Леонардом Млодиновым.

В 2006 году совместно с дочерью Люси Хокинг написал книгу для детей «Джордж и тайны вселенной».

Настоящий фурор вызвала лекция Стивена Хокинга в марте 1998 года в Белом доме, когда он по приглашению президента Клинтона дал научный прогноз на следующее тысячелетие (в целом прогноз был оптимистичным). Последнее интервью Хокинг дал английской прессе в 2003 году, и здесь он уже казался мрачным пессимистом. По мнению ученого, человек должен поскорее переселиться на другие планеты, иначе на Земле он погибнет от вирусов.

В массовой культуре

Персонаж «гениальный физик в инвалидном кресле» часто появляется в различных мультипликационных фильмах, в частности в мультсериалах «Симпсоны», «Гриффины» и «Футурама», в сериале «Звёздный путь: Следующее поколение» (6-й сезон, 26-я серия), в анимационном фильме «Всемирная катастрофа!» (Disaster!) (2005).

Цифровой голос Хокинга присутствует на музыкальном альбоме легендарной группы Pink Floyd «The Division Bell» 1994 в композиции Keep Talking, а также в шуточной версии песни Майкла Джексона «The Girl Is Mine» в исполнении Ричарда Чиза в альбоме «Aperitif For Destruction» (2005).

Принцип окончательного результата.

По определению: когда Вы исследуете неизвестное, то не знаете, что обнаружите.

Закон Хелдейна.

Вселенная не только необычнее, чем мы воображаем, она необычнее, чем мы можем вообразить.

Ничто в этой вселенной не точно, пока кто-то не увидит то, что утверждается. (Кот жив или мертв?) А сам-то я жив или мертв? Это утверждение также неточно, пока кто-то не обнаружит это. Если так, то каждый может предвидеть будущее.

Кот Шрёдингера

Кот Шрёдингера (кошка Шрёдингера) – объект мысленного эксперимента, предложенного Эрвином Шрёдингером, которым он хотел показать неполноту квантовой механики

при переходе от субатомных систем к макроскопическим.

Суть эксперимента

В закрытый ящик помещён кот [1]. В ящике есть механизм, содержащий радиоактивное ядро и ёмкость с ядовитым газом. Параметры эксперимента подобраны так, что вероятность того, что ядро распадётся за 1 час, составляет $1/2$. Если ядро распадается, оно приводит механизм в действие, который открывает ёмкость с ядовитым газом, и кот умирает. Согласно квантовой механике, если над ядром не производится наблюдение, то его состояние описывается суперпозицией (смешением) двух состояний: распавшегося ядра и нераспавшегося ядра, следовательно, кот, сидящий в ящике, и жив, и мёртв одновременно. Если же ящик открыть, то экспериментатор может увидеть только какое-нибудь одно конкретное состояние – «ядро распалось, кот мёртв» или «ядро не распалось, кот жив».

Вопрос стоит так: когда система перестаёт существовать как смешение двух состояний и выбирает одно конкретное? Цель эксперимента – показать, что квантовая механика неполна без некоторых правил, которые указывают, при каких условиях происходит коллапс волновой функции, и кот либо становится мёртвым, либо остаётся живым, но перестаёт быть смешением того и другого.

Поскольку ясно, что кот обязательно должен быть либо живым, либо мёртвым (не существует состояния, промежуточного между жизнью и смертью), то означает, что это вер-

но и для атомного ядра. Оно обязательно будет либо распавшимся, либо нераспавшимся.

Оригинальная статья вышла в немецком журнале *Naturwissenschaften* («Естественные науки») в 1935 году [2]. Целью статьи было обсуждение ЭПР парадокса, опубликованного Эйнштейном, Подольским и Розеном ранее в том же году [3]. Статьи ЭПР и Шредингера обозначили странную природу «квантовой запутанности» (нем. *Verschränkung*, англ. *entanglement*) *quantum entanglement* (введенный Шредингером термин), характерной для квантовых состояний, являющихся суперпозицией состояний двух систем (например, двух субатомных частиц).

Копенгагенская интерпретация

В копенгагенской интерпретации система перестаёт быть смешением состояний и выбирает одно из них в тот момент, когда происходит наблюдение. Эксперимент с котом показывает, что в этой интерпретации природа этого самого наблюдения – измерения – определена недостаточно. Некоторые полагают, что опыт говорит о том, что до тех пор, пока ящик закрыт, система находится в обоих состояниях одновременно, в суперпозиции состояний «распавшееся ядро, мёртвый кот» и «нераспавшееся ядро, живой кот», а когда ящик открывают, то только тогда происходит коллапс волновой функции до одного из вариантов. Другие догадываются, что «наблюдение» происходит, когда частица из ядра попадает в детектор; однако (и это ключевой момент мысленного

эксперимента) в копенгагенской интерпретации нет чёткого правила, которое говорит, когда это происходит, и потому эта интерпретация неполна до тех пор, пока такое правило в неё не введено, или не сказано, как его можно ввести. Точное правило таково: случайность появляется в том месте, где в первый раз используется классическое приближение.

Таким образом, мы можем опираться на следующий подход: в макроскопических системах мы не наблюдаем квантовых явлений (кроме явления сверхтекучести и сверхпроводимости); поэтому, если мы накладываем макроскопическую волновую функцию на квантовое состояние, мы из опыта должны заключить, что суперпозиция разрушается. И хотя не совсем ясно, что значит, что нечто является «макроскопическим» вообще, про кота точно известно, что он является макроскопическим объектом. Таким образом, копенгагенская интерпретация не считает, что до открытия ящика кот находится в состоянии смешения живого и мёртвого.

Многомировая интерпретация Эверетта и совместные истории

В многомировой интерпретации квантовой механики, которая не считает процесс измерения чем-то особенным, оба состояния кота существуют, но декогерируют. Когда наблюдатель открывает ящик, он запутывается с котом и от этого образуются два состояния наблюдателя, соответствующие живому и мёртвому коту, которые (состояния) не взаимодействуют друг с другом. Тот же механизм квантовой деко-

геренции важен и для совместных историй. В этой интерпретации только «мёртвый кот» или «живой кот» могут быть в совместной истории.

Другими словами, когда ящик открывается, Вселенная расщепляется на две разные вселенные, в одной из которых наблюдатель смотрит на ящик с мёртвым котом, а в другой – наблюдатель смотрит на живого кота.

Космолог Макс Тегмарк предложил вариацию опыта с котом Шрёдингера под названием «машина для квантового самоубийства». Он рассматривает эксперимент с котом с точки зрения самого кота и утверждает, что таким образом можно экспериментально различить копенгагенскую и многомировую интерпретации. Другая вариация эксперимента – это опыт с другом Вигнера.

Физик Стивен Хокинг однажды воскликнул: «Когда я слышу про кота Шрёдингера, моя рука тянется за ружьём!» Он перефразировал известное высказывание, принадлежащее одному из героев пьесы «Шлагетер» Ганса Йоста: «Wenn ich 'Kultur' höre, entsichere ich meinen Browning!» («Когда я слышу слово „культура“, то снимаю с предохранителя свой браунинг!»)

Фактически Хокинг и многие другие физики придерживаются мнения, что «Копенгагенская школа» интерпретации квантовой механики подчёркивает роль наблюдателя безосновательно. Окончательного единства среди физиков по этому вопросу всё ещё не достигнуто.

Распараллеливание миров в каждый момент времени соответствует подлинному недетерминированному автомату в отличие от вероятностного, когда на каждом шаге выбирается один из возможных путей в зависимости от их вероятности.

Парадокс друга Вигнера

Парадокс друга Вигнера – усложнённый эксперимент о коте Шрёдингера.

Суть эксперимента

Юджин Вигнер ввел категорию друзей. После завершения опыта экспериментатор открывает коробку и видит живого кота. Вектор состояния кота в момент открытия коробки переходит в состояние «ядро не распалось, кот жив». Таким образом, в лаборатории кот признан живым. За пределами лаборатории находится друг. Друг еще не знает, жив кот или мёртв. Друг признает кота живым только тогда, когда экспериментатор сообщит ему исход эксперимента. Но все остальные друзья еще не признали кота живым, и признают только тогда, когда им сообщат результат эксперимента. Таким образом, кота можно признать полностью живым (или полностью мертвым) только тогда, когда все люди во вселенной узнают результат эксперимента. До этого момента в масштабе Большой Вселенной кот остается полуживым и полумёртвым одновременно.[4]

Практическое применение

В этом разделе не хватает ссылок на источники информа-

ции.

Информация должна быть проверяема, иначе она может быть поставлена под сомнение и удалена.

Вы можете отредактировать эту статью, добавив ссылки на авторитетные источники.

Эта отметка стоит на статье с 12 мая 2011

Вышеописанное применяется на практике: в квантовых вычислениях и в квантовой криптографии. По волоконно-оптическому кабелю пересылается световой сигнал, находящийся в суперпозиции двух состояний. Если злоумышленники подключатся к кабелю где-то посередине и сделают там отвод сигнала, чтобы подслушивать передаваемую информацию, то это схлопнет волновую функцию (с точки зрения копенгагенской интерпретации будет произведено наблюдение) и свет перейдёт в одно из состояний. Проведя статистические пробы света на приёмном конце кабеля, можно будет обнаружить, находится ли свет в суперпозиции состояний или над ним уже произведено наблюдение и передача в другой пункт. Это делает возможным создание средств связи, которые исключают незаметный перехват сигнала и подслушивание.

Эксперимент (который в принципе может быть выполнен, хотя работающие системы квантовой криптографии, способные передавать большие объёмы информации, ещё не созданы) также показывает, что «наблюдение» в копенгагенской интерпретации не имеет отношения к сознанию наблюдате-

ля, поскольку в данном случае к изменению статистики на конце кабеля приводит совершенно неодушевлённое ответвление провода.

В квантовых вычислениях состоянием Шрёдингеровского кота называется особое запутанное состояние кубитов, при котором они все находятся в одинаковой суперпозиции всех нулей или единиц, то есть

«Кот Шрёдингера» – так называется занимательный мыслительный эксперимент, поставленный, как вы уже наверняка догадались, Шрёдингером, а точнее, Нобелевским лауреатом по физике, австрийским ученым Эрвином Рудольфом Йозефом Александром Шрёдингером.

«Википедия» определяет эксперимент следующим образом: «В закрытый ящик помещён кот. В ящике имеется механизм, содержащий радиоактивное ядро и емкость с ядовитым газом. Параметры эксперимента подобраны так, что вероятность того, что ядро распадётся за 1 час, составляет 50 %. Если ядро распадается, оно приводит механизм в действие – открывается емкость с газом, и кот умирает. Согласно квантовой механике, если над ядром не производится наблюдения, то его состояние описывается суперпозицией (смешением) двух состояний: распавшегося ядра и не распавшегося ядра, следовательно, кот, сидящий в ящике, и жив, и мертв одновременно. Если же ящик открыть, то экспериментатор обязан увидеть только какое-нибудь одно кон-

кретное состояние: "ядро распалось, кот мёртв", или "ядро не распалось, кот жив"».

Получается, что на выходе мы имеем живого или мертвого кота, однако в потенциале, кот и жив и мертв одновременно.

Таким образом, Шрёдингер пытался доказать ограниченность квантовой механики, без применения к ней определенных правил. Копенгагенская интерпретация квантовой физики – и в частности этого эксперимента – указывает на то, что кот приобретает свойства одной из потенциальных фаз (живой-мертвый) только после вмешательства в процесс наблюдателя.

То есть когда конкретный Шрёдингер открывает ящик, ему со стопроцентной уверенностью придется нарезать колбаски или позвонить ветеринару. Кот будет определенно жив или скоропостижно мертв. Но пока в процессе нет наблюдателя – конкретного человека, обладающего несомненными достоинствами в виде зрения, и, как минимум, ясного сознания – кот будет находиться в подвешенном состоянии «между небом и землей».

Древняя притча о коте, который гуляет сам по себе, в этом контексте приобретает новые оттенки. Несомненно, кот Шрёдингера – не самое благополучное существо во Вселенной. Пожелаем же коту благополучного для него исхода и обратимся к другой занимательной задаче из таинственного и порой беспощадного мира квантовой механики.

Звучит она так: «Какой звук издает падающее в лесу дерево, если поблизости нет человека, способного этот звук воспринять?» Тут, в отличие от черно-белой судьбы несчастного/счастливого кота, мы сталкиваемся с разноцветной палитрой спекуляций: нет звука/есть звук, какой он, если он есть, а если его нет, то почему? Ответить на этот вопрос нельзя по очень простой причине: невозможности осуществить эксперимент. Ведь любой эксперимент подразумевает присутствие наблюдателя, способного воспринять и сделать выводы.

У знаменитого аргентинского писателя Хулио Картасара, яркого представителя «магического реализма», есть небольшой рассказ о том, как офисная мебель, оставшись без наблюдателя, двигается по кабинету, как бы используя свободное время для того, чтобы размять «одеревеневшие» конечности».

То есть невозможно предположить, что происходит с объектами окружающей нас реальности в наше отсутствие. А если это невозможно воспринять, значит этого не существует. Как только мы покидаем комнату, все ее содержимое, вместе с самой комнатой перестает существовать или, точнее, продолжает существовать только в потенциале.

Одновременно там существуют пожар или наводнение, кража оборудования или незваные гости. Более того, в ней существуем и мы в разных потенциальных состояниях. Один Я ходит по комнате и насвистывает дурацкую мелодию, дру-

гой Я грустно смотрит окно, третий – говорит с женой по телефону. В ней живет даже наша внезапная смерть или радостное известие в виде неожиданного телефонного звонка.

Представьте на минуту все возможности, скрытые за дверью. А теперь представьте, что весь наш мир – это всего лишь скопище таких нереализованных потенциалов. Забавно, правда?

Однако тут возникает закономерный вопрос: ну и что? Да, забавно, да, интересно, но что, по сути, это меняет? Наука об этом скромно умалчивает. Для квантовой физики такие познания открывают новые пути в осознании Вселенной и ее механизмов, ну а нам, людям далеким от больших научных открытий, такая информация вроде бы ни к чему.

Да как это – ни к чему?! Ведь если существую я, смертный, в этом мире, значит, существую я, бессмертный, в другом мире! Если моя жизнь состоит из полосы неудач и огорчений, то где-то существую я – удачливый и счастливый? Все правильно, именно об этом нам и говорит каббала.

По каббале, наш мир, то, что мы ощущаем, – это всего лишь маленькая темная точка в бесконечно огромном мироздании. Это мироздание состоит из множества уровней, на каждом из которых существуем мы, но уже в гораздо более совершенных состояниях.

На самом деле, вне наших ощущений ничего нет, как нет комнаты, пока мы в нее не вошли. Поднимаясь каждый раз на новый уровень, то есть раскрывая в себе новые свойства,

мы приближаемся к совершенству. Конечная цель – совершенство Творца, того, кто создал все мироздание.

Самое же главное – в том, что нам не избежать своего совершенства. По той простой причине, что мы уже в нем находимся, – плаваем в океане света, но не можем его воспринять ввиду отсутствия соответствующих органов ощущения. Как в примере с котом Шрёдингера: если у человека, проводящего эксперимент, нет органов чувств, он не сможет определить, жив кот или мертв.

В нашем мире достаточно зрения, обоняния, тактильных ощущений, слуха, вкусовых рецепторов. Для осознания духовных уровней, тех уровней, где мы совершенны, нам необходимо еще одно чувство – экран. Этот самый экран позволяет нам отражать Высший свет и таким образом постигать его. Ведь наше зрение – это тоже возможность отражать свет от задней стенки глаза, а слух – отражать звук от ушной перепонки. Получить такой экран можно только с помощью каббалы.

«Откуда такая категоричность?» – спросите вы. Все очень просто – люди, которые постигли свои совершенные состояния, создали методику для достижения идентичного результата любым человеком. Эту методику они назвали «каббала», то есть получение более совершенных состояний. И с некоторой долей уверенности можно предположить, что люди, постигшие абсолютное совершенство и бескрайнюю любовь, постарались создать методику, оптимальную для наше-

го продвижения.

В завершении, приведу цитату самого выдающегося каббалиста новейшего времени Бааль Сулама. Его псевдоним указывает нам (в переводе с иврита – «Мастер ступеней») на главную черту этого человека. Он постиг все ступени своего совершенства и описал этот путь в каббалистических книгах.

Цитата звучит так: «Каббала – это наука о причинно-следственной связи духовных источников, соединяющихся по постоянным и абсолютным законам в одну высокую Цель – постижение Творца созданиями, существующими в этом мире». Под словом Творец и подразумевается раскрытие своих совершенных состояний под стать тому, кто их создал. Ищите совершенство!

Когда кот и жив, и мёртв

Итак, эксперименты над микромиром однозначно говорят о возможности суперпозиции, когда объект характеризуется совокупностью состояний, каждое из которых, на первый взгляд, исключает другое. Зададим себе вопрос: что надо для наблюдения суперпозиции состояний? Можно ли наблюдать суперпозицию состояний не только в микромире, но и в макромире, в нашей обыденной жизни?

Ответ на первый вопрос достаточно ясен: для наблюдения суперпозиции мы не должны фиксировать состояние объекта. Но что значит «фиксировать»? Кто осуществляет «фиксацию» состояний? Прибор типа нашего пролётного детек-

тора? Или наблюдатель? Или необходимо наличие и прибора, и наблюдателя? Ответ на этот вопрос даёт теория декогеренции. Но вначале я хочу сказать пару слов об открытых и замкнутых системах, а также о «перепутанных» состояниях. Эти понятия мы не раз используем в дальнейшем.

В обыденной жизни мы имеем дело с открытыми системами, когда есть какой-то объект, за которым мы наблюдаем (например, камень), и есть что-то внешнее по отношению к нему (например, песок, мы сами, да и вся остальная Вселенная вокруг камня). Очевидно, что окружение может влиять на состояние нашего объекта. Кроме того, в окружении может, так или иначе, записываться информация об его состоянии. И наш объект, конечно, тоже записывает, в какой-то форме, информацию о состоянии окружения.

Пример замкнутой (целостной) системы – наша Вселенная. Вне её, по определению, нет ничего, что могло бы на неё повлиять, и нет ничего, где могла бы записаться информация об её состоянии. Под «записью» мы сейчас имеем в виду любое изменение состояния внешней системы под воздействием нашей. Подобие замкнутых систем можно создать и в лабораторных условиях, для этого надо исключить влияние окружения на нашу систему, и проследить, чтобы состояние системы никак не сказывалось на состоянии окружения.

Перепутанные (это устоявшийся термин, хотя мне больше нравится слово «сцеплённые») состояния могут возникать в системе, которая состоит из нескольких взаимодействующих

подсистем. Например, если электрон сталкивается с атомом, то образуется перепутанное состояние, в котором состояние электрона будет скоррелировано с состоянием атома. Перепутанные состояния необходимы для описания совокупной системы, образованной из всех когда-то провзаимодействовавших между собой частей.

Так вот, теория декогеренции утверждает, что суперпозиция состояний в какой-либо системе возможна лишь в том случае, если в окружении не записывается информации, достаточной для разделения компонент суперпозиции. Эти слова имеют в теории чёткую математическую формулировку: необходимо, чтобы интеграл перекрытия векторов различных состояний окружения, соответствующих различным компонентам суперпозиции нашей системы, был много меньше единицы. Другими словами, важно, чтобы состояния нашей системы не слишком «перепутывались» с состоянием окружения.

Рассмотрим теперь систему, состоящую из двух подсистем: меня и окружающую меня Вселенную. То есть я как бы дополняю Вселенную до целого, и вместе мы образуем замкнутую систему. Вопрос: каким я должен быть, чтобы наблюдать вокруг себя суперпозицию состояний? Каким я должен быть, чтобы не быть прибором, выделяющим только определённые компоненты суперпозиции из бесконечного их числа в векторе состояния Вселенной? (различные ответы из зала, суть которых сводится к тому, что я не должен

менять своего состояния при наблюдении различных феноменов).

Правильно, я не должен менять своего состояния. Это одно и то же, что я не фиксирую состояние внешних объектов, не привязываюсь к ним. В этом случае я могу видеть всю реальность, а не одну из компонент суперпозиции. И в этом случае я могу осознать, что то, что обычно понимается под реальностью – иллюзия. Ведь то, что я наблюдаю, выделяя какие-то из компонент суперпозиции, полностью определяется работой моего ума, моими фиксациями, оценками и предпочтениями. А в состоянии отсутствия фиксаций (обычно для его обозначения используется слово самадхи) я перестаю быть внешним детектирующим объектом по отношению к окружающей меня Вселенной, выделяющим только определённые компоненты суперпозиции из бесконечного их числа. Отсюда возникает ощущение полного единства с миром и слияния с ним.

Вспомним нашу симоронскую практику работы с метками. Метки – это что? Это те объекты вокруг нас (стол, яблоко, дверь, тёща...), которые фиксируются нашим сознанием. Это объекты, значимые для нас. Иначе говоря, это объекты, которые меняют наше состояние. В чём состояла практика работы с ними? Нам надо было слиться с метками, «съесть» их, и, таким образом, перестать их фиксировать как что-то внешнее и значимое для нас. Они должны перестать быть для нас значимым объектом, который находится

вне нас. Другими словами, наше состояние не должно зависеть от них.

А теперь я хочу привести несколько высказываний Великих Просветлённых:

Иисус Христос, Евангелие от Фомы: «Будьте прохожими».

Будда Гаутама, Алмазная Сутра: «Все бодхисаттвы должны породить сознание, не пребывающее ни в цвете, ни в звуке, ни в запахах, ни в предметах мира. Они не должны пребывать где-либо и породить сознание, не пребывающее ни в чём».

Шестой Патриарх Дзэн Хуэй-нэнь, один из (наряду с Бодхидхармой) основоположников дзен-буддизма: «Если есть привязанность к внешним признакам, то Ваше сознание будет не спокойным; если будет отрешенность от внешних признаков вещей, то сознание будет спокойным и Ваша изначальная природа будет сама по себе чистой и сама по себе просветленной. Как только начнешь опираться на внешние обстоятельства, возникнет движение, а движение вызывает беспокойство. Но если отресишься от внешних признаков, то это и будет медитация; если будешь сохранять внутреннее спокойствие, это и будет просветление – самадхи.

А что означает «маха»? «Маха» – это значит великое, под этим подразумевается, что свойства сознания обширны и подобны пустоте. Все миры Будды подобны пустоте, чудесная природа человека в своей основе пустотна, поэтому нет ни

одной вещи, которую можно обрести. Истинная пустотность собственной природы также подобна этому... Однако пустота содержит в себе и солнце, и луну, и все звезды, и планеты, великую землю, гору и реки, все травы и деревья, плохих и хороших людей, плохие вещи и хорошие вещи, Небесный Алтарь и ад, которые все без исключения находятся (пребывают) в пустоте. Пустотность природы людей точно такая же (т. е. содержит в себе все вещи и явления).

Созерцай свое сознание и не попадай в зависимость от [внешних] признаков вещей... Проходить через тьму вещей, быть готовым к любому деянию и ни от чего не отказываться, но отрешаться лишь от внешних признаков вещей и во всех деяниях ничего не приобретать – это и есть Высшая Колесница. «Колесница» означает практику, о которой не нужно рассуждать, а нужно практиковать, поэтому не спрашивайте меня больше».

Как мы могли заметить, симоронисты, Будда, Хуэй-нэнь, да и всё другие Просветлённые, говорят об одном и том же: мы сами создаём реальность, которую наблюдаем, и эта реальность – иллюзорна, поскольку зависит от работы нашего сознания, от наших фиксаций и привязок. А так ничего, кроме Единого, в мире нет. И даже ум и системы восприятия, которые создают эти миражи – на самом деле это тоже Единое. Этот вывод находится в согласии с фундаментальными положениями квантовой физики, поскольку фиксации и предпочтения – это и есть выделение компоненты супер-

позиции, превращение суперпозиции в смесь. Сейчас мы поговорим об этом подробнее, и немного с другой стороны.

В Канаде психологи провели интересный эксперимент «искусственный полтергейст». За городом создали искусственную могилу и построили домик. Выдумали историю о мнимом умершем, которому якобы принадлежит эта могила. Рассказывали ее всем, кто посещал эти места. Затем пригласили спиритов (медиумов) и попросили их пообщаться с духом умершего. Он начал рассказывать им придуманную историю, отвечая на вопросы «да» и «нет», издавая или не издавая звук удара по столику, а затем эта история была им продолжена в несколько измененном виде, отличающемся от придуманной авторами эксперимента. «Дух» рассказывал свою историю. И призрак его стал появляться в доме и бродить по окрестностям до рассвета. Он постепенно выходил из-под контроля экспериментаторов и стал в конце концов реальным независимым интеллектом. Спустя некоторое время, когда закончился эксперимент, результаты которого не объединили ученых во мнениях, а наоборот, вызвали отчаянные споры и противоречия, раскопали «могилу». Неожиданно для всех там обнаружили человеческие кости с повреждениями, описанными в «истории». Ученые только теряются в догадках и по сей день, многие перестали верить сами себе.

Судили молодого мужчину. На него навела милицию его любовница. Он ревновал ее и в порыве ревности рассказал

ей, будто свою предыдущую страсть зарезал в прошлом году. Наказал за измену. Сказал, что нож – орудие убийства положил рядом с трупом. И место указал – под окном со стороны улицы, а свой подарок – дорогой перстень с большим бриллиантом не захотел снимать с пальца. Полиция раскопала землю в указанном месте и обнаружила труп с бриллиантом на пальце. Рядом лежал нож. Подозреваемый был ошеломлен. Как могло так получиться? Но труп так и не был опознан, и вина горе-фантазера доказана не была. А недоказанная виновность – это доказанная невиновность.

История крови Святого Януария.

Человек создан был по образу и подобию Божию, но потом некоторые его способности были заблокированы почему-то. Но не уничтожены. Их можно разблокировать.

Коллективное неосознанное влияет на действительность!

Оборотни тоже существуют. Если человек верит, что может обратиться в зверя, он сможет это делать.

Золото инков, ацтеков и майя не спрятано – оно исчезло по их коллективному желанию. На дне озера Титикака, куда его сбросили Ники при свидетелях, ЕГО НЕТ! Инки золото не добывали, а создавали из ничего!

Шаманы и колдуны не заклинают духов, а создают их!

Джонатан Свифт описал спутники Марса в «Путешествиях Гулливера», а через некоторое время астрономы установили, что они действительно существуют и обладают примерно (за счет мыслей других людей) такими же параметра-

ми!

В юности я много мечтал, балдел от собственного воображения. Я стеснялся кому-либо говорить, что это мое предположение или мечта, опасаясь насмешек. Тогда я высказывал свои мечты, ссылаясь на какие-нибудь доверенные, авторитетные источники. Когда мои ровесники думали, что Венера – зеленая, водная планета, я говорил, что там пекло: температура поверхности +450 градусов, атмосферное давление, как в океанских глубинах и т. п. При этом совершенно не рассуждая, просто думая, что это так – лишь бы опровергнуть то, что слышал от других. И когда условия на поверхности нашей ближайшей соседки проверили, оказалось, что все обстоит именно так, как я тогда говорил. У меня зародилась мысль, что я могу формировать будущее. Еще один тому пример – мое гадание одноклассникам под Новый год в 10-м классе. И так было не раз.

Чем меньше на человеке грехов, тем легче он овладевает силой, данной ему Творцом. Есть и другая крайность – сила зла. Но над этим аспектом я не работал, и мыслей у меня на этот счет пока что никаких.

Авиаконструкторы столкнулись с преодолением звукового барьера и многие считали, что его преодолеть невозможно. На этот счет появились теории, аргументированные весомые доказательства. Некоторые теоретики даже утверждали, что, преодолев его, можно снова вернуться к детскому возрасту и превратиться в ребенка. А фантасты выдумыва-

ли на этот счет невероятные чудеса. Быть может, тогда это так и было. Но нашлись люди, которые не верили в это и доказали обратное. В результате звуковой барьер был успешно преодолен и сейчас по небу летают сверхзвуковые самолеты.

– Так что чем правит – материя разумом или разум материей?

– Как это ни противоречиво, верны оба утверждения. Чтобы разуму править материей, ему нужен материальный носитель. Разум без материи немыслим. В то же время материя управляется разумом. Материя сама по себе может только деградировать. Например, без разума во вселенной неизбежна тепловая смерть. Разум и материя – понятия неразрывные.

Юлий Гарбузов

22 марта 2001 года, 10:42:30, четверг

Юрий вышел из машины, не глуша мотор, и принялся отпирать ворота. С чувством, знакомым каждому, кто впервые в жизни приобрел собственное пристанище, он вынул из кармана ключ, всего час тому назад полученный от прежней хозяйки дачи, и вставил его в замок. Вопреки ожиданиям ключ не проворачивался. Юрий приложил усилие. Ключ повернулся на пол-оборота и остановился, словно уперся в какое-то препятствие. Еще одно усилие – тщетно. Юрий по-

вернул ключ назад, но тоже тщетно. Ключ застрял в старом заржавевшем массивном замке.

– Дьявол! Заклинило!

Юрий остановился в раздумье. Что же делать? Нужно смазать. Но чем? С порога неудача. Плохой признак! Но надо что-то делать. Обратиться к кому-либо из «старожилов»? Да, пожалуй. Надо же с соседями знакомиться.

Был жаркий июньский полдень. Во дворе направо – ни души. – Наверное, на работе, – решил Юрий и подошел ко двору, граничащему с его участком с левой стороны. Сначала он не увидел никого. Участок был роскошным. От ворот до самого дома проходила цементированная дорожка без единой пылинки на поверхности. По обе ее стороны пышно цвели и благоухали роскошные цветы. Такого цветника Юрий еще не видел. По всему чувствовалось, что хозяева выращивают их с любовью и по всем правилам цветоводческого искусства. За цветочными грядками были посажены кусты смородины, огородные культуры и фруктовые деревья. Грядки были тщательно прополоты, подпушены и рельефно приподняты над уровнем дорожек. И окантованы по краям небольшим валиком почвы, чтобы при поливке вода не стекала на дорожки. Как на картинке. Юрий так залюбовался красотой грядок, что не заметил, как из домика вышла женщина лет сорока на вид и стала открывать дверь в пристройку, которая, по всей вероятности, служила сараем.

Щелчок щеколды вывел Юрия из оцепенения. Хозяйка

смотрела на него изучающим взглядом. Вид у нее был исключительно дачный. Поверх легкого сарафана был аккуратно повязан голубой в цветочках передник. Как и весь участок, одежда на ней была исключительно чистой, опрятной и тщательно выглаженной.

– Здравствуйте! Меня зовут Юрий. Я Ваш новый сосед, отныне хозяин вот этого участка.

– Здравствуйте, уважаемый сосед, – с улыбкой ответила хозяйка, – Юрий... а как, простите, по отчеству?

– Да зачем по отчеству? Просто Юрий и все тут. А Вас как по имени-отчеству?

– Пока Вы не назовете своего отчества, я Вам не скажу ни слова, – все так же улыбаясь, ответила она ласковым и очень женственным голосом.

– Петрович. Юрий Петрович, если Вам так больше нравится. Но я бы предпочел без отчества.

– Меня зовут Ксения Алексеевна.

Помолчав пару секунд, она добавила:

– А мужа моего – Павел Васильевич. Будем знакомы. Это Ваш автомобиль?

– Да, мой. Только вот, не могу загнать его на участок. Замок заржавел, а смазать нечем.

– Вы же автомобилист, Юрий Петрович, а смазки не имеете. Как же так?

– Не предусмотрел, Ксения Алексеевна. Опыта еще маловато. Ведь автомобилист я, как и дачник, новоиспеченный.

Не выручите?

– Попробую. Да Вы входите, Юрий Петрович, не стесняйтесь. Будем устанавливать соседские отношения, – сказала она, одаривая его очаровательной улыбкой.

Юрий отворил калитку и подошел к двери сарая. Ксения Алексеевна открыла дверцу шкафа и, переставив несколько склянок, протянула ему флакончик.

– Это машинное масло. Для швейных машин. Устраивает?

– Думаю, что да. Спасибо.

– Потом благодарить будете. Когда поможет. А то вдруг напрасно?

– Напрасной благодарности не бывает.

– А Вы философ, Юрий Петрович, – кокетливо заметила Ксения Алексеевна.

– Да, есть немного. Ну, пойду попытаюсь.

– С Богом, Юрий Петрович. Желаю удачи.

Юрий подошел к злополучному замку, а соседка остановилась у калитки своего участка и стала издали наблюдать за его действиями.

Юрий ливнул масла в скважину и слегка встряхнул замок, потом повторил операцию и подождал с полминуты, пока масло проникнет в зазоры механизма. Он вставил ключ в замок, покрутил им туда-сюда и попробовал повернуть. Это удалось ему только с третьей попытки. Замок щелкнул, и дужка его отошла, предоставив хозяину доступ на новопри-

обретенный участок. Юрий провернул ключ туда и обратно еще несколько раз, прежде чем механизм заработал мягко и четко. Он посмотрел на наблюдавшую за ним Ксению Алексеевну и улыбнулся.

– Полный порядок. Большое спасибо, уважаемая Ксения Алексеевна.

– Не стоит благодарности. Заходите вечером, Юрий Петрович. Познакомлю Вас с мужем. Думаю, что Вы понравитесь друг другу.

– Не сомневаюсь. У такой чудесной женщины может быть только такой же замечательный муж.

– Вы, как вижу, мастер на комплименты.

Юрий услышал, как хлопнула дверь домика Ксении Алексеевны. На пороге стояла очаровательная девушка. На вид ей было лет двадцать, от силы двадцать пять.

– Татьяна. Моя дочь. Танечка, познакомься. Это Юрий Петрович, наш новый сосед.

Татьяна подошла к калитке, застенчиво опустив глаза.

– Здравствуйте, Юрий Петрович. Рада знакомству.

Голос Татьяны был удивительно похож на материн. Только звучал он еще более ласково и нежно. Ее небесно-голубые глаза светились такой обворожительной невинностью и чистотой, что у Юрия, который давно уже считал себя опытным, что называется, матерым обольстителем, по-юношески защемило сердце. А улыбка! Какая у нее была улыбка! И запах... Аромат ни с чем не сравнимого девичьего тела! Юрий

растерялся до такой степени, что еле овладел собой настолько, чтобы произнести:

– Спасибо, Татьяна... Я тоже рад... знакомству с Вами, – а потом зачем-то добавил, – и с Вашей мамой тоже.

Ксения Алексеевна сочувственно улыбалась. И от этого Юрий почувствовал себя совсем еще мальчишкой, впервые ощутившим вожделение. Он стоял и молчал, не в силах оторвать взгляда от Татьяны. Он чувствовал, что покраснел до корней волос. Выручила Ксения Алексеевна.

– Пойдем, Танечка. Скоро папа приедет, а обед не готов. Простите, Юрий Петрович. Вечером ждем Вас в гости. Я сама приду за Вами, – она помолчала, – или Танечку пришлю. Ну, до вечера.

– Спасибо, Ксения Алексеевна. До вечера.

Юрий еще долго не мог оправиться от шока. Он никак не ожидал, что может позволить так ошеломить себя! Как же так? словно и не было его любовного опыта! Ну, нет! Он еще возьмет реванш! Они обе увидят, что он давно уже не мальчишка. Еще посмотрим, кто кого, черт возьми!

В домике было пыльно и неудобно. Юрий сбросил на пол тряпье, застланное на кушетке, и заменил его привезенным с собой белоснежным бельем. Потом подмел и старательно вымыл пол. В доме запахло свежестью и появились какие-то признаки уюта. Теперь нужно съездить за покупками. Не идти же в гости с пустыми руками.

Юрий вышел во двор, открыл ворота и выехал на доро-

гу. Магазин был в полчасе езды, напротив железнодорожной станции. Вскоре он уже возвращался с бутылкой шампанского, делисом и коробкой дорогих конфет для женщин, с коньяком для мужчин, острыми закусками и кое-чем еще для своего дальнейшего проживания на даче.

До вечера было еще далеко, и Юрий занялся мытьем окон, наведением порядка в сарайчике и на летней кухне. Ощувив усталость, он вышел в запущенный сад и осмотрелся.

То, что когда-то было грядками, сплошь заросло сорняками. Кусты и деревья давно не подрезались. Повсюду валялся мусор. И это резко контрастировало с таким выпестованным и ухоженным участком Ксении Алексеевны.

В сарайчике Юрий нашел старую метлу, большой совок, тяпку, лопату и грабли. Радуюсь находке, он начал подметать дорожки и сваливать мусор в кучу в конце сада. Грядки нужно вскопать. Обязательно вскопать. Что-либо сажать уже, конечно, поздно. Но вскопать нужно, чтобы уничтожить сорняки. Нужно спросить у Ксении Алексеевны, нельзя ли посадить какие-либо цветы, чтобы грядки «не гуляли зря». Быть может, они и семян продадут. Будет лишний повод пообщаться. И с Татьяной поближе познакомиться. Сердце опять сладко защемило. Она, видимо, того стоит. На ней, пожалуй, и жениться можно. Если, конечно, он ей понравится. Да что там думать? Сегодня будет видно, как сложатся обстоятельства. Но девушка красивая. Просто великолепная.

С такими мыслями он поджег кучу мусора. Сучки, щепки

и сухая трава весело затрещали, охваченные языками пламени. Минут десять он стоял и смотрел на огонь. Вдруг из соседнего двора, где совсем еще недавно не было ни души, раздался развязный надтреснутый женский голос:

– Ну какого дьявола ты тут коптильню устроил?! Люди сюда дышать свежим воздухом приехали, а ты свое дерьмо жжешь! Что за хам такой выискался? Не успел приехать, уже дымом душит! Ну, чего стоишь – глаза вылупил? Погаси сейчас же!

– Послушайте! – возразил было Юрий, – Это же полчаса – мусор сжечь! Зачем ссориться? Мусор-то убрать надо!

– Не хочу тебя слушать! Затуши немедленно, тебе говорят! Вон там, за углом на черной улице мусорник есть! Туда и неси свой мусор! Затуши, сказала, гад-паразит!

– Простите, я не знал. Я ведь первый день здесь.

– Что мне твое «простите»?! Испортит настроение, а потом – простите!

Юрий хотел было сказать ей пару «горячих словечек», но вовремя понял, что такую черноротую не переспоришь и не переругаешь. Во имя мира лучше проглотить ее хамство и оскорбления. Он поспешно затоптал огонь и стал складывать недогоревший мусор в ящик, оставленный прежним хозяином. А соседка никак не унималась:

– Вот уж соседку Бог послал! Марья Тарасовна с покойным Иван Андреичем были такие хорошие! Так нет – теперь этого терпи, изволь радоваться! И откуда ты такой взял-

ся? Фу! Прокоптил все на свете!

Она ушла, продолжая выкрикивать проклятия. А Юрий ящик за ящиком вынес, наконец, весь мусор в бункер на черной улице и начал готовиться к предстоящему вечеру. Настроение было подпорчено, однако Юрий пытался вытеснить воспоминания о неприятной сцене предвкушением предстоящего вечера в обществе очаровательной Татьяны и ее мамы.

Из одежды у него были при себе только джинсы да новенькая футболка от Версаче. Он тщательно побрился и прилег на диван в ожидании приглашения. Одолевала сладкая дремота. И тут он услышал тихий скрип калитки. Юрий вскочил, как ошпаренный. Дремоты как не бывало. В окно он увидел, что к двери подходит интеллигентного вида незнакомый мужчина лет пятидесяти. «А этому еще что надо?» – подумал он и, когда постучали в дверь, нехотя пошел ее открывать.

– Юрий Петрович?

– Слушаю вас.

– Здравствуйте. Я Ваш сосед. Меня зовут Павел Васильевич, муж Ксении Алексеевны, с которой Вы уже успели познакомиться. Не откажите, пожалуйста, поужинать с нами.

Юрий вновь ощутил приятное волнение, погасшее было из-за конфликта со скандальной соседкой.

– Здравствуйте, уважаемый Павел Васильевич! Рад познакомиться. Да входите, входите, пожалуйста. Я сейчас.

Юрий пошел в кухню за приготовленным пакетом с го-

стинцами. А Павел Васильевич тем временем огляделся и тихо заметил:

– Да у Вас уже здесь чистота и порядок. Вы, как я вижу, не сидели сложа руки! Похвально, похвально, молодой человек! Очень даже мне это нравится!

Юрий пришел «при полном при параде».

– Вот только шторы да занавески повешу. Тогда можно будет говорить о каком-то подобии уюта. Все, я готов. К Вашим услугам, Павел Васильевич.

– А это что у вас?

– Да так, кое-какие гостинцы для женщин.

– Не нужно, Юрий Петрович. Мы по-соседски, чем Бог послал.

– Я тоже с тем, чем Бог послал.

– Напрасно Вы это, Юрий Петрович. Думаете, что как пенсионер, так и нищий? Я, знаете ли, в своей жизни кое-что успел сделать. И заработать, в том числе.

– Вы пенсионер?

– Да, Юрий Петрович. Поди – четвертый год, как пенсионер.

– Так сколько же Вам, простите, лет?

– Считайте, если хотите. Я же, кажется, назвал свой пенсионный стаж.

– А в каком возрасте Вы вышли на пенсию?

– Как все.

– На вредных работах, что ли, работали?

– Да как сказать. По-моему, всегда на вредных. Потому что безвредных работ не бывает. Но ушел в свои шестьдесят.

– Что Вы говорите? Вам шестьдесят три?

– Именно так, дорогой сосед. А что, не похоже?

– Не похоже, Павел Васильевич. На вид Вам не больше пятидесяти.

– Ну, спасибо. А мне вот кажется – очень даже похоже.

– А жене Вашей сколько?

– Пятьдесят шесть.

– Быть не может! Лет сорок – от силы сорок два! – искренне удивился Юрий.

– Женщине, Юрий Петрович, столько лет, на сколько она выглядит, – с улыбкой сказал сосед.

Он стоял, облокотившись ладонью на лудку двери.

– Это, конечно, так. Но жена у Вас очень молодо выглядит.

– Стараемся, создаем условия. Вот и сохранилась.

– Простите, а Татьяне сколько? – полюбопытствовал Юрий.

– Поди – двадцать четыре. Тоже не похоже?

– Да нет, это, пожалуй, в самый раз.

С такими словами они вошли в дом Павла Васильевича. В просторной комнате стоял стол, сервированный с исключительным вкусом. В центре стола красовалась бутылка марочного «Кокура», запотевший хрустальный графинчик с водкой, красиво украшенные салаты, изящно нарезанная копченая колбаса, заливной язык, шпроты, жареная рыба и про-

чая снедь, которой Юрий давно уже не то, что не пробовал, а даже не видел.

Вошла Ксения Алексеевна, аккуратная, в безукоризненно отутюженном белом переднике. Она внесла продолговатый лоток с бутербродами, на которых словно рубины сверкали зерна красной икры, и поставила на стол.

– Добрый вечер, Юрий Петрович! Прошу садиться. Нет, вот здесь, на почетном месте.

– Спасибо, Ксения Алексеевна. Чудесно выглядите.

– О, я уже знаю, что Вы мастер говорить комплименты! Вот, это Вам и Татьяне. А это – нам с Павлом Васильевичем, – Юрий поставил на стол шампанское и коньяк, а остальное вручил хозяйке.

– А это уж Вы зря, Юрий Петрович. Мы Вас просто так приглашали, сказала хозяйка дома, несколько посерьезнев.

– Вы ведь тоже должны меня понять. Я также хочу Вам приятное сделать, – ответил Юрий, с искренним восхищением глядя в глаза хозяйке.

– Ладно, на этот раз будь по-вашему. Но в будущем я рассчитываю на отношения более непосредственные. Садитесь, сейчас Танечка войдет и – приступим к трапезе. Павлуша, займись гостем, а я на секунду.

Она вышла, а Павел Васильевич сел за стол и жестом пригласил Юрия.

Вошла Татьяна. Приветливо улыбаясь, она поставила на стол вазу с крупными алыми ягодами ароматной клубники,

на которых еще дрожали капли колодезной воды. Ксения Алексеевна внесла роскошный букет цветов и водрузила его на середину стола. Цветы благоухали волшебным запахом, а Юрий не мог оторвать взгляда от Татьяны. Еще раз одарив Юрия обворожительной улыбкой, она, грациозно покачивая бедрами, вышла.

– Что же Вы сидите? Юрий Петрович, что Вы будете пить? – заботливо спросил Павел Васильевич.

– Лично я – коньячок. А Вы, уважаемый Павел Васильевич?

– Пожалуй, составлю Вам компанию.

А милые дамы? – поинтересовался Юрий.

– Танечка вообще ничего не пьет, а Ксения Алексеевна, надеюсь, составит нам компанию, – ответил хозяин дома.

Юрий откупорил коньяк и начал разливать по бокалам. Впорхнула Татьяна.

Вошла Татьяна. Приветливо улыбаясь, она поставила на стол вазу с крупными алыми ягодами ароматной клубники, на которых еще дрожали капли колодезной воды. Ксения Алексеевна внесла роскошный букет цветов и водрузила на середину стола. Цветы благоухали волшебным запахом, а Юрий не мог оторвать взгляда от Татьяны. Еще раз одарив Юрия обворожительной улыбкой, она, грациозно покачивая бедрами, вышла.

– Что же Вы сидите? Юрий Петрович, что Вы будете пить?

– Лично я – коньячок. А Вы, Юрий Петрович?

– Пожалуй, составлю Вам компанию. А милые дамы?

– Танечка вообще ничего не пьет, а я присоединюсь к мужчинам.

Впорхнула Татьяна. «И когда она успела переодеться, причесаться и наложить макияж?» – подумал Юрий и начал откупоривать коньяк.

– Нет-нет, Танечка. Садись рядышком с Юрием Петровичем – будешь ухаживать за дорогим гостем, – пропела Ксения Алексеевна, и Татьяна, смутившись, села справа от Юрия.

– Очень приятно. Но ухаживать буду я, а не Татьяна. Чего Вам, Танечка, налить?

– Я не пью, Юрий Петрович. Разве что яблочного сока. Мама готовит такой чудесный сок! Попробуете?

– С удовольствием. Вот это, в графинчике?

– Да. Он самый. Спасибо.

– Ну, за знакомство.

Павел Васильевич протянул бокал. А к нему потянулись все остальные. Павел Васильевич опрокинул бокал и закусил клубничкой. Юрий отпил половину и поставил. Он видел, что Ксения Алексеевна три четверти содержимого своего бокала вылила в чашку, а остальное лихо опрокинула в рот, заправски крякнула и запила соком. «Ладно. И мы тоже не дадим себя надуть. Будем халтурить».

Павел Васильевич, казалось, ничего не замечал. Был занят только закусками.

– На какой ниве трудитесь, Юрий Петрович?

– Я программист. А Вы кем были?

– Он был ведущим научным сотрудником по криогенной технике. Работал на Кубе, в Германии, Франции, Великобритании. В Китае НИИ организовывал. – ответила Ксения Алексеевна.

– А Ксенечка с Танюшей были со мною рядом. Помогали, чем только могли.

– А в какой области криогенной техники Вы работали?

– Я, милый Вы мой Юрий Петрович, работал над высокотемпературной сверхпроводимостью. И не безуспешно, смею заметить!

– А на пенсию почему ушли?

– Ну, это вопрос деликатный, сложный.

– И в чем сложность?

– Павел Васильевич молчал. Только слышно было, как стучат о посуду вилки.

– Снова пришла на помощь жена:

– Сейчас НИИ не работает. Нет финансирования. Да он бы и так не удержался – его место сыну директора понадобилось. Только докторскую защитил – рост нужен.

Они хотели, чтобы я работал, а он сливки спивал, руководителем числился. Вы, говорит, работайте, как раньше. А я, чтобы Вам не мешать, всей этой бухгалтерией займусь, бумаги буду подписывать и прочее. Вам, Павел Васильевич, чистая наука останется, чтобы Вы больше ни о чем не думали –

мечта всех ученых. Это значит, он будет финансами распоряжаться, кадрами, оборудованием, командировками и прочим. Я, разумеется, отказался. Тогда он сказал, что и без меня обойдутся. Думал: Бога за бороду ухватил! Дудки-с! Самое главное остается вот здесь! – он постучал себя пальцем по виску, – Ну, давайте еще по одной. За нашего гостя дорогого.

Юрий взял бутылку, чтобы налить по второй.

– Мне только четверть рюмочки. Все! Достаточно!

– А я еще соку хлебну, – протянула бокал Татьяна.

Павел Васильевич не возражал против полной.

– Ну, за гостя!

– За гостя! С Богом!

– За моих очаровательных новых соседей!

– Мы выпили.

– Так вот, Юрий Петрович дорогой! Они думали, что изучат мои записи в секретных тетрадях и все реализуют без меня! Ошиблись голубчики! Не так все просто! То были бы хоть рядом с открытием. А так – вообще ни при чем!

Он все больше хмелел.

– Кушайте, Юрий Петрович! Оцените искусство моей жены. И дочери, разумеется! Вот сациви из индюшки. Пробуйте. Не стесняйтесь. Так о чем бишь я? Ах, да, об этих! Так вот, завалили они тему – и баста! А тема нобелевской премией пахла. И сейчас пахнет. Загранице все понимают. И лихорадочно ищут решение. Ищут, потому что знают, что

оно существует. От меня знают. И найдут в конце концов! Там тоже не дураки, милый Вы мой Юрий Петрович! Нальем еще, что ли?

– Давайте. Но я – последнюю. Завтра хочу встать пораньше, поработать немножко. Дача запущена до нельзя.

– Отлично. Мне тоже достаточно.

– Пашенька, тебе больше не надо. Я уберу коньяк.

– Нет, последнюю я выпью, Ксенечка! Вот так. Теперь убирай.

Татьяна взяла бутылку и вышла. Через секунду она вошла уже в новом платье. Тонкая талия, красивые длинные ноги и золотые локоны. «И когда это она успевает переодеваться и менять прически? Может их две – близняшки? А мне морочат голову – пусть, мол удивляется! И это выясним! Но девушка красивая», – думал Юрий.

Выпили по последней. Павел Васильевич Склонился над тарелкой, а жена продолжила разговор:

– Его и в Америку приглашают, и в Китай, и в Англию. Хорошие деньги сулят.

– Так в чем же дело? Нужно соглашаться, как мне кажется.

– Так-то оно так, Юрий Петрович. Да вот заграничного паспорта мне не дают. Эти сволочи мешают! Работай у нас, говорят! Да сейчас, собственно, уже и не говорят! Все эти, с позволения сказать, «ученые» в коммерцию ударились! Чихать им на науку, когда и без нее денежки гребут. Весь институт распродали. В лабораториях голые стены. А добыва-

лось с таким трудом! Плакать хочется!

– Да как они могут не дать загранпаспорта? Это же не при коммунистах!

– Да сейчас хуже, чем при них было! И сами все на пшик, извините, перевели, и меня не выпускают. Из зависти. Из мести, что не стал их прихвостнем! Говорят – с государственными тайнами ознакомлен.

– Павел Васильевич! Сколько лет Вы к этим тайнам касательства не имеете? Три? Через два года они никак не смогут задержать Вас здесь. Потерпите чуточку. Займитесь теорией, перепиской с зарубежными коллегами, чтобы не забыли.

– Забывают уже. Да и за два года они и без меня высокотемпературные сверхпроводящие материалы получают!

– Это еще как сказать! Не получили же до сих пор!

– Так получают! Я же получил! И продемонстрировал коллегам местным! А сейчас все на жизнь зарабатывают. Кто на хлеб, а кто на особняки, Мерседесы да предприятия. А мои возможности не востребованы – я только дачей занимаюсь. С моими дамами цветы выращиваю. Торгую ими, чтобы жить было на что. И старое проживаю. Пока что хватает. А они мне угрожали. Расправой над Танечкой да над Ксенечкой угрожали, сволочи!

– А милиция?

– Да что милиция! Схвачено у них все! Милиция на них батрачит! Но не вышло! Танечка с Ксеньей живы, как видите!

– Он склонился над столом и начал «клевать носом».

– Так. Мне пора, уважаемые Ксения Алексеевна и Танечка. Очень было приятно познакомиться поближе.

Юрий поднялся из-за стола.

– А чайку? – предложила Татьяна и выбежала, как я понял в кухню.

Буквально через секунду она вбежала с подносом, на котором урчал небольшой электрический самовар. И опять она успела переодеться в новое платье и повязать изящный передник.

– Спасибо, Танечка. В другой раз. Я пойду.

Простите, Юрий Петрович, что так получилось. Он за последнее время так ослабел. Рюмка-другая, и готов. Трагедия с работой надорвала его. А потом этот шантаж. Он продолжает работать днем и ночью. Они знают это, следят за ним. В дом к нам слазили, все вверх дном перевернули, все его тетради забрали. Секрет его ищут. А он смеется. Говорит: «Все мое я ношу с собой».

– Юрий вышел на крыльцо в сопровождении Татьяны.

– Спасибо за все, Танечка. Вы очень красивая девушка. Я просто сражен Вами.

– Спасибо, Юрий Петрович. Но я самая обыкновенная девушка.

– Скромничаете. Вы же знаете, что красивы и обаятельны. Не хотите ли немного отдохнуть от дачных забот?

– Я не устала, Юрий Петрович.

– Называйте меня просто Юра. Хорошо? Так что, может

в театр съездим на этой неделе? Или в кафе какое?

– Спасибо, Юрий Петрович.

– Юра, – поправил он.

– До свидания, Юра. Меня мама ждет.

Она скрылась за дверью, а Юрий направился к себе.

Так, знакомство состоялось, – думал он, – Теперь я кое-что о них знаю. Он страдает от не востребоованности знаний и опыта, комплексует. Жена и дочь все при нем. Привыкли так. А Татьяна великолепна. И фигурка, и голос, и личико, и ножки, и бюстик. Очень приятная. Упрямо держит со мной дистанцию. Но сдвиги есть. Назвала меня Юрой. Ничего, не таких обламывали. А о женитьбе пора подумать всерьез – родители правы. Завтра суббота. Два выходных. Отлично. Вот завтра и начнем массированную атаку. Теперь приглашу их всех к себе на ужин.

Юрий проснулся в шесть утра. Быстро умывшись и наскоро перехватив тем, что вчера купил на вокзале, он принялся за уборку сначала в доме, потом в саду.

Убрал остатки мусора, Юрий принялся вскапывать заросшие бурьяном грядки, покамест утренняя прохлада еще не сменилась полуденной жарой.

Земля была мягкой, еще не успевшей просохнуть после теплого недавнего дождя. Лопата в нее входила легко и мягко, как нож в масло. Во дворе скандальной соседки не было никого. Поэтому Юрий решил начать с грядки, примыкающей к забору, отделяющему ее участок. Насвистывая попу-

лярную мелодию, Юрий энергично копал.

С соседской стороны подошли куры и стали рыться около забора. Одна из них взлетела на забор, потом слетела на участок Юрия и, квохча и поклевывая, забегала по вскопанному.

«Интересно, чему она так радуется?» – подумал Юрий и, опершись на лопату, стал наблюдать за нею. Курица подбежала к свежеперевернутому кому земли и, схватив шевелящегося дождевого червя, перерезанного лопатой, с аппетитом проглотила его. Привлеченные ее квохтаньем, другие куры стали тоже взлетать на забор, спрыгивать на грядку и метаться по ней в поисках червей. «Вон оно что! – подумал Юрий, – Лакомиться пришли», – и снова налег на лопату.

– Бог на помощь, сосед! – послышалось из-за забора.

Юрий поднял голову. За забором стояла та самая «черноротая» соседка, которая вчера скандалила из-за костра.

– Спасибо, соседка. Доброе утро.

– Доброе утро, миленький. Ты это, того, за вчерашнее не сердись. Ладно?

– Да я не сержусь, как видите.

– У меня, значит, вчера дурное настроение было – вот. Приболела, стало быть. Вот меня и злило все. Встала – дымом тянет. Вот я и выскочила да на тебя и наворчала, значит.

«Хорошенькое дело – наворчала! Так орала, что кровь стыла в жилах!» – подумал Юрий и снисходительно бросил:

– Ничего, бывает.

– Ишь, как они к тебе все слетелись! Червячками полакомиться! А что же ты их не гонишь?

– Да что мне – червей, что ли жалко?

– Они же роют, проклятые. Чего хочешь выроют, если гонять не будешь.

– Пусть роют. Мне копать меньше будет.

– Что, вчера у соседей был? – спросила она, указав на участок Павла Васильевича.

– Да, пригласили познакомиться.

– Что, оклемался уже? А то ходил сам не свой.

– После чего оклемался?

– Да после этой, аварии на машине. Не знаешь, что ли?

– Откуда же мне знать, если я здесь всего второй день, как хозяйничаю?

– А сам он вчера не сказал, что ли?

– Нет, уважаемая соседка. Кстати, меня зовут Юрий, а Вас как?

– Меня Дарьей.

– А по отчеству? Я же моложе. Неудобно как-то без отчества.

– Вон ты въедливый какой? Ну, Афанасьевна. Вот и познакомились, дружок Юра. Так о чем же Вы говорили с Пал Василичем?

– Так, о том о сем, Дарья Афанасьевна. Собственно, ни о чем. Познакомились и все. Я спать пошел, – Юрию никак не хотелось откровенничать с этой скандалисткой. Она никак

не располагала к себе, но упорно лезла в душу. И он снова принялся копать.

– Да ты погоди копать. Все равно уж ничего не посадишь. Давай-ка поговорим лучше. Выпивали поди?

– Да так, самую малость. А что?

– И за выпивкой ни о чем не говорили, что ли?

– Говорили. Он о своей работе, я – о своей. Вот и все, собственно.

– Ну, какой же ты несловоохотливый! Он же на пенсии – о какой работе?

– О бывшей, Дарья Афанасьевна. Очень уж он любил свою работу.

– Это да. Все говорят. Да брось ты копать! Может зайдешь, а? Самогончик у меня добрый – увидишь. И закусочка что надо. Ну, как?

– В друглый раз, Дарья Афанасьевна. А вскопать надо. Чтобы сорняки не разводить. И чтобы земля отдохнула.

– Зря ты это, Юра. А сосед-то наш тут ни с кем после аварии не общается. Но тебя вот пригласил. Любезен был?

– Очень. И жена, и дочь его тоже.

– Жена и дочь, говоришь? Так они же в этой самой аварии погибли!

– Да что вы! А, по-моему, они вчера весь вечер и на стол подавали, и в разговоре участвовали.

– Эти две бабы, что у него на участке толкутся? Никто не знает, кто они. Похожи, конечно, на покойных. Но те же

погибли. Вот я и хотела узнать, кто они.

Черноротая соседка ищет примирения и расспрашивает о семье Павла Васильевича.

Юрий приглашает Татьяну в театр, на озеро, в лес за грибами. Она в основном молчит. За все благодарит, не проявляя никакого интереса к Юрию.

Юрий с Павлом Васильевичем.

– Юрий Петрович, прежде чем начать с Вами беседу на эту тему, позвольте провести с Вами небольшой эксперимент. Вернее, маленькую иллюстрацию результатов моих исследований.

– С удовольствием, Павел Васильевич. Хоть сию минуту.

– Вот и отлично. Вы можете сходить к озеру и принести с полведра чистого сухого песка?

– Конечно. А для чего?

Павел Васильевич несколько стесненно улыбнулся.

– Я же сказал – для небольшого опыта.

– Сейчас, Павел Васильевич.

Юрий вошел в дом, взял стоявшее на табуретке кверху дном ведро, саперную лопату, лежавшую у входа, и направился к озеру. А сосед тем временем взял в руки тяпку и принялся взрыхлять землю на цветочной грядке.

Через четверть часа Юрий вернулся с ведром песка и поставил его у калитки Павла Васильевича.

– Вот, Павел Васильевич. Я принес, как Вы просили, ведро песка.

– Отлично, – сказал Павел Васильевич, не отрываясь от пропки. У Вас какой-нибудь тазик есть?

– Есть, а что?

– А сито, через которое можно просеять песок, есть?

– Сито тоже есть. Вчера видел такое в сарае.

– Великолепно. – Павел Васильевич оперся на древко тяпки и улыбнулся своей чистой, как ключевая вода, улыбкой, – Просейте, пожалуйста, часть песка прямо в тазик.

Сосед снова принялся за прополку, а Юрий стал просеивать принесенный песок. «Интересно, что он задумал? Быть может, он спятил, а я, как идиот, хожу к озеру, таскаю песок, просеиваю его», – рассуждал Юрий в недоумении.

– Готово, Павел Васильевич. Дальше что?

Сосед снова оперся на древко тяпки. Он улыбнулся и каким-то удивительно молодым взглядом посмотрел на Юрия.

– Скажите, Юрий Петрович, я подходил к Вам после того, как послал Вас за песком?

– Нет, разумеется.

– Вы сами просеивали песок, верно?

– Абсолютно верно.

– Мог я в него что-нибудь подбросить?

– Нет, конечно. А что?

– Как, по-вашему, может быть в Вашем тазике что-либо, кроме песка?

– Нет, разумеется. Хотя, что Вы имеете в виду? Химические примеси? Так это, знаете ли, вопрос тонкий, деликат-

ный...

– Нет, не то я имел в виду. Могут ли там оказаться предметы, которые не могли бы просеяться сквозь отверстия в Вашем сите?

– Разумеется, нет. К чему Вы это спрашиваете, Павел Васильевич? Никак не пойму, к чему Вы клоните?

– Сейчас поймете. Что Вы ответите, если я Вам скажу, что в песке, который Вы только что просеяли, имеются алмазы величиной с вишню? Достоинством не менее десяти карат, скажем?

– Отвечу, что там их нет. Что же еще?

– Позвольте с Вами не согласиться. Проверьте и убедитесь воочию.

– Вы что, смеетесь надо мной? – ответил Юрий со снисходительной улыбкой.

«Да, он действительно сумасшедший. И на коей черт я с ним связался? Надо под каким-нибудь благовидным предлогом поскорее умотать отсюда, а потом держаться от этого психа как можно дальше», – досадовал про себя Юрий.

– Да Вы погодите со своими выводами, – улыбнулся Павел Васильевич, – не нужно считать меня сумасшедшим. Поищите сначала!

«Он будто читает мои мысли! – спохватился Юрий. – А вдруг и вправду читает? – Юрия обдало жаром. – Как неудобно, если так!» Юрию стало ужасно стыдно, и он, словно загипнотизированный, запустил пальцы в песок и механи-

чески стал в нем копаться. Его палец наткнулся на какой-то твердый предмет, и он извлек его и положил на ладонь. Это был камешек, прозрачный, как стекло. Утреннее солнце играло в его гранях всеми цветами радуги.

– Ну что? Нашли? – торжествующе спросил сосед.

– Нашел! Что-то нашел... Надо выяснить, что это.

– Не сомневайтесь, бриллиант чистейшей воды. Притом ограненный по высшему классу. Верно?

– Похоже.

– Вот-вот! Завтра, если хотите, сделаете спектральный анализ в любой компетентной лаборатории. Да Вы еще поищите, не стесняйтесь!

Юрий стал один за другим извлекать из песка сырьевые алмазы, а также обработанные бриллианты один краше другого. «Как в сказке!» – подумал он.

– Ну что, убедились? – торжествующе спросил Павел Васильевич.

– Завтра проверим, – ответил Юрий.

– Ну, завтра Вы проверите, действительно ли это бриллианты. А в том, что Вы нашли эти предметы в песке, который сами только что просеяли, Вы убедились?

– Да. А как Вы это делаете?

– Да никак. Просто я знаю, что они там ДОЛЖНЫ БЫТЬ – и все.

– Но как Вы их туда подложили?

– Никак! Я их туда не подкладывал, уважаемый Юрий

Петрович!

– Но их же там пять минут тому назад не было! Откуда же они взялись?

– Ниоткуда! Вы их просто извлекли оттуда.

– Так этого же не может быть!

– Может, как видите! Может! В том-то и дело, что **ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ!** Абсолютно все!

Юрий стоял в растерянности, зажав в кулак холодные камешки. В голове роились самые невероятные мысли. «Стоп! Этого не может быть! Я, наверное, тоже спятил. Не зря ведь говорят, что те, кто общается с умалишенными, тоже в конце концов сходят с ума. Вот, теперь и я тоже умом тронулся...»

– Да не мучайте Вы себя всякими догадками, Юрий Петрович! Поверьте хотя бы фактам. Вот, Вы и фактам отказываетесь верить, даже когда можете пощупать то, что достали из песка. Что же тогда говорить о том, что далеко, не очевидно? Ладно, достаточно на сегодня. Пойдем теперь к нам. Пообедаем, и я Вам кое-что расскажу. Только приготовьтесь к невероятному, во что просто невозможно поверить обычному, непосвященному человеку.

Юлий Гарбузов.

Христос шел по воде, как посуху, накормил пятью хлебами и двумя рыбами 5000 человек, обратил воду в первоклассное вино в Каннах Галилейских, воскресил Лазаря и других умерших, исцелял неизлечимых больных, сам вос-

крес, наконец.

Во время войны Вольф Мессинг подарил советскому летчику самолет, купленный на собственные сбережения. После торжественного прима самолета был организован небольшой фуршет. Один из присутствовавших на нем молодых офицеров, подвыпив, разговорился с Мессингом. Увидев на его руке красивые золотые часы, офицер попросил Вольфа Григорьевича дать их ему посмотреть.

– Да я дам их тебе, – сказал Мессинг.

Офицер протянул руку.

– Нет, не так, – загадочно улыбаясь, ответил Мессинг. – Отойди вон туда, стань у стены и вытяни руки по швам.

Офицер так и сделал. Через несколько минут Мессинг сказал:

– А теперь сожми руки в кулаки и подними вверх.

Когда молодой человек поднял руки, все увидели на его левом запястье золотой браслет с часами – точно такими, как у Вольфа Григорьевича.

– Носи их себе на здоровье, – сказал Мессинг, добродушно улыбаясь.

Летом 1942 года в Ташкентской газете «Правда Востока» появилась статья о самоотверженном и патриотическом поступке «профессора В. Мессинга, пожелавшего подарить Красной Армии самолет, построенный на личные средства». Через неделю на имя В. Мессинга поступила следующая те-

леграмма:

«Товарищу Вольфу Мессингу. Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищ Вольф Мессинг, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. И. Сталин».

Балтийский летчик Константин Ковалев – ему присвоили звание ГСС. Мессинг прочитал о нем в газете и решил на свои сбережения построить и подарить ему самолет Як-7, на котором было написано «За победу!» и ниже: «Подарок от советского патриота профессора В. Г. Мессинга балтийскому летчику ГСС К. Ковалеву. На этом самолете летчик сбил 33 немецких истребителя. Подарок Мессинга был как будто заговорен (а может быть, «как будто» здесь лишнее?) – из всех военных передраг он выходил целым и невредимым! Не чудо ли это? Причем ас говорил, что на фашистов наводило панику одно лишь имя телепата, написанное на борту.

В сильном электромагнитном поле многие люди видят галлюцинации. Но почему все в одно время видят одно и то же? И каждый раз по-разному. Во Франции в одном месте, где раньше был монастырь, возле ЛЭП люди часто видят призраки монахов. Причем, если при этом присутствует группа людей, все видят одних и тех же призраков и одни и те же их действия.

Разум существует отдельно от мозга. Он просто активно использует мозг.

Сверхъестественные явления на самом деле очень даже

естественны.

– А теперь – самое основное.

Он взял с полки старую папку и извлек из нее газетную вырезку с короткой статьей «Вернуть убитого».

– Вот, прочитайте, пожалуйста, если это Вас не затруднит. Тогда для Вас многое прояснится.

– Мне хотелось стать Господом Богом, чтобы воскресить их обоих.

И снова **ЗДРАВСТВУЙТЕ**, идущие по пути развития Душа, ищущие, нашедшие, заблудившиеся и просто случайно, по воле Судьбы сюда забредшие личности!

Мы рады приветствовать Вас на страницах проекта «Сообщество “Фантазм”».

Здесь Вы найдете материалы на духовные и «околодуховные» тематики, максимально точно выражающие наше (и надемся не только наше) мировоззрение.

Цель этого проекта основывается на извечном постулате о том, что мысль материальна, и в этом может убедиться каждый. Просто думайте о каком-то событии, визуализируйте, представляйте и оно обязательно произойдет.

Данный механизм очень хорошо описан во многих книгах. Но формирование Реальности согласно мыслям происходит и на уровне целой планеты. Представьте то, о чем думает большинство людей на нашей земле, и подумайте, каков будет мир после этого. Все негативные эмоции склады-

ваются вместе и превращают наш мир в подобие ада. А все из-за того, что мир меняется согласно мыслям большинства.

Наша цель – донести эту истину, и чем больше людей будет думать в обратном направлении, тем лучше.

Если верить Ведам, человечество уже вышло из стадии примитивного материалистического развития. Пора бы уже что-то конкретно менять в этом мире и подниматься по ступеньке духовной эволюции!

Только совместными усилиями мы сможем что-то сдвинуть с мертвой точки, и чем раньше начнем, тем лучше.

Когда наберется некоторое количество Участников, поддерживающих нашу теорию, обязательно поставим эксперимент:

Сообща выберем какое-либо желаемое событие, и все вместе начнем думать в направлении его реализации. Чем больше будет Участников, тем больше вероятность успеха.

Как только получим первые результаты, можно будет идти дальше, ведь «Все границы только в нашем сознании. Мир безграничен!»

ЗАНОВО РОЖДЕННЫЕ ВУНДЕРКИНДЫ

В обществе не прекращаются дискуссии о происхождении исключительных талантов вундеркиндов. Большинство психологов исходят из того, что такие вундеркинды, как, например, Вольфганг Амадей Моцарт, который уже в пять лет сочинял сложные музыкальные произведения, от рождения обладают феноменальной памятью и способностями. Но

некоторые из них высказывают мнение, что эти удивительные дети появляются в результате повторного рождения, основывая свои доводы именно на том, как рано проявляются их якобы приобретенные способности.

В доказательство сторонники таких взглядов приводят два примера: во-первых, случай с Жаном Кардиаком, французским мальчиком XVIII века, который уже в возрасте трех месяцев знал наизусть алфавит, а в шесть лет владел шестью языками; во-вторых, случай с четырехлетним слепым мальчиком рабом из Джорджии XIX века. Учитель Слепого Тома, так звали мальчика, говорил, что как только он в первый раз коснулся клавиш фортепиано, тут же показал, что может в совершенстве владеть инструментом, и знал, помимо этого, о музыке больше, чем мы знаем и можем узнать.

ТАИНСТВЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Календарь майя, несмотря на свою древность – ему больше 5000 лет, – на удивление точен. Его почти компьютерная сложность приводит в замешательство как археологов, так и астрономов. Так, майя вычислили, между прочим, что Солнце, Луна и Венера выстраиваются в один ряд только раз в 104 года.

Из всех древних народов только майя удалось точнее всего определить долготу солнечного года. По современным расчетам, она составляет 365,2422 дня, тогда как майя на вершинах своих пирамид вычислили долготу в 365,2420 дня. Разница всего две десятитысячных, и это за тысячи лет

до того, как другие астрономы, располагая более совершенными средствами вычисления, смогли достичь похожего результата!

Но как задолго до изобретения телескопа майя провели такие точные астрономические наблюдения? Если верить легендам об этой цивилизации, то календарь был подарком пришельцев со звезд.

ЧЕЛОВЕК-ЯЩЕРИЦА

Снова и снова из Америки и с других концов света приходят сообщения о появлении так называемого бигфута. Как говорят, это человекоподобные существа, большие, волосатые, с красными сверкающими глазами. Но в 1988 году жители штата Южная Каролина сообщили о другом виде бигфута: огромном человеке-ящерице, высотой больше двух метров, покрытом зеленой чешуей. По свидетельству очевидцев, этот бигфут, в отличие от других, имел только по три пальца на ногах, руки у него были как у обезьяны, тоже с тремя пальцами и с когтями длиной десять сантиметров. Это, наверное, очень редкий вид, так как бигфуты с тремя пальцами на руках известны, но о бигфутах с тремя пальцами на ногах никто еще не слышал.

Первым человека ящерицу встретил шестнадцатилетний Крис Девис. 29 июня он ехал на своей машине домой и около двух часов дня остановился у Скейп Ора, болотистой местности вблизи Бишопсвиля, чтобы поменять шину. Положив домкрат в багажник, он обернулся и увидел, как кто-то бе-

жит к нему по открытому полю. Он мигом прыгнул в свою машину, но, когда хотел закрыть дверцу, страшилище подбежало и начало тянуть дверцу на себя. После существо прыгнуло на крышу, оставив на ней царапины, которые позднее послужили доказательством его нападения.

Сильно испуганный Девис рассказал о своем приключении только родителям и ближайшим друзьям. Но говорить с полицией ему все равно пришлось, ибо, когда такие же следы зубов и когтей были обнаружены еще на одной машине, соседи направили полисменов к мальчику.

Девис был не единственным человеком, встретившим битфута. Вскоре местный шериф был буквально завален подобными сообщениями. Подростки Родни Рольф и Шейн Стоукс со своими подружками проезжали на машине мимо болота, и прямо перед машиной выбежал человек-ящерица. Дорожный строитель Джордж Холломан утверждал, что бигфут напал на него, когда он доставал воду из колодца.

При расследовании последних случаев служащий федеральной полиции Майк Ходж и помощник шерифа Вейн Эткинсон из округа Ли нашли в окрестностях болота три раздавленные коробки из-под напитков по 150 литров. Стволы молодых деревьев были обломаны на высоте два с половиной метра. Рядом на твердой красной глине Ходж обнаружил гигантские следы ног, 35 на 40 сантиметров. Они шли по следам метров четыреста, а когда вернулись, то увидели около своей машины новые свежие отпечатки. Биологи не знают,

что за животное могло оставить такие следы.

БОТИНКИ ВОЗРАСТОМ 280 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

Уильям Мейстер производил раскопки вместе с женой и двумя дочерьми в Энтилоуп Спринг, около Дельты, штат Юта.

Истинные любители археологии, Мейстеры уже могли похвастаться находками: окаменевшими трилобитами – эти маленькие беспозвоночные, вымершие 280 миллионов лет назад, считаются предками крабов и раков. Из того же самого слоя земли, где он нашел трилобитов, Мейстер выкопал каменную плиту толщиной примерно пять сантиметров. Разломав ее, он обнаружил, к своему удивлению, нечто похожее на отпечаток ноги. В довершение ко всему, на ноге, оставившей отпечаток, явно была сандалия, подобная его собственной.

Если его находка действительно означает то, что она означает, то тогда, как подумал Мейстер, палеонтологи ошибаются по крайней мере в двух гипотезах. Или трилобиты, существовавшие больше 320 миллионов лет, не вымерли 280 миллионов лет назад, или человекоподобные существа жили на Земле намного раньше, чем за два миллиона лет до предполагаемого времени появления человека. Кроме того, обувь ставила под сомнение еще одну современную гипотезу: историки утверждают, что сандалии, ботинки и другая обувь вошли в обиход только несколько тысяч лет назад.

Мейстер попытался отдать свою находку на изучение гео-

логам местного университета, но они не проявили к ней никакого интереса. Он просто неправильно толкует свою находку, решили они. Мейстер обратился к прессе. Его находка оставляла академический мир по-прежнему равнодушным. Джеймс Мадсен, куратор музея геологии при университете штата Юта, ответил Мейстеру, утверждавшему, что у него есть доказательства существования гоминид во времена трилобитов: «600 миллионов лет назад не существовало человека. Не было также обезьян, медведей и прочих зверей, которые могли оставить следы, похожие на человеческие. Что это еще за человек мог ходить по земле еще до возникновения позвоночных?»

Некоторые люди, которые ознакомились с этим случаем, осмелились предположить, что задолго до возникновения *homo sapiens* по нашей планете прогуливалось какое-то обитавшее двуногое с другой планеты.

Чудо противоречит не законам природы, а лишь нашим представлениям об этих законах.

Вера в возможность невозможного.

В Америке найдены в большом количестве керамические статуэтки динозавров, мамонтов и саблезубых тигров. Подделки? А если нет? Они ведь залегали в слоях, относящихся к эпохам от 20000-го до 70-миллионного годов до новой

эры! А Мохенджо-Даро с его оплавленной кирпичной кладкой и прочим?

Жизнь не заканчивается со смертью тела.

ДНК – это строительная машина или антенна, воспринимающая команды извне, то есть из «тонкого» (потустороннего) мира. В экранированной (обшитой пермаллоем) камере рождаются уроды (эмбрионы не получают команд строительства организма).

Материнская и отцовская ДНК могут соединяться более чем 70-ю миллиардами способов. То есть, существует более 70-ти миллиардов вариантов каждого из нас!

Управление будущим осуществляется посредством изменения прошлого!

Люди, верящие в приметы, программируют свою судьбу, и все у них сбывается. Но это не жесткая программа, а вероятностная.

Под гипнозом люди предсказывают свое будущее. Им внушают, что им 70 (или др.) лет. Спрашивают, кто они и чем заняты. Это сбывается.

Ничто в этой вселенной не точно, пока кто-то не увидит то, что утверждается. (Шрединговский кот жив или мертв?)

А сам-то я жив или мертв? Это утверждение также неточно, пока кто-то не обнаружит это. Если так, то каждый может предвидеть будущее.

В «Цветы на даче». Отправлено 18.11.2011

Двойники (Не закончено)

Старший научный сотрудник Петлеваный занимается репликацией. В сети пропадает напряжение, и Петлеваный входит в рабочий бокс, чтобы проверить состояние сканера. В это время включается электроэнергия. Ученый покидает бокс, но через пару часов после его ухода домой в нем воссоздается двойник.

Двойник приходит в квартиру Петлеваного, будучи уверен, что это его квартира. Начинается конфликт.

Двойников обследует ученый – друг Петлеваного:

– Ваш случай для меня исключительно интересен. Понимаете, однояйцевые близнецы могут иметь очень схожие отпечатки пальцев и даже радужки, но сосудистая структура у каждого уникальна, причем различия чрезвычайно существенны. А у Вас обоих совпадает и она! Такого я еще не встречал ни в жизни, ни в публикациях.

Юлий Гарбузов

5 мая 2007 года, 10:43, суббота

Planteogre

Дьявольская сеть (Не закончено)

На одном из многочисленных островов Океании международная экспедиция встречается с хищным растением-людоедом под названием «дьявольская сеть». Туземное население находится в симбиозе с этим растением (от людей получает (какие???) вещества, а для них вырабатывает ...???)

– Ник! Проснись, Ник! – услышал я сквозь сон голос Клода Карпентера, официального начальника экспедиции.

– Ник, твой сотовый разрывается, а ты дрыхнешь, как сурок! – сказал он с мягкой улыбкой.

Я поднес к уху свой сотовый, не взглянув на индикатор, и нажал ответную кнопку:

– Алло! Слушаю! – ответил я по-английски.

– Коля, это я. Как ты там?

– Ты, Валюша?

– Я! А ты думал – кто?

– Да ничего я не думал. Я спал сейчас, а твой звонок меня разбудил.

– Я что, опять спутала время? По моим подсчетам у вас там около полудня.

Я посмотрел на часы.

– Верно. Без четверти двенадцать дня.

– А почему же ты спал?

– Я в вертолете. Мы летим уже полтора часа. Укачало. Как там наши девочки?

– Спят, как и ты. У нас час ночи. Как там у тебя дела?

– Отлично! Скоро посадка. Покушаем – и дальше.

– Куда?

– На остров Агаматоо!

– А куда вас вертолет доставит, разве на Агаматоо?

– Нет, только на Гоатомуэ! Почти на экваторе.

– А почему не сразу на место назначения?

– Местные жители возражают против того, чтобы к ним летали вертолеты. Из экологических соображений. Что у тебя нового? Я скучаю по тебе, Валюша!

– Я по тебе тоже, Коля! Новостей пока никаких. Звони почаще.

– Вот прибудем на место, разверну тогда там небольшую базовую станцию – буду звонить чаще. Отсюда дороговато!

– Не дороже, чем мне! Ладно, готовься к посадке. Жду, скучаю, люблю!

– Я тоже, Валюша! Целую. Пока!

– Будь здоров, Коля! Привет от наших дочек!

Я пристегнул телефонную трубку к поясу и выглянул в иллюминатор. Вертолет завис над зеленой лужайкой и начал снижаться. Со стороны утопающих в зелени коттеджей к лужайке уже бежали люди. Вертолет в последний раз качнулся в воздухе и опустился на земную твердь. Пилот выключил

двигатели, и в салоне стало непривычно тихо.

Бельгиец Платрие распахнул дверь, в проеме которой на фоне ярко-голубого неба тут же возникла улыбающаяся смуглая физиономия местного служащего.

– Хелло! Я Пол Тотува. С прибытием! Как долетели?

– Нормально. А я Клод Карпентер. Мы с Вами общались по радио, – ответил Клод. – Теперь бы перекусить и поскорее на Агаматоо.

– Ваш обед уже готов. Только на стол накрыть осталось. Переночуете в местной школе. А завтра вас доставят катером на Агаматоо. Если погода будет нормальная, конечно. Пассат в эту пору может усилиться, и тогда вам придется здесь отдыхать дней пять, а то и больше.

– Не пугайте нас! – ответил Клод. – Грузчики могут начинать прямо сейчас.

– Грузчиков не будет. Сейчас путина, все в море, – он улыбнулся, – так что разгружайтесь сами. А я пойду потороплю, чтобы подавали обед.

Клод посмотрел на усталые лица членов экспедиции и развел руками:

– Ничего не поделаешь. Сами слышали. Так что придется разгружать.

Никто особо не возмущался. В течение часа мы вместе с пилотом закончили разгрузку и перенесли, что только можно было, во временно пустовавшее школьное здание, так как были школьные каникулы.

Мы с Клодом вышли во двор, где все живое изнывало от экваториального зноя. Даже докучливые москиты куда-то попрятались. Только огромные серые мухи, жужжа, носились в раскаленном воздухе.

– Ник, свяжи меня с Женовой, – сказал Клод.

– Только по сотовому, – ответил я. – Спутниковый долго распаковывать.

– Ну, тогда после обеда. Сотовый – это в крайнем случае.

В плотной тени раскидистого дерева прямо на земле, потягивая сигарету, сидел Тонба – наш пилот. Увидев нас, он тут же вскочил на ноги и, подхватив лежавшую на траве папку, подошел к Карпентеру.

– Мистер Карпентер, подпишите, пожалуйста, мое полетное задание. Мне нужно лететь.

– Как? Уже лететь? А отдохнуть? А отобедать в нашей компании?

– Спасибо, – улыбнулся пилот, – предпочитаю сделать это дома.

– Почему? Здесь вы, по крайней мере, пообедаете за счет экспедиции.

– Хахаха! Ну, чем здесь, мистер Карпентер, могут накормить? Рыбным супом, креветками, крабами да жареной, отварной или тушеной рыбой с рисовым гарниром, приготовленными специально для вас? Или пресловутым японским суши, которое подают теперь повсюду, даже в самых захудалых харчевнях любого убогого захолустья нашей планеты.

Эти морепродукты у меня вот уж где, – он провел ребром ладони по кадыку. – А дома меня ждет ароматный говяжий бульон, куриные котлеты с жареной картошкой и салат из свежих овощей!

Услышав эти названия, я невольно сглотнул слюну, вспомнив свою семейную кухню и представляя, как Валя в чистейшем клетчатом переднике хлопчет у стола и подает эти яства, украсив их с особым художественным вкусом.

– А я вот, дорогой Тонба, настолько проголодался, что готов есть не только рыбу, а даже лягушек, змей или еще, что там у вас едят!

– Это не у нас. Это там, на Богом забытых островах. Таких, как этот ваш Агаматоо. А наш край относительно цивилизованный, и кухня у нас европейская.

Клод подписал на весу развернутый перед ним лист полетного задания и спрятал авторучку в карман рубашки.

– Благодарю Вас, мистер Карпентер, – поблагодарил пилот, бережно укладывая листок в папку. – Удачи Вам в Ваших поисках. Только смотрите, советую быть осторожными на этом Агаматоо. О нем ходят премерзкие слухи. И люди там не из лучших – уверяю Вас!

– Спасибо, дорогой Тонба, за предупреждение. Постараемся, – доброжелательно ответил Клод, пожимая пилоту руку.

– Будь здоров, Тонба. Рад был познакомиться. Приятного аппетита, – сказал я ему на прощанье.

Тонба направился к вертолету, и его ослепительно белая бейсболка исчезла в черном отверстии люка. Мы стояли и наблюдали, как раскручиваются роторы вертолета. В душе я завидовал этому смуглокожему парню с раскосыми глазами, который через пару часов будет дома, в уютной обстановке, рядом с любимой женой обедать говяжьим бульоном, куриными котлетами с жареной картошечкой и салатиком из огурчиков и помидорчиков, сдобренных зеленым луком и щепоткой черного перца. А нам предстоит еще долгие недели, а может быть и месяцы скитаний в поисках какого-то растения, которое, возможно, и существует только в местных легендах да досужих рассказях, рассчитанных лишь на то, чтобы привлечь толпы иностранных туристов. Да и стоило ли из-за него снаряжать экипированную, что называется, по последнему слову международную экспедицию и лететь сюда, на самый край света? Если бы мои мысли прочел Клод, он бы на меня смертельно обиделся. Ведь он искренне верил в существование этого таинственного растения.

Мы видели, как Тонба помахал нам на прощанье из кабины своей белой бейсболкой. Мотор надсадно взревел, и вертолет, дрогнув, взмыл в небо по наклонной траектории и лег на обратный курс.

– Обед готов, господа, – послышался сзади голос Тотувы, – все уже в столовой.

Неохотно покидая тень, мы последовали за этим спокойным, уверенным в себе человеком.

После обеда я распаковал и установил связанное оборудование и, как просил Клод, связал его с Женовой. Там было еще рано, и он попросил соединить его с личным телефоном шефа. Они долго беседовали, споря по каждому, как мне казалось, пустяку. Наконец, он положил трубку и, потянувшись на шатком стуле, сказал:

– На сегодня все, Ник. Можешь выключать. Все свободны до конца дня.

Мы с Платрие решили пройтись по берегу океана, посмотреть на местных жителей, а заодно и окунуться, чтобы перед сном смыть с себя дневную пыль и пот. Дорожка, вымощенная местным базальтом, привела нас прямехонько к пристани, где темнокожие рыбаки сгружали с катера дневной улов. Женщины разделявали рыбу тут же на берегу, складывали ее в бочки, засыпали солью и запечатывали, готовя к отправке утренним рейсом.

Здесь темнеет быстро. На смену дню сразу приходит ночь. Вечера почти нет.

В нашей импровизированной спальне стояла ужасная духота. Я лежал на своем надувном матрасе, обливаясь потом. Но главная беда не в жаре, не в духоте и не в жесткой постели. Главный бич этих мест – это москиты. Несмотря на нестерпимую жару и духоту я вынужден был лежать под брезентовой накидкой, накрывшись с головой, потому что стоило высунуть из-под нее какую-нибудь часть тела, как ее тут

же облепляли эти проклятые кровососы. Их мерзкий писк слышался у самого ужа каждый раз, едва я начинал погружаться в сон. Я тут же дергался, натягивая на себя брезент и тщательно закрывая возможные щели. Сон отшибало, и я снова лежал, обливаясь потом и задыхаясь от жары. Кроме того, по полу и по нашим постелям, по нас самих все время бегали то ли мыши, то ли какие-то другие грызуны, то ли пресмыкающиеся. А из окна слышался шум океанского прибоя, заглушающий все остальные звуки ночи экваториального острова.

Рассвет наступил стремительно.

До острова «Х»(Уамакоо) примерно А км, что составляет около Н часов пути.

Этот остров не знал колониального ига, потому что его охранял «хозяин». Растительный мир разумен, но он не может так эффективно защищаться, как это делают животные. За счет растительности живет все. Оказывается, растительный мир может за себя постоять, но с запозданием. На Земле расплодились динозавры, стали серьезно угрожать растительному миру. Тогда растения уничтожили их. Так было и с мамонтами. Сейчас растительному миру угрожает человеческая популяция, и растения намереваются уничтожить человечество. Это рассказал герою повести шаман туземцев.

18 тысяч островов Индонезии!

– Завтра – последний день экспедиции. От него зависит, сможем ли мы доказать, что не на прогулку сюда ехали и что

не зря потратили международные денежки. Так что скрестим перед сном пальцы – вот так!

– Нужно иметь дело с теми пилотами (вертолетов), которые знают свое дело и контактны, интересуются общим делом, болеют за него.

– Их защищала и до сих пор защищает среда!

– Спонсоры следят за каждым нашим шагом. Они выкладывают денежки без выгоды для себя. Что им от того, найдем мы... или нет? Никакой экономической выгоды.

– Ой-ли? Да очень большая и самая прямая выгода – классная реклама ведь! Если наша экспедиция удастся, это будет сенсацией для прессы, и всюду будут писать: спонсоры такие-то!

– У разных народов один и тот же жест может иметь разный смысл – насмешка или просьба о помощи, скажем.

– Один носильщик берет не более 20 кг.

– За проход вглубь острова проводник берет 300 долларов.

Пахло солью, прелыми водорослями и муссоном.

Несмотря на обильно нанесенный на кожу репеллент, москиты терзали меня, как волки.

Юлий Гарбузов

Как Бог парует (Не закончено)

Шел как-то Христос с учениками. Видят – пахарь поле пашет. Спросили они пахаря, нет ли чего поесть странникам.

– Возьмите там, под кустом. Ешьте все на здоровье. Я уже не успею – до захода солнца надо поле вспахать.

Идут дальше. У дороги яблоня со спелыми плодами. Под нею человек лежит с раскрытым ртом.

– Что ты делаешь, – спрашивают.

– От голода умираю!

– Ты же под яблоней лежишь, а на ней столько замечательных яблок!

– Да что толку? Ни одно мне еще в рот не упало.

Подходят они к колосющейся ниве. Там жница хлеб убирает.

– Жница милая, нет ли у тебя воды напиться для странников?

– Возьмите в кувшине, что стоит под одиноким деревом у дороги. Пейте все – мне некогда – дождь собирается. А нужно жатву закончить да снопы в амбар снести.

Проходят они мимо ветхого дома. Заглянули в него. Лежит там девушка, худая–прехудая.

– Что с тобой, милая?

– Да с голоду умираю...

– Так вот у тебя сухарей полон мешок, а на полке жбан

с квасом!

– Так сухари же надо доставать из мешка, квас – с полки. А потом еще сухари размачивать надо...

Накормили они бедную девушку. Поблагодарила она их. Пошли дальше своей дорогой. Апостол Петр и спрашивает Христа:

– Скажи, равви (учитель), кто будет мужем этой несчастной.

– Тот, что поле пашет, – отвечает Христос.

– А той славной жницы?

– Тот, что под яблоней лежит.

– Послушай, равви! Почему так, а не наоборот?

– Несправедливо будет.

– По отношению к кому?

– К их будущим детям.

Юлий Гарбузов

Саган-Рог (Не закончено)

Сегодня с трех ночи не спал, так как увидел странный сон. Весь остаток ночи был под впечатлением.

Я всегда любил Харьковский театр юного зрителя, и в этот раз с удовольствием принял приглашение Володи Жукова пойти на вечерний спектакль. Показывали новую пьесу, над содержанием которой следовало подумать на досуге, чтобы попытаться разобраться, что там к чему. Выйдя под впечатлением, мы дошли до ближайшей станции метро, спустились вниз и стали ждать поезда. Разговор не клеился, и мы молча доехали до «Советской», где я вышел, чтобы успеть на семьдесят восьмую маршрутку, а Жуков поехал дальше. У обоих на следующий день, как мне было доподлинно известно, были занятия.

Когда я вышел на поверхность, было уже около одиннадцати ночи. Меня поразила необычная темень. Снилось, что около 23:00 я возвращался из Харьковского Театра Юного Зрителя и вышел на станции метро «Советская», чтобы сесть на 78-ю маршрутку, которая довезла бы меня до самого дома. Поднявшись на поверхность, я остановился в замешательстве: вроде бы все на месте, и в то же время что-то не так. Потом понял: нет людей, машин и уличного освещения. Окна домов тоже темные. Я попытался добраться пешком, но куда ни пойду – вскоре кончается город, начинается степь

или лес.

Незаметно рассвело, и город ожил. Я вернулся на конечную остановку маршрутки, что напротив консерватории, но там никакой остановки и никаких маршруток вообще и близко не было. Никто из людей, к которым я обращался, не знал и слова такого – «маршрутка». Тогда я решил спуститься в метро, но там был только обычный подземный переход. Вход в метро куда-то исчез. Пошел по Бурсацкому спуску вниз, на Ключковскую и неожиданно увидел море и громадный порт: шум, грохот, ошвартованные корабли, краны, а рядом морской вокзал. Все грязное, заплыванное, замусоренное.

Откуда, думаю, в Харькове море?

Пошел вдоль береговой линии и попал на базар, сам по себе небольшой, но народу видимо-невидимо. Особенно меня поразило обилие бомжей и бомжичек с опухшими от водки посиневшими физиономиями.

Наконец, поняв, что нахожусь не в Харькове, я решился спросить, что это за город. Удивленный странным вопросом, молодой рабочий в сером комбинезоне сказал название, похожее на Таганрог (Саган-Рог или Туган-Рог, как следует не расслышал). Я попытался уточнить – Таганрог, мол? Но рабочий ответил, что Таганрог – это далеко на западе, на Азовском море, а здесь Саган-Рог. Он указал на надпись над зданием морского вокзала: «Добро пожаловать в сердце дальневосточной индустрии Саган-Рог». В общем, я выяснил, что нахожусь в портовом городе с сорокапятитысячным населе-

нием где-то между Магаданом и Владивостоком.

Меня охватил ужас. Мгновенно оказаться за тысячи километров от дома, работы и прочего без денег и документов! Я разговорился с местной школьной учительницей математики, которой помог нести с базара сумки с покупками, и она пригласила меня к себе домой на какое-то торжество с застольем. Там, оказавшись в кругу каких-то пьяных забулдыг, я попытался рассказать им о своем неожиданном затруднительном положении и попросить у них помощи. Но одни приняли меня за афериста, который любыми средствами пытается выудить у людей деньги, а другие – за сумасшедшего. Я показал им свой билет в Харьковский Театр Юного Зрителя, датированный вчерашним числом, но это ни у кого не вызвало никаких эмоций, кроме недоумения. Все говорили: «Что-о-о?.. 2004-й год?.. Ха-ха-ха!..» Выходит, что и с датами тоже какая-то нестыковка!

Я попросил тогда помочь мне откуда-нибудь позвонить в Харьков или выйти в Интернет. Слово Интернет также вызвало у окружающих удивление. От меня все отворачивались и вертели пальцем у виска – не все, мол, у него дома. Я беспокоился, что в Харькове меня ищут: у меня ведь сегодня столько занятий, а я тыняюсь по чужому городу, как бездомная собака, без денег и документов. И никто не хочет мне помочь. И как объяснить случившееся, я тоже не знал.

Пробуждение не принесло облегчения, так как все равно я продолжал пребывать в состоянии стресса и пребываю в

нем до сих пор.

Поражает удивительная явственность этого сна.

Юлий Гарбузов.

24 декабря 2004 года, пятница.

Сегодня с трех ночи не спал, так как увидел странный сон. Я об этом уже писал вам. Весь остаток ночи был под впечатлением. Теперь я решил подробно записать все содержание сна, пока не забыл. Как-нибудь потом напишу по его сюжету какой-нибудь фантастический рассказ.

Снилось, что около 23:00 я возвращался из Харьковского Театра Юного Зрителя и вышел на станции метро «Советская», чтобы сесть на 78-ю маршрутку, которая довезла бы меня до самого дома. Поднявшись на поверхность, я остановился в замешательстве: вроде бы все на месте, и в то же время что-то не так. Потом понял: нет людей, машин и уличного освещения. Темень стоит непроглядная. Окна домов тоже темные. Я попытался добраться пешком, но куда ни пойду – вскоре кончается город и начинается степь или лес.

Незаметно рассвело, и город ожил. Я вернулся на конечную остановку маршрутки, что напротив консерватории, но там никакой остановки и никаких маршруток вообще и близко не было. Никто из людей, к которым я обращался, не знал

и слова такого «маршрутка». Тогда я решил спуститься в метро, но там был только обычный подземный переход. Вход в метро куда-то исчез. Пошел по Бурсацкому спуску вниз, на Клочковскую и неожиданно увидел море и громадный порт: шум, грохот, ошвартованные корабли, краны, а рядом морской вокзал. Все грязное, запыленное, замусоренное.

Откуда, думаю, в Харькове море взялось?..

Пошел вдоль береговой линии и попал на базар, сам по себе небольшой, но народу видимо-невидимо. Особенно меня поразило обилие бомжей и бомжичек с опухшими и посиневшими от водки физиономиями.

Наконец, поняв, что нахожусь не в Харькове, я решился спросить, что это за город. Удивленный странным вопросом, молодой рабочий в сером комбинезоне сказал название, похожее на Таганрог (Саган-Рог или Туган-Рог, как следует не расслышал). Я попытался уточнить – Таганрог, мол? Но рабочий ответил, что Таганрог – это далеко на западе, на Азовском море, а здесь Саган-Рог. Он указал на надпись над зданием морского вокзала: «Добро пожаловать в сердце дальневосточной индустрии Саган-Рог». В общем, я выяснил, что нахожусь в портовом городе с сорокапятитысячным населением где-то между Магаданом и Владивостоком.

Меня охватил ужас. Шутка ли: внезапно и неожиданно оказаться за тысячи километров от дома, работы и прочего без денег и документов! Я разговорился с местной школьной учительницей математики, которой помог нести с база-

ра сумки с покупками, и она пригласила меня к себе домой на какое-то торжество с застольем. Там, очутившись в кругу каких-то пьяных забулдыг, я попытался рассказать им о своем неожиданном затруднительном положении и попросить у них поддержки и помощи. Но одни приняли меня за афериста, который любыми средствами пытается выудить у людей деньги, а другие – за сумасшедшего. Я показал им свой билет в Харьковский Театр Юного Зрителя, датированный вчерашним числом, но это ни у кого не вызвало никаких эмоций, кроме недоумения. Все говорили: «Что-о-о?.. 2007-й год?.. Ха-ха-ха!..» Выходит, что и с датами тоже какая-то нестыковка!

Тогда я попросил помочь мне откуда-нибудь позвонить в Харьков или выйти в Интернет. Слово Интернет также вызвало у окружающих удивление. От меня все отворачивались и вертели пальцем у виска – не все, мол, у него дома. Я беспокоился, что в Харькове меня ищут: у меня ведь сегодня столько занятий, а я тыняюсь по чужому городу, как бездомная собака, к тому же без денег и документов. И никто не хочет мне помочь. И как можно объяснить случившееся, я тоже не знал.

Пробуждение не принесло облегчения, так как все равно я продолжал пребывать в состоянии стресса и пребываю в нем до сих пор.

Юлий Гарбузов

20 декабря 2007 года, четверг

Лес Антарктиды (Не закончено)

Словосочетание «лес Антарктиды» вызывает такое же недоумение, как и «горячий снег», «квадратный круг» или «кучерявый без волос». Полнейший абсурд! Какой может быть лес в Антарктиде – полярном континенте, покрытом сплошь вековым льдом и известном нам с детства, как мировой полюс холода? Тем не менее...

Что мы знаем об этом континенте? Прежде всего, это не единый континент, а два больших острова, разделенных широким проливом, скованным ледником. Таким образом, на географической карте Антарктида действительно выглядит как единый материк. Со времени его открытия ученые полагали, что Антарктида вечно была покрыта льдом и всегда была безжизненной. Но так ли это на самом деле?

Официально считается, что Антарктида была открыта в январе 1820 года экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена—М. П. Лазарева. Но недавно там были обнаружены следы пребывания жителей Огненной Земли, отнесенные к XIV–XV векам. Аргентинские археологи обнаружили также в Антарктиде пещеры, внутри которых находилась различная утварь, относящаяся к XVII веку. Там были найдены фрагменты одежды, обуви и обломки деревянных конструкций, использовавшихся, по-видимому, для строительства. До последнего времени считалось, что первооткрывателями ледяного континента

нента являются охотники из аргентинской провинции Патагония, высадившиеся на материк в 1819 г. Исследователи действительно нашли 26 охотничьих стоянок, но похоже, аргентинцы прибыли сюда на 200 лет раньше, чем предполагалось.

В начале XX века в Антарктиде побывали Р. Скотт, Р. Амундсен, Э. Шеклтон и Д. Моусон. В 1911 году экспедиция Р. Амундсена достигла Южного полюса, а в 1912 это сделала экспедиция Р. Скотта. В соответствии с программой Международного геофизического года в 1957–1958 годах в Антарктиде начали работать советская и американская полярные научные станции. В настоящее время около 40 стран имеют свои станции на ледовом континенте. В 1959 году был заключен Международный договор об Антарктиде, определяющий ее современное правовое положение, согласно которому Антарктида может быть использована только в мирных целях, и обеспечивающий свободу научных исследований.

Общая площадь Антарктиды составляет почти 14 миллионов квадратных километров, включая без малого 16 миллионов квадратных километров шельфовых ледников и островов, причлененных к ней ледниками. Следует заметить, что площадь, занимаемая Российской Федерацией, примерно равна 17 миллионам, а Украины – всего 604 тысячам квадратных километров. Антарктида – единственный континент, где нет постоянного населения.

Свыше 99 % территории Антарктиды покрыто льдом.

Средняя мощность ледового покрова превышает 1700, а наибольшая – 4500 м. Объем антарктического льда – около 30 млн. км³. Свободные ото льда участки – антарктические оазисы – встречаются довольно редко. Исследователи советской полярной станции Восток установили, что именно в Центральной Антарктиде находится полюс холода Земли, где во время полярной ночи температура воздуха опускается до $-88,30\text{ }^{\circ}\text{C}$. Средняя же температура зимних антарктических месяцев составляет от -60 до $-700\text{ }^{\circ}\text{C}$, а летних от -30 до $-500\text{ }^{\circ}\text{C}$. В Антарктиде часто бушуют очень сильные ветры.

В летние месяцы в Антарктиде, особенно на побережье, бывают и плюсовые температуры. Поэтому там присутствует и флора. Это преимущественно цветковые, папоротнико-видные (на Антарктическом полуострове), лишайники, грибы, бактерии, водоросли (в оазисах). На побережье обитают тюлени, пингвины. Антарктида богата полезными ископаемыми, такими как: каменный уголь, железная руда, цинк, свинец, серебро, слюда, медь, графит и другие.

Антарктический ледник – кладовая истории климата Земли последних примерно двадцати тысяч лет. Учеными разных стран, преимущественно американскими и советскими, в Антарктиде были проведены буровые работы и вынуты керны материкового льда. Исследования этих кернов позволили проследить изменения в растительном мире планеты по остаткам цветочной пыльцы, а также такие катаклизмы, как мощные извержения вулканов подобных Кракатау в

1883 году или Этны в 1669, и даже возможные вторжения тяжелых метеоритов подобных Тунгусскому. Отложения вулканического пепла позволили установить не только время извержения, но и конкретизировать его источник по химическому составу пепла.

Однако состав кернов, извлеченных из самых нижних горизонтов ледника, поверг исследователей в шок. Оказалось, что подо льдом двадцатитысячелетней давности лежат остатки зеленого леса из теплолюбивых широколиственных пород деревьев. Листва подледных деревьев сохранила даже зеленый цвет! Следовательно, деревья замерзли практически мгновенно. Примерно в это же время на территории нынешней Сибири и Северной Америки погибли мамонты и мастодонты, трупы которых местами в целости сбереглись поныне в вечной мерзлоте. Притом в их желудках сохранилась зеленая не переваренная трава. Это значит, что мамонты замерзли практически мгновенно. Такое может произойти только при падении температуры воздуха приблизительно до ста пятидесяти градусов мороза в течение одного-двух часов, так как уже через три-четыре часа после наступления смерти во внутренних органах такого крупного животного как мамонт начинаются процессы разложения даже при температуре окружающей среды минус семьдесят-восемьдесят градусов.

Кстати, и на островах Северного Ледовитого океана Новая Земля и Шпицберген в отложениях того же периода со-

хранились остатки пальм и широколиственных пород деревьев. Следовательно, около двадцати тысяч лет тому назад на нашей планете был мягкий равномерно теплый климат, и по какой-то причине температура воздуха внезапно скачком упала до уровня космического холода. Это привело и к оледенению Антарктиды, покрытой в те далекие времена густым широколиственным лесом, и к вымиранию мамонтов.

Остается только строить гипотезы, какой же внезапный катаклизм мог привести к подобной катастрофе планетарного масштаба. По всей вероятности, это было вызвано падением на Землю астероида диаметром до нескольких десятков километров. Существует и другая версия, согласно которой, в те далекие времена на нашей планете уже существовала мощная цивилизация, финалом которой была чудовищная ядерная война космических масштабов...

Из альманаха

“The Crack in the Cosmic Egg”, USA.

Перевел ЕМЕЛЬЯН БАКША.

Все начинается с загадки, почему вымерли мамонты? Ископаемые мамонты великолепно сохранились. Их мясо вполне пригодно в пищу даже сейчас, спустя десятки тысяч лет после гибели. В их желудках сохранилась свежесъеденная трава, отсутствуют малейшие признаки разложения. Это означает, что такие огромные животные замерзли почти мгновенно – в течение нескольких минут. Для этого тем-

температура окружающей среды должна была почти мгновенно упасть до -150 градусов по Цельсию. Как это могла случиться?

Ядерная зима? Но ведь даже при ядерной зиме температура упала бы не мгновенно, а в течение нескольких недель, и тела погибших мамонтов непременно начали бы разлагаться.

Падение на Землю крупного астероида? В этом случае для снижения температуры воздуха до уровня космического холода понадобилось бы еще больше времени.

Обе гипотезы приходится отбросить. Но тогда – что? Что вызвало столь резкое похолодание на нашей планете? Старого ученого осеняет озарение: Земля попала в облако ледяных глыб, и они засыпали ее поверхность многометровым слоем льда. Они были достаточно велики, чтобы не успевать сторгать в атмосфере при падении. В результате наступило оледенение. Начался ледниковый период.

Возможно, то же произошло и с динозаврами, но это случилось так давно, что Земля за это время успела отогреться, и их тела в конце концов разложились. Всемирный потоп также мог быть вызван вторжением в атмосферу космического льда, но только в меньших масштабах.

Как видно, Солнечная система время от времени проходит сквозь ледяное облако, и таким образом пополняются запасы воды на нашей планете и температура ее поверхности падает на некоторое время, а потом Солнце ее постепенно разогревает.

Можно обыграть эту идею.

Юлий Гарбузов

Ночное возвращение (Не закончено)

Будучи на ФПК в Питере, я вернулся в общежитие навеселе в третьем часу ночи после вечеринки у приятеля. Сонная вахтерша открыла дверь после того, как я ей показал через дверное стекло пропуск. Побурчав, она снова отправилась на диван под пальмой в углу вестибюля, а я поднялся на второй этаж и направился к своей 212-й комнате. Идя по коридору, я слышал, что в душевой тихой струйкой льется вода, в окнах бытовки мелькал свет фар запоздалых автомобилей. За бытовкой третья дверь – моя. Ключ не подошел. Я посмотрел на номер – 242. Как это я прошел? Да, выпил лишнее. Я вернулся, внимательно присматриваясь к номерам комнат, но вот уже бытовка, потом душевая, а 212-й не увидел. Я снова пошел в обратном направлении, дошел до лестницы в конце коридора, потом опять вернулся, но своей комнаты не нашел.

Дойдя снова до торцевой лестницы, я услышал стук каблучков. С верхнего этажа спускалась Божена – стажерка из Чехии. Я сказал ей, что не могу найти свою комнату. Она посмеялась, и мы пошли вместе. Но мы не смогли найти ни моей комнаты, ни ее. Она удивилась. Мы несколько раз прошли из конца в конец коридора, но безрезультатно. Мы спусти-

лись на этаж вниз, чтобы попросить вахтершу помочь нам, но вместо вестибюля первого этажа с местом вахтерши мы, выглянув в окно, обнаружили, что находимся под крышей.

Так мы блуждали несколько часов. Постучали в несколько комнат – никто не открыл. Божене понадобилось в туалет. Она побоялась идти одна, чтобы не остаться блуждать в одиночку. Она вошла в кабинку и побоялась даже закрыть дверь. Потом то же сделал я. Блуждая, мы оказались на чердаке, где было тепло, стояла старая разбитая общежитейская мебель и валялись пыльные ветхие тряпки. Мы решили лечь спать.

Мы встали с рассветом, подошли к лифту и спустились на первый этаж – все к той же вахтерше. Она стала бурчать, что мы черт знает чем здесь занимаемся. Тут стали люди идти на занятия. Мы поднялись на второй этаж и тут же нашли свои комнаты – сначала Божена, а потом и я.

Что это было? Я готов поклясться, что это все случилось наяву. Да и Божена тому живой свидетель.

Юлий Гарбузов

Ночной визитер Любви Алексеевны (Не закончено)

Случилось это совсем недавно, в 1993 году. Сотрудница моей жены, Любовь Алексеевна, пришла на работу в необычном настроении. Обычно разговорчивая, она не реагировала ни на шутки, ни на обычные указания начальства в лице завсектором. Она даже не заметила, что первая модница отдела Лорочка Лукина пришла в новой роскошной блузке с пышными оборками и глубоким вырезом.

Усевшись на рабочее место, Любовь Алексеевна, или по словам моей жены просто Люба, сразу принялась за документацию. Но работа у нее явно не клеилась. То не хватало каких-либо сведений, то вдруг обнаруживалось, что кто-то увел ее личный справочник и т. д., и т. п.

В конце концов Люба отодвинула в сторону все срочные бумаги и отрешенным взглядом посмотрела на мою жену.

– Что случилось, Любань?

– Вы не поверите, Людмила Александровна, это не для обыденных бесед.

– Любочка, ты меня интригуешь! Расскажи, пожалуйста, в чем дело?

– Вы надо мной насмеетесь или за сумасшедшую сочтете.

– Ни в коем случае, Любочка, все останется между нами,

ты меня знаешь. Что тебя беспокоит?

Люба, дождавшись, когда завсектором вышел, тихо повела беседу. Она порой проникновенно смотрела в глаза, а временами застенчиво отводила взгляд. Чувствовалось, что Люба повествует о том, во что бы сама никогда не поверила раньше.

– Началось это, Людмила Александровна, с месяц тому назад. Вы были у меня дома? Нет? Тогда Вы не знаете, что мы с мужем и дочерью живем в трехкомнатной квартире, распашонкой. Из маленькой прихожей вход прямо в небольшую гостиную, из которой справа вход в спальню дочери, а слева – в нашу с мужем. До того времени все было хорошо, только с месяц тому назад по ночам мы стали слышать, что в гостиной кто-то двигает мебель. Мы с мужем решили, что это дочь, вставая по нужде, спросонок натывается на стулья или еще на что-либо. Спросили. Она удивилась и сказала, что тоже слышала те же звуки, однако решила, что это кто-то из нас. Мы ей, конечно, не поверили, а она нам. Так продолжалось с месяц, пока не пришлось мне самой встать этой ночью часа в три, простите, в туалет.

Надевая спросонок шлепанцы, я услышала как кто-то в гостиной осторожно передвинул то ли стул, то ли еще что-то из мебели. Ну, думаю, дочка тоже в туалет встала. Если что – подожду. И вышла прямо в ночнухе в гостиную. А время было предрассветное, где-то около четырех утра. Сейчас, в июне, это уже светло.

Направляясь к двери в прихожую, я внезапно увидела справа от этой самой двери, где висит у нас календарь с репродукцией картины Ильи Глазунова «Россия XX века», знаете, незнакомого человека небольшого роста, мне по плечо, не больше. Он стоял и увлеченно рассматривал эту самую картину! Я еще успела заметить, что у него нет шеи. Голова росла прямо из плеч, как у лягушки, что ли. И цвет его кожи тоже был совершенно необычный – какой-то серовато-зеленый или зелено-голубой, в словах передать трудно.

Я едва не заорала от страха. Но он словно услышал мое намерение вскрикнуть и резко оглянулся в мою сторону. На меня смотрели белесые спокойные и безэмоциональные глаза. Они словно говорили: «Ну, чего ты испугалась? Я ничего плохого не сделаю ни тебе, ни твоим домочадцам». И чувство страха, да и вообще всякое волнение тут же спокойно покинуло меня. Эмоции совершенно угасли. Осталась только строгая логика, которой не мешало ничто. Пришел – ну и пусть пришел, мне-то что? Он же никого не трогает и безо всякого злого умысла. Смотрит картину, и на здоровье. Полюбуется, и уйдет себе. Не воровать же он пришел. А если что и украдет, то что нам от этого? Какая мелочь! – рассуждала я сама с собой. Это напомнило мне одно неординарное обстоятельство из моей жизни в недавнем прошлом. Я тогда лежала на операции в нашей областной клинике. Когда я вышла из наркоза, меня начала мучить ужасная боль. Я не могла удержаться от крика, и ко мне пришел врач и велел

звестить мне промедол. Я пришла в странное состояние. Боль не утихла до конца, а может быть и вовсе не ослабла. Но она совершенно перестала меня беспокоить. Как будто болит у кого-то другого, а не у меня. Болит – ну и пусть болит, – рассуждала я, – мне-то что за печаль? Пройдет со временем. А если не пройдет? Да не все ли равно в конце-то концов? Так и теперь. словно все это происходит не со мной. И воспринимается все как-то философски, словно со стороны.

С такими мыслями я спокойно сходила в туалет, справила малую нужду и, возвращаясь назад, спокойно прошла мимо этого субъекта и уже открыла дверь в спальню, намереваясь завершить свой сладкий утренний сон. Но разум все же работал четко. Я решила, что как бы там ни было, такие визитеры мне ни к чему. Если я его не боюсь, то дочь может перепугаться в усмерть, узрев такого непрошенного гостя в доме, когда все спят. Я остановилась и произнесла про себя: «Я не знаю, кто ты и откуда. Но кто бы ты ни был – просто жулик и вор, инопланетянин, пришелец из параллельного или еще какого иного мира – оставь наше жилище. Можешь посмотреть так понравившуюся тебе картину или еще что. Возьми ее с собой, если она тебе так по сердцу пришлась. Возьми что угодно, что тебе понравилось. Но потом уходи и больше никогда сюда не возвращайся, не нарушай нашей мирной жизни. Пусть мы с тобой не друзья, но ведь и не враги тоже. Уходи с миром.»

Я вошла в спальню, легла в постель и тут же спокойно

уснула.

Проснувшись, я проводила мужа на работу, дочку в школу, и вот я здесь, рядом с Вами. Что это было по-вашему, Людмила Александровна?

– Сон, Любушка, такой яркий сон. Не тревожься. Больше он тебе не приснится, вот увидишь.

– Но как же он погасил во мне такие буйные эмоции? Только теперь я поняла, что нами правит никакой не разум, а только эмоции, животные эмоции.

Людмила Александровна попыталась ее убедить, что все же разум взял верх в этом случае, что только разумной волей она приказала своему ночному визитеру убраться вон, и что он больше у нее не появится. Подумав, Люба возразила:

– Но все же эмоции сильнее нас. Вот, к примеру, пьяница. Он ведь великолепно знает, что водка разрушает его организм, ставит его вне общества. Из-за водки он теряет работу, семью, друзей, близких... Но пить продолжает, потому что не может побороть эмоций. Да только ли это?

На этом разговор прервался, так как им обоим нужно было работать. К этой теме они несколько лет не возвращались, и лишь недавно Любовь Алексеевна как-то вскользь сказала, что после того случая уже никто в семье не слышал, чтобы в гостиной по ночам двигали мебель.

Юлий Гарбузов.

19 июня 1999 года, суббота.

Оксана (Не закончено)

29-летняя Оксана знакомится в междугородном автобусе с Аликом 35-ти лет. За время пути 300 км они проникаются симпатией друг к другу. Но Алик женат – у него 2-е детей. Оксана привлекательна и очень сексуальна. Весь путь они разговаривают о жизни. Оксана влюбляется в Алика и дает ему свой телефон. Начинается тайная многолетняя любовь. Все у них гармонично и ладно, но жизнь такова, что они не могут создать совместной семьи. Ласки, любовные утехы – все счастье, которое изредка выпадает на долю этой пары. Оксана разведена с первым мужем – врачом. Второй, за которого она скоропалительно выходит в 30 лет, оказывается запойным алкоголиком и патологическим ревнивцем. Он неизлечимо болен и умирает в 40 с небольшим. Оксана остается вдовой. Ей попадаются два кандидата в мужа.

Юлий Гарбузов

Пророчество (Не закончено)

Старая цыганка в нахальной форме, требуя милостыню (накормить и напоить ее), предсказывает миллионеру смерть от голода. Он смеется, не верит, но цыганка настаивает на своем предсказании, беря с собой как можно больше с праздничного стола миллионера.

Но она заронила в его душу зерно сомнения. Он все богатства переводит в золото и драгоценности, строит бункер (сейфы из бетона со стальной стружкой, двери тоже бетонные, все время выискивает слабые места в своих секретах, устраняет, но тут же находит новые; наконец, он решает, что всего не предусмотреть и останавливается), нанимает убийц, чтобы уничтожить строителей, а других – чтобы убить убийц. Секреты запоров известны только ему. Однажды он случайно захлопывается в бункере и умирает от голода. Куском штукатурки он написал на сейфе: «все это золото не стоит куска хлеба».

Юлий Гарбузов

Проклятие компьютера (Не закончено)

Опытный инженер работает с устаревшим компьютером. Машина великолепно работает, но устарела. Хозяин производит апгрейд, но все равно ему требуется более высокая производительность. Он решает приобрести новый, а старый обещает отдать бесплатно своему лаборанту, как ненужную рухлядь. Он пишет лаборанту электронное письмо с просьбой забрать у него «этот металлолом, которому теперь место только на свалке». Если лаборант не заберет машину в течение двух дней, инженер грозит вынести его на помойку. После этого письма старый добрый и надежный компьютер как подменили. Он перестает слушаться хозяина и вообще ведет себя самым странным образом. Хозяин получает странное электронное письмо, в котором аноним называет его неблагодарным и говорит, что черная неблагодарность не может остаться безнаказанной, что он еще пожалеет о своей неблагодарности. Инженер считает, что с ним кто-то шутит и не придает этому письму никакого значения. Лаборант забирала машина, а хозяин покупает новую, скоростную, с большим объемом памяти и т. д. Сначала он доволен покупкой, но вскоре с новым компьютером начинаются проблемы. Они не прекращаются и после его замены. В конце концов, инже-

нер приходит к выводу, что первый компьютер отомстил ему за неблагодарность, поместив на каком-то сервере свое проклятие. Эта программа вечно находит инженера по его первичным данным и вредит. Он, наконец, разгадывает принцип действия этой программы и пишет вирус, который ее отыскивает и уничтожает. Все дело в неизвестных свойствах и огромных возможностях сложных сетей. Они обладают разумом?..

Юлий Гарбузов

Психотерапия (Не закончено)

Выступления врача похожи на заклинания, а обстановка – как в кабинете гадалки: на столе хрустальный шар, на фронтальной стене иконы.

В конце – рекламирует снадобья («чудодейственные» шарлатанские таблетки, капсулы, наборы трав, мази, пластыри (800 грн за 1 упаковку) и т. п.) и ритуальные фетиши (талисманы, камни, бусы, браслеты, кулоны, картинки, карточки с текстами и др.), «лечебные» сеансы от различных заболеваний, наговоренные на дисках, аудио- и видеокассеты (по 100, 400 и 800 грн).

Видеозапись:

Одна директорша какого-то магазина в Харькове говорит, что у нее на сеансах Аллы Владимировны Новосельцевой (наша врач-психотерапевт) всегда текут слезы. Сама Алла:

«На моих занятиях у кого-нибудь обязательно текут слезы. Я левитирую и медитирую вместе с Вами.»

Прокрутила запись, с выступлениями бывших пациентов, ранее проходивших лечение у Аллы Владимировны. Все отзывы восторженные. Вот пример:

– После занятий у А. В. мне сразу же стало легче. Я готова повторять у нее курс за курсом! Знает столько приемов лечения! Я страдала мучительной бессонницей. Теперь я каждый вечер слушаю ее курс лечения от бессонницы на диске, и

сразу начала спать, как убитая. Алла Владимировна не только исключительно талантливый врач-целитель, но к тому же, еще и красивая и умная женщина! Дай Вам Бог здоровья и счастья, дорогая Алла Владимировна! Бог Вам на помощь! Благодаря Вам, я обрела новую жизнь – здоровую и полноценную.

– У меня был сахарный диабет. Сахар в крови достигал 19,5 ммоль/л. Я вынужден был соблюдать изнурительную диету. А мне так хотелось съесть конфетку, шоколадку, гроздь винограда или булочку! Но после того, как я стал смотреть видеозаписи сеансов психотерапии Аллы Владимировны с демонстрацией кодовых рисунков, выполнять разработанные ею упражнения и повторять за диктором целительные фразы, содержание сахара в моей крови снизилось до нормы – 4,8 ммоль/л, и теперь я могу себе позволять потреблять даже мед, конфеты, торт и пирожное. А хлеб, макароны и блины я ем вообще без ограничения. Какая замечательная женщина, доктор, психолог! Побольше бы таких врачей. Спасибо Вам за диски, дорогая Алла Владимировна! Переходите работать в нашу районную поликлинику!

– Меня мучили жуткие головные боли. Я купила диск с лечебными сеансами Алочки Владимировны и начала их регулярно просматривать по той схеме, что там приведена. Кажется бы, ну что там особенного? Фразы, вращающиеся круги, мигающие геометрические фигуры, цветочки, листочки, пейзажи... А вот головные боли прекратились, представьте

себе. Большое спасибо этому замечательному доктору. Благодаря ей, я как на свет народилась. Советую всем, кто мучается такими проблемами, купить диск и делать все, что советует доктор. Вы почувствуете себя совершенно иначе. И пусть Вас не смущают цены. Поймите, разработать лечебную программу – это тяжкий, изнурительный труд, который себя оправдывает. Ведь Вам придется заплатить за лечение гораздо больше, чем стоит диск, а поможет ли оно Вам – это вот текущий вопрос. А здесь – будьте уверены – я Вам живой пример.

Доктор:

– Не подумайте, то это подсадные люди. Вот – эта женщина сейчас в зале. Встаньте, пожалуйста, Нина Кузьминична. Она из Хмельника. Потом поговорите.

Алла Владимировна в самом деле красивая женщина, хочется ей верить, но логика говорит сама за себя: шарлатанка – первый сорт, куда едешь? На курорт! Это детское двустигшие как про нее написано.

Утро начинать словами:

– С каждой минутой (днем, месяцем, годом) я становлюсь ЕЩЕ увереннее (здоровее, сильнее, умнее, работоспособнее, успешнее и т. п.).

Включает видеозапись и говорит, что ее нужно слушать с закрытыми глазами и повторять те фразы, которые будут звучать.

– Занятие – это полет души.

– С каждым днем и во всех отношениях все будет лучше и лучше.

У нее «каждая фраза – заклинание» (Рукопись, найденная в Сарагосе).

Показала интермедию Ефима Шифринра, как плотник выступал в роли врача. Невольно, сама собой напрашивается аналогия с ее сеансами.

Ее изречения и советы:

– В голове у Вас мусоропровод. Причем, забитый.

– Поднимайтесь по лестнице спиной вперед.

Интервью Мохаммеда Али (Кассиуса Клея), всегда уверенного в себе:

– Я самый сильный, я самый умный, я самый... (ловкий, талантливый и т. п.).

Шарлатанство и мистицизм. Мантры, ритуалы.

– Закройте глаза и произносите вслух: «Моя верхняя энергия постепенно опускается вниз...»

Каждое утро стать, ноги на ширине плеч. Раскрыть перед собой левую руку и, нажимая на кончики пальцев, произносить вслух свои проблемы (пять основных): «повышенное кровяное давление, загрудинные боли, повышенное содержание сахара в крови, боли в суставах, бессонница» (в порядке важности, как Вам представляется). Затем раскрыть левую руку и, аналогично, нажимая на кончики пальцев, произносить: «повышенное кровяное давление ушло, загрудинные боли прекратились и т. д.). Потом сжать обе руки

в кулаки и, сомкнув их, прижать кулаки к середине груди тыльными сторонами больших пальцев. При этом сосредоточиться на уходе перечисленных проблем. Через несколько секунд выпрямить пальцы, сомкнув ладони, и приложить их тыльными сторонами больших пальцев к середине груди. Поднять сомкнутые ладони кверху, потом растереть их, не размыкая, одну о другую до разогрева и начать сильно хлопать одна о другую, постепенно учащая хлопки. Ладони должны стать настолько разогретыми, чтобы в них ощущалось сильное покалывание.

– Человеческая клетка может жить целых 264 года! А сколько мы живем? Вот и поразмышляйте над причинами этого.

Почему именно 264, а не 265 или 263? Откуда взялось такое число и такая точность – до одного года? Это, говорит, рассчитали ученые. Какие именно? Где первоисточник, чтобы прочитать и проверить? Кого спросить об этих результатах? Ответа, разумеется, никакого.

– Завтра – ударный момент. Последний день лечения. Соберитесь и сосредоточьтесь каждый или каждая на своих проблемах и подумайте, что Вы можете сделать, чтобы они перестали Вам мешать прожить отмерянный Богом срок.

Юлий Гарбузов

Разумный дом (Не закончено)

Павел Михайлович Клименко, падший спившийся человек, встречает на дороге кота, который приводит его к двери особняка с надписью «РАЗУМНЫЙ ДОМ» и просится в нее. Павел звонит в дверь. Ему открывает красивая женщина и приглашает войти. Павел пытается уйти, но женщина неожиданно зовет его по имени и отчеству. Павел входит в дом и обнаруживает, что попал в необычное помещение. Его там знают, принимают как человека, беседуют с уважением, ценят его достоинства и, в конце концов, вынуждают поверить в собственные силы. В процессе общения с новой знакомой, которая ему открыла дверь, они выходят на пляж. Он удивляется, откуда в его городе море, пляж, тропический лес. Оттуда он звонит домой (детям, изгнавшей его жене, внукам, друзьям, коллегам и другим), смотрит ТВ. От обитателей дома он слышит, что это разумный дом.

В итоге он исцеляется и тогда находит выходную дверь. Он улаживает все свои проблемы.

Позже он пытается найти разумный дом, но там покинутое жилье, больше ничего.

Юлий Гарбузов

4 мая 2006 года, четверг

Ромео з Шипшинівки (Не закончено)

(Кохання у Шипшинівці) (Не завершено)

Коли цвіте шипшина, рожеві потоки рясно заливають усю Шипшинівку – усі ближні пагорби яри та вирви. А запах який розноситься! Звідусіль злітаються до нас бджоли, з ранку до вечора збираючи запашний мед. Не знаю, правда це чи ні, але добрі люди кажуть, що кращого меду, ніж у Шипшинівці, немає ніде в цілому світі.

Середина п'ятдесятих років 20 століття. Влітку на колгоспному полі працюють школярі, що перейшли до 9-го класу. Серед них дочка директора місцевої сільської школи (його дружина – завуч цієї ж школи) та син простих колгоспників, батько якого загинув на фронті. Діти подобаються один одному, у їхніх душах зароджується щось подібне до кохання.

Протягом літніх канікул діти щодня зустрічаються. Хлопець зізнається дівчині в коханні. Вона відповідає взаємністю.

Починається навчальний рік. Відношення хлопця і дівчини дедалі міцнішають. На них звертають увагу односельці, зокрема і батьки. Хлопчикова мати милується ними, але батьки дівчинки розлючені тим, що вона покохала не сина сільського лікаря, з батьками якого вони віддавна приятелю-

вали, а простого колгоспника. Вони намагаються завадити дочці кохати свого обранця. Дівчина їх не слухає, скаржить-ся хлопцеві. Він пропонує їй після закінчення 10 класу поїхати одразу на цілину, де їм ніхто не завадить. Дівчина погоджується і під час наступної лайки з батьками випалює матері в очі їхній план щодо цілини.

Усвідомивши всю серйозність відносин між дітьми, батьки замислюють свій таємний план розлучення дочки з небажаним женихом.

Коли настає літо, дівчина переходить до 10 класу, а хлопця залишають на другий рік у 9-му. На це погоджуються вчителі, підлеглі батьків дівчини. Після іспитів дівчину забирають батьки з собою на відпочинок до Криму. Разом з ними їде лікар з сином та дружиною. Там вони створюють умови для розвитку взаємовідносин між їхньою дочкою та сином лікаря. Це їм вдається, бо діти були близько знайомі з дитинства, хлопець був начитаний, розвинений, добре знав історію і т. д. Дівчина захоплюється студентом і забуває колгоспника. Директор школи та завуч радіють, що їхні плани здійснилися.

Після повернення додому дівчина холодно розмовляє з колишнім коханим і повідомляє, що вона «по-справжньому покохала іншого». Хлопець благає її забути студента, говорить, що так, як він, більше ніхто кохати не в змозі. Але вона невблаганна, ображає його. Так кілька разів. Принижений, він іде геть, цілу ніч блукає по березу Дніпра і більше не іде

до школи.

Він замикається в собі й починає майструвати з катанки «шпагу» та ніж з зовнішнього кільця підшипника. Потім він з'являється до школи за 10–15 хвилин до дзвінка, заходить до свого колишнього класу, підходить до дівчини зі словами: «Нарешті я знаю, що ми будемо навіки разом!» пронизує дівчину наскрізь своєю «шпагою». Підбігає вчитель і б'є хлопця по голові урною для сміття, але той обертається й пронизує цією ж «шпагою» і вчителя. Перелякані діти здійсмають галас, кидаються хто куди. Хлопець іде до кабінету директора, але його там немає, шукає завуча, теж без успіху, нарешті вибігає на шкільний двір. Там до нього наближаються фізрук та воєнрук з криками «Кинь ніж!». Хлопець сміється і вбиває себе ножем.

Юлій Гарбузов

21 квітня 2004 року, середа

Харків, Україна

Как Павел Филиппович от рака излечился (Не закончено)

Уважаемые господа,

Прочтя в номере 5 (119) Вашего журнала от 31 января 2000 года в разделе «Невыдуманнные истории» письмо г. Файка Пашаева «Жил как хотел и победил рак» я очень взволновался. Ведь подобная же история произошла с моим ныне покойным отчимом Орловым П. Ф. Он был человеком крепкого характера, заядлым автомобилистом, любил изрядно выпить в компании близких и приударить за красивыми женщинами. Умел он и в любых условиях заработать столько, сколько ему было нужно денег и тратил их только на самое необходимое с его точки зрения.

В середине шестидесятых он заболел: резко похудел, появились недомогания, кашель. Врачи признали у него рак легкого и в 1967 году направили в Харьковскую онкологическую клинику для удаления пораженного органа. Павел Филиппович пришел с историей болезни, чтобы лечь в стационар на операцию, предварительно простившись со своими близкими. Беседа с врачом, который его принимал, Павел Филиппович поинтересовался, сколько лет он сможет прожить, если откажется от операции, и сколько – если будет успешно прооперирован. Врач ответил, что вообще-то он

прогнозов не делает, но ему, как человеку сильному духом, может сказать, что без операции он едва протянет полгода, а после операции – лет пять, не более, поскольку рак у него уж больно запущен.

Павел Филиппович отказался от операции и ушел из приемного отделения со своей историей болезни, рентгеновским снимком, анализами и прочим. После этого он решил прожить оставшиеся полгода в свое удовольствие. Перестал посещать медиков, стал по-прежнему выпивать, ухаживать за женщинами, правда, бросил курить и стал более сдержан в еде. А папку с историей болезни положил дома на шкаф.

Прошло полгода, а он жив, даже стал себя лучше чувствовать. Прошел еще год – ничего, еще активнее стал. Со временем он забыл, что был обречен и перестал даже думать об этом. Спустя семь лет он встретил в центре Харькова своего лечащего врача, который подошел и справился, действительно ли он тот самый Орлов. Убедившись, что не ошибся, врач попросил Павла Филипповича прийти в клинику для обследования, но он отказался и прожил до 4 февраля 1985 года. Умер он от сердечной недостаточности в возрасте 80 лет, причем лежачим больным был не более двух месяцев.

А его папка с историей болезни, рентгеновским снимком и всем прочим лежит у меня дома до сих пор. Если кого интересует – могу подарить.

Юлий Гарбузов

Молодой человек (Не закончено)

Молодой человек в своем общежитии на танцах знакомится с девушкой. Он – отличник, но внешность – обыкновенная. Она – красавица. Она подает ему виды, показывает, что влюблена в него по уши. Он счастлив и горд. Ни у кого из друзей нет такой девушки. «Остерегайся красавиц, – говорит ему друг. – Простая будет дорожить твоей любовью, оценит тебя по достоинству. А этой стоит улыбнуться, и парни на нее слетятся, как мухи на мед! И не чета тебе!» Но парень верит в чистоту ее чувств и помогает ей сдать сессию. Готовит ее по математике, электротехнике и другим дисциплинам. А она способностями не блещет, трудно усваивает. Он помогает ей писать шпаргалки, хотя сам их терпеть не может. Но она требует. Он создает продуманную, систематизированную систему шпаргалок. Она сдает все на пятерки, хоть и знает не весьма. Внешность свое делает.

Сессия, наконец, кончается. Он намеревается погулять с ней в каникулы, мечтает о более близких отношениях. Но она неожиданно перестает с ним контактировать. На свидание не является, на телефонные звонки не отвечает. Ее мама, ранее такая радушная, встречает его сухо и каждый раз говорит, что дочери нет дома. Говорит, что если нужно, она сама его разыщет, а сейчас она не может с ним встречаться.

Парень дежурит по вечерам у подъезда и подкарауливает

ет ее. Останавливает ее в подъезде и спрашивает, что случилось? Почему она изменила к нему отношение? Он не верит, что любовь может так скоро и просто пройти. Но девушка отвечает с цинизмом, что она красива и привлекательна, а он – только отличник. Его знания и эрудиция ей больше не нужны. Он думал, что она его полюбила – какая наивность!.. Он что, не понимает, что такие девушки не про его честь? Его удел – книги, учеба, карьера; может быть, общественная работа. Но не такие девушки! Его полюбит только какая-нибудь обезьяна, которая будет ему в рот заглядывать. На большее пусть не рассчитывает!

Он приходит в состояние стресса, а она цинично смеется ему в лицо, с садистическим упоением унижает его. Он не выдерживает и дает ей звонкую пощечину. Она хватается за щеку и прерывает изуверскую речь. Он смотрит ей в глаза и вдруг видит, что она уже совсем не такая, как была минуту назад и вовсе не красавица. Волос жирный, слипшийся, на щеке гнойничок, но самое главное – глаза. Они уже никакие не голубые, а водянистые, глупые, бессмысленные. На верхней губе родинка с длинным волоском, зубы неровные, а шапочка ей совсем не идет. Она ли это? Нет, не она. Он ее не за ту принял. Он смотрит на нее с таким отвращением, с таким омерзением, с таким презрением, что ей становится все понятно. Инициатива у него, а она принижена, пристыжена. Он брезгливо отворачивается и уходит, а она ненавидит всех: его, себя, окружающих. Бежит домой и, закрыв-

ШИСЬ в своей комнате в дикой злобе бьет кулаками по постели, жует подушку и не впускает родителей.

Юлий Гарбузов

Однажды в метро (Не закончено)

Женщине становится плохо в ожидании поезда в метро. Виктор, молодой врач, пытается оказать ей помощь. Он наклоняется над ней, бьет по щекам, шупает пульс. Он ощущает странный запах и когда поднимает голову, замечает, что вокруг ни души. Царит какая-то странная тишина. Вроде бы все вокруг по-прежнему и в то же время ощущается, что все не то, что было несколько минут назад. Женщина приходит в себя и спрашивает, где она и что с ней произошло.

Они поднимаются наверх. За стеклянной дверью темно. Выйдя в непроглядную темноту, они не могут понять, где находятся. На небе звезды, но какие-то незнакомые. При свете звезд они видят, что вокруг дикая природа: кусты, трава, откуда-то доносится шум прибоя. Они решают вернуться назад, в метро, но вход в метро куда-то исчез – на прежнем месте его нет. Там возвышается скала.

Им становится холодно, и они разводят костер – у Виктора были сигареты и зажигалка. Завязывается разговор. Они рассказывают друг другу о себе. Светает. Молодые люди видят, что вокруг никаких признаков присутствия человека. Море, пляж, скалы, лес, живность. Сначала они забавляются тем, что купаются в море, потом чувствуют голод. Ищут плоды, пытаются ловить рыбу, охотиться. Ищут пристанище, где можно ночевать. Еще одна ночь проходит у костра. Спят

по очереди на постели, намощенной из веток и травы.

На следующий день они понимают, что им придется провести здесь очень долгое время, быть может, всю жизнь. Молодые люди ищут, как им устроиться с жильем. Виктор отправляется на разведку и неожиданно находит в скале просторную пещеру. Но она находится высоко, далековато получается ходить к морю и в лес. Но выхода нет. Они переселяются туда.

Так проходит много дней. Охота, рыбалка, цветы, раковины, жемчуг, красивые цветные камни.

Они изучают местность. Пройдя сквозь лес, они видят пивную и заходят в нее. Молоденькая барменша весело приветствует их. Она удивляется их необычному наряду. Потом она с ужасом узнает, что находится не в своем родном городе, а в неизвестном месте.

Они начинают жить втроем. Между женщинами разгорается конфликт. Возникает кризисная ситуация (какая?). Барменша говорит, что пока не появились эти двое не известно откуда, у нее была прекрасная жизнь. В кульминационный момент Виктор ощущает тот же странный запах, и они все втроем оказываются в метро в дикарском наряде. Их принимают за бомжей, шарахаются от них. Молодые люди выходят на поверхность, идут домой.

Там все то же время, в которое они «исчезли», так что их долгого отсутствия никто не заметил. Долгая жизнь в экстремальных условиях сблизила их, они привязались друг к

другу. В конце концов они создают семью.

Юлий Гарбузов

Расстрел в лесу (Не закончено)

Я шел по лесу, что начинается через дорогу от моего дома.

Шла война. Меня остановили люди в камуфляже.

– Стой! Документы!

– Какие документы, я здесь гуляю.

– Это еще для чего?

– Мне врач прописал моционны.

– По предписанию врача едешь в лес?

– Я не езжу, я рядом живу. Через дорогу от леса мой дом.

Можем пройти, я покажу документы, какие скажете.

Подошел офицер.

– Кого задержали?

– Без документов был.

– Некогда с ним возиться. Расстрелять!

И т. д.

Юлий Гарбузов

SOS по космосу (Не закончено)

В результате неосторожных экспериментов с вакуумом космический лайнер оказался в другом пространстве-времени.

Салон осветил слепящая вспышка, а потом корабль трянуло так, что если бы не страховочные ремни, нас бы размазало по стенкам, как котлетный фарш. На несколько минут все ослепли.

– Капитан, мы попали в облако.

Мысли синтезируют родное село мальчика и т. п.

Юлий Гарбузов

Sapienti sat (Не закончено)

(мудрому достаточно или умный поймет)

Littera scripta manet (написанное остается)

СУД ВЫСШЕЙ ИНСТАНЦИИ

Автору снится сон, будто он умер. Над ним производится судебный процесс. Оцениваются все его добродетели и прегрешения в черных и белых шарах. Состав суда: судья – Господь Бог, прокурор – Сатана, защитник – Ангел-хранитель. За каждый шар идет спор между Прокурором и Защитником. Процесс складывается то в пользу Обвинения, то в пользу Защиты. Судья активно вмешивается во все споры, принимает и отклоняет протесты, разрешает или запрещает демонстрации сцен из жизни автора. В свидетели призываются души как мертвых, так и живых людей (во время их сна). Учитывается не их свидетельство, а их отношение к содеянному автором. Помнят ли они добро и зло? Вердикт выносится на сороковой день – взвешиваются шары. Устанавливается баланс. Автора отпускают пожить еще, чтобы проявить себя окончательно.

Юлий Гарбузов

25 апреля 2007 года, среда

Старый инок

Старый инок
Шел на рынок
Без носков и без ботинок,
Нес с собою пять корзинок,
В каждой – роза и барвинок.
Розы мне, а Вам барвинки,
Кто же купит мне ботинки?

Юлий Гарбузов

Удар молнии (Не закончено)

Рассказ

(Сюжет)

Когда имя Алексея Завальнюка попало на страницы газет, на экраны телевизоров и зазвучало в радиопередачах, люди не придали тому, что о нем рассказывали, ровным счетом никакого значения. Одни отвечали на такие сообщения снисходительной улыбкой, другие считали его очередным шарлатаном, который решил погреть руки на легковерии и неосведомленности подавляющего большинства людей. Третьи бурно возмущались и требовали запрета распространения подобных шарлатанских сведений и суда над личностями, подобными Алексею.

Но появлялось все больше людей, ощутивших эффект его способностей на себе или на своих ближних. Неожиданная развязка одних убедила в правоте своего мнения, другие считали, что досужие скептики вынудили гения уйти в подполье или что-то с ним сделали. Возникали бурные дискуссии на эти темы, но со временем они затухли и имя Алексея постепенно стало забываться.

Три семьи отдыхают на берегу Днепра. Три давних друга в возрасте от 40 до 47 лет с детьми и женами. Жаркий солнечный день. Неожиданно наползают грозовые тучи, слышатся приближающиеся раскаты грома. Считая, что пикник не

удался, все начинают поспешно готовиться к срочному отъезду. У них три автомобиля. Одни предлагают ехать домой, другие надеются, что гроза быстро кончится и распогодится. Как бы там ни было, мужчины решают искупаться. Жены и дети сидят в машинах, а их мужья плавают в Днепре под проливным дождем, дурачатся, приглашают жен и детей. Жены отмахиваются и сдерживают детей, готовых подурачиться с отцами. Вволю поплавав, мужчины выходят на берег и стоят на берегу под струями теплого летнего ливня.

Гроза все усиливается. Молнии сверкают прямо над головой, и гром гремит оглушительно. Мужчины поспешно прячутся в автомобили, и только Алексей продолжает стоять под дождем. Ощущается резкий запах озона. Внезапно вспыхивает молния, и небо взрывается оглушительным раскатом грома. Молния ударяет в песок недалеко от Алексея, и ее ответвления обжигают ему руку, голову и грудь слева. Он падает без сознания. В ужасе вскрикивает его жена, плачут дети. Она выскакивает из автомобиля, подбегает к мужу и щупает пульс. Друзья также подбегают. Жене кажется, что пульса нет, она бьется в истерике. Но друг – врач – нащупывает пульс на шее.

– Жив! Несем его в машину и едем в больницу. Срочно!

Он усаживает за руль своей машины жену, а сам едет с семьей Алексея.

В больнице врачи приводят Алексея в сознание и тщательно осматривают. Констатируют ожоги затылка, правой

руки и грудной клетки. Ступни – синие, как после удара тяжелым камнем.

Через неделю Алексей возвращается к нормальной жизни. Вскоре после травмы он чувствует в себе способность ощущать дискомфортное (патологическое) состояние больных людей, а еще через некоторое время понимает, что может устранять этот дискомфорт.

Алексей учится пользоваться полученным даром, помогает людям, устраняя серьезные заболевания, неизлечимые нынешней медициной. Приобретает мировую известность.

Сначала Алексей не хочет брать с людей деньги, но постепенно его засасывает трясина алчности. Он видит предостерегающий сон, но не внемлет предостережениям и продолжает накапливать богатство.

Алексей празднует свой 50-летний юбилей и во время празднования в ресторане выходит на веранду прохладиться (покурить?). Начинается дождь, Алексей вытягивает руку, подставляя под дождь. Внезапный удар молнии лишает его сознания. Придя в себя, он ощущает, что лишился дара, полученного столь чудесным образом.

Структура молнии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Молния>

Юлий Гарбузов

Удивительный ресторан (Не закончено)

Стасик заходит накануне Нового года в ресторан. Хозяин очень любезен. Он предлагает бесплатно любые блюда. Потом экскурсии. Попасты в этот ресторан может далеко не каждый, а только тот, кто в течение года (или более длительного срока не сделал ничего дурного, не подумал о плохом, делал хорошее. Стасик соглашается прилечь отдохнуть в отеле, который существует при ресторане. (?)

После пробуждения он обнаруживает эффекты замкнутого пространства, выходы в разные точки пространства-времени. Прошлое, будущее, Луна, Марс, Париж, Лондон, Брюссель и т. п. Вот только выхода в свой мир он не может найти. Спрашивает у людей, ищет хозяина. Ему, наконец, удастся найти выход в свой мир. Но там его никто не узнает – он в совершенно ином обличии. Приходится снова вернуться в тот самый ресторан. Но он исчез. Ясно, что для отыскания его нужно что-то придумать. Но что?..

Юлий Гарбузов

Мой трансцендентальный сон (Не закончено)

Хочу немного пообщаться с бумагой на неслужебную тему, в свое время настолько меня взволновавшую, что я до сих пор не могу прийти в себя. Воспоминания вызывают во мне душевное смятение необычайной силы, бурю эмоций, шквальные потоки воспоминаний о разнородных ощущениях. Если кто-то прочитает эти строки, он сочтет меня неизлечимо больным психически. То же подумал бы и я, прочтя подобную исповедь даже очень близко знакомого мне человека.

С октября 1985 года я хранил эту тайну, боясь кому-либо хотя бы косвенно намекнуть о пережитом мною во время болезни. Только беседа с сотрудницей (В. Бавыкиной) подтолкнула меня к тому, чтобы изложить пережитое на бумаге. Оказывается, она испытывала нечто подобное во время наркоза при взятии спинномозговой пункции весной 1985 года. Подобное же испытывали и другие люди, о чем свидетельствует анализ исторических событий. Были ли эти люди больны и находились ли под действием наркотических или иных средств эйфорического действия – в большинстве случаев остается только гадать.

Хочу начать по порядку, по возможности ничего не упус-

кая. Если вспомню потом еще что-либо, я не остановлюсь перед исправлением и даже коренной переработкой этих заметок.

Это было в 1985 году. Еще с января начались у меня головные боли, которые снимались только сильнодействующими болеутоляющими средствами. Особенно хорошо помогала «тройчатка» – анапирин. Пенталгин почему-то на меня почти не действовал. Сначала помогала одна таблетка «тройчатки», потом пришлось увеличить дозу до двух. Головные боли все учащались и к концу лета, редко какой день я обходился без анапирина. Боли были сильными, но терпимыми. Сопровождались легким поташниванием. И так до октября. Тогда у меня голова болела неделю подряд; боль удавалось только ослабить, но полностью снять – нет. От «тройчатки» сильнее тошнило, но не рвало.

И вот однажды вечером боль стала медленно нарастать с каждым ударом пульса. Тошнило, как никогда. Я лег спать в 21:00, проглотив две таблетки «тройчатки» и таблетку димедрола. Среди ночи проснулся от дикой головной боли. Локализация боли довольно быстро изменялась. Я натирал голову «золотой звездой», меновазином, но хотя бы частично ослабить боль не мог. Принял опять «тройчатку». Меня вырвало. И при ужасной боли! Боже! Какие это были муки! Я метался по квартире, орал, прижимался головой к стенам в углах спальни и прихожей. Боль только нарастала. Наконец я согласился вызвать «скорую».

«Скорая» приезжала трижды. Меня кололи анальгином, димедролом, эуфиллином и Бог знает, чем еще. А боль все нарастала. Я рад был терпеть любую внешнюю боль, лишь бы отвлечь внимание от дичайшей пульсирующей боли в голове, даже умереть.

Врачи констатировали спазм сосудов головного мозга. Они клали к моей голове грелку – то на затылок, то на темя, то куда-то там еще. Бесполезно. Я уже не мог сдерживать стона отчаяния.

Наконец уехала третья скорая, а я остался в цепких когтях умопомрачительной боли. Я уже и не стонал, только лежал и, стиснув зубы, терпел, призывая на выручку все ресурсы своего организма. Боль продолжала неистово свирепствовать с садистической неумолимостью. И тут, видимо, начали действовать введенные мне лекарства. Я стал впадать в какое-то оцепенение, и боль – нет, не прекратилась – словно перешла к кому-то другому, а я только как бы со стороны наблюдал ее адские атаки. Постель будто рухнула подо мной, а я начал падать, падать, падать... в темноту, все более удаляясь от того, у кого болела голова, и теряя с ним связь. Внезапно наступило облегчение, и тогда я увидел свет, какой-то спокойный равномерный свет, который лился сам по себе, вроде бы не имея никакого источника; просто было светло – и все. И я не видел – просто ощущал его каким-то непонятным образом. Я почувствовал себя совершенно иначе, чем когда-либо. Что это было за ощущение! Сейчас я не могу вспомнить

всего в деталях, да это к тому же невозможно описать категориями любого человеческого языка. Просто не существует языковых категорий, соответствующих тем понятиям, которые могли бы отобразить мое состояние. От того состояния остались только эмоции, которые с течением времени мне все труднее воскресить в себе. Воспоминания о них слабеют с каждым днем, что и заставило меня срочно написать об этом происшествии.

Постараюсь описать свои ощущения, хотя понимаю, что смогу это сделать весьма и весьма приближенно. Это вовсе не событие, скорее это напоминает комплекс ярких ощущений, удивительных по своей силе, необычности, неожиданности, полноте и новизне. При этом я не могу сказать, что я что-то видел, слышал и четко запомнил. Моей памяти удалось сохранить лишь жалкие обрывки воспоминаний. Хочу, дополнив их в какой-то мере фантазией (?), рассказать, что я испытал, во всяком случае, как мне это представляется, с трезвых сегодняшних позиций безо лжи и приукрашиваний, ибо никакая человеческая фантазия не способна создать столь яркие образы, краски, ассоциации, мощные вихри, потоки, разнообразие и упорядоченность. Но что бы я ни написал – это будет все равно не то – слишком далек мир наших повседневных образов от того, что я ощутил. Вероятно, сходным образом чувствовал бы себя житель времен палеолита, попади он в наш век, если бы ему показали автомобили, метро, кино, телевидение, компьютеры, космические

корабли и прочие чудеса современной техники. Притом, все сразу, параллельно. Но так, чтобы он самое основное все же кое-как понял. А потом вернули бы его в свое время, в свое общество. Разве смог бы он описать даже самым близким людям увиденное, чтобы ему поверили или хоть что-то поняли? Думаю, что по сравнению со мной он находился бы в куда более выгодном положении, ибо увиденное мною представляется мне иррациональным, невыразимым словами. И только образы способны хоть как-то, хоть что-то передать окружающим, близким мне по духу. Но, будь я художником или композитором, я бы, наверное, оказался в еще более затруднительном положении.

Итак, я ощутил себя в совершенно иной форме бытия. Не скажу, что я не осознавал необычности своего положения. Но я не испытывал любопытства человека, оказавшегося в новой, совершенно непривычной обстановке. Я не имел желания разведать, где тут что и как. Меня захлестнула волна восхищения, удивления, мною овладело потрясающее волнение, ощущение кипучести, необъяснимого восторга, поэтического вдохновения, яркости и четкости восприятия. И чего-то совершенно потрясающего, необыкновенного, пламенного, возвышенного, благородного, необъятного и чего-то еще, еще, еще... Чего-то самого-самого..., бодрого, буйного, ураганного, свободного, феноменального...

Словно до сих пор я жил в каком-то ограниченном пространстве и внезапно вырвался на необъятный простор,

ОСВОБОДИЛСЯ в самом невероятном смысле этого слова. Я ощутил, будто бы с меня внезапно кто-то невероятно могучий, скорее Всемогуший, снял какие-то особые ограничения, о которых я даже и не подозревал ранее. Мне словно открылись основополагающие истины во всей своей гениальной простоте, четкости, ясности, красоте и непосредственности. Нет, я не стал всезнающим. Но мне словно бы открылся доступ к ЗНАНИЮ всех уровней, к Всеобщей Гармонии Мира, к Совершенству и какому-то Абсолюту.

Это было неопишимо. Приятно ли это было? На этот вопрос ответить невозможно. Меня переполняли разнородные эмоции. Среди них были приятные и неприятные одновременно. Мне было радостно и печально, весело и грустно, торжественно и тоскливо. И так далее, и тому подобное, и еще во много раз сильнее, ярче и невероятнее. Я испытывал ужас и восторг, величие и ничтожность собственной личности одновременно. И все это параллельно, в комплексе! И никакой противоречивости – полнейшая гармония. Я ощущал присутствие какого-то Высшего Интеллекта, скорее Суперинтеллекта. Я был весь в Его власти и в то же время сохранял независимость, автономность собственной личности, полную свободу воли и мог удовлетворять любое свое желание. Если хотелось что-то узнать, мое сознание безошибочно находило ту ячейку, где хранилась интересующая меня информация в доступном мне виде. Я по желанию мог разворачивать ее, проникая все глубже в подробности и связи

с другими областями до бесконечности, в любую сторону. Я помню, что делал это, но впоследствии так и не смог воспроизвести в памяти никаких деталей.

Суперинтеллект общался со мной. Ничто не может сравниться с таким общением!словно какая-то необыкновенная, неопиcуемая волна эмоций накатывалась на меня, и мое сознание получало множество самых разных вопросов одновременно. Невозможно представить число этих вопросов, их объем и содержание, глубину или хотя бы примерный диапазон. Помню только, что это касалось моих желаний, взглядов, отношений, чувств, ассоциаций и чего-то еще, чего не могу припомнить, представить и описать. Остались только остаточные впечатления колоссальной глубины, неповторимые и неизгладимые. Малейшее усилие воли с моей стороны, и волна эмоций скатывалась с меня и уносила ответ сразу на все вопросы, причем истинный, правдивый. Солгать было невозможно. Можно было только не отвечать. ОН был добр и строг, на бесконечное число порядков превосходил меня во всем, но относился ко мне с уважением, не уязвляя моей личности, не принижая моего «Я» ни в чем ни на йоту.

Помню, что для меня перестали существовать тайны, я восторгался, как все просто. И это впечатляло, страшило, интриговало и воспаляло меня. Я видел сразу весь мир, всю вселенную с ее безграничностью, бесконечно малым началом, многомерную. Прошлое и будущее утратили всякий смысл. Я мог заглянуть в любую точку Пространства-вре-

ни, будь она в глубинах океана, в недрах звезд, в просторах Космоса и на любом отрезке времени. Любую человеческую жизнь я мог проследить от начала до конца, вникая по желанию в любые подробности, разобраться в любых деталях. Хочу еще раз подчеркнуть, я не помню этого конкретно, в памяти остались только ощущения, смутные образы и расплывчатые контуры. Все было рядом: далекое и близкое, во всех временах, словно свернутое в каких-то новых, не известных мне измерениях, количество которых неисчислимо. Стоило пожелать, хоть чуть-чуть напрячь волю, и я получал возможность развернуть нужный мне участок в любом измерении на любую протяженность. Кажется, я делал это, и ОН во всем помогал мне.

Помнится, будто я просматривал панораму собственной жизни, останавливался на интересующих меня деталях, анализировал отдельные поступки. И меня мучили то стыд, то раскаяние, то горечь, то досада, и очень редко оставались приятные впечатления. Помнится, будто некоторые мои поступки вызывали душевные мучения, словно язвы болели, кровоточили, мешали, саднили, терзали душу. В ЕГО власти было излечить меня от этих язв или оставить их болеть, напоминать о себе ВЕЧНО. Но для этого что-то от меня требовалось. Нужно было сделать некий выбор, принять какое-то важное решение, от которого зависело в моем бытии ВСЕ.

Я пытался рассмотреть свое будущее, но никак не смог в него проникнуть. Оно оставалось туманным.

Я просил ЕГО помочь мне, и ОН потребовал, чтобы я принял РЕШЕНИЕ. От НЕГО зависело все. Стоило только чуть-чуть напрячь волю – и конец всем сомнениям. Но это было неопишимо трудно, страшно. Слишком велики были неопределенность будущего, ответственность за принятое РЕШЕНИЕ и риск. Да-да, я чем-то очень рисковал. Меня никто не подталкивал ни на какое решение, принуждение исключалось, воля была свободна. Но РЕШЕНИЕ должно было вызвать необратимые последствия. Было ли мне ясно, что это за последствия – не помню. Скорее всего, оно определяло возможность возвращения к прежней форме бытия, казавшейся тогда такой примитивной. Это отношение к ней осталось во мне по сей день.

Кстати, мне вроде бы открылась вся ничтожность моих прежних забот и планов. Я вроде бы обрел способность определять подлинную цену всему на свете. Помнится, меня поразило контраст между ценами – одно ценилось очень высоко, другое очень низко. Одни долги были незначительны, другие – бесконечно велики. Меня мучил вопрос – чего больше – долгов или приобретенного, но для полной оценки этого тоже требовалось принять РЕШЕНИЕ.

Помнится, я метался в поисках его. Эти поиски возбуждали во мне вихрь эмоций, повергали в смятение. Отголоски этого эмоционального урагана еще живы во мне и вызывают цепи ассоциаций самого различного плана. Я обращался за советом к НЕМУ, но ОН молчал, словно переставал

существовать, когда я посылал ЕМУ этот вопрос. Тогда ОН представлялся чем-то холодным и бездушным. Сейчас это состояние ассоциируется у меня с какими-то строгими фигурами, схемами, формулами, законами материи. Когда же я обращался к НЕМУ с чем-либо не связанным с РЕШЕНИЕМ, ОН был воплощением всего живого, всей гармонии, доброты, отзывчивости, знаний, эмоций, откровения, четкости, логики, связности и всего-всего... Я имел доступ к каждому атому Вселенной, мог все узнать, но ничего не мог изменить. По-моему, от РЕШЕНИЯ зависело, сохраню я знания или нет, что-то важное, что-то очень важное, самое важное, решающее.

Я знал, что где-то есть такие же, как я, пытался добраться до них, чтобы испросить совета. Но для контакта с ними от меня тоже требовалось РЕШЕНИЕ.

Как трудно было принять это самое РЕШЕНИЕ!.. В трудностях было сосредоточено все: желание что-то узнать, муки совести, торжественность самого момента, страх за последствия, презрение к себе, ощущение какой-то острой необходимости, тревоги, возможности что-то исправить, изменить, в чем-то разобраться. Таких мук я не испытывал даже в самые ответственные моменты всей моей жизни. Я долго мучился...

Верх взял какой-то животный страх перед чудовищной неопределенностью. Не помню, чтобы я сказал «нет» или сформулировал какую-то мотивировку. Я только помню, что

прекратил колебания и твердо знал, что этим сделан выбор слабого человека.

Я почувствовал страшную усталость, измученность, вспомнил вдруг о недавней боли, о «скорых» и о работе, на которую не мог пойти. Открыв глаза, я в полумраке увидел спальню, светящееся табло электронных часов и свет в окне. Детали сна еще некоторое время держались в памяти, но таяли, ускользали от сознания одна за другой. А через несколько минут от них не осталось и следа. И только поток эмоций продолжал бушевать во мне, напоминая об ушедшем болезненном сновидении. Оно было настолько ярким, что впечатления о нем еще долго не оставят меня в покое.

Хотел ли бы я еще раз испытать такое? Скорее всего – нет. А вообще-то не могу сказать это достаточно ясно и четко.

Что было самым ярким в этом сне? Скорее всего, эмоциональное смятение, вызванное ощущением какого-то просветления. Теперь я вкладываю в это понятие совершенно особый смысл. Вполне возможно, что то же или что-то подобное испытывали и Шакьямуни, и Мухаммед, и многие из тех, кому никто не верил, кого считали лжецами и душевно больными. Пожалуй, от таких ощущений можно действительно свихнуться.

Но что это было? Кошмарный сон? Нирвана? Клиническая смерть? А может быть, это все одно и то же, но в разных формах, фазах, или на разных уровнях?

Я читал, что вышедшие из клинической смерти рассказы-

вали нечто подобное, напоминающее, хоть и весьма отдаленно, то, что видел в этом сне я.

Недавно о подобном сне мне рассказала моя коллега В. В. Бавыкина. Она видела его под наркозом, когда у нее брали спинномозговую пункцию. Об этом я уже писал. Может быть, это просто-напросто действие наркотика? Но почему же об этом не пишут специалисты и те, кто его испытывал? Ведь это так впечатляюще! Это просто невероятно! Сейчас, когда все позади, я после долгих колебаний могу сказать, что в этом сне я не имел сомнений, есть ли Бог. Смотри ЧТО им называть. Странно, что это говорю я, материалист до мозга кости, получивший атеистическое воспитание и воспитавший двоих детей в абсолютно атеистическом духе.

Я видел много различных кошмарных сновидений, но подобных этому еще не видел. И ни от кого, кроме Вероники о них не слышал; о чем-то хотя бы похожем. Сон был настолько ярок, что я, наверное, не перестану анализировать его до конца жизни. И лишь немногим доверенным людям смогу дать прочесть эти записи. Только испытавший нечто подобное не отнесется с недоверием к изложенному здесь в общих чертах содержанию моего сновидения. Все же остальные либо сочтут, что я помешался, либо решил позабавиться, сочинив всю эту историю от начала до конца.

Юлий Гарбузов

17 марта 1986 года, 0:35, понедельник

Харьков, Украина

[http://lib.aldebaran.ru/author/yankovskii_dmitrii/
yankovskii_dmitrii_virus_bessmertiya/
yankovskii_dmitrii_virus_bessmertiya__0.html](http://lib.aldebaran.ru/author/yankovskii_dmitrii/yankovskii_dmitrii_virus_bessmertiya/yankovskii_dmitrii_virus_bessmertiya__0.html)

Курсор отсчета времени (Не закончено)

Стареющий ученый-технарз узнает из научно-популярной телепередачи о важной роли вирусов в формировании человека и всего живого на Земле. Оказывается, чувство любви и моногамии – тоже продукт деятельности вирусов. Его осеняет идея создания вируса, вызывающего омоложение человека. Он начинает интересоваться вирусологией, читает специальную литературу, следит за публикациями и приобретает широкую эрудицию в этом направлении. Ученый интересуется процессом развития человека, его старения и смерти. Он ведет подробный дневник. Случайно он устанавливает, что физиология возраста определяется некой меткой, которая перемещается вдоль молекулярной цепочки гена возраста, и когда эта метка достигает ее конца, наступает смерть. Эту метку он называет курсором отсчета времени или биологического возраста. Далее он устанавливает, что эта система имеет 7-кратное резервирование, то есть 7 параллельных цепочек, и возрастные функции определяются положением метки с максимальным показателем. При этом сдвиг курсора вперед осуществить довольно просто. Проблема заключалась в том, как сдвинуть его назад. Ученый предпринимал множество попыток сделать это, но безуспешно.

Он понимает, что сдвинуть в обратную сторону все 7 параллельных меток сразу может только вирус. Ученый работает над созданием такого вируса и, в конце концов, ему это удастся. Он проводит эксперименты на животных, которые дают положительные результаты. После опыта на шимпанзе он решается проверить действие вируса на себе. Почти две недели ученый лежит с высокой температурой, мечется в бреду, а потом дело идет на поправку и он окончательно выздоравливает.

Вскоре после выздоровления он замечает прилив сил. Постепенно седой волос заменяется обычным. Лысина начинает медленно, но неуклонно зарастать. Восстанавливается интерес к женщинам. Мышцы приобретают нормальный тонус, прекращаются боли за грудиной, появляется жажда деятельности. Резко улучшается память. Старые знакомые, встретив его на улице, узнают его с трудом. Все замечают, что он помолодел. Сначала это звучит как шутка, а потом начинают говорить о его омоложении вполне серьезно.

И вот, убедившись на собственном опыте в эффективности своих трудов, он готовится опубликовать их результаты. Но однажды поздним вечером к нему приходят «люди в черном». Представившись представителями инопланетной сверхцивилизации, они уничтожают его и все, что связано с его открытием.

Юлий Гарбузов

Законы в нас самих (Не закончено)

В результате разворачивания сюжета выясняется, что законы природы обусловлены тем, что внушено нам свыше. Когда все перестанут в них верить – они перестанут существовать, и мир распадется, перестанет существовать. Это конец мира!

Пример – нарушение законов физики в Храме Воскресения (уточнить) Христова в Иерусалиме, когда по храму мечутся молнии, нисходит благодатный огонь, извержение огня из колонны.

Аномальные зоны, где нарушается гравитация, спиритические сеансы, искусственная легенда с мнимой могилой и духом, который потом живет по своей собственной истории и т. п.

Левитация восточных факиров, йоги и их способности, полеты во сне, телекинез, который противоречит закону сохранения энергии, телепатия, ПРЕДСКАЗАНИЕ БУДУЩЕГО – «Тщетность» о «Титанике».

Человек пытается найти суперкод в Библии, находит и узнает об этом.

Лунатик идет по краю крыши небоскреба и никогда не падает – он уверен, что не упадет. Идущий в атаку с уверенностью, что в него не попадет пуля, обычно всегда остается невредим. Пример – Валентин Громов и его друг – по рас-

сказам дяди Пети.

Стрельба по мишени хорошего стрелка, когда психологи говорили незнакомым зрителям, что это чемпион, дала великолепные результаты. А когда стрелял действительно мастер международного класса, а зрителей психологи убеждали в том, что это стрелок-любитель, самоучка, результат был очень плохим. Поэтому очень важна поддержка болельщиков для спортсмена любого ранга. Люди давно это знают.

Дрессировщик не боится зверей, и они его не трогают. Но стоит ему засомневаться, как он тут же станет жертвой. Известны бабки-колдуньи, которые брали в руки опаснейших змей, клали их за пазуху, и те не думали их трогать. Особенно слабоумные люди, которые не осознают, что чего-то не могут. Для них невозможного нет. Они творят чудеса. Вот почему люди считали их святыми и говорили, что Бог дурака хранил (и пьяного).

В состоянии гипноза человек делает то, чего никогда не умел: говорит на неизвестных ему языках, если верит в то, что он это может, пишет красивым почерком, хотя в жизни у него очень невыработанный почерк. Он пьет воду, думая, что это слабительное, и испытывает эффект действия слабительного препарата. Он нюхает аммиак, считая, что это духи и наслаждается. Дыхательные пути не раздражаются. Он спокойно ест лимон, считая, что это апельсин и наслаждается сладостью. Он с отвращением отворачивается от воды, если гипнотизер ему внушит. Что это нашатырный спирт.

Вот почему нет пророка в своем отечестве.

Талисманы, которые помогают, порча, проклятие.

Скептики своим присутствием портят важный эксперимент. Верящий в свою удачу, выигрывает в лотерею, в карты и прочие игры. Все знают, что в присутствии одних людей все приборы работают, как часы, а при других выходят из строя, дают сбои.

Воду можно превратить в вино – это не миф. Вино в воду тоже, хоть это и не так актуально. Алхимики тоже достигали цели, хотя современные ученые только скептически улыбаются, когда слышат об этом. Но имеется много свидетельств превращения различных металлов в золото. Если ученый поверит в то, что сделает серьезное открытие, то непременно сделает его. Вот почему только честный, чистый и порядочный человек способен быть ученым, писателем, композитором. Поэтому тот, кто начинает обращать свой талант в источник наживы, сразу же лишается его. Тогда невозможно верить в то, что ты – гениальный ученый, артист, писатель и т. д.

Открытия и великие произведения легче даются тем, у кого верят в их силы и помогают жены, дети, братья, сестры. К сожалению, таких очень и очень мало. Типично противоположное – все то же «нет пророка в своем отечестве».

Это явление по сути своей гораздо глубже и серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Кто написал суперкнигу? Кто вложил в нее суперкод? Все тонет в бесконечности. Следо-

вательно, это иррационально, как сам Космос...

Юлий Гарбузов

Еврейская притча (Не закончено)

Умер один еврей. На том свете его встречает старый ребе:

– Здравствуй, Абрам! Рад тебя видеть!

– Как здорово, ребе, что и Вы здесь! Будем вместе.

Живут день, живут два. живут месяц. Все у них есть. Стоит только пожелать. Климат отличный, развлечения, деликатесы, вино рекой. Стало им нудно. Абрам просит ребе:

– Нельзя ли посмотреть, как живут наши на Земле? Вы там ближе к начальству – как старожил спросите.

Ребе спросил. Их отпустили, как духов. Прилетели они на Землю. Всех видят, везде летают, но общаться ни с кем не могут. Посмотрели они, как мучаются их родные и близкие в мирских проблемах и возвратились назад. Им стало легче, что сами живут без проблем. Но прошел месяц. Снова все наскучило. Неинтересно жить без проблем. Абрам опять обращается к ребе:

– Уважаемый ребе! В прошлый раз Вы попросили показать нам Землю – стало легче. Попросите, пусть теперь покажут нам ад, чтобы стало еще легче.

Ребе отвечает:

– А где мы, по-твоему, находимся?

Юлий Гарбузов.

После службы в синагоге ребе останавливает одного ев-

рея.

– Лейб, на тебя люди жалуются. Ты, говорят, не задумываясь, можешь обидеть человека, оскорбить, устроить жуткий скандал и даже плюнуть человеку в лицо. Тебя уже сторонятся все наши прихожане.

– Что делать, ребе, такой уж у меня характер.

– Дорогой Лейб, характером управлять нужно. Сдерживайся, когда тебе кого-то обидеть хочется. А если уж ты кого обидел, нужно набраться мужества и попросить прощения.

– В том-то и дело, что я никак не могу сдержаться. А повиниться перед кем-либо, попросить прощения гордость не позволяет.

– Гордость нужно смирить. Ты же обидел человека, не он тебя. А если кто обидел тебя, его непременно простить нужно и никогда об этом не вспоминать. А сдержанности можно научиться. В общем, ты, Лейб, неплохой еврей. Хочешь, я дам тебе один совет, и тогда люди перестанут тебя сторониться?

– Ой, пожалуйста, помогите, дорогой ребе.

– Сделай вот что. Купи ящик крупных гвоздей и всякий раз, когда ты вольно или невольно обидишь человека, то независимо от того, кто из Вас виноват, вбивай гвоздь в свои ворота. А когда ты попросишь у обиженного тобой прощения, и он тебя простит, то непременно извлекай этот гвоздь.

– Да, но я только-только поставил новые ворота! Краска на них еще как следует не высохла!

– Делай, Лейб, что я тебе велел. Поговорим через год.

Купил Лейб гвоздей, вспомнил всех, кого обидел, и забил по гвоздю на каждый случай. Мешают гвозди – то поранится Лейб, то одежду порвет, то с кем-то из его семьи это случится. Стал он просить прощения у тех, кого обидел, и гвоздей на воротах заметно поубавилось. И новых все меньше стал в них заколачивать. Разозлится Лейб иной раз на кого-нибудь, раскроет рот, чтобы наговорить ему оскорблений, но вспомнит, что придется еще один гвоздь вбивать в новые ворота, прикусит язык и смолчит. В конце концов, вынул Лейб из ворот последний гвоздь, а новый вколачивать вроде бы и повода нет.

Тем временем год прошел.

– Ну, Лейб, как твои ворота? – спрашивает ребе. – Много ли в них еще гвоздей торчит?

– Ни одного, ребе. Спасибо Вам большое. Только одна беда – все ворота теперь поковырянные – от каждого гвоздя след остался. А ведь были совсем новенькие. Гвалт, как жалко!

– Что ж, Лейб, очень хорошо, что тебе больше не приходится вбивать и вынимать гвозди. Это значит, что ты вести себя с людьми научился и гордость смирил. А насчет следов вот что скажу. От каждой твоей обиды у человека в душе тоже след остался, который он до конца жизни носить будет.

Юлий Гарбузов

Национальный университет ХИРЭ (Не закончено)

Вот уже много лет я работаю в Харьковском институте радиоэлектроники. Во всяком случае, так он назывался до 1996 года, когда наш ВУЗ, как и все ВУЗы Украины переименовали в технический университет. ХИРЭ превратился в ХТУРЭ. И вот вчера, 21 сентября 2001 года представитель Министерства образования и науки Украины привез в Харьков приказ о присуждении нашему ВУЗу статуса национального. Теперь наш ХТУРЭ превратился в ХНУРЭ.

Что же это дало нам – преподавателям, студентам и сотрудникам? В отличие от перемен 1996 года вроде бы кое-что дало. Сейчас оклады преподавателей увеличились на 30 %, а с 1 января 2002 года предстоит увеличение окладов еще на 50 %. Итого по сравнению с концом 2000/2001 учебного года зарплата преподавателей нашего университета возрастет на 80 %. По международным меркам это, конечно, все равно мало, но какая-то тенденция роста все же ощущается.

Студенческие стипендии тоже возрастут, хотя по-прежнему они останутся копеечными.

Однако наши выпускники успешно работают во многих странах мира, в том числе и в Канаде, США, Австралии, Бельгии, Нидерландах, Аргентине, Германии, Израиле

и многих других.

Стоимость подготовки специалиста в нашем университете относительно невелика, а качество – не хуже, чем во многих европейских университетах с мировым именем.

Из иностранцев раньше мы готовили только граждан стран Африки, Азии и Латинской Америки. Но в этом году нами заинтересовались выпускники школ Австралии, Израиля и некоторых европейских стран.

Как ветеран университета я был приглашен принять участие в торжественной церемонии, посвященной присуждению статуса национальных Харьковским государственным университетам – радиоэлектроники и автомобильно-дорожному, намеченную на 11:00 21.09.2001 года в помещении Харьковского театра Оперы и Балета. Пригласительных билетов на университет выделили мало, поэтому приглашены были далеко не все мои коллеги, и билеты достались нам в разных местах. И тут выяснилось, что указанного в моем билете тридцать седьмого места в тридцатом ряду в театре не существует. В зале-то всего двадцать два ряда! Настроение было испорчено. Я разыскал нашего устроителя и высказал ему свое возмущение по этому поводу. Но он только беспомощно развел руками и стал лепетать какие-то бессвязные оправдания.

Наш разговор услышали представители прессы и предложили мне место в третьем ряду, куда мы вместе и последовали. Я вынул диктофон и тоже стал похож на представителя

масс-медиа.

Церемония началась ровно в 11:00. На сцену легко и стремительно выбежали хористы, столь же быстро построились и дружно грянули гимн во славу Украине полетела вдоль рядов. Представитель городской администрации Харькова произнес славословие в адрес нашей молодой державы и ее президента Кучмы. Потом заиграли Государственный гимн, и все встали. Но две дамочки демонстративно продолжали сидеть с перекошенными от злобы лицами – не признают независимости Украины даже спустя десять лет после ее провозглашения. Люди искоса поглядывали в их сторону и снисходительно улыбались.

Внесли Государственный флаг Украины и флаги наших университетов – радиоэлектроники и автодорожного. Представитель Министерства образования и науки Украины зачитал и вручил ректорам университетов Указ о присуждении им статуса национальных. Как и положено, ректоры выступили с ответными речами, в которых благодарили министра, министерство, президента, городские и областные власти, своих преподавателей и еще многих, имеющих хоть какое-то отношение к нашим университетам и их возвышению в статус национальных.

Потом на сцену выпорхнула очаровательная солистка и исполнила вальс. Удивительно, но после казенных чиновничьих речей этот вальс как по волшебству поднял мое настроение. Слушать эту задушевную мелодию в исполнении та-

кой солистки я готов был сколько угодно, даже не замечая неумолимого хода времени. Но вот вальс закончился. Бурные и громкие аплодисменты. Солистку одарили цветами. Она сбежала со сцены и словно бабочка понеслась по залу, раздавая зрителям только что полученные букеты. Один из них – огромный букет роскошных роз – достался мне, чему я несказанно обрадовался. Но за все приходится расплачиваться. Сидевшая рядом белокурая журналистка наклонилась к букету и, закрыв от упоения глаза, понюхала розы: «Какая прелесть!» Я с улыбкой протянул ей букет. «Возьмите – это Вам.» Она была неподдельно счастлива...

А на сцене буйствовал стремительный праздничный концерт.

Юлий Гарбузов

Этот сайт предназначен:

1. для людей, которые сознательно занимаются поисками своего «Я» и смысла жизни;
2. свободных от влияния сложившихся общественных стереотипов и иллюзий;
3. понимающих, как безгранично велико количество заблуждений, принимаемых человечеством за истину.

Создатели ресурса надеются, что материалы этих страниц откроют посетителям новые горизонты понимания привычных вещей и причин явлений.

Мы не занимаемся созданием утопий и идеального общества, потому что многие из Вас, после прочтения данных материалов, на следующий же день забудут обо всем этом и окупнутся в привычную жизнь.

Пока мы сами не научимся жить в полной осознанности и видеть причины, которые привели к установлению распространенных стереотипов, пока сами не захотим изменить и отбросить человеческое неведение – все так и останется неизменным.

И согласно нашей теории мировые изменения начнутся только тогда, когда число думающих превысит число идущих на поводу своего же незнания.